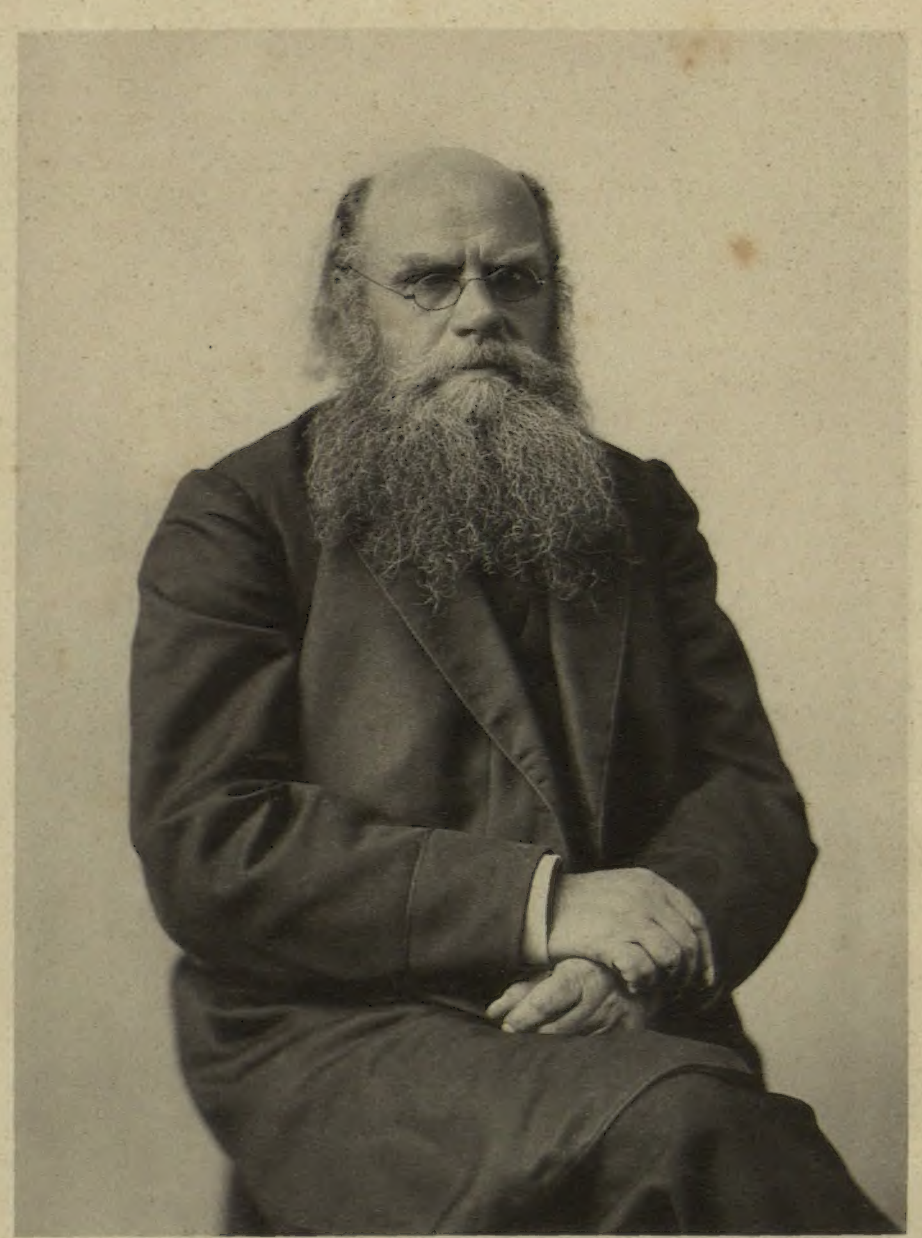
Златовратский Н. Н.
Сочинения. Т. 1.

М., 1897.

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

Н. Златовратскій

СОЧИНЕНІЯ

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

(дополненное).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПОВѢСТИ, ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее *третье* изданіе вошло все, помѣщенное въ предыдущемъ, а также и то, что было издано въ послѣдніе годы подъ рубрикой «Новые разсказы», и затѣмъ нѣкоторые изъ разсказовъ и очерковъ, не появлявшихся раньше въ отдѣльныхъ изданіяхъ.

Въ виду этихъ дополненій, а также и бóльшаго удобства въ распредѣленіи матеріала, настоящее изданіе сдѣлано въ *трехъ* томахъ, при чемъ въ *первый* томъ включены повѣсти и разсказы, непосредственно касающіеся народной жизни, *во второй* — романъ «Устои» (исторія одной деревни) и имѣющіе къ ней наиболѣе близкое отношеніе — «Очерки крестьянской общины» (ранѣе изданные отдѣльно подъ названіемъ «Деревенскіе будни»), и *въ третій* — повѣсти и разсказы, печатавшіеся въ періоды 1878 — 1883 и 1884—95 г.г.

Н. З.

РАЗСКАЗЫ ЗАВОДСКАГО ХЛОПЦА.

(Посв. А. И. Левитову).

РАЗСКАЗЫ ЗАВОДСКАГО ХЛОПЦА.

I.

ШАПКА.

Говорятъ, что есть такіе заводы и фабрики, гдѣ рабочему люду жить весело. Можетъ-быть. Нѣтъ, вотъ на нашихъ маленькихъ стеклянныхъ заводахъ, которыхъ довольно раскидано въ дебряхъ лѣсовъ и новгородскихъ, и муромскихъ, тяжко работать, невесело жить. Посмотрите на нашъ народъ: въ чемъ только душа держится, жизни не видно, грустно за человѣка...

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, какъ баринъ (владѣлецъ нашего огромнаго лѣса) построилъ заводикъ въ глуши, вдали отъ міра Божьяго; пригласилъ мастеровъ, переселилъ къ нимъ изъ деревень мужичковъ на подмогу—и пошла работа: отцы—мастера, ребятишки съ семи лѣтъ—хлопцы; помретъ отецъ—сынишка-хлопецъ становится мастеромъ къ отцовскому горшку, а хлопцемъ становитъ младшаго братишку или, если есть, такъ сынишку... Такъ изъ рода въ родъ и переходило мастерство.

Провіантъ, одежда и все, какъ и вездѣ, выдавалось отъ завода. Чего же лучше? Работай—сытъ будешь... Незачѣмъ тебѣ и выглядывать изъ-за сумрачныхъ стѣнъ дремучаго лѣса на міръ Божій: все это за тебя начальство посмотритъ, все тебѣ купитъ и еще въ долгъ дастъ, а коли въ долгъ дастъ, такъ если бы захотѣлъ уйти — не уйдешь... Опять спрашиваю: чѣмъ же плохо? чего же лучше? Да, хорошо, говорятъ, и лучше ничего не надо. Не такъ полагаю я, потому что вѣрю сказавшему: „не единымъ хлѣбомъ живъ бываетъ человѣкъ“.

Работаетъ молодой хлопецъ у жаркой печи; становится хлопецъ парнемъ — беретъ за себя дѣвку изъ сосѣдней избенки; дѣлается хлопецъ мастеромъ—и снова стоитъ у той же раскаленной, пылающей печи, гдѣ не выстоять вамъ, непривычнымъ людямъ. Стоитъ онъ въ жаркое лѣто, стоитъ и въ студеную зиму; а буйные, нездоровые вѣтры, разгуливающіе сквозь щели рабочаго сарая, обдаютъ его раскаленное тѣло холодомъ; въ сорокъ, въ пятьдесятъ лѣтъ отдаетъ мастеръ душу Богу... Кто это померъ?—человѣкъ...

Не великъ нашъ заводъ. Тридцать, сорокъ избушекъ, едва поднявшихся отъ земли, съ двумя, тремя окнами, уцѣпившись одна за другую, вытянулись въ рядокъ; передъ избушками луговинка, за луговиной лѣсъ. Направо, при въѣздѣ, на юру, контора, налѣво *гута*—большой почернѣвшій сарай, съ высокою (пролетомъ) крышей; въ сараѣ двѣ печи, гдѣ варится стекло; въ печи 1,500° постоянно... И идутъ отъ нашихъ избушекъ, вмѣсто улицъ и дорогъ, протоптанныя тропинки къ этимъ двумъ пунктамъ, гдѣ заключены цѣли бытія нашего: по одной гуськомъ ежедневно рабочій людъ ходитъ въ гуту, по другой (въ воскресный день)—въ контору и въ деревенскій кабакъ.

Бабы у насъ на заводскихъ работахъ не бываютъ, да и дома имъ дѣлать нечего: скотъ рѣдко-рѣдко у кого есть, лошадей вовсе нѣтъ. Въ зиму выткетъ которая-нибудь рубахи три, четыре—хорошо; на сторону работать некуда—все далеко. Лѣтомъ въ лѣсъ ходятъ за ягодами, за

грибами, а то, по полднямъ, лежатъ на луговинѣ да „ищутся“.

Послѣ субботняго шабаша выйдетъ нашъ рабочій людъ изъ гуты, не торопясь поѣстъ—и на печь, а то другіе выйдутъ на завальни, почешутся, посмотрятъ—и тоже спать. Въ воскресенье получатъ провіантъ, пропьютъ малость изъ него въ кабакѣ, потопчутся къ вечеру на луговинѣ, помотаются изъ угла въ уголъ, словно ищутъ чего-то ихъ тоскливыя души...

Чего же это ищетъ тоскливая рабочая душа?

Подъ лѣтній вечеръ воскреснаго дня засидѣли рабочіе на завалинкахъ у своихъ малыхъ избушекъ. Подходитъ къ нимъ человѣкъ-мужичокъ, старый, съ котомкой за плечами, лысый, съ длинною широкою бородой, съ такими смѣющимися и добрыми глазами, что рады были рабочіе люди, еще слова не сказавши, пришлому человѣку.

— Заводскимъ людямъ, наше вамъ!—привѣтствовалъ незнакомый гость.

— Добраго здоровья, пришлый человѣкъ,—отвѣчала кучка заводскаго люда.

— Примите ли, други, меня, стараго, къ себѣ?

— Поди въ контору, скажутъ тамъ...

— Не съ конторой, други, жить мнѣ, а съ вами...

— Милости просимъ. Будемъ рады, коли съ душой человѣкъ.

— Я, други, душу имѣю! Много терпѣлъ, а душу сберегъ.

Понравилось то слово рабочему люду.

— Только, вѣдь, вольный я,—сказалъ старикъ и устыдился словно чего.

— Пора тебѣ, дѣдушка, пора и вольнымъ быть... Наработалъ, чай, на свой вѣкъ...

— На тебѣ, дѣдъ, не взыщется, тебѣ это въ грѣхъ не поставится... Одинокій ты?

— Одинокій, други; почему жъ и вольный?... А зовутъ меня Ѳадеемъ, а прозвищемъ Ильичъ.

Присѣлъ Ѳадей Ильичъ и сталъ разсказывать свою рабочую повѣсть: и какъ онъ хлопцемъ былъ, и какъ на заводахъ и фабрикахъ жилъ, на какихъ машинахъ работалъ, и какъ, подъ его старые годы, работа ему тяжкая стала невыносна, руки не поднимались, какъ онъ бросилъ все и сталъ вольнымъ.

— И пошелъ я, братики, вольный человѣкъ, по заводамъ и много-много я исходилъ ихъ, много люда разнаго видѣлъ, и вездѣ люди заводскіе любили меня, потому приходилъ я къ нимъ съ добрымъ словомъ, съ утѣшеніемъ и веселіемъ... Пришелъ я къ вамъ, братики, въ ваши дремучіе лѣса, привѣтъ вамъ принесъ отъ мірского люда, что̀ живетъ за вашими лѣсами... Примете меня—будемъ въ дружбѣ жить, и умирать здѣсь останусь, потому что некуды мнѣ итти—старъ сталъ... Немного мнѣ, милые, надыть: хлѣбушка да водки, да добраго слова отъ добрыхъ вашихъ душъ—и умирай старикъ... И запой, старче, пока живъ, пѣсню въ усладу заводскому люду!

И запѣлъ Ѳаддей Ильичъ пѣсню, и заигралъ на гармоникѣ, вынувъ ее изъ своей котомки. А ужъ около него куча растетъ и растетъ. Лежитъ рабочій на печкѣ, спозаранку завалясь на бокъ, и вслушивается. „Что это такое на нашей улицѣ за праздникъ и что это за новыя пѣсни, за веселье рѣдкое у насъ явилось?“ думаетъ онъ. Соскочитъ рабочій съ печи, натянетъ на плечи армякъ и выйдетъ на улицу, и станетъ въ кучу около Ѳаддея Ильча; а Ѳаддей Ильичъ отъ грустной пѣсни уже переходитъ постепенно въ высшія ноты, къ „барынѣ съ перехватомъ“.

— Братцы!—вскрикиваетъ рабочій народъ,—и что это у насъ за человѣкъ проявился, старецъ Божій?..

— Я, милые, и сапоги шить умѣю,—вдругъ, прервавъ на минуту свою пѣсню, поражаетъ Фаддей Ильичъ.

— Ахъ ты, Господи... и сапоги шить умѣетъ!—удивляются рабочіе.

— И на дудкѣ, и на рожкѣ пастушьемъ, на свирели, разныя пѣсни и танцы играю.

— А ты слышь, братцы, и на дудкѣ!

А Ѳаддей Ильичъ, не переставая, все выше и выше поднимаетъ голосъ, все громче и рѣзче надрывается его гармоника.

— На гитарѣ, други мои, способенъ!—вдругъ опять поражаетъ Ѳаддей Ильичъ, такъ что рабочій людъ отъ удивленія и слова не можетъ сказать.

— Братцы!—только крикнулъ кто-то,—идемъ въ кабакъ, вольнаго человѣка побалуемъ... И какіе это вѣтры занесли къ намъ такого старца?

— А тѣ вѣтры, други любезные,—объясняетъ Ѳаддей Ильичъ толпѣ, когда она направилась къ кабаку въ ближнюю деревню,—тѣ вѣтры, что̀ рабочій людъ по разнымъ далекимъ мѣстамъ разбрасываютъ, тѣ вѣтры, что отъ меня, старика, дѣтей моихъ, сродственниковъ моихъ по разнымъ городамъ разнесли... и пришлось старику одному умирать...

— Не умрешь, дѣдъ, одинъ... Мы тебѣ, дѣдъ, что сродственники твои будемъ; тебя лаской не покинемъ,—утѣшаютъ его рабочіе въ кабакѣ.—Пей, душа, молодъ будешь!

— Други! шире! Раздайся теперича!— крикнулъ Ѳаддей Ильичъ, выпивъ водки, утершись полой и сбросивъ съ плечъ армячишко.

Раздался рабочій народъ и Ѳаддей Ильичъ пустился въ буйный танецъ—присядку, въ такой буйный, въ такой утѣшительный, что самъ кабатчикъ вышелъ и подошли деревенскіе мужики посмотрѣть на вольнаго старца.

— Боже ты мой, и приведетъ ли царь небесный намъ дожить до вольной старости и съ душою доброй, съ людскою любовью кости положить?—вздыхало старое поколѣніе, ложась на печь и дивуясь на душу Ѳаддея Ильича.

Поселился у насъ Ѳаддей Ильичъ на заводской кузницѣ, одинокій; потому на кузницѣ, что человѣкъ онъ вольный и, по старости его, работы на этой кузницѣ немного. Ранымъ-ранехонько рабочіе уже слышатъ стукъ его молотковъ и его старческое ворчаніе. Мужикъ съ деревни къ нему придетъ подкову поправить, шину натянуть, присядетъ у него на чурбанѣ, а онъ начнетъ ему дивную повѣсть про то, какъ машины рубахи работаютъ, чулки вяжутъ, а самъ тянетъ и тянетъ свою маленькую черепковую трубочку.

— Дивны дѣла Господни!—удивляется мужикъ и слушаетъ до тѣхъ поръ, пока стукнетъ Ѳаддей Ильичъ молоткомъ послѣдній разъ, сброситъ съ наковальни готовую подкову, сунетъ въ карманъ трубку и скажетъ:

— Ну, другъ любезный, ступай... А то сейчасъ за тобой жена придетъ, и мнѣ, и тебѣ отъ супруги твоей достанется... Такъ ты уши-то не развѣшивай!

Сконфузится зазѣвавшійся мужикъ.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, ужъ я тебя за эти разсказы твои по малости угощу,— скажетъ онъ.

И пойдутъ они съ Ѳаддеемъ Ильичемъ въ кабакъ.

А къ полдню Ѳаддей Ильичъ ужъ непремѣнно въ гутѣ, гдѣ ждетъ его заскучавшій народъ, безмолвно работая у раскаленныхъ печей.

— Н-ну, милый Ѳаддей Ильичъ, жарь!— кричитъ себѣ въ гутѣ подпившій кузнецъ, начиная отхватывать трепака на утоптанномъ глиняномъ полу между печами.

— Публика, чувствуй!—снова кричитъ онъ и, замирая, съ нетерпѣніемъ бьетъ о полъ разбитыми сапогами подъ звукъ гармоники, и только его старая вспотѣвшая лысина то высоко поднимается при высокомъ скачкѣ, то снова упадаетъ чуть не къ самому полу.

— Ну, ну, Ильичъ, души!... Ахъ, штобъ тебя прорвало... Ха-ха-ха! — замѣчаетъ публика, успѣвъ въ это время выдуть какую-нибудь посудину и, пользуясь минутой, садануть махорки.

— Вотъ онъ человѣкъ-то душа!... Ахъ, штобъ... кабы да мнѣ!—говоритъ какой-то мастерище и бросается предъ Ильичемъ, но сейчасъ же, сдѣлавъ два колѣна, плюетъ, машетъ рукой и, съ сожалѣніемъ улыбаясь, хватается вновь за трубку и вновь выдуваетъ графинъ за графиномъ.

— Ахъ ты, Божій человѣкъ, старый кузнечище!—взываетъ кто-то.—И что это, братцы, человѣку за линія въ жизни выйдетъ: и пьянъ человѣкъ, и веселъ человѣкъ, и душа добрая?...

— Жги, другъ мой сердечный, Ѳаддей Ильичъ... Дрробь! — кричитъ опять кузнецъ.—Не даромъ наше веселье!

И „жжетъ“ Ильичъ, и выкидываетъ какое-нибудь колѣнце на потѣху и увеселеніе работающей публики. А работающая публика отвѣтитъ дружнымъ хохотомъ, когда Ильичъ старческимъ и увеселяющимъ голосомъ задеретъ городскую пѣсню, грустную до того, что чуть самъ старикъ не всплачетъ, и потомъ, въ мѣстѣ самой великой грусти, гдѣ пѣсня поетъ: „есть много злата, серебра,—кому ихъ подарю“, онъ вдругъ прорвется разухабистымъ куплетцемъ:

Мушкетеръ, мушкетеръ
На полатяхъ рѣдьку теръ!

и покончитъ торжественно, протянувъ высокимъ голосомъ:

рѣ-ѣдь-ку те-е-ръ...

И долго балуется старый Ильичъ, пока не устанетъ его дряхлое тѣло или пока ближній сосѣдскій мужичокъ не заглянетъ въ гуту и не удивится:

— И што это намъ со старымъ кузнецомъ подѣлать! Ай-ай-ай! Совсѣмъ онъ не сохранитъ свою душу съ бѣсовскими плясками.

— Нѣтъ, другъ, Ильичу зачтется это,— откликаются мастера, — потому душа у него добрая, любящая...

— Похлыстать бы старичка слѣдова-

ло... Ну, да Богъ съ нимъ, съ его весельемъ скорбнымъ. Сичасъ онъ мнѣ сошничокъ направитъ.

— Пойдемъ, милый человѣкъ, пойдемъ... Эхъ, братцы, совсѣмъ я съ вами мастерство свое трудное забылъ, — скажетъ старый Ильичъ и направится къ своей кузницѣ.

А мастеровщинѣ опять весело, и долго еще они, улыбаясь, перемигиваются между собой или, встряхивая волосами, острятъ надъ труднымъ ремесломъ Ѳаддея Ильича.

—

Любилъ выпить Ѳаддей Ильичъ, нечего грѣха таить. Да и какъ же вольные люди на свѣтъ являются? Работаетъ человѣкъ работу тяжкую, заноетъ спина, затоскуетъ тѣло; выпьетъ человѣкъ—веселѣе, выпьетъ еще—штрафъ ставятъ, онъ еще — еще штрафъ, посмотритъ пьющій человѣкъ, плюнетъ, крикнетъ: „вольный!“—и запьетъ, и пойдетъ странствовать, пойдетъ искать тихаго, сладкаго мѣста, гдѣ бы отдохнуть отъ безустанной работы духомъ и тѣломъ и въ душевномъ мирѣ отдать землѣ кости свои.

Разныя средства зналъ Ѳаддей Ильичъ какъ доставать водку; но чаще, по привычкѣ, прибѣгалъ къ одной штукѣ, которая хорошо извѣстна и заводскому рабочему люду, и заводскому начальству. Печальная эта штука, грустная штука; говоритъ она, эта отчаянная штука, о великомъ человѣческомъ горѣ, о великой тягости жизни народной.

Собирается утромъ въ воскресный день народъ въ конторѣ.

— Добраго здоровья... Съ праздничкомъ.

— Здорово, что требуется?—допрашиваетъ конторщикъ.

— Да, вѣдь, знамо, Силъ Карпычъ, за пропитаніемъ...

— Ну, говори, Тимошка, сколько?

— Да ужъ мѣшечка бы два нужно.

— Ты съ ума, што ли, спятилъ?

— Да, Силъ Карпычъ, тоже, вѣдь, наше дѣло женатое.

— Сколько семьи?

— Восьмеро.

— Экъ тебя прорвало! — отзывается, входя, управляющій нашъ, толстый, здоровый мужикъ-маклачище. — А вы вотъ что, ребята, посдерживайтесь... Такъ-то!.. Эдакъ, вѣдь, нельзя... зря... Народъ мы съ вами небогатый... А заводу тоже отъ вашихъ похотей убытки терпѣть не приходится...

— Это точно, Ѳедулъ Иванычъ, что нужно посдерживаться,—отвѣчаютъ, улыбаясь, рабочіе,—ну, а тоже, вѣдь, и то сказать... вотъ что!

Сталъ конторщикъ отсчитывать, кому что, а въ это время ужъ показалась лысая голова Ѳаддея Ильича.

— А! мужички мои, за провіантомъ?—кричитъ онъ.—Хорошее дѣло... Здрасте!

— Здорово дѣдъ,—отвѣчаютъ рабочіе.

— А мнѣ бы, Силъ Карпычъ, шапочку,—запѣваетъ свою любимую и всегдашнюю пѣсню Ильичъ на ухо писаря, любуясь на хитро заткнутое за это писарьное ухо перо.

— Да куда ты ихъ, дьяволъ, дѣваешь? Жрешь, што ли?

— Поизнашивается...

— Врешь, принеси старую, покажи...

— Гм... Чудакъ человѣкъ! Она, другъ, совсѣмъ развалилась...

— Врешь...

— Вотъ ей-Богу... То-ись совсѣмъ никуда не годится.

— Нѣтъ, братъ, ты ужъ двѣ шапки взялъ,—будетъ...

— Не дашь?

— Не дамъ.

— Ну, въ ротъ тебѣ курицу! — обругался Ильичъ. — Ѳедулъ Иванычъ, — крикнулъ онъ управляющему, — прикажите!..

— Чего еще?

— Шапочку бы... Не могу я съ своею лысиной...

— А ты лысину-то заклеилъ бы... вотъ што, — присовѣтываетъ управляющій. — Не проѣдайся!

— Да полно, Ѳедулъ Иванычъ, што дурачишься!...

— Уйди.

— Ахъ ты провалъ васъ возьми!... Такъ и не дашь?

— Чего? Въ шею дамъ.

— А шапку!

— Уходи.

— Ну, косушку водки дашь?

— Силъ Карпычъ, да толкни ты его въ затылокъ, подлеца.

Налетаетъ Силъ Карпычъ.

— Нѣтъ, ты погоди, другъ... Братцы, што дѣлать? Присовѣтуйте...

Собравшіеся глупые ребятишки только пялятъ свои сѣрые глазенки въ отвѣтъ на сердечную просьбу Ильича.

— Ѳедулъ Иванычъ,—рѣшается Иль-

ичъ, — въ ножки поклонюсь, — дай шапку... И-не могу я безъ шапки...

— Ну, кланяйся...

Силъ Карпычъ, быстро сообразивъ писаринымъ умомъ своимъ, пихнулъ сзади колѣнкой Ильича.

— Ха-ха-ха! Ну, и ступай.

— Ѳедулъ Иванычъ, потѣшу!...

— Ха-ха-ха!... Иди на головѣ...

Упираетъ управляющій въ бока руки.

— Изволь, дашь?

— Ну...

И старается старецъ Ѳаддей Ильичъ поднять свое дряхлое тѣло, вставъ на голую голову и руки.

— Ха-ха! Лысину-то запачкалъ!... Ха-ха! Жена!

— Карпычъ, позови жену... Ха-ха-ха!

— Жена! смотри... Квилибристъ! Ха-ха-ха! Ну, вертись колесомъ.

Перевертывается Ѳаддей Ильичъ.

— Ха-ха-ха!... Жена! а? Увеселитель!... Дай ему водки... Ну, Ѳаддей, послѣднюю шапку отдаю... Только единственно за одно мое удовольствіе.

— Ужъ ладно...

Ѳаддей Ильичъ, улыбаясь, пьетъ водку, надѣваетъ новую шапку и, не то стыдливо, не то съ удовольствіемъ тайнымъ, посмѣиваясь, идетъ къ кабаку.

— Шапка! — кричитъ въ кабачкѣ Ѳаддей Ильичъ, высоко поднявъ это новую шапку надъ головами кабацкихъ гостей.

— Ахъ-ха-ха-ха! — восклицаетъ кабакъ вмѣстѣ съ веселымъ кабатчикомъ, показывая пальцами на новую шапку Ѳаддея Ильича. — Вотъ она, шапка-то!

— И уморитъ, братцы, насъ когда-нибудь этотъ старичокъ потѣшный...

— Ну, и что жъ, старецъ, эта шапочка твоя—отъ унынія? — говоритъ кабатчикъ.

— Отъ унынія, друже... Потому шапочка эта скорбная...

— Скорбная?

— Скорбная.

— А почему жъ она скорбная?

— А потому, что изъ-за нея, вотъ изъ-за этой шапки, тѣло человѣческое ломалось, кости старыя ныли, вольный человѣкъ этою шапкой закрѣпощается, чтобъ только великое уныніе отъ сердца своего отогнать... Братцы, вы меня за эту шапку не обезсудьте!—крикнетъ уныло Ильичъ кабацкимъ гостямъ.

— Полно, дѣдъ...

— Ей, этой шапкой немудрой, моя и ваша слеза закуплена...

— Ну, и давай же я тебѣ, старый кузнецъ, полштофъ поставлю за эту твою дорогую шапку.

— Ставь, малый! А мы тѣмъ временемъ веселье наше малое, веселье нехитрое настроимъ!...

Такъ-то любовно и зажили мы, заводскіе люди, съ Ѳаддеемъ Ильичемъ. Словно по-новому зажили мы, слушая его повѣсти чудныя да утѣшаясь его весельемъ. Подошло время къ празднику Рождеству; смотримъ, сталъ нашъ Ѳаддей Ильичъ задумывать что-то, водку перестала пить и въ гуту ходилъ рѣже; только съ утра до поздняго вечера слышался стукъ его молота, или уходилъ онъ по окрестнымъ селамъ и забиралъ работу.

Сидимъ мы въ одинъ день, въ послѣобѣденное время, въ гутѣ, вокругъ печекъ грѣемся да трубки куримъ пока до работы, молча, потому молча, что не было тутъ Ѳаддея Ильича, который бы пѣснью своей веселой изъ души рабочаго люда сердечный смѣхъ вызвалъ. И вошелъ вдругъ къ намъ Ильичъ, веселый.

— Ну, братики, попрощаться я пришелъ съ вами, — сказалъ онъ, смѣясь своими добрыми глазами.

— Што жъ, дѣдушка Ильичъ, или мы на тебя тоску навели? Или душа твоя вольная стосковалась по мірской жизни?

— Встосковалась, други... Только и въ мысляхъ я не имѣлъ оставлять васъ... А хочу я, братики, въ городъ сходить передъ праздничкомъ: угодникамъ поклониться за свою душу грѣшную и отъ васъ, людей несвободныхъ, тѣмъ угодникамъ свѣчку поставить... А потомъ хочу я для васъ, рабочіе люди, и мірскія дѣла справить, кому что передъ праздничкомъ потребно: письмецо ли къ сродственничкамъ, поклонъ ли доброму человѣку передать, подарокъ ли какой закупить... Собирайся, братцы, говори старому дѣду... Старый дѣдъ за несвободныхъ людей потрудится...

— Ахъ ты, дѣдъ нашъ любящій... И какое великое дѣло задумалъ онъ для рабочаго люда!

— И повѣстей разныхъ въ томъ городѣ наберуся, и буду вамъ тѣ повѣсти въ святые вечера сказывать,—все задушевнѣе говорилъ Ѳаддей Ильичъ, а его

добрые глаза все ярче и ярче свѣтились, радуясь ребяческой радости народной.— И пѣсню новую городскую заучу въ кабачкѣ... И буду эту пѣсню твердить, какъ изъ города пойду вашими дремучими лѣсами... А про такой кабачокъ сказалъ ужъ мнѣ Василій-Бѣда...

— Зайди, дѣдъ!.. И что это за кабачокъ чудесный! — откликнулся Василій-Бѣда. — Пять лѣтъ я не могу этого кабачка забыть... И пѣсенъ ты тамъ, дѣдъ, разныхъ заучишь... Милыя пѣсни!

— Ахъ, штобъ-те, какой кабачокъ чудесный!.. Зайду, други, и въ кабачокъ этотъ... И къ чиновницѣ Вертихвостовой поклониться заверну... Молвила ужъ мнѣ Матрена, что чиновница та, Вертихвостова, ее, Матрену, страннюю привѣчала...

— И къ чиновницѣ зайдешь?—удивлялись рабочіе люди.

— И курку Палагеи-старушки запродамъ, а на тѣ деньги ей бѣлый платъ куплю, да свѣчку передъ Пятницей-Прасковеей затеплю...

— Ахъ ты, старецъ нашъ, святая душа!

— Гитару—струментъ веселый, милые мои, закуплю!.. Такъ-то! Ходокъ я на этомъ струментѣ веселомъ... И денегъ запасъ я на этотъ струментъ...

— Боже ты нашъ! И что это за великій праздникъ у насъ будетъ!— такъ взывалъ нашъ рабочій людъ.

— Несите, други, къ дѣду нужды свои... Дѣдъ тѣ нужды ваши справитъ,— говорилъ Өаддей Ильичъ.—А вы, малые хлопцы, крѣпче молитесь за старца, чтобы въ дебряхъ лѣсныхъ не заѣли его ваши волки, не занесли лютыя вьюги...

— Ладно, Ильичъ, мы тебя чудесно отъ своихъ волковъ отмолимъ! — отозвались весело хлопцы.

Къ вечеру уже не было на заводѣ Өаддея Ильича, ушелъ онъ, не попрощавшись съ нами; а мы было послѣ работъ хотѣли его дружно до кабачка проводить и тамъ обогрѣть его на дальнюю дорогу. Дивились мы этому, да ужъ послѣ узнали, что ушелъ онъ безъ позволенія, такъ какъ управляющій не пускалъ его, потому что Өаддей Ильичъ состоялъ должнымъ заводу четыре шапки и пару валеныхъ сапогъ, что этими четырьмя шапками вольный человѣкъ закрѣпоскалъ себя на нашемъ невеликомъ заводѣ.

Да никому объ этомъ Өаддей Ильичъ слова не молвилъ, никому не показалъ лица своего сумрачнаго.

Въ Рождество собрались мы въ сельской церкви, пришли, глядимъ, а ужъ нашъ Өаддей Ильичъ стоитъ на клиросѣ, и его голосъ разноситъ надъ молящимся людомъ церковныя пѣсни. Весело мы выпили въ этотъ день въ томъ сельскомъ кабачкѣ, еще веселѣе выпили дома, но Өаддей Ильичъ еще не утѣшилъ насъ ни новою городскою пѣснью, ни повѣстью, ни новостями изъ того далекаго міра, что стоитъ за нашими глухими лѣсами.

— Подьте-ка, малые хлопцы, ко мнѣ на кузницу!—сказалъ Өаддей Ильичъ ребятишкамъ, идя впереди ихъ къ кузницѣ, а ребятишки вприпрыжку бѣжали за нимъ.

Къ вечеру только проявился нашъ старецъ, какъ вышелъ нашъ людъ на волю; проявился онъ съ повѣстью чудной, съ новою пѣснью, съ гитарой, окруженный толпою малыхъ хлопцевъ, у которыхъ выкупилъ Ильичъ ихъ молитвы городскимъ гостинцемъ.

Закупили мы тутъ водки много, всѣмъ заводомъ, отъ управляющаго тоже выдано было,—и закутили: только крѣпкій морозъ румянилъ наши щеки, только мелкая снѣжная пыль поднималась подъ заводскимъ трепакомъ, только унылая гитара смѣнялась на ухарскую гармонику въ рукахъ Өаддея Ильича и раздавалась въ сухомъ морозномъ воздухѣ утѣшительная пѣсня старца, новая пѣсня, городская, забубенная, заученная имъ въ чудесномъ городскомъ кабачкѣ:

Вода пищитъ, камышъ трещитъ,
Кумъ кумѣ судака тащитъ.
  Ужь ты кумушка,
  Да голубушка!
  Ты кума моя,
  Да кума душенька!..

Отдергивала гармоника Өаддея Ильича, пока тонкія ноги Васьки-Бѣды мелко дробили по убитому снѣгу, а заводскій людъ чуть не захлебывался буйнымъ весельемъ.

А это веселье было послѣднее—короткое веселье.

Крѣпко осердился управляющій на Өаддея Ильича, что онъ ушелъ наперекоръ ему въ городъ, не промѣнялъ на его благоволеніе невеликихъ радостей рабочаго люда; выгналъ онъ его изъ кузницы и поставилъ къ *шуляру* въ помощники,— на тяжкое, на самое трудное дѣло. Горько это было старику. Прошло двѣ недѣли— и его старое тѣло сгубили буйные, нездоровые вѣтры, что ходуномъ ходятъ сквозь большія щели нашей древней, полу-

развалившейся гуты,—тѣ вѣтры, что валомъ-валятъ въ могилы нашъ рабочій людъ, что рѣдко кого допустятъ они, эти лютые вѣтры, дожить до сѣдой старости. Слегъ нашъ Ѳаддей Ильичъ въ своей кузницѣ; ходили мы къ нему вечеромъ, а наши бабы по очереди днемъ и ночью сидѣли у него, печь ему топили, выпить подавали... Придемъ къ нему, не узнаетъ онъ насъ, только бредитъ:

— Вольный!— вдругъ крикнетъ.— Бабочка, подай-ка мнѣ молотъ, милая, ударю я разъ-два, расплачусь съ людьми... Одна шапка!.. Дотягивай, старецъ... Жжарь, милый мой, Ѳаддей Ильичъ, жжарь горячее желѣзо... Одна шапка, только одна шапка теперича!

Чудный старецъ, о чемъ бредилъ!

Скоро свезли его тѣло въ сельскую церковь, а въ воскресенье весь народъ нашъ заводскій былъ на похоронахъ. Помянули чѣмъ Богъ послалъ.

— Царство небесное!—сказалъ управляющій, крестясь широкимъ крестомъ.— А двѣ шапки за нимъ осталось... Двухъ шапокъ не зажилъ, дуй его горой!—добавилъ онъ своей супругѣ.

А мы, рабочіе люди, надолго похоронили чудныя повѣсти, милыя пѣсни—нехитрыя утѣшенья наши—и добраго человѣка.

II.

ХЛОПЦЫ.

Помню я себя лѣтъ съ шести.

Родился я въ глуши дремучаго, непросвѣтнаго лѣса, на маленькомъ стеклянномъ заводѣ. Лѣсъ этотъ увидѣлъ я прежде всего, какъ только успѣлъ открыть глаза; пятнадцать лѣтъ стоялъ этотъ мрачный лѣсъ непроходимою стѣной между мной и невѣдомымъ инымъ вольнымъ свѣтомъ, пока я могъ заглянуть за его столѣтніе стволы, горя страстнымъ желаніемъ,—когда голова закруживалась отъ разсказовъ вольныхъ людей о привольной залѣсной жизни,—взглянуть на эту жизнь. Для насъ, хлопцевъ малыхъ, милѣе людей не было, какъ эти „вольными“ называвшіе себя люди, что задушевно разсказывали намъ, заводскимъ, предъ дымящеюся закопченною гутой о невѣдомой намъ залѣсной жизни. Много намъ приходилось слышать этихъ, то грустныхъ, то разудалыхъ разсказовъ, которые надолго тревожили наши хлопецкія малыя головы и глубоко западали въ душу. Да немногимъ изъ насъ давалось счастіе провѣрить самимъ на вольной жизни эти разсказы.

Первое, что глубоко запомнилъ я изъ своей хлопецкой жизни, былъ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ. Наши заводскіе собрались, по обыкновенію, на луговинѣ предъ избами. Съ одной стороны смотритъ непригляднаягута, выбрасывая сквозь высокую свою крышу кучу блестящихъ въ дыму искръ, а дальше, направо и налѣво, темный лѣсъ.

Въ тотъ вечеръ у нашей избы собралась кучка заводскихъ, а посреди ея стоялъ какой-то высокій человѣкъ, въ чемъ-то похожемъ на сибирку съ разлетающимся до земли полами, съ длинными серебристыми волосами и растрепанною бородой, которую всклокочивалъ онъ каждый разъ, какъ начиналъ говорить. Говорилъ онъ, какъ теперь слышу, сильнымъ, густымъ голосомъ, грознымъ до того, что и дьяконъ нашего ближняго села, выпивши, не могъ бы съ нимъ своимъ голосомъ сравняться. Бывало, какъ заговоритъ, такъ намъ, хлопцамъ, казалось, что его длинные до плечъ волосы развѣвались, а низкая, сплюснутая съ широкими полями шляпа прыгала надъ его высокимъ лбомъ.

Мой отецъ—старичокъ онъ былъ незлобивый—вдругъ послѣ грозныхъ его рѣчей и скажетъ ему съ улыбкой:

— Полно, полно ты, пьяный попъ-разстрига, своими пустыми рѣчами заводскій народъ пужать и въ тоску приводить. Вотъ сказать управляющему, такъ онъ тебя шелепами отсюда, взодравъ впередъ лозьемъ хорошенько... Вишь, у насъ лозья-то сколько для озорнаго надрать можно... Знаемъ мы хорошо ее, эту лозу-то,—прибавитъ онъ и на лѣсъ покажетъ, а скажетъ такъ добродушно, что всѣ заводскіе разсмѣются.

Тутъ сейчасъ вольный человѣкъ надвинетъ брови, глазами сверкнетъ, палецъ подыметъ кверху и басомъ своимъ сильнымъ скажетъ:

— Слово мое праведное! Уши имѣющіи—пусть слышитъ!... Братцы,—вдругъ заговоритъ онъ другимъ голосомъ,—подходи, слушай пьяницу попа-разстригу,—онъ вамъ, попъ, повѣсть разскажетъ любопытную, какъ, гдѣ и зачѣмъ онъ ходилъ и зачѣмъ крѣпость Суздальскую посѣтилъ...

Придвинется народъ, и мы, хлопцы, туда же.

И поведетъ онъ разсказъ. Разбираютъ эти рѣчи заводскій людъ — и, глядишь, вдругъ откуда-то уже является предъ вольнымъ человѣкомъ скудная заводская косушка... А онъ все говоритъ, и такъ, кажется, долго, что, прикорнувъ къ отцу на колѣни, задремлешь. И вотъ предъ тобой встаютъ, вмѣсто лѣса, морозныя страны, а по нимъ ходитъ этотъ высокій, грозный человѣкъ въ поярковой шляпѣ и говоритъ все громче.

— Ну, проснись! Чего бояться? вишь, въ лѣсу волки воютъ, — скажетъ отецъ на мой сонный крикъ.

Проснешься, побѣжишь домой на печку и долго боязливо дрожишь и вслушиваешься въ волчій вой, да думаешь о вольномъ человѣкѣ.

Вотъ этихъ захожихъ и чужихъ для насъ людей часто приходится видѣть и слышать намъ, хлопцамъ; надолго остаются въ памяти ихъ, другой разъ мало-понятныя для насъ, рѣчи, зато дорогія, потому что вольный человѣкъ всегда прибавитъ къ нимъ радушное слово или гостинецъ намъ, одѣленнымъ всѣмъ малымъ заводскимъ хлопцамъ. Баловали они насъ своими разсказами да лаской, а намъ это было веселье великое, отрада единая. Это были отцы душъ нашихъ, научители.

Скучно и тягостно живется на нашихъ, отдѣленныхъ дремучими лѣсами и несвободною жизнью отъ вольнаго міра, заводикахъ какъ большимъ, такъ и намъ, хлопцамъ, когда долго-долго не заглядываютъ къ намъ вольные люди.

Темная гута съ своими пылающими жерлами, этотъ мрачный лѣсъ и изъ часа въ часъ уныло и тоскливо раздающіеся удары заводскаго колокола не много веселили. И насъ тянуло къ себѣ село, отстоявшее версты на двѣ отъ завода. Малый и большой предъ праздникомъ шли туда. Тамъ и свирель пастушью услышишь, и лихую трепацкую пѣсню, и длинную-длинную хороводную. А кругомъ поля, луга разсѣяны близъ лѣса. Гдѣ у насъ было все это, въ нашемъ дремучемъ лѣсу? Не было ничего этого.

Любили мы всего больше смотрѣть, съ тайною сердечною завистью, на пузатыхъ крестьянскихъ ребятишекъ, когда они собираютъ табунъ въ ночное. Духъ замираетъ, когда видишь, какъ скачутъ они, гикая, вдоль села. Надъ ихъ ребячьими головами раннимъ-раннимъ утромъ не проносятся протяжные, пугающіе и прогоняющіе ребячьи сны удары заводскаго колокола... Хорошо деревенское ребячье счастье!.. Да мы издали только видѣли его.

Придемъ, бывало, съ большаками подъ праздникъ въ село,—большаки сейчасъ, главнымъ дѣломъ, въ кабакъ, а мы на улицу, а на ней жизнь варомъ-варитъ: стадо входитъ, въ бабки играютъ, скачутъ, прыгаютъ, и надъ всѣмъ этимъ стоитъ въ воздухѣ какой-то особый, умиляющій душу, только деревенской улицѣ свойственный гулъ... Сердце такъ и бьется въ насъ, зачурованныхъ отъ міра.

— А! заводскіе пришли!—кричатъ, завидѣвъ насъ, пузатые крестьянскіе мальчишки.—Наше вамъ съ гвоздемъ... али волчье стадо загнали ужъ?

— Два пуда мыла извели на рыло!

— Много ли стакановъ проглотили?

— Стекломъ съ голоду подавились!

Такимъ добрымъ словомъ встрѣчаетъ насъ село, и съ этимъ словомъ чья-то рука съ обиднымъ презрѣніемъ схватываетъ за шиворотъ какого-нибудь малаго хлопца.

Не вытерпѣть столь великой обиды малымъ хлопцамъ, и немного спустя ребячій крикъ стономъ становится надъ селомъ, перемѣшанный съ визгомъ расходившихся бабъ, не могущихъ ни въ какомъ видѣ снести, чтобы „заводскіе волченята" полыскались съ ихъ любимыми дѣтищами.

— Га-га-га! — покрывается ребячій и бабій визгъ сытымъ хохотомъ толстобрюхихъ мужиковъ, важно сидящихъ на завальняхъ. — Лю-лю-лю ихъ, волченятъ! — слышится сквозь этотъ хохотъ злорадное подзуживанье.—Гони ихъ, ребятишки, въ лѣсъ-то, въ логово-то чортово... Ха-ха-ха!

— Га-га-га!—вторитъ имъ сытое, довольное село, пока мчимся мы къ его крайней избѣ, а за нами, еще большимъ озорствомъ подзуживаемая, несется стая пузатыхъ крестьянскихъ ребятишекъ.

А мы, хилые, безсильные хлопцы, знаемъ, куда несутъ насъ наши тонкія ноги. Мы уже видимъ грозно бѣгущую къ намъ изъ послѣдней избы старуху съ клюкой, повязанную въ черный платокъ съ горошинами. Быстро забѣгаемъ мы за нее, а пузатые ребятишки, устрашенные ея клюкой, останавливаются и рѣшаются только безсильнымъ словомъ огрызнуться на насъ.

— Ахъ вы, поросята откормленные!— кричитъ на нихъ старуха, махая грозно палкой и поводя глазами,—что вы, кузовья набитые, на Божьихъ работничковъ лаетесь? а? Вѣдь, они не какъ вы,—не баклуши бьютъ...

— А говорятъ, бабушка, они все равно, какъ бѣсы предъ огненною печью прыгаютъ,—подпрыгивая сами, поддразниваютъ старуху пузатые ребятишки.

— Вотъ у васъ въ ногахъ-то возца сидитъ, бѣса тѣшите, а не у нихъ... Да и отцы-то ваши, пьяницы, чего тѣшутся, чего имъ любо?.. Возьму-ка вотъ я перваго, да палкой хорошенько, да схвачу за волосья...

А мы ужъ давно запрятались по знакомымъ намъ хороминамъ бабушки Матрены и смотримъ, какъ съ послѣдними словами наступаетъ она храбро на враговъ нашихъ.

— Экая силища у этой бабушки Матрены!—удивляемся мы, завидя, какъ пузатые ребятишки отступаютъ.—И гдѣ это они, вольные люди, такой силы наберутся? И страху у нихъ ни предъ кѣмъ никакого нѣту!

Бабушку Матрену тоже всѣ и на селѣ и на заводѣ „вольной" звали. „Она, говорятъ, давно ужъ человѣкъ вольный..." Хорошо жить этимъ вольнымъ!—тоскливо вздыхаютъ наши заводскіе.

Этой вольности и обязана была бабушка Матрена тою силой, предъ которой отступала не только несшаяся за нами стая пузатыхъ ребятишекъ, но и самая буйная толпа здоровенныхъ крестьянскихъ парней, когда она грозно врѣзывалась въ ужасающую свалку, часто бушующую зимними сумерками у сельскаго кабака между ними и нашимъ изможженнымъ заводскимъ людомъ.

— Подите-ка вы, хлопцы, подите-ка ко мнѣ въ огородъ,—благодать у меня огородъ-то... А то въ конопляники — и-и какъ у меня хорошо въ нихъ,—говоритъ намъ бабушка Матрена, возвращаясь съ умиротворенія.—А съ ними, съ пузатыми, не связывайтесь... Озорному счастія не будетъ... Васъ Господь-батюшка напоитъ и накормитъ, потому Божинька любитъ своихъ малыхъ работничковъ-то...

Долго рѣзвимся мы по ея „благодати-загуменникамъ", пока освѣщаемыя заходящими лучами мурава и деревья постепенно начнутъ погружаться въ наплывающія со стороны заводскаго лѣса сумерки и пока бабушка Матрена, скликавъ насъ къ себѣ, не скажетъ намъ:

— Вонъ, голубчики, послушайте-ка, какой отъ кабака-то шумъ идетъ... Тятьки-то ваши, должно полагать, очень ужъ набрались дьявольскаго зелья этого... Подите-ка, малые, да сведите ихъ въ домишки-то свои... А то изобьютъ ихъ, вѣдь, наши-то меренье... Да и матери-то, поди, ждутъ не дождутся... Нате-ка вотъ, возьмите гостинку...

Съ сіяющими лицами, съ желудками, ощущающими присутствіе за пазухой чего-то очень вкуснаго, отправлялись мы черезъ лѣсъ въ походъ съ своими качающимися тятьками.

Минуло мнѣ семь лѣтъ вмѣстѣ съ двумя другими мальчуганами.

Помню, раннимъ-раннимъ утромъ пришелъ къ намъ десятникъ и сказалъ отцу, чтобъ онъ „тащилъ" меня въ контору.

— Какъ есть время по справедливости... въ конторской книгѣ обозначено,— прибавлялъ онъ,—да поскорѣе... Управляющій теперь чай пьетъ, въ самый разъ!

— Пора, пора ужъ... Чего тутъ шленды-то бить? — ворчала на меня моя старая тетка.

— Чего пора?... Малышъ еще совсѣмъ,— несмѣло вымолвилъ на эти слова мой смиренный тятька.

— Ѣ-ѣсть надо,—сказала тетка со своею старческою строгостью,—вотъ что!.. Провіянту надбавятъ... А то — малышъ!

Ни слова не сказавъ по своей смиренности, надѣлъ тятька шапку и мы пошли потихоньку къ конторѣ; всю дорогу тятька смотрѣлъ куда-то отъ меня въ сторону своими мутными глазами.

Управляющій въ конторѣ съ свѣжимъ ситнымъ и медомъ пилъ чай. Удивилъ тогда меня онъ, потому что показался онъ мнѣ такимъ сытымъ и толстобрюхимъ, что не сравняться съ нимъ ни одному сытому мужику изъ села.

Близъ дверей уже стояли съ своими тятьками мои сверстники и, засунувъ въ ротъ пальцы, съ завистью слѣдили за мухами, храбро облетавшими такой чудный медъ.

— Ну, паршивцы,—такъ съ добрымъ утромъ привѣтствовалъ управляющій нашъ, лѣниво прожевывая кусокъ ситнаго,—полно баклуши бить, дарма ѣсть пора перестать, даромъ кормить васъ мы не намѣрены...

— Рано бы, мотри, Ван Ваныч,— смиренно и здѣсь замолвилъ было мой отецъ, скосивъ жалостливо какъ-то на бокъ свою голову и гладя меня одною рукой,—очинно еще молодъ бы...

— Мо-ола-адъ!—протянулъ управляющій.—А ты балуй его еще... Вы благодарны должны, кажись, быть... Моладъ, — такъ въ мастера скорѣе выведу.

— По себѣ знаю, Ванъ Ваныч, тягостно съ измалолѣтства-то.

— А тебѣ плохо, што ли?... Али вамъ все даромъ?.. Должны вы быть намъ благодарны, али нѣтъ, ежели мы такую васъ араву содержимъ?.. Хлѣбъ, изба, одежа, водка—все... Долженъ ты быть благодаренъ, говори?!

— Благодарны... Что говорить!.. Экую араву!—отвѣчали, кланяясь, тятьки, вполнѣ, кажется, соглашаясь, что содержать такую араву и-и какъ много стόитъ.

— Ну, то-то. Ты долженъ знать, какъ я за благодарность удовлетворить люблю.

Тятька поклонился низко-низко и смачно усмѣхнулся, такъ какъ онъ хорошо зналъ, въ чемъ силища этого удовлетворенія.

— Жена! — крикнулъ управляющій, вставая,—поднеси-ка водки, вотъ ему... Онъ чувствительный... А ты учись, бестія, у отца-то послушности,—обратился онъ ко мнѣ и отодралъ при этомъ случаѣ за вихоръ для внушенія.

Съ этой самой минуты пріобрѣла для меня заводская контора великое значеніе.

Смутное чувство мучительной истомы въ тѣлѣ до содроганія охватываетъ меня, когда встанутъ вдругъ въ памяти эти первые непосильные рабочіе хлопецкіе дни.

— Шабашъ!—громко крикнулъ въ субботній вечеръ надсмотрщикъ, стоя у песочныхъ часовъ, — это было въ первый разъ услышанное нами, хлопцами, заводское слово,—и что-то дрожью пробѣжало по истомленному хлопецкому тѣлу.

Какъ будто ошалѣлые, обезпамятѣлые, неслись мы на село, а изможденное тѣло на каждый шагъ твой отзывалось болью.

— Тяжко, бабушка, тяжко!—вопили мы предъ вольнымъ человѣкомъ, бабушкой Матреной, повѣряя ей на разные голоса первое свое малое хлопецкое горе.

— О-охъ, знаю, касатики мои, знаю!— чуть не вопила вмѣстѣ съ нами старуха, словно всею своею душой проникая въ ребячье горе.

— Посмотри-ка вотъ, бабушка, ты у меня ноги, обжогъ я ихъ больно, какъ при такомъ огнѣ работалъ,—вопитъ малый хлопецъ, показывая бабушкѣ Матренѣ свои худыя ноги съ вздувшеюся въ нарывы кожей отъ обжоговъ раскаленнымъ стекломъ, которымъ нѣтъ того дня, чтобы съ непривычки не жгли мы, хлопцы, необутыя, въ лѣтнія работы, ноги свои.

— А мнѣ вотъ, бабонька, брызнуло на руки стекло-то такою искрою огненной,— вопитъ другой хлопецъ, протягивая свои худосочныя, чуть не до кости прожженныя рученки.

— Вижу, малые мои работнички, о-охъ, вижу и знаю,—причитала вмѣстѣ съ нашимъ ребячьимъ воплемъ бабушка Матрена, осмотрѣвъ въ это время наши хлопецкіе недуги.

— Погодите-ка, вотъ я отъ Божьей лампадки маслица возьму... Знаю я, помогаетъ вамъ это маслице Божье,—говорилъ „вольный человѣкъ“, обвязывая наши раны.

— Поотдохните-ка вы, малые, а я какого ни есть *пѣстечка* попрінцу вамъ,— все задушевнѣе говорила бабушка Матрена, и отыскавъ ставила предъ нами пѣстечко, которое было не въ примѣръ лучше, чѣмъ горячій намазанный медомъ ситный управляющаго.

Послѣ этого пѣстечка вдругъ начинаешь чувствовать, что въ усталое тѣло твое какъ будто влилось что-то такое, что вотъ такъ и хочется вспрыгнуть, хочется летѣть и летѣть, но истомленные члены неподвижны и словно клещами приковали тебя къ лавкѣ.

А на другой день, въ воскресенье, молодыя ноги уже съ ранняго утра носятъ насъ по бабушкиной „благодати-загуменникамъ“; свѣжій воздухъ такъ и пронизываетъ тебя, словно выгнать хочетъ гарь и дымъ изъ груди, надышавшейся ими въ заводской гутѣ.

— Страшно намъ, бабонька, работать-то,—опять плачемся мы, хлопцы, бабушкѣ Матренѣ, собравшись въ поздніе сумерки опять за ея пѣстечкомъ, когда завтрашній день встанетъ въ нашей головѣ страстью Божіей.

— Лягте-ка, ребятки, лягте, усните, да не думайте... Поздно ужъ теперь итти-то... А завтра по свѣжей росцѣ такъ-то добро лѣсомъ отхватаете.

И мирно засыпали мы, а въ полуснѣ какъ будто неясно видѣли и слышали, какъ

бабушка Матрена, прочитавъ предъ образомъ съ теплящеюся лампадой молитвы, откладывала въ сторону толстую въ кожаномъ переплетѣ книгу, снимала и клала на нее большія мѣдныя очки, а губы ея внятно шептали:

— Царю небесъ, душъ истинныхъ Утѣшителю, даси терпѣніе, душамъ малымъ успокоеніе...

И долго слышится еще во снѣ самой ею составленная молитва, пока сквозь рѣдкій утренній воздухъ не донесется рѣзкій, унылый звукъ заводскаго колокола.

— Пойдемте-ка, ребятки, вставайте, и я съ вами поплетусь... Посмотрю-ка я на нихъ, старуха, какъ они тамъ съ вами,— грозно такъ говорила бабушка Матрена,— да вотъ захвачу-ка я съ собой клюку свою старушечью,—еще грознѣе говорила она.

И съ глубокою вѣрой въ силищу этой клюки бабушки Матрены направлялись мы къ заводу, въ великой надеждѣ, что при этой клюкѣ по рукамъ нашимъ не будетъ ходить прутъ надсмотрщика.

— Вы у меня смотри-посматривай за ними!—кричалъ управляющій нашъ, обходя гуту и показывая на насъ надсмотрщикамъ,—чтобъ воровства ни-ни... Чтобъ ни рюмки... Узнаю — задеру... А, ужъ здѣсь, старая!

— Здѣсь!.. Мучители вы,—откликнулась голосомъ грознымъ изъ дальняго угла бабушка Матрена,—вѣдь, не будь меня, посторонняго человѣка, кожу вы съ нихъ снимите... Варваръ,—заговорила она еще грознѣе, — что ты имъ, малымъ, сапожишки-то не купишь, что ты имъ адскимъ-то огнемъ, младенцамъ, ноги-то жжешь?

— А ты вотъ купи имъ сама... Ты богато живешь... А намъ бы это очинно было на руку...

— Эхъ вы, псы алшные!

— Цыцъ! Поговори еще... Сиди, пока дозволенье даютъ... А то, вѣдь, недолго сказать кому слѣдствуетъ, что заводскихъ ребятъ съ толку сбиваешь—такъ знаешь... забудешь... Хорошо, что ты баба, такъ и прощаютъ по твоей глупости.

— Я забуду? — вскрикнула бабушка Матрена, стукнувъ клюкою своей о глиняный полъ.—Да я тебя, окаяннаго, упеку! Да я имущество свое все по полатамъ истрачу, по тебѣ, звѣрю...

— А ты чего зѣваешь? Али потачку даютъ? — вдругъ по затылку ударилъ управляющій малаго, зазѣвавшагося на грозную рѣчь бабушки Матрены, хлопца.

— Тьфу! — только и могла сплюнуть бабушка Матрена при уходѣ управляющаго, да клюку ея, здѣсь безсильную, передернуло въ рукахъ.

Такъ изо дня въ день и потянулась наша десятичасовая рабочая, хлопецкая жизнь. Изъ всей этой, какъ мельничное вертящееся колесо, однообразной жизни помнятся мнѣ хорошо домашніе вечера.

Вечеръ. Темно. Тѣло больное покоя проситъ; кусокъ хлѣба и пустыя щи на столѣ; запьянствовавшій тятька лежитъ на печкѣ, и всю эту немудрую обстановку украшаетъ тетка брюзгливымъ своимъ ворчаньемъ.

— Вотъ теперь и ѣшь, что хочешь, все тутъ, — ворчитъ она, сунувъ мнѣ ложку. — Нажрался вонъ ужъ одинъ-то меринъ, прости Господи... Пора бы ужъ, чай, за умъ взяться,—мальчишку-то поучить...

— Воровать-то? Н-лѣтъ, н-ни-ма-агу, Петька, н-нѣ-ѣтъ, — отзывался съ печки тятька.

— Воровать!—вскрикивала тетка.—А коли ѣсть то нечего?.. Споконъ вѣку у насъ безъ эстого никто не прожилъ... Рази воровство—десятокъ посудины взять съ завода, коли изъ конторы муки не даютъ?.. Эка невидаль!.. Пора бы ужъ мальчишѣ знать это, да теткѣ помогать...

— А его, малаго, изымаютъ?— откликался тятька.—Н-ни па-азволю...

— Ну, изымаютъ — постегаютъ разъ, не бѣда... Всѣхъ порютъ—не плачутъ...

— Не могу... не позволю... Я отецъ,— не могу позволить,—горячился тятька.

А на другой день ужъ тятька ходитъ за мной, или сядетъ на одно мѣсто, опять пересядетъ, въ окно посмотритъ, голову потретъ, а войдетъ тетка, онъ сейчасъ искать что-нибудь начнетъ, словно какъ бы дѣло дѣлать.

— Петька, любишь ты меня? — начинаетъ ласково заговаривать со мной тятька, улучивъ минуту, когда выйдетъ тетка за дверь.

— Люблю, тятька.

— Ну, то-то... Я вѣрю, вѣдь... Я знаю,—завидя, что идетъ тетка, говоритъ онъ наскоро и замолкнетъ.

— Что тутъ за сговоры ведете?—строго спроситъ насъ тетка, на минуту вернувшись въ избу. — За водкой, чай, малаго смущаешь... Нѣтъ, чтобы на дѣло...

— Такъ ты любишь?—какъ бы невзначай заговариваетъ онъ опять по уходѣ тетки.

— Люблю, тятька.

— Ну, я знаю, вѣдь... Петька, — заговоритъ онъ другимъ, такимъ тихимъ и жалостнымъ голосомъ,—Петька, одну посудинку... только одну... Больше чтобы ни-ни... Я и не прошу... Боже сохрани, управляющій узнаетъ—бѣда будетъ тебѣ, Петька... А я этого никогда ни-иха-ачу!.. А такъ, по чести, одну... такъ, какую-нибудь... негодящую... Только чтобъ, единственно,—каюсь тебѣ, Петька,—для похмелья... Больше не нужно... зачѣмъ баловаться?

— Выдерутъ, тятька.

— Ни-ѣтъ!.. Одну-то!.. Одну за пазухой не увидятъ... А въ кабакъ-то ужъ я самъ...

Сначала мы, хлопцы, часто съ непривычки попадались въ такомъ воровствѣ, но послѣ нѣсколькихъ внушительныхъ вздерокъ на конторѣ лихо выучивались таскать съ завода посуду.

Я сперва таскалъ для тятьки, потомъ для тетки, а потомъ, вмѣстѣ съ другими лихими хлопцами, сталъ сбывать ее въ селѣ и для себя на бабки, на гостинцы. Проворные такіе на это мастерство сдѣлались мы!

Справа—дымный смрадъ заводской гуты съ конторой, въ которой крѣпко-накрѣпко закабалены были наши души, слѣва—темный, дремучій лѣсъ, пятидесятиверстною стѣной окружившій насъ, а надъ всѣмъ этимъ сѣрое, туманное осеннее небо, — такъ представляется теперь въ моей памяти наша хлопецкая, рѣдко приголубленная близкимъ сердечнымъ словомъ мальчишеская жизнь... „Жрать надо!“ и въ этомъ заключилась суть бытія нашего, и заключилась бы, какъ споконъ вѣка, и закрѣпостилась бы тамъ эта жизнь, какъ закрѣпощалась она у нашихъ тятекъ... Скорбное дѣло!.. Но сквозь тьму лѣсную и смрадъ заводскій, по туманно-сѣрому небу изрѣдка,—Богъ вѣдаетъ зачѣмъ и откуда,—проносилось надъ нами бѣлое облачко... Чуждая намъ, но живая, непритупленная, занесенная изъ-за лѣса, вольная рѣчь шевелила и тревожила чего-то смертно жаждавшую ребячью душу.

Мнѣ было, помнится, лѣтъ двѣнадцать, когда вдругъ объявили приказъ ходить намъ поочередно, человѣка по три, по четыре, въ контору учиться грамотѣ. Приходимъ въ контору. Въ конторѣ сидитъ новый, незнаемый нами, молодецъ; еще безбородый, а глаза его исподлобья такъ злобно смотрятъ, словно онъ изъ-подъ неволи какой тяжелой глядитъ. Сюртучокъ на немъ нанковый, штаны обдерганы, сапоги прорваны.

— Вотъ, — говоритъ управляющій намъ,—баринъ изъ Питера приказъ прислалъ, чтобъ учить васъ, такъ вотъ я вамъ учителя добылъ. У меня учиться чтобы какъ можно... А ты у меня, ваше благородіе, дери ихъ... шкуры-то ихъ не жалѣй, только чтобы все было въ нотѣ... Даромъ я кормить тебя тоже не стану.

Страшно намъ было. На первыхъ порахъ управляющій все заходилъ.

— Ну-ко,—скажетъ, — ваше благородіе, посмотрю-ко я, какъ ты тутъ свое искусство производишь... У меня чтобъ учить хорошенько... чтобъ не баловаться!.. Кстати вотъ у меня конторскія книги будешь вести... Буду доволенъ — сапоги тебѣ куплю, можетъ, и сюртучишко... Ишь ты какой объерзганный!.. Ты долженъ заслужить мнѣ за мое благодѣяніе, что призрѣлъ тебя съ матерью-то... Не мало она мнѣ должна была, что твое благородіе въ городѣ въ ученьи содержала на мои благодѣянія.

Такими рѣчами постоянно пилилъ Ивана Якимыча (такъ звали учителя) управляющій нашъ. А Иванъ Якимычъ только искоса зло на него посматривалъ.

— Что жъ,—скажетъ, — я душу, что ли, долженъ здѣсь заложить?

— Зачѣмъ душу? Душу, братъ, мнѣ не нужно... А ты за мать заслужи... за деньги, за благодѣянія мои къ вамъ, неблагодарнымъ...

Послѣ такихъ рѣчей начнетъ Иванъ Якимычъ насъ учить сryву, со злобой, дерется другой разъ и такъ не хорошо смотритъ... Боялись мы его, а любили. Жаль отчего-то намъ его было. Намъ всѣхъ, кто тоскуетъ да терзается, почему-то жалко было.

А то, другой разъ, начнетъ учить, да вдругъ скажетъ: „ну-ка, сбѣгайте-ка мнѣ за водкой“. Принесешь ему водки, заставитъ онъ насъ склады разбирать, а самъ пить начнетъ. Потомъ вдругъ уткнется головой въ ладони и приникнетъ къ столу, долго такъ сидитъ, словно и не слышитъ, что мы складывать перестали и глаза на него вытаращили, да вдругъ подымется, проведетъ по волосамъ рукой и пройдется по избѣ. Мы такъ и вздрогнемъ; смотришь, онъ глядитъ на

насъ такими добрыми, заплаканными глазами.

— Ну, что, поросята,— скажетъ,—на меня уставились?.. Чего во мнѣ новаго увидали? Что плачу-то я, удивляетесь?.. Такъ вы думаете, больно мнѣ хорошо съ вами здѣсь въ берлогѣ-то жить?.. Больно любо на васъ смотрѣть-то, что ли, что мы здѣсь съ вами крѣпостную-то жизнь изживаемъ?.. Эхъ вы, ребята, ребята!.. Управляющій-то уѣхалъ теперь... Ну, пойдемъ въ лѣсъ по грибы... Къ чорту ихъ, склады-то!.. Водки съ собой захватимъ...

Заберетъ водки съ собой да книгу какую-то и пойдетъ съ нами, болтаетъ да шутитъ такъ весело дорогой, а мы подъ собой ногъ не чувствуемъ, словно души наши предъ свѣтлымъ днемъ отъ тяжелаго сна пробудились. Выберетъ онъ гдѣнибудь луговинку, самъ ляжетъ, книгу откроетъ, водку около себя поставитъ, а насъ пошлетъ за грибами. Только поздно къ вечеру мы соберемся вокругъ него и поплетемся тихонько къ заводу. Иванъ Якимычъ такой добрый станетъ, идетъ, пошатывается.

— Эхъ вы, поросята мои, поросята!— скажетъ онъ, погладитъ кого-нибудь по хлопецкой бѣлобрысой головѣ и такъ тоскливо въ глазенки намъ посмотритъ.

Видимъ, человѣкъ тоскуетъ, и скажемъ ему:

— А что, дяденька Якимычъ, вѣдь, важно, хорошо въ лѣсу-то?

— Въ лѣсу-то хорошо, да у васъ-то плохо... А вонъ тамъ, за лѣсомъ-то, тамъ такъ хорошо... Эхъ ты, воля!.. Мальчишки! — крикнетъ, — смотрите на меня, вотъ я пятнадцать лѣтъ учился... въ семинаріи, понимаете? Одной дерки сколько перенесъ, а все воли не получилъ... А куда оно, ученье-то, къ ляду, безъ воли-то?.. Нѣтъ, братъ, — начнетъ словно самъ съ собой бредить, — шалишь!.. Будетъ мнѣ у васъ терзаться-то, будетъ мнѣ съ вами распроклятую лямку-то тянуть... Дудки-съ!.. Мы туда, за лѣсъ закатимся...

Пріѣдетъ на другой день управляющій, узнаетъ, что мы съ Иваномъ Якимычемъ въ лѣсъ гулять ходили, изругается что ни на есть скврнѣе, обзоветъ его и нищимъ, и обдергащемъ, а Иванъ Якимычъ молчитъ, только глаза сверкаютъ.

Иной тоже разъ найдетъ на него такая полоса, онъ и придетъ въ гуту. Въ гутѣ работа кипитъ, тихо кругомъ, только дрова трещатъ.

— Здравствуйте, братцы!—крикнетъ.— Богъ въ помощь!

Самъ руки фертомъ держитъ.

— Здорово, Иванъ Якимычъ. Благодаримъ!—отвѣчаетъ заводскій людъ.

— Славно вамъ, братцы, работать-то... А мнѣ, вотъ, скучно...

— Что такъ?

— Такъ, братцы, дрянь дѣло... И руки есть, да прикладу имъ нѣтъ... Воли у меня нѣтъ, воля отнята еще съ самыхъ малыхъ годовъ!.. Туда, вотъ, нужно,—махнетъ онъ за лѣсъ, — подальше отъ волковъ-то, отъ тьмы-то кромѣшной... Тамъ она, воля-то...

— Вамъ, извѣстно, что жъ? Не такое, что наше дѣло... Люди вы наученые...

— Нѣтъ, братцы, плохо мы учены-то... Драли насъ только хорошо, да въ кабалу бѣдность наша непокрытая отдавала насъ за это ученье... Ну, а ужъ что хорошаго съ этимъ ученьемъ въ кабалѣ-то?.. Такъ ли?

Задумается онъ, молчатъ всѣ.

— Вотъ, кабы только мнѣ за эти лѣса-то перебраться, туда бы только дойти!.. Ну, да что тутъ... Петюшка! принеси-ка мнѣ сюда гитару, да водки...

Принесешь ему, выпьетъ онъ, сядетъ посреднпѣ гуты и ударитъ по струнамъ, и зальется. Голосъ у него былъ молодой, звучный, твердый, такъ и выноситъ къ облакамъ,—дивно-пѣвучій! Помнится мнѣ, пѣвалъ онъ не наши пѣсни, а такъ складно сложены... Зальется, бывало:

Осѣдлаю коня,
Коня быстраго.

или „Гдѣ ты, моя доля?“—все смолкнетъ, такъ будто онъ голосомъ своимъ и уноситъ тебя съ собой въ высь. Поетъ, поетъ, и вдругъ всплакнетъ, слезы такъ и польются.

— Эхъ ты, мать моя, мать!—скажетъ такимъ голосомъ, что всей гутѣ тяжко станетъ.

— Братцы, вы меня не обезсудьте, — вдругъ, вставая, заговоритъ,—что я вашихъ парнишекъ иной разъ на ученьи бью... Это,—говоритъ,—не я бью, терзанье мое бьетъ...

— Полно, Иванъ Якимычъ, знамо, мальцовъ такъ учить надо...

— Нѣтъ, друзья, такъ-то вовсе не нужно... Только я-то не могу... Будь я свободный, не терзайся я,—другое дѣло... Ну да, хлопцы, потерпи... Уйду я скоро отъ васъ.

Такъ бывало, что кого изъ насъ невзначай прибьетъ, па слѣдующую субботу, глядишь, и впишетъ ему лишній пай крупы въ книгу. Иной разъ приходилось ему оттерпливаться за это отъ управляющаго. А ужъ какъ намъ жалостно было смотрѣть на его терзанья!

Пришли мы однимъ днемъ, по обыкновенію, въ контору. Глядимъ, вмѣсто Ивана Якимыча, вокругъ стола, словно звѣрь разъяренный, бѣгаетъ управляющій, счетами бросаетъ, книги перебрасываетъ, перелистываетъ такъ, что бумага лопается, самъ только шипитъ: „па-адлецы... Мошенники... За мои то благодѣянія!.. Къ губернатору дойду... Я иво по ита-апу, бра-адягу!“ Мы пришипились къ уголку, стоимъ ни живы, ни мертвы. Тутъ онъ насъ замѣтилъ.

— Вы чего тутъ торчите? а? Чего еще надо?.. Гра-ама-атники! Вотъ вздеру я васъ всѣхъ, умныхъ-то! Мошенству научились у брандахлыста-то... На носъ я васъ зарублю себѣ, граматниковъ-то!.. Приму я отъ васъ муки, отъ шельмовъ... Непокорство... буянство... подвохъ... Пошли вонъ!.. Вонъ пошли, оголтѣлые! Чтобы глазъ мой васъ не видалъ!—крикнулъ онъ, схватилъ линейку и бросился за нами, но мы вынырнули изъ конторы и бѣжали къ гутѣ, не слыша подъ собой ногъ, не чувствуя, что еще съ крыльца конторы, съ линейкой въ рукахъ, управляющій вслѣдъ намъ, грамотникамъ, посылалъ нелегкія пожеланія.

Узнали мы, что ушелъ Иванъ Якимычъ отъ насъ въ свое „залѣсье“, — не утерпѣлъ... Говорили, что управляющій посылалъ за нимъ въ погоню, хотѣлъ во что бы то ни стало представить его къ исправнику, но, однако, его не нагнали.

Тоскливо стало хлопцамъ по Иванѣ Якимычѣ. Время „грамоты“ было для насъ великимъ облегченіемъ отъ заводскихъ работъ. Долго мы помнили это время—и склады, и лѣсъ, и грибы, и будто въ бреду передаваемые намъ подвыпившимъ Иваномъ Якимычемъ разсказы про свои „терзанья“, про свои завѣтныя мечты о „залѣсьи“.

Вслѣдъ за нимъ ушли и наши хлопецкія малыя думы за это его далекое „залѣсье“, и долго еще послѣ того онѣ, думы наши безгрѣшныя, носились вслѣдъ ему и слѣдили за нимъ въ его побѣгахъ отъ „терзанья“ и въ поискахъ „воли“. Странныя были эти ребячьи думы: словно въ сказкахъ носили онѣ насъ вслѣдъ за Иваномъ Якимычемъ по какимъ-то такимъ мѣстамъ, гдѣ нѣтъ ни зноя, ни холода, ни голода, ни жажды, ни тоски, ни томленья, а чуялось, что тамъ, именно тамъ, обитаетъ чья-то родная, близкая рука, которая давно уже манитъ къ себѣ, какъ и „вольныхъ людей“, насъ, хлопцевъ, чтобы, приголубивъ насъ, обмыть наши неумытыя, задымленныя лица, надѣть на насъ бѣлыя, заботливо выстиранныя ею въ ключевой водѣ рубахи, чтобы расчесать, что твой бѣлый ленъ, курчавые волосья и затѣмъ, перекрестивъ насъ, поставить предъ нами на столъ „нѣстечко“, отъ котораго идетъ такой же вкусный ароматъ, какой несется со всѣхъ сторонъ въ окно отъ окружающихъ полей, луговъ и лѣса, озаренныхъ нѣжными лучами теплаго солнца. Не той ли это матери рука, о которой такъ часто тосковалъ предъ нами Иванъ Якимычъ изъ самой завѣтной душевной глубины вырывавшимся вздохомъ: „Эхъ ты, мать моя, мать!...“

Умеръ у меня тятька. Мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ. Одиночество и тоска овладѣли мною. А душа и тѣло съ каждымъ днемъ крѣпли, молодились; кровь поднималась и заигрывала. Часто, очень часто, у слабыхъ хлопцевъ разыгрывается бурливая кровь въ одну знакомую заводскую игру, хорошо извѣстную и заводскому начальству; эта игра безшабашная яснѣе дня разскажетъ и покажетъ вамъ, какъ велика истома души, боль тѣла и скудность жизни закабаленнаго заводскаго люда нашего. Но насъ еще не веселило пьяное веселье. Въ насъ еще сильны были хлопецкія думы. Во что жъ, въ какую игру могла разыграться молодившаяся наша кровь, какъ не въ эти хлопецкія думы?

А онѣ, эти думы, какъ грибы росли послѣ весенняго дождя.

Да и какъ имъ не расти, когда вдругъ,—Богъ его знаетъ какими судьбами,—проявится на нашей заводской улицѣ какой-то незнаемый ухарь, въ синей суконной сибиркѣ съ яркимъ отливомъ, въ безшабашно-заломленномъ круто на ухо картузѣ съ глянцевитымъ ремешкомъ, за который заткнутъ шиповникъ съ облетѣвшими листьями — подарокъ брошенной зазнобы изъ ближняго села; когда мечетъ тебѣ въ глаза этотъ захожій ухарь съ бахвальствомъ презрительнымъ то блестящею серьгой въ лѣвомъ ухѣ, то махиною-гармони-

кою питерской, едва охватываемою руками, то сапогомъ тонкаго товара?

— Да откуда жъ вы, почтенный, будете? — наконецъ съ тайною завистью и великимъ любопытствомъ спрашиваетъ наша заводская улица ухаря, пришедшаго своимъ ухарствомъ насмѣяться надъ нашею скудостью.

— Мы-съ? Изъ Петербурга,—отвѣчалъ ухарь, подмигнувъ лѣвымъ глазомъ на лѣсъ.

— Гм... А по какой части? — допрашивала улица опять, между тѣмъ какъ хлопцы плотною стѣной окружаютъ ухаря и впиваются въ него горящими любопытствомъ глазами.

— По намуфактурной.

— А чьей?—строго спрашивалъ старый шуляръ Егорычъ, бывшій въ нѣкія далекія времена въ Питерѣ и желавшій во что бы то ни стало вопросомъ этимъ заявить бахвальствующему ухарю, что и мы не такъ чтобы ужъ совсѣмъ знаніями оскудѣли.

— Александрынской!—отвѣчалъ отрывисто ухарь и, передернувъ гармоникой, продолжалъ:—Намуфактура важная.

— Это точно, важная,—подтверждалъ, кивая головой, Егорычъ.

— Главное дѣло, тамъ все колесо дѣйствуетъ, въ большихъ размѣрахъ.

— Знаю, знаю... Водой,—сказалъ съ великою увѣренностью Егорычъ и даже взмахнулъ руками, желая показать, какъ она водой дѣйствуетъ.

— Нѣтъ, огнемъ,—перебилъ ухарь, а Егорычъ утеръ бороду и поправилъ на головѣ шапку. — Печку затопятъ — оно и пошло, а отъ него все маленькіе-маленькіе колесики—тьма-тьмущая—такъ и бѣгаютъ. Эта намуфактура много нашего брата съѣла... Въ особенности которые ежели изъ вашей братіи, изъ неумѣлыхъ... Такъ тутъ она ихъ, можетъ, тысячъ пять въ годъ сожретъ!

— Тысячъ пять?

— Да. У кого, примѣрно, руку, у кого ногу оторветъ или пальцы... Носы тоже, случается... Извѣстно, отъ неоглядки... Хоша у насъ рабочій народъ тамъ чрезвычайно умный, ну, однако, попадаетъ.

— Такъ умный?

— Извѣстно — Питербургъ!.. Примѣрно, теперь съ управляющимъ говорить— все равно, на образованной ногѣ...

— Ну, и управляющій, примѣрно, эдакъ въ зубы можетъ? — спросилъ одинъ изъ нашихъ заводскихъ, чтобы уже вдосталь любопытство свое удовлетворить.

— Образованныхъ-то? Хо! Любапытно! Посмотрѣлъ бы я!—сказалъ ухарь и такимъ взглядомъ окинулъ насъ, что любопытсвующій нашъ заводскій мастеръ въ великомъ смущеніи запрятался за спину заводской улицы.

— Отойди прочь! — крикнулъ ухарь, пронзительно свистнулъ, размахнулъ во всю ширь размаха гармонику, завертѣлся, завертѣлся на мѣстѣ, закружился, какъ турманъ, и, какъ молодой конь, затопавъ ногами и вздернувъ кверху голову, пустился въ присядку.

Только, замѣтно было, не для нашей улицы плясалъ онъ и не съ тѣмъ, чтобы похвастаться трепакомъ своимъ ухарскимъ, а весь онъ словно въ себя ушелъ, со всею своею удалью. Молча смотрѣла на него наша улица и не шелохнулась, только будто подмывало каждаго что-то такое, что за сердце хватаетъ и заставляетъ ныть болѣзненно. Ухарь вдругъ быстро поднялся, отеръ фуляромъ потъ и крикнулъ, показавъ въ рукѣ рублевыя бумажки.

— Давай, ребята, со мной вино пить!.. У насъ чтобы... Эхъ! какая у насъ тамъ жизнь размил-лѣйшая! Тащи, живѣ-ѣя!— крикнулъ ухарь, и затѣмъ питерская гармоника, подъ его рукой, разнеслась въ свѣжемъ воздухѣ неслыханною громкою музыкой по унылой заводской улицѣ.

Чуялось въ угощеньи и въ пѣснѣ и въ рѣчахъ незнакомаго ухаря все великое бахвальство его, а мы все жъ не могли глаза свои отвести отъ него: такъ отливали глазки его быстрые, такъ лоснились волосы его густо-намасленные и остриженные подъ скобку, такъ, искрясь, блестѣла серьга въ ухѣ, такъ всякую жилку, словно на струнахъ, передергивало въ немъ, что, казалось, только у вольнаго человѣка могло такъ играть тѣло.

Егорычъ-шуляръ, хотя и разсердился было на ухаря по дѣлу „воды“ и „огня“, однако, предъ „питерскою музыкой“ не вытерпѣлъ, и его борода густая такъ широко довольною улыбкой освѣтилась, будто говорила ясно, что въ немъ внутри всколыхнулось что-то знакомое, но давно забытое, поднялось и проявилось.

А мы, хлопцы, какъ къ вечеру ушелъ отъ насъ ухарь, узнавъ, что и у насъ въ заводѣ есть свой человѣкъ, который самъ видалъ „залѣсье“, приступили къ Егорычу, который, подпивши, съ своимъ старческимъ тщеславіемъ долго разсказывалъ про вольную жизнь въ залѣсьи.

— Ахъ, ребятишки, что это за милая аби-и-тель—эта сталица!—говорилъ онъ намъ, чуть не захлебываясь. — Сейчасъ это тебѣ тутъ трактирчикъ... варганъ-машина музыку строитъ... Блаародство!..

— Да скажи ты намъ дяденька, Егорычъ, далече-ль отъ насъ эта обитель вольная?

— Отъ насъ-то?.. Не такъ чтобы далече... Вотъ, примѣрно, живемъ мы въ новгородскихъ лѣсахъ... Сичасъ это, пройдя наши дебри, пойдетъ чугунка... И пойдешь ты все по ей прямо...

Слушали мы, хлопцы, а наши глупыя хлопецкія думы носились по залѣсью вслѣдъ за Иваномъ Якимычемъ.

И послѣ того не одинъ, не два вечера дядя старый Егорычъ, расшевеленный появленіемъ ухаря, доподлинно выкладывалъ предъ нами изъ старческой памяти своей все, что только припомнилъ онъ про „эту вольную милую обитель—развеселую столицу, распрекрасный Питирбургъ“. Послѣднее онъ даже подпѣвалъ своимъ голосомъ старческимъ, а по лицу его, заросшему волосами, по густой его, съ просѣдью, бородѣ такъ и разливалось ребячье довольство.

Какъ это случилось я не припомню теперь, только однимъ свѣжимъ утромъ трое насъ глупыхъ хлопцевъ выходили изъ нашего дремучаго лѣса. Вотъ уже кончается онъ, ужъ сквозь его столѣтніе стволы мерещится вольный Божій свѣтъ, вотъ сейчасъ только поворотъ—и дорога. Непросвѣтная стѣна стала между нами и заводскою гутой. Чистое небо открылось далеко кругомъ. Птицы щебетали по опушкѣ лѣса и словно что разсказывали намъ. И только что на поворотѣ открылась намъ дорога, какъ чей-то голосъ привѣтствовалъ насъ.

— А! Здорово, молодцы-хлопцы! Куда путь держите? Какія мѣста злачныя посѣтить задумали? Али, можетъ, святымъ угодникамъ обѣщанье дали поклониться въ молодыхъ лѣтахъ? — говорилъ намъ такой мягкій, тихій голосъ. Ноги тряслись у насъ и лихорадка пробѣгала по трепетавшему тѣлу.

— Что жъ это васъ, друзья мои, за лихоманка пробираетъ? Ась?.. Экіе молодцы бравые! Скоро же вы успѣли съ завода свои души на волю выработать. Бывало, и отцы-то ваши не доживали до этакой благодати... Похвально!.. Нельзя ли будетъ полюбопытствовать, какъ это вы съ вашимъ управляющимъ разсчитались и какую такую онъ вольную бумагу вамъ далъ?.. Вернемтесь-ка со мной, друзья мои милые, я только попеняю управляющему, какъ это онъ такихъ добрыхъ молодцовъ-мастеровъ безъ всякой бумаги отпустилъ?.. А еще пріятель онъ мой хорошій!

Такія рѣчи говорилъ намъ, понюхивая табачокъ, тихимъ, нетороплинымъ голосомъ стоявшій передъ нами низенькій, сѣденькій старичокъ, въ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ форменной фуражкѣ и въ шинели. Этотъ ласковый старичекъ былъ знакомый намъ становой приставъ.

— Подсаживайтесь-ка, — сказалъ онъ намъ, кивнувъ на свою бричку.—Мы съ вами живо докатимъ до конторы-то! Такъ ли?—спросилъ онъ, впрыгнувъ въ бричку и усмѣхнулся.—Трогай, Ѳедька!

Лошади тронули и свернули въ просѣку.

Лѣсъ нашъ заповѣдный зашумѣлъ вокругъ насъ сердито, словно досадуя, что такъ легкомысленно пропустилъ онъ черезъ свои дебри неразумныхъ хлопцевъ, а сквозь этотъ шумъ будто, слышалось намъ, какой-то голосъ выкрикивалъ: „А догнать этого мошенника — учителишку Ивана сына Якимова немедленно и, догнавъ, отправить его немедленно же на этапу въ мѣста надлежащія“...

III.

ИВАНЪ ЯКИМЫЧЪ—ПИТЕРСКІЙ УЧИТЕЛЬ.

Разсказывая о нашей ребячьей хлопецкой жизни, я упомянулъ вамъ, что черезъ полгода послѣ того, какъ насъ, глупыхъ хлопцевъ, легкомысленно выпустилъ было изъ-за своихъ дремучихъ стѣнъ заповѣдный лѣсъ, когда разыгрывались наши ребячьи думы „въ исканія вольной жизни", въ тоску „по залѣсью", куда ушелъ отъ насъ Иванъ Якимычъ,—я сказалъ, что повстрѣчалъ его въ Петербургѣ... А это было такъ. Иду я однажды по Садовой въ субботу, послѣ шабаша, а тутъ мнѣ на встрѣчу вдругъ и шасть изъ заведенія Иванъ Якимычъ. Пальтецо на немъ короткое, на ватѣ, а морозъ трещитъ со всѣхъ угловъ и жжетъ и теребитъ уши, носъ, щеки, которыхъ много-много беззащитно подставляетъ его лютости оголтѣлый, вѣчно ищущій чего-то, вѣчно стремящійся изъ улицы въ улицу питерскій людъ. Фуражка на немъ надѣта, а поперекъ, черезъ уши, подвязана шарфомъ. Не узналъ было я спачала хорошенько и пошелъ за нимъ, засматривая ему въ глаза. Постарѣе, вижу, сталъ, щеки еще больше впали, бородка жиденькая, а глаза именно тѣмъ взглядомъ смотрятъ, отъ котораго, бывало, и жутко намъ становилось и жалостно. Наконецъ, и онъ замѣтилъ, что я все въ него всматриваюсь; вдругъ обернулся и уставился на меня глазами.

— Дяденька, Иванъ Якимычъ! вы это будете?—вскрикнулъ я.

— Я... А какой я тебѣ дяденька?.. У меня, братъ, нѣтъ никакихъ племянниковъ... Можетъ, у попадьи-сестры гдѣнибудь и есть ихъ десятка два, да мнѣ чортъ съ ними! Ты изъ нихъ, что ли? Такъ проходи... — И глаза у него еще страшнѣе сверкнули, губы какою-то судорогой свело, зубы сцѣпились, словно не хотѣлось имъ выпустить изъ груди крѣпкое слово; онъ повернулся было отъ меня и хотѣлъ итти.

— А можетъ, дяденька, Иванъ Якимычъ, другихъ племянниковъ не помните ли?.. Можетъ, не помните ли, съ которыми въ лѣсъ-то ходили, предъ которыми душу свою тоскливую открывали, объ вольной залѣсной жизни которымъ разсказы сказывали?.. А мы, племянники глупые, говорили тебѣ, чтобъ тоску твою унять: „Хорошо, молъ, дяденька, важно въ лѣсу-то!.." А ты что намъ отвѣчалъ?— „Да, говорилъ, ребятки, хорошо въ лѣсу-то, да у васъ-то плохо... А вонъ *тамъ*, тамъ хорошо"... И рукой это на „залѣсье" покажешь, въ которое ушелъ ты отъ насъ...

Говорилъ я, а у него давно уже сумрачность съ лица сошла, и тихо такъ, словно всматриваясь во что-то далекое, еще мало различимое, засвѣтились его глаза.

— Можетъ, помнишь, какъ ты за насъ, своихъ племянниковъ, у отцовъ нашихъ предъ всею гутой прощенья просилъ, что другой разъ за грамоту билъ насъ въ сердцахъ?.. „Простите меня,—говорилъ ты, — несчастный я... Не я, вѣдь, это бью, а горе мое... Да вотъ ужъ, говоришь, скоро уйду я отъ васъ въ „залѣсье", не буду васъ мучить своею скорбью"... И ушелъ.

— Хлопецъ!—вдругъ крикнулъ Иванъ Якимычъ, и яркій румянецъ, не то отъ стыдливости какой, не то отъ новыхъ, внезапно наплывшихъ воспоминаній, сплошь разлился по его блѣдному лицу.

— Хлопецъ, Петруня,—повторилъ онъ опять.

— Такъ точно-съ.

— Ахъ ты... Какъ же это я?.. Не узналъ... Да, вѣдь, и не узнаешь. Вишь ты какой!.. Ну, и жизнь, и все... и прочее... Много, вѣдь... да... да...

И опять облакомъ грусти затуманился.

— Дяденька, зайдемте... поговорить... такъ...—несмѣло пригласилъ я.

— Пойдемъ, пойдемъ, хлопецъ ты мой... Ка-акъ же!.. У меня нынче суббота... Ничего... Въ другое время не взыщи... А нынче... не оставляютъ... Спасибо... отъ излишковъ... Мы вотъ сюда... Сюда зайдемъ... Тутъ мнѣ кстати... Дѣло у меня тутъ, — говорилъ онъ, входя въ небольшой трактирчикъ на углу Садовой и Вознесенскаго.

Народу ужъ тутъ много было, *нашего* народу. Всѣ сидѣли за столомъ, человѣкъ по пяти, по шести; пили пока чай и вели свои домашніе расчеты, такъ какъ была суббота. У этихъ столовъ дѣло велось серьезно. Расчитывались другъ съ другомъ, и взаимные загулы въ продолженіе недѣли высчитывались очень тщательно, съ точностью до полшкалика водки. У другихъ, уже кончившихъ расчетъ, на столѣ появилась водка, пиво, и шелъ кругомъ безшабашный гвалтъ. У насъ, въ Питерѣ, всегда такъ. Получивъ въ субботу недѣльный расчетъ, вся артель, живущая вмѣстѣ, человѣкъ шесть-семь, идетъ въ трактиръ, требуетъ чаю и начинаетъ расчитываться. И только уже по окончаніи расчетовъ за прошедшую недѣлю дается каждому полная свобода дѣлать съ оставшимися деньгами что ему угодно. Мы заняли одинъ столъ. Иванъ Якимычъ развязалъ свой шарфъ, снялъ фуражку и показался ужъ весь предо мной. Сильно измѣнился онъ за три, четыре года. И не свѣтись по временамъ у него тотъ взглядъ, какимъ часто глядѣлъ онъ во время своей скорби и тоски, или тотъ блескъ глазъ, которымъ искрились они въ минуту горькихъ обидъ и немощной злобы,—не узнать бы мнѣ его. Голова совсѣмъ полысѣла, щеки и глаза впали, носъ сталъ выглядывать какъ-то длиннѣе и острѣе—постарѣлъ видимо, и даже въ рѣчи стало чувствоваться что-то такое, нѣжно слабѣющее.

„Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ,—думалъ я, смотря на него, — узнать, дяденька, какъ тебя холила „залѣсная, вольная жизнь“, какъ ласкала тебя родная близкая рука, о которой мы мечтали, хлопцы, въ нашихъ ребячьихъ думахъ, думая, что нашелъ ты ее, эту руку, въ своемъ залѣсьѣ...“

— Ну... ну... — заговорилъ онъ такъ торопливо,—что, какъ у васъ тамъ? Да, впрочемъ, что жъ я?.. Вѣдь, я ужъ плохо кого помню... А вотъ тутъ не забыли... Да!.. Дѣти, мальцы—все помнятъ... Прощенье, говоритъ, просилъ!.. Вотъ оно—что значитъ дѣти-то... Какъ у нихъ все въ душу-то укладывается... А мы что?.. Мы думаемъ, что коли некуда дѣваться, такъ ребятъ учить... Дѣло, дескать, самое послѣднее,—учи себѣ тяпъ да ляпъ—чему-нибудь и выучишь. Что, молъ, тутъ! Хлопецъ заводскій, мальчишка сопливый. Что тутъ церемониться? Водку при немъ пей, безобразничай сколько хочешь, въ ухо его... Самъ — мерзавецъ послѣдній, безнравственный, разбойникъ, еле грамотѣ знаетъ. А спроси его: „можешь ребятъ учить?“... — „Вотъ, говоритъ, еще чего не умѣть!“ Подлецы!..

Онъ выпилъ.

— Вотъ и я... Ну, что я?.. Ничтожность... Куда итти? Въ учителя, ѣсть надо... А, вѣдь, съ ними, съ мальцами, ангеломъ нужно быть... А я?.. Пьяница злобный... душа грѣховная, подлостью и низостью полная, что вкладывали въ меня черезъ розги мои милые обучители сквозь глубокіе рубцы.

— Нѣтъ, вы это не такъ, дяденька... Ваше слово—слово душевное было...

— Душевное!.. Да горечь въ немъ была, злоба кипѣла въ этомъ словѣ-то... А тутъ въ словѣ-то теплота нужна, непорочность чистая... Вотъ я сюда пришелъ отъ васъ... Что дѣлать? Давай—въ учителя... Чувствую, что не могу ни другимъ, ни себѣ угодить въ этомъ, а... ѣсть надо!

— Такъ вы и здѣсь обучаете... тоже?

— Да, какъ же... обучалъ!.. Экзаменъ сдалъ въ университетѣ, дипломъ получилъ... Учитель! Тутъ скоро пригласили въ школу, какая-то нѣмка содержала... для разныхъ благовидныхъ цѣлей. Сталъ я ходить. Все шло ничего... Да какая-то особа одинъ разъ и приди... „Вотъ, говоритъ, это вашъ попечитель“,—говоритъ содержанка-то. „Вы, говоритъ мнѣ, встаньте въ уголъ... куда-нибудь... А то на васъ платье-то очень непрезентабельное...“ Всталъ я. А она стала выводить попечителю дѣвочекъ... „Вотъ, говоритъ, ваше—ство, это самыя хорошенькія... Этой вотъ пятнадцать, этой шестнадцать, этой семнадцать...“ Я за нимъ смотрю. „А! хорошо... я, говоритъ, всѣхъ пристрою. Я

всѣхъ за своихъ чиновниковъ повыдамъ. А это, говоритъ, кто?" — Это, говоритъ, учитель... Такъ, говоритъ, по дешевой цѣнѣ... Потому у меня эти науки не такъ важны... Я больше обращаю вниманіе на то, что можетъ украсить семейную жизнь..."— „*Се бонъ! се шарманъ*"! говоритъ. На слѣдующій день пошелъ я въ школу. Думаю, чортъ ихъ возьми!... Не нужны мои науки, такъ нечего тутъ попусту и стараться. Взялъ и выпилъ и еще выпилъ... Больно ужъ меня эта злоба-то взяла. Пришелъ въ классъ. Посмотрѣлъ на мелюзгу... Жалко мнѣ стало... „Эхъ,—говорю я имъ, — мелюзга вы моя!.. Несчастные вы мои!.. Много васъ видалъ, а такихъ, какъ вы, несчастныхъ, не видывалъ я..." Да и пошелъ, и пошелъ имъ разсказывать, какихъ я несчастныхъ дѣтей видалъ, какъ самъ росъ, какъ они будутъ еще несчастнѣе... Разсказывалъ, разсказывалъ, да и зарыдалъ. А тѣ сидятъ—слушаютъ; муху слышно летитъ, глазенки на меня таращатъ. „Дяденька,—говорятъ мнѣ,— ты намъ и завтра разскажи... про себя-то... Намъ больно жалко тебя..." И назавтра пришелъ... Опять разрыдался... Тутъ и входитъ барыня-то. Дѣти вдругъ всѣ вспыхнули, словно попались они въ чемъ... Но не увидалъ я ни одной усмѣшки, несмотря на то, что барыня, смотря на меня, хохотала деревяннымъ и ядовитымъ смѣхомъ... „Прошу васъ больше не жаловать сюда... портить дѣтей!" — сказала она мнѣ. И хорошо сдѣлала. Можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ испортилъ бы... Послѣ того ребятки-то ходили ко мнѣ которые... Однажды повстрѣчалъ на улицѣ... Вдругъ, вотъ такъ же, какъ ты, окликнулъ меня такой звонкій голосъ: „Иванъ Якимычъ,— кричитъ, — здравствуйте!"... Смотрю, а предо мной стоитъ такая молодая, красивая, разодѣтая...

„— Маша, говорю, ты это?

„— Я-съ, говоритъ. У насъ ужъ школы нѣтъ... Померъ попечитель-то. Которыхъ успѣлъ выдать за чиновниковъ, которымъ оставилъ обезпеченіе, *своимъ-то*...

„— А ты какъ же?

„— Я... (и покраснѣла вся). Да пойдемте, голубчикъ, ко мнѣ... Погрѣемтесь... Поговоримъ мы съ вами... Винцомъ я васъ отогрѣю... Вѣдь, какъ мы васъ полюбили было!

„— Милая ты моя, милая, несчастная!—сказалъ я ей, а слезы такъ и полились у меня.

„— Эхъ, говоритъ, что ужъ тутъ!.. Вѣдь, мы межъ людей живемъ, — нечего всѣмъ съ нашею горечью соваться-то въ глаза... Пойдемте-ка.

„— И точно—нечего!"

Иванъ Якимычъ вдругъ смолкъ и устремилъ глаза на сидѣвшій народъ, но онъ, казалось, ничего не замѣчалъ, даже меня, такъ какъ онъ будто разсказывалъ самъ себѣ.

— Иванъ Якимычъ,—окликнулъ тихо я.

— А!.. Да... да... Я вотъ совсѣмъ того... Извини... Маша-то все меня очень мучитъ...

— Я было хотѣлъ спросить васъ... Можетъ, вамъ не въ обиду...

— О чемъ?.. Спрашивай, спрашивай... Я нынче, братъ, тише сталъ... Я ужъ нынче не такой злой... Поразвѣтрился,— и Иванъ Якимычъ какъ будто повеселѣлъ.—Эй, малый, давай-ка намъ пивка!..

— Ну, какъ вы... отыскали ли здѣсь?.. Нашли ли?..

— Счастія-то?—Иванъ Якимычъ улыбнулся.—Какъ же, Петруша!.. Велико ли наше счастіе!.. Наше счастіе маленькое... Знаешь ли, въ чемъ мое-то счастіе состоитъ? Въ добромъ словѣ, въ ласкѣ... Взгляни ты на меня, какъ на человѣка только—не вороти ты отъ меня глазъ-то, какъ отъ прокаженнаго... Взгляни ты на меня съ любовью—и я весь твой!.. Бери меня... Я за тебя и въ огонь, и въ воду... Вотъ, Петруша, вотъ ты меня призналъ... вспомнили меня... А что я для васъ сдѣлалъ?.. Что я вамъ?.. Вотъ только ты сказалъ мнѣ: прощенья просилъ... а ужъ во мнѣ все и поднялось внутри-то... И слезы къ глазамъ подступаютъ... Отчего? Оттого — не было у насъ ничего этого... Только развѣ когда-нибудь, сквозь тьму и мракъ, сквозь боль тѣла и души, сквозь голодъ и холодъ, иногда, бывало, набѣжитъ на тебя минута незаурядная... И вотъ цѣлую-то жизнь ты благословляешь эту минуту... Ты, одинокій, заброшенный, вѣчно лелѣешь ее на глубинѣ души... И ждешь, и ищешь—одного ждешь и ищешь отъ жизни, немногаго: душевнаго слова,—и тогда вспыхнетъ въ тебѣ заревомъ это, лелѣемое тобою, и озаритъ тебя такою тихою благодатью!.. Такою незаурядною минутой была у меня мать. Гордая она была, беззащитная, опозоренная... Голодная, она носилась со мной изъ села въ село, покуда могла... „Братецъ милый,—молила она за меня, валяясь въ ногахъ у оплывшаго и толстомясаго брата,— не для себя прошу... При-

мите душу неповинную!.. Вспомните вы: у насъ одинъ былъ отецъ, одна была мать...“

„— Жена, — кричитъ братъ, — дай-ка ей тамъ изъ закромы каравай ситнаго, да выведи ее со крестомъ за ворота... Доколѣ намъ съ ней мучиться-то?.. Мы тоже люди служебные, мораль-то на насъ напущать...

„И идетъ мать дальше... А ей гудитъ вэадъ какой-то хриплый и громкій голосъ:

„— Подь-ко сюда, моя жена законная!.. Подь-ко сюда, я тебя, съ твоимъ выродкомъ-то, ременнымъ кнутомъ вдоль тѣла паскуднаго твоего вытяну... за ваше шельмовство...

„И несли ее подкашивавшіяся ноги все дальше и дальше отъ этого страшнаго голоса... Слышится мнѣ теперь ея голосъ:

„— Отецъ родной!.. Отецъ родной! — молила она, сползая съ кровати, предъ послѣднею минутой, и обнимая ноги у богатаго мужика, — Ваню-то... Не оставь ты... Милое мое, драгоцѣнное мое дитя!..

„— Ладно... Будь покойна... Что жъ, пріуготовимъ мальчугана!.. Для нашихъ дѣлъ пригодится... Умирай съ Богомъ!.. А мы парнишку не оставимъ.

„Съ тѣмъ она и умерла.

„— Жена,—говорилъ купецъ (управляющимъ онъ послѣ у васъ на заводѣ былъ),—а мы стряпухина-то парнишку (стряпухой она была у купца-то) сначала въ грамоту отдадимъ... Онъ намъ подручный будетъ... На вѣкъ будетъ слуга и рабъ...“

— Эхъ ты, мать моя, мать!

Иванъ Якимычъ проговорилъ это дребезжащимъ голосомъ и затихъ.

— Маша-то еще меня мучитъ,—заговорилъ онъ.—Ты извини, что я того немножко, закручинился... Это, братъ, старое... кипитъ... Ну и ты... Я предъ тобой не боюсь говорить... А въ самомъ-то дѣлѣ у меня, Петруша, чудесно дѣло-то идетъ!.. Ты зайди-ка ко мнѣ завтра... Ты посмотри, о чемъ я хлопочу... Какъ я себѣ, знаешь, обстановку-то творю... Добился малость... И на нашей улицѣ праздникъ будетъ... Ну, о чемъ ты хотѣлъ спросить-то?... Какъ я волю-то въ залѣсьи искалъ?... Да?.. Да, вѣдь, братъ, попросту... Я молодой, вѣдь... Какъ молодому воли не найти? Кто поперегъ твоей дороги встанетъ? Пришелъ я сюда безъ всего, съ одною волею доброй, да желаньемъ неудержимымъ... Вѣра была во мнѣ не поколеблена... А въ молодости и вѣрѣ—сила жизни; пропала она — все пропало... Въ ночлежномъ дворѣ здѣсь съ *вашими* сошелся, съ кое-какими... Въ артель меня скоро взяли... Письма для нихъ писалъ, кое-какія въ то время дѣла имъ справлялъ... Не оставляли они меня... А самъ я, первымъ дѣломъ, на учителя подалъ... Я еще и у васъ къ этому дѣлу готовился... въ лѣсу-то... Ну, выдержалъ... И мѣсто получилъ было... Ну, говорилъ я, мѣста лишился... Да, такъ заходи же, Петя... А мнѣ въ артель одну нужно—счеты ей сводить.

Пришелъ я къ Ивану Якимычу; нанималъ онъ одну комнатку, длинную, только темную, съ однимъ окномъ. Войдя къ нему, услышалъ я ужасный гвалтъ. У него было человѣкъ шесть ребятишекъ, то въ какихъ-то халатахъ изъерзганныхъ, то просто въ сермяжныхъ рубахахъ; одни были въ опоркахъ, другіе босякомъ. Въ комнатѣ дымъ табачный ходуномъ ходилъ. Иванъ Якимычъ сидѣлъ на прорванномъ кажаномъ диванѣ, съ гитарой, и что-то выводилъ густымъ басомъ. А ребятишки смотрѣли на него, старались спѣться съ нимъ. Въ углу сидѣлъ какой-то человѣкъ съ косыми глазами, худой, низенькій, въ блузѣ и хохоталъ. Концертъ доставлялъ ему большое удовольствіе.

— А, милости прошу!.. Входи, входи... Посмотри, какъ мы тутъ въ „залѣсьи“-то орудуемъ, какъ мы себя обставляемъ,—говорилъ Иванъ Якимычъ такимъ голосомъ мягкимъ, а лицо его такъ и свѣтилось довольствомъ полнымъ.

— Осмотрись-ка! Вотъ у меня здѣсь какіе новобранцы-то... Шумно, братецъ, у насъ. Это точно... Ну, только здѣсь все-жъ не то, что у васъ, закрепощенныхъ хлопцевъ. Ты посмотри-ка каковъ у насъ здѣсь народъ-то—сила! Васюкъ, подь-ка сюда.

— Ха-ха-ха!.. Народъ—сила!.. Ахъ ты... Боже!.. Иванъ Якимычъ!.. Ха, ха!..—покатывался мастеровой.

— Глянь-ка! Глаза-то, глаза-то у него какіе,—говорилъ Иванъ Якимычъ, поднявъ за подбородокъ Васюка.—Ишь ты въ нихъ какъ сила-то ребячья играетъ... Ну, говори, ты кто такой?

— Васька...

— Ну, и дуракъ!.. Вонъ и котъ у меня тоже Васька... Я его ремнемъ могу вытянуть за баловство... Чтожъ тутъ хорошаго?

— Я, дяденька, человѣкъ,—спохватывается малецъ.

— Какой человѣкъ?.. Люди, братъ, разные бываютъ... Есть совсѣмъ никуда негодные...

— Я, дяденька, вольный ремесленникъ,—вдругъ перебиваетъ его лихо малецъ, словно поймалъ такое слово, какое именно было Ивану Якимычу подходящее, и, какъ жеребенокъ, дернулъ вверхъ головой, а губы чуть не до ушей растянулись отъ широкой улыбки.

— Ха, ха, ха!—опять заливался блузникъ.—Иванъ Якимычъ, да брось!.. Не ма-а-гу! „Вольный ремесленникъ!..“

А Иванъ Якимычъ съ каждымъ вопросомъ все мину свою серьезнѣе и серьезнѣе дѣлалъ.

— Что значитъ „вольный ремесленникъ“?

— Въ обиду не дамся,—отхватываетъ малецъ.

— А тебя нѣмецъ-хозяинъ ремнемъ вытянетъ?

— А я обругаюсь...

— А онъ тебѣ колодкой голову прошибетъ?

— А я его въ ухо...

— А онъ тебя въ чуланъ на хлѣбъ да на воду?

— А я къ мировому,—не заикаясь, говорилъ малецъ и прибавилъ самоувѣренно:—Ныньче, братъ, шалишь!.. чтобы баловаться...

— А мировой тебѣ не повѣритъ?

— А я аблаката найду... Хоть тебя, дядя, примѣрно... Ныньче, братъ, нельзя... Сичасъ контрахтъ... Въ контрахтѣ, братъ, тоже сказано, чтобы меня кормить какъ можно, чтобы честь-честью... Потому онъ также черезъ меня барышъ получаетъ,—такими словами, незнакомыми намъ, хлопцамъ, сыпалъ малецъ.

— А адвокату заплатить нужно?

— Подметки починю... Въ подмастерья выйду—головки сошью... Мы не забудемъ!

— Ма-ал-ладецъ! Давай руку!.. Мы теперь съ тобой себя знаемъ... Не пропадемъ... Такъ ли, мальцы?—говорилъ Иванъ Якимычъ.

— Это вѣрно!—отвѣчалъ одинъ и зацѣпилъ рукой по затылку другого, словно испытать онъ хотѣлъ его въ твердости. Другой обернулся и задалъ ему боксъ.

— Это такъ и нужно!.. Въ обиду, главное, не давайся...

И ребята завозились.

— Вотъ, братъ, какъ у насъ... здѣсь... здѣсь воздухъ чище... Здѣсь мы сами себѣ хозяева... Учимся весело... А у васъ, тамъ, несчастныхъ, что ужъ за ученье... Тоска меня, скорбь грызла на васъ смотря... Вамъ нужно воли было, гулять вамъ нужно... Тутъ и учись...

— Гдѣ вы это ихъ понасбирали?

— Э, братъ!.. Это тоже не безъ трудовъ... Они мнѣ въ копеечку стали... Эй, вы!—весело крикнулъ онъ, но мальчуганы не слыхали,—вы, вольные ремесленники!.. Вы мнѣ, смотри, долгъ не забыть отдать!.. Тоже, братъ, было мнѣ съ ними... Ходилъ я, ходилъ по хозяевамъ-то, просилъ, чтобы учениковъ ко мнѣ хоть часа на четыре въ недѣлю отпускали... Чуть не въ ноги кланялся... На нѣмца—честнаго сапожника—чуть не дюжину пива пропоилъ, пока онъ согласился Ваську да Сережку отпускать... На чухонца-портного водки безъ счету издержалъ... Наконецъ-таки добился новобранцевъ...

— Ха-ха!.. Новобранцы!.. Да они васъ смучаютъ, эти новобранцы-то,—заливался блузникъ.

— Нѣтъ, это, братъ, что... Мы еще не то... Это мы только сначала... чтобъ въ силу войти... А мы, собственно, нѣчто объ иномъ замышляемъ... Нѣчто такое хорошее думаемъ... Михаилъ Игнатьичъ!—вдругъ крикнулъ онъ лежавшему на кровати человѣку, котораго я не замѣтилъ,—а?.. Мы *свое*... какъ-нибудь съ Божьею помощью... Мы вмѣстѣ... а?..

— Ладно!—промычалъ тотъ изъ угла.

— Ты, вѣдь, работникъ важный по благороднымъ металламъ... примѣрно, серебру, мѣди и прочему?

— Ничего.

— Ну, вотъ... А вишь, у насъ тутъ по вашимъ ремесламъ есть вотъ финляндецъ Кокуненъ, вотъ ярославецъ Трошка, вотъ царскосельскій бюргеръ Истопниковъ... Народъ, братъ, первый сортъ... а?.. Еще понаберемъ... Глядишь, годика черезъ три въ силу войдемъ, и тогда вмѣстѣ... нѣчто... сообща... а? Общую мастерскую?

— Годика черезъ три? Ладно!—откликался лѣниво изъ угла кто-то.

— И тогда... Славно, братцы!

Иванъ Якимычъ даже руками развелъ, словно онъ хотѣлъ обнять что-то полными и широкими объятіями своими и вдохнуть всею своею худою и провалившеюся грудью.

— Что тогда!.. Намъ славно-то бу-

детъ... А тебѣ что?.. Ты, братъ, все одно не причемъ... въ сторону отойдешь,—опять нехотя проворчалъ лежавшій на кровати.

— Это точно... Это точно... Да! Что изъ меня сдѣлано!.. Куда мои-то молодые годы дѣвали!.. Образованный!—закручинился Иванъ Якимычъ.—Ну, чтожъ? Я на васъ буду смотрѣть, да радоваться... Чтожъ?.. Тогда новыхъ новобранцевъ... Мы... Да чтожъ?.. Я, братъ, и самъ еще въ силѣ. Я, братъ, самъ учиться пойду... въ столяры пойду, въ слесаря... Эхъ, еще во мнѣ силы-то!.. Еще я...

Но вдругъ онъ оборвался, и глухой, какъ буря какая, кашель такъ и вырвался изнутри его, глаза налились кровью и лицо. Грудь, казалось, разрывалась. Онъ долго кашлялъ и почти упалъ на диванъ.

Лежавшій на кровати съ небритою бородой, съ угрюмымъ взглядомъ всталъ и захохоталъ такимъ удивительнымъ смѣхомъ.

— Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, оно... съ этою прорвой-то... Ха-ха-ха! Не далеко уѣдешь... Она, эта прорва-то (онъ постучалъ его въ грудь), въ три дуги тебя согнетъ... Сила!.. Птица ты Божья—вотъ что!.. Отщепенная птица!.. Ребята, пошли домой,—сказалъ онъ мальцамъ, а тѣ во всѣ глаза смотрѣли на Ивана Якимыча и такія лица были у нихъ серьезныя. Они собрались и ушли.

— Дай-ка, Михаилъ Игнатьичъ, мнѣ тамъ немного,—почти прошепталъ Иванъ Якимычъ.

— Знаю, знаю,—говорилъ тотъ, ставя на столъ водку.

— Это у меня давно ужъ,—обращаясь ко мнѣ, сказалъ Иванъ Якимычъ.—Да вотъ отъ васъ шелъ, ночью бѣгъ отъ прекрасныхъ вашихъ мѣстъ, вашего развеселаго житья... А ночь-то бурная была... Вплоть до Питера шелъ, не просушившись... Такъ вотъ сильнѣе съ тѣхъ поръ стало... Ну, вылѣчусь...

— Лѣчиться!.. Нѣтъ, оно... съ этою прорвой-то... Ха-ха-ха!.. Не далеко уйдешь... Сила!.. Вотъ онъ всегда такъ... День деньской бѣгаетъ, а все даромъ, за грошъ... То по мировымъ, то на уроки... Ребятишекъ натаскалъ... То бумаги пишетъ... Деньги копитъ на выкупъ дѣвченки какой-то... словно за родной... А какая она ему родня?.. Нѣтъ, братъ, эдакъ-то не долго протянешь... Ха, ха!.. Съ этою прорвой-то... Я это дѣло-то—вотъ какъ... Сила!.. Эдакъ, братъ, нельзя... вашему брату,—говорилъ Михаилъ Игнатьичъ, словно со слобой, и смотрѣлъ на меня угрюмымъ взглядомъ.

— Ну, а впрочемъ... тьфу!... Что̀ я ему, родня, что ли?... Доколачивайся,—сказалъ Михаилъ Игнатьичъ, опять легъ на кровать и замолчалъ.

— Прощайте пока,—сказалъ я.

— Прощай,—проговорилъ онъ и больше ничего не сказалъ.

Черезъ недѣлю я опять завернулъ къ Ивану Якимычу. Его маленькая комната была полна народу,—тутъ были и Маша, и мальцы, и мастеровые разныхъ цеховъ.

— А! вотъ и ты!... Кстати, кстати... А я, брательникъ, нынче первый разъ въ жизни рожденіе свое праздную... Понимаешь ли: *я праздную свое рожденье!*... Да!... Маша! а? Мы съ тобой на новую жизнь... празднуемъ... Мальцы!... Ты посмотри-ка... вотъ еще новобранцы... Ты, братъ, этихъ не видалъ... Экой народъ славный... Милый народъ!... Мы, милый народъ, съ вами себѣ важную обставку сдѣлаемъ, свою, общую... а? Сдѣлаемъ?... Хочу просить, чтобы позволили... открыть...

Взялъ онъ со стѣны гитару и перебралъ по струнамъ.

— Управляющій-то здравствуетъ у васъ?—вдругъ спросилъ онъ меня, и въ глазахъ его опять заискрился тотъ блескъ, который такъ памятенъ былъ намъ, хлопцамъ, отъ котораго становилось намъ и жутко, и жалостно.

— Какъ же! Очень ужъ онъ бѣшенъ былъ, какъ ушли вы отъ нашего скорбнаго житья въ свое „залѣсье“.

— Ну, что? Говорилъ: „звѣря, змѣю откормилъ неблагодарную: онъ бы у меня, выродокъ паршивый, въ ногахъ долженъ валяться... Онъ бы...“ Да, такъ онъ говорилъ, когда я ушелъ?... Неблагодарный!—сказалъ онъ, помолчавъ немного,—да! И, вѣдь, это правда... Меня всѣ такимъ считаютъ... А спросить: за что же я долженъ быть благодарнымъ-то? Это за ту злобу, что вкладывали звѣрствомъ и отчужденіемъ глубоко въ душу мою отверженную? Меня боятся, братья, всѣ боятся... Я отверженецъ... Съ такими людьми, говорятъ, жить опасно... Вишь, говорятъ, у него въ глазахъ-то какіе зеленые огни ходятъ... Какъ, говорятъ, губы-то у него судорогой сво-

дитъ... Бѣгите онъ нихъ, сторонитесь—это язва... Не будь ихъ, наша жизнь пресвѣтлая потекла бы невозмутимо... Этихъ людей уничтожать надо, ихъ, какъ худосочныхъ щенятъ, въ Фонтанку надо... Это вредные, злоехидные люди... Это люди безъ сердца... Это волчата изъ лѣсовъ дремучихъ... А за что все это?... А, вѣдь, въ насъ любви-то сколько!... Вѣдь, скажи ты намъ душевное слово, не вороти ты отъ насъ лица-то—и, Боже мой! какимъ пламенемъ хлынетъ изъ насъ эта любовь, долго на глубинѣ хранившаяся, нерастраченная на мелочи, — какая сила богатая духа проявится! И тогда,—ударилъ онъ по струнамъ,—

Повели ты въ лѣто жаркое
Мнѣ пахать пески сыпучіе,
Повели ты въ зиму лютую
Вырубать лѣса дремучіе...

— А, вѣдь, это правда, голубчикъ Иванъ Якимычъ,—вдругъ съ грустью посмотрѣвъ въ лицо его, проговорила Маша.

— Что?

— А вотъ, что̀ вы говорили-то... что много, много людей, должно быть, васъ не любятъ-то...

— А какъ же это ты знаешь, милая?

— Да вотъ недавно... Случай!... Случилось такъ... Сердце у меня даже сжалось... Пришла я на-дняхъ къ подругѣ... къ Лизѣ... У нея гость сидѣлъ... кутилъ... Сидитъ и карточки фотографическія разглядываетъ, а у нея и ваша карточка была... Помните, она у васъ выпросила?... Посмотрѣлъ онъ это на вашу карточку и говоритъ: „А! говоритъ, любовника новаго завела? Знакомъ намъ этотъ гусь-то!... Мы, говоритъ, кое-что объ немъ знаемъ... Больно онъ высоко крылья-то сталъ забирать, зашибаетъ воздуха-то много... Мы, говоритъ, этому любовничку-то покажемъ опять лѣса темные...“

— Да это, говоритъ, не любовникъ!.. Это знакомый, говоритъ Лиза-то, а сама поблѣднѣла.—„Ладно!... Знаемъ мы васъ“, говоритъ, а у самого губы дрожатъ,—ревнивъ ужъ онъ очень.

Пока говорила Маша, а на Иванѣ Якимычѣ лица не стало, поблѣднѣлъ онъ, посмотрѣлъ на Машу.

— Маша! ужъ говорятъ обо мнѣ?—сказалъ онъ такимъ раздирающимъ душу голосомъ.—Что же я сдѣлалъ? Зачѣмъ у меня жизнь-то мою, счастіе-то мое невеликое хотятъ отнять?

Потомъ посмотрѣлъ онъ на ребятишекъ и опять на Машу, и поставивъ руки на колѣни и скрывъ въ ладони лицо, цѣлымъ потокомъ пролилъ онъ слезы. Всѣ мы глядѣли на него недвижно.

— Все отнимутъ... не дадутъ расцвѣсть... Все возьмутъ!...—Онъ вдругъ поднялся и выпилъ большую рюмку водки.—Эхъ, люди!

— Нѣтъ, ужъ если такъ говорятъ,—вдругъ словно опять ослабѣвалъ Иванъ Якимычъ и говорилъ, садясь на диванъ,—тутъ ужъ не дадутъ... И что̀ я имъ?... Развѣ я извергъ, въ самомъ дѣлѣ?... И зачѣмъ имъ мое малое, невеликое счастіе?... И зачѣмъ они тушатъ эту малую, еле мерцающую искру, которой рѣдко-рѣдко удается разгорѣться въ насъ?

Всѣ примолкли. Мальцы во всѣ глаза на него смотрѣли.

— Не тоскуй, Иванъ Якимычъ,—начали было мы говорить ему,—что ты, любящій? Брось тоску-то... Объ насъ-то бы тебѣ нечего заступничать... Опасливо оно съ нами брататься-то вашей братьи...

— Нѣтъ, братцы, — вдругъ сказалъ онъ,—вы это не говорите... Вы объ этомъ не думайте... Не вы это... Вы тутъ не при чемъ... Вы меня, братцы, не обезсудьте, что я вамъ скажу... Я въ этомъ дѣлѣ, я — одинъ... И что я заступался за васъ, такъ это месть во мнѣ кипѣла, злая кровь играла... Мнѣ, одному мнѣ любо было и отрадно моему больному и изстрадавшемуся сердцу смотрѣть, какъ я душилъ ихъ ихъ же жадностью, мучилъ ихъ, растравляя покой ихъ... А вы... Нѣтъ, братцы, за васъ будутъ другіе печальники, — держатели свѣта и знанія, — съ любовью и наукой выступятъ они... Въ насъ нѣтъ этой силы святой и благодатной... Мы—рабы, рожденные въ грязи и тинѣ,—все больше и больше клеветой на себя бередилъ свои раны Иванъ Якимычъ.

— Полно, Иванъ Якимычъ... Твои дѣла были для насъ дѣла душевныя.

— Нѣтъ, друзья... Мало этого... Любви намъ нужно... Только на волѣ цвѣтетъ эта любовь-то... А у насъ на чемъ она могла зацвѣсти?... Нѣтъ у насъ той почвы...

— Глупая я, глупая,—проговорила Маша,—и что это я вамъ сказала, голубчикъ?... Вѣдь, ей-Богу, и въ умъ мнѣ не пришло...

— Не ты, не ты, Маша... А я было думалъ... Ну, да сократимся... Утишимъ бурю... Это ничего, не печалься... Мы съ тобой, какъ улитки, въ раковину

скроемся... Учиться будемъ, много будемъ учиться... Только чтобы вотъ здѣсь-то не кипѣло... Молиться буду, братцы,— крикнулъ онъ,—вотъ такъ буду молиться: „духъ же цѣломудрія, терпѣнія, любви даруй ми, рабу твоему“... Эхъ, еще сколько въ насъ съ вами, братцы, силы-то чуется!

Слушали мы этотъ голосъ, и чудилось мнѣ, хлопцу, будто говорилъ такъ не Иванъ Якимычъ, — будто стоялъ предо мною, какъ бывало, вольный человѣкъ попъ-разстрига, и развѣвались его волосы, блестѣла серебряная борода и ходуномъ ходила на головѣ шляпа.

. . . .

Миръ праху твоему, безвѣстный страдалецъ, вмѣстѣ съ матерью своей моливщій у жизни только любви и встрѣтившій злобу, ненависть, подозрѣніе! Даже костямъ твоимъ не пришлось успокоиться тамъ, гдѣ думалъ ты найти миръ душѣ, свободу любящему сердцу, волю благороднымъ помысламъ.

Немного на нашемъ заводикѣ осталось хлопцевъ, которые помнятъ, какъ больного привезли его, „па-итапу“, опять на родину, въ тѣ темные лѣса, изъ которыхъ, вмѣстѣ съ нами, рвался онъ на волю; немногіе помнятъ и то, какъ послѣдніе дни проводилъ онъ въ этихъ лѣсахъ, одинокій, какъ отшельникъ; какъ пугалъ имъ всѣхъ заводскихъ управляющій нашъ и какъ всѣ вокругъ, темные люди, боялись слово сказать съ нимъ, какъ съ зачумленнымъ.

Немногіе помнятъ и его раннюю могилу, и нѣтъ надъ ней ни камня, ни креста, и никто не пролилъ на нее слезы. Только одинъ-другой хлопецъ развѣ втихомолку вспомнитъ.

Поплачьте же хоть вы, добрые люди, о немъ и о насъ!...

1868—70 гг.

КРЕСТЬЯНЕ-ПРИСЯЖНЫЕ.

КРЕСТЬЯНЕ-ПРИСЯЖНЫЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПО ПУТИ ВЪ ОКРУГУ.

I.

Напутствіе.

Къ началу ноября пришла очередь выставить присяжныхъ въ „округу“,—такъ у насъ называютъ окружный судъ и вмѣстѣ губернскій городъ,—за подгородными волостями уѣзднаго городка П., лежащаго въ палестинѣ, омываемой водами Оки и ея притоковъ. Въ ихъ числѣ была и Пѣньковская, отъ которой на этотъ разъ „въ череду“ значились: Лука Трофимовъ—мужикъ обстоятельный, уже разъ бывшій присяжнымъ, значитъ, въ такомъ дѣлѣ совѣтчикъ первый, Петръ Спиридоновъ да Савва Прокоповъ, Еремѣй Петровъ да Еремѣй Горшокъ—народъ все хозяйный и въ лѣтахъ умѣренныхъ; изъ стариковъ только одинъ и попалъ Ѳомушка, да и то занесли его въ очередные списки въ послѣдній разъ, по нуждѣ, за сына: избу сыну нужно править, лѣсъ возить, погорѣли они несчастнымъ дѣломъ. Потомъ значились: Дороѳей Бычковъ, мужикъ базарный, ловкій, и Петръ Недоуздокъ, крестьянинъ „правильный“, богобоязненный и даже состоявшій въ недавнее время сотскимъ.

Приказали на Михайловъ день собираться. Порѣшилъ міръ на сходѣ: считать по три пятака на брата въ день. На подводы не полагается, потому до своего города можно пѣшкомъ дойти, а тамъ по шоссе—какъ ни то со Христомъ, а гдѣ и съ обозами, при случаѣ. А лошади дома нужны лѣсъ возить, да и содержаніе ихъ въ городѣ дорого стоитъ.

Въ Михайловъ день очередные собрались въ волостное правленіе, совсѣмъ снарядившись въ путь: мѣшки за спины подвязали,—въ нихъ бабы по обмѣнкѣ положили, по рубахѣ да по портамъ, и потискали ржаныхъ кокурокъ на сметанѣ; къ мѣшкамъ пристегнули лапти и сапоги, по парѣ.

— Ну, братцы, пора ужъ... Неравно поторапливайтесь. Бѣда, слышь, запоздать. Штрафы берутъ, такіе штрафы, что и казны всей нашей не хватитъ. Вотъ что!—говорилъ старшина.—Вы не смотрите на Шабринскихъ: они на подводахъ ѣдутъ. Вишь, ихъ Гарькины везутъ всѣхъ гуртомъ на фабричныхъ коняхъ!

— За что жъ бы это они ихъ ублажаютъ, Парѳенъ Силычъ?—любопытствовалъ Недоуздокъ.

— Ну, ужъ это кто ихъ знаетъ. Не наше это, почтенные, дѣло... Да и вамъ мой приказъ: коли что ежели и прознаете, такъ молчокъ. Наше, молъ, дѣло сторона.

— Знамо, сторона... Мы по себѣ.

— Наше дѣло молчокъ. Такъ-то-съ! А то тамъ въ округѣ народъ до всего дошлый... Обчество, братцы, берегите, чтобъ за васъ отвѣту не было.

— Какъ можно обчество!... Ежели что—насъ же накажете.

— Это такъ, къ слову... Да еще присмотръ за собой ежечасно имѣйте, огляду вокругъ себя... Ты, Лука, знаешь... Потому будете тамъ у всѣхъ на чеку, а народъ тамъ тонкій, во всемъ будетъ отъ

васъ отвѣта ждать. И чтобъ намъ, почтенные, ни противъ людей, ниже противъ Господа дураками себя не оказать.

— Зачѣмъ дураками оказываться!

— Да еще, Господи сохрани, не прохарчитесь какъ ни то на винище на подлое... Сдерживайтесь какъ можно. Деньги у насъ, братцы, не очень вольныя.

— Зачѣмъ баловаться!

— А то какъ бы намъ съ вами, судьями, послѣ не поссориться. Да и еще приказъ: коли ежели гдѣ въ трактирѣ, али въ харчевнѣ будете, всего наипаче старайтесь молчать и ни съ кѣмъ, а болѣе съ приказными да ходоками зубы не точить.

— Слушаемъ, Парѳенъ Силычъ.

— Ну, и Господи благослови! — сказалъ старшина и, вставъ, перекрестился.

— Благослови Царь небесный, — отвѣтили пѣньковцы и тоже покрестились.

— Ну, вы, судьи, получай свои-то паспорты! — крикнулъ писарь и раздалъ повѣстки.

— А чѣмъ не судьи, Хрисанфъ Потапычъ?

— Лапотники первый сортъ! лыкомъ шиты!

— Годи мало: сапоги сошьемъ, не ты одинъ въ сапогахъ ходить будешь.

— Того и жди. Съ насъ снимете да себѣ надѣнете. Кто у васъ артельный?

— Лука артельный у насъ. Онъ ходилъ въ череду, знаетъ порядки.

— На вотъ, получай; ты принимаешь — на тебѣ и спросъ будетъ.

Лука Трофимычъ принялъ харчевыя деньги, собралъ повѣстки и вмѣстѣ на груди въ кошель завязалъ.

— Съ Богомъ. А ты, Лука, посматривай за Недоуздкомъ-то! — крикнулъ имъ вслѣдъ старшина, — попужайте его тамъ, братцы, судьбищёмъ-то... А коли что, такъ мы его послѣ и лозой — судью-то!

Что же это за „юридическія лица" были всѣ эти Луки, Петры, Еремѣи, которыхъ еще можно лозой вспрыскивать? Всѣ они были, прежде всего, трудолюбивые землепашцы, принадлежали къ тому великорусскому типу, который отличается крупными чертами лица, ростомъ болѣе средняго, шагистою и нѣсколько развалистою походкой, сѣрыми или блѣдно-голубыми глазами и бѣлесовато-рыжими (двушерстными) бородами. Всѣ они большіе любители говорить и слушать разныя сентенціи, въ родѣ того, напримѣръ, что „мужику баловаться нельзя; мужика за баловство знаешь какъ надо... Мужикъ — что быкъ..." Всѣ они болѣе легковѣрные художники, чѣмъ строгіе мыслители, и хотя, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться или рѣшить какое-нибудь дѣло, долго носятся съ нимъ, думаютъ, изслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ, но вдругъ, утомившись, бросаютъ всѣ свои длинныя подготовительныя изысканія и произносятъ рѣшеніе, иногда совершенно противоположное всѣмъ добытымъ предварительными изысканіями результатамъ, но зато согласное съ ихъ душевнымъ настроеніемъ. Они впечатлительны; въ нихъ замѣтна склонность рѣшать дѣла „по душѣ", а не по хитросплетеннымъ измышленіямъ. Все это кладетъ на ихъ характеръ печать добродушія. Эти общія свойства прилагались къ нашимъ пѣньковцамъ въ разнообразныхъ степеняхъ: въ одномъ преобладаетъ долгая, упорная вдумчивость, — „семь разъ примѣрь"; другимъ, напротивъ, овладѣваетъ всецѣло вдохновеніе, и онъ живетъ „наитіемъ минуты". Первый, по понятіямъ пѣньковцевъ, будетъ считаться „мужикомъ основательнымъ, правильнымъ", второй — „неосновательнымъ". Лука Трофимычъ извѣстенъ всѣмъ за самаго основательнаго или, иначе, „обстоятельнаго" мужика. На печь онъ никогда не завалится, не увлечется ни дѣломъ, ни бездѣльемъ; все у него идетъ ровно: есть дѣло — онъ дѣлаетъ его не торопясь, основательно, толково, нѣтъ дѣла — онъ ходитъ съ топоромъ вокругъ избы, въ огородѣ — тамъ стукнетъ, тутъ потешетъ, въ другомъ мѣстѣ скрѣпитъ. И вездѣ у него крѣпко, плотно. Постороннимъ вліяніямъ поддается онъ туго, остороженъ, даже недовѣрчивъ; ходитъ въ высокой шляпѣ грешневикомъ. Но при всемъ томъ съ этимъ же Лукой Трофимычемъ случилось разъ такое дѣло: облюбовалъ онъ срубъ избяной; долго всматривался въ него, долго уговаривался съ владѣльцемъ; казалось, взвѣсилъ все, обдумалъ — и дѣло приходило къ концу. Но тутъ кто-то, по дорогѣ въ городъ, заѣхалъ къ нему въ гости и, между прочимъ, замѣтилъ, что онъ бы, пожалуй, продалъ „хорошему человѣку" и лошадь, и упряжь, и телѣгу. „А что? пожалуй бы я и купилъ, — сказалъ Лука Трофимычъ. — Хоша мнѣ и не очень нужно, да конь приглянулся, и человѣкъ-то ты хорошій". Черезъ десять минутъ Лука Трофимычъ выложилъ половину денегъ, назначенныхъ на срубъ, а о немъ и не вспомнилъ. Потомъ самъ же

добродушно подсмѣивался и надъ собой, и надъ владѣльцемъ сруба: „Да вотъ поди жъ ты, братецъ... кто зналъ? Вотъ мы полгода, почитай, съ тобой сговаривались, а дѣло-то какъ вышло“... Но это нисколько не мѣшало Лукѣ Трофимычу считаться мужикомъ основательнымъ. Недоуздокъ—другое дѣло. Мужикъ онъ изъ нашихъ пѣньковскихъ очередныхъ самый младшій: ему лѣтъ 30 съ небольшимъ. Мужики говорили, что и самое „обличіе“ показывало въ немъ „необстоятельнаго“ мужика: у него русая, кудрявая, окладистая бородка, широкій, открытый и вѣчно улыбающійся ротъ, постоянно показывающій бѣлые здоровые зубы; маленькіе, смѣющіеся сѣрые глаза; на русыхъ, кудрявившихся, подъ скобку, волосахъ носитъ онъ картузъ, который лежитъ на нихъ какъ на формѣ. Идетъ „обстоятельный“ мужикъ, задумчивый, сердитый, повѣся длинную бороду, посмотритъ на Недоуздка — и не утерпитъ, чтобъ не сордовать: „Ну, чего оскаляешься? Чего любо?“ А Недоуздокъ тутъ и разольется надъ нимъ самымъ добродушнымъ хохотомъ, хотя онъ прежде и не думалъ смѣяться. Репутацію „необстоятельнаго“ получилъ Недоуздокъ за свою впечатлительную и порывистую натуру и дѣйствительную „необстоятельность“ своего характера. Какъ-то ужъ совсѣмъ онъ жилъ „подъ наитіемъ“. Парнемъ онъ былъ самый веселый, самый разбитной малый: ни одинъ вечеръ, хороводъ, посидки, свадьба не обходились безъ него; его всегда приглашали въ дружки, такъ какъ никто не умѣлъ заразить всѣхъ такимъ добродушнымъ весельемъ. „И рожа-то у него, что у скомороха“, — говорили обстоятельные мужики. А скоморохъ, когда ему минулъ 19-й годъ, встрѣтился съ однимъ купцомъ. Купецъ этотъ былъ полу-идіотъ, полу-аскетъ, постоянно ходилъ въ церковь, ставилъ свѣчи, крѣпко стукалъ лбомъ въ кирпичный полъ; на суставахъ пальцевъ на рукахъ и на колѣняхъ образовались у него большіе мозолистые наросты отъ поклоновъ. Это поразило Недоуздка, онъ сошелся съ нимъ— и скоро нельзя было узнать парня; бросилъ пирушки, дѣвокъ, хороводы, даже свою возлюбленную, которая съ отчаянія скоро сошлась съ другимъ, и сталъ „церковникомъ“: читалъ псалтирь, звонилъ въ колокола, цѣловалъ у попа руку и раздувалъ кадило; сталъ поститься, много молиться. Купецъ собирался итти въ монастырь, и Недоуздокъ собирался „посвятить себя Богу“. Купецъ дѣйствительно ушелъ въ монастырь, а Недоуздокъ сейчасъ же послѣ этого вернулся къ пирушкамъ, къ хороводамъ, и какъ ни въ чемъ не бывало потребовалъ своихъ правъ: и отъ свадебъ, и отъ сверстниковъ, и даже отъ своей возлюбленной, которую принудилъ выйти за себя замужъ, отчего и устроилъ не очень красивую семейную жизнь. Онъ не могъ себѣ представить, почему она его могла разлюбить. У нихъ по началу шли съ женой такіе разговоры: „Ориша,—скажетъ Петръ,—подь сюды... Сядь... Ну, вѣдь, ты врешь, что ты меня разлюбила? а? Врешь, вѣдь?“ — „Мнѣ что-ка! — запѣваетъ Ориша, — все одно: ты мнѣ мужъ“.—„У, дура! Поди прочь!“ Онъ сталъ мечтать, какъ бы ему жениться на другой, а эту жену отдать своему сопернику, допрашивался, нѣтъ ли такихъ подходящихъ законовъ, но ихъ не оказалось. „Умретъ, тогда женись,—говорили ему, — вотъ тебѣ и всѣ законы — располагайся“. Но Петръ не хотѣлъ смерти жены. Впрочемъ, мало ли что могло случиться „подъ наитіемъ“ и что могла надѣлать поселившаяся въ головѣ мысль. Онъ мечталъ уйти куда-нибудь, взять у старосты свидѣтельство, что жена умерла, и жениться на другой и пр. Но тутъ дѣла повернулись неожиданно: кто-то сказалъ ему, что житье на фабрикахъ веселое и привольное. Онъ, не долго думая, бросилъ хозяйство, жену и ушелъ. Мотался по фабрикамъ года два; шлялся по кабакамъ, игралъ на балалайкѣ, пилъ, плясалъ трепака. Онъ забылъ о женѣ, та о немъ. Она оказалась ловкою бабой: забрала хозяйство въ руки, взяла батрака и вмѣстѣ съ нимъ „подымала“ землю. Но вдругъ пришелъ Петръ и потребовалъ признанія всѣхъ своихъ, на время отчужденныхъ, правъ,—„къ закону вернулся“, какъ говорили мужики: сдѣлался степеннымъ, разсудительнымъ, хозяйственнымъ мужикомъ. Только свои и знали, какъ онъ заставлялъ и жену „вернуться къ закону“.

Лука Трофимычъ и Недоуздокъ шли впереди. За ними слѣдовали прочіе „хозяйные и правильные мужики“. Только Ѳомушка (по списку Ѳома Ѳоминъ), это воплощенное смиреніе, плелся сзади всѣхъ.

Шли присяжные бойкимъ и частымъ шагомъ, молча. Верстъ за пять отъ волости сиверкомъ понесло съ полей. Дорогу стало заметать, словно мучною пылью,

мелкимъ снѣгомъ. За полушубки, за воротники пробивала стужа къ тѣлу. Пройдя верстъ семь, путники остановились

— Ишь ты какъ, братцы, заметаетъ. Того и жди, что разыграется...

— Вьюжитъ... Кафтанишка-то, парни, у меня не очень чтобъ хорошо приспособленъ. Дырявитъ! — печалился Ѳомушка.

— Когда-бъ засвѣтло въ слободу поспѣть.

— Гдѣ поспѣть? Сугробно.

— На печь бы, братцы, важно теперь, али бы на полати забраться, — мечталъ Недоуздокъ. — А то, глянь, какая подымается мятлица. Неровно закоченѣешь. Валенки-то, вишь они, поистерлись. Хорошіе-то женѣ покинулъ. Жалко стало, — истаскаю, думаю.

— Всѣ мы тоже не очень чтобъ въ какіе заморскіе мѣха-то разодѣты. Экъ, вѣдь, Господь наслалъ за грѣхи наши. Хоть бы пообождать денекъ-другой.

— Нельзя. У судей все по срокамъ.

— И то. Не застаивайся, братцы. Не хорошо въ экую Божью волю.

Присяжные обернули головы платками и опять бойко двинулись впередъ.

Снѣга наносило все больше и больше. Хотя времени было еще немного, но становилось замѣтно темнѣе. Лѣсъ вдали зачернѣлъ. По вѣтру волчій вой донесся. Влѣво стали показываться едва замѣтныя придорожныя елки.

— Вонъ путина-то. Способнѣй теперь будетъ итти-то. Трактъ многоѣзжій, — замѣтилъ кто-то.

По большой почтовой дорогѣ итти стало легче; но и она была пустынна: никто не обгонялъ ихъ. Вотъ кто-то гдѣ-то свистнулъ. На свистокъ еще отвѣтили. Присяжные пошли уже не гусемъ, а кучей.

— Это *онъ* балуется. Любитъ онъ экую пору, — замѣтилъ одинъ Еремѣй.

— Нѣтъ, это не онъ. Это овражники, — сказалъ Лука Трофимычъ.

— Много, слышь, ихъ здѣсь.

— Много, фабрики все кругомъ. Народъ баловень... Народъ оттябель кругомъ ихъ селится. Днемъ-то ихъ не видать, а вотъ по ночамъ такъ знатно закучиваютъ. По слободѣ у нихъ, какъ ночь, такъ и пойдетъ гульба. Позапрошлымъ годомъ такого молодца мы судили. Разсказалъ всего. Много, говоритъ, насъ. Другой разъ, говоритъ, на фабрикѣ-то мѣсяца по два расчета не даютъ, а то безъ муки сидимъ. Ну, и собираемся въ слободу. А тамъ есть коноводы такіе: сейчасъ это тебѣ водки дадутъ на голодное-то брюхо. И денегъ предложатъ, только, говорятъ, по ночамъ на дорогу выходи. И идемъ, говоритъ, — кто въ сигнальщики, кто въ досмотрщики, кто въ передатчики...

Въ это время кто-то промчался верхомъ, обогналъ ихъ, круто осадилъ лошадь, оглянулъ молча, свистнулъ и, обернувшись назадъ, скрылся въ кустарникъ.

— Это, должно, изъ нихъ, — досмотрщикъ.

— Они насъ не тронутъ, — замѣтилъ Недоуздокъ.

— Что такъ?

— Не тронутъ. Мы — судьи.

— А почемъ имъ знать?

— Какъ не знать! Кто въ эту пору изъ пѣшеходовъ гурьбой ходитъ, кромѣ насъ! Богомолы по зимамъ не ходятъ; на заработки тоже не ходятъ, а коли и ходятъ, такъ въ экую пору по своей волѣ не пойдутъ, — не срочные.

— Это такъ. А что жъ бы имъ насъ и не тронуть? Развѣ они насъ боятся?

— Судей бояться имъ нечего. Нѣтъ, они судей не боятся, потому — что̀ имъ судьи? Они становаго боятся. Ну, а все же судью ублажить имъ чѣмъ ни то нужно. Съ судьей ему, гляди, прилучится встрѣтиться. Не хорошо, по совѣсти, судью обижать.

— Нѣтъ, они нашего брата не обидятъ, — подтвердилъ Лука Трофимычъ. — Разсказывалъ тотъ парень: намъ, говоритъ, понапрасну людей обижать нѣпочто, мы сами по горькой нуждѣ идемъ. А тамъ, говоритъ, какъ пустятъ фабрику въ ходъ, заработки, харчи выдадутъ, — мы и опять работать... Плачетъ паренекъ-то, говоритъ: я было въ покаянье пришелъ, — очень ужъ, вишь ты, душа-то стала тосковать отъ такого безпутства, — а они жъ меня, дурака, и выдали.

— Дурака! А ихъ не поймаютъ, выходитъ, умниковъ-то?

— На то онъ и умникъ... Умникъ-то въ лисьей шубѣ ходитъ.

— Ну, и что жъ, Лука, вы этого парня?..

— Оправили... О, Господи, Господи! — вздохнулъ Лука и помолчалъ. — А гляньте-ко, ребята, — огни! Это въ слободѣ!

— Это волки!

— Гдѣ волки! Вишь вонъ и колокольня мерещится будто...

— Поддай, братцы, ходу! — крикнулъ

Недоуздокъ,—печка близко! Здброво знобитъ!

Присяжные прибавили шагу. Слобода была близко.

II.

Присяжные на ночлегѣ.

Наступила ночь. Въ слободѣ уѣзднаго города П. кое-гдѣ мелькали еще сквозь занесенныя снѣгомъ окна мутные огни. Гдѣ-то выла собака. Съ одного постоялаго двора по снѣгу бѣгали черезъ улицу изъ-подъ подворотни длинныя тѣни и лучи: кто-то ходилъ по двору съ фонаремъ. Слышно фырканье лошадей.

— Осторожнѣй съ огнемъ-то... вы! — кричали изъ глубины двора.

— Мы осторожны... не впервбй.

— То-то. Полуношники. Сожжете,—съ васъ взыски-то какіе!

— Ну, не очень важны хоромы-то... Може, выплатимъ старыми лаптями...

— О, гужеѣды-зубоскалы! Сами бы нажили... Вѣкъ изжили въ однихъ порткахъ, такъ не знаете, каково она, нажива-то, дается.

Присяжные, всѣ занесенные снѣгомъ, подошли черезъ сугробъ къ воротамъ и стукнули желѣзнымъ кольцомъ.

— Кого тамъ еще въ экую ночь носитъ?

— Ночевать бы, — откликнулись присяжные.

— Эко ночевальщики какіе проявились!—огрызался голосъ со двора.—Куда это вѣтеръ гонитъ?

— Въ округу.

— Пѣшіе, чай?

— Пѣшковые мы.

— Проходите дальше... Проходите... Мѣстовъ у насъ нѣтъ... Какіе такіе съ васъ барыши?.. Проходите въ харчевню.

— Полно-се, ты, старый! Уймись! Загрызла тебя корысть-то,—крикнулъ женскій голосъ изъ избы,—куда ихъ гонишь въ экую погоду? Гдѣ они будутъ харчевню искать теперь?

— Ну, умны стали,—проворчалъ кто-то и стукнулъ дверью.

— Много ли васъ?—спрашивалъ тотъ же женскій голосъ за калиткой.

— Восьмеро.

— Много. Тѣсно будетъ... экое дѣло!.. Возчики еще у насъ стали, порожняки... Развѣ потѣснятся.

— Мы потѣснимся. Не важно привыкли спать!—откликнулись голоса со двора.—Пущай!

— Ступайте, родимые, ступайте... Да снѣгъ-то отряхните на волѣ. Намочите,—говорила женщина, отворяя калитку.

Присяжные вошли въ избу, въ которой по лавкамъ укладывались возчики; они, видно, только что поужинали. Работница собирала со стола посуду.

— Раздѣвайтесь, родные, — говорила, входя, хозяйка,—посушитесь; а вы, возчики, потѣснились бы.

— А кто будете? — спросили возчики.

— Чередные будемъ.

— Присяжные?

— Они самые.

— Ну, ну, грѣйтесь... Мѣста будетъ... Всѣмъ хватитъ.

Съ печи послышалось ворчанье.

— Эка напустили побиральцевъ... Гольтяпы—какая арава.

— Полно, уймись...

— Спи, старичокъ, со Христомъ; мы не обидимъ.

— Поужинать что будете? — спросила хозяйка, полная, съ грудью-козыремъ, расторопная баба.

— Нѣту. У насъ деревенское есть. Кокурками бабьими побалуемся. Тоже бабы надѣлили какъ быть,—любятъ.

— А то поѣли бы. Щи вотъ остались. Я ничего не возьму. Знамо, люди изъ повинности. Въ городѣ тоже, поди, четырнадцать дёнъ прожить придется. Изъянно.

— Харчевито.

— Харчевито, — что говорить! Похлебайте.

— Приживальщики! — ворчалъ голосъ съ печи.

— Вотъ оно у меня, дитятко-то,—замѣтила баба.—Правду говорятъ, что малый, что старый—все одно.

— Мы, коли что, поплатимся за щи-то. Наливай. Знатно оно съ морозу-то. Зябко было.

— Какъ не зябко! Погрѣйтесь.

Работница поставила щи на столъ.

— Гдѣ у насъ гроза-то? Ай унялась?—спрашивали вошедшіе со двора съ фонаремъ возчики.

— На печкѣ гроза-то. Оттуда гремитъ,—отвѣчала хозяйка.

— Ну, ну! Гремитъ еще? Грозёнъ.

— Хозяинъ будетъ?—обратились присяжные къ хозяйкѣ, кивая на печку и залѣзая за столъ.

— Нѣту. Отецъ. Блажной—не приведи Господи...

— Не хорошъ сталъ отецъ—въ гробъ пора. Нажилъ добра—теперь довольно!—ворчалъ старикъ.

— Вотъ онъ на васъ, на судей, больно сердитъ.

— Ой? Что такъ?

— Да вотъ года три тому назадъ штрафовали его. Тоже вотъ въ череду былъ: повѣсткой вызывали. „Куды, говоритъ, еще въ городъ ѣхать?.. Какой такой судъ съ мужиками—что за мода? Брось, вишь, хозяйство, да судить ступай. Мало тамъ ихъ, приказныхъ-то? Модники! Какой, говоритъ, я такой судья-мужикъ? Народу только баловство. Воры-то на смѣхъ подымутъ"... Ну, и не ходилъ; двадцатипятирублевкой штрафовали. Съ того и сердитъ... А хозяинъ мой тоже въ череду. Съ вами, мотри, будетъ. Уѣхалъ позавчера.

— Мотри, съ нами будетъ.

— Такъ думать нужно. Что подѣлаешь? Ваше дѣло подневольное. Убыточно оно, точно... да, толкуютъ, для души хорошо. Вы какъ?

— Это объ чемъ?

— А вотъ, говорятъ: для Бога очень хорошо, для души. Изъ васъ кто былъ ли въ череду-то?

— Были,—откликнулся Лука Трофимычъ

— О! такъ скажи-ка ты мнѣ объ этомъ. Ужъ я и буду спокойна.

— Это объ душѣ-то тебѣ сказывать?

— Да, да... Объ ней-то ты мнѣ сказывай. Хозяинъ, признаться, тоже не хотѣлъ ѣхать, да попъ уговорилъ. На этомъ и согласился. А то говоритъ: „боюсь я, говоритъ, баба, этого самаго суда". Да чего, молъ, тутъ, Спиридонъ Иванычъ, бояться? Не ты одинъ. „Такъ-то такъ, говоритъ, а все же какъ это подумаешь, такъ тебя будто въ знобъ броситъ... Перцовки, говоритъ, коли неравно что, передъ судьбищемъ-то выпью".

— Это такъ, такъ,—замѣтилъ одинъ изъ возчиковъ,—по себѣ знаю, помогаетъ чудесно. Я ее, перцовку-то, вò какъ уважаю. Однова настудился я. Въ зàжору, братцы, попалъ совсѣмъ, и съ возомъ. Такъ думалъ: „ну, больше, молъ, Петруха, не жилецъ ты"... А еще оженился недавно только. Жалко было бабу... Да перцовки, братцы, выпилъ это съ фершаломъ штофъ, ну, и опять хоть снова въ зажору полѣзай.

— Да ты это къ чему сказывалъ о перцовкѣ-то?—переспросила хозяйка.

— Это я къ себѣ...

— А кто тебя просилъ? Ты слышь,—я разсказываю: на хозяина, молъ, страхъ напалъ. Говоритъ: „мотри, какъ бы послѣ-то совѣсть не заклевала". Я вотъ къ чему... А онъ объ зажорахъ.

— Всякому свое мило,—замѣтилъ возчикъ и улегся на лавкѣ, подостлавъ тулупъ.

— Такъ я вотъ объ этомъ-то... Какъ ты скажешь... Бывалый, вѣдь, ты?—обратилась хозяйка къ Лукѣ Трофимычу.

— Ну, объ этомъ какъ тебѣ говорить.—Лука Трофимычъ затруднялся и продолжалъ смущенно:—Дѣло точно будетъ, такъ сказывать надобно, доброе... Да во всемъ нужно съ разсудкомъ... А пожалуй и такъ скажемъ, что какъ ежели по человѣку...

— Да, да... Безъ разсудка долго ли до грѣха. А все жъ за благодушнаго-то судью Бога помолятъ.

— Помолятъ. Это будь спокойна, хозяйка,—заговорилъ одинъ изъ возчиковъ, подходя къ столу.—Да вотъ какъ помолятъ-то, я вамъ скажу... Ты, что ли, въ судьяхъ-то былъ?

— Я былъ.

— Ну, такъ вотъ... Я, можетъ, тебя за твое-то благодушіе вò какъ бы отблагодарилъ, кабы въ силу было... Такъ вы меня племяшемъ уважили, что я за кашу не сяду, за васъ не помолившись.

— Что жъ у тебя племяша-то судили?

— Судили. Такъ, дѣло совсѣмъ непутящее было. Зашелъ, вишь ты, братецъ, онъ въ городѣ съ ребятами въ кабакъ, да и забаловались тамъ за полуштофомъ. А тутъ, на грѣхъ, и случилась въ кабакѣ-то драка, да кто-то и умри непутевымъ часомъ. Всѣхъ и забрали. И нашего-то. Годъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Совсѣмъ мы со старухой, съ маткой-то его (сестра мнѣ будетъ), порѣшили, что ужъ пропадать ему за чужое дѣло... Паренекъ былъ исправный, кормилецъ, одинъ послѣ отца надѣлъ справлялъ...

— Ну, и оправили его, судьи-то?

— Объ чемъ же я-то сказываю? Совсѣмъ уважили. Да вотъ какъ, братецъ: сестра-то это моя, старушка, ходочка какого-то упросила въ округѣ, чтобъ онъ ей всѣхъ судей-то на записку выписалъ, поименно. Вотъ какъ. Да съ этою бумагой-то лѣтось въ Соловки сходила, передъ угодниками по свѣчкѣ за здравіе судей затеплила старушка Божья!

— Зачтется это твоей старушкѣ отъ Господа.

— А я объ чемъ же?.. Она вотъ теперь говоритъ сыну-то: „я, батъ, вамъ ужъ больше, по старости моей, не работница, отпусти ты меня, батъ, на гору Аѳонъ,— еще помолюсь за новыхъ судей-то"... Такъ вотъ я и сказываю: за благодушнаго-то судью молитва въ народѣ не пропадетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Такъ ты за хозяина-то будь спокойна.

— Я спокойна...

— Ну, и ладно. А присяжныхъ всегда уважь.

— Мы уважемъ. Этого у насъ грѣха нѣтъ.

— Ты бы имъ вотъ кваску нацѣдила, и я бы, можетъ, хлебнулъ кстати.

— Ѳедосья! нацѣди-ко-сь.

— Благодарствуемъ, хозяйка,— сказали присяжные, вылѣзая изъ-за стола.

— Не на чѣмъ, родные. Може, нашъ кусокъ не пропадетъ. Ложитесь-ко. Чать, завтра рано тронетесь?

— По-рану. Къ вечеру намъ быть бы нужно.

— Слышь, къ намъ сюда будетъ судъ-то ѣздить... Хорошо было бы для насъ, неизъяшно.

— Для насъ все одно...

— Все жъ ходьбы-то поменьше.

— Это правда... Сапогамъ облегченье.

Утромъ поднялись присяжные рано, отдыхали они немного; еще свѣтъ не занимался, какъ они начали справляться. Возчики еще спали. Хозяйка поднялась за перегородкой, зѣвнула, вышла, почесывая обѣими руками подъ повойникомъ, и зажгла свѣчу.

— Ну, дай Богъ счастливо,— заговорила она, позѣвывая и крестя ротъ.— Увидите моего-то хозяина, — извѣстите, что, молъ, мы благополучны.

— Ладно, скажемъ.

— Щи, молъ, у твоей хозяйки хлебали... А останавливались, молъ, у нея возчики, скажите.

— Ладно.

— Да извѣстите (вотъ только что въ просоньяхъ-то вспомнила): Палагея, молъ, родила... Ужъ тамъ знаетъ. Въ кумовья его думали, да ужъ заочно помянутъ. Родила, молъ, родила... Дѣвочку, молъ.

— Скажемъ. И про Палагею извѣстимъ. Будь покойна.

Одинъ изъ возчиковъ повернулся на лавкѣ, высунулъ голову изъ-подъ полушубка и, вытаращивъ осовѣлые глаза, долго смотрѣлъ на присяжныхъ; потомъ спросилъ:

— Вьюжно?

— Мететъ!

— То-то зябко.

И, закутавши голову въ полушубокъ, повернулся къ стѣнѣ.

— Почтенные,—сказалъ Лука Трофимычъ,—вы бы присмотрѣли... Чтобъ послѣ грѣха не было.

— Ступайте, ступайте со Христомъ!— кто-то крикнулъ съ полатей. — Мы васъ не опасаемся.

— Все же...

— Нѣту, нѣту... Зачѣмъ грѣшить на васъ! Маятно вамъ будетъ итти-то?—спросилъ голосъ.

— Сугробно, думать нужно.

— Можетъ, коли порожнемъ нагонимъ—подвеземъ.

— Спасибо.

Присяжные подвязывали мѣшки.

— Отчего не подвезти. Подвеземъ,— отозвался кто-то еще.—О-охъ, Господи!.. А у тебя, хозяйка, таракановъ довольно.

— Ну, что они тебѣ, тараканы-то, помѣшали?

— Я такъ... къ слову... Мнѣ что? Пущай живутъ.

Вдругъ кто-то забредилъ: „Суди—суди... у кобылы... кобылы хвостъ укралъ... Лови его, братцы!" закричалъ въ просонкахъ возчикъ и проснулся. — „Ахъ, чтобъ те... гдѣ кобыла-то?" — спросилъ онъ, безтолково водя глазами.

— Лови ее!... Увели!

— Домовикъ, чтобъ его... Придушилъ совсѣмъ. А навалистъ онъ у тебя, хозяйка.

— Прощай, хозяйка... Прощай, дѣдъ! Не обезсудь за безпокойство. Ай спишь?

— Ну-ну, ужъ ступайте... Судейщики! Съ этою вашею модой-то, того гляди, всѣхъ перерѣжутъ да переграбятъ. Такой разбой кругомъ пошелъ,—когда было видано?... Поблажники!

— Ахъ, грозенъ у насъ на печи судья проявился!—замѣтили возчики.

— Ѳедосья, запри за ними калитку-то! — крикнула хозяйка, опять укладываясь за перегородкой.

— Не ходи, не зачѣмъ... Самъ запру,— заворчалъ старикъ, спрыгивая съ печи прямо въ валеные сапоги.—Нонѣ только за всѣмъ своимъ глазомъ присмотри—то и цѣло.

Присяжные выходили одинъ за другимъ. За калиткой они снова перекрестились и пошли вдоль слободы. Еще не разсвѣтало. По улицамъ сугробы намело. Ноги вязнутъ. Гдѣ-то вдали свѣтится огонь. У домишка стоятъ нѣсколько саней; лоша-

ди дремлютъ и вздрагиваютъ. Откуда-то слышатся взвизгиванія пѣсни и гармоники.

— Души-и! — вылетаетъ изъ глубины двора подавленный выкликъ.

— Стой-ой!... ой!... Вотъ все здѣсь— получай!...

— Вина-а!—неистово раздается отвѣтный крикъ.

— Крра-а-аулъ! Косу вырвалъ... Па-адлецъ! — выбѣгаетъ изъ калитки растрепанная женщина.

— Вотъ они гдѣ... грѣхи-то!.. Сохрани Господи!—боязливо промолвилъ Ѳомушка.

Присяжные удрученно молчали.

III.

Деревенскій статистикъ.

Опять раскинулась предъ нашими пѣшеходами „трактовая путина", — теперь почти безбрежная, совсѣмъ слившаяся подъ общимъ снѣговымъ пологомъ, которымъ укутала вьюга за ночь и дорогу, и луга, и поля и до котораго еще не коснулся ни лапоть, ни валеный сапогъ, ни копыта, ни санный полозъ. Ровною и живописно-однообразною скатертью раскинулась она впереди. Изрѣдка только попадались путникамъ спасительныя, уныло согнувшіяся въ одну сторону, заиндивѣвшія и покрытыя бѣлою бахромой елки, вокругъ которыхъ наметала вьюга цѣлые валы снѣга. Все же путина эта была не пустынная, и въ другое время весело на ней путнику. То усадьба покажется въ сторонѣ за рощей съ своими старами службами, съ красными тесовыми крышами, длиннымъ барскимъ домомъ, съ нетронутыми еще новымъ владѣльцемъ или арендаторомъ-купцомъ „балясами" и колоннами. То выселокъ выбѣжитъ на крутой берегъ плещущейся въ оврагѣ рѣчки тремя-четырьмя новыми большими избами, мельницей, пасѣкой,—это владѣнія поселившихся на „своихъ" пустошахъ братьевъ-собственниковъ, мирно живущихъ, пока ходокъ-аблакатъ не занесетъ къ нимъ страшнаго слова „раздѣлъ" и не „натравитъ" ихъ на безконечную тяжбу, въ которой каждый будетъ доказывать права свои „по стариковой памяти" и пока въ этой „травлѣ" не погибнетъ выселокъ, выпустивъ на вольный свѣтъ безземельныхъ голяковъ и обогативъ „за труды и юридическія познанія" ходока-аблаката и стакнувшагося съ нимъ „большака-брата". То монастырь блеснетъ бѣлыми стѣнами и золотыми главами среди необозримой поймы и заповѣдныхъ луговъ. То вдругъ за лѣсомъ, на спускѣ къ полной рѣкѣ, усѣянной правильными площадками безчисленныхъ плотовъ, гдѣ, бывало, разбиты были англійскіе скверы и парки и съ утра до поздней ночи слышались звуки охотничьихъ роговъ, вдругъ выдвинется чудище, длинное и высокое, шумящее и гудящее тысячами веретенъ, смотрящее сотнями мигающихъ въ сумерки глазъ...

Деревенька высыпала предъ присяжными по обѣ стороны „трактовой путины" десятками двумя-тремя убогихъ избъ. Послѣ вьюги еще печальнѣе смотрятъ онѣ: какая-то пустота, заброшенность царитъ вокругъ нихъ. Овины, клѣти и риги развалились, клочками торчитъ на однихъ растрепанная ночною вьюгой солома, другіе на половину растасканы на дрова; „крестьянскій дворъ" сглаживается, пустѣетъ и оголяетъ сиротливо стоящія безъ хозяйственныхъ службъ избы.

Прошли ее наши путники въ конецъ,— никого не видали, ни у дворовъ, ни изъ избъ голосовъ не слышно, только старуха глухая у однихъ воротъ стояла. На концѣ уже деревни старика замѣтили: онъ кололъ на дрова старую, изгрызанную и прогнившую колоду. Старикъ былъ высокій, сгорбленный, сухой, съ длинными, высохшими и цѣпкими руками; изъ-за большой сѣдой бороды и подстриженныхъ усовъ показывался беззубый ротъ; лысая голова изборождена была ямами и шишками; сморщившаяся кожа старческими глубокими складками, словно шрамами, покрывала щеки и лобъ; изъ-подъ длинныхъ клочковатыхъ сѣдыхъ бровей смотрѣли слезящіеся, но умные и зоркіе глаза. Дырявый полушубокъ едва держался на его костлявыхъ плечахъ; изъ-подъ него виднѣлась впалая, волосатая, тяжело, точно кузнечные мѣха, подымавшаяся и ниспадавшая грудь.

— Видно, у васъ, дѣдушка, безъ поселенцевъ деревня-то стоитъ?—спросили его присяжные.—Ты въ досмотрщики, что ль, къ пустымъ избамъ приставленъ?

— Почитай что такъ,—неторопливо отвѣчалъ старикъ, вздохнувъ всею грудью, погладивъ ладонью лысину и надѣвая шапку.

— Только намъ, старымъ да груднымъ, и осталось... Нонѣ у насъ вонъ гдѣ поселенье-то развеселое. Невесело въ своихъ-то отцовскихъ избахъ!—показалъ старикъ по направленію къ фабрикѣ.

— Гдѣ весело!... Вишь, она, деревенька-то родная, какъ замухрилась...

— Замухряешь! Нонѣ мы за собой не смотримъ... Нонѣ мы на купцовъ работники... А вы чьи будете?

— Мы пѣньковскіе. Въ округу чередными пробираемся...

— Ну-у! нашихъ, поди, судить будете?

— Развѣ отъ васъ кто есть?

— Еще какъ есть-то!... Много отъ насъ къ суду идетъ.

— Что такъ?

— Народъ отъ закона отбился... въ туманѣ ходитъ. Мужья женъ не знаютъ, жены мужей покидали. Сватовства уже и не слыхано: сватовъ ровно изъ-вѣковъ въ заводѣ не было. Дѣвки рожаютъ безъ стыда, что бабы. Робятъ перемѣшали: не разберутъ, кой законный, кой нѣтъ. Недавно вотъ тутъ, на Ильинки, баба родила, а мужъ-то и не призналъ. „Не мой, говоритъ, — это машинный (фабричный, значитъ), изъ-подъ машины рожденъ...", да въ безпамятствѣ и объ уголъ младенца! — отчетливо и не торопясь излагалъ старикъ предъ присяжными народную уголовную лѣтопись.

— Экія дѣла скорбныя! — замѣтилъ Ѳомушка.

— Кои въ прорубь таскаютъ: изъ года въ годъ какъ пить даютъ по утопленнику... Жена мужа лѣтось, въ Троицу, яичницей съ мышьякомъ накормила, — это въ селѣ Семенкахъ. Въ Болтушахъ мужикъ, на Покровъ, бабу зашибъ, — вишь съ приказчикомъ запримѣтилъ. На Капельника дядя Петръ на вожжахъ повѣсился изъ-за невѣстки... Вотъ какое мѣсто грѣха народнаго насчиталъ я вамъ, старый!

— И ты все это, дѣдъ, помнишь? — удивлялся Недоуздокъ точности, съ которою высчитывалъ старикъ „несчастные случаи".

— Наказалъ Господь памятью на такое дѣло! Сижу вотъ другой разъ, да и считаю: сколько за лѣто, сколько за зиму, сколько за тотъ годъ, сколько за другой Господь за грѣхи несчастныхъ дѣлъ на наши палестины напущаетъ... Все помню, какъ на ладони все это предо мной видится... Во младенчествѣ, должно, согрѣшилъ предъ Господомъ, что наказалъ онъ меня такою памятью... За всю мою жизнь все злое, недоброе, непутное, что только на кару Господь за грѣхи намъ, мужикамъ, посылаетъ, — все вижу годъ въ годъ, день въ день...

— А какъ тебя звать, сверстничекъ? Чтобы неравно намъ на судьбищѣ, вспоминаючи тебя, страхъ Божій не забыть! — спросилъ благочестиво Ѳомушка.

— Архипъ Сукъ. Сукомъ, другъ, меня прозываютъ... Плохо, братцы, дѣло въ нашей палестинѣ! Судите строго-праведно, други мои! можетъ, и пооcлабнетъ грѣхъ-то...

— Всѣхъ Богъ разсудитъ! — отвѣтили присяжные. — Спаси тебя Господь...

— Васъ спаси Господи.

Старикъ покряхтѣлъ, посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и снова началъ раскалывать дубовую колоду.

— То-то здѣсь горе надъ людьми лютуетъ! — далеко уже отойдя отъ деревеньки, замѣтилъ Лука Трофимычъ.

— То ли ужъ народъ глупъ, то ли привыкъ онъ на мамону чужую работать! — недоумѣвалъ какъ будто про себя Недоуздокъ.

— Поддержки народу нѣтъ, — порѣшилъ Ѳомушка, — что малый ребенокъ онъ... Какъ ты его осудишь?

Толковали присяжные, казалось, хладнокровно, а, между тѣмъ, личность Архипа Сука, этого безвѣстнаго статистика народнаго „грѣха и несчастія", подѣйствовала сильно на нихъ. Съ каждымъ шагомъ къ округѣ, съ каждою встрѣчей все сильнѣе начинали они ощущать, хотя смутно, свою близость къ этому „народному грѣху и несчастію", свою нравственную обязанность къ нему.

Такъ называемые „культурные" люди не могутъ имѣть даже смутнаго ощущенія этой близости. Для нихъ народный „грѣхъ, несчастіе" есть не болѣе, какъ „абстрактная идея" права (выражаясь ихъ словами); для народа — это „боль человѣка съ плотью и кровью". Ѳомушка вспоминая Архипа, думалъ, что ежели осудить человѣка „грѣха и несчастія", то какъ бы не превысить мѣру Господня наказанія, и какъ бы тому человѣку больнѣе не стало, чѣмъ по совѣсти слѣдуетъ. Въ то время, какъ по понятіямъ однихъ „грѣхъ" начинается съ момента преступнаго акта и требуетъ наказанія, — для крестьянина онъ уже самъ по себѣ есть часть „кары и несчастія", начало взысканія карающаго Бога за одному ему вѣдомые, когда-то совершенные поступки.

IV.

„Божій помѣщикъ“.

Чѣмъ дальше подвигались присяжные по многоѣзжему торговому тракту, чѣмъ чаще попадались имъ на пути различныя селенія, тѣмъ чаще приходилось снимать шапки, раскланиваться съ встрѣчными и отвѣчать на одни и тѣ же вопросы всегда любознательнаго, относительно своего брата, селянина.

— Чьи будете? — спрашиваетъ селянинъ.

— Чередовые,—откликаются, проходя, присяжные.

И спрашивающій еще долго смотритъ, засунувъ одну руку въ карманъ полушубка, а другую за пазуху, вслѣдъ уходящимъ. Другіе, не желая упустить случая чѣмъ-нибудь разогнать зимнюю скуку, подшучивали надъ присяжными.

— Эй, пѣшковые!—окликнули присяжныхъ въ одномъ селѣ, и вслѣдъ за этимъ, заложивъ руки въ карманы, стали, не торопясь, подвигаться къ нимъ три-четыре селянина. По ихъ походкѣ, по оклику присяжные хорошо знали, что почтеннымъ селянамъ желательно „поточить зубы“.

— Добраго здоровья!—привѣтствовали поселяне, слегка приподнимая высокія, въ формѣ шампанскихъ пробокъ, шапки, которыя любятъ носить ямщики, а за ними и всѣ прочіе обитатели почтовыхъ трактовъ.

— Спасибо.

— Присяжные, что ли, будете?

— Они будемъ.

— Ну, братцы, палками бы нужно вамъ у насъ запастись.

— Что такъ?

— Для васъ тутъ у насъ засада есть.

— Насъ не обидятъ.

— Васъ-то и обидятъ.

— Чего съ насъ взять... Развѣ шалятъ у васъ?

— Шалитъ-то, братцы, у насъ всего одинъ—Аника воинъ. Помѣщикъ будетъ... Вотъ съ самой „воли“ какъ онъ всѣмъ намъ войну объявилъ, даромъ что мы казенные были.

— Съ чего жъ это онъ у васъ?

— А вотъ какъ положенье вышло... Баринъ онъ былъ хорошій, легкій баринъ; мужики у него на оброкѣ были. Машины все землепашныя покупалъ; привезутъ, онъ соберетъ сосѣдей, мужиковъ, начнетъ имъ показывать разныя дѣйства съ машинами-то. И противъ воли не былъ: „Я, говоритъ, противъ мужицкой воли не стою, только всѣмъ заразъ волю никакъ дать не можно: будетъ, пишетъ, буйство, грабежъ“. А тутъ прослышалъ, что всѣмъ воля — и сполуумствовалъ... Усадьбу свою— вамъ по дорогѣ будетъ—принялся тыномъ обносить, воротъ надѣлалъ, заставъ настроилъ и объѣзды сталъ дѣлать. Ребятишекъ нарочно нанялъ, старыхъ лакеевъ, да верхами, съ оружіемъ, что твои казаки, и рыщутъ вкругъ усадьбы... Нарядъ себѣ такой приспособилъ: кафтанчикъ опушенный, съ красными кармашками, шапку-черкеску, черезъ плечо ружье, саблю, пистолетикъ... чудесно!

— Для чего же намъ палки-то брать?

— Чего, братцы! шутитъ - шутитъ, да нино какъ очень разгорится,—и до бѣды доведетъ... Скотину около рощи настигнутъ—загонятъ; бабъ али дѣвокъ съ грибами, съ ягодами запримѣтятъ—всѣхъ по амбарамъ позапираютъ; на мужиковъ, гдѣ около своего тына наѣдутъ, — сейчасъ обыскъ: трубки найдутъ, спички, топоры, ножи,—все отберутъ, а потомъ все это и посылаетъ къ мировому цѣлымъ этапомъ, при бумагѣ, какъ бы съ поличнымъ: спички—это у него поджогъ, грибы—это захватъ. Только ни мировой, ни исправникъ ему не вѣрятъ. Уговаривали было,да такъ и бросили: умретъ-де скоро...

— Ну, а мы-то что же въ вашей войнѣ, при чемъ?

— А это, почтенные, вотъ какое дѣло. Сынъ у него, барченокъ, въ городѣ обучался, только, должно, скучно стало. Пріѣхалъ и говоритъ: „Я, говоритъ, тятенька, не хочу учиться, довольно ученъ— все понимаю; я въ аблакаты пойду“...— „Это помѣщикъ-то!—крикнулъ отецъ,— съ купцами якшаться?..—Нѣтъ тебѣ ни моего благословенія, ни денегъ! Ступай!“ Ну, сынокъ сейчасъ себѣ шапку съ краснымъ околышемъ купилъ, да и пошелъ по торговымъ селамъ съ купцами чертить... Въ скорости фальшивыхъ бумагъ на купцовъ надѣлалъ... Тутъ его подъ присяжный судъ, да въ Сибирь... Инда взревѣлъ отецъ-то: „Это, говоритъ, моего-то сына мои же мужики судили!“ Такъ вотъ съ тѣхъ поръ вамъ съ нимъ и опасно встрѣчаться... Мы еще туда-сюда съ нимъ, ну, а вы...

— Ничего. Намъ этотъ воинъ не страшенъ,—сказали пѣньковцы, разставаясь съ поселянами.

Едва прошли путники двѣ версты, какъ стала показываться вблизи дороги усадьба, съ огороженными полями, съ тыномъ изъ заостренныхъ здоровыхъ кольевъ около двора, съ разными шлагбаумами, вереями, мачтами. На крышѣ дома подымался гигантскій флюгеръ въ образѣ русскаго пѣтуха съ выщипанными перьями; пѣтухъ этотъ лѣниво повертывался на шпицѣ и визжалъ самымъ жалобнымъ образомъ. За тыномъ слышалась тревога; раздавались голоса. Кто-то суетился неимовѣрно и выкрикивалъ всѣми легкими: „Палашка, замыкай! По мѣстамъ! Заставы за-апри-и!.. Сергѣй!.. на пункты!.. Флоровъ!.. отпусти!.. Есаулъ Клопъ!.. снаряжай!..“

— Папа, папа! — прерывалъ торопливую команду свѣжій, звучный, подхватываемый вѣтромъ, женскій голосъ. — Да куда вы?.. Гдѣ вы волковъ видите?

— Вижу, матушка, вижу... Отлично вижу...

— Да что вы видите?.. И нѣтъ никакихъ вовсе...

— Вижу, Раичка, вижу... ступай въ комнату, душенька, — настудишься. За мной!—скомандовалъ вдругъ кто-то.

— Ахъ, Боже мой! Папа! оставьте!

Ворота растворились. На рыжей высокой англійской клячѣ выѣхалъ, бодрясь, сѣденькій помѣщикъ, въ черкескомъ костюмѣ; за нимъ два старика, въ полушубкахъ съ прорванною шкурой и дырявыхъ валеныхъ сапогахъ,—тоже верхами. Одинъ держалъ на сворѣ пару страшно худыхъ собакъ. Два мальченка, путаясь въ глубокомъ снѣгѣ, бѣжали „на пункты“.

— Стой въ сѣдлѣ! Подсматривай! — скомандовалъ сѣденькій старичокъ въ черкескѣ и самъ, гарцуя, поскакалъ за путниками и сталъ описывать около нихъ круги, увязая въ сугробахъ и геройски выскакивая изъ нихъ. Чистокровная англійская кляча пыхтѣла, фыркала и начинала пускать паръ подъ усерднымъ сѣдокомъ. Пѣньковцы продолжали итти молча. Пропустивъ ихъ нѣсколько за усадьбу, помѣщикъ круто повернулъ къ своему шлагбауму.

— Вонъ онъ! Вонъ, батюшка, сѣрый!— крукнулъ одинъ изъ рыцарей въ валеныхъ сапогахъ, съ длинною сѣдою бородой.—Доѣзжайте его, сударь!

— Воззрись!—закричалъ сѣденькій помѣщикъ.—Спускай въ мою голову! Атту его-го-го-о-о!

И за этимъ раздался выстрѣлъ на воздухъ.

Собаки бросились за волкомъ, котораго онѣ не видали; пробѣжавъ нѣсколько саженъ, они сочли за благо остановиться и подняли вой. Пѣньковцы испуганно обернулись и невдалекѣ отъ себя увидѣли сѣдого Донъ-Кихота, схватившагося обѣими руками за животъ.

— Ха-ха-ха! — надрывался онъ отъ добродушнаго хохота, кашляя и захлебываясь и обративъ къ нимъ свое раскраснѣвшееся маленькое лицо, по которому текли изъ помутившихся глазъ непослушныя слезы.—Оша-алѣ-ѣ-ѣли, милые!.. Я ва-асъ!.. Ха-ха-ха! — ребячески-восторженно выкрикивалъ онъ, грозясь своимъ маленькимъ кулачкомъ.

— Божьимъ помѣщикомъ сталъ баринъ-то!—посмѣивались присяжные, ступая по сугробистой дорогѣ и вслушиваясь въ долетавшій за ними по вѣтру неудержимый старческій смѣхъ.

V.

Проходимцы.

Между тѣмъ, погода начинала снова разыгрываться; вьюга, ослабѣвшая немного, поднялась съ удвоенною силой; съ боку надвигался сумракъ; снѣгъ повалилъ хлопьями. То сзади, то съ боковъ вдругъ налетитъ облако снѣга, оболочетъ кругомъ, и дальше нельзя ступить шагу; захватываетъ духъ, ноги заплетаются и тонутъ.

— Ну, братцы, Божья воля! а нужно куда ни то укрыться. Только понапрасну изморимся,—говорили путники.

— Гдѣ укроешься!

— А вонъ, вишь, будто темнѣетъ что въ сторонѣ... И собаки, слышно, лаютъ.

Вѣтеръ рванулъ, порывисто пронесся съ снѣжнымъ облакомъ въ сторону и вдругъ стихъ. Путники могли разобрать въ сторонѣ дороги строенія. Они повернули къ нимъ и уже прямикомъ, черезъ сугробы, ощупью стали пробираться къ воротамъ; вѣтеръ и снѣгъ заволокли снова все. Присяжные стукнули въ калитку. Неистовый лай и вой здоровыхъ псовъ отвѣтилъ имъ, но никто не выходилъ. Они стукнули сильнѣе,—сильнѣе заливались собаки. Долго пришлось слушать присяжнымъ этотъ лай и вой, сопровождаемый свистомъ и взвизгомъ вѣтра; около нихъ образовался сугробъ; ноги коченѣли.

Наконецъ, раздался за воротами здо-

ровый горластый женскій окликъ, относимый вѣтромъ то въ одну, то въ другую сторону.

— Вы, что ли, это, Парамонъ Петровичъ?—спрашивалъ голосъ, силясь перекричать и собакъ, и вьюгу.—И не ходите лучше! Запили, батюшка, у насъ... Говоритъ: лучше мнѣ этотъ аблакатъ, въ экій часъ, на глаза не показывайся,—за себя не отвѣчаю.

— Мы бы укрыться, хозяйка, укрыться-я!—насколько возможно поднявъ голоса, въ пятый разъ крикнули присяжные.

— Кто такіе еще?

— Прохожіе, милая... Въ округу пробираемся.

— Нѣту, нѣту... Проходите. Здѣсь понѣ не пущаютъ. Купцы живутъ. Купцы поселились.

— Переобуться бы только намъ.

— Да кто такіе?

— Чередные мы. Присяжные будемъ.

— Ахти, батюшки! Да мы сами отъ судовъ въ этихъ пустыняхъ отсиживаемся. Сами съ этими присяжными въ бѣду попали. Изъ города нарочно въ тишину укрылись... Что?

— Ваше дѣло, родная, ваше дѣло.

— Нѣту, нѣту. Проходите. У насъ этихъ заведеньевъ нѣтъ. Мы келейно живемъ... купцы мы. А вотъ тутъ недалечко помѣщики живутъ, подальше. Аблакаты, по вашей части будутъ...

Присяжные молча стали выбираться опять на дорогу, а горластый голосъ, словно разрываемый вѣтромъ, еще невнятно, клочками доносился до нихъ вмѣстѣ съ неперестававшимъ собачьимъ лаемъ.

Скоро показалось и еще строеніе. На самомъ юру торчалъ новенькій пятиоконный домикъ, безъ всякаго признака хозяйственныхъ службъ, какъ будто онъ исключительно построенъ для наблюденій надъ открытыми для него со всѣхъ сторонъ окрестностями. Вѣтеръ угрожающе то насыпалъ вокругъ него груды снѣга, то вновь разбрасывалъ ихъ и ходуномъ охаживалъ его со всѣхъ сторонъ.

На стукъ присяжныхъ полуотворилась калитка и показалась сѣдая, развѣваемая вѣтромъ борода, прикрывавшая открытую, впалую, мѣдно-красную грудь.

— Ахъ, болѣзные!—проговорилъ старикъ, — экъ неволя-то васъ гонитъ въ экую пору. По дѣламъ, что ли, къ нашему-то?.. Пережали бы хоть метелицу-то!

— Нѣту, дѣдушка. Укрыться бы намъ. Путники мы. Въ округу пробираемся.

— О? Экое дѣло! Ужъ и не знаю. Входите, може, пуститъ нашъ-то. Временемъ онъ ничего...

Присяжные несмѣло вошли за старикомъ въ холодную переднюю и остановились въ дверяхъ, переминаясь на одномъ мѣстѣ. Скоро черезъ сѣни, съ другой половины, вошелъ среднихъ лѣтъ мужчина съ растрепанными съ просѣдью баками, кудрявившимися на красныхъ вздувшихся щекахъ, какъ будто онъ постоянно держалъ за ними по куску пирога; маленькіе глазки, съ загноившимися рѣсницами и подпухшими вѣками, хотя и слезились, но старались метать серьезные взгляды. Онъ былъ въ потасканномъ татарскомъ халатѣ, подпоясанномъ старою подтяжкой, съ трубкой въ рукахъ.

— По какому дѣлу?—спросилъ онъ.—Вѣдь, я объявилъ по волостнымъ правленіямъ, что по понедѣльникамъ ходатайствъ не принимаю.

— Мы, ваше бл—діе, не здѣшніе.

— Все равно... Я всѣмъ готовъ служить своимъ...—Хозяинъ задумался, затянулся и выпустилъ вмѣстѣ съ дымомъ:—юридическимъ образованіемъ.

— Мы, батюшка, какъ по-христіански... укрыться просились... Такъ вотъ старичокъ-то позволилъ. Думаемъ, итти въ экую Божью волю — какъ бы грѣха не случилось...

— Ну, это другое дѣло. Грѣйтесь, грѣйтесь. Я не прячусь ото всѣхъ, какъ вонъ эта шельма-купчина. Боченокъ! Сорокоуша! Засѣлъ за псами и сидитъ, никого не пускаетъ. Не пустилъ, вѣдь?

— Не пущаетъ, батюшка...

— Ну, я знаю... Подлецъ! Дать довѣренность — и вдругъ: „не принимаю". Рюмки водки шельмѣ жалко... адвокату своему! Чьи будете?

Присяжные сказали.

— Присяжные? Каково!—удивился помѣщикъ и быстро ушелъ на другую половину; однако-жъ, скоро вернулся, но уже закусывая что-то соленымъ огурцомъ. Присяжные все еще боялись расположиться какъ нужно.

— Переобуться позвольте, ваше бл—діе.

— Переобуться? Можно, можно!—говорилъ онъ, равнодушно прожевывая огурецъ.—А повѣстки есть?

— При насъ.

— Покажи.

Онъ протянулъ руку. Лука Трофи-

мычъ засуетился, полѣзъ за пазуху и, отвернувшись въ сторону, вытащилъ изъ кожанаго мѣшка повѣстки.

— Хорошо, хорошо... Я такъ... Вижу, что въ порядкѣ.

Помѣщикъ стоялъ посреди комнаты, попыхивалъ въ трубку и хладнокровно обводилъ ихъ глазами. Присяжные стали разуваться. Помѣщикъ растопырилъ ноги и помѣстился противъ нихъ.

— Гм... оборы!—говорилъ помѣщикъ, попыхивая изъ трубки.

Мужики снимали лапти и сапоги.

— Гм... лапти!—продолжалъ онъ.

Мужики развертывали тряпки.

— Гм... опучи.

Мужикамъ становилось неловко. Но помѣщикъ вдругъ повернулся и снова скрылся за сѣнцы.

— А онъ, нужно такъ полагать, прожженый! Онъ въ лаптяхъ-то нашихъ теперь, можетъ, хлѣбъ себѣ усматриваетъ.

— Чего дивить! И въ лаптяхъ, братцы, они, эти ходоки-то, кормъ себѣ провидятъ.

Присяжные, распоясавшись, сидѣли, забившись въ уголъ, и, поворотившись къ стѣнѣ, закусывали.

Вошелъ старикъ, отворявшій имъ калитку, сѣдой, въ большихъ валеныхъ бѣлыхъ сапогахъ и рваномъ полушубкѣ; кряхтя и сгорбившись, усѣлся онъ около двери, на краешекъ скамьи, держась за нее старческими трясущимися руками.

— Чьи, старичокъ, будете съ хозяиномъ то?—спросили присяжные.

— Проходимцы, — сердито отвѣчалъ старикъ.

— Званіе хорошее, — замѣтилъ Недоуздокъ.—Прытокъ онъ очень!

— Кто нонѣ не прытокъ! Насъ, дураковъ, много... Насулятъ всего и званiевъ разныхъ пожалуютъ, только горбы подставляй... Горбы-то у насъ здоровые... Прыгай да прыгай, осаживайся, какъ тебѣ будетъ лучше... Мы готовы завсегда—повеземъ...

— А какъ онъ у васъ прозывается?

— Парамошкой прозываютъ... По шерсти и кличка.

— Ничего, ласково прозванъ.

— Онъ не обидчивъ. Вотъ купца-сосѣда (благопріятель нашему-то) и хуже прозвали, да ничего. Даже доволенъ.

— За что жъ это ихъ?

— А за хорошія дѣла. Мало имъ стало у мужиковъ хлѣбъ на корню скупать, такъ они кабачковъ настроили, а около большихъ волостей да фабрикъ притончики веселые завели... Восемьдесятъ лѣтъ прожилъ, а въ такихъ притонахъ въ нашей сторонѣ никто не нуждался.

Рѣчь старика прервалъ вновь пришедшій гость.

— Пути сообщенія... ну! „Пожалуйте въ гласные...“ Да какъ же тутъ, когда сжели на мосту зимой провалился?.. Одна лошаденка—и та ногу повредила!—говорилъ въ волненіи, скидая съ себя овчинную шубу, отряхаясь, отплевываясь, отфыркиваясь, снимая съ бороды сосульки, низенькій, толстенькій, пузатенькій человѣкъ, въ длинномъ кафтанѣ, подпоясанномъ широкимъ поясомъ, и въ шапкѣ съ длинными ушами.—Парамонъ Петровичъ у себя?

— Обѣдаетъ.

— Ну, ладно... А ты что жъ, братецъ, сидишь?.. А еще старикъ, умирать собираешься! Нѣтъ чтобы пойти да посмотрѣть: какъ, молъ, онъ пріѣхалъ, гдѣ у него лошадь-то? Нѣтъ, въ васъ этого послушанія не ищи... На-ка, поди прикрой ее кошмой...

Старикъ ворча вышелъ, а пріѣзжій не переставалъ суетиться; ходилъ онъ по комнатѣ скоро, вприпрыжку, бѣгалъ глазами съ предмета на предметъ, морщился, гримасничалъ и то и дѣло что-нибудь переворачивалъ, перекладывалъ, рылся за пазухой.

— Умирать пора, въ гробъ смотритъ, а объ церкви не подумаетъ. Заржавѣла душа-то... О-охъ, Господи! Не бойсь, это не купцы!.. Чего? А вы кто будете? Чьи?—спрашивалъ онъ присяжныхъ какъ будто мимоходомъ, всецѣло занятый тѣмъ, что у него въ длинныхъ большихъ карманахъ и за пазухой.

— Присяжные мы.

— Что жъ не кланяетесь? Отвалятся головы то?.. Забывать стали? Гордыня обуяла?..

— Да, вѣдь, мы... признаться... какъ узнаешь?—сказали,подымаясь,присяжные.

— По одеждамъ видно, что не мужикъ... Костюмъ на что-нибудь данъ! Много въ васъ этой своеобычности... Вы бы вотъ съ господъ купцовъ примѣры-то брали: какъ они—съ уваженіемъ, благочестіемъ, доброхотствомъ... Даромъ что капиталы имѣютъ... Зато и награждены... А вы что? Лапотники, а смиренія ни на грошъ!.. Чего?

— Просимъ, молъ, извинить,—проговорилъ Недоуздокъ. Не всмотрѣлись сразу...

— То-то! Присяжные! А что такое присяга? а? А ежели церковнослужитель навозу на поле повозить попроситъ, такъ двери на запоръ, оглобли воротить? Чего? А какъ восьмая заповѣдь читается?

— Мы, батюшка, по пальцамъ-то не происходили... Училъ это насъ, признаться, писарь, да думали, чего, молъ, тутъ по пальцамъ-то высчитывать!

— Вы всѣ такіе... У васъ учителя-то безъ сапогъ ходятъ, сами навозъ возятъ... Чего? А гдѣ объ церкви радѣніе? Къ духовному сану почтеніе? Сначала бы вотъ объ этомъ... Были ли на духу-то? вотъ бы что заставлять нужно... „Увѣщавайте! На то вы и учители!“ Легко говорить! А гдѣ поддержка?

— А! это вы, Кузьма Демьянычъ-Безсребренникъ!—прожевывая остатокъ обѣда, привѣтствовалъ пріѣзжаго помѣщикъ. — Должно быть, дѣло не хвали... а?... Ежели въ эдакое время не позадумались навѣстить...

— Душа-съ скорбитъ, Парамонъ Петровичъ! Вотъ все съ ихнею братіей... Житья нѣтъ нынче... Просто звѣри стали!

— Они нынче судьи... Ну, что? Идете? — обратился Парамоша къ присяжнымъ. — Пора, пора... Отдохнули, обогрѣлись у меня...

— Много благодарствуемъ... Отошли, будто, немного...

— То-то... добрыхъ людей не забывайте... Помѣщикъ Парамонъ Петровичъ Перчиковъ—всякій знаетъ! Дѣлъ не будетъ ли? О раздѣлахъ, о побитіи...

— Будемъ помнить.

— У односельцевъ не будетъ ли? Посылайте... Вотъ, молъ, по дорогѣ въ округу... на самомъ, молъ, пути, адвокатъ живетъ, Перчиковъ... къ нему, молъ, толкнитесь...

— Уважительный баринъ!—прибавилъ Безсребренникъ, доставая изъ мѣшка за ногу замороженнаго поросенка.

— Душа, молъ, человѣкъ... И недорого беретъ, какъ по крестьянству сподручнѣе... даже подъ росписку... Беретъ зерномъ, крупой...

— Слушаемъ-съ, — отвѣчалъ степенно и „обстоятельно“ Лука Трофимычъ.

— Яйца, куръ, гусей...

— Слушаемъ-съ.

— Поросятъ... Все, молъ, беретъ... Потому—хозяйствомъ заводится...

— А каковъ поросенокъ-то, Парамонъ Петровичъ! словно малый овенъ,—крикнулъ Безсребренникъ, тютюшкая и подкидывая на рукахъ поросенка.—Гдѣ тетенька-съ?... Деревенскій гостинчикъ...

Присяжные вышли изъ усадьбы помѣщика Парамоши и стали пробираться черезъ глубокіе сугробы къ трактовой путинѣ.

VI.

Лѣсная сила.

Лѣсъ показался; сначала по обѣ стороны шла порубь, едва теперь замѣтная по выскочившимъ кое-гдѣ изъ-подъ общаго снѣгового покрова пнямъ, да сосновымъ рѣдко разбросаннымъ подросткамъ, уныло согнувшимся подъ напоромъ разгульнаго вѣтра. Въ лѣсу погода стихла. Вѣковыя сосны непроглядною и мощно-угрюмою стѣной стали на пути вьюги, и она, безсильно злясь и негодуя, только изрѣдка ворвется въ просѣку, просвиститъ съ одного конца до другого, тряхнетъ побѣлѣвшую лѣсную шапку и снова стихнетъ. Мирно стоятъ гиганты-деревья, опустивъ внизъ свои отяжелѣвшія отъ снѣга вѣтви. И какая несмѣтная рать стоитъ здѣсь этихъ гигантовъ и угрюмо ждетъ, когда придетъ какая-то сила, повалитъ ихъ и уложитъ въ стройные ряды полѣницъ. А ужъ эта сила пришла: то съ одной, то съ другой стороны мелькаютъ широкія подсѣки, или усѣянныя выкорчеванными громадными корнями, или уставленныя правильными кубами напиленныхъ дровъ, бревенъ, досокъ... На небольшихъ луговинахъ, защищенныхъ гигантскою стѣной отъ злой непогоды, молодая поросль и подростки прячутся отъ лютыхъ морозовъ подъ толстою, мягкою шубой снѣга и разсыпаются кучками бѣлоснѣжныхъ пирамидокъ. Тихо. Въ лѣсу всякій звукъ слышится чутче; птица шарахнулась о сучокъ, осыпала съ него снѣгъ, крикнула и, взмахнувъ крыльями, пронеслась вверху; звѣрь гдѣ-то захрустѣлъ по бурелому; въ бокъ отъ дороги, къ поруби, прошелъ волчій слѣдъ.

— Стой, братцы!—сказалъ, пріостановившись, Недоуздокъ.

Присяжные разомъ остановились.

— Чего пугаешь? И такъ жутко.

— Слышь: голоситъ!

— Это лѣшій.

— Какой тутъ лѣшій? и вся баба заливается.

Присяжные сбились въ кучу.

— А и то, братцы... Уйдемъ отъ грѣ-

ха,—продолжалъ Бычковъ.—Далеко гдѣ-то. Мѣсто совсѣмъ пустое!

Вѣтеръ явственно донесъ плачъ.

— Гдѣ далеко? Совсѣмъ близко. Намъ бы грѣхъ, братцы, на такое дѣло идучи, отъ горя бѣжать,—замѣтилъ Ѳомушка.

— Гдѣ ты его, это горе-то, здѣсь по лѣсу отыщешь? Вишь вонъ, то здѣсь оно огласитъ себя, то съ другого боку... Какъ ты его по такому мѣсту настигнешь?—сомнѣвался Лука.

Но вдругъ вопль раздался сзади ихъ; всѣ обернулись. Изъ лѣсу выходилъ высокій, въ нагольномъ тулупѣ, опоясанномъ широкимъ ремнемъ, въ большихъ валеныхъ сапогахъ, въ мохнатой шапкѣ, лѣсникъ, у котораго видны были только большіе замерзлые усы, да сросшіяся длинноволосыя, выступавшія изъ-подъ шапки брови. Онъ держалъ въ одной рукѣ дубину, другою велъ подъ уздцы лошаденку, запряженную въ дровни. За дровнями шла баба, неся въ рукахъ топоръ, и навзрыдъ причитывала. Въ дровняхъ лежалъ связанный кушакомъ мужикъ.

— Что за люди? Чего нужно въ экую пору въ лѣсу?—окликнулъ присяжныхъ полѣсовщикъ такимъ окрикомъ, что и самъ лѣсъ будто дрогнулъ вмѣстѣ съ присяжными.

— Мы, почтенный, своею дорогой.

— А куда путь?—спросилъ онъ, останавливаясь противъ нихъ и вытирая замерзлые усы.—Экая погодка!...

— Въ округу... въ чередъ.

— О!

Лѣсникъ прислонилъ къ лошади дубину, скинулъ рукавицы и сталъ набивать трубку, вытащивъ изъ-за пазухи кисетъ.

— Вишь ты, тетка, какое твоему-то счастье!—обратился онъ къ бабѣ.—Не успѣлъ украсть, а ужъ на судей напалъ. Другіе по годамъ экое счастье въ острогахъ ждутъ.... Моли Бога.

— Звѣрь ты, Ѳедосъ, звѣрь сталъ!—завыла баба.

Въ дровняхъ застоналъ мужикъ; собаченка лѣсника, присѣвшая у края дороги, поднявъ озябшую лапу, подвыла имъ обоимъ.

— Должно, впервой?—спросили присяжные.

— Впервой. Не бывалъ еще въ передѣлахъ-то. Что заяцъ косой—самъ на ружье лѣзетъ... Должно, холодно имъ съ бабой стало, погрѣться захотѣли... Такъ что жъ, чередные! судите, что ли, насъ съ нимъ... Ха-ха-ха! Судейщики!—предлагалъ лѣсникъ, раскуривая трубку.

— А мы, дядя Ѳедосъ, пожалуй бы и разсудили,—сказалъ Недоуздокъ.

— Вишь ты! Ну-ко какъ?... Суди, суди!...

— Да оправить бы мужика надо... Вонъ она, зима-то какая... Въ кулакъ-то не падышешься... А ты ему ребра-то, должно, знатно пощупалъ.

— Ничего. На медвѣдя ходилъ.

— Примѣтно... Такъ ужъ, кажись бы, и довольно.

— Ха-ха! Вишь ты... и въ самомъ дѣлѣ судейщики!... А ты думаешь, вамъ за это спасибо скажутъ... а? Поблажникамъ-то?

— За спасибомъ-то не гоняешься... А ты вотъ что подумай,—заговорилъ Ѳомушка,—добро-то тебѣ здѣсь, по лѣсной жизни, не часто, чай, дѣлать приводится? А намъ на старости нашихъ лѣтъ съ тобой, въ гробъ-то смотрючи, добро-то бы не слѣдъ упускать... И такъ отъ него, отъ лѣсу-то, душа черствѣетъ, такъ не дѣло бы тебѣ еще на себя звѣрское то обличіе напущать...

— Поблажники и есть... Свой братъ!

— Ну, скажи-ка ты намъ, судьямъ, какъ мы его осудимъ, обличіе-то твое вспоминаючи, строгій воинъ?... Ниу?—наступалъ на него Ѳомушка.

— Мы въ это не входимъ.

— Ежели ты не входишь, такъ ты хошь образъ-то звѣрскій сокрой... Да сходи ты въ Божью церковь,—все грознѣе говорилъ Ѳомушка,—да возьми ты къ себѣ въ хижину-то ребячью душу, какихъ много по нашимъ мѣстамъ сиротливыми бродитъ. Она, душа-то ребячья, сведетъ съ тебя узоры-то звѣрскіе, что мягкій воскъ растаетъ сердце твое отъ нея... Вѣрь, по себѣ знаю! Былъ и я лѣсникомъ. Обнялъ это меня лѣсъ, охватилъ, не вынесла душа, руки хотѣлъ на себя наложить... И случись тутъ старуха странняя; говоритъ: возьми, Ѳома, младенца на воскормленье,—лѣсъ надъ тобою силу потеряетъ, тоска у тебя съ души сойдетъ, отъ ребячьяго глаза рукой твою тугу сниметъ... Сиротинка у насъ на селѣ былъ,—взялъ...

— Погоди, старикъ!—прервалъ Ѳомушку лѣсникъ.—Есть и у меня, есть... Твое слово въ руку: взялъ я нонѣ Ѳедорку свою на колѣни, а она, глупая, мнѣ: „Тятька, говоритъ, ты страшный... боюсь я тебя... У тебя борода колючая отросла,

а брови ровно осока торчатъ...“ — Ахъ ты, глупышъ, говорю, да, вѣдь, у тебя тятька-то кто? Солдатъ тятька-то?... Такъ развѣ можно ему другому быть?... Вѣдь, его двадцать пять лѣтъ въ этомъ званіи производили! А? Видалъ ли нашивки-то?... Двадцать пять лѣтъ къ этому-то обличію приспособляли! Зато онъ и лѣсникъ! Вишь, ему какую махину на охрану ввѣрили! Глупышъ ты, говорю, неразумный!...—„Нѣтъ, говоритъ, ты, ровно, лѣсовикъ сталъ... Молчишь нынче все: мало говоришь, сказки говорить разучился... Боязно мнѣ съ тобой! Въ деревню убѣгу!“ — Ахъ ты, говорю, порченый! Вишь, что сказалъ: лѣсовикъ!... тятька-то! Вотъ я тебя лозой! Далъ ей шлепка, думаю: бабы наболтали дѣвченкѣ! А вотъ и ты, старый, не умнѣе Ѳедорки моей сказываешь!

— Вѣрь, милый человѣкъ, вѣрь! Можетъ, у тебя и сойдетъ съ лица узоръ-то звѣриный... и улыбнется на тебя младенецъ...

— Али больно ужъ я на звѣря-то смахиваю?—спросилъ старый солдатъ, дрогнувъ лѣвымъ усомъ и бровями и силясь улыбнуться.

— Не долго, другъ, оно,—продолжалъ убѣждать Ѳомушка, заприметивъ, что по лицу солдата прошла какая-то дрожь.— Лѣсъ-то,—онъ, вѣдь, сила, онъ человѣкомъ скорѣе обладаетъ, чѣмъ ты имъ. По себѣ знаю. Большая въ немъ сила! И стоитъ она, эта нечисть, и досматриваетъ, какъ бы душу христіанскую отъ добраго дѣла отвести...

Ѳомушка такъ и впился своими слезящимися маленькими глазками въ „обличіе“ лѣсника. Лѣсникъ снялъ шапку и рукавицу и сталъ чесать затылокъ.

— Х-ха-ха! — разразился онъ на весь лѣсъ, который съ разныхъ сторонъ отозвался грохотомъ на его хохотъ.—Звѣрское обличіе, слышь, у человѣка стало! Полгода не прошло! Ай да Ѳедорка! надаю я тебѣ шелеповъ вдоволь, порченая! Сними-ка съ своего кушакъ-то!—обратился онъ къ бабѣ.

Баба опять зарыдала и, припавъ къ лежавшему мужику, стала развязывать дрожащими руками кушакъ.

— Ну, ступайте своею дорогой!—сурово прикрикнулъ лѣсникъ присяжнымъ,—судите тамъ, кто пойманъ. А ужъ этого разсудили...

— Это, милый, не нашъ судъ, — твоя душа судила!—отвѣтилъ Ѳомушка.

VII.

Блаженненькій.

Верстахъ въ трехъ за лѣсомъ раскинулось, наконецъ, предъ присяжными длинное, вытянувшееся по обѣ стороны трактовой путины село Проскино съ двумя церквами, одною каменной, другою деревянной,—послѣдній переходъ, послѣдняя станція до города, до „округи“. Ѳомушка еще раньше говорилъ, что его знобитъ и что нужно бы въ Проскинѣ зайти въ кабакъ и выпить. Выпить захотѣлось и всѣмъ по шкалику. Думали и разсуждали объ этомъ долго; наконецъ, порѣшили купить полуштофъ. Кабакъ былъ рядомъ съ почтовою станціей, около которой возились ямщики за кибиткой. На крыльцѣ станціонной избы стоялъ въ лисьей шубѣ молодой краснощекій купецъ и грызъ, держа въ пригоршнѣ, орѣхи. Проскинскіе мужики, отъ нечего дѣлать, терлись у крыльца и смотрѣли то на ямщиковъ, то на купца. Нѣкоторые изъ нихъ подходили полюбезничать съ лошадьми.

— Тпрру... Ну... тпрру, милая... Ну, что, что? Хо-хо-хо! — разговаривалъ съ одною лошадью мужикъ, дергая ее за холку и поглаживая ей морду, которой она старалась ткнуть ему въ бороду.

Въ кабакѣ было тѣсно: присяжные, одинъ по одному, выпивали, а закусывать выходили на волю; проскинскіе мужики заводили съ ними разговоры неизбѣжнымъ вопросомъ: „чьи будете?“

Изъ станціонной избы вышла молодая купчиха, полная, съ лицомъ — пышкой, укутанная въ ковровую шаль и куній салопъ.

— Ты что?—спросилъ купецъ.

— Взопрѣла... задохнулась совсѣмъ.

— Садись здѣсь.

Купчиха сѣла на скамью, а купецъ досталъ ей въ пригоршню изъ кармана орѣховъ. Ямщики о чемъ-то переругивались. Откуда-то вдругъ раздался страшный выкрикъ.

Мужики стали осматриваться.

— А-ахъ, чтобъ его! Антипка-кокунъ изъ-подъ караула у старухи убѣгъ!

— Иго-го-го! Кò-окку-у! Кò-окку-у!— выкрикивалъ хохлатый, нечесаный, низенькій мужичокъ, трусцой подбѣгая къ станціи.

Онъ былъ въ одной рубахѣ и портахъ, грудь открыта, ноги босыя. Черезъ шею, словно регаліи, висѣли на веревкѣ лапти.

— Антипка-шутъ!—пристали къ нему мужики,—представь вотъ его степенству... Сыграй!

— Енарала представь, Антипушка!

— Какъ тебя судили? Ну-ко-сь! Вотъ и судья здѣсь... самъ присяжный... Гли,—говорили ямщики.

Антипка безумно водилъ глазами, потомъ началъ что-то бормотать и вертѣться на мѣстѣ.

— Дуракъ будетъ?—спросилъ купецъ.

— Блаженненькій,—отвѣтили мужики.

— Вы бы, ваше степенство, подоброхотствовали,—заговорили умильно мужики.

— Чего еще?

— Пожаловали бы на прокормленіе. Нонѣ такое положеніе.

— Какое положеніе?

— А подавать-то *имъ*, — показали мужики на Антипа.

— Не знаю. Кому?

— Онъ, ваше степенство, съ суда такой... помѣшавшись... Судили его: онъ тамъ на судѣ и повихнулся. Испужался очень.

— Робкій всегда былъ крестьянинъ,—подтвердили ямщики.

— Соблаговолите, ваше степенство! Онъ вамъ комедь сыграетъ. Тогда ему присяжные въ округѣ рублевъ десять собрали,—сладкими голосами убѣждали мужики купца, нѣкоторые даже шапки сняли.

— Дать, что ли? — спросилъ купецъ жену.

— Много ихъ! Этотъ юродивый не изъ настоящихъ,—представляется.

— Говорятъ, присяжные даютъ. Намъ нельзя.

Дай семитку.

— Прими,— сказалъ купецъ, протягивая монету, снялъ шапку, перекрестился и поправилъ волосы.

— Антипка, примай! Вишь его степенство жалуетъ... У-у, глупый! не разумѣетъ! — говорили мужики, передавая ему семитку.

— За что судили?—спросилъ купецъ.

— За что? Да какъ бы сказать? Точно что будто какъ мы тутъ грѣха на душу маненько взяли, — замялись мужики. — Онъ, вотъ видишь, работалъ запрежде у купца; купецъ этотъ за его подати вносилъ, избу справилъ ему, и позадолжалъ ему Антипка. Ну, купецъ думаетъ: пущай работаетъ. А Антипка-то и убѣги отъ него: оченно ужъ онъ надъ нимъ, купецъ-то, издѣвку большую сталъ позволять. „Ему,—говорилъ Антипка,—что больше служишь, то больше должаешь!“ Убѣгъ, а купецъ къ намъ въ обчество жаловаться.

— Ну?

— Мы, признаться, постегали Антипку тогда и приговорили, чтобъ ему опять итти къ купцу въ услуженье. Говорилъ тогда Антипка: „Братцы, говоритъ, что вы дѣлаете? Онъ мнѣ душу по гробъ контрактомъ опутаетъ, что петлей; съ каждымъ годомъ онъ меня туже да туже окручиваетъ! Въ городъ онъ меня вести хочетъ, чтобъ тамъ я въ судѣ за печатью за нимъ навѣкъ приписался. Лучше жъ я ему хоть вдвое на сторонѣ отработаю, а въ контрактъ, что въ хомутъ, голову класть не стану“. Ну, мы и еще постегали малость за упрямство.

Подошли и наши присяжные къ крыльцу и стали вслушиваться.

— Ну, а онъ у купца-то лошать и угони, да въ городѣ и продай, штобъ только откупиться отъ него чѣмъ. Тамъ и взяли. А на судѣ-то, глупый, и помѣшался,—думалъ, что его въ крѣпость хотятъ къ купцу приписать... Робкій!..

— Ну, и что жъ, оправдали? — спросилъ купецъ.

— Чего его оправдывать? Его Богъ оправдалъ.

„Богъ оправдалъ! — повторилъ про себя Ѳомушка.—Имъ однимъ еще и правда на землѣ крѣпка!“—думалъ онъ, вспоминая Архипа Сука.

— А вотъ эти тоже съ вами, мужички-то пѣшеходные!—показали ямщики купцу на присяжныхъ.—Только имъ, должно, за вашимъ степенствомъ не угнаться. Вы все торопите: проворнѣй да проворнѣй, а то штрафъ возьмутъ... А вотъ они пѣшкомъ... Неужели жъ скорѣй насъ пріѣдутъ на липовой-то машинѣ?

— Да это кто?

— Чередные... Присяжные... Вмѣстѣ судить будете.

— Мы купеческаго званія.

— Нонѣ все одно: что пѣшій, что на троечкѣ,—всѣ на одной скамеечкѣ сидятъ!

— Нѣтъ, мы въ отдѣльности должны. Слышишь,—обратился купецъ къ женѣ,—мы полагали сами по себѣ, своимъ разумомъ судить, а насъ съ лапотниками сажаютъ. Это все неправда, я такъ полагаю.

Антипка опять запѣлъ кукушкой.

— Ну, Антипка, потѣшь!—начали приставать мужики. — Може, его степенство еще пожалуетъ. Сыграй намъ судъ, какъ тебя въ крѣпостные хотѣли опять обер-

нуть... Вишь, вотъ здѣсь все судьи собрались.

— Спроси, можетъ, пророчествуетъ?— посовѣтовала купчиха мужу.

Въ это время подбѣжала къ станціи маленькая, сморщенная и горбатенькая старушка въ черномъ съ бѣлыми горошинками платьѣ, въ накинутомъ на плечи зипунѣ; грозно сверкнула она глазами на мужиковъ, при чемъ сухія губы ея беззвучно шевелились и подергивались, а острый подбородокъ трепеталъ: молча схватила Антипку за руку и, таща за собой, почти бѣгомъ пустилась съ нимъ вдоль улицы на противуположный конецъ села. Антипка загоготалъ во все горло.

— Это кто будетъ?— освѣдомился купецъ.

— Сестра... Тоже будто маленько и съ ней попритчилось... Вѣдьма-вѣдьмой стала, никому голосу не подаетъ, ни съ кѣмъ съ того раза слова не говоритъ.

— Такъ все и молчитъ?

— Все и молчитъ. У насъ часто бываютъ эдакіе молчальники изъ стариковъ: молчатъ годъ-два, смотря какъ по обѣщанью, потомъ опять заговорятъ.

— Съ чего жъ они... съ обиды?

— Богу служатъ!

— Двое ихъ только... семьи-то у кукушки?

— Двое. Такъ и живутъ теперь въ келійкѣ безгрѣшно на концѣ... Любитъ его старуха-то сестра: въ праздникъ вымоетъ, вычешетъ, рубаху красную надѣнетъ, шаровары плисовыя (цѣлую зиму нитки сучила — на то и купила; работящая старушка,—у нея всегда все въ довольствѣ), въ церковь сводитъ, по знакомымъ которымъ вмѣстѣ ходятъ.... Только бѣда, ежели увидитъ, что надъ нимъ потѣшаются.

— Чѣмъ же они живутъ? Сбираютъ у васъ?

— Нѣтъ; кое-что, сказываемъ, робитъ старуха-то, а то и сбираютъ. Только отъ насъ никакъ не принимаетъ. По сторонѣ ходитъ.

Присяжные послушали и пошли снова въ путь. Проходили мимо послѣдней избы, „келійки“. Вдругъ изъ нея выбѣжала та же старушка въ платкѣ горошкомъ, поддерживая что-то въ передникѣ, и молча стала одѣлять присяжныхъ ржаными лепешками.

— Да за что это, кормилка? Не надо намъ.... Господь съ тобой! Самой пригодятся,—сказали присяжные.

Старушка замотала головой и повалилась имъ въ ноги.

— Ну, ну... Не гнѣвайся, милая. Мы твоимъ добромъ не гнушаемся. Спаси тебя, Господи, скорбную!

Всѣ присяжные сняли шапки, перекрестились и вышли изъ села.

— Ко-окку-у! Ко-окку-у! Иго-го!— раздавались имъ вслѣдъ изъ келійки безумные выкрики Антипки.

Они уныло вслушивались въ нихъ, удаляясь все дальше и дальше отъ села, пока вѣтеръ пересталъ доносить до нихъ эти дикіе, прерывистые звуки и пока, наконецъ, они замерли совсѣмъ.

— Дѣло наше, милые, отвѣтное предъ Богомъ и людьми! Какъ восковая свѣча предъ образомъ — вотъ оно какое!—проговорилъ Ѳомушка послѣ долгаго молчанія и еще разъ перекрестился.

Ему не отвѣчали—то ли отъ усталости, то ли отъ чего другого. Но только въ эту минуту, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-нибудь, всѣ присяжные чувствовали свою близость къ „народному грѣху и несчастію“, сознавали нравственную обязанность предъ нимъ и думали одною думой съ Ѳомушкой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ НОВЫМИ ПРАВАМИ.

I.

Пѣньковцы приспособляются.

Поздно къ вечеру присяжные входили въ губернскій городъ.

Долго шли они по длинной Московской улицѣ, освѣщенной изрѣдка мигавшими фонарями, отбиваясь отъ бросавшихся подъ ноги собакъ; наконецъ, подошли къ площади съ соборомъ и присутственными мѣстами.

— Это она, что ли, Лука, округа-то?— спросили присяжные и, снявъ шапки, стали креститься на соборъ.

— Она самая. Вотъ тутъ, братцы, горято намъ кажутъ... Тутъ ихъ насмотритесь.

— Насмотримся... Вишь, въ какія хоромы засадятъ!

— На старое мѣсто насъ, что-ли, поведешь?

— Знамо. Все жъ по знакомству безопаснѣй.

Присяжные прошли на другой конецъ города и остановились среди Ямской слободы у постоялаго двора.

— Сюда, молодцы, сюда пожалуйте!— зазывалъ ихъ съ крыльца постоялаго двора мужикъ съ фонаремъ. — Господа присяжные? Ну... сюда... здѣсь стояли... Это ужъ всѣмъ извѣстно — нашъ дворъ для господъ присяжныхъ.

— Будто какъ не тотъ хозяинъ-то,— сомнѣвался Лука.

— Какъ не тотъ? Что ты, голубчикъ! Господь съ тобой! Что со мной подѣлалось! Ты вотъ завтра посмотри-ко, посвѣтлѣе будетъ,—онъ самый...

— Завертывать, что ли, ребята?

— Мотри, не налетѣть бы... Четырнадцать денъ, вѣдь, жить-то... — опасались путники.

— Завертывай, завертывай безъ сумлѣнья! Тутъ обману нѣтъ. Эхъ, почтенные, на стужѣ-то стоять! А тутъ теплынь, покой—парься!—соблазнялъ дворникъ.— У насъ все для васъ, какъ есть, и приспособлено: нары, полати... Мы, кромѣ господъ присяжныхъ, рѣдко пущаемъ... На той половинѣ у насъ трактирчикъ,— господа абвакаты пристають...

— А какъ пища?

— Что пища? Пищей мы господъ присяжныхъ не обижаемъ: хлебово, крупяникъ... ну, картофель можно... Квасъ тоже, чай, пить будете... Мы для васъ, господа, скидку даже дѣлаемъ... Пожалуйте!

Присяжные не рѣшались. Лука всматривался вдоль улицы—не признаетъ ли гдѣ прежняго мѣста, но было темно.

— Эй, господа присяжные!..Куда же вы?

— Намъ бы вотъ хотѣлось своихъ тутъ поискать... Шабринскихъ...

— Да помилуйте... Что жъ вы не сказали? Шабринскіе? Здѣсь они-съ... у насъ... Гдѣ жъ имъ больше быть! По городу и мѣстовъ больше для господъ присяжныхъ нѣтъ. Пожалуйте.

— Ну, завертывай, Лука... Къ мѣсту скорѣй бы... Изусталъ и такъ—бѣда!— порѣшилъ Ѳомушка.

— И то. Не покажется—перемѣнимъ. Вѣдь, не на цѣпь прикуютъ.

Дворникъ съ фонаремъ повелъ ихъ въ избу. Они вошли въ длинную, просторную комнату, по стѣнамъ которой дѣйствительно тянулись нары. Дворникъ вынувъ изъ фонаря огарокъ, воткнулъ его въ бутылку и полуосвѣтилъ черныя стѣны, кое-гдѣ обклеенныя старыми газета-

ми. Два человѣка спали, закутавшись, по угламъ наръ; кто-то возился на полатяхъ. Въ заднемъ углу стояла широкая изразцовая печь; на изразцахъ глазурью были наведены невозможные китайцы въ широкополыхъ шляпахъ. Вообще въ комнатѣ было пусто, сыро и прохладно. Но присяжнымъ показалось хорошо.

— Ужинать, можетъ, будете? — спросилъ дворникъ.

— Нѣту. Рады что до мѣста добрались.

— Такъ, такъ. У насъ покойно. Вздохнете. Издалеча?

— Дальніе. Изъ-подъ Горокъ.

— Да, да. Не близко. Можетъ пить захотите?

— Оно бы хорошо, кабы кваску хлебнуть,—мы бы съ лепешкой прихлебнули. Въ горлахъ пересохло!

— Пересохнетъ. Разбирайтесь... Мѣста у насъ вдоволь.

Присяжные огдядѣлись: просторно, какъ будто тепло. Имъ еще не вѣрится, что не дуетъ вѣтеръ и не саднитъ лицо, не вязнутъ болѣе и не скользятъ застывшія ноги.

— Ахъ, важно,—подхватилъ Недоуздокъ.— Шибко натрудили себя. Теперь дубинкой меня не разбудишь.

Ему весело подкрякивали и подкашливали прочіе.

— А что-то Шабринскихъ не видать.

— Може, на полатяхъ.

— Гдѣ на полатяхъ! Они бы сказались.

Вошелъ хозяинъ съ большимъ деревяннымъ поставцемъ квасу.

— А гдѣ-жъ наши-то, говорилъ ты, почтенный?

— А они вотъ рядомъ... Помилуйте! У насъ безъ обмана... Вотъ рядомъ... Спятъ, поди! Завтра свидитесь чудесно. Будьте покойны.

— Такъ, такъ... А печку то, хозяинъ, должно, выдуло. А намъ посушиться требуется,—осторожно поглаживая широкою ладонью по изразцамъ съ китайцами, замѣтилъ Недоуздокъ.

— Печка-то? Ахъ, братецъ... Это городская, потому и остываетъ. А ты—сушить! Сушить если—на кухню приходите. Туда приносите.

— Такъ, такъ. Ну мы и на кухню, коли такъ...

— Выдуло! Это ужъ печка такая,— объяснялъ хозяинъ,—купецкая... Печка легкая. Она тебя исподволь грѣетъ... А не то что—легъ, да и бокъ спалилъ.

— Бываетъ, почтенный,—подтверждалъ Недоуздокъ,—бываетъ у насъ по деревнямъ и это... Наработавшись, часто палятъ у насъ бока-то. Умаявшись, на нашу печку ложись съ опаской... Ожжетъ!

Присяжные даже расшутились. Снеся свои мокрыя одѣянія на кухню, они скоро улеглись по нарамъ и полатямъ.

На утро, по обыкновенію, пѣньковцы поднялись рано; всѣ они, по указаніямъ Луки Трофимыча, умылись, передѣли рубахи, причесались, густо намазавъ коровьимъ масломъ волосы, расчесали бороды и затѣмъ стали вынимать „обмѣнки“: вынули у кого были синіе, у кого сѣрые зимніе суконные, а у кого лѣтніе тиковые поддевки и кафтаны, которые надѣваются ими въ деревняхъ только дватри раза въ годъ въ высоковажныхъ случаяхъ: на свадьбахъ, въ приходскіи праздникъ, на Рождество и Пасху. Привели въ порядокъ обувь: пятеро надѣли кожаные сапоги, слегка ихъ смазавъ сальною свѣчкой; прочіе валенки. Лука Трофимычъ одѣвался и прибирался впередъ всѣхъ, другіе дѣлали то же, что дѣлалъ и онъ. Надѣвъ „парадную“ одежду, подпоясались всѣ новыми кушаками; на горло туго повязали большіе пестрые и красные платки. Богаче всѣхъ, „купцомъ“, одѣлся Бычковъ: въ сине-суконную чуйку, опоясанную краснымъ кушакомъ съ широкими концами съ кистями, въ кувшинные сапоги, собранные „въ кольца“, на шеѣ былъ даже шелковый платокъ. Тѣ, у кого хорошая „обмѣнка“ была лѣтняя, накинули еще на плечи сѣрые зимніе разлетаи; только опять одинъ Бычковъ, хотя и былъ въ теплой чуйкѣ, надѣлъ поверхъ широкій синій кафтанъ.

Всѣ были степенно довольны и даже нѣсколько трусили. Одинъ Ѳомушка глядѣлъ уныло и кряхтѣлъ, и одѣтъ былъ бѣднѣе всѣхъ; ему нездоровилось.

— А, вѣдь, насъ, братцы, дворникъто объѣхалъ, — сказалъ Недоуздокъ.— Искалъ я Шабринскихъ — нигдѣ рядомъ не нашелъ... Тутъ и стройки-то нѣтъ.

— Вчера изустали очень: рады мѣсту. Гдѣ тутъ его повѣрять!

Вошелъ хозяинъ.

— Какъ же, братъ, нашихъ-то не видать?

— Вашихъ-то? Да на что вамъ они? Въ судѣ увидите... Развѣ у насъ плохо? У насъ чудесно, лучше не надо: просторъ, чистота, теплынь. А ваши, я говорилъ, рядомъ будутъ... Вотъ пройдешь три избы,—тутъ тебѣ и будутъ.

— А говорилъ здѣсь. Мы было съ тѣмъ и шли. А то опаска есть, насчетъ одеженки, тоже... по незнакомству-то.

— Здѣсь? Да это все одно: у дяди они у моего остановились. Дядя тоже дворъ держитъ... Что жъ, мы родные, близкіе... А насчетъ опаски будьте покойны: у насъ этого баловства нѣту. У меня за всѣмъ свой глазъ. Пожалуй, хоть заприте,— вотъ въ конничекъ. Прекрасно будетъ. Я и замокъ приспособлю.

Успокоившись на этотъ счетъ, присяжные надѣли шляпы, картузы и шапки и, перекрестившись, пошли въ городъ.

Было еще рано. Звонили къ раннимъ обѣднямъ. Попадавшіеся пѣньковцамъ горожане, спѣшившіе на рынокъ, останавливались, видя разодѣтыхъ по праздничному мужиковъ, говорили: „присяжные!“ и смотрѣли имъ вслѣдъ, словно на диво какое. „Въ новинку имъ мужики-то ряженые“, замѣчалъ Недоуздокъ. Проходя площадь, зашли присяжные въ соборъ,— постояли на паперти, въ дверяхъ, помолились; издали поглядѣли на украшенія, на куполъ, на большое паникадило; на паперти обратилъ ихъ вниманіе Лука Трофимычъ на большую картину страшнаго суда, написанную на стѣнѣ, съ полинявшими и облупившимися грѣшниками и бѣсами. „Вотъ она, полоса-то Божьей грозы! — замѣтилъ Еремѣй Горшокъ.— Экія страсти!.. А это, братцы, гляди: судію неправеднаго поджариваютъ... вонъ этотъ черномазый-то. И вѣсы, вишь. Одинъ богомазъ мнѣ сказывалъ: судей, говоритъ, мы всегда съ вѣсами рисуемъ. Одна-то чашка, видишь, правда, другая—кривда... Ну, кривда правду у него перетянула — вотъ и поджариваютъ... Вотъ оно каково легко судьей-то быть!“— прибавилъ онъ боязливо и почти съ ужасомъ посмотрѣлъ на соборнаго сторожа, который равнодушно, какъ съ давнишними знакомыми, обращался съ бѣсами безъ всякаго страха: къ одному лѣстницу поставитъ, къ другому щетку пихнетъ, а третьему на самый носъ,—куда, вѣроятно, имъ же былъ вбитъ здоровый гвоздь,— повѣсилъ скуфейку и ключи. Прошелъ важно протодьяконъ, расчесывая большою гребенкой кудрявую бороду; видъ онъ имѣлъ осанистый, ростъ высокій, животъ большой, волосы заплетенные въ мелкія косички; присяжные полагали, что это самъ благочинный по меньшей мѣрѣ, и пожелали предъ судомъ принять благословеніе, но протодьяконъ сердито махнулъ рукой и поспѣшно ушелъ въ алтарь, загудѣвъ что-то сплошнымъ басомъ на весь соборъ. „Не удостоилъ“, — съ грустью прошепталъ Ѳомушка. Изъ собора присяжные пошли къ окружному суду. У крыльца мерзла какая-то крестьянка, съ котомкой за плечами, и часто сморкалась въ уголъ головного платка; она низко поклонилась имъ и, пропустивъ, вошла уже вмѣстѣ въ переднюю подъ сводомъ лѣстницы.

Усатый, высокій, съ большими солидными баками и серьезнымъ лицомъ, въ полушубкѣ и чисто вычищенныхъ сапогахъ, швейцаръ ходилъ со щеткой между деревянными вѣшалками и выметалъ соръ.

— Раненько, почтенные, раненько!— проговорилъ онъ, увидя присяжныхъ.— Долго вамъ придется ждать. Присяжные?

— Они. Да, вѣдь, гдѣ у насъ время-то знать. Поранѣе-то оно безъ опаски; А то вы, слышь, строги.

— Мы строги. У насъ все строки. Какъ что мало-мальски упущенье, хоша полчаса,—сейчасъ строкъ... Ну, и штрафуютъ.

— Вишь, оно какъ, спуску не даютъ. Такъ тутъ, по нашимъ капиталамъ, и съ ночи заберешься.

— Пожалуй, что заберешься. Посидите пока,—пригласилъ ихъ швейцаръ.—А ты что, старуха, все ходишь?

— Я, ваша милость, по дѣлу... Сынокъ у меня тутъ судился...

— То-то, судился... Такъ что жъ теперь дожидаешь, каждый день ходишь?

— Говорятъ, потребуютъ еще... Да я Богу молюсь... Вотъ къ заутрени схожу, а оттуда и сюда.

— Привыкла, должно, къ суду-то!

— А что жъ, милая, али осудили сынка-то?—спросили присяжные.

— Осудили, родные!

Крестьянка заплакала.

— А за что?

— За поджогъ.

— Какъ же это онъ?

— По глупости.

Крестьянка замолчала, подумала, потомъ начала кланяться имъ.

— По глупости, родные... Всего шестнадцатый годочекъ минулъ, что малый ребенокъ еще... Будьте милостивы! Все купцы да приказные судили: они нашихъ дѣловъ не знаютъ... Може вы помилуете. Вамъ наши порядки извѣстны.

— Теперь ужъ не воротишь.

— Все можетъ... Слышь, опять при-

ведутъ еще... Я вотъ и въ церковь каждый день хожу: надежды на Заступницу не теряю...

— Не воротишь, бабка, не воротишь,— увѣрялъ швейцаръ.—У насъ на все порядокъ.

Швейцаръ сталъ „прибираться по форменному". Присяжные смотрѣли, какъ онъ фабрилъ усы, „височки", чесалъ баки и приглаживалъ волосы на головѣ, какъ надѣвалъ ливрею съ позументами.

— Вотъ оно, дѣло-то: какъ видѣлъ его въ полушубкѣ, такъ теперь и не боязно,— замѣтилъ Недоуздокъ,—а глянь-ка сразу,—того и смотри, что сробѣешь.

— Форма! нельзя! У насъ все форма. Потому у насъ дѣло съ такимъ народомъ, чтобъ страхъ былъ...

Наконецъ, стали пробѣгать мимо присяжныхъ молодые чиновники съ портфелями и безъ портфелей, въ очкахъ и безъ очковъ, и непремѣнно суетливо. Прежде въ чиновникахъ никогда такой хлопотливости и серьезной „вдумчивости" въ „приказное дѣло" не замѣчалось.

— А, присяжные!— удивлялись они и, шагая по лѣстницѣ черезъ три ступени въ четвертую, уносились вверхъ въ достолюбезное лоно Ѳемиды.

— Вы теперь наверхъ ступайте,—посылалъ присяжныхъ швейцаръ, — тамъ ужъ ждите.

— А что жъ, почтенный, хламиды - то у васъ, что ли, сберегутся?

— У насъ.

— То-то, посмотрите, хоть и мужицкія... Судъ судомъ, а всякому свое дорого,—внушалъ швейцару Бычковъ, струсившій за свою „купецкую" одежду.

II.

„На судейскомъ положеніи".

Присяжные поднялись вверхъ по лѣстницѣ, а за ними и старуха-крестьянка. Въ пріемной комнатѣ, предъ залой засѣданій, скоро стали собираться разнообразныя личности: свидѣтели, адвокаты, ходатаи, повѣренные, купцы, помѣщики. Пришли и прочіе присяжные: въ числѣ ихъ было большинство крестьянъ, тутъ же и Шабринскіе; чиновникъ изъ уѣзднаго города Н.; два купца оттуда же; учитель духовнаго училища, съ бѣлыми пуговицами на вицмундирѣ и медалью за крымскую войну въ петлицѣ, и одинъ купеческій сынъ, одѣтый „по статскому", лѣтъ пятидесяти, высокій, плотный и ширококостый, съ просѣдью. Онъ былъ очень оживленъ, ко всѣмъ приставалъ, всѣхъ разспрашивалъ, разсказывалъ анекдоты, смѣялся, вообще чувствовалъ себя какъ дома, очень свободно. Пришелъ и молодой купецъ съ женой, наряженной теперь въ невозможныхъ размѣровъ шиньонъ и шляпку, готовую ежеминутно слетѣть съ затылка.

Купеческій сынъ повелъ носомъ и понюхнулъ воздуху: пронесли въ буфетъ горячіе пирожки. Зазвучали ружья, загремѣли цѣпи—ввели осужденныхъ „для выслушанія рѣшенія въ окончательной формѣ". Осужденные смотрѣли мрачно. Старуха-крестьянка подходила къ каждому изъ нихъ, всматривалась въ лицо и отирала платкомъ катившіяся слезы.

Кто-то прошелъ въ шитомъ золотомъ мундирѣ. Крестьяне-присяжные, пришедшіе въ первый разъ, поднялись.

Кто-то, взглянувъ на нихъ, обратился къ сторожу:

— Присяжные?

— Точно такъ-съ.

— Скажите, чтобъ не вскакивали... предъ всякимъ.

Лука Трофимычъ, услыхавъ замѣчаніе, обратился къ своимъ:

— Чего прыгаете? Упрыгаетесь: здѣсь много ходятъ. Мы сами теперь судьи...

Купеческій сынъ уговаривалъ учителя духовнаго училища зайти въ буфетъ.

— А то не успѣемъ, ей-Богу, не успѣемъ... Проморятъ часовъ до шести, тогда раскаетесь, да поздно будетъ.

— Да не хочется. Рано.

Купеческій сынъ шепнулъ ему что-то на ухо.

— Ну? Развѣ можно?

— Говорятъ... Ей-Богу, я слышалъ: въ ведрѣ... за дверью, будто бы, дескать, вода... Рюмкой нельзя, а стаканчикомъ можно... Такъ и подадутъ, вмѣсто воды... Какъ же адвокаты-то? Неужто же терпѣть будутъ?

Купеческій сынъ и учитель стали пробираться въ буфетъ.

Между тѣмъ сторожъ обходилъ стоявшихъ и сидѣвшихъ кучками присяжныхъ.

— Присяжные?— спрашивалъ онъ шопотомъ.

— Такъ точно-съ,— отвѣчали нѣкоторые, порываясь встать.

— А вы сидите, не вставайте. Не приказано. Потому вы сами судьи. Вы впередъ не кланяйтесь, пусть вамъ сначала

поклонятся. А то не хорошо. Вотъ сейчасъ членъ замѣтилъ, говоритъ: „не хорошо".

— Слушаемъ.

— Чести-то, парень, не оберешься!—удивлялся Недоуздокъ.

А въ это время, почти рядомъ съ нимъ, шелъ разговоръ между молодымъ мундирнымъ господиномъ и „знаменитымъ" пріѣзжимъ адвокатомъ, искусно вскидывающимъ на носъ пенснэ, во фракѣ, въ безукоризненно бѣлой сорочкѣ съ золотыми запонками, въ бѣломъ галстукѣ и жилетѣ, съ прекрасною бородой и тщательно расчесаннымъ на затылкѣ англійскимъ проборомъ; въ шляпѣ держалъ онъ сводъ кассаціонныхъ рѣшеній.

— Помилуйте, что же это, наконецъ, будетъ? Вѣдь, совсѣмъ нельзя защищать! Такъ неравномѣрно составлять списки! Борода на бородѣ, бородой погоняетъ!—говоритъ знаменитый адвокатъ.

— Гм. гм... Сѣро, сѣро,—морщась, ворчитъ другой, „не знаменитый" адвокатъ.

— Нынче вся сессія *сѣрая*... Радуйтесь! Ха-ха-ха!—ядовито замѣчаетъ мундирный молодой человѣкъ.—Цвѣты вашего краснорѣчія можете и не тратить понапрасну. Поберегите до благопріятнаго времени! Да и дамъ что-то мало собирается. Сѣренькая сессія-съ, сѣренькая...

— Это невозможно... Я отведу... всѣхъ *сѣрыхъ* отведу. Мое дѣло такое... деликатное...

— А у васъ что? Растрата суммъ?

— Да... „недоразумѣніе!"

— Такъ „сѣрые" не годятся; нужно „разумѣющихъ"? Это не то, что какого-нибудь сиволапаго защищать, который то „по глупости" ребра поломаетъ, то „по непреднамѣренности", послѣ полуштофа водки, жену удавитъ, то на закуску стащитъ стягъ севрюги у сосѣда „со взломомъ"!

— Какъ бы то ни было, а мнѣ нуженъ теперь составъ деликатный.

— Э, батюшка! Будто бы не знаете, что съ этими сѣряками вашъ братъ всякія штуки можетъ продѣлывать! Съ ними еще лучше. Говорятъ, раздать вотъ каждому, хотя теперь, по запискѣ и написать на ней: „нѣтъ, не виновенъ"... Пусть и помнятъ, и заучиваютъ... Право, попробуйте!

— Смѣйтесь! Я посмотрю, посмотрю, да и велю своему кліенту сердцебіеніемъ захворать, вотъ мы другой сессіи и дождемся... Охъ, ужъ заѣдешь въ эту вашу трущобу!..

— Столичная вы птица! Погодите, вотъ скоро у насъ двоеженца будутъ судить... Вотъ бы вамъ!.. Что, не возьметесь? Изъ образованныхъ...

— Слышалъ! Голякъ...

— Ради краснорѣчія... Можно бы цвѣты разсыпать: всѣ наши сливки соберутся, всѣ дамы — въ самыхъ лучшихъ нарядахъ... Дѣло романическое: *онъ*—молодой, умный, образованный, *она*—милая, граціозная, пѣвица... Жалко, жалко, что вы упускаете случай блеснуть своею красотой и образованностью...

— При этихъ „сѣрыхъ?"-то. Покорно благодарю!

— Недолюбливаетъ насъ, сѣряковъ, баринокъ-то!—замѣтилъ Недоуздокъ Ѳомушкѣ.

— Дѣло господское.

Вдоль пріемной степенно прохаживались, оглядывая присяжныхъ, батюшка въ шелковой рясѣ, съ наперснымъ крестомъ, краснымъ лицомъ и широкою лысиной, расчесывая жидкія, вьющіеся волосы, и солидный, толстый господинъ, съ широкимъ лицомъ и большимъ носомъ, въ форменномъ фракѣ не судебнаго вѣдомства; онъ держалъ въ рукахъ шелковый фуляръ и вертѣлъ табакерку; на толстой шеѣ болтался у него орденокъ.

— Вотъ посмотрите, какихъ присылаютъ,—говорилъ толстякъ, показывая на Ѳомушку.—Они думаютъ, что если у нихъ *тамъ* выжившіе изъ ума „старики" первые судьи во всемъ, такъ и въ округѣ — за первый сортъ сойдутъ... Я полагаю, что законъ въ этомъ случаѣ не досмотрѣлъ: 60 лѣтъ — большой срокъ. Вы не повѣрите, какъ скоро эти *господа* глупѣютъ! У меня крѣпостные, бывало, до тридцати лѣтъ — дуракъ набитый, ничего не понимаетъ, только и знаетъ: „какъ старики"; съ тридцати лѣтъ начинаетъ какъ будто въ умъ входить; не успѣлъ еще хорошенько войти въ него, какъ лѣтъ съ пятидесяти ужъ начинаетъ „забываться" и опять глупѣть. По-моему, пятьдесятъ лѣтъ—вотъ срокъ для нихъ... Вѣдь, это не мы!.. Если ихъ „правоспособность" ограничить періодомъ десяти лѣтъ, было бы много лучше. Списки составлялись бы равномѣрнѣе, процентъ „сѣраго элемента" былъ бы меньше, контроль былъ бы возможнѣе... А онъ необходимъ, потому что тутъ, вѣдь, одинъ инстинктъ...

— Отъ непросвѣщенія-съ, — замѣтилъ батюшка, изгибаясь всѣмъ корпусомъ, чтобы достать со дна кармана платокъ

изъ сиреневаго цвѣта полукафтанья. Они остановились предъ Ѳомушкой.

— Э-эхъ, старикъ, старикъ! — съ сожалѣніемъ сказалъ толстякъ съ орденомъ, слегка обмахивая носъ шелковымъ фуляромъ,— сидѣлъ бы ты на печи дома, да грѣлся... Присяжный, вѣдь, поди?

— Удостоенъ на старости лѣтъ, сударь... Привелъ Господь и мнѣ на концѣ жизни хотя разъ великому дѣлу причаститься...

— То-то: „великому дѣлу"... Ты думаешь, здѣсь то же, что у васъ по волостямъ: сойдутся старики, покряхтятъ, сказку разскажутъ—и конецъ... Вотъ вы своего-то батюшку спросили ли, каково „велико" это дѣло-то?.. Онъ бы вамъ сказалъ. Кабы ты понималъ, такъ лучше сидѣлъ бы на печи, да грѣлся, да Богу молился, чтобъ Господь отвелъ съ глупымъ-то разумомъ отъ мудренаго дѣла.

— Неужто, батюшко, не годимся? Думается, что, молъ, какіе ни есть, сударь, тоже люди... Знамо, мужичій разумъ—что вода темная, только, вѣдь, мы съ молитвой на это дѣло идемъ.

— То-то и есть: „вода темная"... А изъ-за тебя, глядишь, хорошій человѣкъ въ Сибирь угодитъ, а мошенникъ гулять пойдетъ.

Ѳомушка посмотрѣлъ во всѣ глаза на большой носъ толстяка, на его пухлыя щеки, толстую шею съ орденомъ. Что-то его словно рѣзнуло по сердцу, задѣло за живое.

— Чать, у меня, милой, крестъ-то тоже есть на шеѣ, хотя и не такой, что у тебя. Ума, можетъ, съ твое не хватитъ, а душа христіанская.

Толстякъ побагровѣлъ; батюшка закашлялъ, поспѣшилъ принять озабоченный видъ и отойти. Кругомъ начали прислушиваться другіе присяжные.

— У васъ все „душа",—процѣдилъ, поворачиваясь, толстякъ.—Вы и глупы „по душѣ", и мошенники „по душѣ"!

— О чѣмъ вы?—любопытствовали присяжные.

— Огорчаются нами,—промолвилъ Ѳомушка.

Вошелъ торопливо судебный приставъ, съ бѣлою цѣпочкой на шеѣ, съ записочкой и карандашомъ въ рукахъ.

— Господа присяжные!— сказалъ онъ громко и внушительно,—потрудитесь всѣ отойти—вотъ сюда.

Присяжные поднялись, задвигались и собрались въ кучку—крестьяне въ одинъ уголъ, прочіе въ сторонѣ.

— Купеческій сынъ Петръ Ивановъ Сабиковъ!—началъ перекликать приставъ.

— Здѣсь. Налицо-съ.

— Отойдите къ этой сторонѣ.

— Крестьянинъ Лука Трофимовъ!

— Здѣсь,—отвѣчалъ Лука.

— Отойдите. Крестьянинъ Петръ Недоуздокъ!

— Здѣсь,—выкрикнулъ Недоуздокъ и перешелъ въ другой уголъ.

— Крестьянинъ Филиппъ Ивановъ Савеловъ!

— Здѣсь... Сами-съ, — тихо проговорилъ сѣдой, низенькій и юркій старикъ, отходя къ стѣнѣ и прячась за спины присяжныхъ.

Недоуздокъ, раскрывъ, по обыкновенію, „восторженно" ротъ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на шабринскаго сосѣда. Приставъ продолжалъ перекличку. Къ нему подошли съ вопросами: „Ну, что? всѣ? а?"

— Нѣтъ, 28 только, а нужно 36,—пожимая плечами, отвѣчалъ онъ.

— Н-ну, не допущу,—сказалъ адвокатъ съ пенснэ,—отложатъ... И прекрасно.

— А ты съ коихъ это поръ, Парменъ Петровичъ, въ Филиппы-то Ивановы записался?—подошелъ и спросилъ Недоуздокъ Савелова.

— Ай ты забылъ?... Съ чего это ты, братъ?—проговорилъ смѣшавшійся Савеловъ.

— То-то я тебя все Парменомъ зналъ, а теперь въ судьи попалъ—Филиппомъ сталъ... Развѣ перекрестился?

Но тутъ подошли къ нимъ Лука Трофимычъ и Шабринскіе.

— Чего ты пристаешь? — приступили Шабринскіе къ Недоуздку.—Свою волость знай, а въ чужую не суйся. Что за приставъ?

Савеловъ мигалъ своимъ, боясь скандала.

— Отойди, Петра! Вспомни, что старшина наказывалъ,—сказалъ разсудительный Лука Трофимычъ, видя, что ихъ сосѣди косо смотрятъ на нихъ.

— Мнѣ-ка что!—говорилъ Недоуздокъ, передергивая плечами.—Пущай, хоть Маланьей зовись. Они народъ богатый... може, имъ позволительно...

— Да ты, можетъ, ошибся? Запамятовалъ?

— Ну, вотъ! Чай, у него зятя такъ-то зовутъ: я и дружкой у его-то зятя былъ. У нихъ на фабрикѣ работалъ полгода. Это вы не знаете, а я знаю. Да и по фамиліи-то они Гарькины будутъ.

— Все жь тебѣ не слѣдъ соваться: ты не одинъ. Спаси, Господи,—всѣхъ насъ подъ свидѣтельство подведешь.

— Да, вѣдь, мнѣ плевать на нихъ! Пущай! Я, вѣдь, ничего!

— Ну, и молчи. И хорошо, что съ ними на постояломъ не встали. Вишь, имъ не по нраву.

Скоро ввели присяжныхъ въ залу засѣданій. Прежде всего шли они по ней гуськомъ, боязливо передвигая ноги; затѣмъ Недоуздокъ испугался больше всего священника и налоя съ евангеліемъ и крестомъ: они произвели на него сильное впечатлѣніе. Присяжные старались не смотрѣть по сторонамъ и глядѣли прямо противъ себя, въупоръ, на помѣстившагося противъ нихъ прокурора и „знаменитаго“ адвоката, который, рисуясь, металъ на нихъ изъ-подъ пенснэ сердитые взгляды. „Чего этотъ баринокъ, подумаешь, взъѣлся на насъ!“ размышлялъ Недоуздокъ, и никакъ не могъ понять. Раздались извѣстныя слова: „Прошу встать: судъ идетъ!“ Присяжные-крестьяне вздрогнули, испугались, смѣшались, и, вставши, долго еще не рѣшались сѣсть, ожидая, не скажетъ ли чего-нибудь еще приставъ, но тотъ началъ имъ молча махать руками. Началась извѣстная процедура, но скоро всталъ адвокатъ и развязно, какъ не особенно важное, что-то сказалъ. Крестьяне-присяжные никакъ не могли разобрать, даже Недоуздокъ, которому очень хотѣлось знать, что „баринокъ“ про нихъ говорилъ, но какъ онъ внимательно ни вслушивался, ничего не понялъ. Затѣмъ предсѣдатель молча качнулся корпусомъ къ прокурору, тотъ тоже, едва привставъ, что-то отвѣтилъ, а что именно—крестьяне опять ничего не поняли. Судьи стали шептаться и, наконецъ, объявили, что сегодня, по неполному комплекту присяжныхъ, засѣданіе не состоится. Стали толковать о причинѣ неявки присяжныхъ; большую часть штрафовали. Недоуздокъ удивился величинѣ штрафовъ. „Полсотни... слышь?—толкалъ онъ подъ бокъ Ѳомушку.—Купецкій штрафъ... Намъ бы это ни къ чему—и взять не съ чего“.

Наконецъ, ихъ отпустили, сказавъ, чтобъ приходили завтра.

Общее впечатлѣніе формальной стороны суда на крестьянъ-присяжныхъ было очень смутное, неясное; всѣ они словно въ туманѣ ходили и не могли ничего понять. Имъ все казалось, что ихъ куда-то ведутъ, гдѣ-то сажаютъ, подшимаютъ, перекликаютъ и все приказываютъ: „встаньте, сядьте, подойдите, отойдите“... Поэтому первыя дѣла всегда трудно даются присяжнымъ. Наши были счастливѣе: имъ было время приноровиться, одуматься, присмотрѣться послѣ разнообразныхъ „внушительностей“.

III.

Общинники и собственники.

Присяжные вышли изъ суда гурьбой; постояли на крыльцѣ; потомъ стали спускаться съ лѣстницы, шагъ за шагомъ. Разбились на кучки; слышались возгласы: „Вотъ оно какъ нонѣ: не захотѣлъ судиться — до завтра оставятъ. Не притѣсняютъ, безъ прижимки“.

— А все же, братъ, завтра, али послѣ завтра, а въ свое мѣсто уйдетъ, куда судьба тащитъ.

— Уйдетъ! Судъ свое возьметъ.

— Ахъ чтобъ-те! день-то даромъ пропалъ... Баловство, гульба!—ворчалъ какой-то мѣщанинъ, перегоняя пѣньковцевъ.

— Знамо, гуляй. Мы судьи!—трунилъ Недоуздокъ.

— Тебѣ хорошо на общинныя-то деньги,—говорилъ мѣщанинъ.—А вотъ тутъ—проѣжа! Кто тебѣ заплатитъ?

— Неужто у тебя меньше нашего денегъ?

— Всякъ себѣ свой счетъ знаетъ. Вотъ вы бы одни и судили съ приказными, коли любо. Вамъ это въ привычку. А намъ ни къ чему: у насъ судовъ нѣтъ и не было. Намъ баловаться некогда,—у насъ каждый день копейку выжми, копейку произведи. А тутъ пятнадцать денъ—заведенье! Только продержка, баловство, по трактирамъ обчистка, сиротской копейкѣ прижимка.

— А ты, сиротская копейка, не балуйся, не ходи въ трактиръ.

Шабринскіе шли въ сторонѣ и что-то горячо разсуждали съ старикомъ Гарькинымъ (Савеловъ тожъ). Наконецъ, одинъ отдѣлился отъ нихъ и подошелъ къ пѣньковцамъ.

— Вы, сосѣди, теперь куда?—спросилъ онъ ихъ.

— Ко дворамъ, обѣдать думаемъ.

— Рано. Лучше пойдемъ въ трактиръ—чаю попьемъ. Благо денекъ выдался,—погулять хоть. Въ другой разъ, сказываютъ, и радъ бы, да не выпустятъ.

— Капиталы-то у насъ не очень при-

пасены на чаи-то. Это вы ужъ гуляйте,— отвѣчалъ угрюмо Лука Трофимычъ.

— И у насъ тоже немного. Да коли угощаютъ, такъ чего отказываться. У *нихъ* денегъ много. Отъ добра отказываться грѣхъ.

— Коли угощаютъ, такъ и ступай.

— Вы подите. Васъ зовутъ. Сосѣди, вѣдь, будемъ... По сосѣдству.

— Что жъ, сосѣди?—заговорилъ, подходя и приподнимая шляпу, старикъ Гарькинъ (Савеловъ тожъ).—Не обижайте, не откажите принять наше угощенье... Здѣсь, на чужой сторонѣ, что за счеты! А мы тоже съ вами не далекіе, кабы-сь совсѣмъ свои. Не даромъ *шабрами* *) изъ вѣковъ звались. Уважьте. Намъ это будетъ не въ раззоръ, а въ одолженье... Другъ объ дружкѣ, а Богъ обо всѣхъ.

— Да, вѣдь, какія у насъ съ вами такія знакомства? Вы люди богатые, собственники **)... Ваше дѣло купецкое, фабричное,—говорилъ Лука Трофимычъ.

— Полно, отецъ, что ты! Мы ежели и собственники, такъ всегда къ обчеству близки. Купцы! Что за купцы, коли въ крестьянскомъ званіи находимся? А что насчетъ знакомства, такъ вотъ Недоуздокъ вашъ намъ большой благопріятель даже... Чать, помнишь, Петра, какъ дружкой-то пировалъ? А тебя помнятъ: прибаутчикъ былъ ты завзятый.

— Какъ не помнить! Я съ тѣхъ поръ и имя-то твое крещеное помню...

— Ну, это, други, оставимъ. По крестьянству, порой, на это не очень смотрятъ. Какъ кто ни зовись—былъ бы человѣкъ хорошій, съ душой. Для дѣла въ этомъ разницы нѣтъ. Можетъ, еще другой-то человѣкъ, съ душой, и лучше для дѣла-то. Такъ ли я говорю?

— Такъ что жъ и самъ дѣлѣ, братцы?—спросилъ Недоуздокъ.—Коли человѣкъ хорошій, отчего не уважить?.. а? А оно пополоскать тепленькимъ животы важно было бы съ дороги!

Въ это время присяжные подошли къ трактиру; Шабринскіе стали подниматься по лѣстницѣ; пѣньковцы подумали, подумали и тоже пристали къ нимъ. Только Ѳомушка не пошелъ,—онъ совсѣмъ разнемогся и поплелся на квартиру. Тутъ пѣньковцы замѣтили, что старушка-крестьянка, которую встрѣтили они въ судѣ, не отставала отъ нихъ и теперь поплелась вмѣстѣ съ Ѳомушкой.

Войдя въ трактиръ, всѣ отправились было, по привычкѣ, мимо буфета на „черную половину“, замѣтивъ въ ней сѣрые полушубки.

— Сюда-съ, направо пожалуйте. Господа присяжные! — крикнулъ, выбѣгая изъ-за стойки толстобрюхій, на коротенькихъ ножкахъ, хозяинъ, улыбаясь, расшаркиваясь и неимовѣрно быстро дѣйствуя локтями.—Помилуйте, гг. присяжные, что вы-съ! Вотъ сюда-съ! Развѣ это можно-съ?... Съ чернымъ народомъ? Что вы-съ?... Это для нашего города даже большой стыдъ, ежели... Даже для самаго государства-съ, я такъ полагаю... Какъ же можно-съ? Мы обязаны со всякимъ уваженіемъ принять... Располагайтесь!... Ѳедька, салфетку поверни!... Располагайтесь свободнѣй, вотъ на диванчикъ...

— Почету-то сколько за нонѣшній день набрался, за пазухой домой не унесешь!— удивлялся Недоуздокъ.

— Какъ же-съ! Помилуйте... Мы, горожане, васъ обязаны даже съ хлѣбомъ солью принимать... Потому, господа, черезъ васъ сельское обчество съ городскимъ обчествомъ въ одинъ интересъ входятъ,—говорилъ политикъ-трактирщикъ. —А то на черную половину! Нельзя-съ... Городу обидно... Мы городскіе представители-съ, гласные, такъ скажемъ, а вы наши гости... Вотъ отсюда все на виду-съ... Вотъ и господа тамъ кушаютъ... Чайку-съ? Сколько парочекъ? На всѣхъ прикажете?

— Да, на всѣхъ... чайку... Да тамъ пропустить, что ли, съ огурчикомъ,—заказывалъ Гарькинъ.

— Водочки-съ?... Сію минуту... Ѳедька! „Поповки“ господамъ присяжнымъ!—распоряжался хозяинъ, такъ ловко повертывая большимъ животомъ, что вызвалъ даже Недоуздка на удивленіе: „Вишь ты, какъ брюхо-то поворачиваетъ! Не даромъ копѣйку выжимаетъ!“

Однако, хозяинъ-политикъ все же посадилъ „господъ присяжныхъ“ нашихъ на средней половинѣ, а не на „чистой“, гдѣ сидѣли купцы и чиновники, хотя она и отдѣлялась всего четырьмя колонками. Но и такой мизерный и призрачный „почетъ“, которымъ сегодня съ самаго утра награждала „округа“ мало избалованныхъ крестьянъ-присяжныхъ, доставлялъ имъ дѣтское удовольствіе.

*) Шаберъ, шабры—сосѣдъ, сосѣди.

**) Крестьяне, въ описываемой нами мѣстности, называютъ *собственниками* только тѣхъ, которые владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ помимо общаго надѣла и выкупа, и то въ значительномъ количествѣ.

— Важно быть присяжнымъ! Со всякимъ ты равенъ! Изрѣдка эдакъ побаловать нашего брата можно... ничего... хорошо! Будто веселѣй неумытымъ-то рыломъ взглянешь!—высказывалъ вслухъ свои тайныя ощущенія Недоуздокъ.

Вообще онъ былъ, казалось, всѣхъ довольнѣе своимъ „судейскимъ положеніемъ". Глубоко впечатлительный, онъ отзывался на все „по душѣ"; все его интересовало, все онъ любопытствовалъ и все принималъ за чистую манету, но зато больше и грубѣе всѣхъ ему приходилось и разочаровываться и затѣмъ глубоко страдать или удивляться своему же разочарованію. Шутить съ такими натурами опасно: что̀ уже имъ дано, то они хотятъ пить полною чашей, не удовольствуясь полумѣрой, однимъ „прихлебываніемъ". Имъ все или ничего. Такія натуры—прекрасный пробный камень для „благихъ намѣреній" и „прекрасныхъ словъ".

— Те-те-те! Постойте! — вдругъ заговорилъ купеческій сынъ Сабиковъ, замѣтивъ Шабринскихъ, и подошелъ къ нимъ, всматриваясь въ Гарькина.—Ну, такъ и есть! Вотъ, вѣдь, насилу узналъ... Смотрю на судѣ, что̀ лицо знакомое будто!... Чье, молъ, думаю? Да опять фамилія не такая! Думаю, забылъ... Вѣдь, Гарькины будете?

— Нѣтъ-съ, мы Савеловы,—нѣсколько смутившись, проговорилъ Гарькинъ.

— Опять Савеловы! И въ судѣ Савеловы! Вотъ подите же! А у меня вотъ такъ на умѣ и вертится, что вы Гарькины.

— Нѣтъ-съ, Савеловы. Это бываетъ часто: будто затменіе...

— Да, это случается. Но все же я такъ ясно помню: вѣдь, у васъ фабрика полотняная въ Шабрахъ?

— Имѣемъ-съ.

— Ну, вотъ... Вѣдь, вы были въ *** въ прошломъ году на ярмонкѣ? Еще я у васъ полотно покупалъ... Припомните-ка: еще я тогда забраковалъ у васъ, руками разорвалъ чуть не полкуска.

— Не припомню-съ. Это вотъ, можетъ, зять мой. Такъ тотъ точно что и по фамиліи Гарькинъ. Да я ему и всѣ дѣла по фабрикѣ сдалъ, потому, по старости, не занимаюсь.

— Странно, странно... А у меня гдѣ-нибудь дома даже и записано... Ну, батюшка, нажгли вы было меня съ полотномъ-то! А я еще хотѣлъ тогда женѣ поручить... Вотъ ужъ именно пословица-то: на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ... А быть бы мнѣ карасемъ. Вообще, видно, вы народъ оборотливый...

— Не знаю-съ. У меня такъ не бывало. Впрочемъ, за зятя не отвѣтчикъ. Онъ, точно, человѣкъ оборотистый. Можетъ быть, и было что... по купечеству... Хе-хе-хе! Дѣло коммерческое.

— Ида. Что̀, если бы нашего брата не на двѣ недѣли только, а каждый день въ году заставлять присягу принимать? а? Предъ каждою сдѣлкой? Вѣдь, коммерція рушилась бы, совсѣмъ бы рушилась.

— Не знаю... Нельзя полагать. Я такъ думаю, что ежели тебѣ есть резонъ обмануть, такъ ты и съ присягой и безъ присяги обманешь... А не обманешь—не продашь!—прибавилъ Гарькинъ и весело засмѣялся. Онъ совсѣмъ овладѣлъ собой: смущеніе даже замѣнилось игривостью.

— Вѣрно, вѣрно...

— При этомъ-съ, кромѣ того, и присяга, вѣдь, розная, — продолжалъ Гарькинъ, ловко поправляя рукава и принимаясь развязно споласкивать чашки. — Примѣрно хоть присяжный: даетъ онъ присягу въ томъ, чтобъ судить по чести, по совѣсти... И будетъ судить, и отъ присяги не отступится. Ну, только это дѣло отъ всѣхъ другихъ его дѣлъ опять-таки сторона. Тутъ онъ слободенъ дѣлать какъ ему нужно. Судить далъ онъ присягу по убѣжденію совѣсти, нелицепріятно, и судитъ такъ... А спроси ты его въ это время: какъ тебя зовутъ? Акулиной,—скажетъ онъ. И ничуть это противу присяги его не будетъ, коли ежели въ этомъ его интересъ есть: можетъ, вся жизнь, дѣти, семья, состояніе... Такъ ли я говорю-съ?

— Оно конечно... Только, вѣдь, каково дѣло, каковъ предлогъ?

— Знамо, коммерческое-съ... Въ этомъ дѣлѣ самъ Господь снисходительствуетъ.

— Именно, снисходительствуетъ... Пожалуй, что и правда... Ха-ха-ха!... Вѣдь, вотъ теперь хоть бы мое дѣло: ей-Богу, съ радостью бы сообщилъ, еслибъ только повѣрили, что у меня жена умираетъ... Сейчасъ бы въ судъ прошеніе—и маршъ домой. Теперь, повѣрите ли, вѣдь, совсѣмъ въ двѣ-то недѣли всѣ дѣла станутъ. Ярмонка, и послать некого... Жена на-сносяхъ, седьмымъ, Господь съ ней... Просто хоть плачь. А тутъ опять расходы: вѣдь, здѣсь рублемъ въ день не обернешься, соблазны, при-

томъ ежеминутно! Въ судѣ опять: глядишь, пирожокъ—гривенникъ, котлетка—четвертакъ... Кушаетъ г. прокуроръ, ну, и тебѣ какъ-то обидно отстать. На сѣрякахъ не взыщутъ, хоть коровай за пазухой притащи, а намъ нельзя. Вотъ разсказываютъ: коммерсантъ одинъ вдругъ получилъ телеграмму на самомъ засѣданіи, что у него отецъ умираетъ. Прочиталъ, даже поблѣднѣлъ, затрясся весь. Посмотрѣли: сейчасъ же отпустили, даже слова не сказали. А все вздоръ: отецъ-то здоровехонекъ былъ; вотъ, вѣдь, какъ представился! Поблѣднѣлъ! Знастъ, что справляться никто не поскачетъ. Ндасъ... А у меня даже и случай есть: жена родитъ. Право, хочу увѣдомить, чтобъ она телеграммишку сюда черкнула: „пріѣзжай, милый супругъ! совсѣмъ, молъ, у меня духъ вонъ!"

Недоуздокъ не утерпѣлъ, чтобъ не замѣтить, что купцамъ, видно, и уставы не писаны никакіе.

— Ну, а вы что?—накинулся на него купеческій сынъ,—святѣе, что ли, насъ? Поди, нѣтъ у васъ „нѣтчиковъ", али не запаиваютъ міръ, чтобъ въ очередь не заносили? Думаешь, вы одни святые?

— Да намъ къ чему въ нѣтчики-то итти? Мы общинники. Намъ ни къ чему. Мы еще даже, пожалуй, въ охоту по зимѣ-то сходимъ; провѣтришься лучше, чѣмъ на печи-то прѣть,—отвѣчалъ Лука Трофимычъ.—Вотъ собственники—дѣло другое... Али вотъ лѣтомъ и намъ...

— Хорошо вамъ общинныя-то деньги проѣдать!

— Хороша проѣжа!—крикнулъ Недоуздокъ.—Ахъ, купецъ! Мірскому пятиалтынному—и тому ты позавидовалъ...

— Все же хоть пятиалтынный есть съ кого взять... А мы съ кого взыщемъ?

— И у васъ обчество есть.

— Наше-то, братъ, общество скажетъ: у тебя денегъ много у самого, на то ты и купецъ.

— Такъ объ чемъ же, почтенный, горюешь? Денегъ много, а онъ горюетъ! Это какъ будто не дѣло, какъ будто выходитъ: хоть и не надо, а все-таки урвать.

Лука Трофимычъ и прочіе присяжные сосредоточенно и недовольно молчали, даже Шабринскихъ коробило отъ излишней „игривости" старика Гарькина, увлекшагося слишкомъ своими „коммерческими принципами" въ разговорѣ съ купеческимъ сыномъ, и сидѣвшій рядомъ съ нимъ *шаберъ* не разъ ткнулъ его исподтишка подъ бокъ. Лукѣ Трофимычу начинали не нравиться трактирные разговоры: ему постоянно вспоминался старшина и его „напутствіе", въ основательность котораго онъ не могъ не вѣрить по предшествовавшему опыту.

Между тѣмъ, посѣтители собирались въ трактирѣ все отборнѣе и отборнѣе. Недоуздокъ обратился весь въ слухъ и наблюденіе.

— Ничего! Кажись намъ теперь *округа* во всемъ обличіи... Здѣсь на свободѣ... Посмотримъ мы тебя, какъ ты объ насъ, сѣрякахъ, теперь полагаешь...

Однако, пѣньковцы, наскоро напившись чаю, боялись долго оставаться въ трактирѣ и ушли. Только Недоуздокъ остался: онъ не могъ не удовлетворить своего любопытства въ конецъ.

IV.

Мужики.

Вернувшись на постоялый дворъ, пѣньковцы удивились, найдя комнату, въ которой они помѣщались, пустою и отпертою; но тутъ скоро замѣтили, что въ одномъ углу, на нарахъ, ютилась старуха-крестьянка. Она, казалось, совсѣмъ облюбовала этотъ уголъ и расположилась въ немъ „по-хозяйному"; вверху на гвоздочки развѣсила плетенки изъ суконной покромки, какіе-то мѣшечки, бурачки и приладила образокъ. Сама она, обернувшись сгорбленною спиной къ двери, копалась въ мѣшкѣ съ холстинными постромками, подшитомъ сверху телячьей потертой шкурой съ изношеннаго солдатскаго ранца. Старуха была теперь въ крашенинномъ синемъ сарафанѣ и въ составленномъ изъ разныхъ лоскуточковъ повойникѣ на головѣ; изъ-подъ сѣрой грубой рубахи смотрѣла ея впалая, сухая грудь, темно-коричневаго цвѣта. Сморщенное маленькое лицо ея носило, по изборожденнымъ шрамами и морщинами щекамъ, слѣды безконечно пролитыхъ слезъ, оставившихъ въ нихъ послѣ себя темныя дорожки примоченной грязи.

— А ты что, старушка, здѣсь дѣлаешь?—спросилъ Бычковъ, замѣтивъ ее.

Старушка встала и низко поклонилась пѣньковцамъ.

— А я вотъ, почтенные, со старичкомъ вашимъ!—отвѣчала она.

— Сдружились?

— Спокою его... Слабъ онъ у васъ, старичокъ. Претерпѣлъ отъ вьюги. Зоркъ мой глазъ на это: сейчасъ заприметитъ. Тѣмъ и по селеньямъ нашимъ извѣстна. Тѣмъ и вѣкъ свой проживаю, что болящаго спокою...

— Лѣкарка будешь?

— Нѣту. Я молитвой. Жальливая я... Изъ-за нашихъ грѣховъ старичку напасть пришла... Изъ-за грѣховъ нашихъ потрудился.

— Изъ какихъ изъ нашихъ?

— Такъ, изъ нашихъ. И я для него должна потрудиться ради Господа моего. „Бабочка,—говоритъ мнѣ старичокъ,—тоска, говоритъ, мнѣ на сердцѣ большая. Шелъ я на великое дѣло, на отвѣтное—за неразумный грѣхъ человѣческій у царя и закона постоять, да не принимаетъ, должно, Господь моего заступленія, испустилъ Онъ, Батюшко, вьюгѣ сломить старыя кости, а людской обидѣ сломить и смутить до конца духъ мой“. Помолимся, говорю я, грѣшные.

— А гдѣ же ты нашего старичка сокрыла? а?—спрашивалъ Бычковъ.—Смотри, бабка, не смути его у насъ... Гдѣ у тебя онъ?

— Нишкните, милые; чуточку забылся. На полатяхъ онъ. Сномъ Господь исцѣленье всякой душевной истомѣ приноситъ.

— Такъ помолились, старушка? Дѣло доброе... Вотъ мы послѣ суда-то и поженимъ васъ, пожалуй. Ишь вы у насъ какъ слюбились! — шутили присяжные, распоясываясь и снимая свои „парадныя одѣянія“.

— Встали мы предъ иконою, — неторопливо продолжала старуха,—и помолились: за сродниковъ, за родителевъ, за царя-батюшку, за судію благодушнаго, за скорбящаго, несчастнаго, за закономъ обличеннаго...

— Умѣешь ты, бабка, хорошо молиться!—восхищались присяжные.

— Потому у меня душа чиста, что стекло прозрачное. Я давно такъ научилась молиться.

— За что-жъ это тебя Господь сподобилъ?

— За смиренное терпѣніе... Я не ропщу.

— А сынъ, старушка?

— Ежели Господу угодно, онъ надежду мою поддержитъ. Не угодно—смирюсь.

— Истинно ты, бабушка, Богу угодишь этимъ.

— Господь награждаетъ меня. Благодарю его всечасно. Святыми цѣленьями я отъ него завсегда награждена на людскую нужду.

Крестьянка вынула изъ висѣвшаго на поясѣ кармана, изъ разноцвѣтнаго ситца, пузыречки и показала пѣньковцамъ.

— Вотъ маслице отъ Споручницы... Вотъ отъ Миколы-угодника изъ самой мощи... Вотъ отъ Живоноснаго источника... Спрыснула я старичка святою водой отъ Живоноснаго источника, обвязала ему голову ледяною примочкой. Успокоился старецъ Божій, просвѣтлѣлъ, что младенецъ. А боленъ у васъ онъ, боленъ! Натрудился шибко.

— Что сдѣлаешь, бабка!... За наши грѣхи Богъ, должно, наслалъ экую метелицу... Можетъ, нарочно насъ отстранялъ, потому, надо полагать, что недостойны... Вишь-де лапотники, пѣшкара эдкая, лошаденокъ жалѣемъ, пѣшкомъ идемъ, а туда же судьи... Недаромъ здѣсь нами гнушаются.. Знамо, больно ужъ ловки стали, въ судьи захотѣли... Съ барями, да богатѣями судить!... Вотъ Господь за гордость-то мужичью... и того,—философствовалъ Еремѣй Горшокъ,—и караетъ...

— Ври больше!—сердито сказалъ Лука Трофимычъ.

— Да право—тоска! Ты смотри, сколько на насъ изъ-за этого самаго обижаются... Пущай бы ихъ одни судили, коли не по нраву съ нами...

— Зналъ бы не пошелъ,—сказалъ другой Еремѣй.—Лучше откупиться! Всякую напраслину на тебя гнутъ...

— Смирись, — поучалъ Лука Трофимычъ.

— Мы, кажись, смирны... Ужъ такъ смирны, что малый ребенокъ, и тотъ тебѣ въ бороду плюнетъ!

— Обѣдать бы, братцы, лучше... а во всемъ прочемъ буди воля Божія!—замѣтилъ Бычковъ, засунувъ широкія ладони за поясъ.

— Обѣдать, такъ обѣдать. Заказывай,—отозвались пѣньковцы.—Недоуздка намъ ждать нечего. Это ужъ мужикъ такой: по три дня скорѣе не ѣвши пробудетъ, чѣмъ дѣло не выслѣдитъ.

Сѣли обѣдать. Всѣ стали добродушнѣе. Завели разговоры.

— Бабка, похлебай съ нами. Недорого возьмемъ. А то за нашего старичка и такъ покормимъ,—предложили присяжные.

— Спасибо. Я этимъ себя не питаю.

— Что жъ такъ?

— Я—что птаха малая.. У меня и тѣла нѣтъ!

— Оттого и тѣла нѣтъ, что ѣшь мало...

— Нѣтъ, не отъ этого. А тѣла нѣтъ, оно и не требуетъ... Сухонькаго пожую и довольно... Пять лѣтъ ужъ я такъ-то...

— Изъ тебя, мотри, моща выйдетъ.

— Выйдетъ, думать нужно. Я и теперь моща, только живая.

— А ты чья, бабка?

— Я-то? Я бѣглая.

— Бѣглая? Отъ кого?

— Отъ хозяина.

— За что такъ?

— Пятый годъ я бѣглая. Жили мы большою семьей: два брата. Большакъ-то вдовый, трое малыхъ ребятишекъ у него. Такой онъ тихой въ характерѣ, за ребятишками своими что баба ходилъ, нянчился. Зимой истопитъ печку, перемоетъ всѣхъ, вычешетъ. Дивно на него смотрѣть было, да и смѣшно. Мой былъ мужикъ разсудительный; онъ все подсмѣивался надъ большакомъ, „женкой“ его прозвалъ, и считалъ себя не въ примѣръ умнѣе. Мой не скажетъ: „Люблю, молъ, тебя, Паранька!“—нѣтъ, онъ все эдакъ норовитъ по уму сказать: „Мы съ вами, примѣрно, Прасковья Титовна, отъ Самого Господа Бога и съ благословенія родительскаго, любиться должны... Такъ ты по сторонамъ не разувай глаза-то“. Не нравилось ему, что большакъ другой разъ съ базару платокъ мнѣ привезетъ, сластей какихъ. Сынишку нашего тоже баловалъ. Пришло такъ, уѣхалъ мой-то въ Нижній, а большакъ къ знахаркѣ ходилъ, питья мнѣ какого-то въ квасъ влилъ. Можетъ, этимъ больше и обошелъ меня. Тѣмъ дѣлу и конецъ бы, потому я скоро свой грѣхъ предъ Господомъ сознала, стала въ церковь ходить, покаянье на себя наложила. И все внутри меня что-то говорило: „Не видать тебѣ, раба Лукерья, до конца твоей жизни счастія! Весь домъ твой несчастіемъ порѣшится. А будетъ твоей душѣ спокой, ежели скитаться будешь по землѣ и помогать болящимъ... И даю *я* тебѣ провидѣнье—всякую болѣзнь въ человѣкѣ признавать, и ты, болѣзнь ту провидѣвши, должна за тѣмъ человѣкомъ слѣдовать... Вотъ тебѣ *мой* приказъ“.

— Какъ же хозяинъ-то?

— Пришелъ и призналъ. Сейчасъ съ братомъ въ раздѣлъ. Стали дѣлиться, а большакъ все себѣ и отсудилъ. Тутъ мой ужъ сталъ бить меня. Я молчу и только къ сынку привязалась, десятый годокъ ему шелъ. Онъ и его у меня отнялъ въ ученье. А самъ все бьетъ; два года билъ: грудки отшибъ. Стала я сохнуть. Тутъ я надумала: „Божье повелѣнье исполнить требуется“. И ушла въ бѣга: въ Соловки ходила, въ Новомъ Ерусалимѣ была, по всѣмъ обителямъ странствовала. Вернулась тихонько домой — сынку 14-й годокъ шелъ; и сталъ онъ щепка щепкой, и какъ будто разсудкомъ тронувшись. „Петя, говорю, это я, матка твоя“.— „Вижу“, говоритъ.—„Не радъ ты мнѣ?“— „Нѣтъ, говоритъ, ступай опять въ бѣга... Узнаетъ отецъ — убьетъ и тебя, и меня!“ Горько мнѣ было, заплакала я—ушла опять къ Кіеву. Годъ ходила. Вернулась сюда въ городъ, слышу, говоритъ мнѣ одинъ мужичокъ изъ нашихъ: „Твоего сына судить будутъ...“—„За что?“ спрашиваю.—„Отецъ, слышь, его изъ-за тебя избилъ; привязалъ къ телѣгѣ, да возжами... Звѣрь сталъ—насилу оттащили. А послѣ того Петьку-то поймали у задворокъ со спичками. Избу хотѣлъ поджечь. А отецъ-то пьяный спалъ. Хорошо, что усмотрѣли. Спалилъ бы и деревню!“

— А сколько тебѣ, бабка, лѣтъ?—прервалъ ее Бычковъ.

— Третій десятокъ въ исходѣ.

Пѣньковцы посмотрѣли на нее.

— Ну, истинно твое слово: не даромъ твое покаянье... Въ половину тебѣ Господь годовъ прибавилъ — вѣку укоротилъ.

Въ эту минуту за дверью послышался разговоръ.

Пѣньковцы стали вслушиваться.

— Не насъ ли кто ищетъ?—сказалъ Лука Трофимычъ, приподнимаясь, чтобъ справиться.

Дверь отворилась и въ ней показался хозяинъ, за нимъ солдатъ, длинный и прямой, какъ вѣха, съ корявымъ усѣяннымъ прыщами лицомъ; въ рукахъ у него была книга.

— Господа присяжные? Вотъ здѣсь-съ. Они самые. Получайте!—говорилъ хозяинъ, пропуская впередъ солдата и показывая на пѣньковцевъ.

Пѣньковцы всѣ поднялись, только крестьянка, какъ сидѣла, такъ и осталась невозмутимою.

Солдатъ, не снимая кепи, молча подошелъ къ окну и сталъ рыться въ книгѣ. Наконецъ, онъ вынулъ лоскутъ бумаги.

— Ѳома Ѳоминъ кто изъ васъ?—спросилъ онъ.

— Есть. Старичокъ будетъ. Вотъ на полатяхъ онъ!

— Можно, чай, слѣзть съ полатей-то. Не великъ баринъ!

— Болѣетъ онъ у насъ, кавалеръ, — жалобно заговорилъ Лука,—ужъ просимъ прощенья... Потрогать жалѣемъ... Забылся только что...

— Ну, мнѣ все равно. Вотъ повѣстка. Въ семь часовъ приказано явиться. Вы съ нимъ одной волости?

— Одной.

— Всѣ?

— Мы всѣ пѣньковскіе. Другихъ нѣтъ...

— И женка?—спросилъ солдатъ, кивнувъ на крестьянку и едва изобразивъ на корявомъ лицѣ какое-то подобіе улыбки.—Отъ скуки, что ли, прихватили съ собой... али, можетъ, и женка въ присяжныхъ тоже?

— Нѣтъ-съ... Зачѣмъ же?..—умильно улыбаясь, объяснялъ Лука Трофимычъ,—такъ, бабочка... набѣглая... Присталая, выходитъ...

— Ну, и ее тащи къ намъ,—шутилъ солдатъ.

— Не почто, г. служивый, не почто... Мы вамъ не слуги... Мужики вамъ слуги, а мы, благодареніе Отцу милостиву, не слуги еще вамъ... Мы, бабы, не вамъ,—Богу служимъ!—заявила храбро „бѣглая бабка“.

— Вотъ такъ женка—заноза!—продолжалъ шутить солдатъ и потомъ, быстро обернувшись опять къ пѣньковцамъ, сурово прибавилъ:—Такъ всѣмъ вамъ, пѣньковцамъ, явиться къ семи часамъ.

Пѣньковцы перепугались и молчали.

— А неизвѣстны вы будете, господинъ кавалеръ, къ чему это насъ?— проговорилъ дрожащимъ голосомъ Лука Трофимычъ.

— Тамъ объявятъ... За хорошимъ дѣломъ къ намъ звать не станутъ.

Солдатъ оставилъ повѣстку и ушелъ.

— Что за грѣхъ? — спрашивалъ тихо Лука Трофимычъ, всматриваясь въ боязливо недоумѣвавшихъ пѣньковцевъ. — Ч-чу-де-са-а!.. Сохрани, Господи-Батюшко, Миколай угодникъ! Что за притча? Не Петра ли что?

— Ѳомушку, слышишь, зовутъ. Къ чему тутъ Петра?—замѣтилъ Бычковъ.

— Ну-ко, Дороѳей, прочитай поскладнѣй, нѣтъ ли тамъ чего еще? Не прописано ли?— обратился къ нему Лука, подавая повѣстку.

Бычковъ сталъ читать по складамъ, но, кромѣ приказанія крестьянину Пѣньковской волости Ѳомѣ Ѳомину явиться въ семь часовъ пополудни сего ноября, дня, такого-то года, не нашелъ ничего, хотя посмотрѣлъ и на другую сторону и даже долго и тщетно старался разобрать хитрый росчеркъ у подписи письмоводителя.

— Помилуй насъ грѣшныхъ!—глубоко вздохнули пѣньковцы.

— Смотри, братцы, часы-то бы какъ не проворонить. Вишь, здѣсь какія строгости—все строки,—внушалъ обстоятельный мужикъ. — Ты, Еремѣй, карауль, смотри. Почаще къ хозяину-то понавѣдывайся. Да не задрыхни, спаси Господи, какъ ни то грѣхомъ; не ложись на лавку-то, а у стола присядь... Да вотъ бабка-то, можетъ, приглядитъ за тобой. А мы отдохнемъ пока.

— Ну, братцы, чудеса здѣсь!—продолжалъ онъ, собираясь ложиться. — И ума теперь совсѣмъ рѣшишься... Не сообразусь...

— Да прежде-то развѣ не бывало? — спросили другіе.

— Какъ не бывало!.. Всяко бывало... То-то вотъ и пужаешься... Думается теперь, какъ никакъ, а безпримѣнно по трактирнымъ дѣламъ... Вишь, что горожане чудятъ надъ нами.

— Тьфу ты, Господи! — разсердился, наконецъ, всегда смирный и покорный Еремѣй Горшокъ, — дались тебѣ, Лука, эти трактиры. На всякое дѣло у него одно рѣшенье — трактиръ! Да неужто, кромѣ трактировъ, такъ ужъ надъ нами и чудить некому? Не клиномъ, чать, округа-то сошлась... И опять, развѣ Ѳомушка былъ хоша разъ въ трактирѣ?

— Такъ, такъ... Совѣмъ оглупѣлъ, братцы! Простите,—признался благодушно Лука Трофимычъ, зѣвая и крестя ротъ.

Смерклось. Зазвонили къ вечернямъ. Дежурный Еремѣй Горшокъ, все время дремавшій за столомъ и то и дѣло просыпавшійся и бѣгавшій на хозяйскую половину справляться о времени, перебудилъ пѣньковцевъ.

Всталъ и Ѳомушка. Спросили его товарищи, не знаетъ ли онъ, зачѣмъ его вызываютъ.

— Господь знаетъ, милые,—отвѣчалъ онъ.—Какой бы ужъ грѣхъ отъ старика могъ быть! Только что развѣ вотъ въ

округѣ съ бариномъ однимъ говорилъ — съ крестомъ былъ тотъ баринъ... Такъ онъ же меня обидѣлъ. А больше грѣха за собой не припомню.

Повздыхали присяжные и стали понемногу сбираться „на приглашеніе“.

Собрался кое-какъ и Ѳомушка, окутавъ, по настоянію „бѣглой бабочки“, все лицо, голову и шею, которыя у него горѣли, платкомъ.

— Не слѣдъ бы старичку ходить... Охъ, не слѣдъ бы! — толковала она. — Трудно будетъ старичку перенести!

Когда пѣньковцы выходили на Московскую улицу, замѣтили они сквозь сумерки чью-то подвигавшуюся къ нимъ темную фигуру въ картузѣ, шедшую неровнымъ, торопливымъ шагомъ, постоянно сбиваясь съ протоптанной по снѣгу дорожки въ лежавшіе по бокамъ сугробы; темная фигура изрѣдка размахивала руками и, вѣроятно, вела таинственные разговоры сама съ собой; вообще она сильно смахивала на подпившаго человѣка.

Фигура въ картузѣ прошла было, не замѣчая пѣньковцевъ, мимо, но они, всмотрѣвшись, окрикнули:

— Петра!.. Ты это?

Фигура въ картузѣ остановилась и въ недоумѣніи, какъ въ просонкахъ, не понимая ничего, смотрѣла на нихъ.

— Чего ты опѣшилъ? Воротись: итти намъ нужно всѣмъ. Объявиться приказъ вышелъ.

— Куда? — спросилъ Недоуздокъ, быстро подходя къ нимъ: это былъ, дѣйствительно, онъ.

— Въ контору приказано. Вотъ Ѳомушку требовають и насъ всѣхъ съ нимъ.

— А-а! Па-анимаю...—заговорилъ Недоуздокъ про себя.—Учить, значитъ...

— Съ Шабринскими, что ли, угостился?—спросилъ недовольно наблюдавшій за нимъ Лука Трофимычъ.—Не слѣдъ бы... И безъ угощеньевъ ихнихъ бѣда на тебя изъ-за каждаго угла налетаетъ.

Недоуздокъ счелъ ненужнымъ отвѣчать и доказывать неосновательность павшаго на него подозрѣнія: онъ зналъ, что былъ почти пьянъ, но только не отъ вина. Онъ присоединился къ товарищамъ и снова погрузился въ разрѣшеніе какихъ-то таинственныхъ вопросовъ.

Въ канцеляріи полувоеннаго вѣдомства долго сидѣли пѣньковцы по скамьямъ передней, вздыхали и смотрѣли, какъ солдаты курили махорку и играли у ночника въ три листика.

Часа черезъ полтора пришелъ высокій, толстый, бакастый господинъ, въ полуформенной одеждѣ. Сверкнувъ глазами на пѣньковцевъ изъ-подъ фуражки, онъ, не снимая ея и бросивъ съ плечъ на руки подскочившимъ солдатамъ шинель, прошелъ быстро въ дальнія комнаты.

Минутъ черезъ десять раздался по комнатамъ повелительный и нѣсколько охриплый окликъ:

— Ѳома Ѳоминъ! Здѣсь?

— Здѣсь! Ѳома Ѳоминъ, который?—засуетились солдаты,

— Сюда!—крикнулъ опять голосъ.

Солдатъ повелъ Ѳомушку черезъ неосвѣщенныя комнаты на голосъ. Ѳомушку била лихорадка, но не отъ боязни, а отъ развившейся болѣзни.

Дверь за нимъ затворилась и все смолкло.

— Пѣньковцевъ! Сюда!—раздался опять голосъ.

Тотъ же солдатъ ввелъ пѣньковцевъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ предъ столомъ, покрытымъ клеенкой, разбросанными бумагами, шнуровыми книгами, съ мѣдною лампой съ тусклымъ абажуромъ, полуформенный господинъ, погрузившись внимательно въ чтеніе какихъ-то листовъ. Въ сторонѣ стоялъ Ѳомушка. Пѣньковцы боязливо и бѣгло взглянули на него: лицо его было красно и лихорадочно пылало, губы дрожали.

— Вы кто?—сверкнулъ на нихъ взглядомъ, на секунду поднявъ отъ бумаги голову, полуформенный господинъ.

— Крестьяне, ваше бл—діе.

— То-то. Мужики?

— Такъ точно-съ.

— Я васъ спрашиваю: мужики?

— Они самые будемъ-съ, — упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Лука.

— И больше ничего?

Мужики молчали.

— Ничего больше?—тономъ выше переспросилъ полуформенный господинъ.

— Такъ точно-съ... То-ись...

— Безъ всякихъ „то-ись“!

Помолчали.

— И вы это званіе свое помните хорошо?

— Довольно хорошо, ваше бл—діе.

— Плохо, я говорю.

— То-ись... ежели... ваше бл—діе.

— Безъ „то-ись“! (Тоны повышаюся crescendo.) Плохо, говорю я.

Пѣньковцы замолчали.

— Если вы забудете кто вы и что̀ вы (взоръ полуформеннаго господина молніей проносится по пѣньковцамъ), тогда... Это что значитъ? — вдругъ прерываетъ онъ себя, обращаясь къ Недоуздку.—Что это значитъ? я тебя спрашиваю (указательный палецъ допрашивающаго начинаетъ внушительно тыкаться по направленію ко рту Недоуздка, у котораго въ углахъ губъ начинается какая-то игра).

— Не могу знать, — отвѣчалъ Недоуздокъ и стыдливо утеръ широкою ладонью усы и бороду.

— Ты не утирай, не торопись, братецъ... Что *это* у тебя выражаетъ?.. а?.. Онъ всегда *такъ* смѣется? — спросилъ быстро пѣньковцевъ бакастый господинъ.

Пѣньковцы посмотрѣли на Недоуздка.

— Не примѣчали, ваше бл—діе.

— Скажите, какой смѣшливый!.. а?.. Сма-атри, братецъ!.. Сма-атри!.. Какъ прозываешься? (допрашивающій беретъ карандашъ).

— Недоуздокъ.

— Узду пора!.. Слышишь?

Полуформенный господинъ что-то бѣгло началъ писать.

— Если вы забудете кто вы и что̀ вы,—проговорилъ онъ послѣ небольшого молчанія, растягивая слова,—такъ вотъ онъ вамъ скажетъ, — онъ показалъ на Ѳомушку.—Ты передай имъ,—прибавилъ онъ ему.—Ступайте!

Пѣньковцы вышли. Молча и медленно подвигались они къ квартирѣ. Къ Ѳомушкѣ, однако, не навязывались съ разспросами, оттого ли, что щадили болѣвшаго товарища, или оттого, что очень хорошо знали, въ чемъ состояли бы его отвѣты.

— Пётра! — проговорилъ Ѳомушка, — ослабъ я. Подведи меня.

Недоуздокъ взялъ его подъ руку.

— Ты не бойся, Ѳомушка... Ничего!— успокоивалъ онъ его.

— Чего мнѣ бояться? Господь съ ними! Пущай учатъ, коли любо.

— Что за грѣхъ такой, Ѳомушка?.. И за что это намъ острастку задали? Ась?—осторожно спросилъ Лука Трофимычъ.

— Тотъ... съ крестомъ-то... толстый...

Губы Ѳомушки задрожали, застучали зубы; лихорадка опять забила и не дала договорить.

Въ квартирѣ Ѳомушку приняла „бѣглая бабочка".

— Э-эхъ, старичка какъ ушибло! — ворчала она.—Ушибло старичка совсѣмъ. Не нужно бы ходить,—говорила я. Сбѣгайте-ка, родные, за водкой, натремъ мы его! — говорила она, укладывая Ѳомушку на нары.

— Братцы! тяжко мнѣ! — простоналъ старикъ.

— Что̀, Ѳомушка, велѣно тебѣ сказать-то намъ?—спросилъ опять Лука Трофимычъ, какъ будто боясь, чтобы онъ не испустилъ духъ.

— Пустите! Зачѣмъ кушакъ? И зачѣмъ вы кушакомъ меня окручиваете? Только что сняли—и опять кушакъ...

Ѳомушка забредилъ. Лука Трофимычъ боязливо отошелъ и перекрестился.

Долго и угрюмо сидѣли присяжные въ этотъ зимній вечеръ въ округѣ.

V.

„Оправили".

Ѳомушкѣ становилось хуже: итти ему въ судъ нечего было и думать. Хозяинъ начиналъ сердиться и посылалъ въ больницу. „Бѣглая бабочка" неустанно ходила за больнымъ: спрыскивала его „святыми цѣленьями", привязывала къ головѣ примочки изъ разведеннаго въ водкѣ снѣга, подавала ему пить. Пѣньковцы были ей рады, такъ какъ могли совершенно спокойно оставить больного на ея попеченіи. Сами они пошли въ судъ. Лука Трофимычъ искоса и пристально наблюдалъ за Недоуздкомъ, который такъ необычно велъ себя, что, не будь онъ на ногахъ, можно бы было принять его за больного одною съ Ѳомушкой болѣзнью: онъ или задумчиво молчалъ, или говорилъ что-то про себя, отвѣчалъ невпопадъ и несообразно совсѣмъ.

Въ судѣ народу было сегодня немного, только „свои", судейскіе. Приходили какіе-то господа съ барынями, посмотрѣли на вывѣшенное у залы засѣданій расписаніе дѣлъ и, прочитавъ, что на сегодня назначено къ разбору дѣло о покушеніи на поджогъ малолѣтняго крестьянина Петра Петрова, 16 лѣтъ, махнули рукой и ушли. Подсудимый былъ худой, съ тупымъ и равнодушнымъ взглядомъ мальчикъ лѣтъ 15; онъ такъ былъ малъ и сухъ, что казался еще моложе; бѣлые волосы у него острижены были въ кружокъ и падали на лобъ, онъ не поправ-

лялъ ихъ; ушедшіе глубоко въ орбиты глаза слѣдили одинаково равнодушно и за судьями въ мундирахъ, и за мужиками-свидѣтелями, и за дремавшимъ и клевавшимъ носомъ у двери залы сторожемъ, обязаннымъ отпирать и запирать залу во время разбора дѣла. Онъ даже очень долго и пристально всматривался въ ружье стоявшаго съ нимъ рядомъ солдата и такъ былъ занятъ, казалось, мыслью разузнать и произойти всю хитрую механику курка, что не одинъ разъ заставлялъ предсѣдательствующаго повторять вопросы. Отвѣчалъ онъ односложно, беззвучно. Свидѣтели, пятеро его однодеревенцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ староста, другой сотскій, постоянно высказывали желаніе отвѣчать за него, подсказывали ему, въ родѣ того: „Петька, не трусь ты; чего трусишь? Свои здѣсь!.. Говори: ваше, молъ, высокоблагородіе, виноватъ, молъ, точно, ну, а при семъ... Ты, родной, смѣлѣе“. А когда ихъ предсѣдательствующій останавливалъ, они говорили между собой: „глупышъ еще!.. Не разумѣетъ, вѣдь... Что на немъ взять?“

Присяжные, въ числѣ 12 человѣкъ, всѣ были крестьяне. Можно было предполагать, такъ какъ дѣло шло о поджогѣ, что защитникъ отвелъ богатыхъ собственниковъ, а прокуроръ, напротивъ, отвелъ тѣхъ изъ крестьянъ, которые казались на видъ „нехозяйными“; но какъ большинство изъ тридцати человѣкъ все-таки были крестьяне, то составъ исключительно и наполнился ими. Только купеческій сынъ попалъ въ запасъ, чѣмъ и остался очень недоволенъ, такъ какъ дѣло было для него неинтересное, а приходилось „зря“ быть внимательнымъ. Изъ нашихъ знакомцевъ вошли въ составъ суда: Бычковъ, котораго, по грамотности, выбрали въ старшины, Лука Трофимычъ и одинъ Еремѣй; прочіе были незнакомы, и въ число ихъ попалъ и мѣщанинъ. Недоуздокъ и другіе пѣньковцы не пошли домой, а помѣстились на скамьяхъ, назначенныхъ для публики. Пѣньковцы только въ концѣ судебнаго слѣдствія догадались, что подсудимый мальчикъ былъ сынъ „бѣглой бабочки“, а именно при показаніи одного изъ свидѣтелей, сотскаго, поймавшаго его на мѣстѣ преступленія, о „буйствѣ“ и „необстоятельности“ его отца, отъ котораго даже „женка должна въ бѣгахъ состоять вотъ ужъ пятый годъ...“ Изъ рѣчи прокурора и защитника узнали они, что мальчикъ судится второй разъ, такъ какъ рѣшеніе перваго состава присяжныхъ почему-то было кассировано защитникомъ, но почему именно—они никакъ не могли понять, ибо дѣло касалось какой-то хитрой юридической формы. Нашимъ присяжнымъ, казалось, пріятно было это случайное совпаденіе, и они весело переглянулись съ пѣньковцами, сидѣвшими въ числѣ слушателей. Тѣ то же отвѣтили имъ какою-то мимикой, дескать: „Вотъ Онъ, Богъ-то!.. Ты и гляди... Каждый день бабочка понапрасну въ судъ ходила, ждала, а нонѣ, когда для богоугоднаго дѣла при мужикѣ осталась, какъ нарочно Господь на насъ и навелъ... полосу-то“. Пѣньковцамъ нравилось и то, что судъ шелъ скоро, безъ всякихъ „смущеній“. Прокуроръ и защитникъ не „травились“. Медленно выплыли присяжные изъ совѣщательной комнаты и тѣмъ же торжественнымъ шагомъ, какимъ обыкновенно идутъ въ церкви къ причастію, вышли передъ судейскую эстраду. Бычковъ, до невозможности высоко поднявъ голосъ, прочиталъ оправдательный приговоръ. Пѣньковцы, сидѣвшіе на скамьяхъ зрителей, были увѣрены въ этомъ приговорѣ, но все еще боялись, что вотъ-вотъ предсѣдательствующій скажетъ: „Эхъ, вы! Развѣ такъ судятъ здѣсь, по-мужицки?.. Развѣ мужицкій здѣсь судъ?“ Когда же предсѣдательствующій поднялся и объявилъ: „подсудимый, вы свободны; можете итти куда угодно“, сердце у Еремѣя Горшка и Недоуздка застучало. Посторонняя публика вышла. Мѣщанинъ тотчасъ же, какъ ушли судьи, стремительно убѣжалъ „выжимать копейку“. Дѣло „освобожденія невиннаго“ совершилось просто. Никакихъ восклицаній, восторговъ. Пѣньковцы и свидѣтели подошли къ Петюнькѣ.

— Ну, вотъ, Петька, и молись за нихъ теперь Богу,—сказали свидѣтели, показывая на присяжныхъ,—имъ скажи спасибо.

— Бога, малецъ, Бога благодари! — откликнулись присяжные.

— Вотъ мы, братъ, какіе... такъ-то! — прибавилъ, улыбаясь, купеческій сынъ и тоже радовался, забывъ, при общемъ увлеченіи, что онъ нисколько въ этомъ дѣлѣ не повиненъ, а сидѣлъ „въ запасѣ“.

— Ну, а теперь, Петька, въ деревню съ нами собирайся. Опять заживемъ!

— Я не пойду.

— Да куда жъ ты, глупый, пойдешь? Вѣдь, такъ-то и на поселенье сошлютъ... Почему жъ ты не пойдешь?

— Отца боюсь.

— Отца не бойся теперь! Теперь онъ сократился... Теперь кто жъ ему надъ тобой власть дастъ? Теперь ты по закону слободенъ!

— Я птицу стрѣлять пойду... Ружье достану...

— Ахъ, ты, глупый!.. Вотъ онъ—малецъ, такъ малецъ и есть...

— А гдѣ у тебя, милый, матка-то?

— Матка въ бѣгахъ.

— Вотъ и матку тебѣ разыщемъ мы,—сказали свидѣтели.

— Такъ, такъ. Мы и еще тебя порадуемъ: пойдемъ съ нами, мы тебѣ ее, матку-то, покажемъ! — говорили присяжные.

— А гдѣ она? Она далеко.

— Совсѣмъ близко. При насъ она живетъ. Она за тебя Бога упросила. Такъ вотъ всѣ къ маткѣ и пойдемъ. Господа кавалеры теперь ужъ тебя отпустятъ!

— Нѣтъ, нельзя... Мы его должны въ тюрьму представить,—отвѣтили солдаты.

— Зачѣмъ еще... али мало?

— Мало. Пущай попрощается. Тоже въ чужой одеждѣ нельзя. Казенное сначала вороти.

Солдаты встряхнули ружьями и, ставъ по обѣимъ сторонамъ мальчугана, приготовились итти.

— Я не пойду! Пустите! Я убьюсь тамъ,—проговорилъ „освобожденный" и заплакалъ.

Въ это время подошли къ нему кругленькій адвокатъ и судебный приставъ. Замѣтивъ слезы, они разсмѣялись.

— Ты о чемъ плачешь? а?—спрашиваетъ адвокатъ.—Недоволенъ мной, что я тебя освободилъ? а?.. Ну, какъ ты—не знаю, а я, братъ, тобой доволенъ... Что вашъ „товарищъ"-то съѣлъ? — обратился онъ къ приставу. — Вѣдь, я говорилъ тогда, что кассація моя... Не хочетъ ли теперь еще со мной потягаться?.. Я такъ и быть ужъ, ради эдакаго турнира, еще даровою защитой пожертвую... Ну, о чемъ же ты плачешь? а? на, вотъ, на колачи... да меня помни! — прибавилъ адвокатъ Петюнькѣ и сунулъ ему въ руку рублевую бумажку.

Пѣньковцы утѣшили мальчугана и объяснили, гдѣ ему найти ихъ и матку, когда онъ совсѣмъ раздѣлается съ тюрьмой. Затѣмъ всѣ вышли. У трактира нагнали они двухъ купцовъ, сидѣвшихъ „въ публикѣ". Купцы повертывали ко входу и что-то сердито объясняли третьему:

— Конечно, это одна выходитъ зрятина, — говорилъ одинъ. — Какой къ суду страхъ будетъ? Мы же тогда обвинили, а теперь мужики верхъ взяли...

— Суды совсѣмъ мужицкіе. Мужикъ задолѣетъ—бѣда!—замѣтилъ другой.

— Конечно, бѣда!.. Теперь, Господи благослови, первымъ дѣломъ они сейчасъ поджигальщиковъ оправдываютъ! Да теперь поджигальщики для хозяйнаго человѣка хуже изъ всѣхъ! разбойникъ спосънѣе! Имъ, голякамъ, ничего! Они что? Однопортошники, одно слово... Сгорѣлъ шалашъ у него въ деревнѣ—печали немного: взялъ порты подмышку и поселился у сосѣда... А развѣ мы при нашемъ имуществѣ можемъ это стерпѣть?.. Судьи! Судилась бы гольтяпа промежъ собой по деревнямъ какъ знала.

— Это такъ. Намъ съ ними, мужиками, вовѣкъ не сойтись. Имъ преступникъ жалостенъ, а намъ—страшенъ.

— Постой теперь! Теперь только дворниковъ да собакъ позубастѣй заводи... Ха-ха-ха!..

Сумрачно, сыро и холодно въ избѣ постоялаго двора. Скверная сальная свѣчка, вставленная въ горлышко бутылки, воняетъ и едва свѣтитъ какимъ-то красноватымъ свѣтомъ. Ѳомушка лихорадочно мечется на нархъ, подъ дырявымъ полушубкомъ; пѣньковцы, понадѣвъ дубленки, или ежатся по угламъ, или безцѣльно ходятъ съ одного мѣста на другое. Въ заднемъ углу наръ „бѣглая бабочка" что-то копошится и шепчетъ около Петюньки, надѣвая ему на шею какіе-то гайташки съ ладонками. Петюнька сидитъ на лавкѣ и, держа обѣими руками французскій хлѣбъ, равнодушно жуетъ и болтаетъ ногами въ большущихъ валеныхъ сапогахъ. Недоуздокъ только что вернулся откуда-то; не сказавъ ни слова на недовольное ворчаніе Луки Трофимыча, подозрѣвавшаго его постоянно въ сношеніи съ Гаркинымъ и трактиромъ, онъ бросилъ въ уголъ наръ, въ головы, армякъ и растянулся, закинувъ руки за голову; Лука Трофимычъ чѣмъ-то недоволенъ и ворчитъ; Еремѣй Горшокъ сидитъ на лавкѣ, сложивъ на брюхѣ руки, уткнувъ

носъ въ бороду и покачивая головой, не то дремлетъ, не то думаетъ о чемъ-то съ закрытыми глазами. Бычковъ сидитъ у стола и соскабливаетъ съ него ногтемъ сальныя лепешки. Видимо, всѣ недовольны чѣмъ-то, всѣмъ не по себѣ. Такъ бываетъ всегда послѣ неполной радости, нарушеннаго удовольствія, обманутаго ожиданія, или же когда грубая, неуклюжая пошлость ни съ того, ни съ сего ворвется къ человѣку въ особенно высокія минуты душевнаго настроенія и безсовѣстно оборветъ высокую струну чувства, начинавшую звучать въ душѣ.

Какъ будто въ просонкахъ, слышитъ Недоуздокъ, что пришли однодеревенцы „бѣглой бабочки", староста, сотскій и два крестьянина, — народъ по одеждѣ, видно, бѣдный.

— Садитесь — гости будете! — приглашали пѣньковцы, отодвигая отъ лавки столъ.—Вотъ у насъ хоромы-то какія, просторъ, да толку мало... Надули насъ ловко. Тогда съ вьюги-то показалось знатно тепло... Ну, а теперь господская то печка не очень мужиковъ нѣжитъ!

— А мы васъ насилу разыскали. Городъ. Народу всякаго много.

Гости усѣлись по лавкамъ и стали говорить тихо, замѣтивъ мѣтавшагося въ лихорадкѣ Ѳомушку.

— Болѣетъ?—спросили они.

— Заболѣлъ. Вьюга по дорогѣ-то настигла.

— Вы въ больницу.

— Не желаетъ. Погодите, проситъ, можетъ, еще не смерть мнѣ... Думаетъ: что завтра.

— Ну, а мы, Петька, за сапогами, братъ, пришли, — говорилъ сотскій Петюнькѣ. — Скидавай сапоги-то. Что дѣлать? У меня у самого одни они надежа. Въ кожаныхъ-то по теперешнему времени недалеко напляшешь до деревни, да и тѣ худые... Разомъ съ беспалыми ногами домой придешь. А ты вотъ получай свои узоры-то: въ цѣлости изъ тюрьмы выдали!—прибавилъ сотскій, кладя на лавку растрепанные лаптишки.

— Стало, онъ въ твоихъ сапогахъ-то? То-то больно ужъ велики.

— Въ моихъ. Чего! пришелъ въ острогъ-то, а ему и выйти не въ чѣмъ; девять мѣсяцевъ тому взяли его въ шугайчикѣ да лаптишкахъ — они и есть только. А шапка? спрашиваю. А шапки, говорятъ, и совсѣмъ не значится. Ну, сходилъ на фатеру, принесъ вотъ ему валенки да шапку дойти до матери.

Стукнули о полъ сапоги, — Петюнька освободилъ изъ нихъ свои худыя, маленькія ноги.

— Вотъ такъ-то,—говорилъ сотскій,— а ты богатъ теперь. Вишь, какую кредитку тебѣ далъ аблакатъ-то на колачи! И на сапоги изойдетъ.

Слышитъ Недоуздокъ, какъ послѣ того заговорилъ что-то Ѳомушка и замѣтался.

— Старуха,—тихо выговариваетъ онъ, подь-ка ты сюды... Вотъ подыми-ка ты меня немного... Ну, такъ, такъ! Разстегни-ка грудь-то! Вотъ здѣсь... Ахъ, руки-то дрожатъ!.. Нако вотъ, купи ребенку сапожнишки-то! Охъ, дѣло-то студеное... Долго ли до бѣды... А у насъ какія, вѣдь, вьюги-то!

Слышно, бѣглая бабочка всхлипываетъ и уговариваетъ Ѳомушку.

— Э-эхъ..., зачѣмъ только руки мнѣ связали? Руки зачѣмъ?—начинаетъ опять бредить Ѳомушка. — Лѣсничокъ, лѣсничокъ, Ѳедосеюшко, развяжи кушакъ-то, родной...

Всѣ молчатъ и боязливо слушаютъ. Нѣкоторые крестятся. „Бѣглая бабочка" спрыскиваетъ Ѳомушку святою водой.

Немного погодя Ѳомушка успокоился. Стали опять разговаривать.

— Говорятъ, здѣсь обчество есть: помогаетъ тѣмъ, которыхъ освободятъ.

— Говорятъ, что есть. Ну, только хлопоты. Боятся они мужику деньги на руки выдать: пропьетъ, вишь! Такъ пойдутъ у нихъ тутъ сначала справки отъ обчества, потомъ когда-то пришлютъ въ волость. А изъ волости когда еще выдадутъ; и то съ вычетомъ... Рубля три, можетъ, и останется. На руки не дадутъ: это и говорить нечего... А, вѣдь, ѣсть-то теперь нужно... Вотъ и босикомъ-то тоже зимой не больно находишься!

— Хорошо, кабы выдали. Вотъ и намъ, можетъ, что-нибудь перепало бы, — замѣчаютъ свидѣтели. — Два раза гоняли. А мы люди небогатые. Прожились тоже.

— А помногу выдаютъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ стали помалу... Говорятъ, присяжные-крестьяне больно много голяковъ стали освобождать. Эдакъ, слышь, не годится. Денегъ не напасешься!

Опять бредитъ Ѳомушка. Невесело, вяло идетъ разговоръ про бѣдность, горе, несчастіе. Кто-то опять заводитъ разго-

горъ съ Петюнькой, чтобъ повеселить компанію.

— Ну, Петька, радъ, что домой пойдешь?

— Нѣтъ. Я не пойду, — отвѣчалъ Петька, грызя сухія баранки, которыя суетъ ему въ руку и за пазуху матка, тихо нашептывая: „Жуй, кровный, жуй со Христомъ! Вишь, тѣльцо-то съ тебя все посошло“.

— Въ лѣсъ пойдешь? а? Птицу стрѣлять?

— Въ лѣсъ пойду... И мамку возьму...

— А мамку зачѣмъ?

— Отецъ убьетъ... Жалко...

— Мы отцу теперь не дадимъ бить.

Петюнька замолчалъ.

— А зачѣмъ раньше давали?—спросилъ онъ.—Все одно и теперь...

— Теперь мы его въ холодоую запремъ.

— Изъ холодной онъ опять придетъ. А мы лучше съ мамкой совсѣмъ уйдемъ.

— Вамъ нельзя. Земля за вами. Мы и пашпортовъ не дадимъ.

— Я въ бѣга уйду.

— А чѣмъ жить будешь?

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—прошепталъ Еремѣй Горшокъ, горячо молясь на сонъ грядущій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СТОЛКНОВЕНІЯ ВЪ ОКРУГѢ И ПОСЛѢДОВАВШІЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

I.

Во что разыгралась метелица.

Въ предшествовавшую ночь, когда Недоуздокъ безысходно путался въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ „судейскаго положенія" и Еремѣй Горшокъ склонялъ къ полу предъ образомъ свою лысую голову, въ эту пору на другой половинѣ происходила такая сцена. Всю ночь дворникъ то ложился въ постель, то сползалъ съ нея, то зажигалъ свѣчу, босикомъ подходилъ къ двери присяжныхъ и чутко вслушивался, то будилъ жену:

— Стефанида, а Стефанида!—говорилъ онъ, подталкивая ее въ бокъ.

— Ну!— откликалась въ просонкахъ супруга.

— Оторопь меня беретъ, дура!

— Да побоишься ли ты Бога, Савелій Филиппычъ, ни одной ты мнѣ ночи спокою не дашь!

— Эка глупая!—удивлялся дворникъ, —хозяинъ мучается, а она спокой!.. И какъ это у тебя языкъ повернулся сказать!.. Дура ты, дура!.. Вставай, Богу молись!

Едва стало свѣтать, какъ Савелій уже явился на половину присяжныхъ.

— Почтенные, почтенные! — покрикивалъ онъ въ дверяхъ, боязливо поглядывая въ уголъ, гдѣ лежалъ подъ полушубкомъ Ѳомушка.—Эй, господа присяжные!

Присяжные стали подыматься: сперва показалось имъ было, что не проспали ли они судъ, такъ такъ нѣкоторымъ изъ нихъ уже во снѣ видѣлось, какъ ихъ штрафовали за неявку, но потомъ удивились, къ чему ихъ такъ рано будитъ хозяинъ, такъ какъ припомнили, что суда на сегодня, по случаю праздника, не назначено, и еще вчера располагали поспать подольше.

— Чего требуется?—отозвались они.

Но въ это время полушубокъ на Ѳомушкѣ задвигался, и Ѳомушка сталъ медленно подниматься, опираясь на сухощавыя руки.

Почтенный дворникъ задрожалъ и, быстро захлопнувъ дверь, ушелъ къ женѣ.

Дѣло было въ томъ, что почтенный гражданинъ, содержатель постоялаго двора, въ которомъ судьба указала ютиться нашимъ присяжнымъ, сталъ съ нѣкотораго времени бояться покойниковъ. И чѣмъ старше и степеннѣе онъ дѣлался, чѣмъ полнѣе росло его довольство, чѣмъ ближе настигалъ онъ вожделѣнный идеалъ мирнаго мѣщанскаго житія, тѣмъ эта странная болѣзнь одолѣвала его все болѣе. И чего только супруга его ни дѣлала: и отчитывала его, и свѣчи въ соборѣ ставила, и молебны служила,—ничто не помогало. На бѣду, дворъ ихъ стоялъ на пути къ кладбищу, и хозяину каждый день суждено было слѣдить за отправлявшимися въ лучшій міръ гражданами. Почтенный дворникъ перебрался было съ супругой въ задніе апартаменты, но мирныя тѣни опочившихъ горожанъ не оставляли тревожить и здѣсь по ночамъ чуткій сонъ его. Много толковъ, по обыкновенію, ходило по этому поводу среди слободскихъ обитателей, вообще любителей отыскивать причины тонкихъ психическихъ болѣзней, извѣстныхъ у нихъ подъ общимъ собирательнымъ именемъ „нечисти" или просто „чертовщины". Разсказывали, что это началось съ дворни-

комъ съ тѣхъ поръ, какъ въ бытность его присяжнымъ засѣдателемъ, въ первую по открытіи новыхъ судовъ сессію, случилось что-то не совсѣмъ чистое: говорили, будто онъ запродалъ свой голосъ; разсказывали также, что ночью около его дома нашли среди дороги замерзшаго, видимо, въ пьяномъ видѣ, свидѣтеля, который, какъ всѣ знали, остановился дня за два предъ тѣмъ на его постояломъ дворѣ, и проч. и проч. Но такъ какъ психіатрическія изслѣдованія обывателей должны быть принимаемы крайне осторожно, то мы и оставимъ вопросъ „чертовщины“ открытымъ и перейдемъ къ изложенію болѣе достовѣрныхъ наблюденій. Замѣтимъ только, что съ тѣхъ поръ, какъ слегъ Ѳомушка, почтеннымъ дворникомъ совсѣмъ „*онъ* обладалъ“, какъ по секрету сообщала своимъ пріятельницамъ его супруга.

Присяжные еще почесывались, сидя на облежашихъ мѣстахъ, и вздрагивали отъ пронизывающаго холода и сырости, какъ вошла къ нимъ жена дворника.

— Почтенные, — заговорила она, — уважьте насъ, уберите своего старичка.

— Чѣ̀ вамъ старичокъ, чего онъ, старичокъ, мѣшаетъ? — вступилась бѣглая бабочка изъ своего угла, торопливо подправляя подъ синій повойникъ выбившіяся сѣдыя косички. — Чѣмъ онъ вашему благополучію поперекъ всталъ?

— Ну, объ нашемъ благополучіи тебѣ говорить не подобаетъ, сударка... А я тебѣ вотъ что скажу: и тебѣ хозяинъ приказалъ убраться... Живешь ты безъ платы, поселилась безъ приказу, того гляди, умрешь,—ишь вы какіе съ мальченкомъ-то, и теперь точно мощи! А здѣсь городъ... Да и понятія тоже насчетъ смерти у насъ другія...

— Не трожь ее... Мы заплатимъ,— сказалъ Лука Трофимычъ.

— Что намъ плата! Мы не изъ-за одной платы живемъ... Мы не мужики... У насъ и другая какая причина найдется, чтобъ за свой покой постоять. Вотъ за вашего старичка мы и отъ платы отъ всякой откажемся... Намъ, можетъ, тысячъ не надо, только чтобы покой былъ... За тихій сонъ мы всѣмъ пожертвуемъ... Мы городскіе...

— Что я вамъ сдѣлалъ? Э-эхъ, люди!—отозвался Ѳомушка.

— Ничего ты намъ не сдѣлалъ... Только покою лишилъ... Мы своимъ покоемъ дорожимъ... А потому—въ больницу лягъ... Въ своемъ домѣ покойниковъ не можемъ допустить, чтобъ сна они насъ рѣшили...

— Да какой онъ покойникъ?..—Съ чего ты?.. Вонъ ему нонѣ полегче, и ночь спалъ спокойнѣе... Чего вы мужиковъ-то заживо боитесь?.. Вѣдь, тебѣ нонѣ полегчало, Ѳомушка?—спросили пѣньковцы.

— Какъ не легче? Извѣстно, легче... А ежели въ больницу, такъ тутъ и смерть моя!

— Чего не покойникъ? Совсѣмъ покойникъ! — увѣряла дворничиха. — Хозяинъ мой ужъ ежели скажетъ, такъ вѣрно... Дня за три ужъ онъ объ этомъ извѣщенъ бываетъ...

— Кто жъ его извѣщаетъ?—спросилъ Недоуздокъ.

— Ну, ты надъ этимъ зубы-то не скаль... Мужикъ—такъ мужикъ и есть невѣрующій... Правда говорится: громъ не грянетъ — мужикъ лба не перекреститъ... А вотъ теперь присяжный ты, такъ послѣ и увидишь, чѣ̀ это значитъ... Вамъ еще неизвѣстно, каково по благороднымъ должностямъ состоять...

— А присяжные-то тутъ при чемъ?

— А такъ: измотаетъ душу-то... Да и дѣтямъ-то своимъ закажешь. Да и жену-то съ ума сведешь...

— Н-ну! настращены же вы, купцы!

— А я вотъ сказываю, чтобъ нонѣ вы своего старика убрали. Безъ грѣха... Мы вамъ и лошадь приготовимъ... А коли нѣтъ, такъ всѣ выбирайтесь по добру, по здорову... А тихій сонъ мнѣ всѣхъ васъ милѣе...

— Дай ты мнѣ, милая, хоша денекъ отсрочки... Можетъ, Господь допуститъ, послужу завтра великому дѣлу!—молилъ Ѳомушка, въ душѣ котораго едва замѣтное облегченіе болѣзни вызвало вновь неудержимое желаніе „постоять за невольный грѣхъ человѣческій предъ царемъ и закономъ“ и тѣмъ завершить дѣло своей жизни. Ему еще вчера снилось, какъ кто-то, *неспознаемый*, приходилъ къ нему и и шепталъ: „заключеннаго въ темницѣ посѣти, страждущаго успокой, жаждущаго напой, за обличеннаго постой“... Можетъ быть, это долетали до его слуха слова длинной и четкой молитвы бѣглой бабочки, которая, ложась вчера спать, перебирала на сонъ грядущій всѣ статьи того кодекса отношеній къ несчастнымъ, который создалъ себѣ народъ подъ гнетомъ тяжелыхъ вѣковъ. Но все равно, такъ или иначе это было, только Ѳомушкѣ послѣ того снилось, что онъ въ

судѣ, что стоитъ предъ налоемъ съ евангеліемъ и истово выговариваетъ: „Нѣтъ, не виновенъ!.. Господь съ тобой!.. Молись за меня!“ И на этомъ выраженіи всепрощенія онъ проснулся и почувствовалъ, что ему какъ будто легче, какъ будто спалъ съ него тяжкій кошмаръ горячечныхъ видѣній.

— А ты полиціей припугни!.. Чего тутъ еще канитель тянуть? Мы свой покой должны охранять!—раздалось задверью.

— Опять *они!*—вскрикнулъ Ѳомушка, устремивъ свои сѣрые, лихорадочно свѣтящіеся глаза на дверь,—они!.. Вотъ я ихъ вижу... Вотъ толстый... и съ крестомъ... вотъ и этотъ... Зачѣмъ вы меня связываете?.. Зачѣмъ не допускаете?.. Милые, да развѣ я...

— Старичокъ, старичокъ!... Смерть твоя тутъ пришла... Молись, что съ твоимъ глупымъ разумомъ Богъ тебя отъ грѣха отвелъ...

— Опять! Слышу, слышу... Умъ вамъ нуженъ, а душа не нужна... Божью грозу вы своимъ умомъ отвести хотите?... Руку Господню задержать?

— Господи!... Отходитъ, отходитъ! — крикнула въ страхѣ дворничиха, крестя себя широкими размахами. — Что намъ будетъ дѣлать?... Почтенные, прибирайте скорѣе его...

Въ эту минуту дверь отворилась, и дворникъ высунулъ въ нее голову.

— Что жъ это?... Доколѣ же ты будешь сказки-то сказывать? — выпрямившись, загремѣлъ дворникъ, — али я въ своемъ дому не хозяинъ?... Али я дуракъ, что вы надо мной издѣваетесь?— гремѣлъ онъ сильнѣе, почуявъ, что въ словѣ любви нѣтъ мѣста „ужасному заклятію“.

— Н-ну, теперь вези меня... — прервалъ его Ѳомушка. — Погодь одну минутку... Вотъ, братцы, здѣсь... возьмите, поберегите... А умру — такъ... этому горю... на сапожнишки...

Ѳомушка снялъ съ своей шеи кошель и подалъ его Лукѣ.

— Ну, снаряжайтесь... Пойдемъ умирать!... Помоги натянуть полушубокъ-то...

Дворникъ хотѣлъ что-то еще прогремѣть, но въ комнату вошелъ околоточный надзиратель, и онъ быстро изогнулся въ его сторону.

— Ваше бл—родіе!... Самъ Богъ васъ посылаетъ. Сдѣлайте милость, — заговорилъ дворникъ,—моей мочи больше нѣтъ... Въ своемъ дому покоя не имѣю...

— Въ чемъ дѣло?

— А вотъ господа крестьяне заразу распространяютъ... Помилуйте, у насъ тоже заведеніе, мѣсто входное... Сдѣлайте милость!... А ужъ мы вамъ... Жена!... Что глаза-то пялишь? Живо — закусочку господину приставу... Самоварчикъ тамъ, графинчикъ, грибковъ, бѣлорыбочки...

— А кто здѣсь безъ паспорту проживаетъ?—спросилъ полицейскій.—Слухъ идетъ, что появилась какая-то женщина, называющая себя „бѣглой“...

— Бѣглая?... Я, ваше благородіе, бѣглая,—отозвалась бѣглая бабочка и, храбро вставъ предъ полицейскимъ, поклонилась ему въ поясъ.

— Ты по церквамъ ходишь?

— Хожу-съ... Богу моему ежечасно служу...

— А въ судѣ толкалась каждый день?

— И по судамъ ходила, ваше благородіе.

— Собирайся... Тебя подозрѣваютъ въ покражѣ половой щетки и калошъ у швейцара суда и чайника съ освященною водой изъ соборной трапезы... Не видалъ ли кто изъ васъ у нея этихъ вещей?

— Не примѣчали,—сказалъ Лука Трофимычъ, — точно что водица эта самая церковная была у нея... Старичка она нашего пользовала...

— Возьмите ее,—сказалъ околоточный солдатамъ.

— Извольте, ваше благородіе... Я сама пойду, — смиренно проговорила бѣглая бабочка,—потому я противъ Заступницы ничего не могу... Угодно ей на меня еще испытаніе наложить, я смиряюсь за грѣхъ свой... Сказано: за грѣхъ твой кровь твоя прольется.

И бѣглая бабочка спокойно начала укладываться въ своемъ ранцѣ. Проснувшійся Петюнька сначала глядѣлъ, ничего не понимая, широко открытыми глазами на полицейскихъ, но когда одинъ изъ нихъ подошелъ къ нимъ и крикнулъ: „Нечего прятать: все равно осмотръ будетъ“,—Петюнька заплакалъ.

— Мамка, зачѣмъ насъ опять въ острогъ? Не пойду я... Убейте меня... Убѣжимъ въ лѣсъ, мамка...

— Не плачь, кровный... не плачь... Это я ужъ теперь пойду... Ты ужъ отсидѣлъ свой чередъ... Теперь, кровный, тебѣ череда Богу служить, мнѣ терпѣть... Такъ сказано...

— Мамка! а я куда?

— Къ Богу, милый, ступай... къ Богу...

— Чего? — спросилъ приставъ. — Да кстати, не здѣсь ли Ѳома Ѳоминъ проживаетъ? — обратился онъ къ пѣньковцамъ.

— Здѣсь-съ.

— По заявленію окружнаго суда, требуется освидѣтельствовать его болѣзненное состояніе черезъ доктора земской больницы... Ѳома Ѳоминъ, собирайся!

— Я-то? Я готовъ... Да зачѣмъ вы бабочку тревожите? а? Али въ конецъ ее, изстрадалую...

— Ты кто такой?—спросилъ полицейскій.

— Я?... Присяжный я, судья,—твердо выговорилъ Ѳомушка, даже съ тѣмъ храбрымъ упорствомъ, съ какимъ иногда старики заявляютъ свои права на участіе въ жизни, въ которой ихъ пѣсня спѣта.

— А вотъ сначала мы освидѣтельствуемъ... нѣтъ ли у тебя чего-нибудь тамъ, — повертѣлъ приставъ пальцемъ около лба.—Собирайся!

— Готовъ я... Ведите!— порѣшилъ Ѳомушка, какъ будто сбросивъ со счетовъ жизни послѣднюю кость.

— Ну, и прекрасно,—похвалилъ приставъ.

II.

Городскія сцены.

Въ первый еще разъ съ начала зимы, утромъ нынѣшняго дня, солнце выглянуло изъ-за тучъ надъ городомъ и разсыпало цѣлые снопы лучей и на бѣлыя, словно гагачьимъ пухомъ, покрытыя мягкимъ снѣгомъ кровли домовъ и на тротуары улицъ, по которымъ кое-гдѣ были протоптаны ранними пѣшеходами узкія тропки. День глянулъ весело; отъ безконечно-разнообразной игры свѣта въ снѣжныхъ кристаллахъ пріятно щекотало глаза, снѣгъ лежалъ такъ легко и мягко, что, казалось, достаточно было одного едва замѣтнаго дуновенія, чтобы онъ вдругъ поднялся съ крышъ къ небу и тамъ разсыпался въ безбрежномъ воздушномъ пространствѣ. Легкій морозъ подрумянивалъ щеки и, пробиваясь сквозь ткань къ тѣлу, бодрѣе гналъ кровь въ жилахъ, чутче и напряженнѣе дѣлалъ нервы. Въ такой день тяжелая тоска овладѣваетъ сердцами тѣхъ, кого злая судьба приковываетъ къ узкому, душному пространству, заключенному въ четырехъ стѣнахъ, и тысяча такихъ сердецъ въ эту минуту мучительно молятъ о свободѣ, о воздухѣ, стонутъ о жизни, о счастіи...

Пѣньковцы, ничего не привыкшіе дѣлать въ одиночку, всякое дѣло рѣшали скопомъ; такъ и въ это утро, проводивъ всею артелью Ѳомушку въ больницу, помѣщавшуюся за городомъ, медленно шли всѣ они обратно, закинувъ руки за спины, распахнувъ широкія полы разлетаевъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись красные кушаки, и уставивъ внизъ бороды.

— Эко день-то какой — благодать! — сказалъ Бычковъ, любуясь на ярко-блестѣвшіе отъ солнца свои кувшинные купецкіе сапоги.

— Кабы въ такой день привелъ Богъ путину намъ справить, може, и Ѳомушка былъ бы цѣлъ,—замѣтилъ Еремѣй Горшокъ. — А то вотъ и запрятали въ духоту, смрадъ... какое здоровье!... А какъ онъ просилъ: здоровъ, говоритъ, я... Я, говоритъ, при этомъ солнышкѣ-то оживу...

— А завтра, можетъ, и еще кого запрячемъ, — въ раздумьи говорилъ Недоуздокъ и потомъ, оглянувъ всѣхъ, усмѣхнулся.

— Кого?—спросилъ Лука Трофимычъ.

— Кому тоже солнышко мило...

— Ты всегда, что ворона, непутное пророчишь, — отозвался съ неудовольствіемъ Лука Трофимычъ, вообще имѣвшій какой-то суевѣрный страхъ ко всякимъ „непутнымъ словамъ“, которыя порождали въ немъ разныя „предчувствія“.

Пѣньковцы повернули къ базарной площади. Базаръ былъ сегодня небольшой. Нѣсколько возовъ виднѣлось кое-гдѣ; съ полсотни мужиковъ что-то горланили у кабаковъ и кабацкія двери постоянно визжали, то и дѣло отворяясь. Мужики выходили и входили въ нихъ, съ заломленными на затылокъ шапками, съ рукавицами подмышкой; у всѣхъ широкія ладони были распростерты; на ладоняхъ лежали мѣдные пятаки, которые они деликатно пересчитывали и поворачивали корявыми ногтями. Бабы, стоя около нихъ и боязно поглядывая на эти распростертыя ладони, съ трепетомъ слѣдили за выраженіемъ мужицкихъ лицъ, стараясь уловить витавшую на нихъ мысль... Но выраженіе мужицкихъ лицъ было непроницаемо, какъ у сфинксовъ, и не было возможности услѣдить тотъ моментъ, когда „хозяева“, утомленные долгими расчисленіями и соображеніями, вдругъ быстро складывали распростертыя ладони,

опускали руки—и мѣдяки пропадали отъ глазъ женъ въ широкихъ карманахъ, а мужья внезапно устремлялись къ кабабакамъ. Тутъ ужъ начиналась борьба. Бабы старались удержать хозяевъ за полы и рукава полушубковъ, разжалобить какими-то крикливыми нотами и напоминаніями. Но хозяйскія ноги неуклонно шествовали къ вожделѣнной цѣли. Такія толпы то тамъ, то здѣсь разсыпались по площади, вполнѣ поглощенныя интересами „купли-продажи“ и возможностью добыть малую копейку барыша для полученія „хоть какого ни то для души удовольствія“... Пѣньковцамъ понравилось на базарѣ. Предъ ними проходили знакомыя картины родственной жизни. Они переходили отъ воза къ возу, прислушивались къ торгамъ, къ громкому похлопыванію широкихъ ладоней; прицѣнялись къ мукѣ, крупѣ, мясу, дѣлали свои заключенія. Они совсѣмъ увлеклись этими интересами. Даже мысль о „судейскомъ положеніи“ совсѣмъ вышла изъ головы пѣньковцевъ.

Но въ это время кто-то вдругъ крикнулъ изъ толпы: „Везутъ! везутъ!...“ Всѣ обратились по направленію, на которое указывалъ палецъ одного изъ обозниковъ. Пѣньковцы тоже пріостановились и стали всматриваться: изъ переулка, примыкавшаго къ торговой площади, медленно двигалась какая-то процессія, похожая на похоронную. Она направлялась къ какому-то черному помосту, высившемуся на срединѣ площади, съ торчавшимъ одиноко столбомъ.

— Братцы! Эшахвотъ! — крикнули въ толпѣ, и вся она устремилась къ помосту.

Изъ прилегавшихъ улицъ, домовъ и лавокъ бѣжали приказчики, купцы, сидѣльцы, кухарки и лакеи, съ кулечками, изъ которыхъ выглядывали мерзлыя лапы всякой живности. Покорные общему инстинкту толпы, какъ-то совершенно невольно, торопливымъ шагомъ поспѣшили за нею и пѣньковцы. Многіе изъ нихъ въ былыя времена бывали свидѣтелями такихъ позорищъ, когда имъ случалось посѣщать округу. А что это были за позорища, то имъ напоминали о нихъ ихъ „желѣзныя“ нервы, которыя на много лѣтъ сохранили въ себѣ слѣды впечатлѣній... Вѣроятная жажда повторенія подобныхъ же ощущеній невольно влекла ихъ и теперь вслѣдъ за толпой. Толпа уже собралась вкругъ помоста, а поѣздъ еще продолжалъ подвигаться: двѣ кляченки, едва двигавшія разбитыми ногами, казалось, не тянули черныя дроги, а сами подталкивались впередъ огромнымъ дышломъ, которое, мотаясь то въ ту, то въ другую сторону, увлекало ихъ за собой; сгорбившійся старый возница въ дырявомъ полушубкѣ и въ шляпѣ изъ собачьей шкуры съ поднятыми вверхъ ушами дергалъ неистово вожжами, махалъ длиннымъ промерзшимъ и обледенѣлымъ кнутомъ и вообще такъ усердно поощрялъ своихъ клячъ, что отъ нихъ валилъ паръ. Тѣмъ не менѣе поѣздъ ни на шагъ не подвигался скорѣе: ни клячи, ни возница не могли сократить минутъ ожиданія нетерпѣливаго чиновника въ треуголкѣ, махавшаго бѣлымъ носовымъ платкомъ. Дроги, на лѣтнемъ ходу, увязали въ снѣгу, купались въ ухабахъ, а замерзшія колеса не вертѣлись. Этапные солдаты ругались и грозились съ возницей, то перегоняя, то останавливаясь поджидать слишкомъ ужъ торжественно подъѣзжавшій экипажъ. Все это время толпа подсмѣивалась надъ молодымъ „мундирнымъ“ человѣчкомъ, одѣтымъ „налегкѣ“ и яростно бѣгавшимъ по помосту съ портфелемъ подмышкой.

Слышался говоръ.

— Каторжный?

— Къ каторгѣ приписанъ.

— А кто такой?

— Убивецъ.

— Изъ здѣшнихъ?

— Нѣтъ, дальній... Изъ артельныхъ... Съ чугунки... На чугункѣ работала артель-то...

— Съ чего жъ это?

— Разно болтаютъ...

— Знамо, не отъ добра...

Наконецъ, поѣздъ приблизился настолько, что можно было разсмотрѣть сидѣвшаго на дрогахъ. Толпа сотнями глазъ уставилась на обвиненнаго: это былъ молодой, не особенно здоровый мужикъ; лицо худое, весноватое; жиденькая бородка красиво обрамляла лицо; глаза полузакрыты; голова наклонена. При каждомъ ухабѣ, при каждомъ толчкѣ онъ всѣмъ корпусомъ покачивался вмѣстѣ съ дрогами, какъ будто мускулы у него были разслаблены. За дрогами шли, спотыкаясь, двѣ крестьянки, съ узелками: одна старая, другая молодая. Поѣздъ заключалъ хромой, дряхлый старикъ съ жиденькою сѣдою бородкой; онъ торопливо ковылялъ, что-то бормоча себѣ подъ носъ, и широко размахивалъ искалѣченною ногой и толстою палкой, на которую упирался. Недоуздокъ весь былъ—вниманіе;

онъ не могъ оторвать глазъ отъ преступника, и чѣмъ ближе подвигались дроги, тѣмъ яснѣе ощущалъ онъ какое-то незнакомое ему прежде волненіе: онъ не могъ понять, отчего это съ нимъ. Ему припомнилось, что онъ то же самое видѣлъ лѣтъ 15 тому назадъ; но тогда была „кобыла", тогда онъ самъ былъ малъ... Недоуздокъ невольно бросилъ взглядъ на помостъ: на немъ „кобылы" не было. Между тѣмъ, пока сходилъ съ дрогъ преступникъ, пока молча дѣлались приготовленія на помостѣ, кучка любопытствующихъ обступила хромаго старика и двухъ женщинъ.

— Сродственники будете?—спрашивали ихъ.

— Родные... Сынъ будетъ.

— Ай-ай-ай! Горе какое! Что же это съ нимъ у васъ?

— Божье дѣло! Божье дѣло! — проговорилъ старикъ въ изнеможеніи, обѣими руками упираясь на костыль и низко опустивъ голову. Онъ тяжело вздохнулъ разъ, другой и остался неподвиженъ: казалось, натрудившіеся члены застыли.

— Старикъ, а старикъ! Дяденька! Скажешь, что ль?—приставала къ нему какая-то бойкая торговка.

— Оставьте его! Чего пристали?... Видите, чай, тутъ горе замерло!—сказалъ кто-то.

Пѣньковцы обернулись къ старику: онъ стоялъ неподвижно и только костыль подрагивалъ у него въ рукахъ.

Но бойкая торговка не унималась. Она допрашивала крестьянокъ. Крестьянки плакали и робѣли предъ толпой.

— А ты не бойся, разсказывай... Намъ, вѣдь, что!... Намъ только что изъ любопытства! — поощряли любопытныя торговки.

— Недоимщики мы,—начала несмѣло старуха,—а у насъ „недоимщики" всѣ отъ міра въ работу сдаются артельщикамъ... Артельщики за нихъ подати внесутъ, а они къ нимъ въ работу, въ правленьи, приписываются. Хошь-не-хошь — идешь... Артельщики ихъ на чугунки справляютъ... на пристани... Такъ случилось, что нашего что ни годъ—къ одному артельщику приписывали... Говорили мы волостному: „ослобоните хошь годокъ, домомъ не справимся". А у него дѣтки пошли... Жена молодайка... Ну, одначе, угнали... На чугункѣ они землю рыли... Осень стояла бѣдовая... По колѣни вода, въ сараяхъ—холодъ... Хворь пошла... Нашъ и подговорилъ артель убѣжать... Прослышалъ онъ къ тому, что артельщикъ похвалялся его молодайку смутить... Ну, бѣжали... Тутъ ихъ вскорости поймали, на мѣсто опять вернули... Двѣ недѣли ихъ запертыми держали, потомъ на работы вывели... Тутъ приказчикъ этотъ надъ нашимъ надсмѣялся... А къ вечеру его, артельщика-то, въ ямѣ нашли. Голова проломлена. Говорятъ, это Ванюша-то его...

Внятно слушали этотъ разсказъ пѣньковцы, между тѣмъ какъ глаза ихъ пристально всматривались въ „недоимщика". Онъ стоялъ у позорнаго столба, голова низко наклонена къ груди, глаза закрыты; онъ не смотрѣлъ ни разу на толпу.

Только что мундирный человѣкъ началъ читать, какъ откуда-то взявшійся изорванный картузъ въ валеныхъ калошахъ вдругъ крикнулъ, расталкивая толпу:

— Посторонитесь, посторонитесь! Присяжные здѣсь! Господа присяжные! впередъ!

Преступникъ поднялъ голову.

— Братцы, уйдемъ! Грѣхъ намъ здѣсь стоять!—сказалъ Лука Трофимычъ и перекрестился. Пѣньковцы тоже перекрестились и, повернувшись къ эшафоту, наклонивъ головы, вышли изъ толпы.

— Ванюшка!... Что ты не потерпѣлъ, глупышъ? — раздалось сзади ихъ тихое восклицаніе, тутъ же поглощенное надорваннымъ плачемъ.

Они обернулись: неподвижная фигура хромаго старика-отца стояла въ той же позѣ, только все тѣло теперь вздрагивало, словно внутри его что-то переливалось. Еремѣй Горшокъ еще разъ истово перекрестился.

Въ эту минуту присяжные сознали, что они уже съ нѣкоторыхъ поръ потеряли связь съ „толпой".

III.

* * *

Пѣньковцы неторопливо опять двинулись было по Московской улицѣ, какъ неожиданно сзади ихъ раздались знакомые голоса:

— А это наши!... Пѣньковскіе... Глядико-сь!

— Они самые!... Земляки!—окрикнулъ ихъ голосъ.

Пѣньковцы обернулись; къ нимъ подходили двое фабричныхъ, съ широкими улыбками, махая руками.

— Вотъ оно, Богъ-то привелъ гдѣ!— сказали и пѣньковцы, озарившись тою же улыбкой.—Давно ли вы здѣсь?

— Почитай, полгода работаемъ... Вы какъ?... Домишки наши что?

— Богъ терпитъ пока.

— Ну, коли терпитъ, жить можно... Живы?

— Живы, всѣ живы.

— Хлѣбъ-то есть?

— Есть. До Святой, такъ думаемъ, дотянемъ, ежели поосторожнѣй... Ну, а тамъ...

— Тамъ мы пришлемъ... Скажите, чтобъ не жались очень-то... Мы по десяткѣ вышлемъ, прикупятъ... Ну, и слава-те, Господи!... Больше хошь и не спрашивай! А вы какъ здѣсь? Вотъ, вѣдь, и забыли совсѣмъ... Очень ужъ рады вѣстямъ-то... Давно не получали...

— Мы здѣсь повинность правимъ...

— Присяжную?

— Присяжную.

— Ну-ну!... Судьи, значитъ, вы теперь почетные! Вотъ какъ!... И ты, Петра, въ судьяхъ?

— Какъ же!

— Радъ?... Эхъ, хоть бы разокъ когда судьей побывать! — замѣтилъ одинъ изъ фабричныхъ.

— Радости мало, братъ. То же и мы сначала-то полагали...

— Ну-у? Что такъ?

— Тяжело....

— Тяжело?--удивились фабричные.

— Недовольны нами. Плохо, говорятъ, мы судимъ... Судили бы, говорятъ, по деревнямъ, а то въ городъ залѣзли. Только и слышишь: сѣряки да сѣряки-неотесы... дураки сиволапые.

— Пущай ихъ! Вамъ что? Собаки лаютъ—вѣтеръ носитъ... Вы вотъ не привыкли... А намъ такъ это совсѣмъ нипочемъ. У насъ своя гордость есть—тоже рыло всякому не подставимъ!

— Это такъ... Да главное дѣло въ томъ, какъ тебѣ въ уши-то постоянно трубятъ, что ты глупъ, такъ и самъ привыкнешь, и самому тебѣ думается. Какой ежели и былъ умишко, и тотъ потеряешь, и въ тотъ вѣры рѣшишься. Спознать-то себя времени не дадутъ. А ужъ ежели вѣру въ себя потерялъ — какой ужъ тутъ судья!... Грѣхъ такому судьѣ быть!

— Какой ужъ тутъ судья!—согласились фабричные.—Да что мы, братцы, на холоду-то стоимъ!.. Это на радостяхъ-то!.. Ну, дураки же мы... Земляки, пойдемте, хоть мы васъ чайкомъ попоимъ...

— Нѣтъ. Зачѣмъ же? — проговорилъ трусливо Лука Трофимычъ.

— Что вы, братцы!.. Какъ „зачѣмъ“? Вѣдь, намъ не вчастую приходится чайто съ земляками распивать... Нынче жъ праздникъ.

Присяжные и фабричные направились къ трактиру политичнаго гласнаго.

— А у насъ несчастіе,—говорили пѣньковцы по дорогѣ.

— О? не дай Богъ! Что такое?

— Старичка вотъ мы сегодня въ больницу свалили... Настудился по дорогѣ. Ѳомушку-то, знаете?

— Какъ не знать... Это благодушнаго-то?

— Онъ, онъ самый!

— Экая жалость! А ужъ кому быть судьей, такъ это ему... Какъ же такъ? Неужъ пѣшкомъ вы?

— Пѣшковыми.

— Ну, за это мы васъ не похвалимъ. Всегда вы, деревенскіе, прижимисты. Человѣка не познобили бы...

— Точно что поприжались немного... на этотъ разъ. Недоимку внесли... Потрава тутъ у насъ случилась, такъ судились, судились...

— Чай, поди, вдесятеро съ писарями въ кабакахъ пропили, какъ суды-то шли?

— Нѣтъ, оно точно что — капиталовъ мало.

— Намъ бы отписали... Мы на это дѣло не постоимъ! Черезъ годъ, что ли, очередь-то приходится? Али у насъ денегъ нѣтъ!—шутливо ударилъ одинъ изъ фабричныхъ по карману съ мѣдяками.—Насъ не обижайте!..

Всѣ улыбнулись, какъ улыбаются на героя-ребенка, храбро выступающаго въ бумажномъ шлемѣ съ деревянною саблей.

— Братцы, неравно старичокъ долго проваляется въ больницѣ-то, вы ужъ присмотрите за нимъ. Понавѣдайтесь.

— Что вы говорите!.. Развѣ мы не мужики?.. Насъ не обижайте... Мы бы вотъ, пожалуй, и къ себѣ взяли его, да у самихъ такіе бараки, что ни день—въ больницу таскаютъ... Кабы дворцы-то наши получше были, да хоша малую отдышку при работѣ, такъ жить можно... И молодухъ бы выписали. Мы не требовательны... Скажите молодайкамъ: ждутъ, молъ, управляющій смѣнится, полегче будетъ; съ бабами, слышь, жить будетъ можно... Управляющій новый, слышь, хозяина уго-

ворилъ, что рабочій при бабѣ вдвое здоровѣе... И лѣкарь тутъ молодой пріѣхалъ— тоже сказываетъ, что хозяину вдвое наработаютъ, коли ежели рабочему хошь часокъ лишній отдышки при семействѣ дать, да малую копейку на эту семью накинуть...

— Такъ... такъ... Скажемъ... Рады будутъ...Такъ при бабахъ-то работа спорѣе?

— Много спорѣе. Теперь нашъ братъ сколько денегъ по слободамъ тратитъ— страсть! А опять, притомъ, болѣзнь тащитъ. Фабрикѣ тоже убытокъ—больные-то. Это все лѣкарь высчиталъ. Скажите: мужья, молъ, вамъ, бабы, изъ городу наказали, чтобъ вы какъ можно за этого лѣкаря молились. Не умолите за него Бога,—и мужей вамъ, молъ, не видать.

— Скажемъ, скажемъ. Онѣ на это дѣло не постоятъ, лба не пожалѣютъ. Лишній разъ попамъ поклонятся. Онѣ и такъ безъ васъ такія-то ли богомолки стали, — шутили присяжные.

— Тутъ взмолишься! Да, земляки, не зайдемъ ли къ намъ, благо по пути? Вотъ только сейчасъ въ переулокъ, тутъ около пруда и дворцы наши... Зайдемте. Посмотрите, какъ мы живемъ. Лучше разсказывать будете въ деревнѣ. Да и другихъ нашихъ, може, встрѣтите, тѣ тоже рады будутъ землякамъ.

— Что жъ, мы съ радостью. Время способное...

Всѣ земляки Пѣньковской волости повернули въ переулокъ.

Пѣньковцамъ бесѣда съ земляками становилась все отраднѣе. Они были несказанно рады, что встрѣтили близкихъ людей въ далекомъ, незнакомомъ городѣ, которымъ можно передать свои мысли и ощущенія, съ которыми могли потолковать отъ сердца, освободить души, переполненныя несознанными, смутными впечатлѣніями.

Едва только прошли пѣньковцы два короткихъ переулка, какъ свѣжее обонявіе ихъ тотчасъ дало знать, что заводъ близко.

— Вы кожевники, вѣдь, будете?

— Кожевники. Али ужъ наша-то амбра въ носъ шибанула?

— Примѣтно.

— А мы привыкли.

Когда прошли третій переулокъ, предъ ними открылся кожевенный заводъ — огромное трехъэтажное, съ маленькими и частыми окнами, зданіе, кирпичное, почернѣвшее. По бокамъ и сзади стояли деревянные сараи сѣро-дымчатаго цвѣта, съ низкими фундаментами и высокими, готически-двухъярусными крышами. Предъ фабрикой и кругомъ было грязно, неприглядно; несмотря на зиму, снѣгъ былъ перепачканъ и забросанъ всякою дрянью; невдалекѣ былъ прудъ, на которомъ пробито нѣсколько прорубей. Около главнаго зданія почти никого не было, зато у воротъ, ведшихъ во дворъ, была толкотня. Фабричные то входили, то выходили по одиночкѣ и толпами, медленно и лѣниво, видимо, безъ опредѣленной цѣли: выйдутъ, пройдутъ нѣсколько шаговъ, потопчутся на мѣстѣ— и опять назадъ. На дворѣ то же самое. Дворъ лежитъ между деревянными флигелями, длинный и узкій; вдоль его, слѣва, тянутся кладовыя, надъ ними сначала идутъ, во всю длину зданій, деревянныя галлереи, съ протянутыми вертикально жердями, на которыхъ висятъ провяливающіяся кожи, а затѣмъ высятся высокія крыши, съ помѣстительными и свободно вентилирующимися чердаками. На дворѣ вонь становится еще невыносимѣе, а грязь отъ кожи и всякихъ обрѣзковъ такъ велика, что почти незамѣтно снѣга. Во флигелѣ, по правую сторону, тѣ же галлереи съ кожами, хотя въ немъ отведены помѣщенія для рабочихъ. По двору снуютъ рабочіе, видимо, безъ толку; всѣ онѣ одѣты по-праздничному — въ синіе кафтаны, новые картузы и шапки; у многихъ видны чистыя рубахи, разноцвѣтные шерстяные шарфы на шеяхъ, но, замѣтно, они сами не знаютъ, для чего вырядились: это было въ родѣ того, какъ если бы съѣхались разодѣтые гости на давно ожидаемый балъ въ предвкушеніи пріятнаго отдыха, веселыхъ впечатлѣній, и вдругъ имъ объявляютъ, что получена телеграмма о смерти близкаго къ дому лица, и хозяева внезапно уѣхали. Потолкутся, потолкутся гости съ вытянутыми физіономіями, скажутъ двѣ-три остроты насчетъ „бренности земной жизни“, кисло улыбнутся и разъѣдутся опять коротать вечеръ по домамъ. Не замѣтно и признака здороваго, реальнаго развлеченія. По лицамъ ясно, что у всѣхъ бродитъ неопредѣленно тоскующая, „неустойчивая“ мысль: такое состояніе разрѣшается или отупѣніемъ, или дикою выходкой. Вотъ идутъ навстрѣчу одинъ другому двое рабочихъ; у обоихъ въ пригоршняхъ орѣхи; оба лѣниво грызутъ и еле передвигаютъ ногами, оба какъ бы не замѣчаютъ другъ друга и сталкиваются. Орѣхи сыплются на снѣгъ. Ругань, а за-

тѣмъ здоровый хохотъ. Весело обоимъ. Вотъ бросились рабочіе на чей-то крикъ: рады скандалу.

— Бьютъ кого-то! — говорятъ пѣньковцы.

— Что тамъ?—допрашиваютъ рабочіе.

— Расправа... Опекъ Васька стащилъ.

— У насъ часто,—замѣчаютъ земляки пѣньковцамъ,—съ вечера все спустили, а нынче за промыселъ. Ну, да у насъ до суда не доводятъ всего-то. А то бы вамъ со всѣми и не управиться.

У воротъ еще раздается чей-то крикъ.

— Убью!... Подступись!—кричитъ какой-то рабочій, размахивая правымъ кулакомъ, а лѣвою рукой обнимая какую-то женщину.

— Ловокъ больно! Всѣмъ скучно! — кричатъ изъ толпы.

— Убью, говорю! Только подступись.

— Ха-ха-ха! Попалась Дунька въ лапы...

— Долго ли до грѣха!.. А-ахъ!—покачалъ головой Еремѣй Горшокъ.

— У насъ даже очень недолго. Мы вамъ говорили. У насъ тутъ изъ-за солдатокъ такія баталіи идутъ. Ну, земляки, теперь зажимай носы-то! — предостерегали фабричные, поднимаясь по широкой и убитой натасканнымъ снѣгомъ лѣстницѣ въ одинъ изъ флигелей, гдѣ помѣщались рабочіе.

Дѣйствительно, для непривычнаго человѣка вонь была нестерпимая. Во флигелѣ по стѣнамъ шли пары. Свѣтъ проходилъ только съ одной стороны, и то плохо: окна были малы и заплѣсневѣли. Вентиляція въ помѣщеніяхъ для кожъ была лучше, чѣмъ здѣсь.

— Лѣкарь этотъ,—говорили рабочіе,—на томъ стоитъ, чтобы намъ на вольныхъ квартирахъ жить. А то, говоритъ, мы чистаго воздуха не вдыхаемъ. Спросили насъ; мы говоримъ: привыкли, не чувствуемъ... „Дураки, говоритъ, вы эдакіе! Привыкнуть носъ ко всякой гадости можетъ, да здоровью-то отъ этого не лучше...“ Такой чудакъ! А славный! Вотъ это онъ же о бабахъ-то хлопоталъ... А то вотъ, поглядите, какое у насъ веселье! — показали они въ противоположный уголъ наръ.

Тамъ было человѣкъ пять рабочихъ. Среди нихъ сидѣла растрепанная толстая женщина, съ раскраснѣвшимся лицомъ; она старалась повязать платокъ, но сзади кто-нибудь шутя сдергивалъ его.

— Чортъ хромой! — любезничала женщина, тузя кого-то кулакомъ въ спину.

— Ха-ха-ха!—хохотали кругомъ.—Палагея Петровна! желаете, я вамъ унтера подпущу?—предлагалъ кто-то.

— Подпусти, подпусти! — поощряли прочіе.

— Попробуй!—огрызалась женщина.

„Унтера“ подпускали, и все разражалось хохотомъ.

Проходя дальше, пѣньковцы-фабричные наткнулись на чьи-то ноги.

— Нну-у!.. Это—Опёнокъ! Что жъ вы человѣка-то не подымете? — обратились они къ сидѣвшимъ у оконъ двоимъ молодымъ рабочимъ.—Недолго, чай!

— Пробовали, дерется... Не подымемъ.

Рабочіе съ пѣньковцами подняли подпившаго работника и положили на нары.

— Тоже вотъ!—разсказывали фабричные,—былъ когда-то человѣкъ, а теперь, того гляди, сгинетъ.

— Что жъ онъ?

— Очень объ женѣ затосковалъ... Тоже ребятишки есть. Выписалъ было онъ ихъ сюды, вольную квартиру снялъ. Все было спервоначалу хорошо шло. На ребятишекъ радовался, — мы ихъ такъ и прозвали *опёнками*... Мѣсяца два протянулъ, а тамъ, глядитъ, не въ силу... Заработка не хватало... Въ деревнѣ отецъ, земля — работницу надо.... А жену взялъ, нужно работника нанимать. Думалъ, думалъ—никакъ не натянешь; опять въ деревню проводилъ. Самъ къ намъ перешелъ и затосковалъ, пить началъ. Чертитъ во всю мочь, а развѣ на это нашихъ денегъ хватитъ?

— Вамъ бы его въ деревню, къ землѣ отпустить.

— Къ землѣ хорошо... Съ землей грѣха меньше...

— Съ землей—Божье дѣло...

— Это такъ. Да, вѣдь, и отъ земли-то уйдешь, коли она не прокормитъ. Онъ теперь все жъ какъ ни то управится съ податями-то, а уйдетъ въ деревню—волкомъ вой.

Пѣньковцы подошли къ помѣстившемуся у окна рабочему. Онъ былъ худой, низенькій, почти мальчикъ; но по бородѣ и старческому лицу ему было лѣтъ 30. Онъ лежалъ на животѣ, опершись на локти и подперевъ руками голову; подъ носомъ у него лежала книжка съ лубочными картинами; онъ внятно и мѣрно читалъ, закрывъ ладонями уши, весь погруженный въ какой-то волшебный міръ, который вызывала предъ нимъ лубочная сказка.

— „И от-вер-жонный любовникъ упалъ къ но-гамъ прелестной... Ельми-ры..."— истово выговаривалъ онъ.

— Это у насъ грамотникъ,—рекомендовали пѣньковцамъ, — разсказчикъ первѣйшій! Сколько это онъ сказокъ знаетъ— страсть! Другой разъ попросимъ его—онъ и начнетъ!.. Начетчикъ! Не здѣсь бы ему быть!

— Что такъ?

— Умретъ скоро... Вишь какой!—тихо прибавили фабричные.

Вотъ изъ дальняго угла раздалась гармоника: кто-то присѣлъ у дверей и, смотря въупоръ въ окно, наигрывалъ со всѣмъ усердіемъ камаринскую. Игрокъ ничего не замѣчалъ кругомъ себя; онъ, кажется, не чувствовалъ и своей музыки. По устремленнымъ вдаль глазамъ примѣтно было, что его мысль витала гдѣ-то далеко отсюда.

— Зачѣмъ бабъ сюда водите?—вдругъ окрикнулъ кто-то веселую компанію, подпускавшую „унтера".—Вѣдь, сказано, что полиція запрещаетъ...

— Это, Ванъ Ванычъ, землячка.

— Все у васъ землячки.

— Ей-Богу! Изъ самой сосѣдней слободы...

— Выбирайтесь, выбирайтесь!

— Мы только маненько поиграемъ, Ванъ Ванычъ! Ей-Богу.

— А это что за народъ? — обратился къ пѣньковцамъ допрашивавшій сѣдой старикъ, съ длинною бородой и выбритою маковицей,—очевидно, раскольникъ.

— Это земляки, Ванъ Ванычъ,

— Опять земляки! А попрежнему — кожъ не хватитъ, кто въ отвѣтѣ?

— На нихъ не грѣшите, Ванъ Ванычъ... Они—судьи...

— Судьи!.. Судьямъ-то нечего по фабрикамъ таскаться, да съ фабричною вольницей якшаться... Сидѣли бы по домамъ. А то наслушаются тутъ наговоровъ: то не хорошо, другое не хорошо. Послѣ только и слышишь: „нѣтъ, не виновенъ!" Мыде съ судьями земляки! Намъ теперь что!.. На замокъ бы запирать судей-то, чтобъ они не шлялись, да во все носа не совали...

Старикъ прошелъ дальше и долго еще что-то ворчалъ густымъ басомъ.

— Это кто будетъ?

— Это дядя нашему хозяину-то. Шишига какъ есть. Сторожей не заводи: лучше пса хозяйское добро бережетъ. Каждый день съ пѣтухами встаетъ да рабочихъ усчитываетъ. Ни минуты на работу не запоздай. Руки опустишь, сейчасъ примѣтитъ—штрафъ!..

— И въ самомъ дѣлѣ итти бы намъ,— сказали пѣньковцы.

— Что жъ, посидите. Вотъ другихъ-то земляковъ никого не видать. Ну, да мы скажемъ; они сами къ вамъ забѣгутъ.

Посидѣли. Разговоръ не клеился.

— А у васъ, точно, тоска...

— Не весело. Съ этой больше тоски и грѣхъ-то бываетъ. Съ ней и головы теряютъ. Женъ нѣтъ, ребятишекъ тоже— къ кому поластишься? Душа грубѣетъ.

Скоро всѣ вышли изъ флигеля на вольный воздухъ.

— Ну, вотъ, землячки, и посмотрѣли наше житье-бытье... Каковъ заводскій праздникъ?—говорили рабочіе.

— Не очень чтобы веселъ.

— То-то и есть! Какъ тутъ въ слободы не закатишься? Ну, а теперь уважьте насъ: примите отъ насъ угощенье... И намъ съ вами веселѣе будетъ.

Пѣньковцы-присяжные и фабричные вошли въ трактиръ политичнаго гласнаго.

IV.

* * *

Въ трактиръ пѣньковскіе рабочіе вошли какъ „свои люди" и безъ стѣсненія начали располагаться на средней половинѣ.

— Туда бы! — мотнули головами присяжные на сѣрую половину.

— Къ чему? Мы не люди, что ли? А вамъ себя и подавно нечего унижать— намъ стыдъ.

— Вы, фабричные, храбры.

— Мы себя знаемъ.

По случаю праздника въ трактирѣ много было народа, и нашихъ присяжныхъ не скоро замѣтили. Имъ это было по душѣ, только Недоуздокъ и Бычковъ то и дѣло заглядывали на чистую половину, гдѣ замѣтили Гарькина и Шабринскихъ, сидѣвшихъ среди „господъ". Это изъ ряда вонъ выходящее обстоятельство очень ихъ интересовало.

— Наши бородачки-то... вишь ты!— показалъ Бычковъ на Шабринскихъ.

— Это все Гарькинъ ихъ мутитъ,—замѣтилъ Лука Трофимычъ.—Кабы не онъ, развѣ бы они полѣзли?

— И вамъ бы такъ нужно. Вы наши судьи,—сказали рабочіе. — Лѣзть не за-

чѣмъ, а прятаться по угламъ тоже не къ чему.

— Способнѣе,—объявилъ Еремѣй Горшокъ.

Подали чай. Земляки повели бесѣду. Теперь уже рабочіе отбирали вѣсти во всѣхъ подробностяхъ; пѣньковцы обстоятельно имъ докладывали: выступили на сцену Матрены, Дарьи, Авдотьи, дядья Ферапонты и Наумы, тетки, отцы и матери крестные, пока не перебрана была почти половина деревни. Можетъ быть, отъ родни дѣло перешло бы къ начальству: старостамъ, писарямъ, но вполнѣ „обстоятельному" разговору помѣшали какой-то приказный и мѣщанинъ, усѣвшіеся за сосѣднимъ столомъ съ полуштофомъ водки. Мѣщанинъ, должно быть, давно призналъ въ пѣньковцахъ присяжныхъ; онъ нѣсколько разъ негодующе что-то ворчалъ и порывался встать съ мѣста, приходя въ сильную ажитацію отъ разговора, который ведутъ присяжные.

— С-судьи!.. Ха!—взывалъ мѣщанинъ, съ горькою ироніей подмигивая приказному.

— Я тебѣ не разъ говорилъ, — утѣшалъ приказный.—Одры! Я съ ними принялъ муку, какъ старшиной былъ; благороднаго судили, чиновника! Пойми: титулярный совѣтникъ. Ты можешь понять?..

— Да нѣтъ... Я васъ спрошу, можете ли вы,—вдругъ вскакивая и не обращая вниманія на приказнаго, налетаетъ мѣщанинъ на пѣньковцевъ, искоса презрительнымъ взглядомъ окидывая чашки,— можете вы понять, ежели... „адва-акатъ", „эксперты", „предубѣжденій совѣсти"... теперича опять „юристъ"?

Мужики сердито молчатъ и, стараясь не смотрѣть на мѣщанина, усиленно хлебаютъ съ блюдечекъ чай.

— Колачиковъ бы, хозяинъ!—спрашиваетъ одинъ изъ рабочихъ.

— Колачиковъ бы! — передразниваетъ мѣщанинъ.—С-судьи!..

— Софронъ! оставь! плюнь!—говоритъ приказный.

Мѣщанинъ отходитъ, раздражительно подбираетъ полы чуйки и садится предъ приказнымъ.

— Выпей,—говоритъ ему приказный,— а потомъ, если ты хочешь, чтобы я съ тобой водку пилъ, слушай меня. Первое дѣло—обвиненіе въ мошенничествѣ. Я говорю: примите вы въ резонъ, что онъ титулярный,—за что ему чинъ данъ? Кто далъ? Вы, говорю, подумайте, умныя головы, кто это ему такой чинъ далъ? Развѣ даромъ даютъ чины? Притомъ же, онъ это сдѣлалъ при своей бѣдности; потому онъ не можетъ, чтобъ у титулярнаго совѣтника дочь полы мыла, али онучи стирала. У него дочь-то не за коровами ходила, а на фортепіанахъ первая игральщица! При его превосходительствѣ, въ личномъ присутствіи, въ дворянскомъ собраніи на благородныхъ концертахъ играла. Такъ вы, умныя головы, изъ деревень-то повылѣзши, эти дѣла перекрестившись обсуждайте, поопасливѣе... А они что?

— Что?—переспрашиваетъ мѣщанинъ, снова начиная волноваться.

— Одры! Вотъ что!.. Два часа битыхъ... изъ силъ выбился... потъ прошибъ... Бился, бился — ничего не подѣлаешь... Ну, думаю, пускай! такъ,—такъ-такъ... Согласенъ, говорю, я съ вами... Взялъ и подмахнулъ этотъ самый вердиктъ... Вышелъ, читаю: „нѣтъ, не виновенъ"... А они подумали, подумали, да какъ бухнутъ: „мы, говорятъ, такъ несогласны были"... Всѣхъ и вернули опять, поваго старшину выбрали... Н-да, вотъ они какіе!.. Ты, вонъ, послушай, что они говорятъ: Матрешки да Дуньки—это они знаютъ хорошо... Это имъ по губѣ... А, вѣдь, у насъ здѣсь „цивилизація". Понимаешь, Софроша?

Но мѣщанинъ опять не вытерпливаетъ.

— Вы откуда будете? — грозно спрашиваетъ отъ пѣньковцевъ, наморщивая брови.

— Мы-то?.. Мы изъ-подъ Горокъ.

— Горскіе! Такъ и есть, слава извѣстная!.. Не вы ли двухъ крестьянъ съ козой при царѣ Горохѣ судили?

Нѣкоторые изъ гостей начинаютъ прислушиваться.

— Нѣтъ, крестьянъ не судили.

— Не судили? Кто же ихъ судилъ? Вы—судьи-то!

— Кажись, тебѣ, слободская кость, лучше знать про козу-то,— сказали рабочіе.

— Чего?

— Лучше тебѣ про козу-то знать. Коза—мѣщанину сноха. Кого хочешь спроси!

Въ публикѣ хохотъ.

— Калашники!— ругается сконфуженный мѣщанинъ.

— Ну-ну!..—вступились рабочіе,—али насъ не узналъ?.. Мы, вѣдь, братъ, не деревенскіе...

— А слышали, братцы, что приказный

про господъ-то разсказывалъ?—сказалъ Еремѣй Горшокъ.

— Слышали, а что?

— То-то, молъ... это онъ вѣрно. Мы вотъ тоже опасаемся. Слышь, придется скоро барчука судить, двуженца.

— Такъ что жъ?

— То-то опасно. Богъ ихъ знаетъ: ихняя душа намъ потемки. Проштрафиться не долго.

— Это такъ, — подтвердили фабричные. — Вотъ мы вспомнили: было здѣсь такое дѣло, было. Разсказывали тогда по городу: изъ-за этого самаго одинъ присяжный мужичокъ въ бѣга ушелъ.

— Въ бѣга?—переспросили присяжные.

— Совсѣмъ убѣгъ... Поискали, поискали—такъ и бросили.

— Что жъ это съ нимъ?

— А такъ: вѣры въ себя рѣшился... очень ужъ мужичокъ-то былъ смирный да Богу крѣпкій.

— О, Господи!—вздохнулъ Еремѣй Горшокъ,—вотъ какія дѣла. Да, бываетъ временемъ токово тяжело, что точно себя рѣшишься.

Въ это время пѣньковцевъ замѣтили съ „чистой половины“.

— А!.. Еще присяжные!.. Нужно представить! Нельзя! —кричалъ „градскій представитель“, имѣвшій особенную страсть къ представительству и всякаго рода представленіямъ, толстенькій, коротенькій человѣкъ съ розовыми, раздувшимися щеками, среди которыхъ пропадалъ маленькій носъ пуговкой; онъ былъ въ короткомъ, узкомъ пиджачкѣ, который словно впивался въ его рыхлое тѣло.—Нельзя!—кричалъ онъ. — Петя!.. Саша!.. Господа присяжные, вотъ рекомендую: мѣстные адвокаты... Кандидаты правъ,—рекомендовалъ онъ пѣньковцамъ, показывая на двухъ братцевъ-адвокатовъ, въ бархатныхъ визиткахъ, пившихъ у буфета на брудершафтъ,— вотъ-съ они, пѣтушки... защитники нашихъ интересовъ... Вотъ-съ какихъ жеребцовъ вырастили... Все на городскомъ фуражѣ-съ воспитывали! Еще по тридцати лѣтъ нѣтъ, а ужъ животики округляютъ... Ха-ха! Вотъ они какіе нынче, наши-то ученые, не чета прежнимъ, что сухопарыми цаплями ходили! А что касательно пушку, такъ вонъ, посмотрите-ка, какія вяточки у воротъ стоятъ! Послужи намъ — мы наградимъ!

Градскій представитель пришелъ въ совершенный восторгъ и до того увлекся, что началъ что-то сообщать на ухо подвернувшемуся Недоуздку, хитро подмигивая на братцевъ-адвокатовъ.

— Такъ и споилъ, неглядя, что братъ?—спрашивалъ Недоуздокъ.

— И споилъ!—восторгался представитель.—А дѣло было совсѣмъ труба. Какъ онъ его это накатилъ коньячищемъ (самъ-то онъ крѣпокъ, Саша-то, ну, а Петя послабже будетъ), уснулъ тотъ, а Саша въ судъ, да къ нотаріусу, да пока тотъ спалъ, онъ все имѣніе (князя какого-то) и заложилъ въ тридцать тысячъ... Ха-ха! а послѣдній срокъ былъ! Проснулся Петя: ну, говоритъ, пора бѣжать въ судъ, какъ бы не опоздать запрещеніе наложить на княжеское имѣніе, а то мои довѣрители-кредиторы ничего не получатъ. „Не торопись, говоритъ, Петя, я заложилъ ужъ!“ — Когда?—„А вотъ, пока ты спалъ“. — И не совѣстно тебѣ брата спаивать? Вѣдь, я тебѣ повѣрилъ... — „Это тебѣ наука: впередъ будь умнѣе...“ Вотъ это такъ дѣйство. И опять—какъ родные

— Ну, и что жъ они, эти ваши-то братья, только по денежнымъ дѣламъ, али и всѣхъ защищаютъ?

— Они всѣхъ. Кого хочешь. Да, признаться вамъ сказать, кабы не они, такъ съ нынѣшними судами — бѣда! Прежде зналъ, съ кѣмъ дѣло имѣлъ, а нынче гдѣ судью-то искать будешь? Деньгами нынче не возьмешь. Вотъ вашъ братъ норовитъ все съ обуха пришибить... Примѣрно, купца вамъ засудить ничего не стоитъ. Вы въ резонъ коммерціи не принимаете. Тутъ одна надежда — на нихъ. Напустятъ они этого туману мужикамъ въ глаза...

— Нынче этому туману-то, почтенный, не очень даются. Спервоначала, можетъ, и было, а теперь такихъ дураковъ мало,— замѣтилъ одинъ изъ фабричныхъ.

— Конечно что... мужицкіе суды...

— Какихъ же бы вамъ, почтенные, судовъ нужно было, коль нонѣшніе не хороши?

— Завсегдательскихъ! Вотъ то суды!

— Хороши?

— Первый сортъ! Примѣрно, выбрали отъ сословій года на два, на три кого ежели постепеннѣе и спокойны... И знаешь, что тотъ ужъ настоящій судья, къ нему такъ и обращаешься, ему и почетъ такой. Да и самъ ужъ онъ въ этомъ направленіи себя держитъ, а то — нынче лапти продаетъ, завтра судитъ, а послѣзавтра свиней пасетъ...

— Обидно купцу стало крестьянское величанье,—замѣтилъ тотъ же фабричный.

— А думаешь, нѣтъ? — накинулся на него представитель.—Намъ, горожанству, одна полоса назначена, вамъ— другая. Такъ ты, того, и держись, и не суйся. Я еще говорить-то буду съ тобой подумавши. Вотъ что! А то смѣшали всѣхъ... Земство! А сколько теперь городъ нашъ на мужиковъ зря денегъ переплатилъ? Одно это только неудовольствіе... Мужики сдуру что сдѣлаютъ, а тутъ на всѣхъ мораль. Доблестное дворянство, али степенное купечество вашимъ величаньемъ умаляйся! Величанье! Нѣтъ, ты сначала заслужи! Мы за медали-то наши, можетъ, сколько капиталовъ ввалили, а при чемъ онѣ теперь? Храмовъ Божьихъ настроили, градскихъ богадѣленъ, богоугодныхъ зданій, украшеній города—чье все?.. Все забыли... Мы, говорятъ, тоже мосты мостимъ! Ха-ха!..

— Съ чего же, другъ почтенный, огорчился? Мы тебя не обижали, — сказалъ Недоуздокъ.

— Мы давно обижены.

Между тѣмъ, на чистой половинѣ, гдѣ собрались представители почти отъ всѣхъ сословій: купцы-присяжные и неприсяжные, чиновники, купеческій сынъ, Шабринскіе, два коммерсанта, содержатели трактировъ и водочныхъ заводовъ, и самъ тузъ горожанства, замѣчательный только удивительною бородой-монстромъ, которую онъ въ то время, когда ѣлъ и когда говорилъ „рѣчь“ въ городской управѣ, ловко затискивалъ за бортъ жилета, съ неизмѣннымъ своимъ спутникомъ „градскимъ“ архитекторомъ,—шли такіе разговоры:

— Согласитесь, — выкрикивалъ Саша, обращаясь къ купеческому сыну, у котораго все лицо лоснилось и блестѣло отъ какого-то невѣдомаго удовольствія, какъ лоснились и его потертый сюртукъ, и старый жилетъ, и широчайшіе тиковые штаны,—согласитесь: присяжные, представители общественной совѣсти, и вдругъ помѣщаются гдѣ-нибудь въ харчевняхъ, питаются неудобоваримыми продуктами! Тогда какъ они должны имѣть свѣтлый взглядъ...

— Прохарчка-съ — это точно,— замѣтилъ купеческій сынъ, переходя за спину Саши.

— Прохарчка? Что такое прохарчка?.. Тутъ важно, чѣмъ мы съ братомъ мотивируемъ. Братъ, поди сюда! Въ чемъ главный мотивъ? Тутъ мотивъ важенъ. А какой мотивъ?—спросилъ Саша, уставивъ пристальный и даже сердитый взглядъ на купеческаго сына.—Позвольте предварительно спросить: у насъ теперь что такое присяжные?

— Прися-яжные?—вдумчиво переспросилъ купеческій сынъ. — Все отцы семействъ, смѣю доложить,—вдругъ рѣшилъ онъ.—Супруги, малютки, хозяйство оставлены на произволъ, смѣю сказать, на четырнадцать денъ-съ безъ присмотру...

— Да я не въ томъ смыслѣ... Присяжные во все время сессіи у насъ разобщены, не имѣютъ связи съ обществомъ, имъ неизвѣстно состояніе общественнаго мнѣнія по дѣлу... Отъ нихъ скрыты симпатіи и антипатіи общества...

— Ежели къ тому вести, конечно, что не мѣшаетъ... Сначала ежели разузнать...

— Вотъ то-то и есть... Исходя изъ этихъ соображеній, мы, я и братъ, благодаря иниціативѣ г-жи Штукмахеръ, дамы опытной въ дѣлѣ благихъ начинаній (она уже основала общество попеченія о лицахъ „по суду оправдываемыхъ“—слышали?), мы и рѣшились приложить всевозможныя старанія, чтобы основать эдакій кружокъ, гдѣ могли бы предварительно всякое преступленіе...

— Преступное дѣяніе, мой милый!—поправилъ, подходя, Петя.—Ну, да, однимъ словомъ, обмѣнъ идей...

— Это вѣрно-съ... Только, извините-съ, не каждому, осмѣлюсь сказать, по карману...

— Ужъ это будетъ дѣло общественной благотворительности. Намъ уже обѣщано.

— Ежели такъ, очень даже пріятно-съ. Потому, камъ именно вы это сказали, много веселѣе... насчетъ взгляду-то.

— Обѣщано!.. Вотъ почтенный гражданинъ, Павелъ Павлычъ... (Знаете?.. Нѣтъ? Познакомьтесь... Онъ теперь на порукахъ, но это одно недоразумѣніе... Мы все это разсѣемъ). Онъ помѣщеніе даже предлагаетъ въ своемъ домѣ. Г-жа Штукмахеръ своимъ личнымъ участіемъ... Нашъ достоуважаемый, наконецъ, Петръ Петровичъ...

— Ну, ты тамъ, Сашенька, не заговаривайся... Я, братъ, ничего тебѣ не обѣщалъ, — отозвался тузъ съ чистой половины.

— Какъ не обѣщали? Вѣдь, вы же согласились, что иниціатива для нашего города необходима,—говорилъ Саша, подходя къ „чистой“ половинѣ.

— Это, братъ, не я, это губернаторъ...

— А сами просили еще написать докладъ въ управу!..

— Докладъ, пожалуй... А только не

обѣщаю, братъ, на городское иждивеніе принимать...

— Да, вѣдь, выгоды-то какія! Мотивъ важенъ-съ!

— Вотъ, впрочемъ, хочешь калачей? Могу обѣщать.

— Шутите!

— Ничего не шучу... Все же хоть калачи, чѣмъ по дворамъ ходить... А то вонъ одинъ пейзанъ ко мнѣ пришелъ наниматься дрова рубить...

— Ну, смотрите,—крикнулъ Саша.— Я на васъ пожалуюсь г-жѣ Штукмахеръ.

— Да говори! Гуманничать!... Знаю я, какъ она гуманничаетъ на чужіе-то калачи: мужа ей хочется въ предсѣдатели земскіе втереть! Успокой ты ее, Бога ради, скажи: очень, молъ, рады, примемъ съ радостью, безъ калачей. Только бы онъ изъ „невмѣняемости“ не выходилъ, такъ для насъ это будетъ рай... Руки намъ, по крайней мѣрѣ, развяжетъ...

— Вотъ Петръ Петровичъ сказалъ слово къ дѣлу!—вскричалъ представитель, замахавъ руками.—Рублемъ подарилъ!... Что значитъ голова, такъ голова!... Дай я хоть поцѣлую... хочешь?... Да мы за этимъ Штукмахеромъ все вернемъ!... А то, Господи благослови, первымъ дѣломъ, мы для души спасенія богоугодныхъ для города заведеній настроили, а они—въ земство!... Да съ чего жъ это мы мужиковъ-то лѣчить обязаны? И теперича опять разговоръ про кормежку...

— Полно ты, буржува эдакая бородатая!—фамильярно замѣтилъ Саша и прибавилъ ему на ухо: — Прошлымъ годомъ кто послѣ побоища-то по постоялымъ дворамъ бѣгалъ, да помѣщеніе со столомъ предлагалъ?

— Да, дурашка, развѣ это въ частую?

— Ну, и не въ рѣдкость... А ты лучше помолчи, если не понимаешь мотивовъ!

— Ну, конечно, дурашка, вѣдь, я не юристъ! Мотивы! Чортъ васъ возьми! Пойдемъ лучше по доппелькюмельцу пройдемъ...

— Господа! однако, вы-то какъ же относитесь къ нашему почину? — спросилъ Саша, подходя къ пѣньковцамъ.— Вы слышали?

— Слышали.

— Ну, такъ какъ же?

Крестьяне молчали.

— Намъ не требовается, — отвѣтилъ, наконецъ, Лука Трофимычъ, дотянувъ съ блюдечка чай и отодвинувъ съ рѣшимостью отъ себя чашку.

— Какъ „не требовается“?—удивился Саша, тонко пародируя „мужичій жаргонъ“.—Вамъ-то и „требовается“ главнымъ образомъ... Мы такъ полагали, что скудость ваша...

— Мы обезпечены...

— Кто же васъ „обезпечилъ“?

— Сами, обчествомъ...

— Но, вѣдь, должно быть, не всѣхъ обезпечиваетъ „обчество“, когда присяжные принуждены колоть дрова...

— Не знаемъ... Не слыхивали нешто...

— „Не слыхивали нешто!“—замѣтилъ тузъ архитектору на чистой половинѣ.— Понимаешь? Тоже стыдятся.

— Это-съ, Петръ Петровичъ, и скверно, что мужику стыдиться позволено... Я зналъ это еще по своимъ крѣпостнымъ: коли стыдится — значитъ, самый опасный мужиченко... Такъ у меня на этотъ счетъ строгая система была; я подвергалъ его сначала осмѣянію, наряжая въ шутовскіе костюмы, заставлялъ доить коровъ какого-нибудь бородача, мыть телятъ и проч. въ такомъ родѣ. И, могу сказать, достигъ цѣли: даже дѣвки стыдъ потеряли. Такіе козыри стали— любо глядѣть.

Саша пожалъ плечами и отошелъ на чистую половину.

Въ эту минуту шумъ на чистой половинѣ вдругъ смолкъ: стали къ чему-то прислушиваться. Заинтересовались и пѣньковцы, но въ особенности Недоуздокъ: онъ ужъ давно наблюдалъ за Гарькинымъ, который былъ сегодня особенно игривъ и развязенъ, польщенный вниманіемъ „почетныхъ“ гостей. Онъ сидѣлъ противъ толстаго, высокаго и массивнаго, съ грубымъ и широкоскулымъ лицомъ, чиновника, очевидно, пользовавшагося на „чистой“ половинѣ особымъ авторитетомъ, что отражалось во всей его фигурѣ, въ его внушительныхъ покрякиваніяхъ, многозначительныхъ „гм“, которые онъ произносилъ въ отвѣтъ на обращаемые къ нему вопросы. Гарькинъ и купеческій сынъ давно подобострастно увивались около него.

— Вы, такъ сказать, среди мужиковъ „столпы“,—говорилъ авторитетный чиновникъ густымъ басомъ и особенно напирая на букву „о“, едва замѣтно обращаясь къ Гарькину.

— Именно-съ, — подтверждалъ Гарькинъ кивкомъ головы.

— Вы, собственно, устои, на которыхъ держатся обычаи...

— Такъ точно-съ.

— Дѣдовскіе обычаи... вѣковые...

— Совсѣмъ вѣрно-съ!

— Такъ вы должны между нами и темными мужиками составить, такъ сказать, звено...

— Завсегда-съ.

— Вы обязаны *имъ* внушать...

— Съ удовольствіемъ!.. Помилуйте-съ!.. Мы ежечасно-съ... И мужички насъ слушаютъ...

— То-то и есть. Вѣдь, они глупы...

— Случается-съ...

— Вотъ теперь двуженца будутъ судить...

— Нда-съ.

— Дѣло это для васъ будетъ темное. А мы знаемъ доподлинно, кто онъ такой, этотъ двуженецъ!

— Сама-званецъ!—крикнулъ отъ буфета пьяный купецъ, у котораго съ бороды текли потоки водки и падали кусочки приставшей икры.

— Лицедѣй!—поддержалъ его представитель.

— Мало!... Онъ у меня въ учителишкахъ былъ, сына отъ торговли отбилъ, дочь непокорству научилъ... Жена посты забыла...

. . . .

— Братцы! собирай шапки, — заторопился Лука Трофимычъ, перепугавшись.— Къ дому пора.

— Погодить бы. Любопытно,—замѣтилъ Бычковъ.

— Непочто... нечего!—строго замѣтилъ Лука Трофимычъ.

Пѣньковцы вышли, а Недоуздокъ подвинулся ближе къ чистой половинѣ. Въ его воображеніи начинала создаваться драма, которая гдѣ-то когда-то родилась изъ отношеній, такъ напоминавшихъ его собственныя къ Оришѣ. Ему сильно захотѣлось выслѣдить суть этой драмы до конца.

V.

«Смущеніе».

Молча вернулись пѣньковцы на постоялый дворъ, молча отобѣдали и затѣмъ разсѣлись по угламъ: каждый изъ нихъ какъ будто сосредоточился въ самомъ себѣ. Впечатлѣнія этого дня не были, какъ прежде, одинаковы для всѣхъ пѣньковцевъ. Обстоятельный Лука Трофимычъ, противъ обыкновенія, не могъ заснуть послѣ обѣда, и долго, такъ что успѣло почти совсѣмъ смеркнуться, не переставалъ вздыхать и говорить такія рѣчи:

— Ну, вотъ, здравствуй! Еще ни уха, ни рыла не видя, а ужъ, Господи благослови, наслушались всего, наглядѣлись! Въ мужицкія-то головы ужъ успѣли туману напустить. Надурмашились! Э-эхъ, мужики, мужики!... А Недоуздокъ вдосталь теперь этого дурману-то набирается, должно... чего тамъ остался? Примемъ еще мы съ этимъ мужикомъ муки!

— Ловкіе, парень, эти городскіе,—высказался, наконецъ, Бычковъ. — Пальца въ ротъ не клади—укусятъ! Что въ зубы попадетъ—назадъ не вырвешь... нѣтъ! Вонъ они какъ насчетъ своихъ-то правовъ собачатся... Ловко! Ахъ, чтобъ...

— Небось, не намъ чета, что изъ медвѣжьихъ угловъ повытаскали. Насъ какъ липку обдери со всѣхъ сторонъ—и не услышимъ... Лука! ты слыхалъ, какія такія есть наши права?—спросилъ Еремѣй Горшокъ.

— А вотъ погоди — узнаешь. Здѣсь научатъ.

— Узнаешь! Глянь, анъ въ деревню-то и совсѣмъ безъ правовъ придешь... ха-ха-ха!—засмѣялся Бычковъ.

— Это вѣрнѣе,—боязливо промолвилъ молчаливый Савва Прокоповъ, хотѣлъ что-то еще прибавить, но испугался, пожевалъ губами и опять смолкъ.

Странный мужичокъ былъ этотъ Савва Прокофьичъ. Многіе, видѣвшіе его смиренную фигуру среди присяжныхъ, пожимали плечами; одни считали его выжившимъ изъ ума, другіе говорили, что онъ „забываться сталъ“, третьи просто считали его сонулей. А Савва былъ когда-то завѣдомый балагуръ, увлекательный сказочникъ и для выраженія своихъ мнѣній не считалъ нужнымъ выжидать благопріятныхъ случаевъ. Давно то было, еще когда Савва Прокофьичъ звался Савкой,—сидѣлъ Савка въ лѣсу съ своею невѣстой. Кругомъ—тишь лѣсная, надъ ними птицы чирикаютъ; заяцъ одинъ-другой выбѣжитъ изъ-за куста, посмотритъ— и тягу; ежъ, побезпокоенный въ минуты своего дневного сна, пробѣжалъ, ничего не видя, и врѣзался всею тонкою мордочкой въ муравейникъ. Савкѣ было хорошо: расходился Савка, сталъ Савка вольныя мысли предъ своею невѣстой высказывать, разсказалъ Савка веселую

штуку про то, какъ баринъ къ горничной пробирался. Увлекся Савка и вдругъ: а-ахъ! Дикій крикъ вырвался у Савки, онъ схватился за голову и отскочилъ какъ раненый звѣрь: предъ нимъ стоялъ баринъ, въ охотничьемъ костюмѣ, въ одной рукѣ ружье, въ другой нагайка... Два года онъ не видалъ послѣ того своей невѣсты, его услали въ дальнюю деревню.

Зажила у Савки голова... Опять Савка балагуритъ, опять сказываетъ предъ собравшеюся па деревенскую улицу толпой: „А вотъ, братцы, слышно намъ волю прислали“, начинаетъ онъ и пускается въ запуски за своею неудержимою фантазіей описывать какія-то такія вольныя времена, что у самого духъ захватывало. „Ну, разсказывай, разсказывай! хорошо сказываешь! Любо! Ей-Богу! Какой, братцы, у васъ увеселитель есть! Рѣдко такіе бываютъ!“ вдругъ раздалось сзади него. Онъ обернулся—за нимъ стоялъ становой... „Ну, что же ты, канальи, замолчалъ... а?“—крикнулъ становой. Задрожалъ Савва. Долго гдѣ-то былъ, гдѣ-то сидѣлъ Савва, такъ долго, пока не разучился сказки разсказывать.

Пѣньковцы молчали.

Вдругъ Бычковъ засмѣялся опять.

— Дураки, одно слово—дураки! И хвалить не за что!—заговорилъ онъ и какъ-то нервически-торопливо заходилъ по комнатѣ.

Обстоятельнымъ мужикомъ овладѣло подозрѣніе.

— Дороѳей! да ты что?—спросилъ онъ.

— А такъ... тоска!

— Какая тоска?

— А я тебѣ вотъ что скажу: больше я быть дуракомъ не желаю, Лука Трофимычъ! Такъ ты и знай,—проговорилъ внятно Бычковъ, нервически подтягивая кушакъ и ища картузъ.

— Ты куда?

— Будетъ! Довольно плевали намъ въ бороду-то! Пора и себя спознать, что тоже люди... Пора въ умъ войти!—отвѣчалъ Бычковъ и надѣлъ картузъ.

— Постой!.. На бѣду бѣжишь!..

Бычковъ на минуту поколебался, но инстинкты дѣятельной натуры въ немъ уже заговорили. Онъ отворилъ дверь. Навстрѣчу ему входили двое Шабринскихъ.

— А-а! Папашенька!.. Али куды собрались?—спросилъ входя низенькій мужичокъ, съ помятымъ лицомъ, маслянными глазками и длинною, свалявшеюся въ косицы, рыжею бородой.

— Нѣтъ, никуда,—отвѣтилъ Бычковъ, повѣсилъ на гвоздь фуражку и сѣлъ въ дальній уголъ, не снимая верхней одежды.

— А мы къ вамъ! Скучно одинмъ на фатерѣ. Признаться, мы тоже струсили малость: вина этого теперь очень много въ трактирѣ... Парменъ Петровичъ, Гарькинъ-то, не пущалъ было, да думаемъ: ему, умному, и вино въ пользу, а намъ, дуракамъ, съ нимъ не всегда сладить, съ виномъ-то...

— Падки вы на него, — замѣтилъ сердито Лука Трофимычъ.

— На вино-то?

Бычковъ изъ угла пристально всматривался, какъ Лука Трофимычъ неторопливо и осторожно чиркаетъ спичкой по китайцамъ; вотъ онъ зажегъ огарокъ; огарокъ долго не разгорается, рыжебородый шаберъ сморкается на сторону и долго, основательно вытираетъ носъ полой кафтана; другой шаберъ сидитъ, вытянувшись, не сгибаясь, и тоже пристально смотритъ, какъ зажигаетъ Лука свѣчу и не можетъ зажечь.

— Вино-то?—опять повторяетъ рыжебородый шаберъ.—Вѣрно, папашенька... Я, вотъ, тебѣ, свѣтъ ты мой ясный, разскажу про него...

Шаберъ начинаетъ что-то разсказывать. Бычковъ смутно слышитъ или вовсе не слышитъ.

— Какъ что скажетъ—такъ и будетъ, потому онъ умникъ, всякое слово ихнее понимаетъ,—вслушивается Бычковъ, какъ рыжебородый шаберъ разсказываетъ пѣньковцамъ.—Вино!.. Нѣтъ, папашенька, ты дальше смотри, гдѣ *евойная* власть-то, этого Гарькина... Ты вотъ что посуди: онъ у насъ надъ двадцатью селеніями, можетъ, владыка, всякій у него въ рукахъ, всякій отъ его ума пропитывается... Вотъ мы, папашенька, и достаточнѣе другихъ, а скажемъ такъ, что и весь достатокъ у насъ имъ же держится... Потому: большому кораблю большое и плаванье; большому уму и весло въ руку... Ты погодь, папашенька, что я тебѣ скажу, — убѣждалъ рыжій мужичокъ. — Вотъ мы, положимъ такъ—въ зависимости отъ него... Такъ будто, точно, не можемъ ему перечить... А ты вотъ спроси его, Архипа Иваныча... Онъ человѣкъ вольный, самъ — сила... А спроси его: почему онъ ему послушенъ?.. Потому, папашенька, умъ! Такъ ли я говорю? а? Вотъ онъ, Архипъ-то Иванычъ, и денежный мужикъ, и благожелательный, и сколь-

ко у него теперь этихъ однихъ насчастненькихъ привѣчено, сколько онъ теперь бѣдной родни у себя держитъ,—мужикъ отъ всего міра уважаемый,—а спроси его: почему онъ у Гарькина денно сидитъ?.. Потому, скажетъ, умомъ его не нарадуешься! Всякое дѣло онъ тебѣ знаетъ, всякому дѣлу толкъ дастъ... Такъ ли я говорю? а?

Всматривается Бычковъ въ шабра Архипа сквозь красноватый полусвѣтъ свѣчки. Это—широкой кости, желѣзныхъ мускуловъ человѣкъ, гигантскаго роста; рыжая грива, закинутая на затылокъ, открываетъ его высокій лобъ. Мощь и сила такъ и бьютъ въ каждой его мышцѣ. А, между тѣмъ, по лицу этого геркулеса расплывается благодушіе, робость, смущеніе: онъ весь вечеръ не знаетъ, куда убрать свою шапку, куда дѣть свои длинныя ноги и руки. Это—гигантъ-ребенокъ. Даже глуповатость проглядывала въ немъ.

— Это точно,—говоритъ Лука Трофимычъ, — не очень похвально это. Ихъ дѣло, такъ скажемъ, дѣло пропойное,—показываетъ Лука на „папашеньку"

— А-ахъ, папашенька!

— Нѣтъ, ты погоди; что вѣрно, то вѣрно.

— Н-ну, папаша, — съ горечью отъ такой незаслуженной обиды выговариваетъ „папашенька"

— А ты, Архипъ Иванычъ, и въ самомъ дѣлѣ, съ чего съ нимъ яшкаешься? Чего ему покорствуешь?

— Это Гарькину-то?

— Да.

— Гмъ... Уменъ!.. Сила ума! — говоритъ Архипъ застѣнчиво.

— У тебя своего-то нѣтъ, что ли?

— Столько нѣтъ... У меня умъ въ тѣло ушелъ, въ силу, что у быка... А онъ въ умъ растетъ, онъ не жирѣетъ.

— Такъ это ты ему и вѣришь во всемъ?

— Вѣрю.

— А обманетъ?

— Онъ насъ не обманетъ. Мы за него покойны. Я съ малыхъ лѣтъ съ нимъ братаюсь, онъ меня не обманывалъ, училъ.

— А что жъ самъ свое дѣло не заведешь, чѣмъ у него денно торчать?

— Не могу... Пробовалъ... У него—любо: фабричка это орудуетъ, машины, за всѣмъ самъ глядитъ... все у него колесомъ. Вездѣ знаетъ... живой человѣкъ! А я не могу,—повторилъ Архипъ Иванычъ и въ смущеніи почесалъ свою рыжую гриву.

— Такъ ли, папашенька? а? — заговорилъ опять шаберъ.—Вонъ онъ гдѣ, корень-то... Дальше его ищи... А то—вино!.. Вонъ они теперь всѣ съ господами собесѣдуютъ... Обчество, вишь, какое-то заводятъ... Барчука одного, слышь, скоро судить, такъ они впередъ ужъ объ этомъ дѣлѣ столкуются... А мы что, сидя здѣсь, узнаемъ? Много ли? Придемъ на судъ-то: хлопъ, хлопъ ушами—и все. Обвинимъ—виноваты и не обвинимъ виноваты... Такъ должны ли мы ихъ слушать?

— А гдѣ Недоуздокъ?—спросилъ Лука.

— Это вашъ-то молодецъ? Съ ними! Мысленный мужикъ. Онъ до всего допытается... А почетъ-то имъ какой!.. Тоже, вѣдь, городскіе-то знаютъ, у кого сила въ чемъ... Вотъ и почетъ этой силѣ, и вѣра, и правда у нея.

Бычковъ схватилъ картузъ и быстро вышелъ въ дверь.

— Дорооей!..—крикнулъ ему вслѣдъ Лука Трофимычъ.—Убѣгъ!.. Двоихъ теперь нѣтъ!.. Смутили!..

— Кто его, папаша, смущалъ? Что ты?

Сальная свѣчка трещитъ. Въ избѣ полумракъ. Шабры ушли, потому что послѣ огорченія обстоятельнаго мужика бесѣда ни подъ какимъ видомъ не могла вестись благодушно. Лука Трофимычъ раздраженъ: скорбитъ и читаетъ длинное нравоученіе своей артели. Молчаливый Савва Прокофьичъ усердно слушаетъ, зажмуря глаза. Горшокъ душеспасительно вздыхаетъ и, наконецъ, сообщаетъ:

— Бѣгуны, слышь, бываютъ.

— Че-ево?—съ ужасомъ переспрашиваетъ обстоятельный мужикъ.

— Бѣгуны-то, недаромъ, молъ.

— Какіе бѣгуны?

— А вотъ обыкновенные: присяжные бѣгуны.

— Ну, еще что? Да-альше!

Лука Трофимычъ едва сдерживаетъ свою обстоятельную скорбь предъ явною необстоятельностью Еремѣевой рѣчи.

— То-то, молъ, недаромъ. Своя душа дороже.

— Ну, ну!.. Придумай еще что!

— И убѣжишь...

— Ну, еще вали! У насъ съ тобой хватитъ головы-то!

— И въ самомъ лучшемъ видѣ: надѣнешь валенки, да и уйдешь.

— Дурья твоя голова!—крикнулъ Лука Трофимычъ. — Аа-ахъ! Не согрѣша

согрѣшишь, прости меня, Господи!—одумался онъ,—тьфу! Плевать! Бѣгите! Будетъ мнѣ больше маяться... Всѣ бѣгите!

Лука беретъ полушубокъ и рѣшительно кидаетъ его въ уголъ наръ, подъ голову.

— Вѣдь, это мы къ примѣру... Какъ ежели, значитъ къ случаю... А то, что намъ до этихъ бѣгуновъ!.. Пущай бѣгутъ,—утѣшаетъ Еремѣй.

Лука молчитъ, лежа на нарахъ лицомъ къ стѣнѣ. Это мужикамъ не нравится и наводитъ на нихъ разныя предчувствія.

— Лука, не дури,—говорятъ они ему.

Отъ Луки ни звука, ни послушанія.

Еремѣй думалъ, думалъ и... надумалъ молиться.

VI.

„Засудили".

Тѣмъ этотъ день и покончился. На слѣдующее утро всякія недоумѣнія, встрѣчи, столкновенія этого дня изгладились изъ памяти пѣньковцевъ; въ судѣ начались усиленныя занятія; пѣньковцы выходили рано, приходили послѣ вечерень, а то и позже, нѣсколько усталые, съ туманною головой отъ постоянно напряженнаго вниманія. „Судейское положеніе" вошло въ колею; ничто постороннее „не смущало" болѣе пѣньковцевъ, а самъ Лука Трофимычъ успокоился окончательно. Бесѣдовали они только между собою, за ужиномъ, да развѣ кое-когда завернутъ шабры или земляки; разговаривали большею частью о рѣшенныхъ въ судѣ дѣлахъ, и то коротко, нѣсколькими замѣчаніями. Затѣмъ, рано ложились спать, утѣшая себя тѣмъ, что они теперь „служилые люди".

Навѣрное, такими исправными „служилыми людьми", такими честными и искренними исполнителями возложеннаго на нихъ „великаго отвѣтнаго дѣла", по посильному убѣжденію своей совѣсти, вернулись бы они въ свои родныя палестины, съ сознаніемъ, что они „ни противъ людей, ниже противъ Господа Бога дураками себя не оказали". Но одно обстоятельство нѣсколько нарушило такой обычный мирный исходъ дѣла, хотя ни мало не измѣнило общихъ результатовъ ихъ „судейскаго положенія". Обстоятельство это произошло опять отъ столкновенія пѣньковцевъ съ „цивилизаціей", постоянно приносившей имъ столько „смущеній".

Сѣренькій ноябрьскій день, съ самаго утра хмурившійся все болѣе и болѣе и, наконецъ, охватившій весь городъ какою-то мглой милліоновъ хлопьевъ снѣга, крутящихся въ необузданномъ вихрѣ и разгулѣ вѣтра, повидимому, ни мало не располагалъ губернскихъ обитателей къ сильнымъ ощущеніямъ. Будь это въ иныя, „старосвѣтскія" времена, ни одинъ обыватель не вышелъ бы въ такой день на волю: мирно засѣли бы они за карточные столы, вмѣсто канцеляріи, утѣшая себя, что за подобное занятіе въ служебные часы „въ такой дьявольскій денекъ и самъ Богъ не взыщетъ". Но мало ли что было въ старосвѣтскія времена. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Появились какія-то „гражданскія доблести", какія-то „гражданскія обязанности", а главнѣе того—забрались въ душу какія-то смутныя опасенія „въ ненарушимости", опасенія за мирное и безмятежное житіе, явилась потребность самосохраненія, „охраненія" этого мирнаго, непостыднаго и безгрѣховнаго житія... И вотъ, въ то время, когда, какъ говорится, въ былыя времена благонамѣренный гражданинъ паршивой собаки со двора не выгналъ бы, теперь самъ этотъ гражданинъ летитъ въ судъ, не взирая ни на вьюгу, ни на сугробы, завалившіе его пути сообщенія, ни на забившійся въ рукава и за воротникъ его „енотки" мокрый снѣгъ.

Сѣренькій день, тщетно съ самаго утра старавшійся побороть нѣкоторымъ подобіемъ свѣта туманную мглу снѣжной вьюги, готовъ былъ погрузиться въ полныя сумерки, а благонамѣренный гражданинъ все еще не выходилъ изъ суда, и его лошади, стоявшія у крыльца, продолжали еще вздрагивать, волнуясь гривами и хвостами, развѣваемыми вѣтромъ. Кучера успѣли выкурить по нѣскольку трубокъ на крыльцѣ и не разъ сходить въ ближайшій кабакъ подъ нотаріальною конторой. Сторожа въ передней тщательно осмотрѣли, изслѣдовали и даже оцѣнили всѣ медвѣдки, енотки, польскіе и иные бобры, которые сегодня не взаурядъ собрались въ такомъ огромномъ количествѣ подъ ихъ присмотръ.

Зала судебныхъ засѣданій уголовнаго отдѣленія была полна. Двери въ пріемную были раскрыты; публика свободно ходила изъ зала въ буфетъ, изъ буфета въ залъ. Во всѣхъ было замѣтно напряженное ожиданіе; очевидно, что присяжные еще не вынесли приговора. Въ залѣ стоялъ какой-

то смутный, но сдержанный гулъ, въ которомъ все еще продолжала напряженно звучать томительно-изнывающая струна „благонамѣренныхъ опасеній“.

— Охранятъ или не охранятъ?—гадаетъ благонамѣренный гражданинъ, закрывъ глаза и стараясь свести одинъ на одинъ свои указательные пальцы.

Но въ этомъ гулѣ звучали и иныя струны.

На одной изъ скамеекъ шелъ сдержанный разговоръ.

— Это—рискъ,—говорилъ горбоносый господинъ,—только рискъ необходимый.

— Но, вѣдь, согласитесь, здѣсь, главнымъ образомъ, затрогивается непосредственное чувство справедливости,—возражалъ бѣлокурый, красивый его собесѣдникъ съ бархатными рѣсницами, съ бархатными баками и съ „бархатными“ глазами.

— На непосредственность здѣсь разсчитывать невозможно. Да и что такое „непосредственное чувство“?.. Не прирожденное же оно правосудіе.

— Вы, Сергѣй Владиславычъ, слишкомъ мрачно смотрите. Вы—пессимистъ.

— А вы... оптимистъ?

— Кто же правъ?—спросила, пытливо окинувъ ихъ взглядомъ, сидѣвшая рядомъ съ горбоносымъ господиномъ молоденькая дама.

— Я думаю, что я,—отвѣчалъ ея сосѣдъ.

— Такъ, значитъ, ты... противъ? — дрогнувшимъ голосомъ проговорила молоденькая дама.

— Противъ... кого?

— Противъ *нихъ?*—кивнула дама едва замѣтно къ пустымъ кресламъ присяжныхъ.

— А ты противъ *того* и *той?*—угрюмо промычалъ пессимистъ, показавъ глазами на подсудимаго и скамью свидѣтелей, гдѣ сидѣла женщина и нѣсколько мужчинъ.

— Значитъ, безъ исхода?—едва выговорила молоденькая дама и вдругъ вся вспыхнула отъ сильнаго волненія.

— Пока—да.

— Слѣдовательно, эти должны быть жертвой?

— Да. Чтобы просвѣтились *тѣ,* должны погибнуть *эти*...

Скрипнула боковая дверь. Глаза всѣхъ обратились на нее. Молоденькая дама лихорадочно откинула вуаль, нагнулась всѣмъ корпусомъ впередъ и какъ будто замерла. Въ дверь одинъ за другимъ выходили медленно присяжные: три купца, учитель духовнаго училища, купеческій сынъ, Гарькинъ, трое Шабринскихъ, Недоуздокъ, Савва Прокоповъ и Еремѣй Горшокъ. Пока они неторопливо устанавливались предъ эстрадой судей, въ залѣ было глубокое молчаніе. Слышалось поскрипываніе сапогъ; изъ чьей-то груди вырвался подавленный вздохъ и замеръ. Купеческій сынъ Сабиковъ держалъ вердиктъ. Присяжные установились; Сабиковъ поклонился судьямъ, кашлянулъ и началъ скороговоркой, раскачиваясь всѣмъ туловищемъ за каждою фразой:

— Виновенъ ли подсудимый, кандидатъ —скаго университета, въ томъ, что, получивъ ложныя свѣдѣнія о смерти своей жены, съ которою онъ не имѣлъ совмѣстнаго жительства, воспользовался этимъ и вступилъ въ другой бракъ съ дѣвицею NN, т.-е. сдѣлался двоеженцемъ?

Здѣсь купеческій сынъ неловко кашлянулъ и поперхнулся. Потребовался платокъ. Пауза была томительная.

— Да, виновенъ! — не сказалъ, а выкрикнулъ какъ-то Сабиковъ, поклонился еще разъ, подалъ предсѣдателю вердиктъ и весь красный, обливаемый потомъ, обернулся къ публикѣ.

Присяжные направились къ своимъ мѣстамъ. Едва они сѣли, раздался слабый, болѣзненный, одинокій крикъ. Вздрогнулъ Недоуздокъ. Тишина внезапно порвалась, и по залѣ пронесся сдержанный глухой ропотъ. Осужденный, блѣдный, безстрастными и широко открытыми глазами глядя на присяжныхъ, опустился безсильно на скамью. Около скамьи свидѣтелей хлопотливо суетились горбоносый господинъ, принимая стаканъ съ водой отъ пристава, бѣлокурый бархатный красавецъ и молоденькая дама. Съ госпожей NN былъ обморокъ. Все время, пока судьи совѣщались о „мѣрѣ наказанія“, Недоуздокъ упорно и неподвижно смотрѣлъ на подсудимаго. Казалось, онъ или припоминалъ что-то давно забытое, или изучалъ и наблюдалъ новое, незнакомое явленіе.

Шумно расходилась многочисленная публика. Крестьяне-присяжные стѣснились въ углу. Недоуздокъ стоялъ рядомъ съ Саввой Прокофьичемъ.

Толстякъ съ орденомъ на шеѣ поровнялся съ пѣньковцами, и Лука Трофимычъ торопливо шепнулъ: „Кланяйся, братцы!.. Это — онъ самый, Ѳомушкинъ-то“... Савва перепугался. Пробѣжали братья-адвокаты, за ними торопливо пред-

ставитель и купеческій сынъ, таща за руку вспотѣвшаго Гарькина. Гарькинъ махнулъ за собой Шабринскихъ. Пѣньковцы сошли медленно въ швейцарскую.

— Присяжный будете?—вдругъ окликнулъ кто-то Недоуздка. Петръ обернулся: предъ нимъ надѣвалъ „медвѣдку“ благонамѣренный гражданинъ.

— Присяжный.

— А!

Благонамѣренный гражданинъ улыбнулся во весь ротъ, приподнялъ шляпу, чуть не сдѣлалъ ручкой и, завернувшись воротникомъ, выбѣжалъ на крыльцо.

— Гришка!—крикнулъ онъ.

Подкатила пара въ яблокахъ.

— Барыню отвезъ?

— Отвезъ.

— Къ себѣ?

— Такъ точно-съ.

— Н-ну, такъ... къ Амаліи... па-ашоолъ! —крикнулъ благонамѣренный гражданинъ.

Лошади подхватили и въ мигъ скрылись въ снѣжномъ вихрѣ.

„Этотъ чему обрадовался?“ подумалъ Недоуздокъ.

Съ лѣстницы тихо спускались дама и мужчина; они вели подъ руки госпожу NN. Пѣньковцы уже ушли. Недоуздокъ съ Саввой Прокофычемъ пріостановился и пристально смотрѣлъ на сходившихъ. За первыми на лѣстницѣ показались горбоносый господинъ, дама съ опущеннымъ густымъ вуалемъ и оптимистъ.

— Ты обвиняешь *ихъ?*—спросила дама горбоносаго господина, проходя мимо Недоуздка, и, какъ ему казалось, кивнула въ его сторону.

— Я никого не обвиняю,—раздраженно проворчалъ пессимистъ.—Но умиляться-то тоже не отъ чего...

— Но согласитесь, что извѣстная форма...—заговорилъ оптимистъ.

— Форма! Форма! — Пессимистъ передернулъ плечами.—Насквозь прогнившее содержаніе...

— Сережа! ради Бога, тише,—прервала его съ мольбою молоденькая дама, боязливо оглядываясь.

— Вы возмущены... Вы все видите...—замѣтилъ было опять оптимистъ.

— Я вижу только одно: глупо-добродушнаго ребенка, приходящаго въ восторгъ.

Оптимистъ горько улыбнулся.

— Но просвѣщающее вліяніе... Вы сами говорили, что „пока“...

— Говорилъ, потому что былъ также глупъ...

— Вы, по крайней мѣрѣ, не можете отрицать, что душа народа...

— Слыхалъ. Посмотрите, кто идетъ впереди насъ...

— Сережа!—проговорила въ волненіи молоденькая дама и крѣпко сжала ему руку,—часъ тому назадъ ты былъ справедливѣе.

Горбоносый господинъ нервно передернулъ плечами.

Разговаривающіе прошли.

— О чемъ они, Петра?—спросилъ Савва Прокофьичъ.

— Въ оба уха слушалъ, ничего не понялъ,—отвѣчалъ Недоуздокъ. „И откуда они такъ научились разговаривать?“ подумалъ онъ.

Публика продолжала спускаться съ лѣстницы. Чѣмъ ближе къ выходу, чѣмъ дальше отъ залы суда, тѣмъ смѣлѣе высказывались замѣчанія; глухой ропотъ, едва пронесшійся въ залѣ засѣданій, сдѣлался здѣсь внушительнѣе и рѣзче.

— Ну, что, батюшка, какъ ты себя чувствуешь? — спрашивала старушка, съ сѣдыми, распущенными изъ-подъ шляпки буклями, опираясь на руку провожавшаго ее молодого человѣка.

— Ma tante, прошу васъ...

— Нѣтъ ужъ, mon ami, ты извини: не повѣрю... Нѣтъ, нѣтъ, ты меня этимъ либеральничаньемъ не смущай больше... И если ты мнѣ хоть заикнешься, — лишу, какъ хочешь... Все Неточкѣ передамъ... Богъ мой!... Да это такъ и должно быть: мужики—такъ мужики и есть... Развѣ имъ что-нибудь значитъ засудить человѣка?

— Ma tante, изъ этого ничего не слѣдуетъ.

Юноша подаетъ старухѣ атласный салопъ, и они выходятъ.

— Помилуйте!... Развѣ это возможно? — говоритъ, гремя саблей, высокій и плотный капитанъ.—Чего же это прокуроръ смотритъ? Завѣдомо засуживаютъ мужики невиннаго человѣка—и...

— Вѣроятно, это дѣло не оставятъ,—успокоиваетъ его статскій.

Предъ Недоуздкомъ и Саввой Прокофьичемъ вдругъ останавливается сѣденькій старичокъ, держа въ рукахъ табакерку и разминая въ ней пальцами табакъ.

— Насколько могу припомнить,—говоритъ онъ, всматриваясь въ нихъ прищуренными глазами, — вы были въ составѣ присяжныхъ?

— Были-съ.

— Не хорошо, не хорошо... Гм...— Старичокъ понюхалъ табаку.—Зачѣмъ же вы человѣка-то засудили?... Впрочемъ, извините, не смѣю любопытствовать.

Старичокъ вытеръ носъ, раскланялся и отошелъ.

— Да развѣ мы виноваты?—спросилъ Савва Недоуздка, боязливо глядя на него.

Зашуршалъ по полу длинный шлейфъ. Молодая дама вскинула лорнетъ и близорукими глазами пристально посмотрѣла въ лицо сначала Недоуздка, потомъ Саввы Прокофьича и, сжавъ губы, прошла мимо. Саввѣ было не по себѣ.

— Петра, уйдемъ,—сказалъ онъ.

Трактиръ политичнаго гласнаго былъ полонъ. Висѣвшія съ потолковъ лампы смутно свѣтили въ удушливомъ, наполненомъ промозглыми парами и табачнымъ дымомъ воздухѣ. Безалаберный гулъ голосовъ покрывалъ собою грохотъ машины, со всѣмъ стараніемъ разыгрывавшей веселый мотивъ. Градскій представитель, съ блаженною улыбкой и размалеванными яркою краской щеками, стоялъ предъ нею и, растопыривъ, подобно крыльямъ, руки, что-то выдѣлывалъ и ими, и ногами въ тактъ веселому мотиву.

— Наддавай, наддавай!... Звуку больше! Маменька, вынеси! Голубушка, колѣнцо!—съ какимъ-то замираніемъ объяснялся онъ съ машиною.—Не пискни, голубушка! Разъ! Начинаетъ!...Тише вы!... Слушай!

Представитель замеръ. Пьяные гости, безсмысленно улыбаясь и выпучивъ осовѣлые глаза, широко раскрыли рты, какъ бы собираясь со всѣмъ усердіемъ проглотить не только „колѣно“, но и всю машину. Половые, ухмыляясь, замерли на своихъ мѣстахъ, задержавъ на минуту неугомонную бѣготню.

Недоуздокъ, проходившій въ это время съ Саввой Прокофьичемъ мимо трактира, пріостановился и не утерпѣлъ, чтобы не удовлетворить своего любопытства.

— Зайдемъ,—сказалъ онъ Саввѣ.

— Нѣту... Ну ихъ!...

— Не надолго... Только заглянемъ... что они тамъ...

Они вошли и присѣли у дверей. Савва Прокофьичъ долго не могъ понять, что такое происходило предъ нимъ. Впечатлѣніе строго-торжественныхъ сценъ суда предъ многочисленнымъ сборищемъ городской публики, какое онъ когда-либо видывалъ, сцены разъѣзда послѣ суда, грохотъ машины, пылающія лица трактирныхъ гостей,—все перемѣшалось у него въ головѣ. И только когда машина смолкла, онъ могъ разсмотрѣть разглаживавшаго самодовольно бороду Гарькина, сидѣвшаго среди купцовъ, осклаблявшіяся физіономіи мужиковъ, залѣзшихъ за нимъ на „чистую половину“, и, наконецъ, умиленнаго представителя, кричавшаго: „Важно, маменька! Уважила!“

— Позвольте васъ спросить,— вдругъ обратился къ Саввѣ Прокофьичу купеческій сынъ, чѣмъ-то озабоченный.

Савва Прокофьичъ смѣшался.

— Вы вотъ съ энтимъ самымъ господиномъ коммерсантомъ,—показалъ Сабиковъ на Гарькина,—изъ одной волости будете?

— Нѣтъ, мы разныхъ будемъ.

— Ну, все-жъ, изъ одныхъ мѣстъ?

— Изъ мѣстъ—изъ одныхъ... Шабры...

— Ну, вотъ! Вѣдь, онъ Гарькинъ будетъ?

— Онъ самый.

— Не Савеловъ?

Савва Прокофьичъ замялся: онъ испугался, какъ бы ему чего не было.

— Такъ не Савеловъ?—допрашивалъ купеческій сынъ.

— Нѣтъ, не Савеловъ.

— Ну, такъ и есть!... У меня, я помню, гдѣ-то записано было... Жена тогда такъ и сказывала, когда онъ было меня нагрѣлъ... Вы позвольте... будьте свидѣтелемъ... Я сейчасъ,—проговорилъ Сабиковъ и подошелъ къ „братцамъ-адвокатамъ“.

Савва Прокофьичъ совсѣмъ струсилъ.

— И-ну васъ тутъ совсѣмъ!—прошепталъ онъ и выбрался за дверь.

Гарькинъ обернулся—Саввы Прокофьича уже не было. Около купеческаго сына, между тѣмъ, стали собираться слушатели.

— То-то, думаю себѣ, какъ будто затменіе,—разсказывалъ онъ, размахивая руками.—Мы, изволите видѣть, по своей коммерціи такого обычая держимся: записывать, кто ежели нашего брата насчетъ какого товара объѣдетъ... Жена, изволите видѣть, пріѣхала и говоритъ: смотрю—полотно...

— Да въ чемъ дѣло-то, говорите!—крикнулъ Саша.

— Самозванецъ,—растерявшись, проговорилъ Сабиковъ.

— Кто?

— Вотъ они-съ,—показалъ онъ на Гарькина.

— Ахъ, чортъ возьми! — съ досадой сказалъ Саша. — Теперь кассируютъ. А все это мужичье!

— Конечно, Сашурка, они, — поддержалъ представитель.

Гарькинъ давно уже подозрительно поглядывалъ на купеческаго сына и вдругъ, замѣтивъ Недоуздка, поблѣднѣлъ и смолкъ.

— Что такое? — переспрашивали въ трактирѣ.

— Оказія!

— Какая?

— Мужичье кого-то засудило...

— Г. купецъ! А почему, позвольте спросить, вы пили-пили — и вдругъ самозванецъ? — обратился представитель къ Гарькину. Гарькина охватилъ столбнякъ.

Въ эту минуту какое-то непонятное, необычайное волненіе овладѣло Петромъ; онъ покраснѣлъ, глаза его забѣгали.

— Обманщикъ! Іуда! — крикнулъ онъ въ лицо Гарькину и, какъ ребенокъ, выбѣжалъ изъ трактира.

Гарькинъ очнулся...

VII.

Бѣгуны.

Между тѣмъ, Савва Прокофьичъ вернулся на постоялый дворъ. Пѣньковцы только что собирались обѣдать. Савва Прокофьичъ присѣлъ и ничего не сказалъ. Послѣ обѣда онъ совсѣмъ затихъ, замеръ и забрался въ самый дальній уголъ избы. Долго и подозрительно всматривался въ него Лука Трофимычъ, а Савва посидитъ-посидитъ и вдругъ, безъ всякой видимой причины, пересядетъ на другое мѣсто.

— Прокофьичъ, а Прокофьичъ! — окликнулъ его Лука Трофимычъ.

— А?

— Ты чего?

— Ничего.

Савва пересаживается.

— Чего ты не посидишь толкомъ, Савва?

— Страхъ...

— Какой страхъ?

— А такъ: предъ бѣдой бываетъ эдакъ.

— Нужа-ай! Чего у васъ тамъ съ Недоуздкомъ не было ли? — спрашиваетъ онъ дальше.

— Было.

— Да что было-то?

— Въ томъ и страхъ, что не знаю.

— Какъ же такъ?

— Въ умъ не возьму.

Такъ пѣньковцы ничего и не добились отъ Саввы Прокофьича.

Стемнѣло. Дверь потихоньку отворилась и медленно вошли всѣ четверо Шабрискихъ; физіономіи у всѣхъ вытянутыя, глаза широко открытые, — пришли и, не говоря ни слова, усѣлись по лавкамъ, помолчали.

— А-ахъ, папашенька... дѣло-то! — наконецъ произнесъ рыжебородый шаберъ.

— Что еще? — спросилъ Лука Трофимычъ.

— Не слыхали нешто?

— Чего слыхать-то?

— Убѣгъ, вѣдь...

— Кто?

— Нашъ-то... Парменъ Петровичъ... умница-то, въ бѣга!

— Какъ такъ?

— А такъ, очнно, папашенька, даже просто: въ моихъ и валенкахъ-то... Вотъ оно что! Пришли этто мы къ себѣ изъ трактира, глядимъ: валенокъ-то моихъ и нѣтъ, а его середь избы валяются... Это онъ съ трусу-то не разобралъ... И опять же теперь шапку баранью забылъ, такъ въ шляпѣ и улетѣлъ. Мы спрашивать; говорятъ: лови въ полѣ вѣтеръ! Онъ теперь такъ-то ли на парочкѣ по первопутью закатываетъ!

— Съ чего жъ это онъ? Али что открылось?

— А вы бы объ этомъ свово молодца спросили.

— Недоуздка? — спросилъ Лука Трофимычъ.

— Вѣрно, что его... Теперь, папашенька, бѣда... Дѣло поголовное!

Лука Трофимычъ смутился.

Но въ эту минуту вошелъ Недоуздокъ и молча снялъ разлетай.

— Петра, что у васъ тамъ? — спросилъ Лука Трофимычъ.

— Человѣка засудили, — сказалъ Недоуздокъ и сердито сѣлъ за столъ, положивъ на него локти.

— Ну, такъ и въ трактирѣ говорили, — замѣтилъ „папашенька".

На минуту всѣ замолчали.

— Обманулъ! — прошепталъ Архипъ, замигавъ глазами, и вдругъ какъ-то весь сократился еще больше.

Шабры давно уже ушли. Пѣньковцы поужинали и собирались спать. Кто-то постучалъ въ замерзлое окно.

— Не спите? — спросилъ голосъ съ улицы.

— Нѣту. Входите, — откликнулся Лука Трофимычъ. — Что бы это такое?

— Не въ пору вѣсть—худо,—сказалъ Еремѣй Горшокъ.

Въ это время въ избу вошли, стуча сапогами, два земляка-фабричныхъ и наскоро помолились въ уголъ.

— Ну, молитесь, земляки, теперь и вы,—сказали фабричные.—Здравствуйте.

— А что такъ?

— Померъ.

Пѣньковцы поднялись и перекрестились.

— Упокой Господь его душу!—произнесъ Лука Трофимычъ.

— Не удостоился, значитъ!—замѣтилъ Савва Прокофьичъ, и вдругъ пришелъ въ какое-то особенное возбужденіе и сталъ копаться въ своемъ углу.

— Ему эта кончина отъ Господа зачтется,—заключили фабричные.

Потомъ всѣ помолчали немного и затѣмъ стали толковать о приготовленіи къ похоронамъ.

— А васъ кто извѣстилъ?—спросили пѣньковцы.

— У насъ тамъ фершалокъ есть знакомый...

— Проститься-то допустятъ ли?

— Допустятъ. Этотъ самый фершалокъ намъ большой благопріятель... Онъ намъ все это честь-честью устроитъ... какъ, значитъ, званію вашему подобаетъ... А то, вѣдь, тамъ какъ хоронятъ!

Земляки ушли поздно.

А на утро, когда поднялись пѣньковцы и стали собираться въ больницу, вдругъ замѣтили, что Савва Прокофьичъ не ночевалъ. Думали, не ушелъ ли онъ съ земляками, но оказалось, что и мѣшка его нѣтъ. Пошли справиться у хозяина, не говорилъ ли онъ съ нимъ. Но дворникъ только ихъ же обругалъ, что они, не сказавшись, шляются по ночамъ и всякій народъ къ себѣ пускаютъ; а послѣ что пропадетъ—кляузы пойдутъ.

— За вашъ пятиалтынный только грѣха не оберешься! — оборвалъ онъ, хлопнувъ дверью.—Неволя одна велитъ васъ пущать-то...

— Ну, братцы, должно, справедливо это говорятъ: одна бѣда не ходитъ,—замѣтилъ Лука Трофимычъ.

— И съ чего бы это онъ?—раздумывалъ вслухъ Еремѣй Горшокъ. — Ахъ, Савва, Савва!

— А это вотъ все съ твоихъ пустыхъ словъ, Еремѣй Гаврилычъ,—отвѣтилъ ему Лука,—ты все это про бѣгуновъ пророчилъ.

— Ну, вотъ!... Ври больше!... Вѣдь, это только у насъ разговоръ былъ... Развѣ отъ этого что можетъ?

— Раздумать это — дѣло нелегкое,—сказалъ угрюмо Недоуздокъ, сдѣлавшійся вдругъ почему-то много серьезнѣе и солиднѣе.

До суда пѣньковцы сходили попрощаться съ Ѳомушкой.

А на другой день схоронили Ѳомушку. На похороны собрано было нѣсколько рублей съ „судебнаго персонала“ и купцовъ-присяжныхъ; объ этомъ въ особенности хлопоталъ „мундирный молодой человѣкъ“. Гробъ проводили крестьяне-присяжные, къ которымъ примкнулъ и купеческій сынъ, постоянно острившій надъ „судейскимъ положеніемъ“, и земляки съ завода. Ѳомушку наскоро и попросту „уложили на вѣчный покой“ подъ мягкіе, пуховые сугробы городского кладбища, покрестились и кстати, тихомолкомъ, вспомнили о Саввѣ Прокофьичѣ.

Скоро разошлись провожавшіе гробъ, а часа черезъ два пошла погода, и отъ свѣжей могилы не осталось слѣда.

ЭПИЛОГЪ.

Стоялъ сильный морозъ, не тотъ освѣжающій морозъ, который бодритъ духъ и тѣло, но тотъ, который зовутъ костоломомъ, при которомъ тяжело дышать и въ костяхъ ощущается тупая боль. Воздухъ былъ сгущенъ, какъ будто въ немъ плавали застывшіе пары. Наступали уже сумерки, когда у одного поворота съ почтоваго тракта на проселокъ остановился обозъ-порожнякъ. Около передовой лошади собралась кучка мужиковъ. Одни изъ нихъ вынимали изъ саней мѣшки и вскидывали на спины, другіе о чемъ-то говорили.

— Э, братцы, — говорилъ одинъ мужикъ,—Богъ съ ними!... На ихъ деньги не разживешься...

— Ну, инъ, коли такъ... и то!—сказалъ другой и вскочилъ въ сани.—Все, что ли, почтенные, выбрали?

— Все. Невелико имущество,—отвѣчали сѣдоки.

— Мы какъ рядились, такъ и поплатимся. Вы этимъ себя не стѣсняйте,—сказалъ одинъ изъ сѣдоковъ, высыпая на ладонь деньги изъ кожанаго кошеля, висѣвшаго у него на шеѣ.

— Нѣ-ѣту!... Мало что тамъ рядились!... Это такъ, значитъ, больше для спокою... А грѣшить нечего! Онъ, вѣдь, Богъ-то, видитъ! — резонировалъ первый возчикъ, берясь за вожжи.—А на полштофъ—оно точно... было бы не обидно... безъ грѣха... Морозъ-то, вѣдь, тоже отъ Господа, вишь какой!

— Ну, такъ получите. Спасибо вамъ, братцы. Кабы не вы, можетъ, и не дошли бы въ цѣлости до дому.

— Всѣ подъ Богомъ... Счастливо!

— Дай Богъ путь!

Такъ на пятнадцатый день, по отправленіи въ „округу", возвратились наши пѣньковцы въ свои родныя палестины. Поправивъ на плечахъ мѣшки они выступили на узкую, малонаѣзжанную проселочную дорогу, по бокамъ которой тянулись неоглядною далью сугробы вплоть до „волости". Они шли торопливымъ шагомъ и молчали. Черезъ полчаса ходьбы замигали вдали огни, на бѣловатомъ фонѣ снѣжной пустыни зачернѣли избы. Показалась „волость". Волостные псы приняли было съ разныхъ сторонъ позднихъ гостей громкимъ лаемъ, пока первый встрѣчный песъ не учуялъ „своихъ" и, виляя хвостомъ, не подбѣжалъ къ путникамъ, не обнюхалъ гладившую его заскорузлую ладонь и не перемѣнилъ сердитаго, сиплаго лая на визгливое привѣтствіе; поняли это и прочіе псы и, смолкнувъ, снова позалѣзли за подворотни, какъ за единственную защиту этихъ неподкупныхъ деревенскихъ стражей отъ рыскающихъ въ это время голодныхъ волковъ.

— Гляньте, братцы, у старшины огонь. Надоть бы по-настоящему перво-на-перво въ волость объявиться, а тамъ ужъ и домой. Успѣемъ еще къ бабамъ-то,—сказалъ Лука Трофимычъ.

— Поздно,—замѣтилъ Бычковъ.

— Поспѣешь. Послѣ когда еще собираться. А теперь оправимъ себя предъ обчествомъ—и конецъ. Благо не спитъ старшина-то.

Пока они шли къ волостному правленію, изъ избъ уже выходили и смотрѣли, почесываясь, обыватели, поднятые съ печей расходившимися было псами. Скоро па селѣ узнали, что кто-то прибылъ въ волость съ новостями.

Въ „волости" старшина сидѣлъ у стола, за которымъ что-то бойко писалъ волостной писарь. Старшина то громко зѣ-

валъ, крестилъ ротъ, то отъ нечего дѣлать поправлялъ, поплевывая на пальцы, нагаръ на сальной свѣчкѣ или коптилъ печать и дѣлалъ пробы на лоскуткѣ бумаги. Видимо, ему было очень скучно, и онъ не зналъ, какъ дождаться, когда писарь подсунетъ ему бумагу и онъ приложитъ къ ней обсаленную и накопченную волостную печать, предварительно, съ помощью непослушныхъ корявыхъ пальцевъ, изобразивъ повыше ея: „волостной старшина Пароенъ Силинъ", —единственныя слова, которыя его выучилъ писать писарь въ продолженіе трехъ лѣтъ; больше же,—при всемъ, къ чести его относящемся усердіи и желаніи, — успѣховъ въ грамотѣ сдѣлать онъ не могъ, благодушно сваливая этотъ неуспѣхъ на свою сѣдину.

— Ну, ну!—встрѣтилъ весело старшина пѣньковцевъ, очень довольный, что есть чѣмъ разогнать скуку.—Вотъ и пришли... наши судьи-то!.. Ну, здорово! Садитесь. Теперь вы ужъ у насъ въ чинахъ-то повысились... Поди, къ вамъ и подступу теперь нѣтъ...

— Полно, Пароенъ Силычъ!.. Съ чего ты?—шутили пѣньковцы.

— А что? Знаемъ мы, братъ, каково этой самой понюхать... чести-то...

— Это вѣрно. Ну, мы, одначе, не того...

— А что?

— Больше смирились.

— И то дѣло. И то хорошо.

— Вѣрь имъ! какъ же!—сказалъ черезъ засунутое между губъ перо писарь.—Ты вотъ посмотри, какъ они станутъ поговаривать! Видали мы, что значитъ мужикъ въ чести!

— Смирились, другъ, смирились. Это вѣрно,—подтвердилъ Лука Трофимычъ.—Не вѣдаемъ, какъ съ другими отъ этой чести, а что мы, такъ скажемъ, страхъ Божій узнали.

— И за то возблагодаримъ Создателя!.. А Недоуздокъ какъ? Обуздался ли? а?.. Какъ ты, Петра?

Недоуздокъ улыбнулся.

— Останешься доволенъ... насчетъ узды-то,—сказалъ онъ.

— Какъ можно! Петра у насъ много обстоятельнѣе сталъ,—подтвердилъ и Лука Трофимычъ. — А ужъ это на что лучше!

— На что лучше!—согласился и старшина.—Ну, разсказывайте теперь—какъ, что... Вишь, вонъ, ужъ набралась деревня-то... Тоже, живя за сугробами, новому рады.

Въ правленіе уже, дѣйствительно, набились любопытные; всѣ они улыбались и пристально всматривались въ пѣньковцевъ, какъ будто съ послѣдними должна была совершиться за двѣ недѣли удивительная метаморфоза; тутъ же явились жены Бычкова и Еремѣя Горшка, такъ какъ они были изъ самаго Пѣнькова.

— Что разсказывать?—сказали присяжные.—Всего не припомнишь сразу... Развѣ ужъ помаленьку какъ ни то, исподволь... А что несчастія наши вамъ извѣстны...

— Да, что подѣлаешь!.. Всѣ подъ Богомъ! Его святая милость,—благочестиво замѣтилъ старшина, вообще большой любитель выражаться „отъ божественнаго".— Царство небесное рабу Твоему Ѳомѣ!.. Себя дураками не оказали? Въ грязь лицомъ не ударили? Предъ Господомъ Богомъ не сфальшивили?

— Кажись бы, нѣтъ. А что насчетъ Господа Бога... такъ кто Ему, Батюшкѣ, не грѣшенъ, царю не виноватъ? Вотъ хоть бы Савва.

— Ну, Савва... что жъ! Дѣло ваше было немалое... Всяко бываетъ!.. На каждый часъ не убережешься, — благодушничалъ старшина.

— Пріобыкнемъ.

— Это такъ. Разъ не такъ, а другой—послужимъ...

— Достало ли кокурокъ-то?—спросила Ерему Горшка его баба. — Все я оченно сумнѣвалася.

— А-ахъ, баба!—сказалъ старшина.— Ты бы спросила, въ какихъ они дворцахъ сидѣли... А она—кокурокъ!

— Почемъ знаешь! Думается, кто жъ ихъ въ палатахъ-то кормить станетъ?

— А все жъ, бабы, палаты палатами, а напредки больше пеките... Да одѣвайте теплѣе,—вотъ что главное!

Старшина зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— И такъ... съ Господомъ! Спать, чать, хотите?.. А тамъ послѣ—обо всемъ прочемъ... Завтра вамъ честь будетъ: ко мнѣ заходите... Завтра и объ дворцахъ поразскажете...

— Тамъ честь-честью, а съ Саввы взыскать штрафной суммы, по требованію окружнаго суда, въ количествѣ десяти рублей,—проговорилъ скороговоркой пи-

сарь и повернулъ предъ старшиной бумагу.

— Ваше дѣло,—замѣтили пѣньковцы.

— Наше дѣло при насъ останется... А учить васъ тоже нужно... Копти! — сказалъ онъ старшинѣ, подсовывая печать.

Пѣньковцы сдали отчетъ и разошлись по домамъ. Прошелъ мѣсяцъ—и всѣ забыли о чести „судейскаго положенія“, поглощенной общинною равноправностью. Только за Саввой Прокофьичемъ надолго осталось прозвище „судейщика“, которымъ окрестили его деревенскіе ребятишки. Поводомъ къ этому послужило его странное поведеніе послѣ бѣгства изъ округи. Онъ какъ пришелъ въ свою деревню, такъ и не выходилъ съ тѣхъ поръ изъ избы, и, при всѣхъ убѣжденіяхъ, старшина не могъ его вызвать на разговоръ, разузнать что-либо. Ребятишки долгое время засматривали любопытно въ промерзшія окна къ „судейщику“ и созидали по поводу его „отшельничества“ разнообразныя легенды. Одна изъ нихъ съ большою убѣдительностью разсказывала, какъ „судейщикъ спасается“. Дѣйствительно, едва наступила весна, Савва Прокофьичъ пришелъ въ первый разъ въ волость, чтобы выхлопотать паспортъ: онъ отправлялся на богомолье въ Соловки.

1874—1875 гг.

ВЪ АРТЕЛИ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ПРОЛЕТАРІЯ).

ВЪ АРТЕЛИ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО ПРОЛЕТАРІЯ).

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

...Мнѣ снилось, что я стою на распутьи, на краю какой-то пропасти; вдругъ откуда-то является предо мной словоохотливый моралистъ и, показывая одною рукой съ пивнымъ стаканомъ на пропасть, старается другою столкнуть туда меня... Я упираюсь, но напрасно; моя нога скользитъ; я вскрикиваю и въ это время слышу чей-то голосъ, чья-то массивная, широкая ладонь протягивается ко мнѣ на помощь; я схватываю ее — и полупросыпаюсь. Но тяжкій кошмаръ еще давитъ меня, члены не повинуются. Одинъ слухъ освободился изъ оковъ сна; это чувство, кажется, прежде всѣхъ начинаетъ бодрствовать; еще всѣ члены спятъ скованные, но оно уже стоитъ настрожѣ, и вотъ, по мѣрѣ того, какъ оно воспринимаетъ яснѣе и яснѣе внѣшнія впечатлѣнія, начинаютъ освобождаться отъ цѣпей и другія чувства.

— Вишь, какъ его домовникъ-то придушилъ,—слышится мнѣ чей-то незнакомый голосъ.—Не ко двору онъ, должно, здѣсь... Нелюбъ онъ *ему* — вотъ *онъ* его и выживаетъ... Пужаетъ... Натко-сь, какъ кричалъ... Побудить развѣ бы... Задушитъ, того гляди...

— Не трожь... не задушитъ, — останавливалъ кто-то,—разбудишь — хуже... Ему теперь спокой нуженъ... Не доспитъ — заболѣетъ... А крѣпкимъ сномъ все пройдетъ...

— О чемъ-то плакалъ, — замѣтилъ кто-то.

— Заплачешь, коли одна душа одиночка... Людей много, а душѣ близкаго нѣтъ...

— Ну, совсѣмъ, что ли?—яснѣе слышу я, перебилъ кто-то.

— Совсѣмъ... Выходи съ Богомъ... Постой, братцы, рукавицы забылъ... Ахъ, чтобъ те, онучу-то худую обулъ... Того гляди, палецъ прихватитъ, на Невѣ-то...

— Да ну ее къ лѣшему!... Сойдетъ,— заговорило разомъ нѣсколько голосовъ.— А морозъ-то крѣпчаетъ!... Обледенѣешь, братцы, совсѣмъ, мотри... Выходилъ я, и-и студено!... Вода, не успѣешь донести, замерзаетъ... Ну-ну, совсѣмъ... — Благослови, отецъ!... А ты, Ерошка, загаси свѣчку-то, да спать ложись... Рано еще... А даромъ ее жечь не къ чему... Да присмотри за гостемъ-то... Вишь, больной онъ... Можетъ, проснется, за водкой пошлетъ, такъ сбѣгай, возьми у Павла Васильича за артель косушку...

— Ладно...

— Ѣсть захочетъ, такъ тамъ у „матки" спроси.

Разговаривающіе вышли. Я чувствую, какъ въ дверь проползла по полу холодная струя пара и подобралась ко мнѣ, прошла подъ спину и пробѣжала по тѣлу лихорадочною дрожью.

Я открылъ глаза: темно, свѣчка погашена; кто-то копошится невдалекѣ отъ меня, видимо, стараясь закутаться потеплѣе. Обоняніе рѣзко поражается еще носящимся сальнымъ и тлѣлымъ запахомъ долго гаснувшей свѣтильни; затѣмъ я различаю характерный кислый запахъ „жилья": тутъ пахнетъ и хлѣбомъ, и полушубкомъ, и потомъ.

Я напрасно усиливаюсь понять, гдѣ я... Неужели я остался спать въ типо-

графіи и не пошелъ домой?... А можетъ быть, потому что „дома“ хозяйка въ мою комнату уже пустила новаго жильца и сбросила съ кровати мое одѣяло и подушку, перестлала матрацъ, покрыла новою простыней и положила три чистыхъ подушки для новаго жильца, который уже заплатилъ впередъ за мѣсяцъ... Но въ типографіи иначе пахнетъ; пахнетъ плѣсенью, сыростью, печатною краской, керосиномъ... И въ это время, пока меня вновь начинаетъ одолѣвать дрема, въ моемъ воображеніи рисуется послѣдняя сцена въ типографіи.

Шесть часовъ. Въ большой комнатѣ, уставленной кассами, почти темно. Пахнетъ страшною сыростью. На стѣнахъ плѣсень. Тихо. Наборщики безмолвно стоятъ у кассъ, покачиваясь всѣмъ туловищемъ и бѣгая пальцами за литерами. Метранпажъ, съ перекинутымъ черезъ шею моткомъ бичевокъ, возится со сводкой.

— Чортъ ихъ возьми! Скоро ли засвѣтятъ лампы?... Вѣдь, не кошачьи глаза-то, дьяволы! — внезапно рычитъ кто-то изъ-за кассъ.

Никто не отвѣчаетъ. Молчаніе. Вотъ метранпажъ начинаетъ натирать краску, стучитъ ручной прессъ... Затѣмъ опять тихо.

— Өедоръ Иванычъ, — опять кто-то злобно относится къ метранпажу, — да что же, огонь-то будетъ ли?... А то я брошу, ей-Богу... Чортъ васъ тутъ возьми совсѣмъ....

— Да знаете, что керосину нѣтъ... Ну, что же орете? Не рожу я его... Өедька къ издателю за деньгами пошелъ...

— Тьфу!—плюетъ наборщикъ, беретъ шапку и уходитъ.

Другіе смотрятъ ему вслѣдъ и ежатся отъ знобящей сырости.

— Өедоръ Иванычъ! а что же, нынче дадутъ ли денегъ-то?

— Не знаю... Погодите до 11-ти часовъ... Вѣдь, ей-Богу, я пять разъ къ нему ходилъ... „Погодятъ,—говоритъ.— Вотъ мнѣ крышу у дома подрядчикъ перепpавлялъ, ему заплатилъ... Ну, что же мнѣ дѣлать?“

— Да, вѣдь, ужъ полмѣсяца прошло... Съ квартиры гонятъ, ѣсть не даютъ, и то въ съѣстной гороху наѣлся; вѣдь эдакъ и холера... Мы, право, откажемся...

— Мы коли нынче всѣ къ нему пойдемъ,—говоритъ еще кто-то.—„Депутатовъ, говоритъ, присылайте, а всѣ не ходите“... Да! А депутата десять дней за носъ водитъ... Право, нынче всѣ вломимся...

— Не пуститъ.

— Дверь сломаемъ!—храбрятся наборщики.

Опять молчатъ. Темнѣетъ. Наборщики бросаютъ дѣло и ходятъ изъ угла въ уголъ. Закурили папиросы. Входитъ мой сотрудникъ-корректоръ, сѣдой отставной поручикъ.

— Ну, что, Өедоръ Иванычъ, сводки готовы?—спрашиваетъ онъ.

— Одна только...

— Ну, что же это?! Вѣдь, это опять до 3-хъ часовъ придется болтаться зря,— чуть не плача, взываетъ корректоръ.

— Да видите, керосину нѣтъ... Наборщики бросили...

— Тьфу! А вы, Н. Н., давно сидите?

— Давно.

— Что же вы забрались рано? Какое веселье нашли!

— Дома не веселѣе.

Два наборщика потихоньку шмыгнули изъ дверей.

Опять все тихо. Но вотъ входитъ Өедька и, неторопливо двигая огромнѣйшими сапогами, зажигаетъ лампы, со вставленными, вмѣсто стеколъ, осколками, съ абажурами, склеенными изъ карикатуръ, каждонедѣльно прибавляемыхъ къ газетѣ. Запахло керосиномъ; лампы закоптили. Въ комнатѣ не то полусвѣтъ, не то полутьма. Проходитъ полчаса. Является помощникъ редактора и уходитъ въ корректурную. Этотъ господинъ бралъ корректуру у издателя въ „аренду“, получалъ съ него большія деньги, а насъ нанималъ отъ себя по 75-ти копеекъ въ ночь.

— Что, Павелъ Павлычъ, принесли деньги?—спросилъ мой старикъ.

— Нѣтъ... Погодите, господа... Я и забылъ...

— Да что же это вы съ нами дѣлаете?—надорваннымъ голосомъ вскрикиваетъ старикъ, а у меня сжалось сердце.

— Что же мнѣ дѣлать?.. Мнѣ самому онъ не всѣ отдалъ...

— Да, вѣдь, у меня дѣти, дочери... Ѣсть хотятъ, ѣсть, поймите вы, защитники угнетенныхъ!—отчаянно вскрикиваетъ старикъ.—Второй мѣсяцъ въ исходѣ... Я больше не буду читать... Читайте сами...

Старикъ схватилъ фуражку.

— Куда же вы?.. Погодите!.. Что же вы дѣлаете?.. Наниматься—нанимаетесь,

а потомъ уходить... Развѣ можно бросать газету?.. Вы должны предупредить по условію, за недѣлю...

— Ну, такъ я васъ предупреждаю,— говоритъ сердито старикъ, и бросаетъ шапку на окно.

Я вижу, какъ подергивается его сѣдой усъ, какъ дрожатъ старческія сухія руки.

Нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

— Потрудитесь передать, Иванъ Мартынычъ, ножницы,—деликатничаетъ редакторъ со старикомъ.

Начинается вырѣзываніе изъ различныхъ газетъ корреспонденцій и огрызковъ изъ передовыхъ статей, изъ которыхъ тутъ же составляются „собственныя передовыя статьи", и „листокъ" „сшивается", по терминологіи типографіи; нумеръ коекакъ наполняется чужимъ матеріаломъ.

— Г. Селифонтовъ! — кричитъ редакторъ.—Получайте...

Онъ подвигаетъ къ ментранпажу толстую пачку вырѣзокъ, которыя послѣдній перенумеровываетъ въ надлежащемъ порядкѣ.

— Кажется, столбцовъ двухъ не хватитъ... Наплевать!.. Помѣстите это „Воззваніе къ доброхотному жертвованію на монастырь".

— Да, вѣдь, и такъ это цѣлые полгода печатается...

— Ну, такъ что жъ?.. Гдѣ же я вамъ возьму?.. Корреспонденцій нѣтъ завалявшихся?

— Всѣ ужъ, даже прошлогоднія вышли.

— А вновь не получали?

— Да кто даромъ время тратить станетъ?

— Такъ что жъ онъ не платитъ?.. Я своихъ денегъ не стану платить... А цѣлый листъ я тоже не намѣренъ сочинять... Ну, помѣстите объявленіе о „словарѣ"...

— Это второй годъ...

— Да хоть бы третій! — крикнулъ редакторъ, бросивъ ножницы, надѣлъ цилиндръ и сказалъ, уходя, намъ:—Опечатокъ много... *Онъ* ругается... Прошу, чтобы не было...

— Когда же деньги?

Редакторъ скрывается.

Прочитана одна сводка. Другую только еще начали набирать.

— Что вы дрожите?—спрашиваетъ меня старикъ.

— Такъ, кажется, холодно...

— Вы нездоровы... Пойдемте въ „погребокъ". Что же здѣсь мерзнуть два часа?!

— У меня нѣтъ ни гроша.

— Пойдемте, можетъ быть, повѣрятъ мнѣ.

Затѣмъ все покрывается туманомъ. Смутно представляются только четыре или пять часовъ утра, пронизывающій холодъ, пустыя мертвыя улицы съ кое-гдѣ двигающимися тихо ночными извозчиками... Я быстро иду разбитыми ногами къ своей квартирѣ; меня манитъ тепло, кровать „дома"... Но „дома" на моей кровати новый жилецъ подымается и смотритъ на меня недоумѣвающими глазами... Я понялъ все: взялъ подмышку одѣяло, подушку и юркнулъ со всѣмъ этимъ въ подземелье одного угольнаго дома, гдѣ помѣщался грязный трактиришка, обязанный быть отпертый по ночамъ для извозчиковъ.

Дальше уже я ничего не могъ себѣ представить.

I.

Носители артельныхъ традицій.

Я спалъ, должно быть, очень долго; когда проснулся, было уже не только совершенно свѣтло, но какіе-то странные, словно заблудшіе, блѣдные и холодные солнечные лучи проскользали сквозь замерзшія сплошь низенькія окна, на стеклахъ которыхъ успѣли они оттаять круглыя лысины. Я осмотрѣлся: большая комната, въ которой я лежалъ, находилась въ подпольномъ этажѣ, что ясно было по промерзшимъ кирпичнымъ угламъ, подернутымъ инеемъ; поперекъ его и вдоль стѣнъ шли широкія нары, съ наваленнымъ „въ головахъ" хламомъ — старыми полушубками, дерюжными мѣшками, набитыми соломой и сѣномъ, какія-то неопредѣлимыя одѣянія, изрѣдка кое-гдѣ виднѣлись подушки съ наволоками изъ кубоваго ситца; изъ-подъ наръ глядѣли сундуки, короба и разнообразная обувь: лапти, сапоги кожаные и валеные, здоровые и худые; на вбитыхъ въ стѣнѣ гвоздяхъ висѣли кушаки, шапки, веревки. Я лежалъ на одной изъ наръ, вблизи печки совершенно неопредѣленнаго „стиля". Я долго не могъ дать себѣ отчета по первому наружному виду комнаты, гдѣ я могъ помѣщаться. Сначала мнѣ представилось, что я на ночлежномъ дворѣ, но одинъ предметъ, случайно обратившій на себя мое вниманіе, разъяснилъ дѣло: на стѣнѣ, невдалекѣ отъ меня, висѣла мѣховая овчинная шапка, съ вздернутыми вверхъ и перевязанными веревоч-

кой огромными ушами; она была такъ оригинальна, что я ее сейчасъ же узналъ, а вмѣстѣ съ нею въ моемъ воображеніи ясно обрисовался образъ водоноса Селифана; съ этимъ Селифаномъ я познакомился у своей квартирной хозяйки, которой онъ въ „неуказное“ время умѣлъ доставать водку „съ задняго ходу“ изъ погреба, за что пользовался ея расположеніемъ и поднесеннымъ стаканчикомъ; но какъ послѣ этого стаканчика всегда требовалось ему нѣсколько времени поблагодушествовать, посидѣть, покрякать и „почадить“, то онъ обыкновенно деликатно заглядывалъ въ мою комнату и покорнѣйше просилъ „одолжить“ папироску. Шапка его всегда составляла въ это время предметъ нескончаемыхъ остротъ для петербургскихъ хозяевъ и ихъ прислуги. Такимъ образомъ мнѣ стало ясно, когда я сопоставилъ шапку Селифана съ смутно слышаннымъ мною ночнымъ разговоромъ, куда занесла меня судьба...

Тому лѣтъ семь на Васильевскомъ островѣ существовала артель водовозовъ. Не знаю, существуетъ ли она теперь и въ какомъ видѣ; но во времена моего съ нею общенія она состояла изъ двѣнадцати человѣкъ, изъ которыхъ большинство были пришлые крестьяне (большею частью тверяки), здоровые, коренастые, желѣзныхъ мускуловъ, съ несокрушимыми спинами, и только трое-четверо были изъ петербургскаго „сброда“ — измученныя, искалѣченныя физически и нравственно личности. Мускульная, здоровая сила этой артели особенно рельефно била въ глаза, когда, въ субботній вечеръ, послѣ шабаша на фабрикахъ, наполнялись василеостровскіе кабаки фабричнымъ петербургскимъ людомъ—мелкимъ, худымъ, затомленнымъ, въ плохой одеженкѣ, съ пошибомъ на „цивилизацію“, а среди этой „мелюзги“ то тамъ, то здѣсь вырисовывались широкія спины въ красныхъ вязаныхъ рубахахъ, огромныя, остриженныя въ скобку головы, могучія ноги, обернутыя въ теплыя онучи, перевязанныя веревками, и въ протертыя лапти, или когда надорванные голоса фабричной мелюзги вдругъ покрывались горластымъ, здоровымъ крикомъ широкой груди или раскатистымъ грохотомъ расшутившагося водовоза... Крѣпкая перебранка носится въ это время въ кабацкой атмосферѣ, и въ переливахъ этой перебранки вы можете ясно отличить характеръ собравшейся публики: задорно, крикливо, злобно ругается фабричный, добродушно, громко и весело отпарируетъ ему водовозъ.

Артель эта образовалась въ силу особыхъ условій быта петербургскихъ окраинъ: средней или мелкой руки домовладѣльцы не въ состояніи содержать при своихъ домахъ нѣсколько человѣкъ дворниковъ и подручныхъ для разноски жильцамъ воды и дровъ и исполненія тому подобныхъ работъ; обыкновенно они довольствуются однимъ дворникомъ, который уже отъ себя нанимаетъ водо- и дрононосовъ, само собою разумѣется, за очень низкую плату. Такъ какъ дома на окраинахъ не особенно велики и за получаемую съ одного плату невозможно прокормиться, то здоровый водоносъ обыкновенно нанимается носить воду, колоть дрова и проч. для нѣсколькихъ домовъ, получая ряду по количеству квартиръ. При такомъ способѣ найма, конечно, работники не могутъ наниматься „съ харчами и жильемъ“, и потому они образовали изъ себя „общежительство“. Вся артель помѣщалась въ подвальномъ этажѣ одного большого дома, примыкавшаго къ рѣкѣ.

Вотъ это „общежительство“ и узналъ я теперь.

„Но какимъ образомъ Селифанъ могъ оставить свою „папаху“ дома?—спросилъ я себя.—И въ чемъ онъ теперь воду носитъ: въ картузѣ или въ обыкновенной шапкѣ?“

Какъ теперь помню, это была первая ясная мысль, формулированная моимъ сознаніемъ въ тѣ роковыя минуты, когда я стоялъ предъ страшнымъ вопросомъ: „тепла и хлѣба!“... Человѣкъ—легковѣрнѣйшее изъ существъ; вѣроятно, это легковѣріе поддерживается въ немъ ничѣмъ несокрушимою, прирожденною вѣрой во „всеобщее братство“... Легковѣріе удивительное!... Какъ бы то ни было, меня занималъ вопросъ о Селифановой ушастой шапкѣ, пока я не услыхалъ, какъ кто-то вошелъ въ сосѣднюю комнату, постукивая замерзшими ногами. Въ дверяхъ показался бѣлобрысый малый, съ бѣлыми, остриженными въ кружокъ и густо намазанными чѣмъ-то волосами, съ курносою физіономіей и безцвѣтными глазами; онъ былъ въ томъ возрастѣ, когда бываетъ стыдно назвать „мальчишкой“ и рискованно произвести въ „парни“,—словомъ, въ томъ среднемъ состояніи, которое народъ окрестилъ именемъ „подростокъ“. Это былъ, по всей вѣроятности, Ерошка, о которомъ упоминалось въ

ночномъ разговорѣ. Ерошка взглянулъ равнодушно на меня и, засунувъ одну руку въ карманъ полушубка, а другую за пазуху, помѣстился на противуположной скамьѣ и сталъ, не сводя съ меня безцвѣтныхъ глазъ, похлопывать одной ногой о другую.

Ерошка долго смотрѣлъ на меня. Я молча одѣвался.

— Може, водки хочется,—велѣно принести, — вдругъ сказалъ онъ, очевидно, избѣгая личнаго мѣстоимешія, и отвернулся къ окну.

— Какъ это я сюда попалъ?—спросилъ я скорѣе себя, чѣмъ Ерошку.

— Попалъ-то? Селифанъ Абрамычъ подобралъ,—отвѣтилъ, помолчавъ, Ерошка.

— „Подобралъ?"...

— Знамо, въ безчувствіи... Селифанъ Абрамычъ въ участокъ не тащитъ,—объяснялъ мнѣ Ерошка. — Прикажетъ ему околоточный пьянаго, который ежели въ безчувствіи, подобрать, по начальству представить, а онъ замѣсто того въ артель тащитъ... Много изъ-за этого самаго у нихъ непріятностей.

— За что же непріятности-то?

— Не знаю... Я не здѣшній... Мы здѣсь недавно... Говорятъ такъ, что за это можно очень отвѣтить; потому пьянаго обобрать можно, али онъ умретъ въ артели... Бѣда!... Тогда всей артели бѣда!... Ну, а также, слышь, выгоды черезъ это лишаются... самые эти полицейскіе... Такъ водки-то нужно будетъ?—круто перебилъ онъ свое объясненіе. — Я, пожалуй, схожу.

— Нѣтъ, не нужно. А сколько теперь часовъ?

— Пушка должна скоро быть... Я вотъ все на дворѣ навѣдываюсь — нѣтъ еще, не слыхать... А кто будете вы, сами-то?— спросилъ онъ.

Но намъ не удалось въ этотъ разъ обстоятельно познакомиться другъ съ другомъ. За дверью послышались голоса.

— Артель идетъ. Обѣдать время,—пояснилъ Ерошка.

Дѣйствительно, въ дверь входили одинъ за другимъ водовозы: покрякивали, откашливались, потирали руки и прискакивали на обутыхъ въ лапти и валенки ногахъ.

— Ахъ, въ ротъ те шило, зашлись совсѣмъ!... Наткась, наткась, совсѣмъ ледыши стали! — говорили нѣкоторые, садясь на нары и быстро распутывая на ногахъ оборы, сбрасывая лапти и онучи.

Другіе уже успѣвали залѣзть въ сухіе валенки и переодѣвали полушубки.

Всѣ пришедшіе копошились каждый въ своемъ углу на нарахъ и не обращали на меня никакого вниманія. Между тѣмъ, артели не собралось и трети. У двери не успѣвало разсѣиваться бѣлое, туманное облако: одни входили, другіе, забравъ въ охапку обмерзшія и мокрыя обмѣнки: сапоги, лапти, полушубки, вареги и прочія „одѣянія", тащили ихъ на кухню.

Гомонъ усиливался: вся артель говорила разомъ; каждый считалъ своею обязанностью сказать „нелегкое словцо", не обращаясь лично ни къ кому. Я совершенно пропалъ въ этой массѣ двигавшихся, восклицавшихъ, покрякивавшихъ здоровыхъ мужицкихъ тѣлъ. Казалось, эта масса представляла собою совершенно случайный сбродъ ничѣмъ не связанныхъ между собою существъ, изъ которыхъ никому до другого не было никакого дѣла, въ родѣ того, какъ это бываетъ на ночлежныхъ дворахъ, въ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ предъ отходомъ поѣзда; найти что-нибудь общее въ этомъ сбродѣ было бы чрезвычайно трудно, несмотря на то, что этотъ сбродъ именовалъ себя „артелью". Съ перваго взгляда это было такъ.

Но вотъ весь этотъ гомонъ десятка голосовъ, гудѣвшихъ въ „вольное горло", покрылся здоровымъ, свѣжимъ и яснымъ окрикомъ женской груди:

— Вытаскивать, что ли, молодцы, чугуны-то?—спросила стряпуха-„матка".

— Тащи, матка, тащи!... Скоро всѣ соберутся,—откликнулась артель.

— Нынче лей больше... Морозъ!—замѣтилъ одинъ.

— Не простужай! Чтобъ было чѣмъ животы-то пропарить,— подхватилъ другой.

— Жирнѣй лей... Саломъ прохвати!... Дольше не стынетъ!—кричалъ третій.

— Съ саломъ ежели—держись за языкъ только: ожжетъ!... — подхватывалъ четвертый.

— То и важно!

Острота за остротой, пожеланіе за пожеланіемъ раскатились по артели, и опять стоялъ гомонъ.

— Что же вы столъ не собираете?— спросилъ кто-то.

— Чей чередъ?

— Чередъ Селифановъ.

— Нужно подождать. Сейчасъ придетъ.

Селифанъ былъ легокъ на поминѣ. Онъ

широко распахнулъ дверь и быстро вошелъ въ комнату.

— Всѣ ли живы?—крикнулъ онъ, скидавая шапку и кладя въ нее рукавицы.

Такое общее обращеніе къ артели сдѣлалъ только онъ одинъ: всѣ прочіе входили безъ всякихъ салютовъ.

— Всѣ. Собирай скорѣй столы-то.

— Ну, и дѣло, коли живы!

Онъ наскоро переобулъ ноги изъ лаптей въ валеные сапоги и, обдернувъ красную вязаную рубаху, принялся торопливо разставлять столы и скамьи въ сосѣдней комнатѣ, противъ двери, длинной и узкой, въ которой, однако, наръ не было. Селифанъ хотя и видѣлъ меня, но не заговаривалъ и только какъ бы мимоходомъ поглядывалъ на меня.

Селифанъ былъ мужикъ такого гигантскаго роста, такихъ здоровыхъ мускуловъ, что на него можно было залюбоваться; душа радовалась, смотря на это воплощеніе здоровой силы и мощи, въ особенности сравнительно съ истрепаннымъ петербургскимъ рабочимъ людомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, это воплощеніе мускульной силы, при видѣ котораго невольно какъ-то представлялись въ умѣ разогнутыя подковы, свернутыя въ трубку пятаки, обращаемыя въ дуги оглобли, ни мало не вызывало ощущенія страха, — такъ благодушно были устроены его широкое, открытое лицо, его небольшая кудрявая борода, сѣрые глаза и ротъ, вѣчно стремившійся выйти изъ нормальнаго положенія и растянуться до ушей.

„Собираніе“ обѣда продолжалось, конечно, очень недолго. Селифанъ Абрамычъ сдвинулъ вмѣстѣ, въ длину, два пропитанныхъ саломъ и порыжѣвшихъ стола, поставилъ по обѣимъ сторонамъ лавки, а съ боковъ табуретки; сбѣгалъ на кухню и принесъ два дерюжныхъ сѣрыхъ полотенца, которыя растянулъ по краямъ столовъ, поставилъ двѣ солоницы въ видѣ узорчатыхъ креселъ и „наверсталъ“ огромныхъ кусковъ хлѣба во весь коровай. Въ дѣло „собиранья“ никто не совался и не помогалъ чередному Селифану.

— Ну, братцы, засаживайся проворнѣй!

Артельные, не торопясь, стали подходить къ столамъ, обдергивая рубахи и поправляя пояса. Они разсаживались, казалось, по заведенному порядку: нѣкоторые поджидали другихъ, которые должны были сѣсть на извѣстное мѣсто, и покрикивали: „Дорооей, залѣзай, что ли, скорѣй!... Чего копаешься...“ и проч. Такимъ образомъ, лишнее мѣсто, приготовленное Селифаномъ въ переднемъ концѣ стола, оставалось незанятымъ. Мужики усѣлись.

— Милый человѣкъ, засаживайтесь,— сказалъ мнѣ Селифанъ.

Я было протестовалъ.

— Засаживайтесь, безъ церемоніи... Чего тутъ?... Здѣсь артель...

— Ѣсть всѣмъ нужно, — замѣтилъ кто-то.

— Вотъ туда пробирайтесь... Безъ сумнѣнія...

— Не по шерсти честь, — замѣтилъ было я, намекая на передній уголъ.

— Вы у насъ—гость. Нельзя.

— Какой я гость! Что вы?

— У насъ все одно—честь одинаковая.

Селифанъ убѣжалъ на кухню помогать стряпухѣ. Скоро они вошли вмѣстѣ: стряпуха несла одну чашку со щами, за ней слѣдомъ Селифанъ — другую. Надъ столомъ разлился аппетитный паръ. Мужики покрестились и принялись.

— Что жъ старики наши запропали?

— Пришлый-то, слышь, въ судъ пошелъ. А нашъ-то — Богъ его вѣдаетъ гдѣ,—отвѣтила стряпуха, утирая передникомъ свое красное, вспотѣвшее лицо. Матка была низкаго роста, но коренастая и плотная, съ высокою грудью, одна изъ тѣхъ строго-веселыхъ, бойкихъ и храбрыхъ женщинъ, не лазающихъ въ карманъ за словомъ, умѣющихъ постоять за себя, съ самостоятельнымъ характеромъ, который пріобрѣтается ими отъ постояннаго пребыванія среди мужчинъ.

Я стѣснялся; приниженность и робость пролетарія не оставляли меня и здѣсь. Селифанъ то тѣмъ, то другимъ старался поддержать во мнѣ „бодрость духа“: то онъ шутилъ, то отвлекалъ мое вниманіе отъ наблюденія надъ другими. Но я, все-таки, наблюдалъ. Большинство, замѣтилъ я, относилось ко мнѣ совершенно равнодушно; но двѣ фигуры особенно рѣзко выступали изъ прочихъ и увеличивали мое смущеніе. Одинъ былъ угрюмый, длинный и сухой мужикъ, лѣтъ 45, съ большимъ острымъ носомъ, съ всклокоченною головой и узкою рѣдкою рыжею бородой. Онъ послѣ каждой ложки, которую подносилъ ко рту срыву, словно ѣлъ по заказу, взглядывалъ сердито и нѣсколько злобно на меня: казалось, отъ моего присутствія кусокъ у него останавливался въ горлѣ. Другой былъ еще молодой, съ чрезвычайно выразительнымъ и почти красивымъ

лицомъ, съ тщательно причесанными черными волосами, съ серьгой въ ухѣ и съ красивою, въ видѣ опушки, бородкой. Онъ сидѣлъ прямо противъ меня, и какъ только я поднималъ на него глаза, онъ вдругъ начиналъ смотрѣть такъ высокомѣрно, такъ нагло, что мнѣ опять становилось не по себѣ. Ѣлъ онъ какъ-то не такъ, какъ всѣ: прочіе ѣли съ „захлебываніемъ“, смакуя каждый кусокъ, какъ будто наслаждаясь процессомъ ѣды, но франтъ-водовозъ ѣлъ совершенно равнодушно; онъ о чемъ-то думалъ, мнѣ казалось—о самомъ себѣ и о моемъ статскомъ сюртукѣ, галстукѣ и хотя помятой, но все же глаженой сорочкѣ.

Сначала всѣ ѣли молча; очевидно, аппетитъ у всѣхъ былъ здоровый. Потомъ начали заговаривать. Одинъ изъ молодыхъ артельщиковъ, съ довольно глупою и широкою физіономіей, разсказывалъ, какъ въ 38 номерѣ (одинъ изъ домовъ) дворникъ съ подручнымъ били „стрикулиста“.

— Что жъ, онъ укралъ, что ли?

— Съ чердака рубаху стащилъ...Н-ну—били! Посмотрѣлъ я... А-хъ, чтобъ ихъ!.. Этотъ стрикулистъ, въ сюртучишкѣ, такъ, словно ужъ, и извивается... Ну, и вздули—бани не захочешь!.. А при этакомъ морозѣ и очень ему было полезно... Очень ужъ сюртучишко-то на немъ былъ вѣтромъ подбитый... Нагрѣли!

Франтъ-водовозъ при этомъ особенно нагло обвелъ меня своими красивыми и умными глазами.

— Бываютъ изъ нашихъ такіе—шибко бьютъ. Словно звѣри, — замѣтилъ Селифанъ.

— Какъ ихъ не бить, когда они балуютъ!.. У тебя спина трещитъ подъ полѣнницей, а они по угламъ шныряютъ, да послѣ въ кабакахъ празднуютъ,—оборвалъ угрюмый мужикъ.

— Такъ и бить?—спросилъ Селифанъ.

— Найди что лучше...

— Ну, въ этомъ тоже хорошаго немного... Изъ насъ не всѣ бьютъ,—обратился ко мнѣ Селифанъ Абрамычъ.—Это только тѣ, которые у дворниковъ живутъ... А артельные не бьютъ... Тѣ потому бьютъ, что отъ дворниковъ учатся, а дворники ихъ подущаютъ, да хвалятся... А у насъ этой повадки нѣтъ,—повидимому, особенно старался Селифанъ такою рекомендаціей успокоить меня.

— Я, вотъ, братцы, помню одинъ разъ...—заговорилъ кто-то.

Разговоръ мало-по-малу дѣлается общимъ, когда въ дверь вошелъ старикъ. Онъ вошелъ тихо, сгорбившись, и, не дойдя до стола, сѣлъ на край лавки. Всѣ замолчали.

— Что, Дементій Иванычъ, съ тобой?—спросилъ Селифанъ.

— Плохо!

— Ну?

— И не приведи Богъ!.. Ахъ, братцы, больше не въ мочь... Упалъ нонѣ съ ведрами... во второй этажъ тащилъ... Несъ-несъ—не смогъ... Такъ упалъ... Бѣда—ослабъ... Тутъ этотъ звѣрь-то напалъ... Ругалъ, ругалъ, да въ загривокъ... Пьяный, стервецъ!.. Кричитъ—зачѣмъ лѣстницу обледенилъ... А мнѣ не въ моготу... Ослабъ...

— Ѣшь, садись, сначала... А тамъ поговоримъ...

— Нѣтъ... Совсѣмъ плохо... Ѣшьте съ Богомъ... У меня и позыву нѣтъ.

Старикъ махнулъ рукой.

Всѣ помолчали.

— Простите, братцы, а ужъ я больше не могу,—заговорилъ больной.—Сами видите,—моей мочи нѣтъ...

— Знамо, видимъ...

— Возьмите на артель...

Опять всѣ помолчали.

— А ты какъ рядился?

— До масленой... 10 дёнъ теперь осталось, мѣсяцу конецъ.

— Что жъ, братцы, — сказалъ Селифанъ,—очередь уставимъ. Артелью отработаемъ за него... А послѣ на этого ругателя наплюнуть надо... Пущай со стороны нанимаетъ... Эдакому звѣрю артели не слѣдъ поблажать... Уставляй, братцы, очередь! На сегодня я управлю, не въ зачетъ.

— Намъ эдакъ нельзя... У насъ своего дѣла не оберешься,—раздались голоса.—Дѣла у всѣхъ не продѣлаешь...

— Для чего жъ артели быть?—сказалъ сурово угрюмый мужикъ. — Чужихъ по улицамъ подбираемъ, а своихъ гнуть будемъ,—прибавилъ онъ и рванулъ ложкой ото рта.

— Зачѣмъ гнать? — заикнулся туповатый парень.—Только что...

— Али еще поясница-то здорова?—оборвалъ его угрюмый мужикъ.—Не надорвался еще?

Ему не возражали.

— Мы должны знать, каково стариковской спинѣ, — продолжалъ онъ обрывистымъ голосомъ. — Онъ не съ улицы... У тѣхъ—еще подумать надо—трещатъ ли спины-то.

Я чувствовалъ, какъ кровь бросилась мнѣ въ лицо: мнѣ казалось, что всѣ смотрѣли на меня и сравнивали мое барское дармоѣдство съ надорвавшеюся стариковскою спиной. Общее молчаніе становилось для меня пыткой. Но въ эту минуту Селифанъ толкнулъ меня слегка въ бокъ.

— Глянько-сь, какой у насъ котище важный!.. Бурмистръ!.. — показалъ онъ мнѣ на важно сидѣвшаго на желтомъ солнечномъ пятнѣ, образовавшемся на полущурившагося, толстаго, дымчатаго кота.— Ва-ась! Поди сюда, шельма!.. Онъ у насъ артельный!

Всѣ почему-то сочли нужнымъ посмотрѣть на Ваську.

— Васька, подь сюда!.. На солонинки!.. Сытъ, стерва!.. Ишь разжирѣлъ на артельномъ-то хлѣбѣ, окаянный!—расшутились мужики. — Гдѣ тотъ еще дармоѣдъ—Полкашка?.. Не видать.

Селифанъ взглянулъ одобрительно на меня и, довольный тѣмъ, что удачнымъ маневромъ разогналъ налетѣвшую на артельный обѣдъ тучу, схватилъ чашки и ушелъ на кухню.

Больной старикъ, кряхтя, поднялся и поплелся къ своему мѣсту на нарахъ.

За щами съ саломъ и солониной явилась тѣмъ же порядкомъ и каша, вслѣдъ за которой ворвался въ комнату и Полкашка, уродливѣйшій песъ, съ обгрызанными ушами, обрубленнымъ хвостомъ и кривой, — любимецъ Гаврилы (угрюмаго мужика). Онъ вытащилъ его изъ Невы и притащилъ въ артель. Полкашка вертѣлся около стола и визжалъ, обнюхивая мужицкіе порты...

— Хо-хо! Чоо-ортъ!.. Побродяга!.. Шляешься только... Радъ, что кормятъ... вашего брата! Ну!.. Венесь-сюда!.. Лапу!—острили мужики, ласково прохаживаясь своими заскорузлыми руками по мордѣ и шеѣ Полкашки.

— Ну, лапу!—кричали мужики.—Здоровайся!.. Ручку-съ!

И довольный Полкашка лѣзъ обѣими лапами на широкія мужицкія колѣна, а мордой обнюхивалъ имъ бороды.

— Экой чо-ортъ, водовозъ несуразный!.. Прямо въ морду лѣзетъ!..

— Да что вы, братцы!.. Али въ васъ, лѣшихъ, Бога нѣтъ?.. Чать, вы помолившись ѣсть-то садились... А сами со псомъ возятся,—проворчалъ пожилой широкоборотый артельщикъ. — Тьфу, околѣлые!.. Грѣха не знаютъ... Вы его еще въ чашку мордой-то ткните!.. Эко дитятко съ улицы подобрали!..

— Полкашка, поди сюда! — крикнулъ Гаврило.—Сиди тутъ!.. За него, небойсь, не отвѣтишь, по крайности,—прибавилъ онъ.—А человѣка подберешь съ улицы— отвѣтишь... Да еще какъ отвѣтишь — и артель-то загубишь!

Гаврило сердито сталъ размѣшивать кашу.

— Ну-у!—сомнѣвался, улыбаясь, Селифанъ.—Ужъ ты... прировнялъ человѣка ко псу...

— Неправду развѣ я говорю? — продолжалъ Гаврило. — Не далеко ходить; сегодня Ергуновъ — изъ 1-го участка — говорилъ: „ну, смотри, братцы... не уйти вамъ отъ грѣха съ побродягами... Участковый, говоритъ, не разъ собирался вашу артель обшарить“... Это вѣрно: таперь, вотъ, изъ-подъ Пскова старика пустили... 80 лѣтъ ему... Умретъ—и не увидишь... Всю артель загубишь... Вѣрно!.. А они этому рады!..

— Ну-у!—подергивалъ сомнительно головой Селифанъ.

— Что—„ну-у“?.. Это вѣрно. Пса намъ безопаснѣй жалѣть, чѣмъ человѣка... Вотъ что!.. Тебѣ бы это знать нужно!

Гаврило бросилъ ложку, вышелъ изъ-за стола, сердито помолился и крикнулъ:

— Полкашка, пойдемъ на кухню!.. Пойдемъ къ маткѣ...

Скоро и всѣ артельные вылѣзли изъ-за скамей. Всѣ они молились наскоро; только одинъ широкобородый старикъ долго и истово крестился, посматривая по сторонамъ, словно онъ боялся, чтобы въ эти минуты не помѣшалъ кривой Полкашка. Но, оказалось, помѣшалъ-то не Полкашка.

Когда вошла „матка“ и стала собирать со стола, глуповатый парень, разнѣжившійся послѣ обѣда, задумалъ съ ней полюбезничать и запустилъ ей широкія ладони подъ-мышки.

— Али лобъ зачесался? Идолъ! — замахнулась матка толстою, несокрушимою ложкой.

— Ѳедька!—закричалъ богобоязненный старикъ,—креста, лѣшій, не дашь положить!.. Али порядки забылъ?.. Ты гдѣ живешь?.. Что, про тебя артельные-то порядки не писаны, что ли?.. Вишь, въ тебѣ бѣсъ-то гуляетъ!.. Мало на улицѣ дѣвокъ-то!.. А ты къ маткѣ посмѣлъ...

— Хорошенько его, дядя Ѳедотъ! —

поддержала артель. — Экой околѣлый!.. Матку забылъ!

Но туповатый парень до половины не дослушалъ этой рацеи и, ухмыляясь во весь ротъ, повалился на нары, вздравъ кверху ноги.

Изъ артельщиковъ нѣкоторые, по примѣру Ѳедьки, тоже повалились на нары, другіе почесывались, а большинство принялось набивать трубки или вертѣть „цигаретки“. Курить въ артели никакъ не полагалось: всѣ уходили закуривать на кухню, а „чадить“ на дворъ.

Я смиренно помѣстился въ углу, у окна; признаться сказать, мнѣ въ первый разъ въ жизни стало совѣстно за свой черный сюртучишко, за галстукъ, за манишку, за брюки, за свои худыя и слабыя руки, за свою „барскую комплекцію“. И какъ мнѣ хотѣлось въ эти минуты облечься въ могучую плоть и кровь моихъ „благодѣтелей“, почувствовать въ себѣ здоровую мощь желѣзныхъ мускуловъ, чтобы получить санкцію на „равноправность“ и „правоспособность“ выносить ужасающія тяготы и невзгоды жизни. Я даже вытянулъ руку, сжалъ кулакъ, какъ будто я ожидалъ, что въ меня уже влилась свѣжая, новая кровь; но кулакъ былъ слабъ, рука повисла, какъ плеть... Мнѣ сдѣлалось обидно; къ глазамъ подступили слезы...

Въ комнату разомъ вошли Гаврило и Селифанъ. Гаврило сталъ молиться; онъ забылъ исполнить обрядъ прямо послѣ обѣда; а Селифанъ сталъ копаться въ своемъ сундукѣ, подъ одной изъ наръ.

— У васъ этого заведенья нѣтъ?—спросилъ меня вдругъ Гаврило какъ-то бокомъ.

— Какого?

— А артельнаго? Примѣрно, ежели теперь человѣкъ работы рѣшился... Приспособить его общими силами не полагается?

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ.

— То-то и есть!.. А съ насъ отвѣтъ требоваютъ... Въ тюрьму пойдешь еще,— заворчалъ онъ и отошелъ къ нарамъ, не глядя на меня.

— Вы, миленькій, его не пужайтесь!.. Онъ не страшенъ! Ха-ха!.. — успокоивалъ меня шопотомъ Селифанъ. — Это онъ отъ горя... Вы, вотъ, присмотритесь—онъ любящій... Папироску, вотъ... курите здѣсь... Ничего... Одному папироску ничего... Это, вѣдь, не махра... Вѣдь, это ежели всѣ зачадятъ, такъ не позволено.

Большинство артели отдыхало: одни лежали вверхъ брюхомъ, закинувъ руки за головы и упорно смотря въ потолокъ; другіе внизъ, приготовившись спать; иные копошились въ своихъ коробкахъ. Кто-то въ одномъ углу разсказывалъ анекдотъ; Селифанъ, Гаврило, водовозъ-франтъ и еще двое-трое ушли „по своимъ дѣламъ“. До 3-хъ часовъ вечера артель была свободна. Глуповатый Ѳедька возился съ „артельнымъ Васькой“, посадивъ его къ себѣ на брюхо. Скоро разговоры смѣнились храпомъ; Васька подтягивалъ Ѳедькѣ громкимъ мурлыканьемъ. Въ подвалѣ стало душно; воздухъ испортился нестерпимо. Я вышелъ къ воротамъ. Тамъ одинъ изъ артельщиковъ игралъ съ Полкашкой, заставляя его подавать подбрасываемую щепку; „несуразный“ Полкашка, какъ теленокъ, со всѣмъ усердіемъ прыгалъ по сугробамъ. Тутъ же стоялъ Ерошка въ своей неизмѣнно-равнодушной позѣ, уставивъ на Полкашку ничего не выражающіе глаза, засунувъ руки въ карманы. Я тоже безтолково сталъ смотрѣть на собачьи упражненія, которыя, впрочемъ, наскучили и водовозу, и Полкашкѣ.

Я завелъ бесѣду.

— Вы сколько платите за свой подвалъ?—спросилъ я.

— Пятнадцать рублей въ мѣсяцъ.

— Дорого.

— Народъ грязный...

— Что жъ это значитъ?

— Одно слово—водовозъ... Хуже насъ никого на счету нѣту... Развѣ, вотъ, золотари еще... Кто съ нами жить будетъ?.. Притомъ, мы народъ горластый... Политики теперь этой, петербургской, у насъ нѣту... Ходимъ въ лаптяхъ... Помоями воняемъ—выгребною ямой...

Я ему напомнилъ о франтоватомъ красавцѣ-товарищѣ.

— Это—Турка-то? — спросилъ онъ.— Красивъ, что говорить!.. Только вотъ онъ, того гляди, либо въ уголовщину попадетъ, либо повѣсится въ сараѣ.

— Отчего такъ?

— А вотъ отъ этого самого, что съ корявымъ-то рыломъ много способнѣе водовозомъ быть... Спокойнѣе оно, не зазарно, ежели тебѣ въ бороду наплюютъ да загривокъ наколотятъ.

Я сомнѣвался.

— Не вѣришь?.. Ежели бы мы не лаялись, такъ послѣдній жилецъ въ домѣ помыкалъ бы тобой... Только горломъ и

возьмешь... Чѣмъ больше на пса походишь, тѣмъ оно лучше... Еще намъ хорошо: мы артелью крѣпки... Ну, тоже за всякою плюхой не угоняешься, изъ-за всякаго тычка посовѣстишься артель тяготить... Артель у насъ малая, силы въ ней немного... *) А все же есть помощь...

— А много здѣсь такихъ артелей, какъ ваша?

— Нѣтъ, немного. Знаю я еще одну, а больше-то, пожалуй, и нѣтъ. Нашу-то тверяки *съ собой привезли*, скопомъ они пріѣхали, изъ одного мѣста, такъ съ тѣхъ поръ и держатся вмѣстѣ. Ежели кого со стороны принимаютъ, такъ съ выборомъ, туго. А въ другихъ мѣстахъ этого заведенья нѣтъ. Потому дворникамъ эдакъ невыгодно. Имъ вольный наемъ не нравится; имъ сподручнѣе контрактомъ закабалить насъ — тутъ ужъ съ нами какъ хочетъ... Бѣда этимъ контрактнымъ!.. Не жизнь—каторга!.. Главное дѣло, очень ужъ дворникъ надъ ними издѣвается... Безъ артели нашему брату житье плохое!.. А у насъ вотъ, того гляди, тоже рушится артель-то...

— Что же за причина?.. Вы бы ужъ крѣпко держались за нее.

— Съ каждымъ годомъ артели труднѣе держаться... Бѣда!.. Гляди, еще протянемъ годъ-два — и нарушимъ... Противъ рожна прать не станешь... Такъ-то, милый человѣкъ!.. Притомъ, и въ артель теперь много народу попорченнаго набралось, отъ артельныхъ порядковъ отвыкшаго, совѣсти у него артельной ужъ нѣту... Вотъ хоть бы теперь старичокъ заболѣлъ; бывало у насъ и слова нѣтъ, чтобы отъ очереди отказываться... А теперь споръ подняли, отнѣкиваться начали... Это ужъ дѣло не хвали!.. Безъ эстого артели не жить!

Мы помолчали; мой собесѣдникъ повздыхалъ; это былъ, кстати сказать, одинъ изъ тѣхъ толковыхъ, степенныхъ и простыхъ мужиковъ, которыхъ вы много встрѣтите по нашимъ деревнямъ; они умѣютъ вникнуть въ суть дѣла, легко и вѣрно усматриваютъ корень зла, обстоятельно сумѣютъ разъяснить на мірскихъ сходахъ извѣстный порядокъ дѣлъ, но, при всемъ этомъ, они же отличаются наибольшею косностью: когда имъ предложатъ самимъ же примѣнить на дѣлѣ ихъ „обстоятельныя“ соображенія, они вдругъ начинаютъ вздыхать, чесать затылки, а послѣ, какъ сдѣлаютъ не такъ, какъ они говорили, любятъ потолковать на тему: „вѣдь, вотъ мы же сказывали!.. не послушали!..“ и т. п.

— А я тебѣ радъ!—вдругъ обратился ко мнѣ толковый водовозъ.

— Спасибо.

— Ты мнѣ письмо напишешь женѣ.

— Изволь.

— А то, вотъ, сколько время собирался—нѣтъ, не дается, ровно кладъ... Очень ужъ вашъ братъ-грамотникъ надувать здѣсь ловокъ... Съ однимъ мы вотъ тутъ совсѣмъ было уговорились: купилъ я ему косушку да бутылку пива... Выпили мы съ нимъ... Онъ и говоритъ: „вотъ я сейчасъ за бумагой схожу... Золотообрѣзной, говоритъ, я тебѣ принесу... Вотъ какъ!..“ Да такъ и до сихъ поръ носитъ... Хлыновцы!..

— А у васъ развѣ грамотеевъ нѣтъ.

— Есть. Какъ не быть!.. Вотъ Турка, али Селифанъ Абрамычъ... Да, братецъ, очень ужъ онъ мужикъ обстоятельный; письмо ежели теперь ему писать — мѣсяцъ надо времени... Ужъ выводитъ это онъ, выводитъ—такъ первая-то страница пожелтѣетъ, пока онъ до конца доведетъ... Извѣстно, тяжело: пальцы у насъ корявые, перо-то не скоро приспособишься межъ нихъ помѣстить...

— Ну, а Турка?

— Турка—тотъ письма надлежащаго не напишетъ, ежели почтительного, примѣрно, родителямъ, али теперь женѣ, постепеннѣе... У него слово съ вѣтру... Онъ больше насчетъ пѣсни, али стихеры.

Со двора понемногу начали выходить артельщики; заговаривали съ нами, „баловались“ съ Полкашкой и потомъ расходились въ разныя стороны Васильевскаго острова. Поднялся и мой собесѣдникъ.

— Э-эхъ!—вздохнулъ онъ, потянулся, почесалъ затылокъ и сказалъ:—Полкашка, пойдемъ панель мести, чо-ртъ!.. Хорошо, што ли, дарма жить?

Водовозъ пошелъ по направленію къ рѣкѣ, а во мнѣ забродили при этомъ горькія, тоскливыя, гнетущія думы... „Одинъ исходъ: или работа, или въ Неву,—мрачно думалъ я.—Ни опиться, ни замерзнуть, ни съ голоду умереть не дали... И неужели я допущу, чтобы изъ-

*) Сила эта предполагается здѣсь матеріальная, денежная, т.-е. артель не настолько богата, чтобы часто брать на свои харчи оставшихся безъ работы членовъ.

за меня рисковала артель своимъ, и то почти подкошеннымъ, существованіемъ?.. Имъ, очевидно, тяжела борьба... Но куда итти?..“ Я нахлобучилъ шапку и безцѣльно зашагалъ къ „городу“.

Было часовъ 9, когда я вернулся усталый, измученный, измерзшій. Артель была уже вся дома. Должно быть, только что поужинали. Матка собирала со стола. Сальная свѣчка слабо освѣщала почернѣвшія, съ сизою побѣжалостью, кирпичныя стѣны и постоянно нагорала. Широкобородый, благочестивый водовозъ сидѣлъ около нея и, время отъ времени поплевывая на пальцы, снималъ нагаръ. Большинство укладывалось спать; кто-то ворчалъ, кто-то молился вслухъ. Но вообще было тихо. Въ артели, очевидно, было не ладно. У стола сидѣлъ Турка и что-то выводилъ карандашомъ на лоскуткѣ бумаги, вѣроятно, „стихеру“; онъ такъ былъ занятъ, что не замѣтилъ, какъ я вошелъ. Но только что онъ услыхалъ мой голосъ, какъ вдругъ сердито двинулъ столъ, скомкалъ въ карманъ бумагу и, метнувъ на меня загорѣвшимися глазами, ушелъ къ нарамъ. Въ передней же сидѣли молча: Селифанъ, расплетая какую-то веревку, мрачный Гаврило, упорно смотрѣвшій въ уголъ, какая-то худая и больная женщина и сѣдой, какъ лунь, съ вылѣзшею бородой, худой и долговязый старикъ, копавшійся въ сумѣ.

На мое „здравствуйте“ мнѣ предложилъ Селифанъ ѣсть. Я отказался.

— Гаврило Иванычъ, — тихо проговорила женщина,—мнѣ пора... Хозяева взыщутся... И то, чай, заждались...

— Ступай! — оборвалъ вдругъ Гаврило, — иди!... Извѣстно, заждался, чай, *твой-то*... Ступай!...

— Мучитель ты!

— Да, мучитель я... Вѣрно!... Ну, еще что?.. Звѣрь я сталъ?.. И это вѣрно... Ну?.. Что еще?

— Обидчикъ.

— Такъ, такъ... Ступай! Иди!—заговорилъ, вскочивъ, порывисто Гаврило и началъ толкать женщину къ двери.

— Гаврило Иванычъ,—проговорилъ Селифанъ,—не дѣло...

— Ну? Ты что еще, святая душа на костыляхъ?... Благожелатель!.. Заступникъ!

Женщина осталась у двери.

— Развѣ она виновата?—замѣтилъ Селифанъ.

— Развѣ я виновата?—повторила женщина.

— Кто жъ виноватъ?... Али опять я?—закричалъ Гаврило.—Я виноватъ, что баба съ мужемъ жить не хочетъ?.. Мнѣ, что ли, за тебя рожать?

— Да кабы я могла?.. У меня грудь высохла... руки дрожатъ... Рази я на артель могу работать?.. Я горшокъ не поворочу въ печи, не то что чугунъ...

— Врешь!.. А почему мужъ къ тебѣ ходить не можетъ?

— Что жъ, коли обижаются... Мы, вѣдь, мужики... Баринъ говоритъ: часто ходитъ...

— Мужикъ!—заревѣлъ Гаврило.—Мужикъ — не человѣкъ! Часто ходитъ!... Врете вы, подлецы... Вы тамъ паскудными дѣлами занимаетесь!

— Кто жъ тебѣ сказывалъ объ этомъ?

— Кто?.. Рожай мнѣ ребенка!.. Дай мнѣ дѣтю мово... Повѣрю.

— Обидчикъ!

— А до тѣхъ поръ я тебѣ не родня... Ступай! Иди!.. Тамъ тебя заждались...

Женщина все еще стояла въ нерѣшимости у двери.

— Кабы я могъ рожать, я бы съ тобой и связываться не сталъ...

— Рази это отъ меня?.. Чать, отъ Бога...

— Врешь... всѣ родятъ... У всѣхъ ребятишки есть... А я чѣмъ обойденъ... Я такой же Богу слуга...

— Что же дѣлать, коли мы не купцы? Жить вмѣстѣ капиталовъ нѣтъ...

— Врешь!.. Кабы ты была вѣрная баба, это бы тебѣ не помѣшало... И нищіе родятъ... А ты...

— Обидчикъ—больше тебѣ слова нѣтъ, —сказала женщина и отворила дверь.

— Ступай!.. Иди!

Дверь захлопнулась за женщиной. Немного погодя вышелъ и Гаврило: слышно было, какъ завизжалъ Полкашка, вѣроятно, получившій пинокъ сапогомъ въ благодарность за несвоевременную ласку.

— Что онъ?—спросилъ я Селифана.

— Съ нимъ-то?... Это—горе, милый человѣкъ, артельное.

— При чемъ же тутъ артель?

— Артель при чемъ?.. А при томъ, что артель—дѣло рабочее... При артели во всемъ свободу нельзя имѣть. Артель не всему мѣсто дастъ. Вотъ ежели теперь кто къ семьѣ приверженъ — въ артели тяжело... Въ артель идешь—отъ многаго отрѣшись. Артель—дѣло временное: всѣ мы живемъ въ ней, пока на заработкахъ, а у всякаго семья дома... Мы на-двое

живемъ, такъ скажемъ... Вотъ что, милый человѣкъ!.

— У насъ и безъ бабъ грѣха не оберешься, — замѣтилъ широкобородый старикъ.

— А съ женами нельзя?

— Нѣтъ, такого и примѣру не бывало... Первое дѣло: грѣха много, сумнѣнія... Второе дѣло: бабы въ артели—бѣда!.. Житья не будетъ... Съ бабами артели недѣли не продержаться... Ежели кто съ бабой жить хочетъ — отъ артели откажись... Съ бабой только ежели въ одиночку—самое разлюбезное дѣло!

— Какъ же Гаврило къ вамъ попалъ, когда онъ къ семьѣ привержепъ?

— Ничего не сдѣлаешь. Нашъ братъ ни на что крѣпко не надѣйся: вотъ, примѣрно, жена, ребятишки—на что крѣпче; по Божьему, самое близкое дѣло... А нужда и ихъ отниметъ... И ничего, милѣйшій, говорю, не подѣлаешь... Гаврило Иванычъ этотъ пріѣхалъ сюда въ сидѣльцы; годъ прожилъ; основался совсѣмъ; фатерку себѣ приспособилъ и бабу выписалъ... Легко зажилъ; теперь и не узнаешь, какой онъ былъ... Въ праздникъ пригласитъ насъ—благодать у него, инда зависть возьметъ... Самъ добродушный, веселый... „Все, братцы, хорошо... Только бы, говоритъ, дѣтишекъ—и въ купцы не захочу!..“ Ну, все до поры... Случилось это у него съ хозяиномъ непутевое дѣло въ заведеніи... Мѣсяца два безъ дѣла ходилъ... прожился... Пришлось бабу на Никольской вывести... Въ кухарки нанялась, а онъ къ намъ пришелъ... Самъ, видишь, какой сталъ...

Вошелъ Гаврило и порывисто сталъ укладываться на нарахъ.

Мы замолкли.

— Ну, что, дѣдъ, нашелъ, что ли? — крикнулъ Селифанъ на ухо сѣдому старику, все еще копавшемуся въ мѣшкѣ.

— Ась?

— Сыскалъ, что ли?—еще шибче переспросилъ Селифанъ.

— Нѣту, радѣльникъ, нѣту... Глаза-то при огнѣ плохо видятъ...

— До завтра ужъ оставь... Что дѣлать!.. Вотъ грѣхъ опять,—обратился ко мнѣ печально Селифанъ,—паспортъ затерялъ... А, можетъ, и не было, можетъ, и совсѣмъ дома забылъ...

— А онъ не изъ вашихъ мѣстъ?

— Нѣту. Изъ-подъ Пскова... Совсѣмъ сторонній... На улицѣ встрѣтилъ... Слышь, цѣлый день земляковъ искалъ — не сыскалъ. Гдѣ слѣпому да глухому по такому городу сыскать!... Жаль стало, привелъ въ артель... Думаю, въ часть возьмутъ старика за бродягу... А теперь неудовольствіе...

— Зачѣмъ же онъ въ Питеръ попалъ?

— Правды искать пришелъ... Землю отняли... Жаль старику тоже и сказать-то, что напрасно это онъ... Немного ему жить-то осталось... Пущай лучше въ этой вѣрѣ и умретъ.

— Вѣдь, вамъ за него отвѣтить, пожалуй, придется?

Селифанъ помолчалъ, насупился; широкая улыбка скрылась съ лица.

— Извѣстно, придется... Всѣ мы говоримъ, — замѣтилъ ворчливо широкобородый мужикъ и снялъ со свѣчки.—Благо старшимъ выбрали, такъ и слушать не хотимъ.

Старикъ намекалъ на Селифана: онъ былъ въ артели *старшій*. Селифанъ молчалъ.

— Чать, поди, тоже безпаспортный?— вдругъ спросилъ меня строго старикъ, вылѣзая изъ-за стола.

— Нѣтъ, у меня есть.

— Фальшивый, вѣрно. Это все одно.

— Ты, дядя Петръ, его оставь,—сказалъ, поднимаясь, Селифанъ. — Ежели что—я за нихъ отвѣтчикъ...

— Тамъ всѣхъ спросятъ...

— Это вѣрно, что всѣхъ, — подтвердилъ, выходя изъ сосѣдней комнаты, глуповатый парень, — а нынче обыскъ безпримѣнно будетъ... Мы на это несогласны...

— Да ты на что не согласенъ-то? — крикнулъ на него Селифанъ.—Развѣ кто тебя спрашиваетъ?

— Спросишь и насъ, — замѣтилъ парень, направляясь къ двери, тупо улыбаясь и почесывая животъ.

Изъ комнаты, гдѣ помѣщались нары, вышли еще два-три водовоза: имъ, вѣрно, не спалось, или они еще не ложились, и отъ нечего дѣлать желали принять участіе въ разговорѣ.

— Говорятъ, что нынѣшнюю недѣлю облава будетъ,—замѣтилъ одинъ.

— И я слышалъ, — подтвердилъ другой.—Какихъ-то самозванцевъ разыскиваютъ.

— И у насъ безпримѣнно будутъ. Ты бы, Селифанъ Абрамычъ... того... артель бы хоть на время пожалѣлъ...

— Я—отвѣтчикъ за всѣхъ... Такъ и знайте,—отвѣтилъ Селифанъ.

— Что же, господа,—сказалъ я,—вы меня извините, если чѣмъ я васъ непреднамѣренно стѣснилъ... За вашу хлѣбъ-соль подводить васъ подъ отвѣтственность я не рѣшусь... Мнѣ можно и въ ночлежный сходить... Не великъ баринъ...

— Э-эхъ! — закачалъ головой Селифанъ,—совсѣмъ пустяки!

— Зачѣмъ на ночлежный?... Гдѣ ты теперь его искать будешь? На улицѣ — морозъ, — заговорили разомъ артельщики.—Тебя никто не гонитъ, почтенный...

— Развѣ мы тебя гнали?—повторили и прочіе.—Мы это напредки опасаемся... А чтобъ гнать, кого разъ приняли, мы этого не сдѣлаемъ... Ты ужъ у насъ гость...

— Извините меня, что я такъ подумалъ...

— Тебя извинять не въ чемъ... Ты безпризорный: извѣстно, каждое слово тебя колетъ... А ты у насъ живи, пока мѣста не найдешь.

Въ такомъ родѣ каждый относился ко мнѣ и, поправляя поясъ, уходилъ или на дворъ, или опять заваливался на нары.

— Дѣдушка! полно копаться-то!.. Будетъ тебѣ судебныя-то бумаги просматривать... Глаза попортишь!—крикнулъ опять весело Селифанъ сѣдому псковскому старику. — Ложись-ко! Утро вечера мудренѣе! Пребывай въ вѣрѣ съ Господомъ! лучше оно.

— Лу-учше!—прошепталъ старикъ.— Я только и живъ ей... Такъ до завтра ужъ паспортъ-то?

— До завтра. Завтра—что Богъ дастъ!

— Ну, инъ, такъ коли!

Сѣдой старецъ, помолившись, сталъ, кряхтя устилаться на скамьяхъ.

Онъ легъ, перекрестился еще разъ истово и, повидимому, тотчасъ заснулъ: такъ безмятежно и дѣтски-наивно было его морщинистое лицо, что, казалось, никакая тревожная мысль не носилась надъ его сѣдою головой. Онъ производилъ на меня какое-то особенно отрадное и умиляющее впечатлѣніе... „Гдѣ источникъ этой непобѣдимой вѣры, этой вѣчно дѣтской наивности, которая не оставляетъ старика и теперь — на восьмидесятомъ году его, полной тяготы и постоянной страды, жизни? Гдѣ родникъ этой умиряющей силы, изъ которой почерпаетъ человѣкъ высокое чувство всепрощенія? Нѣтъ, мнѣ не найти ея, для насъ засоренъ, загроможденъ путь къ этому роднику... Оторванные отъ непосредственнаго общенія съ этимъ родникомъ, мы еще безплодно ищемъ сознательнаго пути къ нему...“ Такъ думалось мнѣ и, въ то же время, мнѣ сдѣлалось такъ легко, такъ свѣтло и тепло стало на душѣ: я самъ, хотя смутно, началъ ощущать въ себѣ присутствіе этой вѣры.

— Подымимъ, милѣйшій, да и на боковую... Такъ ли? Вонъ какъ псковской старикъ—и умирать бы всѣмъ такъ надо!..—сказалъ Селифанъ, предлагая мнѣ папироску, и его добродушная физіономія снова озарилась широчайшею улыбкой.

Никогда еще не засыпалъ я такъ спокойно, какъ въ эту первую ночь въ водовозной артели.

Ночь прошла благополучно. Водовозы, какъ вчера, поднялись до свѣту и своею возней разбудили меня. Я заснулъ снова, а когда меня разбудилъ говоръ, было уже часовъ восемь: говорили Ѳедька, широкобородый мужикъ и Ерошка. Псковскаго старика уже не было. Тутъ мнѣ пришлось познакомиться съ нѣкоторыми характерными чертами моихъ новыхъ знакомыхъ. Такъ, раннее возвращеніе домой Ѳедьки и широкобородаго старика имѣло свое основаніе. Старикъ опять копался и сердито кряхтѣлъ около своего сундука, а Ѳедька возился съ какою-то круглою большою корзиной, переплетенной сверху, вмѣсто крышки, бечевками.

— Безпокойство,—ворчалъ старикъ.— Господи, Господи!.. Сколько это грѣха примешь, съ людьми живши!.. Рази тутъ душу сохранишь?.. Рази соблюдешь ее?.. И думать нечего!.. Вотъ монахамъ—разлюбезное дѣло!.. Молись наединѣ, грѣха и смуты кругомъ тебя нѣтъ... Живи, да о душѣ думай...

— И ты бы, Прохоръ Иванычъ, въ монахи,—посовѣтовалъ Ѳедька.

— Въ монахи?.. Съ вами, околѣлыми, рази этого удостоишься?.. Ты вотъ, первымъ дѣломъ, зачѣмъ духовную птицу безпокоишь, бусурманамъ продаешь?

— Да, вѣдь, они жрутъ ее, не я... Мнѣ-ка что?

— То-то вотъ и есть: тебѣ-ка что... Ты вотъ паскудствомъ занимаешься и меня въ грѣхъ вводишь... Тутъ спасенье плохое!

Оказалось, что Ѳедька занимался коммерціей: онъ прикармливалъ голубей, ловилъ ихъ и продовалъ нѣмкамъ, содержательницамъ квартиръ и кухмистерскихъ. Вырученныя деньги онъ тотчасъ же про-

кучивалъ въ портерной на пивѣ и папиросахъ.

Богобоязненный же старикъ, Прохоръ Иванычъ, оказался большой руки „шишигой“, набивавшимъ и ревниво охранявшимъ кубышку, и его печалованіе о грѣхахъ являлось больше прикрытіемъ безпокойства, извѣстнаго всѣмъ денежнымъ людямъ, принужденнымъ жить въ большомъ обществѣ; недаромъ онъ посматривалъ искоса на насъ съ псковскимъ старикомъ и недаромъ лишній разъ прибѣгалъ съ работы къ своему сундуку.

— Прохоръ Иванычъ, — обратился къ нему Ѳедька, положивъ въ другую корзинку двѣ пары голубей, — одолжи 12 копеекъ.

— Сперва Богу помолись, а потомъ проси...

— Я молюсь... Я это помню... А ты развяжи мошну-то... Такъ и быть, косушку куплю—поднесу.

— Да я отъ тебя и грѣха на душу не возьму — пить-то!.. Вотъ что!.. Поднесу!.. Ты бы сперва спросилъ: буду ли еще отъ тебя, отъ паскудника, пить-то?

— Ну, я тебѣ сейчасъ же отдамъ... Только вотъ косоглазой нѣмкѣ Шрибершѣ оттащу пару и сейчасъ верну... Ей-Богу...

— Вотъ они, окоянные-то!.. Имъ и закону нѣтъ!.. Съ ними святой, и тотъ согрѣшитъ... Да ты еще спроси, околѣлый, возьму ли я твои эти деньги?.. Ты какою птицей торгуешь? а? Какъ еще артель-то тебя терпитъ, срамника!.. Бога ты не знаешь, съ маткой охальничаешь, духовную птицу...

Но Ѳедька уже не слыхалъ: онъ взялъ голубей подъ-мышку и ушелъ.

Прохоръ Иванычъ еще долго ворчалъ что-то очень поучительное, такъ какъ невдалекѣ отъ него стоялъ невозмутимый Ерошка, смотрѣлъ въ сундукъ и, казалось, внимательно слушалъ, но понималъ ли онъ что-нибудь—сомнительно. Въ углу, у печки, поворачивался и охалъ больной водовозъ. Я вышелъ на кухню умываться: здѣсь матка возилась съ дѣйствительно колоссальными двухведерными чугунами, поворачивая ихъ, словно шутя, какъ горшки, и поднимая съ полу на очагъ безъ всякаго видимаго напряженія. Я разговорился съ ней и узналъ, что артель забирала „на книжку“ всѣ продукты для варева въ лабазѣ, а приварокъ въ мелочной лавкѣ; что хлѣба она не пекла сама, а брала въ пекарнѣ; что расчеты велъ за артель съ лавками Селифанъ Абрамычъ еженедѣльно; что жить ей „повадно“, такъ какъ артель „степенная“: старшой—человѣкъ хорошій, и она пользуется отъ всѣхъ почетомъ,—ее не обижаютъ, воды и дровъ ей принесутъ, въ лавки ходятъ „очередные“; что ей вообще не тяжело и время есть на себя „запошить“; живетъ она въ кухнѣ одна, кого хочетъ принимаетъ; иногда отъ артельщиковъ выгода бываетъ—шьетъ имъ рубашки или починяетъ старыя, за это ей платятъ; что она вдова—мужъ ея былъ тоже артельщикъ, да померъ, и, наконецъ, что за нее сватается лавочникъ, да она не хочетъ, „потому я здѣсь сама набольшая, а ему, я знаю, надобно помогать хлѣбы печь, квасы водить, по пятнадцати короваевъ въ день, да по бочкѣ; потому онъ съ пекарями не уживается. Не великъ кладъ, что онъ купецъ!..“

— Ну, а за кого бы вы... васъ какъ величать?

— Афросинья Трофимовна меня величаютъ.

— А за кого бы вы, Афросинья Трофимовна, изъ артельныхъ пошли... если бы къ случаю?

— Ни за кого.

— Ну, полноте... А вотъ Селифанъ Абрамычъ...

Афросинья Трофимовна вся вспыхнула и отвернулась.

— Пошли бы за него?

— За него, можетъ, пошла бы.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Нельзя. — Она помолчала. — Тогда изъ артели нужно выйти... у насъ артель не отъ хозяина держится... Недовольство будетъ... У насъ артель *старинная* *).

— Почему такъ?

— Такъ. Ему старшимъ находиться будетъ нельзя!.. Да и мнѣ оставаться не пригоже будетъ. Мало ли что думается?.. Усчитывать чтобы старшого—у насъ этого нѣтъ, у насъ по довѣрію... А тутъ думать станутъ нехорошо: деньги артельныя...

Все это сообщала мнѣ Афросинья Трофимовна, однако, такимъ тономъ, что не особенно вѣрилось въ важность такихъ соображеній; очевидно, она не хотѣла говорить откровенно. Я повелъ рѣчь другою стороной—о характерѣ Селифана.

*) Т.-е. основанная на принципѣ чистаго самоуправленія и полной равноправности.

— Богъ его знаетъ, какой онъ... Эдакихъ рѣдко встрѣтишь... Очень ужъ душевный...

— Вы за это ему, должно быть, и предпочтеніе отдаете?

— Его нельзя не хвалить... За нимъ можно крѣпко жить... Не покинетъ...

— А почему вы знаете?

— Да какъ не знать!.. Это всѣ знаютъ... Смѣются даже... Вотъ у него теперь въ больницѣ дѣвушка при смерти лежитъ... шестой мѣсяцъ. И совсѣмъ ему незаконная. А вотъ меня каждую недѣлю къ ней съ чаемъ посылаетъ, съ сахаромъ.

„Да, такъ вотъ что!" подумалъ я.

Вернувшись назадъ въ комнату, я засталъ въ ней неожиданно Турку: онъ щеголемъ стоялъ посрединѣ, держа въ одной рукѣ небольшое зеркало, а другою что-то оправляя у себя на груди. Онъ говорилъ съ Прохоромъ и самодовольно посмѣивался, но, едва я вошелъ, онъ, какъ я и ожидалъ, тотчасъ спряталъ зеркало, взглянулъ на меня убійственнымъ взглядомъ и сдернулъ что-то съ груди. Но я, все-таки, замѣтилъ, что это была длинная и тонкая посеребренная часовая цѣпочка; были ли при ней и часы, не знаю.

— Такъ дашь, что ли?—сказалъ Турка Прохору.

— Ну-ка, покажика-сь еще...

— Ну, чего тутъ! Видѣлъ ужъ...

Богобоязненный старикъ закряхтѣлъ и полѣзъ опять въ сундукъ.

— Только на завтра... А ежели послѣзавтра не уплатишь, — заговорилъ старикъ, — я возьму... Ты такъ и знай... Потому это — баловство одно... грѣхъ... Кабы ты мой сынъ былъ, я тебѣ за эти форсы надралъ бы вихры-то... Безпутство одно!.. Коли водовозъ — мужикъ, такъ и знай это... Трелясы-то эти не пристали къ мусорной ямѣ.

У Турки засверкали глаза не то стыдомъ, не то злобой.

— Ну, ну... ворчи тамъ,—пробормоталъ онъ сердито.—Мы свое ѣдимъ, на свое покупаемъ... Своя спина у насъ трещитъ, такъ намъ никто не указъ... Еще мы побольше кого другого въ правѣ...

Все это проворчалъ онъ сквозь зубы, скороговоркой, затѣмъ схватилъ поданную ему Прохоромъ рублевую бумажку и быстро вышелъ. Послѣднія его слова, очевидно, были брошены на мой счетъ.

За полчаса до обѣда пришелъ Селифанъ Абрамычъ и, съ обычною своею деликатностью, замѣтилъ, что во мнѣ нужда будетъ. Я, конечно, радъ былъ всякому случаю послужить пріютившимъ меня людямъ.

— Гдѣ это у насъ Ерошка-то запропастился?—говорилъ Селифанъ.

Ерошка скоро явился.

— Ну, вотъ, этого самаго молодца надо намъ, милый человѣкъ, приспособить..: Застрялъ онъ у насъ что-то ужъ долгонько... Такъ вотъ къ дѣлу его требуется пріурочить; человѣчка мы тутъ подыскали... Нельзя, свои просили, деревенскіе. Нельзя не похлопотать... Слышишь, Ерошка, хозяина тебѣ нашелъ.

— Ладно. Что жъ!

Ерошка не мигнулъ глазомъ и только почесалъ подъ-мышками.

Стали собираться артельщики къ обѣду; пришелъ и подрядчикъ — маленькій человѣкъ, съ рыжеватою бородкой, постоянно косившій глазами и никакъ не могшій прямо смотрѣть другимъ въ лицо.

— Ну, гдѣ жъ у васъ тутъ малый-то?— спросилъ онъ, входя, и затѣмъ уже раскланялся съ артельными, сказавши:—Здорово!

— А ты честь-честью, Ермилъ Петровичъ, садись за столъ, такъ и будемъ говорить. Вотъ сюда... вотъ,—приглашалъ его Селифанъ Абрамычъ въ передній уголъ.

— Что жъ! Сядемъ.

Усѣлись и пришедшіе водовозы, успѣвшіе переодѣться предъ обѣдомъ. Ерошка спрятался въ уголъ.

— Ну, вотъ этотъ самый парень будетъ... Вишь какой—сила!—показалъ Селифанъ на Ерошку.

— А ты выйди, братецъ, къ свѣту,— замѣтилъ подрядчикъ. — Чего тамъ прячешься? Деревню-то, братъ, нужно забыть.

— Выдь сюда, стань какъ надлежитъ,— учили водовозы.

Ерошка вышелъ было, переминаясь, на середину комнаты, но здѣсь ему показалось такъ неловко, что онъ тотчасъ же перешелъ въ другой уголъ и сѣлъ на кончикъ скамьи.

— Этотъ самый? — спросилъ подрядчикъ, всматриваясь искоса въ Ерошку.

— Самый этотъ.

— Нерасторопенъ.

— Это онъ спервоначалу... Повѣрь... А то парень шустрый. Всю артель хоть спроси. Такой парень—ни одной бабѣ проходу у воротъ не дастъ.

— На это боекъ?

Артельщики засмѣялись.

— Боекъ! Теперь это опять насчетъ услужливости... Такъ я вамъ скажу лучше не надо!.. Парень будетъ при вашихъ дѣлахъ самый сподручный...

— Попробуемъ, пожалуй, — сказалъ подрядчикъ, подымаясь, а тамъ что будетъ...

— Нѣтъ, Ермилъ Петровичъ... Это, братъ, не дѣло... Ты намъ скажи—почемъ его принимаешь, а мы тебѣ скажемъ—почемъ отпущаемъ. Ты, вотъ, такъ, при всей артели, потому мы всѣ за него отвѣтчики.

— Да какія тутъ еще условія! Хлѣбомъ буду кормить... Съ голоду не уморю.

— Хлѣбъ, братъ, хлѣбомъ. Безъ хлѣба никто не живетъ. Мы и сами его хлѣбомъ кормимъ.

— Ну, что жъ еще ему? Сапоги дамъ... Одежонку какую...

— Это вѣрно, милый человѣкъ, и въ счетъ такъ пойдетъ... Только, вѣдь, все жъ онъ у насъ работникъ... Еще бы только малость—и мастеръ совсѣмъ.

— А ты вотъ что, хочешь отъ насъ принимать работника,—сказалъ порывисто Гаврило, подходя къ столу,—такъ принимай по Божьему, да по обычаю, какъ у насъ заведено. А то чего канитель тянуть?.. Проба! артель тебѣ поручается—вотъ и проба. А обычай у насъ такой: посылай за водкой—выпьемъ, помолимся, да тѣмъ временемъ все и пропишемъ, чтобъ намъ ужъ такъ и знать...

— Да чего тутъ прописывать,—не великіе какіе подряды!.. Ха-ха! Пара сапогъ, да денегъ рубль.

— Всякому свое дорого, такъ-то. Кабы это мы съ тобой вдвоемъ, такъ и слова нѣтъ... — заговорилъ Селифанъ,—а мы, говорю тебѣ, за него отвѣтственны, по совѣсти... А ты вотъ что, почтенный, съ Господомъ кончай...

— Ты посылай знай,—сказалъ обстоятельный водовозъ. — Обычаевъ намъ мѣнять нечего... Вотъ на столъ поставь имъ — и пусть стоитъ... Мы, братъ, не тронемъ, не опасайся... А все жъ оно вѣрнѣе.

Подрядчикъ на минуту задумался, покосился на Ерошку, засунулъ руку въ карманъ и вдругъ рѣшился.

— Ну, идеть, такъ идетъ! Только, чуръ, не обижать. Кому деньги?

— Давай, давай, я оборудую!.. Мигомъ!—предложилъ свои услуги Ѳедька.

Стали сговариваться объ условіяхъ. Начался неизбѣжный споръ. Меня всего болѣе удивляло то, съ какою настойчивостью и опасливостью отстаивала артель совсѣмъ чуждые ей Ерошкины интересы, между тѣмъ какъ послѣдній не только не принималъ рѣшительно никакого участія въ этомъ дѣлѣ, но смотрѣлъ такъ, какъ бы все это ни мало не касалось его. Да его, впрочемъ, никто ни о чемъ и не спрашивалъ.

Принесли четвертную и поставили на столъ; Ѳедька же принесъ изъ кабака перо и чернилъ. Я, какъ настоящій Lohnschreiber, положилъ предъ собою бумагу, написалъ на лоскуткѣ „пробу“ и сталъ ожидать. Дѣло предполагалось не особенно сложное и мудреное, судя по началу. А начало состояло въ томъ, что было поднесено по стакану водки: старшо́му, нанимателю и мнѣ. Старшо́й и наниматель перекрестились и выпили съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы все обошлось „согласно“. Нѣкоторые артельщики не безъ зависти поглядывали на запрещенную для нихъ четвертную, но „не покушались“, а только торопили дѣломъ.

И такъ, по началу, дѣло, казалось, пойдетъ ходко, легко,—такъ благодушно оно было, по выраженію водовозовъ, „смазано“. Но не такъ оказалось въ дѣйствительности. Почти каждый пунктъ контракта, написанный мною, былъ перечеркнутъ, потому что подвергался самымъ бурнымъ обсужденіямъ и исправленіямъ. Въ концѣ я уже не сталъ писать по первому слову Селифана или рядчика, а выжидалъ окончанія дебатовъ. Для примѣра, приведу хотя препирательства по пункту объ одеждѣ.

Контрактъ подвигался уже къ концу, какъ вдругъ подошелъ ко мнѣ „обстоятельный“ водовозъ.

— Постой-ка, братъ, — сказалъ онъ мнѣ.—Ну-ка, прочти вотъ тутъ... гдѣ у тебя? — показывалъ онъ мнѣ, деликатно водя пальцами поверхъ бумаги и пристально всматриваясь въ написанное, хотя самъ былъ неграмотенъ.

— О чемъ же тебѣ нужно?

— Ахъ ты, Господи! Все—задержка!—сокрушался рядчикъ. — Вѣдь, это когда же конецъ-то будетъ? Не радъ, что и связался. Вѣдь, у насъ время-то кипитъ. Не ждутъ насъ!

— Нѣтъ, ты погоди, — перебилъ его обстоятельный мужикъ.—Гдѣ тутъ у тебя объ одеждѣ-то прописано?

— Вотъ здѣсь.

— Ну-ка, прочти.

Я прочиталъ.

— Ну, такъ и есть! Полушубка-то и нѣтъ!.. Забыли... Развѣ можно, по зимнему времени, безъ полушубка?

— Да какой тебѣ еще полушубокъ?.. Что за моду выдумалъ? Чего лѣзешь? Надумалъ тамъ, сидя у печки!.. Еще чего придумай! Вѣдь, сказано: „въ надлежащей одеждѣ“... Ну? И притомъ, вѣдь, онъ въ полушубкѣ?

— Да, вѣдь, это полушубокъ-то какой! Вѣдь, это только слава, что полушубокъ, а имъ, ежели по-Божески говорить, такъ только на огородѣ воронъ пужать... Ты гляди—дырья-то!—горячился обстоятельный водовозъ, подходя къ Ѳедькѣ и тыкая пальцемъ въ дырья полушубка.

— Это точно. Нужно прописать,—замѣтилъ Селифанъ Абрамычъ.

— Вы всякую тряпку ужъ пропишите! Опучи тоже... полотняныя, молъ... перваго сорта,—иронизировалъ подрядчикъ.

— Полушубокъ, братъ, не портянка... Онъ, вотъ, шесть цѣлковыхъ стоитъ... Да!.. Нѣтъ, ты пропиши всѣмъ словомъ его, полушубокъ-то... Пиши-ка сначала... Вотъ что!—рѣшительно предлагалъ разсудительный артельщикъ.

— Да это долго ли же будетъ?—сердито спросилъ рядчикъ.

— Скоро-то, братъ, не бываетъ споро. Да. А мальчишкѣ тоже не по деревнѣ бѣгать въ дырьяхъ-то... Здѣсь, вѣдь, Питеръ,—вонъ оно что! Здѣсь въ одинъ конецъ пробѣжишь—и десять верстъ.

— А вотъ ты тутъ насчетъ бани-то прописалъ ли?—неожиданно спросилъ одинъ изъ артельщиковъ, почти не принимавшій никакого участія прежде.

— Тащи водку назадъ! Подавай деньги!—засуетился разсерженный въ конецъ подрядчикъ,—бери!.. Нѣтъ, съ вами тутъ нечего... Вотъ на *Сѣнной* бы *) намъ съ вами поговорить, такъ мы посмотрѣли бы, послушали... А то еще вы сыты... Съ жиру бѣситесь...

— Намъ торопиться нечего... Любо съ нами дѣло имѣть—возьми, не любо—какъ хочешь.

— Подавай рублевку!

— Послушай, милый человѣкъ... Полушубокъ-то, вѣдь, ты все едино далъ бы... Потому этотъ много что недѣлю на плечахъ продержится,—уговаривалъ Селифанъ Абрамычъ,—а голымъ ты его гонять тоже не станешь. Такъ ли я говорю?

— Нѣтъ, это, братъ... Да!.. Я думалъ, думалъ: а гдѣ, молъ, полушубокъ-то?... Анъ и забыли,—резонировалъ обстоятельный водовозъ.—Тутъ всякое дѣло нужно обдуманно... Чтобы какъ было обстоятельнѣе...

Рядчикъ подумалъ и кинулъ на лавку шапку.

— Пиши,—сказалъ онъ мнѣ сердито.

Артельщики подозрительно и боязливо заглянули въ сердито-хитрое лицо рядчика, какъ будто боялись, не заключаетъ ли такая сердитая рѣшимость съ его стороны какой-нибудь скрытой каверзы.

Я снова исправилъ пункты объ одеждѣ.

Такія препирательства, едва не кончавшіяся совершенною размолвкой, происходили не разъ во время писанія контракта.

Наконецъ, условіе написано начерно. Я переспросилъ, все ли они теперь обдумали, какъ нужно. Нѣкоторые, какъ замѣтно было по лицамъ, стали было опять вдумываться, но Селифанъ, Гаврило и рядчикъ окончательно рѣшили, что все „согласно“. Я принялся переписывать набѣло. Селифанъ и рядчикъ хлопнули по рукамъ; раздались восклицанія: „Ну, дай Богъ счастливо! Дай Богъ совѣтъ да любовь!.. Парнище онъ важный... По мастерству вашему ужъ онъ въ Москвѣ состоялъ... Только тебѣ его малую толику къ питерскому обычаю приспособить, и не увидишь, какъ мастеръ первый сортъ будетъ!...“ Селифанъ сталъ подносить всѣмъ артельщикамъ по стакану водки. Всѣ выпили.

— Ну, собирайся, Ерошка,—сказалъ Селифанъ.—Не горюй. Къ намъ, коли что, забѣгай...

— Не балуйся,—прибавили артельщики.

— Артель, мотри, не конфузь... Помни, мы за тебя поручаемся... Артель—дѣло великое. Артель нашу осрамишь—и въ деревню лучше не вертайся... Отъ отца-матери тогда откажись... Помни это крѣпко... Слышишь, что ли?

— Ладно. Что жъ,—сказалъ Ерошка, вскидывая за плечи мѣшокъ.

— И такъ, счастливо!

— Счастливо и вамъ. Будетъ парень хорошъ—не обидимъ,—раскланивался рядчикъ,—человѣкомъ сдѣлаемъ!.. Такимъ мастеромъ отъ насъ выйдетъ—въ вѣкъ не пропадетъ.

— И дай Господи! За васъ Бога въ деревнѣ помолятъ вотъ какъ... На это надѣйтесь.

*) Тамъ обыкновенно нанимаютъ рабочихъ.

Ерошка помолился въ передній уголъ, затѣмъ поклонился въ три пріема всей артели и сказалъ:

— За хлѣбъ, за соль благодарствуемъ, за неоставленье. Прощайте.

Ерошка все это продѣлалъ такъ степенно, какъ можетъ продѣлать только самый „обстоятельный" мужикъ. Простой народъ вообще любитъ, кажется, всякія незаурядныя явленія, каковы встрѣчи, проводы и проч., обставлять нѣкоторою степенностью, которой не измѣняютъ даже крестьянскіе ребятишки, такъ часто обреченные съ самыхъ малыхъ лѣтъ становиться на одну ногу съ старшими, подвергаться одному и тому же риску,—сгибнуть на заработкахъ, на длинной путинѣ.

— Ну, съ Господомъ!—провожали артельщики.—Артель, смотри, помни!

— Будемъ помнить.

Дѣло заключенія контракта кончилось. Гаврило сталъ собирать обѣдать. А вечеромъ Селифанъ Абрамычъ просилъ меня написать въ деревню, къ отцу Ерошки, обо всемъ дѣлѣ „обстоятельно" и приложить копію съ условія, „чтобы имъ тамъ, старикамъ, было безъ смущенья... Да и самихъ себя предъ ними оправить намъ надо... Они, вѣдь, на насъ тамъ крѣпко надѣются..."

Написаніемъ контракта и нѣсколькихъ писемъ въ деревни, которыя, скажу не безъ удовольствія, удостоились отъ всѣхъ самыхъ восторженныхъ похвалъ, я составилъ себѣ сразу репутацію въ артели, а это было для меня тѣмъ важнѣе, что мало-по-малу прекратились между мною и сю тяжелыя, натянутыя отношенія человѣка, забравшагося не въ свое мѣсто. Артельщики начали эксплуатировать мое „грамотное бездѣлье" самымъ добродушнымъ образомъ. Предлагая мнѣ взять на себя какое-нибудь дѣло, они всегда прибавляли: „Глянь, а отъ нечего дѣлать— и доброе дѣло сдѣлаешь, и копейку зашибешь... Такъ-то, почтенный!" А заключали такимъ образомъ, распивая послѣ какой-нибудь, исполненной мною коммиссіи бутылку пива, при чемъ присутствовали: я, отрекомендовавшій меня водовозъ и иногда тотъ, кого касалось самое дѣло.

— Ахъ, милый человѣкъ!.. Какъ Богъ-то, я все думаю,—благодушничалъ водовозъ.—Не было ничего, анъ, глядь, и съ выпивкой! Нѣтъ, у насъ ежели человѣкъ ученый да хорошій, никакъ не пропадетъ... Потому у насъ самихъ этихъ дѣлъ во всю жизнь не придѣлаешь.

А дѣлъ или, собственно, „порученій" отъ разныхъ „хорошихъ людей" у артельщиковъ было дѣйствительно много.

На слѣдующее же утро, часовъ въ пять, пришелъ какой-то рабочій и долго говорилъ съ Селифаномъ. По уходѣ его Селифанъ обратился къ артели:

— Эй, братцы!.. Нѣтъ ли у кого еще „больнишныхъ"? Не просилъ ли кто? Вотъ дуниковскіе принесли, просятъ сходить...

— Есть... У меня есть двое,—отозвался Прохоръ.

— Такъ давай... Вотъ кстати и попросимъ барина намъ эти недоимки очистить... Вамъ это, миленькій, будетъ въ пользу, потому они за благодарностью не постоятъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Дѣло это немудреное. Они—рабочіе всѣ, такъ срокъ имъ вышелъ больничныя деньги въ адресную вносить... Ну, и просили: потому имъ, ежели самимъ итти, терять день тоже убыточно...

— Вѣдь, тамъ, кажется, свидѣтельствуютъ всѣхъ—здоровы ли?

— Ну, это такъ!.. Ежели что, такъ можно тамъ столковаться... Ничего... Да они ужъ свидѣтельствованы.

Забравъ деньги и контрамарки, я отправился съ порученіемъ въ адресную экспедицію. Я проходилъ, однако, цѣлый день, и нельзя сказать, чтобы дѣло было легкое и „немудреное" — внести за полгода больничныя деньги, всего 60 копеекъ. Только теперь я понялъ, какъ тяжело и дорого могутъ обходиться рабочему человѣку всякія формальности. Можно сказать положительно, что „больничнаго сбора" съ петербургскаго рабочаго населенія сходитъ не 60 к. съ души (за полугодіе), а тратится безъ всякаго толку, пропадая безслѣдно, вдвое или даже втрое, если принять во вниманіе трату цѣлаго рабочаго дня или же трату за коммиссію, равную половинѣ дневной рабочей платы, да еще непремѣнно съ выпивкой по исполненіи коммиссіи, подачки писарямъ, а при этомъ цѣлый день безцѣльной толкотни на морозѣ или въ духотѣ, тянетъ въ кабакъ или трактиръ погрѣться, освѣжиться... И вотъ десятки тысячъ, въ каждое полугодіе, самыхъ кровныхъ, трудовыхъ грошей пролетаютъ въ трубу совершенно непроизводительнымъ образомъ и, что всего болѣе возмутительно, изъ-за стѣснительной и врядъ ли резонно оправдываемой, никому не нужной формальности.

Такъ было раньше, не знаю, какъ теперь. При такихъ-то порядкахъ артель водовозовъ была истиннымъ благодѣяніемъ для васильеостровскихъ рабочихъ, принимая на себя комиссію больничнаго взноса. Селифанъ Абрамычъ обыкновенно скапливалъ у себя нѣсколько контрамарокъ и затѣмъ отправлялъ съ ними въ экспедицію кого-нибудь изъ артели.

Я воротился въ артель уже часовъ въ 6 вечера.

II.

Артельный крестникъ.

Помню, на четвертый или пятый день моего пребыванія въ артели съ утра стояла порядочная погода, но къ вечеру пошелъ снѣгъ, загудѣлъ вѣтеръ. Артельщики обѣдали рано, потому что матка собиралась уйти по своимъ дѣламъ, какъ она говорила, а, кажется, больше по порученію Селифана, судя по случайно подслушанному мною между ними разговору наканунѣ. Я вышелъ изъ душнаго подвала на дворъ курить послѣ ужина и подышать свѣжимъ воздухомъ; слышу, въ сѣняхъ разговариваютъ.

— Вѣдь, ужъ она совсѣмъ, почесть, мертвая — что мощи, — говорилъ женскій голосъ.—Все одно, долго ли, коротко ли протянетъ, оттуда не выйдетъ больше, какъ на Митрофаньевское.

— Знаю. Самъ видѣлъ,—отвѣчалъ другой голосъ.

— Такъ что жъ даромъ-то мучиться!.. И меня тоже понапрасну гонять не къ чему... У нея еще отъ того разу осталось, почитай и не дотронулась до твоихъ гостинцевъ.

— Нѣтъ, ужъ ты, Афросинья Трофимовна, сходи... Сдѣлай милость.

— Я, пожалуй, схожу... Что жъ!.. Я, вѣдь, пожалуй... Развѣ я когда отказывалася?.. Что жъ мнѣ?..

— Да ты о чемъ же плачешь?.. Ахъ, Афросинья Трофимовна...

— Тебѣ это грѣхъ, кажись, Селифанъ Абрамычъ...

— Слушай, Афросинья Трофимовна... Я тебя изъ того уважаю, что ты мнѣ не отказывала — за ней ходила, полюбила ее... что ты сердобольная... Ежели жъ ты ей теперь смерти желать хочешь...

— Да рази я это говорю? — перебила Афросинья. — Я смерти никому не желаю... Пущай живетъ!..

— Ну, такъ... сама знаешь—нельзя... Ты меня не обижай... А завтра сходи...

Кто-то тяжело вздохнулъ и громко высморкался.

— Воля ваша, Селифанъ Абрамычъ.

— Полно!.. Сдѣлай милость, полно!.. Не смущай ты меня...

— Да, вѣдь, я ничего... Развѣ я смущаю?

Разговоръ сталъ продолжаться шопотомъ, потомъ кто-то опять вздохнулъ; затѣмъ хлопнула дверь—одна въ кухню, другая въ артельную комнату. Тайна Селифана Абрамыча, такимъ образомъ, мнѣ совсѣмъ открылась. Очевидно, разговоръ шелъ про лежавшую въ больницѣ дѣвушку, которая, по словамъ Афросиньи, была для Селифана „хотя совсѣмъ незаконная, а близкая“. Къ ней-то и отправилась матка послѣ обѣда, пока еще погода стояла ясная. Было пять часовъ вечера. Артельщики собрались уже всѣ дома, такъ какъ работать совсѣмъ было невозможно: вьюга разыгралась бѣдовая. Матка все еще не возвращалась. Турка съ Ѳедькой и еще два-три водовоза усѣлись на нарахъ играть въ три листика. Кто просто лежалъ, кто разговаривалъ. Обстоятельный водовозъ все зѣвалъ и крестился, сидя на лавкѣ; Гаврило разсматривалъ тщательно у огня полушубокъ и, конечно, никакъ не предполагалъ, что въ эту ночь суждено произойти исторіи, имѣвшей для него такое важное значеніе.

Я съ Селифаномъ пересыпалъ изъ пустого въ порожнее: разсказывалъ онъ мнѣ разные анекдоты о квартирныхъ хозяйкахъ-нѣмкахъ.

Вдругъ кто-то стукнулъ кухонною дверью.

— Матка, должно, пришла,—замѣтилъ кто-то.

— Наврядъ, парни... Она сначала сюда бы заглянула.

— Можетъ, занесло всю... Отряхнется—войдетъ.

Подождали, но никто не входилъ. Ѳедька пошелъ въ это время за дверь, и ему велѣли заглянуть на кухню.

— Братцы! тамъ у насъ гостья!—закричалъ онъ, вернувшись.—Турка, пойдемъ!

— Кто тамъ?

— Сонька пришла. Знаешь, что у косоглазой нѣмки Шриберши жила?

— Ну? Да зачѣмъ она, шельма, въ эдакую пору?

— Да пьяная она!... Страсть! Лыка не вяжетъ... Я ее опрашиваю—молчитъ, си-

дитъ на лавкѣ да качается... Я говорю: ты что такъ настегалась да сюда пришла? Молчитъ. Пойдемъ, Турка! Слышь! у нея, чать, деньги есть—угоститъ.

Игроки всѣ поднялись и пошли на кухню.

— Ахъ, охальники! Чтобы все гдѣ на даровщину лѣзутъ... Мало ихъ, околѣлыхъ, бьютъ дворники-то! — ворчалъ богобоязненный водовозъ, сидѣвшій у стола и тщательно разсматривавшій у свѣчи воротникъ синей рубахи.

Вбѣжалъ опять Ѳедька.

— Селифанъ Абрамычъ!—кричалъ онъ, размахивая руками,—бѣда!

— Что тамъ?

— Сонька-то, вѣдь, умирать пришла! Мы было, шутки для, поднесли ей огарокъ къ носу, а она блѣдная сидитъ, что твое полотно... Упокойникъ настоящій!

— Ахъ, она!... Что она надѣлала! Гдѣ мѣсто нашла! Вишь, до чего догулялась! Да и какъ ее бѣсъ сюда надоумилъ? Нарочно онъ на насъ это смущенье напущаетъ,—сокрушался богобоязненный мужикъ, свертывая бережно рубаху и засовывая въ свой сундукъ.

Селифанъ Абрамычъ, Гаврило и половина артели уже были на кухнѣ. Пошелъ и я.

На маткиной кровати сидѣла молодая дѣвушка, съ миловиднымъ, чистымъ лицомъ, въ короткой шубкѣ, съ бѣличьимъ воротникомъ; на голову накинута была у нея красная шаль, которую она старалась спустить на глаза и закрыть лицо. Дѣвушка судорожно хваталась тонкими пальцами, съ серебряными кольцами, за изголовье кровати. Артельщики смотрѣли на нее, разинувъ рты.

— Софья! да что съ тобой подѣлалось?—спрашивалъ Селифанъ.

— Гдѣ Афросинья?... Афросинья гдѣ?—шептала дѣвушка.

— Братцы! да она тяжелая! — крикнулъ Ѳедька. — Гляди-ко! Она рожать пришла.

— Чего ты орешь?—окрикнули его артельщики.

— Ахъ, шельма,—покачивалъ головой Прохоръ Иванычъ. — Ишь нагуляла, да въ артель на смущенье тащитъ... Нѣтъ у нея дома-то.

— И вѣрно, что нѣтъ. Кабы былъ, небойсь, въ экую мятель не побѣжала бы. Вѣдь, она у бралiанщика живетъ. Мастерская тамъ. А онъ — вдовый, ни одной бабы вокругъ нѣтъ... А она поди здѣсь одна одинешенька...

— Ну, вотъ тебѣ и поздравься!—сказалъ кто-то.

— Матки-то, на грѣхъ, нѣтъ.

— Тошно мнѣ, голубчики... тошно — шептала Софья.

— Братцы, уйдемъ... Чего мы ей глаза-то мозолимъ?... Тутъ мужикамъ быть не пристало.

— Совсѣмъ грѣхъ,—сказалъ Прохоръ и ушелъ.

— Да какъ уйти-то?... Везти скорѣй надо въ прiемный покой... Рази мы что можемъ въ этомъ дѣлѣ? Тутъ мы и совсѣмъ ума рѣшимся... Ну-у, оказія!

— Оставь ее, пусть здѣсь родитъ, — обрывисто сказалъ Гаврило.

— Ты, что ли, повивать будешь?

Гаврило молчалъ и упорно смотрѣлъ на Софью.

— А ежели бѣда какая будетъ? Ежели умретъ безъ помоги?—говорилъ Селифанъ.—Ѳедька, бѣги, ищи извозчика...

— А паспортъ у нея есть?

— Да развѣ ей въ умъ придетъ теперь паспортъ?... Эхъ, ты!... Объ этомъ думаютъ, когда ежели въ благополучіи, — замѣтилъ кто-то.

— Ну, безъ паспорта тамъ не примутъ. Я однова тоже возилъ было такъ-то въ родильную больницу сгоряча одну тоже дѣвку. Прiѣхали, спрашиваютъ: гдѣ паспортъ? Нечего дѣлать, посадилъ ее на приступочки у крылечка, а самъ бѣгомъ за паспортомъ...

— Нужно сбѣгать... Здѣсь недалеко.

— Я сбѣгаю, — сказалъ Гаврило и ушелъ.

Артельщики помолчали: стали думать, что бы такое предпринять, и ничего не придумали.

— И чудеса, братцы, какъ это народъ въ Питерѣ нарождается! — началъ было кто-то.

Но тутъ вошла матка.

— Матка, глядико-сь, что у насъ подѣлалось!—крикнули ей.—Диво!

— Вы что же тутъ, умники, лясы-то точите?—засуетилась матка, наскоро раздѣваясь и сразу понявъ, въ чемъ было дѣло.—Рады на женское дѣло глаза пялить?... Ступайте, ступайте!... Выбирайтесь вонъ! — толкала она водовозовъ въ широкія спины.

— Н-ну, бабы въ свои права вошли! Тутъ съ ними не сладишь,—шутили артельщики.

— Везти бы надо, — замѣтилъ Селифанъ.

— Чего тутъ везти! Нѣтъ вамъ тутъ дѣла!... Ступайте въ свое мѣсто, — прикрикнула на него матка и захлопнула дверь.

Селифанъ сконфузился.

— Не посмотрѣли, братъ, что старшой! Ха-ха! Тутъ, братъ, надъ ними въ эдакомъ разѣ одинъ Богъ старшой, — смѣялись надъ нимъ артельщики.—У нихъ ужъ тутъ царя нѣту!

Всѣ мы столпились въ первой артельной комнатѣ и чего-то ждали. Вошла съ засученными рукавами Афросинья Трофимовна; лицо ея было степенно; взглядъ серьезенъ; щеки раскраснѣлись; во всей ея фигурѣ было что-то внушительное и торжественное.

— Почтенные,—обратилась она,—потрудились бы вы кто ни то—сходили въ трактиръ за теплою водой... Хоть полведра бы взяли...

— А везти-то?

— А везти теперь некуда... Везти если—на дорогѣ Господь захватитъ... Ужъ ей судьба васъ осчастливить...

— Истинно, невидимо Господь награждаетъ!—вздохнулъ кто-то.

— Селифанъ Абрамычъ, давай я схожу,—сказалъ Ѳедька.

— Ты? А наболтаешь тамъ?

— Дай, дай ему!... Вишь, онъ подслужиться хочетъ.

Ѳедькѣ, дѣйствительно, хотѣлось чѣмъ нибудь услужить и, въ то же время, чего-то совѣстно было.

— Матка,—проговорилъ въ это время изъ другой комнаты больной старикъ-водовозъ,—подь-ка сюда на минутку.

Матка вошла. Старикъ копался у себя въ коробкѣ подъ лавкой.

— На-ко, зажги тамъ къ образу... у роженицы-то, — сказалъ онъ, протягивая ей дрожащею рукой огарокъ пятачковой восковой свѣчи, — легче будетъ... Это крещенская... Еще отъ Крещенья осталась... Можетъ, умолитъ за насъ ребячья душа!...

— Спасибо, Сафронъ Тихонычъ... Богъ тебя за это не оставитъ.

Матка перекрестилась.

— Ну, хорошо... Ей бы легче было... Подсади-ко меня.

Старикъ, крестясь и охая, улегся опять.

Матка ушла. Скоро вернулся Гаврило.

— Опоздалъ?—спросилъ онъ, отряхая съ себя хлопья снѣга.

— Опоздалъ.

— Такъ и есть!... Ахъ, черти!... Искалъ-искалъ ихъ, околѣлыхъ, смучился... А они всѣ, съ хозяиномъ-то, въ портерной сидятъ, пиво пьютъ... Еще не давалъ: „ты, говоритъ, кто такой?“... Говоритъ, „надо мастерскую осмотрѣть... У меня вездѣ золото... Можетъ, она скрыться хочетъ“... Увезли?...

— Нѣту. Тебя на новой матка ждетъ.

Гаврило не обратилъ вниманія на шутку, ушелъ въ сѣни и сталъ прислушиваться.

Прошелъ часъ, а въ артели было тихо. Хотѣла было молодежь отъ скуки затѣять опять игру въ три листика, но ее разогналъ богобоязненный Прохоръ Иванычъ. Разговаривали больше, но разговаривали не громко, что, казалось, было для водовозовъ не легко, по привычкѣ давать своему горлу полную свободу. Разсказывали приличные настоящему моменту случаи изъ деревенской жизни: о родахъ на жнитвѣ, на покосѣ; о деревенскихъ повитухахъ, какъ они „робятъ вытряхиваютъ“, ежели трудные роды бываютъ; о примѣтахъ, относящихся къ родамъ; даже пускались въ философствованіе насчетъ сущности младенческой души и доказывали, что она—„паръ“. Вообще вели самую солидную бесѣду. Только Гаврило, съ обычною угрюмостью, которая, впрочемъ, теперь приняла какой-то безпокойный характеръ, часто выходилъ за дверь и все прислушивался.

Вдругъ раздались за стѣной стоны.

— Молись, братцы,—вскричалъ, вбѣгая, Гаврило.—Должно, самое это время...

Онъ былъ блѣденъ и остановился въ дверяхъ.

— Да не Гаврило ли это, братцы, родитъ?—полюбопытствовалъ было Ѳедька.

— Молчи, оглашенный!—прикрикнулъ на него Прохоръ Иванычъ.

— Дай Богъ благополучно! — проговорили артельщики и многіе перекрестились. Гаврило стоялъ въ дверяхъ и слушалъ.

Время тянулось. Многіе начинали зѣвать, а изъ кухни никакихъ вѣстей не было.

— Ну, нынче, почтенные, ужъ безъ ужина побудемъ... Для Бога потерпѣть можно,—сказалъ Селифанъ.

— Что жъ! Это, братъ, всегда такъ бываетъ: коли баба родитъ, мужикъ безъ хлебова сидитъ; тутъ ужъ мужику такая линія.

— Пойдемъ въ молочную. Чего ни то въ сухомятку пожуемъ. А они пущай тутъ родятъ.

— Да, для ради прибыли-то можно бы и выпить по стаканчику всею артелью,— замѣтили нѣкоторые,—ради, то-есть, проздравки... Право!.. Вѣдь, у насъ родины-то не вчастую!

— Что жъ, выпить такъ выпить!.. Оно же и хлебова-то по этому случаю нѣтъ. Возьмемъ четвертуху.

— Ладно. Такъ, такъ-такъ. А только ежели будутъ въ кабакѣ допрашивать, что у насъ за праздникъ,—говорилъ Селифанъ Абрамычъ,—скажи, братецъ, что находку нашли.

Артельщики ушли въ кабакъ. Остались я и Гаврило. Я легъ и скоро заснулъ. На утро, по обыкновенію, я уже не засталъ водовозовъ. Только Прохоръ Иванычъ копался у своего сундука и что-то ворчалъ на стоящаго близъ него Гаврилу.

— Десять цѣлковыхъ—и бери сибирку,—говорилъ Гаврило.

Прохоръ кряхтѣлъ.

— Дашь, что ли? Такъ не томи.

— Да на кой тебѣ грѣхъ столько денегъ попадобилось?.. Ахъ ты, Боже мой! Вѣдь, это—какая махина деньжищевъ... Десять цѣлковыхъ! Вѣдь, это для мужика...

— Ну, растобарывай!.. Дашь, говорятъ, али нѣтъ?

— Совсѣмъ я разорюсь!—сокрушался Прохоръ.—Ей Богу! И зачѣмъ это тебѣ?

Гаврило плюнулъ и хотѣлъ уйти.

— Ну, ну... На. Да только чтобы мнѣ рубль лишку... Слышишь?

Прохоръ подалъ Гаврилѣ засаленныя бумажки. Гаврило схватилъ и, не считая, пошелъ къ двери.

— Постойка-сь, посчитаемъ еще,— крикнулъ ему Прохоръ. Но Гаврило уже вышелъ.

— Экій прыткій!.. Прытокъ больно... Какія деньжищи — и безъ счету! Того гляди, парень обманетъ... Больно ужъ народъ нынче на деньгу смотритъ. Разоритъ, гляди того, совсѣмъ разоритъ,— ворчалъ артельный ростовщикъ. — Ахъ, Господи! И зачѣмъ я ему далъ?.. И къ чему вдругъ такую махину ему?

Прохоръ Иванычъ былъ истый русскій ростовщикъ — ростовщикъ „богобоязненный“, такъ сказать: первое дѣло — онъ никогда не пользуется тяжелымъ положеніемъ ближняго, не эксплуатируетъ легковѣріе загулявшаго малаго, но, напротивъ, любитъ прочитать ему мораль, наставить на путь истинный и вообще любитъ, чтобы его деньги шли „на пользу“, и приходилъ въ большое неудовольствіе, когда его годами скопленные гроши растрачивались кѣмъ-либо самымъ возмутительно-легковѣрнымъ образомъ, какъ, напримѣръ, Ѳедькой на папиросы и пиво или Туркой—на украшеніе своего туалета или на угощеніе прекраснаго пола; второе дѣло—проценты онъ бралъ не „по-жидовски“, а „по-Божески, по чести-совѣсти“, хотя и нельзя сказать, чтобы маленькіе,—„по-человѣчески“.

Выйдя въ сѣни, я встрѣтилъ матку и узналъ, что „Господь благополучно разрѣшилъ паренькомъ“; что она теперь пригласила къ себѣ на подмогу товарку; что роженица, хотя и встанетъ къ вечеру, но все еще слаба, и что никакъ она не пойметъ, что такое съ Гаврилой дѣлается.

Когда къ обѣду собралась артель, вошла матка съ завернутымъ въ сарафанъ новорожденнымъ на рукахъ; ей, видимо, хотѣлось его показать артельщикамъ, такъ какъ на кухню никого не допускали. При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ артельныхъ и, кажется, въ особенности Прохоръ, поговаривали о томъ, что нужно бы въ кухню попа позвать съ кропиломъ; что обѣдъ готовить въ кухнѣ теперь не годится, что кухня теперь опоганилась. Прохоръ былъ отчасти раскольникъ. Афросинья Трофимовна, дѣйствительно, не варила сегодня обѣда, но, кажется, не по этимъ соображеніямъ, а потому, что было совершенно некогда.

— Ну, вотъ и артельный крестникъ!— говорили артельщики.

Всѣ они столпились около матки, почесывали самодовольно лохматки, поглаживали бороды и, широко осклабляясь, заглядывали въ лицо красной, безтолково глядѣвшей фигурки.

— Какой здоровякъ, братцы!.. Недаромъ въ артели родился...

— Жалко, отца нѣтъ. Сгинетъ.

— Я такъ думаю — быть ему водовозомъ!

— Счастіе не велико!

— И то еще слава Богу скажи!.. Пять разъ помретъ до того... Вѣдь, ему шпитомцемъ быть...

— Конечно, ему въ шпитательный... Это ужъ такъ!

— Ну, а что мать? Здорова?

— Поправится скоро. Дѣвка крѣпкая.

— Ну, ну!.. Ты ей тамъ чаю завари... Ситнаго возьми,— наказывалъ Селифанъ Абрамычъ. — А мы теперь пойдемъ ужъ въ харчевню обѣдать...

— Ну, братцы, теперь лучше въ кабакъ не ходи—сраму изъ-за него не оберешься, задразнятъ,—махнулъ рукой Ѳедька.

— Тебя и задразнишь!.. Того и смотри.

— Насъ-то — плевать,— заявилъ кто-то,—ты вотъ что подумай: дѣвкѣ-то проходу не дадутъ эти оглашенные фабричные... Артельная жена—только и словъ будетъ... Бѣда они востры на языкъ!

— Вы ужъ поосторожнѣй насчетъ всего этого... Держи въ секретѣ.

Какой-то бородатый водовозъ захотѣлъ поближе вглядѣться въ ребенка и осторожно отворотилъ корявымъ пальцемъ уголъ одѣяла съ его лица. Ребенокъ закричалъ.

— Экъ напужалъ его бородищей-то!.. Уставилъ свою-то лопату!—крикнули водовозы.—Вишь, еще онъ не присмотрѣлся къ нашему-то обличію.

Водовозъ сконфузился и отошелъ.

— Ну, что жъ! Живи, мальчуга, живи,— заключили водовозы. — Живы будемъ — не забудемъ, коли Богъ дастъ встрѣтиться.

— Ну, это—наврядъ!

А на другое утро, когда артель ушла на работу, я увидѣлъ въ окно, какъ къ воротамъ подъѣхалъ на извозчичьихъ санкахъ Гаврило. Онъ какъ-то особенно торопливо спрыгнулъ съ нихъ, оглянулся по сторонамъ и пошелъ во дворъ; затѣмъ вошелъ въ квартиру, оглянулъ ее всю, мелькомъ посмотрѣлъ на меня, ничего не сказалъ и вышелъ; въ немъ замѣчалось что-то порывистое и, въ то же время, опасливое. Я продолжалъ смотрѣть въ окно. Прошло минутъ десять. Смотрю, отъ воротъ къ санкамъ матка вела подъ руку роженицу; стала усаживать; за ними подошелъ Гаврило, держа бережно на своихъ могучихъ рукахъ что-то завернутое въ старый нагольный полушубокъ. Онъ озирался по сторонамъ; вдругъ изъ полушубка раздался плачъ; Гаврило какъ будто растерялся на минуту, но тотчасъ же сѣлъ въ сани рядомъ съ Софьей и извозчикъ задергалъ вожжами. Матка стояла у воротъ и крестилась.

Я заключилъ, что новорожденнаго отправляли въ воспитательный домъ; но странное поведеніе во всей этой „артельной комиссіи“ Гаврилы, его необычайно-напряженное состояніе я не могъ себѣ объяснить и пошелъ на кухню.

— Отправили?—заговорилъ я съ маткой.

— Отправили.

— Куда же? Въ воспитательный?

— Артель больше нельзя стѣснять, — уклончиво отвѣчала матка,—артель—не одинъ человѣкъ.

— А что же Гаврило?.. Разузнали вы теперь, изъ чего онъ безпокоился?

— Что жъ, дѣло это его... До его души относится... Намъ мѣшать не пристало.

Очевидно, матка не желала быть откровенной, и я больше не разспрашивалъ. Артельщики знали, кажется, относительно этого пункта немного больше меня, но они догадывались, въ чемъ могло быть дѣло, и не говорили о немъ. Я обратился къ Селифану Абрамычу.

— Всяко въ жизни, милый человѣкъ, случается, — сказалъ онъ мнѣ, улыбаясь.—У насъ, мужиковъ, никакъ впередъ не разочтешь, что будетъ. Мы подъ Богомъ ходимъ.

— А что же случилось?

— Совсѣмъ дѣло простое. Стали мы вчера, я, матка да Софья, разговаривать въ кухнѣ, куда теперь ребенка дѣвать... Извѣстно, такимъ ребятамъ одна линія— въ воспитательный... Софья на рукахъ мальца-то держала, качала-качала, да вдругъ и расплакалась... Утѣшаемъ мы ее, и не слышимъ, что Гаврило-то въ дверяхъ въ потемкахъ стоитъ, смотритъ да слушаетъ... „Что плакать,—говорю я Софьѣ,—дѣлать нечего... Покориться надо—дѣло наше такое... Гдѣ тебѣ прокормиться съ ребенкомъ? Куда тебя пустятъ?“ Софья еще пуще залилась: тихо плачетъ, а у самой такъ грудь и поднимается... Извѣстно отъ слабости... ну, и жалко, тоже — мать... „Не плачь,— вдругъ подошелъ тутъ Гаврило, — пойдемъ ко мнѣ на фатеру... Корми ребенка“... Сонька такъ и встрепенулась, обрадовалась... Ну, знамо она теперь въ такомъ положеніи... Притомъ же и Гаврилу она прежде знала... Слышимъ, а у него ужъ и комнатка гдѣ-то нанята.

Мы ужинали, какъ пришла въ артель больная жена Гаврилы, помолилась, вглядѣлась въ сидѣвшихъ за столомъ и спросила:

— А Гаврилы Иваныча, должно, нѣту?
— Нужно такъ полагать,—отвѣчалъ Прохоръ Иванычъ.
— Гдѣ же онъ?
— Гдѣ ни-то, да есть.
— Присѣсть, подождать развѣ?
— Присядь, ничего... Отдохни.
Жена Гаврилы присѣла у двери. Молчали. Артель почему-то чувствовала себя неловко. Молчалъ и Селифанъ Абрамычъ и только какъ-то усиленно хлебалъ.
— А скоро онъ придетъ?... Недосугъ мнѣ очень.
— А этого мы доподлинно не знаемъ,—отвѣчалъ все Прохоръ.
— Не случилось ли чего?—догадывалась женщина.
— А вотъ что тебѣ, милая, сказать: онъ ужъ у насъ, Гаврило-то, больше не жительствуетъ,—какъ-то внезапно рѣшившись, вдругъ сказалъ Селифанъ, положивъ ложку.
— Что жъ такъ?
— А ужъ это такъ Богу угодно, чтобы ему жить на фатерѣ.
— Фатерку онъ себѣ прінскалъ, потому шпитомца онъ себѣ взялъ, съ матерью, на вскормленье... Вишь, дѣло-то выходило очень душевное... Ну, и для Бога-то очень хорошее!... Ничего тутъ дурного нѣтъ... даже, то-есть, очень хорошее дѣло... Будь спокойна.
Но женщина, казалось, поняла все. Она плакала.
— Да рази я виновата?—выговаривала она, плача.
— Нужно полагать, виноватаго тутъ не сыщешь.
— Рази я виновата... что я—больная... что мы въ разореньи?... Я и такъ Бога молила, чтобы дѣтей не давалъ... Куда намъ съ ними въ такомъ положеніи?
— Убиваться не надо... Можетъ, къ лучшему все... Право! Господь-то, Онъ, вѣдь, невидимо... Можетъ, и сойдетъ съ него черезъ этого самаго паренька дикость-то его... Вишь онъ какой у тебя сталъ... Инда страшно было!... Вы, милая, не горюйте очень-то... Любящій онъ всегда былъ, а теперь, такъ думать нужно, ему цѣны не будетъ... Сами вы на него не нарадуетесь!
— Чѣмъ же я-то виновата?—всхлипывала женщина.
— И опять скажу: цѣны вашему супругу не будетъ. Будьте, милая, въ надеждѣ. Это, вѣдь, Богъ-то все недаромъ. Такъ ли?—обратился Селифанъ за поддержкой къ артели.
— Конечно, недаромъ.
— Онъ все, чтобы какъ на пользу намъ, дуракамъ,—поддерживала артель.
Жена Гаврилы вдругъ утерла глаза, поднялась, спросила, гдѣ новая квартира Гаврилы и, попрощавшись, тихо вышла.

III.

Именины.

Слѣдующій день сдѣлался неожиданно послѣднимъ днемъ моего пребыванія въ артели. Въ этотъ же день артель праздновала именины. Именинникъ былъ Турка. Справивъ дѣла по своимъ „нумерамъ" (т.-е. домамъ и квартирамъ), Турка рано вернулся на квартиру и сталъ обряжаться. Онъ надѣлъ новые плисовые штаны, смазные сапоги, красную рубаху и бархатную жилетку, по которой распустилъ, взятую на прокатъ у Прохора, часовую цѣпочку; волосы намазалъ помадой, хранившейся у него въ сундучкѣ, и, довольный, отправился въ ближнюю церковь. Вернулся онъ часамъ къ 11-ти, нѣсколько навеселѣ.
— Ну, что, Турка, много наславилъ?—спросили его завтракавшіе артельщики.
Турка молча разсыпалъ по столу мелкую, мѣдную и серебряную, монету, которую насбиралъ онъ, ради именинъ, отъ квартирныхъ хозяекъ и домовладѣльцевъ.
— Стóитъ говорить!—процѣдилъ Турка.—Ежели бы... я стыда бы не взялъ шляться по лѣстницамъ!...
— А ты не брыкай,—замѣтилъ сердито Прохоръ,—молодъ еще. Вѣдь, это монета царская... Смотри, братъ, обидишь ее, послѣ и захочешь, такъ въ карманъ не зазовешь... Ее, братъ, уважь.
— Карманъ только протрешь.
— А ты брось,—сердито предлагалъ Прохоръ.
— Бросить,—не брошу, а пропить—пропью.
— И пропей!
— И пропью.
— Такъ... А тутъ для васъ сберегай, дрожи... „Прохоръ да Прохоръ, дай денегъ"... А небось артельнымъ жидомъ прозвать—ваше дѣло... Еще вотъ какъ изъ-за васъ Богу придется отвѣчать!
— На то ты и закладчикъ.
— На то... Ишь ты!... Подбери деньги-то, оглашенный!... Тоска смотрѣть!...

— Да еще вотъ и подобрать некуда... Кошелька не соберешься на эти капиталы купить.

Я воспользовался этимъ заявленіемъ и задумалъ закупить расположеніе къ себѣ Турки. Зная его щепетильный характеръ, я выждалъ, когда онъ выйдетъ. На правахъ именинника, Турка не счелъ нужнымъ итти болѣе на работу. По уходѣ товарищей онъ усѣлся у воротъ на скамейкѣ, растопырилъ ноги и вынулъ изъ кармана штановъ маленькую засаленную книжку, какой-то плохой пѣсенникъ. Едва я подошелъ, онъ, по обыкновенію, тотчасъ спряталъ книгу и отвернулся въ сторону. Я поздравилъ его съ ангеломъ и попросилъ принять отъ меня подарокъ— старенькое портмонэ. Турка вдругъ переконфузился, не смотря, сунулъ подарокъ въ карманъ и сказалъ мнѣ въ полоборота:

— Пива хочете?

Мы пошли въ портерную, сѣли за столъ и разговорились; но Турка говорилъ туго, обрывисто; велъ онъ себя какъ-то вычурно-небрежно и гордо: нехотя лилъ пиво въ стаканы, толкалъ бутылки, кидалъ на полъ пробки и подкидывалъ въ ротъ ржаные насоленные сухари.

— Я замѣчаю, что вы—какой-то недовольный?—спросилъ я.

— Нечѣмъ.

— Что же такъ?

— Какая же въ артели жизнь? Это— такъ... единственно пустое препровожденіе времени.

— Отчего же?

— Первое дѣло—артели эти хотя и въ столицѣ живутъ, а обычаевъ держатся крестьянскихъ; ежели насчетъ примѣру—ничего такого нѣту. Второе дѣло—ничего нельзя въ предметѣ имѣть.

— То-есть какъ же?

— А такъ: водовозъ есть—водовозомъ и помрешь... Какое можетъ быть повышеніе?

— А если не отъ артели?

— Это—другое дѣло. Тутъ съ главнымъ дворникомъ всегда можно быть въ расположеніи. Научаешься отъ него... Ну, и хозяинъ тебя видитъ, полиція тоже присматривается... Можно въ помощники попасть; а тамъ и самому въ дворники... а послѣ...

Турка замолчалъ.

— Что же послѣ?

— Послѣ? Послѣ можно и сюртукъ... Послѣ въ управляющіе...

— Вотъ вы куда мѣтите!

— Пока, ежели я трусь въ артели, все это—однѣ только пустыя мысли.

— Что же васъ держитъ въ артели?

— Мѣста по насъ еще не имѣется. Найдемъ—уйдемъ... Ивану Павлычу почтеніе-съ!—сказалъ онъ вошедшему околоточному, толстому, высокому и почтенному полицейскому.

— Вишь, ты, братъ, какъ нынче... съ благородными сидишь... и спину не ломаешь...

— Я нынче именинникъ-съ...

— Ну, развѣ что...

— Не желаете ли въ биксу... на полдюжинки?

— Или насбиралъ кошель-то?

— На насъ хватитъ.

— А хватитъ, такъ сперва угощай, какъ подобаетъ начальству... Потомъ ужъ мы увидимъ, стану ли я съ водовозомъ въ биксу играть.

— Да вы не чинитесь. Мы политику знаемъ.

— Ну, ну. Не разсказывай сороку Якова про всякаго... Что это, я вамъ скажу... Извините! — обратился почтенный полисменъ ко мнѣ.

— Садитесь, сдѣлайте милость.

— Что это, я вамъ скажу, за народъ эта деревенщина, въ особенности молодая... Вотъ хоть бы теперь возьмите этого молодца: что два года тому назадъ— что теперь... Даже узнать нельзя!... Деревня былъ, чистая деревня, а теперь въ немъ этого форсу... даже обидно становится!... Придутъ они къ намъ артелью, въ полушубкахъ бараньихъ, въ лаптяхъ... одно слово—деревенщина... Ну, сначала и Бога помнитъ, черную работу дѣлаетъ, послушенъ, свой обычай хранитъ, все какъ слѣдуетъ... А обосновался ежели здѣсь—бѣда!... Сейчасъ это насчетъ цивилизаціи какъ бы...

— Что же, это хорошо.

— Гм!— промычалъ онъ глубокомысленно и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Ставь, что ли, чортова голова!— прибавилъ почтенный полисменъ, дружески ударивъ Турку ладонью вдоль спины.

Они подошли къ биксѣ и принялись играть. Турка держалъ себя съ достоинствомъ. Околоточный постоянно обижался и за каждымъ ударомъ награждалъ Турку какимъ-нибудь обидливымъ прозвищемъ. Турка отмалчивался и не обращалъ на это, повидимому, никакого вниманія. Я скоро ушелъ.

До вечера я проходилъ по своимъ дѣламъ, а когда вернулся, именины въ артели уже были въ полъ-пирѣ. Празднованіе шло чинно, степенно, солидно. Въ немъ принимали главное участіе только гости-знакомые Турки, два дворника, одинъ лавочникъ и приказчикъ, троюродные его дядья, съ женами, и почетныя лица артели: Селифанъ Абрамычъ, Прохоръ и обстоятельный водовозъ. Всѣ они сидѣли вкругъ стола, въ первой артельной комнатѣ: на первомъ мѣстѣ—дворники и дядья, далѣе — ихъ жены и, наконецъ, свои, по-домашнему. Артель же толпилась по нарамъ въ другой комнатѣ; одни играли въ стуколку, другіе просто лежали. Ѳедька „баловался“ съ Полкашкой и артельнымъ Васькой, подымалъ возню, пискъ, лай, за что и получалъ постоянныя острастки и колотушки въ спину; нѣкоторые же выходили „къ имениннику“, садились на лавку, вдали отъ стола, на которой помѣщался скрипачъ, съ подбитымъ глазомъ, въ разодранномъ сюртукѣ, Богъ-вѣсть гдѣ добытый Туркой, и слушали степенную бесѣду. На столѣ, предъ гостями, стояла четвертная водки и бутылка наливки или вина, лежала нарѣзанная тонкими ломтиками вареная колбаса, чашка огурцовъ и коровай хлѣба. Турка угощалъ, и когда я вошелъ, онъ пригласилъ меня „за компанію“ въ передній уголъ; на мой отказъ забираться въ почетные гости онъ вдругъ замѣтилъ:

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста. Мы вами дорожимъ.

Я залѣзъ за одного изъ дворниковъ, солиднаго и знавшаго себѣ цѣну мужика, и очутился между нимъ и толстою бабой-лавочницей; отъ бабы несло потомъ, а отъ дворника жаромъ и какимъ-то неопредѣлимымъ букетомъ. Дворникъ меня особымъ вниманіемъ не удостоилъ. Началось снова угощеніе. Турка началъ съ меня, по порядку. Каждый стаканъ выпивался не вдругъ, съ отказами, проволочками. Бабы, напримѣръ, сначала „пригубливали“, затѣмъ выпивали полстакана, и уже на третью или четвертую просьбу заканчивали, конфузясь, все. Дворникъ пилъ одну мушкатель, а водкой его, все-таки, потчивали. Угостивъ сидѣвшихъ за столомъ, Турка бралъ въ руки четвертную и отправлялся угощать артель „по обычаю“. Артельщики или молча раскланивались, принимая стаканъ, или поздравляли, или просто крякали, выпивали и затѣмъ смиренно подходили къ столу, издалека деликатно стаскивали съ тарелки тоненькіе ломтики колбаски, нюхали, закусывали и отправлялись восвояси. Туркѣ участвовать въ бесѣдѣ не было никакой возможности. Едва онъ подносилъ стаканъ послѣднему — музыканту, первые выпившіе начинали уже скучать; требовалось начинать новый кругъ подношеній, потчиваній.

Между почетными гостями велась бесѣда о преимуществахъ булыжной и асфальтовой мостовой. Первенствовалъ въ ней мой сосѣдъ, дворникъ-аристократъ.

— Въ мостовой отличительно нужно знать,—поучалъ онъ,—первымъ дѣломъ, касательно копыта... чтобы, то-ись, ему устой былъ...

— Устой, это вѣрно,—отзывались слушатели.

— Устой былъ. Второе дѣло — чтобы сшибки подковѣ не было... А притомъ—упругость.

— Вотъ-вотъ! Это вы самое такъ точно — упругость! Упругость главное,—восторгался лавочникъ, откидываясь назадъ и потомъ опять смотря въ глаза дворнику.

— Тутъ уже и такой матеріалъ производится: примѣрно, торецъ, али бы заливка... Все къ своему мѣсту приспособлено... Такъ ли?

— Это что говорить!

— Н-да. Хоша бы теперь возьмемъ, ежели бы кто захотѣлъ у себя изъ самоцвѣтъ-камня мостовую предъ окнами намостить...

— Ну ужъ!.. Вы!—замѣтила гостья, моя сосѣдка.

— Нѣтъ. Отчего же? Ежели теперь графъ какой... хоть, примѣрно, Штенбоки, али Демидовы... Имъ это можно. У нихъ теперь этого самоцвѣтъ-камня цѣлыя горы. Человѣкъ ихъ мнѣ ящички показывалъ, футлярчики, папиросницы (все — дареные ему), и все изъ камней склеены, все самоцвѣтъ!

— Т-съ!—удивлялись гости.—Ну, коли такъ—отчего жъ! Можно!

— Ну и что жъ, они эти горы копаютъ, али такъ, по камешкамъ собираютъ?—любопытствовали дамы.

— Оставь. Погоди. И чего ты лѣзешь не въ свое мѣсто?—остановилъ лавочникъ свою супругу.—Тутъ у насъ разговоръ, можно сказать, по инженерной части, а она... Такъ, вотъ, вы сказали, что ежели бы изъ самоцвѣту... Нужно полагать, красиво было бы?

— Дрянь вышло бы... Самое пустое дѣло.

— Что такъ-съ?

— А вотъ и подумаете.

Всѣ начинаютъ думать.

— Петръ Иванычъ! дай, что ли, мушкатель-то! — кричалъ, между тѣмъ, задавшій задачу дворникъ Туркѣ.—Куда жъ ты, братецъ, ушелъ?.. Еще именинникъ! Ты, по настоящему, съ нами бесѣду веди... У насъ разговоръ хорошій...

— Вѣдь, я знаю, Сафронъ Петровичъ, что у васъ пустяковъ въ разговорѣ не будетъ, — откликался Турка, торопя артельщиковъ выпивкой.—Да, вѣдь, вотъ, какъ же-съ?.. Артель у насъ. Выкушайте!—потчивалъ онъ дворника.

Дворникъ выпилъ и потомъ спросилъ, обведя всѣхъ глазами:

— Не догадались?

— Да, вѣдь, гдѣ жъ! Это, ежели кто съ инженерами знается, — замѣтилъ лавочникъ.

— А навозъ-то вы и забыли? Ха-ха! Вѣдь, на мостовой навозъ предполагается!—засмѣялся, торжествуя, дворникъ.

Гостьи сконфузились, а мужчины захохотали.

— Наше-то званіе и забыли! — замѣтилъ обстоятельный водовозъ, — а оно тоже, отъ Господа, свое мѣсто имѣетъ...

— Это что говорить! Какъ кому положено... Его не уничтожишь!..

— Это вы объ чемъ?—спросилъ Турка, присаживаясь къ столу.

— А мы, братъ, вотъ насчетъ вашего званія.

— Что наше званіе! И охота вамъ!

— И точно... Совсѣмъ, братъ Петя, не пойму... Ей-Богу! Какъ это тебѣ, то-ись, при твоемъ, можно сказать, умѣ, при грамотности,—говоритъ лавочникъ,— и въ эдакомъ занятіи состоять!

— Радъ бы... Вотъ на Сафрона Петровича вся мечта.

— Я, братъ, что жъ... Изволь... Какъ вотъ хозяинъ пріѣдетъ... Изволь... Ты мужикъ чистый... Ну, и съ понятіемъ... Тебя взять можно... Зачѣмъ же тебѣ въ молодости въ артели пропадать?.. Такъ ли, Селифанъ Абрамычъ?—говорилъ дворникъ, знавшій себѣ цѣну.

— Парню этому здѣсь ли быть! Ему, конечно, артель тягостна...

— Артель—дѣло подневольное и опять же мужицкое... Вотъ, хотя, примѣрно, имъ,—показалъ на меня дворникъ,—развѣ имъ можно въ артели обосноваться?

— Отчего же?—спросилъ я.

— Да какая же вамъ тогда цѣна будетъ? Цѣны вамъ никакой не будетъ. Вы ужъ ежели насчетъ чего благороднаго тутъ приспособленья не сдѣлаете...

— Это что говорить! Пустые разговоры,—замѣтилъ другой дворникъ.—Вели что ли, Петя, музыканить.

— Григорій! начинай!

Музыкантъ отхаркнулся, плюнулъ въ кулакъ, какъ-то особенно выворотилъ подбитый глазъ и запилилъ.

— Нѣту, не эту! Ну тебя ко псу! И такъ тоска... Вали веселѣе, — приказывалъ все тотъ же дворникъ, чиномъ поменьше, уже значительно повеселѣвшій.

Музыкантъ перетянулъ струны и началъ польку.

— Важно теперь! Заяривай!

Разговоры прекратились и всѣ стали слушать.

За дверью послышались возня и смѣхъ.

— Петръ Ивановичъ! пригласи послушать!—раздался звонкій голосъ въ полуотворенную дверь; за дверью опять засмѣялись. Турка вышелъ сконфуженный на голосъ и скоро вернулся.

— Ты что жъ?—сказалъ дворникъ-аристократъ.—Пусть! Ничего!

— Не полагается.

— Пущай! Я, братъ, даромъ, что дядя, — не взыщу. Сами, бывало, любили эту дрянь,—говорилъ лавочникъ.

— Нѣтъ, не полагается... Зачѣмъ баловаться?.. Мы въ артели.

— Полно врать!.. Селифанъ Абрамычъ! вѣдь, вретъ онъ?

— Это точно, не въ обычаѣ, — отвѣтилъ Селифанъ.

— Нѣтъ, ужъ мы послѣ... Вотъ какъ на своей обставкѣ будемъ, а? — шутилъ дворникъ.—Тогда можно свободно этимъ дѣломъ заняться...

— Своя обставка—первое дѣло!—подхватилъ лавочникъ.—Тутъ тебя никто не стѣснитъ... Насчетъ всякаго безобразія самъ себѣ владыка!

Послушавъ немного музыки, гостьи поднялись и стали прощаться. Турка ихъ останавливалъ.

— Не трожь идутъ! — крикнулъ лавочникъ. — Только стѣсненье съ ними... Право! Три часа сидимъ, точно панихиду справляемъ!

Гостьи ушли. Почему-то, дѣйствительно, какъ будто стало свободнѣе. Музыкантъ запилилъ камаринскую, послѣ которой всѣ, „по обычаю", отправились, предво-

дительствуемые Туркой, въ трактиръ пить чай, такъ какъ въ артели самовара не заводилось. Къ чаю была приглашена вся артель. Въ трактирѣ Турка занялъ четыре-пять столовъ и заказалъ на всѣ ихъ чаю. Разсѣлись у каждаго стола по-трое, по-четверо. Меня Турка опять усадилъ съ дворникомъ и дядей, хотя ни я къ нимъ, ни они ко мнѣ не чувствовали особаго расположенія. Но „такъ слѣдовало, такъ полагается“. Сзади насъ же посадили и музыканта. Тутъ я, кстати, узналъ, что музыкантъ нашъ былъ на нѣкоторое время лишенъ дара слова;—онъ до того спилъ голосъ, что могъ говорить только шопотомъ, и то всѣ члепораздѣльные звуки сливались въ сплошную октаву. Начали чайничать. Турка часто уходилъ въ „особое отдѣленіе“, за тонкою перегородкой, откуда раздавались женскіе голоса. Музыканту заказали плясовую. Ѳедька стоялъ и слушалъ.

— Что жъ, Ѳедоръ, уважь!—сказалъ Селифанъ Абрамычъ.

— Плясунъ будетъ? — спросилъ дворникъ.

— Первѣйшій.

— Н-ну, была не была—повидалась!—крикнулъ азартно Ѳедька, смахнувъ съ плеча полушубокъ.—Турка! подноси водки! Утѣшу!

— Изволь. Пей!

Ѳедька подошелъ къ стойкѣ, ухарски выпилъ стаканъ, поправилъ рубаху и штаны и пустился вприсядку. Плясалъ онъ, дѣйствительно, хорошо, но какъ-то автоматично. Такъ пляшутъ солдаты: уставивъ неподвижный взглядъ въ одну точку, не шевельнувъ ни однимъ мускуломъ лица, безучастно, повидимому, и къ своему ухарству, и къ восторгу окружающихъ, они выдѣлываютъ свои поразительныя колѣна до изнеможенія, до поту лица, до полнаго, кажется, одурѣнія, до того, что, когда они въ заключеніе гикнутъ, подпрыгнутъ и остановятся, какъ вкопанные, вы не замѣтите въ нихъ и признака чувства, какъ будто ихъ охватилъ столбнякъ. Гости были въ полнѣйшемъ восторгѣ.

— Хорошо пляшетъ у насъ Ѳедька,—замѣтили степенные водовозы.—Кабы не глупъ, цѣны бы парню не было.

Ѳедька очнулся, наконецъ, и осклабился.

Изъ „особаго отдѣленія“, въ щелку двери, выглядывали „барышни“.

— Э-э! Да у тебя, братъ, тамъ—малина! — вскричалъ дворникъ, замѣтивъ ихъ.—Это и намъ по губѣ!

Всѣ дядья отправились въ особое отдѣленіе. Мы остались въ общей комнатѣ. Водовозы у столовъ усердно пыхтѣли надъ чаемъ; выпили они его очень много, половые то и дѣло таскали „кипяточекъ“. Да и то сказать, въ трактирѣ, по дороговизнѣ, кромѣ чая, ничего „не полагалось“. Многіе во время чая сходили внизъ, въ кабакъ, выпивали „на свои“ и снова возвращались къ своимъ столамъ. Изъ отдѣленія раздавались пискъ, хохотъ.

Чаю напились. Напившіеся поблагодарили Турку.

— Прощайте пока! Ужинать скоро ли?

— Пожалуй, хоть собирайте.

— Ну, ладно. Ты съ нами, что ли, Миколаичъ,—обращались ко мнѣ,—али еще здѣсь попразднуешь?.. А то пойдемъ: съ нами веселѣе. Сказки будемъ разсказывать.

Большая часть водовозовъ была уже довольно навеселѣ, въ особенности тѣ, которые успѣли „поздравиться на свои“. Длинною вереницей отправились мы тихими стопами изъ трактира на квартиру. Ѳедька былъ особенно оживленъ и веселъ. Мало-по-малу всѣ собрались. Стали ужинать. Ужинъ пошелъ весело и благодушно. Подтрунивали надъ псковскимъ старикомъ.

— Ну, что, дѣдко, какъ же насчетъ правды-то?

— Ась?

— Скоро ли, молъ, правду-то обрящешь?

— А вотъ, кормильцы, завтречко въ семое мѣсто пойду... По счету, по моему, выходитъ — въ шести мѣстахъ былъ, въ семое посылаютъ...

— Ну, должно, конца краю не видать!

— А не вѣдаю, кормилецъ... Попуститъ Господь-Царь небесный, дастъ вѣку—доживу, не попуститъ—и такъ умру...

— Все-жъ обидно!

— Н-ну. И послѣ меня, кормилецъ, люди будутъ... Я умру—дочь пойдетъ... Нельзя, милый, чтобы правды въ мірѣ не было.

— Ну, коли такъ, будь въ надеждѣ: обрящешь *).

---

*) При всемъ моемъ „ничего-недѣланіи“ и искреннемъ желаніи, я ничѣмъ не могъ помочь этому „псковскому старику“. Дѣло его касалось такихъ запутанныхъ земельныхъ отношеній, связанныхъ еще съ крѣпостнымъ правомъ, затѣмъ съ удѣльнымъ вѣдомствомъ и, наконецъ, съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, что только одна непобѣдимая его вѣра въ „присутствіе правды на землѣ“ могла поддерживать въ немъ надежду добиться когда-либо возстановленія своихъ правъ.

Въ полъ-ужина отворилась дверь и вошелъ высокій, съ длинными баками, среди которыхъ едва былъ замѣтенъ полувыбритый подбородокъ, въ нагольномъ полушубкѣ и старой вытертой бояркѣ на головѣ, одинъ изъ васильеостровскихъ дворниковъ, изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ,—именно тотъ „ругатель", на котораго жаловался больной водовозъ. Его, за разговоромъ, артель не замѣтила.

— Эй, вы! Распустили кадыки-то! крикнулъ онъ.—Гдѣ старшой?

— Здѣсь старшой. А ты что по-басурмански-то входишь? Али не видишь, что здѣсь люди ужинаютъ, христіане,—заворчалъ богобоязненный Прохоръ Иванычъ,—чего лѣзешь въ папахѣ-то татарской? Вѣдь, образа, чай, здѣсь...

— Гдѣ старшой?—повторилъ дворникъ, не слушая, однако, папаху снялъ.

— Что же такое требуется?—спросилъ Селифанъ.

— Вы что тутъ еще за моду уставили: что ни день, то новый водовозъ? Рази я со всякою швалью дѣло имѣлъ?

— Да, вѣдь, ты знаешь, что старикъ изъ-за тебя боленъ.

— А ты держи языкъ-то туже... То-то! кого ты посылаешь ко мнѣ?.. На смѣхъ, что ли, всякую сволочь?.. Ведра бить, лѣстницы леденить...

— Ты что лаешься? а? Ты еще спроси: пойду ли я къ тебѣ опять-то, къ ругателю?—сорвался съ лавки Ѳедька. — Ахъ, ты, крупа!.. Больше тебѣ слова нѣтъ...

— Ѳедоръ! оставь, погоди!

— Чего тутъ годить? Братцы!.. Сдѣлайте милость!.. Да кто изъ васъ пойдетъ къ нему — навѣкъ жизни дуракъ останется!.. Ей-Богу...

— Конешно, не пойдемъ... Это вѣрно, что дураки,—заговорила разомъ обиженная артель.—Еще ему же услуживаемъ, а онъ натко-сь!.. Ему за больного, а онъ—вишь ты!.. Командиръ! Насъ никто такому полковнику не обязывалъ!

— Какъ не обязаны?

— А ты вотъ что, ваше бл—діе, не кричи... А честь-честью, садись... У насъ имениникъ... У насъ праздникъ... Коли ты человѣкъ хорошій, такъ ты извинись, что нашъ обычай не уважилъ... Вонъ онъ, имениникъ-то... Ты, вотъ, поздравь его честь-честью! — поучалъ Прохоръ Иванычъ, показывая на вошедшаго въ это время Турку.

— Какъ не обязаны?—повторилъ дворникъ, охаживая всѣхъ глазами.

— Такъ и не обязаны. Заболѣлъ водовозъ—ищи другого... Еще мы съ тобой, дуракомъ, по-благородному...

— Кто такой дуракъ?

— Братцы, погодите, оставьте!—уговаривалъ Селифанъ. — Вотъ что, Пантелей Ѳедорычъ, — заговорилъ онъ дворнику,—мы точно не обязаны... Мы тебѣ же хотѣли услужить... Ну, а ты человѣкъ тяжелый... Извини... Вотъ тебѣ за недѣлю назадъ, что у тебя больной забралъ,—получи... Мы бы тебѣ ихъ и раньше отдали, да тебя пожалѣли... Гдѣ, думали, тебѣ пріискать человѣка... Безъ работника тебя оставить не хорошо...

— Какія деньги!.. Да развѣ вы такъ смѣете — графской домъ безъ воды оставить? а? Кто же ее будетъ носить?

— Самъ поноси...

— Че-ево?

— Поноси, почтенный, поноси... Зажирѣлъ... И лучше тебя дворники носятъ...

— А-ахъ, вы, голопузые...

— Братцы! что жъ это такое?.. Вѣдь, у насъ, кажись, праздникъ,—обидѣлся и Турка.

— Ну, не хочешь честью — извини, — строго заговорилъ Селифанъ. — Артель обижать нельзя... Артель не одинъ человѣкъ... Ступай съ Богомъ... Мы завтра поговоримъ...

— Че-ево?—оралъ безтолково дворникъ и вдругъ накинулся на меня. — А это у васъ кто? Это чьи?

— Ступай съ Богомъ, ступай!

— Ладно же.

Дворникъ хлопнулъ дверью.

— Ахъ, ты, Боже мой,—сокрушались артельщики,—какой народъ! Бога забылъ! Людской обычай не уважаетъ!

— Нѣтъ, что онъ со мной сдѣлалъ,—волновался Ѳедька.—Какъ было я, братцы, повеселѣлъ, а онъ, то-есть, всякаго удовольствія лишилъ... Ахъ, чортъ, чортъ!

— Развѣ это жизнь? — сомнѣвался Турка.

Долго волновались водовозы. Вошла матка и стала собирать со стола. Какъ вдругъ Ѳедька вскочилъ и схватилъ матку подъмышки.

— Матка! Обидѣли! — крикнулъ онъ, повалилъ ее на нару и сталъ цѣловать.

Разсердилась матка. Артель какъ будто пробудилась.

— Ѳедька! что ты, мошенникъ, дѣлаешь? а?—закричалъ Прохоръ Иванычъ.— Солдатъ артель обидѣлъ, а ты что?

— А больше ничего: тащи штрафную

четверть! Селифанъ Абрамычъ, приказывай!—зашумѣла артель.—Ахъ, чортъ необстоятельный! что онъ дѣлаетъ! Вотъ ужъ другой разъ на недѣлѣ примѣчаемъ... Что это за порядки!

— Почтенные! вы этого парня накажите. Чтобы впредъ этого не было,—сказала матка, поправляя волосы и платокъ.

— Вѣрно, вѣрно! Тащите четвертную!

Артельщики, казалось, были рады этому случаю, чтобы сорвать на Ѳедькѣ сердце и выпить съ горя водки.

— Бѣгите за водкой! Тащите въ его счетъ! Посылай, Селифанъ!

— Ахъ, охальникъ!—сокрушался Прохоръ.—Посторонніе обижаютъ, а онъ своего Бога забылъ. Нѣтъ, тебя, сорванца, учить нужно Бога-то помнить.

— Вздуть бы его, братцы, кстати!

Ѳедька забился на нары и гоготалъ.

— Ишь, лѣшій, какъ его разобрало!

Четверть была принесена; всѣмъ поднесено по стакану. Ѳедька продолжалъ гоготать.

Было поздно. Въ артели все успокоилось. Стало все вдругъ какъ-то тихо послѣ гомона десятка голосовъ, послѣ общаго возбужденія. Но вотъ я слышу—кому-то не спится, кто-то возится на нарахъ.

— Спишь, что ли?—спросилъ меня кто-то шопотомъ.

Я ощутилъ чье-то дыханіе, отзывавшееся водкой.

— Нѣтъ. Это кто?

— Это я... Лежи, лежи... Я, вотъ, только хотѣлъ... Въ голову, братецъ, мнѣ пришло...

— Что же такое?

— А вотъ что... У тебя папироска-то есть?

Я узналъ обстоятельнаго водовоза.

— Почадимъ. Теперь ничего. А я тебѣ вотъ что скажу: останься у насъ въ артели.

— Что такъ?

— Такъ. Я тебя полюбилъ. Да и всѣ къ тебѣ привыкать начали... Вотъ тутъ дуракъ-солдатъ, и тотъ наломался, а ты, даромъ что сюртушникъ, за недѣлю нашъ обычай не презрѣлъ.

— Спасибо. Да что жъ я у васъ буду дѣлать?

— Дѣлать-то? А ты годи мало. Я, братъ, объ этомъ думалъ тоже не одинъ день, чтобы тебя къ настоящему дѣлу приспособить... Годи, утресь я тебѣ скажу... мы ужъ это удумали...

— Съ кѣмъ же это ты?

— Ахъ, братецъ! кабы ежели я былъ въ начальствѣ, я бы тебя сейчасъ къ намъ въ село въ писаря опредѣлилъ!—не отвѣчая на вопросъ, мечталъ мой доброжелатель.—Ну, спи съ Господомъ! Дай-ка руку! Такъ жди до завтра. Утро вечера мудренѣе, въ сказкахъ сказываютъ. Извини.

Онъ ушелъ, но тотчасъ вернулся.

— Ты, Миколаичъ, не подумай, что это я спьяна,—сказалъ онъ, ища мою руку.—Нѣтъ, это ужъ у меня давно удумано...

Утромъ, по уходѣ артельщиковъ, ко мнѣ пришелъ одинъ мой знакомый и сообщилъ давно уже тщетно ожидаемую мною вѣсть, что мѣсто для меня открылось и чтобы сегодня же я принялъ его, пока не заняли. Я и обрадовался, и не хотѣлось мнѣ разставаться такъ скоро съ артелью, съ которою у меня начиналась такая дружеская связь. Пріятель ушелъ, а я сталъ прибирать свои пожитки и только дожидался, когда придетъ къ завтраку Селифанъ Абрамычъ и кто-нибудь изъ артельныхъ, чтобы распроститься съ ними. Первымъ пришелъ обстоятельный водовозъ.

— Ну, а я нарочно торопился. Дѣло-то, что я тебѣ вчера говорилъ, ладится.

— Ну?

— Пра! Дѣло важное. Вотъ видишь: писарь у насъ тутъ одинъ по дворникамъ ходилъ, въ домовыхъ конторахъ книги писалъ. Въ десяти домахъ онъ все такъ-то занимался. Ну, по четыре рубля получалъ съ дому. Вотъ сорокъ рублевъ выходитъ, да такъ, съ вѣтру, перепадало. Теперь недѣля, какъ ужъ спился онъ... Такъ вотъ! Я ужъ всѣхъ дворниковъ обѣгалъ—про тебя говорилъ... Хвалилъ! Селифанъ тоже приспособить тебя тутъ, при насъ, старается... Вѣдь, хорошо? а? Хорошо?

— Хорошо-то—хорошо, да...

— Да нѣтъ, ты постой... Тутъ я тебѣ еще присмотрѣлъ: у дворника мальца требуется въ науку произвести... Да ты это что?—вдругъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ онъ на мой узелъ.

— Вотъ, къ своему дѣлу...

Я объяснилъ.

— Опять незадача! Нѣтъ мнѣ, братъ, счастія,—печально сказалъ Калистратъ Петровичъ.—Всю жизнь вотъ такъ-то: полюблю кого, отыщу по душѣ, кажись бы

только миловаться,—хвать, и развѣли... А я совсѣмъ одинокій: была семья — въ холеру вся повымерла... Незадача! А я было думалъ, какъ чтобы пообстоятельнѣе жизнь-то свою пріустроить... И-да! какъ кому что на роду! Отъ своей линіи не уйдешь...

— Полно, Калистратъ Петровичъ, найдешь и еще хорошихъ людей много. Да и мы съ тобой друзьями будемъ.

— Это такъ... Заходи, заходи... И я когда забреду—не прогонишь?

Пришелъ и Селифанъ, пришли еще двое-трое.

— Не взыщи, Миколай Миколаичъ,—говорили артельщики,—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Коли чѣмъ обидѣли—не обезсудь. Дѣло наше грубое, небогатое... А мы тобой довольны.

— Вѣрьте, братцы, до гробовой доски васъ не забуду...

— Коли что, ежели опять не поладится... всяко бываетъ!.. иди къ намъ прямо, безъ стѣсненія.

— Ну, дай Богъ вамъ счастія, добрые люди!

— Какое ужъ счастіе! Хоть бы такъ-то Онъ грѣхамъ потерпѣлъ.

Селифанъ и Калистратъ проводили меня до воротъ. Съ добрыми пожеланіями пожали мы другъ другу руки и разстались. Я видѣлъ, какъ Калистратъ еще долго стоялъ у воротъ и чесалъ свою лохматку, о чемъ-то раздумывая и недоумѣвая.

Я поселился далеко отъ артели, на противоположномъ концѣ города, и потому долго не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ водовозовъ. Только уже мѣсяца черезъ три я встрѣтилъ Селифана на Литейной. Мы зашли въ портерную и разговорились. Вотъ что сообщилъ онъ о случившемся въ артели послѣ меня.

— Хлопотъ было довольно! Дворникъ этотъ самый—ругатель... доказалъ... Ну, обыскъ былъ... Нашли того самаго, псковскаго старика... А онъ заболѣлъ на ту пору... Не гнать же его?.. Думали, думали—куда его дѣвать?—такъ и порѣшили: коли что—все на себѣ снести... Пошли эти опросы... Объ васъ тоже былъ опросъ: какъ, зачѣмъ, по что?.. Горя было много... Главное, обиды много!

— Ну, а что Турка? Онъ былъ у меня, просилъ, чтобы я его счету выучилъ.

— Турка ушелъ. Гдѣ жъ ему въ артели быть? У него мысли другія. Отъ насъ ужъ такъ-то не одинъ въ Питерѣ уходитъ... Соблазну здѣсь для артели много. Вотъ теперь тоже опять Прохоръ ушелъ. За деньги сталъ бояться. Гдѣ ужъ тутъ съ деньгами у насъ жить! Грѣшить только постоянно... Въ смущеніе притомъ приходитъ, какъ бы де не украли... Такъ вотъ отъ насъ народъ-то и уходитъ... Плохо артели...

— Отчего-жъ такъ? Дѣло, кажись, хорошее, выгодное, Божье дѣло...

— Вотъ, поди-жъ и поразмысли! Народъ, что ли, другою жизнью сбивается, кто-е вѣдаетъ! Теперь нашу артель хоша совсѣмъ рушь... Только слава!.. Времена ужъ не тѣ стали.

— Какъ Калистратъ Петровичъ?

— Калистратъ въ больницѣ. Ногу сбѣдилъ... Онъ у васъ вотъ тутъ, по близости, въ Маріинской... Забредите... На пожарѣ сбѣдилъ—гоняли насъ...

— Ну, а что вашъ артельный крестникъ?

— Что! Живетъ, растетъ... Такой пузырь! Наши не нарадуются.

— А Гаврило?

— Плохъ. Обѣднялъ совсѣмъ. Ну, гдѣ при нашихъ капиталахъ такія дѣла дѣлать? Вѣдь и добро-то для богатыхъ сподручнѣе... Плохо совсѣмъ! Артелью мы помогали кое-чѣмъ... Нельзя... Тоже всѣ наши-то нѣтъ-нѣтъ, да и забѣгутъ справиться, какъ онъ тамъ. Всѣ, вѣдь, это дѣло помнятъ, какъ бы оно общее, вишь ты, вышло... Ну, и лестно!

— Ну, а что твоя возлюбленная... умерла?

— Умерла. А ты какъ знаешь?

— Афросинья Трофимовна поди рада?

Селифанъ внимательно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Ну, коли знаешь... что жъ! — сказалъ онъ, протягивая мнѣ ладонь.—Пріѣзжай по лѣту ко мнѣ въ деревню пиво пить на свадьбѣ.

И Селифанъ Абрамычъ, по обыкновенію, озарился улыбкой во все свое добродушное лицо.

1875 г.

АВРААМЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Лѣто я провелъ въ одной деревенькѣ, верстахъ въ двадцати отъ губернскаго города, значитъ — „на дачѣ", какъ говорятъ въ провинціи, хотя вся дача моя заключалась въ свѣтелкѣ, нанятой за три рубля во все лѣто у крестьянина Абрама.

Абрамъ былъ мужикъ лѣтъ шестидесяти слишкомъ, высокаго роста, довольно плотный, съ широкою, сивою бородой и большими глазами, смотрѣвшими изъ-подъ навѣса сѣдыхъ бровей. Вообще, несмотря на лѣта, онъ очень сохранился; въ немъ не замѣчалось старческой дряхлости, но самъ онъ, замѣтно, желалъ казаться дряхлѣе, изрѣдка покряхтывая, пощупывая свою поясницу и горбясь болѣе, чѣмъ можетъ быть, слѣдовало. Къ такому невинному „остариванію себя", если можно такъ выразиться, онъ сталъ прибѣгать съ тѣхъ поръ, какъ вырастилъ и пристроилъ сыновей и почувствовалъ, что страда крестьянской жизни, которую тянулъ онъ впродолженіи полувѣка, какъ будто отлегла отъ него. Онъ вступалъ уже въ число „стариковъ", въ этотъ ареопагъ крестьянскаго міра. Не кряхтѣть и не горбиться было нельзя, это требовалось для поддержанія неотъемлемо принадлежащихъ этому званію правъ: права сидѣнья подъ вечеръ на завалинѣ у общинной житницы, среди сѣдовласыхъ сверстниковъ въ нахлобученныхъ по уши шляпахъ-гречневикахъ, права неторопливыхъ и солидныхъ разсужденій на темы, что „безъ Бога ни до порога", что „обычай блюди", что „старики на душу грѣха брать не станутъ" и т. п., наконецъ, права выпиванія съ подобающею важностью штрафной косушки, съ приличными насчетъ штрафованнаго изреченіями. Этого, впрочемъ, показалось Абраму недостаточно; ему хотѣлось закрѣпить за собой не только право на званіе „старика" просто, но еще и „благомысленнаго старика", носителя и хранителя старозавѣтныхъ „дѣдовскихъ" преданій, ископной морали и обычнаго культа. Вотъ почему, отдѣливъ младшаго сына, выдавъ замужъ дочерей и приведя, такимъ образомъ, согласно вѣковымъ традиціямъ, къ вожделѣнному концу все, что требуется по идеалу обстоятельнаго крестьянства, Абрамъ сказалъ дѣтямъ: „Ну, родные, потрудился я для васъ довольно; теперь надо мнѣ и для своей души потщиться, сколь моей силы хватитъ. Пора и объ душѣ дать старику подумать". Рѣшивъ такимъ образомъ, Абрамъ пошелъ къ священнику и принялъ отъ него благословеніе въ путь за сборомъ съ доброхотныхъ дателей на украшеніе мѣстной убогой церкви. Сбиралъ онъ, ходя по святой Руси, три года, и только мѣсяца за два до того, какъ я познакомился съ нимъ, вернулся въ свою родную деревню. Теперь онъ уже былъ вполнѣ „благомысленнымъ старикомъ"; почитаемый причтомъ, съ батюшкой во главѣ, выбранный міромъ въ помощники церковнаго старосты и въ десятскіе своей деревни, онъ могъ мирно доживать свой вѣкъ, являя собою предъ молодымъ поколѣніемъ деревни тотъ идеалъ мирнаго и трудового крестьянскаго житія, который осуществилъ онъ въ своей жизни.

Жить мнѣ у Абрама было хорошо, покойно. Въ семьѣ его старшаго сына, Антона, съ которымъ онъ жилъ по уговору вмѣстѣ, по отдѣленіи младшаго, была „истинно-райская тишина", какъ выражался онъ. Дѣйствительно, его сынъ Ан-

тонъ и невѣстка Степанида были очень мирные люди, молчаливые, добродушные.

Преимуществомъ вставать раньше всѣхъ со вторыми пѣтухами, какъ извѣстно, пользуются въ деревняхъ старики, чѣмъ они обыкновенно и любятъ кольнуть въ глаза своимъ молодымъ невѣсткамъ. Но этимъ преимуществомъ рѣдко удавалось похвастаться Абраму. Антона не приходилось ему будить. Когда еще старикъ начиналъ только кряхтѣть на печи и расправлять свои старыя кости, Антонъ, большею частью уже успѣвалъ умыться, разбудить жену. А когда показывался первый блѣдноватый свѣтъ, онъ уже выѣзжалъ изъ деревни, первый размахивая верею въ околицѣ, молился на виднѣвшуюся вдали колокольню погоста, надѣвалъ шляпу, тихо и ласково вскрикивалъ на лошадь и, торопливо шагая, пропадалъ вмѣстѣ съ нею въ густой мглѣ стоявшаго надъ потнымъ, болотистымъ лугомъ утренняго тумана. Когда же Абрамъ, наконецъ, соскакивалъ съ печи и, почесываясь, подходилъ къ окну, чтобы справиться о погодѣ, у Степаниды уже ярко горѣло и трещало на очагѣ пламя и кипѣлъ въ чугунѣ картофель. Пока дѣдъ молился, кладя истово, „по старинѣ“, низкіе поклоны, на улицѣ раздавался пастушескій рожокъ, хлопанье и скрипъ воротъ, ревъ сбиравшейся скотины и вскрикиванье бабъ, а Степанида, съ нѣжными приговорами, выгоняла, осѣняя крестнымъ знаменіемъ, своихъ коровъ и телокъ, медленно выходившихъ изъ теплаго парного сарая на свѣжій утренній воздухъ. Послѣ молитвы дѣду Абраму не оставалось ничего больше, какъ только сердито окрикнуть чернаго кота, забравшагося на столъ. Какъ и всѣ старики, ворчливые съ утра, Абрамъ читалъ коту длинную нотацію, не упустивъ случая ругнуть при этомъ Степаниду, и продолжалъ нравоученіе на дворѣ, обращаясь уже къ хромоногому, старому Волчку, только что вылѣзшему изъ своей теплой конуры и сладко потягивавшемуся навстрѣчу старику.

Часамъ къ семи утра старикъ тихонько пріотворялъ дверь въ мою половину и если замѣчалъ, что я начиналъ ворочаться, то говорилъ: „не наставить ли?“ и, предварительно разбудивъ своего пріемнаго внука, принимался разводить съ нимъ самоваръ. Въ продолженіе получаса я могъ слышать, какъ дѣдъ обучалъ внука „порядку“. Утренній чай мы всегда пили вмѣстѣ; впрочемъ, по какому-то обѣту, Абрамъ пилъ не чай, а только кипятокъ. Я всегда приглашалъ и Васю. Старикъ недовольно покачивалъ головой, говорилъ, что это „баловство“, но, въ концѣ-концовъ, соглашался и ограничивался тѣмъ, что обучалъ внука „учливости“.

— Сядь съ глазъ подальше!.. Не егози предъ глазами у старшаго!—приговаривалъ онъ, отхлебывая кипятокъ. — Не болтай ногами,—бѣса тѣшишь!.. Чего сахаръ слюнявишь? Кусай учливѣй! и т. п.

Вася только бойкими взмахами своей кудрявой головы откидывалъ волосы со лба, и видно было, что онъ не особенно боялся своего названнаго дѣда. Онъ и самъ былъ не прочь сдѣлать ему выговоръ. Нерѣдко, во время увлеченія дѣда какимъ-нибудь разсказомъ, Вася вдругъ конфузилъ его замѣчаніемъ: „Утри, дѣдушка, бороду-то! Вишь, распустилъ потоки, а еще предъ бариномъ сидишь!“ и дѣдъ, молча и послушно, спѣшилъ принять къ свѣдѣнію замѣчаніе шестилѣтняго внука. Такъ они и вообще мирно жили, уча и наставляя другъ друга, пока дѣло не доходило до такого явнаго непослушанія съ одной стороны, какъ, напримѣръ, высовыванія языка въ отвѣтъ на самыя солидныя моральныя истины, и до окончательнаго рѣшенія наломать гибкихъ прутьевъ — съ другой. Впрочемъ, тѣмъ дѣло и кончалось. Шестилѣтній внукъ, конечно, умѣлъ бѣгать лучше, чѣмъ шестидесятилѣтній дѣдъ.

На другой же день моего пребыванія въ деревнѣ мы съ дѣдомъ Абрамомъ вели за чаемъ такую бесѣду:

— Ну, что, дѣдушка Авраамъ?

— Ну-у, Авраамъ! Какой я Авраамъ,—улыбаясь, перебивалъ онъ меня. — Я не отъ Авраама иду... То Авраамъ, а то Абрамій мученикъ... Такъ вотъ я откуда—отъ мученика!

Тѣмъ не менѣе, было замѣтно, что ему очень нравилось, когда я его звалъ дѣдушкой Авраамомъ.

— Что жъ, доволенъ ты своимъ положеніемъ?

— Доволенъ,—твердо произнесъ старикъ, выпрямляясь и сановито поглаживая бороду,—не хочу грѣшить, прямо говорю—доволенъ. Слава тебѣ, Господи! Потому я, Миколай Миколаичъ, что требуется отъ жизни, все исполнилъ, привелъ въ заончаніе. Слабому опору оказалъ, тѣмъ, значитъ, и предѣлъ положилъ.

— То-есть какъ это слабому?

— Такъ и есть. Въ чемъ всей нашей жизни положеніе состоитъ?

Дѣдушка Абрамъ любилъ иногда порезонерствовать, вѣроятно, оттого, что придерживался негласно „старинки“ и часто бесѣдовалъ съ раскольничьими начетчиками.

— Въ чемъ же?—спросилъ я.

— А въ томъ и есть, чтобы слабому опору оказывать. Пораскинь-ка умомъ-то, анъ оно такъ и выйдетъ. Сызначала, когда я, по младенчеству своему, слабъ былъ, родители мнѣ опору оказывали. Возросъ я, родителямъ своимъ, по дряхлости ихней, подпору обязанъ оказать... Такъ ли? У самого малыши пошли, ихъ обязанъ въ возрастъ произвести, ихней слабости поддержку дать. Поставилъ ихъ на ноги—ну, и предѣлъ, значитъ, свой положилъ.

— Ну, а внучки? — кивнулъ я на Васю.

— Внучки—ужъ это сверхъ всего, это ужъ не въ примѣръ прочему. Это ужъ смотря какъ, значитъ, приверженъ,—говорилъ онъ, поглаживая по головѣ внука, подошедшаго за стаканомъ къ столу,—это ужъ смотря по послушности да смиренству передъ дѣдомъ, — прибавилъ онъ, улыбаясь. Правду ли я говорю, какъ по-твоему?—спросилъ онъ меня и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—И во всемъ такъ подобаетъ: въ начальствѣ состоишь—слабаго охрани, избыткомъ отъ Бога награжденъ — слабому поддержку окажи... Вотъ оно, значитъ, какое намъ въ жизни произволенье! Въ томъ и до конца живота твоего держись.

— И дѣтьми своими ты доволенъ?

— Дѣтьми доволенъ. Дѣти у меня, надо правду тебѣ сказать, на рѣдкость дѣти! Потому я ихъ держалъ въ послушности, въ страхѣ Божіемъ. Вотъ, примѣромъ, Антонъ — изойди всю волость, такого къ работѣ приверженнаго не найдешь. А смиренства, тихости, такъ по нынѣшнимъ временамъ и нигдѣ не встрѣтишь! Чтобы онъ кому сгрубилъ, кого обидѣлъ или обманулъ—этого никогда запомнить даже нельзя! Истинно землепашецъ! Землѣ радѣетъ. И жену ему Богъ далъ, не хочу грѣшить, бабу правильную... Тоже тихостью да смиренствомъ предъ всѣми взяла; кабы родныхъ дѣтокъ имъ, такъ и совсѣмъ бы благословенное семейство было, да вотъ не даетъ Богъ! Какъ-то ужъ у нихъ и въ работѣ-то эдакого удовольствія какъ будто не видно. Взяли вотъ мальчика, хоть и близкая родня, а все же не свой... Думается имъ: воспитаешь его, на него всю ласку положишь, а онъ, въ возрастъ придя, тебѣ же укоры дѣлать станетъ. Отъ своего это точно снесешь, а отъ чужого-то какъ будто и обидно.

— А второй твой сынъ, каковъ?

— Платонъ-то Абрамычъ?

— Да.

— Про Платона Абрамыча — словъ нѣтъ, вотъ онъ каковъ, Платонъ-то Абрамычъ!— говорилъ внушительно и съ разстановкой старикъ всегда, когда рѣчь заходила о младшемъ сынѣ. — Платонъ Абрамычъ — голова! Пройди по всей округѣ, спроси: знаешь Платона Абрамыча?—и нѣтъ того человѣка, чтобъ его не зналъ.

— Умомъ, значитъ, взялъ?

— Разсудкомъ! Головой взялъ! Онъ съ младости ужъ былъ отмѣченъ. Да такъ я тебѣ скажу: стояли у насъ уланы, а Платонъ-то Абрамычъ въ тѣ поры еще маленькій былъ, такъ—съ бабій наперстокъ. Вотъ эти самые уланы накупятъ пряниковъ, орѣховъ и давай кричать ребятишкамъ: „Кто въ ноги поклонится? выходи!“ Ну, ребятишки глупы, сосутъ кулаки-то, да смотрятъ, а мой Платошка сейчасъ—хлопъ въ землю, не въ примѣръ прочимъ; такъ всѣ только диву даются—откуда такая, значитъ, у него ко всему примѣнительность!... Ну, и накидаютъ ему уланы полонъ подолъ гостинцевъ... Отцы-то да матери только и кричатъ: „Экое счастіе этому Платошкѣ Абрамову! Дастъ же Господь такой разумъ еще въ младости! И въ кого бы онъ такой выдался?“ И я вотъ тоже не придумаю...

— Побойчѣе, выходитъ, Антона?

— Гдѣ-жъ Антону противъ него! Антонъ смиренъ, душевный крестьянинъ— слова нѣтъ, только противъ Платона Абрамыча даже и помыслить ему нельзя! Платону Абрамычу отъ всѣхъ почетъ, уваженіе...

— Онъ гдѣ же теперь живетъ и чѣмъ занимается?

— Занимается онъ, братецъ ты мой, по коммерческой части. Еще вьюношей онъ къ землепашеству охоты не возымѣлъ... Это ужъ какъ кому: у всякаго свой таланъ. Вотъ Антонъ—совсѣмъ земельный человѣкъ... Онъ только землей да крестьянскимъ обиходомъ и крѣпокъ. Отбей ты его отъ земли, отъ дома—онъ и со-

всѣмъ сгибъ. Его, какъ и всякаго крестьянина земельнаго, забидѣть не долго. А Платонъ Абрамычъ—тотъ въ горожанина пошелъ, по матери (они, вѣдь, у меня отъ разныхъ матерей; вторую-то жену я изъ городской слободы взялъ). Платонъ Абрамычъ самъ себѣ, своимъ разсудкомъ, и супругу снизыскалъ: верстъ за пятнадцать отсюда, въ селѣ, вдову, денежную вдову... Ну, къ ней въ домъ и вошелъ; домъ у нея собственный, послѣ мужа остался. Я его, Платона-то Абрамыча, какъ слѣдуетъ, по обычаю *отдѣлилъ*, что, выходитъ, на его часть изъ нашего имущества приходилось.

— А ты часто у него бываешь?

— Часто. Я люблю къ нему ѣздить. Къ родителю они съ супругой почтительны, любящи. Пріѣдешь, а они оба, ровно вперегонку, около тебя ухаживаютъ: „Тятенька, вы бы водочки выкушали! Да ты что, тятенька, отварную-то воду одну дуешь? Помилуйте! Да мы вамъ церковнаго винца подпустимъ въ стаканчикъ-то!" Такъ это, братецъ ты мой, своею услужливостью проймутъ, что ровно масленицу маслуешь у нихъ! Ей-Богу! Истинно обходительные люди! Конечно, по коммерческой части безъ этой повадки нельзя! А ввечеру народъ къ нимъ соберется, гости, господа не въ рѣдкомъ бываньи, и все это къ Платону Абрамычу съ уваженіемъ, ну и къ тебѣ, къ родителю, ужъ кстати также, по сыну. Лестно.

— Отчего жъ ты съ ними не живешь? Они люди богатые, къ тебѣ услужливые... Слаще, вѣдь, пироги-то ѣсть, чѣмъ тюрю съ квасомъ хлебать?

— Зовутъ... „Тятенька, говоритъ невѣстка-то, да когда же мы удостоимся васъ съ собой въ сожительствѣ имѣть?"... Зовутъ постоянно. Только я нейду.

— Что же такъ?

— Да не знаю, какъ тебѣ сказать. Ровно что вотъ не отпущаетъ отсюда, а что—не знаю. Думается,—умереть здѣсь покойнѣе будетъ... Собирался, собирался, да нѣтъ вотъ! Погостишь съ недѣльку, анъ, глядишь, и опять сюда тянетъ. А обходительны!... Непривычны мы, что ли, къ этой обходительности, не знаю, какъ тебѣ это разъяснить! Да и то надо сказать: у Платона Абрамыча дѣло такое, что онъ и одинъ при немъ твердо состоитъ. А земледѣльчеству завсегда поддержка требуется. Хоть и старъ я, а все же по силѣ-мочи пригожусь.

Дня черезъ три, къ утреннему чаю, вдругъ является дѣдъ Абрамъ съ французскимъ хлѣбомъ въ рукахъ и улыбается.

— Съ гостинчикомъ и я! — сказалъ онъ.—Все жъ какъ будто не даромъ буду отъ тебя кипяточкомъ пользоваться.

— Гдѣ жъ это ты досталъ?

— Платонъ Абрамычъ. Кушай-ка-сь. Не забываютъ старика. Какъ только навернется отъ нихъ попутчикъ, завсегда что ни то приспособятъ съ нимъ: барашочекъ фунтъ, водочки полуштофчикъ (своя у нихъ)... Утѣшаютъ.

Черезъ недѣлю опять тащитъ дѣдъ къ чаю что-то въ небольшой берестовой набиркѣ и опять улыбается.

— Полакомься!—угощалъ онъ, высыпая на блюдце.

Оказалась малина, впрочемъ, не особенно свѣжая и отборная.

— Опять Платонъ Абрамычъ?

— Отъ нихъ. Отъ невѣстки это нищая принесла. „Отдай, говоритъ, дѣдушкѣ полакомиться... Ему, беззубому, это будетъ въ самый разъ"... Утѣшаютъ.

Старикъ перекрестился и съ особымъ удовольствіемъ сталъ жевать, деликатно отправляя въ ротъ по одной ягодкѣ.

— Это у нихъ своя?

— Своя. Большую торговлю этимъ товаромъ ведутъ. Скупаютъ у мужиковъ, да въ городъ справляютъ.

— Можно бы и побольше прислать тебѣ отъ большой-то торговли.

— Ну-у! Зачѣмъ баловать? Дѣло у нихъ торговое. Эдакъ всѣмъ-то раздашь— и торговать нечѣмъ. И малымъ утѣшить хорошо.

— А помогаютъ они вамъ чѣмъ-нибудь?

— По-мо-гаютъ... ка-акъ же! Помогаютъ,—протянулъ какъ-то нерѣшительно старикъ,—только Господь пока миловалъ, Антонъ къ нимъ не толкался еще... Обходимся какъ-никакъ... Признаться сказать, тугоньки они на деньги, тугоньки. Дѣло торговое, въ немъ безъ этой придержки себя—нельзя.

Дѣдъ оставилъ на блюдечкѣ нѣсколько ягодъ и пошелъ съ ними искать внука. „Васютка! Ва-ась!" — кричалъ онъ на улицѣ и долго еще ходилъ по деревнѣ съ блюдцемъ въ рукахъ, разыскивая внука и говоря на вопросы любопытныхъ бабъ: „Платонъ Абрамычъ съ супругой все насъ, стараго да малаго, балуютъ! Все они утѣшаютъ... Такія дѣти у меня вышли—на рѣдкость! Слава Создателю!"

По вечерамъ, когда уже окончательно потухала вечерняя заря и длинныя тѣни ночи медленно наплывали изъ-за окрестныхъ холмовъ на ложбину, въ которой ютилась деревенька, мы обыкновенно сходились съ Антономъ на завалинѣ избы. Къ этому времени онъ успѣвалъ прикончить всѣ работы и считалъ уже совершенно позволительнымъ отдохнуть. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣнями ночи наплывали на деревеньку и холодноватыя полосы тумана, то Антонъ выходилъ всегда закутавшись въ какой-то старый, рваный шугайчикъ. Покряхтывая и безпечно улыбаясь, онъ неторопливо набивалъ и закуривалъ трубку. Онъ былъ вообще молчаливъ. На вопросы отвѣчалъ односложно; изъ него, что называется, надо было клещами вытягивать отвѣтъ. Вѣроятно, скудость интересовъ и постоянная работа въ одиночку въ полѣ окружали его умъ и душу какою-то поэтическою неподвижностью. Впрочемъ, эта неподвижность была только кажущаяся; на самомъ же дѣлѣ въ его душѣ, хотя очень медленно, словно родникъ, пробивающійся тонкою струйкой подъ мягкимъ, густымъ ковромъ травы, но все же текла таинственная струя своеобразной жизни. Вообще неразговорчивый, не умѣвшій отвѣчать на вопросы, онъ иногда вдругъ заговаривалъ и поражалъ неожиданными замѣчаніями.

— Вишь, какъ у насъ по ночамъ дымкомъ попахиваетъ! Это полевой дымокъ! У васъ, въ городахъ, такимъ дымомъ не пахнетъ,—внезапно замѣчалъ онъ, когда неожиданно съ подвѣтренной стороны доносился до насъ запахъ дыма отъ костра, разложеннаго собравшимися на выгонѣ ребятишками „въ ночное“.

— Да. Это деревенскій дымъ.

— Люблю!.. Потому, выходитъ, хотя и ночь, а все же живутъ... Кто ни то не спитъ. И не жутко.

Пролетитъ летучая мышь, и я тороплюсь захлопнуть окно въ свою комнату.

— Ты зачѣмъ отъ нея запираешься?— спрашиваетъ меня Антонъ.

— Влетитъ, непріятно.

— Непріятности отъ нея никакой нѣтъ,—замѣчаетъ онъ.—Вѣдь, это та же мышка, что по полу бѣгаетъ въ избѣ... Только что крылья далъ ей Богъ... Ты знаешь ли, какъ она нарождается?

— Нѣтъ, не знаю.

— Она отъ Божьей благодати. Въ церкви священникъ, за причастіемъ, ежели уронитъ на полъ крошечку отъ просвирки и эту крошечку мышка съѣстъ, съ того времени у нея крылья проявятся. И положено ей ужъ до земли не касаться, а летать въ нощи... Она только на бѣлое и чистое садится. Разстели здѣсь холстъ, она сейчасъ и сядетъ.

Пытался я его разспрашивать о близкихъ къ нему людяхъ и интересахъ и получалъ отвѣты въ такомъ родѣ:

— Ладно вы живете, должно быть, со Степанидой?

— Ладно. Ничего.

— Хорошая она женщина?

— Хорошая. Ничего.

— А на деревнѣ у васъ хорошій все народъ?

— Хорошій. Ничего.

— А старшина каковъ?

— Ничего... и старшина ничего.

— И писарь?

— И писарь... Надо быть, хорошій и писарь.

— А становой?

— Не знаю... Не слыхалъ нешто.

— А братъ твой, Платонъ Абрамычъ, каковъ, по-твоему, человѣкъ?

— Ничего, хорошій...

— А какъ мірскія дѣла у васъ идутъ?

— Ничего, ладно... Со всячинкой тоже бываетъ.

— Ну, а вообще-то какъ вамъ живется?

— Ничего, справляемся.

— Не тяжельше прежняго?

— Иной годъ справляемся, иной — нѣтъ... А вотъ какъ ты уѣдешь,—скучно намъ будетъ, — вдругъ перебиваетъ онъ самого себя.

— Отчего же такъ? Какое отъ меня веселье?

— Такъ ужъ все какъ-то, привычка. Вотъ теперь выйдешь изъ избы, анъ ты и тутъ... Мужики тоже толкутся, ребятишки. Все одно, какъ голуби къ жилому мѣсту, такъ и мы къ хорошему человѣку. Посидишь съ тобой и пріятно.

Странное впечатлѣніе всегда производятъ на меня подобнаго типа крестьяне. Это—типъ уже вымирающій, какъ тяжелая, неповоротливая, созерцающая кенгуру австралійскихъ лѣсовъ, погибающая въ борьбѣ за существованіе съ ловкими, пронырливыми хищниками новѣйшихъ формацій. Онъ уже рѣдокъ въ подгородныхъ деревняхъ, хотя въ глуши встрѣчается еще во всей неприкосновенности. Чѣмъ больше вы съ нимъ знакомитесь, тѣмъ болѣе нѣжныя чувства начинаете питать къ

нему, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ вашу душу забирается какая-то досадливая грусть. Неужели же суровый законъ борьбы за существованіе всевластно царитъ и въ человѣчествѣ? Неужели человѣкъ не пробовалъ противустать его ужасному, антигуманному проявленію?

Это было въ половинѣ августа. День смотрѣлъ какъ-то особенно весело. Весело смотрѣла и деревня, словно вѣнкомъ окружившая себя золотыми одоньями хлѣба. Душевнѣе и веселѣе смотрѣли мужики. Но еще веселѣе и благодушнѣе смотрѣли они оттого, что нынѣшнее лѣто, не въ примѣръ прочимъ годамъ, Богъ накинулъ имъ лишнихъ двѣ мѣры на мѣру посѣва. Это показалъ имъ умолотъ съ перваго же овина. Такое неожиданное приращеніе благосостоянія въ хозяйствѣ неизбалованнаго человѣка наполнило его душу несказанною радостью, которую спѣшилъ онъ выразить заявленіемъ признательности. Наканунѣ вечеромъ, когда старики собрались посидѣть у житницы и сообщить другъ другу результатъ перваго умолота, дѣдъ Абрамъ заявилъ: „Помолиться бы надо!“ — „Надо! надо! Нельзя не помолиться: когда въ бѣдѣ, такъ просимъ, а отлегло, такъ знать не хотимъ!“—подхватили умиленные мужики. Тотчасъ же стукнули по окнамъ, собрали сходъ и постановили „заказной праздникъ“. И такъ, былъ заказной праздникъ, который собственно состоялъ въ томъ, что рѣшено было не выѣзжать въ поле. Утромъ сходили къ обѣднѣ, а послѣ обѣда всѣ занялись „по домашнему обиходу“ и приготовленіемъ къ началу посѣва.

Дѣдъ Абрамъ сегодня былъ особенно благодушенъ и, въ умиленіи, постоянно крестился, когда заходилъ разговоръ объ урожаѣ нынѣшняго лѣта. Крестился и Антонъ, крестилась и Степанида. Мы не можемъ составить себѣ и приблизительнаго понятія о глубинѣ той признательности, которая наполняетъ душу крестьянина при сравнительно ничтожномъ успѣхѣ его полевыхъ трудовъ. Для этого необходимо быть такимъ же истиннымъ землепашцемъ, каковъ былъ Антонъ.

Послѣ обѣда мы всѣ собрались у избы и весело глядѣли на желтые бока холмовъ, съ которыхъ была снята благодатная жатва и по которымъ теперь, картинно раскинувшись, лѣниво паслось стадо.

— Вишь, какіе перезвоны отъ стада-то несутся!—замѣтилъ Антонъ, когда донеслись до насъ, среди невозмутимой тишины, охватившей деревню, малиновые звуки отъ колокольцовъ и бубенцовъ, навѣшанныхъ на шеяхъ коровъ. Антонъ широко улыбнулся и посмотрѣлъ мнѣ въ лицо съ дѣтскимъ ожиданіемъ сочувствія къ его словамъ.

— Хорошо будетъ теперь скотинкѣ, благодареніе Богу! Травы собрали въ пору, соломы вдосталь будетъ... вздохнетъ! Всѣ вздохнутъ—и люди, и скотина!—замѣтилъ съ своей стороны дѣдъ Абрамъ.— И чего жъ больше надо?.. Ничего больше не надо, какъ только вздоху! Ежели полегче вздохнулъ — тутъ тебѣ и счастіе!

— Ежели теперь вздохнулъ легко, всю зиму легко продышишь,—вставила и свое слово Степанида и вдругъ вся зардѣлась.

Степанида была до того молчаливое, всепоглощенное физической работой существо, что рѣдкія фразы, которыя приходилось ей говорить, помимо отношенія къ хозяйству, бросали ее въ краску, въ особенности при постороннихъ людяхъ.

Такъ наивно-благодушно бесѣдовали мои хозяева, предвкушая ту невеликую сумму довольства, которая вся исчерпывалась словами: „только бы намъ вздоху, тутъ и счастіе!“

Въ концѣ деревенской улицы вдругъ показалось облако пыли, послышался ревъ коровы и скрипъ тяжело нагруженнаго воза. Пыльное облако разрасталось все больше и больше и, наконецъ, чуть не столбомъ поднялось надъ деревней.

— Экъ напустилъ какую тучу! и поселенье наше все утопилъ!—сказалъ дѣдъ, всматриваясь въ облако изъ-подъ ладони. — Кто бы это такой? Надо думать, прасолъ.

Дѣдъ поднялся и вышелъ на середину улицы.

— Антонъ! глядько-сь ты, что-то мнѣ мерещится, будто наши это...

И Антонъ сталъ всматриваться.

— Платонъ Абрамычъ и есть!

— Господи помилуй! Что за оказія— всѣмъ домомъ снялся!—проговорилъ дѣдъ, когда возъ почти уже подъѣхалъ къ нему.—Что такъ? — спросилъ онъ Платона Абрамыча, въ недоумѣніи поглядывая на возъ.

Платонъ Абрамычъ, — низенькій, коренастый, краснощекій, съ русою бородкой, въ розовой ситцевой рубахѣ, въ картузѣ и большихъ сапогахъ, сплошь покрытыхъ сѣрымъ слоемъ пыли,—шелъ вблизи ло-

шади и нервно дергалъ ее постоянно вожжами. Въ отвѣтъ дѣду онъ только отчаянно махнулъ рукой и, сурово хлестнувъ лошадь кнутомъ, остановилъ ее у воротъ Абрамовой избы. Но въ то время, какъ Платонъ Абрамычъ собирался отвѣчать, съ возу вдругъ скатилась рыхлая, съ большими грудями, уже довольно пожилая женщина, въ ситцевомъ платьѣ, и, истерически рыдая, поочередно припадала къ груди дѣда Абрама, Антона и Степаниды. Сквозь ея рыданія только и слышно было, что: „Милые! родные наши! Нищіе мы, нищіе! Милый тятенька! Родной Антонъ Абрамычъ! Голубушка Степанидушка, невѣстушка дорогая! Не покиньте, не оставьте сиротъ горькихъ!“ — причитала она и снова по очереди начинала припадать то къ одному, то къ другому изъ нихъ. Я всталъ и отошелъ въ сторону, такъ какъ замѣтилъ, что горе этой женщины, повидимому, было настолько велико, что для изліянія его ей недостаточно, казалось, было грудей родственниковъ, и она выражала уже намѣреніе броситься и къ моимъ ногамъ. Между тѣмъ, Платонъ Абрамычъ уже ввелъ лошадь съ возомъ, наверху котораго сидѣлъ мальчикъ, а сзади были привязаны корова, телка и коза, подъ навѣсъ двора, и на рыданія его супруги начала сходиться къ избѣ вся деревня.

Я ушелъ къ себѣ и изъ отрывочныхъ фразъ, долетавшихъ до меня со двора, могъ, наконецъ, узнать, что сегодня утромъ Платонъ Абрамычъ погорѣлъ.

Не прошло и получаса, какъ ко мнѣ вошелъ Платонъ Абрамычъ, уже въ вытертыхъ насвѣтло сапогахъ, умытый и причесанный.

— Весьма, значитъ, пріятно... Какъ выходитъ, по-родственному... Потому мы дѣти будемъ этому самому старичку Абраму... Весьма пріятно вступить въ обхожденіе, — говорилъ онъ какъ-то особенно вычурно и съ ужимками торговаго человѣка.

— Вы погорѣли?

— Да-съ, воля Божья. Но при всемъ томъ я не ропщу. Принимаю съ покорностью.

И Платонъ Абрамычъ присѣлъ.

Но онъ опять тотчасъ же вскочилъ и скороговоркой сказалъ:

— Стѣсненія не будетъ для васъ, ежели бы сюда самоварчикъ... по-благородному? Потому мы съ супругой все болѣе по купеческому обиходу, и было бы весьма съ непривычки затруднительно... ежели бы, по нашему несчастію, въ курной избѣ... При всемъ томъ, мы хорошее обращеніе понимаемъ. Будьте въ надеждѣ!.. Жили завсегда въ свое удовольствіе!

Я еще не успѣлъ отвѣтить, какъ въ дверь, тяжело переступая черезъ порогъ, вошла жена Платона Абрамыча съ маленькимъ семилѣтнимъ сынишкой за руку и тотчасъ заплакала.

— Ахъ, милый баринъ, не откажите сиротамъ! Вѣдь, отъ такой, можно сказать, пріятной жизни, и вдругъ чайку негдѣ съ удовольствіемъ напиться! Каково это, милый баринъ, вѣкъ-то изживши въ обхожденіи съ богатыми и благородными? — причитала она.

— Побалуй ужъ ихъ на первый разъ, Миколай Миколаичъ! Что съ ними сдѣлаешь!.. Невѣстка-то, вишь, у меня въ купеческомъ обиходѣ возросла, претитъ ей мужицкая-то кухня, — добродушно забросилъ и свое словцо дѣдушка Абрамъ.

— Сдѣлайте милость, — согласился я.

Платонъ Абрамычъ тотчасъ же побѣжалъ за самоваромъ и скоро внесъ его самъ въ комнату, пыхтя и приговаривая:

— Мы все сами!.. Мы, въ несчастіи нашемъ, никого утруждать не желаемъ! Мы скорѣе себѣ какое стѣсненіе сдѣлаемъ, нежели другихъ убезпокоить!

За самоваромъ супруга Платона Абрамыча втащила какіе-то корзиночки и узелки съ чаемъ, сахаромъ, кренделями, хлѣбомъ. Вынимая каждую вещь, она приговаривала:

— Мы все съ своимъ; мы не привыкли одолжаться, мы другихъ одолжали, а не то что самимъ одолжаться... Мы къ этому не привычны... Хотя и въ разореньи мы, и въ большомъ несчастіи, а послѣднюю рубаху лучше продадимъ, чѣмъ кого собою утѣснять рѣшимся!

Перебивая и дополняя рѣчи одинъ у другого, постоянно извиняясь, погорѣльцы, наконецъ, прочно основались около самовара и вполнѣ, кажется, вошли въ роль хозяевъ.

— Господинъ! сдѣлайте милость, искушайте! Не побрезгайте! Тятенька! да ты постой, погоди парную-то воду дуть... Ахъ, старичокъ, старичокъ! Скусу ты хорошаго не знаешь... Маланья Ѳедоровна! бутылочка-то гдѣ же? — спрашивалъ Платонъ Абрамычъ свою супругу.

— Здѣсь, здѣсь, милый тятенька! на вашу старческую долю Господь сохранилъ церковнаго винца бутылочку... Такъ ду-

мать надо, угодили вы Ему своими молитвами!—дополнила Маланья Өедоровна.

— Что говорить! Радѣтели завсегда были!—отзывался благодарный дѣдъ.

— Да мы, тятенька, это весьма понимаемъ, что ежели родитель! Это будьте въ надеждѣ! Престарѣлость мы всегда весьма почитаемъ, — увѣрялъ Платонъ Абрамычъ. — Гдѣ же братецъ Антонъ Абрамычъ? Пожалуйста, братецъ, за компанію...

— А невѣстушка?.. Степанидушка, да пожалуйста! вотъ кренделечковъ... Да вы будьте по-родственному! Вы не смотрите, что мы въ несчастіи, мы послѣднюю рубаху продадимъ,—дополняла Маланья Өедоровна.

— Да мы даже настолько къ родителю привержены, — опять начиналъ Платонъ Абрамычъ,—что ежели ужъ Господу угодно такое произволеніе, такъ мы и землепашные труды примемъ въ помощь родителю... Окажемъ всякую трудомъ нашимъ поддержку.

Въ такомъ родѣ долго еще объяснялись супруги-погорѣльцы, соревнуя одинъ другому въ выраженіи братской и сыновней любви, пока, наконецъ, не перешли къ разговору о пожарѣ. По ихъ разсказамъ оказывалось, что у нихъ сгорѣло все „до синя пороха", что и денегъ они, которыя „праведными трудами нажили", не успѣли спасти, что если что и осталось, такъ рухлядь, которую они даже не взяли съ собой, а оставили у знакомыхъ, чтобы „не стѣснить родителя". Тема „разоренья" была настолько богата, что оказалось необходимымъ подогрѣть еще разъ самоваръ. Мнѣ надоѣло, наконецъ, это нытье, и я ушелъ. Но такъ неожиданно налетѣвшіе на нашу мирную жизнь гости долго еще продолжали чайничать „по-благородному".

Дѣйствительно, на слѣдующее утро Платонъ Абрамычъ пожелалъ „принять землепашные труды въ помощь родителю".

— Ну, ну, посмотримъ!—говорилъ дѣдушка Абрамъ, пока Антонъ, тоже посмѣиваясь, снаряжалъ для Платона Абрамыча борону.

Платонъ Абрамычъ при этомъ не переставалъ выражать чувства сыновней и братской любви.

— А я, милая Степанидушка, не взирая на купеческое свое обхожденіе, всякіе труды съ тобой подѣлю, и коровушекъ подою, и воды принесу, и печь истоплю. Приказывай! какъ хозяйка приказывай! Потому ежели такое отъ Господа произволенье, что мы въ несчастіи, то смиренно стряпухино званіе на себя примемъ, не ропща, — въ свою очередь говорила Маланья Өедоровна Степанидѣ.

Казалось, миръ и любовь окончательно утвердились въ благословенной семьѣ деревенскаго патріарха. Такъ думала деревня, такъ, повидимому, думали и сами Абрамъ и Антонъ.

По крайней мѣрѣ, они благодушно молчали. Но я, какъ посторонній и, притомъ, внимательный наблюдатель, могъ съ каждымъ днемъ замѣчать, какъ капля по каплѣ просачивалось въ „райскую тишину", царившую прежде въ семьѣ Абрама, нѣчто „новое", нѣчто такое, что, хотя и незамѣтно, но, тѣмъ не менѣе, неотразимо могло превратить эту „райскую тишину" въ пристанище злого духа. Своею непосредственною натурой чуяла то же самое, должно быть, и Степанида, такъ какъ на лицо ея съ каждымъ утромъ все гуще и гуще ложились сумрачныя тѣни. Это „нѣчто" замѣчалось мною въ такомъ порядкѣ: прежде всего, „чаепитіе по-благородному и съ купеческимъ обхожденіемъ" продолжалось въ моей половинѣ и на слѣдующій день, затѣмъ и еще на слѣдующій и такъ далѣе, пока не вошло въ ежедневный обиходъ, даже безъ извиненій. Я этимъ, впрочемъ, не особенно огорчался, такъ какъ большую часть времени проводилъ „на волѣ". Но не отмѣтить этого, въ сущности ничтожнаго, обстоятельства, все-таки, не могъ. Не могъ не отмѣтить и того, что Вася и Степанида, спавшіе прежде въ прохладной клѣти, противъ моей половины, вытѣснены были скоро въ стряпную половину избы, въ которой была нестерпимая жара и духота и гдѣ могли париться на печи только старыя кости дѣда Абрама. Такимъ образомъ, прохладная клѣть оказалась въ распоряженіи Маланьи Өедоровны, вопреки ея обѣщанію покорно подчиняться произволенію Божію — „спать ей въ сѣняхъ, какъ горькой сиротѣ". Не могъ не отмѣтить я и того, что Платонъ Абрамычъ, несмотря на столь ревностно заявленное желаніе „принять землепашные труды въ помощь родителю", въ первое же утро работы вернулся очень скоро съ поля домой съ изорванною сбруей на лошади и съ великимъ негодованіемъ на плохой присмотръ Антона за земледѣльческими орудіями, „съ которыми развѣ только дуракъ можетъ управляться, а не то, что ум-

ственный крестьянинъ". Послѣ этого Платонъ Абрамычъ больше уже не брался за землепашные труды и только резонерствовалъ, да съ сожалѣніемъ пожималъ плечами, когда Антонъ и дѣдъ Абрамъ добродушно посмѣивались надъ его „неумѣлостью".

Скоро Платонъ Абрамычъ сталъ и совсѣмъ рѣдко бывать дома: то онъ цѣлый день бесѣдовалъ на деревенской улицѣ, угощался „съ нужными людьми" водкой, то ѣздилъ по сосѣднимъ деревнямъ и селамъ. Скоро въ нашемъ мирномъ житьѣ образовалась правильная торговая операція. Нерѣдко, входя въ свою половину, я находилъ за чаепитіемъ Платона Абрамыча въ компаніи съ какими-то очень льстивыми и ловкими „сибирками", а по праздникамъ у нашей избы толпились мужики, что-то привозившіе Платону Абрамычу въ закладъ, мѣнявшіеся скотиной и лошадьми. Часто надъ нашею „мирною обителью" стала носиться ужасающая ругань и проклятія подпившей и обобранной кѣмъ-то бѣдности. Маланья Ѳедоровна, въ то же время, изъ своей клѣти скоро сдѣлала не то деревенскій магазинъ, не то кладовую: тихонько отъ мужей, тащили къ ней бабы яйца, масло, холстъ, куръ, ягоды, и часто я имѣлъ удовольствіе видѣть и слышать, какъ она, вся мокрая отъ пота, раскраснѣвшаяся и раскисшая, какъ будто ея рыхлое тѣло дѣлалось отъ жары еще рыхлѣе, возсѣдала въ своей кладовой на опрокинутой кадушкѣ, и то торговалась или сплетничала съ бабами, то окрикивала довольно-таки повелительно свою сношенницу Степаниду, то ругала и даже била Васю, на котораго постоянно жаловался ея плаксивый сынишка. Изъ этого легко можно видѣть, какъ постепенно преобразовывалось и во что, въ концѣ-концовъ, могло обратиться и мое деревенское „монрепо̂", и мирная патріархальная обитель. И удивительное дѣло: чѣмъ шире и шумнѣе становилось торжище, чѣмъ неотвратимѣе вытѣсняло оно собою „мирное безгрѣховное житіе" истиннаго землепашца, тѣмъ этотъ землепашецъ робѣлъ все больше и больше, тѣмъ быстрѣе какъ-то онъ стушевывался, тѣмъ сосредоточенно-молчаливѣе онъ дѣлался, и только густыя тѣни скорби и грусти все рѣзче ложились на его лицо. Въ этомъ торжищѣ, дѣйствительно, какъ-то совсѣмъ затерялись не только Антонъ и Степанида, но даже самъ дѣдъ Абрамъ. Даже я, посторонній человѣкъ, какъ-то оробѣлъ. Такова сила наглости. Наглость—это могучее орудіе въ рукахъ хищника.

Я какъ-то сказалъ дѣду Абраму, что очень шумно и безпокойно стало у насъ.

— Прости, Миколай Миколаичъ,—отвѣчалъ онъ,—да, вѣдь, мы тутъ непричинны, несчастіе виновато. А съ кѣмъ оно не бываетъ? Ежели несчастіе кого утѣснитъ, то и всякъ долженъ потѣсниться, на себя часть принять. Такъ ли? У насъ, при такомъ несчастіи-то, чужія семьи въ избу пускаютъ, да еще не одну, однихъ ребятишекъ куча наберется... А нельзя, надо потѣсниться, пока обиталища себѣ не выведутъ... Надо погодить; поди, Платонъ Абрамычъ давно ужъ объ этомъ заботу имѣетъ, чтобы къ осени опять построиться.

Но предположеніе дѣда Абрама, повидимому, не совсѣмъ оправдывалось.

Вскорѣ послѣ нашего разговора, вечеромъ, возвращаясь съ гулянья, я засталъ на моей половинѣ чаепитіе: за самоваромъ сидѣлъ Платонъ Абрамычъ, дѣдъ Абрамъ и одинъ изъ зажиточныхъ крестьянъ нашей деревни. Меня, по обыкновенію, пригласили къ чаю.

— Какову у насъ старичокъ-то избу вывелъ послѣ пожара! — говорилъ Платонъ Абрамычъ гостю, показывая рукой на стѣну, — хотя бы купцу впору! Хоромы!

— Пространная изба!—замѣтилъ гость.

— Весьма пространная,—подтвердилъ Платонъ Абрамычъ,—только хозяина при ней надлежащаго нѣтъ. Старичокъ ужъ немощенъ, а Антонъ Абрамычъ и самъ только при умственномъ хозяинѣ можетъ значеніе имѣть. Прикажи ему — онъ все равно какъ лошадь отработаетъ, а ежели что изъ своего понманія—этого у него весьма мало имѣется!

И Платонъ Абрамычъ распространился съ сожалѣніемъ о томъ, какъ такая „пространная" изба можетъ остаться безъ всякаго приложенія.

— Ты вотъ, Платонъ Абрамычъ, свой домъ выведи съ этими приложеніями-то, а наша-то изба и такъ для собственнаго простора пригодится, — замѣтилъ дѣдъ Абрамъ.

— Богъ дастъ и свой домъ выведемъ, и на это ума хватитъ! Только къ тому говоримъ, что сердце болитъ, смотря на такую необстоятельность. Вотъ что, старичокъ!—съ горестью замѣтилъ Платонъ Абрамычъ. — И куда вамъ просторъ-то? Потомству хоть что ли бы его предоста-

вить, а то и потомства въ виду никакого не имѣется...

— Ну, вымремъ всѣ — тебѣ достанется,—сказалъ, посмѣиваясь, дѣдъ Абрамъ.

— Это все воля Божія-съ. А сказано тоже: „толците и предоставится"...

— А ты здѣсь, Платонъ Абрамычъ, обжился. По нраву пришлась деревня-то?— замѣтилъ гость.

— Мѣста привольныя и здѣсь! А главное дѣло—въ своемъ пониманіи,—отвѣчалъ Платонъ Абрамычъ съ смиреннымъ сознаніемъ своихъ достоинствъ.

— На то онъ и Платонъ Абрамычъ! Платонъ Абрамычъ — голова!.. Платона Абрамыча на болото посади, онъ и тамъ гнѣздо разведетъ!.. Онъ не загибнетъ!— говорилъ дѣдъ уже не съ умиленіемъ, какъ прежде, а какъ будто съ возраставшимъ все больше и больше изумленіемъ предъ дѣловитостью своего молодого сына.

Такъ прошло полтора мѣсяца; начинало пахнуть осенью, наступали заморозки, ненастье; я сталъ уже подумывать о переселеніи въ городъ, тѣмъ болѣе, что и на душѣ у меня какъ-то стало тяжело, когда я видѣлъ, во что обратилось наше мирное деревенское житье, и предчувствовалъ конечную погибель слабаго патріархальнаго человѣка подъ тяжелою рукой хищника. Я начиналъ даже разочаровываться и въ патріархальной способности дѣда Абрама „устроять домы чадъ своихъ" и совсѣмъ пересталъ называть его „Авраамомъ". Но неожиданно случилось такое совпаденіе обстоятельствъ. Дѣдъ Абрамъ вдругъ захворалъ. Стариковъ, какъ и дѣтей, недугъ охватываетъ и измѣняетъ быстро. Вчера ребенокъ былъ рѣзвъ, веселъ, пухлыя щеки пылали здоровымъ румянцемъ и ярко сіяли быстрые глазки, но болѣзнь въ одну ночь дѣлаетъ изъ него хилое, дряхлое существо; на утро его не узнаешь: блѣдная, прозрачная, синеватая кожа, вмѣсто свѣтло-розовой, тусклые грустные глаза, съ синими кругами подъ глазницами, тонкія безсильныя руки и ноги. Такъ и со стариками. Дѣдъ Абрамъ вдругъ какъ-то осунулся, глаза еще дальше ушли подъ навѣсъ сѣдыхъ бровей. Старческія руки и ноги дрожали; съ лица сошла улыбка нравственнаго спокойствія и довольства,—се замѣнило выраженіе строгаго и сдержаннаго безпокойства. Къ вечеру онъ совсѣмъ слегъ; этимъ же вечеромъ исчезъ куда-то и Платонъ Абрамычъ; на слѣдующее утро не являлись ко мнѣ чайничать ни тотъ, ни другой. Но около полудня къ избѣ подъѣхалъ возъ: это Платонъ Абрамычъ перевозилъ понемногу свое имущество изъ мѣста прежняго своего жительства. Вошла Степанида и сказала, что дѣдушка проситъ меня сойти къ нему. Въ сѣняхъ, около подклѣти, я встрѣтилъ Платона Абрамыча съ супругой, которые заполняли подклѣть всякою рухлядью: сундуками, кадушками, банками и коробами съ какимъ-то товаромъ. Въ нихъ замѣтна была какая-то лихорадочная поспѣшность.

— Что это вы? совсѣмъ переселяетесь?

— На ваше мѣстечко, господинъ?.. Что жъ такому простору впустѣ находиться?.. Это и предъ Богомъ грѣхъ!—отвѣчалъ Платонъ Абрамычъ съ какимъ-то особеннымъ нахальнымъ лицемѣріемъ.

— Мы, милый баринъ, не только что себѣ, а и другимъ сумѣемъ удовольствіе составить,—дополнила Маланья Ѳедоровна.

— А какъ ваша постройка на старомъ пепелищѣ?

— Постройка, господинъ, отъ умнаго человѣка никогда не уйдетъ. Мы завсегда сумѣемъ построиться, если въ этомъ надобность будетъ,—нѣсколько туманно объяснилъ онъ.

Я сошелъ къ дѣду. Онъ лежалъ на нарахъ, навзничь, сложивъ на груди руки. Лицо его было строго и даже сердито.

— Ну, что, дѣдушка, какъ можется?— спросилъ я, подсаживаясь на лавку.

Онъ отвѣчалъ не скоро.

— Смерть идетъ, Миколай Миколаичъ,—проговорилъ онъ серьезно и неторопливо.

— Поправишься,—успокоивалъ я.—А что, дѣдушка, развѣ ты боишься умереть?

— Нѣтъ, умереть я не боюсь. Я только до времени умереть боюсь... Потому не все я въ закончаніе привелъ, въ чемъ, значитъ, человѣку произволеніе жизни.

Онъ говорилъ медленно, съ передышкой.

— Думалъ, все исполнилъ... Анъ, выходитъ, жизнь-то не скоро учтешь. Учелъ разъ, анъ она опять впередъ тебя ушла... Только въ послѣдній часъ и учтешь. Ты бы мнѣ завѣщаніе написалъ, — сказалъ онъ,—такъ, чернячокъ... Для нашего обихода и этого будетъ... Да въ другое время и безъ него бы обошлось. А теперь...

— Изволь.

Я взялъ бумагу и перо и приготовился писать.

— А ты перекрестись. Перекрестимся предъ началомъ.

Слѣдовало короткое завѣщаніе, по которому онъ отказывалъ своему названному внуку, Василію, 15 рублей деньгами, которые лежали у него въ изголовьѣ, зашитые въ груди кафтана. Тѣмъ все и кончалось.

— А сыновей что же ты не упомянулъ?

— Сыновей я отдѣлилъ какъ слѣдуетъ, по-дѣдовскому завѣту. А слышь!—вдругъ спросилъ онъ,—Платонъ-то Абрамычъ совсѣмъ къ намъ перевозится?

— Да.

Онъ замолчалъ.

— Не совладать *имъ* однимъ, не совладать... На меня люди скажутъ! — сталъ выговаривать онъ, словно въ бреду, смотря неподвижно въ потолокъ. — Пока живъ ничего, а умеръ... всяко бываетъ, всяко... Не совладать имъ однимъ... До суда доведутъ... А судъ — все людской судъ, не Божій... Ты тутъ, что ли, Миколаичъ?—спросилъ онъ.

— Здѣсь, Абрамъ Матвѣичъ, здѣсь.

— Ты что жъ меня Авраамомъ-то нонѣ не зовешь? Давно ужъ что-то не звалъ... А и по деревнѣ ужъ твое прозванье пошло.

— Развѣ нравится тебѣ?

— Недостоинъ,—проговорилъ онъ, помолчавъ, и затѣмъ смолкъ совсѣмъ.

Я положилъ написанную черновую завѣщанія ему подъ изголовье и вышелъ.

На слѣдующій день погода разведрилась. Осеннее солнце было ярко, но холодно. Въ свѣжемъ, прозрачномъ воздухѣ медленно плыли серебряныя нити паутинника. Словно какая-то сила невольно тянула вонъ изъ дома, на волю, на просторъ. Мнѣ хотѣлось воспользоваться послѣдними хорошими днями своего деревенскаго житья, и я собрался на охоту. Хотя поднялся я утромъ очень рано, однако, на половинѣ дѣда Абрама было уже сильное оживленіе—говорили громко, крупно, хлопали особенно сильно дверями. Я сначала подумалъ, не умеръ ли дѣдъ. Но строгій часъ смерти невольно сокращаетъ и смиряетъ даже самыхъ хищниковъ... Когда я вошелъ во дворъ умываться, встрѣтившаяся мнѣ Маланья Өедоровна не только обычно не привѣтствовала меня льстивымъ привѣтствіемъ, но какъ-то особенно сердито шмыгнула мимо меня. Самоваръ принесъ мнѣ Антонъ, какъ и всегда, благодушно-молчаливо улыбавшійся.

— Ну, что дѣдъ?—спросилъ я.

— Ничего. Слава тебѣ, Господи! Поправляется.

— Ну, вотъ и хорошо... А что это вы тамъ расшумѣлись такъ съ ранняго утра?

— Ничего. Тутъ мы не при чемъ... Дѣло родительское.

Антонъ улыбнулся и тотчасъ же перебилъ самого себя замѣчаніемъ насчетъ поэтической „пріятности“, съ которою распѣвалъ пѣсни весело шумѣвшій самоваръ.

А когда я совсѣмъ одѣлся, взялъ ружье и вышелъ, то на завалинѣ нашей избы встрѣтилъ дѣда Абрама, сидѣвшаго среди четырехъ-пяти такихъ же стариковъ. Сивые или совсѣмъ бѣлые, какъ лунь, лысые или съ выстриженными, по-стариковски, маковицами, они ежились отъ утренней свѣжести въ своихъ дырявыхъ полушубкахъ.

Дѣдъ Абрамъ, несмотря на то, что былъ слабъ и его била лихорадка, старался шутить и глядѣть веселѣе.

На мое привѣтствіе и на мой вопросъ, о чемъ они толкуютъ, дѣдъ отвѣчалъ:

— А вотъ гадаемъ, кому раньше въ гробъ ложиться, такъ грѣхи учитываемъ, чтобъ ужъ чисто было... А коли что забудется, такъ пущай, кто вживѣ останется, за покойника справитъ. Объ чемъ намъ больше толковать-то? Нами ужъ и тына не подопрешь!—шутилъ дѣдъ Абрамъ.

Старики утвердительно кивали на его слова головами и подкрѣпляли ихъ приличными изреченіями народной мудрости.

— Разгуляться идешь?— спросилъ дѣдъ.

— Да, да.

— Ну, ступай! Побѣгай, пока молодъ. А состарѣешься, какъ мы же, такъ больше того, что грѣхи учитывать, не придется.

Я проходилъ весь день и вернулся только къ вечеру. Каково же было мое изумленіе, когда я увидалъ слѣдующую необычную сцену. Отъ воротъ, съ завалинъ и изъ оконъ избъ любопытная деревня внимательно смотрѣла по направленію къ избѣ дѣда Абрама, отъ которой неслись какія-то истерическія рыданія, пересыпаемыя руганью и всякими жесткими пожеланіями. Я узналъ голосъ Маланьи Өедоровны, хотя у самой избы еще не было никого замѣтно. Когда же я подошелъ на середину деревни, вдругъ навстрѣчу мнѣ изъ воротъ Абрамовой избы выѣхалъ тяжело нагруженный всякимъ скарбомъ возъ, и на немъ, какъ и раньше, сидѣла съ своимъ сыномъ Маланья

Ѳедоровна. Она что-то кричала, обращаясь ко всей деревнѣ, между тѣмъ какъ самъ дѣдъ Абрамъ, спотыкаясь слабыми ногами, съ открытою головой, выводилъ торопливо лошадь подъ уздцы на середину улицы. За этимъ возомъ, изъ-подъ воротъ, выѣхалъ другой. Какъ и прежде, нервно и зло дергая вожжами, шелъ за нимъ Платонъ Абрамычъ въ розовой ситцевой рубахѣ, въ жилеткѣ съ разноцвѣтными стеклянными пуговками и въ новомъ суконномъ картузѣ. Онъ былъ красенъ и весь въ поту отъ волненія, а широко открытые глаза его, какъ у помѣшаннаго, бѣгали изъ стороны въ сторону.

Дѣдъ Абрамъ поставилъ лошадь по направленію къ верѣ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ съ ней по дорогѣ, ударилъ ее вожжами, потомъ перебросилъ ихъ ей на спину и, отойдя, махнулъ вслѣдъ уѣзжавшимъ рукой.

— Добрые люди! Добрые люди! Посмотрите! Возлюбуйтесь! Какія дѣла-то у васъ дѣлаютъ, дѣла-то какія!—наконецъ, разобралъ я, какъ причитала Маланья Ѳедоровна, подбирая брошенныя дѣдомъ вожжи.—Родители дѣтей своихъ изгоняютъ! кровь свою, кровь пьютъ! Милые, да виданное ли это дѣло? За ласку-то нѣжную! За обходительность-то нашу! Возлюбуйтесь, добрые люди! — визгливо выкрикивала она, поворачивая постоянно къ деревнѣ свое раскраснѣвшееся лицо.

— Съ Богомъ!..—говорилъ ей въ отвѣтъ дѣдъ Абрамъ, махая рукой, когда быстро проѣхалъ мимо него Платонъ Абрамычъ, не сказавъ ни слова, и только такъ дернулъ вожжами, что лошадь шарахнулась въ сторону и чуть не упала. Онъ выругалъ ее, и оба воза скрылись за околицей. Но долго еще изъ-за околицы неслись въ деревню выкрики и причитанія Маланьи Ѳедоровны.

Въ это время уже почти совсѣмъ закатившееся солнце выглянуло въ ложбину между холмами и послѣдними красноватыми лучами облило деревенскую улицу, на серединѣ которой все еще стояла высокая, нѣсколько сгорбленная фигура сѣдого старика, въ синей изгребной рубахѣ, посконныхъ штанахъ и лаптяхъ, съ открытою головой и широкою сивою бородой, которую раздувалъ слегка налетавшій изъ-за околицы сырой вечерній вѣтеръ. Наконецъ, онъ, поглаживая бороду и задумчиво опустивъ голову, поплелся медленно къ своей избѣ.

Я уже успѣлъ раздѣться и, усталый, легъ на лавку. Какая-то безмолвная тишина воцарилась неожиданно кругомъ. Легко вздохнулось груди. Такъ послѣ мучительной, но искусной операціи трудно стонавшій больной вдругъ чувствуетъ, какъ невыносимая тяжесть свалилась съ его плечъ и его грудь вздохнула свободно въ первый разъ послѣ долгихъ, мучительныхъ, безсонныхъ ночей. И вотъ среди этой тишины раздался знакомый звукъ: скрипнула тихо дверь, въ нее выглянуло благодушное лицо дѣда Абрама и раздался обычный прежде, но давно уже забытый вопросъ:

— Не наставить ли кипяточку?

— Да, да, дѣдушка Авраамъ! Непремѣнно!—вскрикнулъ я.

И затѣмъ опять услыхалъ я нетерпѣливую хлопотню дѣда со внукомъ около самовара и обычныя обученія „порядку“.

За моимъ самоваромъ опять очутились мы втроемъ: я, дѣдъ и внукъ.

— Ну, что, дѣдушка, получше ли тебѣ?—спросилъ я.

— Получше, кажись... А все плохо... Чую, что все уже не то что-то... Оборвалось!

Дѣйствительно, хотя онъ и старался, попрежнему, благодушно улыбаться, но что-то страдальческое виднѣлось въ этой улыбкѣ, а державшія блюдце грубыя, заскорузлыя руки дрожали такъ, что чуть не выливалась съ него вода. О Платонѣ Абрамычѣ мы не говорили больше, такъ какъ на мой вопросъ: „почему это все такъ случилось?“ дѣдъ отвѣчалъ нехотя: „Чтó тутъ! Видимое дѣло“...

Очевидно, ему было тяжело говорить объ этомъ.

Скоро я распростился съ дѣдомъ — и навсегда. Полгода спустя, въ началѣ весны, я встрѣтилъ въ городѣ пріѣхавшаго на базаръ Антона. Онъ сообщилъ мнѣ, что дѣду становилось зимой все хуже, что на Рождествѣ его похоронили, что Платонъ Абрамычъ на похоронахъ не былъ и что на деревнѣ и на селѣ, у поповъ, посейчасъ еще, вспоминая старика, прозываютъ его не иначе, какъ дѣдушкой Авраамомъ.

1879 г.

ДЕРЕВЕНСКІЙ КОРОЛЬ ЛИРЪ.

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящаю пріятелю моему, Ивану Анисимовичу).

Когда мнѣ приходилось жить въ деревнѣ, я особенно любилъ бесѣдовать со стариками. Вообще деревенскій старикъ болтливѣе, разговорчивѣе съ постороннимъ человѣкомъ, чѣмъ мужикъ - середнякъ. Старикъ всегда наивнѣе, непосредственнѣе, между тѣмъ какъ „середнякъ“ непремѣнно „солидничаетъ“, если онъ большакъ въ хозяйствѣ, резонерствуетъ, вообще старается быть не тѣмъ, чѣмъ онъ есть, старается „выказаться“ съ той стороны, которая, по его мнѣнію, наиболѣе можетъ поддержать его репутацію въ глазахъ городского человѣка. Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, но я почему-то чувствую особое предрасположеніе къ этимъ подгнивающимъ столпамъ, которые вынесли на себѣ тяжесть трехъ четвертей крѣпостного вѣка и, подгнивши, погнувшись, но не упавъ подъ этою тяжестью, сложили историческій грузъ вмѣстѣ съ новыми наслоеніями на неокрѣпшія еще основы своихъ сыновъ. Въ этихъ хилыхъ и дряхлыхъ останкахъ былого живетъ еще та органическая связь далекаго прошлаго съ наступающимъ, которая невольно, неудержимо влечетъ къ себѣ вниманіе.

— Вотъ, дружокъ, вымремъ всѣ мы, старожилые-то мужички... Такихъ, какъ мы, ужъ не будетъ... Другой нонѣ народъ пошелъ! — выговариваютъ они свои вѣчныя жалобы на новыя времена.

И дѣйствительно, чувствуешь, что вотъ вымрутъ они, эти старожилые мужички, и вмѣстѣ съ ними уйдетъ въ невозвратную историческую тьму что-то такое, чего, можетъ быть, уже не увидишь, не встрѣтишь больше, и какъ-то тоскливо сжимается сердце. Тоска эта, впрочемъ, вовсе не знаменуетъ отсутствія вѣры въ новыхъ „сыновъ народа“, которые все же плоть отъ плоти и кость отъ костей этихъ же вымирающихъ стариковъ, но настоящее этихъ „сыновъ“ такое хаотическое, смутное, за которымъ будущее представляется еще смутнѣе, еще неопредѣленнѣе. А тутъ, въ этихъ старожилыхъ мужичкахъ, посмотрите, какъ все окаменѣло, застыло въ опредѣленныхъ очертаніяхъ и формахъ! Они ясны, какъ книга, въ которой вы четко читаете эпическія страницы вѣковой борьбы.

Впрочемъ, все это вступленіе мало имѣетъ отношенія къ тому, о чемъ я хочу вамъ разсказать. Сорвалось это съ языка такъ, между прочимъ; пускай такъ и останется.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по коекакимъ личнымъ дѣлишкамъ (племянницѣ моей достался, нежданно-негаданно, по наслѣдству небольшой кусокъ изъ одного большого барскаго пирога) пріѣхалъ я въ село „Большія Прорѣхи“. Въ это село я заѣзжалъ и раньше, такъ какъ земля моей племянницы находилась какъ разъ въ сосѣдствѣ съ землей мѣстныхъ крестьянъ, и я сдавалъ ее въ аренду одному зажиточному мужику-мельнику, у котораго всегда и останавливался. У него же остановился и въ этотъ пріѣздъ. Обыкновенно пріѣзжалъ я изъ города въ концѣ сентября и проживалъ, если осень стояла хорошая, недѣли полторы-двѣ. Село это было большое, нѣкогда разныхъ владѣль-

цевъ. Многіе мужики меня знали хорошо, въ особенности изъ того „обчества", къ которому принадлежалъ и мой арендаторъ. Это былъ высокій, плечистый мужикъ-середнякъ, съ „резонистою рѣчью", высокимъ о себѣ мнѣніемъ и, вслѣдствіе этого, бахвалъ на сходкѣ и деспотъ въ своей семьѣ. „Хозяйство" свое (а оно у него было большое: кромѣ своего надѣла, онъ бралъ въ аренду земли помѣщиковъ и надѣлы своихъ бѣдняковъ-сосѣдей; притомъ у него была мельница и рушалка для обдиранія крупы) велъ онъ „круто"; съ семьей и рабочими обращался свысока и сурово. Но, въ то же время, любилъ болтать съ сверстниками на сходахъ и въ трактирѣ, считался даже весельчакомъ и добрымъ пріятелемъ. Любилъ онъ и со мной поговорить и потѣшить меня веселымъ разговоромъ, а больше разсказами и издѣвками надъ кѣмъ-нибудь изъ захудалыхъ „рукосуйныхъ" мужичковъ. Но я его видалъ всего разъ въ день, къ вечеру, когда онъ приканчивалъ „хозяйныя дѣла" и засаживался пить чай, снявъ сапоги, полушубокъ, разстегнувъ воротъ красной рубахи и вообще, что называется, распустивъ брюхо. Къ чаю онъ непремѣнно приглашалъ и меня. За чаемъ, кромѣ насъ двоихъ, обыкновенно рѣдко кто-нибудь присутствовалъ изъ семьи, а если это случалось, то только по особой милости хозяина, и то послѣ того, какъ мы уже выпивали стакана по три. Онъ обыкновенно звалъ тогда или жену, высокую, грудастую, довольно красивую, но туповатую бабу, или своего отца-старика, большею частью къ этому времени или лежавшаго на печи, или молча сидѣвшаго въ темномъ углу на лавкѣ, скрестивъ на животѣ руки и изрѣдка вздыхая.

— Эй, старикъ!—добродушно выкрикивалъ мой хозяинъ послѣ третьяго стакана, вытирая со лба обильный потъ, — поди, пополощи животъ-то!.. Кипятку будетъ довольно! Все же развеселишься... А то, чай, скука все сидѣть-то!

Старикъ, кряхтя и охая, искалъ около себя подогъ и болѣзненно поднимался на дрожавшія ноги, въ старыхъ валеныхъ сапогахъ. У него вотъ уже года два какъ совсѣмъ отнялись ноги, и онъ ничего не могъ дѣлать, какъ только ковырять лапти или про себя молиться Богу. Впрочемъ, иногда, какъ разойдется, не усидитъ: то лошадь сводитъ къ колодцу на водопой, то во дворѣ съ чѣмъ-нибудь повозится. Говорилъ онъ обыкновенно въ семьѣ очень мало. Да и съ нимъ никто не говорилъ. Это было нѣчто, предоставленное самостоятельному и естественному разрушенію, какъ совершенно ни къ чему неприложимое. Внуковъ у него не было; народъ кругомъ былъ чужой: какіе-то дальніе двоюродные племянники, жившіе въ работникахъ, да работницы, которымъ некогда было хорошенько куска перекусить, не то что со старикомъ разговоры вести. И старикъ какъ-то заживо замиралъ въ своемъ углу. Развѣ только изрѣдка, въ праздники, завертывалъ къ нему иногда посидѣть на солнопекѣ на завалинкѣ такой же дряхлый старикъ-благопріятель. Но когда пріѣзжалъ я, старикъ какъ будто нѣсколько оживлялся и особенно радушно улыбался мнѣ изъ-подъ сѣдой чащи волосъ, заростившей все его лицо. И понятно: мы съ нимъ были люди „гулящіе", какъ говорилъ онъ, располагавшіе досугомъ и потому почасту сидѣвшіе на припекѣ осенняго солнца у избы и неторопливо бесѣдовавшіе обо всемъ, что Богъ на душу положитъ. Но и то онъ оживлялся не надолго. Привычка къ полусозерцательной, безмолвной жизни брала свое, и онъ больше слушалъ меня, чѣмъ говорилъ самъ, да только улыбался, выражая свое удовольствіе.

Архаическіе прорѣхинскіе старички, завидѣвъ насъ сидящими съ моимъ старикомъ (кстати, его звали Арефъ) на лавочкѣ у избы въ тихій осенній, прозрачный и слегка пронизывающій дрожью осенній вечеръ, въ свою очередь вылѣзали изъ своихъ темныхъ угловъ и подсаживались къ намъ.

Особенно меня поразили трое изъ нихъ. Одинъ былъ высокаго-высокаго роста, кузнецъ по ремеслу, съ жилистыми и вѣчно перепачканными въ угляхъ руками (онъ все еще копался по цѣлымъ днямъ въ кузницѣ); но голова у него была совсѣмъ бѣлая, маленькая, и лицо совсѣмъ ребячье, сморщенное, какъ будто онъ или плакать собирался, или смѣяться. Онъ сидѣлъ и постоянно что-нибудь жевалъ беззубымъ ртомъ. Совершенный ребенокъ онъ былъ и по всему: наивенъ, беззаботенъ и легковѣренъ. А, между тѣмъ, я зналъ, что единственный сынъ старика, тоже кузнецъ, веселый здоровякъ-толстякъ, когда былъ пьянъ, билъ старика и выгонялъ изъ дома.

Другой, съ кудлатою, съ просѣдью, головой и кривыми ногами, вѣчно бывалъ подвыпивши (говорятъ, потаскивалъ у

внука, у котораго всегда бывала въ запасѣ водка, а потомъ доливалъ водой). Этотъ старикъ никогда ничего не разсказывалъ, а только улыбался и всѣмъ кивалъ головой. Даже нельзя было сказать съ увѣренностью, чтобы онъ и слышалъ что-нибудь изъ нашихъ разговоровъ, потому что если его спросить о чемъ-нибудь, онъ, вмѣсто отвѣта, приложитъ правую руку къ виску, нагнетъ на бокъ голову и съ неумирающею улыбкой подъ усами и въ бородѣ вдругъ затянетъ дребезжащимъ голосомъ заунывную пѣсню. Посмѣются надъ нимъ, да такъ и махнутъ рукой. „Прямая ты, скажутъ, Самара!" Почему-то его прозвали „Самарой".

Третій былъ „сивый старичокъ", маленькій, худенькій, низенькій. Но о немъ рѣчь впереди.

II.

Для примѣра я разскажу вамъ, о чемъ и какъ мы бесѣдовали.

Усядемся мы на колодѣ подъ окнами избы. Солнце въ это время какъ разъ стоитъ предъ нами, такъ какъ оно закатывается за крыши противоположныхъ избъ. Своими блѣдными, негрѣющими уже лучами мягко ласкаетъ оно старческія лица; старики жмурятся и ежатся подъ его лаской, какъ старые коты.

— Нонѣ, миленькій, намъ чести нѣту,—выговариваетъ мѣрнымъ, неторопливымъ голосомъ Арефъ, откинувъ свою массивную фигуру и большую сѣдую голову къ стѣнѣ, скрестивъ на животѣ руки и совсѣмъ закрывъ глаза. — Не тѣ времена! Посмотри на сходъ,—на сходѣ нонѣ все серединкъ-мужикъ... Нѣтъ намъ чести! Говорятъ: „окажи намъ умъ! По нонѣшнимъ временамъ умъ нуженъ... А какой у васъ, стариковъ, можетъ быть умъ? Чего вы въ нонѣшнихъ вѣкахъ понимать можете?" — „Понимали", молвишь.—„Понимали, да не нонѣшніе вѣка! Нонѣшніе вѣка особенные..." — „Не глупѣе васъ были, молвишь, за міръ стоять умѣли... Выстойте-ка вы! Давайте-ка спинами, али скулами считаться: у кого онѣ за міръ больше трещали?"—„Трещали онѣ у васъ, смѣются, только и дѣло было, что трещали... А ты вотъ окажи по нонѣшнимъ вѣкамъ умъ... да!.. гдѣ нужно—змѣей, гдѣ нужно — лисой, гдѣ попроси, гдѣ попляши — вотъ нонѣ мірская заслуга!.." И точно: глупы мы на эти дѣла... глупы!.. И Богъ съ ними, пущай!.. „Ты, говоритъ, вотъ спиной-то мельницу не вывелъ, крышу желѣзомъ не покрылъ... Хорошо, говоритъ, оно тебѣ за чужимъ-то умомъ за печкой сидѣть! Небось! скрозь желѣзную-то кровлю тебѣ въ лысину не каплетъ!.." Ну, и Богъ съ ними. Пущай по-новому управляются... А мы послужили... Помянутъ и насъ...

— Еще по-мя-я-ну-утъ! Нѣтъ, это погоди!—заговорилъ сивый старичокъ, сидѣвшій по правую сторону меня, въ накинутомъ на плечи старомъ нагольномъ полушубкѣ.

Сивый старичокъ этотъ былъ съ сивою же, повылѣзшею мѣстами бородкой, и слезливыми глазками, изъ которыхъ одинъ ничего не видѣлъ ужъ и только какъ-то особенно выразительно мигалъ.

— Нѣтъ, это ты постой, Арефа Иманычъ! — выкрикивалъ онъ и, вставъ предъ нами, поправляя рубаху, затопоталъ своими новыми липовыми лапотками.—Еще мы напо-о-мнимъ! Да!.. Коли что, мы напо-о-мнимъ! Мы еще въ своемъ дѣлѣ—владыки! Ты еще насъ — почти! Али я въ своемъ домѣ не король? Али у меня заслуги нѣтъ? Е-есть!.. Коли что, мы еще напо-о-мнимъ!..

— Другъ, этого не скажи, — проговорилъ печально дѣдъ Арефъ.—Исполнится предѣлъ...

— Предѣлъ-то еще когда исполнится!.. Да!.. Еще далеко до конца-то предѣла! Мы еще, слава Богу, въ полномъ разумѣніи, чтобы намъ конецъ-то предѣла показывать!..

— Ты, вѣдь, у насъ бодеръ! Ровно старый жеребецъ инно возгоришься,—замѣтилъ старикъ-кузнецъ, не переставая жевать беззубымъ ртомъ и беззвучно засмѣялся въ свои усы.

Самара весело все время смотрѣлъ на сиваго старичка и хитро-снисходительно улыбался прищуренными глазками.

— Ты прислушай-ка, дружокъ, ежели не въ обиду твоей милости будетъ. Я тебѣ про платинку разскажу,—обращается сивый старичокъ ко мнѣ, снова подсаживаясь сбоку и съ удивительною деликатностью касаясь моей колѣнки своею заскорузлою ладонью.

— Сдѣлай милость, дѣдушка Онуфрій,—отвѣчаю я и замираю, закутываясь плотнѣе въ пальто, приготовляясь слушать, такъ какъ знаю, что это будетъ длинная-длинная страница воспоминаній, читая которую старикъ ухитрится пережить и перечувствовать вновь самыя мель-

чайшія и неуловимыя ощущенія прошлаго, хотя бы отдаленнаго уже на цѣлые полвѣка.

Цѣпляясь одно за другое, плавно тянутся эти „напоминовенія заслугъ“. Но только — удивительное дѣло!—какъ-то, въ концѣ-концовъ, изъ разсказа оказывалось, что „заслуги“ эти вовсе не относятся къ тому, къ кому, по справедливости, должны быть отнесены, а къ предметамъ, не имѣющимъ съ заслугами ничего, повидимому, общаго.

Вотъ, напримѣръ, разсказъ о похожденіи „платинки“.

Простое, извѣстное дѣло: крутой баринъ, вымогательство оброка, „гдѣ хочешь бери—неси“. Сошлись старики, потолковали и вынули изъ онучъ завѣтныя платинки, гдѣ-то, когда-то сообща полученныя ими за артельную работу. „На, говорятъ, Онуфрій, неси ему, брось...“ Беретъ Онуфрій, идетъ къ барину и думаетъ: „жалко платинки! Много ли обождать? Вотъ вернемся съ заработковъ—отдадимъ, не зажилимъ... Зачѣмъ платинкѣ пропадать, а старикамъ на послѣднемъ концѣ ихъ жизни огорчаться? Ай, не отдамъ я барину платинки! Претерплю, а не отдамъ!“ И вотъ, пока входитъ Онуфрій на барское крыльцо, онъ рѣшительнымъ жестомъ засовываетъ стариковскія платинки въ голенище сапога. Извѣстная сцена: „оброкъ!“ — „Ваши рабы...“—и поклонъ въ ноги... Бацъ, бацъ! А тутъ барынька, тихая заступница, вышла и говоритъ: „не бей ихъ, не бей, милый!“—и за руку его увела за дверь. Слышно, кричитъ онъ на нее тамъ, ногами топаетъ. А я стою: „не отдамъ я тебѣ стариковскія платинки! Претерплю, а домой старикамъ назадъ принесу“. Думаю такъ-то, жду... А она опять вышла, тихая заступница: „ступай, говоритъ, я велю тебѣ и паспортъ выдать... Вернешься съ заработковъ — не забудешь!“ Тихая барынька, заслужила она предъ Богомъ! Мужицкое горе за нее молитъ,— кончаетъ Онуфрій. Красный маленькій носъ его еще больше краснѣетъ, а правый слѣпой глазъ начинаетъ чаще и чаще мигать.

А вотъ за платинкой слѣдуетъ длинная повѣсть о хлопотахъ по возвращенію неправильно сданныхъ въ солдаты сыновей.

— Ѣду!.. Помолился — ѣду! Справку эту самую метрическую отъ попа крѣпко-накрѣпко держу. Пріѣзжаю въ городъ,— прямо къ набольшему. „Врешь, кричитъ, врешь, мужичишка!.. Провести хочешь! Взятку хочешь дать?.. А я не возьму! Слышишь, не возьму! не возьму!“ Затрясся я весь, въ ноги: „не прикажи казнить, твоя милость,—прикажи бумажку разсмотрѣть“. Взялъ. „Жди“, говоритъ. Жду день, другой, третій, съ лошаденкой, въ городѣ-то, значитъ... А самому думается: „поздно! Ой, запоздаю! Сыны мои, запоздаю!“ Чудится, везутъ ужъ ихъ, забрали. Ждать не станутъ! повернутъ дѣло въ деревнѣ скоро, коли узнали, что я такую прыть взялъ... Жду, братецъ, съ лошаденкой... Недѣлю прожилъ, а все нѣтъ рѣшенья... Ни себѣ, ни лошаденкѣ кормиться не чѣмъ стало... Взялъ этто я лошаденку за поводъ и пошелъ съ ней по дворамъ, по міру, братецъ мой... Ей-Богу! Взялъ лошаденку,— думаю, лучше разжалоблю... Ходимъ этто мы съ ней, побираемся... А я кляну лошаденку: „и зачѣмъ это я тебя взялъ, одра голоднаго? Самъ-то я, може бы, кое-какъ прокормился! Связалъ ты меня, одеръ эдакій!“ Кляну ее такъ-то денно и нощно... Одначе превозмогъ — дождался: приказали со строгимъ приказомъ къ посреднику ѣхать, чтобы какъ можно... „Вышло, говорятъ, старикъ, твое дѣло правое... Только смотри—торопись!“ Вышелъ этто я, плачу; тутъ и кобыленку свою вспомнилъ... Да, тутъ вотъ, небось, вспомнилъ! Первымъ дѣломъ—чуйку суконную заложилъ, въ которой къ набольшему являлся, да овса купилъ. Всыпалъ кобыленкѣ: „поѣшь, молъ, родная, только услужи!“ Ѣду, бѣжитъ кобыленка, сердце не нарадуется: такъ-то ли бойко по порошѣ отхватываетъ! А я ее еще прихваливаю: „ну, молъ, кобылка, бѣги, бѣги!“ Пріѣхалъ къ посреднику, а отъ него старшина выходитъ. „Такъ и такъ, говорю, вотъ приказанье отъ набольшаго...“ А моего старшины и слѣдъ простылъ. Я за нимъ. Гляжу, а онъ коня сторублеваго обрядилъ, чтобы, значитъ, зараньше меня къ намъ въ село попасть, да сыновей моихъ угнать, какъ бы, выходитъ, ради для того, что приказъ, молъ, опоздалъ... Сѣлъ этто я, не будь плохъ, на свою кобыленку, да за нимъ слѣдомъ. „Примѣрная, кричу на нее, примѣрная животинка! не загуби души христіанской! Сивушка, вынеси!“ Самъ этто гоню ее... Гоню, гоню, а самъ посматриваю... Дрожитъ сердце: запыхалась, вижу... Ну, отпущу ей вожжи-то, вотъ такъ: отпущу-отпущу немного, дамъ вздоху, пока старшина-то у меня въ гла-

захъ, а тамъ и опять закричу: „эхъ, примѣрная! вынеси, ястребъ ты мой поднебесный! Наберись силушки!“

Кричу эдакъ, да приговоры приговариваю, а у самого слеза бѣжитъ... мерзнетъ на бородѣ-то... „Нѣтъ, думаю, не вынесетъ кобылка... Нѣтъ, не вынесетъ! Загублю животинку... Того гляди — сейчасъ пластомъ падетъ! Микола милостивый, думаю, Фролъ-Лаверъ, лошадные заступники, къ вамъ прибѣгаю!“ А самъ опять нѣтъ-нѣтъ да отпущу ей вожжи-то: „вздохни, молъ, примѣрная!“ Вотъ и послѣдняя гора: село наше видно! На селѣ, вижу, народу видимо-невидимо около моей избы собралось: „ну, отправляютъ!.. Али ужъ отправили?“ Гляжу, старшина къ старостиной избѣ подъѣхалъ... Тутъ ужъ я остервенѣлъ, ровно звѣрь какой сталъ; чую только, будто во мнѣ ужъ и жалости ни къ чему никакой не стало... Всталъ этто я въ санишкахъ, намоталъ на кнутъ узелъ, да и давай кобыленку бить... Бью въ шальную голову! Ничего не помню... Видишь, братецъ, это ужъ во мнѣ отъ горя-то жалость, значитъ, застыла: звѣрь сталъ человѣкъ— все одно! Обезпамятѣлъ! Прискакалъ къ избѣ, толпа разступилась, отъ кобыленки только паръ идетъ... Гляжу, поспѣлъ. У воротъ подвода готовая стоитъ... Народъ соболѣзнуетъ мнѣ: „иди, говорятъ, прощайся, Онуфрій... Къ разу Богъ тебя донесъ! Поспѣлъ!“

Я молчу: ни-гугу... Вошелъ въ избу; старуха моя въ переднемъ углу съ хлѣбомъ-солью стоитъ, на короваѣ образъ держитъ, молчитъ, а слезы-то на хлѣбъ у нея капъ да капъ... Сыны мои тутъ же, одѣтые стоятъ, въ полушубкахъ, кушаки да шарфы красные... Старшой-то припадать къ иконѣ сготовился... Тутъ вотъ, эдакъ въ сторонкѣ—столъ, на столѣ водки четвертуха, всякое варево и печенье, а предъ нимъ староста сидитъ... Я только моргнулъ на него — и поклона не сдѣлалъ, перекрестился предъ образомъ, да смаху: „Старуха, говорю, прибирай иконы! Будетъ, помолились! А вы, сыны, хошь на печку полѣзай, хошь на улицу разгуляться ступай... Миръ вамъ, родные!“ А староста мнѣ: „Это что за уставы?“ Тутъ ужъ я совсѣмъ олютѣлъ, какъ бы сообразительность потерялъ, на него окрысился: „Коли ты хошь добромъ, говорю, Миронъ Васильичъ, такъ вотъ лакай водку, а не хошь добромъ, такъ вотъ тебѣ порогъ... Ступай, къ тебѣ гости пріѣхали, самъ старшина!“ Старосту такъ изъ-за бутыли и вымахнуло вонъ... А я, эдакъ, сѣлъ на лавкѣ и сижу, молчу, себя не вспомню. А старуха и сыны стоятъ, смотрятъ на меня, ровно бы я и не въ полномъ умѣ. Посидѣлъ немножко и говорю: „Уберите кобыленку! Жива ли она, примѣрная? Помни, родные, кабы не кобыленка, стоять бы сыну подъ красною шапкой... Заслужилъ конекъ!... Умирать съ голоду буду, ежели Господь попуститъ, а съ нимъ не разстанусь. Самъ, своими руками, похоронюю, ежели переживу... Заслужила, примѣрная. Такъ-то, милый, вотъ она, заслуга-то отъ животины какая бываетъ!— закончилъ дѣдъ Онуфрій, утирая полой полушубка слезившіеся отъ умиленія глаза.

— Въ ходокахъ хаживалъ, дружокъ... Ка-акъ же! Хаживалъ! годами хаживалъ... Въ міру-то мы въ ту пору ладно жили, пріятельствовали... Лѣсокъ у насъ еще стариками былъ закупленъ — въ родъ, въ вѣка, въ потомство, чтобы навѣки-нерушимо порѣшили въ міру держать... А тутъ вотъ послѣ „воли“ стали у насъ тягать лѣсокъ-то... Скорбь! А я завсегда былъ мірской человѣкъ... Далъ мнѣ Господь на мірское дѣло разумѣніе! Землю ли передѣлить, поравненіе ли мірское сдѣлать, учетъ ли мірскому капиталу произвесть—все Онуфрій, первымъ дѣломъ! Вотъ я какой былъ мірской человѣкъ — съ улицы не сходилъ! Всѣ ко мнѣ шли за совѣтомъ, отъ мала до велика! Ребятишки раздерутся на улицѣ—и тѣмъ по справедливости, кому что, воздамъ!... Стукну въ оконце къ старикамъ: „Почтенные! мірское дѣло! Выходите, выходите!“ У насъ каждый вечеръ, у моей избы, сходы, ровно одною семьей жили... Ни у кого, ни отъ кого тайны не было вотъ на экую малость!... Горе ли, скорбь ли, радость ли у кого—все вмѣстѣ: вмѣстѣ всѣмъ міромъ слезами обливались, вмѣстѣ и въ смѣшки играли, коли Господь веселымъ часкомъ взыскивалъ. На улицу-то шелъ ровно въ церковь. Изъ дому тянуло... Да мы по избамъ-то почесть что и не живали: духота въ нихъ, тѣснота, только спать ходили. А лѣтомъ, такъ по днямъ и не заглядывали: всѣ на улицѣ, на міру—у всѣхъ въ глазахъ!... Не богато жили, тяжко жили, зато дружно! Теперь ужъ одинъ я изъ нашего міра старикъ-то остался... Не хочется и на улицу выходить! Другая, братецъ,

нонѣ улица стала... Прежде, бывало, на нашей-то улицѣ къ вечерку равно ангелы Божіи слетались невидимо... Тишь какая, миръ и согласъ!... А нонѣ отлетѣли они, должно, ангелы-то Божіи: нонѣ свара, брань, ненависть, надсмѣшки... Нонѣ на улицу-то идешь—поджилки трясутся.

Дѣдъ на минуту пріостановился, какъ бы вспомнивъ, что онъ далеко уклонился отъ начала.

— Да, лѣсокъ... Мірская это была заслуга! Сидѣли, братецъ мой, вездѣ сидѣли... Мѣсяцами сидѣли... И гоняли тоже... Изъ Москвы (тамъ насъ настигли) гнали... Вишь?

И дѣдъ ткнулъ пальцемъ въ какое-то пятно повыше лодыжки,

— Заслуга, другъ... Отсудились!... Не аблакатствомъ, милячокъ, брали, а брали вѣрой!... Встанемъ у суда и стоимъ: и день стоимъ, и ночь стоимъ, и въ жару стоимъ, и во вьюгу, и подъ дождемъ стоимъ, и въ сухмень стоимъ... Насъ гонятъ, а мы стоимъ. Угонятъ, а мы опять придемъ — опять стоимъ... Мѣсяцами стаивали... А все, милячокъ, вѣра!... Ну, выстояли...

За этими разсказами мы и не замѣчали, какъ на насъ наплывали сумрачныя тѣни. Дѣдъ Онуфрій рѣшался боязливо закурить трубочку (онъ курилъ потихоньку), и только что въ ней разгорался огонь, какъ предъ нами вставала высокая, плотная фигура возвращавшагося домой арендатора. „Хе-хе-хе! Опять у меня завалина-то куриною слѣпотой поросла... Смотри, баринъ, ослѣпнешь ты съ ней или поглупѣешь... А ты, Чахра-баринъ, опять соску засосалъ? Безстыжіе твои глаза!... Вѣдь, ужъ умирать пора, а ты соску сосешь... Въ Бога-то ты вѣришь ли? У-у, безстыдникъ! Какъ тебя сыны-то терпятъ!“ . . . .

— Не люблю, признаться, я этихъ старичишекъ, — говорилъ мнѣ арендаторъ, когда мы сидѣли съ нимъ за чаемъ. — Такъ, ни за грошъ свой-то вѣкъ отжили...

— А за что ты Онуфрія Чахрой-бариномъ прозвалъ?

— Такъ прозываютъ... Шумливый старичишка... Баламутъ!

III.

Послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ Чахра-баринъ неожиданно явился ко мнѣ. Слышу, за дверями кто-то осторожно и шопотомъ опрашиваетъ прислугу. Я отозвался—и дѣдъ Онуфрій вошелъ въ дверь. Не взглянувъ на меня, онъ истово три раза помолился на образъ. Во всей его маленькой фигуркѣ была видна какая-то особая торжественность. Едва можно было признать въ немъ того „захудалаго мужичка“, надъ которымъ любилъ посмѣяться мой „умственный“ хозяинъ и котораго онъ называлъ „Чахра-баринъ“. Теперь Чахра-баринъ былъ одѣтъ въ синій армякъ, застегнутый на всѣ крючки, высокій, стоячій воротъ туго стянутъ подъ бородой; на ногахъ свѣжо вымазанные дегтемъ сапоги. Сивая голова смазана масломъ и тщательно причесана, съ проборомъ посрединѣ. Даже сивая борода была расчесана въ видѣ разсыпающихся лучей, и только слѣпой правый глазъ неизмѣнно моргалъ.

— Здравствуй, Миколаичъ,—наконецъ, сказалъ онъ и степенно прикоснулся кривыми пальцами къ моей рукѣ. — Я къ тебѣ.

— Милости просимъ... Говори, зачѣмъ. Коли въ гости — садись, тогда и гость будешь.

— Въ серьезъ пришелъ,—таинственно сказалъ онъ, присаживаясь на краешекъ стула. — Дѣло хочу зачинать... Вѣковое дѣло, братецъ! Потому, знаешь, оно въ вѣка пойдетъ...

— Что же, посовѣтоваться?

— Совѣтовъ нашихъ съ тобой тутъ не надо... Для этого дѣла вѣками законы положены. Объ одномъ надо стараться, чтобы отрѣшиться; ненависть какая осталась, али гнѣвъ, али жадность, али скупость, али огорченіе, — все изъ сердца вонъ чтобы! Чтобы у тебя душа какъ стекло свѣтилась... И тогда воздай по заслугамъ, по равненію, по справедливости! Тогда будетъ твое вѣковое дѣло въ миръ и согласъ, въ совѣтъ и любовь!

Чахра-баринъ проговорилъ все это нѣсколько восторженно и даже прослезился, но я никакъ не могъ еще понять, въ чемъ дѣло. Дѣдъ высморкался въ полу, вынулъ изъ шляпы синій платокъ, утеръ вѣчно красноватый свой носъ и глаза, уложилъ платокъ опять въ шляпу и сказалъ, наконецъ:

— Хочу сыновъ дѣлить!

— Что такъ? Али умирать собираешься, али ладу въ семьѣ не поддержишь?

— Зачѣмъ такъ?— проговорилъ, какъ будто обидѣвшись, старикъ. - Умереть успѣешь всегда. Мы еще послужимъ! Мы

еще владыки при своемъ дѣлѣ, въ полномъ разумѣніи...

— Что жъ, или молодцы бунтуютъ, своей власти хотятъ, своимъ умомъ жить?

— Молодцы у меня, сказать тебѣ не въ похвальбу, своему родителю не супротивны... И снохи, грѣхъ сказать... Уважительныя... Всѣ подъ моимъ умомъ ходятъ, моимъ распорядкомъ живутъ! Въ нихъ этого поведенья нѣтъ, чтобы тебѣ и въ носъ, и въ загривокъ тычки пущать.... Конечно, не безъ грѣха... Съ кѣмъ грѣха нѣтъ? Поссоришься иной разъ... Ну, только, ежели этакъ посерьезнѣе прикрикну—молчокъ, всѣ молчокъ!

— Такъ зачѣмъ же ты ихъ дѣлить хочешь?

— Для порядку, братецъ мой... Чтобы съ бабой завсегда можно резонъ имѣть... А то эти бабы, хоша и почтительны, да много въ нихъ непостоянства: что ни день—все дѣлятся промежъ собой... Ну, для справедливости—ущербъ! Ты бы ихъ помирить, прикрикнуть, а и самъ не смекнешь, чья плошка да ложка. Глядишь, анъ ошибка! Того пуще содомъ... У насъ, вѣдь, другъ, деревня... Дурости-то этой достаточно... Ежели вотъ кто въ городѣ пожилъ, али кто разумъ крѣпкій имѣетъ, али обхожденье понимаетъ, тотъ изъ-за ложки деревню на ноги не подыметъ. Потому понимаетъ, что изъ-за этого людямъ безпокойство дѣлать глупо... А, вѣдь, у насъ — деревня!... Такъ вотъ, братецъ мой, для порядку, чтобы во дворцѣ-то моемъ порядокъ завести, а то послѣ старухи покойницы, признаться, какъ будто поопустился порядокъ-то маленько... Такъ вотъ для этого. Мнѣ полегче большину вести, а имъ въ вѣка пойдетъ... безъ ссоры, безъ брани, безъ пререкательствъ... Да и навпредь будущее оно спокойнѣе... Неравно, грѣшнымъ часомъ, Богъ конецъ предѣла положитъ!

— Зачѣмъ же я, дѣдушка, тебѣ?

— Какъ зачѣмъ? Для почету... Для дѣла почету больше — больше въ дѣлѣ крѣпости будетъ. Да ты ужъ захвати, сдѣлай милость, карандашикъ, бумажки тамъ... лоскутъ, что ли... Ты намъ и пропишешь, такъ, для памяти больше, не для чего другого. Намъ въ волость не итти... Мы не изъ ненависти дѣлимся, а дѣлю я по своей отцовской справедливости, какъ изъ вѣковъ положено, по обычаямъ.

Я согласился съ удовольствіемъ.

Мы вышли. По дорогѣ Чахра-баринъ постукивалъ въ окно то къ одному, то къ другому шабру и говорилъ мнѣ:

— Ты маленько, дружокъ, пріостановись: я вотъ свату стукну, чтобы шелъ... Все, молъ, готово!

Мы подходили къ небольшой избушкѣ, выходившей всего тремя небольшими окнами на улицу, но зато длинной, дѣлившейся сѣнцами на двѣ половины. Нѣкогда избушка выведена была прочно, крыта тесомъ, но теперь „вывѣтрилась“, осѣла на нижніе вѣнцы, а верхними, всѣмъ своимъ корпусомъ, накренилась въ улицу. Тесины на крышѣ кое-гдѣ уцѣлѣли, кое-гдѣ замѣнены драньемъ, а вторая половина сплошь крыта уже соломой.

— Ну, вотъ, видишь мой дворецъ-то? Не великъ—точно, за то уютно было! Ты посмотри, какую команду вскормилъ со старухой для міра! Не малая заслуга! А какъ вскормилъ? Все самъ принаблюлъ, другъ мой сладкій, своею спиной, а инно и скулой! Зато и владыка я здѣсь! Никто мнѣ не указъ! Королемъ живу! А все, дружокъ, по заслугамъ... Кровью заслужилъ!—умиленно рекомендовалъ мнѣ свой „дворецъ“ Чахра-баринъ.

Но тутъ я замѣтилъ, что у избы топталась какая-то странная личность. Я нѣсколько разъ мелькомъ видалъ ее и раньше у насъ на селѣ, она постоянно водила за собой по улицѣ араву сельскихъ ребятишекъ, обижавшихъ и дразнившихъ ее. Одежда у нея была всегда одна и та же: изорванный въ клочья пестрый жилетъ поверхъ посконной рубахи, распущенные порты, болтавшіеся на обѣихъ ногахъ, въ дырявыхъ и стоптанныхъ резиновыхъ калошахъ; на лохматой, черной, съ просѣдью, головѣ—поповская шляпа, увѣшанная разноцвѣтными лоскутьями. Фигура эта особенно рѣзко характеризовалась большими задумчивыми глазами, крючковатымъ носомъ напоминавшимъ клювъ совы, беззубымъ ртомъ съ сухимъ, выдвинутымъ впередъ, подбородкомъ и клочкомъ сѣдыхъ волосъ, вмѣсто бороды, на правой щекѣ. Эта странная личность раза два въ теченіи каждой недѣли являлась въ наше село, съ неизмѣнными своими аттрибутами—метлой и лопатой, которыя она волочила за собой, и длинною палкой черезъ плечо, съ торчавшимъ на ней старымъ башмакомъ... Дурачокъ усердно работалъ около избы дѣда Онуфрія: метлой и лопатой поднималъ онъ вокругъ нея цѣлые столбы пыли, расчищая входъ въ ворота.

— А вотъ у меня и камардинъ свой,— весело указалъ мнѣ на дурачка Чахра-баринъ.

— Кто онъ такой?

Дѣдъ замоталъ головой, тихонько хихикая себѣ въ бороду.

— Благопріятель мой, — сказалъ онъ, понизивъ голосъ.—Сватъ еще приходится.

— Что же съ нимъ?

— А вотъ оно, что значитъ не до конца-то предѣла! — таинственно сообщилъ дѣдъ и, помолчавъ, продолжалъ:—Какой мужикъ-то былъ! Сила! Истинный крестьянинъ... Все жилъ дома, при землѣ, большину большую велъ... Двоимъ сыновьямъ фитанцы купилъ. Ну, думалъ, то ли въ своемъ дому не король! Укрѣпилъ устой крѣпко, а самъ въ городъ поѣхалъ, думалъ тамъ дворничать, да дѣло вышло не задашно... Черезъ годъ обернулся въ свое-то королевство, а ему сухую корку подали да за печкой уголъ показали (дѣдъ вытянулъ губы къ самому моему уху). Баба его всю большину забрала... Было, слышь, гдѣ-то у него двадцать золотыхъ припрятано—и тѣхъ не нашелъ!.. Благодарю Создателя! Меня старуха баловала!.. Іонычъ, ты бы, голубь, того... пріостановилъ своимъ-то орудіемъ промышлять... Чисто ужъ!—обратился Чахра-баринъ къ дурачку съ какою-то особенною сердечностью въ голосѣ.—Вотъ и баринъ говоритъ, что будетъ, вполнѣ достаточно... Праздникъ вполнѣ!

— Что жъ, по мнѣ какъ хочешь, — сказалъ, шепелявя, грубымъ и серьезнымъ голосомъ Іонычъ.—Если хочешь, я еще подмету, а не хочешь — я и перестану.

Онъ говорилъ мало, отрывисто. Его особая глубокая серьезность, доходившая до сдержаннаго озлобленія и презрѣнія къ другимъ, заставляла иныхъ предполагать, что онъ „самъ на себя напустилъ“.

— Ты вотъ что, Іонычъ... Ты того... не ходи нонѣ ко мнѣ, на праздникъ-то... Потому тутъ дѣло въ сурьезъ, видишь,— заговорилъ Чахра-баринъ, отвернувшись къ сторонѣ отъ оконъ избы и отъ меня и копаясь въ карманѣ подъ полой армяка.—Будетъ тутъ народъ сурьезный... Вишь, баринъ... Пойдутъ надъ тобой смѣшки, того гляди... Ты вотъ лучше самъ... На-ка тебѣ.

И дѣдъ сунулъ ему въ руку мѣдякъ.

Іонычъ хладнокровно взялъ монету и сказалъ:

— Хорошо, я не приду нонѣ. Я послѣ приду. Я въ Грачево пойду,—и, собравъ лопату, метлу и положивъ знамя съ башмакомъ на плечо, широкимъ, размашистымъ шагомъ пошелъ изъ села, сдвинувъ на затылокъ свою разукрашенную лоскутками шляпу.

— Ушелъ!—опять хихикнулъ дѣдъ.

Онъ, видимо, былъ доволенъ.

— Юродивецъ вполнѣ. Иной разъ тоже заупрямится — ничѣмъ отъ него не отойдешь... А теперь ушелъ... Ушелъ доброхотно!—весело повторялъ онъ.

Вѣроятно, онъ считалъ это за хорошій признакъ, такъ какъ вообще метеніе при какихъ-нибудь особенно-торжественныхъ случаяхъ жизни считается въ народѣ за дурную примѣту. А, можетъ быть, были и болѣе глубокія причины.

IV.

Мы вошли во дворъ. Какъ и самая изба, такъ и дворъ, и сѣнцы, и хлѣвъ, и сѣнница, и огородъ позади двора, — все было миніатюрно, бѣдно, дряхло, но, несмотря на то, все дышало жизнью, какою-то особенною жизнью, исключительно свойственною деревнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какая сложная жизненная организація существовала на этомъ ничтожномъ, отмѣренномъ мужицкимъ „лаптемъ“ клочкѣ усадебной земли!

Солнце стояло какъ разъ надъ сараемъ, но такъ какъ соломенная крыша послѣдняго была покрыта безчисленнымъ множествомъ дыръ и представляла изъ себя подобіе полуободраннаго скелета или прорваннаго стараго рѣшета, то солнечные лучи въ изобиліи разсыпались въ таинственномъ сыроватомъ полумракѣ двора и желтыми пятнами ложились на свѣжей соломѣ, скудно и жидко разбросанной на подстилъ. Тамъ бѣлые солнечные „зайчики“ бѣгали по дырявымъ бревенчатымъ стѣнамъ, здѣсь два толстые луча, пробивавшись сквозь боковыя отверстія, пересѣклись и освѣтили темный уголъ гдѣ лошадь, фыркая и переступая съ ноги на ногу, время отъ времени матерински любезничала съ жеребенкомъ, облизывая его морду. Въ противоположномъ углу жалобно мычалъ теленокъ за загородкой, а новотельная корова, на правахъ родильницы занявшая самую середину сарая, флегматично отвѣчала ему легкимъ мычаніемъ. Двѣ больныхъ овцы, съ обрѣзанными ушами и вставленными

въ нихъ розовыми ленточками, вмѣсто серегъ, неугнанныя въ стадо, терлись постоянно одна около другой, связанныя узами какой-то непостижимой солидарности. Вверху, на подволокѣ, сѣрая кошка вывела цѣлую груду котятъ и безпокойно возится съ ними, цѣлый день перетаскивая ихъ за шиворотъ изъ одного угла въ другой. А еще выше, по застрѣхамъ и конькамъ крыши — воробьи, голуби и ласточки поселились своеобразными семьями и наполняли весь верхъ сѣнницы воркующими звуками. А эти воркующіе звуки громкимъ и восторженнымъ крикомъ покрываетъ пѣтухъ, важно царящій надъ своимъ куринымъ царствомъ. И, наконецъ, какъ царь надъ всею этою безсловесною животиной, „вѣнецъ творенія“ — старикъ Онуфрій, по прозвищу Чахрабаринъ, господствующій надъ цѣлою „командой“ большихъ и малыхъ жизней, втиснутыхъ въ маленькое, низенькое, трехоконное жилье, именуемое крестьянскою избой.

Въ самомъ дѣлѣ, до какой степени велика „жизнетворная дѣятельность природы“, выражаясь языкомъ старинныхъ ученыхъ! Какъ она плодовита! Не потому ли она такъ и расточительна, такъ и беззаботна къ судьбѣ своихъ созданій? Только на одномъ этомъ ничтожномъ клочкѣ земли, величиною въ нѣсколько квадратныхъ мужицкихъ лаптей, сколько горя, бѣдствій, напастей, борьбы и страданій придется перенести этой массѣ жизней, прежде чѣмъ немногимъ изъ нихъ удастся совершить полный циклъ органическаго прозябанія или дойти „до конца предѣла“, какъ говоритъ старый Чахрабаринъ.

— Вишь, у меня какъ здѣсь людно! — любовно и самодовольно говорилъ дѣдъ, показывая подъ навѣсъ двора. — Ты войди-ка сюда, войди! Не просторно, да уютно. Натка-съ вокругъ меня сколько живота пригрѣлось! Оно и пріятно... Потому знаешь, что все самъ принаблюлъ, своею кровью... по заслугамъ, братецъ мой! Да! Выйдешь утречкомъ въ усадьбу-то свою и думаешь: одно слово — владыко надо всѣмъ! То ли не король? Все, вѣдь, это тобой живетъ, при тебѣ пригрѣлось... Разори-ка вотъ мое-то гнѣздо, — сколько слезъ будетъ! Да! Вотъ еще собачка была, Шарокъ, — стражъ, одно слово, слуга вѣрный! Ну, волкъ окаянный утащилъ... ничего не подѣлаешь!

— А эта кобылка — та ли „примѣрная“, что тебѣ заслужила? — спросилъ я.

— Нѣтъ, братецъ мой, — сказалъ съ горечью дѣдъ, съ какимъ-то особымъ пѣвучимъ тономъ въ голосѣ. — Промѣнялъ ту, на базарѣ промѣнялъ. Хромать шибко стала. Пристарѣла, видишь... Нельзя по нашему дѣлу, ежели черезъ конецъ предѣла. Всякому конецъ предѣла есть... Долго терпѣлъ, жалко было, да, братецъ, ничего, видно, не подѣлаешь: старую колоду въ оврагъ вали!.. Ну, сюда вотъ загляни, — повелъ меня Чахра-баринъ „на зады“, такъ увлекшись осмотромъ своего „королевства“, что забылъ заглянуть и въ избу. — Вотъ здѣсь приспособленья мои покажу я тебѣ! Все, вѣдь, вѣкомъ накапливалось. А кое-что еще саморучно сдѣлано... Тоже, въ свое время, рукомесла кое-какія зналъ! Вотъ, вишь, передки-то у телѣги, — самъ соорудилъ. Крѣпость-то какая!.. Лѣтъ пятнадцать живутъ... Право, не вру... что ты?!

Мы осмотрѣли телѣгу, роспуски зимніе и лѣтніе, сани, двѣ сохи, двѣ бороны, косулю и другія орудія деревенскаго хозяйства, сваленныя и свезенныя къ одному мѣсту.

Было замѣтно, что насколько дѣдъ хотѣлъ показать мнѣ свое „деревенское богатство, вѣками нажитое“, настолько же онъ, кажется, дѣлалъ осмотръ лично для самого себя, часто останавливался и, повидимому, соображалъ и считалъ: все ли собрано было, не забылъ ли чего. Кромѣ того, дѣду, видимо, пріятно было еще разъ осмотрѣть каждую вещь, такъ какъ онѣ вызывали въ немъ рядъ воспоминаній, которыми онъ дѣлился и со мной.

— Вотъ телѣга — купецкая телѣга въ свое время была! Ну, немножко она теперь того... пристарѣла... Промокаетъ у меня крыша-то, братецъ мой, частенько. Иной годъ самимъ-то соломы не хватитъ, такъ не то что крышу крыть, а еще у крыши-то одолжишься... Глядишь, по горсточкѣ всю и перетащишь скотинѣ. Всяко бываетъ!... А добрая была телѣга. Старуха моя съ собой ее во дворъ ввела... Тесть ей отдалъ. У меня тесть богатѣющій былъ, именно крестьянинъ хозяйственный: трехъ лошадей держалъ, двухъ коровъ, овецъ да барановъ штукъ двадцать, телокъ четыре... Ну, мнѣ вотъ не привелъ Богъ! Да я доволенъ и тѣмъ... Я не жаденъ былъ, братецъ мой! Только то и бралъ, за что спиной платилъ. Вотъ гляди — изъ всего, что здѣсь лежитъ, нѣтъ, братецъ мой, маковой росины, чтобы лихвой, али обманомъ взято было:

все на чистоту, другъ мой любезный, все на кровную денежку принаблюдено! Ну, спроси про какую вещь хочешь... Спроси, — сейчасъ, по истинной совѣсти, отчетъ дамъ, и краснѣть не за что! Ну, скажи!—присталъ ко мнѣ дѣдъ.

Чтобы сдѣлать ему удовольствіе, я сталъ искать какой-нибудь вещи, выходящей изъ ряда обыкновенныхъ. И нашелъ. Въ сѣнницѣ, на стѣнѣ, среди шлей, хомутовъ, сѣделокъ, косъ, граблей и пр. висѣлъ на гвоздѣ барскій ременный хлыстъ, съ размочалившимся концомъ и обломанною ручкой.

— Ну, вотъ,—сказалъ я,—откуда ты досталъ такую штуку?

— А!—засмѣялся, видимо, довольный дѣдъ. — Это ужъ, братъ, умомъ!... Да! умнымъ словомъ заслужилъ!... Баринъ подарилъ, — года вотъ три всего, — не тотъ, что я тебѣ говорилъ, а нонѣшній,— помоложе меня будетъ... Любитъ онъ меня! Насъ, вѣдь, здѣсь, въ селѣ-то, всего два двора, ему временно-обязанныхъ-то... Мы такъ и живемъ въ одиночку, у насъ и „міръ" свой... „Семидушный" зовутъ.

— Ну...

— Ну, такъ вотъ повезъ я ему, братецъ, оброкъ. Вхожу. А онъ сидитъ, чай пьетъ... Видно, скучно ему одному-то въ деревнѣ сидѣть... „Это ты, говоритъ, Онисимычъ?„ Я, говорю, ваша милость. И сейчасъ это ему пятьдесятъ рублиffковъ на столъ... Вотъ, вѣдь, моему-то дворцу какая оцѣнка идетъ! Да! Плохъ, плохъ дворецъ, маловатъ и тѣсноватъ, старъ, въ землю вросъ, а пятьдесятъ рубликовъ оплачиваю одного обро-о-оку, другъ мой любезный! За пять это душъ, выходитъ, братецъ мой. А ежели все-то счесть, что съ моего королевства сходитъ, такъ, дружокъ, пожалуй, и считать устанешь... Я и самъ доходовъ своихъ не считаю — собьешься!... Придутъ, скажутъ: давай, съ твоего дворца вотъ столько-то слѣдуетъ!—Сдѣлай милость, бери, коли есть, а нѣтъ—не взыщи... Да! Ну, такъ вотъ и говорю: оброкъ, молъ, вашей милости.— „Спасибо, говоритъ, старикъ, спасибо... Дай-ка я тебя угощу за это водочкой... Завѣтная у меня есть... Садись — гость будешь!"—И за столъ меня посадилъ съ собой.—Что жъ, говорю, коли ваша господская милость будетъ,—выпью. Налилъ онъ рюмку (граненая рюмка, на солнышкѣ такъ и играетъ,—въ добрый стаканъ будетъ), выпилъ я, налилъ другую—другую выпилъ, только поморщился! — „Ну, что, смѣется, какова водка?" — Хороша, говорю, куда сладка! Я такъ тебѣ скажу, ваша милость: много я пилъ водки, а дороже этой не пивалъ.—„Какъ такъ: дороже?", спрашиваетъ.—А такъ, ваша милость, сами видите—по двадцати пяти рубликовъ за рюмку оплатилъ!—„Каковъ! закричалъ, да такъ со смѣху и покатился.—Ну, говоритъ, хоть ты и старъ, а у тебя еще ума—палата!"—Умъ, говорю, умомъ, а, главное, прямотой я беру... А самъ про себя думаю: „постой, коли такъ..." Вотъ что, ваша милость, говорю, ужъ ежели тебѣ такъ мое умственное слово поправилось, такъ ты меня за него вознагради... — „Изволь, говоритъ, чѣмъ хочешь?"—Оглянулся я эдакъ, да и говорю: Дай ты мнѣ вотъ эту рюмку, изъ которой я дорогую водку пилъ, да вотъ этотъ кнутикъ... Вишь, онъ ужъ растрепался, не нуженъ онъ тебѣ! Изъ той рюмки сталъ бы я водку пить, а кнутикомъ внучатъ учить, да баръ вспоминать! Дашь, что ли, на память мужику?— „Съ удовольствіемъ, говоритъ,—бери, сдѣлай милость!"—А самъ смѣется и я смѣюсь. — Погоди, я тебя изъ этой рюмки угощу, — заключилъ дѣдъ. — А теперь я тебѣ еще покажу... хомутъ нѣмецкій!

Но въ это время на задворки вышла изъ-подъ навѣса двора дѣвушка, лѣтъ 20—22, съ непокрытою, гладко и тщательно расчесанною головой, такъ что русые волосы свѣтились, а въ косу, толстымъ комлемъ примыкавшую къ затылку, была вплетена лента. Высоко поднятыя груди прикрывала ситцевая розовая рубаха съ широкими рукавами, а поверхъ ея надѣтъ ситцевый полинявшій сарафанъ. Она была босая, ноги толстыя, изрѣзанныя и растрескавшіяся въ разныхъ мѣстахъ. Руки красныя, съ мѣдными и оловянными кольцами. На загорѣлой шеѣ виднѣлись голубыя стеклянныя бусы. Лицо у нея тоже было загорѣлое, обыкновенное лицо деревенской бабы послѣ страдной поры: кое-гдѣ подпухшее, кое-гдѣ выжженное солнцемъ; щеки и носъ были красны, съ нихъ лупилась отъ загара кожа. А по низкому лбу, на который спускались волосы, пробѣгали мелкія морщины. Но этотъ низкій лобъ, густыя выдающіяся брови и ушедшіе въ глазницы большіе, каріе, сердитые глаза придавали лицу дѣвушки какой-то особый характерный отпечатокъ, сразу выдѣлявшій ее изъ всѣхъ другихъ. Во взглядѣ ея карихъ глазъ исподлобья было что-то и от-

талкивающее, и сразу овладѣвавшее вашимъ любопытствомъ.

— Батюшка! — крикнула она отъ калитки,—али ты совсѣмъ ужъ изъ памяти выжилъ? Забылъ, что народъ собрался? Самъ завелъ потѣху... Мало смѣются надъ тобой! — непріятно раздался ея рѣзкій, недовольный, брюзгливый окрикъ.

— Иду... Знаю!... Что за приказы! — также недовольнымъ тономъ отвѣтилъ Чахра-баринъ. — Не безъ дѣла шатаются... Порядки знаютъ...

— А ты ступай скорѣй!... Чего ужъ тутъ—порядки!—зло-насмѣшливо сказала дѣвушка, не смотря на насъ, и слегка кивнула мнѣ головой.

— Мы, вотъ, королевство осматривали, — пошутилъ я, чтобы извинить дѣда Онуфрія.

— Королевство!... Воронье гнѣздо разореное!—буркнула она, скрививъ ротъ, и скрылась за калиткой.

Чахра-баринъ сокрушенно махнулъ рукой и помоталъ головой.

— Это дочь твоя?

— Дѣвка... Вотъ замужъ никакъ не выдамъ... Давно пора... Лиходѣйка стала!... Извѣстно, парня надо... Ей отцовская честь что? Плюнуть... Нонѣ она здѣсь, а завтра съ другимъ попомъ обѣдню правитъ... Ну, пойдемъ дѣлить!—прибавилъ дѣдъ, стараясь попасть на прежній, добродушно-веселый тонъ.

— И дочери выдѣлъ будетъ? — спросилъ я.

— Нѣту, у насъ этого не бываетъ... Дѣвка не въ домъ несетъ, а изъ дому... къ какому ей ляду выдѣлять! Все одно къ чужимъ пойдетъ...

— А ежели замужъ не пойдетъ она?

— Не пойдетъ — другое дѣло... Незамужница заодно съ мужикомъ идетъ... Выдѣлъ ровный ей должевъ быть произведенъ, только, вѣдь, это рѣдко... Удержишь ты дѣвку, какже! Ей хошь золотой дворецъ посули, а она все будетъ отъ своихъ на сторону глядѣть!... Это ужъ, другъ любезный, такое ихъ произволенье!.. Ну, пойдемъ дѣлить!—опять сказалъ онъ шутливымъ тономъ.—Весь дворецъ, братецъ, подѣлимъ: до маковиной росины! Все отдамъ,—что мнѣ? Съ собой въ гробъ не возьму! А пока все при мнѣ же останется... Надо всѣмъ я же владыкой останусь!

Удивительное дѣло! Возвращаясь назадъ, я испытывалъ уже совершенно иныя ощущенія, чѣмъ въ то время, когда Чахра-баринъ показывалъ мнѣ „свое королевство“. Чахра-баринъ былъ художникъ, истый художникъ. Онъ не только самъ жилъ образами и представленіями, разрисованными собственною фантазіей, но умѣлъ заставить жить этими образами и другихъ... Увы—странная дѣвушка двумя словами разрушила иллюзію... Я видѣлъ, что королевство дѣйствительно было разореннымъ гнѣздомъ: все было дряхло, старо, безъ порядка. Очевидно, твердыя хозяйственныя руки отсутствовали, и надъ всѣмъ царила непроходимая и тяжкая нужда.

На небо набѣжали облака. Быстро, какъ гонимый вѣтромъ дымъ, неслись они съ сѣвера. Солнце, которое одно только и скрашиваетъ унылость осенняго дня, нѣсколько разъ мигнуло среди разорванной гряды облаковъ и скрылось, наконецъ, совсѣмъ. Вѣтеръ тряхнулъ пожелтѣвшую вершину вяза, расправившую свои широкія вѣтви надъ крышей двора, и бурые листья закружились въ воздухѣ. Я взглянулъ въ глубину навѣса — тамъ былъ мракъ. Пересѣкавшіеся золотые лучи исчезли; прихотливой и фантастической игры свѣта и тѣней не было слѣда. Печально глядѣла ободраннымъ скелетомъ крыша; въ широкіе пазы стѣнъ засвистѣлъ вѣтеръ. Корова жалобно замычала и заблеяли тоскливо больныя овцы.

Ничто такъ не разрушаетъ иллюзій и фикцій, какъ осень. Умирающій страстный, фантастическій идеализмъ весны смѣняется холоднымъ и безстрастнымъ реализмомъ. Въ моихъ ушахъ какъ будто все еще звучали холодныя и жалобныя, какъ этотъ осенній вѣтеръ, слова дѣвушки. А выраженіе лица — это злобное уныніе — такъ шло къ осени.

— Вотъ какъ, дружокъ, Чахра-баринъ поживаетъ!—вдругъ прервалъ мои тоскливыя размышленія дѣдъ.—Ежели живешь ты правдой, да прямизной, да артель у тебя стоитъ въ согласьи и любви, да ежели умъ у тебя есть, такъ вотъ ты и король! Ходи мрямо, смотри бойко! Стыдиться тебѣ не предъ кѣмъ! Что смотришь? Правду говорю...

Я, дѣйствительно, слишкомъ пристально смотрѣлъ въ лицо дѣда. Господи, что это было за лицо! Оно все играло и свѣтилось такъ же, какъ у ребенка. Но что это было: сознательный самообманъ или иллюзія голоднаго?

— Ну, пойдемъ, я тебя теперь съ моею артелью познакомлю... Вѣдь, я, братъ,

сю и силенъ... Кабы не артель, такъ гдѣ бы мнѣ королемъ быть!—наивно замѣтилъ Чахра баринъ, вступая въ сѣнцы.

V.

Черезъ сѣнцы, у которыхъ половицы, что называется, „ходуномъ ходили“, вошли мы въ лѣвую, „переднюю“ половину избы. Въ ней было темно, душно и тѣсно. Сквозь маленькія заплатанныя окна едва пробивался осенній свѣтъ, да и его загородили широкія спины сидѣвшихъ на лавкѣ мужиковъ. Ихъ было человѣка четыре; тутъ же была въ сборѣ и вся семья, человѣкъ восемь; кромѣ того, висѣла въ углу люлька, у которой сидѣла молодая баба и кормила ребенка. Чрезвычайно низко висѣвшія у самыхъ дверей полати какъ-то еще больше увеличивали тѣсноту. На полатяхъ, внизъ животами, валялись малые ребятишки, свѣсивъ внизъ свои кудлатыя, взъерошенныя головы и смотря на насъ бойкими, шаловливыми глазами.

— Пришелъ? Ну, а мы думали, ты ужъ у барина загулялъ... Ты, вѣдь, съ нимъ любишь хороводиться,—заговорили хоромъ сидѣвшіе по лавкамъ мужики.

— Загулялъ! Чай, я слава тебѣ, Господи, не вертопрахъ какой,—обидѣлся дѣдъ.—Осмотрѣлъ вотъ все, обсчиталъ въ королевствѣ-то своемъ, чтобъ послѣ не забылъ что...

— Не бойсь! Не собьешься въ мужицкомъ-то королевствѣ!

— Не велики кладовыя-то припасены, упомнимъ, Богъ дастъ!—сказалъ, улыбаясь, молодой мужикъ, вставшій при нашемъ приходѣ.

— Ну, вотъ, — рекомендовалъ мнѣ дѣдъ,—это вотъ сыны мои, а это—старики, сваты да шабры,—знакомы тебѣ... А это бабы!—махнулъ дѣдъ, не оборачиваясь, взадъ рукой къ печкѣ, за загородкой которой стояли двѣ-три молодыя женщины.

Я поздоровался съ его сыновьями „въ руку“. Одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста, съ большою рыжею лохматкой, плечистый, здоровый, съ веселымъ открытымъ лицомъ, изъ тѣхъ мужиковъ-весельчаковъ, у которыхъ на губахъ постоянно витаетъ добродушная насмѣшка. Онъ былъ въ красной ситцевой рубахѣ, суконныхъ шароварахъ и большихъ сыромятныхъ сапогахъ. Другой выглядѣлъ еще совсѣмъ парнемъ: низенькій, сухопарый брюнетъ, подстриженный „въ кружку“, съ серебряною серьгой въ ухѣ, въ суконномъ пиджакѣ и глянцевитыхъ, съ наборомъ, сапогахъ. Это было одно изъ тѣхъ ухарскихъ, беззаботныхъ и нѣсколько нахально высматривающихъ лицъ, которыхъ много встрѣчается среди столичнаго фабричнаго люда.

По передней стѣнѣ, дѣйствительно, сидѣли все мои знакомцы—и Самара, и кузнецъ съ дѣтскимъ лицомъ, и самъ дѣдъ Арефъ приплелся кое-какъ; только четвертый старикъ не былъ мнѣ знакомъ: это былъ кудрявый, черноволосый, смуглый, съ крючковатымъ носомъ, низенькій, коренастый мужичокъ, съ вывихнутымъ плечомъ, которое онъ поминутно вздергивалъ до самаго уха; на немъ былъ новенькій, со стоячимъ воротникомъ, сермяжный полуармячекъ. Онъ постоянно переводилъ глаза съ одного говорившаго на другого и такъ внимательно вытаращивалъ ихъ и слѣдилъ за разговоромъ, что, казалось, для него было крайне важно не потерять ни одного слова. Самъ же онъ больше молчалъ.

— Пришелъ и ты?—обратились ко мнѣ старики, кивая головами.—Посмотри, какъ нищую суму дѣлить будемъ,—прибавилъ старикъ-кузнецъ.

— Ну-у, нищую! Слава Богу... чѣмъ наградить — найдется. Не по кабакамъ вѣкъ прожили... Не знаю, какъ дальше дѣло поведутъ, а у насъ, слава Богу, заслуги есть... Крестьянство свое содержали, — обидѣлся опять дѣдъ, сердито разстегивая подъ бородой воротъ кафтана.

— Да это я не въ обиду тебѣ сказалъ, а такъ... больше для всего крестьянства... Что для барина наше хозяйство? Пустое мѣсто... А туда же, скажетъ, дѣлить собрались... Вишь, старики соборъ собрали! Какъ быть! Все жъ позабавятся, старину вспомнятъ!—добродушно подсмѣивался старый кузнецъ, начиная жевать беззубымъ ртомъ.

— У всякаго свой сурьезъ,—категорически заявилъ Чахра-баринъ и, обдернувъ синюю пестрядинную рубаху, махнулъ по столу рукой.—Бабы! прибери со стола! — грозно крикнулъ онъ.—Что за порядокъ! Что вы, не видите, что ли?... Экая деревня! Рады, что мужья пріѣхали, и глаза разбѣжались!

Дѣдъ ворчалъ, старики и сыны молча улыбались.

Я подошелъ къ старшему сыну.

— Дѣлить васъ дѣдъ хочетъ, — сказалъ я, чтобы чѣмъ-нибудь начать разговоръ.

— Дѣлиться хотимъ, — поправилъ онъ меня.

— Что же, сами хотите?

— Да изъ-за бабъ больше... Намъ что! Мы въ Москвѣ живемъ, въ заработкахъ... А вотъ бабы... Дѣдушка-то старъ ужъ сталъ, настоящаго распорядка съ бабой не сдѣлаетъ... Бабы забижаютъ! — подмигнулъ онъ мнѣ добродушно на отца.

— А ты бы... того... скромненько, Титушка, — сказалъ дѣдъ сыну, сдержанно кивая бородой. — Погодить бы... Вотъ, когда я самъ своему предѣлу конецъ положу, тогда и разговаривай... А то, вѣдь здѣсь старики... Смѣшки-то оставь!

Сынъ захохоталъ беззвучнымъ смѣхомъ и замоталъ изъ стороны въ сторону своею рыжею лохматкой.

— Да намъ что!... Господь съ тобой, — отвѣтилъ онъ, — владычествуй!... Мы въ твою команду не встряемъ... Сдѣлай милость!... Мы вотъ — нонѣ здѣсь, а завтра насъ нѣтъ... Все въ твоихъ рукахъ! Самъ за все и отвѣтствуй. Мило — такъ командуй, а не мило — твое дѣло!... Мы тутъ не при чемъ... Ваше дѣло съ бабами!

И Титъ опять засмѣялся беззвучнымъ смѣхомъ.

— Да ужъ надоть правду сказать: чужой вѣкъ заѣдать — заѣдаетъ, а распорядковъ хорошихъ мало видно! — вдругъ сказала сидѣвшая у люльки женщина, бросила въ нее ребенка и порывисто начала его качать. — Кабы изъ его-то команды пользу видѣть...

— Молчать! — грозно перебилъ дѣдъ. — Ахъ ты, эдакая... сорока! Али мужъ пріѣхалъ, такъ и страхъ потеряла?

— Кабы ежели... А то шумитъ, что сухой вѣникъ, — не слушая, продолжала бойкая баба, — со всѣми сосѣдями перессорилъ своими-то порядками...

— Перестань!... Что за самоуправство? — протянулъ презрительно - наставительнымъ тономъ, искоса взглянувъ на бабу, молодой мужикъ въ пиджакѣ, все время крутившій цигаретку.

Молодая баба, вѣроятно, была его жена.

— Ну, умиритесь! — сказалъ торжественно дѣдъ. — Дѣло такое... вѣковое... Согласъ во всемъ нуженъ!

И дѣдъ поставилъ на столъ штофъ водки, а бабы подали огурцы, куженьки, хлѣбъ.

— Благословимся, старички! Начинай, Арефъ, — приглашалъ дѣдъ, наливая водку. — Ну-ка, милячокъ, — обратился онъ ко мнѣ, — для начала дѣла... изъ граненой-то! Вотъ она — заслуженная-то мужицкимъ умомъ!

И дѣдъ подалъ мнѣ граненую барскую рюмку.

— Ну, дай Богъ подѣлиться въ совѣтъ да любовь!... Пошли, Господи, миръ и согласіе!... Чтобы во вѣки вѣковъ!... Безъ претыкательства чтобы!.. чтобы жадности этой не было!... Справедливо чтобы, главное!... По заслугамъ!... Чтобы судьбища этого послѣ не было! Сохрани Господи! — и т. д., раздавались возгласы и пожеланія по очереди встававшихъ и выпивавшихъ мужиковъ.

— Да намъ что! Господи помилуй! Изъ-за чего намъ ссориться?... Свои люди, кровные! Вѣдь, мы не изъ чего, — не изъ ненависти али злобы дѣлимся... дѣлимся по доброхотному желанію!... Кушайте, старички, во здравіе!... Благодаримъ на пожеланіяхъ!... А что насчетъ претыкательства или судьбища — упаси Господи! Съ чего намъ? Намъ что?... Все по старому будетъ: пущай старичокъ управляетъ!... Къ чему обиды?... А только какъ будто для порядку лучше... Вѣдь, вмѣстѣ будемъ жить, никуда не разбѣжимся... Кому что надо — бери... Господи, Царь небесный! Да мы это и грѣха на душу не возьмемъ! — и пр., и пр.

Такими возгласами и заявленіями отвѣчали, съ своей стороны, на пожеланія гостей въ одинъ голосъ хозяева: и дѣдъ, и сыны его, и невѣстки, и еще неожиданно откуда-то взявшаяся старушка, вѣроятно, дальняя родственница. Только Степаша (такъ звали дочь Чахры-барина) не принимала никакого участія; она молча сидѣла въ углу и сердито чинила старый отцовскій полушубокъ.

— Ну, милячокъ, — обратился ко мнѣ дѣдъ, — ты бы того... бумажку-то приготовилъ... вписать, такъ, для памяти...

— Хорошо. Какъ же мнѣ начинать?

— Да что начинать?... Какъ вотъ будемъ говорить, такъ и пиши: Климу — лошадь, а Титу — корова; Титу — телку, а Климу — овцу...

— Какъ овцу! За телку-то овцу? — вдругъ вскочила отъ люльки молодая невѣстка. — Господа старички! какъ вы хотите, мы на это не согласны...

— Ахъ, дура, дура!... Вотъ она, баба дура!—замоталъ дѣдъ сокрушенно головой,—да, вѣдь, это къ примѣру... Вѣдь, это я барину примѣръ даю... Экая необузданная!

— Конечно, къ примѣру, глупая!.. Ты понимай, какъ рѣчь идетъ,—наставляли въ свою очередь и старики.

— Ты сиди!—прикрикнулъ на нее молодой мужъ.

Баба, повидимому, смирилась, но по всей ея фигурѣ и разгорѣвшимся глазамъ было видно, что она приготовилась къ борьбѣ на жизнь и смерть, что ничто не ускользнетъ отъ ея вниманія.

— Ну, благослови Господь! — сказалъ дѣдъ и, помѣстившись съ правой стороны меня, положилъ локти на столъ и искоса посматривалъ ко мнѣ въ бумагу.

Слѣва отъ меня присѣлъ черноволосый, кудрявый мужичокъ; онъ чрезвычайно сосредоточенно черезъ руку смотрѣлъ, какъ я писалъ, и отъ времени до времени подергивалъ вывихнутымъ плечемъ.

— Клади избу,—началъ дѣдъ.—Тутъ долго толковать нечего! Изба въ родъ идетъ... Переднюю горницу клади старшому, Титу, а Климу пущай задняя идетъ... Такъ ли?

— Справедливо вполнѣ!

— Ну, теперь ежели молодшій совсѣмъ въ отдѣлъ захочетъ, на новую усадьбу,— пущай ему, въ зачетъ избы, сѣнница пойдетъ тогда. А до тѣхъ мѣстъ сѣнницей сообща владать... А мнѣ что? Мнѣ ничего не надо... Я вотъ изъ горницы въ горницу и буду переходить. Такъ ли? Мнѣ, старику, много ли надыть!.. Я знаю, моихъ заслугъ не забудутъ... Къ чему тутъ уговоры?

— Зачѣмъ?.. Господи помилуй!.. Чать, вѣдь, родитель... Да мы не токма что... Не крестьяне мы, что ли? — заговорили молодые.

— Мнѣ еще вотъ, можетъ, годковъ пять-шесть повладычествовать... Пока еще я въ силѣ... А тамъ—простите, родные, коли ежели старикъ отдохнуть захочетъ да печки запроситъ... Всему свой есть конецъ предѣла! Ну, тогда не осудите: старика приголубьте... Много, вѣдь, поработано на вѣку, и отдохнуть когда-либо надо будетъ,—и дѣдъ утеръ прослезившіеся глаза.

— Справедливо вполнѣ!.. Да мы бы, пожалуй, и теперь... Мы не утруждаемъ... Коли ежели хочешь...

— Нѣтъ, зачѣмъ? Теперь я самъ не хочу... Еще я самъ теперь въ полномъ разумѣніи!.. Еще моему концу предѣла не положено!.. Еще мы послужимъ! Небось, не хуже молодого дѣло поведемъ: у молодого-то оно, точно, умъ бойчѣе, зато у старика прочнѣе... Молодой, глядишь,—фитю, фитю! за тѣмъ, за другимъ погнался, а старикъ, что быкъ: онъ на своемъ крѣпко стоитъ, за свое дѣло держится, на моду не пустится, на соблазнъ не пойдетъ... Старикъ дѣдовскому завѣту крѣпокъ.

— Вѣрно, вѣрно!—поощряли дѣда старики.

— Ну, значитъ, теперь — надворное строеніе... Пиши такъ: а владѣть намъ, братьямъ, надворнымъ строеніемъ сообща, пока на одной усадьбѣ жить будемъ, безъ ссоры, безъ препирательства; а въ тѣхъ случаяхъ,—диктовалъ мнѣ дѣдъ,—когда младшій пожелаетъ на новую усадьбу уйти, то выдать ему на сносъ сѣнницу; а прочее старшему пойдетъ... Такъ ли?

— Справедливо!—откликались лаконично въ избѣ.

Я писалъ. Старики сидѣли по лавкамъ, опустивъ внизъ головы и нагнувъ спины; сыновья и бабы стояли посрединѣ комнаты около стола и молча смотрѣли, какъ бѣгало мое перо по бумагѣ, а выше, съ полатей, сверкали бойкіе, разноцвѣтные глазенки ребятишекъ.

— Теперь одежу... Тащите, бабы, одежу!—приказалъ дѣдъ.

Бабы притащили изъ клѣти два вороха старыхъ и новыхъ полушубковъ, армяковъ, поддѣвокъ, двѣ пары сапогъ валеныхъ, бабьи шугаи и пр.

— Ну, вотъ,—говорилъ дѣдъ,—дѣлите... Все отдаю! Себѣ только одинъ армячишко оставлю... Что мнѣ? Куда?.. Дѣлите поровну... Все, вѣдь, это артелью строилось... Кабы я одинъ, гдѣ бы мнѣ столько богатства нажить?.. Все вмѣстѣ въ одну житницу тащили... Только вотъ Климу полушубка не дамъ... Заслуги нѣтъ! Ты у меня армякъ въ Москву взялъ, да прогулялъ. А отцу хошь бы чѣмъ польстилъ, хошь бы гостинецъ какой!.. Заслуги не видать!..

— Да мнѣ, пожалуй, не надо армяка-то,—отвѣчалъ сконфуженный Климъ,— мнѣ пинжакъ надо!

— Ну, и строй себѣ пинжакъ!.. А полушубка я тебѣ не отдамъ...

— Ты не по заслугамъ дѣли, а по равненію... Все въ одно работали,—замѣтила бойкая жена Клима.

— А ты не учи. Одно дѣло по равненію идетъ, другое дѣло—по заслугѣ... Ну, равняйте сами!

Началось равненіе. Каждая вещь разсматривалась—слегка и поверхностно сыновьями, очень тщательно—бабами и стариками, когда вещь вызывала споры. Въ особенности хорошъ былъ кудрявый черный мужичокъ; онъ вдругъ вскакивалъ, подходилъ къ ворохамъ, бралъ какой-нибудь шугай, молча осматривалъ его сзади и спереди, и затѣмъ, положивъ на мѣсто, молча возвращался и садился на лавку.

„Ну, что жъ?“ спрашивали его. Онъ махалъ рукой и говорилъ: „Справедливо!.. Пущай!“ Наиболѣе говорливымъ оцѣнщикомъ неожиданно оказался старикъ Самара, такъ любившій пѣть заунывныя пѣсни; онъ все время неустанно расписывалъ достоинства каждой вещи и опредѣлялъ ихъ сравнительную цѣнность.

Прошло около двухъ часовъ, пока мы всѣ соборомъ выбрались во дворъ. Молодая жена Клима бросила ребенка въ люльку на произволъ судьбы и побѣжала за нами. За ней, быстрѣе молніи, слетѣли съ полатей ребятишки и тоже высыпали на дворъ. Къ общей толпѣ съ улицы прибавилось еще два-три сосѣда.

На чистомъ воздухѣ оцѣнка пошла оживленнѣе, благодаря наплыву новыхъ участниковъ; да и самые предметы дѣлежа представляли болѣе интереса. Стало во дворѣ шумно и людно. Самъ дѣдъ принялъ горячее участіе въ оцѣнкѣ вещей. Онъ совсѣмъ расходился. Его художническая натура снова заявила себя. Задѣтый кѣмъ-нибудь за живое насмѣшливымъ словомъ надъ телѣгой или сохой, онъ вдругъ пускался въ обольстительныя подробности относительно ихъ происхожденія. И вотъ этими подробностями, въ которыхъ главный элементъ составляла масса затраченнаго мужикомъ труда, изворотливости, самопожертвованія, скудный крестьянскій инвентарь пріобрѣталъ въ глазахъ наблюдателя какіе-то фантастическіе размѣры.

То одушевленіе и сердечность, съ которыми дѣдъ защищалъ свое „королевство“, вносили такую полноту жизни въ это „разоренное воронье гнѣздо“, что было очень трудно не поддаться иллюзіи. А сколько времени было потрачено на оцѣнку и раздѣлъ этого „деревенскаго богатства“, чтобы все привести къ принципу „равненія и справедливости“! Почти смеркалось, когда мы возвратились снова въ избу. Замѣтно, всѣ пріустали, и только Чахра-баринъ, казалось, никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ въ этотъ день.

— Натка-сь, — сказалъ онъ, — какую махину осмотрѣли!.. Цѣлый день дѣлили... Вишь, и солнышко закатилось!.. Вѣдь, оно у меня, королевство-то, не малое; вѣками накапливалось!.. Мнѣ добрымъ людямъ не грѣхъ въ глаза посмотрѣть! Али я вертопрахъ былъ, али я своей родной артели расточитель, али лежебокъ, али отъ глупости добро размоталъ? Вотъ оно — смотри, гляди кто хочешь!.. Все въ цѣлости передаю! Потому тутъ на всемъ одно — кровь наша да потъ нашъ.... А этому цѣны нѣтъ!— заключилъ онъ нѣсколько торжественно, залѣзая опять за столъ.

Всѣ молча усаживались по лавкамъ.

— Ну, милячокъ, прочти же ты намъ, что у тебя тамъ объявилось!—обратился ко мнѣ Чахра-баринъ.

Сыновья подошли ближе къ столу, бабы сдвинулись позади ихъ. Черноголовый кудрявый мужичокъ выпучилъ на меня сосредоточенно глаза. Я прочелъ инвентарь имущества деревенскаго короля.

— Ну, вотъ! Справедливо вполнѣ, кажись, старики?

— Справедливо вполнѣ! Какъ быть!

— Мелочишка неважная кое-какая не вписана... примѣрно, сапогъ двѣ пары валеныхъ, да сыромятные... Ну, да это пущай такъ пойдетъ! Изъ-за валеныхъ сапогъ судиться не пойдемъ! — сказалъ старикъ.

— Пожалуй, кому охота!.. Съ судомъ-то пятеро сапогъ новыхъ пропьешь!—весело замѣтилъ старшій сынъ и, по обыкновенію, беззвучно засмѣялся.

— А теперь, братецъ, ты вотъ что прибавь,—началъ дѣдъ.—Дочери же моей Степанидѣ Онуфріевой... Слышь, Степашка, объ тебѣ рѣчь идетъ!

Степашка вдругъ вся вспыхнула, ея глаза безпокойно забѣгали по работѣ, но она молчала и не подняла головы.

— Дочери же моей, — продолжалъ дѣдъ,—въ случаѣ, ежели Господь дастъ просватаемъ, выдаю ношеную одежду, что послѣ старухи моей осталась. Мы же, братья, наградимъ ее, кто можетъ, по силѣ-помочи, по братней любви... Такъ ли?

— Что жъ! Извѣстно, по обычаю... Ежели будемъ въ силахъ!—отвѣчали братья.

— За лиходѣйство награждать-то не приходится,—сдержанно замѣтила молодая жена Клима.—Что мы отъ нея видѣли? Ты ей слово, а она тебѣ десять... Ты ее работать пошли, а она тебѣ хвостъ задеретъ, что телка... только отъ нея и видишь! Какая отъ нея въ домѣ заслуга?

— Только вотъ по дѣдушкѣ еще и терпимъ,— шопотомъ замѣтила старшая невѣстка старушкѣ съ добрымъ сморщеннымъ въ кулачокъ лицомъ.

— Ну, молчите!.. Слышь, Степашка!.. Я тебѣ, для великаго нонѣшняго дня, лиходѣйство твое прощаю на вѣки... Богъ съ тобой!.. Не видалъ отъ тебя я ласки, ничѣмъ никому ты не польстила... Невѣстки чужія все же,—съ нихъ много не спросишь... А ты —кровь родная... Ну, да Богъ съ тобой!.. Дѣвка, извѣстно, ломоть отрѣзанный! На нее надежды не клади... Слышь, Степашка? Оправимъ тебя съ братьями по-Божьему, безъ обиды.

Степашка становилась все сердитѣе, лицо ея горѣло.

— А ты брось хоть словечко, — подошла къ ней добрая старушка,—скажи что ни то... Вѣковое, вѣдь, дѣло.

Степашка молчала.

— Эка телка упрямая! — прошептала сокрушенно старушка.

Дѣдъ махнулъ рукой и неожиданно всплакнулъ.

— Богъ съ ней!.. Ну, а теперь, въ закончаніе, напиши, милячокъ, — сказалъ онъ мнѣ, утирая рукой глаза:—въ случаѣ же, ежели, чего Господи сохрани— выйдетъ ей произволенье навѣки въ дѣвкахъ оставаться, - намъ, братьямъ, выдѣлить ей, по равненію, третью изъ общаго нашего имущества часть, какъ слѣдуетъ, по дѣдовскому обычаю, какъ-то: амбарушку, для мѣстожительства, съ приспособленіемъ; печку вывесть; отъ приплоду телку да ягнятъ пару; а ежели пожелаетъ хозяйствовать, то выдѣлить ей соху, да борону, да мелочь, что по хозяйству будетъ нужно.

Вдругъ Степашка поднялась, бросила на лавку тулупъ и, вся нервная, порывистая, взволнованная, съ сердито сверкающими изъ-подъ густыхъ бровей темнокарими глазами, подошла къ столу.

— Ты, баринъ, этого не пиши... Похерь это!.. Похерь!.. Я свое себѣ найду... Я свое судомъ найду... когда надо будетъ!.. Ты бы, дѣдушка, чѣмъ о другихъ промышлять, лучше бы себѣ валеные хошь сапоги выговорилъ... Все оно по міру-то ходить пригодятся!.. А то, вонъ, у Іоныча и ихъ нѣтъ!—У Степаши пробѣжала по губамъ злая улыбка и искривила ей губы; она быстро повернулась и пошла къ двери.

— Тьфу, тьфу, лиходѣйка!.. Глазъ бы тебѣ на глазъ, типунъ на языкъ!—плюнулъ ей вслѣдъ Чахра-баринъ, когда она громко стукнула дверью.

— Ишь ты, какая козырь! — сказали старики.

— Огонь!—прибавилъ старшій братъ.

— Пора бы тебѣ, Онуфрій, ее усватать... Сгубитъ, того гляди, и себя, и семью... Мужика бы ей нужно, чтобы смирилъ... Вотъ, что мой сынъ, — сказалъ дѣдъ Арефъ, — онъ бы ее, что норовистую лошадь, кнутомъ выходилъ...

— Братецъ мой, пытался, — отвѣчалъ дѣдъ. — Неужель не пытался? Да сладу нѣтъ—нейдетъ. Говоритъ: по своей волѣ хочу! Бить ежели... Собирался иной разъ, потреплю за косы... Да силы нѣтъ во мнѣ на это; не такой ужъ я зародился... Думаю, изъ чего я ее стану бить? Вѣдь, она не балуетъ!.. Признаться, братцы, слабенекъ я, точно, грѣшенъ въ этомъ! Думаю, лучше стерплю... Стерпится— слюбится... За словомъ николи не гнался!.. Думаю, добрые люди это завсегда въ заслугу поставятъ... Вотъ она говоритъ: „хоть бы валеные сапоги"... А я думаю: неужто жъ мои заслуги валеныхъ сапогъ стоютъ?.. Что мнѣ ихъ выговаривать, когда ежели я знаю, что у добрыхъ людей заслуга не пропадаетъ?.. Такъ ли? Ну, на томъ и порѣшимъ! Выпьемъ-ка, старики! Поздравимъ съ благополучнымъ окончаніемъ! А тамъ будемъ жить-поживать, какъ и раньше жили... Только съ бабами мнѣ теперь сподручнѣе будетъ!— пошутилъ дѣдъ.

— Тебѣ теперь съ бабами чудесно!— замѣтилъ младшій сынъ.

— Теперь распредѣлено! Коли что — сейчасъ въ бумажку, — прибавилъ старшій сынъ съ своею добродушно-хитрою насмѣшкой.

— Благослови Господь вѣковому дѣлу быть въ согласъ и мирѣ, въ совѣтъ и любовь... а мнѣ, старику, стоять въ большинѣ твердо и неуклонно, до конца моего предѣла, пока Господь силы и разумѣнія не отыметъ!.. Тогда самъ скажу: „Не осудите, родные, пріусталъ; печки старая спина проситъ! Моихъ же заслугъ не забудьте"...

Снова раздались пожеланія, въ пере-

сынку; всѣ говорили, перебивая другъ друга. Нѣкоторые старички успѣли охмѣлѣть и лѣзли цѣловаться съ дѣдомъ Онуфріемъ и почему-то, кстати, со мной. Старшій сынъ съ рыжею лохматкой послѣ трехъ рюмокъ совсѣмъ умилился, сбѣгалъ „мигомъ“ за новою четвертью и потомъ сталъ со всѣми цѣловаться и обниматься. Дѣда Онуфрія совсѣмъ зацѣловали. Отъ удовольствія и водки осовѣлъ онъ и самъ, и лицо, и борода его свѣтились несказаннымъ блаженствомъ.

— Король, король, Онисимычъ, вполнѣ! Дай тебѣ Господь!—любовно нѣсколько разъ говорилъ ему черноволосый мужичокъ, постукивая по плечу и пристально глядя ему въ лицо своими выпяченными глазками.

VI.

Прошелъ годъ. Также осенью пришлось мнѣ навѣстить одного знакомаго землевладѣльца, жившаго верстахъ въ пяти не доѣзжая Большихъ Прорѣхъ.

Сидѣлъ я въ зальцѣ своего знакомаго, у окна, выходившаго въ палисадникъ, изъ-за подстриженныхъ жидкихъ акацій котораго виднѣлась невдалекѣ старая шоссейная дорога; березовая роща съ покраснѣвшими листьями стояла по другую сторону дороги, а изъ-за рощи, каждые полчаса, слышались свистки поѣздовъ и подымались бѣловатые, густые клубы паровознаго дыма, мигомъ разносимые порывистымъ осеннимъ вѣтромъ надъ головою рощи. Я сидѣлъ съ моимъ пріятелемъ и его женой, большою любительницей деревни, нарочно уговорившей мужа купить имѣніе и заняться сельскимъ хозяйствомъ. Ей хотѣлось „изучить народъ и деревню дотла“, какъ выражалась она. Мы курили папиросы и вели разговоръ именно на тему „деревни“. Катерина Петровна всегда считала своимъ долгомъ непремѣнно говорить со мной „о деревнѣ“, такъ что, при всемъ уваженіи моемъ къ предмету ея любопытства, такое постоянство мнѣ нѣсколько надоѣдало. Разговоръ на минуту у насъ какъ будто истощился, и мы безцѣльно стали смотрѣть въ окно. Но въ это время на шоссе показались два старика; одинъ былъ въ старомъ сермяжномъ кафтанѣ и лаптяхъ, другой—въ рубахѣ и босой. Они чуть держались, хватаясь другъ за друга, подъ напоромъ вѣтра, который гналъ ихъ вдоль дороги, осыпалъ цѣлымъ дождемъ побурѣвшихъ листьевъ и пыли, срывалъ съ головъ шляпы и развѣвалъ ихъ жидкіе, сѣдые волосы. Добравшись до поворота, они быстро повернули къ нашей усадьбѣ.

Катерина Петровна давно уже внимательно слѣдила за ними.

— Это мой пріятель,—сказала она,—вотъ тотъ, въ поповской шляпѣ... Дурачокъ.

— Я его видѣлъ,—сказалъ я.

— Да? Онъ меня чрезвычайно интересуетъ... Мнѣ очень хочется вникнуть въ причины появленія въ нашихъ деревняхъ этихъ дурачковъ, юродивыхъ и пр. Ихъ такъ много,—прибавила она и вышла въ другую комнату, навстрѣчу старикамъ.

— Вотъ я тебѣ еще привелъ пріятеля... Корми!—раздался изъ сосѣдней комнаты грубоватый и шепелявый голосъ Іоныча, вѣроятно, обращенный къ Катеринѣ Петровнѣ.—Накорми его, а я тебѣ пойду дровъ нарублю, воды принесу, дворъ подмету...

— Ты, дѣдушка, откуда?—спрашивала Катерина Петровна.

— Я, сударыня, дальній... издалеча,—отвѣчалъ другой старческій голосъ.

— Куда же ты идешь?

— А такъ брожу... Потому, милая, мнѣ конецъ предѣла пришелъ... Поработалъ на свой вѣкъ, слава тебѣ, Господи!.. Вздохнуть пора... Вотъ и пошелъ по міру разгуляться!

Голосъ показался мнѣ знакомымъ.

— Кто жъ у тебя дома остался?

— Дома у меня, какъ быть, дружочекъ, все въ порядкѣ... Королевство-то мое я, милая, пріустроилъ какъ быть; въ полномъ видѣ сынамъ препоручилъ!.. Все, вѣдь, свое, трудовое было!.. Да!.. Созвалъ ихъ, говорю: „Вотъ, сыны мои, хочу я своей власти положить конецъ предѣлу; владѣйте теперь нашимъ имуществомъ вы, сами принаблюдайте, а мнѣ ужъ воли дайте... Пріусталъ!“ — „Ну, что жъ, говорятъ, старичокъ, иди, разгуляйся... Неволить тебя не будемъ! Ты и такъ потрудился... Вишь, какое намъ королевство оставилъ! Твоихъ заслугъ не забудемъ!..“ Благодарю Создателя, прожилъ вѣкъ не безъ заслугъ! Есть что на старости вспомнить, чѣмъ похвастаться!

„Неужели это говоритъ онъ, Чахрабаринъ?—недоумѣвалъ я.—Да, это онъ, его голосъ, нѣтъ сомнѣнія“.

— Ты намъ вотъ что: ты намъ квасу дай только, а хлѣба да луку мы своего

накрошимъ... А больше ты намъ ничего не носи! Не нужно! Вели намъ только квасу дать, —раздался опять басъ Іоныча.

Когда Катерина Петровна прошла чрезъ залу, чтобы велѣть принести квасу, я вышелъ къ старикамъ.

— Ты, дѣдушка, какими судьбами?— воскликнулъ я, увидавъ Чахру-барина.

Чахра-баринъ, видимо, обрадовался.

— Вишь, и ты здѣсь! Какое мнѣ счастіе-то! – весело сказалъ онъ. — Али знакомъ?—спросилъ онъ шопотомъ, показавъ на дверь.

— Да, знакомъ. Мои хорошіе друзья.

— Хорошіе, вѣрно... Барынька—милосердная сестра, все одно!.. А ты подь-ка вотъ сюды... Мнѣ тебѣ кое-что сказать нужно.

И дѣдъ пошелъ за дверь на крыльцо.

Іонычъ все время усердно крошилъ черный хлѣбъ въ деревянную чашку, не обращая на меня никакого вниманія. Я вышелъ вслѣдъ за старикомъ.

— Ты, вѣдь, слышь, по зимамъ-то въ Питерѣ живешь?—допрашивалъ онъ меня, оглядываясь боязливо по сторонамъ, когда мы вышли на крыльцо.

— Да, въ Питерѣ.

— Чай, тебѣ, поди, человѣкъ тамъ надобенъ? Поди, чай, тоже кое-гдѣ прислужить, за добромъ присмотрѣть...

— Нѣтъ, дѣдушка, мнѣ не нужно... Что же ты, знакомаго кого хотѣлъ пристроить?

Дѣдъ, не отвѣчая, притворилъ плотнѣе дверь въ комнаты.

— Вотъ что я тебѣ хочу сказать, Миколаичъ,—заговорилъ онъ какъ-то стыдливо, не смотря мнѣ въ глаза и понизивъ голосъ,—сдѣлай милость, возьми меня съ собой въ Питеръ! Будь другъ! Я бы тебѣ вѣрнѣе собаки услужилъ, слуга-рабъ былъ бы по гробъ жизни... А отъ тебя одного востребовалъ бы: чтобы на улицу меня не выгонять, да кусъ чернаго хлѣба!.. Ну, рюмку водки когда, ежели твое расположеніе будетъ...

— Дѣдушка! да, вѣдь, тебѣ шестьдесятъ лѣтъ! Какъ же ты рѣшаешься?

— Вѣкъ, милячокъ, прожилъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, никуда не тянуло, и мысли не было, а теперь—хошь въ самый Питеръ! Теперь ничего не боюсь... Теперь мой конецъ предѣла все одно загубленъ! Вѣкъ нигдѣ не бывалъ, а теперь иду! Бери!— иду! Я тебя полюбилъ... Я бы за тобой что нянька ходилъ... Ребятишекъ бы твоихъ нянчилъ, замѣсто родныхъ внуковъ... Пса вѣрнѣе, говорю, твое добро соблюдалъ бы!

— Да что съ тобой случилось, дѣдъ?

Дѣдъ наскоро распахнулъ свой, подпоясанный мочаломъ, дырявый армячишко и, цѣпляясь костлявыми, дрожащими пальцами за ветхую и грязную синюю рубаху, сталъ усиленно рвать ее на груди.

— Вотъ, милячокъ, — говорилъ онъ, задыхаясь, напряженнымъ шопотомъ, — глянько, глянь—рубаху-то!.. Полгода ношу... Обмѣнки нѣту... Вошь заѣла!.. Другой разъ выйду за село, къ вечеру, чтобы не стыдно, раздѣнусь да выполощу въ пруду и рубаху, и порты... Сношенки снизвели меня!.. Говорятъ, „снизведемъ его, стараго, вошью!“

— А гдѣ же Степаша?

— Степашка?.. У-у, бѣглая! Крови своей, родной крови бѣжала!.. Ты мнѣ объ ней не говори... Сношенки-то... Ты слушай, дружокъ,—все таинственнымъ шопотомъ передавалъ мнѣ Чахра-баринъ, стараясь снова застегнуть на голой груди рваный зипунишко, — сношенки-то говорятъ, какъ сыны-то уѣхали, говорятъ: „мы его снизведемъ, стараго кота...“ „Кабы ты, говорятъ, старый котъ, сдохъ, такъ мужья-то съ нами жили бы, не шлялись бы по сторонамъ!..“ „Мы, говорятъ, тебя снизведемъ...“ И туда меня, и сюда меня... „Какое, говорятъ, отъ тебя промышленье? Какое, говорятъ, отъ тебя хозяйству приращеніе?“ А я, милячокъ, отъ утренней до вечерней зори въ полѣ... Ѣдешь это съ сохой домой, да по дорогѣ-то пять разъ на земь приляжешь... Ноги-то трясутся. Многаго съ меня не возьмешь... А мнѣ, въ благодарность, сухарь съ водой!.. Ты слушай-ка: одонья стали складывать, залѣзъ я наверхъ: потому я первый былъ мастеръ одонья класть, у меня одонье-то что точеная корона выходило! Залѣзъ этто я, а сношенки-то снопы мнѣ кидаютъ. Повернусь этто я, задомъ, а мнѣ нѣтъ-нѣтъ, да снопомъ-то въ спину... „Не дури! крикну, поглядпѣй дѣйствуй!“ Обернусь опять, а мнѣ снопомъ-то въ загривокъ... Ну, я и ткнусь рыломъ-то... „Не дури! кричу, ахъ ты, сорока!.. Ну, ты меня жизни рѣшишь!.. Много-ль мнѣ надоть?“.. Кричу эдакъ, а другая-то сношенка мнѣ снопомъ-то въ рыло... Да таково мѣтко, индо изъ глазъ искры посыпались, а изъ носу руда потекла... Тутъ я огорчился... Сползъ этто съ одонья... „Ахъ вы, говорю, лихое сѣмя! Да вамъ что старикъ-то достался?“

Бросился за ними, бить хочу, коль было взялъ... А они на улицу,—на улицѣ смѣхъ: „Го-го-го!“ Ушелъ я этто, братецъ, на задворки, присѣлъ накортки, да и взревнулъ... Реву, что корова!

И дѣдъ вдругъ всхлипнулъ разъ, другой. Все его лицо какъ-то непріятно сморщилось въ кулачокъ, и онъ дико и глухо завылъ.

Я сталъ его успокоивать, но онъ самъ тотчасъ же отеръ кулакомъ слезы и спокойнымъ уже голосомъ проговорилъ:

— Послѣ того сталъ я, братецъ, своему дому не хозяинъ, своей землѣ не крестьянинъ; сталъ пропадать днями и ночами, съ юродивцемъ стакнулся, по міру пошелъ... ровно бы Божій человѣкъ!.. Возьми ты меня, сдѣлай милость, отсюда!

— Въ Петербургъ, старикъ, не могу, а вотъ хочешь здѣсь, у барыни?

— Нѣту, нѣту... Ты меня дальше... на край свѣта отправь.

— Ну, хочешь въ городъ, къ знакомому моему?

— Иду!.. Благослови Господи!.. Иду!.. Дровъ нарубить, воды натаскать, съ ребятишками заняться... Еще послужу!

Я хотѣлъ вернуться въ комнаты, но онъ удержалъ меня за рукавъ и опять шопотомъ проговорилъ:

— Дай ты мнѣ, ради Христа, рубль. Одинъ рубль! Я съ себя блоху-вошь изведу. Только, милячокъ, не сказывай никому,—прибавилъ онъ такимъ сердечнымъ, жалобнымъ тономъ, что мнѣ сразу стала понятна его невинная ложь въ разговорѣ съ хозяйкой.—Пущай ты одинъ мое дѣло знаешь... Такое ужъ видно отъ Бога произволенье тебѣ!.. Оплошали мы съ тобой тогда маленько, при раздѣлѣ-то... Промашку сдѣлали...

— А что?

— Ежели бы мы тогда съ тобой хоть малую часть за собой удержали до скончанія живота, хоть бы клѣвушокъ какой,—другой бы разговоръ пошелъ! Совсѣ-ѣмъ бы, братецъ, другой разговоръ пошелъ!—серьезно-дѣловитымъ тономъ прибавилъ несчастный Чахра-баринъ и утвердительно нѣсколько разъ кивнулъ головой.—А то, вотъ, одинъ кафтанъ охранилъ, съ собой въ мѣшкѣ таскаю.

Мы вошли въ домъ. Катерина Петровна приготовила уже старикамъ чуть не цѣлый обѣдъ и усѣлась бесѣдовать съ ними. Но старики, наскоро поѣвъ, поспѣшно ушли.

Я обѣщалъ Чахрѣ-барину увѣдомить его письмомъ на Катерину Петровну.

— Ну, ладно,—замѣтилъ онъ мнѣ опять по секрету,—я забѣгу.

Къ вечеру я сталъ собираться въ дорогу, но уѣхалъ, конечно, не раньше, чѣмъ обязанъ былъ разсказать своей хозяйкѣ съ мельчайшими деталями все, что зналъ о Чахрѣ-баринѣ.

VII.

Прошелъ еще годъ. Я вновь вернулся изъ Питера въ свой родной городъ и, въ первый же день по пріѣздѣ, отправился къ тѣмъ моимъ хорошимъ знакомымъ, у которыхъ я пристроилъ Чахру-барина. Но, къ моему удивленію, я не нашелъ его тамъ. Вотъ что мнѣ передали мои друзья.

Вскорѣ по моемъ отъѣздѣ въ Питеръ Чахра-баринъ, дѣйствительно явился къ нимъ съ письмомъ отъ меня. Они его приняли, и старикъ, видимо, очень обрадовался. Первое время онъ хлопоталъ ужасно: старался угодить во всякой мелочи, брался за всякую работу, ходилъ за хозяевами, какъ за дѣтьми, а за ихъ маленькими сыновьями, какъ за внуками. Но не прошло и мѣсяца, какъ старикъ началъ тосковать, сталъ пить водку, ходить по кабакамъ, и, подвыпивши, постоянно разсказывалъ о томъ, какое у него было королевство и какъ онъ его „пришаблюлъ“. Эти воспоминанія обратились у него въ idée fixe, а мѣсяца черезъ два онъ сталъ часто плакать и, наконецъ, впалъ въ дѣтство, разсказывали мои знакомые. Въ это время стала къ нему ходить дѣвушка, о которой мы только послѣ узнали, что она его дочь. Она жила гдѣ-то въ услуженіи и случайно встрѣтила отца въ кабакѣ, когда приходила туда покупать водку. Не знаемъ, обрадовался ей старикъ или нѣтъ, такъ какъ онъ или постоянно улыбался ребячески, или плакалъ; но, повидимому, онъ былъ доволенъ ею, въ особенности когда она приносила ему бѣлый хлѣбъ, или кусокъ пирога отъ господъ, или косушку водки. Случалось, что, выпивши, онъ вдругъ валился къ ней въ ноги и, плача, просилъ въ чемъ-то простить его. Такъ, незадолго до Пасхи, вдругъ приходитъ его дочь съ узелкомъ и проситъ насъ отпустить старика; „потому, что-жъ вамъ его держать попусту? при вашемъ дѣлѣ онъ не нуженъ.... Совсѣмъ ужъ старичокъ негоднымъ человѣкомъ сталъ... Вы ужъ со мной его отпустите въ деревню. Ему

тамъ милѣй будетъ". И старикъ съ дочерью пѣшкомъ поплелись въ свое село.

Пріѣхалъ я въ Большіе Прорѣхи уже къ вечеру. На деревенской улицѣ царилъ полумракъ, тотъ таинственный полумракъ, когда еще на сѣверо-западѣ горитъ оранжевая полоса зари, а на востокѣ уже мигаютъ чуть яркія звѣзды. Въ воздухѣ было свѣжо и сыровато; чувствовалось, что, того гляди, ночью ударитъ морозъ. Пастухъ, собираясь въ „ночное", плотно закутывался посрединѣ улицы въ большой мірской нагольный тулупъ; кое-гдѣ у избъ сидѣли мужики въ ожиданіи, когда бабы зажгутъ въ избахъ огни и приготовятъ ужинъ. Мнѣ пришлось проѣзжать какъ разъ мимо „дворца" Чахры-барина, и я велѣлъ остановить лошадей.

У избы лежало большое, недавно срубленное, свѣжее бревно, которое тотчасъ же обдало меня крѣпкимъ смолистымъ запахомъ. На бревнѣ сидѣли двѣ-три фигуры. Подойдя къ нимъ ближе, я узналъ въ одной изъ нихъ большака-сына Чахры-барина съ большою рыжею лохматкой.

— Опять къ намъ, господинъ, заглянулъ?—сказалъ онъ, по обыкновенію, съ добродушною улыбкой во все лицо, приподнимаясь съ бревна.

— Да. Опять... А вы какъ живете?

— Ничего...Живемъ...Хозяйствую вотъ по домашнему обиходу нонѣшнее лѣто...

— А дѣдъ гдѣ?

— Дѣдъ-то? Пріятель-то твой?.. Али взыскался?

— Да, хотѣлъ бы повидать.

— Такъ, такъ... Онъ тебя любилъ... Ну, только, грѣшнымъ часомъ, померши онъ.

— Умеръ? Давно ли?

— Померши... Такъ тебѣ сказать, около Петрова дня будетъ... Померши, померши...

— Съ чего же это онъ? Вѣдь, онъ еще не очень былъ старъ?

— Точно... Гдѣ бы еще умирать!.. Еще годковъ пять за печкой посидѣлъ бы... Господь съ нимъ! Еще годковъ бы пять лапти проковырялъ.

И большакъ закатился своимъ обычнымъ добродушнымъ, беззвучнымъ смѣхомъ, покачивая изъ стороны въ сторону золотисто-красною шапкой кудрявыхъ волосъ. Засмѣялись и сидѣвшіе съ нимъ рядомъ мужики.

— Я думаю, отъ огорченія онъ умеръ.

— Можетъ, и съ огорченіевъ... Старичокъ былъ чуткій... Это вѣрно... Тоже все еще бодрился.

— Зачѣмъ же вы его огорчали?

— Кто его огорчалъ!..Господь съ нимъ!.. А ужъ это такъ, значитъ, придѣлъ ему пришелъ.

При этихъ словахъ такъ ярко припомнился мнѣ разсказъ старика о „кобылкѣ" и ея заслугахъ.

— Гдѣ жъ онъ умеръ? У тебя?—спросилъ я большака.

— Нѣту, нѣтъ... Отъ насъ онъ въ бѣгахъ почесть годъ былъ... А умеръ онъ у Степаниды... Она его въ городѣ обрѣла, сюда вмѣстѣ и пришли. Степанида незамужницей объявила себя и свою часть востребовала... Ну, что жъ, думаемъ, ежели Господь ее такимъ несчастіемъ попустилъ: пущай! Міромъ ей надѣлъ вырѣзали, какъ мужику, вполнѣ... А мы съ братомъ вотъ хибарку ей отдали (вотъ, насупротивъ), печку ей произвели... Что по хозяйству надо — справили... Должно, у нея деньжонки припаблюдены были: лошадь купила... Хозяйство вполнѣ повела. И дѣдушку при себѣ оставила... Ожилъ было старикъ. Ходитъ это вокругъ избы съ топорикомъ, хлопочетъ, постукиваетъ. Какъ быть опять хозяинъ. Ровно бы и въ дѣло... Забавникъ такой сталъ, Господь съ нимъ! Ну, да вотъ Богъ вѣку не продлилъ... Натрудилъ себя очень огорченьемъ-то раньше, думать надо. Ну, и не осилилъ.

Я подошелъ къ маленькой амбарушкѣ, стоявшей напротивъ, черезъ улицу, какъ-то совсѣмъ вдавшись вглубь усадьбы, къ овражку. Въ амбарушкѣ, замѣтно, недавно выпилены два крохотныхъ оконца и придѣланы, чуть не изъ драничекъ, сѣнцы; у воротъ еще и теперь валялись стружки и чурки — остатки неоконченной работы. Полѣнница сучковатаго валежника сложена была сбоку. Какъ живой, припомнился мнѣ въ это время Чахра-баринъ. Вотъ, казалось, сейчасъ выйдетъ онъ ко мнѣ навстрѣчу, съ топоромъ въ рукѣ, въ новыхъ лаптяхъ, добродушно мигнетъ правымъ, слѣпымъ глазомъ и начнетъ напоминовеніе разныхъ заслугъ: „Вотъ, милячокъ, глянько сюды, какой дворецъ-то я вывелъ! Все, вѣдь, другъ, кровью это досталось... Не лихвой, не обманомъ, не разбойнымъ ремесломъ: во всемъ одна кровь наша да потъ нашъ!.. Вишь, сѣнцы-то вывелъ: самъ и дерево пилилъ, и скоблемъ скоблилъ, и тесину дралъ!.."

Вскорѣ мнѣ пришлось заѣхать къ моему арендатору.

Я полюбопытствовалъ насчетъ дѣда

Арефа, и арендаторъ молча кивнулъ мнѣ на запечку. Тамъ, попрежнему, увидалъ я дѣда Арефа, сидѣвшаго, какъ статуя, въ углу, въ своихъ неизмѣнныхъ большихъ бѣлыхъ валеныхъ сапогахъ, словно пригвожденныхъ къ полу.

— Что, дѣдъ, умеръ, вѣдь, Чахра-баринъ-то? а? А, вѣдь, ты поди не думалъ его пережить?— спросилъ я.

— Умеръ,—протянулъ онъ.—Кабы заживо замеръ, что я, такъ дольше бы просидѣлъ на свѣтѣ... Я-то ужъ давно омертвѣлъ, раньше его померъ.

— Какъ померъ?

— Да какой я крестьянинъ? Замѣстъ меня не крестьянинъ здѣсь сидитъ, а моща сидитъ!

Дѣдъ былъ правъ, такъ ужасно правъ, что, уѣзжая въ этотъ разъ изъ Большихъ Прорѣхъ, я не зналъ, что ему пожелать на прощанье: долголѣтней жизни или скорой смерти...

1880 г.

ГОРЕ СТАРАГО КАБАНА.

РАЗСКАЗЪ.

...Онъ не годъ сидѣлъ, не два года,
Отпустилъ свою бородушку
До самаго шелкова пояса;
Онъ по свѣтлицѣ похаживаетъ,
Табаку трубку раскуриваетъ;
Онъ поетъ пѣсни, какъ лѣсъ шумитъ:
„Ужъ таланъ ли мой, таланъ худой,
Или участь моя горькая!..“

Народная пѣсня.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ разсказанной мною исторіи съ Чахрой-бариномъ, пришлось мнѣ поселиться въ Большихъ Прорѣхахъ надолго: я задумалъ построить на землѣ своей племянницы хуторъ. На все время, пока заготовляли матеріалъ для стройки, пока строилась самая изба, я долженъ былъ поселиться у кого-либо изъ прорѣхинскихъ крестьянъ. Съ бывшимъ моимъ арендаторомъ дѣла у меня разстроились (онъ мнѣ иногда, какъ будто не нарочно, забывалъ даже кланяться, а если иногда и кланялся, то снимая нехотя картузъ и не кивая головой); знакомые старики мои почти всѣ примерли; умеръ, какъ вы знаете, Чахра-баринъ съ „огорченіевъ“, умеръ и Арефъ, давно уже замершій заживо (говорятъ, „онъ и не слыхалъ, какъ умеръ“, да и никто не слыхалъ, только ужъ сутки спустя хватились окликать его, а онъ лежитъ на печи и голосу не подаетъ: „моща, такъ моща и есть“); умеръ и высокій старикъ-кузнецъ съ ребячьею головой и дѣтскимъ лицомъ „скоропостижно“, послѣ драки съ сыномъ; умеръ и Самара, умѣвшій ловко таскать у внука изъ бутылки водку, а послѣ добавлять водой; но Самара, по крайней мѣрѣ, оставилъ послѣ себя пріятеля, Кабана, до такой степени схожаго съ собой, что какъ будто онъ вовсе и не умиралъ для прорѣхинскаго міра. Когда и живъ былъ Самара, такъ ихъ съ Кабаномъ почти что не различали.

Вотъ у этого-то „стараго Кабана“ и привела мнѣ судьба поселиться. Поселился я у него, прежде всего, потому, что изба у него была если не больше всѣхъ другихъ, зато двух-этажная, въ три окна, съ порожнимъ верхомъ, и, притомъ, самая красивая во всемъ селѣ. Очевидно, строилась она на-показъ и „въ свое удовольствіе“. Крыша желѣзная съ вычурными водостоками; дворъ крытъ тесомъ и крашенъ, вмѣстѣ со всею избой, въ темно-коричневый цвѣтъ; окна узорчатыя. Черезъ улицу, противъ оконъ, стояла житница, тоже узорчатая, съ крашеными въ тотъ же цвѣтъ бревенчатыми стѣнами, съ ярко блестѣвшею зеленою желѣзною дверью, вся новая и крѣпкая. Житница эта рѣзко выдѣлялась отъ своихъ дряхлыхъ сосѣдокъ, а въ особенности отъ одной изъ нихъ, передѣланной въ жилую избу, съ двумя крохотными оконцами. То была изба Степаши, дочери покойнаго Чахры-барина. Я очень былъ радъ этому сосѣдству. Мнѣ хотѣлось узнать поближе, какъ живетъ Степаша.

Впрочемъ, позвольте мнѣ сначала поближе познакомить васъ съ Кабаномъ.

I.

Кабанъ былъ мужикъ средняго роста, плотный, мускулистый, приземистый, такъ что его большая голова какъ будто нѣсколько была вдвинута въ плечи. Сивая круглая борода и довольно тщательно расчесанная, съ проборомъ посрединѣ, серебристая голова придавали ему очень

благообразный видъ, тѣмъ больше, что одѣвался онъ чисто: кувшинные сапоги были всегда вымазаны, ситцевыя рубаха и порты только что выстираны (отъ нихъ всегда несло даже сѣрымъ мыломъ). Но все это „благообразіе“ какъ будто было не его, не родное, а взятое напрокатъ, парадное. Наблюдали вы ребенка, когда надѣнутъ на него „обновку“ и онъ еще не успѣлъ съ ней освоиться? Такимъ же, постоянно смущенно-улыбающимся, осторожно поскрипывающимъ сапогами, конфузливо выступающимъ и думающимъ, что всѣ на него смотрятъ, былъ Кабанъ. „Не замарай рубашку, не запыли сапоги, не всклочивай голову!.. Ходи ровнѣе, не бѣгай, будь паинька... Теперь ты ужъ большой!“ — говорятъ ребенку,—и ребенокъ, не чувствуя въ глубинѣ души, чтобъ онъ дѣйствительно сразу сталъ „большой“, силится послушаніемъ увѣрить себя и другихъ, что папаша и мамаша не ошибаются. Если это забавно выходитъ въ ребенкѣ, то, понято, еще забавнѣе у старика въ 60 лѣтъ. А Кабанъ былъ именно таковъ. Войдетъ бывало ко мнѣ наверхъ, слегка поскрипывая сапогами, пригладитъ голову, сядетъ напротивъ меня, сложитъ на животѣ руки и смотритъ прямо въ лицо какъ будто чуть-чуть, но постоянно смѣющимися сѣрыми глазами.

Такъ и хочется его спросить: „Что, Листархъ Петровичъ, загнали, братъ, тебя въ чистыя хоромы, да въ новые сапоги? Неловко, должно, тебѣ?“

Да и къ своей красивой новой избѣ, ко всему своему хозяйству онъ относился какъ-то чрезвычайно странно, какъ будто все это было не его, не родное, не хозяинъ онъ тутъ, а только дворецкій.

— Видишь, какая у насъ усадьба-то теперь... А, вѣдь, прежде-то у меня здѣсь что было? Хибарка, Миколаичъ, малая хибарка, колышками подперта, вѣтеркомъ продута, въ три слѣпыхъ оконца, въ соломенной шапкѣ... Да,—говорилъ онъ мнѣ, когда, на третій день по пріѣздѣ моемъ, показывалъ онъ мнѣ свою усадьбу,—и что сталось, что сталось-то, ты погляди!.. Ахъ, Господи! До сихъ поръ въ умъ не приду, ей-Богу, не приду!.. Словно, братецъ, меня ушибло... Гляжу-гляжу на эти хоромы-то—и ума не приложу: ровно какъ будто сплю я все, грежу... Ей-Богу!.. Бывало, братецъ, работаешь до десятаго поту, спина трещитъ, ноги ноютъ, ломитъ, животъ ведетъ, ты бы поѣсть, анъ одна тюря; того пуще брюхо-то пучитъ... Бѣднота была, голь... Ахъ, братецъ, шибко тяжело было!.. И что сталось, что сталось!— причмокивалъ Кабанъ, покачивая головой.—Ну, чего мнѣ теперь нужно? Все есть... Захотѣлось спать—ложись, хочешь на печку, хочешь на перину... Въ кладовой вонъ ихъ двѣ лежатъ по двадцати пяти рубликовъ штука стоила!.. Да подушекъ тамъ же полдюжины пуховыхъ хранятся... Ну?.. Ѣсть захотѣлъ? Вотъ тебѣ сладкій кусъ, какой хочешь... Гороху, што ли?—и горохъ будетъ... Судака соленаго закусить?—и судакъ будетъ... Разгуляться захочешь?—вотъ они, два коня стоятъ... Бери жеребца и поѣзжай, куда душа тянетъ... Да никуда, братецъ, не тянетъ, вотъ бѣда-то! Я ужъ и хотѣть-то не знаю чего придумать! Ей-Богу! Иной разъ, признаться тебѣ сказать, тоскую... шибко тоскую... Никогда этого со мной прежде не бывало!

— Да, вѣдь, ты и теперь работаешь, Листархъ Петровичъ; съ чего же тебѣ тосковать?

— Работаешь!.. Развѣ это работа? Такъ, баловство... Бывало вотъ работалъ, точно, какъ тюрю-то ѣлъ... Лѣтомъ-то прѣешь-прѣешь, да и зимой-то, и въ стужу, и во вьюгу, за одромъ своимъ треплешься... Мы въ извозъ тогда хаживали... А теперь...—и тутъ Кабанъ сокрушенно махалъ рукой,—больше ничего, какъ одно баловство... Хотѣлъ было, братецъ, раньше-то еще, отъ тоски, по-прежнему, туда-сюда сунуться: земли хотѣлъ взять побольше, въ извозъ было собирался... Ну, не допустили!

— Кто жъ тебя не допустилъ?

— А все *господа-то мои:* сынокъ съ невѣсткой... „Да ты, говорятъ, тятенька, сдѣлай милость ужъ насъ не срами... Пожалуйста, не срами... Чего тебѣ недостаетъ? Что ты Бога-то будешь гнѣвить? Онъ насъ, милосердый, взыскалъ, а ты недовольствомъ своимъ Его огорчать будешь? Ты одно знай—честь нашу держи... Смой съ себя черную-то образину!.. А ужъ ежели тебѣ тоскливо, ну, лавочку открой, такъ, для веселья, и грошъ лишній перепадетъ“... Ну, я этимъ ремесломъ николи не занимался... Такъ вотъ и остался, что боровъ откормленный,—жиръ только нагуливать.

— Гдѣ же у тебя сынъ съ невѣсткой?

— Да въ Москвѣ живутъ.

— Что же они тамъ дѣлаютъ?

— А брюхо ростятъ... Въ артельщикахъ у меня сынъ-то... Слышь, по три

тысячи за годъ-то себѣ въ карманъ очищаетъ!.. Вотъ какая махина!.. Ну, куда экую прорву дѣнешь, коли ежели не въ брюхо?.. Робятишки хошь бы, что ли, были, все же зналъ бы, что когда-нибудь въ дѣло пойдутъ... И того нѣтъ: не родитъ толстая... Да гдѣ ей родить! Ожирѣла!

Послѣднія слова Кабанъ произнесъ даже съ сердцемъ.

— Вотъ видишь, хоромы какія вывели!.. А къ чему? Хошь бы внучата, что ли, были... Ну, вотъ, и смотрю за домами-то! Хожу изъ угла въ уголъ... Мужики говорятъ: „житьё тебѣ, Кабанъ!..“ Завидуютъ... А мнѣ другой разъ хошь въ петлю лѣзть! Ей-Богу! Еще лѣтомъ побалуешься, туда-сюда, какъ-нибудь: поборонуешь съ бабами, покосишь съ мужиками сообща... Все какъ будто настоящій крестьянинъ... Забудешься другой разъ, будто и взаправду работаешь... А зимой... что! Мѣста не найдешь... Думалъ по осени телѣгу строить... давай тесать да пилить... А мужики смѣются: „ты бы, говорятъ, Кабанъ, лучше вотъ изъ колодца въ колодецъ воду переливалъ... Скорѣй взопрѣешь!“ И точно — взялъ бросилъ... Кому польза? — заключилъ онъ. — Такъ я думаю: сопьюсь я. Еще пока Господь не допущаетъ, а думается: врагъ одолѣетъ... Вотъ оно што значитъ мужику шальныя-то деньги: грѣхъ! одинъ грѣхъ!.. Грабить оно при денькахъ-то хорошо, точно...

И дѣйствительно, я сталъ замѣчать, что Кабанъ попиваетъ. Не то чтобъ онъ пилъ запоемъ или „кутилъ“ — нѣтъ, а такъ вотъ — ходитъ-ходитъ, словно обваренный, да рюмку-другую и выпьетъ. Къ вечеру придетъ ко мнѣ, а у него ужъ сквозь сѣдую бороду на щекахъ румянецъ играетъ, съ усовъ улыбка не слетаетъ, а сѣрые глаза не то смѣются, не то плачутъ. И вотъ въ эти-то минуты онъ бывалъ особенно похожъ на покойнаго Самару. Такъ же, какъ тотъ, облокотится онъ, прямо насупротивъ васъ, на столъ, склонитъ голову на ладонь и, не спуская съ васъ глазъ, затянетъ заунывную-заунывную пѣсню. У васъ сердце щемитъ, а у него изъ-подъ усовъ блаженная улыбка не сходитъ. . .

А однажды онъ, совершенно неожиданно, поразилъ меня. Ходили мы съ нимъ какъ-то по полямъ. Просилъ я его показать мнѣ порядокъ общиннаго хозяйства — разные „гоны“, „жеребья“, „паи“, „барышки“ и т. п. Ему, видимо, очень понравилось, что я интересуюсь этимъ вопросомъ, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ, даже съ увлеченіемъ, отвѣчалъ мнѣ такими подробностями относительно каждаго жеребья, что вся деревенская жизнь встала предо мной какъ на ладони.

— Вотъ, вотъ жеребьёкъ-то... Это Мироновъ... Вишь ты, овесъ-то какой высыпалъ... гущина! (мы ходили по яровому полю). Конечно, что говорить! Сильная семья. Скотины одной крупной семь головъ... А это вотъ, вишь, Степашкинъ жеребьёкъ.

— Плохъ.

— Плохъ, плохъ, братъ... И говорить нечего — плохъ!.. А, вѣдь, труда-то она сколько кладетъ! Да, у нашей земли безданно-безпошлинно ничего не возьмешь... А у Степашки всего и скотины-то телка да пара овецъ, да сивая кобыла. А ей бы, за ейные труды, золотую бы гречу-то надо! Вотъ что! кабы по справедливости-то... Вотъ вишь, гляди — это вотъ мои жеребья-то... Вотъ какая гречиха-то нѣжится, Господь съ ней!.. А что̀ нашъ-то трудъ? Такъ, баловство... Кому польза? Кого эта гречиха порадуетъ? Зависть только народу... Отпишу я сыну: „уродилъ, молъ, намъ Господь гречиху ровно жемчугъ, такую, что на годъ хватитъ, да еще и про запасъ останется“. А онъ тебѣ, съ женой-то, тишкомъ да съ улыбочкой: „а намъ, тятенька, скажутъ, хошь бы чертополохъ у тебя уродился, такъ все единственно. Потому одна это только твоя потѣха... А къ нашему имуществу какая ни то пятерка приращенія не сдѣлаетъ! Такъ думаемъ, пустое это дѣло“. И вѣрно, и вѣ-ѣрно! — протянулъ Кабанъ и, неожиданно всхлипнувъ, отвернулся въ сторону, высморкался. Я взглянулъ на старика, но онъ уже попрежнему смотрѣлъ на меня, улыбаясь; только на щекахъ подъ глазами появились у него мокрыя дорожки, да на бородѣ блестѣли двѣ-три мелкихъ слезинки.

Кабанъ сконфузился.

— Что̀ съ тобой, Аристархъ Петровичъ? — спросилъ я.

— Дуракъ, одно слово — сталъ дуракъ голый... Пустопорожній человѣкъ, — отвѣтилъ онъ серьезно, помолчавъ и смотря отъ меня въ сторону, куда-то въ далекое пространство полей. — Толку не видно изъ мужика стало, — продолжалъ онъ, — что̀ ужъ хорошаго!

Мы шли, спотыкаясь о земляные комья пашни, по заросшей розовою и бѣлою

кашкой и полевою рябиной межѣ. Кабанъ, заложивъ руки за спину и смотря внизъ, говорилъ отрывисто. Я его не прерывалъ.

— Въ другой разъ мужики говорятъ: „хошь бы ты, Листарха, грабилъ, что ли, все бы за тобой настоящее дѣло имѣлось... Право, ну! Землей бы, что ли, маклачилъ, торговлей. Такъ бы ужъ тебя и понимали... А то чего ты только себѣ и другимъ глаза мозолишь?“ И вѣрно, и вѣ-ѣрно, братецъ! Книгу бы, что ли, какую божественную читать, и на то у меня ума нѣту: не ученъ! Богу молиться — и то объ чемъ не придумаю, не знаю чего просить (чего у насъ нѣтъ!), не знаю въ чемъ каяться. Придумалъ было я тутъ одно дѣльце... Вдова у насъ была тутъ съ сынишкомъ; хотѣлъ было я его къ себѣ во внучата пріусыновить. Ну, воспретили *мои-то господа*, говорятъ: „ты умрешь, а мы опосля того съ ними раздѣлывайся!“ Придумаешь что ни то, а они воспрещаютъ: „это, говорятъ, у тебя, тятенька, умъ отъ бездѣлья играетъ... Чего тебѣ нехватаетъ, чего тебѣ недостаетъ? Живи да Бога не гнѣви“. И точно, думаешь, за что же я, въ самомъ дѣлѣ, Бога-то буду гнѣвить?

Какимъ-то страннымъ, невѣроятнымъ диссонансомъ звучали для меня эти рѣчи Кабана,—для меня, въ русской деревнѣ, гдѣ кругомъ кипѣлъ только безустанный трудъ или безпокойная жажда наживы... Впрочемъ, я долженъ оговориться: не подумайте, что „бездѣлье“ Кабана было наше „барское“ бездѣлье. Далеко нѣтъ. Это было бездѣлье только относительное, особое деревенское бездѣлье, „мужицкое“. Если бы вы посмотрѣли на Кабана со стороны, онъ ничѣмъ не выдѣлялся бы для васъ изъ общей трудовой массы. Хозяйство шло у него своимъ порядкомъ: двѣ здоровыя бабы-родственницы, одна ужъ пожилая, другая—косая дѣвка, убирались около дома со скотиной; самъ Кабанъ, наравнѣ съ другими мужиками, вставалъ до свѣту, пахалъ и бороновалъ, сѣялъ и косилъ, возилъ снопы и молотилъ. Онъ дѣлалъ рѣшительно все и такъ же старательно, какъ всякій мужикъ, также галдѣлъ на сходахъ и всею душой участвовалъ въ мірскихъ дѣлахъ и дѣлежахъ. И между тѣмъ тоскуетъ о томъ, что онъ лишній деревенскій человѣкъ, что онъ потерялъ смыслъ жизни. Страшное это слово—потерялъ смыслъ жизни! Вотъ жилъ человѣкъ, трудился, прожилъ полвѣка въ этихъ безустанныхъ трудахъ и заботахъ о первыхъ необходимѣйшихъ потребностяхъ жизни, и вдругъ, въ благодарность за все это, ему отравили жизнь, у него отняли первоначальный смыслъ его жизни и взамѣнъ не дали ничего.

II.

Вначалѣ, пока погода стояла хорошая, мнѣ приходилось почти цѣлыми днями бывать на хуторѣ, а иногда и ночевать вмѣстѣ съ рабочими въ шалашѣ. Поэтому бывалъ я въ Большихъ Прорѣхахъ только урывками, на ночь, и только въ праздники оставался на цѣлый день. Тутъ-то я и бесѣдовалъ преимущественно съ однимъ Кабаномъ. Однажды, наканунѣ праздника, я только что вернулся, отпустивъ плотниковъ, и велѣлъ приготовить самоваръ. Самоваръ внесъ ко мнѣ самъ Кабанъ, по обыкновенію, „благообразный“, чистый, вымытый, — и теперь отъ него несло уже не только сѣрымъ мыломъ, но и цѣлою баней.

— Вотъ и я присяду, — сказалъ онъ съ своею неизмѣнною тоскующею улыбкой въ усахъ, осторожно внося, вслѣдъ за самоваромъ, стаканъ спеціально уже для себя.—Не прогонишь?.. А то скажи, коли мѣшаю — я и уйду... Мнѣ, вѣдь, что!.. Вѣдь, отъ бездѣлья я... Коли кто ничего не дѣлаетъ—и я кстати тутъ, а коли дѣло у кого есть—меня гони, гони прямо...

— Садись, садись... Я очень радъ,— приглашалъ я.

И мы повели неторопливую бесѣду о работахъ у меня на хуторѣ, о моихъ планахъ.

Такъ разговаривали мы, выпивая стаканъ за стаканомъ. Въ открытыя настежь окна плыли на насъ тихія, полупрозрачныя сумерки, всѣ пронизанныя какими-то отрывочными, какъ будто откуда-то издалека долетавшими звуками засыпавшей деревенской улицы. Гдѣ-то далеко, забравшись въ коноплянники, безпокойно блеютъ двѣ овцы. Жеребенокъ тяжело простучалъ копытами по улицѣ и, высоко поднявъ голову, насторооживъ уши и сверкая большими красивыми глазами, пронесся на другой конецъ. Перекликнулись ребятишки. Вдругъ, какъ будто изъ-подъ земли, послышались частые, прерывистые, глухіе удары — вотъ они все ближе и ближе. Громко фыркнула лошадь. Кабанъ быстро обернулся лицомъ къ окну.

— Во-о! во-о!.. Гляди!—закричалъ онъ,

сіяя ребячески всею своею „благообразною“ физіономіей: его сѣрые глазки блестѣли и смѣялись, серебристые усы и борода образовали вокругъ рта какое-то лучезарное сіянье; вся его коренастая фигура какъ-то нервически задвигалась, заходила рубаха на плечахъ и спинѣ.— Во-о!.. во-о!.. Ахъ, драть ее на шестъ!.. Гляди! — кричалъ онъ, махая руками и притопывая, какъ будто собирался выскочить въ окно.—Го-го-го!.. фю! фю!.. Ха-ха-ха!.. Го-го-го!—наконецъ, засвистѣлъ, заоралъ, загоготалъ Кабанъ, перевѣсившись въ окно, вслѣдъ пронесшемуся мимо насъ табуну, собранному въ „ночное“.

Выходка Кабана была такъ неожиданна, что я, долго изумленно смотря на него, рѣшительно не зналъ, чѣмъ объяснить это внезапное возбужденіе: обыкновенно флегматичный, вялый, „вареный“ Кабанъ былъ неузнаваемъ. Онъ еще долго смотрѣлъ, высунувшись всею широкою спиной, въ окно и продолжалъ то посвистывать, то горячо толковать съ остановившимися посрединѣ улицы мужиками.

Наконецъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ и возбужденно-бѣгавшими глазами, онъ обернулся ко мнѣ.

— Видѣлъ?—спросилъ онъ, кивая головой на улицу.

— Кого?

— Ну, Степашу... „Дѣвкой съ душой“ у насъ ее прозываютъ.

— Развѣ это она?

— Она самая!.. Она какъ есть!—отвѣтилъ Кабанъ.—Видѣлъ, какія у насъ дѣвки-то есть?... Только нонѣ ужъ онѣ на рѣдкость. Такъ, извели ихъ... Совсѣмъ, братъ, эту породу изводятъ, — грустно прибавилъ онъ, откусывая небольшой кусочекъ сахару и задумчиво хлебая изъ блюдечка чай.

Событіе, такъ неожиданно взволновавшее Кабана и такъ изумительно преобразившее его, состояло въ томъ, что во главѣ промчавшагося мимо насъ въ ночное табуна, сопровождаемаго ребятишками-всадниками, проскакала на сивой, съ большимъ отвисшимъ животомъ и короткимъ хвостомъ, кобылѣ, Степаша, извѣстная всему сосѣднему крестьянскому міру подъ именемъ „дѣвки съ душой“. Повязанная синимъ платкомъ, въ видѣ „шлыка“, съ торчавшими на затылкѣ длинными концами, съ грязными толстыми икрами, колотившимися и подпрыгивавшими, какъ упругіе мячи, на лошадиномъ животѣ, съ высоко-поднятыми голыми локтями,—„дѣвка съ душой“ могла плѣнить только такого деревенскаго старожила, каковъ былъ Кабанъ.

Но, можетъ быть, вы не знаете, что такое „дѣвка съ душой“? Это своеобразный, уже архаическій деревенскій типъ; это „монстръ и раритетъ“ современной деревни... Но его можно все же нерѣдко наблюдать и теперь. Если вы предъ Пасхой (когда пасха поздняя) или на Ѳоминой недѣлѣ (если Пасха ранняя) попадете на деревенскій сходъ, когда идетъ обычное „распредѣленіе“ земли и „свалка и навалка душъ“ предъ началомъ полевыхъ работъ, вы увидите очень часто такую сцену.

На завалинахъ старостиной избы сидятъ „старики“-домохозяева, воротилы деревенскаго міра. Предъ ними собирается кучка бабъ, обыкновенно вдовъ, ребятъ, сиротъ и бобылей. Все это ждетъ своей части мірской земли, если такой много у міра, или же спѣшитъ „свалить съ себя“ надѣлъ, если такого у міра мало, а подати тяжелы и велики. Среди этой кучки вы замѣтите и будущую „дѣвку съ душой“. Это — обыкновенная крестьянская дѣвка, здоровая, мужиковатая, грубая, некрасивая. Послѣ смерти матери осталась она одна при старикѣ-отцѣ. Съ десяти лѣтъ она уже тянула съ отцомъ тягло, какъ и настоящій мужикъ. И лѣто, и зима были сплошнымъ, безконечнымъ временемъ труда; этого труда было такъ много, что дѣвкѣ некогда было уже задуматься о „другѣ сердца“ и она не успѣла завоевать себѣ мужа. Да и деревенскіе джентльмены больше склонялись считать ее скорѣе за товарища, чѣмъ за „друга-сердца“; они уже слишкомъ запанибратски хлопали ее по спинѣ, такъ какъ вполнѣ были увѣрены, что она имъ отвѣтитъ тѣмъ же.

Теперь она стоитъ передъ сходомъ, сложа руки подъ фартукомъ, подвязаннымъ выше грудей, и равнодушно ожидаетъ „рѣшенья стариковъ“.

— Ну, что, Паранька,—спрашиваютъ ее старики, — какъ будешь безъ отца жить?

— Живъ Богъ — жива душа моя! — кричитъ Паранька, не моргнувъ глазомъ.

— Богъ-то живъ, да ты *душу-то* осилишь ли?

— А чего не осилить!

— И хозяйство вполнѣ поведешь?

— А чего не повести!

— И повинности оправишь?

— А чего не оправить!

— И подати подымешь?

— Да чѣмъ я супротивъ васъ не вышла? Али что бороды длинныя, такъ вамъ и честь?

— Ловко, ловко! — подхватываютъ весело зрители.

— Ну, ну, ладно... Посмотримъ,—говорятъ старики.—Справляйся!... Не тебѣ съ сумой ходить... Видимъ, что дѣвка—казакъ... Ну, такъ быть тебѣ „дѣвкой съ душой“ не въ примѣръ прочимъ! — шутитъ молодой староста и наотмашь надѣваетъ ей по самые глаза свою шляпу-гречневикъ.

— Не дури, — отмахивается Параня, хотя шляпы не снимаетъ.

— А ты поклонись, да спасибо скажи міру,—совѣтуетъ одинъ изъ стариковъ.

— Ну, инъ, благодаримъ покорно, міръ честной!—улыбаясь, кланяется Паранька, и долго еще виднѣется на ея дѣвичьей головѣ, вмѣсто брачнаго вѣнца, новая старостина шляпа.

Степаша почему-то не взлюбила городъ, и, какъ мы знаемъ, вернулась въ село, потребовала отъ братьевъ „свои права“ и превратилась именно въ такую „дѣвку съ душой“.

Кабанъ усиленно и молча допилъ стаканъ и, повернувъ его на блюдце, сказалъ, приглаживая волосы:

— Благодарствую!... А какова дѣвка-то съ душой у насъ? а?... Люблю... Люблю я, братъ, такихъ, ей-Богу!... На мѣстѣ не усижу!... Экъ, братецъ мой, зародится же такое дитятко... Вотъ ты и гляди, Божье-то произволенье: вышла баба-мужикъ!

— Что же, какъ она теперь поживаетъ?

— Плохо, братъ... Такъ тебѣ сказать, трудно ей... Трудно ей теперь,—съ искреннимъ соболѣзнованіемъ отвѣчалъ Кабанъ, и лицо его приняло какое-то особенно жалостливое выраженіе.

— Отчего же такъ?

— Нонѣ, братъ, и мужику трудно, не то что бабѣ... Да!... Это вотъ ежели дуромъ на тебя налѣзетъ благодать-то, что на меня, такъ оно легко, что говорить! Балуйся!... Нагуливай жиръ-то!

Кабанъ сердито заворчалъ было, но, тотчасъ же поднявшись, какъ будто вспомнивъ свою роль, обдернулъ розовую ситцевую рубаху, передвинулъ на животѣ голубой поясъ, пригладилъ обѣими руками мокрые волосы и, улыбаясь, взглянулъ мнѣ въ лицо.

— Пойдемъ завтра къ ней на праздникъ,—пригласилъ онъ меня.

— Съ удовольствіемъ. Я уже давно собирался, да все недосугъ было.

— Пойдемъ, пойдемъ... Я тебѣ покажу ее... Посмотришь!

Кабанъ былъ радъ, какъ ребенокъ, что я согласился итти съ нимъ къ „дѣвкѣ съ душой“.

III.

На утро мы были съ Кабаномъ у обѣдни. Еще когда только что началъ звонить жидкій, пронзительный колоколъ погоста, ко мнѣ заглянулъ Кабанъ и сказалъ:

— Пойдемъ Богу молиться вмѣстѣ!

Шли мы съ нимъ тихо, нога за ногу. Хотя было только семь часовъ утра, но солнце жгло сильно. День обѣщалъ быть жаркимъ. Небо стояло туманно-синее. Вѣтеръ не дунетъ. Солнечные лучи такъ ярки, что рѣзали глаза. Несмотря, однакожъ, на жару, мой Кабанъ былъ разодѣтъ въ полную „парадную“ мужицкую одежду и чувствовалъ въ ней себя, повидимому, не особенно ловко: суконный свѣтло-синій кафтанъ былъ у него до того еще новый, что, казалось, только что сейчасъ взятъ въ московскомъ гостиномъ дворѣ; густо накрахмаленная подкладка у него шумѣла и топорщилась; высокій воротъ коломъ подпиралъ шею и бороду Кабана. На шею онъ ухитрился еще повязать толстый полушелковый цвѣтной платокъ, отчего лицо у него налилось кровью. На головѣ былъ такъ же совсѣмъ почти новый картузъ, „московскій“.

— Недавно, должно быть, закупилъ обновки-то?—спросилъ я.

— Купилъ?... У меня и денегъ-то нѣтъ... Это — все *мои*... Все они обо мнѣ промышляютъ... Прислали вотъ, пишутъ: „Посылаемъ тебѣ, тятенька, костюмъ московскій и заказываемъ накрѣпко, чтобы его надѣвать въ церковь, по праздникамъ... И чтобы, пожалуйста, въ клѣть не прятать, а стараться сдѣлать намъ удовольствіе...“ Ну, пущай... Вотъ и хожу, ровно журавь! Вотъ и сапоги... Вишь, какія подковы!... Хошь въ плясъ пускайся на старости лѣтъ...

Листархъ Петровичъ заворотилъ полу, поднялъ ногу и, показывая мнѣ новый сапогъ, самъ еще разъ полюбовался высокими каблуками съ подковками и покачалъ головой.

— Ахъ, ты, Господи!... До чего я дожилъ! — вздохнулъ онъ, бережно поправляя полы и рукава кафтана и корявыми пальцами стараясь снять осѣдавшую на нихъ тонкую паутину.

— Чудакъ ты, Листархъ Петровичъ,— засмѣялся я.

— Не говори!—махнулъ онъ рукой.— Самъ вижу... Ничего не подѣлаешь! Приказъ такой вышелъ... Надо молодыхъ потѣшить...

Изъ церкви мы пошли къ „дѣвкѣ съ душой“ не улицей, а „задами“, по пробитой между банями и поросшей репейникомъ тропкѣ. Перешагнувъ совсѣмъ высохшій, грязноватый ручеекъ въ овражкѣ, мы вошли въ „огородъ“, состоявшій счетомъ изъ трехъ грядъ съ капустой. За грядами былъ соломенный навѣсъ надъ дворомъ, на двухъ, трехъ столбахъ, между которыми сдѣланъ плетень.

— Вишь ты, братецъ, какъ у нея все бѣднѣетъ, — проговорилъ Кабанъ, покачивая сокрушенно головой,—да!... Худо, совсѣмъ худо... Вишь ты, какъ облысѣла крыша-то: солома-то вся прогнила, слѣзла...

— А чего ты ей не помогаешь?

— Помогаю... Даю когда соломы, сѣмянъ... Тоже мнѣ, братъ, воспрещаютъ... Надо мной тоже надсмотрщики есть... Бабы у насъ такія ехидныя — бѣда!... Пріѣдутъ мои-то левизоры, онѣ имъ въ точную обо мнѣ и донесутъ... Да... А левизоры-то говорятъ: „Ты, тятенька, жиръ-то нагуливай, Господь съ тобой, мы тебя этимъ не утѣсняемъ, ну, только имущество наше расхищать мы позволить не можемъ...“ Вотъ они какъ поговариваютъ!.. Ну-ка, заворачивай во дворецъ къ Милитрисѣ-красавицѣ!... Ха-ха-ха! Красавица!

Кабанъ снялъ еще на улицѣ картузъ, вѣроятно, боясь помять его торчащую тулью о низкую крышу сѣней, и, полуотворивъ дверь, крикнулъ вглубь избы:

— Эй, Степаха!... Сваты идутъ... Принимай гостей!... Городскіе гости!... Бареto бывали ли у тебя когда ни то?

Но на этотъ возгласъ никто не отвѣчалъ. Мы вошли. Повидимому, нашъ приходъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на обитателей амбарушки.

— Что же ты молчишь? Приглашай барина-то, — сказалъ Кабанъ сидѣвшей у стола Степашѣ съ большою деревянною ложкой въ рукахъ, которою она мѣрно и медленно хлебала что-то изъ чашки.

— Милости просимъ... У насъ входъ безъ запрету. Садитесь, коли любо, — сказала Степаша грубоватымъ голосомъ, искоса равнодушно взглянувъ на насъ; она продолжала мѣрно есть, послѣ каждой ложки тщательно вытирая пригоршней толстыя губы.

Мы присѣли на лавкѣ изъ узкой сучковатой тесины у стѣны, сбоку отъ оконъ, ближе къ простой, сосновой, уже почернѣвшей божницѣ въ переднемъ углу. Двѣ иконы „темнаго письма“ стояли на ней, затканныя густою паутиной, — и только. Съ боковъ божницы, пришпиленные булавками, висѣли два клочка обоевъ съ розовыми цвѣтами (бѣдные крестьяне употребляютъ иногда, вмѣсто картинъ, куски обоевъ, которые даромъ добываютъ у горожанъ). Тутъ же виситъ Еруславъ Лазаревичъ на бѣломъ конѣ. Оказалось, что онъ пріобрѣтенъ ошибкой, вмѣсто Георгія Побѣдоносца, поражающаго змія. Если прибавить къ этому промасленный небольшой столъ и висѣвшую по задней стѣнѣ рухлядь,—вотъ и вся обстановка избы.

Кромѣ меня, Кабана и Степаши, въ избѣ были еще два человѣка. У задней стѣны, въ углу, сидѣлъ маленькій, плюгавый мужичокъ, неопредѣленныхъ лѣтъ, но не старикъ; лицо у него было тоже маленькое, бѣлое, красноватое, носъ — луковицей, глаза безцвѣтные, желтовато-сѣрые волосы были вдоволь намочены квасомъ и прилизаны; бородка бѣлая, маленькая, кудрявая, образовавшая вокругъ рта подобіе гнѣзда; рубаха на немъ — изгребная, синяя, изъ-за ворота которой смотрѣла выжженная, перегорѣлая, съ потрескавшеюся кожей шея; на шеѣ, по-праздничному, былъ повязанъ грязный лоскутокъ; на ногахъ—синіе же порты и лапти. Руки у него были сухія, изможденныя, такъ что рукава рубашки висѣли на нихъ, какъ на палкахъ; впрочемъ, въ нихъ не замѣчалось болѣзненной дряблости; это были именно палки,— казалось, безъ нервъ, безъ мускуловъ, безъ крови: твердыя, жесткія, прочныя, которыя и ножъ не возьметъ.

Мужичокъ этотъ не шевельнулся ни однимъ членомъ, когда мы вошли. Онъ молча жевалъ черный хлѣбъ съ лукомъ, широко открывая ротъ и показывая замѣчательно бѣлые, здоровые зубы, чавкалъ, собиралъ съ подола въ ротъ крошки и смотрѣлъ на насъ равнодушно во всѣ глаза. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ котъ

и, лѣниво щурясь, наблюдалъ, какъ онъ ѣлъ.

Долго я внимательно глядѣлъ на этого мужичка. Что-то въ немъ было такое невѣроятно странное, загадочное, что какъ-то невольно обращало къ нему вниманіе. Чувствовалось, что у этого мужичка или когда-то было въ жизни что-то незаурядное, страшное, или же это непремѣнно съ нимъ когда-нибудь случится. Нерѣдко приходится встрѣчать такія фигуры, лица съ такимъ выраженіемъ, что васъ охватываетъ тяжелое предчувствіе чего-то тяжкаго, что непремѣнно должно случиться съ нимъ... вотъ не сегодня—завтра... Или вы, годъ-два спустя, случайно попавъ на слѣдствіе о „мертвомъ тѣлѣ“, вдругъ признаете въ этомъ „тѣлѣ“ знакомое вамъ лицо, или среди группы арестантовъ въ судѣ васъ поразитъ знакомое, тупо-равнодушное и жалкое выраженіе того же лица, и непремѣнно все это при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, при тяжелой обстановкѣ. Не знаю, то ли же впечатлѣніе производилъ этотъ мужичокъ и на крестьянъ; по крайней мѣрѣ, Кабанъ и Степаша смотрѣли на него такъ же, какъ и на всѣхъ другихъ; но моимъ воображеніемъ онъ овладѣлъ сразу, и такъ, что долго послѣ того его образъ вдругъ, совершенно неожиданно, вставалъ въ моемъ воспоминаніи съ замѣчательно полною реальностью.

Прямо противъ насъ, у дверей, была печка; кто на ней сидѣлъ, не было видно изъ-за трубы, только однѣ ноги свѣсились внизъ, ноги старческія, обнаженныя до костистыхъ угловатыхъ колѣнъ; синіе подтеки покрывали сплошь дряблыя, мѣшковатыя икры; ступни были совершенно грязныя; зеленые, растрескавшіеся и глубоко вросшіе въ пальцы ногти выдавались всего рѣзче.

— Ну, вотъ, вотъ... смотри! — говорилъ мнѣ съ сіяющимъ лицомъ Кабанъ.— Вотъ она, дѣвка-то съ душой у насъ! Настоящій обалдуй! Такъ ли, а?

И онъ любовно подмигивалъ мнѣ на Степашу. Степаша продолжала ѣсть какую-то странную смѣсь изъ кваса, лука и сухарей; при словахъ Кабана она нѣсколько сконфузилась и полусердито замѣтила:

— Чего на меня смотришь-то?.. Какіе узоры нашелъ?

Затѣмъ она тщательно вытерла послѣдній разъ всею пригоршней губы, поправила торчавшій треугольникомъ на лбу черный съ желтыми горошинами платокъ и начала истово креститься. Всѣ ея движенія были неторопливы, обстоятельны, размѣрены. Казалось, ничто въ жизни не могло бы заставить ее измѣнить порядокъ того, что она дѣлала, ничто не могло ускорить или замедлить ея грубовато-неторопливыхъ движеній. Степаша значительно постарѣла. Лицо ея и вся фигура отлились уже въ тѣ постоянныя, устойчивыя формы, которыя почти не измѣняются въ теченіе десятковъ лѣтъ. Румянца на щекахъ не было и слѣда, а вмѣсто него легли на лицо грубоватыя холодныя тѣни; прежняя дѣвическая полнота замѣнилась тугою, жесткою, угловатою мускулистостью; и даже прежніе, характерные, сердитые каріе глаза какъ-то потухли, глядѣли степеннѣе, строже. Но, въ то же время, она какъ будто одичала еще больше.

Крупнымъ увѣсистымъ шагомъ, съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ, заходила Степаша изъ избы въ сѣни, изъ сѣней во дворъ, изъ двора опять въ избу, то съ водой, то съ лоханкой, то съ отрубями. Подъ ея могучими голыми ступнями какъ-то оживилась, заплясала и заходила вся избушка: трещали и стонали подгнившія половицы, вслѣдъ за ними подпрыгивали, визжа, лавки, покачивался изъ стороны въ сторону столъ, дребезжали треснувшія стекла въ окнахъ и жалобно ныли жидкія доски сѣннаго помоста.

— Вотъ пошла, вотъ заходила!—подпрыгивалъ Кабанъ и весь сіялъ восторгомъ, какъ будто и его душу захватили въ свой странный концертъ эти разнообразные звуки. Веселыми глазами всюду провожалъ онъ фигуру Степаши. Я въ недоумѣніи посматривалъ на Кабана и думалъ: что такое могло приводить его въ восторгъ отъ этой обычной, трудовой процедуры? Что за странную, таинственную симпатію чувствовалъ онъ къ Степашѣ!

— А ты бы ее въ полѣ посмотрѣлъ!— говорилъ онъ мнѣ.—Я бы тебѣ ее показалъ тогда... Что я, али вотъ этотъ мужичонко,—мотнулъ онъ бородой въ сторону все еще жевавшаго мужичка,—плюнуть, одно слово... Какая наша работа? Такъ, черезъ пень колоду тяпемъ... Галокъ считаемъ... Мы въ работу не смотримъ: къ какому она намъ ляду!.. Вотъ онъ получилъ деньги и прощай! Полетѣлъ на другое мѣсто! Батракъ, такъ батракъ

и есть... Продажная душа! Ему что колосъ, что волосъ изъ его работы выйдетъ—все одна цѣна!

Мужичокъ продолжалъ жевать, повидимому, попрежнему равнодушно, и только при словахъ „продажная душа" вскинулъ на насъ глазами и на минуту пересталъ жевать.

— Кто онъ такой? — спросилъ я Кабана.

— Мужичонко-то? А вотъ по найму у ней по лѣтамъ работаетъ... Не здѣшній, изъ дальнихъ... Вотъ ужъ третье лѣто у ней батрачитъ... Сорокъ рубликовъ она ему за лѣто-то отваливаетъ, да кормежка... А какой его трудъ? Продажный... Только норовитъ отъ работы отлынять...

— Ты откуда? — спросилъ я бѣлобрысаго мужичка.

Мужичокъ опять пріостановился жевать.

— Изъ бѣлой Арапіи онъ... Ха-ха! Бѣлая рубаха! — отвѣчалъ за него Кабанъ.—Бѣлякъ, ты откуда?—окрикнулъ онъ мужичка.

Мужичокъ повернулся на мѣстѣ, переставилъ ноги и, помолчавъ, сказалъ:

— Зарайскій.

— Ну, вотъ, рязанецъ,—пояснилъ мнѣ Кабанъ.

— Семья-то есть ли? — спросилъ я опять Бѣляка.

— Холостъ, не женатъ.

Мужичокъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Давно ли ходишь по людямъ?

— Сызмалѣтства... изъ вѣковъ, — протянулъ мужичокъ, доѣвъ послѣднюю корку, и вдругъ какъ-то сразу весь заволновался, вышелъ на средину избы, наотмашь помолился на образа и заговорилъ, махая сухими руками, заговорилъ часто, задыхаясь, прерывая и не договаривая слова. — Сызмалѣтства... Во!.. Гляди! руки-то — плети!.. Пристанишша не видалъ... во! тридцать годовъ... на чужихъ кормахъ... Своего угла не знавалъ... на своей печкѣ не погрѣлся... во, ноги-то! Полъ-Рассеи отмѣрилъ. Во-о, животъ-то, гляди: пустой мѣшокъ!.. Съизмалѣтства... Хошь бы часокъ... хошь бы часокъ...

— Ахъ, ты... дуй тебя въ хвостъ!.. Да кто тебя гналъ шататься-то? — полусердито, полудобродушно закричалъ на него Кабанъ.—Кто? Чего при своемъ мѣстѣ не сидится, чего отъ своей деревни отбился? Шатущій! Чего въ одиночку-то бродишь, отъ артели отсталъ, отъ земляковъ?

Мужичокъ вдругъ смолкъ и опять сѣлъ на прежнее мѣсто, такъ же равнодушно стотря на насъ во всѣ глаза, какъ и прежде. Повидимому, онъ плохо слышалъ, о чемъ ему говорилъ Кабанъ; онъ, кажется, увлекся воспоминаніемъ о своей житейской колотьбѣ и продолжалъ про себя высчитывать — гдѣ, какъ и когда онъ проживалъ.

Но Кабанъ не унимался.

— Гдѣ земля-то? Чего землю бросилъ? Не любишь? Шататься лучше?.. Эхъ ты, продажная твоя душа!.. Ты вотъ смотри, вотъ дѣвка, а она къ своему дѣлу какъ привержена! Бѣгаетъ она, али нѣтъ? — показывалъ Кабанъ на вошедшую Степашу.

Степаша пріостановилась и стала слушать.

— А по зимамъ гдѣ живешь? — спросилъ я мужичка.

— Въ городу,—отвѣчалъ онъ, уже, попрежнему, нехотя.

— Въ городу,—передразнилъ его сердито Кабанъ, —въ городу! Лѣшій васъ тянетъ туда — къ городу-то! Ты бы вотъ честь-честью себѣ пристанище облюбовалъ, хозяйку бы взялъ, къ землѣ бы къ своей прилежалъ, ребятишекъ бы произрастилъ... Ты бы тогда къ своей-то землѣ не такъ прилежалъ,—ты бы въ ее, что вонъ Степаша, кровь свою излилъ... А ты теперь ей, за деньги-то, какъ яровину-то спахалъ? а? Поди-ка, глянь... Ей бы, за ейные-то труды, золотую гречу-то надо, а не токмо что...

— Развѣ за деньги отъ *нея* что̀ возьмешь?.. Отъ нея, матушки, за деньги не возьмешь,—замѣтила серьезно Степаша, стоя все еще къ намъ вполоборота,— на деньги хорошаго труда не купишь...

— Вѣрно!—подтвердилъ Кабанъ.—Ты ей какъ яровину-то спахалъ?—опять накинулся онъ на мужика-рязанца. — Продался, вотъ и спорины въ твоемъ трудѣ нѣтъ... И для Бога онъ не угоденъ. А, вѣдь, она тебѣ сорокъ рублевъ въ лѣто-то отваливаетъ!.. Вѣдь, сорокъ-то рублевъ для нея что̀ значатъ? а?

Я уже давно замѣтилъ, что ноги, свѣсившіяся съ печки, понемногу стали двигаться. Сначала двѣ костлявыя, худыя руки, съ крючковатыми и почти не разгибающимися пальцами, силились все стыдливо натянуть на голыя колѣни старый сарафанишка, потомъ ноги обернулись пальцами къ печи и долго старались попасть, вмѣсто ступенекъ, въ отверстія

горнушекъ, гдѣ обыкновенно сушатся онучи, и, наконецъ, кое-какъ сползла уже съ печи старуха.

— Сорокъ рублевъ, болѣзный, сорокъ рублевъ!—затянула старуха, едва ея ноги коснулись пола, — какъ едина деньга!.. Гдѣ дѣвкѣ взять?.. Здравствуйте!—обратилась уже къ намъ маленькая, худая старушка съ воспаленными и гноившимися вѣками, въ повойникѣ на головѣ, изъ-подъ котораго выбивались сухіе, сѣрые и хрупкіе, какъ сѣно, волосы.

Она сѣла на лавкѣ у самой двери, рядомъ съ мужичкомъ-рязанцемъ, держась корявыми руками за острый край доски.

— Не хотѣла было раньше вылѣзать-то изъ-за печки,—продолжала она,—думаю, что имъ во мнѣ, старухѣ!.. Да не утерпѣла... Вотъ ты справедливую рѣчь заговорилъ, Листарха Петровичъ, больно мнѣ по праву пришлась... Сорокъ рублей, болѣзный, сорокъ рублей, вотъ по три лѣта выплачиваемъ... А гдѣ намъ взять, гдѣ дѣвкѣ взять? Я, вотъ, ужъ плоха...

— Плоха, старуха, плоха!—добродушно подхватилъ Кабанъ.

— Куда плоха! и слѣпа, и глуха, и, признаться, глупа стала. Ну, еще когда я была годна, все ничего... А теперь дѣвкѣ хоть въ гробъ ложиться... Недоимки пошли ужъ неоплатныя... Мужики нонѣ на міру стали необходительные: стращаютъ—землю отобрать къ семьянымъ... Что бабамъ дѣлать? Какъ дѣвкѣ быть?

— Трудно, трудно...

— И я про то же... По нынѣшнему времени все мужикъ; только при мужикѣ и вздохнешь... Вонъ бабы-то при мужьяхъ какъ живутъ: сладкимъ кускомъ питаются, съ своею судьбой однѣ не маются... Мужъ-то при домѣ денегъ не беретъ, самъ несетъ... Онъ не за плату землицу-то свою охаживаетъ, вотъ у него и спорина... И баба-то за нимъ вздохъ имѣетъ!.. Ты гляди, вотъ избенка-то, вся въ дырьяхъ: гдѣ бы взять починить, гдѣ бы заплатку наставить, гдѣ бы крышу подобрать, а все заплати... все мужика-то найми, коли мужа нѣтъ!.. А онъ тебѣ за плату-то еще нагадитъ, замѣсто дѣла... Вотъ хошь бы Филашка (мотнула она головой въ сторону мужичка), и смиренецъ, и богобоязливъ, и непьющій, старательный, кажись (третье лѣто знаемся), а вотъ не даетъ Господь спорины ему въ работѣ... Кто-е вѣдастъ отчего!.. Ровно у него изъ рукъ-то валится!.. А сорокъ рублевъ ему подай, гдѣ хошь возьми, а подай!.. А будь свой-то мужикъ, онъ еще тебѣ принесетъ, и въ работу-то сердцемъ войдетъ, и лаской приголубитъ... Свой-то мужикъ не купленный, свой-то мужикъ нонѣ дешевле, только примилуй, да приласкай его... А ласка-то не куплена, на хлѣбъ не вымѣнена! Ласка-то бабья дешева...

— Вишь ты, старуха, какъ поговариваешь!.. Ну, одно жалко—рано тебя Богъ состарилъ, а то бы еще ты на своемъ вѣку почудила, надо думать,—захохоталъ Кабанъ.

— Надо по жизни говорить, Листарха Петровичъ, по жизни смотрѣть... Жизнь-то по-своему не перекроишь!..

— Такъ, такъ... Слышишь, Степаха, что старуха-то говоритъ? — подмигнулъ Кабанъ Степашѣ, теперь стоявшей въ проходѣ между перегородкой и печкой, сложивъ подъ фартукомъ руки, и серьезно-вдумчиво слушавшей разговоръ.

На вопросъ Кабана она не отвѣчала.

— А? Степаха! — переспросилъ Кабанъ,—такъ какъ быть-то? Слышь, что старуха-то говоритъ?

— Неужъ не слышу?.. Коли говоритъ, должно такъ надо... Ни съ чего говорить не будешь,—отвѣтила, наконецъ, Степаха и опять замолкла, но замолкла такъ, какъ будто дожидалась, когда же мы уйдемъ.

„Ну, что еще будете говорить?“ спрашивали ея сердито-задумчивые глаза.

— А ты вотъ что, старуха, — заговорилъ Кабанъ.—Вмѣсто, чтобы на старости лѣтъ такія рѣчи говорить, да дѣвку смущать, ты бы вотъ чулокъ-то развязала, да деньжонокъ племянницѣ-то дала избу-то поправить... Какъ вы зимой-то жить будете? а? Чего ты капиталъ-то бережешь? Али съ собой въ могилу возьмешь?.. Вѣдь, не возьмешь!.. Рано ли, поздно, все ей пойдетъ... Ахъ ты, скряга, скряга старая!.. Безпутныя рѣчи говоришь, а дѣла хорошаго не дѣлаешь... Что, испугалась? Ха-ха-ха! — засмѣялся Кабанъ своей шуткѣ.

Повидимому, онъ такъ и говорилъ въ шутку. Но старуха вся такъ и затрепетала.

— Уймись, уймись!—крикнула она сердито на старика. — Али умъ потерялъ, грѣхъ забылъ?.. Али тебѣ легко чужую душу загубить пустымъ словомъ? Изъ-за этихъ словъ что грѣха-то бываетъ?

— Ну, ну, старуха... Пошутилъ и то!.. Да, вѣдь, болтаютъ всѣ, ну, и я сболтнулъ.

— Ты бы то зналъ: молва-то на человѣка—что чума... Мнѣ ужъ, болѣзный, и такъ жить надоѣло... А другую душу на грѣхъ навести не трудно!

Мы поднялись и вылѣзли изъ-за стола. Вдругъ мужичокъ-рязанецъ, или Бѣлякъ, какъ его звалъ Листархъ, опять какъ-то заволновался. Глазки у него забѣгали; руками онъ то поправлялъ рубаху, то хватался за голову, за бороду, какъ будто нашъ уходъ представлялъ для него чрезвычайно важное событіе, какъ будто онъ не успѣлъ отъ насъ чего-то добиться, о чемъ-то спросить, на что-то получить окончательный и рѣшительный отвѣтъ.

— Хошь бы часокъ... Хошь бы часокъ пустилъ на своей-то печкѣ понѣжиться,— вдругъ сказалъ онъ, весь просіявъ какою-то странною, загадочною улыбкой, обращаясь къ Кабану, когда тотъ только что сгорбилъ спину предъ низенькою дверью.—Брюхо бы попарить, — продолжалъ онъ тянуть,—хошь бы часокъ... въ свои-то хоромы полежать пустилъ.

И онъ опять улыбнулся; въ улыбкѣ было все—и стыдъ, и прошія, и злоба, и какое-то полунамѣренное, полубезсознательное юродство. Бѣлякъ, наконецъ, засмѣялся тихимъ, дребезжащимъ смѣхомъ дурачка.

Кабанъ давно уже выпрямился и, широко открывъ глаза, прямо вупоръ смотрѣлъ на Филашку. Онъ что-то беззвучно шевелилъ губами; по его шеѣ и лицу постепенно разливалась кровь.

— По-оди! По-оди! Попробуй!—вдругъ крикнулъ Кабанъ такъ неистово, что стекла жалобно затрещали въ окнахъ избушки, а я вздрогнулъ.

Мужичокъ-рязанецъ смутился и боязливо опустилъ глаза.

Кабанъ продолжалъ беззвучно опять шевелить губами, тщетно стараясь что-то сказать. Но онъ больше ничего не могъ произнести, медленно повернулся и вылѣзъ въ маленькую дверцу въ сѣни, тяжело ступая по гнувшимся доскамъ помоста.

Мы все время, пока шли къ своей избѣ, молчали. Кабанъ пыхтѣлъ, обливался потомъ и вытиралъ въ волненіи лицо краснымъ, съ голубыми цвѣтами, платкомъ. Съ лица понемногу сходила у него кровь, но шея долго оставалась багровою, а глаза смущенно-сердито блуждали. Праздникъ былъ испорченъ. Кабанъ во весь день былъ неразговорчивъ и всего раза два заходилъ ко мнѣ „по дѣламъ“ на одну минуту.

IV.

Прошелъ годъ, когда мнѣ удалось вновь заѣхать въ Большія Прорѣхи. Въ это лѣто я запоздалъ въ столицѣ и попалъ на свой хуторъ только уже позднею осенью, когда всѣ работы почти были кончены. Тотчасъ же по пріѣздѣ я немедленно долженъ былъ, по дѣламъ, отправиться въ волость и здѣсь неожиданно сдѣлался свидѣтелемъ чрезвычайныхъ событій въ жизни моихъ старыхъ знакомыхъ.

Старшина, между прочимъ, передалъ мнѣ, что у нихъ нынче судъ, что судится Степаша съ своимъ мужемъ. Можете себѣ представить мое изумленіе! Я сейчасъ же, конечно, пошелъ на судъ.

Въ первой комнатѣ толкались два-три мужика и сторожъ; въ слѣдующей было присутствіе. За большимъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, сидѣли писарь и два судьи. У дверей толкалась „публика“—она же и свидѣтели, среди нея же толпились и истцы, и обвиняемые. Писарь былъ молодой, меланхоличный семинаристъ, уродливый и неповоротливый, флегматично относившійся къ своей обязанности, какъ „къ наказанію“, и потому, можетъ быть, не умѣвшій брать взятокъ; онъ постоянно былъ чѣмъ-то недоволенъ, „всѣми недоволенъ“ — и старшиной, и судьями, и собой, и мужиками; постоянно жаловался, что мужики пьютъ много, что поэтому порядка съ ними не устроишь, но самъ отъ угощенья никогда не отказывался, и чѣмъ больше пилъ, тѣмъ угрюмѣе и молчаливѣе становился.

Изъ судей одинъ былъ Листархъ Петровичъ Кабанъ (не менѣе изумившая меня случайность). Онъ стоялъ, отшатнувшись спиной къ стѣнѣ, сердитый и задумчивый, и смотрѣлъ внизъ. Когда я вошелъ и присѣлъ въ уголъ у двери, онъ вскинулъ глазами, улыбнулся мнѣ, мотнувъ бородой, и опять опустилъ глаза. Другой судья—мужикъ сухой, высокій, съ жидкою черною бородой и большимъ горбатымъ носомъ — сидѣлъ, облокотившись обѣими руками на столъ, и сурово велъ, повидимому, все дѣло. Писарь писалъ, но, увидавъ меня, задвигался неповоротливо, вылѣзъ изъ-за стола, зацѣпивъ карманомъ пиджака за уголъ, проворчалъ что-то въ неизмѣнно мрачномъ настроеніи, подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и тѣмъ же путемъ вернулся опять за столъ.

— Ну, старуха, разсказывай, что ли!—

окрикнулъ густымъ басомъ суровый чернобородый старикъ, повидимому, недовольный перерывомъ дѣла.

Я взглянулъ на толпившуюся кучку у дверей. Всѣ лица знакомыя, всѣхъ ихъ встрѣчалъ я въ Большихъ Прорѣхахъ. Впереди стояла Степаша, заложивъ руки подъ короткія полы синяго казакина, узко обтягивавшаго ея коренастыя формы, съ таліей чуть не на спинѣ. На головѣ у нея былъ все тотъ же черный съ желтыми горошинами платокъ. Рядомъ съ ней, вытянувшись, какъ рекрутъ, съ руками „пошвамъ", высоко поднявъ голову и упорно, не мигая, смотря на судей, стоялъ Бѣлякъ въ крашенинномъ зипунѣ. Старуха — тетка Степаши — сидѣла на краешкѣ скамейки, постоянно порываясь встать. Сзади толпились прорѣхинцы мужеска и женска пола.

На вопросъ чернобородаго судьи старуха, опять силясь приподняться, сердито заворчала:

— Чего тебѣ разсказывать, когда на всю волость шумъ и то идетъ? Вотъ вся деревня знаетъ... Алистархъ Петровичъ здѣсь—у него въ глазахъ было. Спроси деревню-то, какое ей безпокойство было... Ни тебѣ день, ни тебѣ ночь спокою... Пошелъ чертить, пошелъ чертить—дальше да больше. Вотъ тебѣ радѣтель, вотъ тебѣ смиренникъ, вотъ тебѣ хозяйству помога!.. Ахъ, батюшки мои свѣты! За дѣвкой-то съ топоромъ, съ вилами гонялся, за косы таскалъ... Меня было въ одночасье загубить хотѣлъ... „Я, говоритъ, тебя (такъ тебя) сниэведу! Ты говоритъ (такъ тебя), чего деньги-то прячешь? Али я вамъ задаромъ работать достался? Будетъ, кричитъ, и мнѣ вздоху пора дать... Я, вотъ, теперь заставлю на себя поработать!" Батюшки мои свѣты!.. Всю-то зимушку, все-то лѣтечко глазъ не сомкнула... И не чаяли такого безпокойства! Али мы какія, али мы сякія?.. Жили въ мирѣ, тишинѣ...

— Ты говори, чего жъ вамъ нужно, чего хотите? — обрывалъ суровый судья.

— Чего хотите? Вотъ и смотри, чего хотимъ,—сердито отвѣчала съ своей стороны старуха,—на то ты и судья... Суди!.. Вотъ деревня-то, спрашивай...

— Что ужъ тутъ говорить—безпокойство полное!—загалдѣла въ одинъ голосъ толпа мужиковъ и бабъ.—Мужичонко совсѣмъ негодный!.. Безперечь по кабакамъ!.. Безпокойство было—не приведи Господи!.. Мы свидѣтельствуемъ... Дѣло видимое... и т. д.

— Ну, чего жъ ты хочешь, чего ищешь? Надо намъ знать-то, али нѣтъ?!—закричалъ судья на Степашу.

— Пропишите ему на выселку... Чтобы безпокойства не было,—сказала Степаша,—я его въ избу не пущу, онъ безпокоитъ...

— Вѣдь, онъ тебѣ мужъ?

— Къ какому онъ мнѣ ляду!.. Кабы онъ робилъ... А онъ не робитъ... Я лучше батрака буду наймать... Съ чего терпѣть? Кабы онъ робилъ... Пропишите ему на выселку, чтобы безпокойства этого не было... Кабы онъ робилъ, а такъ я мужнею женой быть несогласна.

— А ты что скажешь? — обратился все тотъ же судья къ Бѣляку,—ты чего ищешь?

Бѣлякъ чуть дрогнулъ и только еще больше вытянулся.

— Обиду ищу,—проговорилъ онъ отрывисто и въ полномъ сознаніи своего права.—Пропишите бабамъ меня при моемъ хозяйствѣ водворить... Я хочу моему хозяйству порядокъ имѣть...

— Э, э, э!—раздались мужскіе и женскіе голоса прорѣхинцевъ. — Ахъ ты... Водворить!.. А? Да ты, пустая твоя башка... Да мы тебя пріютили... А? Да ты голоштанный пришелъ... Откуда? Да мы тебя въ обчество приняли... Тебя къ хозяйству пристроили... А? Да тебя, подлеца, мало что на выселку... А? Хотя бы ты мужикъ-то нашъ былъ... А то... Прописывай, прописывай ему на выселку!

Подъ вліяніемъ ли этого неожиданнаго дружнаго натиска голосовъ, или по какому-то таинственному душевному побужденію, вдругъ Бѣлякъ повалился въ ноги предъ столомъ.

— Братцы, простите! — завопилъ онъ какимъ-то пронзительнымъ голосомъ.— Православные... православные, простите!.. Будьте милостивы... Сызмалѣтства... изъ вѣковъ... Сызмалѣтства пристанища не видалъ...

Онъ быстро всталъ и, всхлипывая, волнуясь, рыдая, подошелъ къ столу.

— Во, гляди, руки-то—плети! — заговорилъ онъ, тыкая руками въ воздухъ и трепля на нихъ рукава казакина.— Во... тридцать годовъ!.. Кажный годъ лихоманка треплетъ... Извелся... Тридцать годовъ своего угла не имѣлъ... На чужихъ кормахъ... Вздоху нѣтъ... сызмалѣтства... Хоть бы часокъ... Во, животъ-

то, гляди, во! —кричалъ онъ, нервно разстегивая полы зипуна и поднимая рубаху...

— Ай, ай, ай!— кричала толпа,— что дѣлаетъ! А?.. Ловокъ!.. Это онъ (такъ его) къ намъ на хлѣбы пришелъ... Отъѣдаться! За бабьей спиной брюхо ростить захотѣлъ!.. Благодаримъ! Отчего не позволить! За это онъ еще лбомъ-то полъ потретъ!.. Лобъ-то здоровъ!.. За этимъ онъ не постоитъ! Прописывай, прописывай ему, судьи, у бабы на печи лежать!.. Ха-ха!.. Прописывай ему позволенье... Пущай мужичокъ поправляется, да жиръ нагуливаетъ! А бабъ ему въ крѣпостные опредѣлимъ!.. Барщину ему уставимъ... Авось поправится!..

Всѣ эти возгласы слились въ одинъ сплошной, дикій гулъ, прерываемый страннымъ, прерывистымъ, какимъ-то жестоко-ироническимъ смѣхомъ, какими-то злыми вздохами и соболѣзнованіями.

— Стойте, молчите... Будетъ! не хорошо!—строго крикнулъ Кабанъ на толпу.

Онъ былъ, видимо, взволнованъ.

— Пиши, Иванъ Елизарычъ,—сказалъ онъ писарю,—пиши, чтобъ прорѣхинское обчество приговоръ дало... на выселку!—проговорилъ онъ съ усиліемъ и вытеръ лицо платкомъ.

Но едва онъ сказалъ это, какъ Бѣлякъ захохоталъ тоненькимъ смѣхомъ. Лицо его мгновенно приняло глуповато-нахальное выраженіе.

— Что?.. что пиши?.. Успѣешь,—заговорилъ онъ, насмѣшливо ворочая языкомъ, — успѣешь написать... Погоди... чтобы переписывать не пришлось. Эхъ, вы!.. Водки хотите?.. Думаете у меня нѣтъ?.. На, вотъ сейчасъ—ведро... Мало? Два найду... Оболью! Вотъ, вотъ бери зипунъ... На!.. Тащи въ кабакъ, тащи въ залогъ!—кричалъ онъ, порывисто стаскивая съ себя кафтанъ и бросая его на столъ.—Бери!.. Пейте, Іуды-предатели!.. Пей!.. Не жалко!.. Эхъ, вы.. Іуды-передатели!.. Не знаю я васъ, что ли?.. На, на, берите, берите и меня въ закладъ, коли мало... Душу мою заложите, Іуды - передатели! Ду - ушу - у! На-те!

Бѣлякъ рванулъ на груди рубашку, заревѣлъ и захохоталъ въ одно и то же время. По его маленькому, раскраснѣвшемуся бѣлому лицу потокомъ лились слезы.

— На вотъ тебѣ, брюханъ, на... продажную душу! На, заложи на вино!—закричалъ онъ на Кабана, продолжая рвать рубаху.

Толпа зароптала, по ней глухо пробѣжалъ гулъ. Кабанъ поднялся съ тѣмъ же ужаснымъ лицомъ, какое я нѣкогда видѣлъ у него въ избѣ Степаши. Также сначала побагровѣла шея, также беззвучно, силясь сказать что-то, онъ шевелилъ губами.

— Оставь, Листарха!.. Сядь, погоди!—сказалъ чернобородый судья, безпокойно взглянувъ на Кабана.—Пошли вонъ, пошли всѣ вонъ!—крикнулъ онъ прорѣхинцамъ.—Сотскій, возьми мужика отсюда!

Кабанъ тяжело сѣлъ. Толпа отпрянула за дверь. Высокій мужикъ-сотскій, съ заспаннымъ лицомъ, подошелъ къ Бѣляку и хотѣлъ его взять за руку. Бѣлякъ дернулъ локтемъ и продолжалъ стоять, попрежнему, выпучивъ глаза на судей.

— Пошелъ вонъ, говорю!—закричалъ судья. Веди его!.. А ты, Иванъ Елизарычъ, пиши...

— Постой, погоди... Не пиши,—сказалъ Бѣлякъ, какъ будто что-то соображая, тихимъ, ровнымъ голосомъ.—Не пиши... Самъ уйду!.. Уйду опять отъ васъ... Самъ... Мѣста будетъ для всѣхъ у Бога!.. Уйду самъ...

Онъ взялъ со стола свой кафтанъ и неторопливо надѣлъ его.

— А ты теперь вотъ что пиши,—обратился онъ резонно къ писарю, показывая пальцемъ на бумагу,—пиши: „взыскать съ жены крестьянина Филата Бѣляка въ пользу мужа ея законнаго за лѣтнюю работу сорокъ рублевъ сполна“... Пиши... Пущай мнѣ сорокъ рублевъ отдадутъ... По чести... Я справедливъ... Я больше не хочу... Онѣ мнѣ за батрачину искони сорокъ рублевъ платили... А нонѣ, по мужнему положенію, ничего я не получалъ... Съ чего жъ баловаться?.. Я свое прошу... Я по чести... Я по чести, безъ обману.

Но противъ этого неожиданнаго предложенія запротестовала старуха и начала высчитывать, сколько „онъ вымоталъ отъ нихъ угрозой“ денегъ на водку.

— Ты что скажешь?—спросилъ судья Степашу.

- Чего сказать? Сорокъ рублевъ платили—это по чести... Пущай, кабы онъ нонѣ робилъ... Онъ прежде робилъ, а на мужнемъ положеніи, за его лѣнь, не слѣдуетъ...

— Все одно. Разсчитайся, Степаха, пиши! — выговорилъ, наконецъ, Кабанъ сердито, почти приказывая. — Денегъ нѣтъ—я отдамъ. Послѣ вернешь...

— По чести... Я справедливъ... Я больше не возьму, — повторилъ Бѣлякъ. — Судите по справедливосви... А уйти — я уйду, коли не по нраву вамъ... Для насъ у Бога мѣсто найдется!

Черезъ полчаса мы ѣхали съ Листархомъ Петровичемъ Кабаномъ ко мнѣ на хуторъ. Масса неожиданныхъ впечатлѣній, которая охватила меня на судѣ, не давала мнѣ успокоиться. Я просто не могъ притти въ себя. Мнѣ необходимо было уяснить, освѣтить для себя все это странное стеченіе обстоятельствъ. Я нѣсколько разъ разговаривалъ объ этомъ съ Кабаномъ, но онъ смотрѣлъ грустно въ сторону отъ меня и то отмалчивался, то что-то ворчалъ сквозь зубы. Наконецъ, сказалъ:

— Ты, Миколаичъ, ежели хочешь со мной пріятельствовать, объ этомъ мнѣ не поминай.

Потомъ помолчалъ и прибавилъ:

— Вѣдь, я самъ Бѣляка-то и усваталъ... Думалъ, что, молъ... Все прахомъ пошло!.. Все ужъ у меня какъ-то прахомъ идетъ, все... Не то ужъ!..

И Кабанъ заугрюмѣлъ совсѣмъ.

V.

Прошло больше недѣли, какъ Бѣлякъ исчезъ изъ Большихъ Прорѣхъ. О немъ, повидимому, всѣ уже забыли. Кабанъ, хотя и сдѣлался какъ-то задумчивѣе, грустнѣе, но, кажется, начиналъ понемногу приходить въ себя и успокоиваться, только къ Степашѣ все еще не ходилъ, не любилъ смотрѣть въ сторону ея избы, куда, бывало, постоянно были обращены его взоры. Сердился ли онъ на нее, или малѣйшимъ напоминаніемъ боялся вызвать въ своей душѣ пережитыя впечатлѣнія...

Однажды, глухимъ осеннимъ вечеромъ, сидѣлъ я у него въ избѣ и пилъ съ нимъ чай. На улицѣ гудѣлъ вѣтеръ и хлесталъ дождевыми струями въ окна. На дворѣ зги не было видно: темно, хоть глазъ выколи. Кое-гдѣ мелькали тускло огоньки въ избахъ. Жутко въ это время въ деревняхъ. Чувствуешь какую-то безпомощность предъ этимъ моремъ мрака, изъ-за котораго ни откуда не блеснетъ вамъ свѣтлаго просвѣта; чувствуешь, какъ эта тьма охватываетъ васъ, душитъ, наполняетъ голову странными, причудливыми образами, томитъ вашу душу неопредѣленными, тяжелыми предчувствіями. Въ этомъ мракѣ исчезаетъ для васъ міръ Божій, вы видите себя отрѣзаннымъ, отчужденнымъ отъ всѣхъ... Въ деревняхъ въ это время рѣдко кто выйдетъ на улицу; на задворки рѣдкій мужикъ рискнетъ сходить. Деревня живетъ въ эту пору, можетъ быть, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, на вѣру, на Божью волю, стихійно, безсильная противъ какихъ-либо случайностей.

За окнами, откуда-то издали, глухо послышался чей-то голосъ; вотъ онъ все ближе и ближе. Слышатся какіе-то выкрики. Мы вслушиваемся внимательно, но ничего разобрать нельзя. Вотъ слышно хлястанье сапогъ по лужамъ и грязи, и смолкло; кто-то остановился.

Гляжу, Кабанъ нахмурился и сурово смотрѣлъ въ столъ, не поднимая глазъ.

Вдругъ кто-то завылъ дико, безобразно, рыдая и плача, сначала тихо, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе:

— Іуда!.. Іу-уда!.. Іу-уда!—раздирающе тянулъ голосъ, который мнѣ показался похожимъ на голосъ Бѣляка. — Іу-уда!.. Отдай мою душу-у!.. Отд-а-ай!.. Іу-уда!.. Іу-уда!

Кричавшій какъ будто на нѣсколько минутъ ослабѣвалъ, затихалъ, но затѣмъ начиналось опять это убійственно-гнетущее повтореніе однихъ и тѣхъ же раздирающихъ звуковъ.

— Господи!.. Батюшки мои! — иногда болѣзненно выкрикивалъ голосъ, и затѣмъ опять: — Іуда! Іу-да-а!.. Іу-да-а! — глухо неслось изъ мрака.

Старикъ, не взглянувъ на меня, вдругъ поднялся и неторопливо вышелъ въ сѣни. Онъ что-то искалъ тамъ. Затѣмъ послышалось, какъ онъ медленно и тяжело сталъ спускаться съ лѣстницы. Я подождалъ минуту—и мнѣ вдругъ мелькнула ужасная мысль: „не сдѣлалъ бы онъ чего-нибудь“. Я схватилъ свѣчу и выбѣжалъ въ сѣни. Внизу, навстрѣчу мнѣ, поднимался Кабанъ. Онъ былъ блѣденъ и дрожащею рукой едва держался за перила; въ другой рукѣ онъ держалъ желѣзный безмѣнъ. Страшное, звѣрское было выраженіе его лица.

— Что ты хочешь?—спросилъ я.

Старикъ не выдержалъ и вдругъ зарыдалъ, опустившись на ступени лѣстницы. Тяжелый безмѣнъ упалъ и тяжело скатился внизъ. Въ это время на улицѣ проскрипѣлъ возъ, потомъ послышались чьи-то голоса, которые кого-то ругали и искали. Слышалось опять хлястанье грязи.

Завыванья прекратились. Прислушиваясь, я все еще стоялъ со свѣчей на помостѣ сѣней.

Старикъ медленно поднялся и, шатаясь, сталъ спускаться отъ меня внизъ по лѣстницѣ. За нимъ внизу хлопнула дверь: онъ ушелъ въ „стряпную“.

На утро я разспрашивалъ мужиковъ. Говорили всякую несообразицу, но выяснилось, впрочемъ, одно, что Бѣлякъ все еще бродилъ по сосѣднимъ кабакамъ въ округѣ, что его многіе встрѣчали ободраннымъ, пьянымъ, избитымъ, и не разъ онъ уже подобнымъ образомъ вылъ подъ окнами Кабана. Дѣйствительно, слышать эти звуки каждую ночь было ужасно.

Я опять уѣхалъ изъ Большихъ Прорѣхъ надолго. По возвращеніи моемъ весной на хуторъ, я уже не засталъ въ живыхъ Кабана. Мнѣ разсказали, что и еще два раза приходилъ на село Бѣлякъ и такъ же вылъ предъ избой Кабана, что старикъ не выдержалъ—и запилъ. Пить онъ сталъ страшно, такъ что черезъ мѣсяцъ умеръ. Да и о Бѣлякѣ больше уже не слыхали.

Степаша—все та же „дѣвка съ душой“, и брачный вѣнецъ не оставилъ на ней никакого слѣда. Старуха ея все еще жива, только земли имъ даютъ вдвое меньше, а убирать ее помогаетъ за пятнадцать рублей семьяный мужичокъ изъ сосѣдней деревни, съ лошадью. Лошадь свою Степаша должна была продать.

„А гдѣ же несчастный Бѣлякъ?—часто спрашивалъ я себя, такъ какъ образъ этого мужичка-рязанца долго еще неотступно носился въ моемъ воображеніи.— Неужели для него много еще у Бога мѣста?..“

1880 г.

ПРОПАЛА ДЕРЕВНЯ.

ЛЕГЕНДА.

I.

Кстати... Впрочемъ, я не знаю, будетъ ли это кстати или нѣтъ, но я все же разскажу вамъ одну странную исторію. Очень можетъ статься, что она покажется вамъ невѣроятной: впередъ говорю, за фактическую ея достовѣрность не ручаюсь, а передаю въ томъ видѣ, какъ слышалъ... Да и что можетъ быть невѣроятнымъ въ нашъ вѣкъ? Прежде я и самъ сомнѣвался, но теперь вполнѣ вѣрю словамъ Шекспира: „много есть въ мірѣ, другъ Гораціо, такого, что и не снилось нашимъ мудрецамъ...“ Въ томъ-то и дѣло, что мудрецамъ еще не снится, а какой-нибудь судебный приставъ глухого уголка русской земли, скучая съ вами въ тряскомъ тарантасѣ по плохимъ земскимъ дорогамъ, неожиданно разскажетъ такую правду, что хуже всякой лжи.

Съ однимъ изъ такихъ-то судебныхъ приставовъ мнѣ и случилось ѣхать не такъ давно. Взялъ онъ меня по пути, изъ усадьбы одного помѣщика, куда заѣхалъ онъ проѣздомъ выпить рюмку водки и закусить. У помѣщика я былъ въ гостяхъ и скучалъ уже второй день, въ ожиданіи лошадей, развозившихъ пока другихъ, праздновавшихъ вмѣстѣ со мной его именины. Я очень обрадовался, когда приставъ предложилъ завезти меня на мой хуторъ.

Выѣхали мы позднимъ вечеромъ. Стоялъ іюнь въ послѣднихъ числахъ. Съ сѣвера небо хмурилось; разорванныя облака гнались одно за другимъ. Въ воздухѣ было душно и сыро. Придорожныя деревья и ветлы лихорадочно шелестѣли листьями и слегка, въ какой-то апатической безысходности, покачивали своими верхушками. Кромѣ этого шелеста да мягкаго шлепанья копытъ по пыльной дорогѣ, ничего не было слышно. Замерло все. Чувствовалось, что ночью, того гляди, разыграется гроза. И я, и мой спутникъ, и молодой парень-подростокъ, сидѣвшій на облучкѣ, молча и тревожно поглядывали на сѣверъ, очевидно, силясь рѣшить одинъ и тотъ же вопросъ: успѣемъ ли мы добраться заблаговременно до дому? Мы молчали. Самое это скверное время для нервныхъ людей; а я и мой спутникъ, какъ кажется, не могли похвалиться крѣпостью нервовъ. Судебный приставъ (онъ былъ еще очень молодой человѣкъ, новичокъ, съ небольшою черною бородкой и усиками, но уже съ начальническою „повадкой“ на лицѣ и въ движеніяхъ, хотя и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ какого-то недовольства и разочарованности) постоянно повертывался на своемъ мѣстѣ, что-то ворчалъ сквозь зубы, перекладывалъ ноги, подушки и безпокойно взглядывалъ то на меня, то въ сторону тучи.

— Терпѣть не могу ѣздить въ такое время,—вдругъ, наконецъ, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— А что?

— Да чортъ знаетъ что! Нервы, что ли... Какое-то ненормальное состояніе... Словно расшибло всего... На душѣ какая-то мерзость... Замѣчали вы, какъ погода сильно можетъ вліять на умонастроеніе? Я думаю, что извѣстное состояніе атмосферы можетъ довести самаго здороваго человѣка до самоубійства.

— Здороваго, сомнѣваюсь...

— Да нѣтъ, вы постойте... Вотъ всего нѣсколько часовъ тому назадъ я былъ совершенно другимъ человѣкомъ... вотъ,

когда былъ на слѣдствіи... Я чувствовалъ себя здоровымъ физически и нравственно, сильнымъ, въ полномъ самообладаніи, здравомыслящимъ, насколько только возможно, какъ мнѣ казалось... Я не сомнѣвался ни на минуту въ томъ, что былъ оскорбленъ, глубоко оскорбленъ, самъ лично, мужиками, и еще болѣе были оскорблены въ лицѣ моемъ законъ, правительство... Терпимо это, конечно, быть не можетъ... Я совершенно ясно понималъ все это, совершенно ясно, безъ тѣни сомнѣнія, безъ колебаній; я былъ убѣжденъ, что одни должны быть удовлетворены, другіе — примѣрно наказаны... Въ этомъ направленіи я и давалъ свои показанія... Ну, а теперь, не повѣрите, какъ все мнѣ представляется глупымъ, нелѣпымъ... всѣ эти люди, мужики, и, прежде всего, я самъ... все... все... Вотъ и эти лошади, почему-то понурившія свои головы и лѣниво махающія хвостами, и этотъ съежившійся, присмирѣвшій парнюга, и вся эта природа такъ называемая... ну, къ чему это все пріуныло, струсило, словно замолкло, приняло какой-то пошло-грустный видъ, какъ будто туча и Богъ знаетъ что такое? Вѣдь, все вздоръ; пройдетъ туча, никому ничего не сдѣлаетъ, да еще лучше будетъ: все опять оживетъ, повеселѣетъ, умоется... И повторяется это тысячу милліоновъ разъ! Не глупо ли и не пошло ли это? Впрочемъ, я хотѣлъ говорить только о себѣ... Вотъ, хотя это дѣло... Господи! какъ глупо, какъ ребячески глупо!.. Люди тупы и злы; извините, я буду говорить откровенно, такъ, какъ чувствую теперь... Три часа назадъ я бы этого вамъ не сказалъ; можетъ быть, не скажу и черезъ три часа послѣ; можетъ быть, даже посмѣюсь вмѣстѣ съ вами надъ собой... Можетъ быть, все можетъ быть... Итакъ, въ данную минуту мнѣ все противно: природа тупа и безсмысленна, люди глупы и злы, но не думайте, что злы резонно, основательно, сознательно... Нѣтъ, именно глупо злы, дурацки злы, стихійно... какъ будто они простое, безсмысленное орудіе какихъ-то невидимыхъ силъ, и опять-таки силъ стихійныхъ, которыя, чортъ знаетъ зачѣмъ, васъ сначала придушатъ, потомъ оживятъ, потомъ опять придушатъ...

— Позвольте одинъ вопросъ,—воспользовался я случаемъ, когда мой спутникъ нервно повернулся и безпокойно взглянулъ въ сторону гдѣ-то далеко блеснувшей молніи, — позвольте одинъ нескромный вопросъ: вы любитель чтенія?

— Да, читаю кое-что... Я, видите, исключенъ за это пристрастіе къ чтенію изъ высшаго класса семинаріи... Мечталъ когда-то объ университетѣ... Но семейныя обстоятельства заставили меня поскорѣе „избрать родъ жизни“... Я остановился на судебномъ приставѣ... Знаете, эта должность мнѣ нравилась. Меньше тутъ личной отвѣтственности, спокойнѣе на совѣсти... Судебный приставъ — птица маленькая, исполнительное орудіе... Я ужъ тутъ умываю руки во всемъ... Кто можетъ быть на меня золъ? Я не могу лично усугубить зла другому, — оно не отъ меня; не могу умалить добра, ибо оно тоже не отъ меня; это не въ моей власти. Такъ я думалъ. По нашему времени это самое спокойное дѣло... Я вамъ все еще, однако, не разсказалъ, что у меня было за дѣло... Дѣло у меня было съ мужичками. Какъ вы знаете, я преимущественно по мужицкимъ дѣламъ (нужно замѣтить, мой спутникъ, во все время разсказа, то называлъ мужиковъ „мужичками“, то завертывалъ имъ „сукиныхъ дѣтей“ и „подлеца“; онъ говорилъ естественно и откровенно; вѣдь, и наши „мудрецы“ до сихъ поръ еще не знаютъ, какое съ мужикомъ обращенье имѣть). Такъ вотъ-съ, одною изъ подлежащихъ инстанцій мнѣ врученъ былъ исполнительный листъ, по которому я долженъ былъ взыскать рублей сорокъ съ копейками съ крестьянъ деревни Болванихи на удовлетвореніе одной претензіи. Нужно сказать, что исполнительный листъ по этому дѣлу былъ еще въ рукахъ моего предмѣстника, но онъ почему-то откладывалъ его, и приводить въ исполненіе досталось мнѣ. Я не буду говорить о томъ, почему мужики не считали нужнымъ платить эти 40 рублей съ копейками (ихъ было 70 душъ, значитъ, приходилось 50 копеекъ съ чѣмъ-то на душу—всего). Можетъ быть, они имѣли свои резоны. Это не наше дѣло. Взявъ двухъ сотскихъ въ волости, я пріѣзжаю въ Болваниху, прямо, конечно, къ старостѣ. Староста ведетъ себя какъ-то странно, говоритъ обиняками, хотя принимаетъ гостепріимно и добродушно. Я приступаю прямо къ дѣлу. „Нѣтъ, говоритъ, денегъ, ваше бл-діе“. — „Ну, описывать“, говорю. — „Какъ вамъ будетъ угодно. Пожалуйте“. Выхожу на улицу— прямо къ первой избѣ. А на улицу уже высыпала вся деревня, поголовно: му-

жики и бабы, парни и дѣвки, даже дѣти и старики... Они медленно и молча (звука не было слышно) надвигались въ мою сторону. Я не замѣтилъ ни малѣйшаго раздраженія или грубости: это были, просто, любопытные зрители. Но въ то время, когда я подошелъ къ первой избѣ, противъ ея воротъ я встрѣтилъ неожиданно странное препятствіе: вся семья, жившая въ этой избѣ, — высокій рыжій мужикъ, худая, беременная баба, 80-тилѣтній старикъ, два подростка лѣтъ по 12-ти и маленькая дѣвочка,— выстроилась предъ избой, плотно схватившись рука съ рукой. Я въ недоумѣніи взглянулъ кругомъ и встрѣтилъ двѣ-три сдержанныя улыбки. „Не пустимъ, батюшка, въ избы... Прости, Бога ради, ваше бл-діе... не пустимъ,—сказалъ старикъ, низко кланяясь мнѣ и не выпуская руки сына. — Мы ужъ такъ порѣшили, чтобы не платить за неправое дѣло... Такъ и начальству неоднократно заявляли... Не пустимъ, ваше бл-діе, какъ твоей милости будетъ угодно!..“ Не знаю почему, но вдругъ у меня тамъ, на глубинѣ души, что-то ёкнуло... Я уловилъ двѣ-три чуть примѣтныя улыбки (не знаю, почему-то мы очень чутки къ этимъ улыбкамъ; можетъ быть, ихъ вовсе и не было, но тогда я, какъ мнѣ думалось, видѣлъ ихъ очень ясно). Я выпрямился, какъ-то совершенно непроизвольно, закинулъ назадъ голову и сдержанно сказалъ: „Хорошо; мы пойдемъ въ слѣдующую избу“. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но въ это время другая семья, въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ, примкнула рука въ руку къ первой и прямо, открыто, не моргнувъ, что называется, бровью, смотрѣла мнѣ въ лицо. „И вы не пустите?“—спросилъ я.—„Не пустимъ, ваше бл-діе. Прости, Бога для...“ Я, не останавливаясь, прошелъ къ третьей избѣ — и, шагъ за шагомъ, за мной странный хороводъ развертывался предъ избами и росъ все длиннѣе и длиннѣе... Наконецъ, въ него вступилъ и самъ староста. Я остался съ сотскими, глупо и напряженно тоже смотрѣвшими мнѣ въ лицо... Глупо и напряженно смотрѣла и вся деревня,—мужики и бабы, старики и дѣти,—смотрѣла на меня тупо и молча... Я чувствовалъ, что теряю самообладаніе... Вдругъ мнѣ мелькнула мысль, что все это комедія... Кровь бросилась мнѣ въ голову. Я взглянулъ на одного парня, — онъ улыбнулся во весь свой широкій ротъ. Во мнѣ все такъ и заклокотало... Я подошелъ къ нему. „Какъ тебя зовутъ?“—крикнулъ я. Онъ молчалъ. — „Какъ тебя зовутъ?“ — закричалъ я и дернулъ его за рукавъ.— „Зовутъ насъ, баринъ, всѣхъ зовуткой“, — отвѣтила мнѣ высокая, статная, грудастая баба и, выйдя изъ хоровода, притопывая, пошла русскою пляской позади мужицкаго строя... Сдержанный хохотъ пронесся по рядамъ... „Бери ее!“— крикнулъ я сотскимъ. Сотскіе бросились въ ряды. Но тутъ произошло что-то такое, чего я уже не разобралъ. Я слышалъ какой-то гулъ голосовъ, какіе-то выкрики, маханье руками, сбившуюся въ кучу толпу... Потомъ звякнулъ колокольчикъ— и предо мной стояла моя тройка. Въ тарантасѣ сидѣли сотскіе и кричали: „Ваше бл-діе! Садитесь скорѣе, садитесь, Бога для... Не доводите до грѣха!... Народу только неповиннаго загубите безъ числа... Грѣхъ на душу примете!“ Я же оказался виноватъ, я!.. Я приказалъ сотскимъ тотчасъ же вылѣзть и принялъ твердое намѣреніе не выѣхать изъ деревни, пока мнѣ не удастся привести все въ порядокъ... Но какимъ образомъ это случилось, я уже не помню, — только меня подхватили подъ руки, посадили въ кузовъ тарантаса, и тройка дернула... Я хотѣлъ рвануться, остановить ямщика, какъ вдругъ замѣтилъ, что наперерѣзъ лошадямъ вышла старая, сѣдая старуха, окруженная стаей ребятишекъ, и, подобравъ подолъ крашениннаго сарафана, присѣдая и кривляясь, басовитымъ голосомъ причитала:

„Ай, барыня, барыня!
Чего тебѣ надобно?...
— Ай, баппя, баппя!
Чего тебѣ надобно?“

подхватила вслѣдъ за ней ребячья стая и долго еще бѣжала, не отставая, сбоку тарантаса.

Это было уже черезчуръ... О, какъ хорошо и твердо запомнилъ я корявое, волосатое лицо старухи и рыжія, веснoватыя физіономіи ребятишекъ!

Скоро было назначено слѣдствіе. Съѣхалось начальство. Увѣренно, безъ малѣйшихъ колебаній, я узналъ и указалъ — и упорнаго 70-тилѣтняго старика, и улыбавшагося парня, и остроумную грудастую дѣвку, и приплясывавшую восьмидесятилѣтнюю старуху... Деревня встрѣтила насъ мирно. Мирно и коротко давали показанія указываемыя мною лица. Все шло хорошо, какъ вдругъ одинъ изъ

мужиковъ обвинилъ меня въ убійствѣ старика... Что будто бы я его толкнулъ—и онъ умеръ... Къ этому мужику пристали другіе, потомъ бабы, потомъ ребятяшки и внезапно выросла колоссальная клевета на меня... Эта была дикая выдумка, а, тѣмъ не менѣе, къ прежнимъ преступленіямъ прибавлялось новое—ложное показаніе.

— Но что же тутъ особеннаго?—сказалъ я. — Вѣдь, то, что вы разсказали, исторія давно извѣстная.

— Что мнѣ до этого за дѣло?—раздраженно вскрикнулъ молодой приставъ. — „Ничего особеннаго!“ „Давно извѣстная!“... Я вамъ говорю про себя; до всего другого прочаго мнѣ нѣтъ...

Онъ круто остановился. Яркая, бѣлая полоса свѣта прорѣзала сверху донизу черную тучу, надвигавшуюся на насъ съ правой стороны. Гроза приближалась. Приставъ, упорно и неподвижно смотря на небо широко открытыми, какъ бы даже сердитыми, глазами, напряженно выжидалъ громоваго удара. Черезъ нѣкоторое, но еще довольно продолжительное время громъ глухо прокатился за лѣсомъ. Приставъ съ нервнымъ недовольствомъ повернулся на мѣстѣ.

— Я вамъ разсказываю о томъ,—началъ онъ опять раздраженнымъ тономъ,— что если бъ я былъ въ то время вотъ въ такомъ же состояніи, какъ въ данную минуту... въ такомъ же *ненормальномъ* состояніи, хочу я сказать... я бы не поступилъ такъ... Навѣрно, несомнѣнно даже, я поступилъ бы какъ-нибудь иначе... И не было бы ни этого хохочущаго парня, ни остроумной грудастой дѣвки, ни приплясывающей старухи, ни хоровода мужиковъ, ни этихъ дѣтей... всѣхъ этихъ „неожиданныхъ преступниковъ“ не было бы... Однимъ словомъ, не было бы всей этой глупой, нелѣпой комбинаціи неизвѣстно какъ и для чего наросшихъ одно на другое преступленій. Скажите: для кого и для чего нужно было, чтобы неплатежъ сорока рублей съ копѣйками вдругъ, *мгновенно* разросся въ цѣлую вереницу преступленій, непостижимо быстро нараставшихъ одно на другое? Для чего и кому нужно это нарастаніе преступленій (а, вѣдь, оно не кончается тѣмъ только, что я вамъ разсказалъ: цѣпь этого нарастанія можетъ быть очень, очень длинна)? Кому же это было нужно: мнѣ, что ли? Закону? Мужикамъ?

— Но, вѣдь, ни законъ, ни вы не виноваты?

— Конечно, не виноватъ... Вы, пожалуйста, не думайте, что я раскаиваюсь, или, что еще хуже, не вообразите, что я сантиментальничаю съ „бѣдненькими мужичками“ (между нами, среди нихъ большинство такіе подлецы, что право, сантиментальничать ужъ совсѣмъ глупо)... Пожалуйста, не думайте... Я на этотъ счетъ имѣю свой собственный взглядъ... Я уже вамъ сказалъ, что, разсказывая вамъ все это, я имѣю въ виду исключительно *только себя,* и больше никого... свою собственную подоплеку... Да, я, конечно, не виноватъ: я дѣйствовалъ вполнѣ послѣдовательно, логически, убѣжденно, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, не горячась, не превышая власти, по чистой совѣсти... Итакъ, я чувствую, что поступалъ вполнѣ резонно, правильно, какъ вообще поступилъ бы на моемъ мѣстѣ всякій здравомыслящій человѣкъ.

— Вотъ видите... Значитъ...

— А все же, будь это въ данную минуту,—продолжалъ онъ, не слушая меня и упершись глазами въ спину ямщика,— я поступилъ бы, навѣрное, не такъ... Я не знаю, не могу вамъ сказать, какъ именно... Но только вышло бы совсѣмъ другое... потому что я чувствую, что нужно было сдѣлать иначе...

— Но отчего жъ вы не сдѣлали?

— Оттого, что я не былъ тогда въ томъ душевномъ состояніи, въ какомъ нахожусь теперь, когда все представляется мнѣ нелѣпою, смѣшною комедіей, вся жизнь, все окружающее, — комедіей, въ которой, право, не желательно быть рьянымъ актеромъ...

— Однако вы же утверждаете, что въ данную минуту находитесь въ ненормальномъ состояніи?

— Въ томъ-то и штука, и вся суть. Пройдетъ вотъ эта глупая комедія въ природѣ, пронесется гроза, очистится воздухъ, вздохнетъ вольнѣе грудь и я, вѣроятно, самъ посмѣюсь вмѣстѣ съ вами надъ своими нервами...

— Странный вы человѣкъ, — не удержавшись высказалъ я.

— Почему вы думаете, что именно я странный? Какъ будто не случается того же съ тысячами мнѣ подобныхъ!... Вся разница только въ томъ, что на меня *находитъ* вотъ это во время грозы, напримѣръ, или, вообще, когда въ природѣ совершается какая-нибудь нелѣпость; на другого—послѣ ссоры съ женой, на третьяго... да мало ли въ жизни комедій!

Молодой человѣкъ смолкъ и сталъ смотрѣть въ другую сторону отъ меня, задумчиво пощипывая кудрявую бородку. Мы молчали. Я наблюдалъ за всѣми его движеніями, но онъ, повидимому, забылъ обо мнѣ. Молнія въ это время сверкнула еще два раза, но онъ не обратилъ уже на это никакого вниманія и не шевельнулся.

Такъ мы проѣхали съ полверсты. Вдругъ его, какъ казалось, заинтересовалъ какой-то предметъ; онъ долго и пристально вглядывался, сквозь полупрозрачныя сумерки, во что-то.

— Вамъ эта мѣстность хорошо знакома?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мало...

— Да, я забылъ: вѣдь, вы здѣсь недавно... А вотъ въ этихъ мѣстахъ дорога прежде была опасна... Здѣсь „пошаливали", какъ съ обычнымъ остроуміемъ выражаются мужички... И слава эта утвердилась давно за этимъ мѣстомъ.

— А теперь?

— Теперь *пока* спокойно.

— Отчего же?

— Оттого, что вотъ тутъ, на косогорѣ... Видите, чернѣютъ строенія?... Тутъ была годъ тому назадъ деревня, а теперь она *пропала*, т.-е. мужики пропали, всѣмъ міромъ, всею общиной... Вы слыхали, что пропадаютъ деревни?

— Слыхалъ.

— Ну, такъ вотъ-съ рекомендую... Пропала деревня — и шабашъ. Да и воровская деревня-то... Такъ и называлась „деревня-воровка". Воры были исконные и мастерство это свое передавали изъ рода въ родъ... Жили, говорятъ, сравнительно, очень недурно... Даже податей, мошенники, вдвое меньше платили! И вдругъ, въ одно чудесное мгновенье, всѣ пропали, за одинъ разъ... Ихъ было тутъ шесть дворовъ всего... Пропали всѣ, за одинъ разъ, до одного человѣка, до послѣдняго ребенка, безслѣдно. Пріѣзжаетъ какъ-то начальство, въ томъ числѣ и я, приводить въ исполненіе какую-то пустую резолюцію, и ни одной души... Во всей деревнѣ встрѣтили одного только стараго, вылинявшаго, хромого пса!

— Что же, попались въ чемъ и испугались?

— Въ томъ-то и штука, что нѣтъ... Никакого видимаго повода, рѣшительно никакого... Было на нихъ подозрѣніе, но и только. Впрочемъ, до душегубства они никогда не доходили... Воровали большею частью лѣсъ, сѣно, „щупали" обозы съ мукой, крупой, овсомъ, виномъ; купцовъ иногда безпокоили, отпрягали лошадей... все въ такомъ родѣ... Но мошенники были первый сортъ и ловко умѣли прятать концы въ воду!.. И вдругъ исчезли всѣ, всѣмъ міромъ, до единой души... И, главное дѣло, разошлись всѣ въ розницу, въ одиночку...

— Это интересно... Вы не знаете, что̂ за причина?

— Не знаю... Я знаю доподлинно только одно, что я... т.-е. не одинъ я, а и прочая исполнительная сошка, вотъ уже полгода тщетно хлопочемъ о разысканіи этихъ примѣрныхъ міряпъ и о немедленномъ ихъ водвореніи...

— Опять здѣсь?

— Опять здѣсь и непремѣнно здѣсь.

— Это воровъ-то?

— Ихъ-съ...

— Но зачѣмъ же? Можетъ быть, они и ушли потому, что...

— Не осилили, господинъ... Вѣрно, что не осилили, — неожиданно подхватилъ нашъ молодой ямщикъ.

— Чего не осилили?

— Не осилили, сказываютъ... Грѣха, значитъ, не осилили...

— Вретъ онъ все, — сердито сказалъ молодой человѣкъ,—да и вретъ такъ, что ничего не поймешь... Все это, просто, необходимо въ силу какого-то стихійнаго закона нарастанія преступленій.

Въ это мгновеніе вдругъ загорѣлась ослѣпительнымъ огнемъ половина неба и тотчасъ же, моментально, разразился страшный ударъ. Лошади шарахнулись въ бокъ и, дрожа, остановились, какъ вкопанныя. Ямщикъ соскользнулъ подъ передокъ. Молодой приставъ былъ блѣденъ, какъ снѣгъ, и дрожалъ. Лицо его было сердито. Дождь хлынулъ неудержимымъ и стремительнымъ потокомъ. Я поднялъ фартукъ тарантаса, и мы залѣзли вглубь кузова. Я началъ было острить и шутить, чтобы какъ-нибудь подбодрить своего спутника, но онъ молчалъ, забравшись клубкомъ въ самый дальній уголъ, какъ маленькая комнатная собачка, взмокшая на дождѣ подъ заборомъ; я слышалъ только, какъ иногда стучали у него одинъ о другой въ лихорадкѣ зубы.

Раздались еще два удара, но уже слабѣе и дальше. Дождь сталъ тише. Прошло съ четверть часа, а мы все еще сидѣли, попрежнему, съежившись подъ фартукомъ. Я уже подумывалъ, не пришибло

ли нашего ямщика, но онъ скоро благополучно опять взобрался на козлы и, весело вскрикнувъ, бойко погналъ лошадей. На сѣверѣ какъ будто чуть-чуть стало свѣтлѣть. Громадная черная туча хотя и перевалила тяжело черезъ насъ, но оставила за собой еще длинный темный хвостъ цѣплявшихся одно за другое сѣрыхъ и черныхъ облаковъ, которымъ и конца, казалось, не было. До моего хутора было только полчаса ѣзды. Все это время приставъ, хотя и выбрался опять на подушки, продолжалъ сердито ворчать. Подъѣзжая къ своей усадьбѣ, я просилъ его заѣхать ко мнѣ оправиться, отдохнуть и, между прочимъ, поговорить еще объ интересной деревнѣ.

— Нѣтъ-съ, не могу, увольте... Въ особенности *теперь* я не могу говорить объ этомъ,—сказалъ онъ.—Да я ничего и не знаю больше... Впрочемъ, если васъ такъ интересуетъ эта глупая исторія, вы можете кое-что узнать въ сосѣднихъ деревняхъ... Говорятъ, тамъ есть старикъ, ужасно дряхлый, который одинъ остался изъ этой деревни и не ушелъ въ бѣга... Онъ, будто бы, разсказываетъ всѣмъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ и болтаетъ какую-то чушь о какомъ-то „моладенчикѣ“, или что-то въ этомъ родѣ, право, я не знаю... Если вы такъ любопытствуете, разыщите его.. А мнѣ вовсе нѣтъ охоты говорить... Я, притомъ же, чувствую, что другая гроза еще впереди... Навѣрное, она пойдетъ на всю ночь... А черезъ часъ, заблаговременно, я успѣю добраться до своей резиденціи... Прощайте!

Я пожалъ ему руку, но интересъ къ его личности такъ охватилъ меня, что я, почти не сознавая, что дѣлаю, удержалъ его руку въ своей и, притянувъ его голову ближе къ себѣ, шепнулъ:

— Позвольте... еще одинъ, можетъ быть, самый изъ нескромныхъ вопросовъ...

— Что вамъ угодно?

— Вы религіозный человѣкъ?

Молодой человѣкъ задумался, но не удивился.

— Вообще—нѣтъ,—проговорилъ онъ, помолчавъ,—но иногда... вотъ какъ теперь... я нахожусь подъ давленіемъ какихо-то страшныхъ, невидимыхъ силъ... Вообще въ это время въ моей душѣ просыпаются какія-то странныя, невѣроятныя ощущенія, какъ разъ противоположныя тѣмъ, какія я испытываю во всякое другое, здоровое время... Я тогда совсѣмъ, совсѣмъ другой!.. Ловкій танцоръ, дамскій любезникъ, весельчакъ и исполнительный чиновникъ... Когда-нибудь увидите... До свиданія!

Мы разстались.

II.

На высокомъ, открытомъ и плоскомъ холмѣ, который безнаказанно палило своими жаркими лучами солнце по лѣтамъ и терзали визгливыя зимнія бури, стояло пять-шесть крестьянскихъ дворовъ: избы низкія, „черныя“, прокопченныя дымомъ, кругомъ — голо и бѣдно. Жидкія ветлы безпомощно гнутся подъ постояннымъ напоромъ вѣтра; жалобно визжитъ единственный журавль-колодезь.

Внизу, у подножья холма, посреди болотъ и кустарника мрачно чернѣетъ „проклятое“ озеро. Ни неводъ, ни бредень, ни лодка давно уже не бороздили его мутныя волны; только вѣтеръ свободно гулялъ по его поверхности, да бѣлыя чайки рѣяли стаями и отъ времени до времени, какъ бѣлые камни, быстро упадали въ волны и таскали изъ нихъ серебристую плотву. Хорошо было жить бариновцу (деревня эта звалась оффиціально Бариново, неоффиціально—Воровка): въ проклятомъ озерѣ было вдоволь воды и рыбы, и хотя онъ не ѣлъ эту рыбу, какъ „проклятую“, но за то, лежа на холмѣ, могъ любоваться поэзіей дикихъ и мрачныхъ береговъ озера. Тоскливо было на выжженной вершинѣ холма слышать только завываніе вѣтра и смотрѣть на свои каменистыя, скудныя нивы; но за то у бариновца было много ребятишекъ: на пять дворовъ онъ считалъ у себя до 30 малыхъ душъ обоего пола, и съ утра до вечера онъ могъ ласкать свой слухъ неугомоннымъ говоромъ, плачемъ, трескомъ и визгомъ ребячьей стаи, носившейся по холму вмѣстѣ со стаями воронъ и галокъ. Бариновецъ почти забылъ, когда и какимъ образомъ, и по чьему велѣнью попалъ онъ на этотъ безлюдный и дикій клочекъ земли, но онъ давно сроднился съ нимъ, хотя его собственныя нивы были малы и скудны и едва могли вынести пропитаніе ребячьей стаи, и то только до зимняго Миколы, однако, бариновецъ любилъ свой холмъ, такъ какъ кругомъ, на далекомъ пространствѣ, онъ могъ видѣть и раздольныя поля, и поемные луга, и густолиственные лѣса. Все это было не

его. Но „картина“ была его родная: „картину“ онъ любилъ; съ „картиной“ этой онъ сжился, — отъ малыхъ лѣтъ стоитъ она передъ его глазами и чаруетъ его своимъ богатствомъ и разнообразіемъ. Ужъ эту „картину“-то, конечно, отъ него никто не отыметъ. Впрочемъ, нерѣдко, любуясь на эту „картину“, онъ думалъ: „Подождемъ!.. Авось... Богъ дастъ. и наше будетъ! Чего не бываетъ!.. Богъ справедливъ!..“ И такъ, онъ сроднился съ этою „картиной“, а сроднившись съ ней, какъ-то само собой, считалъ „роднымъ“ для себя и все то, что составляло эту картину... Онъ говорилъ: „*Нашъ* лѣсъ-то!.. Ка-акже! Богатѣющій лѣсъ!.. Деревцо-то, Господи благослови, годковъ черезъ пятокъ корабельное вымахнетъ!.. Вотъ что!.. Чать, вѣдь, мы знаемъ, на нашихъ глазахъ росъ!.. Тогда оно, деревцо-то, по 20 рубликовъ за штуку пойдетъ!.. Ужъ будь въ надеждѣ!“ А, между тѣмъ, въ этотъ густолиственный лѣсъ, этотъ „родной“ лѣсъ, который онъ привыкъ звать „нашимъ“, такъ какъ онъ вѣкъ стоялъ предъ его глазами, онъ отправлялся только по ночамъ, крадучись и съ опасностью за свою жизнь и свои „убогіе животишки“. Такъ же точно онъ говорилъ: „*Наши* поля... У насъ въ сторонѣ — луга... Господи-Батюшко, какая благодать!.. Иной годъ, какъ Богъ благословитъ, въ нашей сторонѣ самъ-семъ сбираютъ!.. Ну, сѣно — первое сѣно!..“ Бариновецъ рѣшительно жилъ всею тою жизнью, какая кишѣла на горизонтѣ, открывавшемся его глазамъ, когда онъ лежалъ животомъ на своемъ холмѣ. А лежалъ онъ часто. Кругомъ, въ поляхъ и лугахъ, по рѣкамъ и лѣсамъ, идетъ чья-то работа, только еще начинается, а ужъ бариновецъ давнымъ-давно поцарапалъ самодѣльною сучковатой бороной свою, длиной въ полсотни „лаптей“, полосу, давнымъ-давно разбросалъ по ней горсть сѣмянъ — и „отдыхалъ“ на своемъ холмѣ... Лежитъ бариновецъ и, смотря на копошащуюся предъ нимъ внизу и по бокамъ жизнь, говоритъ: „Вотъ у *насъ* и боронить кончили!.. Вонъ и рожь вошла... Эхъ, травы у *насъ* нонче будутъ богатѣющія!.. Тамъ вотъ, за Петровой луговиной, я былъ, — э-эхъ, травы, драть имъ въ хвостъ! Малина!.. Жирная трава, потная,—все одинъ, братецъ, мышьякъ, все мышьякъ; вздохнетъ скотина!.. Теперь тутъ смѣло клади,—возовъ сто петровскіе соберутъ!.. Ей-Богу!.. А господское сѣно,—такъ что!.. Благодать!.. Наши-то господскіе луга всегда, вѣдь, въ чести были...“

И всегда постоянно любуется бариновецъ и на рожь, и на траву, и на яровое, хотя и не его собственныя (на нашемъ холмѣ какіе ужъ хлѣба!), но ростущія въ сферѣ его родной „картины“. Незримо, неуловимо, по какимъ-то страннымъ психическимъ законамъ утвердилось и развилось въ душѣ бариновца это странное отождествленіе всего чужого, наполнявшаго горизонтъ его картины, съ его собственнымъ; и замѣчательно, чѣмъ меньше и меньше это собственное въ состояніи было удовлетворять его потребностямъ, чѣмъ быстрѣе, съ каждымъ годомъ, сводилось оно почти на нѣтъ, тѣмъ вышесказанное отождествленіе упрочивалось и расширялось все больше и больше. И, наконецъ, оно уже сдѣлалось полнымъ: жизнь бариновца вполнѣ слилась, нераздѣлимо, съ жизнью разстилавшейся передъ нимъ „картины“. Удачи и неудачи „картины“ отражались и на немъ: въ „картинѣ“ былъ неурожай, черезъ „картину“ прошелъ градъ — плачетъ и бариновецъ; „картина“ благоденствуетъ— веселится и радуется бариновецъ.

И понятно.

Лежитъ бариновецъ на своемъ холмѣ и смотритъ на „картину“, по которой уже разсыпались мужички съ сохами и боронами.

— Поди, чать, и вы скоро пахать будете?—спрашиваютъ его.

— Богъ дастъ, и пахать будемъ! — отвѣчаетъ бариновецъ и выглядываетъ на „картинѣ“ табунъ, чтобы ловчѣе было ночью спроворить оттуда коня, промѣнять завтра цыганамъ, а послѣзавтра, на новомъ конѣ, благословясь, и пахать начать.

Лежитъ бариновецъ на холмѣ и смотритъ на „картину“.

— Чать, и вы скоро боронить будете?—спрашиваютъ его.

— Богъ дастъ, и боронить будемъ!— отвѣчаетъ бариновецъ и думаетъ: съ какого бы это конца поудобнѣе было забраться нонѣ ночью въ господскій лѣсъ, составляющій прекрасную и соблазнительную рамку „картины“, и вырубить тамъ себѣ борону, чтобы на утро, благословясь, поскребать свою полосу.

Лежитъ бариновецъ на холмѣ и смотритъ на „картину“.

— Чать, скоро и вы, братцы, сѣять будете?—спрашиваютъ его.

— Богъ дастъ, и посѣемъ! — весело отвѣчаетъ бариновецъ и выглядываетъ на „картинѣ“ болѣе сподручную купецкую житницу, изъ которой нонѣ ночью можно было бы „вылущить“ два-три мѣшочка зерна „на сѣмяны“, чтобы назавтра, съ Божьею помощью, разбросать ихъ по своей микроскопической полосѣ.

Лежитъ бариновецъ на своемъ холмѣ и любуется „картиной“.

— Что, братцы, или у васъ съ сѣнами совсѣмъ убрались?

— Убрались, слава Господу!.. Вишь, какіе короли стоятъ!—показываетъ бариновецъ любовно на пузатые стога, раскиданные въ безчисленномъ количествѣ по поемному лугу, и думаетъ: который изъ нихъ попригляднѣе, чтобы нонѣ ночью „пощупать его съ боковъ“, а на утро „побаловать“ своихъ исхудавшихъ на болотной осокѣ лошаденокъ?

Лежитъ бариновецъ на своемъ холмѣ, а его баба „ищетъ“ ему въ лохматкѣ большимъ мочковымъ гребнемъ.

— Ай, бабы, — говорятъ бариновцамъ, — обносились у васъ ребятишки-то!.. Совсѣмъ голые, что цыганята, бѣгаютъ...

— Богъ дастъ, пріодѣнемъ! — весело выкрикиваетъ баба и уже высматриваетъ на „картинѣ“, гдѣ это стелятся по зеленой муравѣ бѣлыя полосы холстовъ.

Лежитъ бариновецъ на своемъ холмѣ и смотритъ любовно на „картину“...

И такъ далѣе, изо дня въ день, изъ года въ годъ и отъ поколѣнія въ поколѣніе, пока отождествленіе „картины“ съ реальною дѣйствительностью не приняло, наконецъ, поистинѣ грандіозныхъ размѣровъ.

„Господи, Боже мой!.. Да доколѣ же энто будетъ?.. Али ужъ и конца не видать?.. Али ужъ никогда этому и въ самъ дѣлѣ нашимъ не бывать, чтобы безъ грѣха, по человѣчеству, отъ *нея*, матушки, кормиться можно было?.. Царь небесный! не прогнѣвись!.. Чую Твой гнѣвъ,—другъ друга обирать почали: отецъ сына, сынъ отца, мать дочерей, сестры сестеръ и братъ пошелъ на брата... Малые птенцы, съ коихъ-то годочковъ, и тѣ... Да коли жъ это конецъ-то будетъ? Али и просвѣту для души нѣтъ? Господи, хошь бы провалиться сквозь матушку сырую землю! Хошь бы уйти съ энтихъ мѣстовъ, отъ энтихъ людей, не зрѣть своего сраму“, — такъ часто по ночамъ тоскуютъ кое-какія изболѣвшія бариновскія души, и нѣтъ-нѣтъ, да и похоронятъ себя тихою ночью въ мутныхъ волнахъ мрачнаго и дикаго озера.

Не рѣдки стали въ последнее время такіе случаи. Одна молодая мать вмѣстѣ съ ребенкомъ бросилась... Дѣвушка-невѣста, когда любимый парень попрекнулъ ее „художествомъ“ ея отца, братьевъ и дѣдовъ, унесла свою любовь въ эти же мрачныя волны бариновскаго озера.

Бариновецъ пересталъ смѣяться добродушно; онъ сталъ смѣяться ехидно, хрипло, страшно и дико... Но все же смѣялся и, лежа на своемъ холмѣ, говорилъ: „коли такъ... поработаешь и на насъ, дуй тебя въ хвостъ!.. Будетъ!.. Работали довольно!.. Поработаешь и на насъ!.. Хо-хо-хо!..“ — смѣялся дико бариновецъ и жадными глазами впивался въ картину барскихъ лѣсовъ, луговъ и нивъ.

Добродушный и мирный бариновецъ начиналъ хохотать нехорошимъ, сумасшедшимъ смѣхомъ.

III.

Была осень, свѣжая, морозная, ядреная. Паутинникъ безконечными нитями носился надъ бариновскимъ холмомъ. Солнце уже закатывалось за лѣсъ. Вся „картина“, внизу подъ холмомъ, была уже окутана сумерками, сырыми, влажными, пронизывающими холодомъ; мрачное озеро смотрѣло еще мрачнѣе и неподвижно засыпало подъ этимъ сумеречнымъ и постоянно сгущающимся пологомъ наступающей ночи. Только голая, открытая вершина холма теперь еще ярче горѣла въ послѣднихъ косыхъ лучахъ заходящаго солнца. Изъ всѣхъ преимуществъ, фантастическихъ и сомнительныхъ, бариновецъ обладалъ однимъ несомнѣннымъ преимуществомъ предъ тѣми, кто жилъ внизу холма, на „картинѣ“: Божье солнце раньше бросало на него свой благотворный свѣтъ по утрамъ и позже сбѣгали съ холма его прощальные холодные лучи.

Итакъ, наступали сумерки. Бариновецъ еще не входилъ въ избы. Ребячья стая еще летала по промерзшимъ бокамъ холма, а самъ бариновецъ еще сидѣлъ на завальняхъ своихъ избъ и угрюмо смотрѣлъ на догоравшую за лѣсомъ зарю.

Въ Бариново вошелъ странникъ. Это былъ низенькій, худенькій, сѣдой мужи-

чокъ, безъ шапки, съ ярко блестѣвшею лысиной на маковицѣ, съ широкою сѣдою бородой. Черезъ шею у него висѣла котомка; въ рукахъ была длинная палка. По всему было видно, что странникъ — „доброхотный сборщикъ на церковное устроеніе". Онъ запоздалъ и поспѣшилъ въ первую же попавшуюся деревню „православныхъ христіанъ". Здѣсь, у бариновцевъ, онъ попросился ночевать. Его приняли и указали на „сборную избу". Къ появленію живой души изъ далекихъ неизвѣстныхъ странъ не могъ остаться равнодушнымъ бариновецъ. Въ сборной избѣ, когда странникъ раздѣвался, мало-по-малу собралась вся деревня. Давно уже она не собиралась сообща въ сборную избу. Въ послѣднее время суровъ сталъ бариновецъ, несообщителенъ, золъ, и, прежде всего, золъ на себя и на своего однодеревенца: какъ будто этотъ однодеревенецъ опостылѣлъ ему, мозолилъ душу и сердце. Вотъ почему давно уже сборная бариновская изба не видала у себя за разъ собравшагося бариновскаго міра.

Молча и шепча молитву раздѣвался странникъ и вынималъ изъ кошеля сухіе куски чернаго хлѣба.

Молча входили бариновцы, садились на лавки какъ-то бокомъ одинъ къ другому и молча смотрѣли на него. Скучавшій и озлобленный бариновецъ ждалъ отъ кого-нибудь „живого" слова, которое хотя бы на минуту отвлекло отъ его „проваленнаго житья", которое повѣдало бы ему про иной міръ, про иную жизнь, про иные интересы. Молча вошли матери съ дѣтьми и размѣстились около мужей.

— Миръ вамъ, православные! — сказалъ странникъ, поклонился и, перекрестясь, принялся жевать беззубымъ ртомъ черствую корку.

— И тебѣ также, — отвѣтили отрывисто бариновцы.

И опять молчали.

— Что вы не веселы?—спросилъ странникъ, отужинавъ и тщетно ожидая вопросовъ,—али молчальники все?

— Молчальники, — отвѣчали съ загадочною улыбкой бариновцы.—Развесели... Скажи живое слово!

Странникъ утеръ бороду, помолился, оглянулъ веселыми, добрыми глазами всѣхъ присутствующихъ и улыбнулся.

Озаряемый этою мирною, добродушною улыбкой, заговорилъ странникъ. Тихо въ сборной бариновской избѣ. Угрюмые бариновцы, откинувшись спинами къ стѣнамъ или уткнувъ въ колѣни широкія бороды, исподлобья взглядываютъ на разсказчика. Сверчокъ надрывается за печкой, пріостановится, какъ будто вслушиваясь въ слова старика, и затѣмъ опять начнетъ свою монотонную пѣсню. Изрѣдка слышится вздохъ, вылетающій изъ бабьихъ грудей; изрѣдка всхлипыванье грудныхъ ребятишекъ. А ребячья стая, чѣмъ дольше длился разсказъ странника, тѣмъ все ближе и ближе обступала пришлаго человѣка. Вотъ уже совсѣмъ окружила она его и, во всѣ глаза смотря въ его беззубый ротъ, вдумчиво внимала его рѣчи. Иногда странникъ, въ серединѣ своего разсказа, озарялъ своею улыбкой всю ребячью стаю, и его сухая старческая рука любовно начинала гладить то ту, то другую бѣлобрысую голову.

Плохо говорилъ старикъ: онъ то забывалъ, о чемъ начиналъ разсказывать, то повторялъ старое, то перемѣшивалъ одно съ другимъ. Но, удивительное дѣло, бариновецъ жадно продолжалъ его слушать... или—нѣтъ, онъ его не слушалъ, а весь какъ-то вдругъ проникся теплотой этой бесѣды: онъ видѣлъ, какъ по лицу странника витала мирная улыбка, и ему почему-то пріятно было наблюдать ее; онъ смотрѣлъ, какъ старческая рука гладила головенки его ребятишекъ, и бариновецъ пріятно ежился отъ внезапно охватывавшихъ его странныхъ, невѣдомыхъ, необъяснимыхъ ощущеній. Но чѣмъ болѣе и болѣе охватывала его душу внутренняя теплота, тѣмъ угрюмѣе смотрѣло его лицо, тѣмъ мрачнѣе бросалъ онъ взгляды, когда глаза его встрѣчались съ кѣмъ-либо изъ своихъ однодеревенцевъ.

И вотъ, среди бесѣды, глаза всѣхъ остановились на старикѣ. Старикъ нѣсколько разъ привсталъ, опять присѣлъ, обшарилъ руками лавку, поблѣднѣлъ, обвелъ всѣхъ блуждающимъ взглядомъ и остановилъ его на ребячьей стаѣ.

— Что вы, малые ребятки, надъ старикомъ шутки шутите?—жалобно проговорилъ онъ.—Зачѣмъ вы мою сумку взяли?.. А хитро вы шутите, искусно... Натка-сь, изъ-подъ глазъ!

Странный, полусумасшедшій, но единодушный взрывъ хохота пронесся по избѣ. То смѣялись отцы.

Задрожалъ старикъ.

— Братцы! — повалился онъ въ ноги среди избы.—Братцы! отдайте!.. Отдайте, православные, и отпустите меня съ

миромъ, какъ съ миромъ пришелъ я къ вамъ!

Молча и мрачно глядѣли бариновцы на ползавшаго предъ ними старика, но никто не выговорилъ слова, никто не шелохнулся. Что-то непобѣдимое приковало ихъ къ мѣсту: невыразимый испугъ предъ чѣмъ-то, предъ какою-то страшною мыслью, оковалъ ихъ всѣхъ: то была мысль, признаться въ которой было выше человѣческихъ силъ.

Отцы опустили глаза и затаили дыханіе. Матери стояли блѣдныя и шептали молитвы. Гнетущая тишина царила въ избѣ. Замеръ, полный недоумѣвающаго вниманія, сверчокъ. Круглый, какъ золотое блюдо, выплылъ изъ-за облаковъ мѣсяцъ, и блѣдными, серебристыми полосами протянулись его лучи по избѣ.

Вдругъ рѣзко, ясно, чисто звякнули гдѣ-то монеты. Дрожащею рукой схватилъ старикъ свѣчу и осторожно пошелъ на звукъ. Все ярче и ярче освѣщалась глубина избы за странникомъ, вотъ упала полоса свѣта въ темный уголъ, и въ немъ мелькнули бѣлыя головки дѣтей: ихъ было пятеро; имъ было по четыре года. Озаренныя свѣтомъ, они вдругъ припали къ разсыпаннымъ на полу монетамъ, охватили ихъ сухими, черными рученками и, дико глядя въ заплаканные, добрые глаза старика, замерли.

— Моладенчики!—вскрикнулъ старикъ, и всѣ видѣли, какъ большая тѣнь отъ его сѣдой головы какъ будто сокрушенно заколыхалась.

— Чьихъ отцовъ, чьихъ матерей будете вы, милые?—спросилъ старикъ.

Но, въ отвѣтъ, молча и стремительно бросились на дѣтей пять матерей и, толкаясь, взволнованныя и объятыя необъяснимымъ чувствомъ страха и злобы одна на другую, схватили ихъ на руки, прижали къ грудямъ и быстро вышли изъ избы.

— Всѣ тутъ!—проговорилъ чей-то голосъ, и вновь странный, единодушный взрывъ какого-то лихорадочнаго смѣха пронесся въ избѣ, и вслѣдъ за нимъ, не глядя другъ на друга, скрылись за дверью всѣ бариновцы.

Изба опустѣла. Только старикъ, кряхтя, подбиралъ съ полу монеты, да сверчокъ, опомнившись понемногу отъ испуга, трещалъ все бойчѣе и веселѣе свою завѣтную пѣсню.

Едва первый лучъ утра блеснулъ на горизонтѣ, странникъ уже спѣшилъ выйти, крестясь, изъ гостепріимной деревни, боязливо озираясь по сторонамъ и шепча молитву. Но боязнь его была напрасна: ни одно живое существо не показалось ему на глаза, только одинъ хромой песъ сипло рявкнулъ два раза и опять забрался въ подворотню.

IV.

Не знаю сколько-то времени спустя послѣ знакомства съ молодымъ приставомъ, мнѣ случилось быть въ губернскомъ городѣ. Какъ-то вечеромъ я зашелъ въ городской садъ. Народу въ немъ было много. Разряженныя группы губернскихъ дамъ и кавалеровъ, постоянно, однѣ за другой, плавно проплывали мимо меня. Среди одной изъ такихъ группъ я замѣтилъ какъ будто знакомое лицо. То былъ молодой человѣкъ, въ новенькомъ щегольскомъ костюмѣ, въ шапоклякъ, съ розовенькою ленточкой вмѣсто галстука; онъ шелъ съ какими-то губернскими барышнями и, помахивая тросточкой, повидимому, разсказывалъ имъ что-то забавное. Замѣтивъ меня, онъ извинился предъ дамами и быстро подошелъ къ скамьѣ, на которой я сидѣлъ.

— Здравствуйте, старый знакомый!—крикнулъ онъ, пожимая мнѣ руку.—Очень радъ васъ видѣть... Къ сожалѣнію, я теперь, какъ, можетъ быть, вы замѣтили, состою въ качествѣ атташе при однѣхъ достойныхъ особахъ... А потому могу подарить вамъ только одну минуту.

— Очень жалѣю.

— Но мы на-дняхъ съ вами увидимся... Послѣзавтра я буду въ вашихъ краяхъ... Я получилъ предписаніе присутствовать при водвореніи на мѣстѣ „жительства“ бѣглыхъ, безпаспортныхъ... Помните деревню Воровку?

— Но развѣ ихъ разыскали?

— Двѣ семьи пойманы и доставлены по этапу... Представьте себѣ: вѣдь, уже теперь тамъ новые владѣльцы, которымъ они передали избы и землю... Такой кавардакъ!

— Но какъ же они будутъ жить?

— А ужъ это ихъ дѣло...

— Ну, а если возымѣетъ дѣйствіе законъ нарастанія преступленій?—спросилъ я, вглядываясь ему въ лицо и беря подъ руку.—Пройдемтесь минуту... Хотите, я разскажу вамъ легенду?

— Если не длинна, къ вашимъ услугамъ.

Я вкратцѣ передалъ ему исторію бариновцевъ.

— Вотъ какой вздоръ! — воскликнулъ онъ, выслушавъ меня.—Все бабьи бредни...

— Конечно, легенда... Ну, а если... помните грозу?

— Все это пустяки!.. Ха-ха-ха!.. Неужели вы все еще помните это?—сказалъ онъ, хохоча отъ души и наскоро пожимая мнѣ руку.—До свиданія. Дамы меня заждались!.. Я всегда былъ исправнымъ кавалеромъ.

Мы разстались, но свидѣться намъ уже не удалось.

По какимъ-то причинамъ, въ назначенный срокъ онъ въ наши края не попалъ. А мѣсяца три спустя, пробѣгая газеты, я неожиданно наткнулся на такое сообщеніе:

„Г. N. (корреспонденція). Съ 23-го на 24-е настоящаго мѣсяца надъ нашимъ городомъ разразилась страшная буря, сопровождавшаяся такою сильною грозой, какой не запомнятъ старожилы. Бѣды натворила она много. Съ деревянныхъ старыхъ домовъ посрывало крыши. Въ садахъ вырваны деревья съ корнями. Отъ удара молніи разрушилась глава на церкви и пострадало губернаторское крыльцо. Убитъ часовой у пороховыхъ складовъ. Въ эту же ночь найденъ въ своей квартирѣ повѣсившимся приставъ Б—скій. Это былъ еще очень молодой чиновникъ, подававшій большія надежды. Всѣ, знавшіе его, въ недоумѣніи, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ за человѣка веселаго, общительнаго характера и, притомъ, слылъ за лучшаго въ городѣ танцора. Пока остановились на болѣе вѣроятномъ предположеніи, что онъ такъ печально покончилъ свою житейскую карьеру отъ обманутой любви“.

Мои предположенія были иныя...

1880 г.

ПРОРОЧИЦА.

РАЗСКАЗЪ.

Иль думалъ ты,
Что я возненавижу жизнь,
Уйду въ пустыню?..

Прометей.

Жилъ я въ деревнѣ, когда однажды прислуга подала мнѣ письмо. Прочитавъ его, я велѣлъ пригласить подателя. Черезъ нѣсколько минутъ робко, на цыпочкахъ, въ дверь моей комнаты вошелъ одинъ изъ тѣхъ странниковъ, которые составляютъ у насъ такой огромный контингентъ подвижного люда, оживляющаго наши шоссейные тракты, несмотря на бѣгущія почти о-бокъ желѣзныя дороги. Это былъ уже пожилой человѣкъ, бѣлокурый, съ побурѣвшимъ лицомъ, носившимъ на себѣ ясные слѣды стихійныхъ дорожныхъ непогодъ и неудобствъ: свалявшаяся борода, облупившіеся отъ загара носъ и щеки, шрамъ на лбу, волосы на головѣ, похожіе на сѣно, длинные, давно неподстригаемые. На немъ была старая солдатская шинель,—вѣчная, казенная, въ огнѣ не горящая и въ водѣ не тонущая, спутница и единственная защита бреннаго тѣла такихъ странниковъ; штаны тоже изъ солдатскаго сукна; на ногахъ кожаныя калоши, надѣтыя прямо на шерстяные носки; въ рукахъ старый картузъ, на спинѣ мѣшокъ на ремнѣ, перетянутомъ черезъ плечи. Какъ быть—самый обыкновенный странній человѣкъ, который, навѣрное, ничѣмъ особеннымъ не обратилъ бы вниманія, если бы встрѣтился на шоссейномъ трактѣ, какъ тысячи ему подобныхъ.

— Вы уже изволили, конечно, узнать, въ какихъ видахъ я осмѣлился?—сказалъ онъ, низко раскланиваясь.

— Да, да. Садитесь, — поспѣшилъ отвѣтить я.

Въ письмѣ, принесенномъ имъ отъ одного моего знакомаго учителя, лаконично значилось: „Рекомендую—писатель изъ народа. Встрѣтилъ случайно. Можетъ быть, вы найдете въ немъ что-либо интересное“.

— Съ вами ваши произведенія?—спросилъ я.

— Со мной-съ,—отвѣчалъ онъ.

И затѣмъ, неторопливо и основательно снявъ со спины сумку и опустивъ ее на полъ, онъ вынулъ изъ нея двѣ большихъ пачки сѣрой исписанной бумаги и положилъ предо мной на столъ.

— Мы это пока оставимъ,—сказалъ я.— Позвольте мнѣ съ вами покороче познакомиться.

— Извольте-съ.

Онъ выпрямился, опустилъ руки, запустивъ пальцы въ пальцы, низко наклонилъ голову, и вздохнулъ. Мнѣ какъ-то сдѣлалось даже нѣсколько неловко отъ такого „смиренія“.

— Кто вы будете и откуда?

— Я—человѣкъ судьбы. Былъ прежде купеческій сынъ, а теперь х—скій мѣщанинъ.

— Откуда же вы идете?

— Съ Кавказа.

— И все пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— Сколько же времени вы шли?

— Три года-съ... Туда я шелъ пять лѣтъ.

— Что же васъ влекло туда?

— Пристрастіе къ перемѣнѣ мѣста.

— Чѣмъ же вы существовали во время своихъ странствованій?

— Служилъ бурлакомъ, кочегаромъ, рабочимъ, сторожемъ, иногда возвышался до десятника, но скоро все сіе бросалъ и уходилъ дальше.

— Вы гдѣ же получили образованіе?

— Сначала домашнее, а потомъ самоличное-съ.

— И давно вы получили пристрастіе къ поэзіи?

— Никакъ нѣтъ-съ. Всего два года. По дорогѣ съ Кавказа.

— Вамъ сколько же лѣтъ?

— Сорокъ пять.

— И прежде никогда не имѣли къ этому занятію охоты?

— Нѣтъ-съ.

— Вы много читали?

— Нѣтъ-съ, только въ юности прочелъ г-на Поль де-Кока, Загоскина, да „Вѣчнаго Жида“. Изъ г-на Державина знаю только оду „Богъ“, да изъ Пушкина одно...

— Что же побудило васъ именно теперь заняться поэзіей?

— А вотъ-съ, я вамъ это сейчасъ...

Онъ нагнулся къ сумкѣ, лежавшей на полу, и вытащилъ отуда выдолбленный, въ видѣ ящичка, березовый брусокъ, въ которомъ лежали большія мѣдныя очки. Надѣвъ ихъ, онъ внимательно пересмотрѣлъ одну изъ лежавшихъ на столѣ пачекъ стиховъ и, отыскавъ что нужно, сказалъ:

— Не поскучаете прослушать?

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ внятно и неторопливо прочелъ слѣдующее:

„Шелъ нѣкоторый человѣкъ большою дорогой, предаваясь размышленію о жизни своей. Шелъ онъ долго, и когда усталъ, завернулъ на отдыхъ въ сельскую постоялую избу. Здѣсь встрѣтилъ онъ другого человѣка—странника, суроваго образа и преклонныхъ лѣтъ. Сей, расположивъ къ себѣ нѣкотораго человѣка, сталъ бесѣдовать съ нимъ о жизни, и когда нѣкоторый человѣкъ разсказалъ ему событія жизни своей, то странникъ вынулъ изъ дорожной своей сумки листъ и сказалъ нѣкоторому человѣку, чтобы онъ прочиталъ написанное. Тогда нѣкоторый человѣкъ прочиталъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

— Это г-на Пушкина. Изволите знать? Такъ я вамъ всего читать не стану, — прервалъ онъ себя,—а буду продолжать.

„И, прочтя стихъ сей, нѣкоторый человѣкъ впалъ въ тихое размышленіе; послѣ чего, прочтя вновь стихъ:

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?

„твердою рукой замаралъ онъ слово: *враждебной*, и возвратилъ листъ страннику.

„Тогда странникъ, замѣтивъ сіе, сказалъ нѣкоторому человѣку: „Видно, путникъ добрый, ты не лишенъ разумѣнія вещей!“—и, сказавъ это, подалъ онъ нѣкоторому человѣку новый листъ, приказавъ прочитать оный.

„Нѣкоторый человѣкъ прочелъ:

Даръ небесный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, но сердцу ясно—
Жизнь для жизни мнѣ дана“.

— А это митрополита Филарета. И его читать вамъ не стану.

„Когда же нѣкоторый человѣкъ,—продолжалъ онъ, — прочелъ и оный стихъ, тогда странникъ сказалъ: „Спиши себѣ, путникъ, оба сіи стиха и размышляй о нихъ въ часъ досуга“. Нѣкоторый человѣкъ поступилъ такъ и сталъ носить эти листы при себѣ и размышлять о написанномъ. И тогда многое въ жизни ему уяснилось и во многое, чего прежде не замѣчалъ, сталъ вникать сердцемъ и умомъ. Тогда восхотѣлъ нѣкоторый человѣкъ, подобно стихамъ симъ, излагать и свои размышленія о жизни. Такъ, странствуя, писалъ онъ и по дорогамъ, присѣвъ подъ деревомъ на отдыхъ, и на ночлегахъ, и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему прилучилось быть“.

Прочитавъ это, странникъ, не снимая очковъ, снова принялъ позу исповѣдывающагося человѣка и замолчалъ. Мнѣ становилось очень неловко, такъ какъ наша бесѣда начинала походить на „дознаніе“. Но дѣлать нечего: я продолжалъ задавать вопросы, надѣясь вызвать его на разговорчивость.

— Это вы сами и будете „нѣкоторый человѣкъ“?—спросилъ я.

— Онъ самый-съ.

— Скажите, которому же изъ двухъ данныхъ вамъ старцемъ произведеній вы больше сочувствуете?

— Совокупно... Только въ совокупности,—говорилъ онъ, каждый разъ слегка кивая головой.

— Можетъ быть, поэтому вы и зачеркнули у Пушкина слово „враждебной“?

— Точно такъ-съ.

— Не понравилось оно вамъ?

— Да... жесткое слово. Тяжелое слово,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Къ чему же привели васъ размышленія по поводу этихъ двухъ стихотвореній?

— Шелъ я, раздумывая, въ теченіе года, и вдругъ мнѣ открылось, что жизнь — двойственна... Да-съ, жизнь человѣческая двойственна! — повторилъ онъ съ твердымъ убѣжденіемъ человѣка, нашедшаго истину. — Этого люди не знаютъ... Нѣтъ... И въ томъ я большую ошибку ихъ вижу...

— Почему же вы думаете, что они не знаютъ?

— Почему-съ? — спросилъ онъ. — Да, вѣдь, вотъ я до пятидесяти лѣтъ прожилъ и онаго не зналъ, и отъ сего впадалъ непрестанно въ опрометчивость, — прибавилъ онъ и наивно при этомъ улыбнулся. — Положимъ, мы простые люди... Но вотъ — люди, опытомъ и наукой искушенные, этого не знаютъ. Если бы они это знали, то не писали бы двухъ стиховъ, а изобразили бы одинъ, по совокупности.

И онъ опятъ смиренно склонилъ голову на бокъ.

Замѣтивъ, что не только нельзя было вызвать его на разговорчивость, но что и на вопросы онъ начиналъ отвѣчать неохотно, я перешелъ къ его произведеніямъ. Онъ нѣсколько оживился и, перелистывая пачки сѣрой, исписанной то чернилами, то карандашомъ бумаги, говорилъ мнѣ:

— Разныя у меня есть стихотворенія: о Богѣ, напримѣръ; о видимомъ мірѣ размышленія; на разные случаи жизни; на праздники и великіе дни... Есть изобразительныя: напримѣръ, гроза, вечеръ странника.

— Вы мнѣ укажите или прочтите тѣ, которыя сами вы считаете наиболѣе удачными, — сказалъ я.

— Да вотъ это хорошій стихъ будетъ. Или вотъ „Великая пятница". Это весьма хорошій стихъ.

— Почитайте.

— Извольте-съ.

И онъ сталъ внятно читать на церковный, пѣвучій манеръ. Стихотвореніе было написано въ обыкновенномъ родѣ, какъ вообще пишутъ малограмотные самоучки, безъ всякихъ требованій просодіи, просто „по уху", безъ орѳографіи, языкомъ смѣшаннымъ — церковно-славянскимъ съ литературнымъ. Стихотвореніе было такого содержанія: „Шелъ нѣкоторый человѣкъ (такъ начиналась большая часть его произведеній) по большой дорогѣ раннею весной, и радовался и ликовалъ, ибо и природа вся вокругъ него радовалась и ликовала: солнышко ярко играло, всюду выступала молодая зелень, показывались ранніе цвѣты, лѣсъ одѣвался молодыми почками, свѣжими и душистыми, и тоже радостно шумѣлъ и гудѣлъ; ласточки рѣяли высоко въ небѣ; жаворонокъ звенѣлъ. И странникъ радовался и ликовалъ, благословляя Господа. Но вдругъ онъ вспоминаетъ, что въ этотъ день страдалъ распятый на крестѣ Христосъ". На этомъ стихотвореніе оканчивалось.

— Вотъ еще стихъ, — говорилъ мнѣ странникъ-поэтъ, и читалъ другое стихотвореніе, третье, четвертое, однообразно-пѣвучимъ тономъ.

Всѣ они были, дѣйствительно, слабѣе предыдущаго; ни мысль, ни образы не были выдержаны. Но черезъ всѣхъ нихъ проходила замѣчательно-настойчиво характерная идея, что все въ жизни, какъ онъ выразился, двойственно.

— Есть у меня изъ прозы также, — сказалъ онъ, взявъ другую пачку, — разные случаи записаны. Вотъ, если хотите полюбопытствовать, напримѣръ: „Правдивое сказаніе о нѣкоей дѣвицѣ". Есть другія... Я вотъ вамъ оставлю, а вы просмотрите, если вамъ будетъ не въ утѣсненіе.

— Что же вы желали бы сдѣлать съ вашими произведеніями?

— Да чего желать? — задумчиво развелъ онъ руками. — Развѣ вотъ одно: освободите меня отъ нихъ. Я бы вамъ, вотъ, всѣ ихъ отдалъ. Зачѣмъ они мнѣ? Я изъ нихъ ничего не могу сдѣлать. Да они мнѣ и не нужны теперь. Писать я ужъ теперь больше не стану, такъ думать надо. Потому писалъ я, когда нужно было. Вотъ и возьмите, освободите меня; они мнѣ только мѣшаютъ. Таскаешь мѣшокъ цѣлый. Бросить ежели, рука не подымается, все же, думалъ, чувства разныя... Я въ нихъ, можно сказать, исцѣленіе находилъ. Какъ будто эдакъ облегченіе получалъ и вдругъ — бросить!... Жалко... А, можетъ быть, образованный человѣкъ на что-нибудь обратитъ вниманіе. Потому все же чувства разныя, мысли, живой человѣкъ...

Потомъ, помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Если бы мнѣ что-нибудь хоть пожаловали за нихъ, такъ, на пропитаніе страннику...

— Но вы, можетъ быть, еще зайдете ко мнѣ? Вы долго еще пробудете въ этой мѣстности?

— Не знаю-съ, — протянулъ онъ.

— По крайней мѣрѣ, вы сообщите мнѣ,

куда бы я могъ вамъ адресовать, въ случаѣ, если бы что-нибудь нашлось въ вашихъ произведеніяхъ такого, что годилось для печати?

Онъ какъ-то заволновался, какъ будто удивленный.

— Какой же адресъ?!.. Нѣтъ ужъ зачѣмъ же... Мнѣ теперь все равно... Вѣдь, это я для себя писалъ, не для кого... Идешь дорогой, сядешь гдѣ-нибудь подъ мостикъ или въ лѣсу, у кусточковъ, и пишешь... Все я это передумалъ... Притомъ, я знаю, что все это не по-книжному... Образованіе мое маленькое. Я себя ничѣмъ этимъ не льщу...

— Какъ вы хотите. Но если будетъ къ случаю, заходите, когда пожелаете узнать мое мнѣніе.

Я далъ ему нѣсколько денегъ. Онъ много разъ благодарилъ меня и затѣмъ, уложивъ очки опять въ березовый брусокъ и засунувъ его въ мѣшокъ, вышелъ, оставивъ у меня на столѣ странные манускрипты шоссейной поэзіи.

На другой же день я принялся за разборку этихъ мунускриптовъ. О стихахъ нечего больше прибавить, кромѣ того, что сказано выше. Разсказы были писаны проще, непосредственнѣе и болѣе мнѣ понравились. Всѣ они носили анекдотическій характеръ. Впрочемъ, и черезъ нихъ проходила одна общая мысль, характеризующая большинство подобныхъ разсказовъ, ходящихъ въ народѣ, это именно—мысль, что нашъ простой человѣкъ вовсе не такъ глупъ, какъ думаютъ о немъ господа, что онъ давно уже придумалъ и изобрѣлъ разныя хитрыя вещи и механики и что, главное, значительно все это дешевле и проще у него, да только ему ходу никогда не давали: пока онъ хлопочетъ, а глядишь ужъ или англичанинъ, или инженеры подхватятъ и пустятъ въ оборотъ, да и дерутъ за это съ нашего царя вдесятеро. А простой человѣкъ такъ не при чемъ и останется: и государству ущербъ, и простому человѣку ничего.

Какъ ни однообразны и ни ординарны всѣ эти разсказы, но нигдѣ еще не приходилось мнѣ встрѣтить такъ рѣзко сконцентрированной скорби простого человѣка о томъ, что ему „не даютъ ходу“, что уму его „всѣ пути заказаны“, какъ въ этихъ шоссейныхъ разсказахъ. Но изъ всѣхъ разсказовъ меня особенно поразилъ одинъ, тѣмъ болѣе, что онъ стоялъ совсѣмъ особнякомъ и рѣзко выдавался изъ массы другихъ своимъ совершенно особымъ содержаніемъ, складомъ и характеромъ. По искренности, по пробивавшемуся въ немъ иногда непосредственному чувству, онъ, видимо, имѣлъ автобіографическій характеръ. Вотъ почему, въ связи съ загадочною личностью разсказчика, онъ возбудилъ во мнѣ особый интересъ. Я передамъ вамъ его въ подлинномъ почти видѣ, сгладивъ только мѣстами слогъ. Вотъ онъ:

Правдивое сказаніе о нѣкоторой дѣвицѣ Анастасіи.

Въ нѣкоторомъ округѣ жилъ дровосѣкъ, по имени Павелъ, съ женою своею Марѳой и малолѣтнею дочерью Анастасіей; жили они въ небольшой хижинѣ, вдали отъ селенія, на краю лѣса, неустаннымъ трудомъ снискивая себѣ пропитаніе. Павелъ и жена его были мягкосерды, робки предъ людьми, благочестны и любили единственную дочь свою Анастасію, которая съ каждымъ годомъ расцвѣтала, какъ цвѣтокъ лѣсной, здоровѣла и давно уже помогала родителямъ, собирая въ лѣсу хворостъ и всякій плодъ. А наиболѣе любилъ ее Павелъ, часто бралъ съ собою въ лѣсъ, и, когда сидѣла при немъ любимая дочь, легко спорилась работа его. Такъ жили они, питая надежду, что дочь ихъ будетъ имъ въ старости кормилицей и защитой. Но Господь, въ неисповѣдимыхъ путяхъ промысла Своего, предначерталъ иное. Когда минулъ Анастасіи четырнадцатый годъ, была она поражена тяжкою и неизвѣстною никому дотолѣ болѣзнью. Медленно захватывала она въ свою власть больную; сначала поразила она дѣвушку разслабленіемъ членовъ, потомъ отняла руки и ноги, такъ что больная не могла уже подниматься сама съ одра своего; потомъ охватила она всю ее, и больная, день за днемъ, начала чахнуть и сохнуть, и вянуть, какъ морозомъ убитая травка; цѣлыми днями и ночами лежала она недвижимо на одрѣ, бѣлая, какъ воскъ, и сухая, какъ мощи; черные глаза ея, которые свѣтились изъ-подъ бѣлаго лба, какъ крупныя вишни, не закрываясь, обращены были вверхъ, какъ бы къ небу. Сильно затосковалъ Павелъ по своей любимой дочери; каждый разъ, обливаясь слезами, приносилъ онъ ей изъ лѣсу, когда возвращался съ работы, или пучокъ свѣжихъ

цвѣтовъ, или ягодъ, или рѣзвую бѣлку, или сѣраго кролика. Но Анастасія съ каждымъ днемъ все больше впадала въ забытье, стала бредить и сдѣлалась равнодушною къ ласкамъ и горю родителя своего, часто не узнавая его. Еще горше затосковалъ Павелъ, и самъ сталъ равнодушенъ къ себѣ. Однажды рубилъ онъ дерево и, поглощенный весь горемъ своимъ, не замѣтилъ, какъ подрубилъ стволъ его больше, чѣмъ слѣдовало, и дерево, разомъ сломившись, придавило его. Не вынесъ старый Павелъ и, мало проболѣвъ, умеръ, оставивъ одинокую вдовицу съ больною дочерью. Долго не знала беззащитная вдова Марѳа, что ей дѣлать, долго молилась она, чтобы вразумилъ ее Господь и смиловался надъ нею. И Господь открылъ ей: „Иди,—сказалъ Онъ ей во снѣ,—и именемъ Моимъ соберешь хлѣбъ“. И, заперевъ дочь свою одну въ хижинѣ, стала ходить Марѳа по окрестнымъ селеніямъ, собирая пропитаніе Христа ради. Такъ ходила она изъ села въ село, всюду останавливаясь въ избахъ сердобольныхъ женъ, разсказывая про горе свое и про болѣзнь дочери Анастасіи. И слушали любопытныя жены, и подавали ей милостыню, а она говорила вездѣ:

— Горе мнѣ, женщинѣ! Мужъ мой умеръ, а дочь лежитъ на одрѣ, сухая, какъ мощи; вотъ уже полгода ни на одинъ часъ не смыкаетъ глазъ и бредитъ о небѣ и ангелахъ Божіихъ. Но Господь не посылаетъ по душу ея! Что мнѣ дѣлать съ нею, если ни на землѣ, ни на небѣ не далъ ей Господь мѣста? Если бы Онъ прибралъ ее къ Себѣ, я была бы свободна и прокормила бы себя.

Тогда любопытныя жены стали приходить въ хижину Марѳы, утѣшая ее, и долгіе вечера просиживали здѣсь, слушая невразумительный бредъ Анастасіи, и, качая головами, вели тихую бесѣду. Такъ съ каждымъ днемъ все больше и больше деревенскихъ женъ стало ходить къ Марѳѣ: иныя изъ состраданія, иныя изъ праздности, иныя же приносили съ собою рукодѣлье и сидѣли тутъ цѣлыми часами, или шепча молитвы, вздыхая, или же передавая другъ другу о нуждахъ и заботахъ своихъ, или же всяко толкуя и находя тайный смыслъ въ бреду Анастасіи.

Однажды, въ праздничный день, когда много собралось женъ у хижины Марѳы, изъ коихъ многія, дабы прикрыть и оправдать свое любопытство, принесли богатую милостыню и ожидали услышать, о чемъ будетъ бредить больная, какъ внезапно бѣлый голубь, кружась, спустился на хижину Марѳы и, трепеща крыльями, бился объ оконную раму, какъ бы стремясь проникнуть къ больной.

— Милость Божія!—воскликнула Марѳа.—Это Господь прислалъ по душеньку Анастасіи.

Сказавъ это, она стала креститься, какъ вдругъ больная Анастасія повернула голову къ присутствовавшимъ и, устремивъ на нихъ воспаленные глаза свои, впала въ продолжительный бредъ. Въ глубокомъ молчаніи и трепетѣ внимали женщины словамъ ея. И когда она кончила, женщины сказали Марѳѣ:

— Видимо, Господь ниспосылаетъ тебѣ, Марѳа, благодать! Не хощетъ Онъ призывать къ себѣ Анастасію, а хощетъ, чтобы она осталась при насъ, бѣдныхъ, и пророчествовала намъ о судьбѣ нашей и подавала намъ радость и утѣшеніе... Таковы были рѣчи ея!

Тутъ стали обращаться женщины къ Анастасіи, испытуя ее о нуждахъ своихъ. И по временамъ отвѣчала имъ Анастасія темными и иносказательными словами, какъ бы вразумляемая свыше. Съ того дня по всѣмъ окрестнымъ селамъ и весямъ прошла про бѣдную вдову Марѳу и дочь ея Анастасію большая молва. Много бѣдныхъ и несчастныхъ, обремененныхъ нуждою и горемъ, стекалось къ одинокой вдовѣ Марѳѣ, такъ что хижина ея уже не вмѣщала въ себя всѣхъ приходившихъ. Тогда пришедшіе, иногда изъ далекихъ мѣстъ, располагались вокругъ хижины, отдыхая на мѣшкахъ, подъ лѣсною тѣнью. Тутъ Марѳа и сосѣдки ея разсказывали имъ все, что знали объ Анастасіи, и принимали подаянія, которыя приносили съ собою приходившіе отъ скудныхъ достатковъ своихъ. Были тутъ многіе нуждающіеся и обремененные, жаждавшіе утѣшенія,—и здѣсь, въ переходившей изъ устъ въ уста молвѣ, всякъ находилъ то, къ чему склонялась душа его. Говорила молва и о томъ, какъ Анастасія въ сновидѣніи видѣла Божіи престолы, вокругъ которыхъ висѣли кадильницы и паникадилы съ золотыми свѣчами, ангелы Божіи, въ чиноначаліи, по девяти чиновъ ангельскихъ, обрѣтались вблизи Господа, восхваляя Его сладкоголоснымъ пѣніемъ, готовые, по первому слову Его, летѣть на грѣшную землю, провозглашая людямъ справедливый гнѣвъ Его или великое ми-

лосердіе. Тутъ же чередою стояли апостолы и мученики, пророки и святые, предстательствуя за міръ человѣческій. И, выслушавъ велѣнія Господа, они также невидимо сходили на землю, въ нощи и во снѣ являясь людямъ и давая имъ разныя знаменія воли Божіей. Говорила молва и о томъ, какъ являлся къ Анастасіи старецъ и возвѣщалъ ей, что не пройдетъ трехъ семилѣтій, когда самъ Господь снизойдетъ на землю и ни для кого невидимо воплотится въ образъ неимущаго странника и обойдетъ весь міръ, принявъ на себя крестъ, который несетъ простой человѣкъ въ жизни; будутъ гнать и заушать его сильные и богатые, ввергать въ темницы и предавать истязаніямъ, будетъ терпѣть Онъ и голодъ, и жажду, и холодъ, будетъ снискивать пропитаніе себѣ тяжкимъ трудомъ, и когда попроситъ у богатыхъ и сильныхъ даянія, они подадутъ Ему камень, вмѣсто хлѣба. Тогда преисполнится чаша гнѣва Божія, и велитъ онъ вострубить ангеламъ, дабы собрались къ Нему всѣ труждающіеся и обремененные, и когда соберутся они вкругъ Него полчищами несмѣтными, тогда внезапно преобразится Онъ, и возсіяетъ великъ и гнѣвенъ, и возгласитъ: „Отъ сего часа да будутъ послѣдніе первыми, а первые послѣдними!“ И повелитъ Онъ людямъ раздѣлить поровну и земли, и воды, и плоды всякіе, и все достояніе земное...

И многое подобное разносилось молвой среди собравшихся у хижины, пока ожидали очереди услыхать изъ устъ Анастасіи отвѣтъ на запросъ каждаго о нуждахъ своихъ: матери пытали о дѣтяхъ своихъ, жены о мужьяхъ, которые или болѣли, или взяты были на войну, или странствовали въ трудѣ и заботахъ, на сушѣ и на водѣ. И, получивъ въ отвѣтъ хотя звукъ одинъ отъ Анастасіи, уходили, всякъ толкуя по сердцу своему и неся въ душѣ своей утѣшеніе и упованіе. Съ того времени великимъ уваженіемъ стали пользоваться отъ народа благочестивая вдова Мароа и дочь ея Анастасія. Нерѣдко приходившіе говорили Мароѣ:

— Несказанное счастіе тебѣ, честная Мароа! Взыскалъ Господь тебя, за твою нужду, великою благодатью! А зато это, что не роптала ты на Бога и въ смиреніи несла крестъ свой.

Такъ прошло цѣлыхъ четыре года, а Анастасія все лежала на одрѣ своемъ, безъ перемѣны, — и не убывали приходящіе къ ней за утѣшеніемъ. Вдова же Мароа давно уже не знала нужды у себя въ домѣ: несъ ей бѣдный народъ все, что могъ, отъ трудовъ своихъ: и хлѣбъ, и плоды всякіе, и холстину, и медъ.

По прошествіи четырехъ лѣтъ, въ тотъ день, когда минулъ Анастасіи восемнадцатый годъ, впервые ощутила больная, какъ легкая краска проступила у нея на щекахъ, какъ теплота помалу начала расходиться по членамъ и, какъ бы пробужденная отъ сна, вздохнула она и въ первый разъ со дня болѣзни признала мать свою. Тогда она спросила ее слабымъ голосомъ:

— Матушка, зачѣмъ у насъ такъ много народу собралось?

Мать отвѣчала ей, крестясь, въ невольномъ смущеніи:

— Взыскалъ насъ, бѣдныхъ, Господь своею великою милостью: ты, Анастасьюшка, блаженная; избралъ тебя Господь повѣдать бѣднымъ людямъ волю Свою. Бойся прогнѣвить Его и Его святой воли ослушаться. Во снѣ Онъ открываетъ тебѣ всю судьбу людскую, и ты должна повѣдать ее тѣмъ, кто собрался здѣсь. Чрезъ тебя всѣ они чаютъ утѣшенія въ скорбяхъ своихъ и нуждахъ.

И приняла слова тѣ Анастасія къ сердцу, боясь ослушаться воли Божіей, и продолжала передавать приходящимъ безгрѣшные сны свои и утѣшать ихъ надеждами, ибо и сама вѣрила въ то, что говорила. Но не долго боролась въ ней теперь упорная болѣзнь съ ожившею внезапно молодою кровью. Горячимъ ключомъ забила она скоро въ сердцѣ и жилахъ Анастасіи. Тогда она почувствовала жажду и голодъ, и захотѣлось ей встать и выбѣжать на волю; она сказала матери:

— Матушка, я не могу больше лежать!

И, услыхавъ это, взволновалась мать и закричала на нее, сказавъ:

— Лежи, Анастасьюшка! Это врагъ смущаетъ тебя, чтобы ты ослушалась воли Божіей... А когда ты отступишься отъ Его воли, всѣ покинутъ насъ, и будутъ гнать, и не будетъ у насъ хлѣба, и опять будемъ мы пропадать въ нуждѣ и горѣ.

Страшно стало Анастасіи отъ этихъ словъ, и стала она молиться, чтобы спасъ ее Богъ отъ прельщеній врага.

Однажды, когда уже наступила весна и лѣсъ одѣлся въ зелень и наполнился благоуханіемъ, и зазвенѣли въ немъ птицы, и назрѣвали цвѣточныя почки, Анастасія видѣла сонъ. И когда собрались

вкругъ нея нуждающіеся и обремененные, чающіе утѣшенія, она впервые смутилась и утаила сонъ свой, ибо поняла, что не за этими снами приходили къ ней люди и не этими снами открываетъ Господь волю. Когда же народъ просилъ мать, чтобы она умолила ее открыть уста, тогда Анастасія стала произносить притворныя рѣчи, закрывъ очи, дабы не выдать странный блескъ ихъ людямъ. Когда же наступала ночь и расходился народъ, тихо вставала она съ постели, выходила изъ хижины, ложилась на свѣжую мураву и, заломивъ бѣлыя руки за голову, алчно, подобно истерзавшемуся въ неволѣ узнику, вдыхала въ себя душистый лѣсной воздухъ.

На утро же, когда приходили опять къ хижинѣ нуждающіеся и обремененные, она опять ложилась въ страхѣ на одръ свой и прятала отъ стороннихъ взглядовъ и лицо свое, и руки, и плечи... Часто приходило ей желаніе сбросить покровъ свой и встать предъ нищими во всей юной красѣ своей, и крикнуть имъ: „Уйдите отъ меня, уйдите! Освободите меня! Чтò я вамъ и чтò вы мнѣ?!..“ Такъ подымался въ душѣ ея буйный ропотъ и противъ людей, и противъ Бога. А бѣдная вдова Маѳа въ то время усердно молилась Господу, дабы Онъ не лишилъ Анастасію благодати своей.

Народъ же, примѣтивъ, что Анастасія здоровѣетъ, унылъ и часто громко выражалъ тоску свою.

Въ тѣ дни, въ отдаленномъ городѣ X., жилъ нѣкоторый человѣкъ, купеческаго званія, въ домѣ отца своего. Былъ онъ въ молодости своей нрава свободолюбиваго и часто огорчалъ благочестивыхъ родителей своихъ, предаваясь неоднократно бѣгству изъ дома родительскаго. Когда же вошелъ онъ въ возрастъ возмужалости, тогда отецъ сказалъ ему: „Пора тебѣ подумать о жизни. Я выбралъ тебѣ невѣсту, женись на ней и прилѣпись къ семьѣ своей, и продолжай мирно дѣло отца своего“. Нѣкоторый человѣкъ покаялся въ грѣхахъ своихъ, смирился и поступилъ такъ, какъ говорилъ ему отецъ. И потекла жизнь его мирно и благочестиво, въ изобиліи и всякомъ достаткѣ, такъ какъ за смиреніе полюбили его всѣ—и молодая жена, и отецъ, и тесть. Но послѣ брака, по маломъ времени, заболѣла жена его тяжелою и продолжительною болѣзнью; ни искусные врачи, ни знахари, ни бабки не знали что дѣлать, и хотя большіе были капиталы затрачены, однако пользы ни отъ кого не было. Тогда всѣ въ домѣ впали въ уныніе, такъ какъ молодая была единственная дочь своего отца; онъ же значился въ капиталахъ весьма обширныхъ. Полгода уже страдала больная, когда дошла до X. молва о нѣкоей дѣвицѣ Анастасіи, предсказывающей людямъ судьбу. Тогда всѣ семейные сказали нѣкоторому человѣку, чтобы ѣхалъ онъ къ указанной дѣвицѣ и испыталъ ее о судьбѣ жены своей. Нѣкоторый человѣкъ такъ и сдѣлалъ; взявъ съ конюшни отца лучшую лошадь, и харчей, и денегъ, поѣхалъ онъ въ указанное мѣсто. Но ни въ первый день, ни въ слѣдующій не могъ онъ дождаться никакого себѣ указанія отъ Анастасіи. Тогда сказали ему люди: „Повремени. Дастъ Господь, и ты получишь черезъ нее указаніе судьбы своей“. Тогда нѣкоторый человѣкъ поселился въ селеніи, вблизи котораго стояла хижина Анастасіи, и ежедневно, съ утра до вечера, сидя вмѣстѣ съ народомъ, въ смиреніи ожидалъ, когда Анастасія скажетъ ему слово. Такъ было: прошла недѣля, когда случилось, что мало было народа у хижины. Нѣкоторый человѣкъ, по обыкновенію, вошелъ и сталъ испытывать пророчицу. Тогда Анастасія взяла его руку и обратила на него взоръ свой, и смутился тогда нѣкоторый человѣкъ, ибо почувствовалъ онъ, что рука Анастасіи была нѣжна и горяча, а глаза ея были черны и блестѣли. И тихо сказала пророчица нѣкоторому человѣку, что она дастъ ему указаніе по затменіи вечерней зари... Такъ онъ и поступилъ: когда затмилась заря, онъ пошелъ къ хижинѣ Анастасіи и увидѣлъ здѣсь сидящую на ступеняхъ дѣвицу, обильную здоровьемъ и прельщавшую красотой. Когда же посмотрѣла она на него своими большими черными глазами, нѣкоторый человѣкъ, въ смущеніи, призналъ въ ней Анастасію. И едва подошелъ онъ къ ней, какъ Анастасія взяла его за руку и, въ трепетѣ и волненіи, повела его стремительно въ лѣсную глушь.

— Куда ты ведешь меня? — спросилъ нѣкоторый человѣкъ въ страхѣ и невольномъ волненіи.

Тогда Анастасія обвила шею его голыми и мягкими руками и стала говорить ему:

— Купецъ! я не могу дать тебѣ никакихъ указаній, потому что не хочу обманывать тебя... Какая я пророчица? Это выдумали глупые нищіе, что собираются здѣсь, и хотятъ заставить меня хворать

и быть несчастной, чтобы я разсказывала имъ сны и бредила... Противно мнѣ!... Не хочу я быть несчастной... Видишь ты—я стала и молода, и красива... Что мнѣ въ сказкахъ!...

(На этомъ мѣстѣ рукопись прерывалась; очевидно, недоставало цѣлаго листика; но былъ ли онъ затерянъ случайно, или же вырванъ авторомъ преднамѣренно, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Дальше разсказъ круто измѣняетъ характеръ и продолжается въ слѣдующемъ видѣ):

Нѣкоторый человѣкъ пріѣзжалъ къ ней съ друзьями своими, на многихъ лихихъ тройкахъ, оглашая путь звономъ колоколовъ и бубновъ. И всѣ тогда дни и ночи веселились здѣсь, и пили, и пѣли, и плясали, опутанные какъ бы чарами, ибо была Анастасія прекрасна, какъ созрѣвшій плодъ, а кровь ея горяча, какъ огонь. Была же она весела и счастлива и, какъ голодная, спѣшила упиться всѣми прелестями жизни. Много путниковъ стало тогда останавливаться въ той постоялой избѣ, чтобы только взглянуть на молодую дворничиху. Много народу, богатаго и бѣднаго, молодаго и разгульнаго, который искалъ забыться въ весельи и винѣ, толпилось здѣсь цѣлыя ночи, предаваясь гульбищу, слушая буйныя и веселыя рѣчи Анастасіи, наслаждаясь ея звонкимъ голосомъ, пѣснями, красотой и бунтовавшею въ ней страстью. И прошла про Анастасію по всѣмъ окрестнымъ селамъ и весямъ большая молва. Молодые отцы, сыновья, мужья и братья бѣжали къ ней изъ бѣдныхъ и богатыхъ хижинъ, отъ тоски жизни и заботы семейной, отъ дѣтей, женъ и матерей, чтобы хотя на одинъ часъ дать волю своей молодой крови, повеселиться на полномъ раздольи и надышаться тѣмъ духомъ молодого разгула, что, какъ зараза, исходилъ отъ цвѣтущей здоровьемъ и прелестями Анастасіи. Распалялся же народъ этотъ страстью все болѣе, ибо была Анастасія цѣломудренна, недоступна и вѣрна въ сердцѣ любви своей. Нѣкоторый же человѣкъ оттого все болѣе прилѣплялся къ ней, и не стало для него въ жизни ничего дороже и милѣе Анастасіи. Въ разгулѣ же и весельи топилъ онъ смуту души своей, ибо въ домѣ своемъ стало ему опять сиротливо и скучно. Однажды, когда вернулся онъ послѣ продолжительной поѣздки своей, которую прикрывалъ лживыми предлогами предъ отцомъ своимъ, женою и тестемъ, жена сказала ему:

— Побудь со мной: стала я поправляться...

Тогда поблѣднѣлъ нѣкоторый человѣкъ и не сказалъ ничего. По прошествіи малаго времени, не въ силахъ болѣе сдержать себя, опять взявъ отъ отца и тестя подъ фальшивыми предлогами денегъ, онъ уѣхалъ къ дворничихѣ, проводя дни и ночи съ веселою Анастасіей и съ пріѣзжавшимъ въ постоялую избу народомъ. Въ тѣ же дни, случилось, дошла молва до города Х., что врагъ воплотился въ нѣкотораго человѣка, купеческаго званія, и погубилъ пророчицу. Когда же молва эта дошла до жены нѣкотораго человѣка, и до отца его, и до тестя, то жена его не вынесла: по маломъ времени возобновилась болѣзнь ея, и она скончалась; тесть же, въ великомъ горѣ и гнѣвѣ, изгналъ зятя изъ дома своего, а отецъ, который все упованіе возложилъ на бракъ сына своего и на тестя, помѣшался въ разсудкѣ, ибо сталъ банкрутъ. Такъ сдѣлалось по волѣ Божіей: нѣкоторый человѣкъ лишился всего, что было у него въ жизни,—и достатковъ, и довѣрія торговыхъ людей, и отвернулись отъ него друзья и близкіе его. Тогда пришелъ нѣкоторый человѣкъ, нищъ и скорбенъ, къ Анастасіи и разсказалъ ей все, что съ нимъ было; Анастасія сказала ему:

— Что намъ люди? Оставайся со мной, и будь мнѣ мужъ. Мы будемъ жить попрежнему. Будемъ веселиться, а нагореваться успѣемъ: не будемъ смотрѣть на людей!

Сладко сдѣлалось отъ тѣхъ словъ нѣкоторому человѣку, и онъ остался. Когда же приходили къ Анастасіи и останавливались у нея гости и передавали, что говорила молва въ народѣ о ней и нѣкоторомъ человѣкѣ, погубившемъ и святую, и жену свою, и отца, и что жены и матери ропщутъ на прелести ея, ибо внесла въ домы ихъ она смуту,—Анастасія дерзко смѣялась надъ ними и говорила:

— Что жъ вы идете сюда? Оставайтесь съ женами вашими и дѣтьми и плачьте вмѣстѣ съ ними! Что намъ за дѣло, что говорятъ про насъ ваши жены и матери! Мы не будемъ плакать вмѣстѣ съ вами... Что намъ, что наше веселье не мило другимъ!

И, слыша все это, нѣкоторый человѣкъ начиналъ ощущать смуту въ душѣ своей. Когда же онъ предался размышленію о всемъ, что совершилось съ нимъ и Анастасіей, внезапно объятъ онъ былъ ужа-

сомъ. „Ты—человѣкъ судьбы",—сказалъ ему какъ бы нѣкоторый внутренній голосъ. И тогда нѣкоторый человѣкъ, въ стремительномъ волненіи, едва наступила ночь, собравъ нѣчто изъ одежды въ мѣшокъ и положивъ туда небольшую часть хлѣба, тайно ушелъ изъ этого дома. И шелъ онъ дни и ночи, все дальше и дальше, и когда выходилъ у него хлѣбъ, онъ или просилъ милостыню, или нанимался въ работу. Иногда, когда уставалъ онъ, приходило ему желаніе остановиться отъ скитаній своихъ, и тогда прилежно трудился онъ по разнымъ ремесламъ, ибо довольно былъ крѣпокъ разсудкомъ, знаніемъ и опытомъ, и достигалъ иногда хорошаго положенія. Но, достигнувъ его, скоро бросалъ онъ все и ударялся въ разгулъ, и все скопленное имъ, какъ бы спѣша, развѣевалъ по питейнымъ домамъ и трущобамъ, предаваясь гульбищу съ дорожными нищими и пропоицами. Такъ пристрастился онъ къ вину и перемѣнѣ мѣста, и скитаніямъ своимъ не видѣлъ конца. Въ нѣкоторые дни, присѣвъ отдохнуть на дорогѣ подъ деревомъ, нѣкоторый человѣкъ, въ скорби и гнѣвѣ, спрашивалъ: „Почто рожденъ я на свѣтъ? Когда хотѣлъ я быть счастливъ и жить, тогда счастіе мое несло съ собою зло. Когда же исполнится предѣлъ винѣ моей? И почто мы были виновны?" Но, не получивъ въ душѣ своей отвѣта на мысли свои, нѣкоторый человѣкъ шелъ отъ одного мѣста къ другому, гонимый судьбой, какъ Агасферъ въ пустынѣ.

Также сдѣлалось: Анастасія, ощутивъ въ сердцѣ своемъ тайную тоску, признала, что нѣкоторый человѣкъ скрылся и покинулъ ее. Это стало ей какъ бы предчувствіемъ, что люди хотятъ сдѣлать ее опять несчастной, какъ и сами они. Тогда поднялся въ сердцѣ ея ропотъ великій. И когда собирался въ домѣ ея народъ, пріѣзжавшій къ ней на гульбища, она дерзостно смѣялась надъ ихъ житейскою немочью и горемъ и манила ихъ къ большему разгулу, и возжигала въ нихъ кровь, и ропотъ, и злобу на свою судьбу; тогда открывала она избранному прелести свои и, упившись страстью съ жертвою своей, покидала ее. И сталъ съ того дня домъ ея—домомъ разврата и ссоръ, и распространила она заразу свою, душевную и тѣлесную, по всей окрестности. Тогда громко возроптали противъ нея и жены, и матери и дѣти, и весь народъ. Благочестивые же люди крестились и въ смущеніи отвращались отъ дома того, ибо въ душѣ своей не постигали, почто совершилось все это.

Такъ исполнилось по грозному слову Господа: „Мнѣ отмщаеши, и Азъ воздамъ!"

Этотъ разсказъ еще больше возбудилъ во мнѣ интересъ къ личности самого поэта, въ которомъ многое оставалось еще для меня неяснымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, что онъ еще зайдетъ ко мнѣ. Судя по тому, какъ неувѣренно онъ отвѣчалъ на мой вопросъ: „долго ли онъ пробудетъ въ нашихъ мѣстахъ?"—я надѣялся еще встрѣтиться съ нимъ... Я разспрашивалъ крестьянъ, не встрѣчали ли они его; одни говорили, что послѣ уже не видали, другіе увѣряли, что видали его недавно ходившимъ по базарнымъ и торговымъ селамъ.

Какъ-то вскорѣ мнѣ пришлось завернуть въ одно такое село. Базаръ уже кончался. Площадь почти опустѣла. Стояла жара. Воздухъ былъ неимовѣрно душенъ и пыленъ. Я зашелъ въ деревенскій кабакъ выпить пива. Въ кабакѣ было прохладно и тихо; пахло водкой и махоркой; полъ былъ усыпанъ объѣдками и подсолнечною скорлупой; видимо, всюду еще оставались признаки недавняго разгула базарной толпы. За жиденькою перегородкой, отдѣлявшеюся, вмѣсто двери, ситцевою, полуоткрытою занавѣской, видно было, какъ кабатчикъ, молодой еще мужикъ, возился съ ревѣвшими ребятишками, вѣроятно, за отсутствіемъ матери. Онъ такъ и вышелъ ко мнѣ, держа одну ревѣвшую дѣвочку на рукахъ, а другую, постарше, ведя за руку. Заговорившись съ кабатчикомъ, оказавшимся очень неравнодушнымъ къ своимъ дѣтямъ, я не замѣтилъ, что позади меня, въ углу, у опрокинутой бочки, сидѣли за бутылкой наливки мужчина и женщина. Оба они были выпивши, а по костюму и сваленнымъ тутъ же дорожнымъ мѣшкамъ они, видимо, были прохожіе. Мужчина, сидѣвшій задомъ ко мнѣ, что-то внушительнымъ шопотомъ объяснялъ женщинѣ, еще не старой, но съ сильно изношеннымъ лицомъ и тѣмъ характернымъ неестественнымъ румянцемъ во всю щеку, который обыкновенно выдаетъ женщинамъ плохую рекомендацію. Женщина была въ ситцевомъ капотѣ, повязана ярко-краснымъ платкомъ, уголъ котораго былъ низко спущенъ надъ лбомъ, вѣроятно, съ цѣлью скрыть пылавшее лицо, какъ обыкновенно

дѣлаютъ вышивающія женщины. Она, въ отвѣтъ на рѣчи мужчины, то поднимала какъ-то внезапно голову и нѣсколько времени смотрѣла блуждающими, но красивыми, большими черными глазами, полусознательно улыбалась собесѣднику, желая выразить ему сочувствіе, но затѣмъ голова ея снова тяжело опускалась. У меня мелькнуло предположеніе, что сидѣвшій мужчина былъ мой шоссейный поэтъ; я еще не успѣлъ хорошенько вглядѣться въ него, какъ онъ обернулся, посмотрѣлъ на меня, тотчасъ же вскочилъ, не твердо держась на ногахъ и улыбаясь тою блаженною, льстиво-смиренною улыбкой, которая бываетъ у выпившаго человѣка, сталъ смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Вы еще здѣсь?—спросилъ я.

— Такъ точно-съ... замотался... Вотъ она все...—показалъ онъ на женщину.

— А я хотѣлъ съ вами поговорить... Меня, знаете, очень заинтересовало ваше „Правдивое сказаніе"...

— Такъ точно-съ,—отвѣтилъ онъ, повидимому, плохо понимая, о чемъ идетъ дѣло.

— Скажите, это вы „нѣкоторый человѣкъ" и будете?

— Такъ точно-съ... Я—нѣкоторый человѣкъ.

— И это все, дѣйствительно, съ вами случилось?

— Такъ точно-съ... За мной съ младости, ваше бл-діе, разные поступки значились... Потому очень я всегда былъ скучливый человѣкъ... Всѣмъ скучалъ...

Въ это время женщинѣ сдѣлалось дурно и кабатчикъ закричалъ на нее, собирая пустую посуду:

— Пошла, пошла вонъ... Пора! Выпили—и ступайте... Что здѣсь колобродить?..

— Не тронь ее! — крикнулъ въ свою очередь сердито странникъ. — Уйдемъ!.. Уйдемъ отъ васъ теперь...

— Ну, и уходите... Пора ужъ выбраться изъ нашихъ мѣстъ.

— И уйдемъ... что же мы? На свои пьемъ, не на твои... Уйдемъ!.. Такъ ли, ваше бл-діе? Конечно, мы съ ней, по превратностямъ нашей жизни, получили пристрастіе къ вину... Ты, Настенька,—обратился онъ къ женщинѣ, опустившей голову на бочку, — ты выйди на волю, коли тебѣ тяжело, а отчаянію не предавайся... Выйди! Главное, духомъ не падай! Пойдемъ!

И онъ осторожно вывелъ ее подъ руку на воздухъ.

— Ваше бл-діе, — обратился онъ ко мнѣ, вернувшись. — Позвольте отъ васъ угощеніе принять... „Жизнь для жизни намъ дана!" Такъ ли-съ?

— Конечно.

— Это что значитъ:

> Умъ молчитъ, но сердцу ясно:
> Жизнь для жизни намъ дана!

Такъ ли-съ?.. Вотъ теперь я съ вами выпью, и сейчасъ съ ней мы уйдемъ... Уйдемъ! Вмѣстѣ-съ уйдемъ... По совокупности...

— Вы куда же?

— Мы-съ?.. Да такъ вотъ и пойдемъ... Теперь вдвоемъ-то веселѣе будетъ. Можетъ, гдѣ-нибудь и пристанемъ... Въ гавань, значитъ, войдемъ!.. (онъ засмѣялся). Думаемъ въ своемъ городѣ побывать...

— Что же мнѣ, скажите, сдѣлать съ вашими произведеніями?

— Да вотъ-съ, — какъ-то неожиданно сказалъ онъ, какъ будто внезапно осѣнила его мысль,—вы мнѣ позвольте еще что-нибудь на дорогу... Такъ ужъ мы съ вами и будемъ въ раздѣлкѣ, на чистоту... чтобы ужъ, значитъ, объ этомъ и не упоминать никогда! Н-ну ихъ!

Выпивъ и получивъ отъ меня еще нѣсколько денегъ, онъ, попрежнему, разсыпался въ благодарностяхъ и затѣмъ, взявъ мѣшки, распростился со мною.

— Можетъ быть... мы еще съ вами какъ-нибудь встрѣтимся въ Х?—сказалъ я.

— Можетъ быть... Даже неотмѣнно... Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда сойдется,—проговорилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ.

Онъ вынесъ мѣшки за дверь, помогъ спутницѣ привязать одинъ изъ нихъ на спину и, поддерживая другъ друга подъ руки, спутники двинулись по шоссе, тихо покачиваясь и покалкивая одинъ другого.

— Кто эта женщина?—спросилъ я кабатчика.

Мнѣ кабатчикъ долго разсказывалъ про похожденія Настасьи, но особенно новаго къ тому, что я уже зналъ, не прибавилъ ничего.

По уходѣ странника съ Настей кабатчикъ усадилъ обѣихъ своихъ дочекъ на стойку и все время, пока разговаривалъ со мной, онъ съ особеннымъ стараніемъ мочилъ ихъ головки водкой и затѣмъ тщательно расчесывалъ имъ гребнемъ кудрявые волосы. Видимо, онъ любовался ими; да и одѣты были они хотя и просто, но чистенько. Меня эта сцена очень заинте-

ресовала, и я все время какъ-то невольно всматривался въ кабатчика: у него было молодое, умное, красивое лицо, небольшая кудрявая черная бородка и такіе же волосы на головѣ; бойкіе свѣтлые глаза; одѣтъ онъ былъ щеголевато: въ чистую кумачную рубаху навыпускъ изъ-подъ ковровой жилетки, съ цѣпочкой и часами.

— Вы откуда будете? — спросилъ я его,—крестьянинъ?

— Крестьянинъ. Недалеко, верстъ за десять отсюда,—и онъ назвалъ извѣстную мнѣ деревню.

— Вы барскіе были?

— Барскіе. Нашъ баринъ, знаете, какой былъ... Перенесли всего... Остались мы, послѣ тятеньки съ матерью, малолѣтними: двѣ сестры, да я... Сколько перенесли труда — страсть... Все хотѣли какъ ни то смиреніемъ, да покорностью взять... Конечно, по-старому размышляли: наши труды, молъ, оцѣнятъ... Уповали, конечно... Насъ пуще тѣснятъ, а мы только пуще уповаемъ да смиряемся!..

— Вы грамотный?

— Какъ же-съ. Послѣ „воли" въ скоромъ же времени ушелъ въ городъ, потому хозяйство надо было поддержать... Тамъ сейчасъ на грамоту напустился... Ну, и слава Господу, теперь оправляемся.

— А жена у васъ жива?

— Жива-съ. Да вотъ въ усадьбу уѣхала. У своей барыни мы старую усадьбу купили. Только еще она тамъ доживаетъ, съ такимъ уговоромъ купили... А мы вотъ здѣсь держимъ заведеніе... Да надоѣло... Надо будетъ барыню-то побезпокоить: что ей тутъ прохлаждаться... пусть въ городъ ѣдетъ умирать-то!..

— Что же вы... пожалѣйте ужъ старуху!

— Что же намъ ихъ жалѣть?.. Насъ они мало жалѣли,—сказалъ спокойно молодой кабатчикъ. — Ежели намъ всѣхъ жалѣть, такъ эдакъ весьма даже скоро на старое повернутъ.

Я выпилъ пиво и распрощался съ своимъ собесѣдникомъ. Но у меня долго не выходила изъ памяти его энергическая, спокойно-самоувѣренная фигура, и это выразительно-красивое лицо, и эти умные глаза, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько холода и душевной проказы! Глаза его, дерзкіе и вызывающіе, какъ-то напомнили мнѣ глаза Анастасіи.

1881 г.

ИЗЪ ОДНИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ЗОЛОТОЙ РОТЫ.

I.

Я былъ пятнадцати-шестнадцати лѣтній школьникъ. Въ силу своего привиллегированнаго рожденія,—ибо мой отецъ какъ разъ въ день моего появленія на этотъ грѣшный свѣтъ получилъ первый чинъ, — я, стоявшій на грани между „податнымъ“ и „неподатнымъ“ состояніемъ, — былъ фортуной переброшенъ черезъ пропасть, раздѣляющую эти двѣ отечественныя сферы, и получилъ, въ силу этой случайности, возможность возблагодарить Бога за всѣ житейскія преимущества.... Въ силу этихъ-то преимуществъ я обучался въ гимназіи, именовавшейся въ тѣ времена „благороднымъ дворянскимъ пансіономъ“, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ моихъ „друзей дѣтства“ принуждены были ограничиться приходскими и уѣздными училищами, или по большей мѣрѣ семинаріею. Въ тѣ времена существовалъ сильный антагонизмъ, передававшійся преемственно, съ одной стороны, между плебсомъ семинаріи и начальныхъ училищъ, съ другой — гимназическимъ патриціатомъ.

Антагонизмъ этотъ уже достояніе исторіи, и въ настоящее время онъ является анахронизмомъ, поглощеннымъ общею идеей, общими стремленіями, такъ называемыхъ „молодыхъ поколѣній“. Но въ то время онъ былъ въ полномъ разгарѣ: партіи „кутьи прокислой“ и „красной говядины“, вродѣ партій „красныхъ“ и „синихъ“—блистали своими дипломатическими способностями въ „доѣзжаніи“ однѣхъ другими. А я почти одинъ не принималъ въ этой борьбѣ участія, — можетъ быть, именно потому, что мое рожденіе было, такъ сказать, „нейтральнымъ“,—и я даже болѣе тяготѣлъ къ своимъ демократическимъ „друзьямъ дѣтства“, чѣмъ къ новымъ школьнымъ однокашникамъ, съ которыми такъ мало имѣлъ общаго по бытовымъ привычкамъ и воззрѣніямъ... Впрочемъ, все это далеко не относится къ тому, что я хочу разсказать, и если заговорилъ объ этомъ, то только для того, чтобы объяснить, почему я въ то время принималъ участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ, совершавшихся какъ въ партіи „синихъ“, такъ и въ партіи „красныхъ“, какъ въ кулачныхъ бояхъ, питавшихъ грубые и невѣжественные инстинкты первыхъ, такъ и въ школьныхъ спектакляхъ, устраиваемыхъ подъ благодѣтельнымъ попеченіемъ начальства къ питанію благородныхъ инстинктовъ вторыхъ.

Я разскажу пока только одинъ эпизодъ изъ моихъ воспоминаній о томъ времени, прямо касающійся моего разсказа.

На одной изъ большихъ семинарскихъ квартиръ, гдѣ былъ центръ операціонной дѣятельности всей партіи „синихъ“ или „кутейниковъ“, гдѣ жили первые силачи, первые риторы, философы и богословы семинаріи, у меня было два-три благопріятеля изъ синтаксима. Я часто ходилъ на эту квартиру—и ни одно важное событіе въ партіи „синихъ“ не миновало меня: я принималъ одинаково сердечное участіе и въ горькихъ обстоятельствахъ обитателей этой квартиры, когда она дѣлалась жертвою внезапныхъ посѣщеній инспекторовъ и „субовъ“, иначе—субъинспекторовъ, и въ событіяхъ радостныхъ, каковы рекреаціи, именины, или пріѣздъ родителей съ деревенскими лепешками, пирогами и шайками замороженнаго молока. Бывало, цѣлые вечера съ своими „друзьями дѣтства“, мы сидѣли вкругъ одной изъ этихъ шаекъ, вооруженные желѣзными ложками и скоблили съ великимъ удовольствіемъ замерзлое молоко, которое замѣняло для

насъ болѣе цивилизованное „сахарное мороженое“.

Кажется, то было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующихъ сценъ на этой квартирѣ,—сценъ, вызванныхъ въ моемъ воспоминаніи нечаянною недавнею встрѣчей съ личностью, о которой я хочу разсказать.

„Старшимъ“ на этой квартирѣ былъ одинъ великовозрастный богословъ, крайне топорной выдѣлки молодой человѣкъ, длинный и сутоловатый, конфузливый, неловкій и имѣвшій замѣчательную странность: онъ стыдился своей бороды и негодовалъ на нее, потому что, какъ онъ ее ни выбривалъ чисто, она на слѣдующій день уже обнаруживала себя снова густою синею щетиной. Вообще же, былъ человѣкъ тихій, усидчивый за книгой, и еще болѣе за „задачками“, иначе сочиненіями, за которыя и пріобрѣлъ большое реноме „борзописца“. Въ семинаріи прозванъ онъ былъ „Сугубымъ“, и это прозвище шло къ нему, какъ нельзя лучше. Понятное дѣло, что вслѣдъ за подчиненными ему „грамматиками“, моими друзьями дѣтства, и я смотрѣлъ на него какъ на нѣчто „не отъ міра сего“, какъ на человѣка, одареннаго такимъ даромъ, который не всякому дается,—какъ, наприм., писать періоды, бывшіе для насъ одной изъ мучительнѣйшихъ пытокъ. Вообще, я его уважалъ, не понимая за что, смутно, неопредѣленно, и въ то же время трусилъ, вѣроятно, по вліянію отъ своихъ друзей, для которыхъ въ то время „старшій“ былъ важнѣе всякаго начальства.

Помню, прійдя одинъ разъ на семинарскую квартиру, я засталъ въ ней только одного Сугубаго, который, очевидно, былъ со сна и, стоя въ халатѣ передъ низенькимъ и тусклымъ окномъ, читалъ какую-то записку.

— Подожди,— сказалъ онъ, замѣтивъ меня, — они сейчасъ придутъ, дрова добывать пошли на стройкѣ...

Я остался въ комнатѣ, а онъ вышелъ. Скоро за сосѣднею перегородкой сверкнулъ огонь и послышался разговоръ. Сначала я просто вслушивался, но затѣмъ, увлеченный наблюденіемъ надъ непонятной для меня личностью Сугубаго, я припалъ къ щели перегородки.

Въ полуосвѣщенной сальною свѣчей комнаткѣ съ русскою печью, съ окнами, стекла которыхъ подернулись разнообразными отливами и заплатанными въ разныхъ мѣстахъ оскоречками, со стѣнами, на которыхъ въ разныхъ мѣстахъ висѣли клочки какого-то подобія обоевъ, предъ обломкомъ зеркала стояла дѣвушка лѣтъ 16, миловидная, но и не совсѣмъ хорошая собой: взглядъ ея сѣрыхъ глазъ былъ какой то лѣнивый, равнодушный, заспанный,—щеки были еще хороши, только книзу едва замѣтно отвисли, но шея и весь бюстъ были въ нетронутой красотѣ. Дѣвушка была дочь квартирной хозяйки.

— Вы, что ли, это въ любви изъясняетесь?—спрашивалъ ее угрюмо, и, видимо, преборая свою застѣнчивость Сугубый, показывая записку.—У насъ только такъ барышни дѣлаютъ. А вы, чай, не принадлежите къ сему разряду человѣчества. Пустяками вы все занимаетесь, а чашки не мытыя на лавкахъ стоятъ... Вамъ что говори, что нѣтъ... Вотъ вы плачете, слезы отъ игры воображенія и фантазіи проливаете,—лучше бы чашки убрали.

Маша взяла чашки и работа закипѣла.

— Вы надсмѣхаетесь все... Что вы надо мной надсмѣхаетесь?.. Я такъ стараюсь предъ вами, а вы надсмѣхаетесь,—проговорила она почти сквозь слезы.

— Я надъ вами не имѣю поползновенія надсмѣхаться,—говорилъ, садясь, богословъ,—а только собственно жалѣю, что вы пріютскихъ положеній держитесь и его пагубнаго для женщинъ, вообще, вліянія не покидаете. Вотъ мнѣ и жалко.

— Я, кажется, все по вашему дѣлаю; можно бы чувствовать...

— Гдѣ же вы дѣлаете? Вы не работаете, а любовными понятіями и мыслями голову наполняете, сладострастнымъ мечтамъ предаетесь... Я знаю и хочу вамъ высказать, что вы любовь представляете не въ сущности ея дѣйствительной, а только въ волненіи физическомъ, въ возбужденіи плотскомъ ее видите... А о любви настоящей понятій вы имѣть не можете, такъ какъ это возвышенное чувство есть аттрибутъ духа, отдѣленный бездной отъ возбужденій плоти. Откуда вы могли почерпнуть такія высокія понятія въ пріютѣ, гдѣ система воспитанія, вообще, имѣетъ въ основаніи низкую практичность.

Семинаръ говорилъ долго. Маша сѣла съ нимъ рядомъ и глядѣла ему пристально въ глаза, не понимая ни ихъ лихорадочнаго блеска, ни высокихъ фразъ любимаго человѣка.

— Мы съ вами только можемъ дружественное чувство производить другъ въ другѣ.

— Такъ давайте, я согласна и на это,— говорила Маша и придвигалась къ нему тѣснѣе и тѣснѣе; ножку ему положила на сапогъ.

Семинаристъ оттолкнулъ ее тихонько.

— А это чувство въ двухъ полахъ опасно, ибо можетъ родить похоть и любовь физическую.

— Я и на это согласна. Давайте!— сказала Маша и съ любовью глядѣла ему въ глаза и жалась къ нему все больше и ближе, такъ что ея дыханіе начинало возмущать нервы семинариста,—онъ отодвинулся отъ нея, покраснѣлъ, смѣшался и сказалъ:

— Вамъ замужъ итти бы...

Помнится, разговоръ этотъ тогда произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; философія „недосягаемаго“ Сугубаго вдругъ измѣнила всѣ мои юношескія понятія о „любви“, которою я самъ еще не волновался въ то время, но о которой составлялъ понятіе по нѣсколькимъ разсказамъ гимназистовъ-кавалеровъ, да по романамъ Зотова. Вообще, я былъ о „любви“ довольно легковѣснаго мнѣнія — и вдругъ: „аттрибутъ духа, отдѣленный бездной отъ возбужденій плоти!..“ Я нѣсколько разъ повторялъ эту фразу, какъ изреченіе высочайшей мудрости: я записалъ ее дома въ свою тетрадку, имѣвшуюся у меня подъ рубрикой: „Обо всякихъ предметахъ“, я форсилъ ею предъ гимназистами. Понятно, какъ еще выше послѣ этого поднялся въ моемъ мнѣніи Сугубый.

Вскорѣ послѣ этого мнѣ пришлось присутствовать на празднованіи именинъ Сугубаго; по случаю ихъ былъ у семинаристовъ кутежъ, какъ и всѣ кутежи, — съ пѣснями и водкой.

На столѣ, косо сдвинутомъ посрединѣ комнаты, лежалъ коровай хлѣба, стояла чашка съ солеными огурцами и штофъ водки. На лавкахъ, въ переднемъ углу, сидѣли риторы и буйными тенорами и басами отхватывали: „Вѣкъ юный, прелестный“, подъ глухое дребезжанье гитары, на которой сосредоточенно игралъ философъ въ халатѣ. Вокругъ стола стояли богословы, наливали въ чашку, съ отшибленной ручкой, водку и пускали ее „по теченію солнечной сферы“.

— Ты, Сугубый, у насъ—буй-голова! Ты у насъ аскетъ,—говорилъ одинъ богословъ,—и если ты, анахоретъ, въ академію не попадешь, мы тогда, братцы, клянемся постъ держать великаго Антонія въ продолженіе всей цвѣтной тріоди относительно сего напитка. Клянись, ребята!..

— Клянемся! — глухо отвѣчали богословы.

— Нѣтъ, господа, мечты нашего духа, приходя въ столкновеніе съ физическою жизнью,—проповѣдывалъ свой дуализмъ Сугубый, — ежечасно рушатся и нисподаютъ съ своего величія...

— Ну, братъ, тутъ не мечты духа, а просто 1-й разрядъ да благоправіе нужно.

— Вотъ что, Сугубый: какъ теперь у тебя пьемъ, такъ чтобъ и на слѣдующій годъ у тебя—академика пить!.. Прощай!

Богословъ выпилъ, сплюнулъ и вышелъ.

— Это наше желаніе. Если ты въ академіи не будешь и къ значенію нуля приблизишься, то что должны быть мы сравнительно! Прощай!

Выпилъ богословъ, сплюнулъ и вышелъ.

— Прощай,—сказалъ послѣдній богословъ, выпилъ, ничего больше не прибавилъ и вышелъ.

Голова Сугубаго была взволнована опасною смѣсью паровъ водки съ „мечтою духа“. Онъ не говорилъ никому ни слова и только молча кланялся, а послѣ, когда ушли его однокашники, мутно посмотрѣлъ на маленькихъ „училищныхъ“, которые, забравъ въ руки полы своихъ халатовъ и отворивъ дверь, вымахивали табачный дымъ, ходившій густыми волнами по квартирѣ, и сметали окурки „цигаретокъ“ въ виду нашествія „субика“. Въ дверяхъ мелькнуло платье Маши. Опомнился богословъ и пошелъ на хозяйскую половину. Я снова занялся подглядываніемъ. Маша взяла его подъ руку, посадила на лавку и посмотрѣла ему въ лицо. Богословъ улыбнулся.

— Не хотите ли водки, выпейте,— просила Маша, поднося рюмку водки,— выпейте.

Богословъ выпилъ, а Маша сѣла рядомъ съ нимъ и смотрѣла ему въ лицо.

— Марья Ѳиногеновна, зачѣмъ вы такъ смотрите на меня всегда? Въ неловкое положеніе поставляете этимъ...

— Я люблю васъ и смотрю... А вы не велите смотрѣть?

— Нынче, пожалуй, смотрите, нынче у меня радостный день: скоро послѣдуетъ заря обновленія и—свершится тернистый путь семинарскаго курса... Тамъ будетъ новая жизнь... вѣчно мною мечтаемая и лелѣянная въ мысляхъ, среди трудныхъ испытаній... Я теперь счастливъ,—и богословъ довѣрился съ „мечтою духа“

„плотской“ Машѣ, наклонивъ голову низко-низко... Маша приняла ее на руки...

— Вотъ, Марья Ѳиногеновна, прощусь съ вами, уѣду... Что-то будетъ, какъ будете сдерживать свои желанія послѣ этого?.. Можетъ быть, поглотитъ васъ развратъ!..

— Нѣтъ, я люблю васъ и знаю только это...

— И я васъ люблю въ этотъ моментъ моей жизни... Почему? Не могу объяснить логическимъ путемъ.

— И вы любите? — вскрикнула Маша, и руки ея обвили шею Сугубаго.—Дождалась я... Я только этого ждала... Этотъ моментъ...—Маша цѣловала Сугубаго, а въ глазахъ его искрилась пьяная страсть и на щекахъ игралъ тонкій румянецъ.

— Объясните мнѣ съ помощью великой логики, объясните, прошу васъ, почему я теперь чувствую любовь?.. — говорилъ богословъ восторженно...

— Вы теперь на человѣка похожи, вы... — Маша не договорила и крѣпко прижала его лицо къ своему.

Меня быстро что-то оттолкнуло отъ стѣны, и кровь бросилась въ лицо: мнѣ сдѣлалось ужасно стыдно за соглядатайство, за то, что я былъ непрошенымъ свидѣтелемъ этого незауряднаго „момента жизни“ философа Сугубаго.

II.

Недавно я посѣтилъ свои родныя палестины, послѣ долгихъ-долгихъ скитальческихъ лѣтъ. Нашъ старый домъ стоялъ на горѣ, съ которой открывался видъ на рѣку, луга, рощи, села и деревни, — на дорогую сердцу картину, широко и привольно раскинувшуюся во всѣ стороны верстъ на 15 въ окружности... Родные виды! Вотъ пойма залегла почти неоглядными зеленымъ ковромъ, на которомъ чья-то искусная кисть красиво и картинно то тамъ, то здѣсь намѣтила зеркальныя фигуры озеръ, въ прихотливыхъ рамкахъ; не у одного изъ нихъ, бывало, въ дѣтскіе и юношескіе годы кочевали мы съ старыми рыболовами-охотниками. То тамъ, то здѣсь, между озерами мелькаютъ небольшіе хутора, окруженные жидкою ветлой и затопляемые вплоть до оконъ въ половодье,—хутора, на которыхъ усталымъ охотникамъ и рыболовамъ такъ хорошо пился чай, съѣдалась яичница и отдыхалось на копнѣ благоухающей сочной травы... А тамъ, дальше, за поймой, пески, за ними роща, а на горизонтѣ свѣтятся по голубому фону бѣлыя сельскія церкви... Въ первый же день все это пышно, ярко, зелено и въ то же время какъ-то безмятежно-раздольно раскинулось предо мной... Хороша родная природа!.. Съ какимъ-то невыразимо-тихимъ и сладостнымъ ощущеніемъ я ежедневно всматривался въ эти картины, сидя на скамейкѣ у воротъ, всматривался въ каждую деталь, въ каждый загибъ рѣки, въ каждую заводь, въ озерную бухточку, вызывая къ себѣ далекія, туманныя, но чѣмъ-то милыя воспоминанія... У этого кустика, что правѣе „кривца-озера“, въ первый разъ я ходилъ, какъ охотникъ, съ плохимъ ружьишкомъ, гдѣ, увидавъ внезапно сѣвшаго предо мной зайца, такъ растерялся, когда заяцъ, полюбовавшись мной, ехидно припрыгнулъ и скрылся въ кустахъ... А вотъ и самые Кривцы— оригинальное узкое и длинное озеро, извивающееся нѣсколько разъ, какъ червякъ, около котораго два часа блуждали мы, стараясь его обойти... Помню, какой страхъ овладѣлъ нами, юными охотниками, когда мы замѣтили, что ночь спускается все быстрѣе и быстрѣе, а мы все еще блуждали въ высокой густой травѣ: пойдемъ направо—вода, налѣво— вода. Но одному не такъ хорошо и ясно вспоминаются всѣ эти ни для кого неважныя, кромѣ самого вспоминающаго, мелкія и ничтожныя событія, какъ вдвоемъ съ „другомъ дѣтства“, котораго вдругъ встрѣтишь тутъ же, живымъ, почти неизмѣнившимся, никогда ни отрывавшимся отъ родной почвы.

— Здравствуйте,—какъ разъ отвѣчая моей мысли,—привѣтствовалъ меня кто-то въ длинномъ засаленномъ пальто, въ штанахъ, запущенныхъ за сапоги, въ порыжѣломъ картузѣ, съ плетушкой въ рукахъ и удами черезъ плечо.

— Здравствуйте,—отвѣчалъ я, тщетно стараясь узнать его лицо.

— Не узнали-съ? Конечно... гдѣ жъ насъ узнать!.. Какая у насъ физика? У насъ физика неблагообразная-съ: можно сказать-съ, къ уродству предназначенная... А вы—господа образованные,—заговорилъ подошедшій, стоя вполоборота предо мной.

— Виноватъ, дѣйствительно, не могу узнать... Такъ много прошло времени... Все измѣнилось...

— Это вѣрно: измѣнилось... Недавно вотъ вашъ пріятель сюда слѣдователемъ

пріѣхалъ... Встрѣчаю, говорю: „Здравствуйте, В. П.“—„Вамъ, говоритъ,—на бѣдность, что ли?..“ И сейчасъ это въ лорнетку сталъ глазами охаживать. „Не узнали?..—вотъ также спрашиваю:—кажется, пріятелями были...“ „Это, говоритъ, ни къ чему не обязываетъ. — Извините-съ...“ Конечно, конечно... какъ можно обязывать!.. Мы — пьяницы, вы — люди образованные... Гляди, еще придется тому же слѣдователю допрашивать тебя... Конечно!.. Какъ же тутъ обязывать!.. Тутъ нелицепріятіе... Вы не дадите ли мнѣ папироску?

— Извольте,—предложилъ я.—Я васъ узналъ.

— А!

— И это вы основательно...

— Что?

— Злитесь...

— Основательно!.. А что изъ этого толку?.. Все одно—студентъ уѣзднаго университета... Все одно — презрѣніе, насмѣшка, „ни къ чему не обязываетъ“, „наши дороги различны“... и прочее тому подобное .. Позволите присѣсть?

— Сдѣлайте милость... Вы чѣмъ же теперь имѣете быть?

— Чѣмъ и подобаетъ: вашимъ покорнымъ слугою.

— Полноте язвить... Говорите прямо...

— Прямо?.. Я, прежде всего... Да вамъ зачѣмъ это нужно?..

— Мнѣ хочется разспросить и узнать о судьбѣ всѣхъ моихъ бывшихъ „друзей дѣтства...“ всѣхъ, кого я зналъ прежде...

— Друзья дѣтства!.. Знаете, кто теперь ваши „друзья дѣтства“?.. Одни—буяны, другіе—усмирители... Одни—бездѣльники, пьяницы, нахалы, скандальники, другіе—образованные дѣльцы, администраторы, судьи... Вамъ которые же интереснѣе?..

— Мнѣ интереснѣе первые.

— Вотъ какъ!.. Я вамъ, пожалуй, про нихъ про всѣхъ разскажу... Начнемте съ меня... Я, какъ вы помните, учился въ уѣздномъ университетѣ... Ну, и тамъ, благодаря вамъ, мыслишки было стали бродить... знаете, въ гимназію хотѣлъ... и прочее... А попалъ въ писцы... Ну, и успокоиться бы... Такъ нѣтъ,—очень вамъ благодаренъ,—вы у меня изъ головы не выходили... Давай корреспонденціи писать... въ какую-то газету... Получилъ за весь годъ 8 р. 35 к... А строчекъ, примѣрно, двѣ тысячи написалъ... Разсчитали, выходитъ, меньше чѣмъ по грошу... Ну, да это наплевать... Литераторъ—вотъ суть!.. Иду, а всѣ наши шушукаютъ: литераторъ, литераторъ... Вотъ что, канальство, питало!.. Ну-съ, возмечталъ... Дамъ даже сталъ увлекать... Въ общество попалъ!.. Костюмишкомъ сталъ заниматься: рубашечки à l'enfant, запонки съ собачками, ну и прочая дребень... Увлекъ-съ одну дѣвицу, образованную... Гувернантку-съ... Мечтали, знаете: я—литераторъ, ну, а она, примѣрно, просвѣтительница, школы тамъ, фребелевскія игры, дѣтскіе сады... Дребедень-съ!.. Еще не одолжите ли папироску? Хорошо-съ!.. Женились; я тогда пятнадцать рублей получалъ... Конечно, чѣмъ бы не жить, если бы одному!.. Мало-ли писцовъ на это жалованье живутъ? Ну, не туда вѣтеръ былъ-съ... Гувернантка моя, конечно, безъ мѣста осталась... Болѣе стали насчетъ школы мечтать... Тутъ я-съ написалъ, подъ вліяніемъ, понимаете, медовыхъ мѣсяцевъ, нѣкую вдохновенную корреспонденцію... Напечатали... Балъ его пр—ва описалъ, любительскіе спектакли, — и немножко, знаете, начальство задѣлъ, въ томъ разѣ, что на любительскіе спектакли начальство своихъ подчиненныхъ насильно гоняло, а плату за мѣста изъ жалованья вычитало... Мое твореніе произвело большой шумъ,—я былъ въ зенитѣ славы, недоставало лавровыхъ вѣнковъ: товарищи поздравляли, выпили водки пропасть... Я получилъ черезъ недѣлю за корреспонденцію 3 руб. 23 коп. и отставку отъ мѣста служенія. Меня это сначала мало оскорбило-съ... Я даже былъ радъ, потому, думалъ, теперь я могу быть „свободнымъ художникомъ“ и писать что угодно... Написалъ еще длиннѣйшую корреспонденцію, на свободѣ... Стопъ! Не приняли, потому что на первую корреспонденцію явилось опроверженіе отъ г. полицмейстера, обвинявшаго меня въ наглой клеветѣ... Я въ другую газету—не извѣстенъ редакціи... А денегъ давно не ма... Жена продаетъ уже книги... Гонятъ съ квартиры... Зима... Я хотѣлъ въ вольнонаемные писцы къ нотаріусу — не принимаютъ, боятся пустить въ контору, какъ бы гласности не предалъ, а тамъ секреты бываютъ... Спустился еще ниже, внизъ, подъ нотаріальную контору, въ кабакъ, который у насъ прозванъ „консультаціей“: тутъ я и засѣлъ въ число „свидѣтелей“, кото-

рыхъ иногда вызываютъ къ нотаріусу для подписи документовъ и даютъ за то по 10 коп. на рыло. Тутъ много нашихъ, строчимъ прошенія, обираемъ и опиваемъ мужиковъ... Но все жъ мало было — занялся рыболовствомъ... Лѣтомъ на обѣдъ всегда налавливаю...

— А жена?—спросилъ я.

— Родитъ-съ... ничего... какъ и быть надлежитъ, все равно какъ бы въ благоденствіи... Пятеро ребятишекъ-съ...

— А школа?

— Болѣе сватовствомъ зарабатываетъ... Много прибыльнѣе... А я-съ тоже получаю иногда работу—въ „золотой ротѣ“.

— Гдѣ?

— Въ „золотой ротѣ“... Не знаете?.. Познакомьтесь... Тамъ есть кое-кто изъ вашихъ „друзей дѣтства“... Да вонъ одинъ изъ нихъ... Рекомендую...

— Это Р.?—спросилъ я.

— Онъ самый... Не погнушайтесь...

— Здравствуйте, Р.!—крикнулъ я.

Р., въ какомъ-то пальмерстонѣ, издали обвелъ меня блуждающими глазами.

— Не узнали? — радушно допрашивалъ я.

— Па-ади къ чорту!..—грохнулъ онъ здоровымъ басомъ и такъ внушительно, что „чо-о-ртъ“ прокатился съ одного угла улицы до другого; прохожіе обернулись на меня съ любопытствомъ, а Р., спокойно пошатываясь, пошелъ дальше.

— Этотъ „другъ дѣтства“—не то, что я,—покруче будетъ-съ... покруче завертываетъ-съ... Ха-ха-ха!—съ особеннымъ удовольствіемъ засмѣялся мой собесѣдникъ.—Нда-съ, умѣетъ покруче завернуть комплиментикъ... Я что-съ!.. Я мягокъ... Я тряпка...

— Кто же онъ теперь?

— А то же самое-съ, нынче консультантъ, завтра въ „золотой ротѣ“...

— Да что это за рота?

— Такъ-съ... Рабочая артель... Вотъ, извольте видѣть,—у насъ сюда еще цивилизація не проникаетъ очень-то: ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ — пока еще Господь миловалъ... Видите, вонъ бабы лямку трутъ по рѣкѣ... Одинъ было пароходишко забрался, да на мель сѣлъ... У насъ больше плоскодонки... Такъ вотъ-съ: когда на пристани работы много и рабочихъ нѣтъ (теперь дороги стали „собственнички-то“), „золотую роту“ приглашаютъ: разгружаемъ, нагружаемъ, къ бабамъ въ лямку впрягаемся, когда барка на мель сядетъ и проч. т. п... Вотъ бы вамъ показать нашего предводителя— такъ порадовались бы!.. Не Р.—чета!.. Завернетъ еще круче подчасъ!.. Р., помните вы, изъ гимназіи, вѣдь, математикъ былъ... Университетомъ бредилъ... Да вмѣсто аттестата изъ греческаго двойку схватилъ... Просилъ... просилъ... Онъ вотъ недавно крестъ съ кладбища стащилъ, такъ его К. (вмѣстѣ учились, пріятели были: теперь мировой) въ тюрьму на мѣсяцъ приговорилъ.

— А кто у васъ предводитель?

— Нѣкто, милостивый государь, г. Сугубый.

— Сугубый?!—вскрикнулъ я.

— Что вы удивляетесь?

— Сугубый! Это — философъ, ригористъ?

— Мы всѣ философы... А что ригористы—такъ и подавно: хочешь—не хочешь—будешь... Вы чего-же такъ удивляетесь?.. Развѣ наша „золотая рота“ недостойна, чтобы въ ней философы были?..

— Странно... какъ хотите,—говорилъ я, припоминая образъ Сугубаго.

— И чѣмъ, позвольте, онъ лучше насъ?.. Вѣдь, онъ къ тѣмъ же „синимъ“ принадлежалъ, что и мы?.. Почему жъ было бы лучше, еслибы онъ къ „краснымъ“ перешелъ?..

— Полноте... Вѣдь, это ребячество, школьничество было... Развѣ теперь могутъ быть „синіе“ и „красные“.

— Совершенно то же самое-съ... Я уже имѣлъ честь вамъ замѣтить... Мы — на одной сторонѣ,— буяны и бездѣльники, они—дѣльцы и благообразные граждане— на другой... Только что клички перемѣшились...

— И будто бы нѣтъ никого, кто бы сталъ посрединѣ, кто бы могъ служить къ примиренію...

— Никого... Какъ было, такъ и есть... Только и возможны два эти отношенія... Развѣ вотъ вы... Такъ, вѣдь, вы между двумя стульями и остались: ни къ тѣмъ, ни къ другимъ и не пристали,— ни къ усмиряемымъ, ни къ усмирителямъ... Къ намъ вы придете — и намъ не понравитесь... Что мы съ вами „вѣчную-то память“ будемъ распѣвать?.. Это и такъ надоѣло... Вотъ вамъ ужъ одинъ загнулъ сидорову козу... Къ тѣмъ пойдете—и тѣ не примутъ, постараются изъ себя выбросить... Повѣрьте...

— Вѣрю,— сказалъ я въ раздумьѣ... Мнѣ стало очень больно и грустно... Въ

самомъ дѣлѣ я—одинъ, одинъ!.. Я—самый несчастный изъ разночинцевъ...

— А вонъ и наша рота прошла на пристань!.. Значитъ, работишка! Двугривенный, гляди, и есть! — вскрикнулъ, вскакивая, мой „другъ дѣтства“.—Честь имѣю кланяться!.. Совсѣмъ было съ вами проворонилъ... Адью-съ!..

Онъ насмѣшливо сдѣлалъ мнѣ рукой подъ козырекъ и быстро пошелъ къ двигавшейся вдали у рѣки разношерстной толпѣ, предводимой высокимъ, сутоловатымъ мужчиной, въ халатѣ, подпоясанномъ полотенцемъ, и въ старой бѣлой пуховой шляпѣ... По походкѣ, по складу всей фигуры—я, дѣйствительно, призналъ въ немъ философа-идеалиста Сугубаго.

О вы, родные и безмятежные виды! Отчего я не могу вами любоваться теперь съ тѣмъ же сладостнымъ томленіемъ, какъ любовался до встрѣчи съ этимъ притворно злымъ, язвительнымъ „другомъ дѣтства?..“

III.

„Но какъ же, какъ это случилось?—и съ кѣмъ же—съ Сугубымъ! Какъ возможны подобныя превращенія „мечты духа“ въ „золотую роту“?.. Мнѣ помнится, что Бѣлинскій писалъ, будто бы только у насъ и возможно, что сегодня человѣкъ тоскуетъ міровою скорбью, льетъ гражданскія слезы, говоритъ о всепрощеніи, а завтра бьетъ свою жену, деспотствуетъ надъ дѣтьми, скандальничаетъ пьяный по улицамъ и не даетъ никому прохода... Но почему же это такъ, въ чемъ кроются причины этого болѣзненнаго и скорбнаго явленія?“ Цѣлую ночь одолѣвали меня подобные вопросы и назойливо просили разрѣшенія. Многіе изъ нихъ удалось мнѣ рѣшить болѣе или менѣе убѣдительно, но обобщающаго широкаго вывода найти я не могъ. Я заснулъ, съ намѣреніемъ завтра же постараться увидать Сугубаго. Но я еще спалъ, какъ ко мнѣ уже явился мой вчерашній собесѣдникъ.

— Вчера,—началъ онъ,—я ему говорю: — встрѣтилъ, молъ, еще гуся изъ нашихъ „друзей дѣтства“ (извините, послѣднее у васъ заимствовалъ).—„Кого?“ спрашиваетъ.—А вотъ, молъ, этого борзописца. „Что ты! гдѣ онъ?.. Сходи, говоритъ, къ нему, скажи, что я бы хотѣлъ съ нимъ повидаться...“ Гм... гляжу, не узнаю Сугубаго.—Говорю: сходи самъ.—Помолчалъ, помолчалъ. Надѣлъ было ужъ и шапку, да вдругъ вернулся: „Чортъ-те возьми!... Хоть убей—не могу... Ну, а какъ не приметъ, какъ дверь предъ носомъ запретъ? Развѣ я стерплю?.. Сходи, говоритъ, самъ... скажи... ну скажи, что хочешь... Понимаешь?—„Понимаю, говорю, только тебя не узнаю... Ты выпей косушку для куражу...“ Выпилъ. Опять было шляпу надѣлъ и опять вернулся, да какъ хватитъ по столу кулакомъ: „Не могу, говоритъ, слышишь, не могу!.. Не снесу! Понимаешь? Ступай!“— Понимаю-съ,—проворчалъ я.—Такіе сантименты! Гм... А вы понимаете?..— спросилъ онъ меня, помолчавъ.

— Кажется, понимаю... Напрасно только г. Сугубый стѣсняется... Я былъ о немъ, когда зналъ его, такого высокаго мнѣнія, что... Я самъ только что собирался повидать его... Онъ гдѣ теперь?

— Въ консультаціи... т.-е. въ кабакѣ.

— Пойдемте.

Мы вышли. Прекрасное утро ярко, весело стояло надъ голубой рѣкой, безконечной поймой и ея зеркальными озерами, въ которыхъ солнце отражалось тысячью золотистыхъ лучей; цѣлыя золотыя полосы пересѣкали въ разныхъ мѣстахъ и рѣку, по которой медленно и лѣниво скользили плоскодонныя суда; съ нихъ доносятся громкіе крики лоцмановъ и мучительно - напряженный однообразный свистъ и вскрикиванья бурлака-погонщика, задыхаясь, бѣжавшаго за клячами, тянувшими лямку, и утопавшаго на каждомъ шагу въ глубокомъ пескѣ... Прекрасныя и грустныя родныя картины!

Мы направились къ центру города. Въ большомъ каменномъ домѣ, гдѣ помѣщались и гостиница съ номерами, и постоялый дворъ, и почтовая станція, и нотаріальная контора, и адвокатъ, въ самомъ низу былъ кабакъ. Мы сошли въ „консультацію“. Тамъ уже было довольно много народу: въ одномъ углу сидѣли двѣ-три „каверзныхъ“, небритыхъ личности, въ старыхъ, съ растерянными пуговицами, вицмундирахъ, — эти Ризположенскіе Островскаго, затѣмъ нѣсколько мужиковъ, объяснявшихъ что-то одному изъ моихъ „друзей дѣтства“, пославшему меня вчера такъ внушительно въ объятія къ врагу человѣческаго рода; онъ былъ и теперь угрюмъ, золъ и неприступенъ, несмотря на обильныя угощенія отъ мужиковъ „своему облакату“. Сугубый, какъ и вчера, въ халатѣ, подпоясанномъ покромкой, сидѣлъ у стойки и ѣлъ колба-

су; предъ нимъ стояла косушка. Онъ что-то говорилъ съ кабатчикомъ, перемывавшимъ посуду. Въ то время, какъ мы входили, кто-то изъ „каверзныхъ“ подошелъ къ стойкѣ, сталъ просить у кабатчика въ долгъ водки и неумышленно переложилъ лежавшую на стойкѣ пуховую шляпу Сугубаго на другое мѣсто.

— Не тронь! Чортъ!.. Что она тебѣ помѣшала?.. — зыкнулъ на него Сугубый.

— Виноватъ, Вавилъ Степанычъ!.. Ей-Богу, невзначай... Я положу-съ. Не безпокойтесь,—замѣтилъ тотъ.

— Получи!—отрекомендовалъ меня, въ эту минуту, мой чичероне Сугубому.

Сугубый обернулся съ колбасой въ рукахъ и суровымъ видомъ—и вдругъ смутился, какъ самый послѣдній школьникъ, увидавъ меня. Я поспѣшилъ пожать ему руку.

— Кандидатъ академіи Вавило Сугубый! — тотчасъ же сбавилъ онъ, пробасивъ и даже расшаркавшись, — очень, очень радъ... Я читалъ объявленіе о вашемъ произведеніи... Ужъ по заглавію вижу, что замѣчательное!.. Не откажите мнѣ бесѣдой.

Подали пиво, но мы рѣшительно не знали съ чего начать разговоръ. Насъ посторонніе стѣсняли.

— Да не лучше ли намъ ко мнѣ, — пробасилъ Сугубый.

— Очень радъ,—поспѣшилъ согласиться я.

Но въ эту минуту вошелъ мѣщанинъ, въ длинной чуйкѣ, оказавшійся „рядчикомъ“.

— Вавило Степанычъ здѣсь? А, васъ-то и нужно!—заговорилъ онъ.—Пришла-съ снизу... съ крупой... а народишка этотъ, т.-е. самый подлый... Вы какъ полагаете?... Нанимаю-съ, и вдругъ—по 1 руб. въ день!... Это грабежъ!... Самый денной-съ...

— А тебѣ бы даромъ?.. Черти!—проворчалъ Доёный: — ставь-ка водки. (Мой чичероне, какъ я узналъ тутъ, былъ извѣстенъ въ ротѣ подъ страннымъ прозвищемъ—„Доёный“.)

— Ну, такъ что жъ?—спросилъ Сугубый, вдругъ принявшій суровый и повелительный тонъ.

— Да къ вамъ... Нельзя ли собрать „золотую“?... Съ тѣми рабочими никакого сговору... А время не ждетъ...

— Мы дешево не возьмемъ...

— Помилуйте!.. Неужели жъ и вы захотѣли насъ обижать?... Кажется, отъ насъ завсегда въ довольствіи...

— Ну, ладно. Соберемся на мѣстѣ, тамъ и рѣшимъ. Прохоръ Иванычъ, распорядись скликать нашихъ,—сказалъ онъ Доёному.

— Пойдемте,—прибавилъ онъ мнѣ, надвинулъ на глаза шляпу и вышелъ.

Я было раскланялся очень деликатно съ бывшими въ „консультаціи“, но мнѣ никто не кивнулъ даже головой.

— Ну, выходи, что ли, лѣшій!.. Чего въ дверяхъ-то вертишься, — окрикнулъ только меня кто-то, вваливаясь въ кабацкія двери всѣмъ корпусомъ.

Я вышелъ. Сугубый мѣрнымъ и саженнымъ шагомъ шелъ уже далеко впереди, ни разу не обертываясь, засунувъ одну руку за пазуху халата и махая по-солдатски другой. Я было окрикнулъ его, но онъ не обернулся; кто знаетъ, самъ ли онъ стыдился итти со мной рядомъ, боясь за *свою* репутацію, или деликатно отстранялся отъ меня, дабы *моя* репутація не пострадала отъ близкаго знакомства съ нимъ въ виду обывательскихъ глазъ.

Но вдругъ, на одномъ поворотѣ въ переулокъ, онъ повернулся и быстро подошелъ ко мнѣ, не измѣняя суровой позы.

— Нѣтъ, ко мнѣ не зачѣмъ, — пробасилъ онъ:—я передумалъ... Чорта тамъ!.. Бабы... Чепуха... Я лучше къ вамъ приду... Вы гдѣ живете?—Я сказалъ.

— Когда же?

— Я сейчасъ... слѣдомъ... Ступайте. — Онъ повернулъ въ переулокъ и также мѣрно, не обертываясь, зашагалъ вдоль него.

Сугубаго мнѣ пришлось ждать недолго. Только что внесли ко мнѣ самоваръ, какъ явился и онъ, но, къ моему удивленію, не одинъ и не въ халатѣ: на немъ было какое-то странное пальто изъ грубой матеріи, которой еще мнѣ никогда прежде не приходилось видѣть.

— Садись,—сказалъ онъ своему спутнику, и потомъ спросилъ меня. — Ничего?—Это мой товарищъ...

— Ничего, садитесь—гости будете, — отвѣчалъ я, всматриваясь въ страннаго пріятеля Сугубаго. Это была та личность, которую, по внѣшнему виду, наши провинціальныя дамы назвали бы „Божьимъ человѣкомъ“: онъ былъ въ портахъ и рубахѣ, ничѣмъ не подпоясанной, съ разстегнутымъ воротомъ, изъ-за котораго смотрѣла волосатая мѣдно-красная

грудь, босой, съ взъерошенными волосами на большой головѣ и съ палкой въ рукахъ. Онъ казался въ первое время крайне смущеннымъ и несмѣлымъ, говорилъ, не подымая глазъ и смотря куда-то въ уголъ. Я, чтобы еще болѣе не смутить его, старался умѣрить свое любопытство и не спрашивалъ о немъ Сугубаго; послѣдній же, какъ мнѣ показалось, нарочно не хотѣлъ ничего объяснить, можетъ быть, желая узнать, какъ приму я такой визитъ.

Сугубый былъ угрюмъ и серьезенъ.

— Пишете?—спросилъ онъ меня.

— Пишу.

— Въ блистаніи славы, конечно, обрѣтаетесь? Слышалъ, слышалъ...

— Какая же слава!.. Такъ: заурядный работникъ. Зачѣмъ же слава?..

— Безъ славы нельзя, — пробасилъ онъ.

— Нѣтъ, безъ славы нельзя,—какъ эхо отозвался его спутникъ и вдругъ завертѣлся на стулѣ.

— Отчего же нельзя? Слава — дымъ! Знаете?

— Безъ славы намъ нельзя... безъ славы мы—ничто... Безъ славы мы—прахъ... Насъ раздавить можно... Мы—тля!—заговорилъ вдругъ спутникъ Сугубаго.—А слава—грѣхъ!... слава—мать всѣмъ порокамъ!.. Уничтожься—вотъ добродѣтель; самоотвергнись—вотъ доблесть!..—выговорилъ онъ, какъ-то сіяя, и вдругъ, сконфузившись, смолкъ.

— А вы какъ, согласны? — обратился я къ Сугубому.

— Я относительно сего вопроса такихъ положеній держусь, — заговорилъ онъ:— аттрибуты духа должны быть отдѣлены отъ низшихъ аттрибутовъ тѣла... Да будетъ славно твое дѣяніе, твой духъ, но ты уничтожься самолично, ты — самоотрекись!.. А у *васъ* этого нѣтъ... Вы рабы славы... Вы любите хваленіе, оиміамъ курящійся, кадило благовонное!..

Сугубый поднялся грозный и суровый, хотѣлъ было стукнуть по столу кулакомъ, но вдругъ, отчего-то смѣшавшись, какъ и его пріятель, замолкъ и сѣлъ.

— Да, всѣ—славолюбцы!..—подхватилъ „Божій человѣкъ“. — Вамъ что дѣяніе? Дѣяніе ваше только путь къ блистанію въ почестяхъ и богатствѣ! Извините, впрочемъ... Это такъ... юродство,—внезапно прибавилъ онъ. — Конечно-съ, вамъ можетъ быть непріятно...

— Мы коли и уйти можемъ, — прибавилъ Сугубый и порывисто схватился за шапку.

Я, однако, скоро успокоилъ ихъ, и они остались: очевидно, они были недовольны собой, что на секунду „соткровенничали“.

— Ну и вы, кажется, достигли этого?—спросилъ я „Божьяго человѣка“.

— Я-съ?.. Нѣтъ-съ!.. Гдѣ же-съ!.. Это я такъ,—показалъ онъ на босыя ноги,— испытую себя... Вотъ хочу уйти въ пустынь, ежели выдержу, тогда посмотрите... А вотъ Вавило Степанычъ достигъ-съ... почти достигъ-съ, — кивнулъ онъ на Сугубаго...

— Это правда? — обратился я къ послѣднему.

— Не знаю... Можетъ быть, на взглядъ иныхъ... Самъ же я сего не признаю.

— Они и не могутъ признать... Потому они не себѣ славы ищутъ, а дѣяніямъ своимъ,—пояснилъ спутникъ.

— Прощайте. Больше нельзя. Насъ ждутъ,—сказалъ, поднимаясь, Сугубый.

— Что же это вы? Да мы ни о чемъ съ вами и не говорили?

— Довольно. Можетъ быть, еще будетъ время.

Мы распрощались, и они вышли. Но нѣсколько минутъ спустя ко мнѣ въ комнату постучались. Я отворилъ и увидалъ „Божьяго человѣка“.

— Извините... Вавило Степанычъ приказили просить книжку-съ... вотъ-съ эту самую,—показалъ онъ на столъ. Удостойте прочтеніемъ.

— Отчего жъ онъ здѣсь не спросилъ?

— Побоялись...

— Чего же?

— Того гляди, не выдержатъ-съ... Потому они привычку такую усвоили, чтобы все напрямки-съ всякому въ лицо говорить... Ихъ, вѣдь, всѣ здѣсь и боятся...

— Я былъ бы очень доволенъ, если бы онъ и со мной говорилъ прямо...

— Гм... Онъ еще не знаетъ... А можетъ быть, вы стали бы превозноситься?... Вообще, было бы замѣтно, что вамъ лестно вниманіе такое?... Ну, тогда-съ...

— Что же тогда? Не прибилъ бы, вѣдь?..

„Божій человѣкъ“ опустилъ долу глаза и усмѣхнулся, не отвѣтивъ ничего.

— Такъ одолжите книжечку-съ?

Я далъ ему книжку, и онъ ушелъ.

Личность теперешняго Сугубаго оста-

валась для меня тою же неопредѣленною, таинственною силой, какъ и прежде. А что, въ самомъ дѣлѣ, — пришла мнѣ въ голову смѣшная мысль, — неужели онъ побилъ бы? А, вѣдь, отчего нибудь да трепещутъ же его здѣсь всѣ „красные“.

Я не успѣлъ еще рѣшить утвердительно вопроса, какъ, часа черезъ три послѣ ихъ визита, ко мнѣ снова постучались въ дверь, и снова явился „Божій человѣкъ“. Онъ тихо вошелъ босыми ногами и бережно положилъ книгу на то самое мѣсто, гдѣ она лежала, и затѣмъ таинственно сообщилъ мнѣ:

— Плакали-съ,—сказалъ онъ съ особымъ выраженіемъ.

— Кто?

— Вавило Степанычъ.

— Что вы?

„Божій человѣкъ“ выразительно кивнулъ головой.

— Что же такъ могло его поразить?

— Не могу сказать-съ, какъ это... Мы вонъ тамъ, подъ стогомъ, на пожнѣ читали... И вдругъ—пролилъ слезу... Въ томъ самомъ мѣстѣ, когда господинъ герой изволили пѣшкомъ отправляться... туда-съ... въ университанты... Ну и все прочее... Съ ними бываютъ эдакіе моменты...

— Вы присядьте, — предложилъ я, — поразскажите мнѣ о немъ... Мнѣ такъ интересно...

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, увольте!..

— Пожалуйста,—просилъ я,—не хотите ли водки?

„Божій человѣкъ“ сдался.

— Извольте - съ, минутку посижу... Только ужъ вы, пожалуйста, ему, ни Боже мой про меня... Они меня тогда отстранятъ-съ отъ себя навѣки... А я ими только и живу, Вавиломъ Степанычемъ.

— Какъ такъ?

— Такъ-съ... На меня очень здѣсь многіе злобу питаютъ... За обличеніе... Иногда я изобличаю... Изрѣдка... Выйду на базаръ... или тамъ гдѣ въ другомъ мѣстѣ... ну и произнесу обличеніе... Такъ, небольшое слово, по примѣру древнихъ... Иногда на меня эдакое бываетъ свыше, какъ бы наитіе... Неоднократно меня за сіе въ полицію брали, ввергали въ темную... Хотѣли даже въ сумасшедшій домъ за одно обличеніе... Ну, только Вавило Степанычъ всегда за меня стояли... Потому они это сами очень любятъ...

— Обличенія-то?

— Да-съ... Ка-акъ же?!.. Вѣдь, они у насъ большой сочинитель.

— Я это зналъ. Такъ онъ и до сихъ поръ сочинительствуетъ?

— Ка-акъ же-съ!.. И значительную извѣстность здѣсь въ этомъ имѣютъ... Вотъ завтра-съ ихъ проповѣдь будетъ говориться... въ соборѣ-съ...

— Какъ такъ—говориться?

— Такъ-съ... Вавило Степанычъ сами-съ этого права не имѣютъ, чтобы говорить самолично... Ну, и притомъ они своимъ дѣяніемъ дорожатъ, личность же свою скрываютъ... Такъ и отдаютъ свое разсужденіе проповѣднику... Проповѣдникъ уже отъ себя и произноситъ во всеуслышаніе... Ну, только всѣ сейчасъ уже узнаютъ, которое разсужденіе господину Сугубому принадлежитъ... У Вавилы Степаныча такой уже стиль своеобразный: болѣе обличительный и гораціанскій... Обличенія идутъ у него ex abrupto, якобы било сатирическое... поражаютъ сердца... Они-съ, кромѣ того, въ вѣдомостяхъ нѣчто изображаютъ... Даже господину предсѣдателю земской управы неоднократно доставляли доклады... Однако, прошу прощенія-съ,—прервалъ себя „Божій человѣкъ“.

— Да погодите. Вы вотъ выкушайте еще...

— Еще?

— Да.

Я налилъ ему рюмку. Онъ поднялъ ее кверху, посмотрѣлъ сквозь жидкость на свѣтъ и покачалъ головой.

— Н-да... Вонъ онъ достигъ, а мы—тля, мы слабость плотская...

— Чего же онъ достигъ? Развѣ онъ не пьетъ?

— Употребляетъ и онъ. Но сей напитокъ возноситъ духъ его, слово его крѣпится: якобы громъ и молнія и ярость стихій—таково тогда его слово!.. А мы, напротивъ того, слабѣемъ и принижаемся духомъ... Мы рабы напитка сего, онъ же владычествуетъ надъ нимъ!.. Эхъ!

„Божій человѣкъ“ вздохнулъ, грустно посмотрѣлъ на рюмку, выпилъ и отодвинулъ ее на другой конецъ стола.

— Скажите, кѣмъ же вы были, прежде чѣмъ сдѣлаться самоотверженнымъ жрецомъ обличеній?..

— Я - съ?.. Я и раньше обличалъ - съ, только по сану - съ, болѣе въ сельскихъ приходахъ, теперь же лишенъ... за нѣкія дѣянія. Я однокашникъ съ господиномъ

Сугубымъ... Когда съ нимъ самая эта исторія произошла по любовнымъ дѣламъ... ну, и они были также лишены академіи... Къ чиновничеству должны были предназначиться...

— Ну-съ? — быстро спросилъ я, не скрывая охватившаго меня интереса. „Божій человѣкъ“ подозрительно посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и замолчалъ.

— Что же вы?

— Я-то?—Подлецъ я, тварь я, тля ничтожная! — разразился онъ, поднявшись со стула.

— Что съ вами?..

— Она это, проклятая, выдаетъ меня,— ткнулъ онъ пальцемъ въ рюмку. — О, плоть немощная!.. О, духъ пресмыкательства!.. Прощенья прошу!..

„Божій человѣкъ“ быстро схватилъ свою палку и направился къ двери.

— Куда же вы?

— Я?.. Въ пустынь я!.. Испытую себя—и тогда приду къ вамъ, соблазнителямъ!.. Вы тянете разными искусами въ бездну своего ничтожества плоть слабую и духъ неустойчивый!.. Съ младенчества во всякомъ вы клоните духъ долу и, егда онъ захочетъ воспряти, вы принижаете его, дабы не поднялся онъ надъ толпою!

Онъ хотѣлъ было выйти, но вернулся и, подойдя ко мнѣ, тихо сказалъ:

— Не говорите, милостивый государь, что я заикнулся разглашать про него... Будьте сердобольны!.. Онъ отрѣшитъ меня, и я сгину...

Я его завѣрилъ, какъ могъ.

— Благодарствую... Премного благодарствую... А я теперь удалюсь въ пустынь... Испытую отрѣшиться всего... Въ пустынь!.. И тогда, милостивый государь!..

Онъ, не договоривъ, поднялъ палецъ, внушительно сверкнулъ на меня глазами и скрылся.

Только теперь на половину для меня стала ясна таинственная, невольно подчиняющая и требующая себѣ уваженія, сила Сугубаго. Кто хотя сколько-нибудь вѣритъ въ судьбы „провинціальнаго генія“ и провидитъ его будущность, кто знаетъ, какимъ уваженіемъ пользуется онъ среди всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ провинціальныхъ жизней, — этихъ обломковъ, оставшихся на поверхности бурнаго житейскаго моря колыхаться и утопать безъ возможности пристать къ какому-либо тихому брегу, — кто знаетъ какое значеніе имѣетъ у нихъ личность, обладающая силой „обличенія“ всѣхъ и вся и нравственно стойкая, чтобы не бояться обличаемыхъ, — тотъ согласится, что Сугубый имѣлъ всѣ права быть въ высокомъ званіи предводителя золотой роты...

Вечеромъ, когда я, по обыкновенію, упивался созерцаніемъ родныхъ картинъ, въ концѣ улицы послышался гулъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ, и минуты черезъ двѣ появилась золотая рота; шумно и быстро прошла она мимо меня. Я не видывалъ ничего болѣе разнообразнаго: здѣсь собралось все, что искало хотя какой-нибудь нравственной поддержки... Сугубый прошелъ вмѣстѣ съ „Божьимъ человѣкомъ“ мимо, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на мою персону, какъ будто мы никогда не знали другъ друга...

IV.

Было воскресенье. Я вспомнилъ, что сегодня должно быть произнесено „обличеніе“ Сугубаго, и поспѣшилъ въ соборъ. Несмотря на то, что служба еще не начиналась, народу было уже очень много, по провинціальному обычаю: ждали архіерея, торжественную встрѣчу котораго очень любятъ смотрѣть въ провинціи. Отъ входа въ алтарь усердіемъ хожалыхъ и пристава былъ прочищенъ довольно свободный проходъ, по бокамъ котораго шпалерами блистали наряды провинціальныхъ львицъ, ждавшихъ случая приложиться къ рукѣ его пр—ства. По церкви носился сдержанный шопотъ. Съ лѣваго клироса звонко и одиноко лился бойкій тенорокъ псаломщика, читавшаго часы. Я вошелъ и помѣстился между двумя дамами, постоянно лорнировавшими входную дверь. Покорный общему влеченію къ этой двери, сталъ наблюдать ее и я, и только теперь замѣтилъ близъ нея Сугубаго и, признаюсь, недоумѣвалъ. Вообще, онъ поражалъ меня неожиданными контрастами. Обыкновенно флегматично-суровый, онъ былъ теперь совсѣмъ непохожъ на себя: вся его фигура приняла какой-то подобострастно-смиренный, заискивающій и, полный напряженной готовности куда-то устремиться, характерный пошибъ „служки“. Онъ былъ въ томъ же пальто неопредѣленнаго драпа, съ бѣлою пуховою шляпой подъ-мышкой. Постоянно заглядывая за дверь, онъ то строго приказывалъ что-то

церковному старостѣ, то внезапно бросался поправлять половики. Но вотъ съ колокольни послышалось: „во вся", народъ въ церкви завозился и сталъ откашливаться, отсмаркиваться; со стороны пѣвчихъ раздалось тонкое крякань и харканье.

— Грядутъ-съ!.. Позвольте, позвольте,—раздался голосъ.—Это кричалъ Сугубый, пришедшій весь въ неожиданную ажитацію, то бросаясь къ половикамъ, то отстраняя отъ входа толпившійся народъ. Онъ стремительно сунулъ свою шляпу „Божьему человѣку", очутившемуся между нищими въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, или, вѣрнѣе, въ „отсутствіи костюма". Вошелъ его пр—ство, высокій, сѣдой и угрюмый старикъ.

— Испо!..—крикнулъ Сугубый по направленію къ пѣвчимъ, и въ тотъ моментъ, какъ съ клироса раздалось стройное пѣніе, онъ вдругъ согнулся, „самоуничтожился", принялъ изъ рукъ архіерея трость и прикоснулся къ его рукѣ. По лицу Сугубаго прошло выраженіе блаженнаго уничиженія. Пока медленно двигался его пр—ство между жаждавшими его благословенія, Сугубый успѣлъ сбѣгать въ алтарь, отнести туда трость и шубу архіерея и остановился около проповѣдническаго мѣста. Нѣсколько разъ глаза его встрѣчались съ моими, но онъ меня, очевидно, не замѣчалъ; да врядъ ли онъ что-нибудь замѣчалъ въ это время, когда піетизмъ охватилъ все его существо: Сугубый, тотъ „недосягаемый" Сугубый, который жилъ въ моемъ воображеніи, былъ мною неузнаваемъ. Бурса таилась въ каждой его фибрѣ,—и сказалась... Вскорѣ я замѣтилъ среди молящихся и Доеннаго съ братіею, пришедшихъ, очевидно, услышать „обличеніе" своего главы. На нихъ поведеніе Сугубаго, къ моему удивленію, не производило никакого впечатлѣнія: вѣроятно, такія черты въ характерѣ Сугубаго были давно имъ извѣстны и, вмѣстѣ съ другими странностями, относились къ разряду тѣхъ, которыя окрестилъ Доеный „сантиментами"... „Божій человѣкъ" стоялъ все тамъ же, среди нищей братіи, вѣроятно, ради принципа, и внимательно разсматривалъ шляпу своего патрона.—Въ концѣ службы проповѣдникъ произнесъ „обличеніе". Оно было составлено недурно и сквозь щедро-разсыпанную риторику иногда вырывалось искреннее слово, сильная мысль; трактовалось въ немъ о недостаткѣ въ людяхъ самоотреченія въ пользу другихъ, о практицизмѣ новѣйшаго времени, и все это подкрѣплялось правдивою картиной провинціальной жизни, въ которой иногда ясно слышались довольно прозрачные намеки, въ особенности обращавшіе на себя вниманіе слушателей... Мнѣ, впрочемъ, интереснѣе было впечатлѣніе чтенія на самого Сугубаго... Но я его тщетно искалъ среди слушателей... Обличеніе кончилось; оно, замѣтно, понравилось слушателямъ. Сама губернаторша подошла къ клиросу и обратилась къ стоявшему на немъ отцу протоіерею съ просьбою передать его пр—ству, не можетъ ли онъ удостоить ее позволеніемъ списать „слово" на память и поученіе...

Я стоялъ всю службу до конца и даже выждалъ церемонію провожанія архіерея, чтобъ увидать еще Сугубаго. И я увидалъ. Только что архіерей вступилъ снова въ толпу и медленно сталъ подвигаться къ выходу, какъ у дверей вновь появился Сугубый,—онъ подалъ ему трость и попрежнему подобострастно склонился.

— Похвально... И впредь потщись Господу,—сказалъ ему архіерей, когда онъ цѣловалъ его руку:—ты зайди ко мнѣ,—прибавилъ онъ.

Сугубый бросился впередъ его къ подножкѣ кареты и, подсадивъ его, захлопнулъ дверцу.

Лошади тронули. Зазвонили колокола... а Сугубый стоялъ безъ шапки, съ развѣваемыми вѣтромъ волосами, смотря вслѣдъ удалявшемуся экипажу. Я хотѣлъ подойти къ нему, но онъ замѣтилъ меня, схватилъ у подвернувшагося „Божьяго человѣка" свою шляпу, натянулъ ее на уши и быстро зашагалъ по направленію къ консультаціи... О чемъ онъ думалъ? что таилось въ этой замкнутой душѣ, то падающей до подобострастія, то возвышающейся до той нравственной мощи, которая покоряетъ и подчиняетъ себѣ безшабашную толпу кобацкой сволочи?..

Мною такъ сильно овладѣло желаніе встрѣтить еще разъ сегодня Сугубаго, что я спросилъ своего сосѣда, очень богомольнаго огородника, о мѣстѣ жительства Сугубаго, намѣреваясь зайти къ нему.

— Это вы къ кому же-съ тамъ?—переспросилъ сосѣдъ.

— Къ самому Сугубому.

— Гм... къ этимъ самымъ разбойникамъ, выходитъ? — сердито проворчалъ онъ, надѣвая большія мѣдныя очки и принимаясь за псалтырь, составлявшій самое возлюбленное для него чтеніе.

— Что вы?.. Вотъ вы религіозный че-

ловѣкъ—и такъ говорите про г. Сугубаго, который, сами знаете, проповѣди прекрасно сочиняетъ...

— Объ этомъ что говорить!.. Бѣсъ разные образы на себя принимаетъ, дабы совратить человѣковъ... И святыней иногда пользуется...

— Да развѣ вамъ не нравятся его проповѣди?

— Я даже, милостивый господинъ, и говорить о нихъ боюсь... Потому, не иначе вижу въ нихъ, какъ діавольскую прелесть... Въ проповѣди, сударь, должно благолѣпіе души выражаться, а не то что—нынѣ утромъ проповѣдь, а вечеромъ завтра съ цѣлою аравой огороды грабить или по ночамъ, съ демонскимъ рыканіемъ, по улицамъ рыскать, въ домы мирныхъ и чиновныхъ вдадѣльцевъ врываться...

— Не пойму я васъ, Иванъ Сидорычъ,—воля ваша!..

— Ступайте-съ... Извольте итти, ежели вамъ тамъ интересно!.. Я противъ этого не стою-съ... Но только мнѣ и васъ желательно предостеречь: потому, измышленію демонскому не положить предѣла... Извольте итти,—предложилъ онъ мнѣ еще разъ.

Сосѣдъ мой, вообще, не любилъ говорить про „золотую роту“ и отзывался о ней всегда въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Этому были очень солидныя причины, какъ я узналъ впослѣдствіи: у него шла съ „золотою ротой“ борьба. Огородъ его тянулся какъ разъ вдоль прохода изъ города на пристань. „Золотая рота“, получивши работу на пристани, имѣла обыкновеніе, проходя туда и обратно, забираться черезъ плетень въ огородъ моего сосѣда и запасаться свѣжими огурцами „на закуску“, какъ выражались члены роты. Мой сосѣдъ принималъ противъ нихъ всевозможныя мѣры: спускалъ въ огородъ самыхъ злыхъ псовъ, какихъ только могъ онъ найти въ нашемъ городкѣ, но псы, при первомъ же опытѣ, къ его великому удивленію, вмѣсто того, чтобъ нападать, вертѣли предъ Сугубымъ хвостомъ и встрѣчали его роту радостнымъ лаемъ; подавалъ жалобу въ полицію, обвиняя „золотую роту„ въ „денномъ грабежѣ“, но и она оставалась „безъ послѣдствій“, ибо члены роты крѣпко стояли на томъ, что они берутъ „только на закуску“, и провинціальные судьи, руководствуясь обычнымъ патріархальнымъ правомъ, не могли усмотрѣть въ этомъ дѣяніи тяжелаго преступленія.

Дѣло, наконецъ, дошло до того, что мой сосѣдъ, видя, что Сугубаго ничто не беретъ: ни псы, ни жалобы въ полицію, проникся къ нему необычайнымъ страхомъ, съ примѣсью даже нѣкотораго уваженія, несмотря на то, что постоянно выражался о немъ очень крѣпко. Помню, одинъ разъ я былъ свидѣтелемъ такой сцены. Сидѣли мы съ сосѣдомъ на лавочкѣ у воротъ. „Золотая рота“ только что передъ этимъ прошла съ пристани мимо хозяйскаго огорода, не преминувъ и на этотъ разъ наполнить свои пазухи огурцами.

— Грабители, одно слово, — ругался сосѣдъ,—мошенники!.. Кнутъ на нихъ, али колья надо... Мнѣ, вѣдь, огурца не жалко, я огурецъ дамъ, и два дамъ, и три дамъ,—да жри ты его благороднѣе, степенно, спросясь у хозяина... А то, помилуйте, вниманія никакого не берутъ, что хозяинъ, можетъ, въ окно смотритъ!..

Онъ долго еще продолжалъ волноваться на эту тему, какъ къ намъ подошла какая-то старушка нищая и, сначала перекрестившись, съ низкимъ поклономъ подала хозяину лоскутокъ бумаги.

— Отъ кого будешь? — спросилъ сосѣдъ, надѣвая очки.

— А сама я, батюшка, не вѣдаю. Не здѣшняя я. Попросила было я у одного молодца милостинку на дорогѣ, а онъ и говоритъ: подожди. Сѣлъ это онъ на тумбочку и сталъ писать. Написавши, говоритъ: иди вонъ къ тому купцу, что у своихъ воротъ на скамейкѣ сидитъ.

Мой сосѣдъ прочиталъ по складамъ записку и, вдругъ вскочивъ, накинулся на старуху.

— Да ты что, въ заговорѣ, что ли, съ нимъ? А?.. Да вы кто такіе будете?.. Начальникъ онъ, что ли, чтобъ рапорты писать? А?.. Пальцымейстерская ты жена, что ли, чтобъ мнѣ эти приказы носить?

Сосѣдъ мой окончательно вышелъ изъ себя, и безъ того красное лицо его теперь побагровѣло; пока онъ продолжалъ наступать на старуху, перетрусившую окончательно, и пока та, пятясь отъ него, твердила, что она ни въ чемъ не виновата, полицмейстера вѣдать не вѣдаетъ и ни въ какомъ съ нимъ родствѣ не состоитъ, я поднялъ брошенную сосѣдомъ на землю записку и прочелъ слѣдующее: „Господину купцу Брюханову. Имѣю честь покорнѣйше просить выдать подательницѣ сего, въ виду оскудѣнія ея средствъ къ дальнѣйшему продленію бы-

тія въ семъ мірѣ, потребные ей для иждивенія полмѣры огурцовъ, кочанъ капусты и коровай хлѣба.—Къ исполненію.—Вавило Сугубый". Я нѣсколько разъ перечитывалъ записку и хохоталъ въ душѣ, а когда поднялъ глаза, мой сосѣдъ, молча и пыхтя, ходилъ уже около своихъ воротъ, а старуха давно улепетывала вдоль улицы.

— Эй, ты, старая!.. вернись!—крикнулъ купецъ.

Старуха оборачивалась, но итти на приглашеніе не рѣшалась.

— Иди, говорятъ, дура!.. Чего боишься? Испугалась мово-то крику!.. Я, вѣдь, отходчивый, у меня сердце доброе: покричу, покричу, а тамъ, глядишь, вдвое обласкаю...

Старуха медленно стала подвигаться, хотя и не слыхала послѣднихъ увѣщаній, которыя болѣе относились ко мнѣ, кажется, въ смыслѣ рекомендаціи сосѣдскаго благодушія.

— Ступай къ хозяйкѣ,—сказалъ онъ старухѣ,—скажи, молъ, я велѣлъ. Она тебѣ выдастъ. Прими Христа ради, да помяни за здравіе меня, раба Ивана и рабу Лукерью... Слышишь? Ивана чтобы!..—кричалъ онъ ей вслѣдъ.—Ты намъ укажи неимущаго, мы не откажемъ... Ну только чтобы безъ нахрапу,—продолжалъ онъ обращаться ко мнѣ, видимо, стараясь благопричиннѣе оправдать себя.

— Вотъ хотя бы господина Сугубова,—въ иномъ разѣ нельзя не уважить... Прескромнѣйшій человѣкъ, когда ежели въ человѣческомъ образѣ находится... Умасъ у него и тамъ разныхъ способностей, можно сказать,—барка... Его превосходительству господину начальнику города и его преосвященству владыкѣ даже очень давно онъ извѣстенъ... И сколько они теперича своей ласки на него потратили, желаючи его человѣкомъ сдѣлать, такъ даже поистинѣ удивительно! Другой бы, можетъ, пять разъ отъ эдакого счастія умеръ! Ей-Богу-съ!.. Конечно, что имъ жалко, ежели эдакій таланъ не имъ на пользу идетъ, а зря пропадаетъ... Теперича, ежели бы въ человѣческомъ образѣ г. Сугубому быть,—давно бы ужъ они у насъ господиномъ приставомъ были... Ида-съ,—ежели бы не демонъ... Дьяволу, конечно, тоже эдакіе люди на руку, дураки-то ему тоже не очень лестны... Вотъ-съ и выходитъ; вмѣсто того, чтобы блюстителемъ тишины и усмирителемъ буйствъ быть, господинъ Сугубый самъ же по ночамъ обывателей сна лишаютъ, деннымъ грабежомъ съ аравой своей занимаются!..

— Ну ужъ и „грабежомъ"! Зачѣмъ вы такъ выражаетесь? Вѣдь, они работаютъ... Вонъ на пристань ходятъ... Бѣднымъ крестьянамъ прошенія пишутъ...

— Это-съ больше со стороны нечистой силы отводъ-съ... Повѣрьте. Потому, милостивѣйшій господинъ, и работа только тогда богоугодна, когда она въ смиреніи и покорствѣ идетъ, когда надъ собой хозяина видитъ... Вотъ, примѣрно, у меня работникъ есть,—ежели онъ въ послушаніи и покорствѣ предо мной, я и могу сказать, что онъ работаетъ... А чтобы ежели такъ работать, что самъ себѣ баринъ,—такъ этого никогда нигдѣ не бывало-съ... Это-съ больше озорство одно... А что насчетъ, ежели вы говорите, этого ихъ мужицкаго аблакатства,—такъ это только больше для города и начальства одно безпокойство... Баталія одна изъ-за этого-съ!

— Какая же баталія?

— А такъ-съ. У насъ тутъ недавно такое было дѣло завели, до смертоубійства чуть что не дошло... Конечно, это дьяволу очень на руку: христіанскую душу загубить... Самъ его—ство пріѣзжали на эту баталію, пожарныя трубы высылали... Только это одно и помогло... А все отчего? Оттого, что, кромѣ разбойныхъ мыслей, и въ головѣ ничего у нихъ нѣтъ. Была у насъ здѣсь прошлой осенью плотничья артель... Ну-съ, эта артель, все парни молодые, и познакомься съ нашими разбойниками-то, въ кабакѣ. Пріятели такіе сдѣлались—не надо лучше. Только и просятъ—эта артель—написать отъ нихъ ото всѣхъ письма къ родителямъ, что, молъ, всѣ они живы и здоровы и имъ того же желаютъ. А тѣ и напиши въ письмахъ-то, что, молъ, родители наши—всѣ мы наши заработки пропили, и не то, что вамъ послать, или податей уплатить, ниже къ дому вернуться не съ чѣмъ. А все жъ при семъ живемъ де мы весело, послѣдніе сапоги пропиваемъ, чего и вамъ желаемъ... Ну не разбойное ли это дѣло, спрошу я васъ? Пришли парни домой, ихъ, конечно, родители вожжами, а нынѣшнею весной къ намъ, вмѣсто одной, двѣ артели вернулись; сейчасъ первымъ дѣломъ въ кабакъ, разыскали этихъ самыхъ писарей да въ волосья. За писарей вся золотая рота поднялась; а за плотниковъ каменщики, кровельщики

встали... И пошла, сударь мой, такая баталія, что степенный обыватель хоть вонъ бѣги... Хорошо, что г. Сугубый тогда не въ демонскомъ одержаніи былъ, къ нему прибѣгли,—ну, къ вечеру кое-какъ умиротворились...

Въ такомъ родѣ долго разсказывалъ мнѣ купецъ о золотой ротѣ, которая, по его словамъ, являлась то бѣдствіемъ для мирныхъ гражданъ, то вдругъ поражала такими подвигами доблести, какъ, напримѣръ, во время потопа, огня и нашествія истинныхъ грабителей, что удостоивалась похвалы отъ начальства и заявленія благодарности отъ гражданъ въ формѣ нѣсколькихъ ведеръ водки.

Дѣйствительно, подвиги золотой роты составили въ городѣ и окрестностяхъ цѣлый циклъ легендъ, въ которыхъ разсказывалось то о спасеніи старухъ и дѣтей изъ огня во время лѣтнихъ пожаровъ и утопающихъ во время половодья, то о спасеніи странствующихъ и путешествующихъ изъ глубокихъ окрестныхъ снѣговъ въ зимнія вьюги, то о повальномъ избіеніи волковъ, которые въ эти длинные сезоны такъ часто навѣщаютъ наши глухіе города, и все это вперемежку съ подвигами иного нравственнаго свойства, въ родѣ разнесенія кабака неполюбившагося имъ цѣловальника, или выпитія цѣлаго погреба вина во время пожара.

Отставной солдатъ, пропившійся сапожникъ, обезработѣвшій мастеровой, проторговавшійся мѣщанинъ, безоброчный мужикъ, пропившійся пѣвчій и все, что носило на себѣ печать Досиаго, всѣ обломки, выкинутые на мель бурною борьбой за существованіе, за право личности, всегда протестующей, всегда заявляющей себя и не дающей никогда установиться штилю на житейскомъ морѣ, чтобы погребсти себя подъ его мертвящимъ, ровнымъ и однообразнымъ теченіемъ, — все это сплачивалось въ золотую роту. Въ тѣхъ легендахъ, какія ходили о ней, въ ея традиціяхъ, все это, обдѣленное, приниженное, разбитое и оскорбленное, находило, безсознательно для себя, нравственный укладъ...

Но обратимся къ Сугубому.

По адресу, сообщенному мнѣ сосѣдомъ, я скоро отыскалъ его квартиру въ маленькомъ развалившемся домикѣ, прилѣпившемся на боку глубокаго оврага, тянувшагося вдоль всего города. Я вошелъ въ низенькую комнату, съ покривившимся поломъ и потолкомъ, но, несмотря на то, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ въ квартирахъ бѣдняковъ, не поражавшую неряшливостью, равнодушною ко всему, что носитъ на себѣ печать порядка; напротивъ, здѣсь во всемъ было видно желаніе, хотя бы въ пародіи, устроить для себя нѣчто напоминающее семейный очагъ. Ситцевыя занавѣски, три горшка герани, фуксіи на окнахъ, кругленькій столикъ въ углу подъ „родительскимъ благословеніемъ“, на которомъ еще уцѣлѣла серебряная риза, благодаря, вѣроятно, не совсѣмъ ординарному складу нравственныхъ понятій хозяина; столъ въ простѣнкѣ, крытый вязаной нитяной скатерью, надъ нимъ плохая литографія митрополита Платона, плетеные соломенные стулья по стѣнамъ, старинные часы, медленно и какъ бы не хотя двигающіе свой массивный маятникъ, наконецъ, кожанный диванъ, надъ которымъ прибита помятая и поломанная розетка, и половикъ у порога зальцы,—такова была квартира Сугубаго, въ которой ни на чемъ, однако, не чувствовалось присутствія мужчины. Это былъ скорѣе пріютъ бѣдной рабочей женщины. И она, дѣйствительно, явилась изъ сосѣдней комнатки (вѣроятно, спальни), едва я вошелъ. Это была женщина лѣтъ тридцати слишкомъ, преждевременно постарѣвшая и чѣмъ-то испуганная: этотъ испугъ былъ постояннымъ выраженіемъ ея лица; какъ будто когда-то въ молодости ее чѣмъ-то напугали, и этотъ испугъ замеръ на ея лицѣ. Она была повязана небольшимъ платкомъ, въ темномъ ситцевомъ платьѣ. Трудно было признать въ ней ту, если не красивую, зато свѣжую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, свидѣтелемъ любовнаго объясненія которой съ Сугубымъ я былъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ...

Я попросилъ позволенія присѣсть и выкурить папироску, въ надеждѣ—не придетъ ли въ это время Сугубый. Марья Ѳиногеновна при моей просьбѣ сначала какъ-то испуганно и конфузливо заметалась, стала поправлять скатерти и стулья, чтобы скрыть свою испуганность, и только когда я заговорилъ, нѣсколько успокоилась, усѣвшись на стулѣ, около двери.

— Я васъ, вѣдь, помню, Марья Ѳиногеновна,—сказалъ я.

— И я васъ припоминаю... Вы къ намъ на квартиру часто ходили... — замѣтила она.—Такой вы тогда были любопытный... до всего...

— Я и теперь не измѣнился... Все такой же... Вотъ сегодня въ соборѣ былъ, вашего мужа проповѣдь слушалъ...

— Слушали! Ну что... хороша?

— Хороша... Всѣмъ очень понравилась...

— Ну, тѣмъ хуже,—вздохнула она.

— Отчего же такъ?

— Такъ, лучше бы онъ совсѣмъ ихъ не писалъ... А то послѣ всякой проповѣди у него и начнетъ все подыматься... изнутри-то... Страшный онъ такой станетъ... И такъ онъ меня совсѣмъ не знаетъ, а въ эдакое время я всегда ухожу куда-нибудь...

— Развѣ онъ васъ не любитъ?

— Нѣтъ, не любитъ...

— Но, вѣдь, насколько я помню, вы по любви...

— Это у него только такъ... минута была... У нихъ у всѣхъ такъ... А послѣ того, какъ его тогда за неблагонравіе въ 3-й разрядъ понизили и въ академію не пустили, онъ и видѣть меня не могъ... А маменька рада была: его здѣсь всѣ любили... мѣста ему все лучшія предлагали... думали, чиновникъ изъ него будетъ первый въ городѣ... Обвѣнчали насъ, а онъ и пропалъ: только черезъ мѣсяцъ на пристани между рабочими нашли... А развѣ я виновата?.. Я его любила... Я все старалась дѣлать, какъ онъ меня училъ: рядиться перестала... со всѣми подругами раззнакомилась... работать стала пріучаться... Вотъ пятнадцать лѣтъ прошло — совсѣмъ привыкла: живу я на свои, а онъ на свои. А онъ меня ненавидитъ... Чѣмъ же я виновата? я ничѣмъ не виновата, я все сдѣлала для него... Я думала, что любовь не всякому дается, а ужъ если кому дастся, такъ съ ней и счастіе!.. А вышло — не такъ бываетъ.

Она отвернулась, чтобы скрыть выступившія изъ глазъ слезы и, прижавъ платокъ къ губамъ, замолкла. Молчалъ и я. Что могъ я сказать въ утѣшеніе той, которая пятнадцать лѣтъ настойчиво, но тщетно ждетъ, когда свѣтлый лучъ если уже не любви, то хотя признанія промелькнетъ въ ея жизни?.. Бурса и жизнь были неумолимы...

— Вы ему не говорите,—прошептала она, вѣроятно, чуткимъ ухомъ узнавъ походку Сугубаго, и лицо ея приняло вновь испуганное выраженіе.

Вошелъ Сугубый. Онъ мрачно посмотрѣлъ на меня и не сказалъ ни слова, какъ будто мой приходъ былъ самымъ обычнымъ явленіемъ. Онъ прямо обратился къ женѣ, бросивъ предъ нею на столъ трехрублевую бумажку.

— Получите,—пробасилъ онъ.

— Да на что мнѣ? Мнѣ не надо, — прошептала она, испуганно подымаясь.

— Получите-съ... Вотъ вамъ сребренники—цѣна духа!

— Да вы оставьте ихъ у себя, Вавило Степанычъ...

— Получи-ите-съ! — крикнулъ Сугубый, двинувъ могучею рукой бумажку по столу такъ, что она лопнула посрединѣ.

— Мнѣ не надо... Зачѣмъ?.. Господь съ вами и съ деньгами... Я уйду лучше...

Марья Ѳиногеновна, все съ тѣмъ же испугомъ на лицѣ, тихо вышла. Сугубый проводилъ ее тѣмъ же мрачнымъ взглядомъ и медленно повернулся ко мнѣ.

— Ты меня поймешь, — сказалъ онъ, садясь предо мною и вынимая изъ кармана полуштофъ.—Пятнадцать лѣтъ они гнутъ меня, какъ дугу... гнутъ, чтобы я былъ *ихъ*... понимаешь? Ты, говорятъ, умница, да твои познанія... да ты бы давно... И это пятнадцать лѣтъ! Они были рады... помнишь?.. Моментъ у меня былъ... Одинъ только „моментъ“—и все рушилось съ духовной высоты въ пропасть презрѣнную!.. Они рады были... всѣ, всѣ... Имъ было нужно меня засосать въ себя... Ты помнишь, что имъ нужно было?.. Гибель имъ моя нужна была... Имъ цѣпь хотѣлось мнѣ въ ноздрю запустить и заставить плясать вмѣстѣ съ ними... Вотъ они что хотѣли!.. ха-ха-ха!.. Черти, черти!..

Я молчалъ. Я далъ ему выговорить все.

— Духовная высота,—заговорилъ онъ тихо, уставивъ глаза въ стѣну, — умиленіе души, умъ просвѣтленный откровеніемъ познанія, духъ себя созерцающій до глубинъ непроникновенныхъ, духъ проникающій въ тайники души человѣческой... и затѣмъ слово, поражающее сердца!.. Откровеніе, поражающее умъ толпы, призваніе на путь любви, спасенія и раскаянія! Тысячи душъ, колѣнопреклоненныя, падаютъ ницъ, видя обличенную тайну своей души, и возстаютъ внезапу очищенныя и омытыя въ банѣ покаянія на дѣло милосердія и любви!

Онъ говорилъ слегка восторженнымъ и кое-гдѣ повышаемымъ тономъ. Я молчалъ и слушалъ. Я зналъ, какая глубокая драма прикрывалась этою риторикой...

— Вотъ путь, довлѣющій духу! — заключилъ онъ: — и они совлекли меня съ высоты духовной въ міръ низкой плоти и грѣховныхъ вожделѣній...

— Аминь!—произнесъ чей-то голосъ.

— Молчи!—прикрикнулъ Сугубый, не оборачиваясь.

Только теперь я замѣтилъ, что „Божій человѣкъ“ сидѣлъ у входной двери и гулялъ глазами по потолку и угламъ комнаты. Его присутствіе произвело на меня почему-то непріятное впечатлѣніе: можетъ быть, потому, что мнѣ хотѣлось поговорить съ Сугубымъ объ его сердечныхъ дѣлахъ и желалось склонить его въ пользу несчастной жены, но онъ врядъ ли бы отступилъ въ чемъ-нибудь предъ лицомъ своего адепта.

— Чѣмъ же виновата она? — заговорилъ все-таки я.

— Она?—переспросилъ Сугубый, уставивъ на меня недоумѣвающій взглядъ.— Она—женщина.

— Я не встрѣчалъ въ нашемъ кругу другой, которая могла бы такъ беззавѣтно привязаться къ человѣку,— замѣтилъ было я.

— Похоть!—сказалъ онъ, выпилъ еще стаканъ и разразился цѣлымъ потокомъ цвѣтистыхъ фразъ, постоянно перемѣшанныхъ съ внезапными выраженіями такой душевной боли, отъ которой, казалось, могъ бы зарыдать самъ Сугубый... „Божій человѣкъ“ приходилъ въ молчаливый восторгъ и только глазами выражалъ все свое сочувствіе. Но Сугубый пилъ все чаще и чаще, рѣчь его становилась безсвязнѣе и, наконецъ, слилась въ одинъ сплошной гулъ проклятій. Я увидалъ, что мнѣ больше съ нимъ нечего дѣлать и ушелъ.

А съ начала вечера и въ продолженіе почи я слышалъ, какъ по глухому городку носилась буря: то надрывалась сугубовская грудь, разнося изъ одного конца улицы въ другой какія-то заклятія; предъ домами мирныхъ гражданъ начали раздаваться „обличенія“, но уже не урѣзанныя, не смягченныя деликатною цензурой... Мирные обыватели, какъ и мой религіозный сосѣдъ, спѣшили творить молитвы и припирать плотнѣе двери... На улицахъ ни души; только за Сугубымъ, какъ тѣнь, скользитъ неслышной поступью босой „Божій человѣкъ“, да развѣ-развѣ выбѣжитъ въ халатѣ раздосадованный приставъ, чтобъ дружески уговорить Сугубаго, но тотчасъ же обращается вспять...

Сугубый былъ въ „демонскомъ одержаніи“...

Въ эту же ночь и я выѣзжалъ изъ города.

Такъ мстилъ этотъ сильный человѣкъ и себѣ и другимъ за лучезарнѣйшій моментъ своей юности, за „моментъ любви“, которую благословляютъ люди, взлелѣянные иной судьбой, иными условіями жизни...

Прошло много лѣтъ, когда я случайно узналъ о дальнѣйшей судьбѣ Сугубаго. Онъ пропалъ въ Сибири, сосланный съ приверженцами одной изъ крайнихъ фанатическихъ сектъ. Не было сомнѣнія, что вмѣстѣ съ нимъ ушелъ туда и „Божій человѣкъ“, такъ какъ ихъ обоихъ уже съ тѣхъ поръ не видали на моей родинѣ.

1877 г.

ЛѢСЪ.

Мы (я и двое моихъ спутниковъ) шли лѣсомъ, пробираясь для сокращенія пути узкою тропой. Чѣмъ больше углублялись мы въ густую чащу деревъ, тѣмъ сильнѣе охватывало меня какое-то странное, неопредѣленное ощущеніе страха, смѣшаннаго съ тѣмъ чувствомъ безотчетнаго уваженія, какое невольно является, когда входишь въ запущенныя руины или оставленный, давно непосѣщаемый храмъ. Это былъ лѣсъ, который въ старину называли „дремучимъ“, нетронутый еще топоромъ, — обрывокъ изъ тѣхъ заповѣдныхъ муромскихъ лѣсовъ, о которыхъ такъ много слыхалось въ дѣтствѣ страшныхъ сказокъ. И я, дѣйствительно, съ непритворнымъ уваженіемъ и страхомъ, смотрѣлъ на столѣтнія сосны, обросшія кругомъ густымъ слоемъ мховъ, съ корявыми, покрытыми клочьями такого же сѣдого мха, сучьями, низко и тяжело обвисшими надъ нашими головами, и въ воображеніи невольно вставала страшная „глубь временъ“, съ Соловьемъ-Разбойникомъ, наводившимъ ужасъ своимъ посвистомъ, Ильей-Муромцемъ, вынесшимъ свою знаменитую дубину изъ этихъ трущобъ, съ татарами, оставившими свой слѣдъ на цѣлыя столѣтія даже въ этихъ неприступныхъ дебряхъ,—и дальше припомнились эти суровые и таинственные „ссыльные люди“, странники и бѣгуны... Но кромѣ этихъ, такъ сказать, „историческихъ“ воспоминаній, у меня были еще свои, личныя, которыя смущали меня еще больше...

Больше двадцати пяти лѣтъ я не былъ въ этихъ мѣстахъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мой отецъ, бывшій управляющій одного барскаго имѣнія, спѣшно долженъ былъ бѣжать отсюда въ городъ, гдѣ и поселился съ тѣхъ поръ навсегда. Мнѣ было тогда лѣтъ десять; ни одно изъ дѣтскихъ впечатлѣній не оставило во мнѣ на всю жизнь такого слѣда, какъ это наше „бѣгство“, какимъ-то рѣзкимъ угломъ вдвинувшееся въ мою жизнь.

Помню, былъ конецъ зимы, въ началѣ поста; чуть начиналась оттепель; мнѣ все стало казаться какъ-то сѣро, неуютно, скучно, непривѣтливо кругомъ. Въ домѣ, гдѣ мы столько лѣтъ жили, былъ полный безпорядокъ: старая, поломанная мебель торчала всюду, сдвинутая съ своихъ обычныхъ мѣстъ; огромные узлы съ разной хозяйственной рухлядью горами лежали посрединѣ комнатъ. Дворовые люди—старики, парни и дѣвушки—связывали ихъ веревками, казалось, очень усердно и степенно, когда выходили отецъ или мать, и смѣялись потомъ украдкой (въ особенности молодежь), когда кругомъ не было никого; я это замѣтилъ изъ сосѣдней комнаты, когда незамѣтно для нихъ остановился въ дверяхъ, бродя растерянно съ одного мѣста на другое; мнѣ это показалось обидно и больно кольнуло мое дѣтское сердце. „Они всѣ такіе!“ припомнились мнѣ слова отца, и я повѣрилъ этимъ словамъ теперь. Я любилъ отца и мать, и ихъ жалобы всегда находили отзывъ въ моемъ сердцѣ. Когда пришелъ внезапный приказъ барина немедлено передать управленіе имѣніемъ старостѣ и тотчасъ же выѣхать, и отецъ, и мать были поражены „несправедливостью“, и я вполнѣ имъ вѣрилъ и скорбѣлъ вмѣстѣ съ ними. „О мужикахъ“ я, впрочемъ, былъ всегда невысокаго мнѣнія,—я не любилъ ихъ; притомъ я всегда видѣлъ и зналъ ихъ только „издали“, изъ конторы своего отца. Напротивъ, въ дворнѣ у меня были свои любимцы,—это старая няня, дѣвушка Маша и кучеръ Сидоръ, который училъ меня ѣздить верхомъ, дѣ-

лать кубари и ловить птицъ; но я ихъ зато и не считалъ „мужиками". Мужики—тѣ, что должны пахать, косить, приносить оброкъ, тѣ, которые жили тамъ, подъ соломенными крышами, въ деревняхъ, совсѣмъ другіе люди.

Надо было ѣхать. У крыльца давно ужъ стояли возокъ и двое саней, заложенныхъ тройками мужицкихъ лошадей, тощихъ и шершавыхъ; около нихъ ходили тѣ „мужики", которые должны были насъ везти до первой почтовой станціи. Я, одѣтый въ теплый тулупчикъ и валенки, то и дѣло выскакивалъ на крыльцо, и, помню, былъ какъ будто тоже очень озабоченъ, огорченъ и сердитъ, какъ отецъ, и все молчалъ, едва даже отвѣчая на ласки дворни. Я, очевидно, незамѣтно для себя подражалъ отцу. Онъ все послѣднее время былъ очень встревоженъ, а въ особенности теперь, предъ отъѣздомъ, хотя, видимо, старался пересилить себя, даже былъ какъ будто мягче, ласковѣе, чѣмъ прежде. Въ его голосѣ слышалась даже грусть, когда онъ говорилъ съ старымъ дворецкимъ:

— Ну, что, Панфилычъ, ты говоришь—надежны будутъ они (кивалъ онъ головой къ окну на стоявшихъ у крыльца мужиковъ)? Ты кого взялъ?

— Будьте надежны, батюшка,—отвѣчалъ Панфилычъ:—что вы? Господь съ вами!... Люди извѣстные — Петръ Горѣловъ, Фролъ Демидовъ, да...

— Они? Гм...—прошепталъ отецъ и чуть наморщилъ брови.—Смотри, лѣсомъ поѣдемъ, поздно, вишь, какъ запоздали...

— Будьте благонадежны,—продолжалъ утѣшать Панфилычъ,—все Господь...

Послѣ этого разговора, когда я выбѣгалъ на крыльцо, мнѣ стало казаться уже, что „мужики, ходившіе около лошадей, постукивая нога объ ногу въ большихъ валеныхъ сапогахъ, о чемъ-то подозрительно шепчутся... А когда я замѣтилъ, какъ отецъ вытащилъ изъ-за комода старую заржавленную шашку и велѣлъ Панфилычу положить ее въ возокъ, а мать, одѣтая въ салопъ и капоръ, все припадала на колѣни предъ иконами, со слезами на глазахъ,—я сталъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ. „Господи,—думалъ я,—скорѣе бы только добраться до города, дальше, какъ можно дальше отъ *всѣхъ этихъ людей*..." Въ эти минуты для меня опостылѣлъ этотъ домъ и изъ ребячьей моей души исчезли всѣ наивныя, безгрѣшныя дѣтскія радости, которыя я находилъ когда-то здѣсь. Что-то суровое, черствое, леденящее оставляло мнѣ въ наслѣдство проведенное здѣсь дѣтство,—наслѣдство, отъ котораго освободили меня только долгіе годы тяжкихъ и мучительныхъ испытаній.

Наконецъ, мы усѣлись въ возокъ и, пустивъ впередъ подводы съ кладью, двинулись „гусемъ" изъ деревни, въ которую уже многимъ изъ насъ не пришлось никогда вернуться. Немногіе провожали насъ съ грустью,— и то, можетъ быть, просто отъ привычки,—старая няня, да дѣвушка Маша плакали, стоя на крыльцѣ; кучеръ Сидоръ все только больше сморкался и въ заключеніе подарилъ мнѣ на дорогу старую гармонику. Ни мужиковъ, ни бабъ, какъ бывало прежде, не толкалось у крыльца. Мы выѣхали за деревню и возокъ, покачиваясь и купаясь въ ухабахъ, потонулъ въ безбрежномъ морѣ снѣговыхъ полей.

Я сначала былъ напряженно внимателенъ: ловилъ каждый звукъ, и каждое движеніе возка и окрики ямщиковъ казались мнѣ подозрительны. Мы всѣ молчали; мать крестилась то и дѣло; отецъ откинулся сердито въ самый уголъ и только иногда, отворотивъ рогожную занавѣску у окна, что-то приказывалъ Панфилычу, провожавшему насъ до первой станціи и сидѣвшему рядомъ съ ямщикомъ, на что Панфилычъ повторялъ одно и то же: „будьте благонадежны... Господь-Богъ дастъ — доѣдемъ!"... Сестра Лиза, моложе меня годомъ, прикорнула къ колѣнямъ отца и, кажется, уже заснула, и только другая сестренка, грудная, лежавшая на колѣняхъ у матери, плакала каждыя пять минутъ. Мнѣ тоже хотѣлось спать, но я далъ себѣ слово не засыпать, пока не проѣдемъ „страшный лѣсъ". Я рѣшился защищаться отъ кого-то вмѣстѣ съ отцомъ.

Становилось темнѣе. Я все ждалъ, когда будетъ лѣсъ, но спросить отца боялся... Между тѣмъ я началъ дремать... Не знаю, сколько прошло времени послѣ того, какъ я заснулъ. Меня разбудилъ чей-то говоръ, потомъ перекликавшіеся голоса. Я проснулся: отца не было въ возкѣ. Мать читала почти вслухъ молитву и крестилась; маленькая сестренка кричала. Меня охватилъ страхъ и потомъ стыдъ, что я заснулъ. „Лѣсъ!"—мелькнуло у меня въ головѣ. Я высунулся въ окно. Темныя, мрачныя стѣны деревьевъ окружали насъ. Свѣтъ былъ

только отъ снѣга.—„Гдѣ же мы?—спрашивалъ отецъ, — что же вы надѣлали?"—„Что подѣлаешь?—отвѣчалъ Панфилычъ: — все передовой... Говорилъ ему — лѣвѣе... Нѣтъ вотъ, братецъ ты мой .. Да ужъ какіе это ямщики—просто мужики деревенскіе!... А говоритъ: знаю!.." —„Что жъ это за изба?"—спрашивалъ отецъ. —„Кто ее знаетъ!..— отвѣчалъ уклончиво Панфилычъ:—можетъ, староверы, а можетъ..." Онъ не договорилъ. —„Вотъ ямщики пошли,— сейчасъ узнаютъ..." Скоро изъ глубины лѣса мигнулъ огонь фонаря, послышались чьи-то голоса. Вотъ подошли четыре фигуры и стали медленно ходить около саней.—„Вы кто такіе?"—спрашивалъ отецъ. Но пришедшіе вполголоса говорятъ между собою и не отвѣчаютъ. При полусвѣтѣ фонаря я вижу только широкія скулы, длинныя бороды, полушубки и шапки; мнѣ кажется, они внимательно и подозрительно осматриваютъ возокъ. Панфилычъ, очевидно, струсилъ и что-то не заговариваетъ съ ними, а копается позади возка. Отецъ еще что-то спрашиваетъ, — ему опять не отвѣчаютъ. Вотъ онъ подошелъ къ возку и просунулъ въ окно руку; я отчаянно схватился за нее: она была холодна, какъ ледъ, и дрожала. —„Ты чего?"—спросила мать.—„Ничего, успокойся... Все обойдется",—говоритъ отецъ и незамѣтно вытаскиваетъ изъ возка шашку... Вдругъ мать высовывается въ другое окно и начинаетъ говорить: „Православные... будьте милосерды... пустите на минутку... Богъ васъ не оставитъ... только ребенка перепеленать и накормить... измучилась я... не ради себя просимъ, ради малаго дитяти..." Мнѣ обидно, что мать, „барыня", вдругъ стала такъ униженно умолять этихъ грубыхъ мужиковъ. А мужики опять ничего не отвѣтили, — и вдругъ ушли съ фонаремъ обратно въ лѣсъ. „Что же это будетъ? Гдѣ же ямщики-мошенники?" — кричалъ отчаянно отецъ, хотя голосъ его, видимо, дрожалъ.—„Вотъ поди жъ ты,—ворчалъ Панфилычъ. — Постой, слышь: это нашъ передовой укаетъ... Вишь, вѣдь, отбился куда!.. Онъ и есть!.. А-у-гу!" — закричалъ Панфилычъ... Въ лѣсу кто-то засвистѣлъ. Вотъ опять замелькалъ между деревьями фонарь—„Пожалуйте... Ничего, не безпокойтесь! Говорятъ: пусть входятъ..." Это наши ямщики вернулись. „Да кто живетъ въ этой избѣ?" — спрашиваетъ отецъ. — „Пожалуйте, пока пущаютъ...—говорятъ уклончиво ямщики.— Вотъ за фонарикомъ-то... вотъ на огонекъ-то идите... Полегонечку... Вотъ на тропку выходите... Мотри, въ сугробъ не попади, барыня, съ ребенкомъ-то..." Мнѣ, однако, это вниманіе ямщиковъ кажется подозрительнымъ, и когда Фролъ Демидовъ хочетъ взять меня на руки, чтобы донести до избы, я, какъ волченокъ, въ ужасѣ и негодованіи отскакиваю отъ него и хватаюсь за отцовскую руку... „Вишь, какой прыткій! — замѣчаетъ добродушно Фролъ. — Ну, мотри, барченокъ, ножки не сломай одинъ-то... Что жъ, идемте, что ль?.."

Отецъ какъ будто колеблется одну минуту, но мать, крестясь, уже идетъ за Фроломъ, неся на рукахъ до истощенія кричавшую сестренку. Отецъ взялъ на руки другую сестру, схватилъ за руку меня, и мы двинулись въ глушь лѣса. Я едва дышалъ; меня била лихорадка. Смутно помню, какъ мы ощупью вошли въ большую черную, задымленную, нахолодавшую избу; въ ней было пусто; стоялъ только столъ да двѣ лавки по стѣнамъ. Тѣ же мужики, которые приходили насъ осматривать, толкались въ дверяхъ, въ своихъ высокихъ, набитыхъ льномъ бараньихъ шапкахъ,—высокіе, кряжистые, бородатые. Но ихъ теперь было больше; у нѣкоторыхъ торчали за кушаками топоры. Они то входили, то выходили изъ избы, безъ всякаго уваженія къ намъ, къ которому мы такъ привыкли; прямо и какъ-то вызывающе и попрежнему не говоря съ нами ни слова, они глядѣли на насъ, словно взвѣшивая и соображая что-то. Отецъ старался не глядѣть на нихъ. Мать, нервно, дрожащими руками, пеленала сестру, продолжавшую кричать благимъ матомъ на всю избу. Между тѣмъ, за дверью, въ сѣняхъ и еще гдѣ-то шумно говорили: кто-то кричалъ громко, кто-то возражалъ.—„Охъ, Господи помилуй! прости наши великія согрѣшенія" — разслышалъ я, какъ гдѣ-то вздохнулъ Панфилычъ; но я его не видалъ. Вдругъ дверь съ размаха отворилась, и въ избу, съ полуштофомъ въ рукѣ, пошатываясь, ввалился молодой мужикъ, красный и, повидимому, веселый. —„Эге! Вона кто!"— крикнулъ онъ—и вдругъ сталъ обмѣривать отца глазами. Отецъ обернулся и чуть не упалъ. Но онъ овладѣлъ собой и, невольно схвативъ съ лавки шашку, сурово взглянулъ на парня. Парень раскатомъ засмѣялся и вышелъ опять изъ избы.

Мнѣ еще долго слышался за дверьми и его раскатистый смѣхъ, и громкій голосъ. Вотъ опять растворилась дверь, и въ избу вошелъ высокій, сухой, скрюченный, какъ старая береза, старикъ, съ копной сѣдыхъ волосъ на головѣ, вмѣсто шапки, съ жидкою сѣдою бородой, въ дырявомъ, короткомъ полушубкѣ. Смотря какъ-то поверхъ всѣхъ насъ, безучастно и строго, онъ неторопливо проговорилъ, обращаясь, повидиму, къ матери:—„Ну, управилась, что ли, съ заботой-то?.. Затихъ, должно?.. Ступайте, коли такъ, съ Богомъ... Пора... Не въ гости заѣхали... Пока милуетъ Богъ, то и уѣзжай...“— „Что ты говоришь?“—спросилъ его отецъ сурово. — „Ступайте, говорю, выбирайтесь, пока, съ Богомъ,—продолжалъ старикъ прежнимъ тономъ.—Мы васъ не видали, вы—насъ... Что намъ вмѣстѣ дѣлать: добра у насъ вмѣстѣ не будетъ, а зла въ міру и безъ того много... Выбирайтесь... Эй, давай фонарь!.. Свѣти!..“— крикнулъ онъ въ дверь.

Опять что-то громко заговорили за дверью, опять заходили мужики въ шапкахъ, опять замигалъ фонарь... „Осторожнѣй ступай, барыня, съ ребенкомъ-то... Вѣдь, здѣсь лѣсъ! Забирай лѣвѣе-то“,—опять послышались голоса нашихъ ямщиковъ. Вотъ мы наскоро усаживаемся въ возокъ; ямщики торопливо оправляютъ упряжь на лошадяхъ. „Такъ влѣво свернуть? А тамъ опять по перелѣску?“— „Влѣво, влѣво!.. Вишь, вѣдь, куда насъ сбило!“—слышу я разговариваютъ мужики.—„Ну, спаси васъ Христосъ!..—говорилъ Панфиличъ кому-то, — въ вѣкъ не забудемъ вашихъ милостей... Охъ, Господи, прости наши великія согрѣшенія!..“ —„Трогай!..“ Вдругъ рогожка у окна нашего возка распахнулась и я ощутилъ чье-то теплое и пьяное дыханіе. „Ну, прощай, господинъ!.. Моли Бога крѣпче, что цѣлъ уходишь! — закричалъ кто-то намъ.—Эхъ, такое, значитъ счастіе твое... Помни Сеньку, а онъ тебя не забудетъ!.. Такъ-то: моли Бога неустанно за Сеньку, что онъ къ тебѣ милостью снизошелъ... Ха-ха-ха!.. Трогай!“ Лошади дернули, возокъ покатился, а дикій смѣхъ пьянаго парня долго еще слышался мнѣ сзади; среди внезапно наступившей тишины насъ какъ будто что-то пришибло всѣхъ. Молчалъ отецъ, молчала мать, даже маленькая сестренка теперь совсѣмъ смолкла, и только слышался визгъ полозьевъ да храпъ лошадей.

Такъ прошло больше полчаса.

— Птрру! — раздалось съ передка, и возокъ, сначала юркнувъ въ какую-то яму, быстро подался опять и остановился.

— Что такое опять?—крикнулъ отецъ, видимо, въ сильномъ волненіи. У меня сначала замерло сердце, потомъ я ощутилъ, какъ оно забилось часто и сильно, какъ голубь.

— Будьте благонадежны... Ничего-съ, все благополучно,—сказалъ Панфиличъ, подходя къ отцу.—Слава тебѣ Создателю!.. Выбрались изъ бора... Теперь на трахту... Вотъ только упряжью поуправимся и покатимъ... за милу душу!.. Теперь слава тебѣ Господи!.. Будьте благонадежны!.. А то наткось что было стряслось!..

— А-а! — протянулъ отецъ, и мнѣ показалось, что онъ глубоко вздохнулъ, какъ будто съ него свалилась какая-то тяжесть. Онъ досталъ фонарь, который забыли впопыхахъ зажечь, и сталъ зажигать свѣчу. Я увидалъ взволнованное лицо матери, съ глазами полными слезъ, поднятыми кверху, со сложенными на груди руками.

— Благодарю Тебя, Отецъ нашъ покровитель!.. Благодарю Тебя, Создатель нашъ!—говорила она.—Ты послалъ намъ ангела-хранителя!.. Ангельскія непорочныя дѣтскія души умолили невидимо за насъ!.. Молись! — вдругъ строго прибавила она мнѣ.

Я растерянно снялъ свою шапку и какъ-то стыдливо и неувѣренною рукой перекрестился.

— Подлецы! разбойники! душегубы!— говорилъ отецъ, перестилая подушки,— Всѣ они такіе!—прибавилъ онъ и, отворивъ дверцу возка, вышелъ на волю.

— Ну, слава Тебѣ, Создатель! — заговорилъ Панфиличъ, подходя къ отцу.— Вотъ было какія большія дѣла вышли... Ахъ ты батюшки!..

— То-то вотъ и есть, — сказалъ отецъ,—что я тебѣ говорилъ!..

— Да это все передовой... какіе это ямщики!..

— Кабы не молодчики, слышь, было бы тутъ всѣмъ намъ!—заговорили и подошедшіе ямщики.—Богъ—одно слово... Экій народъ какой грубый, безбоязненный...

— Что имъ!—говорилъ Панфиличъ.— Имъ тутъ вольно въ лѣсу-то.

— И вы тоже хороши!.. Всѣ вы—одного поля ягоды!—сказалъ отецъ.— Всѣ готовы головой были выдать... Ты куда

спрятался тогда, а?—спросилъ онъ Панфилыча.

— Да, вѣдь, точно,—проговорилъ было онъ, и я видѣлъ въ раскрытую дверцу возка, какъ Панфилычъ развелъ стыдливо руками и, не договоривъ, вдругъ заторопилъ ѣхать...

— Ну, братцы, проворнѣй, засаживайтесь! — закричалъ онъ ямщикамъ. — Извольте садиться, теперь хорошо, — приглашалъ онъ и отца, поправляя подушки въ возкѣ.— Теперь слава Богу!.. Теперь уже все слава Богу!.. Вотъ садитесь, да прилягте, усните, и сударыня пусть уснетъ, и барчаты... Теперь ужъ на тракту, будье благонадежны!.. Вишь какой переполохъ вышелъ: и уснуть вамъ не дали... Вишь, какую Господь бѣду отвелъ!.. Ну, и слава Ему, Создателю!.. Лѣсъ страшный, что говорить!—болталъ Панфилычъ, пока усаживалъ отца.

— Трогай!—крикнулъ онъ, залѣзая на передокъ.—Ну, коли такъ обошлось, то и слава Богу! — прибавилъ онъ своему сосѣду-ямщику.

— Коли обошлось,—на что лучше! Видимо, Божій перстъ!.. Эхъ, вы, голубчики!—весело крикнулъ тотъ.

Возокъ весело покатилъ по ровной дорогѣ,—веселѣе стало и мнѣ. „Слава Богу!—шепталъ и я:—скорѣе, скорѣе отъ этого лѣса, дальше туда, въ городъ!..“ И я давалъ въ душѣ клятву, что никогда уже не вернусь сюда, къ этимъ людямъ.

II.

Не думаю, конечно, чтобы все то, что я разсказалъ, я могъ такъ отчетливо видѣть и слышать въ то время, но всѣ окружающіе меня такъ много и подробно послѣ разговаривали объ этомъ событіи, со всѣми малѣйшими деталями, что какъ самыя ощущенія (они-то ужъ, несомнѣнно, были мною пережиты самимъ), такъ и всѣ дѣйствующія лица, ихъ выраженія и поступки,—все это отлилось въ моемъ воспоминаніи съ замѣчательной отчетливостью. Даже теперь, когда я пробираюсь черезъ этотъ лѣсъ, почти тридцать лѣтъ спустя, я иногда ощущаю невольную дрожь и мнѣ кажется, что кругомъ меня лежатъ глубокіе снѣговые сугробы, что мрачно, какъ застывшія, стоятъ безучастно ко мнѣ вѣковыя сосны, что вотъ-вотъ мигнетъ изъ-за нихъ таинственный свѣтъ фонаря и покажутся опять эти „темныя“, рослыя, бородатыя мужицкія фигуры и такъ же подозрительно глядя на меня, будутъ молчать на всѣ мои призывы...

Но... теперь была, хотя и очень ранняя, весна, вмѣсто сугробовъ только коегдѣ лежали глыбы грязнаго тающаго снѣга; среди вѣковыхъ сосенъ сочно зеленѣла то здѣсь, то тамъ, всюду какъ будто выпирая на дорогу, молодая зелень, разбившая пахучую почку; лучи солнца играли высоко по верхушкамъ деревьевъ, бросая мягкій, ласкающій полусвѣтъ внизъ, гдѣ было еще сыро, грязновато, но уже зелено и душисто. Мнѣ даже какъ-то стало обидно, когда я, еще полный своими эпическими воспоминаніями, вдругъ замѣтилъ, что лѣсъ быстро началъ рѣдѣть и черезъ нѣсколько минутъ онъ оборвался: предъ нами на далекое пространство раскинулась зеленѣвшая первымъ всходомъ пашня. Лѣсъ отступилъ въ бокъ и синѣлъ только далекой, длинной лентой. Мнѣ какъ-то жалко стало такъ скоро разставаться съ лѣсомъ, и я предложилъ своимъ спутникамъ присѣсть покурить.

— Что-жъ, покуримъ... Можно, Василій Петровичъ, можно, другъ любезный, минутку и погодить,—отвѣчалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.—Вишь, мы куда тебя завели!.. Думалъ ли ты сюда когда ни то попасть, а? изъ столицы-то?.. А мы затащили!.. Мы еще тебя туда ли затащимъ... Ха-ха-ха! — весело разсмѣялся онъ.

Мнѣ самому весело стало. И замѣчаніе моего спутника, и его веселый, добродушный смѣхъ, и странное наше товарищество, вдругъ соединившее насъ въ этомъ лѣсу, и эти воспоминанія,—все это показалось мнѣ необычайно забавнымъ, и я передалъ своимъ спутникамъ все, что только-что было мною разсказано.

— Такъ вотъ какъ, Симеонъ Потапычъ, твое слово какъ разъ пришлось кстати,—сказалъ я, въ заключеніе, худому, средняго роста, на кривыхъ ножкахъ человѣчку, съ зеленоватымъ лицомъ, съ быстрыми, узенькими глазками, въ потасканной фуражкѣ фабричнаго покроя и длинномъ до колѣнъ старомъ пальто безъ таліи, съ оборванными съ одного борта пуговицами.

— Угодилъ въ самый разъ, Семёнъ-то Потапычъ! — замѣтилъ другой мой спутникъ, высокій, широкоплечій, мужиковатый мужчина, лѣтъ тридцати, съ кудрявою бородкой, одѣтый по-крестьянски— въ портки и рубаху и въ сѣрый казакинъ нараспашку. И сапоги у него были настоящіе „мужицкіе“ сапоги, большіе,

широкіе, сыромятные, между тѣмъ какъ у Симеона Потапыча глядѣли изъ-подъ длинныхъ полъ пальто не сапоги, а „сапожишки“, барскаго фасона, порыжѣлые, съ опустившимися голенищами и со сбитыми на бокъ каблуками. Спутникъ въ сыромятныхъ сапогахъ былъ, кажется, очень доволенъ тѣмъ именно, что Симеонъ Потапычъ „угодилъ въ самый разъ“, онъ даже привсталъ отъ удовольствія съ пня, на которомъ было усѣлся.

— Испужался тогда, а? что, вѣрно?— спросилъ меня Симеонъ Потапычъ, свертывая сигаретку.—Можетъ, и теперь еще побаиваешься, а?.. Есть тотъ грѣхъ, говори правду?.. Что?.. Подлецы, молъ, они, мошенники,—имъ, молъ, въ душу-то не влѣзешь, всѣ, молъ, они такіе: такъ, что ли? Говори: подумалъ, а?

Я молчалъ и улыбался; меня занимало то, какъ хитро посмѣиваясь, по подозрительно поглядывалъ при этомъ допросѣ на меня Симеонъ Потапычъ.

— Что жъ молчишь, а? говори!—продолжалъ Симеонъ Потапычъ, докуривая сигаретку, но теперь уже все лицо его измѣнилось: онъ смотрѣлъ на меня до того любовно, до того ласково и мягко, что мнѣ казалось, что въ его узенькихъ сѣрыхъ глазахъ сверкали слезы. Онъ вдругъ потрепалъ меня по плечу и воскликнулъ:—Эхъ! Василій Петровичъ!.. Илюша! Василій-то Петровичъ, вѣдь, съ нами, а?—крикнулъ онъ товарищу.

Илюша взглянулъ на него, потомъ на меня, и все лицо его просіяло тѣмъ неуловимо-дѣвственнымъ и стыдливымъ выраженіемъ, которое не разъ я уже примѣчалъ въ немъ и которое было такъ хорошо знакомо мнѣ по другимъ лицамъ, съ которыми встрѣчался я при другой обстановкѣ и которыя сдѣлались для меня дороги потомъ на всю жизнь. Это—то дѣвственно-наивное выраженіе неопредѣленной радости, томленія, просвѣтлѣнія и чувство предвкушенія духовнаго родства, которое бываетъ только у чистыхъ душой юношей, переживающихъ первыя минуты духовныхъ симпатій... Я ловилъ его у *нашихъ* юношей тамъ, въ городѣ, среди другой обстановки, — и оно *тамъ* всѣмъ давно знакомо и всѣ привыкли его видѣть и находить *тамъ*, но оно было и здѣсь все то же, такое же чистое, безгрѣшное, довѣрчивое...

Но позволю себѣ сначала кое-что еще сказать о моихъ спутникахъ.

Мѣсяца за три до этого разговора, когда я только что пріѣхалъ въ эту мѣстность изъ Москвы и поселился временно въ уѣздномъ городкѣ, мнѣ совершенно случайно пришлось взять на себя дѣло въ мировомъ судѣ (хотя я вовсе не адвокатъ по профессіи). У мѣщанки-хозяйки, у которой я жилъ, былъ сынъ, лѣтъ 12, худосочный и больной мальчикъ; отданъ онъ былъ въ ученье къ портному - сосѣду, буяну и пьяницѣ. Хозяинъ часто пьяный билъ и истязалъ этого мальчика ужасно. Надо было хоть сколько-нибудь пристращать буяна и „привести въ свой видъ“, какъ просила даже сама жена портного. Случай не заставилъ себя долго ждать,—и вотъ мать мальчика и, косвенно, сама даже жена портного уговорили меня „защитить“. Я согласился, пришелъ къ мировому судьѣ и сказалъ „защитительную рѣчь“, путаясь, волнуясь, то обвиняя, то вдругъ оправдывая даже самого портного. Однимъ словомъ, моя рѣчь въ адвокатскомъ смыслѣ никуда не годилась, да и не въ ней было дѣло, а въ фактическихъ уликахъ, которыхъ и безъ того было достаточно. Мировой судья и безъ меня обвинилъ бы, можетъ быть, еще строже портного, а я, напротивъ, своей рѣчью даже смягчилъ вину подсудимаго. Какъ бы то ни было, я былъ почему-то взволнованъ и красенъ, какъ школьникъ, выдержавшій трудный экзаменъ, и вытирался платкомъ, когда подошелъ ко мнѣ „изъ публики“ маленькій человѣкъ на кривыхъ ножкахъ и, болтая въ воздухѣ руками, вдругъ заговорилъ необычайно живо:

— Хорошо!.. Очень безподобно!.. Вы не здѣшній?.. Нѣтъ, я вижу... Очень безподобно!.. Одно слово... отъ душевной теплоты—вотъ и все!..

— Вы довольны?—спросилъ я.

— Весьма доволенъ!—отвѣтилъ онъ.— Только не въ томъ дѣло, что этого самаго пьянаго человѣка вы въ кутузку присудили... Это само собой-съ... Этимъ все одно не поправить... Нѣтъ-съ, это мы по себѣ знаемъ... Ежели вы на это надѣетесь,—это пустое... А главное дѣло—слово... отъ теплоты души, вотъ!.. И больше ничего! И чудесно!.. И весьма вамъ благодарны!..

И маленькій человѣкъ совалъ мнѣ свою руку въ знакъ благодарности.

— Вы кто будете?—спросилъ я.

— Симеонъ Потапычъ Рябчиковъ, по мастеровой части!—бойко отвѣтилъ онъ.— Если желаете со мной познакомиться, я

съ большимъ моимъ удовольствіемъ... Вы гдѣ живете? Позвольте зайти?... Главное дѣло: одно слово и тутъ вся душа!... Все взволнуется во внутренности... Одно слово отъ души-се́рдца—и сейчасъ тебя тревога... и во всѣхъ членахъ!—объяснялъ онъ мнѣ со слезами на глазахъ, весь восторженный, какой-то подвижной, какъ ртуть, когда мы шли съ нимъ ко мнѣ на квартиру. Съ тѣхъ поръ мы стали друзьями. Онъ ходилъ ко мнѣ очень часто, когда былъ въ городѣ, и ужъ непремѣнно „вырвется хоть на денекъ", если судьба уносила куда-нибудь жить за городъ. Онъ бралъ у меня читать книги, говорилъ обо всемъ по цѣлымъ часамъ. Я нашелъ въ немъ не только недюжинный умъ, но тотъ особый видъ народной интеллигентности, который я не могу назвать лучше, какъ *вдумчивостью*. Его занимало и волновало всякое выдающееся событіе и онъ анализировалъ его до корня, неотступно. Вотъ этотъ человѣкъ и былъ Симеонъ Потапычъ Рябчиковъ, и именно Симеонъ, а не Семенъ, потому что когда и кто бы его ни называлъ „попросту", онъ тотчасъ поправлялъ: Симіёнъ Потапычъ. Почти одиночка (у него была только сестра, занимавшаяся въ городѣ шитьемъ,—незамужница и что-то въ родѣ „черничкп", скромная, добрая, ходившая въ черномъ платьѣ и черномъ платочкѣ; да еще былъ дядя, занимавшійся землепашествомъ на городской землѣ), Симеонъ Потапычъ вѣчно бродилъ съ мѣста на мѣсто, съ одной работы на другую; былъ онъ не то кустарь, не то фабричный, по „ножовой" части; иногда онъ самъ начиналъ работу самостоятельно въ своей мастерской, иногда же бросалъ и нанимался на фабрику, а иногда, набравъ товара съ фабрики и отъ товарищей, надолго пропадалъ въ разныхъ городахъ и селахъ. Знакомыхъ у него всюду была бездна; любили его всѣ за прямодушіе и нѣсколько восторженно-слезливый тонъ его и манеры. Мнѣ онъ сначала показался нѣсколько слащавымъ и слезливымъ, но послѣ я имѣлъ случай убѣдиться совсѣмъ въ противномъ: онъ иногда являлся не только скептикомъ, далеко заглядывающимъ въ чужую душу и въ свою собственную, но суровымъ и настойчивымъ, когда доходилъ до настоящаго дѣла.

У каждаго, кто подолгу живалъ въ провинціи и дѣлалъ „настоящее дѣло", а не только служилъ и получалъ оклады,—будетъ ли то земскій, добросовѣстный, внимательный и самоотверженный врачъ, акушерка, учитель,—у каждаго, говорю я, непремѣнно сохранилось воспоминаніе хотя объ одной такой личности, какъ Симеонъ Потапычъ. Видоизмѣненія этихъ личностей безчисленны, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, среди крестьянъ, мастеровыхъ, фабричныхъ, солдатъ,—но типъ ихъ всегда одинъ: привязчивые, признательные, благодарные, любящіе, честные и преданные, они большею частью являются откуда-то внезапно, всегда по какому-нибудь совершенно случайному обстоятельству, словно нарочно несутся они теченіемъ именно къ извѣстному мѣсту, лицу, и затѣмъ присасываются къ вамъ, иногда даже до надоѣдливости, какъ улитки къ какой-нибудь щепкѣ около берега. Эти чудныя, свѣтлыя созданія всюду разбросаны по лицу Русской земли, среди „коренного", такъ сказать, населенія, какъ блестки дорогой, еще мало оцѣненной, руды среди основного грунта. Это всегда почти одиночки, „особняки", глубоко несчастные исключительно однимъ тѣмъ, что разбросаны они другъ отъ друга, что иногда даже не знаютъ о существованіи одинъ другого, отчего часто впадаютъ въ отчаяніе, въ апатію, безсильные въ одиночествѣ сдѣлать что-либо съ окружающею средой,—и поддерживаетъ ихъ только всегда вѣра, что придетъ время, раздастся мощное слово и соберетъ оно всѣхъ ихъ въ одну общую „церковь Христову", и узнаютъ они, что не одни... Но когда будетъ это?.. До сихъ поръ пока мало обращали вниманія на эти честныя души.

Другимъ видоизмѣненіемъ этого типа былъ Илюша, которому болѣе, чѣмъ Симеону Потапычу, приходило бы къ лицу именоваться полнымъ прозвищемъ, Ильей Ивановичемъ Куликовымъ. Это былъ, вопервыхъ, человѣкъ нѣсколько хозяйственнаго склада и прежде всего крестьянинъ, хотя и работалъ на фабрикѣ; но у него, какая бы ни была, все же имѣлась землишка, избенка, коровенка, была, значитъ, жена и были, значитъ, дѣтишки. Все, какъ подобаетъ истинному хозяйственному человѣку изъ деревни. И отличался онъ поэтому бо́льшей степенностью и меньшей подвижностью, чѣмъ Симеонъ Потапычъ, но зато, повидимому, болѣе обладалъ другими достоинствами. Въ то время, какъ Симеонъ Потапычъ, вѣчно говорливый, отзывчивый, увлекающійся, какъ-то само собою, незамѣтно для себя,

словно кричалъ о своихъ душевныхъ доблестяхъ,—душа у него точно была вся на блюдечкѣ, — напротивъ, Илюша былъ молчаливъ, сдержанъ, и хотя сегодня, когда мы съ Симеономъ Потапычемъ зашли къ нему въ деревню (она была недалеко за лѣсомъ, около фабрики), я, въ первое же знакомство, уловилъ на его лицѣ тотчасъ же то дѣвственно-чистое выраженіе, о которомъ я упоминалъ, и что тотчасъ же связало насъ невидимыми духовными узами,—но я никакъ бы не догадался,—не шепни мнѣ объ этомъ Симеонъ Потапычъ,—что Илюша еще недавно носилъ вериги, что онъ зналъ все Священное Писаніе „отъ доски до доски", что онъ могъ наизусть цитировать многія библейскія мѣста: скромность его была чрезвычайна.

Итакъ, когда мои воспоминанія о прежнихъ муромскихъ лѣсахъ такъ неожиданно сплелись въ моей головѣ съ представленіемъ о нашемъ теперешнемъ товариществѣ, у меня что-то вдругъ такъ тоскливо, но въ то же время такъ мучительно-пріятно заныло въ груди; я хотѣлъ было объяснить моимъ товарищамъ, откуда и какъ и по какой причинѣ могло все это произойти, когда Симеонъ Потапычъ, присѣвъ на низкій пенекъ, словно на корточки, заговорилъ, пуская тонкою струйкой дымъ сигаретки.

— Что говорить!.. Еще бы!.. Много ли теперь отъ муромскихъ лѣсовъ осталось!.. Старики поразскажутъ — такіе ли лѣса были! Нѣтъ, братъ, по тѣмъ лѣсамъ не сталъ бы такъ разгуливаться, какъ теперь мы разгуливаемся... Звѣрья этого одного сколько было!.. Гдѣ теперь! Ну, и народъ въ то время проживалъ по этимъ лѣсамъ — желѣзо, одно слово: кованое! Вотъ какой народъ!.. Ха-ха-ха!.. Напужался тогда?.. Что? А? Вѣрно? Народъ былъ тогда... одно слово—утѣшеніе! Теперь такіе только старики остались... Нѣтъ, теперь здѣсь бояться нечего: что мы за народъ? — мелкота, дрянь... Вотъ развѣ только одинъ Илюша въ тѣхъ пошелъ... А мы что?.. Насъ ржа изъѣла, невидимо изсосала, непримѣтно гложетъ и язвитъ... Тогда народъ-то били прямо, по тѣлу, съ уваженіемъ, такъ сказать; оно, тѣло-то, что кусокъ желѣза подъ молотомъ — только крѣпчало... Все было въ явѣ... А насъ, что ржа желѣзо разъѣдаетъ: и французской-то болѣзнью тебя жмутъ, и голодовкой непримѣтно допекаютъ, и желѣзною пылью грудь твою разлагаютъ, и въ ребенчишку твоего эту язву введутъ еще эвона когда—съ десятаго году!.. Такъ оно, милый мой Василій Петровичъ, тогда только настоящую-то боль въявѣ восчувствуешь, когда въ происхожденіе времени вникнешь, да себя со стариками посравнишь, да въ глубь жизни уйдешь, врага-то все ищешь своего, — хвать анъ, послѣ того, уже и умирать смертный часъ зоветъ!.. Только-что это было, значитъ, онъ умомъ-то сталъ обходиться... анъ тутъ только и увидѣлъ, что силишка-то вся ужъ зараньше, еще можетъ черезъ твоего родителя,—по наслѣдственному происхожденію, повымотана. Такъ-то!..

Симеонъ Потапычъ пріостановился и сталъ глядѣть въ лѣсъ, въ сторону отъ насъ. Я зналъ эту его привычку прятать глаза отъ слушателя, когда онъ чувствовалъ, что они наполняются слезами. Помолчавъ немного „въ сторону", онъ вдругъ, по обыкновенію, обернулся, стыдливо взглянулъ на насъ со слезливою улыбкой и, похлопавъ опять мнѣ легонько по плечу, сказалъ:

— А *между впрочемъ* (онъ очень любилъ это выраженіе), происхожденіе времени свое возьметъ, Василій Петровичъ... Такъ ли? Что касательно потомства, то ужъ тутъ никакого сумнительства быть не можетъ, т.-е. чтобы люди внезапно безъ потомства оказались!.. Натуральные законы мы тоже понимаемъ... А между впрочемъ, намъ тоже засиживаться здѣсь нечего, — вдругъ заторопился онъ, засовывая въ карманъ спички и табакъ: — тоже насъ ждать не станутъ, ежели мы будемъ воронъ считать... Еще версты съ три осталось.

Симеонъ Потапычъ вдругъ измѣнился: лицо его приняло дѣловое, серьезное, вдумчивое выраженіе, съ оттѣнкомъ какъ бы нѣкотораго недовольства и даже злости, и, засунувъ руки въ карманы, онъ быстро зашагалъ впередъ, сверкая стоптанными каблуками своихъ сапожнишекъ.

Илюша, несмотря на свои длинныя ноги, тѣмъ не менѣе такъ неуклюже двигалъ ими, что постоянно отставалъ отъ насъ и часто, кромѣ того, все обертывался назадъ.

— Нѣтъ, не видать еще Якова-то! — наконецъ, сказалъ онъ словно про себя.

— Придетъ!—увѣренно отвѣтилъ Симеонъ Потапычъ, не оборачиваясь даже.

— Придетъ!.. Ужъ это, братъ... Ужъ это, братъ,—повторилъ онъ, вдругъ обер-

нувшись ко мнѣ,—ужъ это ежели... одинъ разъ только тревога... отъ жизни... въ душѣ... Придетъ! — опять увѣренно заключилъ онъ и снова побѣжалъ впередъ.

— Это кого вы ждете? — спросилъ я Илюшу.

— Такъ, благопріятель... Какъ мы нонѣ собирались, такъ я забѣжалъ было къ нему, извѣстилъ... Такъ паренекъ... хорошій, только въ блужданіи... На фабрикѣ онъ у насъ... Пьетъ шибко... Возьмешь поднимешь его на улицѣ, къ себѣ приведешь, протрезвишь—ничего, не обижается, радъ еще: улыбается это, сидитъ смирно... Станешь съ нимъ это... что ни то по умственному говорить — слушаетъ, а потомъ самъ заговоритъ... Куда! Любого изъ насъ загоняетъ!.. Глаза забѣгаютъ, засвѣтятся, что у кошки, самъ весь въ тревогу придетъ... Такъ и день, и другой, и третій держится, а потомъ опять его опутаетъ!..

— Отчего же?

— Отъ нашего положенія жизни... Вотъ я было и хотѣлъ, чтобъ онъ съ нами... Сказалъ ему.—„Хорошо, говоритъ, ступайте, догоню!..“ А вотъ не видать...

Илюша замолчалъ, потомъ, долго спустя, прибавилъ;

— Все оно думается... какъ бы поприглянѣе, покрасивѣе повести себя въ жизни... А то ужъ оченно суетно вокругъ нашего-то положенія... Одна суета, а пути разумѣнія нѣтъ... мало... совсѣмъ даже нѣтъ!.. Такъ, какіе-то „обалдуи“ ровно ходимъ въ жизни.

Илюша говорилъ тихо, повидимому, стараясь, чтобы слышалъ его только одинъ я.

— Какіе обалдуи?

— Такъ, обалдѣлые ровно мы всѣ... Ни ты—православный настоящій, прямизной, безъ обмана, ни ты — старообрядецъ, ни ты—молоканинъ, или бѣгунъ... Такъ, промежъ земли шатаешься...

— Но, вѣдь, ты не такой, Илья Иванычъ: ты крѣпокъ и стоекъ въ своемъ дѣлѣ, слышалъ я.

Илюша шелъ, наклонивъ голову внизъ и уставивъ въ землю широко открытые глаза, но на лицѣ его было все то же выраженіе дѣтской открытой наивности и чистоты.

— Нѣтъ, и я оболдуй,—подумавъ, наконецъ, проговорилъ онъ.—Кабы я дочитался до чего, какъ вотъ молокане, али ѳедосеевцы, али православные, которые изъ умственныхъ, — изъ нихъ всякій *до своего* дошелъ, а я *до своего* не дошелъ...

— Дойдешь, Богъ дастъ!

— Трудно... одному... Я сызмалолѣтства все одинъ... А у насъ на фабрикѣ народу эдакого мало... Все народъ суетный, али все такіе же обалдуи... отъ положенія жизни... Трудно... Точно, Василій Петровичъ, — въ Писаніи есть указаніе, что и въ одиночествѣ людей какъ бы осѣняло... Ну, только меня вотъ не осѣняетъ...

Я взглянулъ на Илюшу, — онъ поднялъ на меня свои большіе, мягкіе, добрые сѣрые глаза, какъ будто спрашивая и недоумѣвая, чему я изумился.

— Нѣтъ, не осѣняетъ,—опять грустно повторилъ онъ:—стараюсь вникнуть—и что къ жизни, и что къ Писанію, и что къ своему семейственному обхожденію,—а все будто не хватаетъ... не дойду эдакъ еще до настоящаго, своего-то... Чтобы къ другимъ пристать,—тоже эдакъ настоящаго расположенія нѣтъ: быдто какъ у нихъ тоже промашечки въ разныхъ видахъ усматриваешь, ну, и думаешь, утруждаешься... А чтобы эдакъ настоящаго пути—не видать...

— Найдешь, Илья Иванычъ, Богъ дастъ! Знаешь: толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ...

— Да, да... Это я крѣпко знаю... А кабы на народѣ, во кругѣ — скорѣй бы, много скорѣй... А то духомъ слабнешь...

— А что Симеонъ Потапычъ... онъ какъ?—спросилъ я.

— Симеонъ Потапычъ — душевный человѣкъ,—отвѣчалъ Илюша,—я его люблю... Только онъ чувствительный такой... Все онъ кипитъ, шипитъ, ровно вода на каменкѣ... Все онъ тебѣ до самаго нутра укажетъ, до самаго сердца твоего дойдетъ, и что вокругъ тебя,—всему этому онъ оцѣнку дастъ... Ну, только чтобы все въ одно свести, концы съ концами подогнать, — этого у него нѣтъ... Я его люблю; его у насъ любятъ... Ну, только чтобы все въ одно свести, не хватаетъ у него... Нѣтъ вотъ — такое дѣло, право!.. А ужъ на что человѣкъ!.. А вотъ не осѣняетъ,—нѣтъ,—съ искренней грустью прибавилъ Илюша.

— Отчего же такъ?

Илюша замолчалъ. Жилы на лбу у него напружились, глаза, опять широко раскрывшись, смотрѣли въ землю. Вообще, видно, онъ думалъ тяжело; мысль не посѣщала его, какъ вдохновеніе: онъ долженъ былъ такъ же медленно и упорно выкорчевывать ее изъ мозга, какъ глу-

боко засѣвшій пень изъ твердой дѣвственной почвы.

— Какъ сказать?.. Кто-е знаетъ!.. Конешно, все это по рожденію,—протяжно говорилъ онъ. — А можетъ оттого, что одиночка онъ... одинокая душа на свѣтѣ, ну, всего и не досматриваетъ... Потому, ежели, примѣрно, ты при семейственномъ положеніи или на міру, въ деревнѣ, что ли, тутъ всякое малое дѣло надо удумать, всякому малому волосу чтобы свое мѣсто и свое разсужденіе было. Такъ я думаю,—отъ этого самаго... Да... Тутъ нужно чтобы все свое разсужденіе имѣло, — говорилъ задумчиво Илюша.—Вотъ оно и не легко... и утруждаешься... Сильно утруждаешься... Потому и младенца тебѣ нужно въ разсужденіе взять, что касается его нарожденія, и родителей чтобы въ обхожденіи съ нимъ поставить въ разумъ, и старца взять если въ разсужденіи смертнаго часу... Много, много... Жизнь — большое дѣло... Сильно утруждаешься.

Илюша вздохнулъ.

— Ничего, Илья Ивановичъ, не отчаивайся... Богъ дастъ—найдешь...

— Да я ничего... Только кабы во кругѣ это, сообща... Ты у насъ здѣсь, что ли, проживать останешься?

— Пока—да...

— Будемъ вмѣстѣ искать!—вдругъ сказалъ онъ и, улыбаясь, протянулъ мнѣ свою широкую ладонь.

Я смутился и робко пожалъ ему руку: мнѣ казалось, что эта большая мускулистая рука увлекаетъ меня за собой въ такую глубину, въ которую никогда раньше не опускался я еще до сихъ поръ. А вотъ онъ, этотъ наивный Илюша, давно уже погрузилъ себя въ эти глубины и настойчиво, упорно „утруждаетъ“ свой умъ, чтобы увидать до конца, до послѣдней мелочи эти глубины и затѣмъ всему „подогнать концы съ концами“.

Я долго не могъ освободиться отъ своего смущенія, которое вдругъ вызвало въ моей головѣ цѣлый рой такихъ идей и представленій, которыхъ до этого никогда почти не касалась моя мысль. Все это, прежде лежавшее гдѣ-то на днѣ души, подъ спудомъ, именно „на глубинѣ“, въ которую не приходилось да и не думалось нужнымъ заглядывать, — все это вдругъ теперь всплыло, поднялось наверхъ...

— Идетъ, идетъ!—чуть не закричалъ Илюша отъ радости и вдругъ отчего-то покраснѣлъ, засмѣялся и замахалъ руками. — Симеонъ Потапычъ, идетъ Яшато!.. Эй, догоняй скорѣй!..

Мы пріостановились. Вдали, позади насъ, показался высокій, худой, длинный человѣкъ въ какой-то куцавейкѣ и синихъ портахъ, засунутыхъ въ валеные сапоги, въ картузѣ. Но вмѣсто того, чтобы итти на зовъ Илюши, Яковъ тоже остановился.

— Что же ты?—кричалъ Илюша.

— Идите, идите... Буду! — доносились до насъ слова Якова, и онъ въ свою очередь замахалъ намъ руками.

— Видишь, братецъ, утѣсняется это еще онъ тебя... Такой человѣкъ сумнительный да совѣстливый,—объяснилъ мнѣ Илюша.

— Невдалекѣ предъ нами виднѣлась деревенька, „тружениковъ“ къ которой уже подходилъ Симеонъ Потапычъ.

1886 г.

ТРУЖЕНИКИ.

I.

Опять воспоминанія! Никакая сила, кажется, не спасетъ уже меня отъ нихъ здѣсь, въ этомъ старинномъ лѣсу... Не даромъ, не даромъ уцѣлѣлъ еще этотъ лѣсъ, храня въ своихъ неприступныхъ дебряхъ таинственныя и пугающія тѣни прошлаго; иногда онъ, изрѣдка, вдругъ выдвинетъ эти тѣни предъ глазами растущихъ поколѣній и мучительно-тяжело заставитъ заговорить на глубинѣ ихъ сердецъ такія струны, отъ звука которыхъ неожиданно всколыхнется вся душа...

Я лежу на соломѣ, на высокомъ мосту, подъ широкимъ просторнымъ навѣсомъ, охватившимъ и часть избы, и этотъ „мостъ", и широкій дворъ. Ночь, глубоко-безмолвная, торжественно тихая лежитъ надъ маленькой деревенькой. Въ разныхъ мѣстахъ, въ просвѣты дыряваго соломеннаго навѣса, смотритъ мѣсяцъ и блѣдными синеватыми пятнами ложится на утоптанномъ полу двора... Я вслушиваюсь, какъ десятки грудей мѣрно дышатъ,—и тутъ, около меня на мосту, и въ просторныхъ сѣняхъ избы; слышу, какъ отъ времени до времени тяжело вздыхаетъ скотина въ глубинѣ двора, какъ механически лѣниво жуетъ жвачку корова... Я ощущаю запахъ пота и прѣли отъ спящихъ рядомъ со мной Симеона Потапыча и Илюши, острый, но вмѣстѣ съ тѣмъ парной, сытній навозный запахъ изъ глубины двора, и тутъ же, откуда-то доносящійся свѣжею струей, смолистый ароматъ только-что распускающейся листвы... Откуда-то, словно издали, доносятся таинственные, смѣшанные звуки, которые я силюсь понять и не могу... Въ широкій пролетъ между навѣсомъ и дальнею стѣной двора, въ серебристомъ лунномъ свѣтѣ, мнѣ виднѣется лѣсъ и кажется, что онъ такъ же глубоко, спокойно и задумчиво спитъ, какъ и окружающіе меня—эти мужики, бабы, лошади, коровы, куры, и такъ же какъ будто тяжело вздыхаетъ изрѣдка во снѣ... Мнѣ такъ хорошо, отрадно... Меня такъ нѣжно ласкаетъ влажный, сыроватый воздухъ ранней весны; моему тѣлу такъ хорошо, мягко на снопахъ соломы... Въ тысячный разъ я задаю себѣ вопросъ: отчего все это мнѣ такъ вдругъ стало дорого, отчего отъ всего этого мнѣ такъ хорошо и пріятно,—и, какъ всегда, пока не нахожу отвѣта... Я только чувствую...

Вдругъ, сначала чуть внятно, какъ будто откуда-то очень издалека, потомъ яснѣе и яснѣе доносятся до меня рѣдкіе, жидкіе, полузамирающіе звуки небольшого колокола... Я сталъ прислушиваться и считать: разъ, два, три... Вѣроятно, также прислушивался къ нимъ вмѣстѣ со мной и пѣтухъ, сидѣвшій невдалекѣ на жердн: вотъ онъ вдругъ захлопалъ крыльями, прокукурикалъ что-то, передвинулся немного и снова задремалъ... А я все считаю... Я знаю, это сторожъ бьетъ на деревянной колокольнѣ погоста, всего въ четверти версты отъ деревни.

И вотъ эти дребезжащіе звуки жиденькаго колокола вмигъ переносятъ меня за тридцать лѣтъ назадъ, въ этотъ же самый погостъ, къ этой самой колокольнѣ, которая знакома мнѣ въ мельчайшихъ подробностяхъ, въ деревянную, тѣсноватую церковь съ тусклыми окнами, засиженными тысячами воробьевъ и голубей, въ старый длинный батюшкинъ домъ, съ вычурнымъ широкимъ крыльцомъ... даже къ этому самому сторожу, несчастному безногому калѣкѣ Вакулѣ, бойко ползавшему на колѣнкахъ, съ подшитыми войлочными подстилками, и исполнявшему у

„батюшки“ многоразличныя должности: онъ былъ и звонарь, и сторожъ, и скотникъ, и даже нянька...

Семь, восемь, девять! считаю я, но уже не тотъ я, который лежитъ здѣсь на соломѣ, рядомъ съ Симеономъ Потапычемъ и Илюшой, но тотъ десятилѣтній мальчикъ Вася, который пріѣхалъ гостить къ дѣдушкѣ-попу и который пугливо проснулся подъ рѣзкіе звуки колокола, разметавшись на постланномъ на полу дѣдушкиной залы войлокѣ. Съ послѣднимъ ударомъ я приподнимаюсь и оглядываюсь: вотъ дѣдушка, высокій, сѣдой попъ, съ длинною бородой, въ бѣлой длинной рубахѣ и портахъ, съ большимъ животомъ и высокой грудью съ мѣднымъ крестомъ, сложилъ кожанную книгу, всталъ и истово молится; высоко закинувъ голову и сложивъ на животѣ руки, онъ внятнымъ шопотомъ читаетъ вечернія молитвы. „Дѣдушка, эта Вакула звонитъ?“ спрашиваю я, полный все еще страха отъ пугающихъ тяжелыхъ сновидѣній... „Да, Вакула... Спи, дружокъ, съ Господомъ, спи спокойно!“ И мнѣ, дѣйствительно, становится легко: я знаю, что Вакула бодрствуетъ, что онъ вылѣзъ изъ своей сторожки, подползъ къ колокольнѣ и дергаетъ за длинную веревку, привязанную къ языку колокола, что послѣ этого онъ, не боясь ни покойниковъ, ни волковъ, поползетъ съ грохотушкой въ рукахъ и вокругъ церкви и кладбища, и кругомъ всего погоста, и пока будетъ раздаваться длинная шепотливая молитва дѣдушки, я могу снова безбоязненно и спокойно заснуть...

II.

Я очень любилъ своего дѣдушку, и мнѣ доставляло большое удовольствіе, когда раза два въ годъ мы съ матерью пріѣзжали гостить „на погостъ“ изъ барскаго имѣнія, въ которомъ мы жили. Любилъ я мягкое, добродушное лицо дѣдушки, когда онъ ласкалъ меня; любилъ его, когда приносилъ онъ мнѣ изъ церкви просвиры или медовые поминальные пряники; любилъ этотъ вѣчно сопровождавшій его запахъ ладана и воска; любилъ быть въ алтарѣ во время службы и видѣть его высокую, сѣдую, съ большимъ животомъ фигуру, въ старенькой, поблекшей ризѣ на плечахъ, съ устремленными къ небу, полными смиренной вѣры глазами, съ воздѣтыми кверху руками, когда дребезжащимъ отъ волненія голосомъ онъ восклицалъ: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся!..“; любилъ эту маленькую, тѣсную церковь съ кучкой смиренныхъ молящихся; любилъ смотрѣть, какъ, вздыхая и съ чувствомъ смиренія и уваженія, подходили они къ моему дѣдушкѣ и какъ дѣдушка, умиленно, съ слезящимися глазами, благословлялъ ихъ; любилъ отца-дьякона,— сѣденькаго, сгорбленнаго старичка, въ порыжѣломъ старомъ полукафтаньѣ; любилъ дьячка Поликарпыча съ густымъ басомъ, котораго я больше чѣмъ дѣдушку считалъ главнымъ человѣкомъ въ церкви и на погостѣ,—такъ онъ громко и независимо говорилъ, такъ увѣренно всѣмъ распоряжался, такъ ему были извѣстны всякія мелочи въ церковномъ обиходѣ, такъ онъ хорошо зналъ, какую ризу нужно надѣвать дудушкѣ и о. дьякону, на какой страницѣ и какой тропарь въ книгѣ, и многое тому подобное. Любилъ я и бабушку, сестру дѣдушки,—эту „вѣковушку“, вѣчную подвижницу, сгорбленную, сухую старушку, и ужъ нечего и говорить, что любилъ Вакулу, интимность отношеній съ которымъ доходила до того, что онъ позволялъ мнѣ ѣздить на себѣ верхомъ...

Такъ любилъ я всѣхъ ихъ и такъ дорого было мнѣ все это, и ужъ, конечно, я близко принималъ къ сердцу всѣ заботы и тревоги этихъ любимыхъ мною людей, лучше которыхъ я себѣ тогда и представить не могъ. Въ чемъ въ сущности заключались эти заботы и тревоги, я не понималъ хорошенько, но тѣмъ не менѣе помню, что мое дѣтское сердце испытывало какое-то тягостное ощущеніе холоднаго страха, недовольства, жалости и безпричинной тоски... Я знаю только одно, что все это отравляло опять и опять мои дѣтскія, безгрѣшныя радости, и притомъ самая эта отрава представлялась всегда въ какомъ-то пугающе-таинственномъ, фантастическомъ свѣтѣ. Долго, спустя много лѣтъ послѣ того, что бы радостное и свѣтлое изъ моего дѣтства ни вспомнилось мнѣ, я не могъ иначе представить его себѣ, какъ въ сопровожденіи именно этого таинственнаго, чарующаго, щемящаго... И во всемъ этомъ таинственномъ, пугавшемъ меня и разстраивавшемъ жизнь моихъ близкихъ и отравлявшемъ все свѣтлое въ моемъ дѣтствѣ, игралъ почему-то главную роль „мужикъ“,—не мужикъ Вакула, не ку-

черъ Сидоръ, не работникъ изъ деревни, пріѣзжавшій къ дѣдушкѣ пахать и каждый разъ дѣлившійся со мной лепешкой, не тѣ молящіеся смирные и добрые старички и старушки въ сѣрыхъ свитахъ, которыхъ любилъ я встрѣчать въ нашей церкви,—однимъ словомъ, не тѣ, съ которыми я имѣлъ случай близко и душевно сойтись,—а тѣ „мужики“, которые жили гдѣ-то тамъ, въ деревняхъ, за лѣсомъ... въ самомъ лѣсу... Это были все тѣ же „мужики“, которые приносили столько заботъ и огорченій и тамъ, дома, моему отцу, и здѣсь—моему дѣдушкѣ, отцу-дьякону, дьячку Поликарпычу; тѣ вѣчно всѣхъ огорчающіе и всѣмъ приносящіе заботы „мужики“, которые все чего-то не исполняютъ, что отъ нихъ требуютъ, все поступаютъ не такъ, какъ имъ приказываютъ, все чего-то упорствуютъ и никогда не хотятъ понять, что не зачѣмъ огорчать такихъ хорошихъ людей, какъ отецъ и дѣдушка, или дьячокъ Поликарпычъ.

Помню, какъ только настанетъ долгій зимній или ненастный вечеръ, и дѣдушка, снявъ полукафтанье, останется въ одной длинной бѣлой холщевой рубахѣ, сейчасъ же приходитъ или отецъ-дьяконъ, или дьячокъ Поликарпычъ, или же всѣ вмѣстѣ и дьяконъ, и дьячокъ, и понамарь, и просвирня, и даже Вакула приползетъ и усядется прямо на полу, у двери.

И вотъ начинаются медленныя, неторопливыя бесѣды „съ сокрушеніемъ“, со вздохами съ одной стороны о какихъ-то приказахъ, съ другой—объ этомъ упорствующемъ мужикѣ, который живетъ тамъ, въ деревняхъ: вотъ, напримѣръ, Сидоръ Карповъ выбрилъ маковицу и щеткой подрѣзалъ волосы на лбу, и что это можетъ подтвердить клятвой отецъ-дьяконъ; вотъ кто-то умеръ „безъ покаянія“, какъ звѣрь, кто-то окрестилъ ребенка „худымъ обрядомъ“, кто-то заперъ ворота, когда отецъ-дьяконъ съ Поликарпычемъ обходили за сборомъ яицъ... И чѣмъ дальше идутъ эти разговоры, тѣмъ чаще и чаще начинаетъ сокрушенно вздыхать дѣдушка, отецъ-дьяконъ окончательно падаетъ духомъ и только Поликарпычъ храбрится всѣхъ больше и каждый разъ совѣтуетъ принять какія-нибудь противъ „мужичья“ мѣры. И я скорблю вмѣстѣ съ ними, и ужъ мнѣ кажется, что, дѣйствительно, скоро этотъ „мужикъ“ оставитъ безъ хлѣба и дѣдушку, и бабушку и весь причтъ нашъ...

Но иногда, нерѣдко, эти разговоры принимали какой-то сказочный, странный, чудовищный въ моихъ глазахъ характеръ. И обыкновенно начало такимъ разговорамъ давалъ Поликарпычъ. При этомъ басъ его спадалъ на двѣ октавы сразу, глаза глядѣли какъ-то особенно таинственно, и я умѣлъ уже по выраженію его лица догадываться, что Поликарпычъ принесъ какія-нибудь страшныя вѣсти. Прикорнувъ въ уголъ лежанки, я, затаивъ дыханіе, широко открытыми глазами слѣжу за Поликарпычемъ, который стоитъ посрединѣ комнаты, размахиваетъ руками, бьетъ себя въ грудь, вытягиваетъ шею и что-то напряженно вышептываетъ собравшейся вокругъ него публикѣ; я собираю весь запасъ своего дѣтскаго вниманія, чтобы проникнуть въ самую глубь его сообщеній, но—увы!—мнѣ досадно, что очень мало могу понять я изъ его таинственныхъ полунамековъ, и отъ того въ моемъ воображеніи и самъ Поликарпычъ, и наше общество, и его разсказы, и мужики съ выстриженными маковицами принимаютъ еще болѣе таинственный смыслъ.

— Ужъ это вѣрнѣе смерти!.. Идутъ, идутъ—глядь—пахнетъ... живьемъ... что такое?.. мелькаютъ... огоньки... Волки?.. Куда тебѣ!.. Огни, настоящіе... изба... старцы... волоса щеткой... Служба идетъ... Дѣвка... Наша Василиска, изъ Прудковъ!.. Она... корявая... Она самая!..

Такъ говоритъ Поликарпычъ и сверкающими глазами обводитъ всѣхъ насъ.

— Василиска?—спрашиваютъ изумленные голоса.

— Она, она... Она самая, корявая... Что щепка... изсохла... Кровь пропала и грудей нѣтъ!..

— Изсушилъ, значитъ, ее Господь, крови рѣшилъ! — поясняетъ Вакула.— Статочное ли дѣло?.. Это подумать, такъ въ гробъ лучше...

— Изсохла... Голосъ сталъ грубый... что у пьяницы... Ликъ Божій извратился... Вдругъ одинъ старецъ... сухой, что оцѣпъ, скрючило всего... Видно сразу—изъ солдатъ... Только обросъ весь волосомъ, звѣрообразно... Всталъ, Василискѣ поклонился... Василиска — ему... что-то проситъ... и всѣ прочіе просятъ... Тутъ старецъ стащилъ съ себя рубаху... Спина исполосована... Въ ранахъ... на плечахъ вериги пудовъ пять... Глядь— клеймо!.. Изъ-подъ волосъ-то клеймо!. Всѣ ему въ ноги... Потомъ завертѣлись-

завертѣлись... закружились - закружились... вихремъ-вихремъ!.. хвать—что такое?.. Гудитъ будто... изъ-подъ земли... Бѣсы?.. Анъ щель изъ подполья... свѣтится... Припали... Глядь: олово плавятъ... монетчики... фальшивые... Они самые!.. Васька Курьяковъ, самолично, прасолъ изъ Бычкова... въ красной рубахѣ... рукава засучены... Глаза такъ коловоротомъ и ходятъ...

И вдругъ Поликарпычъ пріостановится, въ самомъ ужасномъ мѣстѣ, какъ бы собираясь съ духомъ, и сокрушенно вздохнетъ, поднявъ къ потолку глаза. И въ эти минуты глубокой тишины я чувствую, какъ голубемъ бьется у меня сердце...

— Вотъ, только,— мекаемъ,— что такое?.. Стонетъ!.. Тихонько-тихонько, ровно пташка, стонетъ, сто-о-нетъ!.. Припадай, говорятъ, ребята, ухомъ къ землѣ!.. хвать, анъ это Митюшкинова сынишки голосокъ-то,— ну, вонъ того, что не дали крестить-то... годовъ пять тому... У Митюшки Хвораго, въ Крестахъ, что еще невѣстку увели... такъ и пропала!.. Самый этотъ... Вотъ и стонетъ, сто-о-онетъ... значитъ, ангельская-то душенька по христіанскому-то таинству тоскуетъ!.. Вотъ и стонетъ, и стонетъ...

Я вижу, какъ моя мать, блѣдная, быстро крестясь и шепча молитву, смотритъ съ мольбою на образа; вижу, какъ у бабушки слезы такъ и льются, и льются изъ глазъ; вижу, какъ дѣдушка, какъ бы желая скрыть отъ другихъ волненіе, сморкается въ большой съ цвѣтами носовой платокъ и мимоходомъ вытираетъ влажные глаза, и въ его глубокомъ вздохѣ выражается и жалость, и негодованіе, и скорбь... Я чувствую, что у меня вся кровь давно отхлынула съ лица, чувствую, какъ холодѣютъ руки... А Поликарпычъ все продолжаетъ:

— Это вотъ въ самыхъ этихъ Бурьлнахъ, у отца Андрея въ приходѣ... вотъ на-дняхъ разорвало!.. Вѣрно: утробу!.. такъ и разнесло... у Ивана Елизарова-то... Онъ думаетъ—богачъ, такъ ему все можно!.. И изъ чего?..

Я напрягаю все свое вниманіе, но никакъ не могу понять, что такое сдѣлалъ Иванъ Елизаровъ, и отъ этого все, что произошло съ Иваномъ Елизаровымъ, принимаетъ для меня еще болѣе ужасныя, поражающія формы.

Но Поликарпычъ, повидимому, всегда, какъ мнѣ казалось, очень довольный впечатлѣніемъ, какое производили его разсказы, не довольствовался этимъ и, насколько я помню, каждое такое сообщеніе онъ непремѣнно заканчивалъ такими словами:

— Вотъ посмотрите, помянете меня послѣ, да ужъ поздно... Выраститъ эта язва, выраститъ... Она ужъ и теперь не по днямъ разливается... зальетъ всѣхъ насъ... Нѣтъ, батюшка, вамъ бы безотмѣнно надо вникнуть, надо порадѣть... Теперича, съ одной стороны взять, отъ преосвященнѣйшаго владыки, отъ о. благочиннаго побужденіе за побужденіемъ, взыски и выговоры, съ другой ежели взять, совсѣмъ то-есть можемъ погибнуть!.. И съ ребятишками, и съ хозяйствомъ... Все въ народѣ извратится... Будутъ люди жить по-содомски!.. Повѣрьте!.. Ужъ и теперь ущербы видимые... Какъ хотите, батюшка, обратите вниманіе... Мнѣ что!.. Я малаго чину человѣкъ, а только что... провижу большія дѣла!.. Повѣрьте, новый Содомъ водворится!.. Надо, батюшка, порадѣть...

Дѣдушка на это глубоко и удрученно вздыхалъ, а мнѣ послѣ этихъ словъ всегда его было очень жалко, такъ какъ мнѣ представлялось уже, какъ дѣдушка и бабушка, и Вакула, и Поликарпычъ вдругъ будутъ умирать голодною смертью, потому что всѣ мужики тамъ, въ деревнѣ, выстригутъ себѣ маковицы, позапираютъ ворота, когда причтъ будетъ обходить за сборомъ хлѣба и яицъ, и, вмѣсто нихъ, все это пропитаніе будутъ сносить дѣвкѣ Василискѣ, которая будетъ ходить по деревнямъ въ дѣдушкиномъ полукафтаньѣ и скуфьѣ. Я иначе не могъ себѣ представить Василиску, и въ то время такое представленіе было для меня не только не смѣшно, но, напротивъ, страшно и обидно. И когда, послѣ такихъ длинныхъ бесѣдъ, наши обычные гости расходились, мнѣ дома не давали заснуть и душили меня кошмаромъ и эта дѣвка Василиска, и эти мужики съ выстриженными маковицами, и стоны Митюшкина сынишки. Я стоналъ самъ во снѣ и въ ужасѣ просыпался, крича и рыдая. Ко мнѣ подбѣгала бабушка и начинала утѣшать.

— Бабынька,—спрашивалъ я, - да что это за люди такіе?..

— Такъ, касатикъ,—живутъ, что скоты безсловесные, непотребную жизнь ведутъ... Какіе это люди!.. Оставь, не думай о нихъ, касатикъ, — грѣхъ думать-то... Сплюнь: тьфу! тьфу! тьфу!.. Скажи: святъ, святъ, святъ! Перекрестись, да и усни... съ Господомъ!..

Бабушка меня, дѣйствительно, успокоивала: младенческій сонъ скоро одолѣвалъ всякіе страхи и ужасы, и я засыпалъ крѣпко и безмятежно. Но успокоенія бабушки не могли удовлетворить такъ страшно возбужденное мое дѣтское любопытство (дѣдушка и мать не хотѣли или тоже не умѣли дать мнѣ объясненій). Тогда я прибѣгъ къ Вакулѣ; и вотъ однажды, сидя со мной на церковной паперти, на мой запросъ—„*объ этихъ* (я не находилъ опредѣленія *имъ*)... объ тѣхъ, что Поликарпычъ все разсказываетъ", Вакула отвѣчалъ такъ:

— Вотъ видишь ты, братецъ ты мой, отрѣшились, значитъ, они отъ блаалѣпія храма Божія, церковнаго, значитъ, блаалѣпія... Понялъ?..

Я смотрѣлъ на Вакулу, какъ онъ махалъ восторженно руками, какъ горѣли его маленькіе сѣрые глазки, и я понималъ если не все, то во сто разъ больше, чѣмъ изъ того, какъ объясняли мнѣ и дѣдушка, и мать.

— Ну... вотъ *они* этого отрѣшились... А по мнѣ отрѣшиться отъ этого все одно, что сдохнуть... Вотъ, примѣрно, я—человѣкъ Божій, калѣка... Откажи мнѣ дѣдинька... отъ храма,—я долженъ, что скотина, сдохнуть... куда я пойду? Гдѣ что увижу?.. Въ городъ я не ѣзжу... А тутъ у меня и блаалѣпіе, и Царица Небесная, и теперича голубчики эти воркуютъ, и пташки разныя увеселяютъ Господа... Вотъ!.. А они этого, глупый народъ, въ разумъ не берутъ...

И еще милѣе послѣ этихъ объясненій сдѣлалась для меня наша бѣдная деревянная церковь, и дѣдушка въ свѣтозарныхъ ризахъ, и еще недостойнѣе показались тѣ, которые не хотѣли этого оцѣнить.

Теперь, послѣ объясненій Вакулы, я сразу уже понялъ, въ доступной для обоихъ насъ съ Вакулой формѣ, какъ велика пропасть между нами и тѣми, „недостойными": на нашей сторонѣ все было благолѣпно, свѣтозарно, высоко, чисто, безгрѣшно, тамъ—все мрачное, грѣховное, низменное, неосвященное, „звѣроподобное"...

III.

Помню, это было незадолго до того времени, когда мой отецъ такъ спѣшно долженъ былъ „бѣжать" изъ барскаго имѣнія. Я съ матерью пріѣхалъ на Рождество на нѣсколько дней къ дѣду. Въ самый же день пріѣзда я уже замѣтилъ, что и дѣдъ, и бабушка, и даже Вакула чѣмъ-то озабочены. Съ самаго утра то о. дьяконъ, то Поликарпычъ то и дѣло заходили къ дѣдушкѣ, говорили о чемъ-то шопотомъ; потомъ пріѣхали еще дьяконъ съ дьячкомъ изъ ближняго прихода; потомъ приходилъ Поликарпычъ къ дѣдушкѣ съ какими-то мужиками, которыхъ дѣдушка о чемъ-то спрашивалъ, а тѣ отвѣчали: „Что же? Ежели точно будетъ оказательство, мы, отчего жъ, съ удовольствіемъ, ежели точно оказательство..."

Мнѣ очень запомнилось это слово: „оказательство", которое почему-то нынѣшній день всѣ употребляли очень часто, но что значило это слово, я, конечно, не понималъ.

Когда ушли мужики (я все смотрѣлъ, не выстрижены ли у нихъ маковицы), я подслушалъ, какъ дѣдушка говорилъ Поликарпычу:

— Смотри, Поликарпычъ, на твоей душѣ будетъ, коли что...

— Будьте, батюшка, надежны... Ужъ у меня все вывѣдано—вотъ какъ!..

— Надежны ли, смотри, будутъ *эти?*—мотнулъ дѣдушка на дверь, очевидно, намекая на ушедшихъ мужиковъ.

— Что вы? Помилуйте!.. Испоконъ вѣковъ были къ намъ привержены... И никогда, то-есть въ самомъ дальнемъ родствѣ, у нихъ этой погани не заводилось... Дѣдушка ихній у насъ девять лѣтъ въ ктиторахъ выходилъ... Будьте благонадежны... Теперича все такъ тихо, благородно удумано, что въ самое ядро угодимъ, въ самый корень...

— То-то, надежны ли?

— Да ужъ сдѣлайте милость!..

— Охъ-хо-хо!.. Всѣ они такіе!—вздохнулъ дѣдушка:—люди тьмы и похоти...

Совсѣмъ уже смерклось, когда вдругъ все чаще и чаще захлопали у насъ дверями: разныя лица, одѣтыя въ полушубки и валенки, то входили, то выходили... Вотъ и дѣдушка одѣлся въ мѣховой подрясникъ, надѣлъ большую мѣховую шапку съ ушами и взялъ свою длинную палку съ набалдачникомъ. Потомъ всѣ ушли. Мнѣ становилось отчего-то и жутко, и мучило меня любопытство; я вышелъ за ворота, когда мимо меня вдругъ пробѣжалъ сынъ дьякона, пятнадцатилѣтній семинаристъ. „Бѣжимъ,—сказалъ онъ, схватывая меня за руку,—посмотримъ, насъ не замѣтятъ!.. Мы сторонкой, из-

далека“. И онъ потащилъ меня за собой, къ деревнѣ. Я бѣжалъ, едва поспѣвая за нимъ. Вотъ вдали стали чернѣть какія-то фигуры, — это, должно быть, „наши“, они вдругъ свернули съ дороги въ бокъ и, купаясь въ глубокихъ сугробахъ, стали обходить деревню съ задовъ. Семинаристикъ потащилъ меня туда же, но черезъ десять шаговъ я совсѣмъ потонулъ въ снѣгу, не имѣя силъ вытащить ноги. Семинаристикъ настойчиво лѣзъ дальше, бросивъ мою руку, и только издали махалъ мнѣ рукой. Я не зналъ, что дѣлать, слезы выступили было у меня изъ глазъ, какъ вдругъ изъ избы вышелъ высокій старикъ съ фонаремъ. И вдругъ я увидалъ выстриженную маковицу: у меня забилось сердце, ноги задрожали и я закричалъ... „Что ты тутъ, глупышъ, дѣлаешь? Какъ ты попалъ?“ — спрашивалъ старикъ, стараясь высвободить меня изъ сугроба... Но я ничего не слыхалъ, не помнилъ себя: я вырвался изъ его рукъ и, какъ стрѣла, задыхаясь, плача, бѣжалъ къ погосту... Мнѣ все казалось, что *онъ* гонится за мной...

Помню, я все дрожалъ и плакалъ; мать снимала съ меня сапоги, полные снѣга, натирала ноги водкой, а бабушка укутывала въ шубу; потомъ посадили меня на горячую лежанку... Потомъ пришелъ дѣдушка, о. дьяконъ, Поликарпычъ. Всѣ были недовольны. Дѣдушка сердился на Поликарпыча.

— Вѣдь, я говорилъ...

— Вотъ, мошенники... Кто ихъ зналъ?.. Упредили... Вѣрно это—упредили!.. Ахъ, канальи!... Да, вѣдь, они—канальи извѣстные...

— Натворили дѣлъ... Теперь, того гляди, и погостъ весь сожгутъ, — мрачно замѣтилъ о. дьяконъ.

— Ежели узнаютъ, что были, того и жди!—подтвердилъ и самъ Поликарпычъ.— Что имъ! Какой это народъ! Надо становаго оповѣстить... Облава — первое дѣло...

Дѣдушка совсѣмъ разсердился на Поликарпыча и велѣлъ ему итти спать. Потомъ онъ въ эту ночь не ложился долго, еще дольше молился и все заглядывалъ въ окна, въ ночной мракъ, то выходилъ за дверь и къ чему-то прислушивался. Всѣ мы въ эту ночь ждали чего-то особеннаго. Вакула чаще звонилъ въ колоколъ, и мнѣ было такъ жутко, какъ никогда.

На утро я присталъ къ матери, чтобы ѣхать домой. Она и сама, кажется, была рада этому. Но... дома уже ждала насъ своя бѣда.

IV.

И вотъ опять вспоминается наше „бѣгство“ изъ деревни, этотъ дремучій лѣсъ, изба въ лѣсу, взволнованный отецъ, молящаяся мать, мужики съ длинными бородами и топорами за поясомъ и этотъ высокій, сухой старикъ съ выстриженною маковицей, сурово выпроваживающій насъ и торопящій ѣхать: „уѣзжайте скорѣе, Богъ съ вами: мы васъ не видѣли, вы—насъ... И безъ того зла въ мірѣ много!“—все это теперь встаетъ предо мной еще яснѣе, и понятнѣе дѣлается мнѣ и ужасъ, охватившій меня тогда, и то отрадное, отрадное чувство, невыразимое никакими словами, которое вдругъ охватило меня, когда мы пріѣхали въ городъ... Душившій меня кошмаръ вдругъ исчезъ. Изъ младенческой памяти внезапно и быстро изгладилось все прежнее, что было тамъ, позади, быстро стерлось новыми впечатлѣніями. И надъ этимъ прошлымъ упала густая завѣса и надолго скрыла отъ моихъ глазъ цѣлый міръ человѣческихъ жизней! По эту сторону завѣсы понеслась другая, совсѣмъ „новая“ жизнь, въ которую входилъ я, полный смутныхъ упованій, надежды, облегченія... И вотъ мнѣ кажется, что я расту, расту, расту...

— Что кричишь? Василій Петровичъ! а Петровичъ! — толкая меня осторожно за руку, спрашивалъ Илюша.

Я открылъ глаза. Илюша сидѣлъ около меня и чесалъ спросонья животъ и въ подмышкахъ.

— Что бредишь? Али, можетъ, жестко тебѣ?

— Нѣтъ, ничего... Хорошо.

— То-то.

Илюша поднялся, спустился съ моста и черезъ минуту вернулся, опять почесалъ животъ и въ подмышкахъ.

— А можетъ, холодно тебѣ? Ты скажи... Коли что—двигайся ко мнѣ ближе... Теплѣе будетъ, — говорилъ онъ, вытягиваясь на соломѣ, возлѣ меня.

— Нѣтъ, ничего... Не безпокойся... Прекрасно,—говорилъ я, снова чувствуя, какъ мнѣ пріятно, мягко лежать на соломѣ, какъ влажный и теплый воздухъ двора окутываетъ и грѣетъ меня, и какъ хорошо, что вотъ тутъ, около меня спятъ

Илюша и Симеонъ Потапычъ. Я вслушиваюсь въ мѣрное здоровое дыханіе ихъ грудей и еще десятка другихъ... Я вспоминаю, кто еще спитъ съ ними на мосту; вотъ рядомъ съ Симеономъ Потапычемъ молодой купеческій приказчикъ, дальше какой-то странный человѣкъ съ гладко остриженной щетинистой головой, бритый, въ сюртукѣ, какой-то старичокъ-крестьянинъ, дальше—мѣщанинъ, потомъ еще здоровые, рослые мужики... Дальше вспоминаются женщины, хозяйки, хозяева... Всѣ они мирно спятъ и мирно дышатъ ихъ груди... „Припадай ухомъ—слушай!“—вспоминаются мнѣ слова Поликарпыча. И мнѣ хорошо, отрадно, потому что мнѣ кажется, что я, дѣйствительно, какъ будто припадаю къ этимъ грудямъ и чутко вслушиваюсь, чѣмъ полны онѣ, чѣмъ бьются ихъ сердца.

Мнѣ вспоминается весь нынѣшній день.

V.

— Вотъ здѣсь и „труженики“ эти самые живутъ. Со мной идите смѣло... Ничего... Меня здѣсь знаютъ,—сказалъ Симеонъ Потапычъ, пріостанавливаясь, чтобы подождать насъ съ Илюшей. — Выдержанный народъ,—прибавлялъ онъ мнѣ на ухо.

Мы подошли къ маленькой деревенькѣ, и какое-то странное волненіе подсказало мнѣ сразу, что она мнѣ не чужая, что это именно она — моя старая знакомка. Не то ощущеніе неопредѣленнаго страха, инстинктивнаго, невольнаго, какъ наслѣдство отъ дѣтскихъ лѣтъ, не то отчужденія, стыда и робости шевельнулось у меня на днѣ души, когда вступилъ я подъ старыя, корявыя, густо-разросшіяся ветлы, тянувшіяся предъ избами и окутывавшія ихъ сзади. По смутности ли дѣтскихъ воспоминаній, или же это и дѣйствительно такъ было, только деревенька „тружениковъ“ мнѣ показалась совсѣмъ такой же мирной, молчаливой и даже убогой, пожалуй, какою я зналъ ее за тридцать лѣтъ назадъ: та же соломенная шапка мягко, тяжело и густо лежала надъ нею, какъ и тогда, несмотря на обиліе лѣса кругомъ; та же грустно-молчаливая поэзія и своеобразная сѣренькая красота пріютилась здѣсь, подъ этими раскидистыми ветлами; та же широкая, полузаросшая зеленой свѣжей муравой улица.

— Должно, въ самый разъ поспѣли... Не опоздали... Вотъ, народъ еще только набирается, — замѣтилъ опять Симеонъ Потапычъ. По зеленой муравѣ улицы, въ тѣни ветлъ и избъ, тамъ и здѣсь виднѣлись кучки сидѣвшаго народа, очевидно, пришлаго, напоминавшаго богомольцевъ. Но обычная жизнь деревни, повидимому, шла своимъ чередомъ. У избъ висѣли люльки съ грудными дѣтьми, отданные подъ присмотръ стариковъ и подростковъ. Женщины въ однѣхъ бѣлыхъ длинныхъ рубахахъ, съ прошивками и красными каймами по подолу, въ красныхъ повойникахъ, ровной, увѣренной поступью то и дѣло сновали по улицѣ съ ведрами къ колодцамъ, визгливые и высокіе оцѣпы которыхъ, какъ мачты, торчали средь деревеньки. На задахъ избъ видны были мужики и бабы, копавшіе гряды.

— Вотъ здѣсь самые эти Сухостои проживаютъ, Марко Терентьичъ, значитъ,—говоритъ опять Симеонъ Потапычъ. — Вы присядьте, а я пойду въ избу, справлюсь.

Мы подходимъ къ большой трехоконной, но длинной во дворъ и переулокъ избѣ, уже довольно старой, но прочной и плотной. У самой избы и житницы, и подъ раскрытыми настежь широкими воротами, въ тѣни, сидятъ и стоятъ группами пришлые люди, — судя по одеждѣ, крестьяне и мѣщане, бѣдные и зажиточные, деревенскіе и городскіе, и тутъ же около „тутошніе“, больше женщины, въ повойникахъ и рубахахъ, подходятъ, здороваются, разговариваютъ или прислушиваются, и опять проходятъ, съ ведрами и лукошками; ребятишки сидятъ своими группами невдалекѣ. Въ раскрытыя ворота виднѣется широкій, просторный и замѣчательно чистый дворъ, куда такъ и тянуло подъ густую, прохладную тѣнь навѣса. Все тамъ было прибрано, чисто, каждая вещь была пригнана къ мѣсту и порядку. Черезъ дворъ, то къ колодцамъ, то опять на зады, огороды и сады, то и дѣло ходили Сухостоевы—женщины, въ такихъ же рубахахъ и повойникахъ, какъ и всѣ „труженицы“, здоровыя, рослыя, съ коричневыми загорѣлыми плечами и шеями, раскланиваясь съ приходящими одною головой, не сгибая туловища.

Мы присаживаемся на крыльцо житницы и начинаемъ прислушиваться. Сидѣвшія тутъ женщины подвинулись: ближе къ намъ сидитъ еще довольно молодая, хотя повязанная платкомъ, но въ город-

скомъ платьѣ и кофточкѣ, женщина, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ, съ большими красивыми черными глазами, робко смотрѣвшими изъ глубокихъ глазницъ; рядомъ съ ней—высокая, среднихъ лѣтъ, полная баба, съ бойкими глазами, бойкимъ говоромъ и угловатыми, но свободными жестами, въ сарафанѣ и красномъ повойникѣ (признакъ, что она была изъ „своихъ", деревенскихъ, „труженицъ"). Она что-то громко и съ большимъ оживленіемъ разсказываетъ больной женщинѣ. Дальше другіе женщины и мужчины то прислушиваются къ бойкой бабѣ, то тихо разговариваютъ между собой. Предъ нами, на самой травѣ, помѣстилась старушка, тоже въ повойникѣ и другая — пришлая, въ черномъ платкѣ, съ котомкой около себя.

Бойкая женщина, сидѣвшая рядомъ съ больною и блѣдною, говоритъ, вздыхая:

— Легко ли дѣло, что говорить! Трудное, милушка... Не даромъ, вѣдь, оно дается, охъ, не даромъ, милушка!

— Тяжело, — почти шепотомъ выговаривала женщина съ блѣднымъ лицомъ въ то время, какъ большіе глаза ея то и дѣло наполнялись слезами: — мы смирны очень... *Самъ*-то у меня такой тихій да кроткій... А тесть-то крутой да ндравный, а золовки-то ему все больше да больше наговариваютъ...

— Что говорить !кому не доведись!—говоритъ опять баба въ повойникѣ.—Тоже эти грѣхи-то у всѣхъ одни, у всѣхъ есть... есть... кого ни возьми... Э, милушка, съ мірскимъ-то грѣхомъ какую битву надо вести! Вѣками идетъ эта битва-то...

— Пугаютъ... Говорятъ: мы отъ васъ и ребенка-то отберемъ... А то вы и его душу загубите... Это, вишь, отецъ-то съ матерью родному дитяти душу загубятъ!—словно сама удивляясь, сказала больная.

— Бывало и это, милушка: отнимаютъ... Всего и у насъ бывало; недалеко ходить,—у насъ въ семьѣ было. Страды-то этой испытали всѣ, — годами шла... Чѣмъ только не пужали да не изможали: попреками душу выматывали... И-и, милушка, бывало, рѣки-рѣки слезъ-то изольешь, да никому только ихъ не покажешь...

— Всего бывало и есть... много есть и у насъ, красавица,—солидно замѣчаетъ другая, недавно подошедшая „труженица", кивая въ знакъ подтвержденія головой:—умные-то люди не даромъ говорятъ: „царство Господне нудится!"...

— Нудится, милушка, истинно нудится,—подхватываетъ первая.—Бывало, это вокругъ-то тебя идетъ страда, да и со стороны-то утѣсняютъ... Если все-то поразсказать, касатка,—этакъ ежели другой разъ вспомнишь,—вчужѣ кровью сердце обольется... Милая моя, люди-то, бывало, близкіе и родные, въ лѣсахъ сокрывались, ровно звѣри дикіе... Со стороны-то ихъ и за людей-то не считали: такіе они, да сякіе... Каково это было слушать-то!.. Эдакъ-то вотъ у меня бабушка въ лѣсъ ушла (а мы съ маменькой тогда скрытно да укромно истинной-то вѣрѣ прилежали; батюшка-то бы еще ничего, да дѣдушка покойникъ блажливъ былъ да упорствовалъ: что претерпѣли— и сказать нельзя!..). Такъ вотъ и ушла бабушка-то въ лѣсъ... Бывало, это маменька-то плачетъ-плачетъ объ ней, а сходить навѣстить не смѣетъ... И скажетъ это она мнѣ такъ, чтобы и стѣны-то да и свои-то уши не слыхали,—и скажетъ: „Аннушка, сходи-ка, милая, къ бабушкѣ-то съ Егоровыми ребятишками (тѣ къ своимъ въ лѣсъ-то хаживали), отнеси ты ей хоть лепешечки, да принеси отъ нея святое словечко..." Побѣгу я, бывало, лѣсомъ-то, все глуше да глуше — и волка-то боишься, и лихого человѣка... Вотъ и придешь: стоитъ, эдакъ, ровно бы шалашекъ или землянка, въ самой-то глуши... Войдешь, а бабушка-то стоитъ это на колѣнкахъ, такая худенькая да постная, Господь съ ней, стоитъ это цѣлыми днями и часами, все утруждается, милушка... Такъ бы и не наглядѣлся на нее! Обрадуется—увидитъ, слезы такъ и польются и польются рѣкой; ужъ говоритъ она это, говоритъ со мной, ровно не наговорится: и такъ-то хорошо, все по Писанію да по Писанію, и какъ жить-то надоть, и какъ Господа восхвалять, и какъ ко всякой малости чтобы быть со вниманіемъ и прилежаніемъ...

Кругомъ слышатся сердобольные вздохи. „Труженица" долго еще продолжаетъ въ такомъ же родѣ, когда со двора подходитъ молодой мужчина, въ длинномъ купеческомъ кафтанѣ и картузѣ, съ подстриженными кудрявыми волосами, съ какимъ-то убитымъ, но добрымъ, наивнымъ выраженіемъ лица.

— Осипъ Павлычъ, присядь съ нами, послушай... Тебѣ это на пользу будетъ,— говоритъ блѣдная женщина.

Осипъ молча присаживается рядомъ съ нею.

— Это не твой ли хозяинъ будетъ?

— Да, онъ.

— Гм... Это ваша лошадка-то въ шарабанѣ подъ навѣсомъ стоитъ?

— Да, наша...

— Гм... Достатокъ, должно, имѣете?

— Да. Не свой пока, тятенькинъ...

— Такъ, такъ... Тяжело, должно, вамъ?.. Что говорить,—до кого ни доведись: легко ли достатку отрѣшиться? Тоже бывали примѣры-то: ни съ чѣмъ изъ дому-то родительскаго уходили, прямо на улицу... Всего рѣшались...

Мужъ и жена робко взглядываютъ другъ на друга и тотчасъ же пугливо опускаютъ глаза. Оба были они какъ робкіе, неопытные пловцы, бросившіеся въ мягкія, теплыя волны, и вдругъ эти волны, поднявшіяся вихремъ, котораго они не ожидали, подхватили ихъ и понесли, и закрутили въ какой-то жестокій водоворотъ.

Между тѣмъ „труженица" все продолжаетъ:

— Не даромъ это, милушка, не даромъ. Вѣками утруждались родители-то. Хорошо вотъ оно намъ теперь, за ихъ-то трудами... Да... Вотъ хоть бы Сухостоевъ взять, Марка Терентьича: семья у всего міра на виду, всѣмъ въ примѣръ и поученіе: живутъ и въ любви, и въ совѣтѣ, и умомъ превозносятся... Самого ли Марка Терентьича взять,—вездѣ ему почетъ, всѣ его знаютъ: и въ Тавріи-то, и на Капказѣ, и въ самомъ Питерѣ объ немъ извѣстно... У великихъ ли, у малыхъ ли людей—у всѣхъ ему и почетъ, и похвала... Что говорить, и теперь скажу—сами они „утруждаются" не въ примѣръ другимъ; изъ-за нихъ и намъ всѣмъ почетъ да честь... А тоже, милая, родители-то и-ихъ въ какомъ утѣсненіи были, тоже, милушка, по лѣсамъ-то за ними, ровно за дикими звѣрьми, гонялись... Изъ одной теперь ихъ родни сколько народу выселено!..

— Ужъ ихъ родъ весь тѣмъ взысканъ, отъ вѣковъ отмѣченъ,—перебиваетъ другая „труженица", почему-то понижая таинственно голосъ:—еще у прадѣдушки-то у ихняго сестрица была, такъ, дѣвушка-вѣковушка, большого книжнаго разумѣнія и понятія... И вотъ, добрая моя, самая эта дѣвица укрывалась въ лѣсу,—страшнѣющій, говорятъ, былъ здѣсь тогда лѣсъ-то,—и состоялъ при ней солдатикъ-старичокъ, великихъ испытаній былъ этотъ солдатикъ!.. И сокрывались они, добрая моя, въ этомъ лѣсу многіе годы, и никакому глазу людскому не показывались: питалъ ли кто ихъ тамъ, нѣтъ ли, того неизвѣстно. Шелъ говоръ только, что вотъ ужъ они третьяго десятка лѣтъ послѣдній пятокъ доходятъ, какъ все въ книжное разумѣніе и писаніе Божіе вникаютъ... И говорили, что какъ дойдутъ послѣдній пятокъ третьяго десятка, такъ и объявятся... И точно: объявились они тогда всему міру... И понесли они слово Божіе по градамъ и по селеніямъ... И было всѣмъ въ большое диво: говорили они: „нѣтъ намъ ни въ чемъ препоны, нѣтъ намъ ни отъ чего страху, ни быстрыя рѣки, ни пропасти глубокія, ни лѣса дремучіе, ни лихіе люди, ни рать воинская—предѣлъ намъ поставить и положить не могутъ..." Такъ вотъ, добрая моя, отъ этой самой сестрицы-то—прабабушка выйдетъ она Марку-то Терентьичу—и пошла въ ихъ роду благодать... И дѣдушка-то ихній утруждался, и тятенька-то утруждается... И самъ Маркъ-то Терентьичъ, и сынки-то его... Большое дѣло, добрая моя!..

Вотъ подходитъ высокій, сухой старикъ, сѣдой, морщинистый, суровый и, прислушавшись къ послѣднимъ словамъ, говоритъ:

— Тяжело... Не попусту слово-то Божіе дается, нѣтъ!.. О-охъ, тяжело!.. Ежели его съ легкаго-то духу брать, что вѣтеръ сдунетъ — все равно... Нонѣ народъ-то молодой думаетъ,—старики, молъ, оттерпѣлись за насъ... Нѣ-ѣтъ!..

— И-и, милая, нельзя такъ и подумать, — перебиваетъ опять бойкая „труженица".—Вотъ мы вѣка здѣсь живемъ, а какъ будто зло-то съ міру все идетъ и идетъ еще того больше... Со всячинкой и у насъ... Другой это разъ, касатка, до того дойдетъ, что въ отчаянность впадешь... Раньше-то, пожалуй, такой нужды не видали... И лѣсокъ былъ, и землица-то рожала вдвое, а то и втрое... А теперь вотъ—недалеко ходить: у Ивана Митрича дочка на фабрику пошла, у Елизара Ѳедорыча двоихъ подростковъ къ ней же опредѣлили... Теперь насчетъ землицы было удумали...

— Со всячинкой, со всячинкой,—перебиваетъ опять другая „труженица", понижая голосъ,—вотъ — недалеко ходить, у сестры моей: примѣрной жизни, не хваля скажу, примѣрной жизни отъ дѣдовъ еще были... А вотъ, лѣтось, и явился сынокъ, въ солдатчину ходилъ; явился

это сынокъ, да и говоритъ: „я, говоритъ, васъ всѣхъ, и съ учителями-то вашими, могу, говоритъ, подъ законъ подвести, потому, говоритъ, вы...“ И такъ-то сталъ, добрая моя, высказывать, такъ-то высказывать!.. Самъ сидитъ, трубку куритъ, вино пьетъ, съ дѣвками по улицамъ безобразитъ... Отецъ-то съ матерью ногъ подъ собой не чуютъ, ночами слезы проливаютъ... Всѣ это видятъ, всѣмъ жалко... Стали говорить...

— Ну, и что жъ?—спросилъ кто-то.

— Ну, и...—заминается вдругъ болтливая „труженица“ при этомъ опросѣ и боязливо оглядывается,—ушелъ скоро отъ насъ... Сгибъ куда-то... Господь съ нимъ!.. Я къ тому это говорю, — со всячинкой, молъ...

Вотъ кто-то еще разсказываетъ что-то подобное же справа, разсказываютъ слѣва; я уже не могу услѣдить за всѣми разсказами. Я ловлю только отдѣльныя выраженія и фразы.

— Такъ, такъ... А все же оно у васъ тутъ, сообща-то, крѣпче... полегче... А вотъ оно какъ въодиночку-то,—одолѣваетъ... Слабѣешь, духомъ слабѣешь!—говоритъ какой-то смирный мужичокъ.

— Что говорить!..

— То-то, молъ, вотъ... Ждутъ Марката Терентьича... Ожидаютъ,—разговаривалъ кто-то.

— Знамо, что... народу поддержка нужна... Тоже всѣ люди,—замѣчаетъ кто-то.

— Охо-хо!..—вздыхаетъ кто-то тяжело, удрученно, скорбно, и чувствуется въ этомъ вздохѣ такъ много тоски и горя, такъ много обезсиленнаго, почти нечеловѣческаго напряженія...

Вотъ вдругъ подсаживается ко мнѣ маленькая, сухая старушка, въ повойникѣ, изъ-подъ котораго выбиваются сѣдые волосы, въ суровой длинной рубахѣ, перетянутой покромкой подъ животомъ, съ грязными ногами,—очевидно, она недавно вернулась съ огородовъ и зашла послушать разговоръ.

— Городскіе, должно, будете?

— Городскіе...

— Изъ нашихъ?

— Нѣтъ...

— Къ Марку, значитъ, Терентьичу?.. Побесѣдовать?..

— Да.

— Хорошо это, хорошо... Что ужъ, про Марка Терентьича и слова нѣтъ!.. Одумать все можетъ...

Старушка помолчала и все смотрѣла мнѣ въ лицо, не то съ любопытствомъ, не то съ состраданіемъ, потомъ прибавила:

— Хорошо оно, добренькій, ужъ какъ бы хорошо... Да вотъ немощи-то наши мірскія... А ужъ какъ бы хорошо...

И старушка, что-то вспомнивъ, заплакала тихонько.

Стоявшая предъ нами крестьянка, въ ситцевомъ пальто, сарафанѣ и платкѣ, съ узелкомъ подъ мышкой, худая и изнуренная, съ строгимъ лицомъ, увидавъ, что старушка плачетъ, подходитъ къ намъ и говоритъ:

— Тоже вотъ съ нами... И Богъ знаетъ, что подѣлалось!.. Жили хорошо, когда и тятенька еще живъ былъ, и маменька... Братья жили тоже около насъ... все плечо къ плечу... А тутъ братьевъ-то увезли... Тятенька померъ,—ровно что полосой прошло... Мой-то Адріянъ... (это вонъ онъ лежитъ у крылечка-то,—показываетъ женщина глазами на лежавшаго на травѣ у житницы еще молодого мужика, въ сѣрой свиткѣ, съ одутловатымъ лицомъ и странными, какъ-то смотрѣвшими поверхъ всѣхъ, глазами...) мой-то Адріянъ сталъ все лише да лише... Ни спорости тебѣ въ работѣ, ни прилежанія... А кругомъ утѣсненія... Все лише да лише... Я къ Марку Терентьичу... Такъ и такъ... Покачалъ это головой... „На собраньи, говоритъ, скажу“... Ну, выдали, помогли... Да, вѣдь, родная, тоже не вотъ какіе капиталы, — выдали разъ, а другой-то ужъ и глазъ не подымешь просить... Адріяну-то все лише да лише, лежитъ вонъ по днямъ, что колода... Что только силкомъ заставишь, то и есть...

Женщина не договариваетъ, когда общее вниманіе обращается на подъѣхавшаго въ плетушкѣ молодого мужика...

— Вишь, какой молодецъ, Господь съ нимъ! — говоритъ женщина и въ голосѣ ея слышится зависть.—Чей это?

— А это изъ нашихъ, изъ нашихъ... Только изъ Бѣлухина... — съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ старушка и что-то начинаетъ ей шептать.

— Да... со вьюности своей объявился... Понаѣхали къ намъ *энти* съ увѣщаніемъ... ну, понаѣхали... съ нашими зубъ за зубъ (у его отца это было)... онъ эдакъ укромненько въ уголочкѣ сидитъ да вникаетъ... Да какъ, мать моя, вымахнетъ это его изъ угла-то ровно кто, какъ вымахнетъ—и пошелъ, и пошелъ отчиты-

вать... и отъ разума, и по Писанію (а и всего-то четырнадцатый годъ шелъ)... Наши всѣ возрадовались, старцы-то говорятъ: „Господь за насъ устами отрока гласъ подаетъ!..“

Я смотрю на молодого мужика и всѣ продолжаютъ смотрѣть на него, пока онъ отпускаетъ у лошади поводъ и привязываетъ къ кольцу у воротъ. Затѣмъ онъ неловко какъ-то повертывается, степенно снимаетъ картузъ и, проходя къ крыльцу, смущенно раскланивается съ народомъ, обѣгая всѣхъ тѣмъ быстрымъ, ни на комъ не останавливающимся, взглядомъ, которымъ смотрятъ молодые люди, когда знаютъ, что на нихъ обращено общее вниманіе. Онъ высокъ, здоровъ, коренастъ, съ русою головой и рыжеватою курчавою бородкой. Такъ онъ пышетъ здоровьемъ, силой, молодостью, даже удалью, что все это какъ-то рѣзко рвется наружу изъ-подъ напущенной степенной и смиренной сдержанности...

Я вспоминаю Симеона Потапыча и Илюшу. Симеонъ Потапычъ все не возвращается изъ избы, а Илюша давно уже ушелъ отъ меня и, переходя отъ группы къ группѣ, внимательно-сосредоточенно и молча вслушивается въ говоръ... Вотъ онъ подошелъ къ кому-то сидѣвшему на самомъ дальнемъ краю, гдѣ-то въ уголкѣ. Это Яковъ, который давно догналъ уже насъ и давно сидитъ, никому не подавая виду, вдали отъ всѣхъ, и что-то странное было въ его несчастной фигурѣ, — въ этомъ засаленномъ жилетѣ, надѣтомъ на грязную рубаху, въ этомъ темномъ худомъ, испитомъ лицѣ, въ этихъ рѣденькихъ короткихъ штанишкахъ, еле державшихся на длинныхъ тонкихъ ногахъ... Казалось, онъ готовъ былъ спрятаться совсѣмъ, уйти еще больше отъ всѣхъ, и только угрюмо смотрѣвшіе „быкомъ“ исподлобья черные глаза говорили о томъ, какъ онъ упорно пересиливалъ свое робкое смущеніе... Я вижу, какъ Илюша показываетъ на меня, но онъ настойчиво и отрицательно мотаетъ головой...

VI.

Между тѣмъ народъ около избы Марка Сухостоева все прибываетъ. Разговоры становятся шумнѣе и неразборчивѣе: въ разныхъ мѣстахъ говорятъ разомъ. Тѣхъ бабъ въ повойникахъ, которыя говорили съ больною женщиной, уже не видать,— ихъ замѣнили другія. И самый приходящій народъ становится разнообразнѣе; среди крестьянскихъ, больше попадается фигуръ, лицъ неопредѣленнаго, городского, зажиточнаго, по крайней мѣрѣ по одеждѣ, типа. Я уже еще болѣе не въ состояніи слѣдить за говоромъ. Я успѣваю ловить только обрывки фразъ. Вотъ кто-то говоритъ глухо:

— Выселяться!.. Легко сказать... Охохо!.. А гробы-то?.. Гробовъ-то сколько, гробовъ-то... Все, вѣдь, дѣдовскіе, родительскіе... Не мало труженическихъ косточекъ уложили... Эхе-хе-хе!..

Кто-то отвѣчалъ:

— Ничего!.. Унывать — зачѣмъ унывать?.. Надо уповать, а не унывать!.. Вотъ какъ Господь учитъ!..

— Не пріѣхалъ еще Марка-то?—спрашиваетъ кто-то.

— То-то еще нѣтъ...

— А народу набирается много...

— Да и дѣло не малое... Мѣсяцъ въ отъѣздѣ былъ... Привезетъ всего...

— И пошла это, милая, *хранцузская болѣсть*... Вотъ и портитъ, и портитъ народъ. Дѣдушка Терентій — и тотъ не одолѣетъ... „Нѣтъ, говоритъ, и моя сила не беретъ: людоѣдная, говоритъ, эта болѣзнь“... И завелась, милая, эта пакость вотъ ужъ на нашихъ глазахъ... все съ фабрики тащатъ,—гдѣ-то ворчливо шепчетъ старуха.

— Къ Марку Терентьичу?—спрашиваютъ сбоку.

— Да,—отвѣчаетъ странная, угрюмая личность въ длинномъ сюртукѣ ниже колѣнъ, въ сапогахъ кувшинами.

— Не изъ „нашихъ“ будете?

— Нѣтъ...

— Насчетъ сумнѣніевъ, значитъ?

— Да...

— Доброе дѣло!..

Суровый сюртукъ молчитъ.

— Али отъ жизни обида вышла?

Но суровый человѣкъ опять молчитъ и, погруженный въ собственный внутренній міръ, онъ отходитъ отъ сердобольнаго, но докучливаго собесѣдника.

Я невольно продолжалъ слѣдить за этимъ страннымъ человѣкомъ: что-то приковываетъ меня къ нему, и мнѣ самому хочется повторить вопросъ „о житейской обидѣ“, чтобы получить отъ него отвѣтъ. Я уже ничего не могу разобрать въ сплошномъ, но сдержанномъ говорѣ, растущемъ вокругъ меня. Я только все яснѣе начинаю чувствовать, что чѣмъ больше растетъ вокругъ меня этотъ говоръ,

тѣмъ интересы этой толпы становятся отъ меня какъ будто дальше, дѣлаются непонятнѣе, и я начинаю ощущать тоскливое, неопредѣленное чувство одиночества и отчасти недоумѣнія предъ тѣмъ, что дѣлается вокругъ меня.

А потокъ своеобразныхъ, почти неуловимыхъ для меня интересовъ, чаяній, горя, скорбей и надеждъ, продолжаетъ все сосредоточиваться около этой странной избы, которая мало-по-малу начинаетъ какъ будто все расти выше и выше предъ моими глазами, среди другихъ. Мнѣ просто кажется невѣроятнымъ, чтобы въ этой окутанной кругомъ соломой, трехоконной избѣ могло вмѣститься все это, что принесло съ собой столько самыхъ интимныхъ, самыхъ глубокихъ и сокровенныхъ человѣческихъ помысловъ и вожделѣній...

И въ это же время, вотъ тутъ, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, не прерываясь, идетъ размѣреннымъ порядкомъ обычная деревенская жизнь: бабы, кажется, еще поспѣшнѣе снуютъ изъ дворовъ къ колодцамъ и обратно; дѣти шумно перекликаются, какъ воробьи перелѣтая съ одного конца деревни на другой; слышенъ ревъ приближающагося стада, мужики спѣшно возвращаются со поля съ сохами.

Вотъ двое изъ нихъ проѣхали вблизи насъ. Ихъ окликнули.

— Провъ Павлычъ! Что же вы? Васъ, вѣдь, здѣсь поджидають.

— Сейчасъ, сейчасъ! — говоритъ одинъ изъ пахарей,—вотъ только уберусь...

И черезъ пять минутъ онъ уже возвращается, отирая рукавомъ потъ со лба, но не одинъ, ихъ трое. Самый этотъ пахарь, низенькій, худой человѣкъ, съ темнымъ худымъ лицомъ, съ жидкою маленькою и едва видною бородкой, съ блуждающими хлопотливыми и напряженнотомными глазами, и съ нимъ два рослыхъ рыжихъ мужика, въ фуражкахъ, но въ простыхъ рубахахъ и босикомъ. Одинъ изъ нихъ быстрымъ, привычнымъ и проницательнымъ взглядомъ окидываетъ всѣхъ насъ и проходитъ уже мимо, но вдругъ, какъ будто что-то замѣтивъ, возвращается и, вглядываясь въ меня, спрашиваетъ съ подозрительнымъ смиреніемъ: городскіе будете?

— Да.

— Къ кому же вы, то-ись... будете?..

— Къ Марку Терентьичу.

— А!..

И онъ, все еще подозрительно обертываясь на меня, проходитъ, вмѣстѣ съ первыми, къ избѣ.

Многіе изъ лежавшихъ на землѣ поднимаются, другіе снимаютъ шапки.

А меня при этомъ допросѣ еще больше начинаетъ охватывать неопредѣленное тоскливое ощущеніе одиночества и отчужденія...

„И имѣютъ право, да,—думаю я съ грустью: — человѣческой кровью шутить нельзя...“

Вотъ ревъ, блеянье стада, слышится все ближе, и, наконецъ, оно медленно расплылось по деревенской улицѣ; мимо насъ засновала скотина; женщины, дѣти— все перепуталось, лошади, коровы, овцы, люди. Среди поднятаго шума слышу, громко говорятъ: „Пріѣхалъ! Пріѣхалъ!..

Я невольно и поспѣшно вскакиваю вмѣстѣ съ другими съ завалины, какъ будто пріѣздъ кого-то долженъ былъ отвѣтить таинственнымъ запросамъ и моей души.

Но въ это время случившаяся опять около меня старушка предупреждаетъ меня.

— Нѣтъ, касатикъ, это не Марка,— это, вишь ты, дѣдушку Терентья привезли... Возятъ его у насъ, съ утра до вечера возятъ, и наши и не наши возятъ... больныхъ ради исцѣленія... А ужъ, поди, родимому восемь десятковъ, а то и больше будетъ... Всю жизнь такъ-то утруждается... Ужъ такой цѣлитель — цѣны нѣтъ!.. Какая болѣзнь у кого ни будь— и лѣчить безъ того не примется, чтобъ не утрудить себя... Ежели кому лихоманку лѣчить — день себя изнождаетъ: одинъ хлѣбецъ да водицу потребляетъ; ежели что потруднѣе — недѣлю изнождается, — примѣрно, крови у женскаго дѣла пріостановить... А ежели, примѣрно, бѣсовъ изгонять — три недѣли, родной, утруждается; высохнетъ еле щепка, въ чемъ только душа держится... Ну, и случаевъ не запомнимъ, чтобы безъ пользы было!..

Я опять механически сажусь на завалину и когда смотрю, какъ мужчины и женщины осторожно высаживаютъ подъ руки изъ телѣги еле живого, сѣдого, какъ лунь, худаго и длиннаго старика, какъ моя старушка уже подбѣжала тутъ же и что-то тоже хлопочетъ около него, мнѣ становится все грустнѣе... И я смотрю и смотрю опять на волнующуюся предо мною, чуждую мнѣ жизнь, и мнѣ кажет-

ся, что волны, которыя она катитъ мимо меня, подымаются все выше, и вотъ — того гляди—захлеснутъ и зальютъ меня... Что я имъ, этимъ волнамъ?

VII.

Гляжу, на дворъ, безъ шапки, весь красный отъ пота, вышелъ Симеонъ Потапычъ и ищетъ глазами меня.

— Василій Петровичъ! Куда же ты задѣвался? А мы про тебя, признаться, и забыли... Заговорились тамъ... Народъ тутъ очень до всего дошлый... Поди, послушай... Что же ты?—говоритъ Симеонъ Потапычъ, почти насильно увлекая меня въ избу.

Мы проходимъ черезъ дворъ, полный теперь скотомъ. Пожилая женщина и молодая красивая дѣвка, обѣ въ рубахахъ, съ приподнятыми высоко подолами, изъ-подъ которыхъ сверкаютъ здоровыя, напружившіяся икры, снуютъ по двору съ подойниками и лоханями. Такой парной, мягкій воздухъ виситъ въ глубинѣ двора, о такомъ трудовомъ достаткѣ, довольствѣ и устойчивомъ порядкѣ говоритъ и эта скотина, и женщины, и вся эта хозяйственная хлопотня, что какъ-то невольно сжалось сердце у меня, бездомнаго скитальца...

— Яковъ!—вдругъ окрикнулъ Симеонъ Потапычъ.

Я обернулся и увидалъ Якова, стоявшаго неподвижно въ углу между распахнутыми воротищами и стѣной двора. Приложившись къ стѣнѣ, никѣмъ незамѣчаемый, опустя голову, онъ сердитыми глазами, исподлобья, съ какой-то злой, завистливой жадностью смотрѣлъ въ щель, вглубь двора.

— Яковъ!—окликнулъ его Симеонъ Потапычъ снова.

Яковъ вдругъ встрепенулся, смѣшался, оробѣлъ и сконфузился.

— Пойдемъ въ избу... Чего тутъ смотрѣть?.. Тамъ все же для души полезнаго не мало услышишь...

Яковъ молча и послушно, но попрежнему стараясь спрятать себя отъ всѣхъ, пошелъ за нами.

Признаюсь, странное и самого меня удивившее чувство овладѣло мной, когда я переступилъ порогъ этой простой, но, видимо строенной очень давно, изъ громадныхъ, толстыхъ, коричневыхъ и уже почти потемнѣвшихъ бревенъ, избы „тружениковъ“... Это было чувство не то неопредѣленнаго уваженія, не то тайной робости, смущенія и стыда. Въ моей головѣ какъ-то быстро и смутно промелькнули и дѣтскія впечатлѣнія, давно совсѣмъ забытыя, и этотъ потокъ интимныхъ интересовъ, которые несли сюда, довѣрчиво и наивно, всѣ эти простые люди, и эти безконечные, доходившіе вглубь временъ, ряды самоотвергавшихся „тружениковъ“, изъ вѣковъ, капля по каплѣ, клавшихъ основаніе чему-то мощному, упорному...

Въ длинной, большой комнатѣ избы, гдѣ, кромѣ стоявшей въ заднемъ углу печи, не было ничего лишняго, — ни перегородокъ, ни хозяйственнаго скарба,—сидѣло уже довольно много народа, вдоль стѣнъ и около стола, подъ божницей, на которой лежали только книги.

Я и Яковъ, словно по уговору, не говоря ни слова другъ другу, садимся въ самый дальній уголъ. На насъ мало обращаютъ вниманія. По напружившимся лбамъ, по напряженнымъ взглядамъ, по оживленнымъ, раскраснѣвшимся лицамъ тѣхъ, которые стояли и глядѣли около стола, съ разложенными на немъ книгами, было слишкомъ замѣтно, насколько важны и серьезны были для нихъ рѣшавшіеся тутъ вопросы, чтобы обращать вниманіе на входившихъ и выходившихъ.

Подъ самой божницей сидитъ старикъ, дѣдушка Терентій, видимо, изнеможенный, усталый и, относительно, кажется, далекій отъ того, что происходитъ кругомъ. Онъ сидитъ то опустивъ голову, то иногда съ глубокимъ вздохомъ поднимаетъ ее, обращая кверху безцвѣтные, влажные глаза. Но лицо его неподвижно, сурово и серьезно. Чѣмъ больше я смотрѣлъ на него, тѣмъ больше и больше мнѣ представлялось, что онъ—это тотъ старикъ, который выпроваживалъ насъ изъ тѣсной избы, въ ту ужасную „ночь бѣгства“, и говорилъ; „выѣзжайте съ Богомъ. Что намъ вмѣстѣ дѣлать? Вы насъ не видѣли, мы—васъ!..“ Да и для всѣхъ здѣсь собравшихся онъ былъ только этимъ живымъ отраженіемъ далеко прошлаго и говорилъ, говорилъ своимъ присутствіемъ только объ одномъ, казалось: „не забывайте вы, растущія поколѣнія, что у васъ есть исторія, которую освятили своими страданіями, кровью, самоотверженіемъ цѣлые ряды поколѣній... Только у тѣхъ дѣло прочно, которые умѣютъ знать, понимать и чтить свою исторію...“

Я вижу за столомъ почти уже все зна-

комыя мнѣ лица: тутъ, рядомъ съ дѣдомъ, сидитъ и тотъ пахарь, худой и низенькій, къ какими-то восторженными, словно постоянно вдохновенными глазами, тутъ и тѣ двое пахарей, которые пришли съ нимъ вмѣстѣ; тутъ и молодой мужчина, обратившій у воротъ общее вниманіе и который уже со „вьюности былъ отмѣченъ“, какъ передавала мнѣ старушка... Тутъ сидѣли рядомъ съ ними еще два мужика-середняка, какъ послѣ оказалось, сыновья Марка, оба замѣчательно похожіе другъ на друга, съ бѣловато-желтыми волосами, рыжими бородками, широкими, добродушными лицами и голубыми глазами, которые такъ и говорили всѣмъ: „вотъ, мы тутъ всѣ, вся душа наша, цѣликомъ, и больше въ насъ ничего нѣтъ, ниже одного скрытнаго мѣстечка“. Это была одна полная дѣтская искренность, съ такой же полной дѣтской преданностью всему, что ими было усвоено. На концѣ сидитъ юноша, котораго я еще не знаю; веселыми, открытыми глазами и съ постоянной полуулыбкой на губахъ онъ смотритъ по очередно то на того, то на другаго изъ говорящихъ.

Предъ этими „своими“ людьми, по другую сторону стола, стоятъ и сидятъ, очевидно, пришлые: тутъ и молодой купеческій сынъ, пріѣхавшій съ больною женщиной, и странный человѣкъ, угрюмо стоявшій, скрестивъ на груди руки, и еще другой странный человѣкъ, съ чисто-подстриженною густою щетиной волосъ на головѣ, съ выбритою бородой, торчащими жесткими усами и серьгой въ лѣвомъ ухѣ; онъ въ короткомъ, узкомъ, прорванномъ на локтяхъ сюртукѣ. Большими оловянными глазами отъ стрѣляетъ то и дѣло на всѣхъ и, казалось, нарочно сжимаетъ зубы, чтобы не говорить... И еще много другихъ лицъ — крестьянъ, мѣщанъ, которыхъ я не видалъ еще. И тутъ же Илюша съ обычнымъ своимъ напряженнымъ взглядомъ, уставленнымъ на столъ, что-то говоритъ тяжело, медленно, но внятно и упорно, такъ же „утруждается“, какъ и всегда... И Симеонъ Потапычъ, переходя отъ одного къ другому и не могущій, по своей подвижности, усидѣть на мѣстѣ, говоритъ что-то...

Я съ трудомъ понимаю, о чемъ они говорятъ, еще труднѣе для меня понять, почему то и это, крайне мелочное и неважное на мой взглядъ, имѣетъ, повидимому, такой жгучій интересъ для нихъ. Я только чувствую, что для большинства изъ нихъ все то, что выслушиваютъ они или говорятъ сами, все это — капли живой крови...

Вотъ Симеонъ Потапычъ, вдругъ опять словно что-то вспомнивъ, подходитъ къ юношѣ, сидящему на концѣ лавки, и опять глазами показываетъ въ нашу сторону. Юноша быстро оглядывается, вскакиваетъ и подходитъ къ намъ, улыбаясь во все лицо. Ему всего лѣтъ 19 — 20; онъ высокъ и какъ-то особенно красиво сложенъ; русые волосы острижены въ скобку; черты лица тонкія, почти женскія; въ немъ и, вообще, было что-то женское, стыдливое, деликатное, мягкое, и только въ веселыхъ, улыбающихся глазахъ свѣтилось и удальство, и энергія, и чуть примѣтное плутовато-игривое молодечество, которое говорило, что онъ, въ своемъ мѣстѣ, не дастъ промаха съ деревенскими дѣвицами, хотя бы и „строгими“ труженицами.

— Это внукъ будетъ Марку Терентьичу,—говорилъ Симеонъ Потапычъ и шепнулъ мнѣ на ухо: — хорошій паренекъ! Страсть хорошій!.. Это вонъ, бѣлый-то мужикъ, такой краснощекій, что баба,— это его отецъ... Алеши-то.

Алеша какъ-то угловато суетъ руку Якову и мнѣ и присаживается къ намъ.

— Вы изъ городу?—спрашиваетъ онъ.

— Да.

— Изъ столицы, я слышалъ?

— Изъ столицы.

— А!— И онъ улыбнулся, что-то соображая, и сталъ внимательно смотрѣть въ мои глаза.

— Я вотъ не бывалъ еще... Дѣдушка бывалъ не разъ... Батюшка тоже ѣздилъ... А я еще нѣтъ.

— А хочется тебѣ?

— Хочется не хочется—будетъ дѣло, поѣдешь—туда ли, сюда ли... У насъ по дѣлу ѣздятъ, въ разное мѣсто... Другой разъ поѣдетъ, да такъ и не вернется... такъ и сгибнетъ! — прибавляетъ онъ, и опять ясными, весело играющими глазами все смотритъ мнѣ въ лицо. — Такъ-то у насъ дядя сгибъ... Отчего вы не говорите тамъ?—спрашиваетъ онъ.—Вотъ васъ бы послушать... Поговорите и вы, — обращается онъ къ Якову.—Ничего, вѣдь, у насъ рады будутъ... всѣ рады... Мы это любимъ.

И по лицу Алеши я вижу, что онъ, дѣйствительно, говоритъ искренно, и искренно былъ бы радъ выслушать всякое искреннее слово.

Яковъ угрюмо проворчалъ что-то въ отвѣтъ, а я ничего не отвѣтилъ... Моя „исторія" была слишкомъ, слишкомъ еще далека отъ той, которая проходила и проходитъ теперь предо мною, съ живою плотью и кровью, здѣсь, въ этомъ далекомъ и глухомъ лѣсу...

VIII.

Вотъ за окнами, слышно, усиливается говоръ; доносится гулъ какого-то движенія. Алеша быстро и оживленно вскакиваетъ, выбѣгаетъ въ дверь и слышно, какъ громко стучатъ по ступенямъ помоста его новые сыромятные сапоги. Черезъ минуту опять тоже прежнее топанье сапогъ и Алеша вбѣгаетъ снова и, запыхавшись, взволнованно говоритъ, обращаясь ко всѣмъ: „Пріѣхали!" И вотъ онъ самъ вдругъ выпрямляется; его оживленное лицо вдругъ становится степеннѣе, глаза принимаютъ оттѣнокъ сдержаннаго смиренія, и онъ какъ-то весь выростаетъ, дѣлается сразу старѣе на цѣлыя десять лѣтъ. Онъ становится въ бокъ, около двери, когда по мосту уже слышится топотъ цѣлыхъ десятковъ ногъ, чьи-то голоса, смѣшанные, перебивающіе другъ друга... Бесѣда сидѣвшихъ въ избѣ обрывается; старушка „труженица", сидѣвшая рядомъ со мной, давно уже взволновалась и то и дѣло подходила къ двери, заглядывая въ нее, и все что-то шептала. Вотъ входятъ разомъ три новыхъ лица,—очевидно, изъ тѣхъ, которыхъ ждали, но я не могу различить, который изъ нихъ Марко Терентьичъ, когда моя старушка, почему-то особенно облюбившая меня, уже говоритъ мнѣ:

— Вонъ онъ, вонъ Марко-то Терентьичъ нашъ... А это вонъ, купцомъ-то смотритъ, это изъ новыхъ, должно... должно изъ мощныхъ какихъ... А это вонъ, черноволосый-то, худой да сухой такой, ровно грекъ,—это, милый, будетъ, значитъ, посланецъ... изъ столицы... отъ важныхъ людей... Позапрошлымъ лѣтомъ былъ онъ у насъ.

Слѣдя за указаніями старушки, я смотрю и на Терентьича, и на купца, и на грека, и подъ ея вліяніемъ самъ, невольно, проникаюсь особымъ вниманіемъ къ нимъ. Маркъ Терентьичъ—высокій, бодрый, плотный, лысый старикъ лѣтъ шестидесяти, и если бы не синій халатъ, изъ подъ котораго виднѣется жилетка и красная выпущенная рубашка, онъ былъ бы очень похожъ на дѣдушку моего: та же шаромъ съ просѣдью борода, тотъ же высокій, крутой, бѣлый, открытый лобъ, пестро-черныя щеткою брови, мясистый носъ и мягкія толстыя добрыя губы, та же сдержанная степенность человѣка, привыкшаго имѣть дѣло съ сердцемъ и чувствами толпы, и только проницательный взглядъ, быстро обѣжавшій всѣхъ бывшихъ въ избѣ и, какъ мнѣ показалось, на секунду внимательно остановившійся на мнѣ, тотъ взглядъ, отчасти, изощренный годами и особенными условіями, который можетъ принимать, кажется, въ одну и ту же минуту разныя выраженія, — только этотъ взглядъ отличалъ бы его отъ дѣдушки. „Человѣческой кровью шутить нельзя, — думаю я:—она требуетъ беречь себя такъ же, какъ драгоцѣнные перлы"...

Я не успѣлъ вглядѣться хорошенько въ Марка Терентьича, какъ уже меня совершенно поглощаетъ ворвавшійся вслѣдъ за нимъ съ улицы потокъ: меня оттираютъ къ стѣнѣ женщины, мужчины, старики, старухи... Въ избѣ становится тѣсно, тяжело дышать. Несвязный говоръ виситъ надъ нами... Всѣ, и преимущественно женщины, что-то спрашиваютъ и о чемъ-то выкликаютъ...

— Погодите, повремените...Ахъ, бабье, бабье!..—говоритъ кто-то у двери:—всѣ онѣ, бабы-то, вездѣ однѣ... Погодите... Поспѣете...

— Ничего... Ничего... Все слава Богу... Слава Господу!.. Все благополучно,— слышу я, должно быть, отвѣчаетъ на общіе запросы Марко.

— Родной мой!.. Ну, какъ наши-то тамъ, за моремъ-то... родненькіе наши печальники, какъ они-то тамъ?.. Не въ страдѣ ли, не въ стѣсненіи ли?—слышу я, какъ слезливымъ голосомъ допрашиваетъ старушка.

— Ничего, старушка... Хвали Господа!.. Все благополучно—и за моремъ, и въ Тавріи, и на Волгѣ...

— Ну-ну!.. Восхвалимъ Господа!.. Ужъ оченно это для народу-то здѣсь услыхать хорошо будетъ... Истинная-то вѣра, правда-то Божія, родной, преумножается ли?..

— Преумножается, старушка...растетъ, растетъ, что рѣка половодомъ!.. Господь не оставляетъ свою землю!.. Понятно, не безъ утѣсненія, не безъ страды нудится царство Господне... Утруждайтесь—и царство правды Божіей обниметъ все живое и сущее!..

— Ну-ну!.. Восхвалимъ Господа и Его святое евангеліе! — вздыхаетъ старушка.—Ну, а какъ, родной... Ужъ очепно какъ-то у насъ изъ народа какъ бы духомъ ослабли...

— Погодите... Повременимъ... Все понемножку... Вотъ разберемся... Вотъ,— говоритъ Марко Терентьичъ, садясь около стола, какъ будто, дѣйствительно, разстерявшись и не зная съ чего начать,— ну, вотъ... вотъ Адріянъ... Здѣсь ли Адріянъ-то?.. Здѣсь... Ну, и хорошо... Радъ я за васъ... И всѣ братья рады... Говорили тамъ... Знаете сами, здѣсь у насъ скудно... Сами въ утѣсненіи... А вотъ ежели ваше расположеніе души будетъ,—вотъ и поѣзжайте... Зовутъ... Все устроютъ... И земля... и изба... Все... Подымитесь духомъ... Собирайтесь, поѣзжайте... Вамъ тамъ будетъ лучше... Все свои. И да благословитъ Господь труды ваши, и домъ вашъ, и чадъ вашихъ, и потомство ваше въ вѣка впредбудущіе!..

Женщина, прежде разсказывавшая про своего мужа, теперь плакала, стоя предъ Маркомъ Терентьичемъ и кланялась въ поясъ и ему, и купцу, и греку, и всѣмъ, которые сидѣли за столомъ. Самъ Адріанъ вытиралъ со лба потъ и все сморкался, не зная какъ скрыть свое волненіе.

— Ну, вотъ... Теперь, — опять говоритъ Марко, какъ будто затрудняясь, что выбрать для сообщенія. — Ну, вотъ... Алеша... Алеша! Гдѣ ты?.. Ну, вотъ тебѣ... вышло... ѣхать на Волгу...

Я вижу, какъ Алеша вдругъ покраснѣлъ и его глаза быстро засвѣтились, забѣгали по толпѣ; очевидно, у него не было еще ни „выдержки“, ни силъ, чтобы скрыть свое волненіе, удовольствіе и дѣтское тщеславіе...

— Ну, вотъ... теперь... тебя, Петръ Иванычъ, ждутъ, — обратился Марко къ молодому мужику, пользующемуся общимъ вниманіемъ,—тебя... вотъ... ожидаютъ...

Но Марко Терентьичъ не договариваетъ, начинаетъ все больше путаться въ словахъ и его пытливый взглядъ уже не разъ, казалось мнѣ, успѣваетъ проникнуть въ самую гущину толпы.

— Ну, вотъ... да... Ужъ не лучше ли дозавтра?.. А?.. Поздно... Ужъ до собранья бы?.. Такъ ли?.. Поздно ужъ теперь... Вотъ мы поразберемся, поглядимся...

— Ты бы ужъ у меня то... съ сердца снялъ... тяготу-то... Не усну я опять ночь-то, коли не объявишь... Будь родной... Изстрадался! — говоритъ какой-то мужичокъ съ скорбнымъ лицомъ.

— Хорошо, хорошо, только ужъ не дозавтра ли лучше?..

— Родной... сердце изныло...

Марко Терентьичъ медлитъ отвѣчать.

И вотъ взглядъ Марка Терентьича опять пронизываетъ толпу, и мнѣ кажется, что онъ достигаетъ меня даже въ самомъ дальнемъ углу... Я не знаю, дѣйствительно ли такъ это было, но я чувствовалъ это, потому что мое сердце стучало... „Человѣческою кровью шутить нельзя“, повторилъ я про себя и незамѣтно вышелъ изъ толпы.

IX.

Уже совсѣмъ смеркалось; солнце упало за лѣсъ, и блѣдный мѣсяцъ всѣ яснѣе и яснѣе очерчивался на темнѣвшемъ небосклонѣ. На улицѣ движеніе стихало и только толпились любопытные около избы Сухостоевыхъ... Я иду по опустѣвшей улицѣ, какъ вдругъ со стороны погоста проносятся ясные, чистые, но какъ будто унылые, рѣдкіе звуки колокола. Я на минуту пріостанавливаюсь, вслушиваюсь въ знакомый звукъ,—и вотъ меня что-то сильное, непобѣдимое потянуло на эти звуки, туда, къ погосту...

Я быстро прохожу четверть версты, отдѣляющую погостъ отъ деревни, и все яснѣе и яснѣе выступаетъ предъ мной въ полумракѣ сумерекъ знакомая низенькая деревянная церковь. Звонъ уже давно прекратился. Я робко и смущенно взбираюсь на холмъ, гдѣ, окружая церковь и погостъ съ деревянной полуразвалившейся оградой, грустно и молчаливо погруженныя въ сонъ, не шелохнувшись, стоятъ разросшіяся липы и березы.

Глубокая тишина царитъ здѣсь, надъ этимъ священнымъ прахомъ уснувшаго былого... Я медленно обхожу кругомъ погостъ, иду мимо старыхъ, знакомыхъ мнѣ домовъ, но большинство изъ нихъ теперь снесены, или оставлены безъ кровель, безъ дворовъ, въ другихъ заколочены окна и только въ двухъ избушкахъ на концѣ свѣтится огонь... Все кругомъ до того мертво и тихо, что даже не слышно лая собаки, и вотъ среди этой мертвой тишины какъ-то рѣзко раздается въ моихъ ушахъ окликъ: „кто тутъ?“

Мнѣ кажется, что это голосъ Вакулы. Я оборачиваюсь. Ко мнѣ, осторожно и робко, подвигается чья-то низенькая, гор-

батая фигурка, ковыляя на кривыхъ ногахъ, съ большою бородой и огромной копной волосъ на головѣ, вмѣсто шапки.

— Кого надо?—опросилъ онъ опять, останавливаясь на нѣсколько шаговъ отъ меня.

— Ты сторожъ?—спросилъ я.

— Сторожъ.

— Развѣ здѣсь уже еще никто не живетъ?

— Нѣтъ... Кромѣ вотъ меня да стариковъ, никто не живетъ.

— Отчего же такъ?..

— Да вотъ ужъ годовъ десять перевели приходъ... Перевели... Вонъ въ село... за пять верстъ... Купецъ тамъ церковь вывелъ каменную... И колокольню... большу-ую!.. Видать, чай, днемъ-то издалека!.. Ну, вотъ эта самая...—заговорилъ охотнѣе сторожъ и, раскланиваясь, подошелъ уже ко мнѣ вблизь.—А вы чьи такіе?

— Я въ деревню пришелъ... въ гости... на праздникъ... Да вотъ зашелъ сюда... побывать... здѣсь мой дѣдушка былъ... и бабушка...

— Такъ, такъ... Могилки, значитъ, навѣстить?.. Что жъ, хорошее дѣло... Помню я дѣдушку-то вашего и бабушку... Вотъ, поди, что въ скорости послѣ того, какъ дѣдушка-то вашъ умеръ, приходъ-то и перевели... Народъ-то здѣсь, вишь, забаловался... своеобышенъ сильно... Лѣсъ, вѣдь, здѣсь—вотъ главное дѣло!.. Ну, и теперь тамъ приходъ богатый! Храмъ изукрасили—красота!.. фабрика тамъ... вотъ ужъ за мое время выросла, ровно изъ-подъ земли... На тысячу рукъ пущена... Присядьте!

И разболтавшійся старикъ словно радуется, что ему есть здѣсь съ кѣмъ поговорить.

Мы садимся на ветхія ступени паперти... Мѣсяцъ бросаетъ на насъ таинственныя тѣни и играетъ сивеватымъ отблескомъ въ потускнѣвшихъ окнахъ бѣдной церкви.

Мы поговорили, вспомянули былое, помянули добрымъ словомъ, что̀ было достойно памяти, и разошлись.

Уходя, я еще разъ обертываюсь на дряхлую церковь, и меня охватываетъ цѣлый потокъ воспоминаній: тѣни прошлаго, кажется мнѣ, какъ привидѣнія носятся между темною листвой деревьевъ. Вспоминается Вакула съ его наивнымъ умиленіемъ предъ деревенскимъ храмомъ, въ которомъ сосредоточивалось для него все высокое жизни: и вѣра, и высшій разумъ, и поэзія, и искусство, и всеобъемлющая любовь, которая соединяла въ одно—и людей, и воробышковъ, и голубчиковъ, и цвѣты, и его самого, Вакулу... Да, думается мнѣ, вѣдь, и здѣсь было такъ много свѣтлаго, хорошаго, добраго... И у меня невольно вертится на губахъ какой-то вопросъ, который мнѣ хочется сказать себѣ, но я никакъ не могу уловить его... И опять я ощущаю, какъ охватываютъ меня, заливаютъ холодныя волны одиночества и тоски...

„Чѣмъ-же мы виноваты?“ спрашиваю я себя, и вдругъ на глаза навертываются слезы... Мнѣ стыдно, но я рѣшительно не въ силахъ ихъ сдержать...

Когда я вошелъ въ деревенскую улицу, на ней уже была полная тишина, и мѣсяцъ обливалъ ее своимъ серебристымъ сіяніемъ; только кое-гдѣ еще чернѣли расходившіяся по избамъ кучки, да въ избѣ Сухостоевыхъ былъ огонь.

На завалинѣ избы я нашелъ одного только Симеона Потапыча, который поджидалъ меня.

— А я тебя искалъ... Ты что же ушелъ, Василій Петровичъ?—спросилъ онъ меня.

— Такъ... взгрустнулось что-то...

— Точно что... для тебя тутъ есть... непривычное, это вѣрно... Ну, только они люди хорошіе, выдержанные.

Мы помолчали.

— Поѣдимъ вотъ попросту, да и спать ляжемъ... Всѣ ужъ спятъ. Только вонъ еще главари-то ихъ все „утруждаются“,—указалъ Симеонъ Потапычъ на дверь избы, когда мы проходили къ своему мѣсту на помостѣ.

И вотъ я лежу на соломѣ, на мосту, и чувствую, какъ мало-по-малу мнѣ становится хорошо, отрадно, пріятно... Но я не знаю, отъ чего это,—отъ усталости ли, отъ дневныхъ впечатлѣній, отъ долгаго ли тяжелаго душевнаго напряженія, или же оттого, что вотъ, плечо съ плечомъ, лежатъ возлѣ меня Симеонъ Потапычъ и Илюша, а тутъ же рядомъ, вслѣдъ за ними, еще другіе „простые люди“... Я слышу мѣрное, здоровое дыханіе ихъ грудей, и мнѣ кажется, что я теперь хотя нѣсколько знаю и понимаю, чѣмъ полны эти груди...

Я чувствую, какъ что-то тихо и сладко убаюкиваетъ меня, и я засыпаю.

X.

Раннее весеннее утро ярко и свѣтло стояло надъ деревней. Я сидѣлъ на крыльцѣ житницы, полною грудью вдыхалъ свѣжій, здоровый воздухъ и смотрѣлъ на постоянно оживлявшуюся, ярко зеленую улицу. Тамъ и здѣсь изъ избъ выходили одѣтые по-праздничному, съ сдержанно-веселыми лицами, мужчины, женщины и дѣти. Они неторопливо сходились кучками среди улицы и кого-то ждали.

Вотъ изъ избы Сухостоевыхъ медленно вышли, въ красныхъ рубахахъ и синихъ кафтанахъ, сначала всѣ Сухостоевы—и самъ Маркъ, и его сыновья, и Алеша, и „грекъ“, и молодой мужикъ, пользующійся общимъ вниманіемъ, и тотъ низенькій, худощавый пахарь, съ постоянно возбужденными глазами... За ними—всѣ женщины Сухостоевы, дѣти и, наконецъ, всѣ тѣ, которые вчера ночевали съ нами на мосту...

Съ дѣтскимъ удовольствіемъ я долго слѣдилъ, какъ, развернувшись въ рядъ черезъ улицу, степенно и дѣтски-величаво медленно двигались здоровыя, рослыя, празднично-настроенныя фигуры „тружениковъ“...

Я сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока на улицѣ не осталось почти никого, и пошелъ въ лѣсъ...

Влажный, холодный воздухъ, запахъ молодой развивающейся листвы, свѣжая, яркая зелень, птичье щебетанье, даже будто помолодѣвшія старыя сосны, — все это такъ и охватило меня цѣликомъ всего, чѣмъ-то несказанно отраднымъ и свѣтлымъ, и тянуло все дальше и дальше въ глубь... Годы дѣтства и юности встали предо мной во всей ихъ дѣвственной, безгрѣшной, бодрой прелести, и мнѣ казалось, что мрачный лѣсъ съ его мрачною исторіей не только не пугаетъ меня теперь, а весело и сердечно улыбается мнѣ.

Я проходилъ въ немъ часа два. Когда я вернулся на деревенскую улицу, народъ уже выходилъ изъ большой избы, гдѣ было собраніе. Я замѣшался въ толпу и мнѣ было теперь такъ же пріятно и весело чувствовать себя среди нея, безотчетно, непосредственно пріятно и отрадно, какъ и въ томъ зеленѣвшемъ лѣсу, среди молодыхъ и старыхъ сосенъ...

Я, Илюша и Симеонъ Потапычъ вышли изъ деревни.

Я взглянулъ на Илюшу. Такъ же какъ и прежде, неуклюже двигая длинными ногами, шелъ онъ, напряженно напруживъ жилы на лбу и уставивъ въ землю широко-открытые глаза.

— А гдѣ Яковъ?—спросилъ я его.

— То-то вотъ,—сказалъ онъ, покачивая раздумчиво головой. — Ушелъ... еще чуть свѣтало—ушелъ... Боюсь, дурно бы съ нимъ не было... Темный такой ушелъ...

— А что?

— Боюсь, чтобы не надѣлалъ... Какой ни то дебошъ сдѣлаетъ... Съ нимъ это бываетъ... Что дивить!.. Бездомовье... одиночка... кругомъ одна суета, непотребство... Онъ мнѣ еще съ вечера, когда мы съ нимъ на мосту ложились спать, говорилъ: „сосватай, говоритъ, меня на Марковой внучкѣ... Чѣмъ я ихъ хуже?“ И засмѣялся, такъ нехорошо засмѣялся... А потомъ вотъ убѣжалъ... Ужъ онъ что ни то сдѣлаетъ!.. Онъ ужъ безъ того не отстанетъ...

И Илюша опять началъ ломать, молча, свою „вдумчивую“ голову.

1886 г.

ГОРОДЪ РАБОЧИХЪ.

I.

А, вѣдь, здѣсь, дѣйствительно, хорошо у васъ! Какъ хотите, а я начинаю не довѣрять вамъ. Судя по тому, какъ вы расписывали свою „милую родину“, я не ожидалъ вступить въ нее въ такомъ хорошемъ настроеніи,—сказалъ я одному изъ своихъ спутниковъ, хмурому, насупившемуся черноватому молодому человѣку.

Мы переправлялись на тяжеломъ дощаникѣ черезъ большую рѣку.

— Да, природа—ничего, жить можно. А вотъ посмотримъ, что-то вы скажете послѣ, когда увидите нашего „царя природы“,—сурово отвѣчалъ мой сосѣдъ.

— Конечно, если вы будете смотрѣть на все глазами этого буквоѣда, насквозь прогноеннаго бурсой, то лучше вамъ вернуться назадъ, — нетерпѣливо перебилъ другой мой спутникъ, бѣлокурый молодчина, съ русою, только-что пробивающейся бородкой по широкому подбородку. — Я увѣренъ, что, вмѣсто этихъ береговъ, которые еще васъ, слава Богу, восхищаютъ, онъ видитъ одно безконечное кладбище, уставленное крестами; вмѣсто вонъ тѣхъ живыхъ людей, которые тамъ копошатся въ горѣ, въ алебастровыхъ копяхъ, онъ видитъ сухія, заскорузлыя формулы и производитъ надъ ними какія-нибудь отвлеченныя вычисленія. Нѣтъ, право, если вы такъ же... право, лучше не ѣздите, лучше вернитесь назадъ, потому что все, что вы послѣ скажете, будетъ не то.

Хмурый молодой человѣкъ только что-то промычалъ въ отвѣтъ на эту реплику, а я улыбнулся.

Насъ было трое, исключая перевозчика, который мало интересовался нами: я, хмурый брюнетъ, готовившійся сдавать экзаменъ на кандидата, и кудрявый, коренастый мужчина, когда-то сбѣжавшій съ послѣднихъ курсовъ бурсы въ народные учителя. Первый, Поповъ, былъ сынъ священника; второй, Полянкинъ, сынъ крестьянина.

Такъ какъ эти контры и пререканія между моими спутниками, органически, казалось, имъ присущія, были мнѣ давно знакомы, то я могъ не особенно тревожиться ими и продолжать любоваться прелестью лѣтняго вечера на рѣкѣ.

Заходящее солнце вкось обливало рѣку цѣлымъ потокомъ ласкающихъ лучей, которые, ударяясь въ правый берегъ, постоянно играли на немъ разнообразными переливами свѣта и тѣней: вотъ сейчасъ заросшее дубнякомъ ущелье въ скалистомъ берегѣ казалось погруженнымъ въ мракъ, темное, дикое, а черезъ минуту все оно сверкало яркою зеленью съ золотистымъ отливомъ, все радостное, веселое, свѣтлое. Мы огибали крутой выступъ, когда Полянкинъ сказалъ мнѣ:

— Ну, приготовьтесь... Вотъ сейчасъ вы увидите нѣчто такое, что ужъ, конечно, не думали встрѣтить на какой-нибудь рѣчкѣ въ Великороссіи. Вамъ, конечно, по меньшей мѣрѣ нуженъ Кавказъ или Швейцарія. Тогда ваше восхищеніе не будетъ имѣть границъ, только потому, что все это давно воспѣто въ стихахъ и прозѣ... Ну-съ, что же, плохо?—волновался мой экспансивный другъ, переводя глаза съ разстилавшейся передъ нами изумительно прекрасной дали на мое лицо.

— Да, хорошо. Вѣдь, ужъ я сказалъ, что хорошо,—отвѣчалъ я.

— Сказалъ! Но, вѣдь, какъ сказать... Этого мало. Надо почувствовать всѣмъ сердцемъ. Надо... надо полюбить! Вотъ когда не будетъ лжи, — говорилъ онъ,

очевидно, адресуя свои замѣчанія къ нашему хмурому спутнику. — Впрочемъ, и то сказать, *какъ* полюбить!

Полянкинъ совсѣмъ расходился: сильный, коренастый, но живой, впечатлительный, онъ махалъ руками, двигая взадъ и впередъ ногами и туловищемъ, снималъ фуражку и ерошилъ волосы; лодка постоянно рисковала хлебнуть воды. Но Поповъ хладнокровно отъ времени до времени откашливался съ недовольнымъ мычаньемъ.

— А вотъ и *вѣчевой градъ* нашъ,—проговорилъ онъ съ очевидной ироніей въ голосѣ.—Рекомендую полюбоваться. Нѣкоторымъ образомъ идеалъ, уже воплощенный въ дѣйствительности.

— Ну, что же? Конечно, вѣчевой, — нетерпѣливо опять перебилъ Полянкинъ,— но это, прежде всего, городъ рабочихъ.

— Поучительное явленіе. Есть надъ чѣмъ подумать,—продолжалъ Поповъ.

— Вотъ это вѣрно, что поучиться есть чему, потому что и въ малой каплѣ водъ отражается небо. Я противъ этого ни слова. Но только, вѣдь, не всякому внуку на пользу наука,—замѣтилъ Полянкинъ.

Пока мои пріятели перекорялись, я въ изумленіи смотрѣлъ на открывшуюся передо мной картину. Это было нѣчто очень своеобразное: направо лежала безконечная зеленая пойма, по краямъ которой оазисами мелькали или группы деревьевъ, или бѣлыя церкви, или ближе къ рѣкѣ кучки избъ на высокихъ столбахъ, въ родѣ свайныхъ построекъ,—это были сельскіе конторы или лѣсопилки. Весь плоскій песчаный берегъ уложенъ смолистыми плотами. Влѣво, напротивъ, почти на четверть версты, тянулась высокая и совершенно отвѣсная скалистая стѣна, въ которую бились тихія волны и въ которую теперь прямо ударяли косые солнечные лучи. Вся стѣна была вдоль прорѣзана разноцвѣтными поясами пластовъ: бѣлый алебастровый слой смѣнялся красною глиной, желтымъ пескомъ. Контрастъ этой стѣны съ зеленой равниной поймы и серебряною далью рѣки былъ поразителенъ и оригиналенъ.

И вотъ, наверху этой стѣны былъ предъ нами *городъ рабочихъ:* кресты высокихъ причудливыхъ колоколенъ и церквей, стѣны каменныхъ домовъ и маленькихъ лачугъ, лѣпившихся по скатамъ холмовъ, зеленая листва садовъ,—все это ярко искрилось золотистымъ свѣтомъ отъ закатывавшагося за поймой солнца.

Внизу, тамъ, гдѣ отвѣсную стѣну берега прерываетъ глубокая ложбина оврага, составляющая единственный путь изъ города къ рѣкѣ, стоялъ у пристани пароходъ, запасавшійся дровами.

Мы пристали около этого же мѣста и стали подниматься въ городъ по избитой, расщепавшейся бревенчатой мостовой.

II.

Городъ рабочихъ, какъ называлъ нашъ спутникъ—„сынъ народа“, собственно не былъ городъ: это было большое промышленное село, съ десятитысячнымъ рабочимъ населеніемъ, съ обычнымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, и представляло собою скорѣе сконцентрированную въ одно селеніе цѣлую *волость,* чѣмъ село; притомъ же, отъ обычнаго представленія о селѣ его отличало то, что среди этихъ 10 тысячъ рабочихъ не было ни одного занимавшагося земледѣліемъ, хотя все село получило обыкновенный надѣлъ, „по душамъ“, впрочемъ, въ очень незначительномъ размѣрѣ. Издавна, чуть не столѣтіе назадъ, здѣшній рабочій сдѣлался кустаремъ-ремесленникомъ стальныхъ издѣлій, и такъ какъ основная и самая большая часть населенія состояла именно изъ этихъ самостоятельныхъ кустарей-рабочихъ, равноправныхъ гражданъ въ своемъ поселеніи, то мы и оставимъ за этимъ послѣднимъ названіе *города рабочихъ.*

Да, это былъ, дѣйствительно, городъ рабочихъ. Едва мы выбрались изъ ложбины оврага и поднялись на гору, какъ насъ сразу охватила та особая характерная атмосфера, которая свойственна мастерской: визжанье напилковъ, стукъ молотковъ, лязганье желѣзныхъ полосъ, шипѣнье колесъ у станковъ. Это былъ звенящій шумъ цѣлой арміи гигантскихъ кузнечиковъ, и, что изумительнѣе всего, этотъ гулъ точно такъ же исходилъ невѣдомо откуда: вы слышали его справа, слѣва, сзади, изъ густой чащи зелени. Мы переходили цѣлый рядъ часто пересѣкающихся пыльныхъ переулковъ, замѣчательно похожихъ одни на другіе: по обѣ стороны стояли трехъоконные, съ тесовыми крышами, иногда двухъэтажные, на городской манеръ, домики, съ обязательными почти занавѣсками (бѣлыми или разноцвѣтными) на окнахъ, съ горшками геранії и фуксій, съ длинными заборами,

оберегавшими зеленые садики, изъ густой чащи которыхъ, казалось, и неслись эти сплошные звенящіе звуки. Это и были дома кустарей. Въ каждомъ изъ нихъ, въ нижнихъ этажахъ или въ заднихъ пристройкахъ, были собственныя мастерскія, въ которыхъ и работала вся семья хозяина. Мы почти никого не встрѣтили на улицахъ въ этотъ часъ, развѣ иногда пожилая женщина въ ситцевомъ домашнемъ платьѣ, съ озабоченнымъ лицомъ, выглянетъ въ ворота съ ведромъ въ рукахъ, взглянетъ на солнце и скроется опять, или вдругъ выскочитъ прямо изъ окошка мастерской чумазый, закоптѣлый, съ ремешкомъ на головѣ, съ открытымъ воротомъ на черной груди мальчуганъ лѣтъ 7—8, швырнетъ мимоходомъ камнемъ въ стаю воробьевъ, пронесется, подпрыгивая на одну ногу, мимо насъ и черезъ двѣ минуты уже скачетъ назадъ отъ сосѣда съ напилкомъ или молоткомъ, да изрѣдка лѣниво потягивавшіеся псы у воротъ хрипло тявкали на насъ, прищуривая глаза. Было какъ-то особенно торжественно-пустынно въ этой мирной трудовой обители. Кругомъ не виднѣлось пока ни высокихъ фабричныхъ трубъ съ гнетущими корпусами-острогами, съ зловѣщимъ свистомъ—этою эмблемой каторжнаго, подневольнаго труда. Это была окраина — часть города рабочихъ, населенная кореннымъ кустаремъ-хозяиномъ.

— А вонъ и наша *храмина*,—сказалъ Полянкинъ. — Вонъ, вишь ты, и батька какъ разъ провѣтриваться вышелъ.

Влѣво, у двухъэтажнаго трехъоконнаго домика, съ зелеными ставнями и большимъ густо-вѣтвистымъ вязомъ сзади, показалась высокая, коренастая, голая по самый поясъ, въ однѣхъ камлотовыхъ шароварахъ, бородатая и лысая фигура. Уперевъ одну руку колесомъ въ бокъ, а другою заслоняя отъ солнца глаза, она вглядывалась пристально въ насъ.

— Здравствуй, — сказалъ Полянкинъ отцу, подходя къ нему и пожимая его мускулистую широкую ладонь.—Вотъ гостей веду...

— Добре, добре, — ласково говорилъ старикъ, по очереди каждому изъ насъ подавая руку, предварительно вытерѣвъ ее о грязный суровый фартукъ. — Милости просимъ. Кстати, главное дѣло... Мы уже зашабашить хотимъ. Развѣ вотъ еще полчасика, пока мать самоваръ становитъ. Проходите-съ въ *парадную*, пожалуйста. Меня ужъ извините, что я, значитъ, какъ бы совсѣмъ безъ мундира, — прибавилъ онъ, хлопая широкой ладонью по здоровой мускулистой голой груди.—Что сдѣлаешь, обиходъ рабочій... Мы такъ-то всѣ, не то что лѣтомъ, а и зимой щеголяемъ... Пожалуйте-съ.

Прежде чѣмъ итти въ „парадную", мы, однако, сначала спустились въ мастерскую. Въ ней усиленно работало нѣсколько человѣкъ, большихъ и малыхъ, очевидно, торопясь поскорѣе закончить дневной урокъ. Мужчины почти всѣ были голы по поясъ, какъ и хозяинъ; ребятишки всѣхъ возрастовъ были чумазы и черны, какъ галчата, и сквозь копоть на ихъ лицахъ бойко сверкали только синеватые бѣлки глазъ. Двѣ молодыя женщины и одна дѣвушка-подростокъ работали въ сторонѣ, покрывая сдѣланныя вещи олифой. Мастерская исключительно дѣлала замки, и, притомъ, замки не больше какъ двухъ-трехъ типовъ, самыхъ дешевыхъ и обиходныхъ. Всѣ части замка дѣлались „отъ руки": кто выпиливалъ дужки, кто стѣнки, кто сверлилъ ключи. Такихъ частей, надѣланныхъ за недѣлю, лежали цѣлыя кучки около каждаго мастера. Легко можно себѣ представить, какъ быстро должна была готовиться каждая часть и сколько ихъ нужно было сдѣлать, если сказать, что готовый такой замокъ покупается въ лавкахъ за 5—10 коп. (а, вѣдь, замокъ, какъ бы онъ простъ ни былъ, все же механизмъ сложный), кустарь же сбываетъ ихъ скупщикамъ за 15—20 коп. дюжину. Эти цифры могутъ служить типичнымъ указателемъ всѣхъ вообще экономическихъ нормъ, установившихся въ „городѣ рабочихъ": онѣ укажутъ, сколько долженъ сработать, наприм., замковъ кустарь въ день, чтобы пропитать семью (въ періоды промышленныхъ кризисовъ, когда цѣны падаютъ еще ниже, часто семья всю недѣлю работаетъ съ ранняго утра до глубокой ночи, едва зарабатывая пропитаніе), какъ велика должна быть скорость рукъ въ приготовленіи каждой части безъ всякой почти помощи машинъ.

Изъ рабочихъ-мужчинъ одинъ былъ старшій сынъ хозяина, уже женатый, другой — братъ, холостой, двое—рабочіе по найму; изъ женщинъ одна была жена сына, другая вдова послѣ умершаго брата; мелкота же—всѣ были хозяйскія дѣти. Молодой Полянкинъ наскоро и весело поздоровался со всѣми и сталъ намъ показывать разные способы приготовленія зам-

ковъ. Онъ по очереди становился на мѣсто того или другого изъ мастеровъ, чтобы показать, что онъ не забылъ ни одной отрасли родовой работы.

Онъ оказался, дѣйствительно, мастеромъ на всѣ руки, что было очевидно изъ молчаливо-поощрительныхъ улыбокъ мастеровъ, которые передавали ему инструментъ.

— Погодите, братцы, только еще денька три: вздохну малость послѣ экзаменовъ и тогда ужъ заправски стану съ вами,—сказалъ Полякинъ и перекрестился въ подтвержденіе своихъ словъ,—вотъ, ей-Богу же не надую!.. То-есть такъ, братцы, хочется руками поработать... просто до зуда. Всю зиму ни за что не брался, развѣ что дрова рубилъ.

— Поди, какъ отецъ тогда тебя расхвалитъ. Нонѣ же обороты-то у насъ не хвали,—отвѣчали мастера.

— Вѣрно, встану. На все лѣто. Только вотъ съ своими господами немножечко пожуирую *по энтой части*, — иронически подмигнулъ онъ на насъ, повертѣвъ пальцами около лба.

— Ну, проходите сюда, Павелъ. Не смущайте тамъ народъ-то!—крикнулъ сверху хозяинъ.

Мы вошли въ „парадную". Старикъ ужъ „зашабашилъ по случаю гостей", какъ заявилъ онъ, умылся и надѣлъ старенькій камлотовый пиджакъ. Въ парадной половинѣ, дѣйствительно, все было „парадно": на окнахъ коленкоровыя занавѣски и горшки съ цвѣтами; по стѣнамъ старенькіе плетеные стулья; столикъ, покрытый вязаной скатертью, комодъ съ посудой, часы съ кукушкой, керосиновая лампа съ абажуромъ изъ папиросной бумаги и, наконецъ, въ углу кровать за большимъ ситцевымъ пологомъ съ оборками. Все чистенько, простенько, по-мѣщански и по-домостроевски. По-домостроевски, сановито и степенно-строго держалъ себя и старикъ; по-домостроевски несъ онъ званіе хозяина, отца, мужа и владыки очага, сурово покрикивая на свою жену, сухую, пожилую и добрую женщищину, хлопотавшую около самовара и все конфузившуюся незнакомыхъ людей, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ; поглощенная хлопотами, она даже и съ сыномъ не нашла времени или боялась „при другихъ" поздороваться; сынъ, впрочемъ, скоро опять убѣжалъ внизъ, оставивъ насъ со старикомъ.

— Видѣли наше поселенье, проходили?—спросилъ старикъ, начиная съ великимъ удовольствіемъ вхлебывать съ блюдечка чай.

— Нѣтъ, еще, мало, только съ рѣки видъ хорошъ.

— Хорошъ?... Вѣдь, городъ, а?... Совсѣмъ городъ! Соборъ, семь церквей... Соборъ не видали?.. У насъ насчетъ божественнаго радѣтели есть... Вездѣ пѣвчіе, дьякона на выборъ... У насъ это хорошо, есть за что похвалить... Городъ, вѣдь, а? Совсѣмъ городъ?—переспросилъ старикъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Постоитъ еще другого города.

— Постоитъ!.. У насъ ужъ кое у кого изъ богатѣевъ есть это помышленіе, чтобъ, значитъ, вполнѣ на городское положеніе перейти. И записку ужъ въ сенатъ подавали... Подавали, слышно было...

— Что же, вамъ нравится это?

— Нѣтъ, намъ не нравится. Да къ чему? Для насъ такъ-то больше чести: вишь ты, село, деревня мужицкая, а еще почище другого города будетъ! Мы и такъ, значитъ, на городовомъ счету,—чего жъ еще? Да, вѣдь, кабы улучшенія отъ этого какого ждать...

— А вы не ожидаете?

— Нѣтъ. Это, вѣдь, богатѣйская забава... Пользы нельзя ожидать... Отказали, — да, отказали... И лучше, пожалуй, серьезно говорилъ старикъ, во что-то вдумываясь. — Такъ думать надо, что этой затѣѣ все *самъ* же препону положилъ.

— Кто же это *самъ?*

— *Самъ*-то? — улыбнулся хитро старикъ.—Не знаете? Державу-то нашу? Это у насъ Петръ Безсмѣнный, голова нашимъ дурацкимъ головамъ... Это будетъ Петинька-кормилецъ, Петинька-отецъ нашъ родной... Вотъ кто онъ у насъ, *самъ*-то! Слава Богу, вотъ двѣнадцать, должно быть, ужъ годковъ за нимъ, что у Христа за пазухой, проживаемъ... Да!

Старикъ какъ-то особенно хитро и двусмысленно велъ весь этотъ разсказъ про старшину.

— Полюбили ужъ очень вы его,—замѣтилъ мой хмурый спутникъ съ обычною ироніей.

— Полюбили? Полюбишь!.. Полюбишь, братъ!.. Да. Вотъ онъ и такой, и сякой, а вотъ двѣнадцать годочковъ безсмѣнно на своемъ положеніи стоитъ, и никакой такой силы нѣтъ, чтобы его снизвести... О, о!... Нѣтъ, тутъ, братъ, подумаешь снизвести-то его... Вотъ ты и гляди... И

воръ-до Петинька, и мошенникъ, и міроѣдъ, и притѣснитель, — всяко про Петиньку говорятъ, а вотъ снизвести не могутъ... Кто ни пытался его снизвести: и губернаторы, и прокуроры, и всякіе члены, и чины,—одни наши богатѣи сколько хлопотъ и денегъ на это самое дѣло ухлопали, а гдѣ теперь эти губернаторы, и прокуроры, и всякіе чины? Про нихъ только сказки остались, а Петинька Шалаевъ все при насъ державу держитъ... Такъ-то, милѣйшій человѣкъ; вотъ ты ученый человѣкъ, а какъ скажешь на это? Нужно на этакое дѣло ума али не нужно?—спросилъ старикъ не безъ тайнаго ехидства Попова, котораго онъ, повидимому, зналъ хорошо.

Поповъ только повернулся на стулѣ и сердито молчалъ.

— Такъ это онъ, говорите вы, противъ городового положенія идетъ?

— Кому же больше? Никто, какъ онъ. Вѣдь, онъ кѣмъ живъ? Нами, простымъ народомъ. Тутъ вся и жисть его, что въ насъ... Голоднымъ народомъ живъ, вотъ кѣмъ!... А на городовомъ положеніи ему сейчасъ смерть! Потому на городовомъ положеніи вся сила въ богатѣѣ... Бѣдному простому человѣку тамъ дѣлать ужъ будетъ нечего... Ну, безъ бѣднаго человѣка и Петинькѣ смерть. Тутъ ему и конецъ. Такъ тутъ, хочешь—не хочешь, и насъ полюбишь. Вотъ онъ насъ и любитъ, а мы его своей любовью не покидаемъ. Такъ у насъ и идетъ въ круговую... по любви... И живемъ еще какъ ни-то... Вотъ у насъ чѣмъ люди-то живы! Хе-хе-хе!

И старикъ засмѣялся какимъ-то страннымъ, сухимъ смѣхомъ.

— Это возмутительно! — вдругъ вскакивая въ волненіи со стула, заговорилъ Поповъ, обращаясь ко мнѣ одному.—Вы только представьте себѣ: міроѣдъ, который никому вздоху не даетъ, который расходуетъ всѣ общественныя деньги безъ всякаго контроля; самый этотъ контроль дѣлается немыслимъ, потому что ихъ пресловутое *вѣче*—это не больше, какъ двухтысячное стадо барановъ, изъ которыхъ половина этимъ *самимъ* закуплена, запоена, задобрена, а другая — запугана, задавлена. Вѣдь, здѣсь нельзя слова свободнаго сказать, потому что завтра же, кто осмѣлится только не согласиться съ этимъ *самимъ,* будетъ отправленъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ. Вѣдь, это... это одинъ ужасъ!... А вотъ они всѣ такъ здѣсь съ смѣшкомъ да съ ужимочкой говорятъ... А, вѣдь, вы только одно представьте, что здѣсь на десятитысячное рабочее населеніе одно училище, больница только на три койки и больше никакихъ общественныхъ заведеній безусловно: ни библіотеки, ни техническихъ музеевъ или училищъ, ни театра. Вы книги, самой пустѣйшей книжонки ни у кого не встрѣтите! Вотъ вамъ и „городъ рабочихъ"!.. Вѣче!..

Поповъ еще волновался, а старикъ все не переставалъ смѣяться. Но потомъ онъ вдругъ сдѣлался серьезенъ и даже суровъ, сдвинувъ густыя бѣлыя брови и набравъ морщины на лбу.

— Это вѣрно, вѣрно, все вѣрно,—заговорилъ онъ, покачивая головой,—вотъ до чего довели! Бѣда, развратъ народу совсѣмъ! На глазахъ вотъ, такъ и видимъ, какъ народъ портится. *Патьи* *) этой съ каждымъ годомъ все больше да больше, этого самаго обнищалаго народа. Да и нельзя иначе... Нельзя.

Старикъ замолчалъ, сокрушенно опять покачивая головой. Въ это время вошли братъ и сыновья, всѣ уже обмывшіеся и принарядившіеся, и стали усаживаться вмѣстѣ съ нами за столъ.

— Вы о чемъ?—спросилъ молодой Полянкинъ.—Успѣли ужъ, чай, поспорить?

— А вотъ о чемъ!—сказалъ старикъ, вскочивъ съ мѣста и сурово обращаясь къ Попову.—Ты, вотъ, видишь эти домато па горѣ? — показалъ онъ въ окно. — Видишь? А были бы они у рабочаго, или нѣтъ, спрашиваю я тебя? Вотъ онъ, видишь, новенькій, и чистый, и просторный: есть гдѣ голову преклонить... Были ли, я тебя спрашиваю, у насъ эти пристанища, какъ вотъ въ третьемъ году триста дворовъ снесло пожаромъ, а?... То-то вотъ... Кто въ Петербургъ-то ѣздилъ, да выхлопоталъ полтораста тысячъ на погорѣлую братью, а?

— Да изъ нихъ себѣ въ карманъ пятьдесять тысячъ положилъ, — замѣтилъ вскользь Поповъ.

— Ну, это мы того... Оставимъ эту разсцѣнку... Это Богъ знаетъ. А ты вотъ скажи, кто ѣздилъ?—Петръ Шалаевъ ѣздилъ, да! Ты вотъ объ этомъ подумай... А? *имъ* это не по губѣ, должно... Не по губѣ, что Петръ Шалаевъ съ насъ по-

---

*) *Патья*—мѣстное названіе бѣднѣйшей части села и, вмѣстѣ, самаго бѣднаго, безхозяйнаго пролетарія, не имѣющаго своихъ мастерскихъ.

дати скостилъ, да на *нихъ* переложилъ, на дворцы-то ихніе. Не по губѣ имъ, разбойникамъ... Городовое положеніе!... Мало они изъ насъ крови-то пьютъ... Мало еще, дворцовъ то понастроивши, да брюхо-то распустивши!

Старикъ совсѣмъ расходился: онъ стучалъ кулакомъ по столу, махалъ руками и сверкалъ на Попова сердитыми глазами.

— Да ужъ не хуже было бы: по крайности, хотя бы школы вамъ завели, больницы, богадѣльни были бы, грязь-то невылазную съ улицы убрали, да и грабежа-то бы не было...

— Не было бы? По головкѣ бы стали насъ гладить? Да, другъ ты мой, вѣдь, только на нихъ и грозы-то, что Петръ Шалаевъ! А ужъ мы всѣ ими до сердца проклеваны... вотъ какъ, до самой печенки проклеваны этимъ вороньемъ-то! Ты вотъ видѣлъ, какую мы уйму за недѣлю наработали, по 18 часовъ спины не разгибая? А что вотъ я послѣзавтра, какъ, Господи благослови, потащу все это на ряды, — что я за это получу, а? Ты вотъ видишь замòкъ-то, видишь? Вѣдь, его сдѣлать надо! Вѣдь, это не гвоздь, что разъ молоткомъ ударилъ—и говото! А, вѣдь, скупщикъ мнѣ за него *моей цѣны* только полцѣны дастъ, *моей!* Да и то еще покланяешься ему въ поясъ, чтобы взялъ, да и то еще половину деньгами-то только, а то поди-ка у него другую-то половину изъ его лабаза харчами выбери, да по той цѣнѣ, по какой его голова назначитъ! А, вѣдь, другъ ты мой, вотъ у меня сколько народу-то, — вѣдь, намъ пить-ѣсть надо... Вѣдь, я вотъ дому хозяинъ, большая голова, вѣдь вотъ посчитай-ка, сколь много вокругъ меня теперь народу-то; вѣдь, у меня, съ малыми-то, ихъ двѣнадцать душъ... Дру-угъ!... Вѣдь, все на мнѣ взыщется, все, и на этомъ свѣтѣ, и на томъ!...

— Это вѣрно,—замѣтилъ опять хмуро Поповъ,—только чего же огуломъ-то всѣхъ въ яму валить? И изъ *нихъ* есть люди.

— Кто это?

— Да вотъ хоть бы Струковъ.

— Это Валеріанъ-то Петровъ? Лукожуй онъ, Валеріанъ-то Петровъ твой.

— Этого недоставало! Человѣкъ за нихъ душу положилъ, весь свой вѣкъ, до пятидесяти лѣтъ, все для нихъ хлопоталъ... Вы представьте, — обратился опять въ негодованіи ко мнѣ Поповъ: — вы только представьте, что перенспыталъ, перенесъ этотъ человѣкъ для своихъ односельчанъ: разорился, нѣсколько разъ былъ облыжно отданъ подъ судъ, сидѣлъ по тюрьмамъ, въ холодныхъ. Это какая-то воплощенная энергія, беззавѣтность, незлобивость и любовь!.. И за все за это вотъ ему благодарность... И онъ знаетъ это, давно знаетъ и—все же хлопочетъ за нихъ.

— Ха-ха-ха! — засмѣялся старикъ, у котораго уже давно разгладились морщины и перемѣнилось настроеніе, — ха-ха-ха! Лукожуй... Потому онъ и лукожуй, что какъ ни верти, а онъ все изъ *ихней* стаи. Отъ своей крови не уйдешь... Нѣтъ, за ними, братъ, присматривай въ оба... Свои собаки дерутся, чужая тоже опасайся пристать.

— Что же онъ такое дѣлалъ для нихъ?

— А кто на городовое положеніе тянетъ? А кто всю эту музыку-то поднялъ? Кто говоритъ, что безъ *нихъ* намъ и житья будто не будетъ, пропадомъ пропадемъ, а?... То-то вотъ... Нѣтъ, оно, братъ, тутъ въ оба присматривай...

— Ну, полно тебѣ разцѣнивать-то,— замѣтилъ, наконецъ, весело молодой Полянкинъ, похлопавъ любовно рукой отцовскую спину.—Такъ намъ разцѣнивать нельзя. Зачѣмъ всѣхъ въ одну кадку валить? Ты бери то, что хорошо, вездѣ; намъ нужно только свою линію вести, вотъ что!... А Петръ-то Шалаевъ изъ какихъ? Развѣ онъ не изъ нихъ? На него какія надежды? Развѣ онъ не такой же *скупщикъ,* какъ и тѣ? Развѣ онъ на ваши-то кровныя издѣлія своихъ клеймъ не кладетъ? Развѣ онъ не нахваталъ себѣ вашими руками *орловъ*-то? А какіе у насъ сходы? Чѣмъ они держатся?—Обманомъ... Всѣ приговоры подписываются подъ страхомъ.

— Да, конечно... что—Шалаевъ! Петръ-то Шалаевъ еще почище *ихъ* всѣхъ будетъ,—задумчиво произнесъ старикъ.

— Почище еще, пожалуй, почище, — сказалъ и братъ Полянкина.

— То-то и есть. Намъ, братъ, свою линію надо не терять: хорошо — бери, плохо—не надо.

— Охъ, да, да,—вздохнулъ старикъ,— тоже, братъ, *нашу-то* линію не вотъ найдешь... Тоже, братъ, изъ насъ всякій есть: одинъ говоритъ—вотъ она, наша-то линія, другой — на другую гнетъ... О, Господи-Создатель!... Всѣ, должно, плохи... Всѣмъ, должно, предъ Господомъ отвѣчать придется.

— А ты, батька, гляди веселѣй... Не бойсь, не унывай только; всѣ мы свою линію найдемъ... Поплотнѣе намъ надо только—вотъ что... Только бы солнышко просвѣтило... А то въ себя вѣра потемнѣла — вотъ что, въ себя перестали вѣрить... Это хуже всего. А Валерьянъ Петровичъ — хорошій человѣкъ и обижать его нечего.

— Да, вѣдь, развѣ я не знаю? Только на что онъ лукожуйничаетъ?.. А лукожуй, старый хрѣнъ, большой лукожуй!... Ха-ха-ха!... Ну, да ладно... Бросимъ это! Будетъ! Пойдемъ-ка разгуляться въ садочикъ... Эхъ, время-то хорошее стоитъ!.. Запахи теперь у меня тамъ разные: сирень, жасминъ бѣлый... Пойдемъ! А пущай здѣсь женскій полъ ужъ на свободѣ чай пьетъ... Мы, вѣдь, женскій полъ строго держимъ, по-старинному... У насъ онѣ чужого народу стѣсняются... Этихъ модныхъ повадокъ не имѣютъ... У насъ дѣвушка — вотъ у окошечка посиди, въ теремкѣ, за занавѣсочкой, да на молодежь-то, что по улицѣ ходитъ, только въ щелочку погляди, али вотъ въ праздникъ на раскатъ, на гору сходи съ матерью, да степенно маленечко на рѣку полюбуйся, да и домой... Мы постаринному живемъ!

Такъ долго разсказывалъ старикъ, пока мы ходили по его „садочку“ съ десяткомъ захудалыхъ и старыхъ яблонь и кустовъ, за которыми онъ, однако, съ особою любовью ухаживалъ. Въ „садочкѣ“ старика Полянкина такъ было хорошо, уютно, такъ душисто; такъ мягко и густо заростила кругомъ сочная трава, такъ весело и безмятежно глядѣло на насъ чистое лазурное небо, что мы совсѣмъ забыли, что хотѣли итти смотрѣть городъ, и провалялись на травѣ до полныхъ сумерекъ. Отложивъ осмотръ города на утро, мы ночью, вмѣстѣ съ дядей и братишкой молодого Полянкина, ушли на рѣку ловить рыбу. Наша великорусская, немножко сыроватая, но мягкая и нѣжная ночь окутала насъ своими объятіями, какъ нѣжная мать, и намъ такъ хорошо было въ эти мгновенія чувствовать, какъ убаюкивала она въ насъ тревожныя дневныя заботы и думы.

III.

Представьте себѣ такую картину: кривыя, неправильныя, перепутавшіяся, какъ клубокъ нитокъ, улицы, кое-гдѣ мощенныя булыжникомъ или бревнами, а чаще пыльныя и грязныя, и на нихъ странную смѣсь архитектурныхъ стилей: тутъ выпятился старинный теремъ изъ темнаго кирпича съ позеленѣвшими стеклами и высокою, поросшею травой и плѣсенью, остроконечной деревянной крышей; за нимъ спрятались два-три небольшихъ домика, — новенькихъ, чистенькихъ, веселыхъ; здѣсь жеманно и, очевидно, рисуясь, выдвигается красивымъ палисадникомъ, съ вычурною разноцвѣтною рѣшеткой, съ фигурными воротами, каменный, двухъ или трехэтажный домъ новомосковскаго типа, со всѣми признаками современной культурности, съ богатыми драпри въ окнахъ, съ изящными антре и ярко-зеленою желѣзною кровлей съ трубами, украшенными прихотливыми колпаками; дальше—длинное, мрачное, съ клочками грязной, давно облупившейся штукатурки, съ окнами, напоминающими старинныя бойницы, фабричное зданіе, потомъ какой-нибудь полуразрушенный плетень, охраняющій огородъ, и затѣмъ опять новенькое палаццо какого-нибудь только-что оперившагося молодого богача, „тронувшаго“ тятенькины капиталы; торговая площадь, на которой никогда не просыхаетъ грязь, съ свободно бродящими по ней свиньями; вонючіе, скучившіеся торговые ряды съ деревянными навѣсами и потомъ опять что-нибудь въ „своемъ собственномъ скусѣ“, въ родѣ, напримѣръ, хоромъ, представляющихъ собой не то масленичный балаганъ, съ мачтами, флагами и разноцвѣтными узорами по карнизу, не то уродливый павильонъ въ русскомъ стилѣ, притащенный прямо съ выставки. Такова центральная „богатая“ часть города рабочихъ.

Было утро воскресенья, и мы имѣли удовольствіе видѣть сразу обывателей всѣхъ родовъ и типовъ: степенными группами выползали они изъ переулковъ, изъ домовъ, направляясь къ церквамъ. Густой звонъ колоколовъ, видимо, доставлявшій всѣмъ обывателямъ особое удовольствіе, блескъ солнца, бородатые и массивные священники, и дьяконы въ лѣтнихъ яркоцвѣтныхъ рясахъ, и разнообразная смѣсь костюмовъ, начиная отъ широкихъ старомодныхъ цилиндровъ стариковъ, въ длиннополыхъ двубортныхъ сюртукахъ, и кончая пиджакомъ молодого приказчика съ молодою женой, тащившей сзади какія-то изумительныя пристройки на своемъ платьѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, произ-

водило странное впечатлѣніе какой-то удивительной кунсткамеры: на протяженіи какихъ-нибудь сотни саженъ вы нѣсколько разъ переноситесь отъ современной цивилизаціи къ XVII или даже къ XVI столѣтію.

— А вотъ и *вѣчевая* площадь,—иронически сказалъ Поповъ, когда мы переходили не особенно большой пустырь, пыльный, изрытый ямами и едва просохшими лужами, окруженный потемнѣвшими кирпичными и деревянными старыми зданіями, занятыми трактирами и лабазами; въ одномъ изъ домовъ помѣщалось „правленіе“ или мѣстная ратуша, центръ всего мѣстнаго самоуправленія.

Признаться сказать, грустное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ форумъ, и я тщетно силился представить себѣ величавую картину схода изъ двухъ тысячъ полноправныхъ гражданъ-рабочихъ,— все такъ пахло кругомъ базаромъ, трактиромъ, домостроемъ, лавкой.

— Вы разочаровались—спросилъ меня, улыбаясь, Полянкинъ, заглядывая мнѣ въ глаза.—Признаюсь, я самъ не люблю это мѣсто или, лучше сказать, всю эту часть города... Какимъ-то извращеніемъ несетъ отъ всего, что здѣсь... Какъ будто здѣсь все силится именно извратить, опаскудить, омерзить... Пойдемте отсюда... опять въ наши окраины. Къ Струкову теперь рано. Онъ, какъ и всякій изъ здѣшнихъ коренниковъ, теперь, навѣрное, у обѣдни. Струковъ въ самые бурные моменты нашей общественной борьбы никогда не пропустилъ ни одной службы: поетъ на клиросѣ, раздуваетъ кадило и пр. И, вѣдь, нашлись наглецы, которые не задумались оговорить его въ нигилизмѣ. Одинъ губернаторъ такъ и принялъ его въ этомъ рангѣ, и даже большое поученіе на этотъ счетъ сказалъ старику.

Поднимаясь съ холма на холмъ, на которыхъ расположенъ былъ городъ рабочихъ, мы скоро опять вступили въ заросшія зеленью окраины, окружавшія кольцомъ центральную часть города. Но далеко не всѣ окраины производили впечатлѣніе той домовитости, которая такъ пріятно удивила меня въ усадьбѣ старика Полянкина. Все чаще и чаще бросались въ глаза несомнѣнные признаки упадка и разложенія, и именно упадка. Въ то время, какъ центральная часть города, очевидно, била на прогрессъ—здѣсь, напротивъ, все блѣднѣло, дряхлѣло; трехэтажные домики все чаще смѣнялись лачужками, да и самые эти домики, съ ихъ садочками, скорѣе говорили о своей прежней домовитости, чѣмъ о настоящей... А вотъ и пресловутая *патья* съ своими голыми лачугами, почти вросшими въ землю, напоминающая бѣдныя пригородныя мѣщанскія слободы, съ хилыми, оборванными ребятишками у воротъ, съ хозяиномъ въ изодранной рубахѣ, съ подбитыми глазами и бумажною сигареткой въ зубахъ, нечесанымъ, грязнымъ, пьянымъ, котораго уже не привлекали ни колокола, ни концерты пѣвчихъ, ни басы дьяконовъ, ни самое *вѣче*.

— Вотъ Струковъ все о городовомъ положеніи мечтаетъ,— замѣтилъ Полянкинъ,—а мы фактически довольно давно ужъ на городовомъ положеніи состоимъ. Ну, вотъ вамъ и теремъ нашего старика,—показалъ Полянкинъ на дряхлый, древній длинный домъ, когда мы снова по кривому и узкому проулку повернули отъ окраинъ къ центру.

Мы вошли.

Чуть не въ дверяхъ насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ, сѣдой старичокъ съ длинною бородой, живой, съ умными, добрыми, но зоркими, быстрыми глазами, съ крутою грудью и съ характернымъ лбомъ, въ какомъ-то длинномъ старомодномъ пальто нараспашку, изъ-подъ котораго виднѣлась красная рубашка и широкія помочи, высоко подтянувшія сѣрыя камлотовыя шаравары такой необычной ширины, что въ любую половину ихъ можно было запрягать по большому подростку.

— Милости прошу!— вскрикнулъ Валеріанъ Петровичъ самымъ гостепріимнѣйшимъ тономъ.—Ждали, ждали!..

— Какъ такъ?—изумился я.

— Да, вѣдь, слухами земля полнится... Слышалъ, что вы въ нашей округѣ гуляете... Ну, какъ же насъ проѣхать, помилуйте!.. Этого никогда не бывало! Вѣдь, мы хоть и мужики, а тоже и насъ люди навѣщали... Вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ, этого кресла никто не минулъ... Прошу и васъ не миновать его: присядьте! Вы, можетъ, скажете: ишь, расхвастался старикъ!.. Ха-ха-ха!.. А дѣло-то просто-съ: вчера вотъ я съ Павломъ-то Павлычемъ встрѣтился, онъ мнѣ и сообщилъ, а я его просилъ, чтобы ко мнѣ безотмѣнно... Да, батюшка, полюбилъ я образованнаго человѣка, люблю! Въ двадцать-то лѣтъ, благодаря Господа, не мало я изъ нихъ хорошихъ знакомыхъ пріобрѣлъ... И они меня любили... Ей-Богу, любили!

И старикъ Струковъ, дѣйствительно, пересчиталъ массу извѣстныхъ именъ, изъ которыхъ однихъ литераторовъ была цѣлая половина.

— Да-съ, много за двадцать лѣтъ всего видѣлъ: въ Питерѣ сколько разъ бывалъ, въ Москвѣ... Столько большого народа видѣлъ, что отъ одного воображенія голова можетъ кругомъ пойти! Ха-ха-ха!

— Все въ качествѣ народнаго ходока?

— Да-съ, все воюю... Съ самыхъ шестидесятыхъ годовъ-съ... съ тѣхъ поръ, какъ съ бариномъ изъ-за земли дѣло начали... Прыти-то мы тогда сколько набрались! Думали, что намъ и самъ чортъ не братъ, да!..—И Валеріанъ Петровичъ съ мельчайшими и обстоятельнѣйшими деталями, увлекаясь и махая руками, цѣлыми пачками таская какіе-то справки и документы, буквально цѣлый часъ разсказывалъ свои похожденія въ качествѣ ходока. Это была исторія, длившаяся около десяти лѣтъ.

Первый періодъ этой исторіи былъ всецѣло занятъ тяжбой съ помѣщикомъ изъ-за надѣльной земли и разныхъ оброчныхъ статей; но когда эта тяжба закончилась, наконецъ, мировою сдѣлкой и „ходоки", принадлежавшіе всѣ къ зажиточному классу, готовы были пожать лавры своей полезной дѣятельности, наступилъ второй періодъ этой поучительной исторіи. Дѣло въ томъ, что среди ходоковъ сказался расколъ: одни изъ нихъ „отшатнулись" и повели „другую политику", стараясь дискредитировать всю дѣятельность своихъ товарищей въ глазахъ рабочаго населенія, захвативъ власть въ свои руки.

— Ну, и что же въ концѣ-концовъ? Какъ теперь ваши дѣла? — спросилъ я, признаться сказать, не безъ тайнаго намѣренія хоть нѣсколько умѣрить наивную болтливость старика, тѣмъ болѣе, что вся эта исторія была мнѣ, въ общихъ чертахъ, хорошо знакома.

При моемъ нѣсколько неожиданномъ вопросѣ старикъ какъ будто растерялся. Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, лицо его приняло, вмѣсто оживленнаго, какое-то грустно-меланхолическое выраженіе. Онъ развелъ руками и тихо сказалъ:

— Плохо-съ!.. Очень плохо-съ!.. Не ожидалъ я, знаете, послѣ столькихъ, можно сказать, тріумфовъ такъ закончить свою карьеру жизни!.. Не ожидалъ-съ, признаюсь вамъ...

— Что же такъ?

— Разоренъ, ошельмованъ предъ высшими и низшими, сдѣлался жертвой недовѣрія... И это послѣ двадцати лѣтъ!.. Какъ хотите, упалъ духомъ... Нѣтъ, больше не могу... Да и невозможно-съ, невозможно!.. Въ концѣ карьеры жизни сталъ не больше какъ притчей во языцѣхъ, жертвой насмѣшекъ... зовутъ сумасшедшимъ!..

— Полноте, вы преувеличиваете.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите...

— Вы потеряли вѣру...

— Нѣтъ-съ, не то что вѣру потерялъ, а обидно-съ, вотъ что!.. Обидно!.. Всѣ— и сверху, и снизу, кругомъ отъ мала до велика—кричатъ, что мы бунтовщики, баламуты, скупщики, что мы только о себѣ все время заботились, что, наконецъ, даже очевидное пріобрѣтеніе наше для народа (хотя бы одну землю взять, которую мы выхлопотали), и то, говорятъ, только раззоръ принесло, убытокъ!.. И, вѣдь, въ газетахъ пишутъ, книги объ этомъ печатаютъ... Всѣ противъ насъ!.. Нѣтъ, это что же-съ?.. Съ какимъ же утѣшеніемъ умереть?.. Какой же это смыслъ въ своей жизни найдешь?.. А, вѣдь, это вздоръ-съ, ложь, обида, клевета... Я не умру, пока не разъясню все это, не докажу документами, цифрами... Все объясню, всю правду-матку открою, кто насъ ошельмовалъ, какіе Іуды погубили и губятъ народъ... Я сто печатныхъ листовъ напишу, а ужъ разъясню!.. У меня ужъ много написано, я ночей не буду спать, а всю правду выведу!.. Нельзя такъ издѣваться надъ людьми!.. Что они съ нами сдѣлали?.. Вѣдь, они убили миръ и согласіе въ нашемъ населеніи.

Валеріанъ Петровичъ, взволнованный и раздосадованный, бѣгалъ по комнатѣ, горячился: отрадно было смотрѣть на старика, сохранившаго такъ много неизсякаемой энергіи и жизни, несмотря на почти дѣтскую наивность его сѣтованій и упованій. Пока Валеріанъ Петровичъ говорилъ, мы и не замѣтили, какъ вошелъ тоже старичокъ, также въ длинномъ двубортномъ сюртукѣ нараспашку, и тихо, ни съ кѣмъ не раскланиваясь, усѣлся въ уголкѣ, меланхолически покачивая головой и улыбаясь на старика Струкова.

— Все пѣтушится!—сказалъ онъ, подмигнувъ на Струкова старушкѣ, вошедшей съ большимъ подносомъ, уставленнымъ стаканами съ чаемъ, водкой и закуской.

— Господь съ нимъ,—сказала старуш-

ка,—я ему никогда не перечила, никогда поперекъ дороги не стояла... Худого отъ него никому не было.

— Вотъ, вотъ моя старушка правду говоритъ! — вскрикнулъ Струковъ, обнимая свою неизмѣнную спутницу въ жизни.—Вотъ она моя неизмѣнная! Что древняя княгиня: проводитъ князя на битву и сидитъ себѣ въ теремѣ да Богу за него молится... А пріѣдетъ князь съ войны, она его утѣшитъ и успокоитъ, и духъ въ немъ поддержитъ!.. И опять онъ бодръ!.. Да, никогда отъ нея слова супротивнаго не слыхалъ... А ужъ чего-чего не претерпѣли съ ней!.. А это вотъ другъ мой старинный, другъ и пріятель,—показалъ онъ на старичка.

— Такъ-то все такъ, Валеріанъ Петровичъ,—сказалъ старичокъ, — а пора бы намъ съ тобой угомониться. Право, лучше.

— Почему такъ?

— А потому смерть намъ идетъ.

— Ну, это еще когда будетъ!

— Идетъ, идетъ... Только вотъ ты не хочешь видѣть... А мертвыхъ не воскресишь...

— Полно ты пустое толковать... Вѣчно у тебя этакая мрачность въ жизни проявляется!

— Пора угомониться... Потому все это ни къ чему... Смотрю я хоть на нашу жизнь: что это? Такъ, одно представленіе идетъ. Всѣ это мы волнуемся, кипятимся, грыземся, Бога гнѣвимъ, начальство утруждаемъ, всѣ-то, всѣ, что собаки, перегрызлись... Себя губимъ, мучаемъ, народъ гибнетъ... А что это все?—одно представленіе!

— Какъ представленіе? Господь съ тобой! Серьезное общественное дѣло, общественный интересъ, жизненный интересъ каждаго. Вѣдь, мы всѣ вздоху хотимъ, вѣдь, насъ давятъ, намъ дышать не даютъ... Вѣдь, мы только и хотимъ вздоху, согласія, мира.

— Представленіе! — повторилъ старичокъ и выпилъ, обстоятельно закусивъ, безъ приглашенія рюмку водки.

— Да почему?

— Потому что все одно, всѣмъ намъ погибель.

— Откуда? Кто такой насъ погубитъ?

— Фабрикантъ.

— Ну, ну!.. Поди ты!..

— И я, скупщикъ, погибну, и все наше населеніе.

— Ну, пошелъ, пошелъ!.. Десять тысячъ народу погибнетъ!

— Погибнетъ! Развѣ не видишь? Малый ребенокъ, что ли? Вотъ за тридцать верстъ отъ насъ какая фабрика завелась, а?.. На тысячу человѣкъ, и всѣ рабочіе—новые, деревенскіе, свои... Въ нашемъ рабочемъ даже не нуждаются... Еще такая фабрика—и вотъ конецъ и мнѣ, и тебѣ съ городовымъ положеніемъ, и Петру Шалаеву съ его политикой, и всѣмъ этимъ кустарямъ, всѣмъ одна расцѣнка будетъ: ни дна, ни покрышки...

— Ну, ну!.. Ха-ха-ха! Экъ хватилъ: десять тысячъ народу погибнетъ! Да что у насъ Садомъ-Гаморръ, что ли? Отчего это намъ погибнуть?

— Садомъ-Гаморръ и есть,—упорствовалъ старичокъ,—потому мы рабы... рабы вотъ этой самой вещи, вотъ этого замка... Потому ни я, скупщикъ, ни кустарь безъ этого замка или ножа ничего не стоимъ, ломанаго гроша!.. Замокъ — тутъ намъ и жизнь, и смерть... Безъ замка намъ вздоху нѣтъ, изъ-за замка мы грыземся, лаемся, Бога забываемъ, другъ друга предаемъ... Потому, кромѣ замка, ни въ чемъ мы жизни не находимъ... Тутъ намъ и погибель!.. Ты думаешь, вотъ теперь насъ, скупщиковъ, травятъ почему? Да потому, что мы ужъ измору предназначены, все одно. Кабы въ насъ будущая-то сила видѣлась, такъ, ты думаешь, насъ дозволили бы травить?

— Ну-у, оставь, оставь, сдѣлай милость! Вѣдь, вотъ, братецъ, всегда ты эту меланхолію заведешь... Онъ у насъ умница, министръ, самъ изъ кустарей вышелъ, только вы ему не вѣрьте,—уговаривалъ насъ Валеріанъ Петровичъ,—это одна меланхолія!.. Вы дайте намъ только вздоху, дайте намъ городовое положеніе и тогда посмотрите, какъ мы процвѣтемъ!.. Вотъ у насъ денегъ сколько! Съ одной земли, съ аренды, мы получаемъ тридцать тысячъ въ годъ (а говорятъ: мы хлопотами о землѣ убытокъ только принесли!). Посмотрите, мы училищъ настроимъ, техническихъ заведеній!.. Даже театръ откроемъ-съ... Слава Богу, у насъ народъ есть!.. Посмотрите, какіе у насъ есть мастера-самоучки!.. Таланты, геніи-съ,—геніи, прямо сказать! А теперь у богатаго класса сколько сынковъ въ университетахъ! Все будутъ свои медики, адвокаты!.. Да, намъ такое будущее рисуется, что иной разъ раздумаешься, такъ духъ захватываетъ... И мы еще послужили бы! Такъ ли?.. Намъ бы только вздоху... А эта меланхолія у него все отъ

обиды... Другой разъ и на меня этакъ какъ бы отчаяніе находитъ... Хе-хе-хе!.. Мы со старухой противъ отчаянія крѣпки!..

— Такъ, конечно, — поддакивали мы охотно старику.

Долго еще мечталъ Валеріанъ Петровичъ о будущемъ блестящемъ процвѣтаніи своей родины; цѣлая масса проектовъ, стремившихся къ установленію мира и согласія между всѣми гражданами, такъ и сыпалась имъ: тутъ былъ проектъ и новыхъ началъ городского самоуправленія, и городского банка, который бы снабжалъ богатыхъ кредитомъ, чтобы они могли безостановочно и безобидно, не обижая и не утѣсняя, брать отъ рабочаго народа издѣлія, и много другихъ наивныхъ вещей.

Вообще, онъ окончательно стряхнулъ съ себя всякое унывіе, ожилъ, и только его пріятель все меланхолически качалъ головой.

Наконецъ, мы распростились со старикомъ.

— Похлопочите за насъ, гдѣ можно, похлопочите, — сказалъ онъ мнѣ, прощаясь. — Вѣдь, десять тысячъ рабочаго населенія, хорошихъ, добрыхъ, трудящихся людей—не шутка! Нельзя же, господа, такъ отдавать на поруганіе... Пишите, говорите, и, Богъ дастъ, все устроится къ лучшему! Такъ ли?

— Такъ, такъ... Вотъ это прежде всего!—сказалъ молодой Полянкинъ.—Вѣра, Валеріанъ Петровичъ, вѣра въ людей прежде всего!

— Да, да!

— Пропала у насъ вѣра въ человѣческое сознаніе, вотъ въ чемъ дѣло! — говорилъ Полянкинъ.—Все отъ этого...

— Да, да! — подтверждалъ Струковъ, но онъ, повидимому, или неясно понималъ, что говорилъ Полянкинъ, или же плохо довѣрялъ этому „человѣческому сознанію“.

— Да, потеряли вѣру въ человѣческое сознаніе, — повторялъ Полянкинъ, когда мы ушли отъ старика. — Мы во все вѣримъ: вѣримъ въ силу закона, въ силу городового положенія, въ силу рынка, фабриканта, въ силу исправника, адвоката, прокурора и—никогда, никогда въ силу обыкновеннаго, простого человѣческаго сознанія.

— Да какъ же ты въ него повѣришь послѣ всего, что видишь?—спросилъ раздраженно Поповъ.—Это изумительно!..

— Ну, мы съ тобой въ этомъ никогда не сойдемся...

IV.

Пріятели продолжали, по обыкновенію, пререкаться, когда мы вышли на другую часть окраины и остановились у старенькаго двухоконнаго домика съ палисадникомъ. Это былъ домъ кустаря Ножовкина, одного изъ тѣхъ самоучекъ-геніевъ мѣстнаго мастерства, о которыхъ говорилъ Струковъ. На дворикѣ насъ встрѣтила цѣлая куча ребятишекъ самаго малаго калибра, а въ дверяхъ „передней“ еще не старая, худая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, тотчасъ же сконфузившаяся и растерявшаяся.

— Что, дома вашъ-то супругъ?—спросилъ Полянкинъ, здороваясь съ хозяйкой.

— Дома, работаетъ, въ заднюю проходите.

— Въ праздникъ-то работаетъ?

— Онъ ужъ всегда такой у насъ... прилежный къ своему дѣлу... Развѣ вы не знаете?

— Какъ не знать!

Мы прошли въ заднюю, занятую мастерской. Здѣсь, за станкомъ, въ рубашкѣ, засунутой по-городскому въ брюки, съ засученными рукавами, въ фартукѣ, работалъ человѣкъ чрезвычайно высокаго роста, рыжій, бритый и совершенно худой, съ ввалившеюся грудью, сутуловатый, въ очкахъ, съ костистыми скулами на худомъ, темномъ отъ желѣзной пыли лицѣ. Это и былъ Ножовкинъ, хмурый, солидный и мало разговорчивый, но, видимо, натура выдержанная и стойкая. Въ особенности объ этомъ говорили его костлявыя, худыя, но твердыя, цѣпкія руки.

— А, Перепелочка, и ты здѣсь?—крикнулъ весело Полянкинъ, здороваясь съ сидѣвшимъ сбоку станка около Ножовкина его постояннымъ другомъ, тоже кустаремъ. Бѣлокурый, коренастый, средняго роста, въ узкомъ и короткомъ пиджакѣ, въ карманы котораго онъ постоянно силился затискать свои толстыя руки, съ веселымъ, постоянно добродушнымъ лицомъ, Перепелочка или, вѣрнѣе, Иванъ Ивановичъ Перепелочкинъ, холостякъ, жившій только съ старушкой-дѣвицей сестрой да съ сиротами отъ брата, былъ, очевидно, натурой совсѣмъ другого съ Ножовкинымъ разбора. Кромѣ нихъ, въ мастерской была еще личность, въ черномъ сюртукѣ, средняго роста, лѣтъ тридцати: это, какъ оказалось, былъ хозяинъ небольшой канатной фабрики, оставшейся

ему отъ отца (такихъ разнообразныхъ маленькихъ фабричекъ въ „городѣ рабочихъ“ есть нѣсколько по различнымъ отраслямъ).

— Что это вы, Прохоръ Прохоровичъ? Пора вамъ бросить эту повадку... въ праздникъ работать. Вѣдь, другимъ глаза мозолите, а, вѣдь, ужъ всѣ вы, кажется, и то не мало работаете,—сказалъ Ножовкину Полянкинъ.

— Да что дѣлать? Нечего дѣлать. По трактирамъ я не хожу... Читать—да все перечиталъ, что было, а бесѣдовать и такъ можно... Думаемъ опять газетину выписать, да вотъ фабрикантъ у меня скупится... А одному мнѣ не осилить...

— Надо въ складчину, Прохоръ Прохорычъ, иначе, Ей-Богу, не могу... Вдвоемъ намъ не осилить. Надо человѣчковъ пятокъ...

— Найдешь у насъ пятокъ, держи карманъ!

— А я, Ей-Богу, не могу! Что дѣлать!—говорилъ фабрикантъ, весь покраснѣвшій, какъ маковъ цвѣтъ.

— А еще фабрикантъ, — какъ-то тяжеловѣсно шутилъ Ножовкинъ.

— Какой я фабрикантъ!.. Что вы?.. Только слава.

— Такой фабрикантъ — умора! — смѣялся Перепелочкинъ, качаясь изъ стороны въ сторону всѣмъ туловищемъ.—Ну-ка, покажи ручки-то свои!

Фабрикантикъ вспыхнулъ и тотчасъ же спряталъ руки, но я успѣлъ замѣтить, что пальцы у него на обѣихъ рукахъ были сведены и покрыты какими-то наростами. Оказалось, что онъ, вмѣстѣ съ отцомъ, самъ вилъ веревки.

Пріятели еще долго продолжали шутить, пока, наконецъ, не подошли къ интересовавшему меня дѣлу. Ножовкинъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ большой кустарной артели, основанной здѣсь около десяти лѣтъ назадъ при содѣйствіи петербургскихъ интеллигентныхъ и вліятельныхъ лицъ. По идеѣ, это было прекрасное и грандіозное предпріятіе, долженствовавшее связать въ одну плотную, дружную организацію всѣхъ мѣстныхъ кустарей - рабочихъ устройствомъ самостоятельныхъ складовъ для сбыта издѣлій, минуя посредство скупщиковъ. Говорятъ, это было самое оживленное время для города рабочихъ. Большинство населенія, не говоря уже о лицахъ, такъ искренно и беззавѣтно преданныхъ дѣлу артели, какъ Ножовкинъ, жило самымъ радужнымъ ожиданіемъ; они были увѣрены въ громадной экономической выгодѣ для кустарей отъ такого предпріятія; въ главныхъ центрахъ Россіи были устроены артелью собственные склады, по стогнамъ и весямъ ходили всюду свои, артельные, ходебщики; выхлопотана была на операціи по первому обороту субсидія. Но дѣло, по прошествіи нѣсколькихъ, очень не многихъ лѣтъ, стало быстро чахнуть и еще быстрѣе угасло совсѣмъ, оставивъ послѣ себя какой-то чадъ и угаръ, надолго отуманившій головы и набросившій подозрѣніе на самую сущность испорченнаго дѣла. Тѣмъ интереснѣе было узнать мнѣніе обо всемъ этомъ дѣлѣ такого человѣка, какъ Ножовкинъ.

Но когда только что заговорили объ артели, какъ Ножовкинъ насупился, замолчалъ и, отвернувшись къ станку, сталъ работать. Зато, вмѣсто него, тотчасъ же близко принялъ къ сердцу это дѣло Перепелочкинъ.

— Вотъ дѣло было!.. Ахъ!.. Малина дѣло—одно слово!.. То-есть такое дѣло, что, кажись, нашему благополучію и конца краю видать не было!.. Только бы, братецъ, тогда живи себѣ да поживай по-Божьи, честно, благородно.

— А вотъ не пошло, — замѣтилъ Поповъ,—не пошла машина-то, не принялась.

— Не пошла, вѣрно, не принялась, братецъ! Вотъ те и поди .. И Богъ ее знаетъ отчего! А ужъ такое дѣло... Просвѣтъ, кажись, на всю жизнь увидали.

— Не учась, ничего не сдѣлаешь, — проговорилъ Поповъ,—и вѣрно говорятъ, что все лопнуло отъ неумѣнья, отъ лѣности, что народъ привыкъ только работать на другихъ, что онъ не можетъ вести свое дѣло, не можетъ поддержать настоящій контроль, нѣтъ ни выдержки, ни стойкости... Оказывается, что для народа скупщикъ необходимъ, что онъ безъ него двинуться не можетъ, пропадетъ, потому что скупщикъ— естественный, бывалый, знающій посредникъ между кустаремъ и рынкомъ.

— Кто это говоритъ?—отрывочно спросилъ Ножовкинъ.

— Говоритъ Струковъ, говорятъ другіе...

— Струковъ! Миндальничаетъ онъ, Струковъ-то вашъ... Пора бы ему бросить конфетничать-то... Или еще все ему мало науки-то, все неймется? Пора бы глаза-то продрать на міръ Божій...

— Однако, вотъ артели-то нѣтъ,—замѣтилъ Поповъ,—горячитесь — не горячитесь.

— Нѣ - ѣтъ! Конечно, нѣтъ, когда лучшій народъ раскидаютъ: одного сюда, другого туда... Конечно, нѣтъ! Вѣдь, живые люди... нынче одного выдернутъ, завтра другого... Жизнь проще, чѣмъ вы думаете... Тутъ разгадка простая.

— Это такъ, Прохоръ Прохорычъ; только вотъ я—посторонній человѣкъ, а видѣлъ у насъ недостаточки съ перваго же разу,—замѣтилъ фабрикантикъ.

— Ну-у?—крикнулъ на него Ножовкинъ.

Фабрикантъ сконфузился и замолчалъ.

— Ну, какіе же? Говори, что жъ ты замолчалъ?

— Да нѣтъ, вѣдь, я, можетъ быть, ошибаюсь. Я не хочу выдавать свое мнѣніе за вѣрное.

— А ты говори, коли началъ.

— Я такъ думаю—оттого, что ужъ въ самомъ началѣ въ народѣ вѣры не было.

— Какой еще вѣры? Развѣ не для всѣхъ выгода видимая была? Что нашъ народъ-то, въ самомъ дѣлѣ, безъ мозговъ, что ли, родится, чтобы своей выгоды не понимать? Что, вы со Струковымъ-то совсѣмъ съ ума спятили? Опекуновъ все хотите къ намъ приставить? Мало ихъ еще было!.. Плохо опекаютъ?.. Ишь ты, народъ самъ ложку мимо рта будетъ проносить!.. Юродивенькій!.. Выгоды, вишь, своей не пойметъ!

Ножовкинъ горячился.

— Это такъ, Прохоръ Прохорычъ,—несмѣло и краснѣя говорилъ фабрикантикъ,—а только что... какъ вамъ сказать?.. тутъ что-то есть...

— Есть, есть что-то, Прохоръ, и я скажу: есть,—замѣтилъ Перепелочка.—Кабы не было, ну, какъ бы такому важному дѣлу пропасть?

— Такъ говорите, что есть-то!—крикнулъ опять сердито Ножовкинъ.

— А вотъ... Эта самая, можетъ, выгода - то, — заключилъ фабрикантикъ, — все выгода, да выгода... Только одна выгода... Ну, всякій и мыслитъ только о томъ, гдѣ выгоднѣе.

— Ну?

— Ну, вотъ, развѣ у насъ не сначала же дѣло такъ выходило, что пока у васъ дѣла при деньгахъ шли хорошо, къ вамъ шли, а тутъ какъ на мѣсяцъ позамялось, — глянь, анъ вашъ артельщикъ же половину товара потихоньку и сперъ скупщику; потому у васъ еще жди, а онъ тутъ же на дюжину пятачокъ накинулъ... Что жъ, такъ и разсуждаетъ: выгоднѣе!

— Ну?

— Ну, вотъ тутъ и все: коли во всемъ только выгода, такъ того ужъ и смотрятъ.

— Мало ли мошенниковъ есть на свѣтѣ!

— Да нѣтъ, при чемъ мошенники? Мошенники — это особая статья... А тутъ такъ, простой человѣкъ такъ мыслилъ...

— Вѣрно, вѣрно, Проша, Бога люди не видали при дѣлѣ, — сказалъ Перепелочкинъ.

— Еще бы Бога увидать, когда всѣхъ хорошихъ людей разсовали, а мошенниковъ наставили! Они и разграбили все дочиста! А тутъ, братъ, особой какой выгоды понимать нечего. Она у всѣхъ на виду... Намъ нужно взять рынокъ въ руки, чтобы не быть въ кабалѣ... Безъ этого намъ смерть... Что тутъ понимать? Какія хитрости? Ѣсть умѣетъ всякій!

— Такъ-то такъ, а вотъ возьми его, рынокъ-то,—говорилъ Поповъ.

Ножовкинъ заворчалъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, окруженный рогатинами, и началъ сверлить, тяжело и, видимо, въ сильномъ раздраженіи сопя носомъ.

— Вотъ что, Прохоръ Прохорычъ: и мнѣ кажется, что Перепелочка правъ,—замѣтилъ Полянкинъ.—Именно, въ дѣлѣ народъ Бога не видѣлъ, т.-е. по-моему это значитъ, что все дѣло было поставлено на одну узкую, экономическую почву... Что оно не захватывало, такъ сказать, всю личность цѣликомъ, гармонически, не отвѣчало ей во всей совокупности... Такъ ли?

— Такъ, такъ, вѣрно: Бога не было при дѣлѣ!—твердилъ Перепелочка, понявшій изъ словъ Полянкина, кажется, только одно, что онъ всталъ на его сторону.

— Мнѣ кажется, что именно въ дѣлѣ выдвигалась впередъ исключительно выгода, экономическій расчетъ лежалъ главной основой... Такъ ли? Всѣ прочія стремленія, условія и т. п. не связывались въ одну простую, ясную и понятную для всѣхъ систему... Такъ ли?

— Такъ, такъ! — кричалъ Перепелочка.— Вѣрно!.. Вѣры въ дѣлѣ мало было спервоначала ужъ, потому всякій и раньше говорилъ: гдѣ намъ торговать, развѣ намъ въ этомъ дѣлѣ за скупщикомъ угоняться? Тутъ, братъ, тоже качества-то эти въ себѣ надо произвести!

— Рынокъ бы намъ, вотъ! — продолжалъ упорно ворчать Ножовкинъ:— безъ рынка намъ смерть.

— А вотъ возьми поди его, рынокъ-то!—мефистофельствовалъ Поповъ.

— Кабы тѣ, что о любви къ народу расписывали, въ самомъ дѣлѣ хотѣли дѣло дѣлать, небойсь сдѣлали бы... А то одной рукой посуловъ насулятъ, а другой раздѣлывать начнутъ,—уже совсѣмъ сердито проговорилъ Ножовкинъ.

Между пріятелями разговоръ велся еще долго, но какъ поправить дѣло и чѣмъ, такъ и не могли притти къ соглашенію. Въ концѣ-концовъ оказывалось, что жизнь—дѣло не такое простое, какъ многимъ думалось. Мало выяснились и основныя пружины, погубившія дѣло артели, хотя, конечно, Ножовкинъ былъ правъ, что въ этомъ дѣлѣ большую роль играли интриги богачей-скупщиковъ и прямое насиліе сельскихъ воротилъ.

— Ну, видѣли, каковы у насъ дѣла-то? Красивы? — спросилъ меня Поповъ, когда мы шли отъ Ножовкина.

— Да, дѣла не хороши.

— Что дѣла! Дѣла—дѣло поправимое... А люди-то какіе у насъ есть, люди-то? Развѣ плохи?—перебилъ молодой Полянкинъ, заглядывая мнѣ въ лицо.

— Да, люди хороши.

И мы невольно всѣ улыбнулись на этотъ совершенно неожиданно сказавшійся грустный каламбуръ.

V.

Признаться сказать, въ концѣ нашего путешествія я начиналъ чувствовать себя все болѣе и болѣе удрученнымъ. Это однообразіе и какая-то жуткость „общественнаго интереса“ просто подавляли собой. Какъ-никакъ, всѣ видѣнныя мною личности, за исключеніемъ старика Полянкина, были, что называется, уже „тронутыя рефлексіей“, слишкомъ съ опредѣлившимися взглядами на сложныя житейскія отношенія, — взглядами, кромѣ того, въ значительной степени уже невольно заимствованными изъ другой среды. Ножовкинъ еще мальчикомъ былъ отданъ въ Москву и воротился къ себѣ домой только послѣ смерти отца; онъ былъ хотя и самоучка, но не только грамотенъ, а по-своему и образованъ, благодаря своимъ московскимъ знакомствамъ. Самъ Струковъ, въ теченіе своей долгой карьеры народнаго ходока, такъ часто вступалъ въ сношенія съ людьми другой среды и, притомъ, такъ упорно, настойчиво вращался въ исключительной сферѣ юридическихъ вопросовъ, что все это, конечно, наложило на него сильно свою печать. Притомъ, это все были личности исключительныя, болѣе или менѣе, такъ сказать, „умственные аристократы“. Мнѣ хотѣлось уйти куда-нибудь отъ всѣхъ этихъ напряженныхъ вопросовъ къ самымъ простымъ, обыкновеннымъ людямъ, обыкновеннымъ житейскимъ отношеніямъ, тѣмъ болѣе, что „умная“ бесѣда умныхъ людей только поставила для меня цѣлую бездну удручающихъ вопросовъ, которую, однако, ни я, ни они не могли разъяснить удовлетворительнымъ образомъ, или, покрайней мѣрѣ, притти на ихъ счетъ къ соглашенію: всѣ они были, несомнѣнно, правы и въ то же время у каждаго изъ нихъ чего-то не хватало.

Я выбралъ, наконецъ, удобную минутку, чтобы ускользнуть отъ своихъ спутниковъ, этихъ „вѣчныхъ спорщиковъ“ и вѣчно же, однако, неразлучныхъ. Я спустился съ крутизны береговой горы къ рѣкѣ и здѣсь сѣлъ на одномъ изъ безчисленныхъ плотовъ, тянувшихся вдоль берега.

Здѣсь, въ виду игравшей яркими солнечными лучами спокойной рѣки, я почувствовалъ, какъ меня что-то сразу высвободило изъ какой-то узкой, удручающей клѣтки на просторъ, гдѣ такъ свободно стало дышаться. На плотахъ, тамъ и здѣсь, стояли и сидѣли дѣвочки и мальчики различныхъ возрастовъ, всѣ съ величайшимъ удовольствіемъ и вниманіемъ занятые рыбною ловлей.

Я подсѣлъ къ одной такой группѣ изъ троихъ подростковъ, изъ которыхъ старшему было уже лѣтъ пятнадцать, но всѣ они были низкорослы, худы, съ зеленовато-землистыми лицами, съ которыхъ, казалось, никогда не сходила желѣзная и наждаковая пыль.

— Хорошо ловится?—спросилъ я.

— Да, у насъ хорошо ловится... Только теперь вотъ къ полдню хуже.

— Вы, что же, по воскресеньямъ только и ловите рыбу?

— Да. Больше нечего дѣлать.

— А гулянья у васъ бываютъ?

— Нѣтъ, у насъ гулянья нѣтъ... Порой вотъ развѣ въ орлянку соберутся.

— А хороводовъ нѣтъ? И посидѣлокъ?

— Нѣтъ. У насъ этихъ заведеньевъ нѣтъ,— улыбнулся парень,— у насъ на-

счетъ этого строго, не то, что въ деревняхъ... Такъ вотъ, порой, пройдутъ стаей по заулкамъ—и все.

— Вѣдь, эдакъ скучно...

— Скучно.

— А читали вы книги какія-нибудь?

— Нѣтъ, у насъ книгъ брать негдѣ. У насъ это не въ заведеньи. У купцовъ развѣ есть, да кое у кого изъ мастеровъ... А у насъ книгъ нѣтъ, да и грамотныхъ мало... Неколи... Вотъ развѣ пѣвчихъ когда послушать сходишь въ церковь.

— А на сходкахъ вы не бываете?

— Нѣтъ. Что намъ! Это большаки ходятъ.

— А вотъ артель была у васъ... Знаешь ты?

— Слышалъ.

— Что же ты слышалъ?

— Слышалъ, говорили, что будто товаръ будемъ въ склады сдавать.

— Что жъ, это лучше?

— Говорили, лучше... Не знаемъ...

— А теперь ея нѣтъ?

— Должно, нѣтъ.

— Да, вѣдь, ты ужъ взрослый. Тебѣ нужно бы знать...

Мальчикъ молчалъ.

— А вы много работаете?

— Много. Встаемъ съ огнемъ и ложимся съ огнемъ.

— Кто же васъ такъ много заставляетъ работать? Вѣдь, вы не на фабрикѣ.

Мальчикъ улыбнулся.

— Отцы, матери.

— А имъ что за охота? Вѣдь, они же на своей волѣ живутъ?

— Мы мастера, — отвѣтилъ мальчикъ посмѣлѣе. – Развѣ не знаешь павловскихъ замошниковъ? Это вотъ замошникъ, а это — ножовщикъ, это вотъ—личильщикъ.

Мальчики засмѣялись.

Этотъ отвѣтъ имъ очень, видимо, понравился: какъ будто вдругъ онъ имъ что-то открылъ совершенно новое. Имъ забавно было то, что всѣ они, конечно, знали, что одинъ изъ нихъ—личильщикъ, другой—замочникъ, а между тѣмъ какъ будто только теперь объ этомъ узнали, то-есть узнали собственно, въ чемъ ихъ право на жизнь. Вѣдь, объ этомъ они раньше никогда не думали. А это вдругъ такъ оказалось просто.

— Ты, должно, не здѣшній?

— Нѣтъ.

— То-то!—счелъ уже своимъ долгомъ одинъ даже какъ будто упрекнуть меня въ этомъ незнаніи.

Я видѣлъ много крестьянскихъ дѣтей, и нигдѣ и никогда не поражали они меня такой оторванностью отъ жизни,—по крайней мѣрѣ, отъ окружающей ихъ жизни,—какъ здѣсь. Въ деревнѣ какъ-никакъ ребенокъ стоитъ всегда въ центрѣ своей жизни, и когда онъ входитъ въ нее взрослымъ членомъ, ему уже извѣстны всѣ уставы, весь смыслъ, все содержаніе этой жизни, вся сумма взаимныхъ отношеній между членами. А здѣсь? О, какъ далеки, недосягаемо далеки отъ этой живой жизни показались мнѣ наши „мучительные“ и „проклятые вопросы“, наши мудреные интересы и разговоры, такъ терзавшіе насъ своею неразрѣшимостью! Какъ недосягаемо далеки отъ этихъ окружавшихъ меня юныхъ жизней даже такіе „свойскіе мудрецы“, каковы Струковъ и Ножовкинъ, и даже молодой Полянкинъ! Да не потому ли и терзаемся мы безвыходностью рѣшенія этихъ проклятыхъ вопросовъ, что живемъ и мучаемся гдѣ-то тамъ, въ сторонѣ отъ живой жизни, наверху ея и оттуда думаемъ снизвести благодать, а не прямо, непосредственно вызвать ее изъ этой живой жизни?

— Хотите, я съ вами буду говорить о небѣ, о землѣ, о людяхъ,—сказалъ я моимъ собесѣдникамъ.

Нужно было вообразить странное изумленіе и даже испугъ, недоумѣніе, какое выразилось на ихъ лицахъ.

Потомъ они всѣ переглянулись и засмѣялись.

— Вамъ говорилъ кто-нибудь объ этомъ?

— Нѣтъ.

— А отцы?

— И отцы не говорятъ... Когда имъ!

— Ну, давайте я вамъ буду разсказывать.

И всѣ опять остановили на мнѣ широко-открытые глаза, изумленные, и улыбались (такъ это имъ казалось дико!), и я улыбался, потому что и мнѣ казалось это такъ непривычнымъ, дикимъ, нелѣпымъ... Какъ это вдругъ взять и начать говорить съ дѣтьми, *такъ*, безъ школы, безъ учебника, не будучи „призваннымъ“ педагогомъ, учителемъ? И что я могу имъ сказать? И имѣю ли право повѣрить имъ „великія истины“, которыя такъ мудрены, что сами мы добрались до нихъ путемъ невѣроятныхъ мытарствъ, да и то еще не сойдемся ни на одной безусловно? Все это мелькнуло у меня въ головѣ. Но я утѣшилъ себя, что, вѣдь, „это не боль-

ше, какъ шутка; нельзя же придавать этому какого-нибудь серьезнаго значенія!" И, конечно, это оказалось не больше какъ шуткой. Сталъ было я говорить, но у меня путался языкъ, я не умѣлъ пріискать выраженій; для выраженія самой простой мысли не оказалось въ нашемъ лексиконѣ такихъ же простыхъ словъ; варварская терминологія исключала почти всякое общеніе человѣка съ человѣкомъ. А помимо всего *стало скучно*. Что изъ того, что въ двѣ-три ребячьи головы я заброшу какую-нибудь мысль, шевельну воображеніе? Вѣдь, это такіе пустяки, какъ лишняя капля, упавшая въ море. Но такъ ли это? Не потому ли и трудно рѣшаются сложные вопросы человѣческой жизни, что эти рѣшенія односторонни, что они никогда не брали всю человѣческую личность цѣликомъ, не оставляя безъ одинаковаго вниманія ни одного малѣйшаго ея стремленія и желанія, не отвѣчали всей человѣческой душѣ разомъ, гармонически? Но какъ это сдѣлать?—спросятъ.

„Надо думать, надо искать средствъ, но не предрѣшать впередъ, что это невозможно", припомнились мнѣ слова молодого Полянкина; мнѣ думалось, что онъ близокъ къ истинѣ уже потому, что близокъ къ самой жизни.

Я продолжалъ еще „шутить" съ дѣтьми, разсказывая имъ первое, что попадало на языкъ, когда я замѣтилъ, что за нами давно уже внимательно слѣдитъ какой-то мастеровой, въ старенькомъ камлотовомъ кафтанѣ и фуражкѣ, сидя на корточкахъ на самомъ краю плота и низко опустивъ голову къ колѣнамъ. Онъ, казалось, не подавая вида, напряженно слушалъ насъ однимъ ухомъ. Когда онъ замѣтилъ, что я пристально наблюдаю за нимъ, онъ поднялся и робко, тихо подошелъ ко мнѣ, молча снялъ фуражку и улыбнулся. Это былъ худой, съ маленькимъ, морщинистымъ, безбородымъ лицомъ рабочій, лѣтъ тридцати.

— Ребятки-то повеселѣли, — сказалъ онъ мнѣ, показывая играющими глазами на дѣтей,—славно!.. Хорошо!.. Такъ душа-то у нихъ и заиграла...

Я тоже улыбнулся на его наивное довольство.

— Вы не здѣшній, должно?

— Нѣтъ, не здѣшній.

— Славно! Хорошо! — опять какъ-то умиляясь, протянулъ онъ и плавно замахалъ руками, какъ крыльями,—а, вѣдь, всего только такъ... словечко... одно словечко... отъ сердца глубины... А вонъ ужъ онъ и окрылѣлъ!

— А вы... тоже не здѣшній? — спросилъ я.

— Нѣтъ. Я верстъ за 30 отсюда, съ фабрики...

— По той же части?

— По той же—ножовщики.

— Что же, у васъ лучше на фабрикѣ, чѣмъ здѣсь?

— У насъ, можетъ, получше кому ни то, потому мы еще при землѣ... Жены съ ребятишками при землѣ, а мы на фабрикѣ... Ну, все же хозяйство...

— И у тебя есть хозяйство?

— Есть. Мы четверо живемъ... вмѣстѣ.

— Братья?

— Да, братья... Только не родные.

— Всѣ?

— Всѣ,

— И всѣ женаты?

— Всѣ, и дѣти у всѣхъ.

— И сообща все ведете?

— Все сообща... Мы мирно.

— Какъ же это вы такъ сошлись?

— Сошлись-то? — переспросилъ онъ, какъ-то странно блуждая глазами, какъ будто всѣ эти мои вопросы очень мало интересовали его, а мысль его была поглощена чѣмъ-то другимъ.

— Какъ же вы сошлись? — повторилъ я опять.

— Сошлись-то? А просто... Вотъ такъ же... Я былъ старшій изъ всѣхъ... Бывало, вотъ эдакъ же... слово... отъ сердца глубины... Съ тѣмъ, съ другимъ... Вдумчивъ я въ жизнь-то былъ... съизмладости... Люблю... Ну, и они меня полюбили... Такъ и живемъ... Такъ, сами по себѣ сжились...

Онъ помолчалъ.

— А много такихъ-то! Сколь много!

Онъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Что же имъ мѣшаетъ всѣмъ такъ же соединиться, сжиться?

Онъ посмотрѣлъ на меня долго, внимательно, потомъ задумчиво сказалъ:

— Отъ страха.

— Предъ чѣмъ же?

— Отъ жисти запужаны... А напрасно... Только бы... одно слово... отъ сердца глубины... всѣмъ бы... И окрылѣютъ!.. И... Хорошо! Славно!

И онъ опять замахалъ плавно руками. Но вдругъ глаза у него замигали чаще и чаще, сверкнули въ нихъ слезы. Онъ

счетъ этого строго, не то, что въ деревняхъ... Такъ вотъ, порой, пройдутъ стаей по заулкамъ—и все.

— Вѣдь, эдакъ скучно...

— Скучно.

— А читали вы книги какія-нибудь?

— Нѣтъ, у насъ книгъ брать негдѣ. У насъ это не въ заведеньи. У купцовъ развѣ есть, да кое у кого изъ мастеровъ... А у насъ книгъ нѣтъ, да и грамотныхъ мало... Неколи... Вотъ развѣ пѣвчихъ когда послушать сходишь въ церковь.

— А на сходкахъ вы не бываете?

— Нѣтъ. Что намъ! Это большаки ходятъ.

— А вотъ артель была у васъ... Знаешь ты?

— Слышалъ.

— Что же ты слышалъ?

— Слышалъ, говорили, что будто товаръ будемъ въ склады сдавать.

— Что жъ, это лучше?

— Говорили, лучше... Не знаемъ...

— А теперь ея нѣтъ?

— Должно, нѣтъ.

— Да, вѣдь, ты ужъ взрослый. Тебѣ нужно бы знать...

Мальчикъ молчалъ.

— А вы много работаете?

— Много. Встаемъ съ огнемъ и ложимся съ огнемъ.

— Кто же васъ такъ много заставляетъ работать? Вѣдь, вы не на фабрикѣ.

Мальчикъ улыбнулся.

— Отцы, матери.

— А имъ что за охота? Вѣдь, они же на своей волѣ живутъ?

— Мы мастера, — отвѣтилъ мальчикъ посмѣлѣе. – Развѣ не знаешь павловскихъ замошниковъ? Это вотъ замошникъ, а это—ножовщикъ, это вотъ—личильщикъ.

Мальчики засмѣялись.

Этотъ отвѣтъ имъ очень, видимо, понравился: какъ будто вдругъ онъ имъ что-то открылъ совершенно новое. Имъ забавно было то, что всѣ они, конечно, знали, что одинъ изъ нихъ—личильщикъ, другой—замочникъ, а между тѣмъ какъ будто только теперь объ этомъ узнали, то-есть узнали собственно, въ чемъ ихъ право на жизнь. Вѣдь, объ этомъ они раньше никогда не думали. А это вдругъ такъ оказалось просто.

— Ты, должно, не здѣшній?

— Нѣтъ.

— То-то!—счелъ уже своимъ долгомъ одинъ даже какъ будто упрекнуть меня въ этомъ незнаніи.

Я видѣлъ много крестьянскихъ дѣтей, и нигдѣ и никогда не поражали они меня такой оторванностью отъ жизни,—по крайней мѣрѣ, отъ окружающей ихъ жизни,—какъ здѣсь. Въ деревнѣ какъ-никакъ ребенокъ стоитъ всегда въ центрѣ своей жизни, и когда онъ входитъ въ нее взрослымъ членомъ, ему уже извѣстны всѣ уставы, весь смыслъ, все содержаніе этой жизни, вся сумма взаимныхъ отношеній между членами. А здѣсь? О, какъ далеки, недосягаемо далеки отъ этой живой жизни показались мнѣ наши „мучительные“ и „проклятые вопросы“, наши мудреные интересы и разговоры, такъ терзавшіе насъ своею неразрѣшимостью! Какъ недосягаемо далеки отъ этихъ окружавшихъ меня юныхъ жизней даже такіе „свойскіе мудрецы“, каковы Струковъ и Ножовкинъ, и даже молодой Полянкинъ! Да не потому ли и терзаемся мы безвыходностью рѣшенія этихъ проклятыхъ вопросовъ, что живемъ и мучаемся гдѣ-то тамъ, въ сторонѣ отъ живой жизни, наверху ея и оттуда думаемъ снизвести благодать, а не прямо, непосредственно вызвать ее изъ этой живой жизни?

— Хотите, я съ вами буду говорить о небѣ, о землѣ, о людяхъ,—сказалъ я моимъ собесѣдникамъ.

Нужно было вообразить странное изумленіе и даже испугъ, недоумѣніе, какое выразилось на ихъ лицахъ.

Потомъ они всѣ переглянулись и засмѣялись.

— Вамъ говорилъ кто-нибудь объ этомъ?

— Нѣтъ.

— А отцы?

— И отцы не говорятъ... Когда имъ!

— Ну, давайте я вамъ буду разсказывать.

И всѣ опять остановили на мнѣ широко-открытые глаза, изумленные, и улыбались (такъ это имъ казалось дико!), и я улыбался, потому что и мнѣ казалось это такъ непривычнымъ, дикимъ, нелѣпымъ... Какъ это вдругъ взять и начать говорить съ дѣтьми, *такъ*, безъ школы, безъ учебника, не будучи „призваннымъ“ педагогомъ, учителемъ? И что я могу имъ сказать? И имѣю ли право повѣрить имъ „великія истины“, которыя такъ мудрены, что сами мы добрались до нихъ путемъ невѣроятныхъ мытарствъ, да и то еще не сойдемся ни на одной безусловно? Все это мелькнуло у меня въ головѣ. Но я утѣшилъ себя, что, вѣдь, „это не боль-

ше, какъ шутка; нельзя же придавать этому какого-нибудь серьезнаго значенія!“ И, конечно, это оказалось не больше какъ шуткой. Сталъ было я говорить, но у меня путался языкъ, я не умѣлъ пріискать выраженій; для выраженія самой простой мысли не оказалось въ нашемъ лексиконѣ такихъ же простыхъ словъ; варварская терминологія исключала почти всякое общеніе человѣка съ человѣкомъ. А помимо всего *стало скучно*. Что изъ того, что въ двѣ-три ребячьи головы я заброшу какую-нибудь мысль, шевельну воображеніе? Вѣдь, это такіе пустяки, какъ лишняя капля, упавшая въ море. Но такъ ли это? Не потому ли и трудно рѣшаются сложные вопросы человѣческой жизни, что эти рѣшенія односторонни, что они никогда не брали всю человѣческую личность цѣликомъ, не оставляя безъ одинаковаго вниманія ни одного малѣйшаго ея стремленія и желанія, не отвѣчали всей человѣческой душѣ разомъ, гармонически? Но какъ это сдѣлать?—спросятъ.

„Надо думать, надо искать средствъ, но не предрѣшать впередъ, что это невозможно“, припомнились мнѣ слова молодого Полянкина; мнѣ думалось, что онъ близокъ къ истинѣ уже потому, что близокъ къ самой жизни.

Я продолжалъ еще „шутить“ съ дѣтьми, разсказывая имъ первое, что попадало на языкъ, когда я замѣтилъ, что за нами давно уже внимательно слѣдитъ какой-то мастеровой, въ старенькомъ камлотовомъ кафтанѣ и фуражкѣ, сидя на корточкахъ на самомъ краю плота и низко опустивъ голову къ колѣнамъ. Онъ, казалось, не подавая вида, напряженно слушалъ насъ однимъ ухомъ. Когда онъ замѣтилъ, что я пристально наблюдаю за нимъ, онъ поднялся и робко, тихо подошелъ ко мнѣ, молча снялъ фуражку и улыбнулся. Это былъ худой, съ маленькимъ, морщинистымъ, безбородымъ лицомъ рабочій, лѣтъ тридцати.

— Ребятки-то повеселѣли, — сказалъ онъ мнѣ, показывая играющими глазами на дѣтей,—славно!.. Хорошо!.. Такъ душа-то у нихъ и заиграла...

Я тоже улыбнулся на его наивное довольство.

— Вы не здѣшній, должно?

— Нѣтъ, не здѣшній.

— Славно! Хорошо! — опять какъ-то умиляясь, протянулъ онъ и плавно замахалъ руками, какъ крыльями,—а, вѣдь, всего только такъ... словечко... одно словечко... отъ сердца глубины... А вонъ ужъ онъ и окрылѣлъ!

— А вы... тоже не здѣшній? — спросилъ я.

— Нѣтъ. Я верстъ за 30 отсюда, съ фабрики...

— По той же части?

— По той же—пожовщики.

— Что же, у васъ лучше на фабрикѣ, чѣмъ здѣсь?

— У насъ, можетъ, получше кому ни то, потому мы еще при землѣ... Жены съ ребятишками при землѣ, а мы на фабрикѣ... Ну, все же хозяйство...

— И у тебя есть хозяйство?

— Есть. Мы четверо живемъ... вмѣстѣ.

— Братья?

— Да, братья... Только не родные.

— Всѣ?

— Всѣ,

— И всѣ женаты?

— Всѣ, и дѣти у всѣхъ.

— И сообща все ведете?

— Все сообща... Мы мирно.

— Какъ же это вы такъ сошлись?

— Сошлись-то? — переспросилъ онъ, какъ-то странно блуждая глазами, какъ будто всѣ эти мои вопросы очень мало интересовали его, а мысль его была поглощена чѣмъ-то другимъ.

— Какъ же вы сошлись? — повторилъ я опять.

— Сошлись-то? А просто... Вотъ такъ же... Я былъ старшій изъ всѣхъ... Бывало, вотъ эдакъ же... слово... отъ сердца глубины... Съ тѣмъ, съ другимъ... Вдумчивъ я въ жизнь-то былъ... сызмладости... Люблю... Ну, и они меня полюбили... Такъ и живемъ... Такъ, сами по себѣ сжились...

Онъ помолчалъ.

— А много такихъ-то! Столь много!

Онъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Что же имъ мѣшаетъ всѣмъ такъ же соединиться, сжиться?

Онъ посмотрѣлъ на меня долго, внимательно, потомъ задумчиво сказалъ:

— Отъ страха.

— Предъ чѣмъ же?

— Отъ жисти запужаны... А напрасно... Только бы... одно слово... отъ сердца глубины... всѣмъ бы... И окрылѣютъ!.. И... Хорошо! Славно!

И онъ опять замахалъ плавно руками. Но вдругъ глаза у него замигали чаще и чаще, сверкнули въ нихъ слезы. Онъ

какъ-то стыдливо улыбнулся, сконфузился и, натянувъ на лицо разорванный козырекъ фуражки, быстро зашагалъ отъ насъ, но не къ берегу, а по плотамъ, перепрыгивая отъ одного на другой и все ускоряя шаги, какъ будто боялся, что мы пустимся за нимъ вдогонку. Я не могъ оторвать отъ него глазъ, пока, наконецъ, онъ не присѣлъ опять, на самомъ дальнемъ отъ насъ плоту, около такой же кучки юныхъ рыболововъ. Появленіе этого страннаго человѣка, такъ совпавшее съ моими размышленіями, до такой степени было неожиданно и поразительно, что образъ его навсегда запечатлѣлся въ моей памяти. Болѣе чѣмъ когда-нибудь мнѣ хотѣлось остаться съ глазу на глазъ и поговорить „отъ сердца глубины“ съ самыми простыми, невидными людьми.

VI.

Я пошелъ къ старику Полянкину въ надеждѣ застать его одного дома. Мнѣ такъ хотѣлось послушать попросту этого самаго обыкновеннаго старожилаго кустаря. Дѣйствительно, мои молодые спутники еще не приходили; но у Полянкина я засталъ гостя, который, впрочемъ, при моемъ приходѣ тотчасъ же всталъ изъ-за стола, съ самоваромъ и закуской, и сталъ молиться.

Гость пытливо обвелъ меня глазами и вышелъ.

— Это пріятель у васъ былъ, Павелъ Миронычъ?—спросилъ я.

— Какой пріятель! Такъ, изъ своихъ, сосѣдъ.

— А мнѣ показалось, дружны вы.

— Нонѣ со всякимъ будешь друженъ; еще со врагомъ-то повадливѣе ведешь себя, чѣмъ съ пріятелемъ... Нонѣ бѣда...

— Онъ кто же, кустарь, какъ и вы?

— Мастеръ, какъ и мы! Только что у него заведеньице просторнѣе... Теперь ужъ человѣкъ десятка на полтора распространился.

— Вотъ какъ!

— У насъ, вѣдь, теперь много такихъ: у кого на пять человѣкъ, на десять, на сорокъ есть... Всякіе!

— Онъ у васъ покупать приходилъ что-то?

— Да. Уговаривалъ, вишь, сдай ему товаръ, что я наработалъ, вмѣсто чтобы на рынокъ нести.

— Такъ онъ и скупщикъ?

— Мало ли у насъ ихъ! Да признаться, не люблю я его... Изъ Шалаевскихъ молодцовъ... Горлопанъ, міроѣдъ, вездѣ это шныряетъ да нюхаетъ... Такой лёза—бѣда!.. Только спаси Богъ!.. Вотъ тебя запримѣтилъ,—ужъ что ни то наплететъ... Безъ этого ужъ не отстанетъ!.. Ахъ, бѣдовская стала жизнь!.. Безъ Бога, братъ, совсѣмъ стала жизнь... Эхъ, пріусталъ! — вздохнулъ старикъ, садясь на стулъ.—Присядь... Вотъ утромъ-то къ обѣднѣ сходилъ, а потомъ все вотъ товаръ подбиралъ... Вишь, какая куча! Надо подготовить.

— Куда же?

— Какъ же! Вѣдь, у насъ ужъ заведеніе такое: съ воскресенья на понедѣльникъ у насъ торжище... Торжище, другъ любезный!.. Вотъ поглядѣлъ бы, какая травля-то идетъ!.. Господи Боже мой! Проснется это все село въ ночь, часа̂ въ два; огни вездѣ зажгутъ... Тамъ *наверху* (у богатѣевъ) тоже всѣ изъ пуховиковъ-то повылѣзутъ: и хозяева и приказчики. Ключами загремятъ, мѣдяками. Нашъ братъ отовсюду къ рынку потащитъ связки съ образцами, что̀, значитъ, успѣлъ за недѣлю съ семьей наработать. Ну, тутъ ужъ вся надежда: сбылъ—сытъ на недѣлю и матеріалъ на работу получилъ; не сбылъ—такъ вмѣстѣ съ ребятишками въ петлю и полѣзай... Никто и вниманія не обратитъ!.. Вотъ оно у насъ какое торжище-то!.. Не то, что всѣ наши богатѣи,—съ округи всѣ скупщики наѣдутъ, и жиды, и наши, всякіе проходимцы: божба пойдетъ, ругань, мастеровой другой плачетъ, молитъ, за третьимъ жена съ ребенкомъ слѣдитъ, какъ бы съ деньгами въ трактиръ не убѣжалъ... Что дѣлается въ эти часы — сказать нельзя!.. Такъ-то вотъ нашъ потъ да кровь и продаются.

— Какъ же это у васъ такое хорошее дѣло не удалось, артель-то?

— Артель-то? Хорошее оно дѣло, да тоже затѣйное...

— Отчего же такъ?

— Да оттого и есть... Артель тамъ хороша, гдѣ народъ весь ровня—вся артель. А то какая же у насъ для всѣхъ артель? Вонъ сосѣдъ-то: онъ и кустарь самъ, и скупщикъ... Ну, какого ему ляду въ артели-то? Какой антиресъ? Артель прямо ему въ оборотахъ препятствуетъ... А бѣднаго возьмешь: опять тоже ни къ чему,—ему не выстоять, выждать онъ не

можетъ... Ему вонъ нонѣ ребятишкамъ и маслица ложечку надо, и крупки горсточку, и капустки... Онъ и бѣжитъ къ скупщику: тотъ его и снабжаетъ, и сытъ онъ съ ребятишками-то на нонѣшній день... Гдѣ это артель-то ихъ всѣхъ прокармливать будетъ? Артель скажетъ, что я не богадѣльня... Такъ-то, другъ!.. Пойдемъ-ка мы съ тобой въ садочикъ! Важно у меня въ садочкѣ-то. Только одна и утѣха, да вотъ коровенкой кое-какъ раздобылся. Это ужъ вонъ Павелъ помогъ... А то гдѣ бы!.. У насъ, вѣдь, хозяйство рѣдко у кого есть... Да, вѣдь, оно хорошо при землѣ... А у насъ все-то, все до маковой росинки купи... А отъ земли — Богъ ее вѣдаетъ — съ коихъ поръ и кѣмъ отбиты!.. Еще прадѣдовъ нашихъ замо̀къ обошелъ!.. Поди-ка, какъ мы своимъ мастерствомъ тоже гордимся!

Мы вошли въ садъ и старикъ развалился на травѣ.

— Любо, братецъ, здѣсь, важно! — заговорилъ онъ, смотря въ небо.—Другой это разъ выйдешь сюда, ляжешь на траву и думаешь: эхъ, кабы всѣ-то на свѣтѣ жили въ дружбѣ да въ любви!.. Семейственную жизнь вели бы чинно-благородно... обчественныя какія дѣла—опять же чинно-благородно, по согласу, по миру, чтобы было насчетъ каждаго безпокойство и помощь въ случаѣ чего. Вотъ какъ, говорятъ, по старинѣ люди живали. Такъ ли?

— Наврядъ, говорятъ, такъ было.

— Ой ли? Да, вѣдь, откуда жъ ни то взялось эндакое помышленіе? Только ежели намъ этого ждать — ужъ не дождаться. То-есть такъ народъ, братецъ, развихлялся! Тутъ бы тебѣ миръ, согласъ,— кажись бы, ничего для энтого не пожалѣлъ,—а между тѣмъ никакъ невозможно! Воюй—и шабашъ! Да еще съ кѣмъ и воевать-то — и то не разберешь хорошенько. Вотъ хоть бы наше дѣло взять— замо̀къ; думаешь, кому какая причина тебя въ этомъ твоемъ ремеслѣ обижать, а намѣсто того, слышь, англичанинъ тебѣ въ карманъ, какъ тутъ, значитъ и насолилъ!.. Вишь ты, куда хватило: англичанинъ! Англичанинъ тамъ себѣ форсы разные придумываетъ, а ты голодай... воюй съ нимъ!.. Нѣтъ, ужъ такъ думаю, намъ этого мирнаго житья не видать.

Мы еще долго промечтали со старикомъ съ глазу на глазъ въ его „садочкѣ". И самый этотъ садочикъ, и его „разные запахи", и „отъ сердца глубины" слова этого стараго кустаря какъ-то врачующе дѣйствовали на мою душу: мало они разрѣшили моему уму, но я чувствовалъ, что для сердца тутъ было разрѣшено все.

VII.

На утро мнѣ хотѣлось непремѣнно побывать „на торжищѣ", но я проспалъ самымъ безбожнымъ образомъ, къ своему стыду. Когда я проснулся, вся операція торжища была уже закончена давно, а вся семья хозяина работала въ мастерской. Я было посѣтовалъ на старика, что онъ меня не разбудилъ, но онъ сурово на меня прикрикнулъ:

— Ну, чего тебѣ тамъ смотрѣть? Какъ люди другъ друга грабятъ? Нашелъ потѣху!

Старикъ былъ сильно не въ духѣ и уже ни однимъ словомъ не подавалъ надежды на возвращеніе къ нему вчерашняго благодушнаго настроенія. Товаръ ему пришлось сбыть самымъ невыгоднымъ образомъ, на цѣлую четверть цѣны меньше, чѣмъ давалъ ему сосѣдъ-кулакъ. Но онъ къ нему все-таки не понесъ.

Я собирался къ вечеру уѣзжать и до отъѣзда хотѣлъ зайти къ одному фабриканту, по одному порученію. Самъ фабрикантъ въ селѣ не жилъ, но имѣлъ дома и склады. Его ждали въ воскресенье, наканунѣ торжища.

Я пришелъ къ нему часовъ въ 10 утра и засталъ его еще при дѣлахъ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, одинъ изъ сыновей стараго фабриканта. Онъ, видимо, не спалъ всю ночь; лицо и глаза были утомлены.

— Вотъ, еще не ложился, — сказалъ онъ.

— Да вамъ-то что же? Развѣ вы скупщикъ?

— Ка-акъ же! Мы и свои дѣлаемъ, и скупаемъ... Мы стягиваемъ въ свои склады всевозможныя издѣлія. Намъ нужно, чтобы покупатель у насъ находилъ все. Тогда мы не будемъ бояться конкурентовъ. Имѣя возможность взять у насъ товаръ всевозможныхъ образцовъ, за разъ, въ одномъ мѣстѣ, безъ лишнихъ хлопотъ, притомъ, имѣя отъ насъ, конечно, скидку и кредитъ, покупатель насъ держится такъ, что его не отобьетъ никто.

— Вы не живете сами здѣсь?

— Нѣтъ.

— Отчего же вы не примете участія въ здѣшнихъ общественныхъ дѣлахъ? Вы — большая сила и помогли бы имъ распутаться...

— Пустое это дѣло-съ!.. Такъ это у нихъ промежъ себя забава до поры до времени, всякіе тамъ артели, городовыя положенія, банки... Все это пустое.

— Отчего же?

— Да оттого-съ, что не прочно все это-съ, мечта!.. Нѣтъ, мы въ сторонѣ, не принимаемъ участія. Притомъ, у насъ дѣла большія-съ; у насъ у самихъ до тысячи человѣкъ въ рукахъ-то... Надо ихъ управить-съ!

И какимъ суровымъ холодомъ вѣяло отъ его словъ!..

VIII.

Вечеромъ я собрался было ѣхать, но молодой Полянкинъ удержалъ меня, сказавъ, что завтра праздникъ и что мы можетъ веселѣе проѣхаться по рѣкѣ, чѣмъ теперь.

Я остался, и на утро неожиданно сдѣлался свидѣтелемъ необычайнаго происшествія. Послѣ обѣдни, часовъ около одиннадцати, я увидалъ, какъ отъ всѣхъ церквей шли крестные ходы, направляясь къ площади. Къ хоругвямъ, иконамъ и духовенству постоянно приставали выходившіе изъ домовъ обыватели. Оказалось, что это шли служить благодарственный молебенъ и вмѣстѣ поднести адресъ за полезную дѣятельность Петру Шалаеву отъ беднѣйшей части обывателей-рабочихъ. Гляжу, сердито, спѣшно и порывисто застегивая воротъ кафтана подъ бородой, торопится изъ своего дома и старикъ Полянкинъ.

— Эй, сосѣдъ! не видишь, что ли? Прошли ужъ, — стукнулъ къ нему въ окно знакомый намъ скупщикъ.

— Иду!—крикнулъ старикъ и, сильно стукнувъ дверью, вышелъ.

IX.

Послѣ обѣда мы спустились къ рѣкѣ, къ лодкѣ. Молодой Полянкинъ все посматривалъ по сторонамъ, чего-то дожидаясь, но не дождался, и мы поѣхали.

— Ну, говорите ваше непосредственное впечатлѣніе, прямо, безъ всякихъ предисловій, — спросилъ онъ меня: — какъ вамъ нашъ городъ?

— Вашъ городъ — заколдованный городъ, въ заколдованномъ кругѣ, и я не вижу даже проводника, который бы вывелъ изъ него.

Полянкинъ ничего не сказалъ и молча сталъ смотрѣть вдаль. Поповъ былъ еще сумрачнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Эхъ, господа,—сказалъ, наконецъ, молодой Полянкинъ,—не вѣрите въ человѣческое сознаніе... Повторяю, вѣру вы въ это потеряли... А ужъ въ это вѣру потерять — послѣднее дѣло. Потому что безъ вѣры въ него—что же послѣ этого человѣкъ?

— Я опять тебѣ повторяю: легко говорить,—замѣтилъ было Поповъ.—Какое тутъ сознаніе, когда...

— Знаю, знаю! — перебилъ Полянкинъ.—Смотрите не назадъ, а впередъ— и вотъ вамъ и вѣра!.. Впрочемъ, ее не передашь... Она вотъ здѣсь, въ этихъ мускулахъ, въ жилахъ... Если одрябли, отжили они у тебя, такъ зато у меня только еще наливаются!.. А вонъ и наши!

Отъ берега къ намъ тяжело направлялась другая лодка, въ которой сидѣло человѣкъ пять молодыхъ рабочихъ, братъ и дядя Полянкина и двое подростковъ съ разными рыболовными снастями.

— Вотъ и важно, братцы! Дружнѣе, вперегонку! Валяй, Провъ, „Внизъ по Волгѣ“.

Мы обогнули гористый мысъ, и молодой, сильный теноръ затянулъ пѣсню. Подъ незамысловатый, но подмывающій и захватывающій мотивъ этой родной пѣсни, такъ привольно разносившійся надъ тихою рѣкой, въ моемъ воображеніи, одинъ за другимъ, вставала цѣлая вереница знакомыхъ образовъ, всѣхъ этихъ „хорошихъ людей“, томившихся и мучившихся въ невыразимо-сложной сѣти, когда-либо прежде такъ хитро сотканной для нихъ жизнью. Но тѣмъ не менѣе, больше чѣмъ когда-нибудь, мнѣ думалось, что молодой Полянкинъ былъ правъ: гдѣ есть живые люди, тамъ будетъ и жизнь.

1888 г.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ПОЛИТИКИ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ПОЛИТИКИ.

БАБЬЕ ЦАРСТВО.

Случалось ли вамъ, читатель, когда-нибудь, послѣ долгихъ-долгихъ скитальческихъ лѣтъ возвращаться въ родныя глухія палестины, давно оставленныя вами гдѣ-то тамъ, далеко, за сѣрымъ сумракомъ какихъ-то нелѣпыхъ жизненныхъ метаморфозъ, безсмысленныхъ наслоеній, повидимому, разнообразныхъ, но въ сущности невѣроятно похожихъ одни на другія ощущеній, чувствъ, мыслей?.. Случалось ли вамъ, повернувъ обратно колеса своей житейской телѣги, почувствовать непреодолимое желаніе ринуться куда-то назадъ, за этотъ мглистый, сѣрый, удушливый туманъ, заглянуть туда, гдѣ, какъ вамъ помнится, было когда-то такъ свѣжо, ясно, такъ легко и привольно дышалось?.. Если случалось, вы легко припомните до мельчайшихъ подробностей тѣ послѣднія немногія версты, которыя вамъ оставалось сдѣлать, чтобы туманъ, окружавшій ваши скитальческія лѣта, остался позади васъ вмѣстѣ съ клубами дыма привезшаго васъ на послѣднюю станцію паровоза, вмѣстѣ съ грохотомъ, шумомъ и визгомъ поѣзда, такъ напоминающаго тяжелый поѣздъ куда-то несшей васъ жизни. Поѣздъ подошелъ къ маленькой станціи. Не успѣлъ остановиться, какъ уже слышенъ третій звонокъ. Вы, одинъ изъ пассажировъ, выходящій на этой станціи, выпрыгнули изъ вагона, за вами раздался свистокъ и, вмѣстѣ съ отходящимъ поѣздомъ, съ вашихъ плечъ словно свалилось какое-то бремя. Полной грудью вдохнули вы свѣжій воздухъ рощи, въ глубинѣ которой засѣла станція. Мелькомъ оглянулъ васъ на платформѣ начальникъ станціи и торопливо прошелъ въ станціонную будку. Старый, сгорбленный старикъ прошелъ мимо васъ, торопясь куда-то... И вдругъ вы признали этого старика, вамъ мелькнуло что-то знакомое. Обернулся и онъ, остановился, вглядываясь въ васъ...—„Да никакъ Петровичъ будешь?“—спрашиваетъ онъ, подходя уже къ вамъ и не спуская съ васъ своихъ добрыхъ, мутныхъ глазъ.—„Я самый“,—говорите вы, радостно чему-то улыбаясь.

— Такъ, такъ! Али вернулся? Ну, слава Богу! Какъ тебя Господь носитъ? Пятнадцать годовъ, вѣдь, не бывалъ уже... Ну, ну!..

— А ты, старикъ, все еще здѣсь?

— Здѣсь еще все, давно здѣсь...

— Харитоновъ!—кричитъ начальникъ въ станціонное окно.

— Харитоновъ!—слышится съ другого конца, гдѣ желѣзнодорожный мастеръ съ съ партіей рабочихъ стоитъ на полотнѣ и ждетъ указаній...

— Харитоновъ!—несется изъ телеграфнаго бюро.

Старикъ бѣгло жметъ вашу руку въ своей масляной и грязной и трусцой бросается по платформѣ прежде всего на голосъ начальника. Вы долго смотрите вслѣдъ этому старику; вамъ припоминается, что вы, давно когда-то, отправляясь по этой желѣзной дорогѣ, видѣли его почти такимъ же или нѣсколько посильнѣе... И вотъ онъ все служитъ еще, все бѣгаетъ такъ же, какъ и прежде, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, за тѣ же, вѣроятно, семь рублей въ мѣсяцъ!..

Вамъ становится грустно, но все же вы почему-то довольны, что васъ встрѣтилъ старикъ Харитоновъ. Вы думаете: никто меня, кромѣ него, не встрѣтилъ. Что же, или отчаялись меня увидѣть? Или, можетъ быть, уже некому встрѣтить? — У васъ сжимается сердце; но опять образъ старика Харитонова веселитъ васъ... А тутъ и другіе знакомцы встрѣтились. Только что вы взвалили на плечи котомку свою, спустились по тремъ приступкамъ съ платформы, какъ изъ-подъ дрезины вылѣзъ, едва волоча ноги, старый, посѣдѣвшій и вылинявшій песъ и, подойдя къ вамъ, обнюхалъ васъ. И онъ все еще живъ! Это песъ Харитонова. Они вмѣстѣ поступили на желѣзную дорогу. А вотъ и знакомая роща. Вы бойко идете по ней, не заходя отдыхать въ новый трактиръ, выстроившійся предъ деревенькой близъ станціи. Но дальше и скорѣе! Вы вышли изъ рощи и предъ вами лугъ. А тамъ, дальше, искрится на солнцѣ серебристою чешуей рѣка, — знакомая, родная рѣка. Вы спѣшите къ ней, спѣшите окунуться въ ея мягкія, нѣжныя, теплыя волны—и омыть прахъ съ ногъ своихъ. Вольно, отрадно дышется вамъ, освѣженному, сидя на ея зеленомъ крутомъ берегу. Близъ васъ вьется надъ нею бѣлый рыболовъ. А вонъ, вдали, показалась мачта плоскодонки, плавно катящейся по ея спокойной, зеркальной поверхности. Рядъ образовъ и картинъ быстро проносится въ вашей головѣ и первое, что припоминается вамъ, это непремѣнно вашъ отъѣздъ отсюда: онъ встаетъ въ вашемъ воображеніи съ фотографической точностью. Вамъ и весело, и хочется плакать, и сердце щемитъ какое-то неопредѣленное томленіе...

Въ концѣ августа 187... года, по берегу большой, но мелководной рѣки, близъ станціи одной изъ центральныхъ желѣзныхъ дорогъ, шелъ молодой парень, только что сошедшій съ послѣдняго поѣзда. Онъ былъ въ длинной чуйкѣ, съ подобранными за поясъ полами, изъ-подъ которыхъ виднѣлась розовая, ситцевая рубаха, конецъ пестрой жилетки, съ разноцвѣтными стеклянными пуговками, и старыя брюки, какія продаютъ на столичныхъ толкучкахъ, засунутыя въ легкіе „барскіе" стоптанные сапоги; на русой, кудрявой головѣ его плотно лежалъ суконный новый картузъ, съ блестящимъ ремешкомъ по околышу. На спинѣ онъ несъ легкую коробушку, съ которою ходятъ офени. Коробейнику бѣло лѣтъ подъ тридцать. Русая бородка, какъ видно, не росла больше, но за то кудрявилась все гуще и гуще. Онъ шелъ и думалъ. Вотъ какіе образы и сцены проносились въ его головѣ.

Былъ ненастный осенній вечеръ. Въ старой, большой, съ развалившимся низомъ, въ которомъ уже давно никто не жилъ, двухъэтажной избѣ одной убогой деревеньки, верстахъ въ двадцати отъ ближашей желѣзнодорожной станціи, столпилось необычно много народа. Низенькій, худой человѣкъ, въ подвязанномъ платкомъ пальтичкѣ на кошачьемъ вылѣзшемъ мѣху, съ бобровымъ воротникомъ, больше напоминавшемъ облѣзлые бока стараго пса, чѣмъ сибирскаго бобра, то присаживался на уголъ лавки у двери, то опять вставалъ, всматривался въ смеркавшійся на дворѣ день, постоянно закуривалъ трубку и предавался соболѣзваніямъ.

— Ну, опоздаемъ!... Я знаю!... Ахъ, ты, Боже мой!... Мужики!... Увальни!... Чего взять?!. Пожалйста, поторопитесь!..

— Нѣтъ, не опоздаемъ... Мы тоже порядки знаемъ, въ Петербургъ этотъ не разъ, кажись, ѣзжали,—флегматично замѣчалъ другой собесѣдникъ, лѣниво потягивая сигаретку. По всему замѣтно было, что это—фабричный, ничему не удивляющійся, если бы даже встрѣтилъ самого чорта, ни отъ чего не приходящій въ восторгъ, полный сознанія, что ему, какъ питерцу, давно все на свѣтѣ извѣстно и деревнѣ не выдумать никогда такой штуки, которая привела бы въ недоумѣніе его цивилизованный умъ.

— Ну, выбирайтесь и то скорѣе!.. Чего тянуть-то! Тоска! Только избу-то выстудили,—сваливаясь ногами въ валеныхъ сапогахъ съ печи, сердито проворчалъ съ взъерошенной лохматкой мужикъ, но бритый, очевидно, обломокъ помѣщичьей дворни, прилѣпившійся къ мужикамъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... Повремените... Успѣется... Богъ знаетъ, когда придется свидѣться... На заработки итти — не въ кабакъ сходить!.. Оберни, милый, шею-то. Ты ему, Прасковья, вотъ бы шерстяной-то платъ отдала... Дай-ка я повяжу... Дорога дальняя!..—бойко говорила женщина лѣтъ тридцати, въ синемъ шугайчикѣ, повязанная большой ковровой шалью, какъ видно, знакомая уже давно съ городской жизнью и не разъ ходившая „въ люди". Она хлопотливо осма-

тривала и обдергивала четырнадцатилѣтняго подростка, стоявшаго робко среди избы, въ старомъ нагольномъ полушубкѣ и большихъ валеныхъ сапогахъ.

Больная, молчаливая, уже пожилая женщина молча подвязывала парнишку большимъ кушакомъ. При окрикѣ лохматаго мужика руки у нея дрогнули, она заторопилась и въ растерянности не знала, что дѣлать...

— Ну, что встала?.. Проси, чтобы добрые люди не оставили парнишку-то,— поклонись... Не отвалится, чай, голова-то,—проговорила старуха, сидѣвшая на лавкѣ съ двумя молодухами-хозяйками.— Проси, чтобы его тамъ получше приспособили, чтобъ было что матери послать.. У насъ тоже богатство ни вѣсть какое...

Больная женщина молча поклонилась въ ноги низенькому человѣчку и фабричному.

— Не покиньте!.. Сиротское дѣло! — прошептала она.

— Ничего! Ничего, будь спокойна— приспособимъ! Мы эти порядки за первый сортъ знаемъ!..—откликнулись низенькій человѣкъ и фабричный.

— Знамо, вдовье дѣло... солдатское... Только на добрыхъ людяхъ и жизнь,— замѣтила старуха.

— Не покинь, Катеринушка... — проговорила больная женщина, опять кланяясь въ ноги городской „бывалой бабѣ“.— Тебѣ наше дѣло извѣстное.

— Нѣту, нѣту, зачѣмъ покидать!.. Рази можно!.. Рази указано, чтобъ живого человѣка безъ помощи покидать!.. Нѣту!—говорила бывалая баба.

— Ну, совсѣмъ, что ли? — спросилъ опять лохматый мужикъ, входя со двора.

— Совсѣмъ, совсѣмъ... Пора! Нужно бы оно косушечку раздавить для ради ихной бѣдности,—такъ скажемъ,—замѣтилъ низенькій человѣкъ въ бобрахъ, засовывая въ штаны трубку.

— Гдѣ имъ взять косушечекъ-то!..— отвѣчалъ лохматый мужикъ. — Тутъ и безъ косушекъ чужой хлѣбъ заѣдаютъ.

— Ну, на нѣтъ—и суда нѣтъ! Я говорилъ, запоздаемъ! Тутъ каждая минута дорога, а они — проводы цѣлый часъ справляютъ!.. Эхъ, люди!.. Увальни! — заторопился опять низенькій человѣчекъ.

— Ну, прощайтесь... Чего ждете? — окрикнулъ хозяинъ.

— Прощайте, родные,—несмѣло заговорилъ сквозь слезы подростокъ и чинно поклонился въ нѣсколько пріемовъ хозяевамъ.

— Ну, прощай... А ты честь-честью... Поцѣлуйся... Ну, прощай, Ганька, — говорилъ лохматый мужикъ, троекратно цѣлуясь съ нимъ. — Да смотри, главное — мать помни... Чтобы денегъ какъ можно высылать... Вонъ она — больная, кто ее будетъ кормить... а я тебѣ вотъ на дорогу еще отвалилъ десять рублевъ... Вѣдь, эти десять рублевъ-то чего намъ стоятъ? А? Къ Покрову вотъ теперь что повезешь въ правленье-то?.. Ты не маленькій, долженъ понимать...

— Не покиньте мамыньку, — прошепталъ едва слышно, сквозь слезы Ганька...

— Ну, прощайся съ матерью-то!..

Не смѣло простилась мать съ сыномъ.

Забросивъ за спины мѣшки, путники вышли. У калитки стояла мать Ганьки.

— Ганька!.. Ганька!—чуть вскрикнула она, когда Ганька, обертываясь, поспѣшилъ за бойко шедшими по деревенской улицѣ своими провожатыми.

Ганька пріостановился... Еще разъ услыхалъ онъ свое имя... Затѣмъ видѣлъ, какъ мать взмахнула руками и повалилась у воротъ... У Ганьки брызнули слезы, но онъ тотчасъ отеръ ихъ рукавомъ, и, уже не обертываясь, побѣжалъ догонять ушедшихъ впередъ путниковъ.

Войдя на гору, Ганька еще раза два обернулся назадъ. Вдали едва-едва замѣтно чернѣли избы.

— Что, Ганька, обертываешься?—спросила тетка Катерина, бойко сѣменя ногами за ушедшими впередъ спутниками.

— Что, моль? А?—допрашивала она.

— Нѣтъ, такъ я... Глянь, ничего не видать ужъ, — вдругъ прибавилъ онъ и обернулся еще разъ.

— Н-ну, што дѣлать, милый! Привыкнешь... А ты перекрестись, полегче будетъ.

Загудѣлъ вѣтеръ. Говорить стало тяжело. Путники молча ступали, изрѣдка покашливая.

Прошло около двухъ часовъ, когда Герасимъ подошелъ къ той маленькой деревенькѣ, которую оставилъ 15 лѣтъ назадъ.

Въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ все взрослое и молодое, самое ядреное населеніе, отъ подростка въ 12—14 лѣтъ до зрѣлаго мужа въ 50—60 лѣтъ, уходитъ по лѣтамъ на заработки, въ особенности

усилившіеся въ послѣднее время, — въ эту пору даже большія села производятъ тяжелое впечатлѣніе какой-то „вымороч-ности“: стучите въ окно, начиная съ первой избы, и развѣ только черезъ десять въ одиннадцатой на вашъ вызовъ выглянетъ мужикъ, наскоро съѣдающій тюрю; не успѣетъ онъ отвѣтить вамъ, какъ уже тотчасъ выходитъ къ лошади, жующей въ упряжи у воротъ траву, наскоро подтягиваетъ ей супонь, взнуздываетъ, вспрыгиваетъ на крылья роспусковъ—и только его и видѣли... Затѣмъ вы тщетно будете ждать, когда вамъ встрѣтится еще мужикъ; на вашъ стукъ изъ одной избы послышится сухой кашель больной старухи, изъ другой выглянетъ въ окно дѣвочка 6—8 лѣтъ съ братишкомъ на рукахъ, и тотчасъ же спрячется; около третьей ходитъ одинъ теленокъ и, наконецъ, въ пятой вы встрѣтите бабу, пришедшую домой покормить ребенка. — „Да гдѣ у васъ всѣ?“ — спрашиваете вы. „Мы-то? Мы въ полѣ...“ — „А мужики?“—„А мужиковъ у насъ нѣту... Мужики у насъ на заработкахъ“. Такъ бываетъ въ большихъ селахъ. Въ маленькихъ же деревняхъ мужикъ совсѣмъ отсутствуетъ,—въ нихъ абсолютно царитъ „баба“; иногда только встрѣтится въ одной, болѣе обезпеченной семьѣ, батракъ, нанятый молодымъ хозяиномъ въ помощь нѣжно любимой супругѣ, — чаще же вамъ встрѣтится старикъ, хотя еще и здоровый, и крѣпкій, но, въ виду того, что у него три взрослыхъ женатыхъ сына на заработкахъ, считающій себя въ правѣ отойти на покой. Обыкновенно этотъ старикъ, окруженный внуками и всѣмъ малолѣтнимъ населеніемъ деревни, весь день копается на улицѣ— поправляетъ верея и околицы, поитъ лошадей и производитъ судъ и расправу надъ расшумѣвшейся ребячьей стаей, а вечеромъ онъ диктаторски управляетъ „бабьимъ царствомъ“. Бабы, обыкновенно, его мало слушаютъ, и потому у нихъ нерѣдко идетъ съ нимъ содомъ. Тѣмъ не менѣе, и бабы, и мужики на заработкахъ очень довольны тѣмъ, что у нихъ на деревнѣ есть дядя Мокей, который можетъ и за ребятишками присмотрѣть, и съ начальствомъ поговорить, и бабъ уму-разуму научить... Дядя Мокей, съ своей стороны, тоже вполнѣ доволенъ. Свои патріархальныя права онъ переноситъ съ своей семьи на всю деревню, съ ея ребячьимъ и бабьимъ населеніемъ.

— Эй, есть ли кто тутъ живая душа? — крикнулъ Герасимъ, пройдя уже половину деревни и останавливаясь передъ знакомой, большой, двухъэтажной избой, уже рѣшительно переставшей походить на человѣческое жилье и скорѣе похожей на гніющую груду бревенъ: въ верхнемъ этажѣ не было вовсе рамъ, и онъ выпятился впередъ, грозя своимъ паденіемъ; въ нижнемъ рамы хотя и уцѣлѣли, но стеколъ не было; подъ навѣсомъ, у воротъ, недоставало одного воротища.

— Эй, кто есть?—крикнулъ еще разъ Герасимъ, но тутъ же и отвѣтилъ себѣ:—Кому тутъ быть!.. Изъ эдакихъ хоромъ и домовой-то, чать, выбрался... Да чего это дядя ихъ бросилъ совсѣмъ?..— Герасимъ оглянулся еще разъ; на деревнѣ царила пустота; только на противоположномъ концѣ около чего-то копалась старуха. Онъ было направился къ ней, но въ это время изъ-за одной избы, ему навстрѣчу, показалась толпа деревенскихъ ребятишекъ съ мокрыми головами; одни изъ нихъ были совсѣмъ голенастые, а мокрые портишки тащили, распяливъ на рукахъ. Сзади ихъ плелся сѣдой старикъ, съ мокрою бородой, и расчесывалъ гребнемъ голову.

— Эй, вы, голоштанники! Чего вы одну деревню-то покинули? — окликнулъ ихъ Герасимъ.

— А что ей сдѣлается, деревнѣ-то? Кому она нужна, деревня-то?..—отвѣтили ребятишки, съ любопытствомъ обступая пришлаго человѣка. — Мы вотъ на рѣку съ Ореѳомъ ходили...

— Мы вотъ только старуху оставили деревню-то сторожить!—подхватили другіе...

— Ну-у сторожа!..

— А ты чей?

— А я вашъ...

— Нашъ?.. Ври больше! Ты стрюцкій!

— А гдѣ большаки у васъ?

— Мужиковъ у насъ нѣтъ; мужики у насъ на заработкахъ, только вотъ и есть, что мы да старики...

— А матери?

— Бабы въ полѣ... Сейчасъ придутъ... А ты къ кому?

— Здорово, дѣдушка!

— Ась?—переспросилъ старикъ.

— Здорово, молъ... Да никакъ это дядя Ореѳъ? Экъ, парень, какъ же ты постарѣлъ?..

— Онъ, онъ самый! — зашумѣли ре-

бята.—Онъ у насъ въ сторожа приписанъ, а къ намъ въ досмотрщики...

— Да кто это будетъ?—спросилъ старикъ, всматриваясь въ Герасима. — Неужто Ганька?

— Онъ самый...

— Наткось, наткось!..—въ смущеніи заговорилъ старикъ.—Уйдите вы, оглашенные!.. У-у, баловни! — прикрикнулъ онъ на ребятишекъ ни съ того, ни съ сего и, повидимому, желая скрыть свое смущеніе:—Пошли по домамъ. Вонъ матери идутъ, скотину гонятъ... Что здѣсь глаза-то пялите? Такъ, такъ... наткось, какой выросъ! Не узнаешь!.. Молодецъ, первый сортъ!—обратился было онъ опять къ Герасиму.

— Дѣдушка, а дѣдушка! У тебя сзади ракъ впился!.. Это Культяпка тебѣ посадилъ... — закричали ребятишки, показывая на спину Ореоа.

— О-о! Непутные! Вотъ придутъ матери, передеремъ васъ всѣхъ, — не на шутку разсердился старикъ и, схвативъ хворостину, бросился за ребятишками.—Мука мнѣ съ ними!—прибавилъ онъ.

— Да въ избу лучше бы намъ,—прибавилъ было Герасимъ, но въ это время подошли три бабы съ серпами и кувшинами въ рукахъ.

— Чего это ты, дѣдушка, развоевался съ ребятишками-то?...—заговорили онѣ.

— О, непутное отродье!.. Плюну вотъ я на васъ на всѣхъ... Въ бурлаки уйду лучше... Не милъ мнѣ и хлѣбъ вашъ,—заворчалъ старикъ, отходя въ сторону и присаживаясь на завальню первой избы.

— Ну-у.. Помиритесь еще! А вы чьи будете? — спросили бабы Герасима.—Ой! Да никакъ знакомый? Наткось, наткось!.. Ганька!—заголосили бабы и наперерывъ одна за другою приставали съ разспросами, а ребятишки окружили коробъ и принялись осматривать его со всѣхъ сторонъ; нѣкоторые трепали Герасима за полы и приставали, чтобъ онъ открылъ и показалъ имъ, что въ коробицѣ. Герасиму было пріятно; давно уже неизвѣданное имъ ощущеніе охватило его: наконецъ опять нашелъ онъ свое, родное, близкое. Онъ улыбался, здоровался съ бабами, балагурилъ и едва успѣвалъ отвѣчать на разспросы. Онъ и не замѣтилъ, какъ собралось около него чуть не все „бабье царство“; изъ кое-какихъ избъ вылѣзло, кряхтя, еще два-три старика.

— А гдѣ же матка? — спросилъ наконецъ онъ.

— А матки твоей вживѣ нѣту, Герасимушка... Долго жить тебѣ наказала... Умерла, болѣзный, умерла!

— Давно ли? — спросилъ нетерпѣливо Герасимъ и подозрительно посмотрѣлъ на дядю Ореоа. А дядя Ореоъ все сидѣлъ на завальнѣ и смотрѣлъ куда-то за избы, въ даль полей.

— Да ужъ не малое время. Полгода будетъ...

— Гдѣ полгода?.. Ну, что врать-то? Чай, года два, поди, будетъ.

— Ну гдѣ два?.. Ужъ ты!.. Много развѣ, коль позатретьимъ лѣтомъ,—заспорили бабы.

Еще подозрительнѣе смотрѣлъ Герасимъ и на бабъ, и на дядю Ореоа.

— Эй, дѣдко!—крикнули бабы Ореоу,—когда Прасковья-то умерла?..

Дядя Ореоъ молчалъ.

— Да такъ, это вѣрно... Два года будетъ... вотъ къ Покрову... около Покрова умерла...

— А то гляди, и всѣ пять будутъ!—прошепталъ одинъ старикъ.

— А кто же деньги получалъ? Кому я высылалъ?.. Кто мнѣ отвѣчалъ, что матка жива и невредима?—заговорилъ Герасимъ.

— Да, да... Это точно... Есть тотъ грѣхъ,—опять заголосили бабы...—Чего ужъ тутъ скрываться!.. Эй, дѣдушка Ореоъ!... Кайся! Чего ужъ тутъ?.. Грѣхъ! Вѣдь, старикъ ужъ ты!—обратилась бабы къ дядѣ Ореоу.

— Зачѣмъ же меня обманывали? Чѣмъ я предъ вами провинился?—спросилъ Герасимъ надтреснутымъ голосомъ.

— Корись, дядя Ореоъ. На міру, при всѣхъ корись... Нечего тутъ скрывать... И всѣ коритесь, старички!.. Всѣ кайтесь... Всѣ вы заодно были... Вамъ ужъ умирать скоро!.. Покайтесь-ка, лучше оно будетъ,—заговорили разомъ всѣ бабы.

— Ну-у!.. Раскудахтались! У-у! Чечотки!.. Вездѣ ваше дѣло!.. Ради, что мужиковъ нѣтъ,—некому учить!..—ворчали старики, постукивая оземь своими клюками.

— Нечего скрывать правду на міру, нечего!.. Кайтесь... Вамъ и о душѣ подумать надо,—шумѣли бабы...

— У! Смутьяники!..—ворчали старики.

Настала тишина. Герасимъ сердито молчалъ. Какъ вдругъ дядя Ореоъ повалился Герасиму въ ноги.

— Прости, Герасимъ Петровичъ... Виноваты!

Герасимъ недоумѣвалъ и все сердито молчалъ.

Бабы смолкли. Ребятишки бросили коробъ и издали смотрѣли на „мірское дѣло“.

— Прости, Бога ради, — продолжалъ Ореоъ, подымаясь.—Три года, какъ матка твоя умерла... Три года мы тебѣ отписывали, что она жива... Силъ не было... Въ разоръ разорились... Два падежа было... Два пожара... Голодуха... Повальная болѣзнь... Семьи повымерли... Три старика одиночки остались... хлѣбъ на корню описывали... Рощу было въ твое еще время (чать, помнишь?) закупили всѣмъ міромъ,—и ту продали... А все недоимку не подняли... Въ правленьи всѣхъ парней въ бурлаки законтрактовали... Второй годъ какъ землю покинули... Не родитъ, матушка... Только кое-гдѣ, на бабью часть осталось, — вотъ и управляютъ... О-охъ, Господи!—вздохнулъ Ореоъ, присаживаясь опять на завальню.—Грѣшное дѣло... Міру лгать пришлось, старикамъ обманывать привелось... Статочно ли это дѣло!.. Три года обманывали... Тебя обманывали... Петра Косого обманывали... Ѳедюшку Горькаго—и того обманывали... Господи, прости великія согрѣшенія!.. Сокрушился, Герасимушка, я, сокрушился... Не тотъ ужъ сталъ... Въ ноги пришлось на старости лѣтъ кланятся... По чужимъ людямъ жить, на мірскомъ хлѣбѣ... Пристанища нѣтъ... Трое насъ вотъ, одиночекъ стариковъ, осталось: что міръ покормитъ за то, что сторожимъ, тѣмъ и сыты.

Старикъ не выдержалъ и заплакалъ...

— Вѣрно, Герасимушка, вѣрно... О-охъ, вѣрно все это! — подхватили два другіе старика.

— Ну вотъ такъ-то лучше... У міра все на виду... Міру скрывать нечего. Что дѣлать! Съ кѣмъ грѣхъ не бываетъ... Доведется—и міръ грѣшитъ!.. Выше Бога не станешь! — заговорили, наконецъ, и бабы...

А Герасимъ молча и угрюмо смотрѣлъ на дядю Ореоа: дѣйствительно, трудно было въ немъ признать того гордаго, „тяжелаго“, самодурнаго мохнатаго мужика, который гналъ Ганьку на заработки.

— Вотъ и позвать тебя некуда мнѣ, Ганька, и угостить нечѣмъ,—сказалъ дядя Ореоъ...

— Ну, объ этомъ не печалься... Мы его міромъ угостимъ,—подхватили бабы.—Это ужъ теперь наше, бабье дѣло... Коли не сердишься, — нашимъ угощеньемъ не побрезгуешь...

— Чего сердиться? Это—грѣхъ общій,— отвѣчалъ грустно Герасимъ,—да только и праздновать мнѣ у васъ одному нечего! А на добромъ словѣ спасибо. Гдѣ жъ, ты дядюшка Ореоъ, нынѣ привитаешь?— спросилъ онъ.

— Да гдѣ онъ привитаетъ? Гдѣ случится... Въ очереди они у насъ, старики-то... А ты ступай къ старостихѣ, честь-честью... Когда мужа нѣтъ, онъ у насъ со стариками начальствуетъ!..

— Пойдемъ, Герасимъ Петровичъ, милости просимъ... Отдохни у меня,—сказала высокая пожилая женщина, степеннѣе и солиднѣе другихъ, чуть-чуть улыбаясь строго сложенными губами.

Цѣлый этотъ вечеръ все бабье и ребячье царство сидѣло на луговинѣ у старостиной избы и толковало съ Герасимомъ.

Много тутъ было разговоровъ, много разсказовъ, много разспросовъ. И чѣмъ больше вслушивался Герасимъ въ убогую хронику своей деревеньки, тѣмъ роднѣе становилась она ему, тѣмъ меньше хотѣлось ему уйти изъ нея, опять туда, гдѣ царитъ безустойная колотьба, въ непроходимую юдоль батрачества...

— Что жъ это у васъ такое сталось, что всѣ мужики ушли?—спрашивалъ Герасимъ,—кажись, у насъ изъ вѣковъ на заработки всѣ-то не ходили, изъ вѣковъ къ хлѣбопашеству крѣпки...

— Что подѣлаешь, родной?.. Времена такія, времена тяжелыя настали,—говорили бабы.—Не родитъ матушка-земля... Что подѣлаешь?.. Истомилась на насъ родючи... И ей тоже всей тяготы не вынесть, все до времени... Въ три жилы, вѣдь, съ нея матушки, мы тянули... Бывало, хоть скотинка была,—все жъ ей, матушкѣ, было питаніе... А нынѣ, вѣдь, третій годъ деремъ съ нея безданно-безпошлинно...

— А въ ренду?.. Али кругомъ земель нѣтъ?..

— Какъ нѣтъ?.. Вонъ какіе пустыри вокругъ лежатъ... Думали-думали и объ этомъ... Да одно дѣло—взяться нечѣмъ, дорожатся, другое дѣло—міръ хочетъ съ людьми дѣло вести... А кругомъ насъ людей-то поискать надо... Такъ вотъ думали-думали, да и надумали на сторонѣ счастія поискать...

— Ну, видно, и мнѣ у васъ дѣлать нечего!.. Видно, недаромъ меня Безроднымъ прозвали.

— Полно-се! А мы что? хоть и не родня, а все же близкіе,—замѣтила степенно старостиха:—міръ тоже родня.

— Али ты думаешь, коли мы бабы, такъ и дѣлать съ нами нечего?.. Еще мы вамъ, мужикамъ, носы-то утремъ,—крикнула одна коренастая, приземистая дѣвка, неожиданно стукнувъ Герасима кулакомъ по плечу...

— Такъ-то: останься-ко у насъ, вотъ поможешь намъ кое-что. Чать, не забылъ землепашество-то...

— Зачѣмъ забывать?.. А забыли, такъ припомнимъ, поучимся...

— Ладно!.. Ступай ко мнѣ въ ученье, я тебя вышколю чудесно!—крикнула опять та же дѣвка.

— Вотъ и самъ дѣлѣ,—зашумѣли бабы.—Ступай, ступай къ ней... Она у насъ дѣвка крѣпышъ... Одна надѣломъ справляетъ... Она у насъ дѣвка съ душой... А ты ей и помоги... Тоже крѣпышъ-крѣпышъ, а этакую тяготу не вынести... Раньше батраковъ наймала, а нынѣ нехватка вышла: одна претъ... А старуху-мать тоже кормить надо, да племянка малолѣтняя...

— Али ужъ остаться?

— Останься, останься... А коли хочешь, такъ мы тебѣ бабьимъ міромъ и матку найдемъ...

— Ну?

— Да право... Вотъ у насъ есть одна печальница... Ѳеклуша да Ѳеклуша зовутъ... Маткѣ-то твоей большая пріятельница была... А живетъ вотъ она съ этой же дѣвкой Параней...

— Такъ какъ, дѣдушка Ореоъ?

— Что жъ, — сказалъ дядя Ореоъ,— оставайся и то... Къ Покрову вотъ мужики соберутся... Можетъ, тамъ что и надумаютъ... А уйтить-то всегда уйдешь...

— Такъ гдѣ же мнѣ пріютиться-то?... А?... Пустишь, что ли, въ батраки—обратился Герасимъ къ дѣвкѣ съ душой.

— Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ въ выучку...

— А меня не забоишься?..

— А вотъ посмотримъ, кто кого забоится! Ты еще, должно, насъ, деревенскихъ дѣвокъ, не знаешь. Вѣдь, я не мужняя жена...

— Ишь, ты какая храбрая!.. Посмотримъ!.. Только чтобъ на міру какихъ разговоровъ не было...

— Нѣту, нѣту!.. У насъ объ ней этого нѣту... Она у насъ — казакъ вольный!.. Она на другомъ положеньи живетъ...

— Ну, коли такъ—такъ быть посему!.. И матку пріищете?

— И матку пріищемъ... Живи со Христомъ!.. А міръ придетъ — и другое что надумаетъ...

— Ну, коли такъ—ступай сюда, ребятишки!

Сумрачный Герасимъ развязалъ коробъ. Ребятишки обступили его.

СОЛДАТИКЪ ВАСЕКЪ.

(ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ОЧЕРКОВЪ.)

Проводы.

У деревни Сапунъ, гдѣ правый, гористый берегъ Оки достигаетъ чуть-ли не наибольшей высоты, насъ, спѣшившихъ на пароходную пристань, съѣхалось нѣсколько подводъ. У спуска съ крутизны къ Окѣ большинство подводъ остановилось, такъ какъ всѣ, кто не имѣлъ особенно тяжелаго багажа, предпочитали спуститься внизъ пѣшими, чѣмъ мучить лошадей. Пріѣхавшіе крестьяне всѣ такъ и поступили. Только одинъ баринъ, повидимому, сердитый и мрачный господинъ, ни за что не хотѣлъ вылѣзать изъ телѣги и сурово приказалъ ямщику везти себя прямо къ водѣ, хотя тотъ предлагалъ ему лучше навьючить чемоданомъ свою собственную спину, чѣмъ заставлять сопѣть лошадей, поднимаясь на крутой Сапунъ. Сумрачный баринъ остался непреклоненъ и не тронулся съ мѣста, хотя ямщикъ очень долго ахалъ и крякалъ вокругъ лошадей и тарантаса, и такъ громко вздыхалъ, какъ будто желая всѣхъ насъ, случайныхъ спутниковъ, призвать въ свидѣтели справедливыхъ своихъ сѣтованій. А насъ, кромѣ барина, было тутъ четыре подводы, и какъ нарочно все народъ или „налегкѣ“ или такой, который omnia sua secum portat, а потому вполнѣ сочувствовавшій ямщику. Но баринъ упорно молча выслушивалъ наши замѣчанія, отвернувшись отъ насъ лицомъ въ сторону. Наконецъ, сумрачно-упорный баринъ съ недовольнымъ ямщикомъ стали спускаться съ крутизны.

— Господи, спаси! — кто-то замѣтилъ среди насъ, — вѣдь, и не боится съ упрямства головы сломать! Эдакій, братецъ, поперешный человѣкъ.

На это замѣчаніе никто ничего не отвѣтилъ, такъ какъ каждый занялся своимъ дѣломъ. Приказчикъ изъ Нижняго съ женой все таскали изъ телѣги какіе-то кулечки и нѣсколько разъ ихъ пересчитывали, сбивались, припоминали и опять пересчитывали. Толстый мужикъ, повидимому, старшина или деревенскій купецъ, расплачивался съ мужикомъ, никакъ не рѣшаясь отдать ему всѣ деньги разомъ, и то не додавалъ ему двугривенный, то гривенникъ, то пятачокъ, и наконецъ, все-таки не додавъ пятачка, какъ-то рѣшительно махнувъ рукой, сказалъ: „ну, за мной будетъ!.. Попомни! Прощай, будь здоровъ!“—и, запахнувъ полы халата, быстро сталъ спускаться съ кручи... Привезшій его мужикъ сосчиталъ деньги еще разъ и сказалъ: — „хоть бы ты разъ въ жизни сполна отдалъ! Ни, Боже мой!.. За просвиру—и за ту дьякону хоть копейку не додастъ!..“ Низенькій, короткій и толстый, какъ кубарь, настоящій приходскій батюшка, въ одномъ полукафтанѣ и старой, порыжѣлой шляпѣ, прощался съ длиннымъ, худымъ, безбородымъ юношей въ лѣтней парусинной фуражкѣ, красной кумачной рубахѣ и пиджакѣ. Онъ постоянно отводилъ его зачѣмъ-то въ сторону отъ насъ, что-то говорилъ, и, снимая шляпу, крестилъ и цѣловалъ его. Юноша, видимо, былъ нетерпѣливъ и порывался уйти.

— Ну, прощай,—говорилъ батюшка.— Такъ помни... Прошу тебя...

— Ладно, ладно! — отвѣчалъ юноша, подбросивъ на плечо старый чемоданъ.

— Ваня!.. Погоди!.. Вернись! — кричалъ опять батюшка, и когда сынъ дѣлалъ два шага назадъ къ нему, онъ подходилъ и говорилъ ему вполголоса: — Опять го-

ворю: не загуби... всѣхъ насъ... Осмотрительнѣе выражайся... Видишь, время какое, ужъ не маленькій, самъ можешь понимать... Время политичное нонѣ... Не прежнее... Ежели гдѣ можно — умолчи лучше, ежели гдѣ нельзя ужъ—выражайся въ двоякомъ смыслѣ... Слышишь?.. Ваня, прошу тебя, за всѣхъ насъ... Семья у насъ большая...

— Да хорошо,—говорилъ нетерпѣливо юноша...

— Ваня! — строго вскрикивалъ ему вслѣдъ батюшка, грозя пальцемъ.—Помни: мать больная... братья и сестры малые... Ежели загубишь... Нынче однимъ словомъ загубить можно... Слышишь?

— Слышу! Слышу!..

— Охъ, дѣла, дѣла!—говоритъ батюшка, по уходѣ сына, уже не обращаясь лично ни къ кому и поправляя въ телѣгѣ сѣно: — однимъ словомъ можно загубить себя, вотъ какое время! Одно слово—и нѣтъ человѣка!.. Даже со младости — можно навѣкъ себя на чистоту загубить. Еще и разуму нѣтъ, а ужъ навѣкъ можетъ погибель принести и себѣ, и приснымъ... Охъ, дѣла, дѣла!..

Въ то же время одинъ смирный, молчаливый и, повидимому, не особенно здоровый солдатикъ, въ фуражкѣ безъ козырька и шинели внакидку, прощался съ привезшимъ его мужикомъ.

— Донесешь ли? — говорилъ мужикъ, помогая навьючивать ношу слабосильному солдатику. Я бы свезъ, да лошадь жалко... Ты подъ гору-то скатишься и не увидишь какъ, а мнѣ ужъ на гору-то подыматься опосли — спаси Богъ!.. Что говорить,—не даромъ Сапуномъ зовутъ!.. Лошадь тутъ разомъ загубишь... Ну, прощай!.. Такъ мотри, Васекъ, справься обо всемъ въ точности... Мотри, какъ бы у тебя и отецъ не загибъ, что дѣдъ... Нонѣ, братъ, ухо-то востро надо держать... Нонѣ, братъ, пошло дѣло-то не попрежнему... Ой, бѣдовое время!.. Нонѣ еще скорѣй влетишь!.. Такъ-то, Васекъ... Такъ ужъ ты разузнай... А то долго ли до грѣха!.. Ну, прощай!.. будь счастливъ!..

— Прощай, дядюшка Якимъ; благодарю, что не оставилъ...

— Ну-у!.. Чать, съ вашими-то отцами завсегда пріятельствовали... Тяжело, парень, тебѣ нести-то будетъ... Эхъ, помогъ бы, да что-то, братъ, животомъ слабъ сталъ... Али ужъ помочь?

— Нѣтъ, ничего, подъ гору какъ ни-то сволоку...

— А и то!.. Подъ гору — ничего... Такъ-то, Васекъ, помни... дѣда-то... какъ загибъ... черезъ это самое...

— Какъ не помнить!..

— Ну, то-то... Учись, мотри плотнѣе... Мало ли на дѣда-то казнился!..

Мужикъ еще долго что-то кричалъ солдатику насчетъ „науки“ и соболѣзновалъ о томъ, что сталъ „слабъ животомъ“, хотя тотъ уже давно потонулъ въ густой мглѣ сумерекъ.

Наконецъ, два послѣднихъ спутника, крестьяне, повидимому, отецъ и сынъ, хотя казались почти ровесники, толкались среди насъ, вслушиваясь, какъ прощались другіе, такъ какъ сами давно уже лаконично простились со своей бабой. — „Мотри, сѣна много не трави... Поѣзжай съ Богомъ!.. Пріѣдемъ, чтобы все въ порядкѣ... Мотри!..“

Когда мы спустились въ заросшее кустарникомъ дикое ущелье, по которому вилась рытвинистая дорога съ высоты Сапуна, сумерки сгустились совсѣмъ. На темномъ небѣ загорѣлись звѣзды, а Ока беззвучно плескалась внизу, такая же темная, таинственная, какъ и небо, отражая въ своей черной глубинѣ рѣдкіе огни съ рыболовныхъ лодокъ.

II.

Разговоры отъ скуки.

Когда мы сошли внизъ, къ рѣкѣ, было уже совсѣмъ темно. На баркѣ, съ крытою палубой для пассажировъ, такъ называемой конторкѣ, ожидали уже раньше насъ прибывшіе пассажиры, мирно сидѣвшіе и лежавшіе въ полномъ мракѣ. Слышались только всплески волнъ да громкія позѣвыванья. Приглядѣвшись къ тьмѣ, одни изъ насъ тоже пристроились на полу, вповалку на мѣшкахъ, другіе—на лавкахъ, и тоже молчали мирно. Только одинъ человѣкъ, повидимому, ужасно тяготился этимъ мирнымъ молчаніемъ: какой-то высокій, плечистый, здоровый, лѣтъ 35, въ короткомъ пиджакѣ, охотничьихъ сапогахъ и американскомъ кэпи, постоянно то подходилъ къ бортамъ барки и плевалъ усиленно въ Оку, то свисталъ, то опять бродилъ по палубѣ между лежавшими на полу, то всматривался, что-то мурлыча, въ даль рѣки, гдѣ мелькали рѣдкіе огоньки, да издалека слышался мѣрный шумъ колесъ тихо подвигавша-

гося буксирнаго парохода. Наконецъ, онъ вынулъ папироску, вздулъ спичку и, прежде чѣмъ закурить, освѣтилъ всѣхъ пассажировъ и внимательно осмотрѣлъ ихъ. По сердитому, широкому, скуластому лицу его было замѣтно, что онъ остался недоволенъ осмотромъ и, по осмотру, какъ бы въ отчаяніи подчинился общему молчанію. Впрочемъ, онъ помѣстился рядомъ со мной и не преминулъ тотчасъ же заявить о своей скукѣ.

— Чортъ знаетъ! до парохода еще два часа ждать... Экій темный этотъ народъ здѣсь... Мужикъ—одно слово!.. Хоть бы бабеночки, что ли... Вонъ одинъ есть благородный, да идолъ какой-то!.. Право, идолъ!.. Десять разъ заговаривалъ,—мычитъ да плюетъ... Идолъ!—сердито взглянулъ онъ въ сторону мрачнаго барина, угрюмо сидѣвшаго у борта и не обращавшаго вниманія на слова моего собесѣдника, хотя онъ говорилъ довольно громко и нагло.—Вы куда?—спросилъ онъ меня.

— Да такъ, по своимъ дѣламъ...

— Гм!—недовольно промычалъ онъ, замѣтивъ, повидимому, и съ моей стороны нежеланіе откровенничать съ нимъ. Но въ это время среди лежавшихъ мужиковъ послышался шопотъ и учащенные вздохи, но ни разговоровъ мужиковъ не было слышно, ни самихъ ихъ не было видно. Однако, здоровякъ въ охотничьихъ сапогахъ насторожилъ уши, какъ чуткій песъ. Мужики продолжали шептаться и вздыхать.

— О чемъ вздыхаете? — громко спросилъ здоровякъ.

Мужики смолкли.

— О чемъ вздыхаете, говорю?.. Это кто вздыхаетъ?..

— А что?.. Мы это,—откликнулся мужикъ.

— Ты!.. Чего жъ подъ бороду себѣ шепчешь?.. Говорили бы вслухъ... Другимъ бы удовольствіе сдѣлали... Вѣдь, тоска!..

Кто-то засмѣялся.

— Терпѣть не могу, ей-Богу!—уже совсѣмъ сердито крикнулъ любитель разговоровъ. — Время, что ли, такое подлое: куда не сунешь уши—вездѣ молчатъ, либо подъ носъ шепчутся...

— Да, это вѣрно-съ, — замѣтилъ, кажется, приказчикъ: — нонѣ и по вѣдомостямъ видать, сколь много на судахъ разныхъ этихъ „хищеніевъ“ подъ свѣтъ справедливости подводятъ... Есть такія дѣлишки, что пятнадцать лѣтъ обдѣлывались... А, вѣдь, это, конечно, все тайкомъ, въ тайную политику велось... Конечно, что вся эта публика болѣе пріучена въ бородахъ свои мысли и намѣренія скрывать...

— Подлецы — больше ничего! — рѣшительно заявилъ бравурный господинъ. — Что же, вы скажете, наконецъ, о чемъ шепчетесь?—сурово прикрикнулъ онъ на мужиковъ.

Но мужики, видимо, совсѣмъ оробѣли и уже боялись пошелохнуться.

— Ослы!.. Пѣхтурой бы вамъ лапти трепать... А то тоже—„публика“!.. Кондукторъ тамъ какой-нибудь еще „вы“ завернетъ ему въ посконную-то бороду... А онъ порядочной рѣчи придумать не можетъ. Нѣтъ, у насъ еще равенства эти тамъ разныя за горами... Это не за границей!.. Ну, вы разскажите что-нибудь!..—обратился онъ неожиданно въ тьму противоположнаго угла конторки, гдѣ, предполагалось, сидѣлъ приказчикъ.

— Да нѣтъ-съ... у меня на энто языка нѣтъ... — отозвался приказчикъ. — Для этого языкъ нуженъ особаго дарованія. Вотъ слыхалъ я въ Москвѣ жидовъ представляютъ... Это вотъ точно—языкъ съ дарованіемъ, есть чего послушать!

— Нѣтъ, ничего; я и у васъ замѣчаю слогъ, — поощрялъ его бравый господинъ. — Пожалуйста, не стѣсняйтесь... Намъ всѣмъ будетъ очень пріятно... Вы человѣкъ съ образованіемъ, какъ видно... Почитываете „Московскій листокъ“?..

— Почитываю.

— Это сразу замѣтно... Пожалуйста!..

И бравый господинъ, очень довольный, опять закурилъ папиросу, приготовляясь слушать. Повидимому, приказчикъ не рѣшался и слышно было, какъ онъ о чемъ-то сначала пошептался съ женой и только уже поощренный, должно быть, ея словами: „смотри, не новри что зря... нонѣ время-то какое!“ — началъ издалека.

— Вотъ, вы говорите насчетъ политики,—началъ приказчикъ:—Я вамъ скажу, столько ея теперь вездѣ развелось, что тихому и благонравному человѣку, можно сказать, укрыться некуда... Въ городѣ на этотъ счетъ даже спокойнѣе!.. А въ деревнѣ житья не стало... И политики все развелись, позвольте вамъ сказать, разныхъ видовъ: и въ особицу, и скопомъ: есть политики сокровенные, есть и откровенные...

— А-а! Это такъ... Ну, вамъ которые больше нравятся?—спросилъ его бравый

господинъ, кажется, больше для поощренія.

— Трудно отдать кому-нибудь преферансъ... Да это какъ для кого!.. Вотъ позвольте вамъ для начала... Вотъ въ самой этой деревнѣ мой дяденька, вполнѣ сказать, отъ политики энтой мужицкой до сихъ поръ въ человѣческія чувства притти не можетъ... Да-съ... Потому, позвольте вамъ разъяснить, какъ же иначе, коли ежели онъ, т.-е. дяденька этотъ самый, еще съ господскаго времени неусыпно здѣсь рыбную ловлю на откупъ бралъ и перевозъ и подводы держалъ... Просто даже, можно такъ выразиться, у него помышленія не бывало-съ, чтобы противъ него свой же братъ — мужикъ — какую-нибудь политику повелъ... Да и какая такая у мужика политика!.. Мужикъ—человѣкъ необразованный, вѣдомостей энтихъ и во снѣ не видывалъ,— и вдругъ-съ, эдакъ года три тому, сталъ дяденька замѣчать, что не повелась ли гдѣ эта самая политика... И съ урядникомъ совѣщался, и съ виноторговцемъ (онъ намъ тоже въ родствѣ): видятъ— политика неоткровенная проявилась, а гдѣ, откуда, изъ какихъ земель—открыть не могутъ. И точно: вели эти мужичишки сначала политику сокровенную: то неводъ испортятъ, то лодку невѣдомо кто угонитъ... Все въ эдакомъ родѣ!.. Да это бы ничего-съ, а вы то подумайте, каково дяденькѣ моему было огорченіе! Двадцать пять лѣтъ человѣкъ прожилъ въ спокоѣ, какъ муха въ патокѣ, ѣлъ, спалъ сладко, только Бога боялся одного! Ну, молъ, такъ прямо въ царство небесное, никуда изъ своей деревни не выѣзжая, такъ прямо и угодитъ... И житье было точно: народъ былъ смирный, миролюбный; пахалъ себѣ землю, ни за чѣмъ не гнался, по сторонамъ не живалъ, и дяденькой не то что былъ доволенъ, а можно сказать, за отца почиталъ... И какъ, значитъ, при господахъ еще дяденька платилъ за всю рѣчную угоду три ведра водки, такъ полагалъ и до свѣтопреставленія будетъ...

— А вы такъ и полагаете, что за господами первое мѣсто вамъ и приготовлено... Это за какія же заслуги, позвольте спросить?—внезапно прервалъ бравурный господинъ.

— За какія?.. — засмѣялся приказчикъ.—Я такъ думаю, что нынче вездѣ одинаково, все подъ одну линію подведено: родился въ сорочкѣ—вотъ и весь сказъ!

— Такъ за это? Ну, хорошо-съ, продолжайте... Ловки и вы!..

— Вотъ-съ, долго ли, коротко ли, эта сокровенная политика продолжалась, только дяденька мой тоже крѣпокъ: кряхтитъ про себя, а виду не подаетъ... Стали съ нимъ мужики на сходахъ заговаривать,—въ томъ родѣ, что не маловато ли будетъ по нонѣшнему времени три-то ведра и нельзя ли еще накинуть...— „Что жъ, говоритъ, дяденька-то, пожалуй, я ведерцо набавлю... Съ чего намъ ссориться?“—„Съ чего намъ ссориться!“ говорятъ и мужики,—„это точно; коли ты къ намъ доберъ, и мы къ тебѣ: живи...“ Видятъ мужики, никакъ дяденьку по настоящему доѣхать не могутъ... Потому, прежде-то народъ былъ очень глупый: не на лошадь хомутъ надѣвалъ, а лошадь въ хомутъ тащилъ... Ну-съ, опять дяденька съ мужиками живутъ въ мірѣ. Смотрятъ мужики, сколь много дяденька рыбки ловитъ, сколь много на перевозахъ да подводахъ выручаетъ, и молчатъ... Чуется имъ какъ будто что-то не такъ: за что, про что человѣкъ у ихняго рта сидитъ да ихнюю кашу ѣстъ... Подумаютъ, подумаютъ, да махнутъ рукой и скажутъ: „Ну, что жъ!.. Пускай питается... На томъ свѣтѣ самъ отвѣтитъ за чужое добро!.. Опомнится тогда, какъ хайло-то растопленной мѣдью заливать начнутъ!.. Богъ съ нимъ!..“ А дяденька въ то жъ время такъ разсуждаетъ: „За что жъ меня на томъ свѣтѣ казнить будутъ, ежели само добро ко мнѣ въ ротъ ползетъ?..“ Такъ вотъ-съ какая политика-то прежде была-съ... Ха-ха-ха!.. Что называется „по душѣ“ жили... Да-съ, говорю, дяденька конца не чаялъ такому благополучію: онъ рыбку ловитъ, а мужички смотрятъ; дяденька все толстѣетъ, да краснѣетъ годъ отъ году, а мужички все темнѣютъ, да худѣютъ... „Ну,—говорятъ,—воздастся ему на томъ свѣтѣ!“ А дяденька опять думаетъ: „За что же меня на томъ свѣтѣ казнить будутъ, коли я не виноватъ!“ Жили они такъ, жили, да зато-съ, послѣ такой политики-то,— вдругъ дяденьку-то и высадили, съ корнемъ-съ!.. Такъ чисто высадили, что у самихъ мужиковъ звѣзды изъ глазъ посыпались отъ изумленія!.. Вотъ оно что значитъ политика-то *сокровенная!* Въ родѣ какъ бы вотъ теперь въ банкахъ... Все идетъ мирно, ходко, весело: одни вклады даютъ, другіе принимаютъ, проценты да дивиденды высчитываютъ, балансы сво-

дятъ, отъ милліоновъ конторскія книги ломятся, и вдругъ—крахъ! Нѣтъ тебѣ ни балансовъ, ни милліоновъ, ни вкладчиковъ, ни закладчиковъ, только мокренько останется... Ха-ха-ха!.. — хохоталъ приказчикъ.

— Ха-ха-ха!..—хохотала публика, все больше и больше начинавшая входить во вкусъ бесѣды...

— Продолжайте, продолжайте... Хорошо!—говорилъ, потирая отъ удовольствія руки, бравый господинъ. — Слава Богу, начинаемъ оживляться!.. Ну-съ, что же дальше?..

— Дальше, говорю, высадили начисто дяденьку изъ деревни, такъ съ корнемъ и вырвали!.. И, вѣдь, не изъ чего! Хоть бы что тебѣ! Говорилъ мнѣ послѣ дяденька-то: живемъ тихо, мирно, урядникъ самъ это у меня безпрестанно чай да наливки пьетъ... Одно слово—рай!.. Живемъ какъ есть по-христіански: въ церковь Божію ходимъ, обиды другъ другу прощаемъ, въ свѣтлое воскресеніе христосуемся... Все какъ быть, по Божью... И изъ чего, позвольте вамъ доложить, все вышло? Изъ одного то-есть, какое можетъ быть, малаго слова! Прохожій человѣкъ посмѣялся; послушалъ онъ мужиковъ, послушалъ, да и говоритъ: „Ну, говоритъ, много я дураковъ видалъ, а такихъ дураковъ, какъ вы, еще не встрѣчалъ... Какъ это, братцы,—цѣлый васъ тутъ міръ, а одного человѣка не сможете вы утѣснить?“ Такъ послѣ этого слова всѣхъ мужиковъ-то ровно осѣнило, братцы мои!.. И до того осѣнило, что ровно вся душа въ нихъ перевернулась. Куда миръ и спокойствіе дѣвались, куда прилежанье да послушанье, любовь и согласъ,—все какъ рукой сняло!.. Освирѣпѣли, ровно всѣ белены хватили!.. Никакого сладу! Такъ дяденьку-то начисто выдернули, что и землю-то изъ-подъ него отняли да и избу-то заставили снести... Что! Говорю—просто какъ изъ разбойнаго гнѣзда пришлось бѣжать...

— Ну и что жъ послѣ того мужики-то?—спросили изъ публики.

— Мужики-то? А вотъ съ того самаго момента, какъ дяденьку-то высадили, да его-то яду напюхались, съ тѣхъ поръ въ прежній-то образъ и притти ужъ не могутъ... Есть разбойники, ну, а такихъ на свѣтѣ мало!.. Да, вѣдь, сами посудите: бывало дяденька-то одинъ около аренды-то себя нагуливалъ, а теперь они скопомъ свою-то жадность стали удовлетворять... Несчастный тотъ человѣкъ, кому теперь на этой пристани слѣзать придется... Публика-то просто плачемъ плачетъ, какъ подводу нанимать: что хотятъ, то и берутъ! Никакого закону!.. И никто не посмѣетъ на грошъ взять дешевле... Потому у нихъ—мірской заказъ... Ежели кто эдакъ смѣлость изъ нихъ возьметъ,—пассажира на пятачокъ пожалѣетъ, разорятъ: и сбрую пропьютъ, и лошадь, и избу!.. Чуть мало распутица,—по десяти рублей за пять верстъ берутъ!.. И дашь! Да еще на гору-то самъ вползи... „Мы, говорятъ, лошадокъ жалѣемъ!..“ Такъ вотъ до чего дошли-съ! Говорю вамъ: бывали разбойники въ Россіи, а такихъ было мало... А о прежнемъ благочестіи,—такъ даже старики и тѣ забыли!.. Вотъ оно что значитъ съ моимъ дяденькой-то воевать! — заключилъ приказчикъ.

— Съ твоимъ дяденькой все равно, что съ клопомъ воевать-то: самъ этимъ духомъ на всю жизнь пропахнешь! — замѣтилъ кто-то изъ публики, и полумракъ конторки огласился дружнымъ хохотомъ.

III.

Дѣдушка.

Разсказъ приказчика о войнѣ его дяденьки съ мужиками, явившейся результатомъ современной деревенской сокровенной и откровенной политики, не только сопровождался дружнымъ хохотомъ всѣхъ пассажировъ, но вызвалъ въ скучавшей до того публикѣ такое оживленіе, что разнообразные разсказы о деревенской политикѣ полились рѣкой, словно плотину прорвало! Неожиданно оказалось, что у насъ не мало есть артистовъ, обладающихъ „языкомъ съ дарованіемъ“, въ особенности когда дѣло коснулось мужика... Да и понятно, какой благодарный матеріалъ представлялъ собою этотъ сермяжный лапотникъ, до сего мирно трудившійся въ потѣ лица въ своихъ медвѣжьихъ углахъ и вдругъ призванный современнымъ историческимъ моментомъ къ занятію „политикой!..“

Если такъ забавно для улицы смотрѣть, какъ неповоротливый Михайло Ивановичъ Топтыгинъ вытанцовываетъ польку или показываетъ, какъ дѣвки горохъ воровали,—то, конечно, ужe не менѣе забавенъ для этой улицы „господинъ хрестьянинъ“,

съ кольцомъ въ губѣ вынужденный политиканствовать.

Оживленіе нашей публики, а вмѣстѣ съ нею и бравурнаго господина въ американскомъ кэпи, большого любителя разговаривать, наконецъ, дошло до того, что бравурный господинъ сталъ разсказывать самъ о мужикахъ уже совсѣмъ неправдоподобныя вещи, и въ заключеніе началъ угощать водкой всѣхъ разсказчиковъ.

Такое поощреніе, вѣроятно, вызвало бы еще болѣе игривое настроеніе ихъ фантазіи, какъ неожиданно случилось странное обстоятельство...

Давно уже я замѣчалъ, что сидѣвшій рядомъ со мною и все время упорно молчавшій солдатикъ приходилъ въ сильно-возбужденное состояніе каждый разъ, когда дружный хохотъ публики поощрялъ разсказчиковъ: онъ какъ-то начиналъ двигаться всѣми членами, стучалъ ногами, подымался, опять садился, взглядывалъ растеряннымъ взглядомъ на меня, но тѣмъ не менѣе продолжалъ упорно молчать. Но вотъ, подкрѣпившись водкой, господинъ въ американскомъ кэпи, поставивъ фертомъ руки, сказалъ: „ну-съ, а теперь я вамъ разскажу такую штучку-съ...“ И онъ, поцѣловавъ концы пальцевъ, захохоталъ такъ смачно, что вся публика разразилась хохотомъ только отъ одного предвкушенія того удовольствія, которое долженъ былъ доставить его разсказъ.

Предполагалъ ли солдатикъ, что обѣщанная „штучка“ будетъ новымъ повтореніемъ уже не разъ разсказанныхъ невѣроятныхъ любовныхъ похожденій въ деревняхъ господина въ американскомъ кэпи, или же онъ не стерпѣлъ больше новаго взрыва поощрительнаго хохота скучавшей публики, только онъ вдругъ порывисто поднялся и какимъ-то истерически-визгливымъ голосомъ выкрикнулъ:

— Что вы, Бога-то помнили когда-нибудь? Что вы надъ христіанской-то душой издѣваетесь?.. Чего вы надъ нуждой-то да слезами людскими охальничаете?.. Чего вамъ любо?.. Эхъ, озорники!..

Въ это время конторщикъ зажегъ въ конторѣ сальный огарокъ, и всѣ мы могли видѣть худое, маленькое лицо солдатика, сильно взволнованное, съ возбужденно бѣгавшими сѣрыми глазами.

Выкрикнувъ все это, солдатикъ вдругъ опять сѣлъ рядомъ со мной. Онъ былъ какъ будто испуганъ такимъ неожиданнымъ порывомъ собственной храбрости; я видѣлъ, какъ онъ дрожалъ самъ, какъ дрожали его руки и губы.

Заявленіе солдатика было такъ неожиданно, что веселая компанія въ первую минуту не нашлась, что отвѣтить, и нѣсколько времени надъ конторкой царила тишина, кажется, еще болѣе смутившая самого солдатика. Только какой-то старичокъ, въ лаптяхъ и съ котомкой за плечами, поднялся съ полу и, вздохнувъ, громко проговорилъ:

— О, Господи, Господи!.. Чего захотѣлъ? Отъ людей—стыда!.. Эхъ ты, голубь!

И старичокъ, кряхтя, присѣлъ рядомъ съ солдатикомъ.

Вѣроятно, развеселившаяся компанія скоро оправилась бы отъ смущенія и сдѣлала бы солдатика мишенью своего остроумія, но какъ разъ въ это время вдали загудѣлъ пароходъ,—всѣ повскакали съ мѣстъ, начался общій говоръ и шумъ; половина бросилась къ бортамъ, и только иногда слышались восклицанія: „вотъ такъ солдатъ!.. Вотъ такъ отчехвостилъ проходимцевъ-то!.. Нонче, братъ, солдатики-то вольно держатъ себя!.. Молодчина!.. Давно бы имъ, охальникамъ, посконной тряпицей надо ротъ-то заткнуть!..“

Господинъ въ американскомъ кэпи, можетъ быть, подъ давленіемъ столь нелестныхъ отзывовъ, — раньше другихъ схватилъ свой сакъ-вояжъ и соскочилъ съ конторки на пароходъ, едва тотъ успѣлъ бросить сходни.

Влажная, пахучая лѣтняя ночь была такъ тепла и нѣжна; Ока такъ тихо и плавно катила свои мелкія, темныя волны; съ береговыхъ поймъ наносило такимъ здоровымъ ароматомъ только что скошеннаго свѣжаго сѣна, что не являлось ни малѣйшаго желанія залѣзать въ душныя каюты. Я предпочелъ ѣхать на палубѣ и помѣстился опять рядомъ съ оригинальнымъ солдатикомъ. Пока усаживалась палубная публика, я перекинулся съ нимъ обычными вопросами: кто онъ, откуда? куда ѣдетъ? и т. п. Онъ отвѣчалъ мнѣ, но вяло, неохотно, и все, какъ-то урывками, вглядывался недовѣрчиво въ меня...

Мы замолчали. Но вотъ, наконецъ, всѣ палубные пассажиры усѣлись, толкотня на пароходѣ прекратилась, опять зычно загудѣлъ свистокъ, и пароходъ началъ медленно отходить отъ конторки. Мало-по малу ночная тишина, царившая надъ окрестностью, объяла и нашъ пароходъ, казалось, своими чарами. Почти всѣ па-

лубные пассажиры улеглись; улеглась и пароходная прислуга, и только дѣятельно работалъ рулевой съ лоцманомъ, да мѣрно кипятили воду колеса. Я замѣтилъ, что мой солдатикъ пристально и упорно все смотрѣлъ по направленію къ пристани, отъ которой мы только что отъѣхали. Вдали, въ темнотѣ, мерцали только огни сторожевыхъ теплинъ, да чернѣли темные силуэты высокаго праваго берега. А солдатикъ все смотрѣлъ въ ту сторону. Наконецъ, онъ вздохнулъ, снялъ свою фуражку, перекрестился, плотно закутался въ свою шинельку и сталъ смотрѣть въ противоположную сторону, какъ будто онъ съ чѣмъ-то уже окончательно простился. Но... онъ не легъ.

— Вы, должно быть, много видѣли горя въ жизни, много испытали,—сказалъ я.— Вамъ не нравится, когда люди видятъ только смѣшное въ жизни?—спросилъ я его, вспоминая тѣ рѣчи, которыя говорилъ ему еще на пристани сопровождавшій его мужикъ съ большимъ животомъ и все совѣтывавшій ему о чемъ-то хорошенько „усправиться", что-то разузнать, чему-то научиться.

— Не ндравится,—отвѣчалъ солдатикъ, особенно напирая на *д* и тѣмъ, можетъ быть, неумышленно давая мнѣ понять, что онъ не совсѣмъ изъ простыхъ людей, а человѣкъ книжный. Конечно, что необидно, ежели такія рѣчи допускаетъ въ себѣ человѣкъ грубый, простого происхожденія,— продолжалъ онъ, — ну, а ежели допущаетъ такое поведеніе въ себѣ господинъ образованный, то даже оченно за него обидно.

— Да гдѣ же тутъ образованные люди были? Вѣдь, не всякій же, кто сюртукъ надѣлъ, тотъ и образованный...

— Это конешно такъ... Только для простого человѣка это сокрыто... Онъ видитъ господина по костюму... А ты ужъ ежели и необразованный да костюмъ надѣлъ,— не должонъ своего мундера пачкать!.. Я такъ полагаю... Слѣдственно ты этого мундера не достоинъ и долженъ быть его лишенъ... Я такъ полагаю... У насъ, по воинскому званію, сейчасъ могутъ даже въ большомъ чинѣ разжаловать человѣка, ежели онъ своему мундеру безчестье приноситъ... — Разговорившійся солдатикъ, очевидно, былъ по натурѣ человѣкъ словоохотливый. Его маленькое лицо оживилось, сѣрые глазки — умные и живые — сверкали добродушной искренностью.

— Это такъ, — отвѣчалъ я;—но я не знаю, какимъ образомъ можно недостойнаго человѣка, не изъ военныхъ, а изъ статскихъ, лишить его костюма или званія? Мнѣ кажется, это невозможно.

— Почему такъ-съ? Можно-съ, и даже оченно возможно и должно!—быстро возразилъ солдатикъ, уставившись на меня сверкающими глазками.

— Какъ же такъ?

— Да оченно просто-съ: обличить его поведеніе — и предо всѣми—вотъ и все! Неблагородство его обличить-съ. Мы, конешно, люди маленькіе, намъ это невсегда можно, а вотъ вы... И вашъ мундеръ отъ энтаго самаго страдаетъ... Такъ ли-съ, извините?

Признаться сказать, заявленіе солдатика было такъ наивно-непосредственно и неожиданно, что я смутился и не зналъ, что ему сказать.

— Это даже вполнѣ такъ-съ,—подтвердилъ онъ вмѣсто меня,—этого допущать нельзя... Такъ я думаю; не знаю, какъ вы...

И солдатикъ опять недовѣрчиво взглянулъ на меня, отвернулся и замолчалъ.

На востокѣ начинала чуть брезжить утренняя заря. Сквозь сумракъ ночи все яснѣе и яснѣе начиналъ пробиваться тотъ блѣдный, сѣроватый предутренній свѣтъ, который придаетъ всѣмъ окружающимъ предметамъ какія-то фантастическія очертанія... При этомъ свѣтѣ я начиналъ все яснѣе различать лицо своего спутника, которое раньше я могъ разсмотрѣть только мимоходомъ. Маленькое, худое лицо солдатика, дѣтски моложавое (солдатику на видъ было не больше 23 лѣтъ), почти безволосое, такъ какъ вмѣсто усовъ пробивался только легкій бѣлый пухъ, казалось мнѣ пестро-блѣднымъ, вытянутымъ, съ застывшимъ на немъ выраженіемъ вдумчивой скорби. Сѣрые глаза солдатика, вполоборота отъ меня, смотрѣли упорно въ предразсвѣтную даль, почти не мигая, до того упорно, что, казалось, въ нихъ сверкали слезы.

— Надъ простымъ человѣкомъ смѣяться можно,—вдругъ заговорилъ мой солдатикъ, какъ будто продолжая начатый имъ съ кѣмъ-то въ душѣ разговоръ и не измѣняя ни однимъ движеніемъ своей позы. — Отчего надъ простымъ человѣкомъ не смѣяться?.. И гоготать можно, и издѣваться... Потому что въ простомъ человѣкѣ и глупости много, и смѣшного, и необразованности, и грубости... Простой же человѣкъ весьма часто и полуумству-

етъ... Отчего не смѣяться!.. Для смѣха тутъ линія большая...

— Вы, должно быть, любите свою родину?—спросилъ я, припоминая, какъ онъ долго не могъ оторвать своихъ глазъ отъ родного берега.

— Какъ не любить? кого же намъ и любить?.. Простому человѣку любить кого же больше,—сказалъ онъ тихимъ, унылымъ тономъ.

— Вы женаты, дѣти есть?

— Нѣтъ, я еще этимъ не обвязался... Почему что воздерживаюсь до поры времени... Что и за жена, коли съ ней въ разлукѣ жить... Только лишнихъ грѣховъ копить,—улыбнулся солдатикъ.

— Кто же у васъ дома? Отецъ, мать?..

— Всѣхъ довольно: и отецъ, и мать, брательники, сестры... Малаго народу и безъ того довольно!

— А дѣдъ померъ ужъ?—спросилъ я, опять, припоминая слова провожавшаго его мужичка, который особенно настойчиво ставилъ на видъ солдатику не забывать почему-то дѣда, за что-то „сгибшаго“ въ жизни.

— Нѣтъ, не померъ... живъ еще,—задумчиво отвѣчалъ солдатикъ;—да хоть бы и не жилъ—все одно... Какая ужъ эта жизнь!..

— Отчего же такъ?

— А вотъ отъ того самаго, отъ чего нонѣ господа-публика столько смѣху положили...

— Отъ политики?

— Да, отъ этой самой отъ политики... отъ смѣшной-то... дѣдушка ослѣпъ... черезъ слезы... Нѣтъ, тутъ смѣшного мало,—прибавилъ солдатикъ задумчиво:—тутъ скорбь, Божье наказанье... Страшно подумать объ этомъ близкому человѣку, не то что надсмѣхаться... Ежели тутъ надсмѣхаться,—все равно что вотъ притти на могилку къ матушкѣ родной, да и начать ржать по-жеребячьи...

Солдатикъ замолчалъ. Но я его не прерывалъ, такъ какъ было замѣтно, что ему самому хотѣлось о чемъ-то разсказать мнѣ, освободить душу отъ чего-то, что глубоко его волновало. Мнѣ казалось, что объ этомъ хотѣлъ онъ не разъ высказать въ глаза „гоготавшей публикѣ“ еще на пристани, но ограничился, отъ негодованія, только однимъ истерически-страннымъ заявленіемъ протеста.

Дѣйствительно, Васекъ, какъ называлъ его провожавшій мужичокъ, помолчавъ, началъ разсказывать самъ.

— Когда намъ всемилостивѣйшій манифестъ объ волѣ объявлялся, я еще въ люлькѣ былъ... Вонъ какой былъ махонькій!.. совсѣмъ ничего не понималъ и ничего не помню... А когда я сталъ понимать и помнить (можетъ, году по шестому), такъ только прежде всего матушку да дѣдушку и запомнилъ... ни отца, ни братьевъ, ни дядьевъ, ни тетокъ—какіе они были тогда—не помню... Мнѣ все думалось, что всѣ они такіе же маленькіе предъ дѣдкой были, какъ и я... Право!.. Потому ужъ больно дѣдка мнѣ великъ представлялся; я такъ думалъ, что онъ изъ всѣхъ мужиковъ былъ больше!.. Былъ онъ и на самомъ дѣлѣ тогда высокій да кряжистый (теперь онъ ужъ давно отощалъ да дугой свелся), съ широкой бородищей... И знаю я, что всѣ его боялись и ослушаться никто не смѣлъ, ни въ семьѣ, ни въ деревнѣ; въ большомъ онъ былъ ото всѣхъ уваженіи... Онъ свой голосъ не то что по нашей деревнѣ, по всей волости задавалъ!..

И не то что онъ въ начальствѣ былъ. или богатъ, а такъ—по уму... Мужикъ былъ справедливый, черезвый, воздержный и на слово, и на всякое поведеніе, Бога помнилъ—только и всего!.. А народу всякаго отъ него отбою не было: все за совѣтомъ шли... Это вотъ я и самъ помню: бывало, это мужики придутъ его въ старосты или старшины выбирать, а онъ посмѣивается: „чего, говоритъ, я въ этихъ чинахъ не видалъ?.. Меня и безъ чиновъ почитаютъ... Можетъ, говоритъ, какъ за чинами-то погонюсь, такъ хуже никто почитать не станетъ!..“ Такъ и не ходилъ ни въ какомъ начальствѣ. и уговорить нельзя было: мужикъ былъ характерный, норавный... Ну, да то было время одно, а пришло другое... Можетъ, вамъ невесело, что я разсказываю?..—вдругъ спросилъ меня Васекъ,—а то скажите прямо...

— Почему же вы такъ думаете? Напротивъ, я очень интересуюсь...

— Да можетъ незанятно, несмѣшно... У насъ господа публика больше смѣхомъ развлекать себя любитъ да при чайкѣ или при водочкѣ...

— Зачѣмъ же вы меня обижаете,—замѣтилъ я ему.—Сами вы говорили, что нельзя человѣка по одному костюму судить, а между тѣмъ мнѣ не довѣряете.

Васекъ потупился и ничего не отвѣтилъ; очевидно, все онъ боялся быть со мной слишкомъ откровеннымъ.

— Ну, какъ хотите, пожалуй, я разскажу про дѣдку... Только смѣшного не будетъ... Нѣтъ!..—началъ онъ опять.— Такъ вотъ, говорю, какимъ еще я запомнилъ дѣдку: всей волости былъ голова! Конешно, какое же у меня было тогда понятіе!.. А въ то время зачиналось у насъ дѣло большое: къ дѣдушкѣ, что ни день, деревня за деревней поголовно ходятъ, все на совѣтъ... Нашихъ три деревни за однимъ господиномъ считались. А говорили, что старый баринъ былъ у насъ крутой, и немало, слышно, моему дѣдкѣ отъ него доводилось... Бывало и самъ дѣдка посадитъ меня на колѣни, по головѣ гладитъ, а самъ разсказываетъ мнѣ про все... „Молись, скажетъ, Васекъ, крѣпче, да будь умнѣе— въ проруху не попадись: теперь ужъ, Богъ дастъ, тебѣ столько не испытать, что намъ!..“ Всѣ у насъ въ одинъ голосъ говорили, что и не чаяли всемилостивѣйшаго манифеста дождаться!.. А тутъ ужъ какъ-то разомъ полоса вышла: и манифестъ пришелъ, и старый баринъ умеръ, молодой пріѣхалъ... Никто у насъ его не знаетъ (за границей, вишь, онъ проживалъ все), только всѣ диву давались: что это за баринъ явился, совсѣмъ новый, какъ будто такихъ и не видывали раньше. Говорили, мужиковъ это къ себѣ зазываетъ, съ собой чай пить приглашаетъ, говоритъ мягко, ласково... Нашъ простой человѣкъ только глазами на него отъ удивленія хлопаетъ!.. Пришли, говорятъ, мужички къ дѣдкѣ: „разсуди, говоритъ, Савва Саввичъ, ты человѣкъ вдумчивый: что это за баринъ?“ Ну, говорятъ, дѣдка пошелъ посмотрѣть на барина. Долго онъ на него смотрѣлъ... Вернулся къ мужикамъ, задумался, головой покрутилъ и говоритъ: — „эй, братики, вѣрьте не вѣрьте, а жалѣючи васъ говорю: поберегайтесь... Ой, поберегайтесь!.. Было, говоритъ, одно барское поведенье, а теперь, говоритъ, другое пошло... нѣмецкое!.. Ужъ вѣрьте мнѣ: моимъ ли бокамъ ихъ поведенье не знать!..“ Ну, дѣдушкино слово—законъ. Перестали мужики и близко мимо барскаго дома ходить, чтобы, видите, полагали, какъ бы нехотя въ соблазнъ не вдаться... А барину мой дѣдка пуще всѣхъ приглянулся: каждый день зоветъ его къ себѣ, все лакеевъ подсылаетъ... А дѣдка все отговаривается: то работой, то недосугомъ... Глядимъ,—самъ баринъ къ намъ пріѣхалъ... Дѣдка посмѣивается себѣ потихоньку въ бороду, да намъ подмигиваетъ, чтобы, значитъ, увѣдомленье намъ сдѣлать — какъ бы не проговориться, а быть всячески насторожѣ... Видимъ,— баринъ добрый, обходительный, ласковый, а все дѣдкѣ въ глаза смотримъ, да его знаки къ сердцу принимаемъ... Походилъ, походилъ баринъ да такъ и оставилъ: не можетъ, значитъ, къ себѣ его привлечь. Пришло время землей насъ надѣлять, размежовка началась... Слышимъ, идутъ слухи, будто баринъ всю землю намъ отдаетъ,—не только что ту, которую мы пахали, и всю свою. Отдаетъ за малое совсѣмъ дѣло... Мужички опять къ дѣдкѣ... Пуще того дѣдка головой крутитъ; потомъ это снялъ предъ міромъ шляпу, перекрестился и говоритъ: „братцы! вѣрили вы моему слову прежде, — повѣрьте и теперь... Не для ради себя говорю, для ради малыхъ птенцовъ: остерегайтесь жадности!.. Ой, погубите себя и птенцовъ своихъ, коли прельститесь!.. Стойте на одномъ: будемъ живы да не жадны,—матушка-землица и такъ въ свой часъ отъ мужичка не уйдетъ!..“ Тутъ его въ этомъ разсужденіи, слышь, и другіе старички поддержали... Да такимъ-то манеромъ весь міръ въ одинъ голосъ отъ даровой земли отрекся... Услыхалъ баринъ — самъ пріѣхалъ уговаривать, и начальство привозилъ, и землемѣровъ, и посредственника: все разъясняютъ законныя основанія, и такъ мужичкамъ расчитываютъ, и эдакъ!.. Нѣтъ, крѣпко мужички дѣдкино слово помнятъ... Посмѣялись господа, да съ этимъ и уѣхали. Пождалъ баринъ, годъ и другой ждалъ, думалъ: одумаются—нѣтъ!.. Мой дѣдка только пуще въ нравъ входитъ!..—„Крѣпись, братцы, говоритъ, отъ жадности!..“ Такъ до того, слышно, дошло, что молодой баринъ совсѣмъ въ тоску впалъ, — да всю землю и продалъ за ничто нашему же кабатчику, который измѣнщикомъ всему міру оказался... Продалъ да уѣхалъ отъ насъ совсѣмъ... Съ тѣхъ поръ у насъ его больше и не видали... Огорчился!

— Да, какова она жизнь-то, ежели ее въ размышленіе взять... Не разъ у меня, какъ начну объ ней размышлять, голова кругомъ ходила,—заключилъ Васекъ. — Вы вотъ, чай, всему изъ книгъ научились, для васъ обо всемъ этомъ прохожденіи жизни другіе думали да прописали: вамъ легко это все понимать... А вотъ простому ежели человѣку очень трудно до всего дойти!..

— А вы много думаете о жизни?..

— Какъ о ней не думать?.. Не знаю, можетъ уродился я такой... Другой разъ ночами не спишь. Все у тебя въ головѣ-то, да на сердцѣ такъ и свербитъ, такъ и вертитъ сверломъ... А чтобы съ кѣмъ поговорить, свои мысли раздѣлить, указаніе получить—такого народу рѣдко видать... Все въ себѣ и держишь одномъ: тамъ, втайнѣ, и мелетъ у тебя на душѣ-то, что мельница... На книжку надлежащую тоже рѣдко нападешь... А ужъ вонъ свѣтаетъ!.. Такъ досказать вамъ объ дѣдушкѣ-то? Я доскажу...

И Васекъ, опять помолчавъ, сталъ продолжать.

— Такъ вотъ какимъ я дѣдушку-то еще запомнилъ! Всѣмъ былъ голова! Ну, а тутъ меня увезли, — дядя на мельницу къ себѣ взялъ, въ другой уѣздъ. Черезъ пять лѣтъ ужъ я вернулся... А когда вернулся,—у насъ въ семьѣ много перемѣнилось: дядья, которые поженились, передѣлились, тетки замужъ повышли; у отца нашего брата еще вдвое того народилось... Гляжу,—бѣднѣе да нуднѣе стало и у насъ, и у сосѣдей: избы всѣ почернѣли да состарились, а новой стройки совсѣмъ не видать... Да и народъ пристарѣлъ,—какая-то тишина да грусть стала на улицѣ: молодые-то кто на фабрики ушелъ, кто въ солдаты, а старики ходятъ, ровно тѣни, совсѣмъ въ воду опущенные... Глянулъ я на дѣдку, а ужъ въ немъ признаку того нѣтъ, что прежде!.. Куда что дѣлось! Сталъ онъ сухой-на-сухой, да длинный, скрючило его совсѣмъ... Сидитъ въ уголку около печки, такой тихій да робкій, лицо такое мягкое да доброе... голосъ сталъ слабый да ласковый: „Какъ живешь, дѣдка?“ спросилъ я... А онъ улыбнулся мнѣ сквозь слезы, притянулъ эдакъ къ себѣ руками, обнялъ мнѣ голову-то, да и заплакалъ. „Васекъ ты мой, Васекъ, говоритъ, нудно тебѣ здѣсь будетъ... Не приглянется...“ Сталъ я примѣчательнѣе ко всему (мнѣ ужъ годовъ двѣнадцать было тогда); вижу — точно, худое у насъ житье, и похожаго нѣтъ, что прежде у насъ было: и холодно, и голодно, а народу все больше... То скотинѣ корму нѣтъ, то у самихъ мука подошла... Отецъ сидитъ сердитый да угрюмый, мать съ ребятишками да съ золовками бранится... А дѣдку, нѣтъ—нѣтъ, да тотъ оговоритъ, другой попрекнетъ, словно походя... А онъ молчитъ!... Дѣдка-то, голова-то, молчитъ! Притаится въ уголку—и молчитъ... Да и въ уголку не спрятаться! Не было много укромнаго мѣста, ни на деревнѣ, ни въ избѣ своей, ни во дворѣ, гдѣ бы дѣдкѣ укрыться можно было!.. Ровно Каинъ проклятый!.. Полями съ работъ пойдемъ, а ужъ кто ни то не стерпитъ — сорветъ: „вишь, скажетъ, у кабатчика какая рожь-то на нашей землицѣ!.. Видишь ли, дѣдушка?..“ Черезъ луга пойдемъ, и луга кричатъ: „вишь, у кабатчика-то какъ скотинка-то отгуливается... Видишь ли, дѣдушка?..“ На міру ли дѣдушка со стариками покажется, — а тамъ ужъ опять кто-нибудь сорветъ: „что же, умныя головы, шли бы да поклонились кабатчику-то: авось, можетъ, вамъ подешевле въ ренду уступитъ землицы-то!..“ Да это еще хорошо, коли кто сорветъ,—хоть душу отведетъ, а то, молча, такъ-то вздохнетъ какая ни то мать, коли у ребятъ молока нѣтъ, такъ словно ножомъ рѣзнетъ по сердцу... Да что ужъ о дѣдкѣ и говорить: у меня отъ этихъ вздоховъ за него на сердцѣ саднило... Нѣтъ, господинъ, не дай вамъ Богъ такого въ жизни испытанія! Однимъ годомъ ужъ какъ-то больно нудко выпало: весь кормъ за зиму подобрался, солому — и ту стравили на скотину. Половину продали, а половина исхудала такъ, что и не чаяли, что она до новой травы дотянетъ... Пришла Пасха, — а и разговѣться нечѣмъ... Сидимъ это мы, ребятишки, да тюрю хлебаемъ: все одно, что въ Великій постъ, что въ великій праздникъ... Помню, одни мы сидѣли,—матери-то да отцы ушли куда-то... Смотрѣлъ-смотрѣлъ на насъ дѣдка изъ угла, да вдругъ какъ бросится на полъ, къ намъ въ ноги... „Родненькіе мои, простите ли вы меня... стараго... Изстрадался я, глядя на васъ... Вѣдь, я для васъ это думалъ лучше, да для отцовъ вашихъ, родненькіе мои!“ А самъ такъ рѣкой и разливается...

Васекъ отвернулся отъ меня и сталъ упорно смотрѣть на загорѣвшуюся уже яркими лучами на востокѣ зарю.

— Гдѣ же теперь дѣдка и что онъ?— спросилъ я.

— Онъ уже давно не живетъ съ нами, одинъ живетъ... Съ тѣхъ поръ, какъ работать стало ему не въ мочь, — сталъ онъ уходить по милостынку побираться... Ничего не сталъ отъ насъ брать... А жить въ старую баню ушелъ... Такъ и живетъ одинъ: нелюдимъ сталъ, никому, почесть, въ нашей деревнѣ не показывает-

ся и голосу-отъ него никто уже давно не слышитъ... Вотъ и теперь зашелъ я къ нему,—мало говоритъ ужъ да и плохо видитъ. Только и сказалъ: „Васекъ, поостереги отца-то, поостереги! Охъ, Васекъ! жизнь пережить—не поле перейти... Держи это крѣпче въ умѣ...“ Чай, вотъ тамъ какъ ни то и умретъ у себя въ банѣ, въ одиночку...

Тутъ Васекъ какъ-то лихорадочно засуетился, лицо его вдругъ приняло вдумчиво-дѣловитое выраженіе, и даже самый тонъ его голоса измѣнился (весь разсказъ про дѣда онъ велъ совсѣмъ инымъ простымъ тономъ, чѣмъ говорилъ со мной раньше, когда старался выражаться кудревато, по писанному).

— А что... извините... могу я васъ спросить: извѣстны вы чѣмъ-нибудь насчетъ крестьянской банки?

— Да. А что?

— То-то... Вотъ у насъ теперь другая эта самая политика въ деревнѣ повелась... Теперь ужъ, вмѣсто дѣда, у насъ во всемъ округѣ отецъ мой головой почитается... И спитъ, и видитъ,— какъ бы гдѣ для общества земли достать... Вездѣ ѣздитъ, разспрашиваетъ, торгуетъ... Теперь ужъ ни за чѣмъ не стоятъ: готовы себя съ семьями заложить, — только бы земли урвать... Не можете вы мнѣ какія ни то сдѣлать указанія: какъ и что... и насчетъ чтобы проценту вникнуть, и въ срокахъ чтобы не прошибиться... и насчетъ правовъ... чтобы обо всемъ теченіи дѣла этого управиться можно было? А то, вѣдь, опять — только сохрани Господи!... Эхъ, господинъ, трудно простому человѣку въ энтой самой политикѣ... Трудно!... Это не вамъ!

И Васекъ съ дѣтскою наивностью, обѣими руками почесалъ себѣ подъ фуражкой голову, которая, казалось, дѣйствительно работала у него безъ устали, упорно стараясь разрѣшить цѣлую сѣть опутавшихъ жизнь сложныхъ и новыхъ вопросовъ.

Мы уже подъѣзжали къ городу М. Совсѣмъ разсвѣтало. На пароходѣ проснулась жизнь. Все, отдохнувшее и подкрѣпленное сномъ, оживилось. Утренній свѣжій, чистый воздухъ бодрѣе гналъ кровь въ жилахъ... Всѣ спѣшили умыться, освѣжиться. Сосѣдніе пассажиры весело заговорили... И только одинъ Васекъ, съ утомленнымъ лицомъ и усталою головой, задумчиво смотрѣлъ на мелкія, поглощавшія одна другую, волны рѣки.

Прощаясь, я искренно пожалъ ему руку; мнѣ какъ-то жалко было разставаться съ нимъ,—такъ хотѣлось, за одно съ нимъ, еще и еще подумать надъ тѣмъ, что такъ непосильно легло тяжелой задачей на его бѣдную голову и сердце... Но мы ѣхали въ разныя стороны. Впрочемъ, можетъ быть, еще намъ и удастся встрѣтиться.

ОБЛЮБОВАЛИ!

I.

Когда мнѣ случалось проживать мѣсяца по два, по три въ городѣ N, меня всегда разъ въ недѣлю, въ воскресенье, считалъ своей обязанностью навѣщать одинъ фабричный рабочій. Какъ и почему мы съ нимъ сошлись, трудно сказать. Кажется, мы познакомились въ вагонѣ желѣзной дороги; ни о чемъ особенномъ, о какихъ-либо важныхъ дѣлахъ не разговаривали, ни онъ во мнѣ, ни я въ немъ особенной какой-либо нужды не находили, но привязались мы другъ къ другу крѣпко. Свои воскресенья я считалъ „неполными“, когда почему-либо не присутствовалъ на нихъ Парфенъ Парфенычъ и ужъ, конечно, Парфеновъ же по фамиліи. Это былъ человѣкъ уже немолодой, лѣтъ 33-хъ, какъ большинство фабричныхъ — сухой, жилистый и костлявый; ходилъ онъ всегда ко мнѣ въ пиджакѣ и въ высокихъ смазныхъ сапогахъ, хотя своимъ костюмомъ и прической, повидимому, не особенно интересовался.

Странный былъ человѣкъ Парфенъ Парфенычъ, — со мной онъ былъ очень мало разговорчивъ, и тѣмъ не менѣе отнюдь я не чувствовалъ удручающей тягости отъ его молчаливаго присутствія: взглянешь на него, онъ улыбнется, и я улыбнусь, и чувствовалось, что какъ будто все въ немъ такъ ясно говорило, что не о чемъ было и длинныхъ разговоровъ вести. Сидитъ Парфенъ Парфенычъ и куритъ сигаретку за сигареткой (моихъ папиросъ онъ никогда не курилъ), и смотритъ, какъ предъ нимъ моя будничная жизнь проходитъ, какъ ребятишки капризничаютъ и плачутъ, какъ жена возится съ ними и хозяйствомъ, какъ я треблю волосы, усиливаясь свести концы съ концами въ своемъ бюджетѣ. Парфена Парфеныча мы привыкли настолько считать „своимъ“, что жили предъ нимъ, такъ сказать, на глазахъ, открыто. Ему, казалось, это больше всего и нравилось.

— Ты занимайся, сдѣлай милость... Сдѣлай милость, на меня вниманія не обращай, — говорилъ онъ обыкновенно, если заставалъ за какими-нибудь занятіями, и садился въ уголочкѣ.

Бывало, начнешь разспрашивать его, какъ у него на фабрикѣ, въ деревнѣ (въ деревнѣ у него было полное крестьянское хозяйство, которое вела его жена; при ней жили и его трое малолѣтнихъ дѣтей; деревню онъ, видимо, любилъ и ѣздилъ въ нее чуть не каждый мѣсяцъ, хотя городъ отстоялъ отъ деревни верстъ на пятьдесятъ).

— Что у насъ!.. — махнетъ онъ рукой: — вотъ еще объ чемъ спрашиваетъ!... Что намъ! Живемъ! Мы, братъ, проживемъ, а вотъ...

— Что?...

— Да нѣтъ, такъ... Мы-то проживемъ. А вотъ тебѣ-то надо бы устроиться...

— А что?

— Да тяжело тебѣ... А настоящей жизни не видно; жить бы вамъ, кажись, да жить, а вы вотъ убиваетесь... Все то у васъ какъ будто въ жизни нехватка... А мы проживемъ!... Намъ что!...

— Да какъ же такъ, не пойму я тебя...

— Ну да что тутъ! — махнетъ рукой и улыбнется, — и чувствуешь, что ужъ болѣе опредѣлительнаго, чѣмъ эта улыбка, отъ него ничего не добьешься: въ этой улыбкѣ виднѣлась и сердечная жалость, и какъ бы укоръ въ неумѣньи, необстоятельности жизни.

Объ отвлеченныхъ предметахъ онъ со мной то-же не заговаривалъ (замѣчательно то, что я догадывался, что онъ все

же любилъ во мнѣ образованнаго человѣка, и между тѣмъ онъ сожалѣлъ меня и почти никогда ни за какими совѣтами ко мнѣ не обращался, и только просилъ книжекъ). Но зато, когда дѣло касалось чего-нибудь „просто—житейскаго", заболѣетъ, наприм., жена или ребенокъ, или случится какое-нибудь другое несчастіе, или, вообще, житейское событіе, Парфенъ Парфенычъ совсѣмъ преобразовывался: онъ и совѣты давалъ, и въ аптеку бѣгалъ, горевалъ и страдалъ, кажется, больше всѣхъ и даже одинъ разъ собралъ съ фабричныхъ складчину и принесъ мнѣ три рубля... *въ одолженіе* на лѣкарство.

Случалось, приходилъ онъ ко мнѣ, когда у меня собирались гости. Парфенъ Парфенычъ еще въ передней предупредительно мнѣ говорилъ, тщательно вытирая ноги о половикъ:

— Сдѣлай милость, занимайся, какъ быть должно... Сдѣлай милость, на меня вниманія не обращай... Прошу тебя... какъ бы меня совсѣмъ не было...

И онъ по обыкновенію садился въ уголокъ и упорно, молча, просиживалъ весь вечеръ. Водки онъ не пилъ и никогда не закусывалъ у меня.—„Ты, сдѣлай милость, меня оставь: я ужъ и поужиналъ, и все справилъ какъ слѣдуетъ... Ты объ насъ не заботься!.."

Но, видимо, вникалъ онъ въ проходящую предъ нимъ нашу культурную жизнь съ большимъ вниманіемъ и въ то же время съ сердечной любовью...

Однажды мнѣ какъ-то пришлось спросить его послѣ одного такого вечера.

— Поди, скучно, вѣдь, тебѣ, Парфенъ Парфенычъ?

— Зачѣмъ? Нѣтъ!.. Напрасно... Ты обо мнѣ такъ низко думаешь напрасно... Я все къ сердцу принимаю...

— Что же ты находишь интереснаго?

— Какъ что? Да все... Я все къ сердцу принимаю, какъ кто скажетъ, что выразитъ, али задумается или разсмѣется... Все мнѣ интересно, все къ сердцу принимаю...

— Ну, и что же: есть разница между нами и вами?

— Ты насъ оставь! Пожалуйста, оставь... Мы что! мы, братъ, проживемъ всячески... А вотъ вы...

— А что?..

— Да такъ... Хорошіе вы всѣ люди... и жалѣю я васъ... Все, что вы говорите, такъ хорошо, складно, душевно... по любви, и чувства ваши хорошія, и сердце доброе... Кажись бы, любиться всѣмъ да любиться... А все у васъ врозь идетъ, въ жизни-то...

— Ну?..

— Ну, въ жизни у васъ нехватка... не хватаетъ вотъ...

— Чего?..

— Чего?.. Я не знаю чего,—скажетъ и опять улыбается и головой покачаетъ: такъ и чувствуешь, что онъ сверху внизъ на тебя смотритъ.

Но отчего составился у него такой взглядъ на насъ, я долго не могъ объяснить себѣ, пока, наконецъ, неожиданно не открылось, что мой смирный и молчаливый другъ Парфенъ Парфенычъ, въ сущности, далеко не такой смирный и молчаливый, что онъ, напротивъ, хлопотунъ, дѣлецъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ своей деревенской общины, однимъ словомъ—„деревенскій политикъ". Признаться сказать, этого-то ужъ я никакъ не ожидалъ.

И открытіе это сдѣлалъ онъ самъ же, Парфенъ Парфенычъ.

Вотъ какъ это случилось.

II.

Вскорѣ послѣ Пасхи приходитъ ко мнѣ Парфенъ Парфенычъ. Не былъ онъ у меня уже съ мѣсяцъ. Принесъ онъ съ собой красныхъ яицъ, и честь-честью одѣлилъ всѣхъ моихъ чадъ и домочадцевъ, и затѣмъ усѣлся въ уголокъ. Но я замѣтилъ, что нынче ему было что-то не по себѣ,—ему не сидѣлось. Онъ постоянно вскакивалъ, ходилъ изъ угла въ уголъ, почесывалъ подъ мышками, опять садился и, наконецъ, засмѣялся какимъ-то пѣвучимъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

— Вотъ такъ модель! Вотъ такъ проухали, братъ... До сихъ поръ въ себя придти не могу... Ума не соберу...

— Что такое?

— Да такъ... Свои дѣла... деревенскія...

— Ты въ деревнѣ былъ, что ли?

— Былъ, всю святую прожилъ, да еще три дня прогулялъ... Штрафъ заплатилъ... Да это плевать... А, вѣдь, дѣло-то, братецъ, начистоту проухали!—заключилъ онъ.

— Да какое дѣло-то?

— Да мое-то... Развѣ ты не знаешь?

— Не знаю.

Парфенъ Парфенычъ изумился; онъ до того считалъ это дѣло всѣмъ извѣстнымъ, что забылъ даже „свою политику" относительно меня, съ которою онъ тщательно избѣгалъ говорить со мной о „своихъ" дѣлахъ.

— Ка-акъ же!.. Вѣдь, на это дѣло я всю душу, братецъ... Вѣдь, ужъ пять лѣтъ— и во снѣ, и на яву только объ немъ и мысль была... А тутъ хвать — въ одночасье все прикончилось!.. Нѣтъ, она, жизнь-то, дѣло мудреное...

— Что же? не досмотрѣли чего-нибудь въ законахъ?

— Нѣ-ѣтъ!.. Тутъ ужъ, братъ, все тонко было... Тутъ ужъ, братъ, все чисто... Нѣ-ѣтъ, не то... А тутъ, братецъ... перстъ... Да... Ха-ха-ха!.. Тутъ, одно слово, затменіе, перстъ... Что законы!.. Нѣ-ѣтъ, тутъ прохожденіе или... одно слово—проистеченіе жизни.

Парфенъ Парфенычъ долго еще выражался этими туманными фразами и я уже отчаялся дождаться обстоятельнаго изложенія дѣла, какъ вдругъ Парфенъ Парфенычъ нахмурился, примолкъ и, покачавъ головой, сказалъ:

— Да, друзья мои (хотя въ комнатѣ никого, кромѣ насъ двоихъ, не было), никого въ жизни оговаривать нельзя... Мудреное дѣло жизнь!.. Не осуди—не осудимъ будешь!..

— Что такъ?

— Вотъ, смотрѣлъ я на твою жизнь, и, поправдѣ тебѣ сказать, жалѣлъ я васъ и осуждалъ... Такъ что-то у меня, глядя на васъ, на сердцѣ мутило... Вижу я, народъ вы все умный, примѣчательный, книжный, когда говорите — словно вотъ бисеромъ нижите, вѣкъ бы слушалъ, — а межъ тѣмъ жизнь свою устроить не могутъ! Все-то нужда, да охи, да воздыханія... И чего, думаю я, недостаетъ имъ?.. Эдакіе-то молодцы, да не могутъ другъ съ другомъ за одно сойтись, вплотную, другъ дружку поддержать,—да ежели бы эдакой-то артелью какихъ бы дѣловъ можно надѣлать!.. Для ума помраченіе!.. Каменныя бы палаты у всѣхъ были, а не то что съ рублишка на рублишко перебиваться... А это что за жизнь: на словахъ чужую бѣду рукой разведемъ, и такъ-то чужую жизнь устроимъ, и эдакъ, и все такъ складно выходитъ, а у себя—одно воздыханіе!.. Развѣ это жизнь?.. Такъ, одно проживаніе... Вотъ я тебѣ признаюсь откровенно, отъ сердца, потому я тебя люблю и уважаю,—признаюсь отъ души, что я такъ объ васъ думалъ и осуждалъ... Признаюсь!.. Баре, молъ! Что имъ!

Я засмѣялся.

— Нѣтъ, друзья мои, вы надъ этимъ не смѣйтесь... Я искренно каюсь: осуждалъ... Потому думалъ: вотъ, молъ, мы, мужики, хоть и лыкомъ шиты, а небось свое дѣло тонко ведемъ... дружно... Такъ-то!.. А вотъ, молъ, вы и ученые, и умные—а вотъ у васъ нехватка... Да, осуждалъ!.. А жизнь-то, вишь, впередъ не учтешь... Нѣ-ѣтъ. Объ нее зубы-то поломаешь, другъ!.. И вижу я теперь, что было это съ моей стороны не болѣе какъ гордость, грѣхъ смертельный изъ семи грѣховъ человѣческихъ.

— Ну, разскажи же мнѣ это ваше дѣло.

— Теперь изволь, теперь я разскажу съ удовольствіемъ... Вѣдь, и дѣло-то не ахти важное, только у насъ оно продолжительно вышло.

И Парфенъ Парфенычъ, свернувъ сигаретку, сталъ разсказывать.

III.

— Да видишь ли, въ чемъ у насъ произведеніе дѣла было, — началъ Парфенъ Парфенычъ, опять повеселѣвъ и улыбаясь: —Живутъ около нашей деревни помѣщицы, двѣ дѣвицы, возрастныя ужъ, двѣ барышни ихъ послѣ мамыньки остались; одну звали Маришь, а другую Катишь... Такъ ихъ еще маменька прозывали, и сами онѣ себя такъ зовутъ... А, вѣдь, мужики-то, послѣ воли, стали народъ непокорный,—ну и мы, значитъ, у себя на деревнѣ стали ихъ звать Маришь да Катишь... Тоже, вѣдь, нашему брату волю-то дай,—онъ ужъ и Бога забудетъ!.. А барышни онѣ были смирныя, богобоязливыя, обходительныя, и все то въ своемъ домикѣ сидѣли да садочкомъ занимались: очень ужъ онѣ были робкія да конфузливыя, и главнымъ образомъ робки что касается мужского полу... И въ городъ поэтому развѣ разъ въ годъ съѣздятъ, и къ себѣ изъ мужескаго полу рѣдко кого принимали... Монашки—одно слово!.. Такъ объ нихъ мы и полагали... Вотчина у нихъ была изрядная, и капиталецъ остался—жить можно имъ было; на однѣхъ до смерти хватило бы. Такъ вотъ эта ихъ самая земля бокъ-о-бокъ съ нашей была, и какъ разъ къ на-

шимъ полямъ примыкалъ отъ нихъ кусокъ... Важный кусокъ!.. Большой, десятинъ во сто будетъ, — и лужки тутъ есть, и поле, и кусточки для обиходу... Одно слово—золотой кусокъ, да главное подъ руками ужъ у насъ очень,—ну вотъ просто какъ бы самимъ Создателемъ такъ ужъ онъ къ намъ оченно былъ приспособленъ... Вотъ и облюбовали мы этотъ кусокъ!.. Что!.. Просто, братецъ, всѣхъ онъ насъ съ ума свелъ (а земля жирная, потная, что перина): ѣдешь ли черезъ него, на свою ли полосу пахать или жать выйдешь по сосѣдству, — ну, мысли объ этомъ кускѣ не оставляешь: эхъ, жиренъ кусокъ!.. Вотъ бы къ рукамъ!... И что этимъ монашкамъ, какая корысть въ немъ!.. А мы бы при немъ на много лѣтъ и нашимъ внукамъ — и тѣмъ вздохъ дали!.. Бывало—и спишь, и видишь этотъ кусокъ!.. А нужно тебѣ сказать,—кусокъ этотъ сами мы у нихъ въ аренду не брали, потому какъ мы больше народъ отхожій все по сторонѣ, да и своей земли у насъ кое-какъ на хозяйственный оборотъ хватало. Нужды чтобы крайней въ землѣ у насъ, по правдѣ тебѣ сказать, не было... А это ужъ мы, значитъ, помышленье-то свое на впредь будущее распространяли: не дѣтямъ, такъ внукамъ, молъ, на пользу пойдетъ! Потому, думаемъ, дѣло фабричное—дѣло невѣрное, на водѣ строено... Брали же у нихъ въ аренду мужики наши сусѣдскіе, верстахъ въ пяти отъ насъ. Давно ужъ они ей пользовались... Да, наши сусѣдскіе мужики...

Парфенъ Парфенычъ опять улыбнулся и покачалъ головой.

— Ну да объ этомъ послѣ... А вотъ объ Катишь съ Маришью рѣчь поведемъ. Стали мы міромъ думать: какъ - никакъ землю намъ у нихъ надо купить... Чѣмъ больше говоримъ объ этомъ, тѣмъ больше въ задоръ словно входимъ. А меня такъ и подмываетъ... Говорятъ старики: „трудно, не осилимъ... гдѣ такія деньги взять!..“ А я, братецъ, слова не дамъ сказать: „будутъ деньги!—кричу,—какъ не найти,—найдемъ!.. Какъ не осилить? Цѣлый міръ, — да не осилить!.. Главное дѣло,—держись въ одно, не упускай свою линію!.. А денегъ найдемъ: себя перезаложимъ, а ужъ найдемъ!.. Міръ не одинъ человѣкъ. Одному не повѣрятъ, а міру повѣрятъ!..“ Что ни пріѣду въ деревню,—то всѣхъ въ пущій задоръ введу. Ну, поручили мнѣ да еще двоимъ мужичкамъ вести это дѣло... Такъ что, братецъ мой, просто, вѣдь, я изъ себя вышелъ: почи перестал спать, отъ куска отбился!.. Это, вѣдь, дѣло немалое: тоже мало-ли денегъ надо было подыскать! Ну, первымъ дѣломъ стали мы насчетъ барышень пытать. Спрашиваемъ стороной, говорятъ—продавать не желаютъ... Пошли сами въ переговоры съ ними: не продадите ли? Нѣтъ, говорятъ, мужички, продавать пока не желаемъ... Ну, нечего дѣлать!... Подождемъ этакъ малое время,—и опять пытать, уговаривать: что, молъ, вамъ, милыя барышни, въ ней за корысть!... Живете вы, какъ монашки, чинно, благородно, тихо... На что бы для васъ спокойнѣе при капиталахъ однихъ жизни теченіе проходить!... А, вѣдь, земля—только тягота, работа... Хорошо она при рукахъ, при семейственномъ прохожденіи жизни... А, вѣдь вы у насъ все одно—монашки, больше о небесномъ промышляете, чѣмъ о земномъ... Смѣются на эти рѣчи Катишь съ Маришью,—а продавать, говорятъ, пока не желаемъ... А межъ тѣмъ въ городѣ до меня слухи доходятъ, что Катишь съ Маришью не только что одинъ кусокъ, а всю вотчину во что бы то ни стало хотятъ продать,— и даже въ вѣдомостяхъ объ этомъ объявляютъ... Что за притча? Забрало меня за живое еще больше... Мы сейчасъ со стороны политику повели: къ нянюшкѣ ихней съ подходомъ (старуха старая была она у нихъ), ласковенько, съ подарочкомъ, съ яичками, съ полотенчикомъ, съ платочками... Хоть упиралась старуха, да наконецъ того отмякла — выдала секретъ!... Что жъ бы вы думали?... Наши Маришь съ Катишью,—монашки-то,— и спятъ и видятъ какъ бы только жениховъ поймать!... Да при робости своей къ мужскому полу и повели политику черезъ вѣдомости!... Коли навернулся покупатель женатый, али низкаго званія— и разговоры коротки: не продаемъ, молъ, раздумали послѣ; а чуть что помоложе, да поблагороднѣе,—али и вдовецъ посановитѣе,—сдѣлайте милость, со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ: по усадьбѣ, по всему имѣнью водятъ, ягодами и вареньями угощаютъ, и землю, и себя въ лучшемъ видѣ показываютъ!... Одно слово—товаръ лицомъ выдаютъ! — Э, думаемъ, — плохо наше дѣло!... Изъ рукъ непремѣнно уйдетъ!... Да еще какого себѣ сосѣда наживемъ — и это подумать надо!... Такой навернется слеза-супругъ, что не только Маришь съ Катишью, а и насъ со свѣту

сживетъ!... Постой, думаемъ,—шалишь, монашки... Коли такъ, и мы политику свою поведемъ... Посмотримъ, чья выгоритъ!... А къ тому времени и деньжонокъ у насъ сколотилось немного, и кредитъ мнѣ въ городѣ обѣщали... А еще хуже того насъ эти барышни своей политикой раззадорили!... Ахъ, молъ, вы — тихони эдакія!... мы, молъ, думаемъ объ нихъ великатно, а онѣ — вишь ты какія сѣти плетутъ!... Смѣемся, а у самихъ ужъ своя политика въ головѣ нарождается... Ладно, думаемъ... И повели, братецъ мой, такую политику, что индо самимъ страшно стало... Обложили мы этихъ барышень ровно крѣпость какую: выборныхъ выбрали, досмотрщиковъ, соглядатаевъ, прислушниковъ, ну, одно слово, къ нашимъ монашкамъ никому ни пройти, ни проѣхать безъ нашего спроса!.. До чего дошло? на полустанкѣ, братецъ, нарочно къ каждому поѣзду подводу выгоняли, по череду, чтобы, значитъ, ни одинъ пріѣзжій къ барышнямъ нашихъ рукъ не минулъ... Да, вѣдь, какіе ловкачи изъ насъ на это дѣло проявились!... Бывало, пріѣдетъ покупатель,—сейчасъ мы тутъ: пожалуйте, подвеземъ... А дорогой-то его обо всемъ и выспросимъ, а онъ самъ радъ впередъ обо всемъ разузнать. Ну, ужъ тутъ ни за чѣмъ не стояли: пока пятнадцать-то верстъ ѣдутъ, — такъ передъ нимъ и землю, и Катишь съ Маришью распишутъ, и сосѣдей, и своихъ отцовъ—матерей не пожалѣютъ, что покупатель съ полдороги готовъ назадъ вернуться!... И бывало!... Такъ не доѣдетъ верстъ пяти и прикажетъ: поворачивай назадъ!... Ну, а наши мужички только въ бороды посмѣиваются... Да, вѣдь, такъ, другъ мой, мы въ этотъ развратъ въѣлись, что дальше дѣло идетъ— тѣмъ мы нахрапистѣе становились!... Бога бояться перестали!... За политику намъ это дѣло стало!... Изолгались такъ, — и старые, и молодые, что и потомству за насъ не замолить... А дѣло идетъ ходко: такой сплетней сплели мы нашихъ барышень, что ровно зачумленныя онѣ для всѣхъ стали: покупатель сталъ все рѣже да рѣже ѣздить, а тутъ и совсѣмъ пересталъ, потому, славу мы про нихъ по всей губерніи пустили!... Вотъ какъ насъ жадность-то обуяла!... Грѣха только чуточку допусти, а ужъ онъ, братъ, на всю жизнь распространится, и самъ не замѣтишь, какъ мошенникомъ или разбойникомъ обдѣлаешься!... Да-а, другъ мой, великое это дѣло — быть къ себѣ, въ самой малости, навсегда неуклоннымъ и строгимъ!...

Парфенъ Парфенычъ помолчалъ, вздохнулъ и потомъ продолжалъ:

— Ну, такъ-то, другъ мой, этой политикой мы пять лѣтъ забавлялись—ровно пару въ себя поддавали!... Смотримъ, наши Катишь съ Маришью словно шальныя стали, постарѣли, да исхудали, что щепки... Тутъ мы опять къ нянюшкѣ: „что, плохо, нянюшка, али жениховъ-то все нѣтъ?“—„Нѣтъ, говоритъ, не судьба, знать, ихъ въ семейственомъ обиходѣ жизнь кончить...“—„Что же, молъ, онѣ теперь думаютъ дѣлать?“—„Да полагаютъ, говоритъ, на капиталы себя перевести: можетъ, такъ-то ходчѣе дѣло пойдетъ. Потому, какъ до хозяйства люди стали не оченно падки, и больше все на капиталы смотрятъ и склонность имѣютъ; потому съ капиталами съ одними жизнь много свободнѣе, и для ума не отяготительно...“ Такъ вотъ какъ, думаемъ,— ну, теперь наше дѣло выгорѣло!... Возликовали, братецъ мой, совсѣмъ!... И точно: мы—къ барышнямъ. Онѣ въ одинъ голосъ: „что жъ, говорятъ, мы продать согласны...“ Дальше, да больше—дѣло у насъ на ладъ идетъ. Цѣной онѣ не очень ужимаютъ... А мы—весь міръ какъ одинъ человѣкъ: складчину дѣлаемъ, все лишнее продаемъ, до синя пороха, чтобы, значитъ, хоть третью часть чистыми деньгами раздобыть... Дружно ведемъ!... Ходко! и ни раздоровъ у насъ, ни споровъ... Потому видимъ — на цѣлый вѣкъ свое потомство обезпечимъ! И мнѣ, значитъ, награду міръ посулилъ, потому какъ въ этомъ дѣлѣ первый человѣкъ я былъ... Тутъ-то я больше всего и возгордился!... Тутъ-то вотъ я, братецъ мой, на васъ и смотрѣлъ со своей гордости... Эхъ, молъ, вы господа—господа!... Умные вы люди, ученые, а своихъ дѣловъ устроить даже въ малости не сможете!... А вотъ, молъ, мы-то каковы!... Молодцы!...

Парфенъ Парфенычъ засмѣялся тоненькимъ и какимъ-то жалобнымъ смѣхомъ,— и весь какъ-то съежился, словно ему сквозь землю провалиться хотѣлось.

— Да, все въ свое время зачтется!... Все!... Всему свой итогъ будетъ,—заговорилъ онъ, вдругъ оживившись, и постучалъ пальцемъ по столу;—всему, всему свой итогъ жизнь дастъ, друзья мои!...

— Какимъ же итогомъ кончилась ваша политика?

— А вотъ какой итогъ нашей политикѣ произвела жизнь эта самая... Было у насъ дѣло уже совсѣмъ почти въ концѣ,—за малымъ стояло: черезъ недѣлю собирались купчую совершать... Пріѣхалъ я на Пасху, чтобы съ барышнями, значитъ, руки взять другъ съ дружки, — какъ вдругъ, однимъ днемъ, глядимъ — идутъ къ намъ выборные изъ сусѣдскихъ мужичковъ (что арендовали ту землю).— „Что, братцы?“ говоримъ.— „Слышь, землю покупаете?—спрашиваютъ.— „Покупаемъ“.— „А мы-то какъ?...“ — „Вы-то?...— удивлялись мы.— Что жъ ваше это дѣло... Мы тутъ не причинны. — „Такъ, такъ... Значитъ, намъ умирать?“ (а у нихъ въ землѣ, точно, большая была скудость: только и жили, что этой арендой, изстари они землепашцы были). — Смотрятъ они на насъ такими, словно бы ополоумѣвшими глазами, и мы на нихъ смотримъ—молчимъ.

Замолчалъ и самъ Парфенъ Парфенычъ.

— Ну и что же?

— Ну, и все тутъ: помолчали сосѣди да съ тѣмъ и ушли... А мы тоже все сидимъ и языкъ у насъ не поворачивается говорить.

— Да, вѣдь, вы, чай, это и раньше знали?

— Какъ не знать... Конешно, знали... Да, вѣдь, кто же кому запретить можетъ, ежели онъ жизнь свою захочетъ пріумножить избыткомъ и украсить,—ну, подумай самъ? Можетъ ли кто кому запретить, ежели кто захочетъ себѣ дворецъ или каменныя палаты выстроить?... Ну? Есть ли такіе гдѣ законы?...

— Нѣтъ, конечно...

— Извѣстно, нѣтъ... Я думаю, всю землю пройди, такихъ законовъ нигдѣ не найдешь... Ну, кому же въ голову могло придти, чтобы кто посмѣлъ на мои помышленія объ имуществѣ и устройствѣ жизни запретъ положить?..

— Да, вѣдь, они вамъ не запрещали.

— Нѣтъ, не запрещали... Какія такія они права имѣютъ намъ запретить?.. Нѣтъ, не запрещали... А только вотъ цѣлую недѣлю мы съ ними переговоры вели. Побѣжалъ я къ нимъ, а они собрались всѣмъ селомъ — и старые и малые: стоятъ вотъ, ровно въ воду опущенные...— „Братцы, говорю, да что вы съ нами дѣлаете? Развяжите намъ душу!..“ — „Богъ, говорятъ, это только можетъ: вязать и рѣшить... А мы чтожъ? Мы—червь земная... Пришелъ вотъ намъ предѣлъ—своихъ дѣтей загубить голодомъ, и загубишь... А мы ваши души разрѣшать не можемъ... Такъ-то говорятъ, Парфенушка: ежели Богу угодно тебѣ расти, въ достаткѣ умножаться, а намъ—на свѣтѣ умаляться, твоей души это дѣло...“ — „Братцы, говоримъ: да нѣтъ, вы никакъ совсѣмъ съ ума спятили? Какое такое имѣете вы законное право запрещать намъ происхожденіе нашей жизни?“ — „Нѣтъ, никакихъ у насъ такихъ правъ нѣтъ... Что вы? Господь съ вами!.. А только что попечаловаться пришли, какъ живешь, значитъ, посусѣдству... Только и всего...“ Стоятъ на этомъ, да и все,—и видимъ мы воочію, что дѣло наше правое, а между тѣмъ вертитъ и стучитъ у насъ сердце, ровно бы вотъ они ножомъ намъ его рѣжутъ... Такъ даже злоба меня забрала къ нимъ!.. „Братцы, говорю, да, вѣдь, ежели вы хотите, мы вамъ по той же цѣнѣ въ аренду отдадимъ“.— „Что-жъ, говорятъ, мы знаемъ: сегодня намъ сдадите, завтра сдадите, а послѣзавтра? Послѣзавтра вамъ самимъ нужда въ ней будетъ... А что, ежели Богъ дастъ, долго ли, коротко-ли время пойдетъ, мы и сами ее совсѣмъ купимъ али можетъ и совсѣмъ она наша будетъ?.. Дѣло барское,—не ваше—мужицкое... Други! да, вѣдь, мы только этимъ упованіемъ и на свѣтѣ-то жили, только въ этой надеждѣ и дѣточекъ своихъ содержали въ страхѣ Божіемъ... А ежели бы не это упованіе, такъ изъ дѣтокъ-то нашихъ давнымъ-давно такіе бы разбойники подѣлались, что ни намъ самимъ, ни вамъ давно бы житья на свѣтѣ не было... Давно бы и дворишки-то наши и ваши отъ грабежа и огня погибли!.. Други, вотъ что оно значитъ надежда-то: ей страхъ Божій въ человѣкѣ держится и душа отъ конечной погибели спасается... И нѣтъ грѣха страшнѣе, ежели у человѣка надежду порушить!..“

— Ну, да будетъ,—заключилъ неожиданно Парфенъ Парфенычъ, махнувъ рукой, и отвернулъ отъ меня смущенное лицо:—чего тамъ еще разсказывать!.. Говорилъ я тебѣ: проиграли все дѣло въ лучшемъ видѣ... Ха-ха-ха! — засмѣялся онъ опять тихимъ пискливымъ смѣхомъ:— вотъ тебѣ и политика!.. И увидалъ я, друзья мои, прибавилъ онъ опять высокимъ тономъ — увидалъ я, друзья мои, всю гордость мою... И вотъ я сталъ понимать съ этого часа жизнь вашу... Не-

трудно, куда нетрудно и палаты каменныя выстроить, и оборотъ съ капитала сдѣлать, и въ одиночку, и артелью на это дѣло легко пуститься, да нелегко это сдѣлать, ежели тебѣ на дорогѣ душа человѣческая лежитъ... Вотъ тутъ-то попробуй ухитрись—душу-то человѣчью не загубить своимъ прохожденіемъ жизни!.. Послѣ я, друзья мои, понялъ: лучше ужъ въ своей жизни нехватка коли въ чемъ... лучше...

Парфенъ Парфенычъ замолкъ и задумался.

— Такъ вы землю и не купили?

— Нѣтъ. Богъ съ ней!..

— И Катишь съ Маришью попрежнему живутъ?

— Попрежнему... И землю попрежнему тѣмъ же мужикамъ сдаютъ... И мужички ужъ теперь не боятся, что онѣ замужъ выйдутъ!..

Парфенъ Парфенычъ улыбнулся. Съ тѣхъ поръ мы съ Парфеномъ Парфенычемъ еще сердечнѣе привязались другъ къ другу.

1885 г.

ИСКРА БОЖІЯ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Давно, тому назадъ лѣтъ больше сорока, еще при крѣпостномъ правѣ, въ одномъ большомъ селѣ поселился „перехожій“ портной. Пока семья у него была небольшая, онъ переходилъ, кочевалъ изъ деревни въ деревню: обошьетъ одну—переходилъ въ другую. Но когда родился у него Гриша, пятый и послѣдній членъ семьи, портной выбралъ это большое барское село, перестаяъ кочевать и поселился въ немъ навсегда. Жилъ портной съ семьей въ задней половинѣ избы, у одного бездѣтнаго крестьянина. Избушка была и вся-то очень небольшая, а на половинѣ у портного было всего на всего два слѣпыхъ оконца, выходившихъ въ огородъ. Тутъ и помѣщалась вся семья портнаго: отецъ, мать, два сынишка и три дочери; да еще дѣдушка, отецъ матери, слѣпой, безногій, который все лежалъ на нарахъ около двери или на печи и все стоналъ.

Самъ портной, Поликарпъ Петровичъ, былъ строгій, что называется „сурьезный“ мужикъ, и,—Богъ его знаетъ для чего,—можетъ быть именно для большей серьезности, а можетъ быть потому, что онъ былъ вольно-отпущенный дворовый человѣкъ и хотѣлъ этимъ отличить себя отъ другихъ, онъ брилъ бороду, оставляя только жесткіе щетинистые усы. Высокій, худой, съ немного кривыми ногами, суровымъ взглядомъ и отрывистой рѣчью, ходившій всегда въ длинномъ кафтанѣ и фуражкѣ, онъ сразу выдѣлялся среди прочихъ обитателей села, зналъ это самъ и, кажется, поэтому еще болѣе настойчиво старался поддержать за собой репутацію „сурьезности“. Семья Поликарпа Петровича хотя и уважала его и любила, но побаивалась, на селѣ же его не только боялись, но и недолюбливали за то, что онъ все держался особнякомъ и на крестьянъ крѣпостныхъ смотрѣлъ съ гордостью и недовѣріемъ. Можетъ быть, его и совсѣмъ не возлюбили бы, и выжили бы изъ села, еслибъ не было у него въ жизни „полосъ“, ради которыхъ ему прощалась его суровая серьезность. А „полосы“ эти состояли въ томъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе загуливать раза три—четыре, а то и болѣе въ теченіе года. Тогда онъ совсѣмъ мѣнялся, словно онъ былъ „двойной“ человѣкъ: брови у него раздвигались, глаза дѣлались такими узенькими, мягкими, влажными; онъ ласкалъ дѣтей, цѣловалъ жену, дѣдушку, всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ на селѣ; угощалъ перваго попавшагося водкой, таскалъ ребятамъ гостинцы и, наконецъ, доходилъ до того, что плясалъ трепака передъ дворней на барскомъ дворѣ, — передъ той дворней, которую всего больше обличалъ онъ въ „баловствѣ“ и ставилъ въ примѣръ самаго полнаго людскаго „непотребства“, когда былъ серьезенъ. Эти загулы продолжались долго, до тѣхъ поръ, пока не были пропиты всѣ скопленные гроши, всѣ долги, какіе еще имѣлись за обывателями, наконецъ кредиты, дѣлавшіеся подъ работу впередъ, и въ концѣ концовъ весь матеріалъ давальцевъ вмѣстѣ съ собственнымъ кафтаномъ.

II.

Въ эти дни Поликарпъ Петровичъ былъ особенно большимъ пріятелемъ съ своимъ

младшимъ сыномъ Гришей; онъ таскалъ его на рукахъ въ кабакъ, въ дворню, заставлялъ пить и плясать вмѣстѣ съ собой, покупалъ батоны и вмѣстѣ съ нимъ засыпалъ гдѣ-нибудь сладчайшимъ сномъ въ тѣни березъ и дубовъ. Что дѣлалось въ это время дома, въ семьѣ, они очень мало этимъ интересовались: все окружающее имъ улыбалось, смѣялось, словно играло съ ними, такое свѣтлое, доброе, любовное; и Гриша улыбался и смѣялся беззавѣтно всему, и тятька улыбался и смѣялся всему еще больше, глядя на Гришу... И любилъ онъ его въ эти минуты больше всѣхъ. За то же оба они съ большимъ порицаніемъ, въ это время, относились къ старшему брату Яшѣ, старшимъ сестрамъ и къ мамкѣ, которые то и дѣло слѣдили за ними, искали ихъ, отнимали у тятьки вещи, которыя онъ мѣнялъ въ кабакѣ на водку или на пряники Гришѣ, и загоняли домой въ самый разгаръ вечерняго веселья предъ дворней.—„Яшка—дуракъ, мужикъ неотесанный, грубый,—говорилъ Поликарпъ тогда Гришѣ:—это не ты... Онъ материнъ пріятель... Имъ все только работай цѣлый вѣкъ, а вздоху отъ нихъ не жди никакого... Онъ, братъ, не въ отца! Нѣтъ!.. Вотъ ты, Гришка, совсѣмъ другой человѣкъ, братецъ мой!.. Въ тебѣ искра Божія есть! Изъ тебя, гляди того, какая звѣзда выйдетъ!..“—такъ говорилъ онъ, когда вмѣстѣ съ Гришей, запасшись водкой и сластями, уходилъ въ рощу слушать соловьевъ. Поликарпъ тутъ совсѣмъ преображался: онъ подсвистывалъ, прыгалъ, смѣялся, пѣлъ и даже плакалъ отъ умиленія... И Гриша ему такъ сладко улыбался, и онъ улыбался ему... Они понимали въ эти минуты другъ друга и любили—и себя, и эту рощу, и эти соловьиныя пѣсни! По цѣлымъ часамъ сидѣли они тутъ и забывали все горе жизни, весь міръ... Сладкія эти были минуты для нихъ!

И чѣмъ слаще онѣ были, тѣмъ съ большей чуткостью и скорбью Гриша ожидалъ приближенія „перелома“... Онъ замѣчалъ, какъ мало-по-малу отецъ начиналъ слабѣть все больше и больше, какъ все чаще запутывался у него языкъ, дрожали руки и ноги: хмелѣлъ онъ все быстрѣе и уже съ утра валялся гдѣ-нибудь у забора въ изодранной грязной рубахѣ, въ порткахъ... Тогда являлись мать и братъ Яша, брали отца подъ руки и, не обращая вниманія на его безсильное и несвязное бормотанье, тащили въ клѣть и запирали на ключъ до слѣдующаго утра. Гришу строго засаживали за урокъ, и на его голову, вмѣсто головы отца, изливались всѣ упреки, какіе могли скопиться у нихъ за цѣлыя недѣли любовной и веселой жизни Гриши съ отцомъ. Гриша видѣлъ, что ихъ дѣло было проиграно, и угрюмо молчалъ, молчалъ упорно, съ замираніемъ сердца, потому что чувствовалъ, что его самый лютый врагъ стоитъ за порогомъ...

Проходитъ томительно-длинный день, и ночь, и еще день, пока высыпается отецъ. Но вотъ, наконецъ, онъ начинаетъ являться къ обѣду и ужину. Гриша исподлобья мимоходомъ взглядываетъ на него и чувствуетъ, какъ страхъ невольно сжимаетъ ему сердце. Онъ видитъ его блѣдную, немытую, небритую фигуру, суровую и мрачную, видитъ, какъ его ломаетъ всего; видитъ сурово сдвинутыя брови, въ которыхъ такъ ясно выражается отчаянная внутренняя борьба, которую ведетъ отецъ съ страшнымъ „соблазномъ“. Проходитъ еще день этой упорной, безмолвной и тяжкой борьбы. Молчитъ отецъ, молчатъ всѣ и если говорятъ, то вполголоса, какъ будто изъ уваженія къ великой нравственной битвѣ, которая совершается въ бѣдной душѣ портного между добромъ и зломъ. Но вотъ отецъ беретъ сукно и ножницы изъ рукъ брата Яши и сурово говоритъ: — „Ступай, Яковъ, сбѣгай къ отцу дьякону... Попроси одолжить... Слышишь—живѣе!.. Понимаешь, что я говорю?..“ И Яковъ, и Гриша, и всѣ понимаютъ хорошо, что это значитъ. Гриша бѣгло взглядываетъ на мать, на брата, на сестеръ, на дѣда, видитъ ихъ повеселевшія, довольныя лица... Побѣда! Душа бѣднаго деревенскаго портного превозмогла борьбу; врагъ человѣческаго рода отступился отъ нея посрамленный...

Гриша замѣчалъ, какъ мать украдкой крестилась, когда возвращался Яша, едва держа въ рукахъ огромную, кожаную книгу, съ тяжелыми мѣдными застежками.

III.

Вотъ она вошла, эта страшная книга... Гришѣ кажется, что именно она вошла, а не Яша внесъ ее. Вотъ она распалась на-двое, взмахнула, какъ крыльями, толстыми и широкими листами и тяжело легла на столъ, и Гришѣ опять

кажется, что она не только заняла весь этотъ столъ, но цѣлую четверть небольшой каморки: вдругъ какъ будто стало тѣснѣе и все измѣнилось кругомъ; какъбудто, съ приходомъ ея въ избушку, даже самый воздухъ сталъ другимъ: вмѣсто луку, кожи и прѣли запахло ладаномъ, воскомъ, медомъ. Отецъ какъ-то исподлобья покосился на книгу и Яшу, когда тотъ, раскрывая ее, громко стукнулъ досками о столъ, и тяжело вздохнулъ всей грудью, какъ будто съ него свалилось тяжкое бремя. Дѣдушка, кряхтя завозился на своемъ одрѣ и, опираясь дрожащими руками, приподнялся, опустилъ на полъ больныя ноги, укутанныя въ онучи, и, истово крестясь, смотрѣлъ на Яшу умиленными глазами. Мать что-то суетливо заходила, прибирая въ избѣ, какъ къ пріему желаннаго гостя, и по ея широкому, такъ недавно еще суровому лицу вдругъ волной разлилось обычное добродушіе, глаза ласково заиграли и подернулись слезами, и прежде чѣмъ книга заговорила своимъ страннымъ, малопонятнымъ для Гриши языкомъ, — она незамѣтно выскользнула изъ комнаты... А пока Гриша съ чувствомъ неопредѣленной тоски и страха и даже недоумѣнія продолжалъ слѣдить за тѣмъ, какой „переломъ" производила въ обиходѣ портного эта огромная книга, — въ каморкѣ по лавкамъ уже сидѣли „сусѣдскіе" старички и старушки, извѣщенные матерью о радостномъ событіи, и ласково и одобрительно, какъ бы поздравляя съ чѣмъ-то, кивали всѣмъ головами...

— Ну, Яковъ... съ Богомъ!.. Повнятнѣе! — сурово какъ-то прохрипѣлъ отецъ, не поднимая глазъ отъ стараго мужицкаго кафтана, который онъ еще усерднѣе принялся кроить. Всѣ вздохнули, отхаркались и, какъ дѣдушка, умиленно стали смотрѣть на Яшу, уже залѣзшаго за столъ, въ передній уголъ, — и Гришѣ опять казалось, что голова Яши едва виднѣлась изъ-за большой книги. Такъ, казалось ему, все заполняла, заслоняла собой и преображала у нихъ эта большая книга!

Вотъ и самъ Яша, съ прибытіемъ ея въ каморку, преобразился, какъ будто пріобрѣлъ особое значеніе и онъ, — этотъ всегда тихій, даже немножко вялый, сосредоточенный мальчикъ, всегда покорный и безотвѣтный, какъ-то старчески, не поребячьи постоянно копошившійся за работой, неумѣвшій „укрываться" отъ нея для товарищей, а потому и нелюбимый ими; въ минуты загула житейскими радостями, недолюбливали его и Гриша съ отцомъ; какъ надоѣдливый, раздражающій, безмолвный укоръ стоялъ онъ тогда передъ ними. Иногда, случалось, отецъ, лаская Гришу, взглядывалъ на Яшу такъ зло, ненавистнически, что ему самому становилось его жалко.

Но теперь — все „по другому", и Яша другой.

Вотъ онъ весь припалъ какъ-то къ большой книгѣ своимъ сухопарымъ, длиннымъ туловищемъ, съ плоскою грудью; сѣровато-темное, худое лицо его, обрамленное жидкими бѣлорусыми волосами, перехваченными черезъ лобъ ремешкомъ, наклонено надъ страницей въ необычномъ напряженіи, впалые, сѣрые глаза теперь у него широко открыты и свѣтятся, упорно впиваются въ каждую строку, букву. Равномѣрно торжественно, не понижая и не повышая тона, истово и громко выговариваетъ онъ слово за словомъ.

Проходитъ часъ, другой, Гриша все смотритъ, что дѣлается кругомъ его: какъ дѣдушка все крестится и крупныя слезы такъ и льютъ, и льютъ, не переставая, изъ его полузрячихъ, воспаленныхъ глазъ, и ручьемъ катятся съ бороды, какъ мать и старушки чего-то все чаще и чаще сморкаются, какъ покрякиваютъ старички, какъ старшія сестры, наклонившись надъ шитьемъ, уносятся, должно быть, мечтой далеко отъ этой избушки, — въ жаркія страны, въ текущую медомъ и млекомъ обѣтованную землю, въ дворцы фараоновъ, въ города и пустыни; какъ отецъ все чаще и чаще вздыхаетъ, какъ лицо его становится еще суровѣе, и только время отъ времени взглядываетъ онъ на Яшу, взглядываетъ ласково и мягко.

А на Гришу онъ не только не взглядываетъ, но даже нарочно не хочетъ смотрѣть, избѣгаетъ.

И Гришѣ дѣлается такъ тоскливо. Отрывочно, безсвязно доходятъ до него слова Яши; Гриша ничего не понимаетъ, не можетъ понимать. Гриша чувствуетъ, что его гложетъ тоска, и не оттого, что онъ долженъ высидѣть эти два-три томительныхъ часа, а оттого, что онъ знаетъ, что не на день, а на цѣлые недѣли, мѣсяцы поселится у нихъ эта книга; что бѣдный портной теперь съ каждымъ разомъ примется все жесточе и жесточе „измождать" свою плоть и казнить ее сторицею за то „баловство", которое дозволилъ себѣ онъ, степенный отецъ и хозя-

нинъ, обремененный семьей. И если подъ силу такой искусъ „изможденія“ суровому отцу семейства,— то не подъ силу было, за одно съ нимъ, выносить эти „переломы“ юному соучастнику его „соблазновъ“.

И вотъ однажды, такимъ вечеромъ, Гриша, самъ не зная какъ, вдругъ припалъ лбомъ къ оконному стеклу... и заслушался: гдѣ-то ржали лошади, собиравшіяся въ ночное, гдѣ-то кричали и смѣялись, гдѣ-то вдругъ неподалеку, за оврагомъ, засвисталъ соловей, громче, сильнѣе. Гриша надавилъ невольно стекло: оно лопнуло, задребезжало—и всѣ пѣвучіе звуки, какіе только услаждали мягкую тишину вечера, тамъ, за окномъ, ворвались въ избушку.

— Балуй!.. Ба-лу-уй!—вдругъ закричалъ отецъ такъ страшно, такъ отчаянно, какъ будто соловьиная пѣсня душила его, давила ему грудь.—Али еще баловство-то изъ башки не вылетѣло? А?.. Такъ я выбью!..

Гриша взглянулъ на отца,— онъ былъ блѣденъ и дрожалъ, а въ глазахъ у него было столько гнѣва и ненависти къ нему, что Гриша замеръ на мѣстѣ, какъ пришибленный молотомъ, и во всѣ глаза глядѣлъ въ лицо отцу.

— Ну, ничего... Успокойтесь Поликарпъ Петровичъ,— сказала мать,— я вотъ заткну окно-то... А ты не балуй, глупый... Смирись, сиди смирненько...

— Экой глупышъ! Экой балунъ! Ты бы вонъ съ Яши примѣръ бралъ,— шопотомъ говорилъ Гришѣ одинъ изъ стариковъ,— и тятенькѣ будетъ на душѣ облегченье, и маменькѣ утѣшенье, и дѣдинькѣ, и намъ, старикамъ... Вишь въ немъ, въ Яшѣ-то, искра Божья свѣтится! А ты что будешь?.

Гриша заплакалъ.

IV.

Это было уже не такъ давно.

Въ глухую осеннюю ночь, въ одномъ изъ публичныхъ московскихъ притоновъ, при тускломъ желтоватомъ свѣтѣ керосиновыхъ лампъ, цинично ломаясь и громко стукая въ полъ каблуками, танцовали дѣвицы и кавалеры. Разбитая рояль жалобно дребезжала подъ костлявыми пальцами стараго тапера. Онъ уже цѣлый часъ, какъ автоматъ, сидѣлъ задомъ ко всѣмъ, неподвижный и равнодушный ко всему, что происходило около него, и только пальцы механически и безжизненно быстро сновали по клавишамъ. Онъ слышалъ только норовистыя хлопанья въ ладоши, по окончаніи фигуры, и обращенные къ нему окрики: „вторую!.. третью!.. четвертую!..“ Тогда онъ выпрямлялся, вздыхалъ, на секунду пріостанавливался, иначе разставлялъ пальцы по клавишамъ и игралъ снова. Изъ гостей почти никто не интересовался его лицомъ; они могли видѣть только его большую голову съ лысиной, около которой торчали жидкія длинныя космы черныхъ съ сильною просѣдью волосъ, короткую грязную шею, повязанную большой, черной косынкой, и широкую сутуловатую спину въ порыжѣломъ отъ пота черномъ сюртукѣ, на таліи котораго недоставало одной пуговицы.

Старый музыкантъ не оборачивался даже тогда, когда танецъ кончался и въ теченіе пяти минутъ танцующіе, отирая потныя лица, со смѣхомъ разсаживались по стульямъ и пили вино. Но когда антрактъ былъ продолжительнѣе, старый музыкантъ боязливо поднимался и тихо ускользалъ изъ залы; словно шаловливый ребенокъ, украдкой пробирался онъ на заднее крыльцо; безъ шапки, въ одномъ сюртукѣ, онъ перебѣгалъ грязный дворъ и исчезалъ за скрипучими дверями погреба. Здѣсь онъ залпомъ выпивалъ стаканъ водки и также быстро возвращался назадъ. Его отсутствія почти никогда не замѣчали. Онъ спокойно садился опять на свое мѣсто лицомъ къ рояли и задомъ къ гостямъ, и начиналъ смотрѣть въ ближайшій передъ собой уголъ.

Ему было хорошо такъ: водка пріятною теплотой разливалась по его жиламъ, безцвѣтные, сѣрые глаза щурились и почти готовы были закрыться, на одутловатомъ, испитомъ лицѣ съ большими, черными подстриженными усами и бритою бородой показывался легкій румянецъ. И вотъ, когда онъ смотрѣлъ въ уголъ, словно живые, выплывали въ воспоминаніи далекіе и знакомые образы и картины. То вспомнится ему отецъ и роща, зеленая, душистая, съ соловьями, чижами, малиновками, съ звучными трелями, веселымъ чириканьемъ и щебетаньемъ, съ запахомъ цвѣтистаго луга. То припомнится добрый баринъ, который открылъ въ немъ „искру Божію“, и пригрѣлъ, и приголубилъ его, и показалъ ему въ первый разъ скрипку.

Вспоминались эти первые звуки, которые услыхалъ онъ среди уютной, теплой, разубранной цвѣтами, штофною мебелью

и кружевными гардинами барской залы,— звуки, отъ которыхъ онъ весь затрепеталъ не понятнымъ, не знакомымъ для него восторгомъ. Помнитъ, какъ послѣ того эти звуки мучили его, когда онъ вспоминалъ ихъ среди монотоннаго чтенія большой книги, въ убогой избѣ стараго портного, и какъ уносился онъ за ними въ другой, свѣтлый, веселый, полный невѣдомыхъ очарованій міръ.

Вспоминается ему тотъ радостный день, когда, въ одинъ изъ загуловъ отца, онъ вмѣстѣ съ нимъ попалъ опять на барскій дворъ, какъ опять добрый баринъ, восхищенный его умѣньемъ свистать соловьемъ, просилъ отца, чтобы онъ его отдалъ ему, что онъ сдѣлаетъ изъ него „человѣка“ и не дастъ потухнуть во тьмѣ „искрѣ Божіей“... Помнитъ, какъ расчувствовавшійся отецъ, плача и цѣлуя у барина ручку, приказывалъ и ему цѣловать и какъ затѣмъ онъ оставилъ его у барина... Помнитъ, какъ добрый баринъ сначала цѣлый мѣсяцъ самъ занимался съ нимъ, мѣняя скрипку то на гитару, то на флейту, то на рояль... какъ мучился съ нимъ цѣлый день и, наконецъ, усталый, отправлялъ его на кухню... Помнитъ, какъ барину наскучило съ нимъ возиться и вотъ онъ передалъ его другому „большому“ барину, у котораго былъ цѣлый оркестръ и хоръ пѣвчихъ... Помнитъ долгіе годы ученія разнымъ искусствамъ, когда его дѣлали то пѣвцомъ, то опять музыкантомъ, то даже живописцемъ и актеромъ; помнитъ, какъ его наряжали въ разные костюмы, въ кафтаны съ позументами; помнитъ большія залы княжескаго дома... Помнитъ танцующихъ баръ и барынь, парадные обѣды и ужины, съ хлопаньемъ шампанскихъ бутылокъ, при которыхъ весь оркестръ игралъ туши... Помнитъ свои первые успѣхи среди молоденькихъ горничныхъ, сладкіе поцѣлуи, потомъ измѣны его, избалованнаго артиста, потомъ слезы, укоры... Потомъ новыя „интрижки“, новые поцѣлуи и опять слезы и укоры... Потомъ онъ женился, пошли дѣти.

Потомъ помнитъ, какъ что-то вдругъ пошло прахомъ... Деревенскій домъ большого барина заглохъ и запустѣлъ... Декораціи дворового театра гнили, изломанныя и изорванныя, на чердакахъ, хоры и оркестры разбрелись... Потомъ онъ помнитъ, какъ пятерыхъ изъ нихъ взялъ „въ аренду“ московскій купецъ — трактирщикъ... Помнитъ грязную эстраду, румяныхъ, густо намалеванныхъ, съ открытыми плечами арфистокъ и цыганокъ... пьяные танцы смѣняющихся гостей... А онъ все пилитъ и пилитъ на скрипкѣ съ какимъ-то ожесточеніемъ, полный только одною надеждой, однимъ желаніемъ, что раскутившійся купчикъ броситъ рублевку или пятерку голоднымъ музыкантамъ...

Давно уже исчезла для него вся прелесть чарующихъ звуковъ; въ визгливыхъ струнахъ ему слышались только упреки бѣдной жены, плачъ голодныхъ ребятишекъ, ругань квартирной хозяйки, холодъ зимней ночи подвальнаго этажа...

Потомъ и это исчезло... Выгнанный за грубость пьянымъ хозяиномъ, со скрипкой подъ мышкой, въ лѣтнемъ нанковомъ сюртучишкѣ, холодной осенью, онъ играетъ въ гостиномъ дворѣ, предъ кучкой купцовъ и приказчиковъ, подвыпившій, голодный и измерзлый, приплясывая подъ свою музыку. . . . .
. . . .

— Эй, мусью! Ну-ка, позабористѣе,— крикнулъ кто-то позади, толкнувъ его въ плечо.

Старый музыкантъ пугливо вздрогнулъ и торопливо ударилъ привычными пальцами по клавишамъ. Дребезжащіе звуки, по-прежнему механически и безжизненно, начали вылетать изъ разбитаго инструмента, а между тѣмъ воспоминанія не оставляли стараго музыканта... Неудержимою вереницей неслись предъ нимъ они... Вотъ мелькнулъ образъ больной жены, ходившей въ прачкахъ... вотъ повезли ее на кладбище... желтый деревянный гробъ, мужицкіе роспуски... За гробомъ идутъ дочь и сынъ... дочь плачетъ... сынъ, ежась отъ холода, въ опоркахъ, бѣжитъ по панели... Теперь его дочь вотъ такъ же пляшетъ, съ подкрашенными щеками, въ сосѣднемъ притонѣ... Сына онъ встрѣтилъ недавно на хитровомъ рынкѣ... Встрѣтились и разошлись, словно вѣкъ не знавали другъ друга... И теперь—всѣ кругомъ чужіе... Одинъ, одинъ!.. И всѣ они — одни, одинокіе... Самыя крѣпкія связи—семейнаго родства—и тѣ распались... Одинъ, одинъ! шепчетъ старый музыкантъ, безучастно слѣдя за бѣгающими пальцами, и чувствуетъ, какъ слезы одна за другой катятся по его багровымъ щекамъ... Его мысль далеко отъ этой залы... Вотъ онъ уже перенесся за двадцать лѣтъ назадъ...

Вспомнились брать, сестры. Гдѣ они теперь и что?.. Такъ ли же одиноки, такъ ли же убиты?.. И опять вспоминается — и большая кожаная книга, и зеленыя рощи съ соловьями.

V.

Былъ конецъ зимы. Въ весеннюю распутицу городовой подвезъ на пролеткѣ къ крыльцу больничнаго покоя стараго человѣка, въ изорванномъ черномъ сюртукѣ, въ измятой, порыжѣлой шляпѣ. Старый человѣкъ, истощенный, худой, слабый, едва держался на ногахъ, сползая съ пролетки. Мутными глазами онъ равнодушно смотрѣлъ вокругъ себя... Въ больницѣ его вымыли въ ваннѣ, одѣли въ чистое бѣлье, напоили горячимъ чаемъ и накормили, освидѣтельствовали, надписали надъ его койкой: „Григорій Поликарповъ, крестьянинъ. Pneumonia chronica“, и дали вздохнуть и отлежаться съ недѣлю. Потомъ фельдшеръ по-пріятельски сказалъ ему: „у насъ здѣсь отъ такихъ болѣзней умирать нельзя... Эта болѣзнь длинная... Можетъ быть, ты съ полгода протянешь...“

— Мнѣ бы только умереть по-христіански,—сказалъ старикъ,—а то гдѣ же?.. Одно—на улицѣ...

И онъ заплакалъ.

Фельдшеру стало его жалко. Но не показывая виду, что онъ можетъ жалѣть, онъ сказалъ:—Нельзя... У насъ и другихъ больныхъ много... Имъ нужно мѣсто очищать... Черезъ два дня тебя выпишутъ...

Старикъ вздохнулъ.

— Тебѣ бы въ деревню хорошо,—помолчавъ, прибавилъ фельдшеръ. — Чай, поди, есть родные-то?.. Кусокъ хлѣба чернаго всегда дадутъ, а главное—тебѣ воздухъ да спокой... Это лучше, чѣмъ въ больницѣ... Я бы и самъ ушелъ въ деревню, кабы умирать вздумалъ.

Старый музыкантъ подумалъ, припомнилъ губернію, уѣздъ и волость, гдѣ когда-то жила его родная семья, и попросилъ фельдшера написать къ брату письмо: „авось, можетъ, не всѣ еще примерли, можетъ, тамъ же живутъ“.

Написали письмо, а черезъ недѣлю пришелъ отвѣтъ: зовутъ... Пишутъ, что хлѣба и мѣста найдется, Христа ради, и для чужого...

VI.

Такъ же, какъ и 40 лѣтъ назадъ, каморка портного освѣщена лучами заходящаго солнца; ранней весной, какъ и тогда, старшій сынъ хозяина читаетъ неторопливо большую кожаную книгу; самъ отецъ, вздыхая, сурово сидитъ за штопаньемъ мужицкаго кафтана, поджавъ ноги, на длинномъ, широкомъ столѣ, въ большихъ мѣдныхъ очкахъ; такъ же сидятъ вокругъ стола „сусѣдскіе“ старички и старушки, сморкаясь и сдерживая слезы, готовыя политься отъ умиленія; такъ же сидитъ на нарахъ, спустивъ худыя слабыя ноги въ валенкахъ, больной старикъ, —но только это уже не дѣдушка, а самъ онъ, Григорій Поликарповъ; а старый хозяинъ не отецъ его, а братъ Яковъ... И вотъ вслушивается онъ, въ умиленіи, въ слова божественной книги и плачетъ, и плачетъ, и крестится, — и такъ онъ радъ, что теперь ужъ онъ хотя умретъ по-христіански, а не по-собачьи, съ голоду, на улицѣ...

И шепчутъ ему сусѣдскіе старички и старушки, вздыхая и покачивая головами.

— Натерпѣлся, должно, родной, натерпѣлся, поди, всего? Не легче, должно, и тамъ.

— Не легче, не легче,—говоритъ старый музыкантъ. — Здѣсь хотя вмѣстѣ всѣ... Умрутъ вмѣстѣ...

— Благодареніе Господу! Братецъ - то твой вотъ насъ утѣшаетъ... Далъ ему Господь талантъ съ младости: и идетъ къ нему народъ, идетъ. Вѣкъ съ нимъ отжили... А ты, поди, родной, перезабылъ ужъ и художества-то свои?—допрашиваютъ старички.

— Богъ съ ними! Грѣхъ здѣсь и говорить-то объ этомъ,—боязливо отвѣчаетъ старый музыкантъ, а по лицу его такъ и плывутъ потоками слезы...

Но когда сошелъ съ полей весь снѣгъ, когда наступили первые ясные дни, когда зашумѣлъ свѣжею листвой сосѣдній боръ, старый музыкантъ, какъ будто украдкой, сталъ уходить въ самую глухую чащу его... И здѣсь, вдыхая своей слабой грудью свѣжій, смолистый воздухъ и вслушиваясь то въ таинственный шелестъ лѣса, то въ звонко-голосый птичій хоръ, онъ вспоминалъ свои дѣтскіе годы, отца, дни, проведенные съ нимъ въ томъ же лѣсу, всѣ свои дѣтскія радости... Онъ чувствовалъ, какъ крѣпли

его силы,—и его чаще и чаще стало охватывать что-то старое, непобѣдимое... Онъ долго не рѣшался. Но наконецъ, однажды, укромно отъ всѣхъ онъ взялъ съ собой въ лѣсъ ветхій, суровый мѣшокъ и, зайдя въ самую глушь, вынулъ оттуда свою старую, склеенную въ нѣсколькихъ мѣстахъ, скрипку и, вдали отъ всякаго живого человѣческаго существа, онъ весь отдался своей прежней страсти. Здѣсь, наединѣ только съ нѣжной, ласкающей, безгрѣшной природой, онъ игралъ цѣлые часы...

Но трудно было старому музыканту скрыться съ своими „художествами“ отъ „молодой деревни“. Скоро было открыто его уединеніе, и шумныя веселыя толпы молодежи собирались около него каждый разъ, когда онъ думалъ скрыться въ своемъ уединеніи. Старикъ не замѣчалъ, какъ онъ вмѣстѣ съ этою толпой веселѣетъ и молодѣетъ самъ, и вотъ воскресли подъ его пальцами всѣ лучшіе звуки, какіе онъ когда-либо зналъ. И скоро на далекую округу не было уже деревеньки, въ которой бы не знали „стараго скрипача“. Онъ ходилъ изъ одной въ другую и подъ его струны то веселилась молодежь на свадьбахъ, то рыдали „молодицы“, слушая его „Лучину“ и „Не бѣлы-то ли снѣга“... Чудилось „старому скрипачу“, что въ „молодой деревнѣ“ онъ вдругъ нашелъ и своихъ потерянныхъ дѣтей, и теплый уютъ семьи, и ему казалось, что еще никогда онъ не былъ болѣе счастливъ. Но это было короткое счастіе. Старый скрипачъ скоро умеръ, завѣщавъ свою „искру Божію“ и старую скрипку молодому племяннику, съ которымъ онъ въ послѣднее время такъ же неразлучно предавался „художеству,“ какъ нѣкогда съ своимъ отцомъ. Богъ дастъ, эта юная „Божія искра“ уже скорѣе и вѣрнѣе найдетъ то „счастіе,“ которое улыбнулось старику только на концѣ его трудной и бездольной жизни!

1887 г.

БѢЛЫЙ СТАРИЧОКЪ.

(ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ).

Въ дамской мастерской, вечеромъ, около большого стола, сидѣли дѣвушки-мастерицы и шили; одна изъ нихъ, высокая бѣлокурая дѣвушка, худая и блѣдная, низко наклонившись надъ шитьемъ, неторопливо и тихо разсказывала:

— Когда вспомню я свои ребячьи годы, такъ кажется ничего-то для меня милѣе въ жизни не было, какъ матушка да старый дѣдъ... Ну, объ матушкѣ я теперь говорить вамъ не стану, а то слезами изойду... Что говорить! Одно ей имя: труженица безотвѣтная. Я такъ думаю, что если есть на небѣ правда, то давно ужъ матушка моя среди самыхъ чистыхъ ангеловъ пребываетъ... Да такъ думали мы, что и на землѣ-то ей Господь невидимо помогалъ! А то гдѣ бы ей этой кроткой, безропотной силы взять. Была она высокая, красивая, да только худая, а насъ у нея было малъ-мала меньше пять человѣкъ, и все-то дѣвочки. Надо управиться! Да и не знали мы—поклала ли она когда рученьки: какъ я ни вспомню ее, все на ногахъ мнѣ она видится, все торопится, словно невидимыя крылья носятъ ее съ ранней зари до поздней ночи... Ахъ, тяжело нашимъ матерямъ! Да ужъ и не знаю, есть ли кто на свѣтѣ ихъ праведнѣе, развѣ только мученицы, что за другихъ свою жизнь кладутъ... Батюшку мы только изрѣдка видали: въ работу онъ ходилъ на сторону, на заводъ. Словно гость онъ для насъ былъ; придетъ, бывало, на праздникъ: рубаха розовая, новая, жилетъ съ разводами, сапоги свѣтлые, съ наборомъ. Принесетъ намъ сластей, самъ сядетъ въ передній уголъ, шутитъ надъ дѣдкой, надъ матушкой, надъ нами... И намъ всѣмъ какъ будто веселѣе станетъ!.. А тамъ и опять уйдетъ на цѣлые мѣсяцы, и останемся мы съ матушкой одни-одинешеньки, да дѣдушка еще... Живемъ мы такъ день за день, а и не чуемъ, что бѣда у насъ за плечами. Родила матушка шестую дочку, да и душу Богу отдала: стаяла, какъ восковая свѣчка... Пріѣхалъ батюшка, вошелъ въ избу, взглянулъ на насъ, малышей, да какъ хлопнетъ объ полы руками, какъ грохнется на полъ предъ покойницей, такъ у насъ отъ избы-то ровно стонъ пошелъ: ревемъ всѣ въ одинъ голосъ... Ну, похоронили, поминки справили, тетка пришла помочь. Встали на другое утро, батюшка уходить собрался, говоритъ мнѣ: „ну, Ѳеня, видно тебѣ такое счастье — сызмладости быть за мѣсто матери... Да Богъ, можетъ, тебѣ воздастъ за это... Хозяйствуйте пока съ дѣдомъ, а тамъ что дальше — видно будетъ“... Попрощался и ушелъ. А мнѣ въ то время только что двѣнадцать годковъ минуло. „Ну, Ѳенька,—говоритъ и дѣдушка,—плохое намъ съ тобой житье будетъ“...—Ничего, говорю, дѣдушка, Богъ поможетъ... Мамынька вонъ справлялась (а сама думаю,—хорошо еще, что ребенокъ-то умеръ тоже)!.. — „Мамынька-то чай не тебѣ была чета, глупая,—говоритъ дѣдъ;—ну, да поживемъ,—увидимъ. Вотъ отецъ-то поди няньку къ вамъ найметъ, старуху, что ли, какую ни то приспособитъ... А то, наткась, покинулъ стараго да малыхъ!.. Развѣ такъ-то можно!..“ Поворчалъ дѣдушка, покряхтѣлъ, взялъ ведро и пошелъ за водой. А я набрала щепъ да сучьевъ въ печь, поставила чугунокъ съ картошкой, затопила и стою предъ печью, на ухватъ оперлась: ровно, какъ матушка-покойница... И на ребяти-

шекъ прикрикну, и на куръ цыкну—какъ быть въ хозяйствѣ состою... Да такъ хозяйствовала, что бывало загоню всѣхъ малыхъ-то сестренокъ къ сосѣдской старухѣ, а сама съ дѣдушкой въ поле помогать уѣду. Такъ-то вотъ насъ сызмладости нужда-то учитъ!..

„Ну, живемъ мы съ дѣдомъ, хозяйствуемъ, рукъ не покладаючи: съ утра-то, съ самой ранней зорьки проснешься бывало, натянешь сарафанишко, да скорѣй къ скотинѣ, съ молитвой, какъ матушка бывало, выгонишь ее къ пастуху на улицу, а тамъ за водой на ключъ побѣжишь, а дѣдушка той порой ужъ хворосту, дровъ въ печь наготовитъ; тамъ, только что съ печкой управишься, накормишь малышей,—глядь надо на прудъ бѣжать, рубашки перестирать... Да мало ли дѣла по семейству!.. Къ полудню ужъ ногъ подъ собой не чуешь. А все же нѣтъ-нѣтъ, урвешь часокъ, сбѣгаешь къ дѣвкамъ на улицу. А улица у насъ широкая была, зеленая, веселая. Тутъ и вздохнешь, и посмѣешься, и пѣсенъ попоешь—и такъ-то сладко послѣ этого спится!..

Какъ разъ на ту пору у насъ на улицѣ разговоры пошли, что будто съ осени училище на селѣ будетъ и что будто и насъ дѣвокъ учить будутъ. А это было для насъ тогда въ такое диво, что бабки наши ровно отъ нечистаго отъ этихъ вѣстей отплевывались! Да и самимъ намъ, дѣвкамъ, плохо вѣрилось, а тутъ еще и парни стали подсмѣиваться, что молъ дѣвокъ, слышно, будутъ въ солдаты брать!.. Глядимъ, не задолго этакъ до Воздвиженья, стали нашу старую волостную избу чистить да починять, подъ училище подгонять. А тамъ, глядь, и учительша пріѣхала; такъ, совсѣмъ дѣвушка, простая, обходительная. Ну, думаемъ, и впрямь насъ, дѣвокъ, хотятъ въ люди производить!.. Какъ будто и стыдно чего намъ, а и лестно, и сердце какъ будто замираетъ: думаемъ, и намъ, дѣвкамъ, праздникъ пришелъ! Да только не мнѣ, думаю,—гдѣ мнѣ время найти отъ такой семьи! Это вотъ кому надосугѣ. Думаю такъ, а у самой ужъ заранѣе слезы къ глазамъ подступаютъ, когда услышу, какъ учительша то съ той, то съ другой подругой знакомится, разговариваетъ, всѣхъ въ ученье заманиваетъ, матерей уговариваетъ!.. Къ Покрову и училище изготовили совсѣмъ, велѣли приходить всѣмъ—записываться, кто хочетъ. Шумъ пошелъ по всей нашей дѣвичьей деревнѣ: кто у матерей новыя рубахи да сарафаны проситъ, кто плачемъ плачетъ,—кого не пускаютъ,—просится. Охота намъ тогда всѣмъ была большая къ ученью! Думаю, пойду и я, улучу минутку, взгляну хоть глазкомъ, что у нихъ тамъ, у счастливыхъ, дѣлать будутъ... Собрались всѣмъ селомъ, всю избу полнымъ-полно заполнили. Учительша опрашиваетъ всѣхъ, записываетъ, кого уговариваетъ, кому, по молодости, подождать велитъ. Вотъ почесть всѣхъ переписала, по скамьямъ усадила, а я стою въ уголку у двери, глазъ не свожу: думаю, неужто жъ такъ и домой мнѣ итти, ровно сиротѣ?.. А на сердцѣ такъ у меня и вертитъ, такъ слезы и подступаютъ. „Что жъ, говорю себѣ, — сирота и есть, коли родной матушки нѣтъ: такое ужъ произволенье значитъ, коли она на меня, малую, семью покинула. Безъ глаза какъ ее покинешь: дѣдушка-то старикъ дряхлый ужъ, а сестренки все малъ-мала меньше. Надо при своемъ дѣлѣ оставаться". Думаю такъ, а тутъ учительша примѣтила меня и говоритъ: „А ты, дѣвушка, чья такая?"— Такая-то, говорю. — „Что жъ ты не записываешься?" спрашиваетъ. — „Нельзя намъ, говорю, потому какъ я въ семьѣ *большуха*..." Гляжу, учительша усмѣхнулась, а всѣ ребятишки такъ грохотомъ и раскатились. И такъ-то вдругъ мнѣ стало чего-то и стыдно, и обидно, залилась я слезами, да и вонъ изъ избы: слышу окликаетъ меня учительша, а я ногъ подъ собой не чую. — „Чего, говоритъ дѣдъ, это съ тобой, дѣвка? Али чего испужалась: лица на тебѣ нѣтъ?.." Тутъ я ему во всемъ и открылась, а вѣдь до той поры все въ себѣ держала, тоску-то свою.

— Ну, говоритъ дѣдушка, — погодь, дѣвка, придетъ отецъ, мы ему спуску не дадимъ... Не дѣло это, не дѣло... Самъ поди по трактирамъ чаи распиваетъ, нѣтъ, чтобъ о семьѣ настояще порадѣть: старуху бы, что ли, какую въ няньки приспособить... Натка-сь, оставилъ какихъ хозяевъ — стараго да малаго!.. Погодь, дѣвка, погодь, мы противъ него съ тобой бунтъ поведемъ; скажемъ: дѣдкѣ, молъ, пора умирать, а дѣвкѣ расцвѣтать, а ты, молъ, какое это поведенье взялъ?

Вскорости и тятенька на праздникъ пришелъ, веселый такой; сталъ ему дѣдушка выговаривать, а онъ только покрикиваетъ: — Ладно, говоритъ, и въ ученье поведемъ!.. Не люди мы, что ли?

Дѣдушка крестится, а у меня такъ сердце и прыгаетъ.

Сходилъ батюшка къ бобылкѣ одной, сговорился съ ней, а на утро велѣлъ мнѣ принарядиться, а самъ новый кафтанъ надѣлъ и повелъ меня въ училище. Увидали меня ребятишки, закричали всѣ въ одинъ голосъ: „Большуху, большуху привели!“ Словно обрадовались чему, и я сама отъ радости дрожу... Такъ съ того времени и прозвали меня большухой! Да пожалуй и точно, что я изо всѣхъ ихъ большухой была: росту я была высокая, держала себя скромно, рѣчью была степенная, ну, точь-въ точь матушка покойница. Съ раннихъ-то заботъ скоро растешь!..

И такое-то для меня тогда времячко настало, что, кажись, и не увижу ужъ я ничего лучше, да и вспомнить кромѣ него другого нечего, развѣ что только родимыя матушкины короткія ласки...

Учительница у насъ была, говорила я, простая, добрая да веселая. Бывало въ школу-то идешь, ровно въ церковь на праздникѣ. А то пойдетъ, бывало, гулять со всѣми нами, выйдемъ за село, пѣсни запоемъ, и она съ нами поетъ, бесѣды ведетъ, а то бѣгать въ горѣлки пустится!.. А какъ ученье шло—и не примѣчала: къ рождеству ужъ я дѣду и книги разбирала. Мнѣ все думалось: какъ бы матушка жива была родная, какъ бы я ее потѣшила!..“

И вдругъ Ѳеня смолкла, низко наклонилась надъ шитьемъ и залилась тихими, безмолвными слезами. Трудно было сказать, были ли это слезы умиленія при воспоминаніи о немногихъ свѣтлыхъ дняхъ, или же слезы скорби и грусти. Она наскоро отерла лицо платкомъ, вздохнула и принялась снова за работу и, помолчавъ, продолжала свой разсказъ.

— Да не надолго пришлось намъ вздохнуть. Какъ разъ на рождество пришелъ батюшка, только пришелъ хмурый, да грустный. Говоритъ, что чуть не на половину рабочихъ разсчитали: куда теперь пойдешь? А тотъ годъ и безъ того у насъ былъ трудный: по всей округѣ хлѣба не задались. До праздника еще покупной хлѣбъ стали ѣсть. Конечно, у кого справный дворъ былъ, да работниковъ въ семьѣ было много,—тѣмъ еще можно было и безъ сторонняго промысла перебиться; а у насъ и всего земли-то было на одну батюшкину душу; значилась прежде другая, на дѣдушку,—да и ту отобрали по старости его лѣтъ,—а на насъ, дѣвокъ, отъ вѣковъ должно быть ничего не полагается, какъ добрымъ людямъ. Что изъ того, что насъ у тятеньки пятеро дѣвченокъ было — только одна надсада!.. Нѣтъ намъ ни привѣта, ни воли, ни доли... Еще счастье, коли на чужіе корма къ мужу попадешь!..

Прожилъ батюшка три дня, а тамъ и говоритъ: — ну, дѣвка, оставайся опять съ дѣдомъ, хозяйствуйте, попрежнему... Знать, такая ваша доля! А я пойду промысла искать... Куда судьба заведетъ— самъ не знаю!..

Съ тѣмъ и ушелъ; и бобылка ушла отъ насъ Христовымъ именемъ побираться, и остались мы опять съ дѣдомъ одни-одинешеньки, и стало намъ будто вдвое горше противъ прежняго...

— Эхъ, бывало вздохнетъ дѣдъ, плохо ваше, дѣвки, житье на міру, а безъ матери—такъ и словъ про васъ нѣтъ!

Коротаемъ мы съ дѣдомъ зиму; поѣли все, что было, и деньги, какія батюшка оставилъ, извели; стали должаться, одежу распродавать въ три-дешево, а то ужъ дошли до того, что дѣдушка по богатымъ мужикамъ сталъ просить: что выпроситъ, то и ладно, тѣмъ и живы. А отъ батюшки все нѣтъ и вѣсточки. Скотинку накормить — и ту нечѣмъ стало. Загрустили мы съ дѣдомъ, запечалились, духомъ упали... Сталъ было дѣдъ о нашемъ житьѣ на міру заговаривать: куда тебѣ! Тамъ свой содомъ... У насъ, кричатъ, у самихъ поджилки подвело, а онъ тутъ, старый, съ дѣвками толкается!.. Намъ и на парней-то земли не хватаетъ,— а онъ наткось, что выдумалъ: на дѣвокъ землю ему отведи!.. Да гдѣ это, когда было видано!..

Кричатъ мужики, съ голодухи ровно оглашенные другъ на друга бросаются: кто побѣднѣе—богачамъ завидуетъ, кто побогаче—еще того пуще хочетъ жадность утолить... Словно какъ бы неладно что-то стало на міру.

Махнулъ дѣдушка рукой и на міръ не сталъ ходить.

Было ужъ это послѣ масленой, какъ теперь помню—въ самое прощеное воскресенье. Сидимъ мы въ избѣ; я около хозяйства хлопочу, малыши межъ собой по лавкамъ возятся, а дѣдушка изъ лыка веревки плететъ. Только слышь кто-то въ теплое окошко будто подогомъ: тукъ! тукъ! тукъ! Отворилъ дѣдушка окошко и спрашиваетъ: чего, православный, на-

до?—Милостыньку, говоритъ, Христа ради!—Гляжу, а дѣдъ все смотритъ въ окно, ровно оторваться не можетъ. Слышу, опять нищій говоритъ: подайте, православные; изголодалъ. — Да ты, спрашиваетъ дѣдъ, откуда, старичокъ, будешь? — Издалече, болѣзный, издалече: исходилъ полцарства, а скоро ли Господь домой угодитъ—того не вѣдаю. — То-то, примѣтно, не изъ здѣшнихъ. Ну-ка, Оеня, говоритъ мнѣ дѣдушка, отрѣжь старичку ломтикъ. — Дѣдушка, шепчу ему, знаешь поди, послѣдній вѣдь у насъ коровашекъ.—Ничего, говоритъ, дѣвка, не жалѣй. Старичокъ-то больно дряхлый, а издалече... Этому старичку не жалѣй. Прими, говоритъ, дѣдушка, Христа ради!—А самъ высунулся въ окно и все ему вслѣдъ смотритъ.

— Да ты, говорю, дѣдушка, избу настудишь: чего все смотришь? — Закрылъ дѣдушка окно, а самъ головой все мотаетъ.

— Ты, говоритъ, дѣвка, помалкивай... Этотъ, говоритъ, старичокъ-то не спроста... Пойду-ка, говоритъ, я еще за нимъ погляжу.—Одѣлъ кожухъ и пошелъ за ворота. А я все думаю: что это дѣдъ въ нищемъ старикѣ запримѣтилъ?—Вернулся дѣдъ.

— Ну, вѣрно... Не спроста этотъ старичокъ, говоритъ.

— А что, дѣдушка?

— Годи, дѣвка,—того гляди къ веснѣ большое дѣло окажется...

— Да какое дѣло-то?

— Дѣло-то?... А почемъ знать? Можетъ такое дѣло пойдетъ, что и на васъ, дѣвокъ, землю назначатъ. Всѣхъ поровняютъ... Вотъ какое дѣло можетъ въ міру статься... Ты только, дѣвка, помалкивай, говоритъ дѣдъ, а самъ все по избѣ ходитъ да головой поматываетъ.

— Да какой такой онъ старичокъ-то?—спрашиваю.

— Вотъ то и есть, что не изъ простыхъ... Развѣ бы я тогда сталъ говорить?.. А это ужъ вѣрно, не спроста... Какой онъ старичокъ-то былъ?.. А весь онъ былъ бѣлый старичокъ-то, вотъ ровно снѣгъ: волоса длинные, по плечи, бѣлые-бѣлые, борода большая—тоже вся бѣлая, и брови — бѣлые... Ну, вотъ отъ снѣга не отличить... А самъ въ лапоткахъ, въ тулупчикѣ короткомъ, веревочкой опоясанъ. А глаза-то, дѣвка, ровно небушко голубые, да такіе-то жалливые, такіе-то ласковые... Хочу - хочу въ него вглядѣться, а не могу: такъ это онъ меня глазами-то за сердце хватаетъ... Да это вѣрно, что онъ... Другому такому некому быть.

— А кто же это такой онъ-то?—спрашиваю.

— Ну, это, дѣвка, еще надо подумать—сказать ли тебѣ... То же про это зря слова не молви... Такъ-то-сь!.. Кто-е знаетъ,—говоритъ дѣдъ,—хватитъ-ли у тебя ума-то на это дѣло... Дѣвка, вѣдь, ты,—говоритъ.

— Такъ что жъ, говорю, дѣдушка, что дѣвка: самъ говоришъ, что всѣхъ поровнять надо... Нонче вонъ ужъ и насъ, дѣвокъ, подъ рядъ съ парнями учатъ.

— Вѣрно, вѣрно... Пожалуй, что и такъ, говоритъ. Вѣдь и я въ ту пору не ахти былъ разуменъ, какъ дѣдушка-то мнѣ объ немъ сказывалъ: по-годкѣ съ тобой поди былъ.

— А что же, спрашиваю, къ добру этотъ бѣлый старичокъ проявился, али къ худу?

— Къ добру, дѣвка, къ добру... Къ чему жъ я тебѣ и сказываю?.. Отъ него зла вотъ не настолько нѣту...

Слушаю я, а у меня такъ вотъ сердце и прыгаетъ; думаю: Господи, хоть бы на часокъ намъ, бѣднымъ, просвѣтлѣло!

Сѣлъ дѣдушка опять веревки сучить, а я молчу, думаю — пускай лучше самъ все разскажетъ, а то еще заупрямится.

Сучитъ дѣдушка веревки, на пальцы поплевываетъ, а самъ все раздумываетъ: и хочется, видно, ему все сказать, и боязно.

Помолчалъ-помолчалъ, а потомъ и говоритъ:

— Вотъ что, дѣвка, скажу я тебѣ, пожалуй: только—мотри—молчокъ... Заклятье съ тебя возьму, чтобы единаго слова никому не проронить до поры до времени. Слышь, дѣвка?.. Потому скажу тебѣ, что знаю тебя по матери: скромна ты и степенна... Вотъ также заклятье и дѣдушка съ меня взялъ. Говорилъ я, что одногодка съ тобой тогда былъ. То же вотъ горе съ нимъ избывали вмѣстѣ... А времена были тогда лютые, пожалуй что и не въ примѣръ нынѣшнимъ. Сидимъ это вотъ мы также да свое горе-злосчастье распутываемъ, дѣдъ и говоритъ: „плохи, говоритъ, ребята, наши дѣла: вотъ ужъ кои вѣки все жду-пожду, а бѣлый старичокъ въ міру не проявляется!..“ —Какой, молъ, такой бѣлый старичокъ?—такъ же вотъ пытаемъ. — Э, говоритъ, ребя-

тишки: кабы не было на свѣтѣ того старичка, такъ не было бы, можетъ, для насъ и самаго свѣта—солнца Божьяго!.. Имъ, слышь, только и жизнь въ мірѣ красна. Такъ, слышь, объ немъ старые люди понимали... А откуда этотъ старичокъ въ міру проявляется, о томъ неизвѣстно; только съизвѣковъ онъ неустанно по матушкѣ-землѣ ходитъ: ходитъ онъ по градамъ и весямъ, по заморскимъ сторонамъ и по нашимъ крестьянскимъ деревнямъ. Только не знаетъ никто часа-времени, когда онъ въ какомъ мѣстѣ проявится. И бродитъ этотъ старичокъ неустанно по грѣшной нашей землѣ, и нѣтъ ему, старенькому, покою: все-то забота ему объ людяхъ, объ насъ грѣшныхъ, все-то гонитъ его изъ края въ край тоска-жалость; бѣжитъ онъ и въ жаркое лѣто, и въ студеныя зимы,—бѣжитъ отъ селенія къ селенію, бѣжитъ — подогомъ помахиваетъ, а самъ нѣтъ-нѣтъ да припадаетъ головой къ землѣ и слушаетъ: съ какой стороны текутъ-шумятъ, что рѣки, слезы горькія; откуда стономъ стонетъ горе тяжкое; гдѣ лютуетъ надъ людьми злоба-ненависть, гдѣ неправда царитъ великая—въ ту сторону и старичокъ побѣжитъ. „Люди божіи, очнитеся, на себя посмотрите—оберпитеся! Загляните въ свои душеньки!“ заговоритъ такими словами старичокъ, а самъ подогомъ подъ окнами постукиваетъ.—„Это я, старичокъ, пришелъ, Бѣлый старичокъ пришолъ! Собирайтесь, добрые люди, на мірское дѣло, на великое!.. Одумайте свои дѣла, свои помыслы! Очнитесь, вокругъ себя оглянитесь! Самъ Господь меня послалъ на ваше спасеніе!..“ Покрикиваетъ старичокъ, а самъ все отъ избы къ избѣ переходитъ, да подожкомъ постукиваетъ. Затревожатся селяне, заторопятся: у кого совѣсть нечиста бѣлѣй полотна станетъ, а кто горькими слезами отъ нужды-неправды обливался—заплакалъ слезами теплыми, радостными. Не успѣетъ старичокъ у послѣдней избы стукнуть,—откуда что станетъ: улицы-площади народомъ переполнятся, заговоритъ по міру правда громкимъ голосомъ, возликуютъ горькіе, обиженные, сироты, вдовы голодныя; устыдятся богачи-начальники, почуютъ въ груди скорбь-жалость; подѣлитъ міръ землю-матушку поровну, по правдѣ, по справедливости. И вздухнутъ люди жизнью истинной, божеской!..“ Вотъ, дѣвка, какъ намъ дѣдушка-то разсказывалъ про старичка, разсказывалъ—ровно пѣсню сказывалъ.—Ну, что жъ, молъ, дѣдушка, спрашиваемъ его: самъ-то видалъ ли ты этого старичка? — Нѣтъ, говоритъ, ребятишки, врать не хочу,—самъ не видалъ, а слыхать слыхалъ, что-де проходилъ Бѣлый старичокъ и по нашимъ мѣстамъ. Да и точно: полагаю, раза два на моемъ вѣку, чуть не со всей округи народъ сходился на дѣлежку, на мірское равненье. Слыхалъ, что скликали со всего царства народъ и въ самую Москву,—потому, почуялъ, говорятъ, Бѣлый старичокъ, что быть большой бѣдѣ русскому царству, что дошла въ немъ неправда до послѣдняго, что грозятъ ему иноземные враги разорить его; прибѣжалъ, слышно, старичокъ на Москву—и ударилъ въ самый наибольшій колоколъ и разнесся звонъ по всему русскому царству, очнулись, приободрились люди мірскіе, выбрали отъ себя честныхъ и мудрыхъ мужей, посылали ихъ на Москву—всему царству порядокъ строить, правду укрѣплять!.. Такъ вотъ онъ, дѣвка, какой-такой Бѣлый старичокъ-то!.. Правду-ли я говорилъ, что безъ него намъ, бѣднымъ, не милъ былъ бы и свѣтъ солнца божьяго!..

— А самъ ты жъ, дѣдушка, видалъ ли его? спрашиваю.

— И я врать, говоритъ, дѣвка, не хочу: самъ не видалъ, а слыхать — слыхалъ... И въ мое время были дѣла, не иначе, что черезъ Бѣлаго старичка. Вотъ предъ волей на Москвѣ тоже, слышно, звонъ былъ. Вспомнилъ старичокъ и русскую землю, и насъ, бѣдныхъ,—пришелъ, тронулъ людскую душу!.. Такъ-то вотъ, дѣвка, думаю я — быть ему скоро опять у насъ... Къ тому идетъ!..

— Такъ это онъ, что ли приходилъ? спрашиваю.

— Можетъ и онъ... Вѣрно, этотъ старичокъ не спроста.

— А что жъ, дѣдушка, ни звону, ни народнаго сбору не слыхать?

— А глупа еще ты, дѣвка: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается! Можетъ, еще онъ, старичокъ-то, и не разъ пройдетъ. Какъ душа-то людская зачерствѣетъ, такъ ее тоже не разомъ тронешь!.. Ой, дѣвка, дѣвка, молись, авось Господь смилуется надъ нами!..

Вздохнулъ дѣдушка, поохалъ, погрызъ черстваго хлѣба съ водой и полѣзъ на печку. А я, какъ сидѣла у стола, такъ все и сижу: нейдетъ у меня изъ головы Бѣлый старичокъ. И батюшку вспомяну, какъ онъ, можетъ, то же голодный, на

одномъ хлѣбушкѣ перебивается, али, можетъ, бродитъ во всякую непогодь изъ города въ городъ—все работы ищетъ, и себя съ сестренками да съ дѣдушкой вспомяну—чѣмъ мы будемъ завтра сыты: не миновать, не миновать намъ, должно, Христовымъ именемъ побираться. Да и мало ли у насъ на деревнѣ такихъ! Вонъ, въ сосѣдней деревнѣ почесть половина въ кусочки ходитъ... Подвяжемъ завтра на плечи котомки, да и пойдемъ... Ой, Господи! Царица Небесная! Стыдобушка! всплеснула я руками, сама на образъ смотрю... Не помню ужъ, долго ли я такъ сидѣла-сидѣла, да и заснула... И что же, дѣвушки, снится мнѣ чудное дѣло: чудится мнѣ, будто откуда издалече звонъ идетъ, такой звонъ веселый, радостный, какъ на свѣтлое воскресеніе, слышу—вотъ онъ все громче да громче, все ближе да ближе наплываетъ, и чѣмъ ближе звонъ, тѣмъ все свѣтлѣй да свѣтлѣй становится; вотъ и изба наша вся загорѣлась,—такъ въ ней стало свѣтло и радостно: потолки высокіе, чистые, кругомъ просторъ, стѣны, что золото, блестятъ, и запахъ отъ нихъ идетъ, что изъ лѣса весной. А я все, будто, никакъ проснуться не могу. Только вижу—подходитъ ко мнѣ дѣдушка, такой свѣтлый да радостный, рубаха на немъ чистая-чистая, борода бѣлая, лучами расчесана, словно къ причастію онъ сготовился, подошелъ и говоритъ: „вставай Ѳеня, молись!.. Бѣлый старичокъ пришелъ!.. Надо на народъ выходить". А самъ весело такъ улыбается и крестится. Вскочила это я — меня такъ свѣтомъ всю и обняло, что глаза заслѣпило. Глянула въ окно, а ужъ на улицѣ народъ валомъ валитъ... и все такой бодрый, веселый, праздничный, прибраны да разодѣты; вотъ и дѣвоньки наши показались, всѣ гурьбой идутъ, и впереди съ ними учительша,—и вся-то она въ бѣломъ, и будто лицо у нея стало еще свѣтлѣе, еще добрѣе. „Что же это я заспала, думаю, какъ же это такъ? Да нѣтъ, должно имъ не до насъ, бѣдныхъ: намъ для праздника и нарядиться не во что! Что своими обносками на глаза лѣзть!" Думаю такъ, а ужъ ко мнѣ сестренки подбѣгаютъ,—и всѣ-то нарядныя, въ рубахахъ бѣлыхъ да въ сарафанахъ кумачныхъ, кричатъ: „одѣвайся, сестрица, скорѣй!.. Вотъ, говорятъ, и наряды твои". Одѣлась я наскоро, не помню, какъ побѣжала на улицу съ сестренками, нашли мы нашихъ дѣвонекъ, идемъ вмѣстѣ, а народу на улицѣ будто видимо-невидимо, и ужъ вмѣсто избъ будто все высокіе каменные хоромы, подъ желѣзными крышами, и видимъ мы, выше всѣхъ стоитъ надъ народомъ Бѣлый старичокъ и держитъ въ рукахъ большую зажженную свѣчу, и такъ ласково на всѣхъ смотритъ, и говоритъ: „Это я, самъ Христосъ, къ вамъ пришелъ, къ вамъ, труждающимся... И принесъ, говоритъ, я къ вамъ любовь да свѣтъ. И вотъ, говоритъ, отъ сего дня *она* будетъ съ вами!" Смотрю, а около него стоитъ наша матушка, такая-то ли свѣтлая, да веселая и бодрая, въ чистой, ровно снѣгъ, одеждѣ, и онъ ей въ руки свѣчу отдаетъ... И будто взялъ онъ ее за руку и ведетъ къ намъ: „вотъ, говоритъ, ребятки, ваша мать. Теперь ужъ васъ съ нею никто не одолѣетъ: не изведутъ васъ ни напасти, ни трудъ, ни злые люди, только бы свѣча не погасла..."

Тутъ я и проснулась. Гляжу, а солнце мнѣ такъ въ глаза и рѣжетъ. „Дѣдушка, кричу, дѣдушка! Бѣлый старичокъ пришелъ... и маменьку съ собой привелъ!.."

Услыхалъ это дѣдушка, слѣзъ скоренько съ печи, самъ крестится: „гдѣ, гдѣ?" говоритъ. А ужъ утро совсѣмъ, и солнышко къ намъ въ окно такъ весело свѣтитъ; на улицѣ стадо собирается, коровы мычатъ, овцы блеютъ; пастушенокъ подъ окнами подогомъ постукиваетъ... Тутъ-то я и очнулась; очнулась и такъ мнѣ стало чего-то больно и жалко: нѣтъ съ нами матушки, нѣтъ!.. И залилась я горькими слезами, реву разливаюсь... Дѣдушка утѣшать меня принялся: „не плачь, говоритъ, дѣвка, этотъ сонъ тебѣ тоже не спроста... Вотъ, помяни мое слово: на твоемъ вѣкѣ все сбудется!.."

И что же, дѣвушки, хоть и горько мнѣ было, а послѣ дѣдушкиныхъ словъ ровно во мнѣ что поднялось, будто, какъ у матушки, невидимыя крылья у меня выросли, откуда силы взялись: утерла я наскоро слезы и побѣжала скотину убирать; убрала наскоро скотину, умылась, причесалась, на голову новый платочекъ повязала (и сама хорошенько не пойму, что это я дѣлаю; ровно за меня кто все одумалъ), и пошла къ старостѣ. „Ты что, говоритъ, дѣвка, спозаранку?" А у меня откуда храбрость взялась: „Такъ, говорю, нельзя, Прохоръ Петровичъ: у меня вотъ, говорю, на рукахъ малъ-мала меньше четверо, да дѣдушка старичокъ, а пропитанье у насъ дошло до послѣдняго, и взять намъ ужъ больше негдѣ". „Такъ что

же, говоритъ, мнѣ дѣлать-то?“ Самъ удивляется. „А то и дѣлать, говорю, что надо вамъ міръ собрать, да одумать наши дѣла, да пóмочь намъ назначить... Потому въ старыя времена никогда не полагалось, чтобы на міру люди отъ горя-нужды пропадали“... „Э, говоритъ, дѣвка! Это въ старыя времена было... Не такой нынче міръ“... „Нѣтъ, говорю, Прохоръ Петровичъ,—люди, слышно, всегда были одни, только надо душеньки имъ тронуть... А мы, говорю, у міра въ долгу не останемся...“

Говорю такъ, а сама отъ своей храбрости трушу да дрожу... Подивился на меня староста, посмѣялся, головой покачалъ: „Ладно, говоритъ, дѣвка, соберу міръ: пытай сама, ходатайствуй за себя...“

Точно, не обманулъ, собралъ весь міръ: порѣшили назначить помочь. И сама, дѣвушки, до сихъ поръ дивлюсь, откуда у меня духъ этакой взялся, откуда такихъ словъ набралась... Такъ думаю, оттого это, что все Бѣлый старичокъ у меня изъ ума не шелъ: какъ живой, стоялъ онъ предо мной, такой добрый да ласковый, и никакой боязни при немъ не чувствуешь, словно онъ это меня за руку водилъ...

Что значитъ надежда-то!..

Ну, вскорости и батюшка объявился. Попенялъ было ему дѣдушка, а онъ и говоритъ: „Что жъ, говоритъ, и самому не сладко было. Совсѣмъ оголодалъ. Моли Бога, что совсѣмъ не загибъ... А теперь вотъ, говоритъ, въ городѣ въ дворникахъ пристроился... Малымъ ребяткамъ, говоритъ, бобылку опять найму: живите здѣсь какъ ни то, а ты, Ѳенька, собирайся со мной, пора тебя къ дѣлу пристроить въ городѣ.

Вотъ и коротаю я съ вами теперь свой дѣвичій вѣкъ... Вотъ и судьба моя вся тутъ. А какова она — хорошо и сами знаете. Дѣдушка-то померъ, а батюшка мачеху взялъ городскую. Теперь ужъ ему отсюда не выбраться въ родныя мѣста!..

Ѳеня тихо всплакнула и замолчала.

— А это, Ѳеня, должно быть, тебѣ одно мечтаніе было—Бѣлый старичокъ-то, замѣтила грустно одна изъ дѣвушекъ.— Можетъ, это о болѣзни твоей сонъ-то былъ.

— Можетъ и мечтаніе... Только я такъ думаю, не даромъ же люди говорятъ объ этомъ... Мнѣ, вотъ, дѣвушки, все и теперь еще этотъ Бѣлый старичокъ представляется... Да онъ придетъ, — вѣрьте моему слову, дѣвушки: вѣдь я его, какъ живого, видѣла!.. Только ужъ мнѣ-то его не дождаться, чую я это... Ну, да что жъ, вы за насъ порадуетесь!.. А мы съ маменькой на васъ *оттуда* будемъ смотрѣть да радоваться!..

МЕЧТАТЕЛИ.

МЕЧТАТЕЛИ.

(Разсказъ.)

I.

Когда кто-нибудь спрашивалъ Липатыча или Дему, всякій тотчасъ же, съ особою готовностью, показывалъ въ уголъ длинной и высокой мастерской съ огромными закопченными и пыльными окнами, гдѣ они оба работали бокъ-о-бокъ: „вонъ, вонъ они, Липатычъ и Дема, у насъ, какъ же!“ И при этомъ всѣ почему-то улыбались непремѣнно, но улыбались добродушно, ласково, любовно, какъ будто одно напоминаніе о нихъ уже вызывало особое настроеніе въ душѣ заводскаго человѣка.

Липатычъ и Дема—оба были простыми рабочими въ механической мастерской и закадычные пріятели.

Липатычъ былъ старый служака, выслужившій уже всѣ сроки на пенсію, если бы только послѣдняя для него существовала; Дема былъ почти вдвое его моложе. Липатычъ былъ давно одинокъ и давно уже семьей была для него только та постоянно мѣнявшаяся артель, въ которой онъ работалъ; Дема же былъ женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтишекъ. У Липатыча, поэтому, не было своего хозяйства, и онъ нанималъ „уголъ“ въ каморкѣ Демы, а ребятишки Демы звали его „дѣдушкой“.

И Липатычъ и Дема были крестьяне, но Липатычъ такъ давно уже былъ увезенъ изъ деревни въ „учебу“, что совсѣмъ забылъ о своемъ деревенскомъ происхожденіи: ему казалось, что не только онъ самъ никогда не выходилъ за предѣлы „заводской округи“, но что и родился онъ чуть ли не въ самой мастерской. Это былъ истинно рабочій человѣкъ,—та всѣмъ знакомая городская „мастеровщина“, у которой, какъ извѣстно, есть свой „нравъ“.

Дема—совсѣмъ наоборотъ. Несмотря на то, что онъ уже лѣтъ десять работаетъ рядомъ съ Липатычемъ, несмотря на то, что уже давно и семью къ себѣ выписалъ онъ изъ деревни,—онъ весь жилъ въ деревнѣ; онъ за всѣ эти десять лѣтъ какъ будто не видалъ хорошенько своей мастерской; она съ утра до вечера только неясно, въ какомъ-то туманѣ мелькала предъ нимъ. И заводъ, и самый городъ—это было для него что-то временное, переходящее, какъ сонное видѣніе, какъ станція, на которой останавливаются на нѣсколько минутъ, чтобы проглотить кусокъ. Предъ нимъ, въ туманной дали, какъ желанная пристань, постоянно носилась деревня; вмѣсто закопченныхъ и сырыхъ стѣнъ мастерской, среди грохота и шума машинъ и инструментовъ, онъ слышалъ трели жаворонка, скрипъ возовъ съ сѣномъ и снопами, говоръ сельской улицы; онъ видѣлъ свою избу, свою корову, лошадь, широкія поля, чистое бирюзовое небо, зеленый лѣсъ и... и просторъ, просторъ необозримый. „Вотъ ужъ скоро!—думалъ онъ постоянно и упорно каждый вечеръ, кончая работу въ мастерской:—вотъ еще развѣ годокъ только, а тамъ съ ребятами переберемся къ себѣ въ деревню... И жена вздохнетъ... Все же оно тамъ привольнѣй, а то здѣсь, въ прачкахъ, уморилась... Тѣснота, сырь, болѣзни... Только бы вотъ на хозяйство скопить, а тамъ и шабашъ!..“ Но проходилъ годъ, другой, а Дема все стоялъ у станка съ утра до ночи, а другой разъ и съ ночи до утра, и предъ нимъ попрежнему, вмѣсто грязнаго, темнаго и вонючаго заводскаго двора, разстилался чистый

благоуханный просторъ деревенскаго поля... Дема, однимъ словомъ, былъ ненадежный человѣкъ среди коренного заводскаго населенія; онъ принадлежалъ къ той особой, впрочемъ, у насъ еще довольно значительной, группѣ рабочихъ, которая извѣстна на заводахъ подъ кличкой „деревни".

Таковы были наши два пріятеля. Дема уважалъ и, по своему, даже любилъ Липатыча; Липатычъ былъ привязанъ къ Демѣ, но, какъ городской человѣкъ и притомъ пожилой, нѣсколько ему какъ будто покровительствовалъ. Вообще они жили мирно и дружно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на Липатыча „находило" или „накатывало", какъ самъ онъ говорилъ, и когда Дема за него „опасался". Особенно часто стало „находить" на Липатыча въ послѣднее время,—оттого ли, что онъ чаще сталъ прихварывать, или по другимъ причинамъ. Прихворнувъ, теперь обыкновенно Липатычъ сердито говорилъ: „Ну, пора, пора тебѣ, служака, въ яму лѣзть! Чего еще ждать?.. Сваливай колоду—отслужила!.. Кому нужда въ гнилой колодѣ!.. На гнилую колоду неоткуда и слезѣ капнуть!.." Дема обыкновенно обижался на эти рѣчи Липатыча, но въ душѣ, тѣмъ не менѣе, хорошо понималъ и чувствовалъ, какъ холодъ одиночества снѣдалъ Липатыча, и старался его утѣшить. Однако Липатычъ этого не любилъ. „Ну, деревня, распустила нюни!.. А ты гляди прямо, въ самую точку... Нечего глаза-то въ сторону сворачивать!.." ворчалъ онъ. И дѣйствительно, чуть только болѣзнь „отпускала" Липатыча,—онъ снова бодро несъ свою рабочую службу, и только теперь чаще, чѣмъ прежде, разнообразя ее взрывами того особаго „озорства", которое знало за Липатычемъ все населеніе завода.

— Эй, деревня! Али помирать здѣсь задумалъ?—говорилъ однимъ воскресеньемъ Липатычъ, входя въ мастерскую, гдѣ уже всѣ не только кончили „казенные уроки", но и то, что успѣли урвать изъ „казеннаго времени" на свой собственный барышъ, а Дема, ничего не замѣчая и не слыша, продолжалъ неистово визжать громаднымъ рашпилемъ по куску стали, воображая, можетъ быть, что жаворонокъ напѣваетъ ему свои трели.

— Ты чего же, деревня, забылъ что ли, что нонѣ праздникъ?.. Чего жадничаешь? Васъ бы, жадныхъ, давно слѣдовало по шеямъ съ завода... Баловство вотъ эдакое заведете, да потомъ по деревнямъ и разбѣжитесь... Брось, говорю, эту ахинею—все объ одномъ думать... Я, братъ, думалъ тоже. Не хватись во время, смотрѣлъ бы давно впередъ затылкомъ... На гвоздь ужъ веревку прилаживалъ... Богъ спасъ!.. Я вотъ и одинъ, да отъ такой подлости отбился, а у тебя семья... Брось, говорю...

— Ты, Липатычъ, другой человѣкъ,—тихо и какъ-то мечтательно замѣтилъ Дема.

— Какой такой другой человѣкъ? Почему такъ?—обидѣлся Липатычъ, грозно сверкая темными глазами изъ-подъ сѣдыхъ бровей:—Это еще надо доказать... Да... И ты человѣка старше себя обижать не имѣешь права.

Липатычъ былъ вообще очень чуткій человѣкъ ко всякой обидѣ; теперь же онъ окончательно былъ разсерженъ и хотѣлъ уйти, не дождавшись пріятеля.

Тогда Дема, взглянувъ мелькомъ на Липатыча, грустно почему-то покачалъ головой и сказалъ:

— Я васъ, Вавилъ Липатычъ, обижать не намѣренъ... Я только къ тому, что у меня—одно мечтаніе, а у васъ—другое. Я вотъ къ чему.

— Ты такъ и говори... А то—другой человѣкъ!.. Мы, братъ, всѣ они одни, человѣки-то!.. Пойдемъ чай пить.

Оба пріятеля выбрались изъ мастерской и пошли по направленію къ трактиру, и трудно было опредѣлить, кто изъ нихъ былъ старше, такъ какъ Липатычъ всегда шелъ впереди, гоголемъ, гордо и вызывающе поднявъ, какъ пѣтухъ, голову, покрытую копной сѣдыхъ волосъ, на которой сбоку, блиномъ, лежалъ замасленный картузъ, а обѣ руки были засунуты въ штаны подъ блузу; Дема же, напротивъ, шелъ тихо, медленно двигая длинными ногами, сутуловато согнувъ широкую спину и опустивъ внизъ изъѣденное оспой широкое добродушное лицо, съ мясистымъ носомъ и крупными губами, какъ будто его неустанно пригнетала его неотвязная дума.

Въ ближайшихъ къ заводу трактирахъ и портерныхъ стоялъ дымъ коромысломъ; всѣ столы были заняты. Двери уже не визжали, а какъ-то жалобно стонали, устало и изнеможенно. Липатычъ и Дема сѣли рядомъ съ одной кучкой рабочихъ. Липатычъ заказалъ чаю и мрачно молчалъ. Дема уже не разъ внимательно и опасливо взглядывалъ на него и чувствовалъ, что

нынче Липатычу не по себѣ и что, того гляди, онъ окажетъ свое „озорство“.

Рядомъ сидѣвшіе рабочіе о чемъ-то громко бесѣдовали, когда Липатычъ совершенно неожиданно прервалъ ихъ, не обращаясь въ частности ни къ кому.

— Я говорю, что всему причина духъ этотъ самый... нѣмецкій,—твердо и увѣренно выговорилъ Липатычъ на всю комнату нѣсколько осипшимъ басомъ, поднявъ вызывающе, какъ и всегда, свою сѣдую львиную голову и сверкая изъ-подъ сѣдыхъ бровей темными глазами.—Да, и отъ этого къ намъ всякая пакость идетъ...

— Ну-у! — проворчалъ Дема и сокрушенно покачалъ головой. Онъ уже зналъ, что такой приступъ ни къ чему хорошему не приведетъ, если Липатычъ попалъ на эту „линію“.

— Не смѣй! Молчи!—замахалъ Липатычъ грозно своей, припявшей уже совсѣмъ стальной цвѣтъ, рукой, предупреждая возраженіе.—Я знаю, что говорю... Сорокъ пять лѣтъ онъ у меня вотъ гдѣ сидитъ... И какъ его только къ намъ черезъ границу пропущаютъ — диво!.. Деньги, главная вещь, — не иначе... Потому, нѣтъ, чтобы перенять что ни то хорошее отъ него, а все норовятъ пакость самую... Вотъ отъ этого и нѣтъ ни свѣту, ни вздоху для рабочаго человѣка... Это просто одна подлость, али измѣна!.. Да, ума нѣтъ — вся причина: дурачье! Больно ужъ смиренъ да богобоязливъ русскій человѣкъ, страхъ Божій у него есть,—вотъ его всякій и лупитъ и въ хвостъ, и въ гриву...

— Ну, братъ, тоже... — возразилъ вдругъ одинъ молодой, худенькій и низенькій рабочій, въ новой синей блузѣ, съ темнымъ маленькимъ лицомъ, длиннымъ сухимъ носомъ и быстрыми бѣгающими глазками, котораго всѣ звали Юркой:—другой русскій тоже, братъ... есть тоже такіе... хахали!.. О, о! Еще почище нѣмца... Еще они самимъ-то нѣмцемъ, въ родѣ какъ колбасой, закусятъ, да жидомъ поперечатъ!..

Громкій хохотъ десятка голосовъ раскатился по трактиру.

— Что-о?—сурово спросилъ Липатычъ.

— А вотъ и то! — говорилъ поощренный Юрка, входя въ азартъ.—Брешешь ты—вотъ что! Нѣмецкій духъ!.. Своего весьма достаточно... Зачѣмъ вишь за границу пущаютъ, измѣна! А ты вотъ поди отъ своихъ заграницу уставь... Да! Попробуй—устрой шламбаумъ?

— Ты со мной не смѣй такъ говорить... Слушай ухомъ, а не брюхомъ объ чемъ говорятъ,—степенно-сурово сказалъ Липатычъ.—Молодо-зелено такъ-то разговаривать... Послужи съ мое... Сорокъ пять лѣтъ...

— Что—сорокъ пять лѣтъ! Заладилъ одно!.. Тутъ, братъ, наука-то не хитра... Мы тоже побывали въ разныхъ хорошихъ мѣстахъ, насмотрѣлись прелестей... Нѣмцы! И нѣмцы есть хорошіе люди... Тутъ не въ нѣмцѣ дѣло, а въ положеніи лица... въ жизни... въ самой то-есть жизни... Понялъ?.. Вотъ я тебѣ и говорю—своихъ подлецовъ весьма достаточно... Русачокъ-то, онъ, братъ, тоже скользкій, мыломъ смазанъ... хоть бы нашъ Псой Исоичъ!.. Да чего далеко ходить: середь насъ самихъ такіе есть братцы-русачки—ихъ голой-то рукой не трожь... Ящеры! ха-ха! — засмѣялся Юрка своей собственной остротѣ, и хохотъ гостей снова потрясъ жидкія трактирныя перегородки, а на лампахъ задребезжали стеклянныя подвѣски.

— Молчи!—крикнулъ Липатычъ, грозно поднимаясь изъ-за стола.—Какъ ты смѣешь такія слова говорить про своего брата? про рабочаго?.. Ящеры?.. Да ты кто самъ-то?—И вдругъ Липатычъ, схвативъ Юрку за плечи своими могучими руками, затрясъ его, какъ медвѣдь молодую осину. — Ты кто, молошная твоя губа? — спрашивалъ Липатычъ, сверкая глазами и подставляя свой толстый съ синеватымъ налетомъ носъ къ самому лицу Юрки. Юрка не ожидалъ такого наступленія: онъ смутился и медленно отступалъ, когда, не торопясь по обыкновенію, подошелъ къ Липатычу Дема и ласково и тихо положилъ ему на плечо руку.

— Вавилъ Липатычъ, нельзя такъ, — проговорилъ онъ: — не справедливо... У всякаго своя есть правда... и всякій воленъ свою правду говорить... Надо быть справедливымъ...

— Ежели правда—всегда скажу! - заговорилъ ободренный защитой и Юрка.— Почему правду нельзя говорить?

— Убью!.. Молчи!.. Слышишь, убью за свово брата!—крикнулъ Липатычъ на Юрку, не обращая вниманія на Дему.— Всѣ поносятъ, всѣ...и ты еще... Дубина-а эдакая!..—выразительно закончилъ Липатычъ и оттолкнулъ, хотя и осторожно, могучими руками слабаго и худенькаго Юрку къ стѣнѣ. Затѣмъ онъ сурово окинулъ взглядомъ Дему и, ничего не ска-

завъ, отвернулся отъ него въ сторону. Въ это время Юрка, чтобы оправиться и нѣсколько поддержать въ себѣ упавшій духъ, сталъ крутить дрожащими руками сигаретку, опасливо посматривая исподлобья на Липатыча, который продолжалъ стоять посрединѣ комнаты, обводя возбужденнымъ взглядомъ все еще смотрѣвшую на него толпу трактирныхъ гостей. Это временное затишье, повидимому, опять придало храбрости неугомонному Юркѣ.

— Правду, братъ, не скроешь,—снова осмѣлился онъ замѣтить, хотя и значительно тише.—Видали мы народецъ и изъ нашихъ русачковъ... Видали, братъ... Плодится онъ теперь не меньше нѣмца... Не къ чему и за границу посылать!.. Тоже нѣмецкій вкусъ понимаемъ! — уже довольно свободно закончилъ Юрка, попадая въ прежній тонъ снова, когда раздался поощрительный хохотъ.

— Отстанешь ты? А? Ты меня, окаянный, до какой степени довести хочешь?— уже не сказалъ, а какъ-то зашипѣлъ на Юрку Липатычъ, высвобождая изъ кармановъ руки. Замѣтивъ жестъ Липатыча, Юрка не рѣшился продолжать. Но зато вдругъ возмутился смиренный Дема; съ нимъ произошло что-то странное; онъ весь покраснѣлъ, потъ выступилъ у него на лбу, прежде чѣмъ онъ собрался говорить.

— Не хорошо... такъ... Нѣтъ, не хорошо,—сказалъ онъ, не глядя на Липатыча, и на лицѣ его уже не было обычной грустной улыбки; оно было сердито, и напружившіяся на лбу жилы побагровѣли отъ непривычнаго волненія и напряженія. — Что жъ, коли правда?.. Правду долженъ говорить всякій... Надо быть справедливымъ... Особливо старому человѣку... Это—первое дѣло!..

Липатычъ подозрительно и удивленно взглянулъ на Дему.

— Правда по твоему? Правда, говорите?.. А? Такъ на что же тогда надѣяться-то, надѣяться на что, окаянные вы люди?—крикнулъ Липатычъ, но вдругъ въ самомъ концѣ его голосъ неожиданно надтреснулъ, задрожалъ, онъ почувствовалъ, какъ что-то поднялось у него къ горлу и слезы подступили къ глазамъ.

Липатычъ смутился, быстро отвернулся, отошелъ въ свободный уголъ и затѣмъ, подойдя къ стойкѣ, сердито сказалъ буфетчику: „налей!..“ Онъ выпилъ стаканъ водки, и, не закусывая, ни на кого не смотря, не оборачиваясь, сердито вышелъ въ другую, заднюю дверь.

Дема все время исподлобья слѣдилъ за нимъ — и опять грустная, задумчивая улыбка чуть замѣтно появилась на его губахъ.

— Липатычъ - то нашъ... загрустилъ, братцы,—уже совсѣмъ развязно сказалъ окончательно оправившійся Юрка, подсаживаясь къ товарищамъ.

— Загрустишь, братъ,—замѣтилъ глухо кто-то изъ дальняго угла.—Еще то ли заговоришь, какъ во тьмѣ-то кромѣшной тридцать лѣтъ просидишь!

Дема при этомъ вдругъ о чемъ-то вспомнилъ, можетъ быть, о своемъ собственномъ „мечтаніи“, и глубоко вздохнулъ. Онъ было поднялся, чтобы выйти изъ трактира, какъ, тихо и медленно ступая, словно въ туфляхъ, подошла къ нему и къ Юркѣ какая-то странная фигура, въ длинномъ, потасканномъ и засаленномъ пальмерстонѣ, въ резиновыхъ калошахъ, вмѣсто сапогъ, въ старомъ цилиндрѣ, съ большими очками на толстомъ носу и съ бритымъ подбородкомъ. Странная фигура сняла цилиндръ, оголивъ совсѣмъ гладкій черепъ, обрамленный жидкими рыжеватыми съ просѣдью волосами, и стала низко раскланиваться, улыбаясь и причмокивая ввалившимися губами.

Юрка вопросительно и нѣсколько даже нахально вскинулъ на нее глаза.

— Извините... Позвольте пожать ваша честна рука,—сказала фигура, протягивая сначала Демѣ, потомъ Юркѣ свою пухлую, красную, съ рыжими веснушками руку.—Вы добра душа... Да... Мы тоже бывайтъ много несчастливъ... О, да, да!.. Много труда и много несчастливъ... Надо быть справедливый!.. Богъ одинъ...

И фигура, жалостно улыбаясь, робко раскланялась и снова отошла, надѣвъ цилиндръ.

— Пфръ!—фыркнулъ Юрка и вслѣдъ ей сдѣлалъ самую школьническую гримасу; сидѣвшіе съ нимъ рабочіе фыркнули въ свою очередь и громко засмѣялись.

Жалкая фигура медленно повернулась и въ недоумѣніи посмотрѣла на нихъ.

— Богъ одинъ для всѣхъ!—повторила она и, снова жалобно и ласково улыбнувшись, повернулась и пошла къ двери.

Дема былъ взволнованъ и всею исторіей съ Липатычемъ, и этою сценой, которую онъ не могъ понять хорошенько, но отъ которой чувствовалъ тяжесть на душѣ, и ему не нравился смѣхъ рабо-

чихъ. Онъ взялъ фуражку и незамѣтно выбрался изъ трактира.

II.

Липатычъ быстро шелъ по заводской улицѣ, расталкивая попадавшіеся ему группы рабочихъ. Напряженно растерянными глазами онъ глядѣлъ впередъ себя и, повидимому, кого-то и что-то искалъ, но кого ему нужно было, онъ никакъ не могъ припомнить. Онъ только чувствовалъ, что ему было душно и жарко и что внутри у него что-то „подкатывало" и клокотало, какъ въ котлѣ съ кипяткомъ. Онъ скоро и незамѣтно дошелъ до конца улицы—и остановился: предъ нимъ былъ пустырь. Тогда онъ вдругъ какъ будто что-то вспомнилъ и, быстро повернувшись, пошелъ къ своей квартирѣ, Тамъ была жена Демы,—высокая, худая, съ высохшей грудью женщина, которая шила у окна, и ея ребятишки. Ребятишки бросились было весело къ Липатычу, но, взглянувъ на его лицо, пугливо и смущенно остановились. Липатычъ этого не замѣтилъ. Онъ стоялъ среди каморы и разсѣянно оглядывалъ ее. Наконецъ, онъ спросилъ: „нѣтъ его?"

— Да, вѣдь, онъ съ вами пошелъ, Вавилъ Липатычъ.

— Куда пошелъ?—строго допрашивалъ Липатычъ.

— Да, вѣдь, вы въ трактиръ пошли... вмѣстѣ пошли... всегда вмѣстѣ... Я ужъ и не знаю — какъ-такъ вышло, что вы другъ отъ друга отбились.

Липатычъ опять что-то вспомнилъ, сошелъ съ лѣстницы, но вдругъ вернулся, вынулъ изъ кармана горсть подсолнечныхъ сѣмянъ, молча насыпалъ ихъ въ подолы ребятишкамъ, и снова вышелъ на улицу. Подойдя къ трактиру и заглянувъ, не входя, въ дверь, онъ, наконецъ, казалось, все понялъ и уже увѣренно, какъ къ опредѣленной цѣли, зашагалъ крупными шагами за заводскую округу. Чѣмъ дальше оставлялъ онъ за собой и невнятный гулъ, и говоръ заводской улицы, и пѣсни, и визгъ гармоники и трактирныхъ дверей, тѣмъ онъ начиналъ чувствовать спокойнѣе на душѣ и какъ будто приходить въ себя: его не душило больше и не клокотало внутри. Онъ шелъ минутъ десять. За заводомъ скоро городъ кончился и за небольшимъ выгономъ уже начались поля: рожь, гречиха, горохъ... Кругомъ было такъ тихо, что Липатычу не вѣрилось, что у него не шумитъ въ ушахъ, не бьетъ въ голову, не вертится все колесомъ предъ глазами. Онъ остановился, посмотрѣлъ на ясное, безпредѣльное небо и вздохнулъ: „о, Господи!.. Господи!—прошепталъ онъ.—Благодать!.." Ему стало почему-то грустно, но и хорошо. Потомъ онъ почему-то подумалъ: „али умирать ужъ пора?.." И при этомъ онъ почувствовалъ, что тамъ, на самой глубинѣ души, что-то еще ныло и болѣло, за что-то было обидно... Онъ опять вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ сюда, и сталъ кого-то внимательно высматривать. Вонъ вдали, среди самого поля, онъ замѣтилъ черную фигуру, неподвижно сидѣвшую въ глубинѣ межи. „Онъ самый!" — подумалъ Липатычъ и, утвердительно мотнувъ своею лохматою сѣдою головой, подошелъ къ полямъ.

Между двумя полосами высокой золотистой ржи сидѣлъ на пригоркѣ одинъ-одинешенекъ Дема и задумчиво дѣлалъ букетикъ изъ нарванныхъ имъ васильковъ, ромашки и ржаныхъ колосьевъ. Грубые и почернѣвшіе отъ желѣзной пыли пальцы плохо ладили съ тонкими и нѣжными стеблями и лепестками. Но Дема, кажется, мало обращалъ на это вниманія. Онъ иногда бросалъ въ сторону сдѣланный букетикъ, срывалъ нѣсколько новыхъ колосьевъ ржи и начиналъ внимательно вглядываться въ нихъ, считать сѣмена, пробовать ихъ на языкъ. И въ то же время онъ что-то мурлыкалъ себѣ подъ носъ: это была какая-то длинная-длинная и безконечно грустная мелодія, состоявшая даже не изъ словъ, а изъ однихъ пѣвучихъ звуковъ.

Липатычъ подошелъ къ Демѣ и тихо остановился возлѣ него. Дема мелькомъ взглянулъ на него и снова взялся за букетикъ, продолжая мурлыкать. Липатычъ молча присѣлъ къ нему и сталъ вертѣть бумажную сигаретку.

— Я такъ и зналъ... Здѣсь, моль, онъ, безпремѣнно,—наконецъ, замѣтилъ Липатычъ, не глядя на Дему и, повидимому, весь занятый собственными мыслями.

Дема молчалъ.

— Безпремѣнно! Я такъ и зналъ,—опять говорилъ Липатычъ и уже начиналъ раздраженно сплевывать, затягиваясь крѣпкимъ дымомъ махорки. — Да все одно—ахинея... Ничего не будетъ... Это вотъ ежели умирать пора—точно, мѣста прекрасныя... Пожалуйте, милости про-

симъ!.. И могилка свѣжая, и цвѣточки прорастутъ... Въ лучшемъ видѣ!..

— Что жъ, Вавилъ Липатычъ, я, вѣдь, кажись, никому своимъ занятіемъ не мѣшаю,—грустно замѣтилъ Дема,—на глаза не лѣзу... Стараюсь сторониться...

— Не мѣшаю!.. Не мѣшаешь — да не такъ разсуждаешь!.. Вотъ объ чемъ я говорю, — строго и даже сурово сказалъ Липатычъ.

— Въ чемъ же я не такъ разсуждаю?.. Только что на счетъ правды... Правду свою всякій долженъ говорить предо всѣми. Запрещать это нельзя, и притомъ съ кулаками!.. Надо быть справедливымъ, — въ свою очередь возразилъ Дема въ отвѣтъ на строгое поученіе Липатыча, стараясь по возможности говорить резоннстѣе и поучительнѣе.

— Заладилъ!..—раздраженно замѣтилъ Липатычъ и сердито сплюнулъ. — Словно попъ... ха!.. Право, словно попъ,— повторилъ Липатычъ и фыркнулъ въ бороду: ему почему-то понравилось самому это сравненіе Демы съ попомъ.

Оши оба замолчали. Дема все думалъ, что̀ бы такое сказать, чтобы окончательно успокоить и себя, и Липатыча. И, наконецъ, сказалъ то, что говорилъ всегда въ затруднительныхъ случаяхъ.

— Я вамъ всегда говорилъ, Вавилъ Липатычъ: оттого вы на меня осерчаетесь, что у васъ — одно мечтаніе, а у меня—другое.

Но это замѣчаніе, повидимому, не произвело теперь того впечатлѣнія на Липатыча, какое производило прежде. Дема искоса посмотрѣлъ на стараго пріятеля— и удивился. Липатычъ, очевидно, совсѣмъ не слыхалъ, что сказалъ Дема; онъ сидѣлъ, нагнувъ сѣдую большую голову надъ колѣнками, и до того смотрѣлъ грустно и раздумчиво въ разстилавшуюся предъ нимъ даль, что Дема почти не узналъ Липатыча. Никогда еще не видалъ онъ его въ такой „меланхоліи", и Демѣ стало почему-то жалко старика, и вдругъ онъ понялъ какъ будто, зачѣмъ это его старый пріятель заговорилъ нынче такъ насмѣшливо о „могилкѣ".

— Эхъ, братъ, Демьянъ Петровичъ!— неожиданно заговорилъ Липатычъ такимъ необычно мягкимъ голосомъ, все посматривая предъ собою въ даль, что Дема невольно, какъ будто ожидая чего-то необыкновеннаго, насторожился, стараясь не проронить ни одного слова своего пріятеля.—Тоже, другъ, говорятъ: правда!.. Видали и мы эту самую правду... Видали!.. Не обидѣлъ Богъ. Было у меня такое времячко въ моей жизни... Тоже старъ ужъ я, добрая ты душа, грѣшить-то зря, али попусту языкомъ болтать. Тоже слова-то они съ языка не спуста идутъ... Гляди, не нонѣ-завтра въ яму свалите... Было и у меня времячко. Давно ужъ это было, признаться... Ты еще тогда, поди, безъ штановъ бѣгалъ... Эвона когда это!.. Тянулъ это я тогда лямку на нѣмецкомъ заводѣ, въ Питерѣ, по Шлиссельбургскому трахту... Ну, тяну эту лямку, какъ быть, по чести, умный ты человѣкъ,—а не то что... Тогда я, даромъ что моложе былъ, — куда былъ скромнѣе... Это ужъ я, умная ты голова, отъ старости озорую!.. А ты думалъ, я ужъ всегда былъ такой пропащій?.. Нѣтъ, погоди, другъ... Такъ вотъ, служу я, значитъ, у этихъ нѣмцевъ вѣрой-правдой, жизнь свою для нихъ покладаю и конца этому не чаю; только, лѣтечкомъ этакъ, помню, вдругъ къ намъ въ мастерскую гости!.. Добро пожаловать... Впереди дирехторъ нашъ идетъ, значитъ, дорогу показываетъ, все объясняетъ, а за нимъ персона со звѣздой, а тамъ еще персона, а за ними все юнцы — десятка два ихъ было, али три... Идутъ, работы разсматриваютъ, инструменты, машины... Ну, глядятъ—такъ глядятъ, и шабашъ!.. Поглядѣлъ и я на нихъ, а потомъ думаю— чего намъ въ нихъ!.. Ихъ дѣло—глядѣть, наше дѣло—статья особая... Забралъ въ руки напильникъ—только свистъ пошелъ за ушами!.. Глядь, кто-то меня по плечу трогаетъ... Обернулся, а вокругъ меня все гости стоятъ... Отеръ рукавомъ лобъ, смотрю на нихъ, — что дальше будетъ. „Молодецъ,—говоритъ одинъ персона,— люблю такихъ!.. Эка, говоритъ, силищато!.. Ну-ка,—говоритъ другому персонѣ,— ощупайте его!.. Жилы-то, жилы-то—проволока, говоритъ!.. А это—кремень!.." А самъ это меня пальцами то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ потычетъ. Ну, думаю себѣ, что-то будетъ съ тобой, Липатычъ!.. Какъ бы тебя на конную площадь въ продажу къ барышникамъ не пустили!.. А персона тутъ и говоритъ нашему дирехтору: „отдайте, говоритъ, его намъ... Мы, говоритъ, его на выставку выставимъ!" Смѣется. Дирехторъ говоритъ: „съ удовольствіемъ!.." И раскланивается... Ему что я!.. Конечно, съ нашимъ удовольствіемъ, хоть въ омутъ головой спущай... „Ну, хочешь, говоритъ, братецъ, къ намъ

въ техническую школу?.. Вотъ, ты будешь работать, а наши молодцы эти будутъ смотрѣть на тебя да къ дѣлу пріучаться. Жалованья, говоритъ, тебѣ будетъ столько-то, работы столько-то...“ Говоритъ онъ, а у меня предъ глазами ровно ужъ мухи летаютъ... Ну, думаю,— должно Создатель съ небеси на меня своимъ окомъ воззрилъ... Эко, подумаешь, на человѣка счастье сдуру нанесло!.. Ну, и пожилъ я тогда, умный ты человѣкъ!.. Было времячко и у насъ!.. Было!.. Что!.. Самъ себѣ хозяинъ, самъ себѣ работникъ!.. Встанешь утромъ съ прохладой, пойдешь въ мастерскія, матеріалъ, струментъ изготовишь... Самъ это, братецъ, въ чистой блузѣ ходишь... Сапоги глянцемъ наведешь... Рыло-то съ мыломъ вымоешь... Ну, а тамъ, глядишь,—налетитъ къ тебѣ въ мастерскія молодая команда... Шу-шу!.. Зажужжитъ, что улей... Молодо все, весело... Все барчуки... Недѣля прошла, а ужъ всё со мной ровно вѣкъ прожили... Одинъ кричитъ: Липатычъ! мнѣ бы то, пожалуйста... другой: Вавило Липатычъ, будьте добренькіе, мнѣ бы это показать: какъ тутъ, да какъ тамъ... Ну, а ты, значитъ, этакъ держишь себя строго, въ нотѣ,—тому покажешь, другому... Объяснишь все, обстоятельно... Полюбилъ, другъ мой, я эту молодягу, ну, вотъ ровно своихъ племяшей... Такая у насъ дружба пошла... А вечеромъ, коли главный наставникъ уйдетъ, побрасаютъ инструменты, заберутся кучкой въ уголъ, на станкахъ, на чурбанахъ усядутся, и тутъ-то пойдутъ бесѣды!.. Меня притащутъ, посередь себя посадятъ... Про наше житье заставятъ разсказы говорить... И пойдутъ: кто что знаетъ!.. „Эхъ, господа,—закричитъ какой ни то кудряшъ,— кабы вотъ рабочаго человѣка такъ-то устроить... по-божьему!..“ А другой кричитъ: „кабы вотъ и мужичку деревенскому такое жъ одолженіе насчетъ жизни сдѣлать?“.. А третій разскажетъ, какъ по другимъ странамъ нашъ рабочій человѣкъ живетъ... И все такъ любовно... Все чтобы какъ доброе сдѣлать трудящему, значитъ, человѣку... Помню, одинъ такой кудряшъ былъ... Говоритъ, у мово, говоритъ, дяденьки фабрика; умретъ — мнѣ достанется... Я, говоритъ, первымъ дѣломъ по любви... Скликну, говоритъ, рабочихъ: вотъ, молъ, братцы, такъ и такъ, по любви будемъ жить... Я предъ вами весь на чистоту буду... Обо всемъ сообща будемъ договариваться. Я въ чемъ прошибусь — вы поправьте; вы въ чемъ недомекаете — я укажу... Говоритъ, а у самого глаза такъ и играютъ... Извѣстно—вьюношъ!.. А тутъ, глядь, кто ни то пѣсню затянетъ... Однимъ махомъ подхватятъ, такъ ровно къ небесамъ и вынесутъ!.. Голоса молодые, воздуху забираютъ въ полную волю!.. Да, было времячко, Демьянъ Петровичъ, и у меня... Есть чѣмъ вспомнить... Да! Пожилъ Липатычъ часокъ!.. Ну, и за то спасибо... Благодаримъ покорно!.. Такъ ли?

И Липатычъ какъ-то особенно выразительно высморкался на сторону—и замолчалъ. Онъ ждалъ, можетъ быть, что скажетъ Дема. Но Дема словно застылъ, уставивъ глаза въ землю, какъ будто разсказъ Липатыча убаюкалъ его до сонныхъ грезъ.

— Ну и что жъ послѣ того?—спросилъ Липатычъ и долго смотрѣлъ на Дему. Но Дема не шелохнулся.

— Измѣна!.. — выразительно сказалъ Липатычъ.

— Слышь, Демьянъ Петровичъ, что я говорю: измѣ-ѣ-на-а!—строго и отчетливо выговорилъ Липатычъ.—И что всему начало и причина—нѣмецъ... Вотъ, что я говорю... Ты теперь пойми!..

Дема зашевелился. Очевидно, онъ готовился что-то, наконецъ, сказать.

— Что жъ, Вавило Липатычъ,—почему жъ нѣмецъ?.. Развѣ измѣна безъ нѣмца быть не можетъ,—сказалъ онъ.

— Гдѣ эти юнцы?... Ты мнѣ скажи,— гдѣ они?—строго спросилъ Липатычъ.

— Выросли, надо быть...

— Гдѣ жъ они рощеные-то?

— Вы, Вавило Липатычъ, не огорчайтесь очень,—мягко замѣтилъ Дема.—Гдѣ жъ имъ быть?.. Знамо, они не нѣмцы, а наши... барчуки... Проживаютъ гдѣ ни то, потому они по мастерскимъ, или гдѣ около простого рабочаго... черной работой заниматься не станутъ... А живутъ гдѣ ни то, по-благородному... Можетъ по за границамъ.

Вдругъ Липатычъ поднялся и, нагнувшись къ самому уху Демы, сказалъ какимъ-то тяжелымъ удрученнымъ шопотомъ:

— Вотъ тутъ и есть... измѣна!.. Это онъ самый ихъ деньгой обошелъ!.. Отшибъ—прямое дѣло!..

Дема сомнительно покачалъ головой.

— Ну? что еще?—сурово прикрикнулъ на него Липатычъ, выпрямляясь во весь ростъ. Дема опасливо взглянулъ на не-

го: предъ нимъ снова стоялъ прежній Липатычъ, тотъ „озорной старикъ“, котораго зналъ и по-своему любилъ весь заводъ.

— Вотъ, Вавилъ Липатычъ,—замѣтилъ Дема такъ же сурово: — вы вотъ все на сторонѣ вину ищете... А я говорю: надо быть справедливымъ... особливо старому человѣку...

Липатычъ сурово посверкалъ на Дему своими черными глазами, плюнулъ — и, засунувъ руки въ карманы штановъ, сердито посвистывая, гордымъ гоголемъ пошелъ къ заводу.

Дема только грустно покачалъ головой и остался. Онъ любилъ и очень уважалъ Липатыча, но онъ никакъ не могъ, по мягкости и разсудительности своей натуры, переносить рѣзкій, нетерпимый тонъ, который въ послѣднее время все больше и больше прорывался у Липатыча, — а потому часто на него обижался. Дема зналъ Липатыча давно, слышалъ, какъ онъ ругаетъ ругательски „нѣмцевъ“, и спачала просто не понималъ, почему это Липатычъ распалялся всегда такой къ нимъ ненавистью. На заводѣ, на которомъ служили онъ и Липатычъ, было и прежде и теперь всякое начальство: были и нѣмцы, (точно что ихъ было не мало), и поляки, и евреи, и англичане (ну, положимъ, что и это все „нѣмцы“), но были и самые настоящіе, свойскіе русаки. Вотъ и теперь у нихъ смотритель мастерской—самый коренной русакъ, и зовутъ его Псой Псоичъ (шельма онъ—точно, и выбрался въ начальство всѣми правдами-неправдами). Очевидно, Липатычъ былъ несправедливъ и разносилъ только нѣмцевъ единственно по своему озорству и крайней нетерпимости; когда же ему указывали на Псоя и спрашивали, какой онъ будетъ націи,—онъ съ обычною своею озорной рѣзкостью говорилъ: „Какой Псой націи?—Песъ онъ—вотъ какой націи!..“ Дема такъ и не могъ понять озлобленія Липатыча противъ нѣмцевъ и приписывалъ его исключительно „озорству“.

И вотъ теперь, когда Липатычъ такъ оскорбительно оставилъ Дему одного — онъ, однако, не обидѣлся: онъ вспомнилъ и признаніе Липатыча, и его необычно-мягкій тонъ, какимъ онъ вспоминалъ о своемъ прошломъ, и его замѣчаніе о „могилкѣ“, и чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ грустнѣе и больнѣе становилось у него на душѣ; ему стало жалко и „стараго служаку“ Липатыча, и себя самого, и многихъ-многихъ другихъ,—жалко и вмѣстѣ обидно за что-то... На него какъ будто вдругъ повѣяло общимъ холодомъ жизни, тѣмъ холодомъ, который раньше онъ смутно ощущалъ въ себѣ и думалъ, что это только ему „холодно“, и отъ котораго бѣжалъ онъ въ свои „мечтанія“ среди полей, стыдливо скрывая ихъ отъ шумной сутолоки заводской жизни.

— Ахъ, Липатычъ, Липатычъ, — прибавилъ онъ, также загадочно и уныло покачавъ головой. Дема поднялся и медленно, раздумывая, пошелъ домой. Онъ вдругъ открылъ въ Липатычѣ что-то, чего прежде не зналъ и не понималъ.

III.

Это случилось спустя мѣсяцъ послѣ „дружескаго признанія“ Липатыча. Всѣ замѣтили, что съ Липатычемъ творится что-то необычное. Липатычъ пересталъ совершенно кстати и некстати разносить „нѣмцевъ“; Липатычъ сдѣлался сразу какъ-то мягче, добродушнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, таинственнѣе; Липатычъ не только не стрѣлялъ теперь сурово и вызывающе направо и налѣво своими черными глазами, но,—напротивъ, — весело всѣмъ улыбался ими и какъ будто каждому, на кого смотрѣлъ, загадочно подмигивалъ. Рабочимъ своей мастерской, поочередно, онъ уже успѣлъ неясно и туманно намекнуть на что-то, что сулило имъ въ ближайшемъ будущемъ неизреченныя блага. Дѣло было въ томъ, что Псоя, наконецъ, совсѣмъ „порѣшили“, и мастерская ждала назначенія новаго начальника. Заводъ былъ заинтересованъ. И только Юрка съ нѣкоторыми другими заводскими скептиками позволялъ себѣ попрежнему сомнѣваться въ значеніи таинственныхъ подмигиваній Липатыча; но это всего единственный разъ нарушило добродушное настроеніе Липатыча и вызвало въ немъ взрывъ стараго „озорства“.

— Кто же онъ это будетъ? этотъ самый незнакомецъ? — спросилъ какъ-то опять въ трактирѣ неугомонный Юрка Липатыча,— стало быть, изъ русачковъ, не изъ нѣмцевъ?

— Не изъ нѣмцевъ, братъ! А изъ нашихъ... изъ самыхъ, изъ настоящихъ,— таинственно подмигивая, сказалъ Липатычъ.

— Та-акъ-съ!.. Какія же такія у нихъ

будутъ особыя прелести?.. Все мы вотъ ждемъ отъ васъ, что разъясните въ точности, а замѣстъ того—только одинъ туманъ...

— Дуракъ!..—проворчалъ сквозь зубы Липатычъ. Онъ начиналъ волноваться.

— Это они-то-съ!.. Ну, не велики прелести! — издѣвался Юрка, поощряемый обычнымъ хохотомъ трактира.

Липатычу не хотѣлось объясняться съ Юркой, а тѣмъ меньше открывать ему что-нибудь изъ того таинственнаго сокровища, которое полжизни носилъ онъ въ своей груди. Но ему, однакоже, хотѣлось сразу убить Юрку однимъ словомъ. Онъ долго и пристально посмотрѣлъ на него.

— Прелести какія—говоришь?—спросилъ онъ съ разстановкой и отчетливо,—душа-а!..

— Хо-хо!—залился Юрка,—ну, нынче эта штучка по дешевымъ цѣнамъ ходитъ!..

И едва раздался новый взрывъ пощрительнаго хохота, какъ Липатычъ оглушительно закричалъ: „убью!.. Посмѣй кто еще насмѣяться!..“

Онъ, дѣйствительно, былъ страшенъ съ своими сверкающими темными глазами, надъ которыми совершенно сошлись въ одну сплошную крышу его густыя сѣдоватыя брови. Смутился не только Юрка, но и весь трактиръ. Но, кажется, смутился теперь своего „озорства“ и самъ Липатычъ: онъ сердито положилъ свой блинъ на мохнатую голову и ушелъ.

Дема, сидѣвшій тоже въ трактирѣ, уже не думалъ теперь возражать Липатычу обычными благоразумными наставленіями. Но нѣкоторыя сомнѣнія были и у него, и, придя домой, онъ осторожно замѣтилъ Липатычу, не ошибается ли онъ насчетъ своихъ предположеній.

— Ну, вотъ еще!.. Не знаютъ что ли?.. Все узналъ... Бутенко... Изъ тѣхъ самыхъ,—увѣренно отвѣчалъ Липатычъ...

— Стало быть, нѣмецъ?—еще болѣе осторожно осмѣлился замѣтить Дема.

— Какъ нѣмецъ?.. Никакого тутъ нѣмца нѣтъ...

— Бу-те-нко... стало-быть... Ну, стало-быть, нѣмецъ... или другой какой націи,—сомнѣвался Дема.

— Говорю—человѣкъ... настоящій!.. Какова чорта лысаго еще тебѣ надо?—закричалъ Липатычъ.—Нація!.. Никакой тутъ націи нѣтъ.... Человѣкъ настоящій—и шабашъ!..

Послѣ такого доказательства, сопровождаемаго ударомъ кулака по столу, Демѣ ничего больше не оставалось, какъ терпѣливо ждать событій.

Но не такъ терпѣливо ждалъ этихъ „событій“ Липатычъ. Отъ кого узналъ Липатычъ о назначеніи новаго начальника — осталось для всѣхъ тайной; хотя очевидно было, что это стоило ему не мало трудовъ и ухищреній. Но ни для кого не было тайной, что послѣдніе два дня, послѣ работъ, Липатычъ аккуратно, даже не поужинавъ хорошенько, отправлялся въ ту часть завода, гдѣ жило начальство, и долго ходилъ мимо того дома, въ которомъ, какъ предполагалось, долженъ былъ поселиться новый начальникъ. Липатычъ упорно смотрѣлъ въ темныя окна, ожидая того счастливаго момента, когда, наконецъ, мелькнетъ въ нихъ свѣтъ. Такъ онъ ждалъ два вечера. Наконецъ „событіе“ совершилось. На третій день показалось нѣсколько извозчичьихъ дрожекъ, которыя подъѣхали разомъ къ пустой квартирѣ: на первыхъ ѣхала прислуга съ багажомъ; на второмъ—барыня съ двоими дѣтьми; на третьемъ—жидкая, неказистая фигура, сгорбившаяся, въ какомъ-то странномъ картузѣ съ необыкновенно большимъ козыремъ вродѣ подзора надъ крыльцомъ. Липатычъ такъ и впился въ нее глазами, скрываясь за фонарнымъ столбомъ. „Должно и точно онъ!“—думалъ Липатычъ еще съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, переходя на противоположную сторону и устремивъ свой упорный взглядъ на окна. Вотъ, наконецъ, и онъ—давно жданный свѣтъ. Окна мало-по-малу освѣщались; въ комнатахъ замелькали тѣни. Вотъ рѣзко вырисовалась въ окнѣ высокая сухая фигура, съ худымъ длиннымъ лицомъ и длинной узкой бородой. Для Липатыча, очевидно, этого было достаточно. Онъ весело поправилъ на своей львиной лохматкѣ блинъ и быстро пошелъ къ своей квартирѣ. Онъ былъ доволенъ и привѣтливо улыбался самому себѣ. „Онъ!—увѣренно твердилъ Липатычъ.—Самый... настоящій онъ... Я ужъ сразу узнаю, хоть съ того свѣта приди... Совсѣмъ тогда еще юнецъ былъ, а теперь, вишь ты, хозяйка, дѣтки... Какъ быть, по порядку... Ну, конечно, приглядиѣе это, веселѣе для жизни!“—думалъ Липатычъ, и рѣдко знакомое ему чувство нѣжности наполняло его грудь. Липатычъ не замѣчалъ, какъ онъ шелъ все скорѣе, и когда отворилъ дверь и увидалъ во-

просительный взглядъ Демы, онъ не удержался и торжественно крикнулъ: „онъ!“

За то, съ слѣдующаго утра, Липатычъ вдругъ „замеръ“, весь спрятался въ себя, что-то глубоко затаилъ на днѣ своей души и молча, не проронивъ ни одного слова, не сверкнувъ ни на кого своимъ чернымъ глазомъ, упорно работалъ за своимъ станкомъ. Повидимому, онъ ничего не видалъ и не слыхалъ, но внутренно онъ весь жилъ однимъ напряженнымъ ожиданіемъ, и для него не пропадалъ ни одинъ звукъ. Пробило десять часовъ—и худая, высокая, сутуловатая фигура новаго начальника показалась въ мастерской. Чувствовалось, что всѣ работали дружнѣе, энергичнѣе, двигались быстрѣе и оживленнѣе, искоса и какъ бы мимоходомъ стараясь заглянуть въ лицо начальника. Одинъ Липатычъ не шевельнулся, не взглянулъ на сторону отъ станка, какъ будто для него не было уже ничего важнѣе въ мірѣ того куска стали, надъ которымъ онъ возился: онъ—замеръ.

Между тѣмъ г. Бутенко, въ кургузомъ пиджачкѣ, какъ-то странно спотыкаясь длинными ногами въ узкихъ сѣрыхъ брючкахъ, изъ-подъ которыхъ несоразмѣрно выступали огромные острые носки штиблетъ, быстро прошелъ вдоль всей мастерской, направляясь, по указанію старшаго мастера, въ свою рабочую комнату. Хотя лицо его съ длиннымъ носомъ, продолговатое и смуглое, казалось суровымъ, но сѣрые мягкіе глаза такъ робко прятались за дымчатыми консервами и такъ боязливо старались избѣгать чьихъ-либо взглядовъ, что вся его персона производила какое-то неопредѣленное, двойственное впечатлѣніе. И когда онъ, сгорбившись, словно юркнулъ въ дверь своей комнаты, Юрка никакъ не смогъ не крикнуть:— „гусь!“ — фыркнулъ на всю мастерскую, и тотчасъ же, спохватившись, взглянулъ на Липатыча. Но Липатычъ не повелъ даже бровью... И съ тѣхъ поръ г. Бутенко былъ окрещенъ вновь, и мастерская единодушно признала за нимъ новое прозвище: онъ сталъ не г. Бутенко, а „Гусь“... Таковы нравы Юрки и его закадычныхъ товарищей.

„Событіе“, о которомъ заставилъ Липатычъ смутно мечтать и думать весь заводъ, совершилось, и осталось теперь одно — ждать „поступковъ“. Липатычъ, подъ видимымъ хладнокровіемъ и суровой молчаливостью, внутренно былъ взволнованъ и переживалъ тяжелое душевное напряженіе. Чтобы избѣжать излишнихъ разговоровъ и даже просто пытливыхъ взглядовъ со стороны Демы, Липатычъ теперь и обѣдалъ, и ужиналъ урывомъ, на-скоро и тотчасъ уходилъ изъ квартиры на улицу, на заводъ... Липатычъ напряженно и терпѣливо ждалъ „поступковъ“, но поступковъ никакихъ не было.

Проходили дни — и жизнь мастерской шла обычнымъ, заведеннымъ порядкомъ, какъ будто рѣшительно ничего не случилось, кромѣ самой невидной и не рѣдкой смѣны начальниковъ, изъ которыхъ каждый до того былъ похожъ одинъ на другого, что Юрка даже затруднялся придумывать новыя клички. Г. Бутенко попрежнему, аккуратно, каждый день, четыре раза пробѣгалъ, спотыкаясь длинными ногами, черезъ мастерскую въ свой кабинетъ и обратно, вызывая молчаливое недоумѣніе рабочихъ. Можетъ быть, онъ все еще принимаетъ мастерскую съ ея запутанными счетами отъ Псоя? Можетъ быть, такъ какъ назначать и принимать работы продолжалъ по-прежнему старшій мастеръ. Г. Бутенко былъ неуловимъ — и это начинало, повидимому, тревожить рабочихъ, и только когда, по поводу какихъ-то недоразумѣній съ мастеромъ, нѣкоторымъ изъ рабочихъ пришлось являться къ нему въ кабинетъ, — всѣ узнали, что онъ сухъ, холоденъ, неразговорчивъ и робокъ и что онъ никогда не смотритъ въ лицо рабочаго, а либо въ столъ, либо на сторону. Это было первымъ открытіемъ, которое нѣсколько задѣло за живое всю мастерскую. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано и второе открытіе: когда мастерскую посѣтило самое набольшее начальство, г. Бутенко былъ съ нимъ также сухъ, холоденъ, молчаливъ и... робокъ. Но больше никакихъ „поступковъ“ не было. Такъ прошла недѣля. Очевидно, терпѣть Юркѣ дальше было невозможно, — и вотъ однажды, когда г. Бутенко проскользнулъ, „какъ ящера“, по словамъ Юрки, черезъ мастерскую, торопясь обѣдать, въ мастерской громко раздалось раздраженное восклицаніе: „Ну, погоди, гусь лапчатый! Я тебя выведу на свѣжую воду... Ты у меня заговоришь!“ . . . .

Это говорилъ Юрка, внушительно поглядывая на Липатыча, — и поощрительный гулъ пронесся по всей мастерской. Въ груди Липатыча что-то заныло, „подкатило“, кровь бросилась ему въ голову. Но теперь онъ не только не закричалъ

на Юрку, — онъ не взглянулъ на него: Липатычъ его боялся.

Послѣ обѣда старшій мастеръ нѣкоторымъ изъ рабочихъ назначалъ новыя работы; въ томъ числѣ былъ Юрка.

— Ступай, отнеси въ кузницу, а я этой пакостью заниматься не намѣренъ,— сказалъ отчетливо Юрка и бросилъ подъ станокъ стальную кувалду, которую мастеръ назначалъ ему для обработки.

Мастеръ искоса и подозрительно взглянулъ на него.

— Ну, мнѣ что жъ!—равнодушно сказалъ мастеръ.—Это не мое дѣло... Это онъ назначилъ...

Мастеръ махнулъ рукой и отвернулся отъ Юрки.

— Онъ?—спросилъ Юрка, въ то время, какъ его маленькіе глазки сверкали раздраженно и вмѣстѣ насмѣшливо, вызывающе. — Ну, поди и скажи ему, что здѣсь не ученики... Здѣсь мастера... Ежели онъ этого до сихъ поръ не знаетъ... Скажи ему!..

Мастеръ, не оборачиваясь, опять повелъ искоса на Юрку глазами и медленно прошелъ дальше.

Въ мастерской говоръ смолкъ и слышался только визгъ и грохотъ инструментовъ. Мастерская напряженно ждала „поступковъ". Юрка отъ нечего дѣлать чистилъ свой станокъ и посвистывалъ и отъ времени до времени возбужденно поглядывалъ на Липатыча. Но Липатычъ не поднималъ глазъ.

Прошло полчаса, когда послышался мягкій стукъ штиблетъ, которыя рабочіе прозвали „нѣмецкими". Г. Бутенко, въ сопровожденіи старшаго мастера, подошелъ къ Юркѣ.

— Мною назначена работа... Отчего не исполняютъ? — спросилъ, не повышая тона, г. Бутенко, останавливаясь противъ Юрки, но обративъ свои сѣрые усталодобродушные глаза на закоптѣлыя и запыленныя окна мастерской. Въ рукахъ онъ держалъ свернутую въ трубку бумагу, и тонкіе пальцы нервно постукивали по ней.

— Я не кузнецъ... Я мастеръ... по чистой работѣ,—отвѣчалъ Юрка, но почему-то сгустивъ голосъ до басовой октавы и смотря исподлобья, бокомъ.

— Я этого не знаю... Я знаю, что мастерская должна исполнять назначенную работу,—говорилъ г. Бутенко, переводя глаза съ окна на стѣны и еще нервнѣе барабаня по свертку пальцами.

— Я тоже не знаю, -грубилъ Юрка,— мое дѣло чистое... Я на всякой дряни измождать себя не намѣренъ...

— Запишите штрафъ,—сказалъ г. Бутенко старшему мастеру, стараясь избѣжать его взгляда. — Если онъ и послѣ того не возьметъ работу,—запишите двойной... Если онъ...

— Здѣсь такихъ правовъ нѣтъ... чтобы издѣваться!.. Здѣсь не каторжныя работы,—крикнулъ Юрка, отходя къ двери.—Сначала бы надоть людей узнать, а не поверхъ очковъ глазами гулять!.. Мы живые, а не чугунные...

Г. Бутенко какъ будто ничего не слыхалъ, повернулся и, спотыкаясь, направился въ свой кабинетъ.

Въ мастерской никто не сказалъ ни слова. Всѣ чувствовали, что дѣло еще не рѣшено, и „настоящіе поступки" еще впереди.

День уже приходилъ къ концу. Работы заканчивались нынче, по случаю субботы, раньше. Все спѣшило покончить съ протекшей недѣлей. Что дѣлалъ въ это время въ своей рабочей комнатѣ г. Бутенко—никто не зналъ, но, повидимому, и онъ рѣшилъ свести итоги своей недѣли.

Минутъ за десять до окончанія работъ, въ мастерской снова показался г. Бутенко. Онъ остановился около одного станка и что-то сказалъ старшему мастеру. Рабочіе прекратили работу — и все смолкло.

— Я вынужденъ объясниться... Я надѣялся, что это не будетъ нужно,—заговорилъ г. Бутенко тихимъ, слабымъ и прерывающимся голосомъ, по-прежнему ни на кого не смотря, опустивъ глаза на свои тонкія бѣлыя руки, которыми онъ, какъ и прежде, нервно барабанилъ по стальному колесу станка.—Я надѣялся, что это не будетъ нужно... Но я, какъ и думалъ, ошибся... Какъ предполагалъ, къ сожалѣнію... И вотъ я вынужденъ сказать, что я не допущу... всего этого... не могу потерпѣть... Я—честный и деликатный человѣкъ; я хочу, чтобы и мое дѣло сдѣлано было честно и мои подчиненные были честны и деликатны... Я привыкъ къ этому... И не хочу учиться поступать по другому.

Г. Бутенко становился все нервнѣе, и если бы слушатели были хотя сколько-нибудь расположены понимать его, они почувствовали бы, какъ дрожалъ его подбородокъ, когда онъ говорилъ, и сколько нравственныхъ усилій стоила ему эта

рѣчь. Онъ заикался, запинался и не находилъ словъ.

— Я думалъ... Я надѣялся, такъ какъ я самъ никого никогда не желалъ бы обидѣть грубымъ словомъ... Но я увидалъ, къ сожалѣнію, кругомъ себя распущенность во всемъ—вотъ школа нашего рабочаго. Это погибель для васъ самихъ... Я не могу потерпѣть... Я честно долженъ исполнить свой долгъ передъ компаніей, вы—передо мной... Да, честно,—повторилъ г. Бутенко и тяжело перевелъ духъ, какъ будто собираясь съ послѣдними силами. — Пора, пора намъ очнуться—и не купаться въ грязи, а высоко поднять свое дѣло!.. Все, что этому будетъ мѣшать — вонъ, вонъ, какъ сорную траву!.. Мастерская — не богадѣльня и... не кабакъ... А я вижу—кабакъ!.. Это сдѣлали вы сами, ваши здѣшніе порядки и мои предшественники. Я буду точенъ и строгъ... Кто не хочетъ—пусть уходитъ... Мы найдемъ другихъ. Другіе не захотятъ—третьихъ, но у насъ будетъ истинная мастерская, честно исполняющая свой долгъ, — а не кабакъ!.. И на первый разъ я увольняю вотъ этого господина,—указалъ онъ на Юрку.

— Безсты-ыдникъ!—вдругъ сдержанно раздалось среди общаго молчанія.

— Что это... Что это такое? — также сдержанно, пересиливая себя, спросилъ г. Бутенко, взглянувъ на ряды рабочихъ.

Всѣ молчали.

— Вы дѣлаете вызовъ,—проговорилъ г. Бутенко дрожащими губами.—Будемъ бороться!.. Будемъ...

— Безсты-ыдни-икъ!—пронеслось уже явственно надъ всей мастерской.

— Старшій! Запишите и оштрафуйте... Вы знаете сами кого... Я не хочу знать личностей,—почти прошепталъ г. Бутенко, поблѣднѣвшими, какъ мѣлъ, губами.

— Безсты-ыдни-икъ! — загремѣло уже подъ высокими сводами мастерской и Липатычъ, съ сверкающими темными глазами, горѣвшими огнемъ обманутой, любимой мечты, бокомъ выдвинулся изъ толпы мастеровыхъ.

— Старшій, старшій!..—почти истерически выкрикнулъ г. Бутенко, увидавъ страшное и возбужденное лицо Липатыча.—Уведите отсюда вонъ... вонъ... навсегда,.. возьмите отъ меня этого дикаго, злого старика!..

— Уморить меня хочешь... какъ собаку, на улицѣ? На, коли... на, возьми!.. на память... отъ старика!..

Липатычъ быстро разорвалъ воротъ рубахи, и, снявъ со шнурка мѣдный крестъ, протянулъ его къ г. Бутенко.

Кровь бросилась въ лицо г. Бутенко. Онъ быстро и смущенно отвернулся и, спотыкаясь еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, вернулся въ свой кабинетъ.

Рабочіе помолчали минуту, какъ пораженные столбнякомъ, но тутъ кто-то сказалъ: „ну, гусь лапчатый!“ Мастеровые ахнули и съ громкимъ шумомъ и говоромъ почти выбѣжали изъ мастерской.

Между тѣмъ изъ кабинета раздался тревожный звонокъ. Старшій мастеръ бросился туда. Тамъ въ креслѣ сидѣлъ весь разбитый, какъ параличемъ, г. Бутенко, блѣдный и прерывисто-истерически дышалъ.

— Дайте... мнѣ... воды...—чуть слышно прошепталъ онъ.

IV.

Липатычъ исчезъ. Прошло два дня, а его никто не видѣлъ ни въ мастерской, ни въ заводѣ. Липатычъ былъ настолько свой человѣкъ въ заводѣ, что его исчезновеніе замѣтили всѣ сразу и это вызвало даже невѣроятные слухи. Говорили за достовѣрное, что Липатычъ покончилъ съ собой. На этомъ особенно настаивалъ Юрка, который теперь цѣлыми днями болтался по трактирамъ и портернымъ.— „Конечно, прикончился!.. Чего жъ больше нашему брату надоть? Вотъ тебѣ за тридцать пять лѣтъ—пенсія, получай квитанцію! — говорилъ онъ обыкновенно зло и раздраженно.—До смертоубійства — прямое дѣло!.. Теперь у насъ это разлюбезнымъ манеромъ приспособлено: прилегъ эдакъ къ рельсу удалой головой—и прощайте, братцы-товарищи, до радостнаго утра!..“

Одинъ Дема не совсѣмъ довѣрялъ этимъ слухамъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ не спокоенъ. Пользуясь всякимъ свободнымъ часомъ, онъ уходилъ изъ дому и бродилъ по окрестностямъ, надѣясь встрѣтить Липатыча; одинъ разъ онъ какъ будто примѣтилъ его бродившимъ по тѣмъ самымъ полямъ, гдѣ они когда-то съ нимъ бесѣдовали. А затѣмъ Липатычъ опять пропалъ изъ глазъ. Придя домой, Дема часто сидѣлъ по цѣлымъ часамъ и думалъ, думалъ медленно, упорно, напряженно... Когда онъ работалъ въ мастерской, ему очень хотѣлось повнимательнѣе

присмотрѣться къ начальнику, но Бутенко являлся теперь въ мастерскую на очень короткое время; всѣ говорили, что Бутенко нездоровъ. Дема прислушивался теперь ко всему, что только говорили о Бутенко. Однажды, когда Бутенко совсѣмъ не пришелъ послѣ обѣда въ мастерскую, Дема вечеромъ, потихоньку, отправился къ дому, гдѣ онъ жилъ, долго заглядывалъ въ окна его квартиры и, присѣвъ у воротъ на скамеечку, долго бесѣдовалъ съ дворникомъ и кухаркой Бутенко. Въ его душѣ зрѣли и боролись какія-то совершенно новыя для него мысли и ощущенія, непонятныя и противорѣчивыя, зрѣли медленно, мучительно и не давали ему покоя.

На третій день вечеромъ Липатычъ вдругъ „объявился". Дема былъ уже дома, когда Липатычъ вошелъ своимъ обычнымъ тяжелымъ и размашистымъ шагомъ.

— Входи, входи, не бойся!... — сказалъ онъ кому-то, и вслѣдъ за нимъ робко вошла въ дверь жалкая фигура въ резиновыхъ опоркахъ съ цилиндромъ въ рукѣ; она вела за руку другую, еще болѣе несчастную и жалкую фигурку—маленькую дѣвочку, въ старенькой шляпкѣ, бумазейной коротенькой юбочкѣ и большихъ старыхъ мужскихъ штиблетахъ.

— Вотъ и пришелъ! — сказалъ Липатычъ. — Поди, думали, пропалъ Липатычъ?... Липатычъ не пропадетъ!... Это все одно, что съ похмелья: погуляешь денекъ, продуетъ свѣжимъ вѣтеркомъ—всю дурь изъ головы вышибетъ!...

Липатычъ, очевидно, старался казаться хладнокровнѣе и развязнѣе, но Дема смотрѣлъ на него подозрительно и опасливо.

— Вотъ, нѣмца нашелъ,—продолжалъ Липатычъ, ставя на столъ бутылку съ водкой.—Зашелъ въ трактиръ, а онъ ко мнѣ: раскланивается, словно чиновникъ!... Позвольте, говоритъ, мусью, пожать вашу руку... Вы карошъ человѣкъ... Я васъ, говоритъ, понимаю...

— О, ja, ja!... Вы честна душа... Я васъ теперь понимайтъ,—заговорила жалкая фигура, улыбаясь всей своей широкой красноватой физіономіей.

— Ну, говорю, коли понимаешь, такъ пойдемъ со мной на квартиру ужинать, къ пріятелю... Ну, нѣмецъ, садись и дѣвчонку сажай.

— О, мы васъ понимайтъ!...—говорилъ нѣмецъ, робко присаживаясь на краешекъ стула и помѣстивъ между своими ногами маленькую фигурку и свой большой цилиндръ.—Мы васъ понимайтъ... Мы тоже былъ балшой механикеръ... О, ja!... Балшой механикеръ... Большая служба служилъ... сорокъ лѣтъ служилъ...

— А теперь съ голоду дохнешь?—сурово спросилъ Липатычъ.

— О, ja... Много труда, много служба и много несчастливъ... Богъ одинъ справедливъ!...

— А дѣвку зачѣмъ съ собой таскаешь?... чья она?

— О, мнѣ Богъ посылайтъ эту маленькій Антигонъ... и маленькій канарейка... Мы поемъ и Богъ намъ даетъ пища... Богъ справедливъ!...

— Ну, коли такъ — ѣшь, нѣмецъ!... А потомъ... будемъ писать!—сказалъ Липатычъ и раздраженно двинулъ нѣмцу стаканъ водки и закуску.

Дема все подозрительнѣе и подозрительнѣе смотрѣлъ на Липатыча; онъ чувствовалъ, что хладнокровіе и спокойствіе Липатыча были напускныя, и что въ душѣ его, очевидно, созрѣла какая-то мысль, которую онъ безповоротно рѣшилъ осуществить.

— А потомъ будемъ писать! — повторилъ Липатычъ и вынулъ изъ кармана своего стараго пальто бумагу и карандашъ.—Говоришь, грамоту знаешь?

— Чего писайтъ?...—спросилъ нѣмецъ и съ грустнымъ сомнѣніемъ покачалъ головой...

— Какъ что?... Обо всемъ будемъ писать... Все изложимъ, до послѣдняго... Мы имъ покажемъ!... Мы съ тобой сами пойдемъ, самолично... Вотъ, молъ, мы-- смотри!...

— Куда будемъ ходить?...

— Правду искать, нѣмецъ, правду искать!...

Нѣмецъ опять жалостно покачалъ головой.

— Мы это не знайтъ... Мы самъ себѣ помогайтъ... У насъ тамъферейнъ... Здѣсь нѣтъ ферейнъ...

— Самъ помогай! Ты вотъ сначала полюби человѣка, по душѣ. Въ харю-то ты ему не плюй, на съѣзжей-то не пори! Вотъ какъ сначала то!.. Ничего ты, нѣмецъ, въ нашихъ дѣлахъ не понимаешь... такъ слушай, что тебѣ говорятъ... У насъ, въ нашей Россіи, этого не было, чтобы люди съ голоду умирали... Это, братъ, шалишь!... Мы, братъ, ее разы-

щемъ, правду-матку! Со дна моря найдемъ!... Я тебѣ говорю—пиши, а завтра мы съ тобой и въ дорогу!... Мы, братъ, и до Питера дойдемъ... Со мной не бойся!...

— О, господинъ механикеръ, мой очень плохо писайтъ по-русски!..

— Ничего!.. Было бы написано, а тамъ разберутъ... Хитрости не велики... Пиши!...

Нѣмецъ, видимо, совсѣмъ упалъ духомъ и почти умоляюще посмотрѣлъ спачала на Липатыча, потомъ на Дему.

— Не бойся, ничего не бойся... Я тебѣ говорю: найдемъ правду!... Пиши!— строго и рѣшительно повторилъ Липатычъ.

Вдругъ Дема, сидѣвшій все время въ сторонѣ, по обыкновенію тяжело поднялся, напружился и, весь покраснѣвъ, какъ всегда, когда онъ долженъ былъ сказать что-нибудь важное, проговорилъ, дотрогиваясь до плеча Липатыча:

— Вавилъ Липатычъ!...

— Ну, что еще?—сурово спросилъ Липатычъ.

— Оставьте это...—отчетливо выговорилъ Дема. Липатычъ взглянулъ въ глаза Демѣ: онъ смотрѣлъ на него твердо и рѣшительно.

— Оставьте это... Время будетъ,— повторилъ онъ.

И къ удивленію и нѣмца, и самого Демы, Липатычъ ничего не возразилъ. Можетъ быть во взглядѣ Демы, такомъ ясномъ, твердомъ и рѣшительномъ, онъ уловилъ проблескъ той надежды, которая еще продолжала смутно жить въ его душѣ.

V.

Назавтра былъ праздникъ. Въ маленькой каморкѣ Демы, раздѣленной на двѣ половины ситцевою занавѣской, за которой помѣщалась печь и ютились его жена и дѣти, происходило нынче что-то не совсѣмъ обычное. Какъ раньше Дема подозрительно слѣдилъ за Липатычемъ, такъ сегодня Липатычъ, исподлобья и молча, подозрительно наблюдалъ за Демой, выкуривая сигаретку за сигареткой. Прежде всего его поразило уже то, что Дема нынче особенно долго и тщательно отмывалъ мыломъ съ лица и рукъ насѣвшую за недѣлю стальную пыль; потомъ онъ потребовалъ отъ жены вынуть изъ сундука единственную манишку, существовавшую исключительно для очень важныхъ случаевъ, вычистилъ особенно усердно свой „парадный“ пиджакъ и, наконецъ, особенно долго и внимательно чесался предъ маленькимъ тусклымъ зеркаломъ. Притомъ все это онъ дѣлалъ до такой степени серьезно и вдумчиво, что жена, дѣти, да и самъ Липатычъ боялись и не рѣшались заговорить съ нимъ. Одѣвшись совсѣмъ по парадному и надѣвъ новый картузъ, Дема коротко сказалъ, что пойдетъ къ обѣднѣ, и вышелъ. Липатычемъ овладѣло безпокойство; онъ хотѣлъ было выйти вслѣдъ за Демой, но подумалъ, швырнулъ свой блинъ на окно и остался.

Обѣдня отошла и Дема торжественно и тихо вышелъ изъ церкви. Но домой онъ не пошелъ, а также медленно и торжественно двинулся по направленію къ квартирѣ Бутенко. Подойдя къ дому, онъ сначала заглянулъ въ окна, постоялъ около парадняго крыльца и затѣмъ прошелъ уже во дворъ, гдѣ отыскалъ дворника и спросилъ его тихо:—Дома самъ-то?—Дома, надо быть.—Здоровъ?—Надо быть, здоровъ. А что?—Здоровъ, ну, и слава Богу... А то какъ бы безпокойства не сдѣлать.—Собравъ всѣ эти предварительныя свѣдѣнія, Дема, наконецъ, прошелъ черезъ заднiй ходъ на кухню. Здѣсь онъ снова, тихо и деликатно, „чтобы какъ не побезпокоить“, повторилъ прислугѣ тѣ же самые вопросы, какіе предлагалъ дворнику, и затѣмъ попросилъ доложить, „что, молъ, слесарь изъ ихней мастерской желалъ бы самолично ихъ видѣть“.

Минутъ черезъ десять изъ двери, ведущей изъ комнаты въ кухню, выглянули изъ-за очковъ подозрительно-робкіе глаза Бутенко.

— Что надо?—тихо спросилъ онъ, не входя въ кухню.

Дема замялся.

— Желали бы переговорить... самолично,—сказалъ онъ.

Бутенко еще болѣе робко и вмѣстѣ подозрительно окинулъ взглядомъ Дему, но Дема съ совершенно спокойною серьезностію выдержалъ этотъ взглядъ...

Бутенко скрылся, и затѣмъ, черезъ минуту, раздалось изъ-за дверей: „войдите!“

Дема прошелъ черезъ кухню въ коридоръ и въ отворенную дверь увидалъ Бутенко, сидѣвшаго въ своемъ кабинетѣ. Онъ остановился въ дверяхъ.

— Что скажешь?—тихо спросилъ Бутенко, сидя бокомъ къ Демѣ, не оборачиваясь и не смотря на него; опустивъ внизъ глаза, онъ вертѣлъ портсигаръ въ своихъ тонкихъ, хрупкихъ пальцахъ, которые слегка дрожали.

— Насчетъ старичка, стало быть... Уволить изволили вы старичка, Вавилу Липатыча... А онъ, стало быть, заслуженный старичокъ... Такъ вотъ, стало быть, насчетъ его,—проговорилъ Дема, запинаясь, едва находя слова и въ то же время желая, какъ можно деликатнѣе, разъяснить Бутенко дѣло, боясь какъ бы не сказать какого-нибудь обиднаго слова.

Бутенко поморщился и по лицу его пробѣжала тѣнь болѣзненнаго раздраженія.

— Вы не извольте безпокоиться,—тотчасъ сказалъ Дема, замѣтивъ это выраженіе на лицѣ Бутенко. — Мы не то чтобы васъ безпокоить, али просить о чемъ...

— Такъ чего же вы хотите?—какъ-то досадливо-недоумѣвающе спросилъ Бутенко, поднявъ тусклые глаза на Дему. Дема кашлянулъ тихонько въ руку и осторожно приблизился къ Бутенко.

— Вы изволили, стало быть, уволить старичка... за озорство,—заговорилъ онъ, совсѣмъ понизивъ голосъ и нагибаясь туловищемъ почти къ самому уху Бутенко.—А онъ, стало быть, Вавила Липатычъ-то... любитъ онъ васъ!... Да... Какъ любитъ-то, господинъ!... Какъ отецъ, стало быть, родитель свою дитю малаго — вотъ какъ!

И Дема употребилъ всѣ усилія, чтобы сказать эти слова какъ только можно нѣжнѣе, и при этомъ обычная грустная улыбка появилась на его лицѣ.

Бутенко удивленно вскинулъ глазами на Дему и внимательно смотрѣлъ на него, какъ будто стараясь прочесть на его лицѣ таинственный смыслъ непонятныхъ словъ.

— Что же вы объ этомъ знаете?—наконецъ, спросилъ онъ.

Дема весело улыбнулся и снова кашлянулъ въ ладонь.

— Вотъ изволите видѣть, съ мѣсяцъ эдакъ тому... вышли мы, стало быть, съ этимъ старичкомъ въ поле... разгуляться, стало быть,—началъ было Дема, и остановился: онъ не зналъ, какъ и съ чего начать.

Дема никакъ не ожидалъ, чтобы было такъ трудно передать все то, что онъ такъ глубоко и ясно чувствовалъ въ своей душѣ. Дема, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, — напружился, покраснѣлъ, взглянулъ безпомощно въ окно—и вдругъ ему представились такъ ясно и золотистое поле, и цвѣты, и онъ самъ съ своими „мечтаніями“, и тоскующій „озорной старикъ“ съ львиной сѣдой головой, и все, все это стало предъ нимъ, какъ живое, какъ будто происходило сейчасъ, тутъ, передъ нимъ, и Дема заговорилъ свободно, просто, заговорилъ о какихъ-то „могилкахъ“, о поляхъ, о своей деревнѣ, потомъ опять о „могилкахъ“ и о Липатычѣ, о „нѣмцахъ“, объ озорствѣ Липатыча и о томъ, какъ онъ любилъ и баловалъ его ребятишекъ, и о томъ, какъ мягко и нѣжно могъ говорить иногда Липатычъ о своихъ „мечтаніяхъ“, и, наконецъ, опять о нѣмцахъ, и объ „юнцахъ“, и о томъ какъ Липатычъ караулилъ пріѣздъ его, Бутенко, и даже о томъ, какъ онъ, Дема, совѣтывалъ Липатычу быть справедливымъ.

Дема говорилъ и смотрѣлъ на Бутенко такими добродушно-улыбающимися глазами, какъ будто для него не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что Бутенко чувствуетъ и понимаетъ всю эту странную пеструю панораму, которую развертывалъ онъ предъ нимъ, какъ чувствуетъ и понимаетъ онъ ее самъ.

А Бутенко сидѣлъ, не говоря ни слова, опустивъ голову и нервно перебирая дрожащими пальцами часовую цѣпочку.

Дема, наконецъ, остановился, подозрительно взглянулъ на Бутенко и опять кашлянулъ въ руку.

— Стало быть,—началъ было Дема.

Вдругъ Бутенко вскочилъ и, нервно дрожа, началъ быстро ходить по комнатѣ.

— Что жъ отъ меня хотятъ? Я... я ничего не понимаю, — заговорилъ онъ, стараясь не глядѣть на Дему.—Это, это все... какой-то сумбуръ...

— Стало быть, только насчетъ этого старичка, — робко отступая къ двери, проговорилъ Дема.—То-ись, стало быть, полюбовнѣе бы...

— Я ничего не понимаю... Что такое дѣлается? Что вы говорите?.. Я... я, наконецъ, поймите, ничего не могу... Что я могу сдѣлать?.. Оставьте меня съ этимъ старикомъ!..

— Стало быть, этого старичка... не вспоминаете?

— Какого старичка? Что такое?—нервно вскрикнулъ Бутенко, какъ будто его хотятъ лишить жизни.—Поймите... мы должны исполнять свой долгъ... каждый... честно исполнять... А это что такое?.. Вы губите себя, губите меня... Это—одна распущенность... Это... это не дастъ жить спокойно ни вамъ... ни мнѣ... никому... Это Богъ знаетъ что такое!.. Всѣ мы... понимаете?.. всѣ мы должны...

Бутенко заикался, замялся, не находилъ словъ. Дема смотрѣлъ во всѣ глаза на Бутенко и, казалось, также мало понималъ его рѣчи, какъ мало понялъ Бутенко его „панораму", смыслъ которой былъ такъ ему понятенъ и дорогъ.

Бутенко, такъ и не кончивъ своей рѣчи, опять сѣлъ въ кресло и замолчалъ, попрежнему нервно перебирая дрожащими пальцами часовую цѣпочку.

А Дема въ изумленіи продолжалъ смотрѣть на Бутенко, рѣшительно не зная, почему онъ такъ испугался. — „Стало быть... стало быть, это—не онъ!" мелькнуло въ головѣ Демы.

Дема еще нѣсколько разъ взглянулъ искоса на Бутенко — и ему какъ будто стало даже жалко его.

— Пока прощенья просимъ... Извините, — тихо проговорилъ Дема и, едва ступая на носкахъ и кланяясь, выбрался изъ квартиры Бутенко.

„Стало быть... это не онъ!"—рѣшилъ окончательно Дема.

Дема шелъ домой уже далеко не такъ важно и торжественно, какъ прежде.

Войдя въ свою камору, онъ прежде всего встрѣтилъ сердито-пытливый взглядъ возбужденнаго Липатыча.

— Гдѣ былъ? — сурово спросилъ Липатычъ.

— Въ церковь сходилъ,—отвѣчалъ Дема, снимая осторожно свои парадныя одѣянія.

— А еще гдѣ?

— А еще... къ нему заходилъ.

— Такъ я и зналъ!—раздраженно проворчалъ Липатычъ.—Ну и что жъ ты ему говорилъ?

— Все говорилъ... То и говорилъ, что вы мнѣ въ полѣ говорили. Вотъ все это и говорилъ... А больше ничего не говорилъ... Мое дѣло сторона. Я ежели и говорилъ про себя — такъ одно, что надо быть справедливыми, особливо старымъ людямъ... Вотъ это говорилъ.

— Ну и что жъ онъ?—промычалъ Липатычъ, скрывая за сиплымъ басомъ охватившее его волненіе.

— Что жъ онъ!.. Стало быть... стало быть — это не *онъ*, Вавила Липатычъ... Такъ думать надо—ошибка вышла.

— Не онъ, говоришь? — быстро спросилъ Липатычъ съ загорѣвшимися глазами.

— Нѣтъ, не онъ,—рѣшительно отвѣтилъ Дема.—Потому, ежели бы онъ...

— Молчи... Не смѣй!.. Не говори ничего мнѣ больше!—вдругъ перебилъ его, сверкая возбужденными глазами, Липатычъ и, схвативъ свой блинъ, быстро вышелъ изъ каморы.

Гдѣ пропадалъ Липатычъ этотъ день—такъ и осталось тайной для Демы, хотя онъ вечеромъ и обошелъ всѣ заводскіе трактиры и портерныя. Липатычъ даже и не ночевалъ дома. А дня черезъ два въ трактирѣ происходила такая сцена.

Липатычъ, съ котомкой за плечами, стоялъ среди толпы рабочихъ, окружавшей его. Рядомъ съ нимъ стоялъ нѣмецъ и испуганно улыбался.

— Ну, братцы, прощайте! — говорилъ Липатычъ, нервно потряхивая своей львиной гривой.—Не поминайте лихомъ! Куда ни шло—погуляю въ послѣдній разокъ по матушкѣ Рассеѣ!.. Мнѣ ужъ одинъ конецъ, а только мы ее, эту правду-матку, выищемъ, мы ее со дна моря найдемъ. Намъ не придется съ нею, жить—вамъ пригодится... А мы ее, съ нѣмцемъ, вамъ предоставимъ... Это, братъ, шалишь: добро даромъ въ міру не пропадаетъ!..

— Куда будемъ ходить, г. механикеръ?—грустно и боязливо говорилъ нѣмецъ, дрожащими пальцами перебирая по цилиндру.

— Со мной не бойся! Хуже намъ съ тобой не будетъ, — утѣшалъ его Липатычъ,—а что лучше найдемъ—все наше будетъ!.. Айда, нѣмецъ!.. Прощайте, братцы!.. Главное — живите дружнѣе... вотъ какъ мы съ Демой жили! Кабы еще не это,—такъ...

И Липатычъ отчаянно махнулъ рукой.

— Ну, а за озорство мое не обезсудьте... Что дѣлать!.. Такими, значитъ, насъ мать Рассея зародила, да такими вотъ и въ гробъ кладетъ!.. Айда, нѣмецъ!..

Когда въ отвѣтъ ему разнесся по трак-

тиру сочувственный гулъ голосовъ, Липатычъ степенно раскланялся на обѣ стороны и надѣлъ свой блинъ.

— Прощайте, братцы!.. А это мы съ нѣмцемъ все разслѣдуемъ, какъ и что...

Липатычъ вышелъ своей обычной гордой походкой, гоголемъ; за нимъ поплелась жалкая фигура нѣмца въ не менѣе жалкомъ цилиндрѣ и пальмерстонѣ, совершенно не понимая, какая сила увлекала ее за Липатычемъ.

Рабочіе нѣсколько минутъ молчали; грустно имъ было разставаться съ Липатычемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и легко стало у нихъ на душѣ: жалко имъ было Липатыча и знали они, что не далеко уйти старику за своей „мечтой", что уже ждетъ его, не нынче-завтра, одинокая могила, но все же имъ было отрадно думать, что среди нихъ жилъ Липатычъ и что это былъ свой человѣкъ для нихъ.

1894

НА МОГИЛѢ ШЕВЧЕНКО.

(Изъ путевыхъ воспоминаній).

Мы пріѣхали въ Кіевъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія, чтобы побывать въ Христову ночь у заутрени въ Печерской лаврѣ и на другой же день двинуться къ г. Каневу, около котораго, какъ извѣстно, и находится могила Шевченко; мы разсчитывали, что, благодаря празднику, на пароходѣ не будетъ давки и тѣсноты, и мы легче найдемъ билеты. Но, къ удивленію, наши предположенія не оправдались: и пристань, и пароходная палуба уже буквально были залиты массой исключительно „сѣраго" люда. Не трудно было догадаться, что это была маленькая частица той громадной, двадцатитысячной толпы богомольцевъ, которая вчера всю ночь безшумно, какъ волны, колыхалась вокругъ лаврскаго собора, среди мрака и таинственной тишины лаврскаго сада, съ наивною радостью и удовольствіемъ вслушиваясь въ своеобразный звонъ серебрянаго била, который лился надъ нею чарующей музыкой, принесенной изъ сѣдой глубины протекшихъ вѣковъ. Удивительное впечатлѣніе производила эта „сермяжная" толпа именно здѣсь! Чувствовалось, что именно она царила здѣсь вполнѣ, что именно здѣсь дышала она вполнѣ свободно. Богатый, величественный городъ былъ гдѣ-то далеко-далеко; на эти дни онъ, казалось, совсѣмъ забывалъ свою лавру, предоставивъ ее вполнѣ этой безыменной массѣ; весь офиціальный и неофиціальный Кіевъ заполнилъ собою городскіе соборы, какъ бутто брезгливо отстраняясь отъ этой пришлой черноземной толпы; даже полиціи почти не было замѣтно,—да и не было въ ней здѣсь надобности: некого и нечего было охранять. Кто же оставался здѣсь съ этой многотысячной толпой народа-труженика? Одинъ монахъ... Но и этотъ монахъ, какъ и все окружающее, какъ и эти старинныя иконы, эти древніе храмы, эти нетлѣнные останки, покоящіеся въ пещерахъ,—все это только одна аллегорія, аллегорія далекаго, легендарнаго прошлаго, въ которомъ смутно, изъ-за мрака вѣковъ, чуть мерцали какія-то неясныя, туманныя, но врачевавшія, освѣжавшія, поднимавшія духъ надежды, упованія и мечты... И за этимъ, только за этимъ пришли сюда эти бѣдные труженики за сто, за двѣсти, за пятьсотъ верстъ, только затѣмъ, чтобы подышать здѣсь воздухомъ этой аллегорической Христовой ночи, плечо о плечо, одинъ на одинъ, съ своимъ многотысячнымъ братомъ, одухотвореннымъ однимъ и тѣмъ же настроеніемъ, одной и той же думой... И больше имъ нечего здѣсь ждать, нечего дѣлать въ этомъ большомъ, блестящемъ городѣ... Что для нихъ этотъ современный, богатый Кіевъ,—краса и мать городовъ русскихъ? Что онъ даетъ имъ? Какою интимною, духовною связью можетъ онъ ихъ привлечь къ себѣ, кромѣ этихъ символовъ сѣдой старины? Что для нихъ эти блестящіе магазины, эти широкія красавицы-улицы, залитыя электрическимъ свѣтомъ, эти богатые палаццо, живущіе своей особенной жизнью, невѣроятно далекой отъ нихъ, чуждой имъ такъ же, какъ чужды и странны другъ для друга нравы и интересы двухъ различныхъ расъ? Что, наконецъ, для нихъ это величавое зданіе университета, эти академіи, гимназіи, консерваторіи, художественныя выставки, концерты?.. Открывало ли все это любовно и широко свои двери для этого бѣднаго, многомилліоннаго труженика, искало ли страстно и напряженно средствъ, чтобы

пріобщить его къ наслажденіямъ мысли и искусства? Открыли ли они для него хоть уголочекъ той завѣсы, за которой въ безбрежной, туманно-свѣтлой перспективѣ сіяетъ солнце будущаго, чтобы могъ онъ, этотъ бѣдный труженикъ, въ рѣдкія минуты своей жизни, искать утѣшенія не въ однихъ только воспоминаніяхъ о великихъ образахъ прошлаго, но и въ чистой, бодрой вѣрѣ въ величіе будущаго?..

Надменный, величаво-красивый Кіевъ, погруженный въ интересы биржи, акціонерныхъ компаній и синдикатовъ, былъ холоденъ и безучастенъ къ этой массѣ, и холодна и безучастна къ нему была эта масса; она ежегодно неслась сюда широкими потоками,—но неслась въ свой особенный, старый, символическій Кіевъ, и освѣживъ въ своей душѣ смутныя воспоминанія объ этихъ символахъ, тѣмъ же стремительнымъ потокомъ неслась обратно.

Странное дѣло! Когда я стоялъ на палубѣ парохода и смотрѣлъ на этотъ блестящій Кіевъ, весь залитый золотомъ веселыхъ лучей восходящаго солнца и яркой зеленью только-что распускавшихся тополей, которыя, казалось, насытили все вокругъ своей тяжело-душистой атмосферой, — и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ предъ собой нескончаемый потокъ сѣраго люда, который лился съ кіевскихъ горъ къ пристанямъ,— когда я вспомнилъ эту массу въ таинственной тишинѣ лаврской ночи, эти отливы и приливы ея къ Кіеву,—мнѣ чуялось во всемъ этомъ что-то таинственное, волнующее и трагическое... Тамъ, на верху историческихъ холмовъ, съ которыхъ несся гулъ сотни колоколовъ,— странное сочетаніе биржи и синдикатовъ и этихъ величавыхъ храмовъ религіи, науки, искусства; здѣсь, внизу, въ этой колыхающейся массѣ сѣраго люда,—приподнятое настроеніе простой, наивной души, идеально-возвышенные образы и символы прошлаго, еще волнующіе и одухотворяющіе ея воображеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глухой ропотъ этой души, замкнутой, подавленной недовѣріемъ, удрученной плохосознаваемымъ и смутноощущаемымъ гнетомъ отчужденія, холода и безучастія...

Пароходъ, наконецъ, былъ буквально переполненъ народомъ, — ни на палубѣ, ни между каютами невозможно было двигаться среди лежащихъ и стоящихъ пассажировъ, а жадный пароходовладѣлецъ все еще выдавалъ билеты. Наконецъ, мы всѣ пришли въ ужасъ уже не отъ тѣсноты, съ которой еще можно было примириться, а отъ мысли, что при первой, даже ничтожной случайности въ пути весь пароходъ пойдетъ моментально ко дну, безъ всякой возможности спасенія среди тысячной толпы. И только благодаря единодушному протесту всѣхъ насъ, капитанъ далъ третій свистокъ, и пароходъ медленно отвалилъ отъ пристани, подъ звонъ кіевскихъ колоколовъ.

Религіозно-приподнятое настроеніе не покидало еще толпу. Стараясь кое-какъ размѣститься среди этой невозможной тѣсноты, тѣмъ не менѣе всѣ были сдержаны, перебрасываясь больше шутками и, по возможности, ради праздника, воздерживаясь отъ рѣзкихъ протестовъ и окриковъ. Во всѣхъ сказывалось какое-то особенное благодушно-серьезное настроеніе. Спустя полчаса, когда толкотня и возня съ мѣшками и всякими дорожными запасами наконецъ кончились, можно было замѣтить то тамъ, то здѣсь цѣлыя группы, усѣвшіяся на полу вокругъ какого-нибудь солиднаго хохла-грамотея, мѣрно читавшаго какую-нибудь брошюрку религіознаго содержанія или просто бесѣдовавшаго на тему различныхъ религіозныхъ воспоминаній, навѣянныхъ Кіевомъ. Мнѣ показалось, что хохлы болѣе религіозно-сосредоточенный народъ, чѣмъ великороссы: если хохолъ не такъ скоро поддается религіозному настроенію и воодушевленію, зато, разъ подчинившись ему, онъ долго находится подъ его вліяніемъ; великороссъ, наоборотъ, какъ извѣстно, чрезвычайно быстро, съ наивнымъ легкомысліемъ, переходитъ отъ самаго возвышеннаго религіознаго увлеченія къ самому наивному и ребяческому разгулу и веселью. Вотъ почему у насъ, на пароходѣ, гдѣ было подавляющее большинство хохловъ, не смотря на праздникъ, совсѣмъ не было замѣтно пьяныхъ: все было сдержанно и серьезно, и праздничное настроеніе сказывалось только въ какой-то особенной мягкости и деликатности въ отношеніяхъ.

Я ходилъ по палубѣ, прислушиваясь къ разговорамъ, и мнѣ было какъ-то особенно пріятно это отчасти торжественное, отчасти меланхолично-праздничное настроеніе; иногда я подсаживался къ сидѣвшимъ на полу группамъ и начиналъ разговоръ.

— Издалека пріѣхали?

— Да, далеко,—отвѣчали мнѣ.— Изъ-подъ Елизаветграда...

— Вотъ какъ! А долго ли пробыли въ Кіевѣ?

— Да два дня будетъ... Больше не будетъ: двѣ ночи ночевали,—говорилъ старый хохолъ, но еще крѣпкій и бодрый.

— Только-то?..

— Довольно... Что жъ, помолились!.. По соборамъ ходили... Въ лаврѣ Христову ночь стояли... Довольно... Чего жъ больше?.. Славу Богу, что и того удостоилъ Онъ... Вотъ съ доньками на базаръ ходили... Ну, побаловались... Вонъ бусы купили... Крестики... Вотъ и привеземъ гостинцы къ своимъ... Рады будутъ!.. Чего жъ больше?..Будутъ Кіевъ помнить... Хорошъ Кіевъ? А?—спрашивалъ онъ, улыбаясь, молоденькую дочь, въ новыхъ стеклянныхъ подъ бирюзу бусахъ.

Она только какъ-то вся просіяла въ отвѣтъ, вспыхнула и стыдливо опустила глаза.

— Въ себя еще не придетъ!—сказалъ старикъ, видимо очень довольный, что ему удалось доставить дочери такое большое удовольствіе:—сразу полміра увидала!.. Да!.. А то когда бы еще ей пришлось... Богъ знаетъ, можетъ, еще такъ и не удастся... Не придется...

— Отчего же такъ?.. Ты еще не старъ, а ея вѣкъ впереди.

Но старикъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ; онъ какъ бутто испугался, что слишкомъ разговорился, сталъ копаться въ мѣшкѣ и совсѣмъ замолчалъ.

— А вы куда ѣдете?—спросилъ меня молодой мужикъ изъ сосѣдней группы.

Я сказалъ, что ѣду побывать на могилѣ старика Шевченко.

Онъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня.

— Родственники будете?

— Нѣтъ. А вы не слыхали объ этомъ старикѣ?

— Слыхали, слыхали,—перебилъ пожилой хохолъ:—это изъ старыхъ казаковъ,—изъ тѣхъ, что еще съ туркой да ляхами воевали... Старый лыцарь!.. Великій былъ казакъ!.. Кабы не эти старые казаки, такъ, можетъ, насъ здѣсь и не было никого, можетъ, всѣ у турки служили бы.

— Что вы говорите, дѣдъ!—возразилъ другой хохолъ среднихъ лѣтъ.—То вы же все перепутали!.. То былъ Тарасъ Бульба... А послѣ того Желѣзнякъ, Гонта... А Шевченко же былъ кобзарь, пѣсни складывалъ, научный былъ человѣкъ...

— Слыхали, слыхали!..—подхватили другіе.—Вотъ у насъ хлопцы поютъ... Это онѣ самыя... его пѣсни.

— Пѣсни!.. Это былъ вотъ какой казакъ,—вдругъ заговорилъ стоявшій въ сторонѣ черноволосый, смуглый хохолъ въ казацкомъ старомъ казакинѣ, бритый, съ небольшими черными усами.—Это былъ такой казакъ, что ходилъ у самый Питеръ, воли домогался, отъ паньщины...

— Вотъ какой казакъ!—съ веселымъ удивленіемъ замѣтили хохлы.

— Да, вотъ какой казакъ... Тогда его сейчасъ приказали изъ казаковъ въ солдаты разжаловать, за эту его смѣлость, и въ Сибирь чтобы загнать. Ну, а послѣ того все жъ-таки волю объявили.

— Вотъ какой казакъ!—повторили опять хохлы.

— Да. А потомъ, какъ онъ умеръ у Сибири,—его вотъ на Днѣпрѣ и закопали, въ глухомъ мѣстѣ, чтобы на виду очень не былъ... Тутъ и могила его... И крестъ видать... Вотъ поѣдемъ—видно будетъ... Подъ Каневомъ, версты три книзу... По водѣ.. По правую руку...

Всѣ помолчали, какъ будто хотѣли хорошенько вникнуть въ сообщенную новость.

— Нема̀ нонѣ такихъ казаковъ, нема̀, нема̀!—вдругъ сказалъ старый хохолъ, раскуривая трубку.—Э-эхъ, донька, донька!..—вздохнулъ онъ, съ какою-то любовною тоской взглянувъ на свою красивую дивчину.

— Неправильно вы, дѣдъ, говорите,—замѣтилъ молодой хохолъ цыганскаго типа:—можетъ, гдѣ и есть такіе казаки, да на виду ихъ нема̀.

— Нема̀ нонѣ такихъ казаковъ!—повторилъ упрямо старикъ.—А позволите вы, паничу, спросить васъ объ одномъ дѣлѣ?—обратился онъ неожиданно ко мнѣ.

— Спрашивайте,—сказалъ я.

— Вотъ объ Сибири былъ разговоръ... А въ какую сторону эта Сибирь будетъ?.. И теперь Амуръ-рѣка есть тамъ? Далече?

Я сказалъ.

— А Уссуръ-рѣка далече?

Я отвѣтилъ, но когда спросилъ его, зачѣмъ это ему нужно, онъ что-то промычалъ, сказалъ, что... такъ, къ слову, такъ какъ разговоръ о Сибири шелъ... и затѣмъ, видимо, не желалъ больше говорить.

— Зачѣмъ! Сбѣжать хохолъ хочетъ, господинъ... Я знаю ихъ вотъ какъ... Хитрые они!... Въ Сибирь сбѣжать хочетъ,—объяснилъ какой-то молодой верт-

лявый господинъ, въ длинномъ кафтанѣ, не то жидокъ, не то купчикъ, и засмѣялся:—Недовольный народъ!... Не живется имъ съ людьми!

— Нехай тобѣ больше останется!.. Бери усе...—вдругъ возбужденно крикнулъ ему въ лицо старый хохолъ и, отвернувшись, усиленно принялся перебирать свои пожитки.

Я отошелъ, чтобы прекратить этотъ тяжелый разговоръ.

Пароходъ тяжело пыхтѣлъ; на пристаняхъ все больше и больше подсаживалось евреевъ и отъ ихъ крикливаго говора загудѣлъ нашъ пароходъ, какъ пчелиный рой; общее настроеніе давно перемѣнилось; гдѣ-то раздалась гармоника, запѣли пѣсни, и веселая компанія подвыпившихъ „кацаповъ" окончательно овладѣла палубой. Хохлы давно попрятали свои книжки и, чтобы не подвергать соблазну свои серьезныя и религіозно-приподнятыя думы, мирно уснули на своихъ походныхъ мѣшкахъ.

Мы все ближе подвигались къ могилѣ „стараго Тараса", но имъ никто уже не интересовался.

Наконецъ пароходъ присталъ къ Каневу; мы спустились на пристань и, нанявъ лодку, тотчасъ же двинулись внизъ по водѣ. Когда, обогнавъ насъ, шумно прошелъ нашъ пароходъ, когда улеглось поднятое имъ волненіе, когда не слышно уже стало гвалта голосовъ на пристани и мы на полной свободѣ понеслись по мягкимъ волнамъ еще полнаго, какъ чаша, раскинувшагося на необозримое пространство Днѣпра, — насъ охватило чувство какой-то необъяснимо-пріятной, тихой, поэтической меланхоліи; намъ казалось, что съ этихъ минутъ мы уже вступили въ область неотъемлемыхъ владѣній стараго Тараса, гдѣ каждый прибрежный холмъ, каждая заводинка съ рыбацкой хатой, каждая купа тополей вдали, около кучки разбросанныхъ бѣлыхъ мазанокъ, наконецъ каждый вздохъ этого могучаго старика—Днѣпра были одухотворены любвеобильной симпатіей родного имъ кобзаря. Черезъ полчаса холмы на правомъ берегу стали появляться все чаще, становились выше и обрывистѣе, ложбины между ними гуще заросли молодымъ дубнякомъ; Днѣпръ какъбудто сердитѣе и ворчливѣе сталъ ударять въ свои крутые бока.

— А вотъ сейчасъ и тарасовъ хуторъ,— сказалъ нашъ проводникъ: — вотъ тутъ и старый Тарасъ нашъ поселился! Милости просимъ!

Какъ извѣстно, по возвращеніи на родину, самой излюбленной мечтой Шевченко сдѣлалась мысль купить на берегу Днѣпра кусокъ земли, поставить здѣсь хату и провести въ ней остатокъ своихъ многострадальныхъ дней, сложивъ тутъ же въ родную землю свои кости. И эта мысль уже была близка къ осуществленію; старикъ, какъ говорятъ, самъ присматривалъ уже такой уголокъ и облюбовалъ его именно здѣсь, подъ Каневомъ. Но поѣхавъ въ Петербургъ, онъ захворалъ тамъ и умеръ, не успѣвъ осуществить своей мечты, и только нѣсколько лѣтъ спустя кружокъ его поклонниковъ, собравъ необходимую сумму, купилъ намѣченный имъ уголокъ земли и перевезъ сюда его прахъ, исполняя его предсмертную волю.

Лодка быстро и круто повернула къ берегу, къ одному изъ зеленѣющихъ высокихъ холмовъ, и на самой вершинѣ его вдругъ заблисталъ предъ нами большой бѣлый крестъ, облитый яркими лучами склонявшагося къ закату солнца. Это было и необыкновенно просто, и необыкновенно величественно; какъ-то невольно хотѣлось обнажить голову при видѣ этого простого, но такого глубоко поучительнаго символа страданія и любви.

Когда, въ избѣжаніе крутого подъема на вершину холма, мы стали подниматься на него болѣе отлогимъ обходомъ, впечатлѣніе необыкновенной чарующей простоты было еще болѣе поразительно; казалось, дѣйствительно мы шли въ мирный, поэтическій пріютъ добраго, любящаго, гостепріимнаго дѣда, который вотъ-вотъ появится предъ нами съ своей задумчиво-ласковой улыбкой. Кругомъ была невозмутимая тишина весенняго вечера; вправо разстилалась зеленая равнина съ разбросанными по ней рѣдкими мазанками, влѣво—мягко и плавно катилъ свои синія волны широкій Днѣпръ, чуть слышно ударяясь въ подошву холма съ бѣлымъ крестомъ, поставленнымъ на небольшомъ зеленомъ курганѣ съ желѣзной бѣлой рѣшеткой. А вотъ, невдалекѣ, у подошвы кургана, пріютилась и она—эта крохотная, бѣлая мазанка, — тотъ роскошный палаццо, о которомъ мечталъ бѣдный поэтъ, какъ о лучшемъ своемъ пріютѣ, и которому теперь суждено оберегать и покоить лишь прахъ своего хозяина, да тотъ добрый духъ его, который невидимо

виталъ надъ нимъ здѣсь. Оказалось, мы были не одни. Скоро мы услыхали мѣрное негромкое чтенiе и замѣтили мирно и скромно прiютившуюся сбоку рѣшетки незнакомую группу: старушку, сухую и болѣзненную, въ простомъ черномъ платьѣ, повязанную платкомъ, молодого человѣка въ бѣлой хохлацкой барашковой шапкѣ, съ бойкими черными глазами и маленькими усиками, и трехъ молодыхъ дѣвушекъ въ расшитыхъ малорусскихъ сорочкахъ.

Были ли это дѣти духовенства изъ ближайшихъ селъ, или же представители той „молодой", школьной деревни, которые уже нерѣдко появляются теперь среди деревенскихъ палестинъ, или тѣ и другiе вмѣстѣ, — трудно было сказать, но ихъ присутствiе здѣсь, въ этомъ поэтическомъ уединенiи, придавало еще болѣе милый и задушевный колоритъ общей картинѣ. Мы долго сидѣли, всматриваясь въ безграничную даль Днѣпра, какъ очарованные, вслушиваясь то въ знакомые, какъ музыка, гармоническiе и играющiе стихи „Кобзаря", которые читалъ юноша, то въ невнятный рокотъ днѣпровской волны, какъ будто разсказывавшей намъ были сѣдой казацкой старины.

Наша идиллiя была, однако, скоро нарушена неожиданнымъ посѣщенiемъ. Вдали послышался шумъ подъѣзжавшихъ богатыхъ экипажей, и скоро показалась группа, оживленно и весело болтавшихъ по-польски, богато разодѣтыхъ кавалеровъ и дамъ. Одинъ изъ молодыхъ шляхтичей, съ тонко и изящно закрученными усами, когда вся компанiя подошла къ подошвѣ кургана, вдругъ схвативъ за руки дамъ, крикнулъ: „Ге, mesdames! Hop-là!.. Hop-là!", и, выдѣлывая па, какъ въ мазуркѣ, быстро вбѣжалъ съ своими дамами на вершину. Оживленный, веселый говоръ готовъ былъ окончательно смутить витавшiй здѣсь невидимо духъ стараго народнаго пѣвца, но такъ какъ юноша, на минуту смущенно прiостановившись, началъ читать опять съ еще большею выразительностью, то веселая компанiя какъ будто невольно смолкла. Нѣсколько минутъ казалось, какъ будто и ее покорили эти чудные, могучiе звуки; казалось, она вслушивалась въ нихъ какъ во что-то новое, необыкновенное и вмѣстѣ... странное. Откуда, изъ какой это дали временъ несутся эти странные, могучiе звуки, то полные тоски и любви, то ужаса и негодованiя?... Но это продолжалось очень недолго.

— Hop-là, mesdames, hop-là!—вмѣсто отвѣта крикнулъ красивый шляхтичъ, и, снова весело подхвативъ подъ руки красивыхъ дамъ, подъ тактъ мазурки, спустился съ кургана. И только одна молодая дѣвушка, какъ показалось мнѣ, прiостановилась на минуту; какъ будто ей не хотѣлось уйти такъ скоро, какъ будто ей хотѣлось вотъ такъ же, какъ и мы, опуститься къ подножiю этого креста и слушать, и слушать еще и еще эти чудные звуки такой простой, такой полной дѣтской чистоты поэзiи, и этотъ невнятный рокотъ стараго Днѣпра. Но ее окрикнули, и она, задумчиво оборачиваясь на крестъ, медленно спустилась съ кургана... Не была ли это „Дикарка" среди блестящей compagnie de plaisir, загнанной въ этотъ мирный уголокъ лишь жаждой пресыщеннаго воображенiя?.. Если такъ, то придетъ время и она вспомнитъ этотъ крестъ, и придетъ опять сюда, но уже не въ веселой компанiи, а полная трепета и восторга пробужденной мысли и взволнованнаго чувства.

Нашъ спутникъ напомнилъ намъ о маленькой „тарасовой хаткѣ". Вся бѣлая, какъ голубь, чистая и прибранная, какъ къ Свѣтлому дню, она невольно манила къ себѣ какимъ-то наивнымъ весельемъ и уютомъ. Мы вошли въ низенькую дверь; маленькiя сѣнцы раздѣляли хатку на двѣ половины: въ одной, направо, маленькой каморкѣ съ русской печкой, жилъ сторожъ, въ другой, налѣво, выбѣленной и какъ будто только-что омытой весеннимъ дождемъ, сiяющей дѣвственною чистотой, какъ невѣста, жилъ... да, именно жилъ онъ, этотъ вѣчный, неумирающiй старый кобзарь. Простыя деревянныя лавки по стѣнамъ, сосновый столъ, на немъ „Кобзарь", — и небольшой портретъ — копiя Рѣпина—на стѣнѣ, который чья-то внимательная рука по-малорусски обвѣсила неприхотливымъ вышитымъ ручникомъ,— вотъ и все... и больше ничего не нужно! И вы чувствуете, что лучше и трогательнѣе было бы трудно придумать что-либо иное для памяти такого старика на его могилѣ. Мы сидѣли, не смѣя шевельнуться, иллюзiя была полная, — до того чувствовалось здѣсь невидимое таинственное присутствiе великой души этого „единаго отъ малыхъ", такъ много обиженнаго отъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много возлюбившаго и простившаго. Невольно мысль приводила на память другого такого же „единаго отъ малыхъ",

такого же „пѣвца народа“, и думалось, что, можетъ быть, въ этомъ далекомъ глухомъ уголкѣ, въ темныя длинныя ночи, сходятся здѣсь ихъ братски-родственныя тѣни и создаютъ вдохновенныя пѣсни будущаго, гимны великой свободѣ и братству, для выраженія которыхъ у живыхъ нѣтъ еще ни звуковъ, ни символовъ. А они уже *тамъ* давно заключили свой братскій союзъ: одинъ—весь порывъ, страсть, протестъ могучаго непосредственнаго чувства, и вмѣстѣ — нѣжная ласка, печаль и скорбь любящей материнской души; другой — юный Антей, только-что прикоснувшійся къ родной землѣ, только-что почувствовавшій первый духовный трепетъ отъ этого прикосновенія, весь — глубина внутренняго дѣвственно-чистаго чувства, весь—созерцаніе, таинственный запросъ, весь—жажда созиданія и идеала.

Мы еще сидѣли въ „тарасовой хаткѣ“, мысленно созерцая эти двѣ родственныя тѣни, когда въ отворенную дверь вдругъ стала доноситься до насъ сначала робкая, неувѣренная, нѣжная мелодія... Катерина ли, Наймычка ли, или Русалочка вышла изъ Днѣпра и тихо рыдала у ногъ стараго дѣда? Но вотъ голосъ крѣпчалъ все больше, становился увѣреннѣе; серебромъ звенѣла пѣсня въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ весенняго вечера, — и вдругъ рыдающая мелодія оборвалась. Когда мы вышли, скромная юная группа уже медленно спустилась съ кургана и двинулась вдоль берега. Намъ еще чудились трепетавшія въ воздухѣ рыданія,— какъ вдругъ, дружно подхваченный молодыми голосами, какъ бы въ отвѣтъ на эти рыданія, мощно и сильно заговорилъ самъ дѣдъ—и широкой волной полились и заходили украинскія „думы“ по родному Днѣпру.

Мы спустились въ лодку, выѣхали на просторъ Днѣпра и подъ чарующіе звуки этихъ „думъ“, укачиваемые бурливой волной, медленно двинулись по теченію. А пѣсни стараго кобзаря лились и лились...

Привитай же, моя ненько, моя Украино,
Моихъ дитокъ нерозумныхъ, якъ свою дытыну!

молилъ дѣдъ, — и Днѣпръ подхватывалъ эти мольбы и уносилъ ихъ все дальше и дальше. О, если бы юная панночка, внезапно такъ задумавшаяся у бѣлаго креста, услыхала здѣсь эти, то рыдающіе и молящіе, то мощные и суровые, звуки, — она не скоро вернулась бы къ своей веселой компаніи!..

1895.

ИЗЪ ГАЛИЦКО-РУССКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

ОСИПА ФЕДЬКОВИЧА.

ИЗЪ ГАЛИЦКО-РУССКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

ОСИПА ФЕДЬКОВИЧА.

Осипъ Федьковичъ, буковинскій народный поэтъ и беллетристъ, — родомъ изъ австрійской земли Буковины, гдѣ живетъ не мало малорусскаго народа. По Подгорью народъ этотъ сходенъ по языку и обычаямъ съ тѣмъ, что живетъ въ Подольской губ. Но на горахъ въ Буковинѣ, какъ и въ той части Галичины, что ближе къ Буковинѣ, люди живутъ и говорятъ нѣсколько иначе и зовутся гуцулами.

Федьковичъ родился въ 1834 г. въ селѣ Сторонецъ-Путиловъ, между гуцулами, гдѣ его родичи занимались сельскимъ хозяйствомъ. Въ 1852 г. онъ долженъ былъ поступить въ военную службу, изъ которой вернулся только въ 1863 г., но на родинѣ засталъ уже только старуху мать, въ великой нуждѣ и бѣдности.

Здѣсь гуцульская громада выбрала его сначала представителемъ своимъ въ сервитутной комиссіи, затѣмъ, въ 1866 г., онъ былъ избранъ той же громадой въ старшины (войты), а въ 1867 г. назначенъ окружнымъ школьнымъ инспекторомъ. Но, благодаря интригамъ польской шляхты, онъ вынужденъ былъ оставить родную деревню и переселиться въ городъ, вопреки всѣмъ своимъ симпатіямъ. Федьковичъ беззавѣтно любилъ простой народъ, посвящалъ ему всѣ свои мысли и труды, горѣлъ желаніемъ непосредственно служить родной громадѣ, стараясь по своимъ потребностямъ и образу жизни и даже одеждѣ ничѣмъ не выдѣляться изъ среды своихъ простыхъ братьевъ. Въ этомъ же простомъ народѣ онъ видѣлъ и всѣ надежды будущаго, несмотря на нѣсколько пессимистическій тонъ своихъ разсказовъ. Умеръ онъ въ 1887 г.

Первыя его стихотворенія были изданы въ 1862 г., книжкой подъ заглавіемъ „Поэзія Осипа Федьковича“, а послѣ вышли вторая и третья книжки. Разсказы и повѣсти его (1862—67 гг.) печатались сначала въ галицкихъ періодическихъ изданіяхъ, а затѣмъ собраны въ отдѣльную книжку и изданы въ 1876 г. въ Кіевѣ. Вотъ какъ отзываются о немъ малорусскіе писатели:

„Все то, что произвелъ въ поэзіи Федьковичъ донынѣ (т.-е. 1862 г.), носитъ на себѣ неоспоримую печать народнаго поэтическаго генія. Но послѣ онъ сталъ уже перепѣвать самого себя или чуждыхъ писателей, далекихъ отъ родного быта и сердца. За то повѣсти это—произведенія цѣликомъ его собственныя, оригинальныя, какихъ не было ни прежде, ни послѣ въ галицкой литературѣ. Для знакомаго съ дѣломъ довольно сказать, что Федьковичъ началъ изображать житье гуцульскаго крестьянина такъ, какъ Тургеневъ—великорусскаго, Квитка и Марко Вовчекъ—украинскаго, Ауэрбахъ — нѣмецкаго, Жоржъ-Зандъ—французскаго“.

Мы предлагаемъ здѣсь въ переложеніи нѣкоторые изъ его разсказовъ, полные такой характерной, истинно-малорусской поэзіи.

КТО ВИНОВАТЪ?

Вѣчная имъ память, тѣмъ молодымъ годамъ! Что было вчера — плохо помню, а что тогда дѣлалось—все до маковой росинки вспоминаю.

Но никого я уже такъ хорошо не помню, какъ старую Лавриху, что жила тамъ, въ Тисницахъ. Богатырь-баба, знаете! И укосы свои по горамъ, и скотины безъ числа, а что усадьбу построила себѣ, усадьбу... отцы мои! Съ ляшской стороны мастера для нея работали, рисовали, да малевали, да перемалевывали.

Самого Лавра я не зналъ. Говорятъ, что онъ еще смолоду ослѣпъ да и померъ скоро. Болтали люди, что ему, покойнику, все не спорилось. Пчела ли, скотина ли, куда, бывало, что уйдетъ — не вернется, что ушло, то и пропало. Можетъ ему ужъ такъ суждено было, можетъ отъ другого чего: враги, знаете, да злыя души,—не прости имъ Богъ!

Вотъ какъ Лавра, разсказываютъ, схоронили, молодая вдова не сложила рукъ, какъ то другая сдѣлала бы, но принялась за дѣло: и тому дала ходъ, и другому, а все съ разумомъ, съ оглядкой; вотъ и далъ ей Господь долю; дождалась и скотинки, и пасѣку себѣ развела, и полонину *) скупила, да и еще прикупила, а потомъ и построилась такъ, что можетъ краше и быть нельзя. Всѣ, бывало, ей дивятся:—„Вы, горюша Матрена, того гляди больше всѣхъ насъ переплатите!“ — шутятъ другой разъ наши богатѣи, изъ церкви ли когда идучи, или такъ.

— Отцы мои любезные, голуби мои сизые! — начнетъ она имъ бывало отповѣдывать,—неужто жъ не грѣшно мнѣ было бы, коли бъ я для своихъ сиротъ не старалась? У меня хозяинъ, знаете, какой былъ (тутъ, бывало, и всплакнетъ)... не должна ли я своимъ дѣткамъ и отцомъ, и матерью быть? Вотъ такъ-то, отцы мои почтенные, отцы мои любезные!

*) Горное пастбище.

А дѣтокъ было у нея лишь двоечка: двѣ дивчины. Одну звали Калиною, а меньшенькую Оленою. Господи, что за красавицы были обѣ! Словно съ картины... А ужъ хозяйки такія, что и пары имъ не было: прясть ли, ткать ли, вышивать ли, красно ли красить — никто, какъ онѣ. А около пасѣки да скотины такъ ходили, что и сами старики предъ ними спасовали бы.

Но вотъ какое дѣло: жилъ въ сосѣдяхъ съ ними молоденькій паренекъ, росту большого, изъ лица румяный; звали его Маркомъ. И полюбила его наша Калина, а онъ ее. Одинъ по другому совсѣмъ истомились. Бывало, взойдетъ мѣсяцъ со звѣздами, Калина выкрадется изъ хаты, глянь — ужъ и въ садочкѣ, ужъ около своего бѣлокураго Марка. Говорить ничего не говорятъ, только цѣлуются, да ластятся другъ къ другу, да обнимаются.

— Марочко сердечный, а отчего ты такой грустный да невеселый? Скажи мнѣ, дружокъ!..

— Можетъ статься, цвѣтикъ ты мой ненаглядный, понапрасну я только молодые твои годы помрачаю... Сирота я безъ отца, безъ матери, бѣдный я,—охъ, какой бѣдный! А ты...—да и не досказалъ, слезы только покатились по румяному лицу, да молодымъ усикамъ.—Дивчина моя, покинь ты меня, не люби!..

— Ты меня захочешь—покинешь, а я тебя никогда,—промолвила, да и прильнула она къ нему, ровно листочекъ къ сердцу.

— Нѣтъ, я тебя не покину, ангелъ мой небесный, пусть будетъ Божья во-

ля!—вскрикнулъ Марко, да такъ и цѣловались, и обнимались до самаго разсвѣта. А вѣчныя звѣзды все сіяли надъ ними. Эхъ, еслибъ кто зналъ прочитать, что на нихъ написано!..

Милуются наши молодые ужъ кое время, а тѣмъ часомъ ѣдутъ верхами сваты, люди издалека, чуть ли не съ самой ляшской стороны... Сватаютъ Калину за одного вдовца, богача безъ мѣры. Онъ покойному Лавру еще какъ-то сродни доводился.

— А какъ это Богъ васъ на нашу Волощину принесъ?—допытывается старая.

— По счастью, мать честная. — Да и стали разсказывать, какъ старый Никита овдовѣлъ, какъ узналъ черезъ мастеровъ, что у него работали, про Калину, да и нарядилъ ихъ сюда за рушниками *).—Повяжи же, хозяюшка!—говорятъ:—вѣдь тамъ цѣлый табунъ коней, тамъ пятьсотъ головъ скотины, тамъ овецъ въ кошарѣ не пересчитать, а самъ вдовецъ бездѣтный.

Старая рада-радешенька! „Ступай,—говоритъ,—дочка, да пошарь, что ты тамъ попаткала да понашивала“.

Калина бухъ въ землю. „Матушка, охъ, матушка моя, не топите меня за нелюбимымъ! Лучше воткните мнѣ ножъ въ сердце,—легче мнѣ будетъ!“

Старая ровно и не слышитъ. „Что ты знаешь?—говоритъ.—Ты еще молода. Али ужъ я тебѣ не мать? Ступай, да выноси рушники“.

Принудила, выдала дочку.

Послѣ свадьбы забралъ старый молодую съ собою. Изъ имѣнья и ниточки не хотѣлъ брать. „На что мнѣ, говоритъ, имѣніе, на что мнѣ приданое, когда у меня у самого сундукъ денегъ въ подполицѣ“.—Поѣхали.

Ходитъ по новому дому Калина, ровно не по своему свѣту. Все-то лишь одинъ онъ у нея въ мысляхъ.

А старый все что ни скажетъ, все что ни сдѣлаетъ,—все попусту.

Однимъ воскресеньемъ сидятъ это они себѣ оба, — одна въ одну сторону смотритъ, другой—въ другую, ни словечка. Вдругъ входитъ въ горницу молоденькій парень, весь въ черномъ. Поклонился.

— Откуда, молодецъ? — спрашиваетъ старый,—куда путь держишь?

— Буковинскій,—говоритъ,—иду службу искать.

— Наймись ко мнѣ.

— Хорошо.

— А что возьмешь?

— Что другимъ даете, то и мнѣ дайте,—говоритъ.

— Ладно. Просимъ коли такъ въ хату.

Сказалъ это старый, да и поплелся въ корчму. Видѣлъ онъ свою недолю и давай ее топить въ горилкѣ. Чуть не каждый день въ корчмѣ напивается.

А дома молодая молодушка внѣ себя ходитъ.—„Марко мой, милый, уйди, уйди отъ насъ, не рви мое сердце!“

Онъ за шляпу. „Пойду,—говоритъ,—пойду до Черемоша глубокаго: недалеко“.

Она его за руку: „Нѣтъ, не ходи, или и меня бери съ собой“.

Остались оба, обнялись, ничего не говорятъ, только плачутъ. Онъ, наконецъ, промолвилъ: „А что это у тебя подъ глазами,—говоритъ,—такое синее? Что, голубка?“ Да и опять сталъ цѣловать ее.

— Нелюбимый изводитъ,—говоритъ.—Охъ, Марко, сердце мое, развѣ же ты зналъ, что онъ меня бьетъ!.. Охъ, да какъ же онъ меня бьетъ, бьетъ!.. А ты не слыхалъ?..

— Слышалъ, голубка моя несчастная. Продалъ разомъ и землю, и хату, а самъ пошелъ сюда. Стану, думаю себѣ, къ нимъ внаймы проситься, да и не дамъ мой цвѣтикъ топтать. Я тебя не выдамъ, зернышко мое. — Говоритъ такъ, обнимаетъ ее, какъ голубь голубку.

А тутъ старый изъ корчмы. Пьяный-напьяный! Да къ женкѣ: „А чего ты меня не любишь, а? Ты така-сяка дочка!“

Она молчитъ.

— Чего ты меня не любишь, я тебя еще спрашиваю?

Она все молчитъ.

— Эхъ!!—взмахнулъ топоромъ да и норовитъ ее въ голову, а Марко хвать его за руку:—Стой!

Марко былъ сильный парень. Старый поднялъ гвалтъ, хотѣлъ бросить топорище, а острее сорвалось да ему прямо въ темя. Сразу и упалъ мертвый.

Марка связали и взяли подъ арестъ. Показали, что онъ стараго зарубилъ. Что ни божился, что ни присягалъ, ничего не помогло: не дали нѣмцы вѣры. Хотѣли и съ нея, сердечной, протоколъ снять, да нельзя ужъ было: съ того часу, какъ уголовщина случилась, она безъ ума была. Ничего бывало не работаетъ, только

*) Если нравится женихъ, невѣста обязана перевязать сватамъ черезъ плечи полотенца.

сидитъ у оконца да все пытаетъ, выспрашиваетъ: „А нейдетъ,— спрашиваетъ, — мой Марко, а? нейдетъ мой дорогой? Охъ, что это ты засидѣлся, дружочекъ мой молоденькій! Гдѣ же ты запропадаешь?“

А онъ запропалъ въ славномъ городѣ Станиславѣ, въ темницѣ; на рукахъ и ногахъ кандалы острые. На другой мѣсяцъ его похоронили.

Не разъ объ этомъ разсказывалъ старичокъ-сторожъ, что за больными арестантами присматривалъ: „Прихожу я одинъ разъ,—говоритъ,—рано въ воскресенье, а онъ лежитъ на постели, руки на груди.

— А ты должно боленъ, сердечный, сильно боленъ?—спрашиваю.

Онъ на меня долго, долго посмотрѣлъ. „Боленъ, батюшка,—да и схватилъ меня за руку.— Не былъ,— говоритъ,— никто отъ насъ?“

Не былъ,—говорю. А онъ, сердечный, ужъ забылъ, гдѣ Станиславъ, гдѣ Буковина. А что его зазнобушка безъ ума была, можетъ статься тоже не зналъ. Его тогда, знаете, забрали въ тюрьму какъ бы совсѣмъ безъ памяти.

— Я, дядюшка, старика не зарубилъ,—говоритъ онъ,—повѣрите ли хоть вы мнѣ на семъ свѣтѣ, что я въ этомъ неповиненъ?

Пожалъ я плечами, а онъ какъ заплачетъ: „Боже мой, Боже,—говоритъ,—въ какую это я злосчастную годину народился?“

— Молчи, говорю, сынокъ, молчи, не гнѣви Бога. Онъ, Батюшка, тебѣ поможетъ.

— Охъ ужъ!—говоритъ, да и закрылъ себѣ очи. А помалу спустя опять ко мнѣ обращается:—Я бы, дядюшка, подошелъ къ оконцу.

Повелъ я его потихоньку къ оконцу.

Оттуда далеко-далеко видно было, до самой горы, что на ясномъ солнышкѣ цвѣтами переливалась. А онъ смотритъ—приглядывается, а потомъ какъ припадетъ къ желѣзной рѣшеткѣ, какъ заплачетъ-заплачетъ! Ужъ не знаю, какъ только желѣзные прутья не треснули.

— Иду, — говоритъ, — сейчасъ! — Глянулъ еще разъ на синія свои горы, прильнулъ головой къ холодной рѣшеткѣ, да и духъ отдалъ... „Марко,—кричу,—Марко! Богъ съ тобой, опамятуйся!“

А онъ,—онъ только упалъ на меня, ровно кленъ подрубленный.

Такъ разсказывалъ не разъ старый сторожъ, а слезы, какъ горохъ, катятся у него по старческому лицу.

Скоро дошла молва и въ Волошскій округъ. Пріѣхала старуха да и увезла дочку съ собою. Да только ужъ что съ того, коли она уже и мать свою не признала. „А ты кто будешь?“—все спрашиваетъ ее.

— Да я жъ твоя мать, дитятко!—голубитъ ее старая, умываючись кровавыми слезами.

Она только головкой качаетъ. „Нѣтъ, ты мнѣ не мать,— скажетъ,— развѣ жъ ты мнѣ мать?“

Однимъ воскресеньемъ, рано-рано, и умылась сама, и причесалась, и принарядилась, да такъ-то хорошо! — даже цвѣтами прибралась. А старая уже по усадьбѣ не ходитъ, и Богу перестала молиться.

А можетъ Господь добрый, думаетъ, умилосердится надо мной грѣшной! А можетъ Матерь Божія помилуетъ дитятко мое несчастное?

А она, сердешная, припала на колѣна предъ образомъ, ровно будто ангелъ небесный, молится, — припала какъ разъ предъ оконцемъ, а солнышко освѣтило все ея личико бѣленькое, да чело ея ясное. Подняла она руки къ матери и говоритъ: „Матушка, припадите и вы, да скажите мнѣ: „Отче нашъ“, а я за вами повторять стану!“

Старая тоже припала предъ образомъ и стала ей говорить и „Царю небесный“, и „Святый Боже“, а она, сердешная, такъ складно, да внятно за ней выговариваетъ. Только въ „Отче нашъ“ запнулась.

— Матушка, говоритъ (а сама пальчикомъ въ оконце показываетъ), охъ, матушка моя, смотрите... о, охъ-охъ, матушка моя дорогая!

— Да Богъ съ тобою, дочка,— голубитъ ее старая,—да нѣтъ тамъ ничего, сердце мое, ничего нѣтъ: вѣдь на оконцѣ только стаканчикъ съ цвѣточками, съ твоими цвѣточками...

— А межъ цвѣточками мой Марко! — Смотрите, смотрите, матушка, какъ онъ меня любовно кличетъ — выкликаетъ! А какой же онъ красивый! Охъ, да какой же красивый, матушка моя, да какой онъ ясный, да прибранный... а на лбу-то у него звѣздочка сіяетъ!.. Посмотрите-ка, матушка, не точно-ли звѣздочка?

— Дитятко мое дорогое, дитятко мое милое,—проситъ мать, за ручки ее взявши, — Богъ съ тобой,— нѣтъ тамъ ничего...

— Охъ,—вскрикнула, да и схватилась за сердечко,—иду, милый, иду, миленькій мой, жди!..—да и повалилась мамкѣ своей на колѣна, безъ души.

. . . .

Чрезъ два года выходила замужъ и Оленка. Господи, что же за красивая дѣвка изъ нея вышла, кровь съ молокомъ! Но старая ея ужъ не неволила. „Иди,—сказала,—дочка, за кого тебѣ мило да любо, а я себѣ пойду въ монастырь: можетъ быть, и замолю грѣхи свои непростимые. Да ужъ и проститъ ли мнѣ Богъ, что я три душеньки загубила?..“

Такъ-то вотъ старая говорила. А ея дочка выбрала себѣ молоденькаго слесаря, молодца такого, что не только на всѣ горы да на Буковину, а и на цѣлую рускую Украйну! Что онъ за вещи выдѣлывалъ! Что ружья, что пистолеты, что ножи, что за топорики мудреные придумывалъ,—не найдется такихъ на свѣтѣ. Вотъ и порошница, что на мнѣ, — это онъ дѣлалъ. А намедни хвалился, что думаетъ итти къ Станиславу, да на Марковой могилѣ крестъ поставить, да крестъ какъ разъ такой, какого еще и на свѣтѣ не бывало... Пусть Богъ ему въ томъ помогаетъ, о чемъ гадаетъ!..

БЕЗТАЛАННЫЙ.

Не то что на наше село, а на всю славную Буковину, если найдется такой хорошій парень, какъ Тодиръ Дугай, или такая красивая дивчина, какъ тоі старой вдовы Гребенихи дочка Олена, то пусть меня называютъ не моимъ именемъ, а брехачемъ! А что Тодирко съ Оленочкою любились, то это ужъ своимъ путемъ идетъ. Да какъ же имъ и не любиться, когда они сосѣди были, да еще и близкіе? Сосѣдямъ только и любиться. Какъ же иначе скажете?

Да наконецъ того, какъ они тамъ любились, крѣпко ли, али такъ себѣ только, не мнѣ это разбирать. Одно только вѣрно знаю, что Тодирко съ Оленою какъ будто не совсѣмъ одинъ въ другого вышли. Тодиръ былъ парень смирный, учтивый, простой, все только въ думахъ да мечтахъ жилъ. Олена же дивчина была шутливая, рѣчистая, вѣтреница, что твой мотылекъ лѣтомъ. Чтобъ она когда задумалась, съ роду того никто не видалъ. Вотъ такіе-то были полюбовники — Тодирко съ Оленою.

А старая Гребениха богачка была: спесивая, разсчетливая, да и съ долгимъ язычкомъ, что называется. Она и въ церковь не подастъ, на блюдечко ничего не положитъ и бѣдному не дастъ, а передъ людьми сумѣетъ себя показать!..

Она все была „несчастненькая“: у ней и пчелы не роились, и коровки молока не давали, ни съ овечекъ шерсти не настригала, — совсѣмъ-совсѣмъ была безталанная! А потомъ потихоньку и смѣется надъ глупымъ людомъ, что ее жалѣетъ.

Только одна душа на свѣтѣ и видѣла отъ нея ласку да почетъ: старая баба Ція, что на зернахъ ворожила, да по звѣздамъ гадала; и днюютъ и ночуютъ бывало вмѣстѣ, да по цѣлымъ ночамъ стоятъ, распустя косы, въ саду, считаютъ да выкликаютъ ясныя звѣзды. Еще и не смеркнется хорошенько, а ужъ Ція сидитъ себѣ предъ початкомъ на печи да зерно пересыпаетъ. Гребениха около нея.

— А что тамъ выпало, милушка?

— Да развѣ же я вамъ, касатушка, коли правды не говорила?—начинаетъ ворожейка:—у сердца колачъ, у порога колачъ, въ хатѣ голь, а это вотъ у меня сваты, любушка. Только вотъ здѣсь, съ лѣвой руки, малость неладно, но и то ничего—пройдетъ. А вотъ тутъ—зять богатый, съ подсолнышка: и подарокъ, и радость, и все скоро,—вишь никакой помѣхи нѣтъ. Коли не будетъ нынѣшней осенью свадьбы, въ лицо мнѣ наплюй!

— Вотъ только у меня еще дивчина молода,—говоритъ Гребениха, — а подумаю все жъ выдать, чтобы ужъ за разъ отъ этого Дугаева отбиться. Уцѣпился, тетка, за дивчину, ровно репейникъ за кожухъ, спаси Богъ!

— А дивчина какъ? — пытаетъ ворожейка.

— Дѣвка и въ мысляхъ не имѣетъ! Я говорю ей: коли хочешь — иди за Тодира, я тебѣ не мѣшаю. А она мнѣ: „мамка,—говоритъ,—да вѣдь больно ужъ онъ тихій! Я бы за нимъ совсѣмъ извелась...“

— Ахъ, любушка моя!—сказала ворожейка.

— А тутъ ужъ разговоровъ по селу полнымъ-полно,—жалуется Гребениха.— Знаешь, мать добрая, что я гадаю?

— Скажи, ласточка!

— Хочу выдать свою Олену за Митру Угринчукова. Я ужъ и съ старой сговорилась.

— Такъ вотъ какъ?

— Завтра сватаемъ...

Ворожейкѣ то и на руку.

— Ну, дай Боже, — сказала ворожейка;—я уже вамъ давно хотѣла это ска-

зать, да не смѣла. Я, милушка, крѣпко несмѣла сроду.

— А что это вотъ тутъ пало? — пытаетъ Гребениха и пальцемъ на кучку зерна показала.

— А это, лапушка, — это могила, только съ лѣвой руки, да чужая... да еще и совсѣмъ бѣдная, и тарелочки нѣтъ возлѣ!

Пока ворожейка ворожила, а на дворѣ ночь стояла звѣздная, да тихая; ничего не слыхать, только Днѣстръ шумитъ, да соловей свищетъ. А въ саду, подъ вишней, что бѣлымъ цвѣтомъ такъ и усыпалась, стоитъ Тодирко съ Оленою. Тодиръ плачетъ; Олена вишневый цвѣточекъ щиплетъ на кусочки.

— Загублю я себя, — говоритъ Тодиръ.

— Экой ты какой несуразный, Тодирушка, — отвѣчаетъ Олена, — на что себѣ такія мысли до сердца доводишь, коли я тебя люблю?

— Все говоришь, что любишь, а за другого идешь! — проговорилъ парень горько.

— Да развѣ жъ такъ не бываетъ, — сказала Олена и засмѣялась, — хоть и повѣнчаны, а съ другимъ любятся?

Посмотрѣлъ на нее Тодиръ пристально, покрутилъ головой, да и пошелъ. Дивчинѣ и „прощай" не сказалъ.

— Ступай, коли такой глупый! — промолвила вдовина дочка такъ-то ли гордо. Махнула рукой, да и пошла въ хату.

II.

У старой Гребенихи въ хатѣ свадебный вѣнокъ плетутъ да бояръ собираютъ, а Тодиръ ходитъ себѣ возлѣ Днѣстра да въ рожокъ играетъ. Играетъ, а крупныя слезы такъ его и обливаютъ. Засунулъ онъ рожокъ за поясъ да и запѣлъ:

Ой, засвіти, місяченьку,
Да й ти, зоре ясна!
  Ой въ лузі, въ лузі,
  У лузі пшениця—
Тамъ дівчина прекрасна!

—

Пшениченьку дожинае,
Все въ гору та поглядае;
  Ой чи высоко,
  Ой чи далеко
Сивий сокілъ підлітае!

—

Літае жъ винъ да литае,
Въ кватирочку зазирае:
  Ой сію руту,
  Ой сію руту—
Ой подай, душко, руку!

—

Рада жъ би я ручку дати,
Не зволяе стара мати:
  Ой взяла мати
  Нелюба до хаты—
Годі ручепьку дати!

—

Ой відсунься, дівча любе,
Да відсунься від нелюба:
  Зайду я з луга,
  Да забъю нелюба—
Да якъ того голуба!

—

Ой чи забъешь, чи не забъешь,
А серденьку тугу завдашь:
  Сідай на коня,
  Виізжай із двора—
Ты не мій, я не твоя!

—

Ой іду-ж я до Дунаю,
Да став же я да гадаю:
  Ой, гаю, гаю,
  Ти тихий Дунаю—
Я тонути въ тобі маю!

—

Да за марну причину,
За невірну дівчину;
  Ой гаю, гаю,
  Ты тихий Дунаю,—
Що я в тобі потопаю!..

Пошелъ домой. А дома ужъ младшій братъ дожидается.

— А вы гдѣ же были, братецъ?

— Гулялъ. А развѣ что такое?

— Да ничего, братецъ. Олена приходила, — звать васъ въ бояре.

Тодиръ на это ничего не сказалъ и пошелъ въ хату. Старая Дуганиха сидѣла за кросномъ, ткала сукно. Да какъ взглянула на Тодира, такъ у нея даже челнокъ изъ рукъ выскочилъ.

— Сынокъ мой, да что съ тобой?

— А что жъ бы такое? — говоритъ. — Ничего.

— Да ты же почернѣлъ весь, какъ головня?

— Вамъ такъ кажется, матушка; я все такой же.

Старая стала ткать, а сынъ пошелъ въ клѣть, на свадьбу собираться. Даже младшаго братишку кликнулъ, чтобъ ему пособилъ.

Черезъ двѣ минуты Тодиръ совсѣмъ принарядился, приготовился. Сапоги на немъ волошскіе, со сборами; штаны бѣлые; сорочка тонкая, золотомъ вышита; поясъ браный, боярскій; за поясомъ платокъ; на шеѣ косынка шелковая; на головѣ шляпа въ павлиньихъ перьяхъ да въ волошскихъ лентахъ, что можетъ въ цѣлой Буковинѣ такой еще не было!

Вышелъ изъ каморки. Кудри русые да золотистые такъ пышно расчесаны, вьются на головѣ, сіяютъ ровно золото. По-

дошелъ онъ къ матушкѣ своей старой, всталъ, посмотрѣлъ на нее долго-долго, потомъ поцѣловалъ ее въ ладонь, да и поклонился низенько.

— Матушка, — говоритъ, — благословите!

— А куда, сынокъ?—спрашиваетъ:—али на свадьбу?

— На свадьбу,—говоритъ.

— Благослови тебя Матерь Божія, дитятко! Да не засиживайся больно,—я одна въ хатѣ.

— Ну, я можетъ и засижусь, матушка.

— Ничего, дитятко, ничего. Не тужи только крѣпко. Не судилося, дитятко,—что жъ подѣлать!

Онъ тутъ заплакалъ. А братикъ младшій, Василько, какъ кинется ему на шею: „Братецъ мой дорогой,—говоритъ,—куда это вы идете?"

— На свадьбу, Васильку...

— А мнѣ все чуется, что я васъ больше не увижу! Тодирко, братецъ мой родной!..

Тодиръ поцѣловалъ хлопца въ голову, перекрестилъ, къ сердцу прижалъ.

— Васильку,—говоритъ,—я засижусь: не покинь мамку.

Поклонился да и ушелъ.

Плыветъ Днѣстръ, тихій, какъ русскій народъ, широкій, какъ его думы, глубокій, какъ его раны... По ту сторону—Галичина, по эту—Буковина. Тихій такой вечеръ былъ. Въ Крещатицкомъ монастырѣ звонили къ вечернѣ; вольно всходилъ мѣсяцъ: взошелъ, засвѣтилъ, засіялъ,—всю Буковину золотомъ облилъ. Соловейка пѣлъ въ кустахъ.

А на лугу стоитъ зеленый кленъ; обнялъ молодую калину, прижалъ ее къ себѣ. Старая верба наклонилась надъ ними, ровно родимая матка надъ своими дѣтками. Дивина подняла высоко-высоко свои золотыя да пахучія кисти; возлѣ нея разостлался зеленый барвинокъ, прижался, притаился, задумался. Черемуха пышная машетъ своими бѣлыми вѣтвями, словно богатая дочка своими писаными рукавами, а кудрявый дубъ стоитъ да смѣется, можетъ статься, той фіалочкѣ, что зацвѣла у него на корню.

По высокимъ да широкимъ днѣстровымъ берегамъ шелковымъ ковромъ разостлались молодыя травы, а по нимъ ходитъ хорошій-прехорошій паренекъ, ходитъ да въ рожокъ играетъ. А это былъ Тодиръ.

Долго игралъ онъ—то весело, такъ что чуть сердце не разрывалось, а то опять грустно, томливо. На берегу лежалъ бѣлый камень; сѣлъ онъ на тотъ камень, шляпу да рожокъ возлѣ себя на мураву положилъ, склонилъ голову на руки, задумался... А изъ села музыку было слышно, что играла у Олены на свадьбѣ.

— Что этотъ свѣтъ, что его любовь, что его доля? Свѣтъ—что волна Днѣстрова; вѣра—что глухой прибой ея о каменный берегъ; любовь...

Не досказалъ...

На другой день нашли только шляпу на берегу да рожокъ.

САФАТЪ ЗИНЫЧЪ.

Я ужъ не разъ въ иное время сижу себѣ да думаю: какъ это, на этомъ бѣдномъ свѣтѣ, какого-нибудь сердешнаго рекрута бьютъ да издѣваются надъ нимъ за эти науки! — а меня бывало и пальцемъ никто не тронетъ, не то что какъ. Ну, да ужъ и скоро же я набрался той муштры! Что бывало капралъ мой ни покажетъ, — я ужъ такъ точно и представлю.

Вотъ такъ майоръ нашъ и разсудилъ:

— Тебѣ, говорятъ, не при вербовкѣ маяться: скоро въ ученье, пойдешь въ полкъ.

Вотъ и пошелъ.

Нашъ полкъ стоялъ тогда въ самомъ Банатѣ, далеко. Чуть не два мѣсяца маршировали, пока дошли.

Я назначенъ былъ къ артиллеріи, въ первую роту, въ третій взводъ, что стоялъ по квартирамъ. И хорошія квартиры были! Все у сербовъ; богачи, знаете. Тамъ сытый край, не то что у насъ, али гдѣ. И велѣлъ мнѣ капралъ итти на квартиру съ однимъ старшимъ солдатомъ, Сафатъ Зинычъ прозывался. Господи, что за бравый вояка изъ него вышелъ! А ужъ гордый былъ, такъ и не высказать: настоящій буковинецъ. Я бывало его боялся, ровно какого офицера, а то и выше.

Такой-то вотъ онъ былъ, этотъ Зинычъ; и въ глаза ему бывало боязно было заглянуть.

А стояли мы на квартирѣ у одной вдовы. Болтали, что когда-то она богачка была, да на старости обѣднялa. Слаба ужъ была, — совсѣмъ лежала. Дѣтокъ не было у нея, только одна дивчина, Мартой звали, молоденькая да плохенькая, словно пташка лѣсная. Какъ бывало взглянешь ей въ глазки ея тихонькіе да добренькіе, либо на личико ея блѣдное, замученное, — чуть-что совсѣмъ не обомлѣетъ: такая ужъ безталанночка была!

У вдовы мы жили, какъ у своей родни. И хлѣбъ у насъ былъ одинъ, и соль никто отъ насъ не пряталъ. Сафатъ бывало и дровъ купитъ (онъ, видите, имѣлъ деньжонки... еще изъ дому) и насчетъ скоромнаго позаботится, что нужно. Крѣпко онъ жалѣлъ бѣдную вдову. А я и дровъ нарублю, и воды внесу, и вездѣ потружусь, гдѣ нужно, чтобы, знаете, все же полегче было дивчинѣ. А она, моя рыбка, бывало даже заплачетъ: „что это, скажетъ, Богъ васъ съ неба, что ли, послалъ къ намъ, бѣднымъ, или откуда?"

Какъ разъ въ ту пору, когда мы тамъ квартировали, ходилъ туда одинъ молоденькій сербъ, Янко звался; хорошій паренекъ, очень хорошій. А ужъ какъ любила его наша тихонькая Марта, такъ и въ пѣсняхъ можетъ такъ не бываетъ. Бывало, хоть одинъ вечеръ его не увидитъ, то и ужинать не станетъ, и глазоньки свои милые всѣ повыплачетъ, инда намъ жалко ея станетъ. А они были уже обручены другъ съ другомъ, такъ какъ тамъ, знаете, ужъ такой обычай, что за два или три года впередъ слово даютъ, а потомъ ужъ и вѣнчаются.

Вотъ ходилъ-ходилъ Янко, а дальше и пересталъ ходить. Разсказывали, что собирается за Дунай, на торговлю.

Наконецъ, ужъ и совсѣмъ не пришелъ. Надо быть уѣхалъ.

Однимъ днемъ, идемъ мы со службы и слышимъ: у насъ на квартирѣ гомонъ. Прибѣгаемъ, а ужъ тутъ всѣ хлопочутъ около сердечной Марты; а она ужъ мертвой на полу лежитъ, ровно пташечка убитая. Мы стали спрашивать, что это такое за горе стряслось, пока насъ дома не было. А люди все за разъ намъ и разсказали:

— Янко,—говорятъ,—вернулъ ей перстень; высваталъ себѣ другую, богачку,— у Василія Карадича, если знаете.

— Такъ это такъ?—сказалъ Сафатъ, а самъ понурилъ свои соболиныя очи въ землю. Ничего больше не сказалъ.

На третій день схоронили мы и Марту, и старую, а сами перешли на другую квартиру. Черезъ двѣ недѣли пошли потомъ слухи по селу: Карадичъ дочку отдастъ, а Янко ходитъ съ дружками отъ избы къ избѣ, да собираетъ къ себѣ бояръ, проситъ гостей на свадьбу.

Вечеромъ собрался и Сафатъ.

— А вы куда это?—спрашиваю.

— На свадьбу,—говоритъ;—ступай-ко, принеси мнѣ хорошаго вина ведро, для подарка!—И кинулъ мнѣ червонецъ.

Я побѣгъ. Прихожу, а Зиньча ужъ и слѣдъ простылъ,—ушелъ. Что тутъ дѣлать?—думаю себѣ. Взялъ вино да и побѣжалъ за нимъ. А у Карадича крикъ и гвалтъ на усадьбѣ.—Что тамъ такое?—спрашиваю народъ.

— Сафатъ Зиньчъ застрѣлилъ молодого.

Я остолбенѣлъ. — А гдѣ же онъ (Зиньчъ то-есть)?—спрашиваю.

— Пошелъ самъ подъ арестъ,—говорятъ.

Обрядили арестанта въ кандалы, да и засадили въ тюрьму. Осудили сердешнаго на десять лѣтъ тяжкой неволи.

Я провожалъ его до самаго города: такъ ужъ мнѣ его жалко было! „Братъ мой дорогой, товарищъ мой любезный, что это вы такъ понапрасну пропадаете?..“

— За правду, товарищъ!—промолвилъ, какъ въ колоколъ ударилъ, а самъ и глазомъ не моргнулъ.

Солдатъ былъ, точно!

КАКЪ РОДНЫЕ БРАТЬЯ.

I.

Мнѣ еще и двадцати лѣтъ не минуло, какъ мои золотые кудри облетѣли! Даже и попращаться не пускали, а велѣли сразу итти къ ротѣ. Съ великимъ трудомъ отпросился на три дня домой.

А дома тоска да плачъ. Матка расхворалась, плачучи (батьки давно уже на свѣтѣ не было), сестры ровно съ ума сошли, тоже голосили. Только братъ мой, Онуфрій, сидитъ себѣ у конца стола, — словно и не меня забрили. Бѣлый-бѣлый да сухонькій; лишь глаза свѣтятся.

— Братику, говорю, а вамъ меня не жалко?—Онъ мнѣ на это ничего не сказалъ, только двѣ крупныхъ слезы скатились по красивому да темному его личику. Заплакалъ и я, попращался, да и пошелъ.

II.

Служу годъ, служу другой, ни хмурый, ни веселый. Ничто меня не занимаетъ, ничто не тѣшитъ: волочу день за днемъ, черезъ пень колоду. Только и прибыли было, что, коли встану, бывало, на караулъ, поплачу себѣ тихонько или Богу помолюсь. Тогда мнѣ все какъ будто по другому глянется: и звѣзды иначе засіяютъ, и мѣсяцъ усмѣхнется, и соловейка прощебечетъ. А я себѣ встану, обопрусь на свое свѣтлое ружье, да слушаю или смотрю.

А въ казармѣ, какъ въ казармѣ: шумъ, крикъ, гдѣ кто ругается, гдѣ кто дерется, гдѣ кого другіе бьютъ. А я себѣ— какъ быть я — все молчу да свое дѣло дѣлаю. Господинъ капралъ Косовичъ, бывало, не разъ скажетъ: „вотъ, скажетъ, каменный человѣкъ! Я бы такъ не смогъ на свѣтѣ прожить“.

— А что жъ дѣлать, скажу, господинъ капралъ: мы не можемъ быть всѣ одинаковы.—Да и снова молчу.

Однажды вечеромъ сидимъ мы себѣ въ казармѣ: гдѣ кто еще копается около амуниціи, кто уже раздѣлся да трубку себѣ куритъ, съ пріятелемъ кое о чемъ разговоры разговариваютъ, а я стою себѣ у окна да думаю. Вдругъ бѣжитъ дневальный. „Не здѣсь ли, говоритъ, Иванъ Шовканюкъ?“

Меня ровно ножомъ рѣзнуло.

— Здѣсь, говорю.

— Завтра въ канцелярію. Тебѣ письмо пришло.

— Ладно, говорю.

А пріятели всѣ разомъ такъ и крикнули: „эге! — кричатъ, — съ деньгами! завтра Шовканюкъ угощаетъ!“ Ладно вамъ шутки шутить, думаю себѣ, да не такъ-то легко старой бѣдной вдовѣ дѣтей воспитать, да еще и весь хозяйскій обиходъ на себѣ нести!

А мой братъ, видите, уже три года какъ съ постели не встаетъ; сохнетъ да одной кровью харкаетъ.

III.

На другой день, рано, принарядился, прихожу въ канцелярію. Капитанъ такой сердитый, недобрый; подходитъ ко мнѣ.

— Какъ зовутъ? закричалъ.

— Такъ и такъ, говорю.

— На! крикнулъ, да и швырнулъ письмо мнѣ въ лицо.

Даже и не смотритъ на человѣка, а и взглянетъ, то словно собака изъ-подъ забора. Понесъ я свое письмо къ одному ефрейтору, что умѣлъ читать. — А ну,

господинъ служивый, прочитайте мнѣ это письмецо, будьте добры!

— Отчего нѣтъ, прочитаю. — Да и сталъ читать, а я слушаю.

„Братецъ мой дорогой и любезный!“ читаетъ ефрейторъ, а меня слезы такъ и давятъ.

— Дальше, прошу, дальше!

— „Ты меня ужъ не застанешь,—при смерти я.

„Да не вдавайся въ тоску, дорогой; ты знаешь, что я ужъ все равно не жилъ на свѣтѣ, а только мучился.

„Коли сможешь, приходи въ отпускъ, Ваня, такъ какъ наша матка одна остается. Сестры ушли на работу, внаймы, а Васильку взяли въ усадьбу къ воламъ.

„Воловъ своихъ продали,—нечего было дѣлать: за подати душу брали. И кожухъ свой долженъ былъ продать; но остальное кое-что стоитъ: коли не украдутъ на похоронахъ, такъ найдешь.

„Вуйко Андрей дюже насъ обидѣлъ: и послѣднюю коровину изъ хлѣва увёлъ. Ну, да не поминай его лихомъ, какъ придешь. Все-таки онъ свой.

„А теперь, братецъ мой Ваня, родной мой, прости меня: и первый разъ, и другой, и третій! А если тебѣ Богъ поможетъ, да коли въ силахъ будешь, поминай меня,

„Твоего родного брата Онуфрія“.

IV.

На другой день снова иду въ канцелярію. „Что еще?“ крикнулъ капитанъ.

— Прошу покорно пана капитана хоть на два мѣсяца въ отпускъ, у меня...

Господи! какъ ткнетъ мнѣ въ лицо,— только кровь потекла по бѣлому мундиру.

„Я вамъ задамъ отпускъ,—кричитъ,— таки-сяки дѣти! Арестовать его!“

Свели меня подъ арестъ, а мнѣ и горя мало: сижу себѣ, ровно это не я.

— Ну, еще достанется тебѣ,—сказалъ какъ-то капралъ.

— Ну, что жъ, говорю.

И охватили меня думы. Пойду, думаю себѣ, да утоплюся: чего на свѣтѣ и жить больше? Тамъ хоть увижусь съ братикомъ своимъ роднымъ, а тутъ только бьютъ да издѣваются. Боже ты нашъ, Боже!

V.

На третій день ведутъ меня опять въ канцелярію. Я стою. Сборъ былъ большой: капитанъ велѣлъ притти всѣмъ словакамъ, которыхъ въ сорокъ восьмомъ году въ Угорщинѣ навербовали. Было ихъ въ нашей ротѣ больше двадцати человѣкъ.

— А что,—пытаетъ меня капитанъ,— будешь еще въ отпускъ проситься?

— Нѣтъ ужъ, говорю.—А дума у меня одна: какъ только изъ канцеляріи, такъ пойду и утоплюся.

Подходитъ капитанъ и къ словакамъ. „Вотъ, говоритъ, пришло время и васъ отпустить по домамъ“.

Вотъ они обрадовались, Господи!

— Жалко мнѣ васъ, говоритъ капитанъ: пригодные вы хлопцы. А можетъ быть кто-нибудь поохотится остаться еще на годъ въ ротѣ? А? Вамъ хорошо будетъ.

Ни словечка въ отвѣтъ ему.

— А вы, капралъ Бая, не имѣете охоты еще годокъ послужить? У меня въ ротѣ добре!

Всѣ заразъ усмѣхнулись. Нашъ капитанъ да про добро говоритъ!

А Бая немного подумалъ. „Пустите, говоритъ, панъ капитанъ, Шовканюка въ отпускъ, тогда я вамъ еще годъ послужу. Вотъ такъ!“

Капитанъ не вѣритъ своимъ ушамъ: то на меня посмотритъ, то на капрала.— Это какъ же, говоритъ?

— Такъ точно, какъ говорю: пустите Шовканюка въ отпускъ, то я вамъ еще годъ отслужу. Пустите панъ капитанъ: у него братъ померъ; у него мать—старуха слабая, съ голоду гибнетъ,

— Пожалуй, сказалъ капитанъ, подумавши немного.—Шовканюкъ, иди въ отпускъ!

VI.

На другой день выдали мнѣ отпускную, дали мундиръ изодранный, дали шинель старую-старую да дырявую, да и пустили! А я ужъ такъ радъ! „А гдѣ же, говорю, мой панъ дорогой да золотой, гдѣ панъ капралъ Бая?“

— Да нѣтъ, говорятъ: — пошелъ въ городъ.

— Эко горе мнѣ! какъ же это я съ нимъ и не попрощался? Я подожду, пока они вернутся.

— Да не дожидайся ты долго, — сказалъ кто-то изъ взвода: — смотри, фельдфебель заберетъ тебя, тогда намаешься!

— Коли такъ, надо уходить, думаю я себѣ; — а пану моему капралу пусть Богъ дастъ, что самъ разсудитъ. Такъ подумалъ я да и пошелъ.

А за городомъ попалъ я не въ ту сторону; глядь — а капралъ Бая какъ разъ противъ меня. Такъ я обрадовался!

— Панъ капралъ, говорю, а я думалъ, что съ вами уже не увижусь больше. Что вы такъ скоро идете?

— Да я нарочно, говорятъ они, мнѣ съ тобой еще поговорить надо кое-что. А далеко тебѣ до дому? говори правду.

— Сорокъ верстъ, да еще сколько-то, говорю я.

Онъ ничего на это, только смотритъ на мою шинельку дырявую да качаетъ головой.

А холодъ такой, Господи спаси! Одно слово — передъ Рождествомъ Христовымъ.

— Пойдемъ, говоритъ, въ шинокъ, выпьемъ винца!

Выпили мы вина. Вотъ-то хорошо, Господи! Я его до этихъ поръ и не пивалъ. Какъ бы вотъ такого да брату моему хворому принести, думаю. (У меня все на умѣ, что я братика своего еще застану). Ну, ничего, думаю себѣ: что бы тамъ ни случилось въ Вижницѣ, — ни пить, ни ѣсть цѣлую дорогу не стану, а вина своему братику принесу.

— Пора мнѣ въ казармы, — сказалъ панъ капралъ, и вынимаетъ пять рублей, да и даетъ мнѣ.

— А это на что? — говорю я.

— На дорогу. Кабы я ихъ больше имѣлъ, я бы и больше тебѣ далъ, а теперь бери, что есть.

— Да я, говорю, возьму два рубля; мнѣ за глаза будетъ.

Онъ даже разсердился.

— Коли я тебѣ даю, такъ бери, говоритъ. — Если не на что другое пригодятся, то хотя кожухъ себѣ купи. Теперь студено.

Не хотѣлъ его я больше гнѣвить, взялъ. За два рубля, думаю, куплю маткѣ хорошій платокъ, теплый, на рубль — шелковый платокъ брату на шею, на послѣдніе два каждой сестрѣ по фартуку тонкому да широкому.

Попрощались: поблагодарилъ своего пана капрала, какъ умѣлъ, да и пошелъ. А такъ студено, что глаза замерзаютъ.

VII.

Еще и недѣли не прошло, а я ужъ былъ въ Вижницахъ. А это былъ какъ разъ сочельникъ: по хатамъ вездѣ огни, слышно, какъ люди радуются, сидя за ужиномъ, а я себѣ иду съ палкой въ рукахъ да думаю: что-то теперь у меня дома дѣлается? Братика моего можетъ и на свѣтѣ нѣтъ! А что матка? что сестры? Ну, да скоро увижу, думаю я себѣ, до дому развѣ что кое-какихъ мили четыре осталось, къ полночи приду, а можетъ и скорѣе. Посмотрѣлъ въ кошолку — всѣ ли подарки да гостинцы цѣлы, что въ Быстрицахъ, дорогой, закупилъ.

— Всѣ!

Иду дальше, даже и въ окна не смотрю, — тороплюсь.

А тутъ вдругъ такъ у меня и защемитъ на сердцѣ, какъ будто что за сердце-то мнѣ сосетъ, и дремлется мнѣ, ровно я пьяный, а у меня и крошечки хлѣба даже во рту не было, не то что чего другого! Да и не оттого, чтобы не было: было у меня въ кошелкѣ и два калача пшеничныхъ, и фляжка хорошаго вина, и рыбина, — да не буду ѣсть, думаю, домой принесу. А тутъ меня такъ и клонитъ ко сну! Сяду, думаю себѣ, отдохну маленько, а тамъ, отдохнувши, еще скорѣе пойду. Сѣлъ себѣ гдѣ-то у проулка, — и вдругъ въ глазахъ потемнѣло, за сердце схватило. Чтой-то, никакъ я замерзъ, думаю: хотѣлъ встать — не смогъ, повалился прямо въ снѣгъ. Спаси, Никола угодникъ, въ великихъ бѣдахъ нашихъ теплый заступникъ!

VIII.

Проснулся — а я ужъ не въ снѣгу, а въ хорошей теплой постели. Около меня жандаръ стоитъ, молоденькій, красивый, добрый да ясный стоитъ возлѣ меня да глядитъ мнѣ въ очи.

Я такъ и встрепенулся. — Ахъ, батюшки мои! Гдѣ это я?

— У меня, — говоритъ жандаръ: — какъ у своего родного брата, а можетъ и того больше. Не вставай, братикъ: ты больно слабъ...

Я тутъ заразъ припомнилъ и Онуфрія, и Баю, и свой отпускъ.

— А какъ же я сюда забрелъ? — спрашиваю.

— Лучше и не вспоминать, — говоритъ

жандаръ: — вчера я, съ ужина идучи, нашелъ тебя у забора, замертво.

— Ахъ ты, Господи милосердый!

— Такъ тебѣ и надо,—отозвался другой жандаръ — пузатый, что по хатѣ ходилъ да люльку курилъ: — не пей впередъ, бродяга! — А я въ тотъ день и воды во рту не имѣлъ, не то что вина. Вотъ люди!

У молоденькаго жандара только слеза въ глазу блеснула. Покачалъ онъ головой да и сѣлъ около меня на кровати. А толстомясый вышелъ изъ избы.

— Пане, говорю, а мундиръ мой цѣлъ?

— Э, говоритъ, не бойся: и мундиръ, и кошолка, и билетъ—все цѣло.

— Въ билетѣ у меня, говорю, письмо было.

— И письмо есть, говоритъ: — я нашелъ.

— Кабы я зналъ, гдѣ мой мундиръ, говорю, я бы собрался домой.

Хоть и невеселый былъ мой жандаръ, а засмѣялся.

— Кабы дня черезъ три еще, такъ и то хорошо бы.

Я даже изумился. — Что вы это говорите, пане? Вы не знаете, что у меня дома?

— Я все, говоритъ, знаю. Только докторъ не велѣлъ тебя пускать.

— А гдѣ же, говорю, этотъ докторъ?

— Онъ сейчасъ долженъ притти. Я ужъ послалъ за нимъ.

Пришелъ и докторъ.—Что, спрашиваетъ, какъ тебѣ?

— Ладно, говорю. Пустите домой,

— Еще тебѣ нельзя, — говоритъ докторъ:—ты еще больно слабъ.

Я сталъ его молить. — Пане, говорю, пустите меня. У меня дома и то, и это. Мнѣ не далеко.

Жандаръ что-то ему по-нѣмецки.

— Пожалуй сказалъ лекарь, — завтра можешь итти, а сегодня полежи еще въ постели, да пей капли, что я тебѣ принесъ. А тѣло мажь себѣ этой мазью.

Я такъ обрадовался. „Дай Богъ вамъ здоровья, пане докторъ“.

— Не меня благодари,—сказалъ докторъ,—а вотъ этого пана: кабы не онъ, ты бы ужъ и на свѣтѣ не жилъ!

IX.

Лежу я себѣ да думаю, а около меня сидитъ жандаръ да люльку куритъ.

— Чего, говоритъ, такъ задумался, другъ?

— Какъ не быть отчего? говорю.

— Не тужи, братъ, Богъ поможетъ. Пройдетъ горе,—будетъ радость.

— Кто бы узналъ, говорю, что съ моимъ братомъ сталось; хоть бы его еще живого застать.

— Лишь бы ты да я были здоровы,— сказалъ жандаръ.

Меня ровно ножомъ ударили.

— Развѣ вы знаете что? говорю.

— Твоего брата недѣля тому похоронили.—Да и заплакалъ.

— А вы развѣ моего брата знали?

— У меня, говоритъ, не было вѣрнѣе товарища по всей вашей Буковинѣ.

— А вы жъ откуда будете?

— Я-то? О, я издалека, друже, — изъ великой нѣмечины. Тебѣ не знать.

— Такъ какъ же вы спознались съ Онуфріемъ?

— Я не разъ, говоритъ, у васъ на квартирѣ стоялъ; вотъ тутъ и познакомились. Какъ было такую добрую душу не полюбить! Царство ему небесное.

— А не знаете — мои сестры пришли домой? Писалъ братъ, что обѣ онѣ въ работницахъ живутъ.

— Въ работницахъ, — говоритъ жандаръ, а самъ весь заревомъ вспыхнулъ.

Чудно мнѣ показалось.

X.

На утро ужъ мнѣ лучше стало. Благодаря Бога, собрался, да и думаю итти.

— Подожди,—говоритъ жандаръ, — за тобой сейчасъ подвода пріѣдетъ.

Черезъ часъ и подвода готова; сѣлъ я, да и поѣхалъ.

А какъ пришелъ домой, то чуть сума не сошелъ отъ того, что засталъ: въ хатѣ холодъ; мамка лежитъ на печи, еле жива. Василько прижался къ ней да проситъ хлѣбца, и весь дрожитъ. Тутъ и я въ двери.

— Добраго здоровья, матушка! Что подѣлываете?

— Да не ужъ это ты, сынокъ? Дай же Богъ тебѣ здоровья, что пришелъ, а я ужъ и не думала съ тобой свидѣться... Гибну сынокъ, съ голоду да холоду.

Сбросилъ я скорехонько свою дырявую шинельку да укрылъ матку, а самъ схватилъ топоръ, что стоялъ за лавкой, да въ лѣсъ! Мало годя, были ужъ и дрова

въ хатѣ, и огонь во всю печь. Для родной матушки скоро дрова рубятся!

— О, спаси тебя, Господи, сынокъ!— говоритъ матушка, какъ почуяла огонь въ печи. — Подойди ко мнѣ, дитятко, — дай я тебя благословлю.

Благословила.

— А когда, говорю, Онуфрія похоронили?

— Позавчера минула недѣля.

— А сказалъ что̀ ни то, какъ умиралъ?

— Ничего, сынокъ, не сказалъ, только се тебя ждалъ-поджидалъ. Нѣтъ, говоритъ, братца Ивана, нѣтъ и нѣтъ родного! А мнѣ все чуется, что онъ идетъ: да не далеко онъ отъ насъ—придетъ!— Да вздохнулъ тогда разокъ, и душу Богу отдалъ. Такъ и братца своего родного не дождался повидать!

Такъ около полуночи и сестры посбѣжались съ села.

— А что, говорю, сестрички? видно вы за своей маткой хорошо смотрѣли, нечего сказать! Кабы я не навернулся, такъ съ холода бы сгибла, и сама, и парнишка...

— А что жъ подѣлаешь, братецъ, — отзываются сестры, а сами плачутъ,— что подѣлаешь, коли у такихъ господъ служимъ, что и до церкви не пускаютъ, не то что. Вотъ и теперь убѣжали крадучись.

— А вамъ ничего за это не скажутъ?

— Пускай, говорятъ, пускай хоть убьютъ, да ужъ очень намъ хотѣлось съ вами, братецъ, повидаться. Не гнѣвайтесь!

Жаль мнѣ ихъ, чуть сердце не разрывается, но ничего не говорю—молчу. Вынулъ гостинцы и раздалъ. Только тотъ платокъ, что̀ брательнику купилъ, лишній остался!

XI.

На другой день пошелъ я къ жиду.— Дай, говорю, работу!

— Хочешь, такъ берись съ сажени, говоритъ.

— Ладно, говорю, возьму и съ сажени. Взялъ три ломтя хлѣба, соли взялъ, грошей; работаю, такъ работаю, ажъ потъ кровавый съ меня! А мнѣ сдавалось, что ровно и не работа это, а забава: для родной матери нѣтъ трудной работы...

Работаю недѣлю, работаю другую, а тутъ вдругъ бѣжитъ парнишка и плачетъ.

— Братецъ, говоритъ, идите домой, матушка больно слаба.

Бросилъ работу—бѣгу. Прибѣжалъ домой, а ужъ матка безъ души. И свѣчки некому было въ руки дать! Эко бѣдная!

— А что жъ ты мнѣ, малый, давно не далъ знать?—браню я хлопца.

— Я хотѣлъ, братецъ, да только матка меня не пускала,—говоритъ хлопецъ, плачучи.—Вы, матушка, слабы. Я пойду за братцемъ въ лѣсъ?—Не ходи, говоритъ, сынокъ, а то, гляди, на тебя еще собаки нападутъ да перепугаютъ. Не ходи сынокъ,—я еще въ силѣ.

XII.

Похоронилъ я матку, а самъ слегъ. Такъ слегъ, что еле въ памяти. Пришелъ попъ: плати, говоритъ, за похороны.

— Повремените, батюшка, говорю: выздоровлю—отдамъ, али отработаю.

— Нѣту, плати сейчасъ.

— Вотъ развѣ еще въ кошолкѣ у меня двѣ пары тряпья—берите пожалуй... да вотъ платокъ шелковый въ два рубля серебряныхъ.

— Давай сюда, — говоритъ попъ, — схватилъ кошолку, что висѣла у меня надъ головой, отдалъ ее понамарю, а самъ ушелъ—бранится.

А тутъ входитъ староста съ десятникомъ.

— Ты, говорятъ, подрядился у жида,— чего не робишь?

— Кабы я былъ куда теперь годенъ, говорю, я бы работалъ, а то сами видите, что не годенъ.

— Такъ давай задатокъ или землю въ залогъ, говоритъ староста. Жидовское не смѣетъ пропасть.

— Жидовское, говорю, не пропадетъ, а я землей не поручусь: земля сиротская, не одного меня. Поздоровѣю—жиду отработаю да еще и съ процентомъ.

Староста поворчалъ на меня да и ушелъ, но жидъ не ждалъ: на ту же недѣлю или на другую, пришелъ ко мнѣ опись дѣлать. А я еще лежу. Описали въ залогъ и землю, и избу. Я сижу на постели да плачу, такъ плачу, что чуть сердце у меня не выскочитъ. А тутъ и вбѣгаетъ Яковъ Нестерюкъ,—вбѣжалъ, да и остановился въ дверяхъ.

— Добрый вечеръ, братъ!

— Добраго здоровья. Садись—иди!

— Спасибо. А тебя забрали?

— Забрали, говорю.

— Жалко, что еще и шкуры съ тебя не содрали,—проворчалъ Яковъ.

— Отъ тебя, братъ Нестерюкъ, говорю, и такое слово дорого мнѣ услыхать. Мы, вѣдь, когда-то дружили съ тобой.

— Когда-то!—повторилъ горько Нестерюкъ.—А теперь?

— Теперь я въ горѣ, въ великой бѣдѣ. Не къ чему мнѣ и вѣрнаго товарища искать.

— Дуракъ ты!.. (Не при васъ будь сказано, мои любезные читатели!) Дуракъ!—еще разъ повторилъ Яковъ, да и вышелъ и „будь здоровъ" не сказалъ.

А на утро приноситъ мнѣ жидъ опись.

— На тебѣ, говоритъ: Яковъ Нестерюкъ мнѣ за тебя поручился.

— Какъ поручился?

— Вотъ такъ и поручился, что твою работу на себя взялъ. Онъ ужъ вотъ сегодня за тебя въ лѣсу рубитъ жерди.

XIII.

Яковъ Нестерюкъ былъ изъ нашего села, паренекъ хорошій да простой, такой душевный, что и сказать нельзя. Раньше еще, какъ меня забрали, мы съ нимъ дружили, а потомъ ужъ и не видались больше, такъ какъ онъ отъ насъ жилъ далеко, на другомъ концѣ. Только меня покойная мать извѣщала, что онъ, пока я былъ въ службѣ, остался безъ отца, безъ матери, да теперь самъ собой хозяйствуетъ, только съ сестрой (ихъ всего двое и было). Меня не разъ тянуло къ нему сходить повидаться, да все не смѣлъ,—такая ужъ видно натура. Кабы самъ онъ ко мнѣ не пришелъ, то кто знаетъ, когда бы мы и свидѣлись.

На другой ли, на третій ли день вечеромъ прибѣгаетъ ко мнѣ.

— А что, братъ, подѣлываешь?

— А что жъ мнѣ дѣлать теперь? Лежу!

— А знаешь ты, что я къ тебѣ пришелъ?

— Ну, послушаю.

— Я хочу у тебя поселиться, или ты ступай ко мнѣ!

— Какъ такъ?—спрашиваю.

— А вотъ такъ!—говоритъ Яковъ.—Ты хворый, кто е знаетъ, когда выздоровѣешь, а тебѣ нужно кого-либо въ хату, чтобъ и за хозяйствомъ посмотрѣть и чтобъ тебѣ было повиднѣй. Вотъ Богъ дастъ — скоро весна будетъ на дворѣ, надо пахать, сѣять.

— А у тебя жъ свое хозяйство?

— За мое не печалься: я и свое догляжу, и здѣсь буду. Такъ я завтра перекочую къ тебѣ, а?—Я хотѣлъ что-то сказать, да онъ не далъ и заикнуться.

— Дурень ты!—говоритъ, да и пошелъ, посвистывая, въ двери.

XIV.

Все идетъ дождь, долго идетъ, а тамъ и солнышко, глядишь, заиграетъ! Такъ и мое дѣло: Яковъ перешелъ ко мнѣ, долгъ мой заработанъ, попу заплачено, сестры тоже отработались—домой вернулись, а я самъ сталъ понемногу поправляться. Яковъ у меня какъ родной братъ: и меня тѣшитъ, и работаетъ, и поетъ, ровно соловей въ лѣсу. Весело мнѣ. А тутъ вдругъ прибѣгаетъ хлопецъ съ волости.

— Ступай, говоритъ: панъ старшина тебя требуетъ.

Прихожу къ старшинѣ.

— Ну что, говоритъ, выздоровѣлъ?

— Поправился немного, говорю.

— А дома какъ?

— Какъ, говорю: сироты вѣчные, безъ отца, безъ матери. Ежели меня, не дай Господи, вернутъ на службу — пропало все, и земля, и хозяйство.

— А какъ былъ боленъ, кто тебѣ помогалъ?

— Яковъ Нестерюкъ, говорю.

— Добрый хлопецъ!—сказалъ старшина.—А знаешь, что я тебя звалъ?

— Сами скажете, добрый господинъ.

— Пришла тебѣ отставка.

— Мнѣ отставка? говорю, а съ радости и въ себя не приду. — Какъ то можетъ быть, пане?

— Я писалъ объ тебѣ въ министерство, такъ какъ мнѣ жандаръ Тайверъ обо всемъ передалъ.

— Который это жандаръ? спрашиваю.

— А тотъ, что тебя на снѣгу нашелъ замерзшимъ. Я все знаю.

— Добрый пане, говорю, дай Господи вамъ всего хорошаго!

— Ладно, ладно, говоритъ старшина.— Ступай теперь себѣ домой, женись да становись полнымъ хозяиномъ. Будетъ ужъ батрачить, пора и людьми стать.

XV.

— Ну что тамъ? — спрашиваетъ дома Яковъ. Я показываю ему отставку да говорю, что̀ мнѣ старшина сказалъ. Яковъ загрустилъ.

— Нестерюкъ, говорю, братъ, али ты не радъ, что я на волѣ?

— Радъ, говоритъ, да не больно!

— Что такъ, соколъ?

— Ничего, говоритъ, все ладно...

— Нѣтъ, говорю, — ты меня такъ не проведешь: говори, что такое?

— А вотъ что, коли хочешь знать: намъ ужъ не жить вмѣстѣ.

— Отчего такъ?

— А оттого: поженишься ты...

— Ну, женюсь... Такъ что съ того?

— Ты—дурень! сказалъ Яковъ, а самъ сталъ свистать. (Онъ бывало всегда такъ, какъ осерчаетъ).

— А что было бы, кабы ты одного такого дурня послушалъ?—спросилъ я.

— Ну, слушаю, говоритъ.

— Отдай свою сестру за меня!

— Ой?

— Да ей-Богу.

— А я что буду одинъ дома дѣлать?

— Со мной жить, коли тебѣ по душѣ. А нѣтъ—и ты женись, будемъ оба хозяевами.

— Гмъ!—говоритъ Яковъ.

— Такъ-то, братикъ!

— Коли такъ, такъ ужъ и мнѣ развѣ жениться?

— А ну, женись, братикъ, безъ шутки!

— А отдашь за меня сестру?

— Моя сестра сирота, да еще и бѣдная. А ты богачъ!

— Ты — дурень! — говоритъ Яковъ, и сталъ веселѣй посвистывать.—Ну что жъ: отдаешь или не отдаешь за меня сестру?

— Да хоть обѣихъ, другъ!—говорю я.—А я...

— Эге! — крикнулъ вдругъ кто-то у насъ за плечами (а мы въ саду толковали, уже вечеромъ). — Не раздавай всѣхъ: и мнѣ надо хоть одну оставить!

Мы оглянулись, а мой жандарикъ молоденькій стоитъ за плечами, только въ мундирѣ одномъ, безъ амуниціи, да съ палочкой въ рукахъ.

— А! это вы, говорю, панъ мой золотой, ангелъ мой добрый, что два раза меня отъ смерти откупили! Ахъ, па̀нъ мой любовный да дорогой!

— Да ну тебя съ твоимъ панякань-емъ!—говоритъ жандаръ.—И не панъ я вовсе, а такой же мужикъ, какъ и вы.

— Да какъ же такъ? говоримъ.

— Вчера отставку взялъ. Да сказать вамъ прямо: дома у меня нѣтъ ни отца, ни матери, ни родни такой, чтобы мнѣ по душѣ. Вотъ и задумалъ себѣ тутъ, межъ васъ поселиться. Есть у меня деньжата, куплю себѣ земли хорошей, поставлю хату, справлю скотину, да и буду себѣ жить, коли Богъ поможетъ... Хозяйство я знаю.

Я такъ обрадовался, Господи!

— А вы, зна̀читъ... сказалъ было я.

— Да ну тебя съ твоимъ „выканьемъ"!—крикнулъ жандаръ. — Не говори мнѣ „вы", а просто по-мужицки—„ты"!

— Ну, коли такъ, пусть будетъ „ты"... А ты, значитъ, говорю, межъ нами, простыми русаками, жить хочешь?

— Я,—говоритъ Тайверъ,—вашъ русскій край да этихъ русскихъ людей полюбилъ, что и сказать нельзя! У васъ, говоритъ, такъ все душевно, обходительно, тепло, а у насъ, на нашей нѣмечинѣ, холодно, неприглядно какъ-то!..

— Ну такъ тебѣ жениться надо,—говоритъ Яковъ жандару. — Безъ женки не пойдетъ и хозяйство на ладъ.

— А ты какъ думаешь!—говоритъ жандаръ: — конечно жениться! А что моя Оленушка, моя зазнобушка подѣлываетъ? Сердце мое!

— Какая Оленушка?—пытаю я.

— А твоя сестра,—говоритъ Тайверъ.

— Какъ такъ!

— А вотъ такъ: слюбились мы вдвоемъ да и все! Ты не зналъ?

— А откуда-жъ бы мнѣ узнать? говорю.—Олена, ходи-ка сюда!—крикнулъ я.

Она пришла, да такъ застыдилась, что, кажись, и свѣта Божьяго не видитъ.

— Дѣвка, говорю, а что это я за рѣчи слышу? О-о?

Она мнѣ въ ноги.

„Братецъ, говоритъ, простите меня,— согрѣшила я. Я ужъ больше не буду!

— Ужъ больше меня не будешь любить? — говоритъ жандаръ и самъ застыдился.—Что ты мнѣ сказала, знаешь тогда, около церкви, а?

— Это все ты съ своими выдумками!— говоритъ бѣдная дѣвка, плачучи. — А я тебѣ тогда не говорила развѣ, что будетъ изъ того? А ты все свое... Братецъ, не сердитесь на меня, я ужъ на него и не посмотрю больше! Это онъ, ей-Богу онъ причиненъ, пусть самъ скажетъ—кто къ

кому первый присталъ... Да еще и съ своимъ морганьемъ поганымъ!

Мы какъ стояли, такъ всѣ и покатились отъ смѣха.

— Ну что жъ теперь будетъ?—пытаю я жандара.

— А вотъ что теперь будетъ, — говоритъ онъ:—я останусь у тебя, пока себѣ землю не высмотрю, да не справлю, что нужно. Тѣмъ часомъ, дастъ Богъ, придетъ Пасха, а тамъ и Троицынъ день, или какъ тамъ, а послѣ и свадьба... Ладно?

— А ты развѣ не слышалъ, что Олена тебя и знать не хочетъ? — говорю я, шутя.

— Да я, братецъ... Я только такъ... Я, ей-Богу, только такъ... Я...

— Не вертись, голубушка, только, а скажи просто, что любишь,—то и ладно! Мнѣ твоей комедіи не надо!

— Я только такъ, братецъ... Ей-Богу немножко...

— Коли только немножко, такъ я тебя за него не отдамъ. Что ужъ за согласъ между вами будетъ, коли ты своего мужа лишь немножко любить будешь?

— Да я его буду крѣпко любить!—говоритъ бѣдная дѣвка, и тутъ такъ застыдилась, что, кажись, и сама не знаетъ, гдѣ она стоитъ — на землѣ, или подъ землей.

— Коли такъ, говорю, такъ чего жъ иначе: поцѣлуйтесь! А теперь пойдемте-ка ужинать; проголодался ужъ я, только говоривши-то.

XVI.

Предъ Троицынымъ днемъ снарядились мы всѣ трое къ свадьбамъ.

Тоній,—жандармъ этотъ,—ужъ и землю свою имѣлъ, и хату, и скотины не мало, да и самъ разрядился! По нашему переодѣлся. Штаны на немъ красные какъ огонь, кафтанъ черный, сорочка расшитая, поясъ въ пять пряжекъ, шляпа въ золотѣ, да въ павьихъ перьяхъ!

А самъ—молодецъ молодцомъ! Сердешная Олена, какъ глянетъ на него, такъ вся и сомлѣетъ. И по-русски не сбивается, нѣтъ!.. Сроду никто бы не сказалъ, что нѣмецъ—русинъ-русиномъ!

За недѣлю предъ свадьбой, въ воскресенье (оглашенье уже было и невѣстъ пропили), сидимъ мы всѣ трое, бесѣдуемъ кое о чемъ, а я тоскую...

— Ты что тоскуешь?—пытаетъ Тоній.

— А такъ, тоска... Вы вотъ каждый нашли себѣ дружку, а у меня что? Да и облюбовать кого не знаю...

— А Андрея Сирмона?—говоритъ Яковъ. А тутъ вдругъ Марья (Яковлева молодайка), духа не переводя, въ избу.

— Братецъ, говоритъ, объ васъ какой-то вояка пытаетъ?

— Гдѣ? говорю.

— Да онъ за воротами.

— Чего жъ не йдетъ въ хату?

— Не желаетъ. Говоритъ, пусть самъ ко мнѣ выйдетъ.

— А какой онъ?

— Русый, высокій! Глаза какъ фіалки сини, а когда говоритъ, такъ ими такъ и играетъ.

Я не то что побѣгъ, а полетѣлъ изъ хаты.

— Бая,—крикнулъ, — панъ мой хорошій, соколъ мой ясный! вы ли это? али я пьянъ?

— Хе! Это самъ я и есть. Нашъ полкъ стоитъ теперь въ Черновицахъ. Услыхалъ, что ты женишься. Думаю, заодно ужъ навѣщу. Вотъ и отпросился въ отпускъ на 14 дней, чтобы у тебя погулять, да ужъ погулять на славу!.. Что, хорошо сдѣлалъ? А?

— О, говорю, панъ мой золотой, панъ мой дорогой!—А самъ такъ его обнимаю, чуть что не задушу.

— Да будетъ ужъ тебѣ, будетъ,—говоритъ Тоній, а самъ смѣется. — Лучше попросимъ-ка этого пана, чтобъ къ тебѣ въ дружки пошелъ...

— Съ удовольствіемъ!..—говоритъ Бая.

— Ну? Ну? говорю, а самому и не вѣрится.—Да развѣ жъ намъ пристало!

— Ты—дурень! — говоритъ Яковъ, и засвисталъ.

— Развѣ что такъ! говорю я, а самъ гляжу то на Якова, то на Бая.

— Ну что пустое болтать! — сказалъ Бая.—А вотъ, дайте-ка мнѣ сюда чарки!

А самъ вынимаетъ изъ кошолки бутыль съ вишневкой, чуть не въ четверть!

XVII.

Теперь мы уже давно женаты. У Тонія—моя сестра Олена, у Якова—Марья, а у меня Яковлева Катерина. Такое-то ли у насъ житье счастливое да любовное! И землю имѣемъ, и скотину, и пасѣку,

да еще и прудокъ хотимъ выкопать. А съ Тоніемъ да съ Яковомъ живемъ себѣ какъ кровные братья, про которыхъ сказано: „*Три якъ рідні брати*“. Какъ воскресенье, или праздникъ, а мы уже вмѣстѣ: сидимъ, совѣтуемся, балакаемъ, а коли охота заберетъ, то и выпьемъ по чарочкѣ, и пѣсни запоемъ. А никто такъ хорошо не поетъ, какъ мое сердечко, Катруся: какъ запоетъ, такъ ровно въ кленовый рожокъ заиграетъ! А Тоній за ней на скрипкѣ. Славно играетъ. А другой разъ вспоминаемъ прожитые года, когда на свѣтѣ бѣдовали, не знаючи доли. Потоскуемъ развѣ когда немножко,—но только немножко, а тамъ опять развеселимся, да и разойдемся тихо, смирно, дружно,—одно слово: счастливцы! Только братикъ мой Онуфрій не отзовется ужъ намъ, не посмотритъ на насъ взглядомъ своимъ тихимъ да ласковымъ, не промолвитъ рѣчей своихъ добрыхъ да разумныхъ: какъ спалъ, такъ и спитъ себѣ на погостѣ, возлѣ своихъ батюшки съ матушкой. А мнѣ все думается, что будто онъ не умеръ, что онъ долженъ оттуда притти... Да, должно быть, не вернется ужъ, сердечный другъ!..

